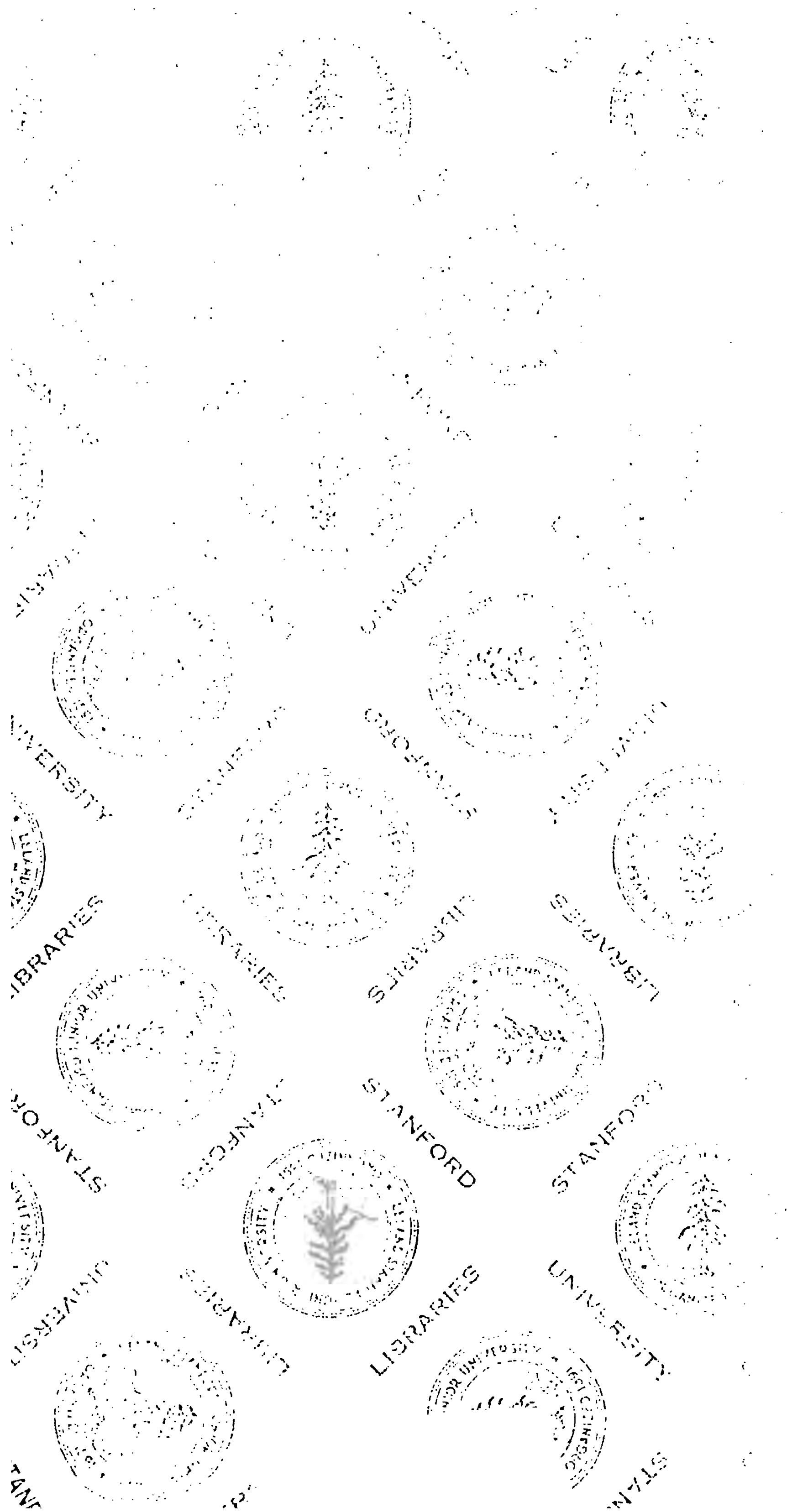
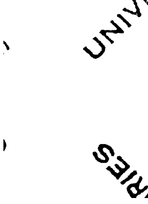
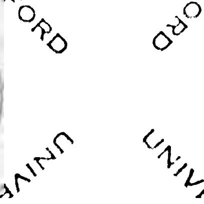
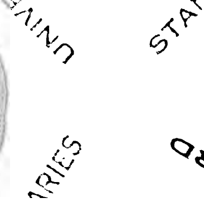

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Иванъ Сергѣевичъ

АКСАКОВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ УКРАИНСКИХЪ ЯРМАРОКЪ

ОПОЛЧЕНІЕ

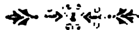
ПУТЕШЕСТВІЯ ЗА ГРАНИЦУ.

Томъ третій и послѣдній.

Письма 1851—1860 годовъ.

Цѣна 2 руб.

Съ портретомъ автора 33 лѣтъ.

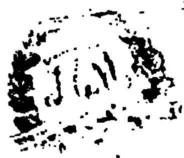


МОСКВА.

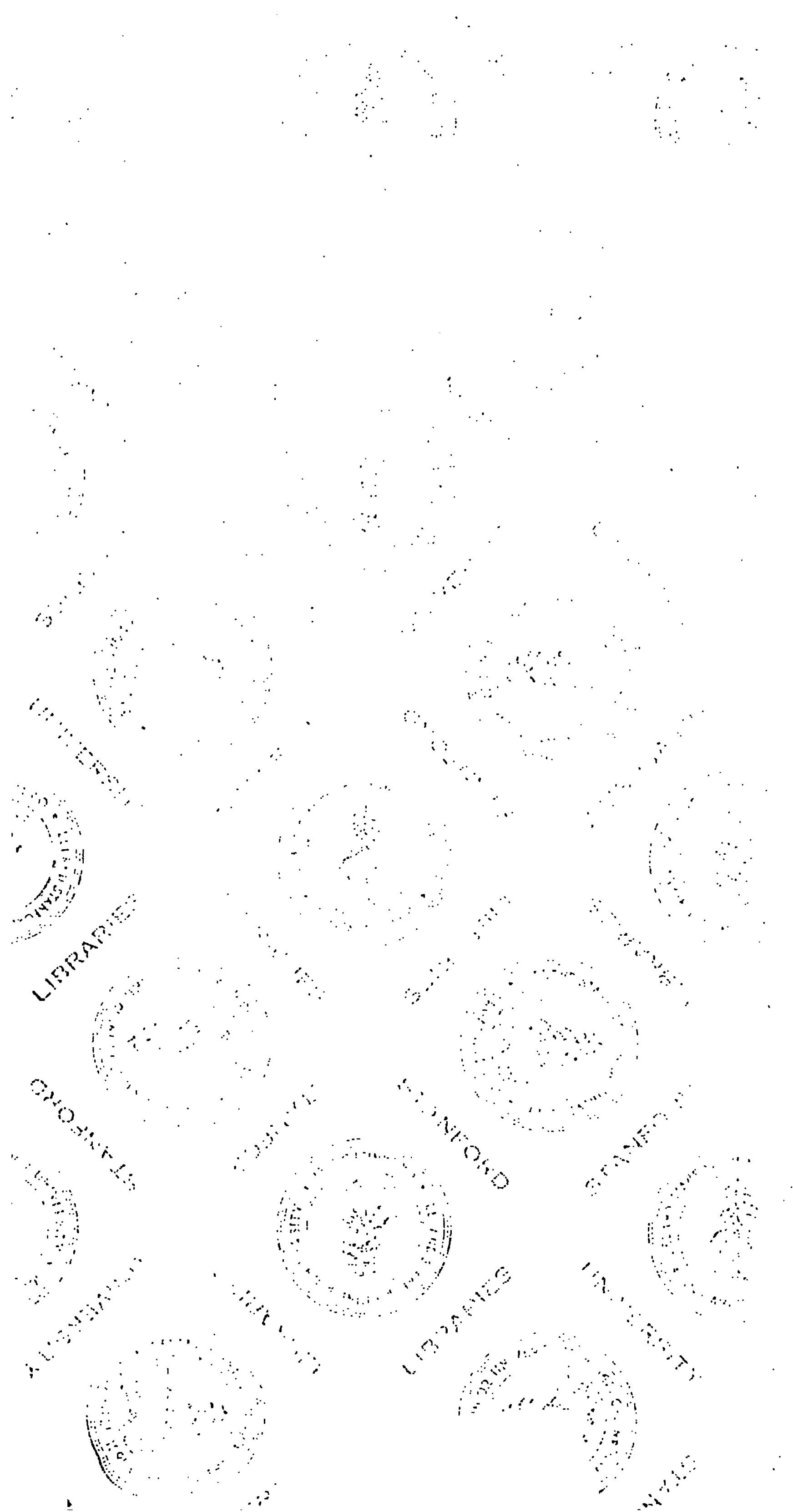
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій пер., д. Пустошкина

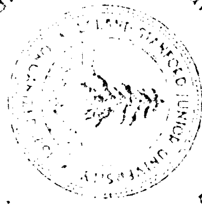
противъ Англійской церкви

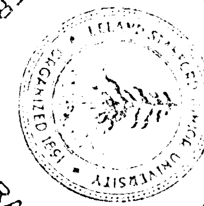
1892.



ія по


LIBRARIES
STANFORD
LIBRARIES





Иванъ Сергѣевичъ

АКСАКОВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

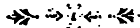
ИЗСЛѢДОВАНІЕ УКРАИНСКИХЪ ЯРМАРОКЪ
ОПОЛЧЕНІЕ
ПУТЕШЕСТВІЯ ЗА ГРАНИЦУ.

Томъ третій и послѣдній.

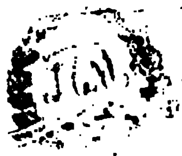
Письма 1851—1860 годовъ.

Цѣна 2 руб.

Съ портретомъ автора 33 лѣтъ.



МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій пер., д. Пустошкина
противъ Англійской церкви
1892.



1851.

Фототип. А. И. [illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

«Праздникъ Пасхи, онъ (Иванъ Сергѣевичъ) провелъ въ Москвѣ: гдѣ получилъ бумагу объ отставкѣ отъ службы и не вернулся больше въ Ярославль». Этими словами кончается второй томъ изданныхъ писемъ Ивана Сергѣевича Аксакова *).

Отставка его послѣдовала въ 1851-мъ году... И Иванъ Сергѣевичъ не только не вернулся въ Ярославль, но болѣе уже никогда не служилъ въ провинціи. Взглядъ его на провинціальную жизнь довольно рѣзко выразился въ небольшой статейкѣ «нѣсколько словъ объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ», предназначавшейся для напечатанія въ Московскомъ Сборникѣ, но за прекращеніемъ его ходившей по рукамъ въ рукописи, и надѣлавшей автору много враговъ среди его провинціальныхъ знакомыхъ **). Страхъ къ опошленію постоянно преслѣдовалъ Ивана Сергѣевича и не разъ пробивался наружу въ его стихотвореніяхъ, напр.

Не дай мнѣ опытомъ и лѣнью
Тревоги сердца заглушить!
Пошли мнѣ силъ и помощь Божью,
Мой духъ усталый воскреси,
Съ житейской мудростью и ложью
Отъ примиренія спаси.
Пошли мнѣ бури и ненастья,
Даруй мучительные дни,—
Но отъ преступнаго безстрастья.
Но отъ покоя сохрани!

Страхъ этотъ, заставляя его быть постоянно на сторожѣ и примѣнять къ себѣ даваемые имъ совѣты другимъ, былъ отчасти причиной, почему онъ упорно отка-

---

*) Къ прискорбію нашему, кончина супруги Ивана Сергѣевича, Анны Өедоровны Аксаковой, посвятившей остатокъ дней своихъ исключительно на это дорогое для нея дѣло, пріостановило на довольно продолжительное время это изданіе.

**) Смотр. приложеніе.

зывался отъ прочныхъ и выгодныхъ мѣстъ въ провинціи, когда ихъ ему предлагали. Мы встрѣтимся съ нимъ еще не разъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но всегда въ качествѣ изслѣдователя или временно командированнаго, или же добровольнаго дѣятеля. (Ополченіе).

Въ концѣ Іюня 1851-го года Иванъ Сергѣевичъ сопровождалъ отца своего и брата Константина въ поѣздкѣ за Волгу, предпринятой столько же для свиданія съ родными, какъ и изъ хозяйственныхъ соображеній, для обзора имѣній и положенія крестьянъ, оставленныхъ хозяевами 25 лѣтъ! Вернувшись оттуда осенью Иванъ Сергѣевичъ, оставаясь съ семьей, то въ Абрамцевѣ, то въ Москвѣ, хотѣлъ пріискивать для себя службу, но А. И. Кошелевъ сильно возсталъ противъ его намѣренія служить и обѣщалъ найти для него дѣятельность. Дѣятельностью этой явилось изданіе журнала «Московскій Сборникъ», на который А. И. Кошелевъ далъ свои деньги. Въ Ноябрѣ, Иванъ Сергѣевичъ уже былъ сильно занятъ скорѣйшимъ выпускомъ первой книжки Сборника, но по справкамъ оказалось, что даже при самой быстрой корректурѣ, типографія не можетъ печатать болѣе 3-хъ листовъ въ недѣлю, «а у насъ предполагается до 30-ти листовъ. Дай Богъ, чтобъ Сборникъ могъ выйти къ Марту»! говорилъ Иванъ Сергѣевичъ. Такая медленность оставляла ему достаточно досуга, который онъ и посвящалъ семьѣ своей, проводившей зиму въ Абрамцевѣ, исполняя разныя хозяйственныя порученія, печатая «Записки Ружейнаго Охотника» отца своего, и даже иногда отлучаясь, какъ напримѣръ въ Самару, и въ Курскую губернію въ г. Обоянь. 14 Января 1852-го года, Иванъ Сергѣевичъ уже подалъ офиціальную просьбу о дозволеніи задуманнаго изданія и тутъ же началъ печатаніе I-го тома, который вышелъ 21-го Апрѣля, и былъ встрѣченъ враждебно цензурой и Петербургской печатью. «Въ Современникѣ есть разборъ, но весьма сухой и недоброжелательный. Постараюсь достать его. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ Сборникъ горячо

разруганъ, (разбираютъ только статьи Кирѣевскаго и Хомякова)! Говорится, между прочимъ, что книга скучнѣйшая, что для нея и читателей на Руси не найдется, а о прочихъ статьяхъ даже не упоминаютъ. Въ Современникѣ про статью Константина сказано только, что эта статья, вѣроятно, вызоветъ ученый споръ, а потому «мы и не вдаемся въ разборъ ея», пишетъ Иванъ Сергѣевичъ отцу своему. Въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ совершеннѣйшимъ равнодушіемъ къ Гоголю, выработался взглядъ о неудобствѣ допускать въ печати разсужденія о немъ, и по поводу того, что Московскія Вѣдомости напечатали одну непропущенную Мусинымъ Пушкинымъ статью, была прислана Назимову отъ Гр. Орлова бумага, чтобы статей о Гоголѣ, присылаемыхъ изъ Петербурга не печатать: вслѣдствіе чего даже малѣйшее упоминаніе о Гоголѣ въ постороннихъ статьяхъ вычеркивалось цензурой; а такъ какъ въ первой же книжкѣ Московскаго Сборника было сказано отъ редактора нѣсколько похвальныхъ словъ о немъ, то и распространился слухъ о пріостановкѣ продажи Сборника. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ 27 Апрѣля 1852 г. къ отцу. «О Сборникѣ продолжаютъ утверждать, что онъ или запрещенъ, или его непремѣнно запретятъ: всѣ говорятъ, что въ частности придраться нельзя ни къ чему, но, что-то въ немъ есть дерзкое, что-то такое, чего съ 1848 г. въ Россіи не бывало, и проч. и проч. Статья Кирѣевскаго очень многихъ раздражаетъ.—Грановскій, котораго я видѣлъ, объявилъ мнѣ, что хоть онъ рѣшительно несогласенъ съ Кирѣевскимъ, но находитъ статью превосходною во многомъ, прекрасно изложенною и проч. и проч. Статья Константина ему чрезвычайно нравится и поразила умѣренностью тона, (что, впрочемъ, поразило многихъ), отчего никто не затрудняется признать ее «*чрезвычайно дѣльною*» онъ совершенно соглашается съ Константиномъ, говоритъ, что ошибки Соловьева и Кавелина очевидны, но что, конечно, обломки доисторическаго родоваго быта могли встрѣчаться и потомъ, и проч. Вообще же онъ Сборни-

1*

комъ очень доволенъ и говоритъ, что можетъ и непремѣнно приметъ участіе въ немъ. Я очень радъ этому мнѣнію Грановскаго, потому что нѣкоторые твердятъ о томъ, что возражать статьѣ Кирѣевскаго нельзя, что она въ духѣ Правительства и проч., слѣдовательно бросаютъ нѣкоторую тѣнь на Сборникъ. Вслѣдствіе усилившихся толковъ о Сборникѣ, вчера вечеромъ ѣздилъ я къ Львову—и узналъ отъ него слѣдующее: что въ Петербургѣ ждали его появленія съ нетерпѣніемъ, т. е. не публика ждала, а Правительство; что въ прошедшую пятницу получено отъ Назимова изъ Петербурга письмо, чтобы не выдавать пока билета на Сборникъ, но письмо уже опоздало, а потому Львовъ послалъ изданный Сборникъ къ Наумову, котораго во вторникъ или въ середу ждутъ сюда. Онъ думаетъ, что если достанется за что, такъ это за статью о Гоголѣ, и не потому, чтобъ она въ себѣ что-либо заключала, а потому, что она является въ то время, какъ Тургеневъ сидитъ на гауптвахтѣ, и такъ рѣзко противорѣчитъ фельетону Булгарина, выражающему, конечно, правительственный взглядъ на Гоголя. Вообще же эта статья имѣетъ большой успѣхъ». На этотъ разъ все обошлось благополучно и въ Маѣ мѣсяцѣ Иванъ Сергѣевичъ приступилъ къ составленію 2-го тома, который долженъ былъ выйдти къ 1-му Октябрю. Въ письмѣ къ Юрію Ѳедоровичу Самарину отъ 26-го Мая, прося его сотрудничества, Иванъ Сергѣевичъ пишетъ, что «перваго тома Сборника разошлось 750 экземпляровъ въ одинъ мѣсяцъ!» и такъ опредѣляетъ составъ 2-го тома: «1) Статья Хомякова (дополненіе къ статьѣ Кирѣевскаго). 2) Статья Батюшки: воспоминанія о знакомствѣ его съ Державинымъ. (Статья великолѣпная и довольно большая.) 3) Статья брата о богатыряхъ. 4) 12 русскихъ пѣсенъ изъ Собранія Н. В. Кирѣевскаго. 5) Статья Черкасскаго: Исторія Юрьева дня. 6) Статья Попова. 7) Уложеніе, данное крестьянамъ села Песочнаго — Кошелева, или уложеніе, данное крестьянамъ же Шиповымъ съ *моимъ* предисловіемъ. 8) Статья Шеппинга.

9) Глава изъ Бродяги. 10) Статья Кн. Георгія Львова — о поѣздкѣ его по Камчаткѣ: (много хорошаго). 11) Стихи Константина и мои. — 12) Смѣсь, мною составленная..... Кажется будетъ хороша, если.... если.... Видите, что недостаетъ только Васъ.....»

Такъ какъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ состоялось особое предписаніе отъ Министра о томъ, чтобы 2-й томъ Московскаго Сборника, *какъ только* онъ будетъ представленъ въ цензуру, немедленно прислать на предварительный просмотръ въ С.-Петербургъ; то Иванъ Сергѣевичъ счелъ за лучшее для выясненія благонамѣренности изданія, подавая 1-го Августа второй томъ выступить съ опредѣленной программой его *). Послѣ этого Иванъ Сергѣевичъ поѣхалъ въ Ярославль, «чтобъ возобновить для Московскаго Сборника свои связи съ купцами и проѣхать въ село Иваново (знаменитое), гдѣ есть у меня много знакомыхъ, готовыхъ увѣровать въ ученіе Московскаго Сборника». Вернувшись въ Москву въ Сентябрѣ, Иванъ Сергѣевичъ узналъ объ отставкѣ Кн. Львова и объ оставленіи Графомъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. О второмъ томѣ Московскаго Сборника, изъ Цензурнаго Комитета отвѣта еще не послѣдовало, и въ ожиданіи его Иванъ Сергѣевичъ провелъ зиму 1852—1853 г. въ Абрамцевѣ. Въ Мартѣ онъ все еще находился въ неизвѣстности объ участи Сборника, и 10-го Марта такъ писалъ къ А. И. Кошелеву изъ Абрамцева: «Пріѣзжать въ Москву, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, при такой гнуснѣйшей погодѣ и для собранія пустыхъ, каждый день измѣняющихся, слуховъ не стоитъ, да и не хочется, разъ втянувшись, прерывать свои занятія **). Обѣщаніе Цензурнаго Комитета дать на 1-й недѣлѣ поста положительный отвѣтъ не исполнено имъ и отсрочено до 2-й недѣли. Жду съ нетерпѣніемъ письма отъ Ник. Елагина.— Вижу, что Вы смѣетесь и

*) Смотри Приложеніе.

**) Чтеніе Таможенныхъ грамотъ.

удивляетесь, какъ могу я сохранять какую-либо надежду; надежды собственно на позволенiе я не имѣю, но надежду на полученiе хоть какого-нибудь положительнаго отвѣта, хоть запрещенiя, — еще питаю!»

Надежда эта оправдалась вполнѣ: Изданiе Московскаго Сборника было прiостановлено, съ воспрещенiемъ Ивану Сергѣевичу на будущее время быть редакторомъ и съ подчиненiемъ сотрудниковъ Сборника разнымъ цензурнымъ ограниченiямъ». Провести вновь зиму у себя на верху въ Абрамцевѣ за чтенiемъ таможенныхъ грамотъ (не смотря на глубокое убѣжденiе въ пользѣ этого труда) казалось ему невозможнымъ и онъ отправился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь устроить себя на зиму; тотчасъ по прiѣздѣ узналъ, что отправляется военный фрегатъ кругомъ свѣта, т. е. въ Японiю и къ устью Амура, — туда на мысъ Доброй Надежды, — оттуда на мысъ Горнъ, и разумѣется тотчасъ же возгорѣлъ желанiемъ прикомандироваться къ экспедицiи. Не находя лучшаго исхода для своей неугомонной дѣятельности, Иванъ Сергѣевичъ рѣшился отправиться въ кругосвѣтное плаванiе. Рѣшенiе это привело въ ужасъ всю семью. Мысль, что это путешествiе на три года, что столько сопряжено съ нимъ опасностей, не покидала мать его, и она всячески старалась его отговорить, но Сергѣй Тимофеевичъ писалъ сыну такъ: — «5 Сент. 1853 г. — Вижу я, какъ упорно владѣетъ тобою мысль кругосвѣтнаго путешествiя. Я понимаю ея заманчивую сторону; но въ тоже время убѣжденъ, что корабельное заключенiе, для такого человѣка, какъ ты, будетъ невыносимо: эта тюрьма мнѣ кажется отвратительнѣе всякой тюрьмы на землѣ. Тебѣ нужно дѣло постоянное, животрепещущее дѣло; для тебя и не плавучiй кабинетъ изъ котораго *некуда* выйдти былъ всегда несносенъ; читать цѣлые мѣсяцы сряду (да еще, что ты будешь читать?) и постоянно знать свое отдаленiе отъ земли на неизмѣримое пространство, по моему — хуже всякой работы на каторгѣ. Я тебя не удерживалъ и не удерживаю; но молю Бога, чтобы твое на-

мѣреніе не состоялось. Я не говорю уже ни слова о томъ, какому безпрерывному безпокойству подвергнешь ты свое семейство». Каждый день въ теченіе пяти недѣль бѣгалъ и хлопоталъ Иванъ Сергѣевичъ, чтобы добиться желаемаго, и наконецъ 1-го Сентября обратился письменно къ Гр. Орлову и 7-го Сентября пишетъ родителямъ: «Сейчасъ былъ у Дуппельта. Отвѣта отъ Гр. Орлова еще нѣтъ и предполагается, что курьеръ, повезшій мое письмо, уже не засталъ Графа въ Москвѣ, а поѣхалъ за нимъ вслѣдъ и отвѣтъ получится не прежде 4-хъ или 5 дней. Между тѣмъ Географическое Общество еще не собиралось. Если отвѣтъ получится дней черезъ 5, и благопріятный, то еще понадобится нѣсколько дней, чтобъ съѣздить въ Кронштадтъ, условиться, устроиться, явиться и пр., такъ что для поѣздки въ Абрамцево останется весьма немного времени. — Какая тоска! На дворѣ сѣро и сыро, дождь льетъ цѣлый день, а я нынче уже два раза выходилъ изъ дому. Кажется, я писалъ Вамъ, что въ середу отдалъ Дуппельту письмо свое къ Гр. Орлову, въ которомъ я прошу его исходатайствовать мнѣ у Государя дозволеніе отправиться на фрегатѣ Діана или на мой собственный счетъ, или на счетъ того вѣдомства (Министерства Народн. Просв. или Географическаго Общества, которое согласится дать мнѣ какое нибудь порученіе. Письмомъ Вы были бы довольны *). Изъ разговора, который я имѣлъ съ Дуппельтомъ, вижу, что репутаціи наши сильно подпорчены, что насъ понимаютъ совершенно ложно и всѣмъ нашимъ статьямъ и дѣйствіямъ дано превратное толкованіе, что Московскій Сборникъ у нихъ въ свѣжей памяти.—Вчера, по приглашенію Блудовой, обѣдалъ я у нихъ въ Павловскѣ и читалъ имъ послѣ обѣда свои «Судебныя сцены»**). Блудовъ былъ въ восторгѣ. Вообще, эти сцены здѣсь въ большомъ ходу. Былъ я на прошедшей недѣлѣ какъ то вечеромъ у Корша. Онъ рѣшительно муче—

*) Смотри Приложеніе.
**) Смотри Приложеніе.

никъ здѣсь въ Петербургѣ, только и грезитъ Москвою, и никакъ не можетъ сблизиться душою съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежитъ. Я былъ у него по его просьбѣ, а жена его говоритъ, что онъ только и оживаетъ и веселъ становится, когда видитъ кого нибудь изъ Московскихъ. Анненковъ тоже тянетъ къ Москвѣ, хотя съ меньшимъ мужествомъ. Въ здѣшнемъ литературномъ кругу, который я встрѣчаю у Милютина, и который, впрочемъ, относится къ намъ съ великимъ уваженіемъ, называютъ насъ вообще «Московскими пророками», не только насъ, но и Грановскаго и Корша, и надъ Анненковымъ смѣются (даже стихи сочинили), что онъ поклоняется пророкамъ. Словомъ всякій, не мирящійся съ пошлостью и называющій подлость подлостью, а не «*практичностью*», называется зараженнымъ Московскимъ пророчествомъ. Я здѣсь поневолѣ завелъ разныя знакомства, въ разныхъ слояхъ общества и узналъ Петербургъ довольно близко. Онъ всегда былъ мнѣ отвратителенъ, а теперь еще гаже.

Восточный вопросъ все еще не разрѣшается. Турція дуритъ, не хочетъ посылать посланника прежде, чѣмъ выведутъ войска изъ Княжествъ, не принимаетъ принятой Россіею конвенціи, сочиненной въ Вѣнѣ посланниками 4-хъ державъ, продолжаетъ вооружаться и проч., требуетъ опять къ себѣ Господарей. Право, если будетъ война и не пустятъ меня въ море, не вступить ли мнѣ въ военную службу волонтеромъ? Пожалуй и туда не пустятъ!»—Наконецъ былъ полученъ отказъ. «Въ этомъ отказѣ», пишетъ Иванъ Сергѣевичъ, «виноватъ одинъ Московскій Сборникъ! Петербугъ создалъ себѣ какіе-то страшные фантомы, которыми пугаетъ себя и другихъ и рѣшительно возбраняетъ намъ всѣ пути дѣятельности».

Тѣмъ не менѣе ему удалось черезъ Штейнбока получить отъ Географическаго Общества порученіе отправиться на годъ въ Малороссію для обозрѣнія и описанія главнѣйшихъ Украинскихъ ярмарокъ. Обозрѣніе должно было начаться съ Сумской ярмарки (22 Ноября), а

потому Иванъ Сергѣевичъ въ концѣ Сентября вернулся въ Абрамцево, гдѣ пробылъ мѣсяцъ въ ожиданіи оффиціальной бумаги о командировкѣ, получивъ которую простился съ семьей и, съѣздивъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, проѣхалъ уже прямо черезъ Москву, не заѣзжая въ деревню, къ мѣсту своего назначенія и 21-го Ноября былъ въ Сумахъ.

Три письма къ А. И. Кошелеву.

25 Ноября 1853 г. Сумы.

Вотъ я и въ Сумахъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, верстъ за 700 отъ Москвы. Быстро перенесся я въ міръ, совершенно отличный отъ нашего обыденнаго быта, въ міръ интересовъ, совершенно мнѣ чуждыхъ, въ среду, совершенно для меня новую! Покуда дѣла еще немного; оно только еще накапливается. Я похожъ теперь на губку, отвсюду вбирающую въ себя влагу; такъ и я ежеминутно вбираю, втягиваю, всасываю въ себя свѣдѣнія, наблюденія, замѣчанія, факты, впечатлѣнія, непрерывно слѣдующіе одно за другимъ. Я стараюсь насквозь пропитаться букетомъ (ароматомъ) края, чтобы лучше его понять и судить о немъ. Думается мнѣ, что путешествіе мое будетъ не безплодно для меня—и что я, по окончаніи года, буду въ состояніи написать цѣлое сочиненіе о Малороссіи, довольно занимательное и любопытное. Сами собою возникли здѣсь многіе вопросы, на которые пріискать отвѣты было бы весьма важно, и если-бъ мнѣ это удалось, если-бъ мнѣ удалось изучить и разсмотрѣть Малороссію съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя я себѣ установилъ,—то по совѣсти я бы почелъ свое странствованіе не безполезнымъ. Но тѣмъ не менѣе, покуда я еще не поглощенъ дѣломъ, сидя здѣсь въ Сумахъ,—въ долгіе зимніе вечера, страннымъ кажется мнѣ иногда видѣть себя перенесеннымъ въ такую даль и въ такую глушь и невольно спросишь себя: очень нужно было забираться сюда! угораздитъ же человѣка создать себѣ такое особенное неестественное положеніе!—Знаю, что подъ часъ мнѣ будетъ скучно, знаю, что къ концу года мнѣ очень и очень надоѣстъ это безпре-

ывное кочеванье, — однакожъ, знаю и то, что, возвратясь омой, въ Абрамцево, проживъ полгода мирно на мѣстѣ, я новь захочу подвергнуть себя и тоскѣ одиночества и всѣмъ орожнымъ неприятностямъ, лишеніямъ и досадамъ, словомъ опять приправить прѣсность жизни разными пряностями — і вновь уйду странствовать... Все это не хорошо, спорить ъ Вами не буду, все это показываетъ незрѣлость, недостаокъ пониманія жизни, трусость борьбы съ самимъ собою ъ области ежедневнаго мирнаго труда и проч. и проч. Ваши упреки будутъ справедливы, не смотря на то, что вы ами, изъѣздивъ милліона четыре верстъ, усѣлись на мѣстѣ олько на 44-мъ году... Ну да не объ этомъ рѣчь. — Что се сказать вамъ о Сумахъ и вообще о Малороссіи (должны Вы знать, что изъ Обояни въ Сумы я проѣхалъ проселкомъ, ерстъ 129, на долгихъ)? Лучше ничего не говорить, потому то все, что я могъ бы сообщить любопытнаго собственно ия Васъ, — а сообщить есть что, — неудобосообщаемо на исьмѣ; а другая сторона моего путешествія, область поэтиеская, — впечатлѣнія, насылаемыя на меня художественною релестью Малороссіи, — для Васъ, вѣроятно, не такъ интересны, особенно въ настоящую минуту, — да по правдѣ сказать, мнѣ и совѣстно было бы признаваться вамъ въ моемъ ючувствіи къ Малороссіи, раскрывать передъ Вами всю силу эго обаянія, которымъ она уже начала обдавать меня. Все то, разумѣется, касается только одной стороны моего существованія, не ослабляя другихъ отправленій духа, но тѣмъ е менѣе говорить объ этой сторонѣ могу я только съ немногими, — и — сказать ли? скорѣе съ Хомяковымъ и Самаринымъ, чѣмъ съ Вами и Константиномъ. Съ Константиномъ отому, что — дыша теперь рѣдкимъ воздухомъ горнихъ высотъ философской мысли, отвлеченной, логической, — онъ падаетъ въ крайность, воздвигаетъ гоненіе на искусство, аходитъ, что «die reine Gestalt» природы зимою, подъ поровомъ снѣга, лучше природы въ лѣтнемъ убранствѣ жизи; — съ вами потому, что вы слишкомъ погружены въ чтеіе Св. Отцевъ, и потому, что съ Ефремомъ Сиринымъ не танешь толковать напримѣръ о красотѣ Украинской ночи Украинскихъ мелодій, и вообще съ тѣми Св. Отцами, коорые видѣли жизнь только въ пещерѣ и примиреніе только

въ пустынѣ. Впрочемъ, я убѣжденъ, что съ Григоріемъ Богословомъ и съ Димитріемъ Ростовскимъ можно было бы толковать и объ этомъ!... Кстати о Хомяковѣ. Я пріѣхалъ къ нему на другой день своего отъѣзда изъ Москвы, часу въ 3-мъ дня, и, не заставъ его дома, отправился въ Тулу, гдѣ и нашелъ его въ гостинницѣ. Изъ Тулы я поѣхалъ съ нимъ опять въ Богучарово, гдѣ ночевалъ и на другой уже день въ полдень отправился въ путь. Я испыталъ истинное наслажденіе въ бесѣдѣ съ нимъ. Все такъ свободно, просторно и свѣтло въ его взглядѣ. Когда повидаетесь съ нимъ, то спросите у него объясненія на текстъ: «Христосъ, сошедъ во адъ, духомъ проповѣда».—Въ Москвѣ я успѣлъ только прочесть ваше письмо о дьяволѣ. Я вполнѣ согласенъ съ Вами, но не знаю, въ какой степени ваше мнѣніе согласно—не съ *истиною*, хранимою Церковью, а съ ученіемъ Церкви и Катехизисомъ Филарета. — Замѣчанія Ваши объ упоминаніи дьявола и бѣсовъ въ разныхъ мѣстахъ Евангелія весьма важны: пересмотрю всѣ эти мѣста. Но, признаюсь, мѣсто о свиньяхъ, утопившихся въ морѣ, остается мнѣ темнымъ; надо объ этомъ подумать, а Вы сообщите мнѣ свои толкованія. Въ началѣ Декабря я думаю быть въ Харьковѣ, хотя впрочемъ ярмарка продолжится здѣсь до 8-го Декабря. — Еще не знаю, въ Москвѣ ли Вы. Пишите мнѣ въ Харьковъ. Прощайте, будьте здоровы, обнимаю Васъ и Вашего сына.—Какъ досадно, я не успѣлъ прочесть другихъ Вашихъ писемъ къ Кирѣевскому. Впрочемъ прочесть ихъ недостаточно, ихъ надо имѣть подъ руками. Кланяюсь Самарину и Елагинымъ. Будьте здоровы.

8-го Декабря 1853 г. Харьковъ.

Спасибо Вамъ за письмо, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, письмо, писанное 1-го Декабря. Дай Богъ, чтобы глаза Ваши, когда получится этотъ отвѣтъ, пришли въ свое нормальное положеніе; въ противномъ случаѣ Вамъ будетъ трудно разбирать мой мелкій почеркъ. Впрочемъ, у Васъ есть чтецы и письмо мое послужитъ матерьяломъ для чтенія вечеромъ, когда нѣтъ еще у Васъ гостей. Интересно было бы

мнѣ очень, очень прочесть Вашу переписку съ Ив. Вас. *) о Вине. Ольга Ѳедоровна отдаетъ преимущество Вашему письму; я убѣжденъ также, что буду согласенъ съ Вами, а не съ Кирѣевскимъ. Странное дѣло, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, но стоитъ надъ этимъ задуматься: отчего нѣтъ у насъ, въ православной церкви, *не было и быть не можетъ* такихъ проповѣдниковъ, какъ Вине; такихъ произведеній какъ произведеніе M-rs Stow, того жизненнаго христіанскаго элемента, которымъ проникнуты сочиненія нѣкоторыхъ реформатскихъ учителей? Требованія ли ихъ менѣе строги, идеалъ ли ихъ уже и короче? Не думаю. Ну что наши витіи и риторы, съ ихъ велерѣчіемъ, въ сравненіи съ рѣчью Вине, или хоть Московскаго пастора (фамилію я забылъ, спросите у Ольги Ѳедоровны, я самъ его не слыхалъ), отъ которой такъ и пышетъ жизнью и искренностью! Я уже видѣлъ многихъ (и именно въ Петербургѣ), обращенныхъ къ христіанству чтеніемъ la case de l'oncle Tom, и не видалъ еще ни одного обращеннаго проповѣдями Филарета. Но тутъ я знаю, и Вы на меня вскинетесь. Постойте, постойте. Я вѣдь говорю не объ истинѣ догматовъ православія, объ этомъ нѣтъ и спору, не о той единой, святой Церкви, Церкви живыхъ и мертвыхъ, о которой писалъ Хомяковъ, но о Церкви исторической, если можно такъ выразиться,—Церкви, въ которую необходимо внести этого жизненнаго элемента.— Филаретъ весь живетъ и движется подъ условіями этой исторической Церкви; его проповѣди—не живое слово *личности*, проникнутой искреннимъ убѣжденіемъ и горячею любовью, a Meisterstücke офиціальнаго витіи. Если западъ грѣшитъ развитіемъ личности, то мы, кажется, грѣшимъ безличностью, т.-е. уничтоженіемъ личности всюду, въ семьѣ, въ общинѣ и преимущественно въ сословіи духовномъ и въ жизни церковной. Отъ того мы такъ пренебрегаемъ и личною нравственностью священниковъ, видя въ нихъ только офиціальныя трубы, органы, чрезъ которые дѣйствуетъ и вѣщаетъ Церковь. Но этого мало человѣку! Живому лицу мудрено сдѣлаться офиціальною трубою; много долженъ онъ въ себѣ убить живаго, законнаго личнаго начала. Иначе пропо-

*) Кирѣевскимъ.

вѣдалъ Петръ, иначе говорилъ Павелъ. Нужна постоянная, живая, личная проповѣдь человѣку.—Впрочемъ—предметъ этотъ такъ обширенъ, что о немъ надо писать цѣлую книгу, а выражаясь немногими словами, боюсь быть непонятымъ. И такъ оставимъ это. Но я думаю, что въ спорѣ Вашемъ съ Кирѣевскимъ по поводу Вине, вы непремѣнно коснетесь общаго вопроса о значеніи и характерѣ проповѣди, о личномъ элементѣ, допускаемомъ въ проповѣди и проч. и проч. Или вы можетъ быть спорите только о содержаніи проповѣдей?— Но покуда вы тамъ спорите и пребываете въ сферѣ мысли, болѣе или менѣе отвлеченной, я ѣзжу и посматриваю, какъ живетъ себѣ и поживаетъ въ настоящую минуту та русская жизнь, которая большею частью заслонена отъ насъ небольшимъ кружкомъ, гдѣ мы пребываемъ.—Въ послѣдній разъ я писалъ Вамъ про обаяніе Малороссіи. Это впечатлѣніе теперь совершенно исчезло, во-первыхъ потому, что я убѣдился, что Харьковская губернія вовсе не Малороссія, во вторыхъ потому, что живу теперь въ губернскомъ городѣ,— а губернскіе города мнѣ такъ противны, что никакое обаяніе не держится въ душѣ. Впрочемъ Харьковская губернія дѣйствительно хуже другихъ, и я Вамъ это все сейчасъ объясню. Не хотѣлъ было вовсе до поры до времени сообщать характеристики тѣхъ мѣстъ, по которымъ путешествую, но трудно отъ этого воздержаться. И такъ слушайте, если это Вамъ интересно. Да разумѣется интересно, должно быть интересно; а если бъ даже и скучно было, то Вы обязаны знать, что такое Харьковская губернія. Харьковская губернія стала заселяться всего 200 лѣтъ тому назадъ. Это была безлюдная страна, принадлежавшая Россіи, русская (не малороссійская) Украйна. Правда, она стала заселяться выходцами изъ Малороссіи, Казаками же, образовавшими здѣсь особые полки, но заселеніе это происходило на русской землѣ, съ дозволенія московскаго правительства и въ духѣ московскаго правительства. Потомъ явились пришлецы изъ Великой Руси и изъ другихъ странъ (отчасти Сербы, на югѣ), люди вольные, которыхъ впослѣдствіи Екатерина II раздавала въ подарокъ русскимъ чиновникамъ, завелись помѣщики, и такимъ образомъ населилась и составилась губернія, которая, не имѣя никакихъ преданій, никакой ту-

земной исторической жизни, имѣетъ всѣ невыгоды страны порубежной. Дѣйствительно хохлы здѣшніе порусѣли, Русскіе утратили чистоту рѣчи и особенность своего народнаго типа. Здѣшнихъ крестьянъ-Малороссовъ гдѣ-нибудь, «подъ Полтавой» дразнятъ Москалями, а Русскіе бранятъ хохлами. Говорятъ они и по-малороссійски, и по-русски и на обоихъ нарѣчіяхъ дурно; одѣваются по-хохлацки, а между тѣмъ отпускаютъ бороду по русскому обычаю (не всѣ впрочемъ). Мѣщане и мѣщанки, носившіе прежде малороссійское платье, теперь его сбросили и надѣли русское, т.-е. нѣмецкое. Побѣдоносенъ элементъ великорусскій и мало по малу все подчиняетъ своему вліянію, но во имя великорусскаго элемента вносится сюда великорусская мерзость; или, лучше сказать, побѣждаетъ не великорусскій элементъ, а какой-то нѣмецко-россійскій, трактирно-московскій, расейско-лакейскій. У насъ, въ Россіи, мы говоримъ, что народъ портится благодаря подражательности Западу нашего сословія,—но то, что мы признаемъ *искаженіемъ* нашего быта, является въ Украйнѣ *образцомъ* чисто-русскаго быта. Русское племя является здѣсь племенемъ господствующимъ, выше стоящимъ и по образованности и по духу; Русскій мужикъ—аристократомъ передъ хохломъ-плебеемъ, который естественно старается самъ походить на аристократа. Вы можете въ Харьковской губерніи услыхать хохла, медленно ѣдущаго на своихъ волахъ и распѣвающаго какую-нибудь пѣсенку великорусско-фабричнаго сочиненія про вѣроломную и влюбленную Машу, приставляющую къ бѣлой груди пистолетъ! Со времени учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ во всѣхъ селахъ заведены школы, гдѣ проходятъ русскую грамматику и учатъ русскому языку. Но настоящіе цивилизаторы Украйны—Ярославцы, Владимирцы и Костромичи, которые являясь сюда въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, развозятъ здѣсь и разносятъ въ коробкахъ по Украйнѣ и Малороссіи, по всѣмъ селамъ, сельскимъ торжкамъ, базарамъ и ярмаркамъ, товары, забираемые ими у купцовъ. Теперь, на сельской ярмаркѣ, вы можете увидать, подъ какой-нибудь на-живо сдѣланной палаткой, самоваръ шипящій (почти рѣдкость въ здѣшнихъ селахъ) и родъ трактира походнаго, устроеннаго какимъ-нибудь бойкимъ продувнымъ ярыгою—Ярославцемъ. Тамъ онъ

стоитъ, зазываетъ, проворно и ловко распоряжается, вноситъ въ Украйну употребленіе чая вмѣсто водки, пѣсни трактирнаго сочиненія вмѣсто украинскихъ мелодій, преподаетъ имъ les bonnes manières ярославской цивилизаціи, однимъ словомъ прививаетъ къ нимъ свою порчу и свои язвы. Любопытно было бы прослѣдить—входитъ ли, вмѣстѣ съ этою порчей, и другой болѣе здоровый ингредіентъ; испорченная нами Украйна способна ли будетъ, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, выздоровѣть и стряхнуть съ себя всѣ эти струпья? Не знаю какъ въ Малороссіи, но здѣсь—не думаю: здѣсь нѣтъ здоровыхъ соковъ въ тѣлѣ, нѣтъ природныхъ силъ въ организмѣ, нѣтъ преданій, нѣтъ исторической жизни.—Здѣсь какая-то безобразная помѣсь, въ быту крестьянскомъ, въ быту мѣщанскомъ, въ быту купеческомъ и даже въ быту дворянскомъ. Забавно видѣть презрѣніе здѣшнихъ купцовъ и чиновниковъ къ малороссійскому нарѣчію, когда сами они говорятъ по-русски невыносимо для московскаго уха! здѣшніе купцы всѣ ходятъ по-нѣмецки, всѣ обритые и бытъ ихъ рѣзко отличается отъ быта большей части русскихъ купцовъ. Вамъ покажется это, можетъ быть, противорѣчіемъ моимъ собственнымъ словамъ о русскомъ вліяніи. Нисколько. Тогда какъ простой народъ здѣшній, подражая ярославскому мужику, вмѣстѣ съ бородою, вбираетъ въ себя и всю великорусскую народную порчу (напр. хохолъ, становясь ямщикомъ, непремѣнно отпуститъ себѣ здѣсь бороду),—купцы, носившіе бороду прежде, всѣ уже ее обрили,—потому что, за отсутствіемъ преданій, оторванные отъ родной почвы, они скорѣе, чѣмъ сами Русскіе, готовы подчиниться цивилизаціи, возвѣщенной Петровскою реформою.—И такъ—здѣшніе хохлы-крестьяне, никогда не носившіе бороды, начинаютъ ее опускать, съ тѣмъ вѣроятно, чтобы потомъ, вмѣстѣ съ русскимъ людомъ, обрить ее и надѣть нѣмецкое платье,—а купцы здѣшніе, всегда носившіе бороду, въ противоположность малороссійскимъ,—обрили ее, не вслѣдствіе сосѣдства съ Малороссіей и ея вліянія, а вслѣдствіе самостоятельной воспріимчивости къ такъ называемой цивилизаціи и ко всякой порчѣ вслѣдствіе подражанія не просто русскому купеческому быту, а быту образованнаго русскаго купечества.—У здѣшнихъ купцовъ нѣтъ ни радушія, ни московскаго госте-

пріимства, ни даже извѣстной условной честности русскаго торгующаго сословія. По общему мнѣнію—харьковскіе купцы не заслуживаютъ уваженія и не пользуются довѣренностью въ коммерческихъ дѣлахъ.—Впрочемъ, въ здѣшнемъ купечествѣ, какъ и въ здѣшнемъ beau monde господствуетъ претензія на самостоятельную порчу, на самостоятельную цивилизацію. Я писалъ Ольгѣ Ѳедоровнѣ о балѣ въ городишкѣ Сумахъ. Я бывалъ на купеческихъ балахъ въ Ярославской губерніи, но долженъ признаться, что послѣдніе балы совершенно безобразны: такъ неуклюжи и мѣшковаты великорусскіе купеческіе дамы и кавалеры. Здѣсь же, въ Харьковской губ., не отличить купеческихъ собраній отъ дворянскихъ баловъ; можетъ быть—этому способствуетъ все же природная ловкость и изящность Малороссіянъ. Правда и то, что въ Сумахъ уже давно упражняется въ дрессировкѣ жителей любезный французъ—городничій, comte de Luxembourg (гвардейскій лейбъ-гусаръ, пожилой волокита и человѣкъ свѣтскій)! Теперь о здѣшнемъ дворянскомъ обществѣ. Общество огромное, но разбитое на кружки, чуждое, какъ и всѣ губернскіе города, всякой умственной и духовной жизни, съ тою разницею, что здѣсь претензія на самостоятельность въ порчѣ и подражаніи Западу сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. О малороссійской народности знаютъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Москву, разумѣется, презираютъ, но съ уваженіемъ отзываются объ Одессѣ и Петербургѣ.—Но вѣдь здѣсь Университетъ? скажете Вы. Университетъ здѣшній ничтожнѣе всѣхъ Университетовъ, лишенъ всякой жизни внутренней и всякаго воздѣйствія на общество, кромѣ того, что здѣшніе студенты замѣняютъ для Харькова петербургскихъ гвардейцевъ. Комплектъ танцующихъ кавалеровъ здѣсь огромный, или, какъ выразилась мнѣ одна купеческая дама, «однихъ кавалеровъ столько-то (положимъ 100) душъ танцующихъ!»—Какъ въ Харьковской губерніи земли много, а рукъ мало, то здѣсь съ каждымъ годомъ появляются новые помѣщики промышленники, покупающіе здѣсь земли и устраивающіе здѣсь заводы. Вообще здѣшніе помѣщики, водворившіеся изъ выгодъ, смотрятъ промышленниками. Въ Харьковѣ учреждена Контора Коммерческаго банка, въ которую позволили принимать подъ залогъ и сельскіе продук-

ты помѣщичьихъ имѣній. Что же произошло? Большая часть помѣщиковъ поспѣшила захватить деньги, подъ залогъ небывалыхъ сельскихъ произведеній, свыше своихъ силъ и средствъ,—и теперь производится самое скандалезное дѣло объ уплатѣ долговъ Харьковскаго дворянства здѣшнему банку, открылись подлоги, имѣнія заемщиковъ и поручителей подверглись запрещеніямъ,—словомъ—красивый бытъ, нечего сказать.—Что же касается до наружности города, то видѣвшій его лѣтъ 5 тому назадъ теперь его не узнаетъ. Такъ вычистилъ и обстроилъ его генералъ-губернаторъ Кокошкинъ. Онъ не даромъ былъ оберъ-полицмейстеромъ въ Петербургѣ: этотъ огромный городъ содержится чисто и опрятно, какъ игрушечка. Особенной физіономіи городъ на себѣ не имѣетъ,—онъ всячески старается пріобрѣсти незначительную, но красивую въ извѣстномъ смыслѣ, наружность свѣтскаго человѣка, одѣтаго по послѣдней модѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и бѣломъ галстукѣ. Это второй Петербургъ, говорятъ съ гордостью Харьковцы про теперешнюю наружность города. Несмотря однакожь на всѣ свои старанія, онъ не можетъ уничтожить въ себѣ нѣкоторый безпорядокъ мѣстности, напр., горы, овраги, дѣлавшіе его прежде красивымъ въ другомъ совершенно родѣ.—Противорѣчатъ также современной тенденціи—хохлы съ волами, растительность роскошная деревъ, почва, ну да чтожъ дѣлать!—Такъ-то, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, вотъ Вамъ почти все, что я могу сказать покуда о Харьковѣ и Харьковской губерніи, находясь здѣсь въ губерніи не болѣе двухъ недѣль. Думаю однако, что я немного ошибся и что нѣсколько сердитое расположеніе духа не заставляетъ меня понимать окружающую меня жизнь въ ложномъ видѣ. Мнѣ самому было полезно все это написать Вамъ, чтобъ привести въ ясность собственныя впечатлѣнія и отдать себѣ въ нихъ точный отчетъ. Но не знаю, будете ли Вы этому рады.—Перечелъ письмо. Кажется, ничего лишняго нѣтъ.—Побывавши въ Петербургѣ, я убѣдился, что объ насъ вообще ходятъ такія клеветы и сплетни, что рѣшился быть весьма благоразумнымъ въ словахъ, дабы не подать повода къ ложнымъ толкованіямъ и къ разнымъ неблагонамѣреннымъ обвиненіямъ. И поэтому мнѣ было бы очень досадно, если бъ Вы могли

меня обвинить въ неблагоразуміи. Долго еще предстоитъ мнѣ мытарствовать по здѣшнему краю. Озабочиваетъ меня очень мое порученіе, во-первыхъ потому, что коммерческое дѣло для меня совершенно ново; во-вторыхъ потому, что мнѣ приходится изучать не одну отрасль промышленности, но всѣ отрасли, имѣющія своихъ представителей на здѣшнихъ ярмаркахъ. Постепенно вхожу и вхожу въ сферу торговыхъ вопросовъ и интересовъ. Съ 1-го Января начнется здѣсь и продлится цѣлый мѣсяцъ знаменитая Крещенская ярмарка, едва ли не вторая послѣ нижегородской,—но она не имѣетъ здѣсь того живописно-лагернаго и бивачнаго вида, который имѣютъ всѣ сельскія и даже большія ярмарки въ Россіи. Здѣсь всѣ разсѣяны по большому городу, всѣ торгуютъ внутри, въ обыкновенныхъ лавкахъ. Что вамъ сказать еще о Харьковѣ? Дороговизна здѣсь страшная.—Лицъ замѣчательныхъ въ здѣшнемъ обществѣ я еще не нашелъ, кромѣ Архіерея—Филарета, бывшаго въ Ригѣ и извѣстнаго писателя. Такъ какъ я пользуюсь содѣйствіемъ Министерства Вн. Дѣлъ, то имѣю право требовать офиціальные отчеты и свѣдѣнія. Хотя они весьма недостаточны и невѣрны, но и они требуютъ изученія, и большая часть моего времени занята покуда разборкою и соображеніемъ административныхъ отчетовъ,—а какъ наѣдутъ купцы на ярмарку,—то начнется болѣе живое изученіе. Хотите знать планъ моего путешествія? Вотъ онъ: я былъ на Введенской ярмаркѣ въ Сумахъ, переѣхалъ потомъ въ Харьковъ, гдѣ пробуду Декабрь и Январь на Крещенской ярмаркѣ; въ началѣ Февраля переѣду въ Полтаву и въ концѣ Февраля въ Ромны на Маслянскую ярмарку. Въ Мартѣ мѣсяцѣ замѣчательныхъ ярмарокъ нѣтъ и я, можетъ быть, въ Мартѣ мѣсяцѣ поѣду въ Кіевъ. Съ 1-го Апрѣля начинаю путешествовать по ярмаркамъ Екатеринославской губерніи, а въ концѣ Апрѣля буду на большой ярмаркѣ въ Елисаветградѣ, Херсонской губерніи; въ Маѣ долженъ буду побывать опять въ Ромнахъ на Вознесенской ярмаркѣ, оттуда на Троицкую въ Харьковъ, оттуда на Коренную въ Курскъ; 20-го Іюля долженъ быть въ Полтавѣ на знаменитой Ильинской ярмаркѣ, переведенной сюда изъ Роменъ,—съ Ильинской на Успенскую въ Харьковъ. Сентябрь мѣсяцъ я проведу въ Черниговской губерніи (14 Сен-

тября огромная ярмарка въ Кролевцѣ, Черниговской губ.); въ Октябрѣ буду опять на Покровской въ Харьковѣ и останусь здѣсь, пока не изготовлю полнаго подробнаго отчета. Впрочемъ Общество предоставило мнѣ право продлить мое путешествіе и расширить кругъ изслѣдованій по моему усмотрѣнію. Если бы я нашелъ напр. необходимымъ присоединить сюда и описаніе торговли въ землѣ Войска Донскаго,—то мнѣ стоитъ напечатать: я получу и деньги и разрѣшеніе. Но, по окончаніи года, можетъ быть я такъ устану, что захочу отдохнуть. А впрочемъ не знаю. Да какъ же къ Вамъ писать, скажете Вы, какъ будутъ находить васъ наши письма?... Ничего, не безпокойтесь, это ужъ моя забота, только пишите, покуда въ Харьковъ, а тамъ я Васъ увѣдомлю. Пожалуйста пишите. Я такъ благодаренъ Ольгѣ Ѳедоровнѣ за сообщеніе событій самыхъ незначительныхъ обыденной общественной и Вашей жизни! Съ окружающей меня средой у меня нѣтъ общей жизни и свободнаго размѣна мысли; я отношусь къ ней, къ этой средѣ, постоянно—какъ наблюдатель. А подъ часъ вѣдь это и скучно.—Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, дай Богъ, чтобъ Вы были здоровы и провели нынѣшнюю зиму лучше, чѣмъ прошлую. Пишите непремѣнно свое путешествіе по Англіи. Обнимаю Васъ крѣпко.—Прощайте же, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Кланяйтесь Самарину, Кирѣевскому и другимъ. — Листокъ этотъ можетъ быть мнѣ пригодится для описанія своего путешествія, а потому приберите его, сдѣлайте милость. Да пишите мнѣ.

Харьковъ. 25 Декабря 1853 г.

Съ новымъ годомъ поздравляю Васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, съ годомъ 1854-мъ! Желаю Вамъ и зимы урожайной и лѣта урожайнаго и осени плодотворной! Разрѣшитъ ли 1854 годъ вопросы, подготовленные его предмѣстниками? Есть ему на что отвѣчать! Или, можетъ быть, и онъ струситъ и не возьметъ на себя разрѣшенія, и долго еще будутъ года передавать другъ другу не разрѣшенные ими, но уже выступившіе на сцену, вопросы!... Богъ вѣстъ! Но, кажется, отвѣтъ будетъ; событія столпились, тѣснятъ и

давать другъ друга; отовсюду надвигаются тучи; въ воздухѣ вѣетъ грозой! А можетъ быть, послѣ двухъ, трехъ перекатовъ грома, все и такъ разойдется. — Какъ бы тамъ ни было, но все будетъ не такъ именно, какъ мы предполагаемъ, не съ того боку подъѣдетъ разрѣшеніе, съ котораго мы ожидаемъ, не въ томъ видѣ явится, не съ тою поспѣшностью, какой требуетъ наша незрѣлая нетерпѣливость. Вообще отвѣты историческіе рѣдко приходятъ съ вывѣскою: «я—дескать отвѣтъ», а чаще всего являются въ такомъ платьѣ, въ которомъ и не узнаютъ ихъ люди, чающіе отвѣтовъ! Отвѣтъ начался давно, но пройдетъ черезъ множество непредусмотрѣнныхъ, непредугаданныхъ фазисовъ. Чудная вещь Исторія! Въ ея одинъ шагъ вмѣщаются цѣлыя столѣтія, жизнь многихъ поколѣній! шагъ занесенъ, мы видимъ надъ собою огромную ступню, копошимся, суетимся, но Богъ знаетъ, увидимъ ли—когда и куда она ступитъ! Но ступня эта спускается такъ постепенно и медленно, что мы пожалуй и не замѣтимъ, какъ она опустилась. Намъ всегда хочется пощупать историческое событіе, но оно, проходя сквозь нашу будничную жизнь, рѣдко является намъ въ той грандіозности, какою облечется для потомковъ нашихъ особенно тѣхъ, которые будутъ слушать лекціи какого-нибудь будущаго поэта или художника – профессора Исторіи! Впрочемъ, надобно и то сказать, что съ 1848 года Исторія стала совершаться какъ-то воочію,—и пульсъ историческій бьется осязательно, слышимо для всѣхъ, сквозь всю нашу пошлую ежедневность, съ ея утреннимъ и вечернимъ чаемъ, обѣдомъ, ужиномъ, визитами и прочими мелочами житейскими!

Хотя я и привезъ съ собою карту Турціи, но не имѣю возможности слѣдить происшествія съ тою аккуратностью, съ какою намѣревался. Газетъ я самъ не получаю, а для чтенія ихъ надо ѣхать въ клубъ, или кондитерскую, — на что не всегда достаетъ времени. Какъ ни несродно мнѣ дѣло, которое я взвалилъ себѣ на плечи, но — взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ! Работаю усердно и—довольно успѣшно; свѣдѣній о пріемахъ, обычаяхъ, вообще характеристикѣ и внутренней жизни торговли, о путешествіи, странствованіи и всякомъ мытарствованіи товаровъ собираю и соберу множество, но еще не знаю, какъ сострою изъ этого стройное

цѣлое! Знаете что? не достаетъ мнѣ познаній въ политической экономіи и вообще ближайшаго какъ теоретическаго, такъ и практическаго знакомства съ финансовыми вопросами. Постараюсь познакомиться съ ними «на ходу», но этого недостаточно. Такъ и теперь: интересно было бы мнѣ поговорить съ знающимъ человѣкомъ о кредитѣ, о процентахъ, о наличныхъ деньгахъ и проч. Что-то весьма странное и безобразное представляетъ въ этомъ отношеніи наша торговля, но можетъ быть, мнѣ это такъ кажется съ перваго взгляда.— Вы можете представить себѣ, какъ многосложно мое порученіе такъ, какъ я его понялъ. По каждому роду товаровъ, по каждой отрасли промышленности, присылающей свои произведенія на ярмарку,—дѣлаю я эти подробныя изслѣдованія. Нынче утромъ провелъ я нѣсколько часовъ на конной и у министра лошадиной торговли, нѣкоего купца Ѳедора Михайловича Сапожка, гдѣ присутствовалъ при покупкѣ ремонтерами лошадей. Иногда до такой степени погрузишься въ эту среду торговыхъ интересовъ, что только объ нихъ и думаешь и некогда заняться чѣмъ-либо другимъ; взглянувъ какъ-нибудь случайно на портфель со стихами и другими произведеніями, самъ себѣ не могу представить, что это я писалъ, что я и стихотворецъ и т. п. такъ не сродны другъ другу эти занятія! Поэтому я очень радъ случаю, когда мнѣ приходится иногда писать письма и вырываться изъ этой, все же душной атмосферы. Но она меня не задушитъ; напротивъ, если Богъ поможетъ, я постараюсь освѣжить и оживить ее въ своемъ отчетѣ! — Я доволенъ впрочемъ своимъ порученіемъ, радуюсь этому постоянному столкновенію съ людьми всякой масти и шерсти, съ дѣйствительною жизнью и чувствую много отъ того нравственной пользы. Дѣлаешься не равнодушнѣе, а добрѣе и законно снисходительнѣе. Пріучаешься отыскивать жемчужныя зерна (это немножко слишкомъ, ну да такъ, извѣстное сравненіе) въ навозѣ, много добраго въ человѣкѣ, отъ котораго только что хотѣлъ съ гордостью отвернуться, высокія движенія и поступки въ какомъ-нибудь чиновникѣ взяточникѣ или въ барышникѣ! Я вообще охотникъ до такъ называемыхъ психологическихъ наблюденій и кой-что отмѣтилъ гіероглифически себѣ на память.—Многимъ изъ нашихъ знакомыхъ, живущихъ въ тѣс-

номъ мірѣ своего кружка, было бы очень полезно попутешествовать такимъ образомъ. Мало того, это бы измѣнило самый характеръ статей. Мы напишемъ статью и читаемъ ее другъ другу, привыкнувъ понимать другъ друга съ полуслова; прійдя только вчера къ какому-нибудь заключенію, наткнувшись только вчера на какую-нибудь мысль, — мы сердимся и негодуемъ, что не всѣ такъ думаютъ и мыслятъ. Но мы не умѣемъ говорить съ ними, забываемъ, что они не прошли черезъ тотъ процессъ, чрезъ который мы проходили, и отъ того безплодны наши слова, безсильно обличеніе и мы просто непонятны. Потолкавшись напр. въ Харьковскомъ обществѣ, я убѣдился, что Московскій Сборникъ не могъ принести здѣсь никакой пользы. Я хотѣлъ нѣкоторымъ хорошимъ и неглупымъ людямъ подарить его, но остановился. Надо начать съ азбуки, съ близкихъ къ дѣйствительному быту, простыхъ, осязательныхъ понятій, а не отвлеченныхъ идей! Они не виноваты: они и не знаютъ про Московское направленіе, получая изъ Москвы съ одной стороны книги непонятныя, которыя читать нѣтъ охоты, съ другой — извѣстія о разныхъ скверныхъ проявленіяхъ столичной жизни, дѣйствующія на умы провинціаловъ со всею силою столичнаго авторитета. Да, еслибъ Павелъ проповѣдывалъ Эллинамъ, какъ онъ же Евреямъ, то немного имѣлъ бы успѣха!

Ну что же Ваша переписка съ Ив. Вас. о Вине? Кончилась, или продолжается, и не приметъ ли въ ней участіе Хомяковъ? Или же Вине въ сторону, а затѣяна новая переписка? — Теперь съ пріѣздомъ Шишкова въ Москву, начнутся, вѣроятно, засѣданія Общества сельскаго хозяйства. Я встрѣтилъ, какъ ѣхалъ сюда, на Тульской станціи князя Евгенія Львова. Онъ былъ сильно предубѣжденъ противъ Московскаго Общества, но когда я ему поразсказалъ (онъ только что вернулся изъ-за границы) про движеніе въ Обществѣ и разъяснилъ, что Общество теперь не то, какимъ онъ его зналъ года два или три тому назадъ, то возбудилъ въ немъ сильное желаніе пріѣхать въ Москву на засѣданія Ваши. — Если Хомяковъ уже пріѣхалъ, то передайте ему, что графъ Комаровскій (Евграфъ) пристаетъ ко мнѣ, вслѣдствіе даннаго мною ему обѣщанія, чтобы я переслалъ къ нему въ Петербургъ для прочтенія статью Алексѣя Степа-

новича въ отвѣтъ на статью Ив. Васильевича, къ которой онъ, Евграфъ, считаетъ себя прикосновеннымъ, ибо она писана въ видѣ письма къ нему. Если Хомяковъ не противъ этого, то пусть отдастъ Ив. Вас. для пересылки.—Какъ-то Вы встрѣтили новый годъ? Многіе весьма основательно замѣчаютъ, что новый годъ начинается каждый день; пожалуй,—но я люблю эти верстовые столбы въ жизни, не безъ грусти разстаюсь съ старымъ, не безъ волненія встрѣчаю новый. Я доволенъ 1853 годомъ и по многимъ нравственнымъ результатамъ для себя, а для общественной жизни по выдвинутымъ имъ вопросамъ, хоть бы по Турецкому! Желаю Вамъ, кромѣ счастія и здоровья, между прочимъ, также непремѣнно въ 1854 году кончить «поѣздку въ Англію». Это принадлежитъ къ числу вещей понятныхъ.—Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, будьте здоровы и бодры—хотѣлъ я сказать по своей привычкѣ, — но Вамъ этого желать, кажется лишнее. Кланяйтесь отъ меня Хомякову, Кирѣевскому, Самарину и другимъ.—Одессу сильно укрѣпляютъ,—говорятъ.

Расчеты Ивана Сергѣевича не оправдались, вездѣ ему пришлось оставаться дольше, чѣмъ онъ предполагалъ; такъ въ Харьковѣ онъ провелъ весь Январь 1854-го года, начало Февраля въ Полтавѣ, конецъ Февраля въ Ромнахъ. Въ Мартѣ онъ хотѣлъ съѣздить въ Кіевъ, но дѣла потребовали его возвращенія въ Полтаву. За это время письма къ родителямъ не отысканы, а есть только отрывокъ дневника, который и помѣщается въ Приложеніи. Только съ 1-го Апрѣля началось путешествіе по ярмаркамъ Екатеринославской губерніи и собственно только съ конца Апрѣля, изъ Елисаветграда, возобновляется послѣдовательная переписка съ родителями.

ПИСЬМА ИЗЪ МАЛОРОССІИ.

Суббота, 29 Апрѣля 1854 года. Елисаветградъ.

Въ субботу получилъ я письмо Ваше отъ 12-го Апрѣля, милый Отесинька и милая Маменька; благодарю всѣхъ за поздравленія и за приписки; васъ въ особенности, милая Маменька: какъ обрадовался я вашему почерку, такъ давно его не видалъ. Вѣрно у васъ стоитъ теперь прекрасная погода; разумѣется — нѣтъ такого благорастворенія въ воздухѣ, какъ здѣсь, но все же тепло, ясно и мягко. Ночи удивительныя: въ 1-мъ часу можно ходить въ одномъ лѣтнемъ платьѣ, не чувствуя прохлады. Впрочемъ удушливаго жару также нѣтъ. Нынче спрыснулъ пыль легкій, прямой дождикъ, и послѣ него стало еще лучше. Къ сожалѣнію—здѣсь въ городѣ трудно наслаждаться этой погодой: на улицахъ толпы народа, преимущественно евреевъ, которыхъ говоръ и движенія вовсе не гармонируютъ съ красотой и тишиной теплаго вечера или ночи; днемъ же пыльно и жарко, — садовъ здѣсь вообще мало, а публичныхъ нѣтъ вовсе. — Ваше письмо, отправленное изъ посада 13 апрѣля, я получилъ въ субботу, 24 Апрѣля, слѣдовательно почти на 12 день! Право, пожалѣешь иногда объ отсутствіи желѣзныхъ дорогъ при такихъ ужасныхъ разстояніяхъ. Онѣ будутъ устроены, непремѣнно будутъ, только не скоро. И будутъ устроены не правительствомъ, а по требованію же русскаго мужика, который не заботясь о нашихъ опасеніяхъ и поэтическихъ сожалѣніяхъ, не питаетъ къ желѣзной дорогѣ никакой ненависти, находитъ ее очень выгодною, охотно по ней катается (тысячъ до 50 каждый годъ, если не больше,

отправляется изъ внутреннихъ губерній для заработковъ въ Петербургъ) и не прочь устроить ее и въ другихъ мѣстахъ. Мы сильно роптали противъ Петербургской желѣзной дороги... Но предложите теперь кому угодно уничтожить ее безъ всякаго убытка, и возвратиться къ прежнему способу сообщенія... Конечно, кромѣ извощиковъ, никто не согласится!—Если бы только позволили устроиться частной компаніи, то мигомъ произведена была бы желѣзная дорога изъ Малороссіи къ Черному морю — и край ожилъ бы! О нравственномъ вредѣ нечего говорить: не отъ желѣзныхъ дорогъ и матеріальныхъ улучшеній должны зависѣть нравственныя начала народа; поэтическая простота внѣшняго быта подлежитъ сама собой *непремѣнному* разрушенію и не она должна хранить нравственныя начала. Впрочемъ объ этомъ можно написать цѣлую статью. Мнѣ иногда бываетъ забавно видѣть, какъ народъ, дѣйствующій въ силу внутреннихъ и намъ и ему неизвѣстныхъ законовъ, вовсе не заботится о томъ, что иногда такъ сильно насъ безпокоитъ; между тѣмъ мы иногда до такой степени простираемъ свою любовь къ простотѣ прежняго быта, что готовы были бы заставить народъ вновь дѣйствительно повѣрить существованію лѣшаго, еслибъ онъ уже пересталъ этому вѣрить, — не вслѣдствіе соблазна моды и развращенія, а вслѣдствіе большой возмужалости. Не можетъ и не долженъ быть оставаться въ той же первоначальной простотѣ, — но торопить его не слѣдуетъ, а должно предоставить ему честный и свободный путь. Но довольно объ этомъ. — Обращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ. Новаго покуда еще ничего нѣтъ. Медленно что-то идутъ дѣла. Почти два мѣсяца, какъ перешли мы Дунай съ одного бока, а другой бокъ все также намъ запертъ. Впрочемъ—извѣстія получаются такъ не скоро, что теперь можетъ быть уже и совершилось какое-нибудь важное событіе. На счетъ Финляндіи я не безпокоюсь. Финляндія не отторгнется, вовсе не желаетъ Шведскаго владычества и искренно привязана къ Россіи: при Русскомъ владычествѣ свободно возникъ въ ней народный Финскій элементъ, подавленный Швеціей, стала разработываться Финская литература, Финскій языкъ преподаваться въ Университетѣ. Я знаю многихъ Финляндцевъ, которые всѣ мнѣ это

искренно подтверждали, а вы о Финляндіи можете подробно распросить Путяту: онъ ее знаетъ лучше, чѣмъ свою деревню. Я радъ, что въ Манифестѣ сказано: «за братьевъ». Одно мое желаніе, выраженное и въ стихахъ *), хотя можетъ быть и не ясно, чтобъ сама Россія этого пожелала; чтобы и нельзя было,—при перемѣнѣ политики личной,—послать ее же драться противъ Славянъ и Грековъ, что она и исполнила бы послушно вопреки своимъ влеченіямъ!... Враждебные виды подлѣйшей Австріи обозначаются: я бы желалъ даже, чтобъ она приняла участіе въ войнѣ и чтобы уяснились отношенія къ намъ Славянъ Австрійскихъ.—Кажется—Америка помогаетъ намъ только скрытно.—Рѣчи Парижскаго архіепископа я всей не читалъ; здѣсь я не могъ достать l'Indep. Belge, да и Русскія газеты достаю съ трудомъ... Впрочемъ добылъ себѣ я здѣсь Journal de Francfort, но уже очень старые №№. Я думаю, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» перепечатано изъ «Одесскаго Вѣстника» все описаніе бомбардировки и приказы Сакена: они написаны очень живо и горячо. Иннокентій удачно воспользовался обстоятельствами и сказалъ ловкое слово. Надо же было непріятелю начать войну именно въ Страстную субботу! Я думаю и у нихъ—Пасха должна быть въ одно время съ нами, такъ какъ этотъ праздникъ отъ числа не зависитъ. Впрочемъ, нѣтъ; должно быть они уже давно отпраздновали Пасху. Во всякомъ случаѣ—они очень кстати выбрали этотъ день! Этотъ день показалъ, что Одесса, не смотря на отдаленное разстояніе кораблей, можетъ сильно потерпѣть отъ стрѣльбы: трехпудовыя ядра и бомбы хватали даже за городъ. Аѳанасій видѣлъ на почтѣ одного земляка своего, солдата, только что пріѣхавшаго изъ Одессы: онъ разсказывалъ ему, будто на другой день Англичане и Французы прислали узнать имя офицера, командовавшаго 4-хъ пушечной батареей подъ громомъ 300 орудій, велѣли изъявить ему свое уваженіе и чуть ли не прислали ордена! Но этого ничего не было.—На счетъ моего порученія Вы пишете, милый Отесинька: годъ уже не за горами. Да, но мнѣ еще придется быть на 8 ярмаркахъ, много и много изъѣздить, да и вернуться съ готовымъ тру-

*) „На Дунай“ (смотр. Приложеніе).

домъ можно будетъ не раньше Декабря! А главное—теперь толку и пользы отъ этого труда мало. Настоящія событія, напримѣръ, совершенно почти убили Елисаветградскую ярмарку и весь обычный, правильный ходъ торговли нарушенъ.— Ярмарка кончилась: нынче отнесли съ пѣніемъ и звономъ обратно въ церковь икону изъ Московскаго ряда (Московскими же купцами сдѣланную) — и купцы разъѣзжаются, почти не продавъ ничего. Статья о настоящемъ вопросѣ не была собственно статьей, а письмомъ на почтовой бумагѣ, которое я было запечаталъ уже, но, потомъ раздумавъ, уничтожилъ. Событія двигаются такъ быстро сами, что едва успѣешь записать ихъ и построить выводъ, какъ уже возникаетъ и самый выводъ, и являются новыя событія! Слѣдовательно— статья эта теперь лишена была бы всякаго интереса.—На той недѣлѣ былъ я въ концертѣ, данномъ здѣшнимъ Обществомъ въ пользу раненыхъ. Дамъ здѣсь довольно, много недурныхъ собою, одѣты щегольски; концертъ былъ очень порядочный. Одна M-lle Гельфрейеръ пѣла Erlkönig Шуберта очень хорошо. Статскихъ почти не было ни одного человѣка: все военные. Вы вѣрно знаете, что въ Херсонской губерніи находятся Кавалерійскія поселенія; теперь бо́льшая часть кавалеріи ушла, однако еще остались резервы и кадры для формулированія новыхъ полковъ изъ рекрутъ. Военной молодежи, годной въ дѣло, еще здѣсь довольно. Въ ожиданіи своей очереди идти на встрѣчу смерти, они гуляютъ, танцуютъ, играютъ въ карты, ни о чемъ не заботясь! — Подлѣ меня стоятъ офицеры: по цѣлымъ днямъ бьются въ ералашъ или катаютъ шары на бильярдѣ.... А драться, нѣтъ сомнѣнія, будутъ отлично и свято исполнятъ долгъ и мужественно встрѣтятъ смерть. — Былъ я также на субботу, т. е. на шабашъ, въ здѣшней синагогѣ. Это прекрасное зданіе, безъ особеннаго, впрочемъ, характера снаружи. Внутри надъ огромной залой неглубокій куполъ, синій, со звѣздами, на подобіе неба. Евреевъ было множество; Еврейки ни одной. Всѣ съ покрытыми головами, т. е. въ шляпахъ и картузахъ, сидятъ, стоятъ, ходятъ: вообще благочинія нѣтъ никакого. Большая часть громко и необыкновенно скоро бормочатъ молитвы, отчего происходитъ страшный гулъ. Посрединѣ устроена эстрада, на которой тѣсной толпой стояли

пѣвчіе и пѣли. Несмотря на непріятный способъ пѣнія, можно было разслушать, что музыка напѣвовъ очень хороша, но должно быть—не древняя, а сочиненія какого-нибудь современнаго музыканта-еврея, Мендельсона или кого другого. Послѣ замѣчательныхъ аккордовъ какого-нибудь мотива, иногда вдругъ все собраніе въ одинъ голосъ принималось такъ громко и скоро читать какую-то молитву, что готовъ выбѣжать вонъ отъ этого дикаго крика. — Въ шабашъ водворилась тишина въ городѣ: Евреи не торгуютъ, не снуютъ взадъ и впередъ, а на нихъ глядя какъ-то и Русскіе вяло торгуютъ въ этотъ день. За то въ воскресенье, послѣ суточнаго воздержанія, Евреи еще живѣе принимаются за свою работу, т. е. за бѣготню взадъ и впередъ съ товарами.

Завтра надѣюсь получить изъ Полиціи вѣдомость объ ярмарочныхъ оборотахъ и пущусь въ путь. Буду пробираться въ Кіевъ — черезъ Чигиринъ, Золотоношу; словомъ — хочу заглянуть въ самое гнѣздо казацкое. Если Максимовичъ отъ Золотоноши недалеко, то заѣду къ нему: мнѣ именно интересно посмотрѣть поближе весь бытъ деревенскій лѣтомъ. Теперь же веснянки продолжаются, авось и пѣсни услышу. Я до сихъ поръ еще веснянокъ не видалъ. Завтра же къ вечеру надѣюсь получить письмо отъ васъ. Самъ же буду писать уже изъ Кіева, который хочу осмотрѣть подробно и гдѣ останусь дней 7, не меньше. Несмотря на ничто,—ни на весну, ни на ярмарку, у меня одно въ головѣ: Дунай! Посылаю вамъ стихи свои, здѣсь на дняхъ написанные, несмотря на зубную боль. Стихи очень, очень не гладкіе, но поправлять ихъ рѣшительно не стоитъ, а потому даже не переписываю ихъ на отдѣльномъ листѣ. — Покуда прощайте, милые Отесинька и Маменька! Дай Богъ, чтобъ вы были здоровы и спокойны духомъ, цѣлую ваши ручки; Константина и сестеръ всѣхъ крѣпко обнимаю и очень, очень благодарю за приписки!

Пятница, 13 Мая 1854 г. Кіевъ.

Я пишу къ вамъ, милые Отесинька и Маменька, еще полный самыми разнообразными впечатлѣніями. Много слышалъ я о Кіевѣ, но онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія! Я еще до

сихъ поръ не могу настоящимъ образомъ придти въ себя и отдать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ испытанныхъ ощущеніяхъ: и красота самаго Кіева, и весна — съ разливомъ Днѣпра, съ молодою, свѣжею зеленью, съ милліонами соловьевъ, съ благоуханіемъ, отвсюду несущимся,—и пещеры съ своими будто бы вѣчно бодрствующими мертвецами, и слѣды древности на каждомъ шагу, напоминающіе весеннюю пору въ исторіи Руси, ея первую, раннюю молодость, Русь еще Княжескую, не Царственную!—все это такъ разнообразно и сильно дѣйствуетъ на человѣка, что, кажется, мало одинъ разъ побывать въ Кіевѣ!—Я пріѣхалъ сюда въ среду утромъ, на солнечномъ восходѣ: я нарочно остановился въ Броварахъ на ночь, чтобъ въѣхать въ Кіевъ въ самую лучшую минуту дня. Обыкновенно такія подготовленія впечатлѣній бываютъ обманчивы и не удаются,—но съ Кіевомъ дѣло вышло иначе. Его красота не боится этихъ подготовленій; въ его красотѣ есть что-то вѣчно свѣжее и молодое.— Бровары, я думаю, знакомы нашимъ путешественникамъ, но, кажется, при нихъ не было еще шоссе. Теперь отъ Броваръ до самаго Кіева—шоссе, слѣдовательно песковъ нѣтъ. Густая зелень деревъ по обѣимъ сторонамъ шоссе мѣшала видѣть Кіевъ издалека; впрочемъ, уже на 15 верстѣ — тамъ, гдѣ разступились деревья, сверкнули главы и кресты церквей. Наконецъ, за нѣсколько верстъ до Кіева, деревья исчезли и вся великолѣпная панорама Кіева раскрылась предо мною, отражаемая синими водами Днѣпра и ярко освѣщенная солнцемъ. Было еще очень рано, а потому свѣжо и тихо. Теперь открытъ уже мостъ черезъ Днѣпръ. Мостъ не дуренъ и не безобразитъ общаго вида. Въ самомъ городѣ есть новыя зданія и ворота, которыхъ еще не было въ то время, когда Константинъ съ сестрами былъ въ Кіевѣ.—Я остановился въ Зеленомъ трактирѣ: это въ Печерской части, почти во ста шагахъ отъ Лавры, но очень далеко отъ прочихъ частей города. Немножко отдохнувши, отправился я къ поздней обѣднѣ въ Лавру. Рядомъ съ нею устроенъ арсеналъ; противъ самыхъ св. воротъ стоятъ грозныя пушки и лежатъ кучи огромныхъ ядеръ. Церковь и весь дворъ Лаврскій были полны богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Невольно вспомнишь стихи Хомякова! «Кіевъ». Впрочемъ,

кажется, самые отдаленные края Россіи не имѣли здѣсь представителей: еще не успѣли добрести, еще рано! Нечего и говорить вамъ о томъ, что чувствовалось и мыслилось мною во время обѣдни. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо чувствуешь себя Русскимъ, слышишь связь свою съ прошедшимъ, видишь себя членомъ общерусской семьи, ощущаешь свое родство со всѣми ея разрозненными членами, напр. съ Малороссомъ, Бѣлорусцемъ и проч.—У насъ, въ Троицкой Лаврѣ, мы рѣдко видимъ богомольцевъ съ юга. Все равно, какъ бы члены одной семьи, давно уже живущіе порознь, собрались опять всѣ вмѣстѣ въ домѣ, гдѣ провели свое дѣтство, гдѣ жили прежде, чѣмъ разошлись.—Лаврскій напѣвъ очень меня поразилъ. Не знаю, какой напѣвъ Великимъ постомъ, но теперь—это не пѣніе, а пѣснь, кликъ. Напѣвъ очень громокъ, въ мажорномъ тонѣ, очень скоръ... Иногда онъ очень хорошъ, но иногда кажется какими-то волнами звуковъ, безпорядочно торопящимися и обгоняющими одна другую. «Иже Херувимы» и «Христосъ воскресе», напримѣръ—лишены той торжественности напѣва, къ которой привыкло мое ухо.—Послѣ обѣдни, продолжавшейся довольно долго, я воротился домой, чтобы отдохнуть. Я чувствовалъ себя очень усталымъ, да и нельзя сказать, чтобы даже и теперь усталость моя совершенно прошла. Со времени своего выѣзда изъ Полтавы,—я проѣхалъ слишкомъ 600 верстъ на телѣгѣ,—въ томъ числѣ отъ Елисаветграда до Кіева—съ разными заѣздами—400 верстъ! Однакожъ черезъ нѣсколько часовъ я опять отправился бродить по городу: такъ какъ, не смотря ни на что, современныя обстоятельства, въ которыхъ сосредоточились всѣ мои чаянія и надежды, продолжаютъ безпокоить меня сильно, то я отыскалъ кондитерскую, гдѣ и прочелъ въ Journal de Francfort важное извѣстіе о циркулярѣ графа Нессельроде на счетъ Греціи и Греческаго возстанія, признаваемаго Русскимъ правительствомъ праведнымъ и законнымъ... Потомъ зашелъ въ городской или дворцовый садъ, на берегу Днѣпра. Какъ хорошо тамъ! Что за видъ, что за зелень! Какое благоуханіе! Впрочемъ деревья почти совсѣмъ отцвѣли, т. е. груши, яблони, вишни и проч. Еще держится цвѣтъ на каштановыхъ, орѣховыхъ и нѣкоторыхъ другихъ. Но, кажется, не цвѣтъ только, а

самая зелень благоухаетъ. Соловьи—одинъ передъ другимъ,— такъ и заливались! Я не помню, были ли наши въ дворцовомъ саду? Если не были, то очень жаль. Да и вообще жаль, что они были осенью, а не весною.—Погода стоитъ великолѣпная. Небо—ярко-голубое, воздухъ чистъ и ясенъ, весна во всей своей красотѣ... Всѣ явленія жизни, всѣ стороны духа вмѣщаются разомъ здѣсь въ человѣка... Такъ— окруженный дѣятельною жизнью весны, среди безграничнаго простора, отзываясь всѣми душевными струнами на хоръ мірозданія,—ты стоишь на холмѣ, скрывающемъ въ нѣдрахъ своихъ жизнь иную, подвиги духа,—пещеры, гдѣ человѣкъ создалъ себѣ и терзанія, и борьбу, и восторги, и неизвѣданную нами радость!—Послѣ обѣда пошелъ я къ Ригельману, но не засталъ его. Зашелъ къ Юзефовичу, и остался у него весь вечеръ. Юзефовичъ, очень благодарный Москвѣ за ея пріемъ въ послѣднюю его поѣздку и неистово славянофильствующій, — что, впрочемъ, теперь кстати, — принялъ меня съ распростертыми объятіями. — Пришли къ нему профессора Павловъ и Силинъ, съ которыми я, разумѣется, сейчасъ же познакомился. Вообще пребываніе Самарина въ Кіевѣ сблизило всѣхъ здѣшнихъ господъ съ Москвою и познакомило заочно со всѣми нами, такъ что рекомендоваться уже не нужно. Вообще мнѣ сдѣланъ здѣсь такой пріемъ, что онъ меня даже нѣсколько смущаетъ; относительно себя лично я считаю его незаслуженнымъ и приписываю его общему лирическому состоянію духа, возбужденному настоящими событіями. Да, признаюсь, мнѣ бы хотѣлось быть досужнѣе и свободнѣе въ Кіевѣ, чтобы вполнѣ предаться всѣмъ разнообразнымъ ощущеніямъ. На другой день отправился я съ Аѳанасьемъ въ пещеры. Какъ я ни хлопоталъ, но не могъ добиться, чтобы мнѣ показали ихъ отдѣльно отъ толпы народа и потому пошелъ вмѣстѣ со всѣми. Монахъ велъ насъ очень скоро, такъ что мы едва поспѣвали за нимъ. Впрочемъ я предварительно успѣлъ прочитать подробное описаніе пещеръ Муравьева, и подвиги главнѣйшихъ подвижниковъ мнѣ были извѣстны. Не стану вамъ описывать теперь впечатлѣнія. Оно было очень сильно и въ то же время смутно, не совсѣмъ свободно, потому что въ душѣ невольно возникалъ протестъ противъ подобнаго самоумерщвленія, а

въ то же время душа невольно кадила имъ и изумленіемъ, и благоговѣніемъ, и даже какою-то признательностью за то, что добровольно отрекшись отъ жизни, они очищаютъ жизнь— въ мірѣ живущихъ. А выходя изъ пещеръ — я былъ вновь обданъ моремъ свѣта: небо было безоблачно, соловьи пѣли и природа совершала свои обычныя чудеса.—Я хочу добиться, чтобы мнѣ позволили сходить въ пещеры, если не ночью, то поздно вечеромъ. — У самаго входа въ пещеры монахъ, размѣнявшій мнѣ деньги при покупкѣ свѣчи, попросилъ у меня денегъ «на булку» для себя,—а при выходѣ изъ пещеръ другой предложилъ мнѣ «стружекъ отъ мощей». Послѣднему я даже не могъ и отвѣтить, а съ ужасомъ отвернулся. Человѣкъ вездѣ все изгадитъ. Осмотрѣвши все въ Лаврѣ, воротившись домой и отдохнувши, я пошелъ къ Розенбауму, правителю канцеляріи кн. Васильчикова, моему товарищу, который, разумѣется, мнѣ очень обрадовался,— а потомъ отправился обѣдать къ Юзефовичу, который созвалъ на обѣдъ довольно много гостей—по случаю моего пріѣзда. Тутъ я познакомился и съ Ригельманомъ и съ Судьенко, и съ статистикомъ Журовскимъ и со многими другими— и всѣмъ долженъ былъ отвѣчать на распросы о Самаринѣ и Константинѣ, котораго комедія и статьи всѣмъ очень хорошо извѣстны. Послѣ обѣда мы долго сидѣли въ саду—въ виду роскошнаго клена, въ обхватъ толщины, и при пѣніи соловьевъ. Потомъ перебрались къ Ригельману. Какъ я ни отнѣкивался, но долженъ былъ уступить послѣднему и согласиться переѣхать къ нему; у него 10 комнатъ и есть мѣсто,—но я охотнѣе бы остался въ гостинницѣ, гдѣ самъ себѣ хозяинъ. Отказаться рѣшительно было невозможно, потому что нельзя было представить достаточной причины. Поздно вечеромъ я воротился домой, всталъ пораньше, сѣлъ писать къ вамъ письмо,—а какъ окончу, такъ отправлюсь къ Юзефовичу, вызвавшемуся показать мнѣ Софійскій соборъ и другія достопамятности. Аѳанасій же переѣдетъ къ Ригельману. Надобно признаться, что извощики въ Кіевѣ страшно дороги и берутъ вдвое противъ таксы, ссылаясь на высокія цѣны овса; тамъ же, у Ригельмана, въ центрѣ города, я почти не буду нуждаться въ извощикахъ.—Я думалъ найти въ Кіевѣ письмо отъ васъ,—мнѣ много мѣшаетъ неизвѣст-

ность о дальнѣйшемъ положеніи Маменькинаго здоровья, хотя изъ вашего послѣдняго письма, полученнаго еще въ Елисаветградѣ, и видно, что болѣзнь приняла благопріятный оборотъ.—Здѣсь предполагаю я остаться еще дней 5 или 6,— а потомъ проѣду въ Полтаву, гдѣ должны меня ждать письма изъ Петербурга съ отвѣтомъ на вопросы о задунайской службѣ. Отъ нихъ будутъ уже зависѣть мои дальнѣйшія распоряженія. Если никакого рѣшительнаго отвѣта еще не будетъ и я долженъ еще продолжать свое дѣло, то проѣду въ Ромны на Вознесенскую ярмарку, заѣхавъ предварительно къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь.

Итакъ прощайте покуда, милый Отесинька и милая Маменька, дай Богъ, чтобы вы были здоровы, цѣлую ваши ручки, крѣпко обнимаю Константина и сестеръ. Мое письмо возбудитъ воспоминанія о поѣздкѣ въ Кіевъ и долгіе толки... Какъ бы я желалъ, чтобы сестры имѣли возможность побывать въ Кіевѣ и именно весною. На дворѣ чрезвычайно жарко: постоянно—не менѣе 20 градусовъ въ тѣни,—но я люблю жаръ и зной лѣтній. Прощайте. Аѳанасій въ совершенномъ восторгѣ отъ Кіева и говоритъ, что онъ несравненно лучше Москвы.

Середа, Мая 19-го 1854 г. Кіевъ.

Письмо это будетъ послано къ Вамъ, милые мои Отесинька и Маменька, послѣ уже моего отъѣзда изъ Кіева. Завтра наконецъ выѣзжаю отсюда въ Ромны; по незначительности предстоящей Роменской ярмарки, хочу въ городахъ, черезъ которые мнѣ придется ѣхать, останавливаться на нѣсколько часовъ для собранія свѣдѣній, а потому лучше, чтобы это письмо отправилось отсюда въ Пятницу. Я поручаю его Ригельману; если же онъ самъ уѣдетъ въ деревню вечеромъ, то отправитъ его человѣкъ.—Послѣ завтра день именинъ Константина. Поздравляю Васъ, милые Отесинька и Маменька, поздравляю Константина и обнимаю его крѣпко отъ всей души, поздравляю всѣхъ. Кстати о Константинѣ. Вчера Юзефовичъ принесъ мнѣ прочесть статью, недавно полученную въ Кіевѣ и подписанную: Константинъ Аксаковъ, Москва, 9 Февраля. Эта статья прислана сюда

въ копіи изъ Вильно отъ Аркадія Россета. Сначала, когда мнѣ говорили объ ней, я крѣпко заподозрилъ ея подлинность: неужели бы я не зналъ о ней прежде? Къ тому же Юзефовичъ, жившій двѣ недѣли въ Москвѣ послѣ 9-го Февраля и ежедневно посѣщавшій весь нашъ кружокъ, снявшій копіи со всѣхъ статей, бывшихъ тогда въ ходу, — не могъ бы не слыхать и объ этой статьѣ, посвященной современному вопросу. Но когда я прочелъ статью, то убѣдился, что авторъ ея Константинъ. Статья превосходная; языкъ или слогъ этой статьи даже слишкомъ хорошъ для Константина, обыкновенно небрежнаго въ этомъ отношеніи. По языку—это лучше всего, что писалъ онъ. Языкъ ясный, свѣтлый, крѣпкій, точный, ни одного повторенія, ни одного нѣмецкаго пріема въ мысли,—даже прилагательныя поставлены большею частью послѣ существительныхъ именъ. Нѣкоторыя выраженія, нѣкоторые взгляды обличаютъ Константина, если бы даже онъ и скрылъ свое имя. Ну, а если это не онъ. Быть не можетъ! Тутъ говорится и про парадъ страстей и про теорію грѣха на Западѣ... Константинъ—и никто другой! Но какъ же объ этомъ не написать? Я долженъ былъ потомъ прочесть эту статью при всѣхъ у Юзефовича на вечерѣ и откровенно объяснилъ, что хотя мнѣ объ этой статьѣ не написано ни слова, но я признаю ее за статью брата. Я просилъ Юзефовича доставить ее, при первой оказіи, въ Москву и Хомякову, а самъ снялъ для себя копію. Сдѣлайте милость увѣдомьте меня, точно ли Константинъ авторъ этой статьи, когда онъ ее написалъ и отчего держалъ ее въ такомъ секретѣ *).—Я ѣздилъ къ Чижову, верстъ 60 отсюда, съ Ригельманомъ и княземъ Добижа, Сербомъ, Инспекторомъ гимназіи. Сначала мы отправились было водою, т. е. Днѣпромъ, но сильный противный вѣтеръ произвелъ такое волненіе на Днѣпрѣ, лодка же наша была такъ мала (да и Ригельманъ немножко струсилъ), что мы, отплывъ версту, вышли на берегъ и отправились сухопутно, въ коляскѣ. До-

*) Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчаетъ сыну: полученная тобою статья Констант. есть ни что иное, какъ его письмо къ Дмитр. Оболенскому, писанное для прочтенія *нѣкоторымъ* лицамъ. Только впослѣдствіи мы узнали, что это письмо получило большую гласность. Вотъ отчего и ты о немъ не зналъ.

рога—или горы или пески, а потому мы ѣхали очень медленно и даже принуждены были ночевать у одного жида, очень благообразнаго, съ наружностью и формами тѣла крупно-библейскими. Смотря на него, спящаго, на его голыя ноги, я—не знаю почему—вспомнилъ о Гедеонѣ, о временахъ Олоферна... Но Юдиѳи между Еврейками до сихъ поръ еще не встрѣчалъ. Чижовъ обрадовался намъ чрезвычайно. Живетъ онъ совершенно уединенно: выстроилъ себѣ маленькій домикъ — въ полуверстѣ какой-то казенной деревни, окопалъ себя рвомъ, завелъ у себя садикъ и плантацію шелковыхъ деревьевъ. При немъ нѣсколько человѣкъ наемныхъ работниковъ. Шелковое его заведеніе идетъ отлично: онъ получилъ уже двѣ медали за свой шелкъ и пріохотилъ сосѣднихъ крестьянъ къ этому занятію, раздавая имъ безденежно сѣмена и наблюдая за обращеніемъ ихъ съ червями. Человѣкъ уже 60 въ окрестности стали разводить у себя тутовыя деревья и червей. Но производство хорошаго шелка требуетъ старательнаго ухода и ученаго знанія, а потому шелкъ крестьянскій очень низкой доброты.—Несмотря на все достоинство шелка у Чижова,—выгоды, получаемыя имъ, очень малы. При всѣхъ стараніяхъ онъ не можетъ имѣть болѣе 8 пудъ шелка, что — за исключеніемъ издержекъ — принесетъ до 1000 р. сер.—Стоитъ ли для этого хоронить себя въ глуши! Лѣтомъ оно ничего, но зимою.... Зато кажется Чижову сильно уже надоѣли его черви и онъ готовъ былъ бы бросить свое заведеніе, если бы нашелся выгодный покупщикъ. Видно, что уединеніе и мирная сельская жизнь просто набили ему оскомину: онъ скучаетъ, хандритъ, тоскуетъ, рвется въ Москву, называя ее церковью, храмомъ, который надо посѣщать для очищенія и обновленія силъ,—и зиму будущую проведетъ непремѣнно въ Москвѣ. Взглядъ на современныя событія у него одинаковъ съ нашимъ. Онъ собирается писать объ нихъ статью. Человѣкъ умный и дѣятельный, сознающій свои силы и дарованія, хорошо знакомый съ міромъ Славянскимъ, онъ хотѣлъ бы принять дѣйствительное участіе въ событіяхъ,—и еслибы правительству нужно было бы послать кого-нибудь къ Славянамъ,—то Чижовъ, по моему мнѣнію, могъ бы быть употребленъ съ величайшею пользою. Что касается до меня, то я не сознаю

въ себѣ способности принести большую пользу дѣлу службою на Дунаѣ, но для меня это просто потребность души, хочется быть рабочимъ хоть самымъ темнымъ и безвѣстнымъ! Я ни на секунду не оставляю этой мысли и жду писемъ изъ Петербурга *). На Дунай, на Дунай! Разумѣется, я не поѣду на Дунай, не съѣздивши въ Абрамцево; но дѣла идутъ такъ медленно, что — кажется—и черезъ два мѣсяца пріѣхать на Дунай будетъ не поздно! — Чижова въ околоткѣ называютъ *шовковый панъ*,—и онъ умѣлъ такъ себя поставить, что всѣ начальства и власти, около него живущія, его боятся и слушаются. Мы прогостили у него довольно долго и потомъ возвратились тою же дорогою въ Кіевъ. Я уже сказалъ, что дорога большею частью песчаная, но попадались иногда такія очаровательныя мѣста, которыхъ долго не забудешь. Пѣніе соловьевъ и благоуханіе бѣлой акаціи сопровождали насъ иногда по нѣскольку верстъ сряду. Въ одномъ селѣ была ярмарка и весь народъ въ лѣтнихъ пестрыхъ одеждахъ, а дѣвушки въ цвѣтахъ. Страсть къ цвѣтамъ такъ сильна, что носятъ даже вѣнки искусственныхъ цвѣтовъ на головѣ, при недостаткѣ настоящихъ. Хороша весна въ Малороссіи, гдѣ такъ силенъ союзъ человѣка съ природой! Чижовъ также хочетъ лѣтомъ быть въ Сокиренцахъ, имѣніи Галагана въ Прилуцкомъ уѣздѣ, и мы всѣ опять съѣдемся тамъ. Это уже будетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, если я не уѣду на Дунай. Я много разсказывалъ Ригельману про Трутовскаго и у него есть проектъ—предложить Трутовскому отъ себя, отъ Галагана, Тарновскаго и отъ другихъ богатыхъ Малороссовъ сумму денегъ, достаточную для артистическаго путешествія по Малороссіи. Я думаю, Трутовскій не откажется; взамѣнъ денегъ онъ можетъ предоставить въ ихъ пользу свои рисунки. Къ 1-му іюня я буду въ Харьковѣ; 8-го или 9-го буду уже на Коренной (прошу васъ адресовать теперь мнѣ письма въ Курскъ до іюля мѣсяца, а съ іюля въ Полтаву). Въ Курской губерніи я проживу до іюля, потомъ переѣду въ Полтавскую губернію, гдѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ происходитъ знаменитая Ильинская ярмарка. Такимъ образомъ, возвращаясь изъ Курска въ Полтавскую губернію, я хотѣлъ

---

*) Ив. Серг. хлопоталъ о позволеніи поступить на службу при арміи.

бы захватить съ собою недѣли на двѣ Трутовскаго и повезти его къ Галаганамъ. Очень былъ бы радъ, еслибы это все устроилось; богатые Малороссы, увидавъ его рисунки, вѣрно обезпечатъ его во всемъ, чтобы онъ могъ вполнѣ предаться изученію Малороссіи. Я думаю, что фальшивая щекотливость не удержитъ Трутовскаго отъ принятія подобнаго предложенія. Если же онъ будетъ затрудняться, то, сдѣлайте милость, своимъ авторитетомъ разрѣшите его недоумѣнія. У Чижова проживаетъ теперь художникъ Агинъ— человѣкъ пустой, но превосходный акварелистъ. Онъ старше Трутовскаго, но знаетъ его по Академіи, хорошо помнитъ и отзывается о его талантѣ съ горячей похвалой, хотя съ тѣхъ поръ и не видалъ его рисунковъ.—Меня очень безпокоитъ медленность на Дунаѣ: все еще не вѣрится твердому рѣшенію правительства освободить Булгаръ; все еще боишься дипломатическихъ соображеній. —Давно уже, очень давно не имѣю я объ васъ извѣстій, милые мои Отесинька и Маменька, но надѣюсь на Бога, что все идетъ у васъ хорошо, по крайней мѣрѣ по прежнему. Въ Ромнахъ надѣюсь найти нѣсколько писемъ вашихъ и изъ разныхъ мѣстъ, а также изъ Петербурга. Слѣдующее письмо я буду писать вамъ или изъ Ромна или ужъ прямо изъ Харькова, такъ какъ изъ Харькова письма ходятъ скорѣе.

Харьковъ, 2 Іюня 1854 г. Середа.

Опять пишу вамъ изъ Харькова, милые мои Отесинька и Маменька. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня, поспѣшая къ ярмаркѣ, но ярмарка еще не началась. Всю прошедшую недѣлю шли безпрерывные дожди, которые сдѣлали дороги почти не проѣздными. Я въ буквальномъ смыслѣ слова — плылъ въ своей телегѣ, а не ѣхалъ. Вчера также погода безпрестанно мѣнялась: то ясно и солнечно, то дождикъ. Теперь также ясно, но не знаю — устоитъ ли. Это очень скучно, потому что нельзя ходить пѣшкомъ: улицы большею частію немощеныя, а черноземъ такъ распускается, что можно увязнуть или оставить калоши. За то, впрочемъ, онъ необыкновенно скоро и сохнетъ. Письмо, полученное мною въ Елисаветградѣ, совсѣмъ было успокоило меня на счетъ

Маменькиной болѣзни. Я предполагалъ, что послѣ кризиса, благодаря крѣпкой натурѣ, которую Богъ далъ Маменькѣ, выздоровленіе пойдетъ шибко, но изъ писемъ вашихъ вижу, что оно шло медленнѣе обыкновеннаго и что были даже рецидивы! Воображаю, какъ вы всѣ были опять встревожены! — Такъ и у васъ были жары въ Апрѣлѣ. Теперь, вѣроятно, васъ залило дождями. Несмотря на дожди, здѣсь покуда постоянно тепло. Харьковская губернія, въ сравненіи съ Полтавскою и Кіевскою, показалась мнѣ бѣдна растительностью, хотя несравненно богаче Московской. Зелень деревъ не такъ здѣсь густа и пышна, какъ въ Кіевской и Полтавской. Нѣкоторыя деревья не растутъ вовсе, а другія надо обвертывать на зиму соломой. Бѣлая акація растетъ и здѣсь, — но здѣсь больше кустами, а тамъ большими, толстыми деревьями. Проѣзжая вновь черезъ Малороссію, черезъ ея города и мѣстечки, я чувствовалъ все различіе даровъ природы южной и сѣверной. Опять повторяю: вся утонула въ зеленыхъ садахъ Малороссія. Пѣніе соловьевъ и благоуханіе деревьевъ сопровождали меня во всю дорогу! Какая прелесть! Здѣсь бы надо имѣть деревню, куда уѣзжать на все лѣто. Курская губернія кажется мнѣ отсюда уже сѣверомъ, да и здѣсь вездѣ называютъ ее Россіей и курчанина—русскимъ, т. е. великороссомъ. — Какая постоянная недобросовѣстность иностранныхъ газетъ относительно насъ. Даже l' Indep. belge, журналъ безпристрастный, и тотъ всѣ добрыя о насъ вѣсти печатаетъ какъ-бы не хотя, сокращая извѣстія или упоминая только вскользь. Каковъ мѣдный лобъ Французскій Императоръ: выбилъ медаль въ честь бомбардированія Одессы. Жду съ нетерпѣніемъ оффиціальнаго извѣстія о взятіи Силистріи. По частнымъ слухамъ, она уже взята и съ массою потерею людей. — Мнѣ кажется, милый Отесинька, что вы меня не совсѣмъ поняли, когда я вамъ писалъ, что хотѣлъ бы не доканчивать порученія Географическаго Общества. Я только тогда хотѣлъ это сдѣлать, когда имѣлъ бы въ виду положительную возможность перейти на Дунай. Это могло бы служить мнѣ поводомъ къ усиленному ходатайству передъ Обществомъ о снятіи съ меня порученія, потому что — безъ этого повода — поднимать такіе хлопоты не стоитъ. Общество знаетъ по-

ложеніе дѣлъ политическихъ и можетъ само судить—благопріятно ли оно для описанія торговли. Оно придумало бы разныя другія потребности въ подробномъ описаніи—для того только, чтобы не прекращать начатаго и не выказаться опрометчивымъ; оно сказало бы, что обстоятельства еще не имѣютъ такого вліянія на ходъ торговли, что ему нужна географія и статистика торговли, а не коммерческій трактатъ, не оцѣнка торговли и проч. и проч., что ему нужно знать географическое положеніе ярмарочныхъ пунктовъ и проч. и проч. Но если бы я имѣлъ въ виду возможность немедленно перейти на Дунай, то отказался бы на отрѣзъ съ возвращеніемъ денегъ. Отъ Гр. Блудовой я уже получилъ два письма. Переходъ на Дунай очень затруднителенъ изъ Петербурга. Всѣхъ назначаетъ самъ Паскевичъ. Перовскій также прислалъ мнѣ оффиціальный отвѣтъ—ему изъ военнаго Министерства на счетъ того — какимъ образомъ вообще совершается поступленіе на службу въ армію. Получилъ я письмо отъ секретаря Общества. Оно вовсе и не думаетъ прекращать мою работу, напротивъ хочетъ прибавить мнѣ денегъ. Послѣднее необходимо. Прочитавъ все это и взвѣсивъ, я пришелъ къ такому рѣшенію: докончить исполненіе возложеннаго на меня порученія, стараясь всевозможно сдѣлать описаніе полезнымъ — независимо отъ того положенія, въ которомъ находится торговля въ нынѣшнемъ году: надо предположить, что я путешествую въ 1852 и въ 1853 г. Между тѣмъ — завести сношенія (и уже завелъ) съ Канцеляріей и Штабомъ Фельдмаршала, чтобы разузнать—есть ли тамъ какое-нибудь мѣстечко для меня, не нуждаются ли тамъ въ человѣкѣ грамотномъ и проч. и проч. Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ придетъ не скоро, а между тѣмъ я буду доканчивать свое порученіе и поспѣшу съ отчетомъ такъ, чтобы въ Ноябрѣ мѣсяцѣ быть въ Петербургѣ и благодаря медленности, съ которою идутъ дѣла, кажется, я не опоздаю, если попаду на Дунай и черезъ полгода. Тогда — въ Январѣ я могу отправиться въ армію. Если же начать хлопоты, по окончаніи порученія, то слишкомъ много потеряется времени. Засѣданія Общества, по случаю вакаціоннаго времени, прекратились до Октября. Княжевичъ не могъ бы, безъ моего отношенія формальнаго къ Обществу, дѣлать

предложеніе о прекращеніи возложеннаго на меня труда.— Очень забавно, что въ отчетѣ Общества, недавно напечатанномъ, при исчисленіи разныхъ экспедицій и командировокъ, сдѣланныхъ Обществомъ, всѣ названы по фамиліямъ, а про меня сказано: особый изслѣдователь отправленъ для описанія ярмарокъ и проч. Цензоръ не пропустилъ имени. Впрочемъ—у нихъ цензоръ особенно глупъ. Онъ и тогда говорилъ, что не пропуститъ безъ высшаго разрѣшенія, но я думалъ, что это шутка, да и обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились,—но, кажется, на него они остались безъ вліянія. Сдѣлавъ слишкомъ 1200 верстъ въ телѣгѣ, я нашелъ очень неудобнымъ перекладываться на каждой станціи, терять и портить вещи, а потомъ и самаго себя приводить послѣ каждаго переѣзда въ состояніе, негодное для работы почти на цѣлыя сутки. Представился счастливый случай и я купилъ *нетычанку* (такъ зовется этотъ экипажъ въ Малороссіи, Новороссіи и въ западномъ краю) превосходную, заграничной вѣнской работы, за 55 р. сер. Мнѣ уже обѣщали купить ее въ случаѣ, если мнѣ придется возвращаться зимнимъ путемъ. Это телѣга же, особеннаго устройства, плетеная изъ камыша, на рессорахъ, также особеннаго простаго устройства. Она не такъ покойна, какъ обыкновенный рессорный экипажъ или даже тарантасъ, но покойнѣе телѣги и легче телѣги, такъ что безъ затрудненія можно ѣхать парой. Я очень доволенъ этою покупкой, а Аѳанасій еще больше.—Я остановился покуда въ гостинницѣ, но нынче переѣду въ пустой домъ Демонси, который самъ живетъ на дачѣ, на Основѣ, у Квитки. — Ярмарка оффиціально уже началась, но шерсти еще нѣтъ: ее задержали дурныя дороги. Ожидаютъ, что она будетъ очень плоха. Роменская же Вознесенская ярмарка была—что говорится—изъ рукъ вонъ плоха. Здѣсь я пробуду недѣлю, а потомъ отправлюсь въ Курскъ. На нѣсколько часовъ только заѣду къ Трутовскимъ. Въ Курскѣ и въ Курской губерніи я думаю остаться до конца Іюня.

Іюня 7-го 1854 г. Харьковъ. Понедѣльникъ.

Завтра чѣмъ свѣтъ ѣду въ Курскъ, а потому и заготовляю письмо наканунѣ, милые мои Отесинька и Маменька. Въ

середу получилъ я съ почты два письмеца отъ васъ.—Какъ же я радъ, что Маменькино нездоровье прекратилось! Досадно, что у васъ такъ сыро и столько нездоровыхъ испареній,—а что можетъ быть лучше для окончательнаго излеченія и возстановленія силъ, какъ здоровый лѣтній деревенскій воздухъ! Въ путешествіи моемъ, мнѣ приходилось не разъ наблюдать различіе мѣстностей, въ какихъ-нибудь десяти верстахъ другъ отъ друга, различіе атмосферическихъ условій и вліяніе ихъ на здоровье жителей и на наружный ихъ видъ. Тутъ село на болотѣ, тамъ на пескѣ—и народъ совершенно разный, разумѣется по наружности и столько, сколько могутъ дѣйствовать на нравственную сторону человѣка физіологическія условія, не захватывая всей души и не лишая его возможности эманципироваться отъ власти природы волею и трудомъ. Вы пишете, что у васъ безпрестанные жары. Здѣсь же въ это время жаровъ вовсе не было, а недѣли двѣ шли безпрерывные дожди; впрочемъ, было очень тепло. Теперь, кажется, начнутся жары, но съ грозами,—третьяго дня и вчера были грозы; нынче, вѣрно, также будетъ гроза. Зелень роскошная, густая; для травъ также очень хорошо. Впрочемъ—дожди шли какъ-то полосами и разсказываютъ, будто въ Новороссійскихъ степяхъ травы всѣ повыгорѣли отъ засухи. Вы пишете, милый Отесинька, что васъ на 5 дней захватилъ Тургеневъ. Такъ онъ былъ у васъ? Что же, какъ его нашли у насъ, понравился ли онъ и что онъ самъ теперь, каковъ? Кончилъ ли онъ свой романъ и читалъ ли его вамъ? Вы такъ мало о немъ говорите, что какъ будто имъ не совсѣмъ довольны. *—Здѣсь теперь два знатные англичанина, Гамильтонъ и Эльсингтонъ (кажется), взятые на Тигрѣ. Одинъ изъ нихъ внукъ кн. Воронцова, сестра котораго—Леди Пемброкъ. Съ ними нянчатся, какъ съ самыми дорогими гостями,—не съ уваженіемъ, какое слѣдуетъ оказывать военно-плѣнному, а съ какимъ-то заискиваніемъ и подобострастіемъ; всячески хотятъ доказать, что мы не варвары. И очень ошибутся. Англичане, въ гордомъ со-

---

* Серг. Тим. отвѣчаетъ: О Тургеневѣ писать—неумѣстно. Какъ добрый человѣкъ онъ понравился намъ, т. е. нѣкоторымъ. Но какъ его убѣжденія совершенно противуположны и какъ онъ совершенно равнодушенъ къ тому, что всего дороже для насъ, то ты самъ можешь судить, какое онъ оставилъ впечатлѣніе. Впрочемъ, по моей вѣротерпимости это не мѣшаетъ мнѣ любить его по прежнему.

знаніи своего нравственнаго превосходства, примутъ это все, какъ за должное и, по возвращеніи, непремѣнно назовутъ насъ опять варварами, можетъ быть — снисходительно похвалятъ, можетъ быть—посмѣются. Говорятъ, что они будутъ жить въ Москвѣ. Одинъ изъ нихъ говоритъ по французски, но плохо; другой вовсе не говоритъ. Имъ давали обѣды и Генералъ-губернаторъ и Губернаторъ, на которые позваны были всѣ дамы и дѣвицы, говорящія по англійски. Они, впрочемъ, оба (т. е. Англичане) очень нелюбезны; одинъ изъ нихъ хвастался, что первое ядро въ Одессу было пущено имъ. Вчера здѣсь разнесся слухъ, что русскія войска вступили въ Галицію. Но этотъ радостный слухъ, кажется, выдуманъ нарочно, чтобы еще болѣе понизить цѣны на шерсть на здѣшней шерстяной ярмаркѣ. Теперь еще поддерживаетъ цѣны возможность сбыть шерсть за границу сухимъ путемъ черезъ Австрію. Эта ярмарка, которая называется панскою т. е. господскою, отличается отъ прочихъ тѣмъ, что въ ней продавцы всѣ—помѣщики, такъ какъ шерсть главный источникъ доходовъ помѣщиковъ здѣшняго края. Обширное поле за заставой уставлено возами или, лучше сказать, воловыми фурами съ мѣшками шерсти (въ мѣшкѣ обыкновенно пудовъ 12) мытой, грязной и перегонной. Тутъ же около возовъ пасутся отпряженные волы, стоятъ экипажи (нѣкоторые помѣщики или ихъ управляющіе, не нанимая квартиръ, почти тутъ и живутъ), тутъ же импровизированные трактиры подъ палатками; съ другой стороны красуется зданіе акціонерной шерстяной компаніи, на крыльцѣ котораго толпятся директора, помѣщики и покупатели. Помѣщиковъ бездна! Изо всѣхъ норъ и щелей они повылѣзли и у всѣхъ довольно пасмурныя лица, потому что цѣны очень, очень низки, а шерсти навезли много. Я таскался часто на эту площадь, наблюдалъ помѣщиковъ и чувствовалъ себя—въ сравненіи съ ними, по недостатку практическаго знанія и чутья—очень жалкимъ и ничтожнымъ созданіемъ: я до сихъ поръ не могу выучиться различать шерсть мытую отъ перегонной и разные сорта ея! Ярмарка эта продолжится еще долго, и всѣ подробности о ней мнѣ будутъ извѣстны. Теперь же ѣду въ Курскъ, т. е. ѣду черезъ часъ. Почта пришла и не привезла отъ васъ писемъ. Вѣрно найду ихъ въ Курскѣ. Я намѣренъ заѣхать къ Трутовскимъ часа на два. Прощайте.

13 іюня 1854 г. Воскресенье. Коренная.

Окна мои растворены; на улицахъ шумъ, гамъ, крики, пѣсни, пьяные возгласы и топотъ пляски, словомъ — ярморочный вечеръ въ полномъ смыслѣ, но я не буду теперь описывать вамъ ярмарку, а лучше разскажу вамъ, милый Отесинька и милая Маменька, всю эту недѣлю по порядку. Въ понедѣльникъ вечеромъ на прошедшей недѣлѣ отправился я изъ Харькова. Дорога, послѣ дождей, была такъ гнусна, тѣмъ болѣе, что она перерѣзывается безпрестанно линіей шоссе, еще не оконченнаго, да и оставленнаго теперь вовсе по случаю военныхъ издержекъ,—что ѣхалъ я довольно медленно, по моему. Растительность Курской губерніи бѣднѣе Харьковской; здѣсь не растетъ бѣлая акація; но въ Курской губерніи она несравненно богаче Московской; къ тому же въ Курской губерніи фруктовыхъ садовъ едва ли не больше, чѣмъ въ Полтавской. Знаете ли вы, что лучшіе фрукты доставляются даже въ Малороссію изъ Курской и что Курская губернія перетянула къ себѣ всю торговлю фруктами? Я не проѣзжалъ прежде лѣтомъ черезъ Курскую губернію и мнѣ она понравилась. Меня привѣтствовали Курскіе соловьи, знаменитые соловьи, хотя слава ихъ уже начинаетъ переходить къ Бердичевскимъ. Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ я къ Трутовскимъ. Никого ихъ не было дома, Нины и Машеньки также: уѣхали къ сосѣдямъ. Я послалъ къ нимъ верхового, но Трутовскіе разъѣхались съ нимъ и догадались о моемъ пріѣздѣ, увидавъ мою нетычанку. Можете себѣ представить, какъ они мнѣ обрадовались,—но эта радость была смѣшана съ заботою Трутовскаго, чтобы Sophie не слишкомъ волновалась. Въ этотъ день она въ первый разъ выѣхала прокатиться. Оба они страшно исхудали, въ особенности Sophie; къ тому же она острижена и лицо ея носитъ еще всѣ слѣды ужасной болѣзни. Она очень, очень слаба; у обоихъ нервы сильно разстроены, но оба веселы, бодры и также счастливы. Страшно слушать разсказы ихъ про болѣзнь Sophie, про ея бредъ, котораго трусилъ самъ докторъ. Вѣроятно, это все описано ими съ подробностью, и импровизаціи стиховъ на Малороссійскомъ нарѣчіи и всѣ фантастическія ея причуды! Зато нельзя безъ нѣкотораго душевнаго

умиленія видѣть и слышать, какъ они оба умѣли отыскать въ этой бѣдѣ полезную и добрую сторону и новую причину къ счастію! Оба они пришли къ такому заключенію, что болѣзнь принесла имъ много, много добра, что они сознали себя виноватыми противъ своихъ сосѣдей, рѣзко осуждая и презирая ихъ, тогда какъ всѣ они заплатили имъ за зло добромъ, снабжали ихъ во время болѣзни всѣмъ нужнымъ, показали имъ самое нѣжнѣйшіе участіе; что, не смѣшиваясь совсѣмъ съ ихъ жизнью, они, Трутовскіе, не должны презирать ихъ и цѣнить доброе въ человѣкѣ, доброе, за которое простится, можетъ быть, многое дурное и котораго, можетъ быть, въ нихъ больше, чѣмъ въ нихъ самихъ и проч. и проч. Поэтому Sophie и рѣшилась поѣхать къ нимъ ко всѣмъ съ визитами въ первый разъ послѣ 2-хъ лѣтняго пребыванія въ деревнѣ. Далѣе, они тѣснѣе подружились съ сестрами, въ особенности съ Машенькой, которая, какъ мнѣ показалось, сама размягчилась совершоннымъ ею подвигомъ. О заботахъ, оказанныхъ ей во время болѣзни, Sophie не можетъ и говорить безъ слезъ. Далѣе: оба они пришли къ заключенію, что такая замкнутая жизнь при такомъ постоянномъ поэтическо-нервическомъ напряженіи вредна и разстроила имъ обоимъ нервы, что надо жить нѣсколько проще, не чуждаться людей и ихъ обыденной пошлости. Это послѣднее рѣшеніе довольно мудро. Они въ самомъ дѣлѣ, въ особенности Трутовскій, сжигаемый дѣятельностью художнической при такомъ изобиліи досуга,—очень подорвали свои нервы. Можно многое бы сказать по поводу этого вопроса, но объ этомъ когда-нибудь пространно на досугѣ.—Я очень утѣшилъ Трутовскихъ предложеніемъ отъ кружка Малороссовъ совершить на ихъ счетъ артистическое путешествіе по Малороссіи. Думаю даже, если состоится поѣздка Sophie къ Лиз. Алекс. Л** — взять Трутовскаго съ собою къ Галаганамъ. — Онъ читалъ мнѣ одно письмо Макрицкаго: очень умное и въ высшей степени лестное. Комната его заставлена разными этюдами масляными красками и — кажется мнѣ — они очень хороши. Сережа ихъ, въ добрый часъ будь сказано, здоровый и крѣпкій ребенокъ. Я доставилъ удовольствіе Sophie и позволилъ ей въ короткое время накормить себя всякой всячиной и напоить себя два раза чаемъ (за

что потомъ и поплатился спазмами; ну да въ дорогѣ это все ничего), пробылъ у нихъ до 12 часовъ ночи и отправился въ Курскъ, куда пріѣхалъ уже къ утру. Курскъ показался мнѣ очень живописнымъ. Такъ какъ ярмарка уже началась, хотя крестнаго хода еще и не было, то Губернаторъ и всѣ власти переѣхали въ Коренную. Я заѣхалъ въ канцелярію и узнавъ, что главный дѣятельный членъ Статистическаго Комитета, нѣкто Николай Ивановичъ Билевичъ, отправился къ нему. Онъ принялъ меня, какъ человѣка, давно по слухамъ ему знакомаго; оказалось, что онъ самъ какая-то знаменитость, т. е. не больше моей. Къ сожалѣнію—я рѣшительно ничего изъ его трудовъ ученыхъ и литературныхъ не знаю, но фамилію эту я помню. Онъ долго служилъ въ Москвѣ, товарищъ Гоголя по лицею, знаетъ Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, слышалъ Константина съ восхищеніемъ, когда онъ спорилъ съ раскольниками, знаетъ всѣ подробности моей службы. Выйдя потомъ въ отставку, поселился онъ на своей родинѣ, въ Курскѣ, а теперь вступилъ вновь на службу по Статистическому Комитету. (Эти Комитеты преобразованы Бибиковымъ и обѣщаютъ сдѣлаться полезными; важно то, что членами могутъ быть и частныя лица, купцы и другіе не служащіе). При всемъ томъ—онъ очень высокаго о себѣ мнѣнія и держитъ себя очень осторожно; но человѣкъ положительно умный. Въ ожиданіи крестнаго хода, за нѣсколько дней собравшійся народъ наполнялъ собою весь городъ. Особенно хорошъ былъ видъ на эти пестрыя толпы изъ окна моей гостинницы на соборной площади. Гулъ не умолкалъ, движеніе народныхъ волнъ не прерывалось. Народъ, какъ дома, располагался на площади, обѣдалъ, ночевалъ, отдыхалъ. Пообѣдавъ, я отправился въ Коренную, куда и пріѣхалъ къ вечеру. По указанію Билевича, я скоро нашелъ себѣ квартиру въ какой-то «ставкѣ» на верху, близъ самой ярмарки. Мнѣ нельзя было нанимать въ деревняхъ сосѣднихъ, потому что мнѣ надо по десяти разъ на день бывать на ярмаркѣ,—а цѣны въ ставкахъ страшно дорогія. Наконецъ выторговалъ я себѣ комнатку довольно свѣтлую, наверху, что очень важно (можно безопасно отворять окна), за 20 руб. сер. съ самоваромъ. Что это за ставки? Домики изъ досокъ, сколоченные на жи-

вую руку, кривые, косые: никто лучше не помѣщается, только есть два каменныхъ домика для Губернатора и жандармскаго полковника. На другой день утромъ познакомился я съ Губернаторомъ, еще очень недавно сюда опредѣленнымъ, Зоринымъ. Онъ принялъ меня учтиво, но сухо: ему, кажется, весьма непріятно, что я присланъ описывать ярмарку, когда онъ самъ поручилъ описаніе ярмарки своимъ чиновникамъ, въ особенности Билевичу, желая щегольнуть такимъ тщательнымъ и интереснымъ трудомъ. Теперь же—онъ обязанъ сообщить мнѣ всѣ оффиціальныя свѣдѣнія или оказать содѣйствіе къ собранію таковыхъ. Я понимаю, что это досадно, но я объяснилъ ему черезъ Билевича, что его трудъ будетъ гораздо полнѣе и точнѣе моего, что ярмарка коренная входитъ въ мой трудъ, какъ часть, и не составляетъ предмета особеннаго спеціальнаго изученія, для котораго надо было бы прожить въ губерніи цѣлый годъ и посѣтить ярмарку два раза, что и дѣйствительно такъ. Съ тѣхъ поръ я его и не видалъ, да и ни съ кѣмъ изъ чиновниковъ не познакомился: здѣсь такое суматошное время и мнѣ много дѣла, да и не знаешь, гдѣ кто здѣсь живетъ: все на лагерномъ положеніи. На другой день вечеромъ, т. е. въ четвергъ, отправился я обратно въ Курскъ, чтобы видѣть крестный ходъ; тамъ ночевалъ и въ пятницу, съ 8 часовъ утра, уже былъ на площади, которая вмѣстѣ съ примыкающими къ ней улицами была буквально запружена народомъ. Народу было, я думаю, право тысячъ 100, и большею частію женщинъ. Нигдѣ не видалъ я такого разнообразія женскихъ нарядовъ и головныхъ уборовъ. Каждый уѣздъ Курской губерніи имѣетъ свой нарядъ: часть губерніи—Путивль, Рыльскъ и проч. носитъ характеръ Малороссійскій, часть губерніи—Великорусская.—Сюда бы надо пріѣхать Трутовскому, чтобы на досугѣ всмотрѣться и нарисовать всѣ эти уборы и наряды, изъ которыхъ нѣкоторые очень красивы. Я долженъ признаться, что нарядъ Курскаго уѣзда гораздо красивѣе Малороссійскаго; это шерстяная юбка ярко-пунцоваго цвѣта, юбка, а не узкая плахта и не понёва, и бѣлая рубашка. Въ Малороссіи почти не носятъ юбокъ, а обвертываются плахтою, чтò не очень красиво; на головахъ же у курчанокъ красные шерстяные платки, сложенные такъ, что широкіе концы висятъ немного сзади.—Тутъ

видѣлъ я и высокіе, золотомъ вышитые овальные кокошники, на которые набросаны были длинныя кисейныя покрывала, и высокіе круглые токи съ платкомъ, сложеннымъ какъ чалма; и сарафаны очень красивые съ круглымъ вырѣзомъ на груди. Словомъ, сюда надо ѣхать, чтобы видѣть все разнообразіе и красоту простого женскаго народнаго костюма. Какъ женщинъ было гораздо больше, чѣмъ мущинъ, и какъ преобладающій цвѣтъ нарядовъ былъ пунцовый, то картина была великолѣпная. Я часа два ходилъ по площади, и пріятно было видѣть, какъ чувствуетъ себя народъ дома въ народномъ множествѣ, хотя всѣ пришли изъ разныхъ концовъ; какъ постоянно сознаетъ онъ свое братство. Во время хода одна барыня изъявила вслухъ свое презрѣніе къ мужикамъ за то, что ее толкнули. «Дѣло народное,» разсуждали по этому случаю между собою крестьянки,» какъже не толкнуть. Да и чтожъ она брезгаетъ: вѣдь это все народъ крещеный».—Было душно и жарко; долго, долго дожидались мы крестнаго хода, наконецъ часу въ 11-мъ онъ тронулся. Фонари и иконы были украшены цвѣтами. Когда потекла эта рѣка народная по улицамъ, то, право, казалось мнѣ не устояла бы тутъ никакая французская или англійская баттарея. Когда же вышли за заставу, то народъ разлился ручьями по зеленому полю, по окраинамъ дороги. Народу было столько, что голова процессіи отъ хвоста отстояла верстъ на пять. Я вовсе не думалъ провожать икону. Но оказалось, что объѣхать ее не было никакой возможности, къ тому же я никакъ не могъ и отыскать своего извощика. Такимъ образомъ я прошелъ съ народомъ пѣшкомъ 12 верстъ, до Каменки, гдѣ былъ привалъ; я былъ этимъ очень доволенъ. Пріятно какъ-то съ такимъ множествомъ дѣлать одно дѣло, дѣлить трудъ и усталость, да въ дорогѣ же больше сближаешься. Въ Каменкѣ рѣка довольно извилистая и живописная. Подойдя къ ней, цѣлыя тысячи мущинъ и женщинъ бросились въ воду обмывать свои горячія запыленныя ноги и колѣни, потомъ всѣ расположились обѣдать по берегамъ рѣки, и далеко, во всѣхъ концахъ пестрѣли самыя живописныя группы. Словомъ — крестный этотъ ходъ такъ хорошъ, что я лучше ничего не видалъ, и стоитъ, чтобы пріѣхать нарочно взглянуть на него. Въ Каменкѣ нашелъ я

:вою телѣгу и отправился въ Коренную, а народъ, отдох-
іувъ, провожалъ пѣшкомъ икону вплоть до монастыря и
іотомъ разсыпался по ярмаркѣ и окрестностямъ. Оживлен-
іѣе, народнѣе ярмарки мнѣ не приходилось видѣть. Но по
орговымъ оборотамъ ярмарка очень плоха.—Мнѣ еще пред-
:тоитъ описать вамъ въ подробности самую ярмарку и здѣш-
іее общество, съ которымъ, впрочемъ, я не знакомъ,—но
ставляю это до будущаго раза. Аѳанасій съ оказіей ѣдетъ
ъ Курскъ, гдѣ и отдастъ это письмо. Какъ жаль Андрея
Карамзина! Его поступленіе въ военную службу безъ вся-
ой надобности, предпочтеніе, оказанное имъ трудамъ во-
нымъ передъ роскошными удобствами жизни, вслѣдствіе
скренниxъ русскихъ, какъ онъ понималъ ихъ по своему,
бѣжденій и наконецъ эта смерть—все это должно прими-
ить съ нимъ каждаго, рѣзко осуждавшаго его прежде. Бѣд-
ая Аврора! Она его страстно любила. Здѣсь нельзя достать
азетъ, а говорятъ — есть извѣстіе о взятіи Силистріи. —
Прощайте, милый Отесинька и милая Маменька, будьте,
ади Бога, здоровы. Цѣлую Ваши ручки, обнимаю Кон-
тантина и всѣхъ сестеръ. Я думаю — слѣдующее письмо
уду еще писать изъ Коренной. Прощайте.

Курскъ. 20 Іюня 1854 г. Воскресенье.

Ярмарка кончилась и я перебрался въ Курскъ еще въ
етвергъ, милый Отесинька и милая Маменька. Здѣсь по-
училъ я ваше письмо отъ 11-го Іюня.—У васъ все боль-
ые! Какъ хотите, а я все приписываю Абрамцевскому кли-
іату, т. е. не климату, а нездоровому, вѣчно сырому мѣсто-
іоложенію. Мнѣ недавно какъ-то и Аѳанасій жаловался на
іездоровую Абрамцевскую мѣстность.—Теперь вѣрно у васъ
ожди; здѣсь каждый день грозы и очень тепло. Я постоянно
плю съ открытыми окнами. Воздухъ сухъ и легокъ. Какъ
інѣ больно, Іюнь мѣсяцъ проходитъ у васъ даромъ, милый
)тесинька, и что вы имъ не пользуетесь, какъ бы слѣдовало!
Съ каждой почтой жду болѣе утѣшительныхъ отъ васъ из-
ѣстій, но до сихъ поръ они всѣ довольно грустны.—Труш-
овскаго(родственникъ Гоголя)я вѣрно увижу у Марьи Ивановны
Гоголь, у которой предполагаю быть въ началѣ Іюля. На комъ же

именно хочетъ жениться Тургеневъ? Это любопытно знать. Я получилъ еще письмо отъ Графини Блудовой. Я зналъ, что только коснись этого источника, онъ такъ и забьетъ ключемъ. Къ тому же женщины чрезвычайно любятъ исполнять порученія; имъ кажется тогда, что онѣ заняты серьезнымъ, важнымъ дѣломъ. Я очень ей благодаренъ. На этотъ разъ она сообщаетъ мнѣ справки, наведенныя Шеншинымъ. На Дунай попасть нѣтъ никакой возможности, а есть возможность перейти въ Одессу, къ Сакену. Это меня мало привлекаетъ. Впрочемъ, если—по окончаніи моего порученія, не будетъ въ виду ничего лучшаго, то—пожалуй—перейду и къ Сакену, тѣмъ болѣе, что южный берегъ можетъ сдѣлаться театромъ важныхъ военныхъ дѣйствій. Кстати. На Коренной была бакалейная лавка одесскаго купца Болгарина Палаузова; въ ней сидѣлъ прикащикъ его, Грекъ, только что пріѣхавшій изъ Одессы. Отъ него я узналъ многія интересныя подробности. Этотъ Палаузовъ,—старшина и покровитель всѣхъ одесскихъ Болгаръ,—родной братъ Палаузова, котораго мы всѣ знаемъ и который теперь прикомандированъ къ канцеляріи Главнокомандующаго на Дунаѣ, по требованію самого Паскевича. Кромѣ того еще два ихъ родные брата, да два двоюродные вступили въ военную службу и дерутся тамъ, на Дунаѣ. Пожертвованія въ пользу Болгаръ составятъ довольно значительную сумму. Изъ Москвы отъ какой-то дамы (имя ея Грекъ забылъ) съ Арбатской улицы получено 300 руб. сер., да отъ неизвѣстнаго—тоже 300 или 500 руб. сер.—не помню, сколько именно. (Кстати: пожертвованія слѣдуетъ адрессовать на имя Почетнаго Гражданина Константина Николаевича Палаузова, въ Одессу). Въ Одессѣ—въ домѣ Палаузова учрежденъ Болгарскій Комитетъ—изъ Болгаръ, которые дѣлаютъ распоряженіе этими деньгами, назначая ихъ на такое или другое полезное для Болгаръ употребленіе. Въ Букарестѣ также есть Комитетъ Болгарскій (это Комитеты частные). Уже образовался на Дунаѣ цѣлый Болгарскій полкъ, собственными средствами Болгаръ. У нихъ какой-то особенный нарядъ и каска съ изображеніемъ льва, держащаго крестъ. На Дунаѣ сформировался такимъ же образомъ и Греческій полкъ. Эти полки теперь учатся. Кромѣ того множество Болгаръ и Грековъ вступаютъ въ волонтеры. Но въ Россіи

волонтеровъ не принимаютъ, и потому Русскіе Болгаре и Греки обыкновенно поступаютъ просто въ рядовые и потомъ, когда ихъ переведутъ за Дунай, позволяютъ имъ перечисляться въ волонтеры. Грекамъ также посланы большія суммы отъ Русскихъ Грековъ и—какъ увѣрялъ меня прикащикъ—отъ Русскаго правительства. Онъ увѣрялъ меня, что три корабля, задержанные теперь въ Австрійскихъ портахъ, *подарены* Государемъ Греціи... Когда онъ выѣзжалъ изъ Одессы, то проѣздомъ изъ Аѳинъ въ Петербургъ были тамъ три Грека, посланные будто бы отъ Греческаго правительства къ Государю за совѣтами и наставленіями. Такимъ образомъ обнаруживается много пружинъ, для насъ скрытыхъ. Допущенный въ канцелярію какого-нибудь главнаго начальника я—по крайней мѣрѣ—буду знать всѣ подробности дѣйствій.— Коренная—ярмарка горячая, какъ выражаются купцы. Это значитъ, что она вся разыгривается въ одну недѣлю. И дѣйствительно—настоящая торговля продолжается не дольше, но съ раскладкою и укладкою товаровъ, съ разсчетами—тянется около двухъ недѣль. Въ пятницу былъ крестный ходъ. Въ этотъ день наѣхало множество дворянъ, помѣщиковъ и Курскаго beau-monde. Весь этотъ народъ пробылъ до понедѣльника; съ этого дня стала ярмарка разъѣзжаться, а со вторника многіе гуртовщики—«забираться»—по ихъ выраженію. Въ пятницу и субботу уничтожились всѣ слѣды ярмарки. Въ одномъ изъ каменныхъ рядовъ, гдѣ продавался модный галантерейный товаръ и гдѣ красовались вывѣски Матье, Матьяса, Гайдукова и другихъ—происходило постоянное гулянье Курскихъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ. Впрочемъ—купцамъ отъ этого гулянья мало было толку. Дамы прогуливались взадъ и впередъ и немного покупали. Къ тому же говорятъ,—что въ сравненіи съ прежними годами посѣтителей было гораздо меньше. Замѣчательныхъ красотою дамскихъ лицъ было очень мало. Но, впрочемъ, дамы туда и сюда и гораздо лучше кавалеровъ, которые,—такіе дурни!—щеголяли, не смотря на невыносимый жаръ, въ суконныхъ платьяхъ и въ черныхъ шляпахъ. Я ни съ кѣмъ не успѣлъ познакомиться, ибо вся эта элегантная толпа не удостоивала меня никакого вниманія или съ презрѣніемъ смотрѣла на мой пеньковый костюмъ. Я въ Елисаветградѣ сшилъ себѣ брюки, жилетъ, пальто и

картузъ изъ одной суровой русской лощеной толстой пеньки. Вышло и дешево и, по моему мнѣнію, очень нарядно. Сшилъ платье мнѣ одинъ жидъ Мошко или Гершко и сшилъ превосходно. Къ тому же я проходилъ черезъ ряды всегда съ печально-озабоченной физіономіей, высматривая—не пропустилъ ли я какой-либо замѣчательной лавки или соображая средства, какъ привести въ извѣстность количество какихъ-нибудь товаровъ. Думаешь—вотъ подойти, спросить... а онъ спроситъ: что изволите покупать? или: а вы сами откуда? вы кто-такой? извините—намъ некогда. или—мы сами не знаемъ, или—мы не обязаны вамъ отвѣчать, и что-нибудь въ этомъ родѣ. Потребовать же свѣдѣній оффиціальною властью—значитъ испортить все дѣло, не узнать ничего, удовольствоваться тѣмъ вздоромъ, который умышленно будетъ показанъ, и напугать торговцевъ! Я, впрочемъ—къ оффиціальной власти и не прибѣгаю, — дѣлаю свои разспросы — не обнаруживая своего званія—или же знакомлюсь, при пособіи разныхъ рекомендацій, съ важнѣйшими купцами, которымъ и объясняю цѣль своихъ изслѣдованій и которые уже и преподаютъ мнѣ общее понятіе о движеніи торговли по своей части. Но очень скучно въ жаръ таскаться по этимъ пыльнымъ площадямъ, между грудами вонючихъ сырыхъ кожъ, между вововъ съ соленою рыбою, которой запахъ такъ отвратителенъ, и между прочихъ товаровъ и разспрашивать—изыскивая разные способы вступать въ разговоръ и получая иногда отъ лѣниво лежащихъ на своемъ товарѣ низкаго класса торговцевъ — прегрубые отвѣты. Но иногда и удается. И тогда спѣшишь или домой или за уголъ, гдѣ бы не было меня видно, чтобы отмѣтить полученныя свѣденія, а то какъ разъ перепутаешь. Да и тутъ часто наговорятъ такого вздора! На Коренной мнѣ удалось познакомиться со многими значительными фабрикантами и торговцами, которые будутъ мнѣ очень полезны своимъ содѣйствіемъ. Но вѣдь съ какимъ трудомъ пріобрѣтаются эти знакомства! Знаете ли вы, что одного торгующаго сословія лицъ, считая съ прикащиками и рабочими, бываетъ до 30 тысячъ человѣкъ! Разумѣется, тутъ и торгующіе крестьяне. — Въ другомъ каменномъ ряду, гдѣ производится продажа низшаго краснаго товара, точно такая же толпа, какъ и въ галантерейномъ, только тутъ крестьянки,

всѣ разряженныя въ пухъ! Онѣ также приходятъ сюда больше для гулянья. Хорошенькія изъ нихъ всегда одѣты изысканнѣе другихъ и съ явнымъ сознаніемъ носятъ свою красоту. У всѣхъ лица такъ и горятъ отъ удовольствія. Это ихъ выѣздъ въ свѣтъ. Здѣсь происходитъ точно такое же любезничанье и кокетство, какъ и въ галантерейномъ ряду, только въ другой формѣ. Здѣсь также много парней и вообще мущинъ ихъ же сословія, которыя громко и безцеремонно выражаютъ свои мнѣнія. Иной, встрѣтясь съ какой-нибудь вовсе незнакомой деревенской красавицей, вдругъ облапитъ ее съ возгласомъ: «ребята, вотъ моя невѣста!» «Ахъ ты такой сякой» —закричитъ та ему въ отвѣтъ, и посыпится градъ всевозможныхъ любезностей, отъ которыхъ скромному человѣку придется бѣжать вонъ!—Въ воскресенье былъ хороводъ. Бабы молодыя и дѣвки стали въ кружокъ и начали пѣть пѣсни, потомъ ходить кругомъ — не держась за руки, а притоптывая и приплясывая. Явился какой-то молодецъ, коснулся рукой одной молодой бабы и пустился съ нею плясать въ кругу. Плясали очень хорошо. Густая толпа окружала хороводъ и угощала его шуточками, которыми едвали бы Константинъ сталъ восхищаться!—Въ то же время давался въ театрѣ балъ, на которомъ, впрочемъ, говорятъ, никого не было, за недостаткомъ кавалеровъ, но, вѣроятно, и дворянское сословіе гдѣ-нибудь веселилось по своему. Вы не можете себѣ и представить, какъ опротивѣли мнѣ ярмарки! Каждая ярмарка—масляница, а масляницу я всегда терпѣть не могъ. Но Коренная въ этомъ отношеніи хуже всѣхъ. На ярмаркѣ русскій человѣкъ считаетъ себя какъ бы внѣ закона и гуляетъ на пропалую, оправдывая все словомъ: ярмарка! Всю ночь на пролетъ крики и пѣсни пьяныхъ, писки, визги, грубѣйшія шутки и грубѣйшій развратъ со всѣмъ цинизмомъ, до котораго русскій человѣкъ охотникъ. Ночь чудесная: тоска беретъ сидѣть дома на верху, гдѣ очень душно. Книгъ со мною тамъ не было; выйдешь на улицу и спѣшишь домой. Безпрестанно натыкаешься на безобразныхъ пьяницъ и мужскаго и женскаго пола; непрерывно раздаются въ ушахъ вашихъ русскія ругательства, какъ будто другихъ словъ и не существуетъ для русскаго человѣка въ праздникъ (надобно знать, что вѣдь это онъ

все чествуетъ Богородичный праздникъ и на толки о переводѣ ярмарки въ Курскъ—отвѣчаетъ, что Владычица этого не потерпитъ!. А на одну улицу и ходить было страшно. Тамъ происходилъ совершенный Содомъ! Развратнѣе ярмарки я не видалъ. Малороссы гораздо скромнѣе.—Я чувствовалъ себя совершенно одинокимъ на Коренной. Губернаторъ ограничился со мной однимъ оффиціальнымъ знакомствомъ, съ обществомъ я не могъ познакомиться, днемъ — правда — я былъ постоянно въ хлопотахъ, мною вамъ описанныхъ, но людей—съ кѣмъ бы перемолвить можно было два, три живыхъ словечка—не было ни души. Сводить же свѣдѣнія въ систематическій порядокъ нельзя, потому что не всѣ еще собраны и часть получится еще на Ильинской ярмаркѣ.— Я люблю народное веселье: въ немъ есть всегда что-то законное и здоровое, но безобразное веселье, цинизмъ ненавижу, тѣмъ болѣе, что тутъ нѣтъ страсти, а какой-то холодный развратъ. Впрочемъ—я знаю, что это развратъ болѣе внѣшній и мало проникающій въ душу и что гораздо отвратительнѣе его какой-нибудь балъ въ Парижской оперѣ на масляницѣ. — Вездѣ скверно. — Я забылъ или не успѣлъ вамъ разсказать довольно интересную, по крайней мѣрѣ для меня, вещь. Въ прошедшую пятницу, т. е. 11 іюня, когда я часа два на площади толпился въ народѣ, ожидая крестнаго хода (если вы помните мое описаніе), терзали мой слухъ безпрерывные крики кликушъ въ разныхъ концахъ площади. Это не удивительно. Народу была тьма тьмущая и большею частью женщинъ; солнце пекло безъ милосердія; между тѣмъ какая-то праздничная торжественность, разлитая въ воздухѣ, видъ пестрой массы народа, колыхавшагося, какъ море, ожиданіе: вотъ, вотъ ударятъ въ колоколъ—все это могло дѣйствовать на нервы. Прошелъ цѣлый часъ. Кликуши не умолкали. Мнѣ стало ихъ очень жалко, особенно одну, стоявшую невдалекѣ: цѣлый часъ мучиться такимъ образомъ — очень тяжело. Особенно оскорбляли меня слова народа, образовавшаго около каждой кликуши толпу любопытныхъ: «вишь, какъ ее бѣсъ ломаетъ! окаянная, окаянная!» Подходилъ какой-то знахарь къ одной изъ нихъ (именно къ той, которая была недалеко отъ меня), давалъ что-то глотать, шепталъ—ничего не помогло. Мнѣ пришло

ъ голову, что не умѣютъ взяться, чтобы прекратить этотъ ервическій припадокъ, что можетъ быть мнѣ бы и удалось, хотя я долго не рѣшался выступить предъ толпу зрителей, однакожъ мнѣ показалось просто грѣшно не попробоать, и побѣдивъ свою застѣнчивость, я пробился сквозь олпу къ кликушѣ, которая, — женщина лѣтъ 45, — и криала, и молола всякій вздоръ, и прыгала, и хохотала стóя. Сначала, подойдя къ ней, я погрозилъ ей пальцемъ и приказалъ замолчать. Она вытаращила на меня глаза и снова ринялась за свое. Я взялъ ее за голову, сталъ ее гладить, аскать всякими словами, успокоивать и крестить. Она становилась тише, тише, наконецъ утихла; я продолжалъ ее крестить; она тихо заплакала, потомъ вздохнула и сама стала креститься, а съ нею вмѣстѣ и вся толпа. Потомъ благодарила меня отъ души. Я сдалъ ее ея сыну и велѣлъ вывести на просторъ. Все это происходило очень быстро, потому что я самъ былъ очень взволнованъ. Только оглянувшись, замѣтилъ я, какое дѣйствіе все это произвело въ народѣ. Толпа разступилась предо мной съ такимъ почтеніемъ, что я готовъ былъ провалиться сквозь землю и искренно перепугался, чтобы не сочли меня за какого-нибудь одареннаго даромъ изгонять бѣсовъ. «Батюшка — вотъ эту! батюшка—вотъ эту!» послышалось въ толпѣ и съ разныхъ сторонъ потащили ко мнѣ этихъ несчастныхъ. «Подите, подите прочь,» кричалъ я, я «вѣдь такой же, какъ и всѣ».... Но дѣлать было нечего и совѣстно съ другой стороны стало мнѣ не попробовать успокоить и другую, которая кричала, указывая на меня: вотъ, вотъ кто меня поможетъ! Это была молодая женщина, точно также бѣсновавшаяся. Самъ смущенный, я взялъ ее за голову, разумѣется — пожелалъ ей односекунднымъ горячимъ желаніемъ облегченія, молясь внутренно только о томъ, чтобы Богъ не далъ войти въ меня какой-нибудь суетной, гордой мысли о себѣ, — сталъ ее ласкать, приголубливать, говорить ей, что она и добрая и умная и бѣса въ ней нѣтъ, что она Божья, что Богъ ее не оставилъ — она успокоилась, прослезилась, помолилась, тяжело вздохнула и сказала, дѣлая движеніе отъ груди къ животу: «теперь ничего, далеко засадили!» т. е., что я прогналъ чорта изъ груди въ брюхо! Каково положеніе этихъ бѣдныхъ

женщинъ, которыхъ увѣряютъ, что въ нихъ поселился бѣсъ и которыя сами этому вѣрятъ. Я сказалъ по этому случаю нѣсколько словъ къ народу, объясняя, что это просто болѣзнь. Тутъ подвели еще одну, которую я успокоилъ такимъ же образомъ и поспѣшилъ уйти и скрыться въ толпѣ. Только что я перебрался въ другой конецъ площади, услышалъ и тамъ такіе же крики. Я не хотѣлъ было идти, но потомъ мнѣ стало совѣстно отказывать человѣку въ помощи, когда хочется помочь, отъ того только, чтобы другіе и я самъ не подумали, что дѣйствительно владѣю даромъ помочи,—и я, подошедши, увидалъ двухъ женщинъ, метавшихся и бившихся по землѣ въ самомъ сильномъ, неистовомъ припадкѣ. Немножко выбранивъ толпу, которая зѣвала на нихъ, чествуя ихъ окаянными, я попросилъ нѣкоторыхъ бабъ помочь мнѣ (растегнуть рубашку, снять котомку и пр.). Онѣ сначала не хотѣли, но увидавши, что я невольно перекрестился, приступая къ дѣлу, а потомъ и больную сталъ крестить, довольно охотно стали помогать мнѣ. Съ этими кликушами было труднѣе возиться, но однакожъ и онѣ постепенно успокоились и обѣ тутъ же на землѣ и уснули. Видно было, какъ хорошо дѣйствовали на нихъ утѣшительныя слова и ласки: крестьянки не привычны къ добрымъ ласкамъ, хотя также нуждаются въ нихъ, какъ всѣ женщины! У одной изъ нихъ такъ сжаты были руки, что разжать ихъ сначала не было никакой возможности; потомъ онѣ сами собою разошлись. Потомъ еще пришлось мнѣ возиться съ одною, которую поддерживалъ ея мужъ и которая кричала разныя богохульныя рѣчи и никакъ не хотѣла поддаваться мнѣ, всячески отбиваясь руками. Однако кончилось тѣмъ, что и она успокоилась и стала молиться. Самъ въ высшей степени взволнованный и утомленный, присѣлъ я на какую-то жердочку; тутъ подошли ко мнѣ мужики и бабы: одинъ спрашивалъ — какую я молитву читаю, другой — въ чемъ именно заключается мое искусство, третій звалъ меня въ свое село посмотрѣть его родственницу и т. д. Я объяснилъ имъ, что я не знахарь и не святой, а такой же человѣкъ и такая же дрянь, какъ всѣ, что тутъ никогда никакого ни бѣса, ни чорта, ни дьявола не бывало, что напротивъ такими словами они наводятъ на больныхъ женщинъ

«мнѣніе» (слово, понятное народу), что и вправду бѣсъ въ нихъ сидитъ, что великій грѣхъ говорить христіанской душѣ, что она во власти дьявола, что эти несчастныя, можетъ быть, гораздо лучше и чище всѣхъ тѣхъ, которые видятъ въ ней бѣса, а сами думаютъ, что они отъ бѣса свободны, что въ этой гордости гораздо болѣе чорта, чѣмъ въ тысячѣ кликушъ, что чортъ во всякомъ грѣхѣ и проч. «Такъ, батюшка, мы, можетъ, грѣшимъ, что называемъ ихъ окаянными», сказалъ мнѣ одинъ мужикъ. Разумѣется, отвѣчалъ я, а надо пожалѣть, да помочь, да помолиться, да приласкать, ну коли есть холодная вода, такъ и водой спрыснуть, чтобы очнулась, только безъ всякаго шептанья, потому что это все вздоръ. «Слушаемъ, батюшка, хорошо», отвѣчали они. Въ это время ударили въ колоколъ, и ходъ двинулся. Мои кликуши уже болѣе не кричали. Я очень хорошо понималъ, какъ могло дѣйствовать на нервы и мой видъ встревоженный и учащенное знаменіе креста и глаженіе по головѣ и, наконецъ, мое искреннее желаніе помочь, естественно имъ передававшееся. Но, признаюсь, мнѣ было очень пріятно, что удалось прекратить мученія шести бѣдныхъ женщинъ хоть на время и дать нѣсколько полезныхъ совѣтовъ народу. Я совѣтую и у насъ въ деревнѣ лечить такихъ женщинъ: вѣдь это хуже лихорадки! Главное—надо разрушать мнѣніе, что въ нихъ чортъ.— Я думаю — выѣхать изъ Курска въ концѣ этой недѣли, заѣхать къ Трутовскому дня на два, потомъ въ Харьковъ также на сутки. Слѣдующее письмо вѣрно я буду уже писать оттуда. Оказывается, что мнѣ надобно быть на Ильинской ярмаркѣ раньше, чѣмъ я предполагалъ, а потому я долженъ поторопиться, чтобы успѣть побывать у Галагана и у Гоголя.—Прощайте. Вы пишите мнѣ уже въ Полтаву.—Курскъ теперь совершенно пустъ: всѣ въ деревняхъ. Кромѣ оффиціальныхъ знакомствъ, у меня здѣсь знакомые только купцы. Будьте здоровы. Вчера въ первый разъ купался въ рѣкѣ Сеймѣ: очень тепла вода.

1854 г. Іюля 4-го вечеромъ. Роменъ.

Только что пріѣхалъ сюда. Трутовскаго еще нѣтъ, въ ожиданіи его расположился на станціи, гдѣ буду и ночевать.

Имѣніе Галагана—Секиренцы—отсюда 55 верстъ. Досадно, что я не получилъ въ Полтавѣ отвѣта отъ Ригельмана, которому писалъ еще изъ Курска; а потому и не знаю, у Галагана ли онъ теперь или нѣтъ. Въ Полтавѣ я еще не получалъ письма отъ васъ, милый Отесинька и милая Маменька; впрочемъ оно такъ и должно быть. Ваше письмо, вѣрно, еще адрессовано въ Курскъ и, по разсчету моему, должно прибыть въ Полтаву только въ понедѣльникъ. Какая-то у васъ погода. Здѣсь чрезвычайно тепло, но перепадаютъ частые дожди: урожаи отличные, т. е. по виду. Неизвѣстно еще—каковъ будетъ умолотъ. Но если здѣсь дожди, то у васъ, вѣрно, постоянное ненастье; здѣсь послѣ сильнѣйшаго дождя такъ быстро сохнетъ, что черезъ нѣсколько часовъ и слѣдовъ его незамѣтно, а у васъ вѣрно сыро!—Во вторникъ, какъ вамъ уже извѣстно, я пріѣхалъ въ Полтаву, пробылъ тамъ до четверга, а въ четвергъ послѣ обѣда отправился къ Марьѣ Ив. Гоголь. Я хотѣлъ сдѣлать экономію, а потому не нанялъ извощика прямо къ ней, а поѣхалъ на почтовыхъ до первой станціи, гдѣ думалъ взять лошадей въ сторону, въ Васильевку. Оно немножко дальше, но дешевле. Но на станціи не могли мнѣ дать лошадей; я поѣхалъ, по почтовой же дорогѣ, дальше до Диканьки; тамъ также негдѣ было нанять; я дальше—до Великихъ Будищъ,—но у казаковъ одни волы, а хотя постоялые дворы и содержатся русскими, но и у нихъ лошадей не было. Меня выручилъ изъ бѣды одинъ проѣзжавшій господинъ, у котораго былъ открытый листъ для ѣзды по сельской почтѣ, т. е. на обывательскихъ, по очереди дежурящихъ при волостномъ правленіи. Я заплатилъ прогоны по числу верстъ и въ крестьянской телѣжкѣ, подъ именемъ старшаго ветеринарнаго врача (такъ звали этого господина), доѣхалъ благополучно до Яновщины, но уже ночью во 2-мъ часу. Домъ былъ кругомъ запертъ, все спало; я не хотѣлъ никого будить и уже думалъ расположиться на балконѣ, потому что ночь была чудесная, полномѣсячная. Я заглянулъ въ садъ, къ которому, по обыкновенію, обращена другая сторона дома: тамъ такая совершалась красота въ этой густолиственной темнотѣ старыхъ деревьевъ, что я просто испугался ея обаянія и поскорѣе вышелъ. Наконецъ меня замѣтилъ какой-то мальчикъ, спавшій на сѣнѣ; онъ объяснилъ

мнѣ, что Трушковскій уѣхалъ куда-то за 25 верстъ съ Анной Васильевной, и комната его заперта, а потому и провелъ въ незапертую переднюю флигеля, гдѣ я легъ и выспался, какъ слѣдуетъ. Я очень былъ доволенъ своей поѣздкой туда ночью. Ѣхали мы чудесными мѣстами, освѣщенными луною, но большею частью ѣхали мы между хлѣбовъ. Знаете-ли вы хлѣбный запахъ? Я его никогда не обонялъ въ Россіи. Это такой живительный запахъ, что, вдыхая его въ себя, кажется, вдыхаешь въ себя силы и здоровье. Да и вообще хорошо лѣтомъ въ Малороссіи! Такъ пріятно видѣть эту сочность почвы, эту щедрость, благость, доброту природы. — И у насъ за Волгой роскошна растительность. Но тамъ чувствуешь себя въ нерусской сторонѣ, да и видъ Чувашей, Мордвы и всѣхъ Азіатскихъ племенъ портитъ всѣ впечатлѣнія; къ тому же тамъ мучительное чувство *дали*, отдаленности отъ людей, отъ того міра, къ которому вы привыкли и безъ котораго жить не можете, — тамъ вы точно въ ссылкѣ. Въ Малороссіи не испытываешь этого чувства: она въ глуши, а вся на юру; да и здѣсь какъ-то не ищешь своего отдаленнаго центра; она сама себѣ центръ, какъ самостоятельная отдѣльная область. — Мнѣ постоянно приходится путешествовать ночью, нерѣдко по проселочнымъ дорогамъ, и много я испыталъ наслажденія. Впрочемъ, еще не было ни одной настоящей Украинской ночи нынѣшнимъ лѣтомъ, въ родѣ воспѣтыхъ Пушкинымъ: ни тишины, ни теплоты настоящей не имѣли до сихъ поръ лѣтнія ночи. Но напрасно говорятъ, что Малороссы пѣвучій народъ. Довольно я ѣздилъ — и ни разу не слыхалъ пѣсенъ, кромѣ нѣкоторыхъ поющихъ пьяныхъ, возвращавшихся изъ шинка. Напротивъ, Малороссія поетъ очень мало; она постоянно печальна (т. е. люди), въ какомъ-то недоумѣніи, такъ что Великороссія, въ сравненіи съ нею, является какою-то бодрою, веселою, беззаботною, счастливою, будто удовлетворенною. Если раздаются гдѣ-либо громкія пѣсни, особенно хоромъ, то это навѣрное русскіе рабочіе люди. — Пятницу провелъ я въ обществѣ Марьи Ивановны *) и Лизаветы Васильевны; Трушковскому дали знать, и онъ, съ теткой, къ вечеру также

*) Мать Гоголя.

явился. Я былъ у нихъ зимою и не видалъ тогда сада. У нихъ хорошо, хотя и нѣтъ особенно красиваго мѣстоположенія. Довольно большой, тѣнистый, въ англійскомъ вкусѣ, садъ, чрезвычайно запущенный, идетъ отъ дома къ большому пруду, поросшему камышами, не слишкомъ широкому, но длинному, съ двумя или тремя заворотами: это нѣсколько прудовъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Въ этомъ саду нѣтъ особенно замѣчательныхъ деревьевъ, а изъ фруктовывъ одни вишни, которыхъ бездна. Нѣкоторые сорта вишенъ уже отошли, другіе только что спѣютъ. Вишнями меня даже и не подчивали съ тарелки, а рвали мы ихъ съ дерева, и я съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что мнѣ это въ диковинку. На другой сторонѣ пруда, чрезъ который перевозишься на плотикѣ, устроенномъ по распоряженію Николая Васильевича,—разнообразныя рощицы: дубовая, кленовая, липовая, березовая, уксуснаго дерева и проч. Тутъ Гоголь хотѣлъ устроить дорожки и заставилъ при себѣ вычистить и даже уже устроилъ дорожку кругомъ по рощамъ, затѣвалъ и другія затѣи, бесѣдки и проч. Теперь дорожки запущены и заросли травою. Марья Ивановна хотѣла было возстановить ихъ, но нѣтъ рукъ, къ тому же на ней лежитъ все бремя хозяйства. Показывали мнѣ всѣ мѣста, которыя любилъ Гоголь. Кулѣшъ еще не былъ у нихъ; онъ, вѣрно, пришелъ бы въ ужасъ при видѣ запустѣнія всѣхъ этихъ мѣстъ и дорожекъ. Но это очень понятно. Гоголь бывалъ здѣсь только гостемъ, и садъ и при немъ находился въ такомъ же видѣ; содержать же садъ въ исправности—намъ по опыту извѣстно, какъ трудно. На той же сторонѣ пруда и фруктовый садъ, но довольно бѣдный яблонями, сливами и грушами (садовникъ у нихъ очень плохой), но богатый вишнями особеннаго рода, растущими на аршинъ и меньше отъ земли: онѣ разрослись сами, безъ ухода и очень вкусны.—Марья Ив. показалась мнѣ нѣсколько постарѣвшею противъ зимы. Она очень утомляется хозяйствомъ, въ которое дочери не хотятъ входить, очень грустна и все твердитъ или о сынѣ, или о внукѣ, котораго она нѣжно любитъ. Лизавета Васильевна *) сентиментальничаетъ такъ, что изъ рукъ вонъ, толкуетъ о

*) Сестра Гоголя.

Владимірѣ и нянчится съ дочкой, которая довольно миленькая, ходитъ и прыгаетъ: когда я былъ въ первый разъ, она еще не ходила. Анна Васильевна ничего не дѣлаетъ; она очень веселаго нрава. До пріѣзда Трушковскаго мнѣ было довольно скучно, потому что слишкомъ много и церемонно заботятся о гостѣ. Вообще гостить очень не выгодно: изъ деликатности, а главное изъ скуки упрашиванья и отказыванья—ѣшь все, безъ разбору, а хозяевамъ и не приходитъ въ голову пощадить гостя. Очень пріятно радушное угощеніе,—но, во-первыхъ, въ мѣру, а во-вторыхъ, сообразно вкусу и привычкамъ гостя. Они же очень церемонны, готовы сейчасъ вообразить и даже сказать, что просвѣщенный вкусъ гостя не можетъ найти удовольствія въ ихъ простой, безыскуственной пищѣ и проч. Я ужъ обрекъ себя на жертву, ѣлъ все, готовъ былъ даже спать на пуховикѣ, видя безполезность отговорки, да кстати подоспѣлъ Трушковскій, съ которымъ я спалъ въ одной комнатѣ и который былъ поснисходительнѣе. Мнѣ понравился Трушковскій; въ немъ много добраго, но, кажется мнѣ, онъ довольно слабъ характеромъ. Мнѣ онъ былъ интересенъ, какъ молодой человѣкъ, только что вступающій въ жизнь, или, лучше сказать — въ раздумьѣ стоящій у воротъ жизни и не знающій, по какой улицѣ пойти, такъ какъ особеннаго призванія, указующаго путь человѣку, онъ покуда не слышитъ въ себѣ.—Отъ Авдотьи Петровны Елагиной онъ получилъ чемоданъ Николая Васильевича, хранившійся у Жуковскаго. Тамъ, кромѣ книгъ, есть письма къ Гоголю отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ чисто семейныя—отъ матери его, и рукопись черновая одной главы изъ романа: «Остраница», которую очень трудно разобрать. Трушковскій намѣренъ разобрать и переписать ее. Впрочемъ, Елагины ему говорили, что они разобрали. Этотъ романъ принадлежитъ къ молодымъ произведеніямъ Гоголя. Въ субботу, послѣ обѣда, т. е. часа въ три, я поѣхалъ изъ Яновщины на ихъ лошадяхъ въ Полтаву (всего 35 верстъ или около 40), куда я дотащился къ 8 часамъ, потому что дождикъ, лившій всю ночь, успѣлъ испортить дорогу. Первымъ дѣломъ было справиться о почтѣ: какія новости сообщатъ газеты. Разумѣется, вы были полны того же недоумѣнія, какимъ полонъ до сихъ поръ и я (предполагаю, что

теперь вы знаете чтó-нибудь обстоятельнѣе): наши войска перешли обратно за Дунай, бросили осаду Силистріи и спѣшатъ къ Австрійскимъ границамъ. Что это: война ли съ Австріей или уступка ея требованіямъ? Боюсь послѣдняго—и это сомнѣніе наводитъ невыносимую грусть на сердце. Неужели отказаться отъ всѣхъ надеждъ? Чѣмъ же жить тогда? И чего ждать отъ такого народа, который нынче идетъ въ бой за Грековъ, а завтра, при перемѣнѣ политики, противъ Грековъ. О Грекахъ говорю я такъ, для примѣра. Паскевичъ проѣхалъ недавно въ Гомель, Черниговской губерніи, въ свое имѣніе: это положительно достовѣрно.—Съ другой стороны что-то предвѣщаетъ и войну съ Австріей: укрѣпляютъ Бендеры, Динабургъ, Брестъ-Литовскъ; крѣпость Кіевскую велѣно непремѣнно окончить въ нынѣшнемъ году. Такъ обидна эта неизвѣстность! Весь народъ, по выраженію одного мѣщанина, осовѣлъ, не имѣя ни одного утѣшительнаго извѣстія съ Дуная въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ. Напряженная энергія ослабѣла и повисла: ничто ее не поддерживаетъ, а сама по себѣ она недовольно сильна, чтобы повелѣвать обстоятельствамъ!—Побѣды князей Эристова и Андронникова однѣ немного освѣжили и ободрили смущенный духъ. Но не странно ли, что только изъ реляцій о побѣдѣ—мы узнаемъ, что Турки владѣли Озургетомъ, нашимъ городомъ, имѣли тамъ магазины и лазареты и располагали довольно значительными силами у насъ въ Гуріи! Теперь всѣмъ извѣстно объ отступленіи русскихъ за Дунай.... Какъ же не объяснить этой мѣры оффиціально? Не узнавши ничего новаго изъ газетъ, отправился въ тотъ же вечеръ, т. е. часу въ 12-мъ, въ Роменъ, куда и прибылъ благополучно и гдѣ назначенъ у меня сборный пунктъ съ Трутовскимъ. Однакожъ его нѣтъ. Подожду его цѣлыя сутки, а потомъ, нанявъ лошадей у жида, поплетусь въ Сокиренцы. — Завтра отсюда идетъ почта въ Москву и потому я сѣлъ писать вамъ письмо.—Я предполагалъ прежде пробыть дольше у Галагана, заѣхать къ Маркевичу и къ другимъ, но Ильинская ярмарка, которой слѣдовало бы начинаться только съ 20-го іюля, начнется съ 10-го числа, а по нетерпѣнію торговцевъ поскорѣе выручить копѣйку за товары, накопившіеся въ огромномъ количествѣ,—еще раньше. Со всѣхъ сторонъ тянутся подводы. Помѣщики также

оставляютъ деревни и спѣшатъ провести цѣлый лѣтній мѣсяцъ въ городѣ, среди суеты, пыли и духоты! Одни пріѣзжаютъ, чтобы продать шерсть, другіе, чтобы закупиться на цѣлый годъ; третьи—просто, чтобы повеселиться. Уже пріѣхали Московскіе цыгане, уже Московскіе купчики начали пускать пробки въ потолокъ, уже начались воровства, все вздорожало, все сдѣлалось предметомъ торговли.—Во время крестнаго хода на Коренной ярмаркѣ (который перевести изъ пустыни не позволитъ Богородица, говоритъ народъ)—я видѣлъ, какъ утомленному народу въ одной деревнѣ хозяева колодца (крестьяне же) не позволяли пить воды—иначе, какъ заплативши деньги! Многихъ это сильно возмутило и они рѣшились искать гдѣ-нибудь ручейка или лужи въ полѣ.—Благодаря стараніямъ Кокошкина — ярмарка, переведенная имъ изъ Ромна, не смотря на все противодѣйствіе купцовъ и Роменскихъ жителей, утвердилась въ Полтавѣ совершенно. Теперь это третья ярмарка. Еще на первой купцы, по его желанію, поднесли ему благодарственный адресъ, купцы иногородные, отъ него независящіе! Всѣ до одного его ругаютъ и всѣ, по русскому обыкновенію, трусятъ и подличаютъ.—Ничего не можетъ быть возмутительнѣе, какъ это употребленіе къ своимъ услугамъ религіи: отыскалъ Кокошкинъ гдѣ-то, верстъ за 5, какую-то явленную икону и приказалъ (разумѣется, съ разрѣшенія Синода) носить ее каждый годъ 10-го іюля въ Полтаву, чтобы крестнымъ ходомъ начинать ярмарку. Народъ поддается на эту удочку, а если пустить въ ходъ нѣсколько нелѣпѣйшихъ разсказовъ въ родѣ тѣхъ, которые ходятъ объ Ахтыркѣ и Коренной, и наконецъ такъ несправедливый и деспотическій поступокъ Кокошкина еще болѣе увѣнчается успѣхомъ. Право, какъ заглянешь въ нутро Россіи, такъ душу обхватываетъ чувство безнадежности! *) Прощайте, милый Отесинька и милая Маменька. Поздравляю васъ съ 11-мъ іюля. Косовица или сѣнокосы здѣсь почти кончены; уже время приступать къ жатвѣ. Я предполагаю 11-го быть уже въ Полтавѣ.

---

*) Сергѣй Тимофеевичъ въ письмѣ отъ 22 Іюля пишетъ такъ: Все, что ты пишешь о безнадежности—я вполнѣ раздѣляю, да ты вѣроятно помнишь, что я и всегда такъ думалъ. Каждый день представляетъ какой нибудь новый фактъ, служащій неопровержимымъ доказательствомъ справедливости этого мнѣнія; и лучше объ этомъ не говорить.

16 іюля 1854 г. Полтава.

Что жъ это значитъ, что я не получаю отъ васъ писемъ, милые Отесинька и Маменька? Послѣднее ваше письмо я получилъ въ Курскѣ 24 іюня; съ тѣхъ поръ не имѣю отъ васъ никакихъ извѣстій. Можно предположить, что одно письмо пропало, но пропасть двумъ или tремъ письмамъ сряду!... Если вы собственно, милый Отесинька, нездоровы, такъ неужели Вѣра или Константинъ не увѣдомили бы хоть строчкой? Просто, не понимаю и сильно безпокоюсь, хотя и не могу думать, чтобы причиною этого молчанія была чья-нибудь сильная, внезапная болѣзнь: насъ много и, вѣрно, кто-нибудь бы написалъ. Я послалъ вамъ послѣднее письмо изъ Ромна, 5 іюля, стало, самъ не писалъ вамъ 10 дней; я въ это время былъ въ разъѣздахъ, да и поджидалъ отъ васъ писемъ. Такъ непріятно писать, не имѣя свѣжихъ извѣстій о тѣхъ, къ кому пишешь! Впрочемъ, я аккуратно писалъ вамъ каждую недѣлю, только теперь пропустилъ три дня.—Итакъ я писалъ вамъ въ послѣдній разъ изъ Ромна. Вечеромъ 3-го, нанявъ лошадей у еврея, отправился я въ Секиренцы (верстъ 55 отъ города), на дорогѣ ночевалъ и утромъ часовъ въ 8 подъѣхалъ къ великолѣпному замку Галагана, гдѣ тотчасъ же спросилъ себѣ комнату, переодѣлся и потомъ явился къ хозяевамъ. Галаганъ встрѣтилъ меня самыми радушными объятіями. Семейство его состоитъ изъ матери его, урожденной граф. Гудовичъ, жены, урожденной Кочубей, сестры — замужемъ за графомъ Комаровскимъ Павломъ и изъ самого графа Комаровскаго. Тамъ же нашелъ я Ригельмана и художника Жемчужникова, сына сенатора, брата нашего правовѣда. Чижовъ еще не пріѣзжалъ, равно какъ и нѣкоторые другіе: они должны были быть позднѣе; но я не могъ дольше оставаться. Взглянувъ на домъ и на садъ, я сказалъ Галагану, что онъ не панъ, а лордъ Галаганъ, чтó его очень смутило и заставило горячо оправдываться. Въ самомъ дѣлѣ я думаю, и герцогъ Девонширъ былъ бы доволенъ здѣшнимъ мѣстомъ. Вообразите, что подъ англійскимъ садомъ и подъ паркомъ 140 десятинъ, 80 подъ садомъ и 60 подъ паркомъ. И какой садъ, какой паркъ! Я не видалъ ничего лучше и думаю, что только въ Англіи можно найти что-нибудь подобное и даже лучше.

тъ садъ былъ устроенъ еще его отцомъ, съ помощью ка-
)-то знаменитаго садовника, изъ великолѣпнаго стараго
а. Садъ расположенъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла.
іе имѣлъ до сихъ поръ никакого понятія о наукѣ или,
ше сказать, объ искусствѣ садоводства. Садовникъ дол-
ъ быть истиннымъ художникомъ и носить въ душѣ своей
ство красоты, понимать гармонію линій, цвѣтовъ и кра-
ь въ природѣ въ высшей степени. Вы видите деревья,
подрѣзанныя, растущія совершенно по волѣ, во всю
о мочь, вашъ глазъ поражается красотою ихъ, но вы и
знаете, что искусная рука садовника именно съ цѣлью
ѣстила эти деревья тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ, или
)мъ, къ этимъ деревьямъ подсадила кусты, съ зеленью
іаго оттѣнка или обчистила кругомъ деревьевъ простран-
), чтобы они были виднѣе или рѣзче оттѣнялись. А что
деревья! Благодаря необычайной растительности Прилуц-
) уѣзда, — всѣ деревья гиганты, дубы, липы, клены въ
колько обхватовъ ширины. Есть дубы, которымъ, незави-
о отъ растительности, дающей имъ большіе размѣры, счи-
ся лѣтъ по 300! Такихъ высокихъ, такихъ могучихъ
)въ я нигдѣ не видалъ. Есть кленъ, подъ которымъ мо-
ь помѣститься цѣлый батальонъ. Отъ одного края вѣт-
до другаго 42 шага, въ поперечникѣ! Садъ такъ огроменъ,
въ немъ много урочищъ съ народными названіями. Въ
)мъ дубѣ, обхвата въ три ширины, образъ, уже давно и
звѣстно, кѣмъ сюда поставленный. Онъ уже не однажды
сталъ въ дубъ, т.-е. его затягивало корою дуба, — и долж-
были вновь вырубать его. Жаль одного. Воды мало. Рѣ-
нѣтъ, есть прудъ, и большой, но по саду онъ малъ.
— Садъ содержится отлично, и Галаганъ поспѣшилъ объ-
ить, что содержится не панщиной, т.-е. не барщиной,
аймомъ. — Домъ огромный, настоящій замокъ, содер-
ся богато, но особенной роскоши въ немъ нѣтъ. Вся
кошь въ саду. Весь тонъ и строй жизни въ этомъ дому
очестивый, скромный и даже строгій, вся семья очень
)жна. Галаганъ внушаетъ мнѣ характеромъ своимъ, на-
вленіемъ и поступками искреннее, глубокое уваженіе. Его
жденія вамъ извѣстны; они дѣлаютъ его постоянно серь-
ымъ и даже грустнымъ. Среди этой роскоши онъ посто-

янно занять одною мыслью,—извлечь всю возможную пользу изъ своего положенія для другихъ, сдѣлать какъ можно болѣе добра, оправдать свое богатство передъ своею совѣстью. Онъ не распоряжается еще всѣмъ имѣніемъ, но по возможности, потому что главною госпожею его мать, старается объ облегченіи участи крестьянъ и о достиженіи со временемъ полнаго для нихъ освобожденія. Отношенія крестьянъ къ помѣщику въ Малороссіи хуже, чѣмъ въ Россіи у самаго лучшаго помѣщика, но это другой вопросъ, очень пространный, о которомъ какъ-нибудь послѣ, если будетъ можно. Мать Галагана очень замѣчательная женщина. Лишившись мужа еще въ малолѣтствѣ дѣтей, она вела все огромное хозяйство и воспитала дѣтей. Она очень умна, образована, чрезвычайно привѣтлива и любезна, добра, ласкова съ людьми и крестьянами, набожна, но въ то же время аристократка въ душѣ и деспотка. Все дѣлается по ея волѣ, по ея приказанію, отдаваемому кроткимъ, ласковымъ голосомъ, съ пріятнымъ, хоть и старымъ лицомъ,—и никто никогда не смѣлъ и не смѣетъ ослушаться этой худощавенькой, любезной старушки Я говорю любезной, потому что она именно любезна, напоминаетъ любезность стариннаго свѣтскаго общества. Здѣсь Жемчужниковъ, молодой художникъ съ большимъ талантомъ, страстно любящій Малороссію, уже три года ее посѣщающій. Онъ рисуетъ масляными красками, но genre его нѣсколько другой, чѣмъ у Трутовскаго. Онъ посвящаетъ себя эпизодамъ изъ казацкой исторіи, хочетъ рисовать картины къ Украинскимъ думамъ, распѣваемымъ бандуристами. Должно признаться, что онъ добросовѣстно изучаетъ казацкую поэзію, знаетъ почти всѣ думы наизусть и, вполнѣ владѣя мало— россійскимъ языкомъ, шатаясь по Малороссіи, завелъ знакомства съ бандуристами и много собралъ самъ пѣсенъ и думъ. Впрочемъ, въ Малороссіи это легче, чѣмъ въ Россіи; здѣсь художникъ, рисующій видъ природы, не удивитъ никого, не потому что это явленіе случалось часто, но потому что пониманіе изящныхъ искусствъ доступнѣе Малороссу самому простому и онъ самъ способенъ любоваться красотою цвѣтка по цѣлымъ часамъ. Я видѣлъ масляную картину Жемчужникова, изображающую бандуриста слѣпаго съ мальчикомъ на дорогѣ: вдали тянутся заборы, ползетъ эки-

пажъ на гору и, заслышавъ шумъ, бандуристъ заигралъ на бандурѣ и запѣлъ. Картина хороша, по крайней мѣрѣ мнѣ нравится, а Галаганъ и всѣ Малороссы ею очень довольны. Я невольно подумалъ, что при томъ серьезномъ, печальномъ даже расположенiи духа извѣстныхъ мнѣ богатыхъ Малороссовъ, genre Трутовскаго, мало знакомаго съ исторiею Малороссiи и равнодушнаго къ ея прошедшему, не удовлетворитъ ихъ. Жемчужниковъ знаетъ Трутовскаго по академiи, очень его любитъ и отзывается объ его талантѣ съ великимъ уваженiемъ, выразивъ однакожъ, несправедливое по моему, мнѣнiе, что у него французская ловкость въ рисункѣ. Къ сожалѣнiю—рисунковъ Трутовскаго со мною не было, а безъ него и безъ рисунковъ его трудно мнѣ было что-нибудь сдѣлать. Нельзя же требовать, чтобы положились на мои слова. Впрочемъ, я говорилъ съ Галаганомъ, и онъ, съ своей стороны, готовъ всячески ему помогать и содѣйствовать, обѣщая еще за нѣкоторыхъ, но желалъ бы поговорить съ Трутовскимъ, условиться съ нимъ, узнать, по крайней мѣрѣ, чего ожидать отъ него. Онъ предлагалъ сдѣлать и пустить въ ходъ подписку въ пользу Трутовскаго, просто на вспоможенiе ему, безо всякихъ условiй и обязательствъ, но я на это не согласился. Галаганъ предлагаетъ теперь ему просто на будущее лѣто помѣститься въ одномъ изъ его имѣнiй; у него ихъ много и вездѣ есть домики; особенно рекомендуетъ онъ Ичню, мѣстечко торговое Прилуцкаго уѣзда, съ прекраснымъ мѣстоположенiемъ, гдѣ въ особенности сохранился коренной типъ Малороссiйскiй. Онъ вызывается даже написать къ Трутовскому письмо—и просить его принять предложенiе; онъ можетъ быть тамъ совершенно свободенъ, Галаганъ предлагаетъ даже всѣ матерiальныя средства для жизни,—не знаю—согласится ли Трутовскiй. Имѣя возможность отплатить за гостепрiимство двумя—тремя рисунками или даже картиной, я бы на его мѣстѣ согласился. Оказалось, что флегма—Ригельманъ забылъ предупредить Галагана на счетъ Трутовскаго, какъ самъ вызвался въ Кiевѣ.—Я провелъ у Галагана 5 сутокъ очень прiятно; мы много поговорили, даже почитали кой-что. Погода стояла чудная, впрочемъ, каждый день шли дожди, которые нѣсколько мѣшали. Я посѣтилъ хату одного слѣпаго бандуриста, который игралъ мнѣ на бандурѣ и на лирѣ,

пѣлъ: «ой ходивъ чумакъ» и другія пѣсни. Очень замѣчателенъ былъ акомпаниментъ: онъ его разнообразилъ безпрестанно, импровизировалъ варіаціи, иногда—какъ бы забывая пѣть, весь предавался музыкѣ и пѣлъ съ большимъ чувствомъ. Пропѣвъ нѣсколько пѣсенъ (тутъ былъ не одинъ я, а Ригельманъ и Жемчужниковъ), онъ отказался пѣть, говоря, что не въ духѣ. Одинъ разъ, сказывалъ мнѣ Жемчужниковъ, онъ залился слезами, пропѣвъ одну пѣсню. Но—странное дѣло—имена Наливайка и другихъ ему непонятны, онъ не знаетъ, когда это было и кто они такіе! — Жемчужниковъ, во время пѣнія, рисовалъ его портретъ; тутъ стояла молодая вдова—крестьянка же, пріютившая у себя бандуриста, любящая его и собирающаяся даже выйти за него замужъ «за его даръ, за его пѣсни, за его разумъ хорошій», говорила она. Она дѣлала замѣчанія Жемчужникову, что онъ слишкомъ сдвинулъ брови, далъ ему, угрюмому, видъ еще угрюмѣе и пр. А какъ хороши Малороссійскія деревни лѣтомъ, со своими плетнями и садами! Я вчера слышалъ разсужденіе одного опытнаго агронома. Едва ли почва въ Полтавской губерніи не лучшая почва въ Европѣ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ Германіи и во Франціи. О многомъ же, замѣченномъ мною у Галагана, не смѣю писать.—Отъ Галагана я опять возвратился въ Полтаву черезъ Роменъ и нашелъ отношеніе отъ Казначея Географическаго Общества съ присылкою мнѣ 500 р. сер. въ добавокъ къ прежней суммѣ, чему я очень радъ. Это даетъ мнѣ возможность не безпокоить васъ. Прощайте. Неужели и завтра не получу я отъ васъ писемъ?

1854 г. Іюля 23-го. Полтава.

20-го Іюля получилъ я наконецъ письмо Ваше отъ 13-го Іюля, милый Отесинька и милая Маменька. Слава Богу, что вы, милый Отесинька, теперь здоровы, по крайней мѣрѣ, можете ѣздить удить. Ничего особеннаго про эту недѣлю сказать нечего. Ярмарка краснорядская открыта 20 Іюля, товаровъ навезли множество, но торговля идетъ очень плохо. Я каждый день вожусь и бесѣдую съ фабрикантами и торговцами. Неизвѣстность относительно настоящаго положенія политическихъ дѣлъ очень смущаетъ ихъ. Послѣдніе слухи

говорятъ, что съ Австріей и Пруссіей заключенъ союзъ, купленный разными уступками, между прочимъ, новымъ измѣненіемъ тарифа, сбавкою пошлинъ на иностранныя произведенія: теперь Австрія и Пруссія ведутъ довольно сильную транзитную торговлю, потому что моремъ подвоза нѣтъ; но сухопутный провозъ довольно дорогъ,—произведенія Англіи и Франціи мало находятъ сбыта, и теперь огромною сбавкою пошлинъ мы оказываемъ большую услугу, какъ Австріи и Пруссіи, такъ и Франціи и Англіи. За то этотъ неожиданный ударъ очень подрѣзалъ фабрикантовъ и торговцевъ. И безъ того они торговали очень плохо, а теперь товары вдругъ подешевѣютъ на 30, на 40 и болѣе процентовъ.—Разсказываютъ пріѣзжіе изъ Крыма, что Англо-Французы уже сдѣлали высадку въ трехъ пунктахъ, что Меншиковъ, распоряжающійся тамъ войсками, приказалъ отступать, чтобы заманить и завлечь ихъ во внутрь, подальше отъ берега, что Англо-Французы поддаются на эту, впрочемъ, уже слишкомъ извѣстную, хитрость Дальнѣйшихъ извѣстій не имѣютъ. Впрочемъ, это очень можетъ быть. Жаль только, что тамъ у насъ мало войска. Разсказываютъ также о побѣдѣ, одержанной Бебутовымъ подъ Карсомъ. Ничего нѣтъ обиднѣе этой неизвѣстности. Народъ жертвуетъ кровью и достояніемъ, а тутъ—или принимаются стѣснительныя для него мѣры, которыя падаютъ, какъ снѣгъ на голову, или же, оставляя его въ неизвѣстности о ходѣ дѣлъ, даютъ возможность разнымъ слухамъ смущать торговлю. Русскія газеты теперь и читать противно. О существенномъ вопросѣ, объ отношеніяхъ нашихъ къ Австріи и Пруссіи ни слова, а только одни шутки и остроты на счетъ «Карлуши» и проч.—Пріѣхалъ сюда и Ригельманъ. Хорошій человѣкъ, но малороссійская лѣнь и мѣшкотность въ соединеніи съ нѣмецкою флегмой часто выводятъ меня изъ терпѣнія. Здѣсь теперь довольно многолюдно: помѣщики наѣхали отовсюду; вездѣ торчатъ вывѣски панорамъ, косморамъ, звѣринцевъ; Андріанова, привезшая съ собою изъ Петербурга и Москвы двадцать танцовщицъ, даетъ каждый день балеты, и Генералъ-губернаторъ Кокошкинъ, у котораго, равно какъ и у его сына—страсть къ театру въ крови, ей сильно покровительствуетъ, и чиновники, боясь впасть въ немилость, всѣ идутъ

смотрѣть Андріанову за страшно-высокія цѣны. По вечерамъ изъ оконъ трактировъ несутся звуки или неистоваго пѣнія Цыганъ или такъ называемыхъ здѣсь арфянокъ, т. е. путешествующихъ по ярмаркамъ артистовъ и артистокъ — нѣмцовъ и нѣмокъ, съ гитарами, арфами, скрипками и глупѣйшими нѣмецкими романсами. Все (т. е. въ помѣщичьемъ сословіи) очень довольно жизнью, но при всемъ томъ не скажу, чтобы было очень шумно и дѣятельно: это происходитъ отъ того, что городъ довольно раскинутъ, а народная черная ярмарка находится за городомъ. О современныхъ событіяхъ говорятъ мало. Слухи всѣмъ надоѣли.—Я познакомился и близко сошелся со многими молодыми купцами и фабрикантами: нѣкоторые изъ нихъ довольно образованы и многое хорошо понимаютъ,— но слишкомъ легко со всѣмъ мирятся. Здѣсь и Матьясъ и Лемерсье, множество модныхъ магазиновъ, цѣлыя тучи жидовской саранчи и всего одна книжная лавка съ малымъ количествомъ книгъ. Въ ней есть однако и Записки объ уженьѣ, изд. 2-ое, и Записки Оренбургскаго охотника,—по одному экземпляру. Послѣдній уже купленъ.—Послѣ сильныхъ жаровъ и ночей —градусовъ по 18 и болѣе,—выпало большое количество дождя, значительно прохладившее воздухъ; но теперь, кажется, опять начнутся жары. Нынче было слишкомъ 24 градуса въ тѣни.

Я только что воротился отъ Бодянскаго, у котораго пилъ чай въ саду, вмѣстѣ съ Ригельманомъ. Пріятно сидѣть подъ грушами, яблонями и сливами, т. е. подъ деревьями, усѣянными плодами. Отъ времени до времени слышишь паденіе того или другаго плода. Впрочемъ, нѣкоторые сорты грушъ уже поспѣли, и я ихъ уже ѣлъ, такъ же, какъ мелкій сортъ персиковъ, называемый морель. Дыни также уже созрѣли, и меня уже ими подчивали.

— Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы сообщаете мнѣ замѣчанія, сдѣланныя Главнымъ Управленіемъ Цензуры на стихи Константина къ Одессѣ. Но неужели Главное Управленіе не замѣтило, что они уже напечатаны, и если замѣтитъ, то не достанется ли за это Назимову?—При настоящемъ положеніи дѣлъ смѣшно вспомнить многіе стихи, въ томъ числѣ и мои: на Дунай! Оправдываются только стихи, въ которыхъ выражалось сомнѣніе въ возможности для Россіи такого чистаго подвига!

Ваше послѣднее письмо меня очень смутило, милый Отеинька. Вы пишете, что если бы и были въ состояніи мнѣ твѣчать подробно, то не стали бы, потому что, потерявъ актъ и вѣдѣніе вашего образа мыслей, я не понимаю, кaое должно на васъ произвести впечатлѣніе наприм. описаіе сцены съ кликушами и проч. и проч. Мнѣ очень бы е хотѣлось васъ раздражать или разстроивать своими письами и мнѣ больно, если мои письма произвели на васъ акое дурное и вредное впечатлѣніе, буду теперь писать съ глядкою и взвѣшивать каждое слово, но, право, не понимаю, тчего разсказъ о кликушахъ былъ вамъ такъ непріятенъ.— ъ моей стороны было стремительное, безпокойное сожалѣіе; за полминуты, даже меньше я и не зналъ, *какъ* возьусь за это дѣло; результатъ былъ добрый, т.-е. что онѣ ерестали кричать; мнѣ было это очень пріятно. Ни на сеунду не почувствовалъ я въ себѣ гордаго или хвастливаго увства, ни на секунду не давалъ я этому случаю сверхъстественнаго или другаго важнаго значенія. Обсуживать и азбирать его я сталъ уже послѣ. Можетъ быть, я не съмѣлъ его разсказать, да и вообще разсказывать его не слѣовало, какъ я теперь вижу: на бумагѣ получаетъ онъ больe важности. Я даже его и не описалъ вамъ въ первомъ письмѣ, посланномъ вскорѣ послѣ этого дня: мнѣ показаось, что, разсказавши вамъ это, я какъ будто буду хваться передъ вами своими добрыми движеніями, но потомъ разсудилъ, что я самъ неправъ думая такимъ обраомъ, что этотъ случай можетъ быть вамъ интересенъ и что крывая его, я какъ будто питаю свое скрытое самолюбіе, огда какъ все это пустяки, а потому и описалъ его уже о второмъ письмѣ. Лучше было бы, если бы я послѣдоалъ первому своему внушенію.— И этого объясненія было ы вовсе не нужно, да ужъ такъ и быть. — Если все это акъ-нибудь дѣйствовало неблагопріятно на ваше здоровье, о мнѣ это очень больно и досадно.—Прощайте. Я останусь въ Полтавѣ еще дней 10, до самаго конца ярмарки; въ понедѣльникъ думаю получить отъ васъ письмо.

Суббота 1854 г. Іюля 31. Полтава.

На этой недѣлѣ опять не было отъ васъ писемъ, милый Отесинька и милая Маменька; можетъ быть, завтра утромъ

получу какое-нибудь извѣстіе отъ васъ и объясненіе, почему произошелъ этотъ новый перерывъ въ перепискѣ. Пожалуйста имѣйте въ виду, что почта отходитъ изъ Москвы не два раза, а три раза: по понедѣльникамъ, пятницамъ и по четвергамъ (экстра). Дай Богъ, чтобы не нездоровье было причиною вашего молчанія. Погода, я думаю, не совсѣмъ благопріятна для прогулокъ и уженья: здѣсь каждый день грозы, а со вчерашняго дня дуетъ сильный вѣтеръ. Вообще съ Ильина дня температура нѣсколько охладѣла, однакожъ не въ сильной степени, такъ что я продолжаю спать съ открытымъ окномъ, вовсе и не замѣчая этого. Здѣсь уже давно ѣдятъ и яблоки и груши и сливы и дыни и абрикосы, не оранжерейные, а растущіе въ саду, т. е. въ грунту, на открытомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ другими деревьями; только стараются помѣстить ихъ такъ, чтобы они были защищены отъ сѣвернаго вѣтра стѣной или горой. — На этой недѣлѣ была здѣсь Марья Ивановна Гоголь съ Анной Васильевной и съ Трушковскимъ. Они оставались дня два, не больше, а пріѣзжали сюда для покупокъ, по случаю ярмарки. Я былъ у нихъ и просидѣлъ вечеромъ часа два. Останавливались они у Яно—хъ: это три дѣвицы съ отцемъ, какимъ-то отставнымъ генераломъ: я его не видалъ. Дѣвицы же извѣстны въ Полтавѣ подъ названіемъ *ученыхъ*. Я слышалъ, какъ одинъ человѣкъ—молодой, но не претендующій на ученость, довольно забавно жаловался, что его визиты къ Яно—вымъ всегда неудачны, что, собираясь къ нимъ ѣхать, онъ поутру приготовится изъ Римской исторіи, а его спросятъ про Ассирійскую монархію! Дѣйствительно, въ нихъ много претензій, особенно въ средней Julie, имѣющей притязаніе на высшіе взгляды; можетъ быть, онѣ и обладаютъ большими познаніями, но нѣтъ въ нихъ сочувствія ни къ какимъ современнымъ вопросамъ, а какой-то отвлеченный интересъ къ наукѣ, къ знанію: статья Европейскаго ученаго про царя Артаксеркса кажется имъ болѣе занимательною, чѣмъ вопросъ о положеніи крестьянъ въ Малороссіи, о современной войнѣ и проч. И въ мущинѣ непріятно видѣть отвлеченность ученаго, а въ женщинѣ это еще противнѣе. Про среднюю Гоголь писалъ къ старшей сестрѣ цѣлое письмо, въ которомъ говорилъ, что у нея прекрасная, но испорченная воспита-

ніемъ натура и давалъ ей разные совѣты, которыхъ она, впрочемъ, не послушала. Я не читалъ самъ письма, но не раздѣляю мнѣнія Гоголя. Дѣвушка, которая дѣлаетъ презрительную гримасу, какъ скоро говорятъ о народной поэзіи, говоря, что она не понимаетъ этой грубой поэзіи, что этотъ интересъ ей кажется слишкомъ мелкимъ, что любовь къ народности, по ея мнѣнію, очень узкое и тѣсное чувство въ сравненіи съ человѣчествомъ, такая дѣвушка не показываетъ много чувства и чрезвычайно несимпатична. Она вызвала меня на нѣсколько рѣзкихъ отвѣтовъ и замѣчаній, и сама вскорѣ ушла, оставивъ меня съ другими сестрами. Я потому такъ объ нихъ распространился, что, можетъ быть, Гоголь или его сестры говорили вамъ объ этомъ семействѣ. Наконецъ получилъ и я письмецо отъ Трутовскаго, по возвращеніи изъ Ольшанки. Онъ начинаетъ письмо тѣмъ, что Ольшанскій воздухъ укрѣпилъ ихъ обоихъ, и онъ съ обновленными силами возвратился въ Яковлевку, а кончаетъ письмо тѣмъ, что лихорадка опять къ нему возвратилась. Бѣдный! она его совершенно изнуритъ. Онъ не отвѣчаетъ мнѣ ни слова на предложеніе Галагана провести лѣто у него въ деревнѣ. Болѣзнь, недостатокъ средствъ и образцовъ, художническая мнительность едва ли позволятъ написать и кончить картину, которую можно было бы выставить на выставку, продать и получить за нее деньги. Не знаю, право, что и сдѣлать для него. Не могу я заинтересовать въ его пользу людей, не видавшихъ ни его, ни его рисунковъ. Я подозрѣваю, что, кромѣ лихорадки, которой нечего бояться дороги, Трутовскаго остановило извѣстіе, вѣроятно переданное ему художникомъ Соколовымъ, о пребываніи Жемчужникова у Галагана.—Ярмарка уже кончилась: идутъ расчеты. Въ общемъ результатѣ она была плоха, но лучше, чѣмъ можно было ожидать, что объясняется извѣстіями о мирныхъ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи,—потому что иначе купцы Евреи югозападнаго края не отважились бы покупать. Кокошкинъ долженъ быть очень доволенъ. Вопреки всѣмъ теоретическимъ соображеніямъ, выводамъ науки, основаннымъ на географическихъ, статистическихъ и другихъ данныхъ, несмотря на сильную оппозицію купцовъ, оппозицію впрочемъ пассивную и всегда уступающую,—переводъ

ярмарки изъ Ромна въ Полтаву удался совершенно, и ярмарка привилась здѣсь очень хорошо. Мало того, переводятся теперь и остальныя двѣ ярмарки изъ Ромна, Маслянская и Вознесенская (очень мнѣ нужно было ихъ описывать, когда въ будущемъ году обѣ перестанутъ существовать!). Такъ какъ въ Полтавѣ имѣются еще двѣ мелочныя ярмарки, въ родѣ деревенскихъ, *всеѣдная* и Никольская въ Маѣ, то иногородное купечество, по желанію Кокошкина, будто отъ себя сдѣлало подписку, чтобы на будущій годъ, не уничтожая ярмарокъ Роменскихъ—съѣхаться торговать не въ Ромнѣ, а въ Полтавѣ, на всеѣдной и Никольской. Очень многіе купцы этимъ недовольны, говоря, что это затѣяли два, три сильныхъ торговца, а что маленькимъ поневолѣ приходится ихъ слушаться; другіе говорятъ въ объясненіе: нельзя же не сдѣлать угоднаго генералу-губернатору, а на вопросъ: выгодно ли это будетъ, не потерпятъ ли убытковъ, отвѣчаютъ: Богъ знаетъ, нельзя ничего гадать, — знаемъ только, что «хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, а брюхо за хлѣбомъ», т. е. что нуждающіеся въ товарахъ пріѣдутъ поневолѣ. Они, мнѣ кажется, нѣсколько ошибутся въ расчетѣ, т. е., что брюхо найдетъ себѣ хлѣбъ и въ другомъ мѣстѣ; уже и теперь Черниговская губернія стала отпадать отъ системы Украинскихъ ярмарокъ. —Во всякомъ случаѣ Русская торговля заставляетъ всѣ научныя теоріи лопаться и разшибаться и нерѣдко поставивъ въ тупикъ нѣмецкаго ученаго статистика и политико-эконома, знакомаго съ однѣми цифрами, а не съ личными свойствами и характеромъ народа. Я познакомился съ Ефимомъ Гучковымъ, сыномъ несчастнаго старика, куда-то теперь сосланнаго: онъ очень умный и образованный человѣкъ, понимающій хорошо торговое и фабричное дѣло и способный обобщать предметъ. Разумѣется, онъ бритый, но я уже давно, еще по Ярославской губерніи замѣтилъ, что бритые, но образованные купцы гораздо лучше небритыхъ, гораздо надежнѣе послѣднихъ, способны сознательно держаться своихъ народныхъ началъ, чѣмъ небритые, въ которыхъ все искажено и уродливо и которые не могутъ быть стражами народности, напротивъ того, по несознанію своему, предаютъ ее на каждомъ шагу. Впрочемъ это обширная тема, о которой лучше не распространяться.

Мы слишкомъ мало обращаемъ вниманіе на это среднее сословіе, образующееся у насъ и стоящее между нами и народомъ; я говорю о новомъ бритомъ сословіи.—Прощайте, спѣшу захватить еще нѣсколькихъ изъ этого сословія, покуда они не уѣхали, чтобы потолковать съ ними. Я думаю самъ черезъ недѣлю переѣхать въ Харьковъ.

1854 г. 6 Августа. Пятница. Полтава.

Въ Воскресенье, 1-го Августа, получилъ я письмо ваше отъ 22 Іюля, милый Отесинька и милая Маменька. Слава Богу, что вы здоровы.—Здѣсь опять страшные жары. А что за ночи! Никакая теплая ночь на сѣверѣ не даетъ понятія о красотѣ южныхъ ночей, и въ особенности безлунныхъ, когда на темномъ небѣ ярко горятъ звѣзды, тепло такъ, что меньше 18 градусовъ не бываетъ во всю ночь и порою повѣваетъ на васъ не прохлада, не сырость ночная, а освѣженный зной! Такъ было напримѣръ въ эту ночь, съ 5 на 6 Августа. Грѣшно спать въ такія ночи: съ ума сходишь, не знаешь, какъ бы полнѣе вмѣстить въ себя красоту ночи; такія ночи переворачиваютъ всю душу въ человѣкѣ и если бы могли продолжаться круглый годъ, то дѣлали бы его неспособнымъ ни къ какому труду. Но уже скоро настанетъ имъ конецъ: какъ ни хороша, по разсказамъ, осень на югѣ, но все же не лѣто, и ночи прохладны. Предвижу, что лѣтомъ въ Россіи буду сильно тосковать по южномъ лѣтѣ. Завтра вечеромъ предполагаю выѣхать въ Харьковъ, гдѣ 15 числа начнется Успенская ярмарка, — я могъ бы и позже ѣхать, но теперь тамъ въ сборѣ купечество, на возвратномъ пути изъ Полтавы и въ ожиданіи ярмарки. Лѣтомъ въ городѣ вообще скверно, но въ Харьковѣ хуже, чѣмъ въ Полтавѣ, гдѣ живешь какъ будто на дачѣ.—Политическихъ новостей нѣтъ никакихъ; даже слухи съ Европейскаго театра войны затихли, — но о Кавказѣ былъ слухъ, что Шамиль ворвался въ самый Тифлисъ. Этотъ слухъ не подтвердился, но изъ Одесской газеты видно, что Шамиль ворвался въ Кахетію, со стороны Дагестана, и жители Тифлиса были въ страшномъ волненіи, такъ какъ съ этой стороны очень мало войска: Бебутовъ и Андронниковъ стоятъ на Турецкой гра-

ницѣ и близь Чернаго моря. Впрочемъ, Щамиля прогнали опять въ горы.—На этой недѣлѣ одна Петербургская почта вовсе не пришла: ее ограбили въ Могилевской губерніи (изъ Петербурга почта ходитъ сюда не черезъ Москву, а Бѣлорусскимъ трактомъ) и почтальона убили. Такимъ образомъ я остался безъ иностранныхъ газетъ. Впрочемъ, общество, по крайней мѣрѣ здѣсь, устало заниматься политикой и, махнувъ на все рукой или довѣрчиво полагаясь на правительство, собирается возвратиться къ своему нормальному состоянію, т.-е. заснуть опять крѣпкимъ сномъ; даже сердится немножко: зачѣмъ будили? Что это за безлюдье въ Россіи, въ нашемъ дворянскомъ обществѣ? Конечно, во всемъ городѣ — въ теченіе цѣлаго года — не прочтется 20 книгъ! Полтава, за исключеніемъ нѣкотораго малороссійскаго оттѣнка, то же самое, что и прочіе губернскіе города. Въ похвалу ей можно сказать только, что здѣсь меньше претензій на великосвѣтскость, наприм., что она продолжаетъ обѣдать въ два часа и рано ложится спать, но вмѣстѣ съ этимъ людей зовутъ Фильками и Яшками и вмѣстѣ же съ этимъ, какъ водится, въ ней больше гостепріимства и радушія, чѣмъ въ Харьковѣ или другихъ большихъ городахъ. Ригельманъ еще здѣсь. Его медленность, вялость, аккуратность и разсчетливость, не смотря на всѣ высокія нравственныя качества, способны приводить въ отчаяніе человѣка живаго. А какой прекрасный человѣкъ! Мы сошлись съ нимъ очень близко и едва ли съ кѣмъ былъ онъ такъ откровененъ, какъ со мною.—Мы съ нимъ вмѣстѣ отыскиваемъ поющихъ малороссійскія пѣсни. Въ обществѣ—таковыхъ почти нѣтъ вовсе, но утѣшительно видѣть, что такъ мало исказились пѣсни въ простомъ народѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Полтавской губерніи. Всѣ пѣсни, которыя поетъ Наденька, слышалъ недавно отъ одной простой крестьянки и «*чумака*», и «*въ полѣ могила*», и «*уже третій вечиръ, якъ дивчину бачивъ*». Вообще пѣсни въ народѣ хорошо сохранились и я не думаю, чтобы онѣ могли дойти до такой степени путаницы и нелѣпицы, какъ большая часть пѣсенъ, которыя поетъ великорусскій народъ. Здѣсь поющій обращаетъ вниманіе на содержаніе и на смыслъ пѣсни, между тѣмъ въ Россіи самая протяжность звуковъ мѣшаетъ обратить вниманіе на слова пѣсни. Ямщикъ про-

ѣдетъ семь верстъ прежде, чѣмъ успѣетъ кончить совсѣмъ первый стихъ пѣсни: *не бѣлы то снѣги въ полѣ забѣлѣлися*. Да и мы обыкновенно знаемъ только первые начальные стихи русскихъ лучшихъ пѣсенъ. Никто почти изъ насъ не скажетъ окончанія пѣсни: *лучина-лучинушка*, *внизъ по матушкѣ по Волгѣ* и проч. И какъ эти пѣсни, прекрасныя въ началѣ, обезображены въ концѣ. Жаль, что у васъ нѣтъ недавно вышедшаго Сборника малороссійскихъ пѣсенъ, изданнаго Метлинскимъ въ Кіевѣ: тутъ помѣщены пѣсни, ненапечатанныя нигдѣ прежде. Я съ грустью подумалъ о собраніи пѣсенъ Кирѣевскаго и о томъ, что у насъ до сихъ поръ не издано ни одного порядочнаго сборника пѣсенъ.— Но что это за прелесть пѣсни малороссійскія въ собраніи Метлинскаго. Онѣ всѣ записаны изъ устъ народа. Столько въ нихъ художественной красоты, оконченности, граціи; все, что относится вообще къ области чувства, исчерпано въ нихъ со всей глубиной, тончайшими оттѣнками и переливами. Вообще эти пѣсни показываютъ высокое душевное образованіе въ народѣ. Что касается до извѣстныхъ мнѣ пѣсенъ духовнаго и философскаго содержанія, то онѣ ниже великорусскихъ. Какая удивительная гармоничность, музыкальность стиха, напримѣръ, въ этой пѣснѣ, гдѣ дочь, выданная замужъ въ чужую сторону, разсказываетъ про посѣщеніе своей матери:

Ище сонце не заходыло,
Щось до мене да приходыло?
Приходыла моя матюнка,
Приходыла моя ридная,
Породонька моя вирная.
Вона въ мене не обидала (не обѣдала),
Тилько мене да одвидала (провѣдала);
Вона въ мене не полуднала,
Тилько мене пригolубыла;
Вона въ мене не барылася (не мѣшкала, не медлила у меня),
Тилько сила, *пожурылася* (только сѣла, погрустила)! и проч.

Или эта пѣсня про мать, нелюбившую своей невѣстки и наказавшую ей выбрать ленъ въ полѣ и безъ этого не возвращаться домой:

Ой якъ посылала, да еще й прыказала:
«Не выберешь лену, то не йды до дому»...
— Не выбрала лену, не пишла до дому,
У чистому полю да й заночувала,
До билого свита тополею стала!

Сынъ, возвратившись изъ отлучки, спрашиваетъ мать, что это за тополь у нихъ въ полѣ?

Не видавъ тополи, якъ на своимъ поли!
«Тонка та высока, та листьемъ широка,
«Безъ витроньку мае (движется), безъ сонечка сяе (сіяетъ)»!

Мать приказываетъ ему срубить тополь, сынъ беретъ топоръ и отправляется:

«Якъ цюкнувъ же разъ (ударивъ), вона зашаталась,
«Якъ цюкнувъ у друге, вона похылылась,
«Якъ цюкнувъ у трете, та й заговорыла:
«Ой не рубай мене, бо я твоя мыла (мила)!
«Се жъ твоя матуся намъ такъ поробыла,
«Що тебе послала у путь, у дорогу,
А мене послала въ поле браты лену;
Ой якъ посылала, да еще й прыказала:
Не выберешь лену, то не йды до дому!...
Не выбрала лену—не пишла до дому,
У чистому поли да й заночувала,
До билого свита тополею стала!

Эта пѣсня поется въ Золотоношинскомъ уѣздѣ. — Какъ хорошо здѣсь повтореніе въ концѣ стиха, помѣщеннаго уже однажды выше. Чисто художественный пріемъ! Видно, что сочинявшій понималъ красоту самаго стиха, любовался и наслаждался имъ. Любопытно было бы прослѣдить, откуда и давно ли у Малороссовъ риѳмы? Явилась ли она вслѣдствіе подражанія или самобытно, какъ потребность музыкальнаго слуха? Вотъ еще пѣсня. Беру такъ, на удачу; я еще даже не просмотрѣлъ и половины книги.

Колы бъ такъ тоби, якъ теперь мени
  Да бида докучыла,
Тобъ ты поихавъ, да й не барывся (не мѣшкалъ).
  Ой щобъ я не скучыла!
Колы бъ такъ тоби, якъ теперь мени
  А бида за бидою,
Ты бъ коня добувъ, до мене прыбувъ,
  Попрощався зо мною!
Чи ты богатый, чи гордоватый,
  Чи высоко несешься?

Ой чи ты мене вирненько любышь,
  Чи зъ мене сміешся?... и проч. Дальше:
Ой поплывъ, поплывъ серденько
  Днипромъ—тыхою водою,
И шапкы не знявъ и рукы не давъ,
  Не прощався зо мною!

Довольно замѣчательный размѣръ для народной пѣсни. Голосъ этой пѣсни чудесный. Какъ жаль, что некому класть! Ригельманъ самъ не берется класть на музыку. Я вамъ выписалъ не лучшія пѣсни: трудно очень выбрать, такъ всѣ хороши, музыкальны!—Когда выйдетъ Сборникъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты (всего 50 пѣсенъ), изданный подъ надзоромъ Ригельмана въ Кіевѣ (на ноты клалъ не онъ), то я его къ вамъ пришлю.—Прощайте, будьте здоровы! Дай Богъ, чтобы глаза ваши, милый Отесинька, совершенно укрѣпились. Надѣюсь получить отъ васъ письмо, если не завтра здѣсь, въ Полтавѣ, то въ Харьковѣ.

Или вотъ еще пѣсня:

Ой чому не прыйшовъ, чому не прыихавъ,
Якъ я тоби, серденько, велила?
Чи коня не маешь, чи доригкы не знаешь,
Чи матуся йхать не звелила?
И конычченька маю и дориженьку знаю,
И матуся ихать повелила.... и проч.

Суббота. 14 Августа, 1854 г. Харьковъ.

Въ Воскресенье вечеромъ выѣхалъ я изъ Полтавы и на другой день утромъ былъ уже въ Харьковѣ. Переѣхавши въ Харьковъ, я какъ будто простился съ лѣтомъ — и не замѣчаю здѣсь погоды. Въ Полтавѣ и въ городѣ живешь какъ будто на дачѣ; здѣсь же не видишь почти ни одного деревца: городъ весь каменный, тѣсно застроенный; улицы загромождены возами и фурами (фурами называются широкія телѣги особеннаго устройства, въ которыя запрягается пара воловъ), по случаю наступающей Успенской ярмарки; пыль страшная, какой нигдѣ нѣтъ, по особенному свойству Харьковской почвы; народонаселеніе — сбродное, городское, цивилизованное, испорченные Малоруссы, испорченные Великоруссы... Словомъ, не люблю я Харькова, имѣю-

щаго много общаго съ Петербургомъ. Но зато здѣсь работы мои пойдутъ лучше, потому именно, что не развлекаешься природою юга. А за работу пора приняться крѣпче: дѣло подходитъ къ концу и берегъ виденъ. Купцы мнѣ говорятъ, что они и 5 тысячъ сер. не взяли бы за такой трудъ, что сообразить и повѣрить всѣ разнообразныя отрывочныя свѣдѣнія, доставляемыя разными торговцами, — такáя «головоломія», что едва ли тутъ доберешься какого-нибудь толку, что для полнаго и вѣрнаго описанія надо бы два, три раза посѣтить одну и ту же ярмарку. Никто бы лучше купца не могъ бы составить полную торговую статистику Украинской ярмарочной торговли, — купца, которому нечего пріучать свой слухъ къ разсчетамъ торговымъ, къ терминологіи торговой, котораго голова уже привыкла все мысленно вѣшать, считать, мѣрить, оцѣнивать, приводить все въ проценты, — но, къ сожалѣнію — людей письменныхъ между ними нѣтъ. — Я вижу, что въ трудѣ моемъ будетъ нѣсколько свѣжихъ мыслей и взглядовъ, кой-какія интересныя подробности, но настоящаго значенія для ученыхъ статистиковъ онъ имѣть не можетъ. Ошибокъ и промаховъ, вѣроятно, будетъ довольно, да это даже и неизбѣжно при такомъ затрудненіи въ собираніи свѣдѣній. Какъ бы то ни было, я теперь по цѣлымъ днямъ вожусь съ цифрами, слагаю, вычитаю, дѣлю и множу. Чувствуя недостатокъ предварительнаго ученаго подготовленія въ области статистики, я вижу необходимость прочесть многія книги и сочиненія, которыя здѣсь получить трудно. Я не думаю, чтобы я совершенно окончилъ здѣсь свою работу, развѣ окончу ее только вчернѣ, и торопиться очень представленіемъ отчета не намѣренъ. Впрочемъ — еще рѣшительно не знаю, какъ все это будетъ. По свойству моей работы вообще, я не могу ничего заключать заранѣе, т. е. я обыкновенно работалъ запоемъ: когда придетъ бывало время писать отчетъ Министру или что другое, такъ засядешь за работу, работаешь по 18 часовъ въ день, если не больше, не спишь ночей и приведешь себя въ такое напряженное состояніе, что уже не голова пишетъ, а нервы пишутъ; является особеннаго рода вдохновеніе, которое пустишь впередъ форейторомъ, такъ на выносъ, по всѣмъ трудностямъ, рвамъ и ухабамъ!

И въ началѣ, право, иногда и не знаешь, что̀ будешь писать, да и потомъ — не въ состояніи изустно передать все, что̀ написано, но написанное выходитъ недурно. Разумѣется, такой способъ работы требуетъ свѣжихъ, крѣпкихъ физическихъ силъ и не можетъ быть очень продолжителенъ, а потому и не для всякаго труда годенъ. Именно тутъ, я думаю, не разскачешься по цифрамъ и математическимъ выкладкамъ! — Можно было такъ работать подъ конецъ въ Ярославлѣ, когда я цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ комнаты, не брился, не одѣвался и писалъ толстымъ карандашемъ, потому что отъ быстраго писанія тоненькимъ перомъ дѣлались судороги въ пальцахъ, да и макать въ чернильницу надо было безпрестанно; такъ и судебныя сцены — тетрадь очень толстая — были написаны и два раза переписаны меньше, чѣмъ въ двѣ недѣли, хотя, живя дома и стараясь работать скрытно, я не могъ употребить всѣ свои привычки и способы въ дѣло. Но вижу, что съ настоящимъ моимъ трудомъ нельзя будетъ поступить такимъ образомъ. А впрочемъ не знаю; я еще не пробовалъ и теперь все покуда собираю матерьялы да обдѣлываю кой-какія частности. Я нанялъ здѣсь квартиру, очень удобную и недорогую: за двѣ комнаты 10 р. сер. въ мѣсяцъ: обѣдаю въ трактирѣ. Комната моя — довольно высокая, о пяти окнахъ, стало быть пресвѣтлая и производитъ пріятное впечатлѣніе, такъ что мнѣ кажется — въ ней работаться будетъ хорошо. Другую комнату занимаетъ Аѳанасій, который большую часть времени проводитъ въ дѣланіи папиросъ. Ему уже очень надоѣло странствовать, да теперь и дорогу онъ труднѣе переноситъ, чѣмъ я. А еще намъ предстоитъ довольно ѣзды впереди, да еще осенью!—Ралль, только что пріѣхавшій изъ Кіева, разсказывалъ мнѣ, какъ дѣятельно работаютъ надъ укрѣпленіемъ Кіева и надъ вооруженіемъ крѣпости, такъ что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нельзя будетъ его узнать вовсе. Та часть города, гдѣ я жилъ, Липки — совсѣмъ ломается, генералъ-губернаторскій домъ и почти весь Печерскъ (за исключеніемъ монастыря, разумѣется), также. Между тѣмъ,—наши войска, стоявшія на Австрійской границѣ, отступили, и Австрійскія тоже отошли отъ границы. Гвардія, отправленная изъ Петербурга къ границамъ Австрійской и

Прусской, возвращается назадъ. По иностраннымъ газетамъ и по частнымъ слухамъ—Горчаковъ перешелъ черезъ Прутъ и Турки вступили въ Букарестъ, а частные слухи прибавляютъ, что Горчаковъ, воротившись, нанесъ Туркамъ рѣшительное пораженіе. Между тѣмъ войска стягиваются къ Севастополю. Такъ велики границы Россіи, что какъ ни огромно наше войско, его все оказывается мало. Бѣдная Княгиня Чавчавадзе и бѣдная Княгиня Орбеліани! Онѣ у меня изъ головы не выходятъ. Что-то скажетъ нынѣшняя почта.?—Прощайте, милый Отесинька и милая Маменька, спѣшу на rendez-vous къ одному купцу, торгующему саломъ, и къ одному Нижегородскому крестьянину, торгующему полотномъ. Будьте здоровы; дай Богъ, чтобы ваши глаза совсѣмъ поправились, милый Отесинька. Сколько фруктовъ нынѣшній годъ! Во всю жизнь свою не ѣдалъ я столько грушъ, сколько съѣлъ ихъ на прошедшей недѣлѣ въ Полтавѣ, а также маленькихъ персиковъ, по 2 к. сер. десятокъ. Здѣсь, въ Харьковѣ, фрукты дороже.

21 Августа 1854 г. Суббота. Харьковъ.

Въ середу получилъ я ваше письмо отъ 9 Августа. Слава Богу, милые Отесинька и Маменька, что вы всѣ здоровы, по крайней мѣрѣ пришли болѣе или менѣе въ свое нормальное состояніе.—По случаю настоящей войны народные умы легко тревожатся и готовы повѣрить всякой небылицѣ, всякому ложному толкованію указа. «Царь зоветъ на службу, лучше служить царю, чѣмъ господину»—эти разсужденія мнѣ уже приводилось слышать. И потому, милый Отесинька, ваше посланіе міру съ угрозой прислать управляющаго—въ настоящее время едва ли достигнетъ своей цѣли: разнесся слухъ о высадкѣ въ Крымъ непріятеля, Вишенскіе мужики отправятся, пожалуй, защищать Крымъ, по наущенію какого-нибудь отставного солдата!.... Словомъ сказать—отношенія помѣщика къ крестьянамъ съ каждымъ годомъ разстраиваются и надо спѣшить—приводить дѣло въ такое положеніе, чтобы событіе не застало врасплохъ и не лишило помѣщика насущнаго куска хлѣба.—Знаете что, милый Отесинька? Если Гриша вступитъ на службу и не въ наши

губерніи, — надобно будетъ кому-нибудь изъ насъ двоихъ заняться — если не исполненіемъ вотъ этого моего предположенія, то во всякомъ случаѣ лучшимъ устройствомъ имѣнія. Необходимо будетъ посвятить себя годъ или два этой скучной работѣ тамъ, на мѣстѣ. «Такъ» — оставлять нельзя; прежніе способы управленія становятся теперь невозможными и прежнія отношенія расклеиваются. Теперь ни Куроѣдовъ, ни Степанъ Михайловичъ не навели бы страха на крестьянъ *). Я также не понимаю, отчего у насъ въ Вишенкахъ встрѣчается такое затрудненіе во введеніи машинъ. Въ Малороссіи и во всемъ Новороссійскомъ краѣ иначе не молотятъ пшеницы, какъ посредствомъ машинъ, да и въ Самарскомъ уѣздѣ вездѣ дѣйствуютъ машины вмѣсто этого допотопнаго способа молотьбы лошадиными копытами, который еще у насъ въ ходу. Я убѣждаюсь, что вообще нечего слишкомъ слушаться возраженій крестьянъ, нечего слишкомъ много полагаться на здравый смыслъ и толкъ простаго народа. Можно принимать его въ соображеніе, но не вѣрить ему безусловно. Помните, лѣтъ пять тому назадъ, когда у насъ послѣдовала такая рѣшительная перемѣна въ тарифѣ, какъ волновались, какъ шумѣли, какъ протестовали купцы, предвидя разореніе, разрушеніе фабрикъ. Кажется, кому бы лучше знать, какъ не купцамъ и не фабрикантамъ. Оказывается, что они очень мало знаютъ. Я вчера часа два отбиралъ свѣдѣнія изъ лавки Прохорова, извѣстнѣйшаго ситцеваго фабриканта въ Россіи. Константинъ когда то былъ у него на фабрикѣ. Когда вышелъ новый тарифъ, Прохоровъ былъ въ числѣ депутатовъ, отправленныхъ московскимъ купечествомъ съ просьбою объ удержаніи стараго тарифа: ихъ допустили въ присутствіе Государственнаго Совѣта, гдѣ они и объясняли свои

---

*) Сергѣй Тимофеевичъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 1-го Сент. замѣчаетъ: — „Ты очень справедливо говоришь, что пора обратить вниманіе на отношенія наши къ крестьянамъ, но, во-первыхъ, это надо дѣлать не теперь, а въ спокойное время и, во-вторыхъ: это надо дѣлать помѣщику, живущему въ деревнѣ, подъ личнымъ своимъ надзоромъ, а не заочно. Я точно убѣждаюсь, что Шабаевъ не умѣетъ сладиться съ крестьянами и ѣхать въ Вишенки кому нибудь изъ насъ — необходимо. Если буду въ силахъ — поѣду самъ. Надѣюсь, не съѣздитъ ли какъ нибудь Гриша; но вы съ Константиномъ оба не годитесь; ты опаснѣе даже Константина, что и доказывается твоими же словами, *что Степ. Мих. теперь бы не годился*. Онъ бы отлично годился, да между нами онъ невозможенъ теперь.

доказательства. Теперь же самъ Прохоровъ сознаетъ, что ошибся и со всѣмъ здравымъ толкомъ, въ своемъ собственномъ дѣлѣ, смотрѣлъ очень близоруко. Русская мануфактурная промышленность пустила уже такіе глубокіе и сильные корни, что тарифъ не имѣлъ на нее никакого вліянія, развѣ только на фабрики модныхъ шелковыхъ матерій высшаго сорта. Ни Англія, ни Франція, ни Рига, ни Польша не въ состояніи соперничать съ русскими фабриками въ изготовленіи и продажѣ товаровъ средняго и низшаго сорта. Сбавка пошлинъ по тарифу усилила дѣятельность фабрикантовъ, боявшихся лишиться всего достоянія, заставила ихъ дѣлать товаръ лучше и дешевле. NB. Это не значитъ, чтобы я совершенно отвергалъ такъ называемую запретительную систему: напротивъ — я признаю ее во многихъ случаяхъ необходимою, особенно при началѣ какой-нибудь отрасли промышленности. — Здравый толкъ явно доказывалъ нелѣпость перевода ярмарки изъ Ромна въ Полтаву, особенно старые купцы, дѣльные, умные, опытные... Деспотическій поступокъ Кокошкина увѣнчался полнымъ успѣхомъ, къ изумленію простого здраваго толка. Разумѣется, недовѣрчивость къ нововведеніямъ имѣетъ очень полезную сторону, только надобно, чтобы она не мѣшала вовсе ходу впередъ. — Вы не получаете отъ Тургенева писемъ: здѣсь мнѣ разсказывали про него, что онъ женится, одни говорятъ — на какой-то Тургеневой же, другіе — на Графинѣ Веліегорской. Я радъ былъ бы за Тургенева, если бы случилось это послѣднее. Графиня Веліегорская, служившая прототипомъ Гоголевой Улинькѣ, можетъ имѣть на Тургенева благодѣтельное вліяніе, разорветъ узы, связывающія его съ грязнымъ и безнравственнымъ обществомъ Ив. Панаева и компаніи. Я думаю — ей будетъ около 28 лѣтъ. Впрочемъ, если онъ женится, то вы вѣрно знаете на комъ. —

Что касается высадки Англо-Французовъ въ Крымѣ, то объ этомъ еще нѣтъ никакихъ слуховъ. Вчера видѣлъ одного купца изъ Николаева, только что пріѣхавшаго оттуда. 16-я дивизія форсированнымъ маршемъ шла изъ Бессарабіи на Перекопскій перешеекъ, — но страха — чтобы непріятель могъ занять Крымъ, такъ мало, такъ это кажется всѣмъ несбыточнымъ, что даже купцы продолжаютъ закупать то-

вары, нѣсколько меньше, это правда, противъ прежнихъ лѣтъ, однако все же закупаютъ. — Газета Times требуетъ непремѣнно взятія Севастополя, утверждая, что для такого огромнаго флота и для такой арміи нѣтъ ничего невозможнаго, и что не взять Севастополя было бы вѣчнымъ позоромъ для Англіи и для союзнаго флота и арміи! Посмотримъ, что будетъ! Жду съ нетерпѣніемъ нынѣшней почты, чтобы узнать что-нибудь объ Аландскихъ островахъ. — Впрочемъ уже Сентябрь на дворѣ, и дѣйствія на морѣ скоро должны прекратиться. Какая странная война!—Я ничего уже отъ нея не ожидаю.— Съ одной стороны для меня собственно это хорошо; этотъ интересъ уже не отвлекаетъ теперь моего вниманія отъ моихъ занятій. Я очень усиленно теперь работаю или, лучше сказать, тороплюсь набрать матерьяловъ, какъ можно болѣе, чтобы потомъ разработывать ихъ на досугѣ. Каждый день имѣю аудіенціи у нѣсколькихъ купцовъ,—но вѣдь ихъ тысячи, и потому нѣтъ никакой возможности разспросить ихъ всѣхъ. Между тѣмъ, чтобы привести въ извѣстность количество товаровъ, надо бы разспросить всѣхъ—и такихъ головъ, которыя бы сами интересовались этимъ вопросомъ и могли бы дѣлать общія соображенія—не имѣется! Всего довольнѣе я молодыми купцами, которые—по крайней мѣрѣ— безъ затрудненій передаютъ мнѣ все, что знаютъ, не врутъ, не скрываютъ, не опасаются обнаружить свои торговые секреты. Всего болѣе времени пропадаетъ у меня въ пустыхъ объясненіяхъ и увѣреніяхъ, что работа моя не повредитъ торговлѣ, что отъ этого худа не будетъ, въ пріискапіи толковыхъ и знающихъ людей. Нельзя сказать, чтобы это утаиваніе истины происходило отъ естественнаго, заслуженнаго недовѣрія. Вспомнимъ, что въ быту крестьянскомъ тоже самое: мужикъ никогда у себя въ деревнѣ не обнаружитъ своего состоянія, своего капитала, зарываетъ деньги въ землю, боится зависти, дурнаго глаза и проч.—Къ тому же торговля большею частью основана на обманѣ и надувательствѣ.—Много нужно терпѣнія, упорства, даже наглости, чтобы преодолѣть всѣ затрудненія, съ которыми сопряжено мое порученіе, и оно меня очень озабочиваетъ. Пошлаго и казеннаго не хочется мнѣ дѣлать, ни совѣсть, ни самолюбіе не позволятъ,—а съ общими соображеніями, боюсь—

не слажу, чувствую, что голова не для коммерческихъ соображеній устроена и часто завидую купцамъ, у которыхъ съ дѣтства все взвѣшивается, все расчитывается на проценты: я думаю, они иногда человѣка цѣнятъ во столько-то рублевъ, привязанность къ нему усиливаютъ или убавляютъ на столько-то процентовъ!—Очень озабочиваетъ меня моя работа.

1854 г. Августа 27. Пятница вечеромъ. Харьковъ.

Противъ обыкновенія на нынѣшней недѣлѣ не получилъ я письма отъ васъ, милый Отесинька и милая Маменька. Вѣрно вы почему либо пропустили почту. Надѣюсь, что завтра утромъ почта привезетъ мнѣ письмецо отъ васъ, до отправленія моего письма. Теперь снова начнется безпорядочное полученіе писемъ, до возвращенія моего въ Харьковъ. Въ среду я ѣду въ Черниговъ и слѣдующее письмо буду уже, вѣроятно, писать оттуда. Боюсь, что ѣхать придется мнѣ по грязнымъ дорогамъ. Не знаю, что будетъ, но теперь совершенная осень: холодно и почти каждый день идутъ дожди, впрочемъ не сильные, и погода всякій разъ проясниваетсяр, но воздухъ холоденъ. Для меня оно кстати: легче работать, потому что малороссійское лѣто дѣлаетъ человѣка совершенно неспособнымъ къ работѣ. На этой недѣлѣ я передѣлалъ довольно много самаго скучнаго дѣла. Какъ я долженъ описать всѣ одиннадцать ярмарокъ и привести въ извѣстность силу, оборотъ каждой изъ нихъ и всѣхъ въ совокупности, ибо онѣ составляютъ между собою неразрывную цѣпь, то мнѣ приходится прослѣдить цифру оборота каждаго товара на каждой ярмаркѣ. Если предположить, что разныхъ категорій товаровъ—только 100, то выйдетъ 1111 итоговъ, которые должны быть сосчитаны въ разныхъ направленіяхъ и по категоріямъ и въ общей суммѣ оборота, и проч. и проч. Сверхъ того берется пятилѣтняя сложность каждаго оборота. Тамъ, гдѣ не достаетъ моихъ собственныхъ свѣдѣній, я руководствуюсь оффиціальными вѣдомостями. Сводъ всѣхъ этихъ цифръ чрезвычайно скученъ и утомителенъ. Въ изложеніи мнѣ придется оживить и осмыслить каждую цифру,—но черновая работа никому не будетъ видна. Считаешь, считаешь, соображаешь

до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ зарябитъ и голова одурѣетъ. Нанялъ я одного чиновника поденно, чтобы помогать мнѣ въ этой механической работѣ: т. е. мы считаемъ вмѣстѣ—я говорю, онъ кладетъ на счеты, потомъ опять повѣряемъ и т. д. — Впрочемъ я теперь самъ выучился класть на счеты и готовъ, по возвращеніи, подвергнуть себя вашему экзамену, милый Отесинька. У купцовъ же такая привычка возиться со счетами, что когда спросишь напр. купца въ лавкѣ,—откуда онъ пріѣхалъ, то онъ обыкновенно возьметъ счеты и, уже откинувъ машинально пальцемъ на счетахъ, отвѣчаетъ: изъ Воронежа-съ, или изъ другого мѣста. На нынѣшней же недѣлѣ я обошелъ всѣхъ торговцевъ мануфактурными товарами (а ихъ лавокъ до 200), отбирая свѣдѣнія отъ каждаго объ общемъ его годичномъ оборотѣ на Украйнѣ и о проч. Это невыносимый трудъ. Надобно было почти 200 разъ толковать — кто я, зачѣмъ спрашиваю, для чего, убѣждать, чтобы показали правду; иной проситъ обождать до завтра, чтобы справиться по книгамъ; другого нѣтъ въ лавкѣ, у третьяго покупатели—и не хочешь ему мѣшать. Четыре дня посвятилъ я на это дѣло, проводя по семи и болѣе часовъ въ лавкахъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я уже не въ темномъ лѣсу и умѣю различать товары и судить о вѣрности показаній. — Все это очень, очень утомительно: работа, по мѣрѣ приближенія срока, меня сильно озабочиваетъ и, при совершенномъ моемъ одиночествѣ, при отсутствіи всякаго рода развлеченій, мнѣ приходится работать цѣлый день. Но я все же очень благодаренъ этому труду. Цѣною его я купилъ себѣ возможность поѣздить цѣлый годъ, провести весну и лѣто въ Малороссіи, многое видѣть и замѣтить. Но предвидится мнѣ, что, одолѣвъ эту огромную работу, я буду имѣть сильную потребность въ отдыхѣ.—Теперь надобно мнѣ будетъ очищать еще мѣсто въ головѣ для новой губерніи, отвести амбаръ для новыхъ свѣдѣній и соображеній. Но довольно объ этомъ. Поневолѣ приходится говорить о своихъ занятіяхъ, потому что погруженъ въ нихъ день цѣлый, да и хотѣлось мнѣ дать вамъ о нихъ понятіе.— Въ русскихъ газетахъ еще нѣтъ, а въ иностранныхъ помѣщено извѣстіе о взятіи Бомарзунда, сдавшагося на капитуляцію. Иначе не могло и кончиться, но все какъ-то непріят-

но читать описаніе радости и торжества въ Парижѣ по случаю этого извѣстія. Вѣроятно, однимъ изъ условій мира, о которыхъ идутъ переговоры, будетъ отдача этихъ острововъ Швеціи или Даніи, или другому кому. Можетъ быть, впрочемъ, если миръ еще долго не будетъ заключенъ,—съ помощью нашего вѣрнаго союзника зимы, мы доберемся до Аландскихъ острововъ по льду и возвратимъ ихъ себѣ. Жаль мнѣ, что вы не читаете иностранныхъ газетъ. Тамъ—кромѣ вздора и клеветъ—помѣщаются любопытные документы, которыхъ у насъ не перепечатываютъ, напр. ноты Австрійскаго и Прусскаго двора (послѣднія), отвѣтъ нашъ на эти ноты, съ изъявленіемъ согласія очистить княжества, но на условіяхъ (впрочемъ, оно послѣдовало потомъ безъ условій), ноты Австріи, Франціи и Англіи, размѣненныя между тремя кабинетами, объ условіяхъ, на которыхъ единственно можетъ быть заключенъ миръ съ Россіей, и проч. Какова Австрія! Какую роль она теперь разыгрываетъ! Впущенная въ Молдавію и Валахію, она не скоро оттуда выйдетъ и вѣрно за свои услуги отхватитъ себѣ земельку по Дунаю, чтобы намъ окончательно запереть входъ въ Турцію. Англія вѣрно также возьметъ себѣ позицію гдѣ-нибудь на азіатскомъ берегу Чернаго моря, подъ предлогомъ стеречь насъ.... Впрочемъ, еще неизвѣстно, чѣмъ все это кончится.—Читали ли вы, милый Отесинька, *Сѣверную Пчелу*, тѣ №№, гдѣ Булгаринъ разбираетъ біографію Гоголя и разсказываетъ, какъ въ 1828 или 29 году Гоголь явился къ нему со стихами, въ которыхъ Булгаринъ превознесенъ до небесъ, и съ просьбой о мѣстѣ, и Булгаринъ опредѣлилъ его въ III-е Отдѣленіе Канцеляріи Государя, куда, впрочемъ, Гоголь являлся только за полученіемъ жалованья и гдѣ онъ числился недолго. Если не читали, то вѣрно слышали. Эти двѣ статьи гнусны въ высшей степени по той явной цѣли, съ которой писаны, по старанію представить Гоголя человѣка подлецомъ, и по самому тону. Вѣрно, онѣ вызовутъ возраженія. Очень могло быть (Булгаринъ обѣщаетъ, въ случаѣ нужды, напечатать и стихи и письмо Гоголя — послѣднее чуть ли не о деньгахъ), что мальчикъ Гоголь, попавши въ Петербургъ и не имѣя ни о чемъ вѣрнаго понятія, ни о Булгаринѣ, ни о III Отдѣленіи, послѣдовалъ совѣту ка-

кого-нибудь пріятеля, увѣрившаго его, что таковъ обычай и порядокъ, что такъ у практическихъ людей заведено и проч. Вообще люди, съ натурами чисто художническими, способны дѣлать страшныя глупости и простымъ, яснымъ, здравымъ умомъ не отличаются—большею частью. Такъ и должно быть. Все это очень понятно и легко можетъ быть объяснено.—Біографія Гоголя, написанная нашимъ знакомымъ, дѣйствительно заключаетъ въ себѣ многія неловкія мѣста, на которыя удобно нападать недоброжелательному человѣку. Странный человѣкъ этотъ нашъ знакомый. Кажется, онъ человѣкъ умный, а есть какая-то въ его сочиненіяхъ и въ немъ самомъ ограниченность, для многихъ вовсе незамѣтная. Впрочемъ—мнѣ это такъ кажется.—Въ его біографіи слышится какой-то педантизмъ, какое-то уваженіе къ Гоголю, будто какое-то отношеніе «жреца въ храмѣ искусства» къ художнику. Есть какіе-то старые, классическіе, любезные симъ господамъ «жрецамъ» пріемы, которые у умнаго, хотя бы и стараго, но всегда современнаго человѣка не встрѣтятся.—Слѣдуетъ еще также замѣтить біографамъ, что они оказываютъ плохую услугу лицу, ими описываемому, выкапывая весь соръ и хламъ изо всѣхъ угловъ его души. Надобно разсматривать въ человѣкѣ дѣла его жизни, его цѣль, его стремленіе, идеалъ, живущій въ его душѣ—и уже по отношенію къ этой существенной сторонѣ можно касаться частностей и мелочей его жизни. Человѣкъ самъ себя очищаетъ; внутренняя его работа надъ собою есть тайна между имъ и Богомъ, и только Богу извѣстно, какіе плевелы жили въ его душѣ и исторгнуты имъ. Нѣтъ, поднимутъ соръ, выброшенный давнымъ-давно за окно, начнутъ рыться въ пыли подъ стульями,—вмѣсто того, чтобы любоваться свѣтлымъ и просторнымъ покоемъ; напылятъ снова, примутся наводить справки о выброшенномъ сорѣ и проч. и проч.—Вотъ теперь поднимется печатный споръ о томъ: подлецъ ли Гоголь или нѣтъ!!! Очень можетъ быть, что онъ и былъ въ состояніи, въ первое время жизни, сдѣлать маленькую подлость, которая могла не казаться ему настоящею подлостью,—но все это ничего не значитъ — передъ его смертью, передъ трудомъ его жизни. Онъ, болѣвшій своимъ несовершенствомъ, онъ, по собственнымъ словамъ, навязывавшій или преслѣдо-

вавшій въ своихъ герояхъ собственные свои недостатки, конечно, носилъ въ себѣ много и дряни, отъ которой и освобождался постепенно... Неловкій разсказъ К. о часахъ Жуковскаго, взятыхъ Гоголемъ, также далъ поводъ Булгарину объяснить этотъ поступокъ довольно скверньмъ образомъ. Пойдутъ теперь переворачивать Гоголя какъ человѣка во всѣ стороны, безъ всякаго уваженія къ святынѣ души, къ священнымъ правамъ личности человѣка! Отыскался гдѣ-то соръ, но исторія этого сора въ душѣ человѣка — намъ скрыта.— Я очень бы желалъ, чтобы вы прочли эти №№ — кажется отъ 7 и 14 Августа. Вообще у К. многіе анекдоты совершенно лишніе и плохо объяснены. Прощайте.

1854 г. 7 Сентября. Черниговъ. Вторникъ.

И изъ Чернигова пришлось мнѣ писать къ вамъ, милый Отесинька и милая Маменька! Я думалъ, что успѣю написать къ вамъ въ субботу, но ѣхалъ я довольно медленно, по недостатку лошадей на станціяхъ, и добрался до Чернигова въ субботу, уже въ самый часъ отправленія почты.— Я выѣхалъ изъ Харькова въ среду на ночь и черезъ города Богодуховъ и Ахтырку, Харьковской губ., Зеньковъ, Гадачъ и Роменъ Полтавской, Конотопъ, Батуринъ, Сосницу и Березну (не Борзну) пріѣхалъ въ Черниговъ: всего, я думаю, 450 верстъ. Ночи—темныя, ночи осеннія и пески не позволяли мнѣ ѣхать шибко и я попалъ въ Ахтырку (105 верстъ отъ Харькова) уже въ обѣденный часъ. Я имѣлъ намѣреніе въ этотъ разъ непремѣнно побывать въ церкви, гдѣ икона, отслужить молебенъ и удовлетворить желаніе Кузьмы Ивановича *)— имѣть свѣдѣнія о порядкѣ службы и проч. Я совсѣмъ забылъ, что икона эта въ городѣ, въ соборѣ, а вообразилъ себѣ, что она въ Ахтырскомъ монастырѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ города, по той дорогѣ, куда и мнѣ надо было ѣхать, а потому и отправился туда. Видъ на монастырь и изъ монастыря великолѣпный. Онъ стоитъ въ пространной равнинѣ на огромномъ широкомъ холмѣ, покрытомъ невысокимъ чернолѣсьемъ и садами и почти со всѣхъ сторонъ опоясанномъ рѣкою

*) Священникъ села Ахтырки (приходъ Абрамцева).

Ворсклою. Прелесть! у воротъ монастырскихъ встрѣтилъ я монаха, которому объявилъ свое намѣреніе служить молебенъ, и самъ вошелъ въ церковь. Каково-жъ было мое удивленіе, когда на почетномъ мѣстѣ вижу въ золотой ризѣ икону въ человѣческій ростъ,—кажется, всѣхъ скорбящихъ. Объяснилось, что здѣсь своя чудотворная икона, и одинъ монахъ, примѣтивъ мое изумленіе, поспѣшилъ растолковать мнѣ, что въ городѣ икона явленная, а собственно здѣсь чудотворная. Не желая обидѣть монастырь, отслужилъ я молебенъ, имѣя въ виду, на обратномъ пути, поправить свою ошибку и побывать въ городскомъ соборѣ. Монастырь не бѣденъ и смотритъ какъ-то свѣтло и весело, весь въ зелени— самъ бѣлый! Изъ Ахтырки поворотилъ я въ Зеньковъ. Несмотря на скверную погоду, видъ малороссійскихъ селъ и городовъ опять произвелъ на меня обычное, умиряющее впечатлѣніе. Какъ хороши эти бѣлыя хаты, живописно разбросанныя по холмамъ и долинамъ и выглядывающія такъ привѣтливо изъ-за зеленыхъ садовъ своихъ, эти кривыя улицы, эти красивые плетни, сдерживающіе густую зелень, такъ и рвущуюся на улицу, это ласковое отношеніе природы къ человѣку, это сочувствіе человѣка къ природѣ. И какія мѣста по Ворсклѣ и Пелу! Но на этомъ проселочномъ трактѣ я былъ постоянно задерживаемъ недостаткомъ въ лошадяхъ: тамъ окружной, переведенный куда-то далеко и отправляющійся къ мѣсту своего назначенія со всѣмъ своимъ скарбомъ и семействомъ, забралъ всѣхъ лошадей; тамъ «первосвященный», ревизуя эпархію, также огромнымъ своимъ поѣздомъ заставляетъ проѣзжающихъ сидѣть по нѣскольку часовъ на станціяхъ; тамъ какая-нибудь большая барыня— поднявшись всѣмъ домомъ, разомъ захватила всѣ почтовыя клячи подъ свои тяжелыя кареты и дополнительные тарантасы... Словомъ, вездѣ остановка и вездѣ дожидающіеся проѣзжіе! Имѣя казенную подорожную, я пользовался передъ ними тѣмъ преимуществомъ, что забиралъ и послѣднихъ лошадей, которыхъ выкормки они столько времени ожидали! Впрочемъ, если-бы я видѣлъ для нихъ крайность спѣшить, я бы, разумѣется, уступилъ имъ это право. На одной станціи я встрѣтилъ одну дѣвицу Троцыну, рѣшившуюся поѣхать на свиданіе къ сестрѣ, Ждановой, Вице-

губернаторшѣ самарской. Это подлинно подвигъ! Изъ Ромна въ Самару, да все боковыми трактами! По разсказамъ ея, письмо изъ Самары въ Роменъ доходитъ въ мѣсяцъ. Ну какое же можетъ быть развитіе общественной жизни при такихъ средствахъ сообщенія! Нигдѣ какъ въ Россіи, съ ея огромнымъ пространствомъ, не нужны такъ удобства сообщеній!—Кромѣ того станціи содержатся Евреями и очень плохо. Конотопъ—похожъ на всѣ малороссійскіе города. Въ Батуринѣ я переѣхалъ черезъ Кіево-Московскую дорогу на проселочный трактъ черезъ Сосницу до Чернигова. Тутъ пошли все пески, да пески, благодаря близости двухъ рѣкъ Сейма и Десны; наконецъ часовъ въ пять послѣ полудня въ субботу дотащился я до Чернигова. Черниговъ бѣднѣе всѣхъ губернскихъ городовъ, которые мнѣ случалось видѣть; въ немъ всего тысячъ семь жителей (и мущинъ и женщинъ), домовъ съ 10 каменныхъ только,—а прочіе всѣ деревянные. Это послѣднее обстоятельство и нѣкоторыя другія—причиною, что Черниговъ лишенъ вовсе малороссійской физіономіи. Расположенный на песчаной равнинѣ, невдалекѣ отъ Десны,—онъ вообще некрасивъ, съ своими старыми деревянными постройками, и смотритъ такимъ бѣднымъ, смиреннымъ и жалкимъ, что нѣтъ духа даже и посмѣяться надъ нимъ. Только сады въ одной части города напоминаютъ вамъ, что вы не въ Россіи. Надобно впрочемъ знать, что сторона за Десною носитъ на себѣ уже совсѣмъ другой характеръ: Десна — граница малороссійскаго чернозема и за нею начинается грунтъ большею частью сѣрый и песчаный. Вообще Малороссіей можно еще назвать южные уѣзды Черниговской губерніи. Прилегающіе къ Орловской губерніи подернуты оттѣнкомъ великорусскимъ, а прочіе—чисто бѣлорусскіе. Древняя Сѣверія—не Малороссія. Въ Сѣверіи жители почти всѣ носятъ бороды; въ сѣверныхъ уѣздахъ находятся знаменитыя раскольническія слободы или посады, населенные выходцами изъ Россіи: народъ промышленный, бодрый и дѣятельный. Въ одномъ посадѣ Клинцахъ—22 суконныя фабрики, знаменитѣйшія въ Россіи. Вообще эти посады очень богаты и являютъ рѣзкое преимущество великорусскаго племени надъ малороссійскимъ и бѣлорусскимъ, разумѣется, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Эти же самые слобожане не отли-

чаются большою честностью въ торговлѣ.—Если успѣю отдѣлаться въ четвергъ, то хочу проѣхать въ Кролевецъ не прямо, а сдѣлать крюку верстъ 300, т. е. съѣздить въ Новозыбковъ, посадъ Клинцы, Суражъ, Стародубъ и Новгородъ - Сѣверскъ, попасть въ Кролевецъ. Интересно взглянуть на этотъ край, промышленный, богатый и такъ рѣзко отличающійся отъ прочихъ уѣздовъ Черниговской губерніи. Въ Кролевцѣ ярмарка начинается 14-го Сентября и продолжается до 26-го; до 14-го я могу успѣть только проскакать это пространство, но для меня важно и наглядное впечатлѣніе.—Отвѣчаю на ваше письмо отъ 20-го. Ваше письмо написано до взятія Аландскихъ острововъ. Въ Indep. Belge помѣщена одна любопытная подробность, которая не была перепечатана въ русскихъ газетахъ, да и l'Ind. Belge, которая, подъ видомъ безпристрастія, дышетъ ненавистью къ Россіи, запрятала это извѣстіе между многими другими и въ такой уголъ, что его не скоро и отыщешь. Такъ какъ вы не получаете иностранныхъ газетъ, то вотъ вамъ оно: «Когда русскіе должны были сѣсть на корабли, то имъ пришлось—складывая напередъ оружіе—идти по-двое между двумя тѣсными рядами Англо-Французовъ, стоявшихъ подъ ружьемъ отъ крѣпости до берега. Русскіе казались очень печальными; когда крѣпость сдалась и Англо-Французы ее заняли, то въ военноплѣнномъ гарнизонѣ было покушеніе къ бунту (une tentative d'émeute); одного солдата (русскаго) даже поймали въ то время, когда онъ пытался поджечь пороховой магазинъ и, разумѣется, тотчасъ же разстрѣляли». Это уже дѣйствіе нашихъ солдатъ, а не начальниковъ. Не въ привычку русскимъ войскамъ быть отводимымъ въ плѣнъ въ такомъ количествѣ заразъ!—Здѣсь, въ Черниговѣ, формируется новый 7-й корпусъ. Получено извѣстіе вѣрное, что гвардія двинулась въ походъ снова, къ Варшавѣ. Экспедиціи въ Крымъ, благодаря холерѣ, вѣроятно не будетъ. Прощайте.—Осень покуда вовсе не рекомендуетъ себя въ Малороссіи. Вторая половина Августа была холодная, были даже въ концѣ Августа два мороза, впрочемъ не сдѣлавшіе вреда, ибо все уже дозрѣло прежде. Теперь хоть и гораздо теплѣе, но дуетъ неугомонный, страшный вѣтеръ. Впрочемъ вчера было тише—и день былъ мягкій, теплый, чудный ясный день, а нынче опять сѣро, вѣтрено и моросить. Прощайте.

1854 г. Сентября 15. Среда. Кролевецъ.

Третьяго дня, пріѣхавши сюда, нашелъ я здѣсь на почтѣ два письма отъ васъ, милый Отесинька и милая Маменька, отъ 27-го Августа и 3-го Сентября.—Какъ я радъ, что холера у Троицы миновалась и ослабѣла въ Москвѣ. Должно ожидать однако, что она въ Москвѣ водворится на долгое жительство, какъ въ Петербургѣ. О смерти Калайдовича я узналъ изъ газетъ еще въ Черниговѣ: она меня сильно поразила. Бѣдная мать! Я думаю, онъ ее поддерживалъ. Калайдовича я зналъ съ 7-ми-лѣтняго возраста.—Отвѣчаю на ваши письма. Батово, въ которомъ живетъ Марья Алексѣевна, можетъ быть очень знаменито, но не заманчиво для житья, когда вспомнишь климатъ и природу Петербургскихъ окрестностей: кочки, кочки, болота, сырость, туманы, въ воздухѣ насморки и катарры, земля полна мокротъ и слизей. Мерзость! Въ Абрамцевѣ все-таки лучше, окрестность пріятнѣе для глазъ. Но предчувствую, что весною и лѣтомъ буду сильно тосковать по Малороссіи! Такъ легокъ здѣсь воздухъ, такъ здорово сухъ! Ни одного тумана не видалъ я во все время моего здѣсь пребыванія, несмотря ни на близость воды, ни на низменность мѣста. Передъ отъѣздомъ изъ Чернигова просмотрѣлъ я l'Indep. Belge: тамъ пишутъ, что Государь рѣшительно отказалъ принять предлагаемыя условія, но въ какой степени это телеграфическое извѣстіе справедливо — неизвѣстно. Съ тѣхъ поръ ничего не знаю, что дѣлается въ политическомъ мірѣ. Иностранныхъ газетъ въ Кролевцѣ не получаютъ, да и русскія достать очень трудно. Носится слухъ о высадкѣ Англо-Французовъ въ Крымъ, но я уже пересталъ вѣрить слухамъ, особенно разсказамъ самовидцевъ. — Я думаю, что придется нанять управляющаго для нашихъ деревень. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что крестьяне при всякой возможности сработать меньше и поплоше на барина, воспользуются ею и сработаютъ мало и плохо. Шабаеву же, какъ ихъ же брату, трудно съ ними ладить; не они его, онъ ихъ боится, боится обычнаго русскаго мщенія—поджога. Я вовсе не виню крестьянъ: было бы даже очень глупо съ ихъ стороны работать усердно на барина безъ принужденія и при отсутствіи всякаго полю-

бовнаго договора. Да и наемные рабочіе требуютъ тщательнаго за ними присмотра, но тутъ скорѣе можно требовать добросовѣстности, чѣмъ отъ крѣпостныхъ. Мы и въ службѣ норовимъ, какъ бы за большее жалованье да поменьше дѣлать,—въ службѣ, имѣющей видъ дѣятельности общеполезной. Если по народному мнѣнію не грѣшно обманывать и обирать казну, то тѣмъ менѣе грѣшно обманывать помѣщика.—Пусть работы будутъ не такъ велики и тяжелы, но пусть будутъ выполнены хорошо, для чего и нужно управляющаго, который, безъ обиды для крестьянъ, соблюдалъ-бы вашу пользу въ томъ умѣренномъ видѣ, въ которомъ вы ему назначите. Если-же крестьянину, вмѣсто 3-хъ р. оброка, вы назначите платить только полтора, то — нѣтъ никакого сомнѣнія — онъ придетъ просить васъ, черезъ нѣсколько времени, — сбавить еще рубль. И было-бы очень глупо платить полтора рубля, когда можно заставить васъ согласиться на полтинникъ, — разсуждаетъ русскій человѣкъ. Я часто вижу, какъ издѣвается онъ надъ честностью Малоросса, которая кажется ему просто глупостью,—и какъ жестоко обдуваетъ ихъ. «Нельзя, батюшка, дѣло торговое!» Необычайно уменъ и великая скотина русскій торговый человѣкъ!—Вы пишете, что принялись работать для Кулеша. Я не знаю, что вы для него работаете, для какой цѣли (о Гоголѣ развѣ?). Вы мнѣ не писали.—Въ Черниговѣ видѣлъ я августовскую книжку *Современника*. Тамъ есть цѣлая статья о васъ, милый Отесинька, вообще о вашихъ трудахъ и литературной дѣятельности; ждутъ изданія вашихъ «воспоминаній». У васъ есть еще ненапечатанная статья о Державинѣ. Впрочемъ я не слѣжу за журналами и почти ничего, кромѣ относящагося до моего порученія и до здѣшняго края, не читаю. — Въ прошедшій четвергъ, отобѣдавъ у Скалона и простясь съ Карташевскимъ, я выѣхалъ изъ Чернигова— на сѣверъ, по Новозыбковской дорогѣ. Ночь была такъ темна, что, не доѣхавъ до г. Городни, я долженъ былъ ночевать на станціи и рано утромъ продолжалъ свой путь. Верстахъ въ 100 отъ Чернигова видѣлъ я въ первый разъ раскольническій посадъ Чуровичи, потомъ проѣхавъ еще 26 верстъ,— другой—Климовъ посадъ. Тутъ остановился я на постояломъ дворѣ у одного раскольника и нанялъ лошадей до Топала,

имѣнія княгини Голицыной, верстъ 25, такъ какъ я рѣшился не ѣхать въ Новозыбковъ, а прямой проселочной дорогой въ Клинцы—знаменитый раскольническій посадъ. Въ Топалы я ночевалъ на постояломъ дворѣ и на обывательскихъ лошадяхъ рано утромъ пріѣхалъ въ Клинцы, гдѣ пробылъ сутки. Въ воскресенье рано утромъ отправился я проселкомъ же въ г. Стародубъ, перемѣнивъ лошадей въ одной деревнѣ (верстъ 40); изъ Стародуба же на почтовыхъ въ Новгородъ-Сѣверскъ и оттуда въ понедѣльникъ рано утромъ въ Кролевецъ; всего сдѣлалъ верстъ болѣе 350, около 400. Хотя ѣзда на обывательскихъ (которымъ, разумѣется, я платилъ) и по скверной, большею частью песчаной дорогѣ очень скучна, но я радъ, что совершилъ это путешествіе. Рѣшительно граница Малороссіи рѣка Десна; она полагаетъ рѣзкое отличіе и въ почвѣ, и въ одеждѣ, и въ языкѣ, и въ быту. За Десной почва большею частью песчаная и глинистая. Чѣмъ далѣе на сѣверъ отъ Чернигова, тѣмъ угрюмѣе становится природа, а уже въ Суражскомъ уѣздѣ (гдѣ посадъ Клинцы), въ Мглинскомъ и Стародубскомъ—ель и сосна растутъ такими густыми лѣсами и борами, что дерево тамъ ни почемъ. Почва неплодородная, глина, песокъ, кочки, болота,—все вѣяло мнѣ родною Россіею. Аѳанасій даже мѣстами вскрикивалъ отъ удивленія, увѣряя, что точь въ точь такія мѣста подъ Троицей. Признаюсь—какъ потянулся по дорогѣ ельничекъ да частый мелкій березничекъ, да зачастили кочки, да дохнуло сыростью болотъ, да поднялся подъ вечеръ густой,густой туманъ, прохватившій насквозь мою одежду, да пошло трясти меня по глинистымъ колеямъ,—сердце сжалось тоскою по Малороссіи, и тутъ-то я вполнѣ оцѣнилъ всю благодать ея природы и климата. Крестьяне въ этой суровой сторонѣ очень бѣдны и похожи на бѣлорусцевъ, носятъ такія же шапки, бороды и рубашки большею частью сверхъ шароваръ. Языкъ ихъ ближе къ русскому, чѣмъ малороссійскій, хотя попадаются цѣльные, чистые полонизмы. Въ Стародубскомъ уѣздѣ замѣтилъ я произношеніе іость, вмѣсто есть. Слышалъ я также, какъ въ шутку крестьяне называютъ другъ друга Литовцами, Литвою. Женщины ходятъ такъ же, какъ въ Малороссіи, только цвѣтъ ихъ исподницъ и плахтъ большею частію темнокрас-

ный и есть какая-то разница въ очипкахъ. А въ Стародубѣ просто носятъ нитяные высокіе колпаки, которые обматываютъ очень искусно и красиво платкомъ. Вообще же народъ хуже сложенъ и меньше ростомъ, чѣмъ въ Малороссіи. Зато, какъ въ этой бѣдной сторонѣ рѣзко отличается великороссійское раскольничье народонаселеніе, бодрое, богатое, промышленное: все народъ рослый и крупный, но нѣсколько угрюмый и суровый на видъ. Всякій мущина смотритъ Николай-Чудотворцемъ суздальскаго иконнаго письма или «Христомъ—ярое око», извѣстной иконой московскаго Успенскаго собора! Съ послѣднимъ непріятно было бы встрѣтиться ночью, въ лѣсу. Но зато нигдѣ дороднѣе, сытнѣе, откормленнѣе женщинъ я не видалъ: всѣ бѣлыя и дебелыя, настоящій типъ русской красоты, и въ самомъ дѣлѣ онѣ были бы очень красивы, если бы не были такъ тучны. Ходятъ онѣ по-русски, въ московскихъ сарафанахъ, называемыхъ здѣсь азіатками, и подвязываемыхъ еще выше, почти подъ мышками, отчего кажутся еще толще, потому что таліи уже вовсе не видно; сверхъ этого надѣваютъ еще фартукъ, называемый завѣскою, да иногда безрукавку, шубейку со сборками, уже кончающимися у таліи и начинающимися отъ спинки у самыхъ лопатокъ. Все это довольно безобразно, но когда богато, такъ нарядно. Многія азіатки бываютъ изъ цѣльнаго бархата. Говорятъ они всѣ чистѣйшимъ московскимъ нарѣчіемъ, вставляя только иногда *нехай*, вмѣсто *пусть*, и другія мѣстныя выраженія. Несмотря на расколъ, женщины, по слухамъ, не отличаются скромностью поведенія, что, впрочемъ, почти всегда бываетъ въ промышленномъ быту.—Извѣстно, что расколъ здѣсь Поповщинскаго толка, что раскольники эти—выходцы изъ Россіи и поселились здѣсь около 200 лѣтъ, что расколъ славился здѣсь своей строгостью и чистотою, множествомъ бѣглыхъ поповъ и авторитетомъ своимъ для прочихъ раскольниковъ этого же толка. Теперь бѣглыхъ поповъ имѣть запрещено и заведены единовѣрческія церкви, въ которыя, впрочемъ, очень, очень немногіе ходятъ. Въ этомъ раскольническомъ углу каждый годъ ловятъ по одному или по два попа, ставленныхъ раскольническимъ епископомъ за границей. Впрочемъ, расколъ, съ усиленіемъ промышленной, торговой и фабричной дѣя-

тельности, уже очень ослабѣлъ въ отношеніи религіозномъ и хранится во всей злой строгости только въ посадахъ Лужкахъ, Воронкахъ, Еленкахъ, гдѣ я, къ сожалѣнію, не былъ и гдѣ, говорятъ, всегда скрывается тайный попъ. Живутъ раскольники очень опрятно. Считая себя здѣсь въ чужой сторонѣ, они, показалось мнѣ, не очень строги къ другимъ жителямъ. Напр. раскольникъ, отправляющійся по дѣламъ торговли за границу, якшается съ нѣмцемъ, не вмѣняя себѣ это въ грѣхъ и менѣе его чуждаясь, чѣмъ русскаго еретика. Такъ и здѣсь, они содержатъ постоялые дворы, въ которые пускаютъ всѣхъ, дозволяя даже курить въ особыхъ комнатахъ. Въ Клинцахъ—на постояломъ дворѣ (впрочемъ—попамъ отводятъ чистыя хозяйскія комнаты) — я, увидя рядомъ съ черными, какъ уголь, иконами на стѣнахъ модныя картины, изображенія сценъ изъ Жизни игрока и т. п., закурилъ было свою папироску, но хозяинъ, на вопросъ мой, объяснилъ, что лучше курить въ другой комнатѣ.—Всѣ раскольничьи слободы обстроены очень хорошо, смотрятъ довольствомъ; внѣшній видъ ихъ такой же, какъ богатыхъ селъ и посадовъ въ Россіи. Вездѣ базарныя площади, на улицахъ жизнь и движеніе. Онѣ даютъ пропитаніе всѣмъ окрестнымъ жителямъ, которые находятъ у нихъ всегда работу,—но и тѣ и другіе терпѣть не могутъ другъ друга. Не знаю, сколько именно слободъ, но знаю, что раскольниковъ, мущинъ и женщинъ, слишкомъ 50 тысячъ. Кромѣ фабрикантовъ, заводчиковъ и нѣкоторыхъ другихъ промышленниковъ особаго рода, большая часть занимается торговлею пенькой и щетиной, имѣя дѣло съ Ригой и заграничными покупателями. Клинцы, по множеству красивыхъ каменныхъ домовъ, смотрятъ большимъ городкомъ. Въ этомъ посадѣ 17 или 18 фабрикъ суконныхъ и чулочныхъ, да нѣсколько кожевенныхъ и другихъ заводовъ. Изъ фабрикъ—7 дѣйствуютъ паровыми машинами, выписанными изъ Англіи и Германіи. Не смотря на дождикъ и грязь, я осмотрѣлъ въ подробности фабрики Кубарева и Степунина. Дружное дѣйствіе всѣхъ частей заведенія, приводимыхъ въ движеніе одною машиною, производитъ пріятное впечатлѣніе; невольно преклоняешься передъ силою ума человѣческаго. Тутъ машина сушитъ и провѣваетъ вымытую шерсть, тутъ

треплетъ ее, чиститъ, выбрасываетъ все постороннее, тамъ дѣлаетъ изъ нея вату, тамъ вату превращаетъ въ толстыя пряди, тамъ посредствомъ 250 веретенъ (эта часть машины очень красива и при ней всего одинъ работникъ) прядетъ нитки, тамъ ткетъ по основѣ, стрижетъ сукно, ворсируетъ его шишками, выписываемыми изъ Франціи (шишки—растеніе въ родѣ репейника), моетъ, декатируетъ и проч. На каждой изъ этихъ фабрикъ работаетъ болѣе 600 работниковъ, мущинъ и женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ: работа очень легка и требуетъ только вниманія. Рабочіе большею частью посадскіе и выписные изъ Россіи; окольные же жители употребляются для самыхъ грубыхъ работъ. Но пора кончить; въ слѣдующемъ письмѣ я доскажу вамъ свое путешествіе: оно очень интересно.—Поздравляю васъ, мой милый Отесинька, со днемъ вашего рожденія. Дай вамъ Богъ долго, долго его праздновать. Поздравляю и васъ, милая Маменька, и васъ, милые братья и сестры. Будьте здоровы. Прощайте покуда.

1854 г. 21-го Сентября. Вторникъ. Кролевецъ.

Сейчасъ пришла почта и не привезла мнѣ ничего отъ васъ, милый Отесинька и милая Маменька. Въ субботу день вашихъ именинъ, милый Отесинька. Вѣрно у васъ будутъ гости.—Полагаю, что васъ сильно занимаетъ теперь высадка Англо-Французовъ въ Крымъ. Оффиціальныхъ извѣстій объ ней, кажется, нигдѣ не напечатано. Достовѣрно до сихъ поръ слѣдующее: они высадились въ числѣ 60 или 70 тысячъ въ Евпаторію и двинулись къ Севастополю, отъ котораго, по послѣднимъ извѣстіямъ, всего въ пятнадцати верстахъ или нѣсколько болѣе; Меньшиковъ двинулъ имъ войска навстрѣчу, — да кромѣ того — Хомутовъ (наказный Атаманъ Войска Донскаго) съ 4 казацкими полками и съ нѣсколькими полками пѣхоты быстро двинулся на помощь къ Севастополю, совершивъ будто бы отъ Керчи до Севастополя переходъ 200 верстъ въ 30 часовъ: Меньшиковъ надѣется отбиться. По письмамъ нѣкоторыхъ прикащиковъ къ ихъ хозяевамъ, — Татары Крымскіе вооружились и держатъ руку нашихъ непріятелей, дороги стали опасны и сообщеніе съ

Крымомъ затруднилось. Всѣ эти извѣстія доставлены частію изъ Кишинева, частію изъ Одессы, куда прибылъ пароходъ изъ Севастополя, дерзко пробравшійся ночью между непріятельскими кораблями. Пароходъ былъ принятъ въ Одессѣ съ такимъ восторгомъ (такъ давно не видали тамъ русскаго флага), что всѣ матросы были осыпаны деньгами. — Все это немножко спутано и темно: вѣрно то, что высадка произведена въ значительномъ числѣ войскъ, угрожаетъ Севастополю и что между нашими войсками и непріятельскими должно было произойти сраженіе, послѣдствія котораго неизвѣстны. — Между тѣмъ торговля продолжаетъ идти здѣсь своимъ порядкомъ. Крымъ такъ далеко! Впрочемъ замѣтно всеобщее неудовольствіе на пренебреженіе, оказываемое правительствомъ народному чувству, именно на то, что правительство держитъ все и всѣхъ въ неизвѣстности, что не приняты мѣры для полученія скорѣйшихъ свѣдѣній и пр. Вообще восторги, возбужденные войною въ началѣ, простыли, участіе ослабѣло и смѣняется какимъ-то равнодушіемъ, какимъ-то апатическимъ упованіемъ на милость Божію. — Все это меня очень смущаетъ и разстроиваетъ въ моихъ занятіяхъ. Я бы давно уѣхалъ въ Харьковъ, потому что здѣсь нѣтъ уже почти никакого дѣла, но еще не готова одна полицейская вѣдомость, и я въ ожиданіи ея хочу воспользоваться этими двумя днями, чтобы съѣздить въ Рыльскъ (95 верстъ отсюда), гдѣ должно мнѣ видѣть нѣкоторыхъ купцовъ и вытянуть изъ нихъ свѣдѣнія. Они обѣщали мнѣ доставить ихъ, обѣщали сами пріѣхать на ярмарку, но надули: между тѣмъ Рыльская торговля сѣнокосными заграничными косами, медомъ, воскомъ, пенькой, саломъ — огромна и имѣетъ важное значеніе для Украинскихъ ярмарокъ. Какъ я радъ буду, когда совсѣмъ раздѣлаюсь съ своимъ трудомъ. Не разъѣзды и не пребываніе въ Малороссіи мнѣ въ тягость, а самыя занятія и неувѣренность въ успѣшномъ исполненіи своей задачи! Надо бы предаться дѣлу всей душой, — а тутъ высадка въ Крымъ и, еще хуже, неизвѣстность. Нельзя жить безъ газетъ въ настоящее время, а въ Кролевцѣ и газетъ достать почти невозможно!

Я хотѣлъ досказать вамъ свое путешествіе по сѣвернымъ уѣздамъ Черниговской губерніи, хотя, право, оно теряетъ

теперь всякій интересъ при такихъ важныхъ извѣстіяхъ. Итакъ, я пріѣхалъ въ Клинцы, посадъ, гдѣ за 25 лѣтъ не было ни одной фабрики, а теперь 18. За 25 лѣтъ Россія доставляла въ Китай сукна Силезскія и сама одѣвалась сукномъ иностраннымъ и польскимъ; теперь же суконъ иностранныхъ нѣтъ почти вовсе; тонкія сукна — польскія, а прочія все русскія. Машины на фабрикахъ все англійскія и нѣмецкія. Но, признаюсь, осмотръ фабрикъ произвелъ на меня не очень пріятное впечатлѣніе, именно этотъ духъ переимчивости, которымъ всѣ восхищаются, подѣйствовалъ на меня невыгодно. Машины иностранныя заведены и устроены иностранцами, которыхъ потомъ смѣнили русскіе смѣтливые мастера. Но вы постоянно чувствуете, что послѣдніе бродятъ ощупью, невѣжи и находятся въ рабскомъ отношеніи къ учителямъ, надъ которыми однакожъ смѣются. Вамъ показываютъ фабрику, которой всѣ части устройства называются иностранными названіями, разумѣется, изуродованными. Вездѣ виденъ плодъ науки и глубокихъ соображеній, которымъ смѣтливо воспользовались переимчивые невѣжды. Доморощенный механикъ—бородачъ раскольникъ, показывая мнѣ машины, сознавался, что, по слухамъ, придуманы новыя, лучшаго и простѣйшаго устройства, но нѣтъ нигдѣ образца, гдѣ бы подсмотрѣть можно было бы хоть потихоньку. Хорошо бы, продолжалъ онъ, какъ-нибудь замѣнить это тѣмъ-то, да подождемъ, пока Англичане придумаютъ: они, дураки, пусть придумаютъ, а мы переймемъ! Слова эти сопровождались громкимъ хохотомъ всѣхъ сопровождавшихъ меня раскольниковъ. Между тѣмъ — въ сущности выходитъ, что Англичане ихъ кормильцы, и что весь нашъ промышленный и работящій народъ живетъ чужимъ умомъ. На нашихъ фабрикахъ и заводахъ, вырабатывающихъ товаровъ на 200 милльоновъ серебромъ по самымъ неполнымъ свѣдѣніямъ, прокармливающихъ милльоны народа, извлекающихъ пользу изъ природныхъ нашихъ богатствъ, которыми мы и воспользоваться не умѣли, — на всѣхъ дѣйствуютъ машины не русскаго изобрѣтенія. — Работы на фабрикахъ очень легки. — Клинцы славятся еще своими шерстяными чулочными фабриками. Чулочное дѣло ввелъ здѣсь одинъ нѣмецъ изъ Саксоніи, котораго, какъ скоро переняли у него искусство,

прогнали и онъ живетъ въ бѣдности тутъ же въ Черниговской губерніи у одного помѣщика, его пріютившаго, тогда какъ Клинцы вырабатываютъ теперь до 30 тысячъ дюжинъ чулокъ, слишкомъ на 300 тысячъ р. сер. — Въ восьми верстахъ отъ Клинцовъ есть колонія Новые Мезиричи. Въ Пруссіи есть мѣстечко Мезиричи, снабжавшее, черезъ посредство русскихъ купцовъ, Китай Мезирическими сукнами. Одинъ купецъ Исаевъ, бывшій въ молодости старообрядцемъ, но оставившій старообрядчество, торговавшій прежде этими сукнами, лѣтъ 25 тому назадъ, купилъ землю, устроилъ на ней фабрику, выстроилъ дома, выписалъ нѣмцевъ ткачей и поселилъ ихъ на своей землѣ, назвавъ ее: колоніей Новые Мезиричи. Нѣмцы теперь уже и не нужны, ибо наши выучились уже ткать, но продолжаютъ жить по контракту. Исаевъ, нѣсколько разъ бывавшій за границей, почти тамъ воспиталъ всю свою семью, человѣкъ очень замѣчательный, умный, образованный, выстроилъ нѣмцамъ кирку и даже устроилъ школу. Фабрика его идетъ прекрасно и дѣти ревностно занимаются ею. Кромѣ нѣмцевъ, у него до 800 человѣкъ русскихъ рабочихъ. Я нарочно ѣздилъ къ нему, несмотря на грязь и дождь, но, къ сожалѣнію, попалъ въ субботу вечеромъ, когда работы уже прекратились, потому я и не остался долго. Какъ люди образованные, Исаевы очень тоскуютъ и отъ скуки въ этой глуши и отъ невѣжества, ихъ окружающаго, и отъ всего безобразія внутренняго, мозолящаго очи каждому образованному русскому. Переночевавъ на обратномъ пути въ Клинцахъ же—у какого-то стараго плута раскольника—съ мягкими словами и тихими стопами,—я на обывательскихъ отправился далѣе въ Стародубъ. На дорогѣ одинъ пьяный торговый русскій однодворецъ осудилъ мою нетычанку, сказавъ, что это экипажъ польскій, что такъ ѣздятъ Поляки и Гайдамаки, а «на свѣтѣ Москва, Россія!»... Перемѣнивъ лошадей въ деревнѣ, гдѣ крестьяне, называясь казаками, ходятъ какъ русскіе мужики, попалъ я наконецъ въ Стародубъ. Тамъ на постояломъ дворѣ у одной старухи казачки видѣлъ я портреты во весь ростъ, писанные въ 1743 году съ ея предковъ: одного значковаго товарища и его жены, бывшей, по словамъ старухи, въ услуженіи у Царицы Елизаветы Петровны, во время ея путешествія по Малой Рос-

сіи. Оба въ польскихъ костюмахъ. Старуха же эта увѣряла меня, что у нихъ въ городѣ поймали двухъ шпіоновъ, срисовывавшихъ городъ, что Государю являлся Сергій, о чемъ ей разсказали московскіе купцы, и проч. и проч. Стародубъ не похожъ нисколько на малороссійскіе города: вездѣ деревянная постройка, довольно некрасивая, но есть древнія и прекрасной архитектуры церкви. Пообѣдавъ въ какомъ-то скверномъ трактирѣ, содержимомъ, разумѣется, Ярославцемъ изъ подъ Рыбинска, я взялъ почтовыхъ и поѣхалъ далѣе. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ я былъ уже ночью, но могъ однакоже разглядѣть всю красоту его положенія на необычайно крутомъ, правомъ берегу Десны. Видны слѣды древняго вала. Да—онъ могъ быть хорошо укрѣпленнымъ городомъ въ старину. Невдалекѣ отъ него переправился я черезъ Десну и тутъ уже повѣяло снова Малороссіей. Проѣзжая черезъ мѣстечко Вормежъ, упоминаемое въ романѣ Кулѣша (Чернышенко) очень красивое, богатое и торговое—я наконецъ прибылъ благополучно въ Кролевецъ, городокъ довольно дрянной, но съ физіономіей Малороссійской, т. е. весь бѣлый: хотя дома всѣ деревянные (по дешевизнѣ лѣса), но всѣ они выбѣлены. Я остановился въ комнатахъ очень простыхъ, съ деревянными лавками, у ямщика Жука, за 15 р. сер.—Лавокъ нѣтъ постоянныхъ, а на время ярмарки быстро устраивается рогожный гостинный дворъ на площади. Ярмарка очень значительная, но больше Еврейская. Теперь понаѣхали и помѣщики для годовыхъ закупокъ, — но ничего особеннаго, замѣчательнаго, рѣдкаго я не могъ найти, даже плахтъ малороссійскихъ, которыхъ хотѣлъ накупить тамъ, чтобы показать вамъ. На ярмарку пріѣхалъ и Гессе съ женой и дѣтьми. Я бываю у нихъ и обѣдалъ разъ, но какъ-то не можемъ сойтись съ m-me Гессе. Здѣсь явились двѣ странствующія труппы актеровъ: одна Домбровскаго, другая Пирожкова. Домбровскій выстроилъ въ три дня балаганъ, давъ ему видъ, похожій на театръ, очень порядочный: труппа у него недурна. Его появленіе совершенно убило г. Пирожкова, помѣстившагося въ старомъ сараѣ, — но онъ не хочетъ отстать и музыка каждый вечеръ гремитъ въ обоихъ балаганахъ. Я былъ у Домбровскаго, — театръ полнехонекъ. — Не мало удивился, увидавъ въ числѣ зрителей

одного священника. Этого въ Россіи не увидишь! Впрочемъ, кажется, прямого запрещенія ходить въ театръ не существуетъ, и если совѣсть ему не претитъ, такъ онъ ходить можетъ, но все же какъ-то странно видѣть рясу въ театрѣ. Здѣсь много нищихъ. Очень жалѣю, что я не музыкантъ, а то бы непремѣнно положилъ на музыку ихъ пѣніе, совершенно отличное отъ пѣнія нашихъ нищихъ, и довольно пріятное. — Простого народа на ярмаркѣ очень много, и ярмарка очень оживлена. Евреи снуютъ взадъ и впередъ, размахивая руками и шибко, быстро разговаривая; Малороссіянки торговки шумно тараторятъ, приговаривая на каждомъ шагу своимъ покупателямъ и покупщицамъ: сердце, серденько! Тамъ накладываютъ на свои огромныя телѣги—по 75 пудовъ въ телѣгу, величавые троичники — извощики Орловской губерніи, красивый, бодрый, здоровый народъ. Третьяго дня видѣлъ я, какъ къ одному Владимірцу, продающему подъ навѣсомъ разный товаръ, подошелъ торговать гармонію одинъ хохолъ, также торгующій въ своемъ мѣстечкѣ. Онъ нашелъ, что Владимірецъ запрашиваетъ дорого и сказалъ, что у него въ лавкѣ есть гармоніи гораздо дешевле. Это взбѣсило Владимірца: «ну, а какой фабрики, какой говори», спросилъ онъ его. Тотъ не нашелся, что отвѣчать, между тѣмъ Владимірецъ пошелъ озадачивать его исчисленіемъ фабрикъ, достоинствъ и недостатковъ каждой и, разумѣется, на половину вралъ. «Ну скажи, продолжалъ Владимірецъ, есть у тебя вотъ такая штучка при твоей гармоніи?» — «Кажется, есть», отвѣчалъ добросовѣстный и сомнѣвающійся хохолъ. — «Кажется, кажется! сотвори молитву, не будетъ казаться! купецъ»! Разумѣется, бывшіе тутъ захохотали и хохолъ удалился сконфуженный, обиженный и озлобленный до-нельзя.

Собираюсь ѣхать въ Рыльскъ. Прощайте. Слѣдующее письмо надѣюсь писать вамъ уже изъ Харькова. Послѣзавтра возвращусь изъ Рыльска. Въ пятницу, вечеромъ, выѣду въ Харьковъ, куда въ воскресенье и надѣюсь пріѣхать, если не будетъ задержки въ лошадяхъ. Прощайте, будьте здоровы.

29-го Сентября. Среда. Харьковъ.

26-го вечеромъ пріѣхалъ я въ Харьковъ, милый Отесинька и милая Маменька. (На почтѣ нашелъ два письма вашихъ

отъ 10-го и 17 Сентября; нынче ожидаю еще письма отъ васъ). Воображаю, въ какомъ вы всѣ напряженномъ ожиданіи, по случаю Крымской экспедиціи. Я такъ радъ, что добрался до Харькова, гдѣ могу и газеты читать и болѣе вѣрныя свѣдѣнія получать. Еще не приступалъ къ своей работѣ, да, признаюсь, не могу и приступить: все Крымъ въ головѣ! Вчера уѣхали отсюда въ Рязань три француза — плѣнныхъ; они захвачены были нашими казаками не въ битвѣ: одинъ изъ нихъ полковникъ Спаговъ (Алжирскіе солдаты), кажется Dampierre; другой—какой-то Графъ, инженеръ, весьма важный человѣкъ, а третій кто—не знаю.— Они разсказывали, что послѣ того какъ Меньшиковъ занялъ неприступную позицію на рѣкѣ Качѣ, имъ ничего другого не оставалось, какъ обойти эту позицію, что они и сдѣлали, и, обойдя Севастополь, стали въ 15 верстахъ отъ него, близь Балаклавы: тутъ уже никакія естественныя преграды ихъ не могутъ остановить; они удивляются, что Меньшиковъ далъ имъ совершить этотъ обходъ, въ виду русской арміи, не тревожа и не безпокоя ихъ.—Но я разумѣю это дѣйствіе Меньшикова как западню: въ Балаклавѣ они лишены прямаго, дѣятельнаго содѣйствія ихъ флота: Лидерсъ и Хомутовъ вѣрно уже подошли. Съ часу на часъ ожидаемъ извѣстій о кровопролитной битвѣ. Кажется, всѣ выгоды на нашей сторонѣ: къ тому же Лидерсъ, Меньшиковъ и Хомутовъ внушаютъ общее довѣріе несравненно болѣе, чѣмъ Горчаковъ и Паскевичъ. Въ самомъ дѣлѣ это отчаянное предпріятіе!. По дорогѣ, какъ я ѣхалъ, ямщики разсказывали, что уже непріятельскія войска всѣ совсѣмъ истреблены. Никто и здѣсь не унываетъ, но всѣ задѣты заживо. Вмѣстѣ со всѣми этими извѣстіями печатается теперь проэктъ желѣзной дороги отъ Москвы до Одессы: русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ! (Между прочимъ эта желѣзная дорога должна совершенно измѣнить физіономію края и уничтожить всѣ Харьковскія ярмарки, которыя я теперь описываю!). Сюда ожидаютъ великихъ князей Михаила и Николая; говорятъ даже, будто Государь пріѣдетъ сюда въ Харьковъ: не знаю—вѣрны ли эти слухи, но городъ чистится и бѣлится.— Въ иностранныхъ газетахъ я читалъ, что французское правительство ассигновало генералу Бодиско съ семействомъ

двѣнадцать франковъ въ день. Здѣсь, въ Харьковѣ, содержаніе этихъ трехъ плѣнныхъ французовъ стоило 60 франковъ въ сутки. Эти плѣнные нѣсколько подсмѣиваются надъ англичанами, разсказывая, что когда при первой схваткѣ на рѣкѣ Альмѣ англійская кавалерія послана была въ обходъ нашимъ войскамъ, она увязла вся въ солончакахъ....—Буду отвѣчать на ваши письма. Съ половины Сентября погода перемѣнилась и большею частью стоитъ ясная и безоблачная. Когда нѣтъ вѣтра, такъ очень, очень тепло и тихо. 22-го была гроза. Вообще погода днемъ очень пріятная; по ночамъ же морозы. Впрочемъ, третьяго дня дулъ такой сѣверный вѣтеръ, что нельзя было иначе ходить, какъ въ шубѣ.— Вы пишете: война съ Австріей! Нѣтъ, вотъ что значитъ поступить рѣшительно!... Отказъ Государя поставилъ ее въ затруднительное положеніе и заставилъ запѣть на иной тонъ: она рѣшила—не считать этого причиной къ войнѣ. А можетъ быть, это проволочка времени, выжиданіе, подготовленіе силъ. Изъ иностранныхъ газетъ видно, что Австрія посылала оффиціально поздравить Людовика Наполеона со взятіемъ Бомарзунда, что Буоль (Австрійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ) первый поспѣшилъ сообщить поздно вечеромъ французскому и англійскому посланникамъ «радостную вѣсть» о высадкѣ въ Крымъ. Иностранныя газеты не скрываютъ впрочемъ, что Австрійцы встрѣчены были въ Молдавіи и Валахіи съ ненавистью.—Какъ мнѣ будетъ интересно прочесть вашу статью о Гоголѣ, милый Отесинька, и всѣ вычеркнутыя вами страницы. Вы ихъ не бросайте. Многое, что не должно быть отдаваемо на общій толкъ и судъ, можетъ оставаться въ рукописи, для немногихъ.—Я очень, очень радъ, что Константинъ согласился участвовать въ *Москвитянинѣ*. Возможность печатанія оживитъ его труды. Пусть сначала пуститъ въ ходъ какую-нибудь филологическую статейку. Статью Погодина о Соловецкомъ монастырѣ я прочелъ въ *Инвалидѣ*: я самъ уважаю его поступокъ. Впрочемъ, Погодина за многое можно уважать, и когда умретъ этотъ человѣкъ и представится намъ вся жизнь его, какъ одно цѣлое, тогда многіе, даже враги, отдадутъ ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усѣяно лице каждаго человѣка (даже красавицы, если разсматривать въ ми-

кроскопъ) исчезнутъ, не обратятъ на себя вниманія, когда выдастся впередъ общій обликъ человѣка. Этотъ-то общій обликъ не всегда уважается людьми при жизни человѣка, впрочемъ, онъ и не ясно видимъ тогда; но вообще люди охотнѣе путешествуютъ по прыщамъ и буграмъ человѣка, чѣмъ всматриваются въ общій типъ его физіономіи. Въ Погодинѣ много и много такого хорошаго, ради котораго можно простить ему многое дурное.—Сейчасъ получилъ съ почты письмо отъ Унковскаго: у него одинъ братъ стоитъ въ Крыму, другой въ Варшавѣ, третій въ устьѣ Амура, командуетъ *Палладой*. Послѣдній пишетъ, что пришелъ къ устью Амура и соединился тамъ съ Муравьевымъ (Сибирскимъ Генералъ-губернаторомъ), который встрѣтилъ *Палладу* на двухъ пароходахъ, съ 80-ю вооруженными лодками, войскомъ и артиллеріей. «Такимъ образомъ», прибавляетъ Унковскій, «положено основаніе одной изъ самыхъ богатѣйшихъ колоній на земномъ шарѣ». Это вѣрно онъ пишетъ про учрежденіе колоніи нашей на Сахалинѣ. Славно! это меня радуетъ.—Написавши вамъ послѣднее письмо изъ Кролевца, я отправился въ Рыльскъ: всего 100 верстъ. Дорога идетъ сначала до Глухова, а потомъ сворачиваетъ въ сторону. Въ Рыльскѣ я пробылъ нѣсколько часовъ, видѣлся съ нужными мнѣ людьми—купцами, получилъ необходимыя свѣдѣнія и возвратился въ Кролевецъ. Рыльскъ славный, богатый, хорошо обстроенный городъ—совершенно великороссійскій (получаетъ 15-ть экземпляровъ газетъ). Вообще Курская губернія считаетъ себя коренной великою Русью; но въ крестьянахъ замѣтенъ нѣсколько оттѣнокъ хохлацкій,—впрочемъ въ пограничныхъ только уѣздахъ: тутъ какое-то смѣшеніе въ языкѣ, выговорѣ, костюмѣ.—Въ пятницу, вечеромъ, выѣхалъ я изъ Кролевца на вольныхъ лошадяхъ: я рѣшился ѣхать другимъ путемъ, потому что дорога черезъ Роменъ мнѣ надоѣла, да и непочтовымъ трактомъ 70 верстъ ближе. Изъ Кролевца пріѣхалъ я въ Путивль (45 верстъ), гдѣ и ночевалъ. Большой городъ, очень большой, каменный, хорошо обстроенный и торговый. Изъ Путивля также на вольныхъ доѣхалъ я до Бѣлополья (40 верстъ), заштатнаго города Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда. Въ Бѣлопольѣ взялъ уже почтовыхъ: тутъ всего 46 верстъ до Сумъ, отку-

да идетъ уже большая почтовая дорога въ Харьковъ. Ночью пріѣхалъ въ Ахтырку, гдѣ ночевалъ, и утромъ, 26-го, простоялъ заутреню въ Ахтырскомъ соборѣ. Можетъ быть и наши въ этотъ день были въ Ахтыркѣ. Соборъ великолѣпно украшенъ, очень богатъ. Иконостасъ сверху до низу въ золоченыхъ ризахъ. Предъ иконой виситъ громадное паникадило и цѣлый рядъ зажженныхъ лампадъ. Икона же совершенно такая, какъ наша. Особенностей никакихъ я не замѣтилъ въ службѣ: спрашивалъ устава службы и какихъ нибудь описаній—нѣтъ; купилъ только образочки, въ томъ числѣ одинъ для Кузьмы Иваныча. Народу въ церкви у утренней было очень много и по случаю праздника все разряженнаго. Ахтырскій уѣздъ наиболѣе Малороссійскій въ Харьковской губерніи. Въ это же утро былъ и базаръ: дивчата, съ цвѣтами на головѣ, съ монистами на шеѣ, въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ и красныхъ чоботахъ такъ и толпились на площади. Цвѣты здѣсь вездѣ. Во время молебна за утренней, подлѣ хлѣба, вина, елея и пр. стояли съ обѣихъ сторонъ двѣ небольшія вазы съ букетами цвѣтовъ!—Ѣхать было очень пріятно: дороги чудныя, ровныя и время теплое; только въ полдень погода перемѣнилась и я уже думалъ, что наступитъ осеннее ненастье, однако на другой день небо снова очистилось и теперь сіяетъ безоблачное. Да, я забылъ отвѣчать вамъ на счетъ предложенія Погодина. Мнѣ участвовать въ *Москвитянинѣ* покуда нечѣмъ: все неудобно для печати. Пожалуй, пусть печатаетъ мои «Судебныя сцены», да вѣдь не пропустятъ. Отрывковъ изъ «Бродяги» печатать отдѣльно не стоитъ; стиховъ печатать не хочу, да и ни одной піэсы нельзя напечатать!—Почта пришла, не могу вытерпѣть, спѣшу читать газеты. Прощайте покуда, будьте здоровы. Теперь ужъ конецъ моимъ разъѣздамъ! Отсюда прямо въ Москву. Пора!

1854 г. 4-го Октября. Харьковъ.

Разумѣется, какъ здѣсь, такъ и у васъ въ настоящее время одинъ интересъ: судьба Севастополя, флота, да и всего Крыма. Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, какъ гостятъ на нашей землѣ англичане и французы. Вчера проѣхалъ че-

резъ Харьковъ въ Петербургъ сынъ Князя Меньшикова; на вопросъ станціоннаго смотрителя, что сказать Генералъ-Губернатору, — онъ отвѣчалъ, что дѣла наши идутъ хорошо. Только если бы была побѣда, онъ выразился бы опредѣленнѣе. Изъ донесеній Меньшикова, впрочемъ, мало что можно извлечь утѣшительнаго. Эти печатныя краткія извѣстія такъ неловко составлены, что лучше было бы во сто кратъ помѣщать подлинныя реляціи. Я думалъ прежде, что съ умысломъ по стратегическимъ соображеніямъ пропустилъ мимо себя французскую армію, когда она обошла Севастополь, чтобы соединиться съ новыми дессантными войсками въ Балаклавѣ: выходитъ, что по оплошности! Обидно читать иностранныя газеты: съ какимъ восторгомъ описываютъ онѣ высадку, изображаютъ ее въ картинкахъ, съ какою гордостью, понятною и на этотъ разъ законною (это не бомбардированіе Одессы!), разсказываютъ онѣ всѣ подробности этого дѣла. Здѣшніе французы также съ иронической улыбкой спрашиваютъ всякій разъ: какія новости? вѣрно французовъ выгнали? и т. п. Имъ можно было бы отвѣчать: rira bien qui rira le dernier, — но не смѣешь и это сказать: такъ мало имѣешь надежды на умъ и способности нашихъ военачальниковъ! — Если Севастополь будетъ взятъ, то англичане сдѣлаютъ изъ него второй Гибралтаръ, укрѣпятъ его съ сухаго пути получше нашего и уже не отдадутъ; взятіе Севастополя значитъ уничтоженіе русскаго флота и всякаго господства нашего на Черномъ морѣ. Не могу понять — почему не было принято сильнѣйшихъ мѣръ къ оборонѣ Крыма, когда съ самой весны уже можно было опасаться высадки. Впрочемъ, были приняты мѣры къ спасенію не Крыма, а канцелярскихъ бумагъ и дѣлопроизводствъ. За двѣ недѣли до высадки проѣхалъ черезъ Харьковъ одинъ мой товарищъ, посланный Графомъ В. Н. Панинымъ для перевозки дѣлъ и бумагъ присутственныхъ мѣстъ Крыма въ Херсонскую губернію. Если союзники и возьмутъ Севастополь, то все же дорого онъ будетъ имъ стоить! Даже по иностраннымъ газетамъ — битва при Альмѣ, которую они называютъ побѣдой, — стоила имъ 7800 человѣкъ! — Русскіе извощики, на дняхъ прибывшіе сюда изъ Крыма, куда они отвозили товаръ по прежнимъ купеческимъ приказамъ,

разсказываютъ, что непріятель задержалъ ихъ и заставилъ возить трупы, что они и дѣлали четыре дня сряду; потомъ дали имъ по 6 р. сер. на хозяина и отпустили. — Носится, впрочемъ, слухъ, что они навезли много фальшивой монеты. Народъ здѣсь однако нисколько не унываетъ и убѣжденъ, что французовъ и англичанъ поколотятъ всѣхъ на смерть, — а если послушать купцовъ, такъ наши дѣла въ отличномъ положеніи и французовъ уже морятъ голодомъ. — Я съ своей стороны вовсе не раздѣляю этой отчасти гордой, отчасти наивной и невѣжественной увѣренности въ успѣхѣ. Я помню, какъ прежде говорили и хвастались: только бы высадились, шапками закидаемъ, на сухомъ пути одного русскаго солдата на десятерыхъ враговъ станетъ... А теперь оказывается, что для побѣды намъ необходимо имѣть чуть ли не вдвое болѣе войска противъ непріятельскаго.

Вторникъ. 5-го Октября 1854 г.

Добрыя вѣсти! Вчера обѣдалъ у губернатора одинъ офицеръ, участвовавшій во всѣхъ дѣлахъ подъ Севастополемъ и только что оттуда пріѣхавшій. Дѣла поправились — и весь Крымъ нашъ, за исключеніемъ небольшаго пространства между Балаклавой и Севастополемъ, занимаемаго непріятелемъ, пространства, изъ котораго ему никуда двинуться нельзя: онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и провіантъ долженъ получать только съ моря; лошади, за неимѣніемъ сѣна, дохнутъ, и кавалерія ихъ почти не можетъ дѣйствовать, а фуражиры попадаются въ плѣнъ казакамъ. Когда высадился непріятель — у него было тысячъ 70, а у насъ не было и 35 тысячъ; сверхъ того у насъ артиллерія полевая, у нихъ тяжелая. Послѣ битвы при Альмѣ, гдѣ у насъ выбыло изъ строя 6000 человѣкъ, если бы французы и англичане продолжали преслѣдованіе, не давая намъ опомниться, они, можетъ быть, ворвались бы на нашихъ плечахъ въ Севастополь, но кавалерія ихъ не могла пуститься въ погоню, потому что понесла сильный уронъ отъ нашихъ ядеръ и пуль: лошади, совершившія морской переѣздъ, такъ были слабы, что даже ретироваться быстро не могли. Когда же, отойдя за рѣку Качу, мы заняли хорошую позицію и прикрывали Се-

вастополь, — и французы двинулись противъ насъ, то Меньшиковъ велѣлъ направить войска къ Бахчисараю: такимъ образомъ Севастополь былъ совершенно открытъ. Наша армія сильно негодовала на Меньшикова, однакожъ потомъ увидѣли, что это былъ очень хитрый, хотя рискованный планъ. Французы, не видя препятствій, пришли въ восторгъ и подошли къ сѣверной бухтѣ и форту Константину, но, увидя грозное вооруженіе этого форта, аттаковать не рѣшились и предпочли, обойдя Севастополь, подойти къ южной его сторонѣ, которая, какъ извѣстно имъ было отъ татаръ и лазутчиковъ, укрѣплена была всего двѣнадцатью пушками. Тутъ они остановились въ полуверстѣ отъ укрѣпленія, расположились лагеремъ и стали пировать, отбивъ передъ этимъ 80 бочекъ вина у нашей арміи, задали балъ. Въ это время, по распоряженію Меньшикова, подвезли къ двѣнадцати пушкамъ триста бомбическихъ орудій съ кораблей нашихъ, и какъ хватили по французамъ, такъ множество положили на мѣстѣ, а прочіе бросились бѣжать и стали верстахъ въ пяти отъ Севастополя. Теперь наше войско стоитъ внѣ Севастополя у нихъ во флангѣ, такъ что если они вздумаютъ аттаковать Севастополь, то наши сейчасъ ударятъ во флангъ. Гарнизонъ же Севастополя составляютъ морскіе солдаты и матросы: южную часть защищаетъ Нахимовъ, сѣверную Корниловъ. Сзади же непріятеля, около Ѳеодосіи, стоитъ Хомутовъ. Когда подойдетъ корпусъ Лидерса, что будетъ не раньше 15 Октября, тогда Меньшиковъ сдѣлаетъ общее наступленіе. Между тѣмъ непріятель устроилъ понтонные мосты отъ лагеря къ кораблямъ: онъ, вѣроятно, поджидаетъ свою осадную артиллерію. Если бы онъ занялъ предварительно Перекопъ, такъ заперъ бы входъ нашимъ войскамъ въ полуостровъ и совершенно овладѣлъ бы Крымомъ, за исключеніемъ Севастополя, — но ихъ соблазнила надежда взять безъ труда самый Севастополь, съ паденіемъ котораго, думали они, падетъ и Крымъ. Всѣ наши войска вели себя отлично, за исключеніемъ Саксенъ-Веймарскаго гусарскаго полка, который опозорился, отказавшись идти противъ баттареи. Впрочемъ, говорятъ, этотъ полкъ уже въ венгерскую кампанію пріобрѣлъ дурную славу. Татаръ множество перевѣшали и они успокоились. Одинъ отрядъ та-

таръ, гнавшій стадо въ непріятельскій лагерь, — вооруженный косами, вступилъ было въ бой съ нашимъ отрядомъ, но, разумѣется, былъ уничтоженъ. Я пишу вамъ всѣ эти подробности, забывая, что можетъ быть онѣ всѣ уже вамъ извѣстны: впрочемъ, кто же сообщаетъ вамъ ихъ изъ Москвы? — Но, слава Богу, я повеселѣлъ отъ этихъ извѣстій. Эта недѣля почти совсѣмъ пропала у меня даромъ: никакъ не могъ втянуться въ свою работу. Съ нынѣшняго дня примусь за дѣла съ утроенными усиліями. — Сейчасъ принесли мнѣ ваше письмо отъ 27-го и письмо Гриши изъ Москвы, а вчера сказали на почтѣ, что нѣтъ писемъ. Благодарю всѣхъ за поздравленіе; васъ въ особенности, милый мой Отесинька, благодарю за ваши добрыя строки. Вы пишете между прочимъ: «поздравляю, хотя и знаю, что ты не любишь этого дня, что меня всегда очень огорчаетъ». Не думайте этого, милый Отесинька, и не огорчайтесь; напротивъ, принимаю ваше поздравленіе всею душой. Не любить дня своего рожденія, слѣдовательно и жизни самой—и грѣхъ и глупость. Я дѣйствительно прежде высказывалъ не разъ чувство непріязненное ко дню своего рожденія, даже не соображая, какъ это должно быть грустно слышать виновникамъ жизни, которую проклинаютъ! Надо сознаться, что все это происходитъ большею частью отъ неудовлетворенной гордости и раздраженнаго самолюбія, отъ чрезмѣрныхъ требованій, отъ недостатка простоты и смиренія и вообще мудрости. Нѣтъ, милый Отесинька, я благодарю Бога за даръ жизни и хочу жить, т. е. дѣлать дѣло жизни, но безъ гордыхъ задачъ, безъ заносчивыхъ требованій, не карабкаясь въ герои, не взлѣзая на пьедесталы, не предъявляя честолюбивыхъ притязаній ни на вѣнецъ мученичества, ни на значеніе жертвы, ни на какое щегольское нравственное положеніе. Такимъ образомъ и дѣла сдѣлаешь больше, да и жить будетъ легче. Человѣкъ страшный щеголь и готовъ сдѣлать себѣ пьедесталъ изъ своей внутренней дисгармоніи и тревоги, изъ своего разлада съ жизнью и съ собой, изъ своего благороднаго негодованія (большею частью небезкорыстнаго), изъ своихъ великолѣпныхъ порывовъ. Ото всего этого несетъ ужасною гордостью! Дай Богъ побольше простоты, простоты и простоты, мудрости, мудрости и мудро-

сти, разумѣется мудрости душевной, не той, которая почерпается изъ Канта или Фихте; дай Богъ не раздражаться, несмотря на все раздражающее. Не слѣдуетъ однакожъ ни въ какомъ случаѣ грубо сталкивать человѣка съ пьедестала: онъ или разшибется и уже не встанетъ, или же полѣзетъ опять на какой-нибудь пьедесталъ: надо, чтобы человѣкъ или самъ сошелъ или чтобы чья-нибудь дружеская рука кротко и безобидно свела его съ пьедестала. Не слѣдуетъ также поступать съ человѣкомъ, какъ поступаютъ аллопаты съ тѣломъ человѣческимъ, которое они разсматриваютъ, какъ ящикъ, и въ которомъ почти механическимъ способомъ выпираютъ одно, вкладываютъ другое, и т. д. Лучше правило гомеопатовъ, дающихъ крупинку для возбужденія самостоятельной цѣлебной физической дѣятельности въ организмѣ. Не слѣдуетъ, кажется, также поступать, какъ поступаютъ тѣ, которые, если въ стклянкѣ дурной запахъ, сейчасъ закупориваютъ ее: или вышибется пробка, или же, если какъ-нибудь ее вынешь, такъ и обдастъ дурнымъ запахомъ; во всякомъ случаѣ запахъ тутъ и при первомъ удобномъ случаѣ все кругомъ наполнитъ вонью: лучше оставить стклянку раскупоренною, дать ей вывѣтриться, и возбудить сильнѣе благоуханіе добраго въ человѣкѣ, которое заглушитъ и истребитъ скверный запахъ стклянки. Такъ мнѣ кажется, а можетъ быть и не такъ. Не знаю. Во всякомъ случаѣ простите за разсужденіе. Я теперь очень боюсь пускаться въ разсужденія въ письмахъ къ вамъ, чтобы какъ-нибудь нечаянно не разсердить васъ. Прощайте же, будьте здоровы. Константина благодарю за приписку и за добрыя желанія.—Что это за чудная осень! Вотъ уже мѣсяцъ, какъ стоитъ ясная, великолѣпная, теплая погода! Были дожди, грозы, даже цѣлые два дня съ холоднымъ вѣтромъ, но теперь опять теплый вѣтеръ съ юга.

1854 г. Октября 12-го. Харьковъ. Вторникъ.

Хотя непріятели и вступили на русскую землю 1-го Сентября, т. е. въ день вступленія французовъ въ Москву, но вчера было 11-е, день изгнанія французовъ,—Крымъ или часть Крыма все еще во власти непріятеля! По послѣднимъ

извѣстіямъ, милый Отесинька и милая Маменька, англо-французы, какъ ихъ называютъ, предприняли правильную осаду и 5 Октября началось бомбардированіе. По всѣмъ получаемымъ свѣдѣніямъ, по разсказамъ всѣхъ пріѣзжихъ, Меньшиковъ оказывается совершенно виноватымъ въ оплошности, самонадѣянности, фанфаронствѣ. Пиджакъ и хлыстикъ, которыми прославилось его посольство, отзываются во всѣхъ его дѣйствіяхъ.—Говорятъ, что онъ не слушается ничьихъ совѣтовъ и не любитъ окружать себя умными и самостоятельными людьми. Можетъ быть Севастополь и не будетъ взятъ и непріятель уплыветъ, но во всякомъ случаѣ чести и славы намъ отъ того не будетъ никакой. Надобно надѣяться, что придутъ намъ на помощь обычные наши союзники, бури, стужи, болѣзни, напр. крымскія лихорадки и т. п. Впрочемъ, какъ нарочно, стоитъ такая великолѣпная осень, какой даже и здѣсь давно не запомнятъ. Вотъ уже мѣсяцъ пользуемся мы чудной погодой. Въ Сентябрѣ еще были морозы—утренники, дулъ иногда холодный вѣтеръ, но теперь ни морозовъ, ни холодныхъ вѣтровъ нѣтъ. Ночи—звѣздныя, теплыя, словомъ, чудо. Днемъ нельзя ходить въ пальто, слишкомъ жарко. И какое постоянство въ этой погодѣ! За исключеніемъ немногихъ дней—цѣлый мѣсяцъ! Знаю теперь—что такое осень въ теплыхъ краяхъ! едва ли не лучшее время года. Теперь въ ходу виноградъ. Крымскаго, по случаю войны, привезено мало и онъ дороже противъ прежнихъ лѣтъ: коп. 25 асс. фунтъ; но какой чудесный виноградъ!—Въ послѣднихъ №№ Indep. Belge помѣщены очень любопытные рапорты St. Arnauld и Raglan и нота Австріи къ Пруссіи, подписанная, какъ замѣчаютъ сами иностранныя газеты, въ тотъ самый день, какъ получено было въ Вѣнѣ ложное извѣстіе о взятіи Севастополя. Австрія перемѣнила тонъ и почти грозитъ Пруссіи разрывомъ.—Въ то самое время, какъ Гюбнеръ (Австрійскій посолъ въ Парижѣ), по порученію своего правительства, приноситъ поздравленіе Наполеону съ побѣдами и со взятіемъ Севастополя, Эстергази, говорятъ, даетъ балъ въ Петербургѣ, на которомъ всѣ были!—Впрочемъ Россія, кажется, начинаетъ вѣрить теперь, что точно война, а не шутки и готовится къ будущему году; доказательствомъ этому служатъ распо-

ряженія о раздѣленіи арміи на южную, Крымскую и т. д. и выступленіе гвардіи изъ Петербурга.

Работа моя идетъ довольно медленно: и потому, что трудъ самъ по себѣ копотливый, и потому, что приходится часто дополнять матерьялы, ходить съ разспросами по купцамъ. По мѣрѣ того, какъ обозначаются размѣры труда, вижу, что онъ потребуетъ еще двухъ-трехъ мѣсяцевъ работы. По неопытности своей въ занятіяхъ подобнаго рода, я воображалъ, что можно будетъ въ одинъ годъ объѣхать пространство въ 7000 верстъ, набрать матерьяловъ стопы двѣ и написать отчетъ тома въ два. Все, что касается до общаго взгляда, до этнографическихъ наблюденій и т. п. замѣтокъ, могло бы быть мною изложено скоро, безъ большихъ затрудненій, но здѣсь всякое слово должно быть подкрѣплено фактами и цифрами. Можетъ быть я затрудняюсь еще потому, что хотѣлъ бы сдѣлать что-нибудь очень порядочное, особенное, а также потому, что нѣтъ навыка къ подобнымъ трудамъ. Впрочемъ, и то сказать: всѣ путешествія и статистическія описанія, которыя у меня теперь подъ рукою, составлены, изложены и изданы черезъ годъ или два, по собраніи матерьяловъ.—Я рѣшился теперь, пересмотрѣвши тщательно всѣ матерьялы, дополнить ихъ сколько можно болѣе теперь, въ Харьковѣ, пользуясь присутствіемъ купцовъ на ярмаркѣ, наполнить пробѣлы, повѣрить цифры и проч., съ тѣмъ, чтобы потомъ, пріѣхавши въ Абрамцево, приняться за основательное, неторопливое составленіе отчета.—Срокомъ я не стѣсненъ и могъ бы остаться здѣсь все это время,—но здѣсь собиранію матерьяловъ не будетъ конца. Сколько я ни бесѣдую съ купцами, а всякій разъ узнаю отъ нихъ что-нибудь новое, потому что самъ я совершенно внѣ этой жизни и сжиться съ нею не могу; предѣловъ полнотѣ и подробности свѣдѣній нѣтъ. Къ тому же — полагаю — надо взглянуть на этотъ предметъ нѣсколько издали, лучше его обхватить, да и отъ безпрестанной работы и заботы умственный жерновъ нѣсколько измололся; не такъ уже свѣжо смотришь. Здѣсь, только что я начну заниматься чѣмъ либо другимъ, безпокойный голосъ шепчетъ: сходи, поклонись такому-то купцу, авось либо добьешься отъ него какихъ либо свѣдѣній; поди, поройся въ такихъ-то бумагахъ, сло-

вомъ, конца нѣтъ всѣмъ требованіямъ. А купцы во взглядахъ общихъ всѣ другъ другу противорѣчатъ. Я вообще утратилъ уваженіе къ хваленому здравому, русскому толку; да и подлинно, у каждаго свой толкъ въ головѣ, такъ что, если побесѣдуешь въ день съ десятью купцами, такъ, при недостаткѣ собственнаго опыта, не знаешь, чему вѣрить и чего держаться! — Впрочемъ — Богъ дастъ, и удастся мнѣ построить что-нибудь цѣльное изо всѣхъ этихъ разнородныхъ матеріаловъ, не надобно только терять терпѣніе. Итакъ, принимая все это въ соображеніе и то, что уже цѣлый годъ я не видалъ васъ,—я рѣшаюсь, если не соберу предположенныя мною нѣкоторыя свѣдѣнія (напр. о теперешней ярмаркѣ я не могу получить оффиціальныхъ свѣдѣній раньше 5-го Ноября), выѣхать отсюда послѣ 10-го Ноября. Дорогой я заѣду къ Трутовскимъ, П. В. Кирѣевскому и Хомякову, слѣдовательно проѣду довольно долго. Васъ же прошу не писать ко мнѣ позже 2-го Ноября. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои предположенія: если что-нибудь ихъ измѣнитъ, я вамъ тотчасъ же напишу.—Недавно попалась мнѣ случайно книга очень замѣчательная: Les steppes de la mer Caspienne, la Russie Méridionale, le Caucase и пр. Это путешествіе одного французскаго ученаго инженера по южной Россіи, въ теченіе 5 лѣтъ. Книга издана лѣтъ 6 тому назадъ. Описывая Севастополь, онъ не можетъ придти въ себя отъ удивленія, что Севастополь не укрѣпленъ съ сухаго пути, когда многія мѣста на приморскомъ берегу такъ удобны для высадки; говоря о татарахъ, онъ разсказываетъ все, что дѣлаютъ съ ними исправники, земскіе суды и другіе чиновники—и утверждаетъ, что народонаселеніе это враждебно Россіи. Все такъ и случилось. Впрочемъ, прощайте; можно было бы пуститься въ разсужденія, почему Богъ какъ будто отступается отъ Россіи, но лучше подождать личнаго свиданія, а писать больше и нечего да и некогда. Будьте здоровы. Я привезу сестрамъ малороссійскія плахты: онѣ очень красивы. Прощайте.—Корнилову (адмиралу) оторвало ядромъ ногу, и онъ умеръ. Неужели Крымъ будетъ потерянъ? Если бы Меньшиковъ поменьше форсилъ, такъ я бы болѣе надѣялся.

1854 г. Вторникъ. 19-го Октября. Харьковъ.

Послѣднія извѣстія изъ Крыма, вѣроятно, нѣсколько ободрили васъ, милый Отесинька и милая Маменька; сообщать вамъ ихъ нечего, потому что, кажется, вы знаете не менѣе, чѣмъ мы здѣсь, въ Харьковѣ, хотя мы на 760 верстъ ближе къ театру войны. Курьерскій колокольчикъ часто раздается на улицѣ, курьерская тройка часто проносится черезъ городъ, но все это—по усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ; курьеры не разсказываютъ никакихъ подробностей. Частнымъ же письмамъ почти нельзя вѣрить. Вотъ о дѣлѣ 5-го Октября, о которомъ уже и въ газетахъ напечатано, я самъ читалъ письмо одного московскаго купца Саватюгина къ его прикащику, торгующему здѣсь на ярмаркѣ. Саватюгинъ былъ самъ 5-го числа въ Севастополѣ, а пишетъ отъ 7-го изъ Симферополя: наполнивъ четыре страницы разными распоряженіями насчетъ товара, онъ приписываетъ сбоку, что «здѣсь, милостью Божіей, все идетъ хорошо; три линейныхъ корабля и шесть пароходовъ потопили, до 15 тысячъ побили».... Въ такомъ родѣ были почти всѣ письма; извѣстіе о взлетѣвшемъ на воздухъ 120-ти пушечномъ англійскомъ кораблѣ казалось достовѣрнымъ, однакожъ въ донесеніи Меньшикова ни слова о вредѣ, нанесенномъ непріятелю. Третьяго или четвертаго дня проѣхалъ адьютантъ Меньшикова и велѣлъ сказать Кокошкину, что—блистательная побѣда. Такъ разсказываютъ, я самъ его не видалъ. Теперь всѣ наперерывъ сообщаютъ другъ другу разныя подробности о дѣлѣ 13-го Октября и даже о дѣлѣ 15-го Октября. Я очень недоволенъ редакціей Меньшиковскихъ донесеній отъ 5-го, 6-го Октября, также объ Альмской битвѣ: наши солдаты сдѣлали чудеса храбрости; эта битва заслуживала лучшаго, подробнѣйшаго описанія, а она изложена такъ, что только дивишься искусству непріятельскихъ маневровъ и храбрости французовъ; прекрасно, что отдана должная справедливость непріятелю, но не слѣдуетъ нарушать справедливость относительно своихъ. Но какой адъ былъ 5-го Октября, когда и съ суши и съ моря производилась бомбардировка! Страшно вообразить!—Всѣ новѣйшія изобрѣтенія, имѣющія будто бы филантропическую цѣль—

сокращать войну,—служатъ только къ большему истребленію народа, потому что вмѣсто 20 тысячъ, потребныхъ прежде, теперь идетъ въ дѣло тысячъ 100 людей! Говорятъ, въ Севастополь пущено 5-го Октября 25 тысячъ бомбъ, а въ послѣдній рѣшительный день намѣрены пустить 100,000!— Не имѣете ли вы какихъ-либо извѣстій о Карташевскомъ Николаѣ? Вѣдь онъ тамъ.—Не знаю, что надѣлала тамъ буря 17-го Октября; если тамъ былъ такой же свирѣпый вѣтеръ, какъ здѣсь, такъ онъ вѣроятно много наработалъ вреда ихъ флоту. Здѣсь до самаго 17-го Октября стояла очаровательная осень, такая, о которой вы въ Россіи и понятія себѣ составить не можете. 17-го погода перемѣнилась; подулъ страшный сѣверный вѣтеръ, сдѣлалось холодно и сыро. 18-го небо опять прояснилось, но вѣтеръ не переставалъ дуть. Вчера утромъ было четыре градуса мороза. Нынче былъ прекрасный, тихій, но довольно свѣжій осенній день, а вечеромъ опять морозъ—и къ утру, я думаю, будетъ не менѣе 5 или 6 градусовъ. Какъ я радъ, что Гришѣ предстоитъ возможность занять мѣсто вице-губернатора въ Самарѣ безъ особенныхъ новыхъ хлопотъ. Въ Самарѣ губернаторомъ Гротъ, говорятъ, человѣкъ умный, дѣльный, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ.—Гриша, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, между прочимъ *возбуждаетъ меня къ энергіи и дѣятельности, вызываетъ во мнѣ участіе къ современнымъ событіямъ*, «говоритъ, что теперь не время мнѣ» *сидѣть гдѣ-либо безъ участія къ тому, что совершается вокругъ.* «или только» *съ однимъ пассивнымъ участіемъ*, примись снова за службу, поѣзжай на Кавказъ, хоть въ канцелярію Воронцова, да не списывайся, а ступай прямо «и проч. и проч. Такъ и гонитъ! Съ чего, откуда и отъ кого взялъ онъ, что во мнѣ нѣтъ участія или только пассивное участіе къ современнымъ событіямъ и что меня надо возбуждать къ дѣятельности!... Какъ будто и не знаетъ онъ, сколько я хлопоталъ, чтобы попасть въ штабъ дѣйствующей арміи! Какъ будто и неизвѣстно мое постоянное желаніе принять участіе въ современныхъ событіяхъ и, по окончаніи теперешняго моего труда, опредѣлиться въ канцелярію одного изъ дѣйствующихъ отрядовъ! И хорошо средство—удовлетворить возбуждаемому имъ во мнѣ участію къ современности—поступленіемъ въ

должность какого-нибудь канцелярскаго чиновника въ Тифлисѣ!—Точно будто я сижу теперь сложа руки и безъ дѣла! Можетъ быть, точно я могъ бы сдѣлать вдесятеро болѣе, но когда сравню свои работы съ работами другихъ, то долженъ сознаться, что всѣ работаютъ гораздо съ большими отдыхами и прохладой, нежели я! У меня всегда забота о порученіи, какъ гвоздь, торчитъ въ головѣ и отравляетъ мнѣ всякій досугъ и отдыхъ! Мой трудъ — тяжелый трудъ. Онъ тяжелъ уже потому, что несвойственъ моей природѣ, что,— какъ я ни работай,—онъ не возбудитъ участія въ томъ кругѣ, къ которому я принадлежу, который, изучая древнюю Русь, почти не знаетъ современной Россіи, которому, по отвлеченности его, по малому знанію дѣйствительной жизни, даже непонятны будутъ всѣ трудности моей работы, всѣ препятствія, мною преодолѣнныя. *) Я не говорю уже объ участіи ко мнѣ собственно—по случаю постояннаго насилія, которое я дѣлалъ своимъ склонностямъ, заставляя себя писать и считать милліоны цифръ! Но я благодаренъ этому труду уже потому, что онъ далъ мнѣ возможность, безъ отягощенія другимъ, заплатить долгу 500 р. сер., изъѣздить пять губерній, пожить въ Малороссіи, куда я всегда стремился, узнать и увидѣть многое. Если статистическіе труды, способствующіе болѣе или менѣе нашему самосознанію, полезны, — то и мой трудъ долженъ быть небезполезенъ. Я же употреблялъ и еще употреблю всѣ усилія сдѣлать его полезнымъ и стоющимъ сколько-нибудь данныхъ мнѣ денегъ.—Въ Тифлисъ я во всякомъ случаѣ ѣхать не намѣренъ и думаю, что найду дѣло, найду себѣ мѣсто гдѣнибудь ближе къ европейскому театру войны. Но сначала я долженъ окончить свой трудъ, что займетъ, думаю, мѣсяца три. Теперь перечитываю всѣ матерьялы и отмѣчаю всѣ пробѣлы, всѣ данныя, требующія пополненія или повѣрки. Такихъ замѣчаній сдѣлалъ я до сихъ поръ 50. Ут-

*) Серг. Тим. такъ ободряетъ сына въ письмѣ отъ 28 Окт.: „Трудъ тебѣ предстоитъ огромный и тѣмъ болѣе тяжелый, что онъ не можетъ быть тебѣ пріятенъ. Признаюсь, воображая себя на твоемъ мѣстѣ, я просто прихожу въ ужасъ, и безъ крайности, я ни за что бы за него не взялся, да и въ крайности не умѣлъ бы съ нимъ управиться. Кругъ, къ которому ты принадлежишь, очень можетъ понять и оцѣнить твои труды, особенно зная тебя, зная, что твоихъ способностей хватило бы на что нибудь повыше. Твой кабинетъ ожидаетъ тебя— я стану всякій день приходить и слѣдить за успѣхами твоей работы“.

ромъ и поздно вечеромъ занимаюсь чтеніемъ своихъ бумагъ, а днемъ бѣгаю для этого пополненія и повѣрки по лавкамъ, по купцамъ, отыскиваю ихъ на чердакахъ и въ погребахъ, беру приступомъ, не смотря на уклоненіе и грубости. Недавно зашелъ я въ лавку одного Тульскаго мѣднаго фабриканта и сталъ, по обыкновенію, объяснять ему съ самаго начала: кто я, что я, зачѣмъ я пришелъ, что мнѣ нужно и проч. «Такъ-съ, такъ-съ», слышалъ я въ отвѣтъ, а когда кончилъ, то купецъ потребовалъ у меня «доказательствъ». Какихъ доказательствъ?—«Что вы точно такой, какимъ себя называете».—Пожалуй, у меня есть и доказательства, да зачѣмъ вамъ?—«Да мало ли какого народа шатается здѣсь, на ярмаркѣ! Богъ васъ знаетъ»!... Но я подчиняюсь всѣмъ этимъ непріятнымъ условіямъ, чтобы получить нужное свѣдѣніе, и до сихъ поръ ни разу не прибѣгалъ къ понудительному предъявленію своего открытаго листа...—Какъ я радъ, милый Отесинька, что вы продолжаете писать «Семейную хронику». Не говоря уже о литературномъ высокомъ ея достоинствѣ, она драгоцѣнна, какъ матерьялъ для исторіи русскаго общества.—Конечно «Разсказы и воспоминанія стараго охотника» вы издадите полнымъ заводомъ,—но когда придется вамъ печатать книжку разныхъ неохотничьихъ воспоминаній и статей, то можете смѣло печатать двойной заводъ. Все разойдется.—Да что это дѣлается съ вашими глазами, что вы опять прибѣгаете къ мази Кауфмана? Теперь, по случаю холода, вы вѣрно опять закупорились въ домъ и не выходите на воздухъ, а я такъ привыкъ теперь выходить не смотря на погоду.—Прощайте покуда. Еще письма два или три придется мнѣ написать вамъ, не больше. Такъ, по крайней мѣрѣ, желалъ бы! Больше писать нечего. Будьте здоровы. Скоро, скоро напишу, до свиданія!

1854 г. 25-го Октября. Харьковъ.

Это письмо вамъ вручитъ, милый Отесинька и милая Маменька, Н. Павл. Тр**.—Въ Субботу я получилъ ваше письмо отъ 16 Октября. Разумѣется, извѣстія, сообщенныя мною, о вступленіи корпуса Лидерса въ Крымъ—невѣрны; мы даже и не знаемъ, чей именно корпусъ и весь ли вступилъ,

Данненберга ли, Остенъ Сакена. Извѣстіе о смертоносномъ внезапномъ залпѣ изъ 300 орудій также не подтвердилось. Вы уже теперь прочли оффиціальное донесеніе о 13-мъ Октябрѣ, а мы еще прочтемъ съ слѣдующею почтой! — Мнѣ не вѣрится, чтобы Омеръ Паша сдѣлалъ вторженіе въ Бессарабію: этотъ шарлатанъ и хвастунъ, избѣгавшій до сихъ поръ всякаго настоящаго сраженія въ открытомъ полѣ, — будетъ, я думаю, производить только одни демонстраціи, чтобы развлекать наши силы.—Говорятъ о взятіи четырехъ редутовъ на Балаклавскихъ высотахъ, двухъ знаменъ, одиннадцати пушекъ, тринадцати офицеровъ — но все это говорятъ, и я ничему не вѣрю. — Что касается до купцовъ и до простонародья, то они напротивъ вѣрятъ всякому хорошему слуху и никогда дурному. — Видно однакожъ точно мы нанесли вредъ ихъ кораблямъ, потому что бомбардированія со стороны моря уже не возобновлялись. — Получивъ подкрѣпленія и устроивъ укрѣпленный лагерь между Балаклавой и Севастополемъ, чему способствуютъ и горы, они, пожалуй, рѣшатся зимовать тутъ, постоянно безпокоя городъ бомбардированіемъ. Кажется, взять ихъ позицію довольно трудно—и намъ приходится только обороняться. Впрочемъ такъ трудно разсуждать при нашей скудости свѣдѣній о мѣстности, силахъ и средствахъ нашихъ и непріятельскихъ! Во всякомъ случаѣ, кажется, дѣло до отъѣзда моего изъ Харькова еще не кончится, и мы будемъ вмѣстѣ слѣдить событія въ Абрамцевѣ. Я познакомился съ профессоромъ Черняевымъ: «ветеранъ русскихъ естествоиспытателей», какъ называютъ его на оффиціально-торжественномъ языкѣ, человѣкъ лѣтъ 60-ти, страстно преданный своему дѣлу, довольно извѣстный въ ученомъ мірѣ своими изслѣдованіями. Черняевъ началъ съ того, что просилъ меня передать вамъ, милый Отесинька, отъ имени ученыхъ, всю глубокую ихъ признательность за ваши сочиненія. Завтра назначенъ диспутъ одного магистранта о какой-то рыбкѣ овсянкѣ, и Черняевъ съ вашей книжкой въ рукѣ намѣренъ опровергать его или доказывать тождество этой рыбы съ верховкою или септявкою, вами описанною. У него только первое изданіе Записокъ объ уженьѣ рыбы; онъ искалъ втораго, но не могъ найти: у Опарина были

два или три экземпляра и куплены. Университетъ, по его требованію, выпишетъ второе изданіе, но оно еще не скоро получится. Очень жалѣю, что не могъ снабдить его книгой: не помню навѣрное, но, кажется, вы что-то прибавили о сентявкѣ. Черняевъ проситъ васъ, милый Отесинька, прислать въ университетъ эту рыбку и верховку въ спиртѣ съ какой-нибудь окказіей. Окказію всегда можно найти черезъ Свѣшникова, посылающаго книги Опарину, коммиссіонеру университета; впрочемъ, я, по пріѣздѣ, всегда могу найти оккаэію съ купцомъ. Мнѣ кажется, вамъ бы не мѣшало послать во всѣ университеты и въ Карамзинскую библіотеку въ даръ экземпляры своихъ сочиненій.—

Нынче утромъ въ 8 часовъ явился ко мнѣ Черняевъ съ просьбой—сказать ему вашъ адресъ; онъ собирается писать къ вамъ письмо. Весело видѣть живость этого 60-ти лѣтняго ученаго: выслуживъ срокъ, онъ оставляетъ университетъ и предпринимаетъ экспедицію по черноземной полосѣ, готовый путешествовать пѣшкомъ и на тележкѣ. Когда онъ прочелъ ваши «Записки Охотника», онъ положилъ себѣ непремѣнно посѣтить Оренбургскія степи и быть у васъ: весною будущаго года онъ намѣренъ отправиться въ Оренбургскую губернію, но въ Августѣ мѣсяцѣ будетъ въ Москвѣ и заѣдетъ къ вамъ. Сказавши ему, что вы хотите писать ваши наблюденія надъ грибами, я привелъ его въ рѣшительный восторгъ: онъ самъ, чтобы поговорить о грибахъ съ какимъ-то знаменитымъ Шведскимъ натуралистомъ, ѣздилъ нарочно въ Швецію. Книгу вашу онъ постоянно рекомендуетъ съ каѳедры молодымъ ученымъ для пріохочиванія слушателей къ естественнымъ наукамъ. Много я слышалъ и читалъ похвалъ вашимъ сочиненіямъ, но кажется Черняевъ превзошелъ въ этомъ всѣхъ.—Записки объ уженьѣ—2-е изданіе наконецъ я досталъ, справившись у Опарина—кто купилъ: купилъ одинъ студентъ, котораго я и отыскалъ. «Записки объ уженьѣ» второе изданіе видѣлъ я еще прежде въ Полтавѣ у Бодянскаго. Впрочемъ въ Харьковѣ внѣ университета никто русской литературой не занимается и не интересуется и никто почти, кромѣ профессоровъ, о книгахъ вашихъ не слыхалъ и не знаетъ, равно ни о Московскомъ Сборникѣ, ни о московскомъ направленіи. Универ-

ситетъ же здѣсь въ общество не принятъ и живетъ совсѣмъ отдѣльно.

Сейчасъ прочелъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* оффиціальное краткое извѣстіе о дѣлѣ 13-го Октября: «Липранди взялъ четыре редута штурманомъ, одиннадцать пушекъ отнято, половина непріятельской кавалеріи истреблена; Лордъ Кардаганъ едва ускакалъ». Должно быть неправда, что взятъ въ плѣнъ сынъ Лорда Сеймура, а взятъ сынъ Клекликарда. Кажется, всего болѣе достается англичанамъ! И въ народѣ говорятъ про французовъ безъ всякой злобы, но англичанъ ругаютъ крѣпко!—На это письмо, я полагаю, вы еще успѣете отвѣчать мнѣ, если напишете не позже 2-го Ноября. Я все полагаю выѣхать около половины Ноября, если не помѣшаютъ какія-нибудь обстоятельства. Покуда прощайте, будьте здоровы.

1854 г. Ноября 2—3-го. Вторникъ и среда. Харьковъ.

Послѣднее ваше письмо не очень утѣшительно, милый Отесинька и милая Маменька. У васъ все глаза болятъ, милый Отесинька, но, кажется, вы мало ихъ бережете: наканунѣ отправленія письма—вы удили! Нѣтъ сомнѣнія, что уженье, требующее постояннаго устремленія глазъ, утомляетъ глазные нервы и также вредно, какъ чтеніе. Надѣюсь, что слѣдующее письмо принесетъ лучшія вѣсти о вашемъ здоровьѣ и о здоровьѣ Константина. Не знаю, отъ чего вы не получили моего письма; я пишу аккуратно по середамъ; только на прошедшей недѣлѣ отправилъ письмо не съ почтой, а съ Тр**, который, вѣроятно, уже былъ у васъ. Теперь, по случаю частыхъ дождей, почта стала опаздывать сутками. Здѣсь нѣсколько дней было холодно, потомъ нѣсколько дней сряду лили теплые дожди, потомъ пошли дожди съ перемежками, но вообще погода стоитъ очень теплая. Вы, вѣроятно, уже прочли или скоро, все таки прежде насъ, прочтете о битвѣ 25-го числа; мы покуда ограничиваемся слухами. Курьеръ, повезшій донесеніе и бомбу, пролетѣвшую между Великими Князьями, разсказывалъ будто бы, что дѣло было страшное, преимущественно артиллерійское, что мы взяли было какія-то ихъ укрѣпленія или бастіоны,

но потомъ нашли нужнымъ отретироваться, заклепавъ 50-тъ пушекъ; съ нашей стороны убито 3000 человѣкъ, со стороны непріятеля 15000! Послѣдняя цифра видимо преувеличена! Никакъ нельзя довѣрять ни частнымъ письмамъ, ни разсказамъ самовидцевъ. Извѣстіе, сообщенное вамъ Казначеевымъ, какъ вѣрное, о Липрандьевскомъ дѣлѣ и прописанное въ вашемъ письмѣ, оказывается также не совсѣмъ вѣрнымъ.—Говорятъ, что Великіе Князья скупаютъ французскіе штуцера, объявивъ цѣну по 6 р. сер. за штуцеръ и формируютъ штуцерные батальоны. Намъ невозможно почти дѣйствовать легкою артиллеріею, потому что штуцера, хватающіе на необыкновенно далекое разстояніе, убиваютъ всю прислугу; можно дѣйствовать только батарейными орудіями, которыя дальше стрѣляютъ. — Страшная борьба! На ихъ сторонѣ наука, искусство, талантъ, храбрость, всѣ матерьяльныя средства; на нашей — только правота дѣла и личное мужество войскъ; остальнаго ничего нѣтъ. Не знаю, право.... Да что объ этомъ писать. Богъ дастъ, скоро увидимся и тогда поговоримъ о всѣхъ современныхъ вопросахъ.— На счетъ выѣзда своего я не могу назначить дня его навѣрное и потому не знаю — послѣднее ли это письмо или нѣтъ. Если я выѣду на будущей недѣлѣ въ концѣ, т. е. дней черезъ 10 или 12, то писать уже болѣе не буду; если же не выѣду,—то напишу. Задерживаетъ меня Бодянскій. Онъ долженъ былъ прислать мнѣ изъ Полтавы разныя статистическія, съ своей стороны имъ собранныя, свѣдѣнія объ ярмаркѣ, также оффиціальныя вѣдомости,—но до сихъ поръ не прислалъ, отговариваясь совершенно хохлацкою отговоркою: «хандра»! Въ глазахъ малороссіянъ это совершенно законное извиненіе. Хандра хандрой, а дѣло дѣломъ! Да и не сочиненій какихъ-либо отъ него требуется!—На дняхъ получилъ письмо отъ Галагана. Онъ ѣдетъ съ женою на зиму въ Кіевъ, а Ригельманъ поѣхалъ въ Черниговъ къ своему отцу. Вообразите: Сборникъ пѣсенъ малороссійскихъ съ *нотами*, который уже я видѣлъ въ Кіевѣ отпечатаннымъ и совсѣмъ готовымъ къ выпуску, — остановленъ цензурою, которая нашла нужнымъ еще кой-что повыкинуть! Пошла переписка и едва ли онъ выйдетъ. Кажется,—никакія военныя опасности не могутъ отвлечь насъ отъ любимаго заня-

тія, т. е. отъ преслѣдованія литературы и вообще всякихъ проявленій ума и духа!—Въ послѣднемъ письмѣ я сообщалъ вамъ про назначенный диспутъ о рыбкѣ овсянкѣ. Потомъ былъ я на самомъ диспутѣ. Черняевъ спросилъ магистранта, читалъ ли онъ «Записки объ уженьѣ» С. Т. Аксакова, прославившагося, кромѣ того, Оренбургскимъ ружейнымъ охотникомъ, и почему онъ не сослался на это сочиненіе превосходное и пр. и пр.? Тотъ уклонился отъ отвѣта на вопросъ—читалъ ли онъ, но сказалъ, что не считаетъ себя въ правѣ въ ученомъ сочиненіи ссылаться на сочиненіе популярное; что же касается до тождества овсянки съ верховкою, предполагаемаго г. профессоромъ, онъ этого мнѣнія не раздѣляетъ. Черняевъ объявилъ, что этотъ споръ рѣшится присылкою верховки. Пришлите же ему верховку, милый Отесинька! Да ужъ не скупитесь! пришлите этого добра побольше, на цѣлую уху, или сушеную! — *Среда утромъ*. Вчера, послѣ дождей, поднялся такой холодный неистовый вѣтеръ, какого я рѣшительно не помню. Бываютъ сильные внезапные вихри, но этотъ вѣтеръ продолжался, не слабѣя, часовъ десять сряду. Онъ надѣлалъ много вреда въ городѣ. Если онъ дуетъ съ такою же силой и въ Черномъ морѣ, то бѣда, бѣда кораблямъ. Къ утру вѣтеръ пріутихъ, и морозъ настоящій, *самъ* морозъ, а не предтеча его, оковалъ землю. Взглянувъ въ окно, я увидалъ, что это уже не утренничекъ. Опять поднялся вѣтеръ, и все небо заволокло: какъ бы не пошелъ снѣгъ. Я думаю, что зима близка. Для меня это не совсѣмъ выгодно: мнѣ хочется непремѣнно поѣхать въ своей нетычанкѣ, и чтобы не бросать ее здѣсь, и чтобы соблюсти экономію, потому что по этому тракту Студзинскаго, кромѣ двойныхъ прогоновъ, берутъ рублей 15 сер. и болѣе за повозку. Я намѣренъ, между прочимъ, по возвращеніи, перечитать все, что было замѣчательнаго въ журналахъ въ теченіи этого года. На какой журналъ подписались вы на 1855 годъ? Я совѣтую подписаться на «Современникъ». — Прощайте. Ахъ, какъ бы желалъ, чтобы это письмо было послѣднее! Будьте здоровы. Теперь уже недолго во всякомъ случаѣ.

Это послѣднее письмо Ивана Сергѣевича изъ Харькова, послѣ чего, извѣстивъ родителей о своемъ скоромъ пріѣздѣ, онъ дѣйствительно 18-го Ноября пріѣхалъ въ Абрамцево, гдѣ проводила зиму семья Аксаковыхъ. Въ началѣ Декабря онъ переѣхалъ къ Троицѣ, думая въ сравнительномъ уединеніи заняться успѣшнѣе своимъ отчетомъ объ украинскихъ ярмаркахъ, который, въ большой семьѣ, такъ живо принимающей къ сердцу всѣ политическія событія, слишкомъ медленно подвигался. Но оказалось, что его собственное настроеніе еще болѣе мѣшало сухой, усидчивой работѣ, чѣмъ многочисленная семья. Иванъ Сергѣевичъ, при своемъ пылкомъ характерѣ, недолго могъ усидѣть на мѣстѣ; онъ часто ѣздилъ въ Москву, откуда привозилъ въ Абрамцево все, что узнавалъ новаго. 25-го Января онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для переговоровъ о мѣстѣ въ Астрахани. Хотя онъ напередъ былъ увѣренъ, что въ такое горячее время не приметъ для себя покойнаго мѣста въ отдаленной отъ центра губерніи, но все же онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Переговоры ни къ чему не привели; событія надвигались; объявлено было ополченіе; Иванъ Сергѣевичъ, уже почти неотлучно находившійся въ Москвѣ, наконецъ самъ записался охотникомъ въ Серпуховскую дружину, но отъ избранія въ дружинные начальники отказался. Онъ объявляетъ это родителямъ въ письмѣ отъ 18-го Февраля; сочувствія онъ не встрѣтилъ, но тѣмъ не менѣе остался твердъ въ своемъ рѣшеніи, и въ своихъ письмахъ ясно развиваетъ мотивы своего вступленія. 29-го Марта онъ уѣхалъ изъ Абрамцева и съ 1-го Апрѣля вновь начинается правильная переписка съ семьей.

ПИСЬМА ВО ВРЕМЯ ОПОЛЧЕНІЯ.

Суббота, 18 Февраля 1855 г. Москва.

Пишу вамъ, милый Отесинька и милая Маменька, на всякій случай; я самъ предполагаю выѣхать, если не нынче, такъ завтра, развѣ что-нибудь особенное задержитъ. Вотъ вамъ перечень московскихъ событій со времени отъѣзда Константина. Ермоловъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе отъ Петербургскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, что онъ выбранъ единогласно и что депутація уже готова ѣхать къ нему: это *положительно* достовѣрно; Ермоловъ благодарилъ и отвѣчалъ, что онъ уже выбранъ Москвою. Въ четвергъ разнесся слухъ въ собраніи, что Ермоловъ, которому дали знать частнымъ образомъ что Государь согласенъ на его избраніе, пріѣдетъ благодарить дворянъ: мигомъ съѣхалась вся Москва на это зрѣлище, но узнавъ, что все это вздоръ, тотчасъ же разъѣхалась. Нынче послѣдній день Собранія, засѣдающаго и утромъ и вечеромъ; если онъ не будетъ нынче (потому что формальнаго утвержденія еще не получено), такъ Москва и не увидитъ его въ Собраніи: дворянство разъѣдется.—Въ Дмитровскомъ уѣздѣ большую часть офицеровъ замѣстили охотниками,—такъ что ни Константину, ни Пальчикову, не пришлось и баллотироваться. Впрочемъ Константинъ поставленъ въ спискѣ дворянъ, подлежащихъ баллотировкѣ, вслѣдствіе его письма, хотя Трегубовъ и объявилъ всему столу, что ему нельзя будетъ дать офицерскаго званія по неимѣнію чина. Тѣмъ не менѣе это произвело нѣкоторый эффектъ, и дамы съ ужасомъ спрашивали меня, точно ли Константинъ идетъ въ ополченіе; я отвѣчалъ, что онъ указалъ на себя и изъявилъ согласіе, въ случаѣ выбора и успокоилъ ихъ надеждою, что его не выберутъ, какъ без-

чиннаго! Что же касается до меня, то узнавъ что впослѣдствіи мудрено будетъ поступить въ ополченіе и предполагая, что легче будетъ мнѣ занять желаемое мѣсто въ званіи ополченнаго офицера, чѣмъ со стороны, я записался прямо охотникомъ въ Серпуховскую дружину, къ Графу Ивану Петровичу Толстому—и уже отдалъ свои документы; такимъ образомъ вы можете признавать меня прямо Штабсъ-Капитаномъ ополченія. Когда получатся всѣ утвержденные списки изъ Военнаго Министерства, будемъ шить и надѣнемъ мундиръ. Ив. П. Толстой самъ никогда не былъ въ военной службѣ; мы съ нимъ старые знакомые и нѣкоторое время вмѣстѣ служили въ Сенатѣ: онъ былъ Оберъ-Прокуроромъ, я Оберъ-Секретаремъ; я убѣжденъ, что меня не оставятъ въ строю, а возьмутъ въ Штабъ, если даже я и не займу извѣстной вамъ должности. Впрочемъ, пусть будетъ то, что будетъ. Я таки на полчаса задумался серьезно передъ тѣмъ, какъ отдалъ свои документы.—Кажется мнѣ, что я васъ предупреждалъ о своемъ намѣреніи записаться въ ополченіе; во всякомъ случаѣ это самый вѣрный способъ достигнуть какого либо мѣста, имѣющаго связь съ дѣятельностью современною.

Четвергъ. 24-го Февраля 1855 г. Москва.

Казначеевъ хочетъ меня везти завтра къ Ермолову, милый Отесинька и милая Маменька. Хоть я этому и не совсѣмъ радъ, въ томъ отношеніи, что Казначеевъ смотритъ на меня вовсе не какъ на лицо самостоятельное, имѣющее нѣкоторую литературную извѣстность, а какъ на молодаго чиновника, нуждающагося въ протекціи, но съ другой стороны признаю это полезнымъ и даже необходимымъ для успѣха. Я рѣшился также твердо держаться одного, именно теперь: намѣренія моего служить въ ополченіи.—Вы, разумѣется, жаждете вѣстей. Большая часть изъ нихъ такого содержанія, что писать о нихъ было бы нескромно... Впрочемъ все заставляетъ надѣяться, что подъ новымъ правленіемъ—мы «благоденственно поживемъ». Говорятъ, что уничтожается 3-е Отдѣленіе и Тайная Полиція, что Строгановъ будетъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія (послѣднему я не совсѣмъ радъ). Между прочимъ Австрія посылаетъ съ ви-

зитомъ de condoléance Эрцгерцога въ Петербургъ, а въ вознагражденіе за услугу, оказанную ей въ 1849 году, сохраняетъ за какимъ-то полкомъ названіе полка Государя Николая Павловича! И воображаетъ, что расквиталась! Людовикъ Наполеонъ наложилъ трауръ на 6 недѣль.—Погодинъ еще не уѣхалъ. Не знаю, что именно говорилъ ему Константинъ, но Погодинъ поразилъ меня тономъ нѣжности и *задушевнаго уваженія*, съ которымъ онъ отзывался о Константинѣ и о послѣднемъ своемъ съ нимъ свиданіи,—уваженія, какъ къ человѣку благоразумному. Прощайте. будьте здоровы.

Къ князю Д. А. Оболенскому.

(По случаю смерти Императора Николая Павловича).

24-го Февраля 1855 г.

Я давно собирался писать къ тебѣ, хотѣлъ разсказать тебѣ о собраніяхъ московскаго дворянства по случаю Манифеста объ ополченіи, о выборѣ Ермолова и о многомъ другомъ; но всѣ эти необыкновенныя для нашей будничной жизни событія померкли, обрушились въ прошлое. забылись въ настоящую великую, строгую минуту. Торжественно было это молчаніе внезапно и невольно прервавшихся рѣчей! Вся душа отхлынула внутрь и, пораженный громадностью явленія, молча, съ напряженнымъ вниманіемъ, присутствуешь при величавой смѣнѣ эпохъ. Въ Россіи каждое царствованіе есть эпоха, запечатлѣваемая личностью самодержца. Но проживая эпоху ежедневно, почти не слышишь хода дней, не ощутительны постепенныя измѣненія, развитіе и ростъ брошеннаго въ историческую почву сѣмени. Теперь же, когда обѣ эпохи втѣснились въ одну минуту, когда видимо, осязательно, одна смѣщаетъ другую,—живешь и самъ исторически, живешь всенародною жизнью. Возникаетъ новая эра государственнаго бытія. начинается новая эра и для нравственно-общественнаго существованія каждаго русскаго. И конечно каждый отъ всей глубины души благословитъ новаго царя на подвижническій путь. ему предлежащій и пожелаетъ, чтобы царствованіе его было обильно плодами тепла и свѣта. добра

и разума и богато всякою честностью. Не знаю, что будетъ дальше, но первый Манифестъ всѣмъ по сердцу. Желательно было бы, чтобы новый Царь чаще обращался къ народу съ своимъ царственнымъ словомъ и чтобы полною, безбоязненною искренностью скрѣпились естественныя узы, связывающія подданныхъ съ Государемъ. Впрочемъ, минута такъ важна, что молчаніе ей приличнѣе, чѣмъ обычное разглагольствованіе.—Что тебѣ сказать о себѣ? Передъ тобой теперь безбрежное море, на которомъ величаво колышется корабль, распускающій паруса, и, право, совѣстно отвращать чьи-либо взоры отъ этого поразительнаго зрѣлища и указывать на отдаленные челноки, чуть-чуть замѣтные въ исполинскомъ просторѣ. Но все это фразы, а я отъ пріятелей своихъ готовъ требовать къ себѣ вниманія во всякую минуту. И потому имѣю честь тебѣ рекомендоваться въ качествѣ Штабсъ-Капитана Серпуховской дружины Московскаго ополченія. Впрочемъ я еще не утвержденъ, да и никто еще не утвержденъ.—Записался я въ послѣдній день царствованія покойнаго Государя. Что будетъ—неизвѣстно. Можетъ быть, придется караулить Петербургъ, можетъ быть ополченіе и вовсе не будетъ призвано къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ—*никто* изъ моихъ знакомыхъ не уклонился отъ своей доли историческихъ повинностей, лежащихъ теперь на всей русской землѣ; удалось поступить только мнѣ: остальные же, не смотря на всю свою готовность, или не могли быть выбраны, по недостатку вакансій, или же встрѣтили въ своемъ опредѣленіи особенныя, непредвидѣнныя препятствія, напр. неисправность документовъ, записка въ книгѣ дворянъ по другой губерніи, и проч. и проч.—Теперь я покуда живу въ Москвѣ, но на дняхъ уѣзжаю въ деревню и буду тамъ ждать рѣшенія своей участи.—Прощай, обнимаю тебя.

Къ родителямъ. 2-го Апрѣля 1855 г. Москва.

Все слухи, да слухи, все та же томительная неопредѣленность, но какъ и они интересны, то сообщаю вамъ всѣ московскія политическія сплетни: 1) носится слухъ о новомъ кровавомъ дѣлѣ подъ Севастополемъ; 2) при Министерствѣ Юстиціи будетъ издаваться журналъ; 3) Броку

плохо и на его мѣсто прочатъ Княжевича или Позена; 4) Государь намѣренъ лично слушать доклады только Министровъ Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ и Военнаго, а прочіе будутъ докладывать Государственному Совѣту и Комитету Министровъ. 5) Ждутъ въ Москву, но когда — неизвѣстно. 6) Преслѣдованіе раскольниковъ прекращено, по крайней мѣрѣ имъ выдаютъ паспорты, безъ принужденія купцовъ переходить въ единовѣріе. 7) Будетъ напечатано завѣщаніе Николая Павловича, писанное въ 1847 году, въ которомъ онъ проситъ будто бы прощенія въ своихъ ошибкахъ. 8) Императрица подарила Тютчевой Маколея. 9) Каммергерамъ и придворнымъ чинамъ даются какія-то богатыя русскія платья. 10) Въ Субботу на Страстной была въ Петербургѣ конференція по поводу полученной отъ Горчакова депеши: были тутъ Нессельродъ, Блудовъ и еще кто-то: ничего неизвѣстно, но, кажется, не хорошо. 11) Нессельродъ хочетъ подписать миръ и выйдти въ отставку. 12) Иностранныя газеты упрекаютъ русскихъ въ неблагодарности къ Николаю Павловичу, называя его великимъ человѣкомъ. — Въ середу и четвергъ вечеромъ собирались мы у Самарина для Димитрія Оболенскаго и для Шестакова (автора извѣстной статьи), а вчера у Елагина по случаю именинъ М. Вас. — Оболенскій говоритъ, что я хорошо дѣлаю, что поступаю въ ополченіе, что нечего и дѣлать другаго. Былъ тутъ и Погодинъ, у котораго я сидѣлъ также цѣлое утро. Оболенскій такого мнѣнія, что Погодинъ хорошо сдѣлалъ, что не поѣхалъ. Погодинъ пишетъ новую статью и посланіе. Интересныхъ новостей никакихъ сообщено не было. Вообще въ Петербургѣ какъ-то стало глухо и менѣе говорятъ, чѣмъ въ послѣдніе дни царствованія Николая Павловича. Это понятно: прежнія связи при дворѣ ослабѣли, еще не опредѣлилось ни направленіе, ни положеніе отдѣльныхъ лицъ, всѣ еще въ недоумѣніи. О томъ—война или миръ судятъ по тѣмъ же даннымъ, какъ и у насъ въ Абрамцевѣ, à priori, а не на основаніи положительныхъ свѣдѣній. Булгаринъ уже кадитъ Ростовцеву въ *Сѣверной Пчелѣ*.—Споровъ раскольничьихъ нѣтъ (Хомяковъ, Елагинъ, Оболенскій ѣздили), да и кому спорить, когда въ Москвѣ нѣтъ болѣе раскола! Закревскій свирѣпствуетъ попрежнему: вотъ вамъ

новый способъ собирать пожертвованія для ополченія — съ мѣщанъ у Васильчиковой и у многихъ другихъ богатыхъ домовладѣльцевъ, потребовали вольнонаемныхъ мѣщанъ въ Полицію. Только что они явились, потребовали отъ нихъ пожертвованія: они дали было по рублю сер., съ нихъ потребовали 30 р. сер. и болѣе (съ Васильчикова человѣка 100 р. сер). и посадили въ сибирку, объявивъ, что если къ пяти часамъ не взнесутъ денегъ, то будутъ отданы въ солдаты или ратники. Тѣ, разумѣется, написали домой, къ своимъ господамъ, изъ которыхъ многіе, стѣсненные кратковременностью срока, и заплатили требуемое. Что же? Имъ выдали *печатныя* квитанціи, что—такимъ-то мѣщаниномъ внесено добровольнаго пожертвованія 30 р. сер. или болѣе, смотря по суммѣ. Не хуже ли это дневнаго грабежа? А что дѣлается съ купцами! — Тотъ пріятель, который пріѣхалъ изъ Петербурга, поразилъ меня своимъ уныніемъ и утратою всякихъ надеждъ. Нельзя не видѣть тутъ нѣкотораго пристрастія, и важно то, что въ этихъ рѣчахъ отражается взглядъ цѣлой извѣстной стороны. Мы сами виноваты, что предались неосновательнымъ надеждамъ, слишкомъ много захотѣли вдругъ и теперь какъ будто вымѣщаемъ на человѣкѣ досаду на нашу собственную опрометчивость.

Раньше Ооминой недѣли нельзя сдѣлать публикаціи о вашей книгѣ: нужна подпись цензора и не на дому, развѣ изъ особеннаго снисхожденія. Никто изъ книгопродавцевъ не дѣлаетъ новыхъ публикацій.—я спрашивалъ и ихъ. Книга ваша расходится очень хорошо.—Недѣли черезъ двѣ будетъ диспутъ Бодянскаго, говорятъ; книга его—диссертація для полученія степени доктора. Вы вѣрно теперь прочли Манифестъ. Онъ самый казенный, такой, какъ и въ 1841 г. (по случаю свадьбы Наслѣдника), такой же, какъ и въ 1826 г. О политическихъ преступникахъ ни слова, и слухи о прощеніи ихъ прекратились. Можетъ быть, все это произойдетъ постепенно, частнымъ образомъ, негласно.—Погодинъ не ѣдетъ къ намъ по случаю дорогъ. Къ нему на Дѣвичье поле доступъ не очень легокъ и третьяго дня онъ остался ночевать у Самарина. Оба вечера мы сидѣли до 4-го часа, но разговоръ былъ объ Іоаннѣ Лѣствичникѣ и т. п. До такой сте-

пени всѣмъ надоѣло вертѣться около слуховъ, гаданій!... Бирюлевъ еще не проѣзжалъ.—Впрочемъ, признавая мундиры эмблемою направленія въ Россіи и мѣриломъ убѣжденія, я думаю, что всѣ мы будемъ ходить въ платьѣ не столь тѣсномъ и узкомъ, будетъ шире и свободнѣе дышать груди. Нынче надѣюсь прочесть въ Приказахъ о моемъ утвержденіи: во вчерашнемъ *Инвалидѣ* прочелъ я утвержденіе офицеровъ костромскаго, ярославскаго и петербургскаго ополченія. Въ Петербургѣ все аристократическая молодежь, служившая въ Министерствахъ. Толстой уѣхалъ въ Серпуховъ. Я примѣривалъ вчера мундиръ, т. е. зипунъ. Ничего. Принесли нынче рубашку—но скверно сшита. По Москвѣ щеголяютъ ополченцы: четыре дружины имѣютъ сѣрое, остальныя черное сукно. Смольняне—бѣлое. Многіе дѣлаютъ сапоги съ красными оторочками и вводятъ другія щегольства,—но мое облаченіе будетъ самое простое и скромное, и очень хорошо.—Дим. Оболенскій остался до понедѣльника.—Я спрашивалъ его, не хочетъ ли онъ видѣть Константина: онъ отвѣчалъ, что, разумѣется, желалъ бы съ нимъ видѣться, какъ и всегда, но что именно въ настоящую минуту особеннаго сообщить не имѣетъ. Онъ очень, очень извиняется за свое молчаніе. Онъ говоритъ, что самъ въ первые дни раздѣлялъ мысли и чувства, выраженныя въ нашихъ письмахъ и особенно въ письмѣ Константина, которое ему чрезвычайно понравилось, но потомъ—все это остыло. По моему мнѣнію однакожъ, нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ; смущаетъ его мелочность направленія и заботъ. Но онъ знаетъ не больше, чѣмъ мы, по крайней мѣрѣ не говоритъ. М. Ѳед. Соллогубъ, Бахметевъ и Черкасскій спрашиваютъ меня, когда будетъ и будетъ ли Константинъ Сергѣевичъ. Имъ очень понравились его воспоминанія, особенно Ал. Ив. Васильчиковой, которая такія вещи говорила, что совѣстно слушать, особенно мнѣ, на котораго поневолѣ падаетъ отраженіе этихъ похвалъ. Однакожъ, я думаю, что эти дамы хвалятъ не за то, за что Ал. Ив. Васильчикова, впрочемъ пространныхъ разговоровъ я не имѣлъ.—Въ Москвѣ теперь два или три Принца.—Прощайте, напишу вамъ въ понедѣльникъ. Впрочемъ, я думаю, что Константинъ самъ пріѣдетъ; хотя ничего особеннаго нѣтъ, но все же теперь быть въ Москвѣ интересно. Будьте здоровы.

Понедѣльникъ 3-го Апрѣля. Москва.

Каждый день *Инвалидъ* печатаетъ приказы по Государственному ополченію, но до сихъ поръ офицеры московскаго ополченія не утверждены; впрочемъ каждый день можно ожидать этого утвержденія. Все это очень скучно, также какъ и неизвѣстность—война ли у насъ или миръ. До сихъ поръ о вѣнскихъ конференціяхъ ничего никто не знаетъ положительно,—но, кажется, судя по иностраннымъ газетамъ, мира не будетъ. Людовикъ Наполеонъ хочетъ прекратить вѣнскіе толки предложеніемъ Россіи *ультиматума*, котораго, можно думать, не примутъ.—Государя ждутъ въ Москву въ середу: говорятъ, отъ пріѣдетъ сюда провожать братьевъ, возвращающихся въ Севастополь, и помолиться съ ними у Троицы. Если это точно такъ, то оно прекрасно и произведетъ доброе впечатлѣніе на народъ,—да и предлогъ побывать въ Москвѣ до коронаціи очень приличный. Но утверждать навѣрное справедливость этого извѣстія не могу: въ середу я васъ во всякомъ случаѣ увѣдомлю, и вы можете въ четвергъ успѣть съѣздить къ Троицѣ.—Назначеніе ополченія московскаго таково: оно будетъ прикомандировано къ Гренадерской 2-й дивизіи, и каждая дружина составитъ 5-й батальонъ при полкѣ; разумѣется—полкъ будетъ смотрѣть на дружину, какъ на своихъ чернорабочихъ слугъ, обязанныхъ исправлять за него всякія некрасивыя работы.—Николая Елагина, не поѣхавшаго на тульскіе выборы, выбрали заочно въ офицеры Бѣлевской дружины: вчера пришло къ нимъ это извѣстіе и очень ихъ смутило. Вся семья думаетъ о томъ, какъ бы высвободить его изъ ополченія, чего и можно достигнуть разными способами: къ тому же онъ записанъ самъ по Калужской губерніи, а въ Тульской только имѣніе его матери. Онъ, я думаю, не сталъ бы отказываться, если бы не Авдотья Петровна, для которой разлука съ нимъ будетъ очень тяжела; но забавно видѣть съ ними Хомякова, который настоятельно требуетъ, чтобы онъ шелъ въ ополченіе и сердитъ всю семью. Хомяковъ говоритъ, что желалъ бы видѣть въ ополченіи и Самарина и Константина и, отвозя вчера меня домой, объявилъ, что если бы жена его была жива, то, вѣроятно, онъ пошелъ

бы въ ополченіе. — Тульское дворянство богато надѣлило ополченцевъ, назначивъ офицерамъ огромное жалованье и подъемныя деньги. Жаль, что московское такъ плохо распорядилось и такъ скудно: оно было бы и для меня весьма кстати.—Не знаю еще, чѣмъ рѣшатся недоумѣнія Елагинскія.—Видѣлъ я Годеина, видѣлъ Георгія Львова, пріѣхавшаго изъ Петербурга, родственника Ермолова и близкаго къ нему. Оба они передали мнѣ, что Ермоловъ серьезно обижается, когда ему говорятъ о высшемъ назначеніи: онъ говоритъ, что эти слова его всегда дразнятъ и звучатъ для него оскорбительно, ибо онъ самъ себя знаетъ; 30-ть лѣтъ бездѣйствія *убили* его; онъ чувствуетъ, что уже неспособенъ къ дѣйствительному командованію. Всѣ говорятъ, что ему будетъ дано званіе почетное Начальника всего ополченія въ Россіи, и что онъ будетъ жить въ Петербургѣ для совѣтовъ. Въ такомъ случаѣ нечего къ нему и навязываться въ адъютанты и секретари, тѣмъ болѣе, что теперь онъ рѣшительно отказывается, говоря, что не видитъ никакой надобности. Годеинъ, впрочемъ, обѣщаетъ меня увѣдомить въ Серпуховъ, если откроется Ермолову перспектива иной дѣятельности. Впрочемъ и я самъ, какъ только буду утвержденъ, явлюсь къ нему, какъ къ начальнику.—Нахимовъ произведенъ въ Адмиралы: это я самъ прочелъ въ Приказахъ.

Москва рѣка такъ разлилась, что и старожилы такого разлива не запомнятъ (впрочемъ у этихъ такъ называемыхъ старожиловъ память очень коротка). Отовсюду слышны извѣстія о необыкновенномъ разливѣ рѣкъ. Можетъ быть, и Воря не захочетъ отстать отъ другихъ. А какова погода? Ходить пѣшкомъ, въ одномъ сюртукѣ—жарко. Улицы быстро сохнутъ, но пыли еще нѣтъ.—Андр. Оболенскій уѣхалъ. Вчера былъ маленькій споръ раскольниковъ, самый невидный, это правда, но все же весело видѣть упорство этого обычая. Въ будущее воскресенье Хомяковъ намѣренъ отправиться на споръ.

Судя по всему тому, что я вижу и слышу, и по нѣкоторымъ письмамъ изъ Петербурга, которыя мнѣ удалось прочесть, холопство жалѣетъ о прежнемъ строгомъ баринѣ, который всегда держалъ его въ страхѣ, за то бывало иногда милостиво фамильярничаетъ; теперь новый баринъ не фа-

мильярничаетъ, но и не унижаетъ людей подлымъ страхомъ,— однакожъ старымъ лакеямъ кажется величайшимъ развратомъ, что новые не затянуты въ струнку и не знаютъ вытяжки передъ бариномъ. Правда, что лакейство надо держать въ рукахъ, а то оно слишкомъ зазнается; но во первыхъ и лакеи могутъ сдѣлаться порядочными людьми и добрыми слугами, безъ рабства, во вторыхъ, пусть ужъ лакейство явится въ безобразномъ видѣ, нежели въ картинномъ видѣ, какъ прежде.—Говорятъ,—и если это неправда, то хорошо, что говорятъ: Государь сказалъ въ отвѣтъ на вопросъ о бородѣ и русскомъ платьѣ вообще: «а мнѣ какое дѣло? пусть одѣваются, какъ хотятъ».—Прощайте; въ ожиданіи утвержденія, принялся за свою работу.

Я не думаю, чтобы ополченіе было распущено: пріостановились бы расходами по ополченію; но расходы идутъ и огромные. Впрочемъ, мнѣ вовсе не представляется дѣйствительность опасности, и я не могу своему вступленію въ ополченіе придать серьезный характеръ: мнѣ это является больше прогулкой, путешествіемъ, новымъ столкновеніемъ съ жизнью; впрочемъ—это отъ того, что правительство и общество отняли у него серьезный характеръ. Мнѣ въ то же время было бы совѣстно не вступить. Все идетъ глупо, но тѣмъ не менѣе люди дерутся и жертвуютъ. Хочу непремѣнно уговорить Мамонова вступить въ ополченіе.—

6-го Апрѣля 1855 г. Середа.

Государь не пріѣхалъ и не будетъ, по случаю болѣзни матери.—Обо мнѣ еще нѣтъ ничего; впрочемъ въ понедѣльникъ *Инвалидъ* не выходитъ. Между тѣмъ начальники дружинъ всѣ на сборныхъ пунктахъ,—и слышно, что ополченіе выступитъ въ скоромъ времени, т. е. не останется въ Серпуховѣ, а будетъ учиться уже въ Новгородской губерніи. Николай Елагинъ уѣхалъ въ Тулу хлопотать объ исключеніи. Василій Елагинъ великодушно предлагалъ себя въ замѣну, но его предложеніе семьею не было принято. Правда, что Бѣлевская дружина составлена очень дурно, что почти нѣтъ ни одного порядочнаго офицера,—но если бы точно кто-нибудь изъ нихъ хотѣлъ идти въ ополченіе, то можно

было бы похлопотать о переводѣ въ другую дружину. Впрочемъ Василію, такъ же какъ и Константину, за неимѣніемъ чина, нельзя вступить; по крайней мѣрѣ этотъ вопросъ остается еще неразрѣшеннымъ. Не знаю, успѣетъ ли Николай Елагинъ въ своемъ намѣреніи; онъ долженъ скоро быть.—Кулѣшъ пишетъ Трушковскому, что—говорятъ—докладъ о Гоголѣ на дняхъ будетъ представленъ Государю. Я совѣтую самому Трушковскому съѣздить въ Петербургъ, добиться немедленно разрѣшенія, немедленно приступить къ печатанію по крайней мѣрѣ втораго изданія полныхъ сочиненій (уже на половину отпечатаннаго), а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, или вступить въ ополченіе, или же провести остальные лѣтніе мѣсяцы въ Малороссіи и возвратиться на зиму въ Москву для печатанія другихъ сочиненій Гоголя.—Новаго рѣшительно нѣтъ ничего. Судя по l' Indep. Belge, мира не будетъ. Въ послѣднемъ № напечатано, между прочимъ, что Титовъ рѣшительно объявилъ Бур—ю, что ни о какомъ ограниченіи русскаго владычества въ Черномъ морѣ (т. е. чрезъ ограниченіе числа кораблей или чрезъ обращеніе Севастополя въ купеческую гавань) рѣчи быть не можетъ, d'après les pouvoirs, dont il est pourvu. Между тѣмъ Англія твердо держится принципа intègrité Турціи, чтобы французы не утвердились на Востокѣ, чего ей очень не хочется. Въ Петербургѣ, по слухамъ и разсказамъ, нѣтъ никакой надежды на миръ. Впрочемъ, это мнѣ сказалъ Хомяковъ.—Если что узнаю нынче, такъ завтра вамъ сообщу.—Какъ это скучно, что такъ замедлился приказъ, да и вся эта неизвѣстность очень томительна. Прочелъ я книгу: «разсказы ратника Петербургскаго ополченія 1812 года». Очень для меня интересна. Авторъ со всею откровенностью передаетъ всѣ ощущенія, испытанныя имъ, всѣ столкновенія, всѣ отношенія ополченія къ арміи, и то, какъ ополченіе дрогнуло сначала, даже бѣжало, и какъ потомъ, когда оно было поведено въ штыки и непріятель струсилъ и побѣжалъ, оно отъ этого успѣха мигомъ выросло, духомъ на цѣлую сажень и уже ничего не боялось!—Говорятъ, Тургеневъ здѣсь. Не знаю, гдѣ его найти. Развѣ съѣздить къ Щепкину?—Прощайте.

Четвергъ. 7-го Апрѣля. 1855 г.

Вчера наконецъ въ *Инвалидѣ* помѣщенъ приказъ по Московскому ополченію, но напечатана только половина, объ офицерахъ шести дружинъ; нынче, вѣроятно, напечатается другая половина объ остальныхъ дружинахъ, въ томъ числѣ и о Серпуховской. Утверждены рѣшительно (по 6-ти дружинамъ) всѣ—и выбранные и охотники и отставные и служащіе гражданскіе чиновники. Также и Загоскинъ.—Въ такомъ случаѣ завтра или послѣ завтра утромъ я поѣду въ Серпуховъ, но прежде побываю у Ермолова. Во всякомъ случаѣ вы получите отъ меня письмо отъ субботы. Удивляюсь, что нѣтъ отъ васъ вѣсточки: не ѣдетъ ли самъ Константинъ?—Вдовствующая Императрица очень, очень больна. Вѣнскія конференціи рушились, война, — хотятъ призвать къ ополченію остальныя губерніи. Вотъ какіе воинственные слухи приходятъ теперь изъ Петербурга и, кажется, изъ достовѣрныхъ источниковъ. Вы, вѣроятно, прочтете завтра въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» депешу ,читанную вчера въ «Сѣверной Пчелѣ»: о бомбардированіи Севастополя и о потерѣ нами 800 человѣкъ. Бомбандированіе продолжалось, когда депеша отправлена. Къ французамъ приходятъ безпрерывно подкрѣпленія. Нынче въ *Инвалидѣ* должно ожидать новыхъ извѣстій.—Ѣздилъ я вчера вечеромъ къ Погодину, но не засталъ его дома; оттуда проѣхалъ къ Хомякову, который говорилъ о необходимости дѣятельности литературной и изданія журнала и т. п. Хотя я и полагаю, что теперь еще не время думать о журналѣ, но Хомяковъ предлагаетъ Константину пріѣхать потолковать о семъ предметѣ.—Прощайте. Дай Богъ, чтобы вы были всѣ здоровы.

Пятница. 8-го Апрѣля 1855 г.

Нынче проснувшись, получилъ ваше письмо, милый Отесинька, и письмо Константина. Вчера у Кирѣевскаго Ив. В. на вечерѣ видѣлъ я Тургенева, пріѣхавшаго вчера утромъ: онъ послѣ завтра ѣдетъ въ деревню и жалѣетъ, что не можетъ теперь попасть въ Абрамцево, но думаетъ нарочно пріѣхать лѣтомъ. Отъ книжки онъ въ восхищеніи (и благо-

дарить за полученіе): «кромѣ *знаменитаго* половодья и ловли съ острогой», говоритъ онъ, ему нравится очень еще описаніе слѣдовъ разныхъ звѣрьковъ на снѣгу.—Вотъ вамъ слово Ѳ. И. Тютчева о современномъ положеніи: онъ называетъ его *оттепелью*. Изъ Петербурга извѣстія самыя воинственныя, но подробности никому неизвѣстны. Вообще положеніе какое-то странное, всѣ въ недоумѣніи, никто не упроченъ, никто не знаетъ настоящаго пути, которымъ хочетъ идти правительство. Государь все живетъ какъ Наслѣдникъ, живетъ въ прежнихъ комнатахъ, носитъ Генералъ-адъютантскій мундиръ. Очень усиливается Ростовцевъ, котораго въ Петербургѣ называютъ Мазариномъ. Отличаетъ онъ также адъютанта своего Юрьевича. Толстой Графъ (Алексѣй) вступилъ въ стрѣлковый полкъ.—Приказъ вчера еще не былъ полученъ, но сомнѣнія нѣтъ, что утверждены всѣ офицеры, а я вчера вечеромъ у Кирѣевскаго былъ въ мундирѣ и привелъ всѣхъ въ зависть и восторгъ, разумѣется, не своей фигурой, а платьемъ. Нынче получится приказъ и завтра, дождавшись Константина, я отправлюсь въ Серпуховъ. Впрочемъ это будетъ зависѣть отъ Толстаго. Мнѣ сказали на его квартирѣ, что его ждутъ завтра, или въ воскресенье. Въ такомъ случаѣ я поѣду въ Серпуховъ съ нимъ. О Севастополѣ новыхъ свѣденій нѣтъ.—Я несогласенъ съ Константиномъ на счетъ вступленія въ ополченіе. Толкуютъ о мирѣ и по какому-то тайному инстинкту созываютъ ополченіе. Мира не будетъ и ополченіе будетъ играть немаловажную роль. Вступать въ ополченіе не значитъ согласиться на разыгрываемую комедію, а значитъ изъявить готовность участвовать въ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, чьей бы виной онѣ ни были навлечены. Въ такихъ случаяхъ не нужно *y regarder de si près*. Вступать съ одушевленіемъ легче, пріятнѣе, чѣмъ безъ одушевленія, по чувству нравственной обязанности.—Призывъ къ ополченію—значитъ возвѣщеніе опасности, угрожающей Россіи: вотъ главное и существенное; можетъ быть, тебѣ опасность не кажется еще столь близкою, можетъ быть, ты винишь въ этой опасности само правительство, можетъ быть, ты не сочувствуешь политикѣ правительства... Покуда ты такъ разсуждаешь, врагъ нагрянулъ на Россію и разорилъ ея пограничныя области. Нечего обращать вниманіе на

всѣ тѣ глупости и вздоры, которыми сопровождается, по милости людей, всякое серьезное дѣло. Ты только относись къ серьезному дѣлу серьезно и честно, и все получитъ иной характеръ. Говоримъ и убѣждены, что эпоха велика, не смотря на всю мелочность современнаго человѣчества, на всю глупость человѣческихъ дѣяній; эпоха велика, полна будущаго, являетъ борьбу міра древняго и новаго и проч. и проч., значитъ грозитъ опасностями и войною Россіи,—и никто не хочетъ понести тяготы этой эпохи, никто не хочетъ сказать себѣ: «межъ рабочихъ темныхъ и безвѣстныхъ, другъ! и ты рабочимъ добрымъ будь!» Можно еще не вступать въ военную службу,—это другое дѣло: кромѣ того, что тутъ требуется много знанія, котораго не нужно для ополченца; вступить въ военную службу значитъ записаться въ извѣстное сословіе, цехъ, занимающійся войною, какъ ремесломъ. Но когда призывъ относится не къ ремесленникамъ только, когда относятся къ вамъ въ вашъ кабинетъ и говорятъ, что Россіи грозитъ опасность, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: вы говорите, что грозитъ опасность? Я готовъ защищать Россію отъ опасности.—Что касается до меня, то, кромѣ другихъ побужденій, я вступаю по требованію совѣсти,—о чемъ я и не говорю никому, потому что совѣстно это говорить, да и не всѣ расположены этому вѣрить. Уже болѣе года мнѣ совѣстно читать газеты, толковать о значеніи эпохи, *желать* войны, и не участвовать въ жертвахъ, необходимыхъ при исполненіи этого желанія, не участвовать,—хоть страдательно, пассивно, въ качествѣ рабочаго темнаго и безвѣстнаго,—если не въ качествѣ дѣятеля. Разумѣется, очень естественно желать при этомъ участія болѣе согласнаго съ наклонностями, болѣе дѣятельнаго,—но если этого нѣтъ, такъ надобно понести тяготу со всѣми. Но кромѣ этого, я иду въ ополченіе и потому, что не имѣю другой дѣятельности, и потому что меня манитъ новость этого пути, что я люблю и перемѣну мѣстъ и жизнь тревожную, и хочется дохнуть опасностью. Я долженъ сознаться, что повеселѣлъ и помолодѣлъ, вступивъ въ ополченіе, хотя, впрочемъ, надѣвая вчера мундиръ, исполнился на ту минуту очень серьезнаго и строгаго чувства. Хомяковъ, который бранитъ и Елагина и Самарина, зачѣмъ они не вступили

въ ополченіе, сердится, между прочимъ, за то, что имъ не скучно, что не пошлою кажется имъ ежедневность, что они не чувствуютъ потребности: «хода дней не слышать надъ собой!» Я привожу все вамъ стихи мои потому, что они у меня въ памяти, ибо Хомяковъ недавно вспомнилъ ихъ и заставилъ меня ихъ нѣсколько разъ прочесть. Я же, на вопросъ—зачѣмъ вступилъ въ ополченіе, всегда говорю, что вступилъ въ послѣдній день царствованія, и что нечего инаго дѣлать. Конечно, если бы мнѣ представилась дѣятельность иная, равно живая, полезная и связанная съ современными событіями, я бы охотнѣе принялъ ее, чѣмъ ополченскую. Что Константинъ не вступилъ—это другое дѣло. Его дѣятельность и значеніе болѣе опредѣлены, онъ старше меня и необходимѣе для семьи: для него нужны весьма и весьма серьезныя и настоятельныя причины. Къ тому же у него нѣтъ этого бродяжническаго элемента, какъ у меня, элемента, который во мнѣ, право, не есть что-то преднамѣренное, сознанное и утвержденное. Но оглядываясь назадъ на жизнь свою, вижу, что такъ у меня постоянно жилось, такъ сама судьба все устроивала. Купилъ я себѣ воинскій уставъ. Я думаю, что, проведя въ Серпуховѣ недѣлю, мнѣ можно будетъ пріѣхать къ вамъ въ Абрамцево на нѣсколько дней и показаться въ мундирѣ. Не знаю, идетъ ли онъ ко мнѣ; но мнѣ въ немъ очень ловко.—Прощайте, будьте здоровы.

Суббота. 9-го Апрѣля 1855 г.

Наконецъ во вчерашнемъ *Инвалидѣ* напечатано—о назначеніи меня въ дружину 111-ю штабсъ-капитаномъ. 111-я дружина—Серпуховская. Товарищи мои: нѣкто—служащій въ московской городской Полиціи Забуговъ, Жеглинскій, Константиновичъ, Бенаревичъ, Капковъ,—остальныхъ не помню. Сейчасъ ѣду къ Толстому, а отъ него къ Ермолову. Письмо это я отправлю нынѣ со штрафомъ: можетъ быть, Константинъ захочетъ приписать, да можетъ быть, и я узнаю что нибудь достовѣрное о времени своего отъѣзда.—Константинъ пріѣдетъ кстати; статья его о глаголахъ вышла: я возьму ее нынче изъ Цензурнаго Комитета, потому что онъ можетъ опоздать, а завтра воскресенье, Комитетъ запертъ.—

Новаго нѣтъ ничего.—Константинъ не пріѣхалъ еще: значитъ, онъ не высылалъ впередъ лошадей. Былъ у Ермолова, который принялъ меня наилюбезнѣйшимъ образомъ. Къ сожалѣнію, тутъ было еще двое, но тѣмъ не менѣе разговоръ былъ очень интересенъ. Онъ совершенно свѣжъ и головой и тѣломъ, но сатирическія складки ума, образовавшіяся въ теченіе 30-тилѣтняго бездѣйствія, такъ сильны, что, кажется, ничто ихъ не разутюжитъ. О назначеніи его на высшее мѣсто—ни слова; онъ все говоритъ про ополченіе *мы* и высказываетъ къ нему порядочное презрѣніе. Провожая меня, онъ сказалъ мнѣ, что объ моемъ желаніи ему говорили и Казначеевъ и Годеинъ, но что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать, потому что при ополченіи нѣтъ никакого дѣла, что, можетъ быть, я удовлетворю свое желаніе, если какъ-нибудь перейду въ армію. Я благодарилъ его и сказалъ: «позвольте мнѣ тогда, въ случаѣ намѣренія перейти въ армію, прибѣгнуть къ вашему покровительству»... «Къ моему? сказалъ онъ; помилуйте, я могу только повредить; стоитъ мнѣ только попросить, чтобы мнѣ отказали и я считаю себя совершенно счастливымъ, если отказываютъ вѣжливо». Мнѣ же собственно наговорилъ онъ тысячи любезностей; сказалъ также, что я очень похожъ на брата Константина.—Ополченію сначала предстоитъ роль незавидная, но потомъ изъ него, кажется, будутъ пополнять убыль арміи.—Онъ говоритъ, что нѣтъ никакихъ надеждъ на миръ. Онъ очень свѣжъ и постоянно хозяинъ самого себя, но колкости и эпиграммы сыплются бѣглымъ огнемъ. — Подробности разговора передамъ Константину. Толстаго ждутъ съ минуты на минуту изъ Серпухова.—Видѣлъ Казначеева: онъ не много новаго разсказалъ про Петербургъ, но говоритъ, что всѣ увѣрены въ войнѣ. Государю недавно представляли рисунки боярскихъ костюмовъ; онъ сказалъ, что теперь покуда онъ это намѣреніе отложитъ, но изо всѣхъ словъ видно, что ему очень хочется ввести русское платье, и въ обществѣ петербургскомъ даже дамы толкуютъ о сарафанахъ. Выйдетъ страшное безобразіе, но нужды нѣтъ: чрезъ все это должно пройти. Каммергеровъ переименовываютъ въ стольниковъ, камеръюнкеровъ въ ключниковъ.—О Севастополѣ никакихъ извѣстій; впрочемъ вчера вечеромъ,

говорятъ, проѣхалъ Флигель-адъютантъ оттуда.—Однакожъ очень пора, прощайте.

Суббота. 16-го Апрѣля 1855 г. Серпуховъ.

Я не зналъ, на долго ли уѣзжаю въ Серпуховъ, и потому не просилъ васъ писать сюда, милый Отесинька и милая Маменька. Оказывается, что здѣсь дѣла много,, очень, очень много, и я останусь въ Серпуховѣ все время до самаго похода, т. е. выступленія дружины, что будетъ, говорятъ, 15-го Мая, или, по крайней мѣрѣ, до окончательнаго сформированія.—Впрочемъ на будущей недѣлѣ два праздника сряду (суббота и воскресенье). Если Толстой поѣдетъ въ Москву, то и я поѣду съ нимъ и въ субботу буду у васъ. На всякій случай однакоже, по полученіи этого письма, напишите хоть нѣсколько строкъ о своемъ здоровьѣ ко мнѣ въ Серпуховъ.—Я пріѣхалъ сюда въ понедѣльникъ и тотчасъ же вступилъ въ исправленіе своихъ новыхъ должностей: Казначея и Квартиръмейстера. Кромѣ того, что эта часть мнѣ совершенно неизвѣстна, ее должно создать, потому что ничего не устроено, не заведено, а между тѣмъ ратники поступаютъ въ значительномъ числѣ. На моихъ рукахъ хозяйство цѣлой дружины: снабженіе людей провіантомъ, лошадей фуражемъ, пріемъ и храненіе аммуниціи, вещей, размѣщеніе, счетоводство, веденіе безчисленнаго множества книгъ, табелей и вѣдомостей. И все это надобно дѣлать по закону, и все это надобно завести, а канцеляріи еще у насъ нѣтъ. Ратниковъ принято слишкомъ 600 человѣкъ, а офицеровъ, кромѣ меня, всего одинъ, нѣкто Капитанъ Жеглинскій, отличный фронтовикъ и, кажется, хорошій человѣкъ. Офицеры не являются, потому что не имѣютъ средствъ обмундироваться и подняться съ мѣста, а московское дворянство не дало никакихъ пособій. Графъ Толстой превосходный человѣкъ, но совершенно неопытный и по хозяйственной и по строевой части.—Я остановился сперва въ подворьѣ, но потомъ переѣхалъ къ нему на квартиру, потому что тамъ устроивается канцелярія, и мнѣ нужно тамъ быть безпрестанно, а она отъ подворья въ двухъ вер-

стахъ.—Наборъ ратниковъ происходитъ совершенно такъ же, какъ и наборъ рекрутъ: идутъ съ такой же неохотой, съ такими же усиліями избавиться отъ ратничества. Не смотря на то, что мнѣ приходилось даже ревизовать дѣла рекрутскихъ присутствій, самъ я никогда не видалъ рекрутскаго набора, т. е. не присутствовалъ при пріемѣ. Теперь я познакомился и съ этимъ явленіемъ, играющимъ такую огромную роль въ крестьянской судьбѣ!—Зрѣлище это довольно отвратительно—и въ первые дни утомляло меня нравственно до́ нельзя. Представьте себѣ тѣсныя, грязныя комнаты, набитыя голыми людьми, ждущими своего приговора, присутствіе, въ которое ежеминутно входятъ эти голые люди, большею частью нечистые и нерѣдко покрытые ранами; два автомата, т. е. солдаты, хватаютъ ихъ, ставятъ подъ мѣрку, выправляя имъ головы, разгибая спины, провозглашаютъ ростъ; поворачиваютъ ихъ спиной и бокомъ и передомъ; докторъ говоритъ: хорошъ,—предсѣдатель кричитъ: въ команду... Иногда же, если несчастный успѣваетъ объяснить какую-либо болѣзнь или несправедливость отдачи или тому подобное, дѣло останавливается, посылаютъ за справкой,—присутствующіе пользуются временемъ, чтобы перевести духъ, начинаютъ курить или завтракать или расхаживать по комнатѣ, — а тутъ же и голый человѣкъ, о которомъ пошла справка. Домъ же присутствія, да и самый дворъ осажденъ толпами: изъ нихъ многія для приданія себѣ смѣлости, совершенно пьяны и громко и будто весело поютъ пьяныя пѣсни; а женщины воютъ, воютъ, голосятъ и причитываютъ. Некогда мнѣ, а хотѣлось бы побольше прислушаться этого голошенія и причитанія. До сихъ поръ не знаю—поэтическая ли это импровизація или разъ навсегда сложенная пѣсня. Я видалъ женщинъ, поющихъ надъ умершими — хоромъ. Какъ бы то ни было—и вой и пьяное пѣнье, все это доносится до присутствія сквозь окна, которыя приходится безпрестанно растворять отъ нестерпимой духоты и вони. Прибавьте къ этому разныя сцены отчаянія, великодушія, плутовства: иногда входятъ матери съ обыкновенными просьбами: взять старшаго и оставить меньшаго (эти просьбы всегда исполняются безпрекословно), иногда малолѣтный сынъ предлагаетъ себя за отца, братъ за брата. А на улицѣ ви-

дишь нерѣдко женщинъ, лежащихъ гдѣ-нибудь въ углу на мостовой, лицомъ къ землѣ и горько плачущихъ. — Не хотятъ никакъ понять, что ратникъ не солдатъ и что онъ къ нимъ воротится.—Къ чести нашихъ присутствующихъ надобно сказать, что они дѣлаютъ дѣло честно и довольно человѣчески.—Когда дружина совсѣмъ сформируется, будетъ легче, а теперь идетъ безпрестанная присылка и пріемъ вещей.—Дѣла хлопотливаго такъ много, что не замѣчаешь даже весны: знаешь только, что вѣдь весна теперь. Серпуховъ большой и красивый городъ, окрестности, кажется, должны быть лѣтомъ очень хороши.—Аѳанасій здѣсь мнѣ очень пригоденъ: я ему поручаю большую часть закупокъ, и онъ все покупаетъ очень хорошо и дешево.—Какъ-то странно мнѣ, всѣмъ этимъ заниматься, какъ-то всему этому не вѣрится. Дѣйствительно—почти все смотритъ комедіей, а между тѣмъ люди отрываются отъ семей, учатся, терпятъ неволю, дружина набирается. Толстой твердитъ въ утѣшеніе и себѣ и мнѣ: погодите, «будетъ трагедія». Авось либо. — А каковъ Севастополь? — У васъ, вѣроятно, пропасть вѣстей; здѣсь ихъ очень мало.—Составъ здѣшняго чиновничества, сравнительно съ прочими уѣздными городами, довольно порядочный; а докторъ, П. Алекс. Кундасовъ, кажется, и хорошій и умный человѣкъ и пользуется въ околоткѣ большою извѣстностью.—Какъ ни скучны, ни противны мнѣ подъ часъ мои теперешнія занятія, все же я радуюсь тому, что несу свою долю тяготы въ эту эпоху, что я тоже будто работаю и хлопочу около колесницы... Конечно, эта работа совершенно ничтожна съ общей точки зрѣнія, но для меня собственно она не ничтожна, а невыносимо тяжела и скучна.— Константинъ, я думаю, уѣхалъ изъ Москвы недовольный, по обыкновенію, мною, и мнѣ это очень жаль; но признаюсь, тяжело, въ то время, когда нуждаешься въ ободреніи (не въ одобреніи), слышать только одно порицаніе и осужденіе предпринятому дѣлу, требующему большихъ усилій и лишеній. Спасибо еще Хомякову, который поддерживалъ мое рѣшеніе,—и я продолжаю жалѣть, что ни Елагинъ, ни Мамоновъ не вступили въ ополченіе.—Какова-то у васъ весна, за 150 верстъ отсюда? Пользуетесь ли вы ею и здоровы ли? Дай Богъ, чтобы вы были всѣ здоровы. Прощайте.

Суббота 21-го Мая 1855-го. Серпуховъ.

Я не успѣлъ вамъ написать въ середу, а здѣсь почта отходитъ только два раза въ недѣлю.—Какъ теперь холодно стало по ночамъ, да и днемъ постоянно слышна непріятная свѣжесть. Я думаю, морозомъ побило ваши огурцы.—Особенно новаго у насъ ничего не происходитъ: все тѣ же безконечныя хлопоты, таже суетливая работа, а дѣло подвигается впередъ медленно: тотъ же недостатокъ офицеровъ, изъ которыхъ девять еще не явились и не утверждены, тотъ же недостатокъ вещей и припасовъ, та же неизвѣстность— когда походъ и куда походъ. Чѣмъ все это кончится — не знаю; да и по газетамъ ничего не разберешь. Опять сдѣланъ десантъ непріятельскій безпрепятственно. Керчь взята и музеумъ, вѣроятно, будетъ расхищенъ, пополнитъ музеумы лондонскій и парижскій... Какъ бы, взявши Керчь, не перерѣзали они сообщеніе по Арбатской стрѣлкѣ, не взяли Симферополя и не заняли дорогу отъ Перекопа!... Авось либо этого не будетъ,—но войска, войска тамъ мало. Одно наше преимущество, что въ этой степной части Крыма можетъ дѣйствовать кавалерія, которой у насъ много, а у нихъ почти нѣтъ ничего. — А какая схватка подъ Севастополемъ въ ночь съ 10-го на 11-е Мая! Какъ обидно, что нѣтъ подробностей. — Получилъ я возможность имѣть здѣсь Journal des Debats и l'Independ. Belge,—отъ помѣщика Алекс. Мих. Васильчикова, котораго имѣніе отсюда недалеко и который познакомился съ Толстымъ; но читать почти некогда, развѣ только часу въ 11-мъ вечера. Въ середу былъ я съ Толстымъ на балѣ у фабриканта и купца К., страшнаго богача. Впрочемъ старикъ умеръ въ прошломъ году и теперь фабрикой завѣдываютъ дѣти, изъ которыхъ одинъ въ понедѣльникъ женился и въ середу давалъ балъ. Тутъ были, кромѣ купцовъ, сосѣдніе помѣщики и помѣщицы, чиновники и чиновницы, какая-то княгиня Шаликова, урожденная Остерлоне, какая-то княжна Вадбольская и проч. — К. въ ихъ глазахъ почти что благородный, потому что жилъ полтора года въ Англіи, говоритъ по англійски и по нѣмецки, а также и его братья, — лошадь англозированная. Меня же удивило при

том знаніи языковъ совершенное невѣжество К. Какъ странно сочетаніе притязаній на европейскую цивилизацію съ тщеславіемъ русскаго купеческаго быта! Изъ церкви до самаго дома молодые шли по пунцовому сукну, въ вѣнцахъ; музыка выписана была изъ Москвы, г. Сакса; во время бала горѣла иллюминація: до десяти арокъ и тысячи разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей, надъ которыми красовалась на выяснѣвшей, прозябнувшей синевѣ неба полная луна! Къ сожалѣнію, все богатство К. не вѣ силахъ было ее завѣсить, а она много мѣшала! Брилліанты, брилліанты и брилліанты такъ и блистали. Всѣ эти купеческія празднества производятъ на меня всегда пренепріятное впечатлѣніе, какъ грубымъ тщеславіемъ, которое прыщетъ изо всѣхъ угловъ, такъ отсутствіемъ изящества и свободы: въ то же время жалко смотрѣть, какъ они силятся, чтобы все было comme il faut въ дворянскомъ смыслѣ, стыдятся промаховъ и скорѣе мучатся, чѣмъ веселятся. Толстой пустился танцовать кадрили и оставался тамъ до 5-го часу утра, а я, пользуясь страшной тѣснотой, потому что приглашенныхъ было вдвое болѣе, чѣмъ могло помѣститься въ домѣ, ушелъ потихоньку еще въ 11-ть часовъ. Толстой отправился въ Москву, а я остался здѣсь, но долженъ буду явиться въ Москву во вторникъ утромъ для пріема 17 лошадей, для чего отправлю заранѣе людей съ подводами. Разумѣется, главный пріемщикъ будетъ Аѳанасій. Теперь стали всѣ вдругъ сдавать вещи, такъ что не опомнишься: полушубки, платье, сапоги, ружья, телѣги, зарядные ящики... Вещи, построенныя московскимъ Губ. Комитетомъ ополченія — отвратительнѣйшія: воровство самое наглое, украдено денегъ, конечно, больше, чѣмъ на половину. Работы очень много и все больше и больше, потому что приходится работать почти за всѣхъ или по недостатку или по неспособности офицеровъ. О назначеніи нашемъ—ни слуховъ, ни свѣдѣній. Въ Москвѣ я пробуду, вѣроятно, день не больше, и едва ли мнѣ можно будетъ на этой же недѣлѣ съѣздить къ вамъ. А хотѣлось бы отдохнуть нѣсколько дней совершенно спокойныхъ, безпечныхъ и свободныхъ отъ этой суетливой работы. Прощайте. Постараюсь успѣть написать вамъ изъ Москвы.

Къ А. И. Кошелеву.

Воскресенье. 23-го Мая 1855 г. Серпуховъ.

Вотъ видите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ—воскресенье, а я въ Серпуховѣ. А не уѣзжайте вы изъ Москвы, былъ бы я въ Москвѣ! Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что вы такъ скоро сберетесь, и совсѣмъ былъ готовъ ѣхать въ Москву, какъ вдругъ получаю ваше письмо. Я отмѣнилъ поѣздку въ Москву, тѣмъ болѣе, что дѣла здѣсь пропасть. Очень мнѣ грустно, что теперь вашъ домъ въ Москвѣ пустъ; я буду себя чувствовать въ Москвѣ совершенно одинокимъ и безпріютнымъ: вездѣ буду въ *гостяхъ*, а въ вашемъ домѣ мнѣ было тепло и привольно: мнѣ же этого очень нужно. Ну да что дѣлать!—Теперь вы у *себя*, въ Песочнѣ, въ деревнѣ, въ привольѣ, въ просторѣ... Хорошо вамъ,—а я—я буквально съ утра до ночи занятъ—и чѣмъ? Самою мелочною, скучною работою, лишенною всякой живой мысли, дѣятельностью, утомляющею духъ, а не освѣжающею. Кромѣ фронта, за отсутствіемъ или за невѣжествомъ офицеровъ, все лежитъ на моихъ плечахъ. Теперь же, по нашему обыкновенію, все сводитъ къ послѣдней минутѣ, вдругъ, за разъ стали сдавать всѣ назначенныя вещи: нынче я принималъ порохъ, пули, патроны, ружья, ящики и проч. и проч. На вторникъ требуютъ меня въ Москву принимать 17 лошадей. Поѣду, но жаль, что этотъ вторникъ не прежній вторникъ, когда собирались у васъ. Признаюсь вамъ, мнѣ иногда дѣлается и жаль себя и совѣстно передъ собой, точно будто я неправъ, грѣшу, оставляя въ бездѣйственномъ снѣ лучшія способности мои, не разработывая талантовъ, данныхъ Богомъ, какъ бы они малы ни были. Вы говорите: напишите программу для журнала... Да знаете ли, что мнѣ некогда и думать о журналѣ. Въ попыхахъ съ 6-ти часовъ утра до 10-го часу вечера, я такъ утомляюсь, что дѣлаюсь неспособенъ ни къ мысли стройной, ни къ думѣ серьезной. Мой отдыхъ тогда—или просто наслажденіе природой—отдаюсь ея впечатлѣніямъ вполнѣ, прислушиваюсь къ ея гимну, теряюсь въ звукахъ міровой гармоніи (законно это чувство и потребность такого ощущенія послѣ утомительнаго тру-

да!), — или дружеская, безоглядочная, небрежная бесѣда въ письмѣ, не о дѣлѣ, а такъ—нѣсколько поэтическая. Однакожъ это продолжаться долго не можетъ—и передо мной лежитъ много книгъ, которыя хочется мнѣ прочесть, много серьезныхъ, строгихъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія. Что это за странная моя жизнь, Александръ Ивановичъ! Вѣчно я будто въ хомутѣ и тяну лямку и добровольно вѣдь надѣваю хомутъ, вѣчно иду на перекоръ своимъ способностямъ, насилую свои влеченія и потомъ жалуюсь, невольно раздражаюсь, тоскую! Есть какая-то потребность подвига—не подвига, а труда невольнаго, какъ будто трудъ вольный, по душѣ, не есть трудъ. Какъ бы то ни было, я все-таки въ жизненной дѣятельности еще не попалъ на свою колею. Взялся за гужъ, не говори, что недюжъ — и потому жаловаться нечего, но все же долженъ сказать, что мнѣ теперь очень тяжела эта служба и очень скучна, тѣмъ болѣе, что я совершенно здѣсь одинокъ нравственно. Поэтому пишите и пишите почаще. Впрочемъ, я думаю, вы теперь вознаграждаете себя за долгое отсутствіе и летаете день цѣлый по сороковерстному пространству вашей поземельной собственности. А кстати: напишите, какъ поступили вы относительно ратницъ, дома ли онѣ или съ мужьями, если дома—несутъ ли какой бабій оброкъ или нѣтъ, отнята ли у нихъ земля, кто ихъ кормитъ и проч. и проч. Здѣсь намъ безпрестанно подаютъ жалобы ратники на то, что помѣщики обижаютъ ихъ семейства и женъ ихъ, и я хочу написать бумагу Капнисту о необходимости обезпеченія семействъ ратниковъ. Послѣдніе рѣшительно не вѣрятъ, что остаются крѣпостными и находятъ, что это было бы въ высшей степени несправедливо. Что прикажете съ ними дѣлать!..

Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій съ театра войны. Взятіе Керчи—скверная вещь, особенно если у нихъ есть плоскодонныя суда, которыя можно будетъ имъ провести въ Азовское море. Отъ Керчи до Евпаторіи и Перекопа—степи и будутъ, вѣроятно, жаркія кавалерійскія дѣла. Къ счастію у нихъ кавалеріи мало, а у насъ довольно. Вѣрно подвинутъ кавалерійскіе резервы, стоящіе подъ Николаевымъ.—У насъ, т. е. въ нашей дружинѣ, 7 офицеровъ не утверждены, и предводителю велѣно написать письма ко всѣмъ уѣзднымъ

неслужащимъ дворянамъ съ приглашеніемъ вступить на службу; въ случаѣ же отказа самому выбрать изъ нихъ наигоднѣйшихъ, вытребовать отъ нихъ документы и представить ихъ къ утвержденію въ офицеры, безъ ихъ согласія! Каково! Вотъ вамъ до чего умѣло довести правительство! А было бы легко даже и теперь, возбудить энтузіазмъ живою, искреннею, честною рѣчью, прямымъ указаніемъ цѣли и смысла войны.—Когда мы выступаемъ и куда выступаемъ—до сихъ поръ неизвѣстно. Дружина еще необучена: только вчера прислали ружья,—изъ 18-ти офицеровъ нѣтъ девяти! Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Будьте здоровы и отдохните въ своемъ привольномъ просторѣ душею и тѣломъ.

Къ родителямъ.

Воскресенье. 29-го Мая 1855 г. Серпуховъ.

Вы очень хорошо сдѣлали, что написали ко мнѣ, милый Отесинька, потому что я долженъ оставаться въ Серпуховѣ и право не знаю, когда вырвусь отсюда. Понимаю теперь, что значитъ снаряженіе войска. Можетъ быть, вскорѣ узнаемъ, что значитъ передвиженіе войска—и тогда воздержимся отъ многихъ легкомысленныхъ, невѣжественныхъ обвиненій. Эта недѣля пробѣжала такъ, что я ее и не замѣтилъ.—Въ воскресенье, когда отправилъ я отсюда къ вамъ письмо, привезли порохъ, т. е. боевые патроны и разныя другія вещи, которыя надо было принимать, считать, размѣщать. Все это продолжалось до 11-го часа вечера. Въ понедѣльникъ, когда Толстой возвратился изъ Москвы, отправился я въ Москву для пріема лошадей,—и хотя остановиться я долженъ былъ на квартирѣ Толстаго, куда отправилъ предварительно людей и телѣги, однакожъ забѣжалъ часу въ 12-мъ ночи къ Трушковскому: онъ только что возвратился отъ васъ и поэтому я имѣлъ самыя свѣжія извѣстія. А на другой день видѣлъ я Авдотью Петровну, которая также разсказала мнѣ о своемъ посѣщеніи; она имъ очень довольна; ей особенно было пріятно то, что Отесинька ей очень обрадовался. —

Трушковскій разсказывалъ мнѣ про свои петербургскія похожденія.

— Не знаю — отправилъ ли онъ письмо Константина, т. е. нашелъ ли оказію. — На другой день — утромъ поѣхалъ я въ Рогожскую, къ купцу Ширяеву, отъ котораго долженъ былъ принимать лошадей. Аѳанасій тутъ отличался, цѣнилъ, судилъ, браковалъ съ такимъ жаромъ, какъ будто дѣло шло о спасеніи жизни. Въ два часа, послѣ обѣдни, пріемъ окончился и мы выбрали дѣйствительно превосходныхъ лошадей: такъ по крайней мѣрѣ говорятъ всѣ, безъ исключенія.—Обѣдалъ я у Елагиныхъ, послѣ обѣда былъ у Хомякова и Самарина, а въ 10-мъ часу отправился назадъ въ Серпуховъ. Теперь заварилась страшная каша, очень замедляющая и затрудняющая наши дѣйствія по пріему вещей. Дружинные начальники всѣ подняли громкій вой, по причинѣ сквернаго качества вещей, доставляемыхъ губернаторомъ (онъ предсѣдатель Губернскаго Комитета, строившаго всѣ вещи); за нихъ, т. е. за дружинныхъ начальниковъ вступился начальникъ ополченія, пошли непріятности, ссоры, обѣ стороны раздражились и, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, обѣ дошли до несправедливостей. Мы получили предписаніе — быть въ пріемѣ вещей отъ губернатора какъ можно осмотрительнѣе, подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности въ случаѣ недоброкачественности вещей (мѣра доброкачественности которыхъ однакожъ ничѣмъ не опредѣлена: иная вещь въ 5 р., иная въ 50 р.); губернаторъ, для котораго это дѣло можетъ имѣть непріятныя послѣдствія и подвергнуть взысканію нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, настаиваетъ на пріемѣ и присылаетъ особыхъ чиновниковъ для сдачи; съ обѣихъ сторонъ придирчивость, мелочность. Всю эту недѣлю производился пріемъ вещей и уже не мною только, а Толстымъ и всѣми старшими офицерами. Вчера цѣлый день съ утра до поздняго вечера, напримѣръ, былъ посвященъ сапогамъ и топорамъ. Скука смертная! — Признаюсь — я былъ всегда строгъ въ пріемѣ, хотя многое также принималъ на рискъ, но въ настоящемъ случаѣ мнѣ несовсѣмъ пріятно служить орудіемъ раздраженію; чувствуется, что дѣло идетъ ужъ не только о годности вещей. — На этой недѣлѣ обѣдалъ у насъ одинъ

молодой офицеръ, лѣтъ 22, Рачинскій; онъ только полтора мѣсяца какъ оставилъ Севастополь, гдѣ прожилъ шесть мѣсяцевъ и былъ адъютантомъ у Истомина до самой его смерти. Теперь, по желанію родителей, перевели его поближе къ Москвѣ и прикомандировали его къ формирующемуся здѣсь въ Серпуховѣ стрѣлковому (армейскому) батальону. Онъ мнѣ очень понравился, малый онъ не глупый и разсказы его чрезвычайно интересны. Мнѣнія его потому болѣе для меня важны, что носятъ печать не личныхъ убѣжденій, а общихъ установившихся взглядовъ. Достойна замѣчанія искренняя всеобщая ненависть флота и войска къ Меньшикову, который, между прочимъ, не былъ ни разу ни на одномъ бастіонѣ и безпечность котораго выше всякаго описанія. Со вступленіемъ Горчакова въ управленіе — солдаты перестали голодать. — Изо всего видно впрочемъ, что осада такъ продолжительна и люди съ опасностями до такой степени свыклись, что опасность и пребываніе между страхомъ и надеждою потеряли и свою прелесть и свое нравственное, нерѣдко спасительное и очистительное значеніе. Войска въ Севастополѣ также слишкомъ много, чтобы могло образоваться то чувство братства, которое порождаетъ общее дѣло, общая опасность. — По его словамъ, женщины, т. е. всѣ эти сестры, оказываютъ дѣйствительно много пользы и утѣшенія; но онѣ теперь ухаживаютъ почти за одними солдатами, потому что не тяжело раненые офицеры позволяли себѣ разныя оскорбительныя для нихъ вольности, — чего солдаты, отчасти изъ уваженія къ ихъ дѣлу, отчасти изъ почтенія къ высшему ихъ сословію (онѣ дворянки или наравнѣ съ ними) — себѣ не позволяютъ. Я вполнѣ готовъ допустить въ солдатѣ силу перваго чувства, т. е. уваженія къ дѣлу. Вотъ и Іюнь. Соловьевъ я не слыхалъ въ нынѣшнюю весну. Погода стоитъ прекрасная, хотя и вѣтряная.—Можетъ быть, въ концѣ будущей недѣли я попаду къ вамъ, если окончится пріемъ вещей. Двое новыхъ офицеровъ прибыло, но отъ нихъ не легче. Говорятъ объ успѣшномъ отраженіи непріятеля, о возвращеніи Керчи, но только говорятъ.—Томительное состояніе неизвѣстности продолжается.—Прощайте, будьте здоровы и дай вамъ Богъ хорошо пожить лѣто, лѣто—одно изъ лучшихъ благъ, посылаемыхъ Богомъ!

Воскресенье. 1855 г. 5-го Іюня. Серпуховъ.

Опять пишу вамъ только нѣсколько строкъ, чтобы не пропустить почты, и чтобы объяснить вамъ, почему до сихъ поръ не могу вырваться изъ душной здѣшней моей атмосферы. Нынче съ 5-ти часовъ утра до сихъ поръ, т. е. до часу - мы все на ногахъ, то на плацу, то въ цейхгаузѣ. Послѣ завтра, по приказанію Государя, генералъ-адъютантъ Ланскій дѣлаетъ смотръ всей дружинѣ и всѣмъ вещамъ. Графъ Толстой очень озабоченъ, а меня беретъ зло—при видѣ этихъ приготовленій и подготовленій къ встрѣчѣ Начальника. Гдѣ я ни служилъ, я никогда не готовился ни къ ревизіи, ни къ пріему ревизора.—Говорятъ, мы идемъ въ Кіевъ. —Въ середу, сбывъ Ланскаго, я напишу подробно и обстоятельно все, а теперь покуда прощайте, будьте здоровы.—Какая духота, какъ жарко, какое лѣто! — А какъ скверно идутъ наши военныя дѣла!

Серпуховъ. 1855 г. Середа. 22-го Іюня.

Пишу къ вамъ только для того, чтобы сказать, что я живъ и здоровъ, и чтобы вы не безпокоились. Писать же рѣшительно некогда: послѣ завтра будетъ Строгановъ. Насъ торопятъ всѣми мѣрами. Не знаю, точно ли такъ будетъ, но по бумагамъ походъ назначенъ 5-го Іюля: куда—еще не объявлено, но вѣроятно въ Кіевъ покуда. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь увидѣться съ вами до отъѣзда. Строгановъ повелъ дѣло очень шибко и круто, требовалъ къ себѣ всѣхъ назначенныхъ дворянствомъ чиновниковъ и т. п., наймитовъ, вытребовалъ къ себѣ списокъ дворянъ, присутствовавшихъ на Московскихъ выборахъ и неслужащихъ: говорятъ, онъ хочетъ объ нихъ представить Государю. Всѣ ополченія готовы, кромѣ московскаго: вездѣ народъ честный и порядочный, кромѣ московскаго. Прощайте до слѣдующей почты, дай вамъ Богъ здоровья и хорошей погоды.

Суббота. 3-го Іюля 1855 г. Серпуховъ.

Все собирался къ вамъ, милый Отесинька и милая Маменька,—и съ этими сборами, да хлопотами—не успѣлъ написать къ вамъ. Впрочемъ, я все еще надѣюсь быть у

васъ и проститься съ вами передъ походомъ. На дняхъ получили мы предписаніе—быть готовыми выступить 10-го Іюля: мѣсто стоянки Козелецъ, Черниговской губерніи. Но все же, я думаю, мы не выступимъ въ походъ 10-го числа, какъ потому, что не успѣемъ еще приготовиться, такъ и потому, что нѣтъ еще ротныхъ командировъ,—да и знамя намъ еще не дано. Что же касается до Козельца,—то это мѣсто мнѣ очень хорошо извѣстно: оно 90 верстъ отъ Кіева, на большой дорогѣ, по ту сторону Десны,—настоящая Малороссія. Но Козелецъ—только стратегическій пунктъ, на который обыкновенно направляютъ войска; очень можетъ быть, что дорогою или дойдя до Козельца, мы получимъ другое направленіе, а, можетъ быть, придется расположиться въ Козельцѣ на зимнихъ квартирахъ. До Козельца мы пройдемъ, я думаю, болѣе мѣсяца.—Не помню—писалъ ли я вамъ про смотръ Графа Строганова. Кажется, нѣтъ. Пріхавши послѣ обѣда и назначивъ смотръ на другое утро, онъ потребовалъ меня къ себѣ вечеромъ, предварительно поздравивъ Толстаго съ тѣмъ, что я рѣшился занимать такія должности и, вопреки моимъ ожиданіямъ и слухамъ о немъ, обращался со мной со всевозможной для него любезностью и учтивостью. Я пробылъ у него болѣе часа,—мы говорили только о хозяйствѣ дружины (чѣмъ онъ занимается въ особенности), но постоянно невольно задѣвали вопросы общіе, такъ, намеками, зная, что оба понимаемъ ихъ,—но не распространялись. Строгановъ нашелъ обозъ и вообще мою часть въ отличномъ видѣ, разумѣется явно предубѣжденный въ мою пользу *). Въ сужденіяхъ объ ополченіи вообще онъ высказывалъ много такъ называемой гуманности и сверхъ того удивленіе и восхищеніе русскимъ народомъ, по поводу ополченія. Собственно ратниками онъ восхищается и въ нижегородскомъ и въ московскомъ ополченіи, но не офицерами и требуетъ, чтобы съ ними обращались по человѣчески, не по солдатски. Признаюсь, я очень радъ, что онъ такихъ мыслей и что разные способы моихъ дѣйствій могутъ быть имъ поняты и найти въ немъ участіе и сочувствіе. По поводу похода дѣло

*) Мнѣ очень пріятно было извѣстіе о Строгановѣ. Это доказываетъ, что, несмотря на его къ намъ нерасположеніе или даже враждебность, онъ не можетъ не признавать въ насъ честныхъ людей.

у меня удесятерилось, и я полонъ заботы о томъ, чтобы не запутаться въ счетахъ. Нужны будутъ еще многія закупки въ Москвѣ, и поэтому-то я надѣюсь въ нее съѣздить. Очень, очень много работы, которой и конца не видать, и которая не прекращается ни на часъ въ теченіе дня! Какъ быть походомъ мы еще не условились съ графомъ Толстымъ: онъ теперь въ Москвѣ и завтра воротится. Если мнѣ не надо будетъ ѣхать впередъ, то, вѣроятно, я поѣду вмѣстѣ съ нимъ. Рѣшительно некогда было заняться собою, но, кажется, для похода мнѣ ничего особеннаго не нужно. — Благодарю васъ, милый Отесинька, что вы хоть немногими строчками извѣстили о себѣ. Онѣ не очень утѣшительны: Олинька хвораетъ, да и у васъ голова болитъ. Авось, Богъ милостивъ, все опять теперь уже поправилось и направилось на прежній ладъ. Но погода измѣнилась: воздухъ очень холоденъ, были даже два-три мороза. Неужели весь Іюль будетъ таковъ? Вотъ жаловались на жары! А мнѣ ихъ очень жаль, я еще и не успѣлъ ими насладиться. Завтра, можетъ быть, получу еще письмецо отъ васъ, и узнаю какъ о здоровьѣ, такъ и о результатѣ поѣздокъ Константина въ Москву. По моему мнѣнію, содѣйствіе Назимова не принесетъ большой пользы, но противодѣйствіе его могло бы сильно повредить *). Очень бы желалъ, чтобы позволеніе печатать вышло, и чтобы вы по этому случаю пріѣхали на зиму въ Москву. — Улучивъ досужій часъ (тотчасъ послѣ смотра Строганова), когда всѣ или отдыхали или разъѣхались, отправился я къ Марьѣ Ѳед. Соллогубъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ ни ея, ни Софьи Юрьевны: онѣ уѣхали въ Москву, встревоженныя болѣзнью брата, Петра Ѳедоровича въ Нижнемъ, гдѣ онъ стоитъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ; и можетъ быть, даже отправятся туда. Курское ополченіе уже пришло теперь въ Херсонскую губернію. По тому, что печатается въ газетахъ и по разсказамъ,—ополченіе въ другихъ губерніяхъ носитъ совсѣмъ другой характеръ, нежели въ Московской: ратники одни и тѣ же, но сочувствіе къ ихъ положенію, участіе къ нимъ и вообще отношенія общества совсѣмъ не тѣ. Трехъ вновь назначенныхъ офицеровъ Строгановъ убѣдилъ подать въ от-

*) Сергѣя Тимофеевича убѣждали испытать Московскую цензуру черезъ Назимова, разумѣется, частнымъ образомъ.

ставку. Что это за офицеры! Рѣшительно и буквально вѣрно — отъ Иверской. Просто грѣхъ было назначать такихъ людей и поручать имъ крестьянъ! И вообще—я, не требуя вовсе энтузіазма, не понимаю этого равнодушія къ ополченію, призвавшему 200 тысячъ бородъ къ оружію. Хоть бы полюбопытствовали взглянуть на видъ этихъ людей, въ русскомъ зипунѣ, съ топорами, на людей, которые все же идутъ на опасности, изъ которыхъ, можетъ быть, и половины не вернется. Право—никакими хитрыми толкованіями не извинить этого равнодушія и препебреженія. Сейчасъ получилъ ваше письмецо отъ 30-го Іюня. Слава Богу, что лихорадка Олинькина прошла. У васъ гости и гости.—Велѣно сдѣлать два примѣрныхъ похода верстъ въ 12 и въ 20! Точно будто не выучатся ходить на разстояніи 800 верстъ! А между тѣмъ эти репетиціи отнимаютъ много времени! Прощайте *покуда*, будьте здоровы.—Пришлите, сдѣлайте милость, мою почтовую карту Россіи на мое имя по почтѣ.

Къ А. И. Кошелеву.

По случаю, вѣроятно, отзыва о поданномъ Государю мнѣніи о средствахъ къ продолженію войны.

Вторникъ. 5-го Іюля 1855 г. Серпуховъ.

Я получилъ письмо, любезный Александръ Ивановичъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, куда я отправлялся на нѣсколько часовъ за покупками. Въ Москвѣ, между прочимъ, прочелъ я вашу статью. Статья, по моему мнѣнію, очень хороша, сжата, излагаетъ дѣло просто, коротко, ясно и доступно для пониманія извѣстныхъ особъ, у которыхъ складъ головы совсѣмъ иного рода. Съ ними надобно говорить совершенно особеннымъ языкомъ. Мнѣ кажется, а можетъ, я и ошибаюсь, ваша статья болѣе способна принести пользы, чѣмъ изложеніе отвлеченныхъ началъ, которыя, состоя въ совершенномъ разрывѣ съ текущею жизнью и съ безотлагательными надобностями каждаго современнаго дня,—остаются внѣ всякаго практическаго примѣненія. Люди, обязанные удовлетворять всѣмъ настоятельнымъ требованіямъ шибко бѣгущей жизни, стоятъ смущенные передъ этими отвлеченными началами, не видя никакого пути, къ нимъ ве-

дущаго и кончаютъ большею частью рѣшеніемъ, что начала сами по себѣ, а дѣло само по себѣ или — что начала хороши, да неудобопримѣнимы и проч. Кромѣ того людямъ, имѣющимъ постоянно дѣло съ внѣшнею стороною жизни, дѣятелямъ практическимъ, или вѣрнѣе сказать, жертвамъ внѣшней мелочной практической дѣятельности, — надо все разжевывать и дать непремѣнно какую-нибудь внѣшнюю опору, фактъ, мѣру, которую можно было бы немедленно привести въ дѣйствіе и т. п. Все, что пахнетъ отвлеченностью, имъ подозрительно; отвлеченными логическими доводами ихъ не убѣдишь. Вотъ почему я и предлагалъ и вамъ и другимъ нашимъ знакомымъ писать цѣлый систематическій рядъ записокъ о подробностяхъ современнаго положенія, записокъ, въ которыхъ съ извѣстной точки зрѣнія пальцемъ указывалась бы видимая для глазъ рана и предлагалось тотчасъ лекарство, не быстрое, но для нихъ возможное. Разумѣется, всѣ эти лекарства, соотвѣтствуя одно другому, должны вести къ одной и той же цѣли. — Во всю мочь несется колесница: прошу покорно на ходу перемѣнять колеса ея, не останавливая! Какъ трудно измѣнить однажды заведенный и установившійся порядокъ! Не знаю отъ того ли, что при близкомъ разсматриваніи человѣкъ подавляется размѣромъ всякой части зданія, даже такой, которая въ отдаленіи является мелкою и едва замѣтною, — или оно дѣйствительно такъ, только отчаяніе охватываетъ душу, когда вновь, какъ я теперь, столкнешься съ нашимъ административнымъ порядкомъ. Вступая въ ополченіе, я думалъ, что въ состояніи буду придать нѣсколько другой колоритъ дѣлу, сообщить иной характеръ, завесть другой тонъ и хоть нѣсколько другой порядокъ. Возьмемъ напр. хоть обращеніе съ людьми. Я убѣжденъ до сихъ поръ, что можно было бы обойтись безъ солдатскихъ мѣръ строгости съ ратниками, что можно было бы избѣжать съ ними пошлыхъ пріемовъ казеннаго воспитанія массъ и вести ихъ иначе... Но народъ такъ испорченъ, привыкъ къ такому ложному направленію, что требуетъ совершеннаго перевоспитанія; для достиженія цѣли необходимо страшное терпѣніе и готовность выдержать всякія неудачи и убытки. — Люди, привыкшіе видѣть, что всѣ затрудненія и вопросы разсѣкаются, какъ Гордіевъ узелъ,

безусловною властью, отучаются мыслить и на всѣ вопросы ваши — не придумаютъ другихъ мѣръ, кромѣ насильственныхъ. Люди, привыкшіе къ тому, чтобы ихъ били, ждутъ для побужденія своего палки. Оно и можно было бы отъучить ихъ отъ палки, но извольте вооружиться терпѣніемъ и будьте готовы пройти сквозь страшный безпорядокъ. А тутъ недосугъ; войско должно быть обучено къ извѣстному сроку, люди не будутъ знать фронта, не будетъ дисциплины въ войскѣ... Какъ быть! — Сначала все шло у насъ прекрасно, и кромѣ Толстаго и меня никто не распоряжался въ дружинѣ. Но она слаба по строевой части, — и вотъ теперь явился къ намъ нѣкій подполковникъ, постоянно проникнутый убѣжденіемъ въ необходимости «дать встрепку» людямъ... Онъ и правъ, потому что людей — не нынче, такъ завтра поведутъ въ бой, — и такъ какъ некогда теперь дѣлать пробы инаго воспитанія, то лучше имъ быть солдатами, чѣмъ недовоспитанными дѣтьми. Теперь имъ «даютъ встрепку,» даютъ выправку, солдатизмомъ пропитается дружинное управленіе... Да и народъ самый гораздо легче принимаетъ уже готовое, извѣстное ему направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, оторванный отъ сохи, онъ уже не признаетъ себя мужикомъ и въ этомъ странномъ положеніи по неволѣ хватается за знакомую ему формулу для опредѣленія своего положенія. — Безъ наставленій, они сами, Богъ знаетъ откуда, выучиваются всѣмъ солдатскимъ пошлостямъ. —Прибавьте къ этому дѣтство, сопровождающее человѣка во всякомъ возрастѣ: погоны, галунъ, значеніе — все это тѣшитъ, тѣшитъ моихъ ратниковъ и увлекаетъ ихъ на казенную дорогу! Что дѣлать! Ополченіе, безъ сомнѣнія, будетъ превосходнымъ, *отличнымъ* войскомъ, но едва ли внесетъ что-либо новаго въ жизнь народную. А впрочемъ, Богъ вѣсть. Намъ велѣно быть готовыми выступить 10-го Іюля. Цѣлью похода указанъ пока Козелецъ, Черниговской губ. Но, разумѣется, мы 10-го не выступимъ. Нынче 6-е, а у насъ нѣтъ маршрута, и квартирмейстеръ (т. е. я) не можетъ поэтому сдѣлать никакихъ распоряженій; да и офицеровъ еще нѣтъ цѣлыхъ осьми. Графъ Строгановъ — такъ и коситъ: семь человѣкъ изъ одной нашей дружины выгналъ вонъ; откуда наберетъ онъ новыхъ — не знаю. Строгановъ занимается очень

усердно и подарилъ по 300 р. сер. въ каждую дружину для перевозки на телѣгахъ полушубковъ, которые велѣно изъ Петербурга нести на себѣ. — Но какая разница между Московскимъ и Рязанскимъ ополченіемъ, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ описывала послѣднее Ольга Ѳедоровна! — Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, крѣпко васъ обнимаю. До вступленія въ походъ напишу вамъ еще разъ. Если у васъ Хомяковъ и Самаринъ, обнимите ихъ за меня. — Будьте здоровы.

Къ родителямъ.

1855 г. Іюля 10-го. Серпуховъ.

Завтра 11-е, день вашихъ имянинъ, милая Маменька. Поздравляю васъ и милаго Отесиньку, поздравляю Константина и всѣхъ сестеръ. Я не поздравлялъ васъ заранѣе, потому что предполагалъ самъ уѣхать и быть 11-го въ Абрамцевѣ, но не удалось, да, кажется, что очень досадно и больно, и совсѣмъ не удастся. Толстой два раза на недѣлѣ ѣздилъ въ Москву и отлучиться не было возможности! Нынче получили мы маршрутъ: все Московское ополченіе идетъ въ Кіевъ, съ тѣмъ, чтобы, войдя въ составъ Средней арміи, состоящей подъ начальствомъ Панютина, расположиться за Кіевомъ и въ Подольской губерніи. Наша дружина выступаетъ первая, 18-го Іюля; въ Маломъ Ярославцѣ соединится она съ Верейской дружиной; 13-го Сентября будемъ мы въ Кіевѣ, а къ 20-му соберется туда и все ополченіе: походъ продолжится 58 дней. Впрочемъ, посылаю вамъ маршрутъ, на которомъ отмѣчаю крестикомъ мѣста, куда вы можете адресовать письма, разумѣется, съ надписью: оставить до востребованія. Всѣ приготовленія къ походу касаются собственно одной хозяйственной части и потому всѣ они лежатъ преимущественно на мнѣ. Надобно заранѣе снестись со всѣми мѣстными властями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы будемъ проходить, выслать впередъ квартирьеровъ, хлѣбопековъ, заготовить по пути продовольствіе, заготовить здѣсь 10-ти дневный запасъ сухарей, привести въ порядокъ всѣ денежныя книги, и тысячи, тысячи разныхъ мелкихъ заботъ. Все это для меня ново; послѣ половины похода будетъ это все

совершенно знакомо и не представитъ затрудненій, но теперь еще пугаетъ многосложностью и хлопотливостью занятій; все не знаешь, какъ еще сладишь, а тутъ вѣдь дѣло не шуточное. 1200 человѣкъ, которымъ должно доставить всѣ удобства размѣщенія и продовольствія. Отъ несвоевременныхъ или плохихъ распоряженій можетъ быть остановка на пути или недостатокъ пищи.... Къ тому же съ выступленіемъ въ походъ мы переходимъ изъ одного вѣдомства, гражданскаго, въ другое, т. е. военное, съ однимъ раздѣлываемся и разсчитываемся, посылаемъ отчеты, съ другимъ заводимъ новые счеты. Все это очень сбивчиво.—Прибавьте къ этому: во-1-хъ, текущія дѣла, которыя не останавливаются, во-2-хъ, свойства моего характера, съ которыми я никогда не могъ и не могу служить въ половину: очень неудобныя свойства и искренно говорю—радъ былъ-бы ихъ не имѣть. Такимъ образомъ выходитъ, что дѣло у меня съ утра до ночи не прерывается. Еще слава Богу, что теперь завелся Толстой адьютантомъ; но тяжело то, что я только ночью остаюсь одинъ, — и не имѣю угла днемъ, потому что Толстой, не постигающій прелести оставаться одному, сдѣлалъ изъ моихъ маленькихъ комнатокъ свой кабинетъ, свою гостинную и свою пріемную, гдѣ съ утра до ночи толпится самый скучный народъ. Все это теперь кончится, и я этому очень радъ. Но какъ бы то ни было, хлопотъ столько, что— скрѣпя сердце, рѣшаюсь отказаться отъ мысли съѣздить къ вамъ и проститься съ вами. Прощайте-же, милые Отесинька и Маменька, простите мнѣ и благословите меня заочно, но отъ всей души! Если мы расположимся на прочныхъ зимнихъ квартирахъ, то я, можетъ быть, пріѣду въ отпускъ въ Москву и тогда увидимся. — Странное дѣло! Походъ этотъ еще ничего не означаетъ: во-1-хъ, пройдемъ мы цѣлыхъ два мѣсяца, такъ что всегда можно догнать дружину, во-2-хъ, дѣло идетъ къ зимѣ, когда военныя операціи кончаются, въ 3-хъ, остаемся мы въ предѣлахъ Россіи, но тѣмъ не менѣе въ этомъ словѣ есть что-то возбуждающее; вѣетъ оно войною, связана съ нимъ перемѣна быта; походъ, походъ! и всѣ даютъ этому слову особенный смыслъ и всѣ къ нему неравнодушны. Всѣ сбираются, прощаются, пишутъ завѣщанія!.... У меня, впрочемъ, сборовъ нѣтъ никакихъ, за-

вѣщаній писать мнѣ не для чего, да и обдумать хорошенько свои собственныя надобности право некогда. Говоря откровенно, я былъ-бы даже радъ походу: во мнѣ еще живетъ охота къ перемѣнѣ мѣстъ и ощущеній, но все отравляетъ должностная забота! Мнѣ жаль только, что я не простился хорошенько съ вами,—но и это, можетъ быть, лучше: заочное прощанье все-таки будетъ вамъ не такъ тяжело и безвреднѣе для нервъ, чѣмъ личное; къ тому же вамъ, кромѣ другихъ разныхъ причинъ, еще тяжелѣе отъ того, что вамъ все еще нѣсколько трудно примириться съ мыслью о моей службѣ въ ополченіи и съ видомъ моего мундира (съ котораго, кстати, эполеты теперь сняты, а поставлены одни погоны).

Калуга. 26-го Іюля 1885 г.

Какъ давно не писалъ я, милый Отесинька и милая Маменька, и не отвѣчалъ даже на ваши письма, полученныя съ Константиномъ и здѣсь въ Калугѣ. Не буду говорить о томъ, какъ они были мнѣ пріятны, и какъ я благодаренъ вамъ за нихъ, въ особенности вамъ, милая Маменька. Мнѣ очень досадно и больно, что я не умѣлъ, какъ должно, распорядиться временемъ и не писалъ вамъ на стоянкахъ и дневкахъ длиннаго, подробнаго письма; но мы выступили такъ поспѣшно, что дорогою только заканчивали дѣла и очищали бумаги; здѣсь же въ Калугѣ, кромѣ хлопотъ съ провіантской Коммиссіей, хлѣбопеченіемъ и закупкою всякаго рода вещей,—меня заполонили мои старые знакомые. Все это я вамъ опишу подробно изъ Мещовска и изъ Жиздры, подробно, обстоятельно и послѣдовательно. Скажу вамъ только, что походъ пріятенъ, что мнѣ нравится это медленное, тихое, но бозостановочное движеніе вдаль и вдаль; сзади насъ напираютъ 45 тысячъ войска (ополченія Московскаго, Нижегородскаго и Ярославскаго). Всѣ ополченія теперь двинулись, заколыхались сотни тысячъ людей, и по всѣмъ дорогамъ теперь топотъ и говоръ идущихъ массъ. Пріятно участвовать въ этомъ движеніи, пріятно и идти съ дружиною, пріятно каждый день останавливаться на новомъ мѣстѣ; разнообразіе стоянокъ, дневокъ, лѣто, мѣстоположеніе, усталь, отдыхъ — все это меня живитъ и занимаетъ.—

Кланяется вамъ Булгаковъ. На слѣдующей почтѣ объясню вамъ всѣ хлопоты.—Покуда прощайте.

1885 г. Іюля 27-го.

Рѣшительно не успѣваю писать, милая моя Маменька и милый Отесинька. Но за то большое письмо и цѣлая страница написана; но во время самаго движенія писать нельзя, а на стоянкахъ помѣщаемся мы, весь штабъ, почти въ одной комнатѣ, и тутъ-то начинается письменная работа, или же за моимъ столомъ сидятъ и пишутъ Толстой и вся компанія. Это мнѣ такъ надоѣло, что я рѣшаюсь требовать себѣ совершенно отдѣльной квартиры. Къ Жиздрѣ приготовлю вамъ письмо. Мнѣ самому очень хочется записать себѣ на память всѣ подробности похода, а дневника я писать не въ состояніи, не смотря на всѣ усилія, и потому долженъ для себя самого писать подробныя письма. Къ тому же хочѣшь всегда осмотрѣть мѣстность, куда приходишь, а въ 3 часа утра снова выступаемъ. Но я совершенно здоровъ; дай Богъ только, чтобы вы были здоровы, а обо мнѣ не безпокойтесь. Все идетъ очень хорошо.—Не забудьте въ адресахъ писать: *офицеру дружины* № 111.

1-го Августа 1855 г. Мещовскъ.

Не знаю, успѣю ли написать вамъ, милые мои Отесинька и Маменька, письмо на цѣломъ листѣ, но попробую. Хорошее дѣло походъ, если бы только товарищи были порядочные, если бы было съ кѣмъ-нибудь подѣлиться и замѣчаніями и наблюденіями и всякими впечатлѣніями, а главное, если бы на стоянкахъ и дневкахъ я могъ помѣститься отдѣльно. Я люблю устраивать вездѣ на стоянкахъ, какъ въ походѣ, такъ и въ путешествіяхъ, свой уголъ, куда бы могъ уйти и отрѣшиться отъ окружающей меня внѣшности,—но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ непремѣнно къ моему столу присядетъ Толстой, столъ покроется бумагами и чашками, и нѣтъ возможности писать ничего, кромѣ дѣловыхъ бумагъ. Вотъ ужъ мы и въ Мещовскѣ, и 13 дней похода прошло. Погода продолжаетъ намъ благопріятствовать, и походъ нашъ совершается очень благополучно. Мнѣ очень хочется самому записать себѣ на память подробности похода: если не те-

перь, такъ со временемъ онѣ пріобрѣтутъ огромный интересъ, — но не знаю — пуститься ли теперь описывать вамъ подробности или перейти поскорѣе къ общимъ выводамъ и замѣчаніямъ. Примусь за первое, потому что уходитъ время. Какъ мы поднялись, собрались и двинулись, Константинъ видѣлъ; онъ слышалъ даже плачъ и причитанья бабъ, плачъ искренній большею частью, причитанья большею частью неискреннія, —совершаемыя по обычаю. Впрочемъ, я нисколько не отвергаю возможности искреннихъ причитаній, также какъ мы не отвергаемъ искренности въ стихахъ съ риѳмами, не смотря на всю искусственность формы; но здѣсь — это большею частью дань обычаю, который производитъ очень сильное дѣйствіе на нервы, особенно при барабанномъ тревожномъ грохотѣ.—Шумъ и пыль провожали насъ по всему городу и улеглись нѣсколько уже за заставой, когда мы остановились на зеленомъ лугу, чтобы собраться и оглянуться. Пока мы шли городомъ, ратники успѣли такъ напиться, что едва, едва можно было поднять ихъ и положить на телѣги. Не смотря на всѣ приказанія — распроститься съ родными окончательно у заставы, женщины (жены, сестры, матери) провожали насъ далеко, идя вмѣстѣ съ ратниками, или забѣгая впередъ на станцію. Довольно пеструю толпу представляла наша дружина: жены несли ранцы, ружья и патронташи, и рядомъ съ ними ихъ пьяные мужья. Обыкновенно около кабаковъ становили часовыхъ, которые и не пускали ратниковъ; за то кабакъ мигомъ наполнялся бабами, которыя забирали съ собой вино въ разныхъ посудинахъ и потомъ дорогою поили ихъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, число бабъ убавлялось, но окончательно бросили онѣ насъ уже верстъ за сто отъ Серпухова. Причитаньемъ, плачемъ сопровождалось каждое прощанье; многія падали въ обморокъ и лежали долго безъ чувствъ на землѣ.—Эти долгіе проводы были причиною двухъ случаевъ холеры: отъ пьянства и отъ разнообразнѣйшихъ угощеній (сметаны, квасу, огурцовъ, яблокъ, рыбы соленой) двое заболѣли холерой; одного успѣли спасти, другой умеръ въ Угодскомъ заводѣ.—Наконецъ приняты были рѣшительныя мѣры и теперь уже не пестрѣетъ наша дружина, а движется и извивается по дорогѣ черною, стройною массой. Прекрасная,

теплая погода, безоблачное небо, зелень, чудесные виды, безпрестанно новые, движеніе, охватившее разомъ огромныя толпы людей, отдаленность похода,—и видимая даль горизонта и воображаемая даль, все это настраивало меня очень хорошо, и я долженъ признаться, что самый походъ, который кажется всѣмъ другимъ утомительнымъ, скучнымъ, меня занимаетъ и я очень доволенъ. Жалѣю только, что не съ кѣмъ, рѣшительно не съ кѣмъ подѣлиться своими замѣчаніями и впечатлѣніями. — Послѣ двухъ приваловъ дошли мы до первой станціи—Кременки ($18^1/_2$ в.), гдѣ встрѣтили насъ посланные еще наканунѣ квартирьеры, указали каждой ротѣ деревни, въ которыхъ она должна размѣститься (иногда иной ротѣ приходится дѣлать еще верстъ 8 въ сторону) и объявили намъ, что въ Кременкахъ всего 4-ре двора, почему Штабу и отведена квартира въ полверстѣ отъ этой станціи, въ селѣ Троицкомъ. Это село когда-то принадлежало княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Воронцовой-Дашковой: нѣкогда великолѣпный домъ занятъ теперь какимъ-то купцомъ подъ фабрику.—Вездѣ, гдѣ жители не вызываются или не могутъ кормить сами (и хорошо кормить) ратниковъ, мы сами готовимъ пищу, посылая впередъ котлы и припасы. Конечно—никогда ни одинъ полкъ въ Россіи не имѣлъ такой сытной пищи отъ котла, какъ ополченцы. Правда, теперь продовольствіе уже на моихъ рукахъ, но и ротные командиры кормятъ ихъ отлично, связанные и предписаніями графа Строгонова и наблюденіемъ непосредственнаго начальника, а главное—самими ратниками, которые не солдаты и сейчасъ заговорятъ громко и которымъ я, въ теченіе 18-ти дневнаго продовольствія въ Серпуховѣ, роздалъ въ копіяхъ, помимо офицеровъ расписаніе—сколько чего полагается на нихъ въ обѣдъ и ужинъ, присланное намъ отъ графа Строганова. Въ это время они избрали артельщиковъ и сами пріучились хозяйничать и твердо знаютъ свои права относительно пищи. Мнѣ было въ высшей степени пріятно слышать на дняхъ жалобы нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ, что невозможно сдѣлать имъ (законной — по ихъ мнѣнію) экономіи, потому что каждый ратникъ знаетъ все, что ему слѣдуетъ и что, по ихъ мнѣнію, должно было бы оставаться для нихъ секретомъ. А съ ратниками нѣтъ возможности по-

ступать такъ, какъ съ солдатами; можно ихъ заставить любить себя, но заставить ихъ бояться солдатскою робостью передъ начальствомъ—нельзя.—Ну дальше. Въ Троицкомъ мы расположились въ двухъ комнаткахъ пустаго флигеля. Сейчасъ устроилась канцелярія, бумаги покрыли столъ и перья заскрипѣли, какъ слѣдуетъ. Что-же касается до нашего продовольствія, то въ этомъ отношеніи мы не терпимъ никакой нужды: все, что вы ни прислали, милая Маменька, все пошло въ общую кладовую нашу съ Толстымъ; чай еще тянется, хотя его истребляется страшное количество. Такъ какъ вездѣ можно достать молока, куръ, яицъ, баранины, и поваръ у насъ есть, то столъ у насъ вполнѣ удовлетворительный. Мѣшокъ, сшитый въ Абрамцевѣ, играетъ очень важную роль: набивается сѣномъ и служитъ постелью; но я такъ былъ занятъ въ послѣдніе дни въ Серпуховѣ, что многаго необходимаго не заготовилъ, портфелей, дорожныхъ нессессеровъ, бѣлья, теплой одежды и проч. Впрочемъ кой-что я уже накупилъ на дорогѣ, а въ Калугѣ я заказалъ полушубокъ, съ вычерненнымъ верхомъ, сшитый по покрою форменнаго зипуна, совсѣмъ, съ погонами. Холостые ратники и распростившіеся съ родными весело ужинали за котломъ и пѣли пѣсни до глубокой ночи. Кромѣ того—у каждаго еще были свои деньги (теперь уже пропитыя) и они находили средства доставать вино.—Шумъ и жизнь, которыми вдругъ обхватывается мирное село, когда размѣстится въ немъ рота,—говоръ, пѣсни и наконецъ тишина и молчаніе ночью,—жизнь и шумъ жизни, сдержанные могучею силою сна, все это вещь, конечно, не новая, но для меня все еще неустарѣвшая! Всѣ уже столько разъ испытанныя мною впечатлѣнія освѣжаются теперь новой струей, именно тѣмъ, что постоянно движешься и пребываешь во множествѣ, въ массѣ людей.—Часа въ два утра поднялись мы съ ночлега и двинулись далѣе: переходъ былъ маленькій и мы прошли его большею частью пѣшкомъ. На дорогѣ въ селеніи Никола-Боръ священникъ-старикъ встрѣтилъ насъ съ хоругвями, крестомъ и чудотворной иконой, отслужилъ молебенъ и заставилъ всю дружину пройти подъ иконой; въ Высокинцахъ также встрѣтилъ насъ священникъ съ крестомъ и хоругвями. Все это дѣйствовало на ратни-

ковъ хорошо,—и они замѣтили, что солдатъ такъ не встрѣчаютъ.—Высокинцы—большое село, принадлежащее теперь сенатору Толстому; мы размѣстились въ пустомъ господскомъ домѣ; тутъ была дневка; Графъ заболѣлъ такъ сильно тою же болѣзнью, которая началась было и была прервана за нѣсколько дней до похода, и которую докторъ Серпуховскій счелъ сначала за тифъ, что я послалъ нарочнаго въ Серпуховъ за докторомъ Кундасовымъ. Кундасовъ и пріѣхалъ уже ночью, но Толстому стало гораздо лучше. Впрочемъ болѣзнь приняла характеръ лихорадки, которая и теперь еще навѣщаетъ его сильными пароксизмами; впрочемъ теперь они гораздо рѣже.—Въ Высокинцахъ на дневкѣ люди поотдохнули совершенно и достаточно погуляли, потому что въ селѣ былъ праздникъ и жители угощали ихъ хорошо. Точно также и въ Угодскомъ заводѣ—жители заранѣе заготовили имъ сытную пищу. Вообще ополченіе встрѣчаетъ гораздо болѣе сочувствія, нежели солдаты, не по сочувствію къ цѣли и значенію войны (объ этомъ никто не думаетъ теперь, а ратники менѣе всѣхъ), но ратникъ имъ ближе и болѣе возбуждаетъ сожалѣнія; вездѣ, гдѣ проходимъ мы богатыми селами, жители угощаютъ очень радушно; но отъ Малаго Ярославца до сихъ поръ—намъ приходится идти мѣстами довольно тощими. Въ Мало-Ярославцѣ сошлись мы съ Верейскою дружиною (№ 109). По маршруту—по двѣ дружины идутъ вмѣстѣ, т. е. одни дни для марша двухъ дружинъ, но идемъ мы порознь и отдѣльно; Верейская—часовъ 5-ть впереди; начальникъ Верейской дружины графъ Гурьевъ, человѣкъ очень богатый и извѣстный разгульной жизнью: дружина его, кромѣ казеннаго платья, имѣетъ еще бѣлые кителя и сильно пьянствуетъ. Вообще дружины не называютъ себя по номерамъ, а всегда по городамъ: Верейскіе, Серпуховскіе, или просто—«Руза прошла, Подольскъ идетъ». До Алешкова (23 іюля) ничего особенно интереснаго не происходило; въ Алешковѣ мы не остановились, а прошли дальше верстъ 10, потому что въ Алешковѣ нельзя было размѣститься; остановились мы въ богатомъ домѣ у одного богатаго помѣщика—холостяка, Отрыганьева. На столѣ я нашелъ у него ваши сочиненія объ охотѣ, милый Отесинька, а въ хозяинѣ встрѣтилъ страстнаго вашего поклонника, до та-

кой степени, что онъ хотѣлъ вамъ послать лесу домашняго его приготовленія и совсѣмъ уже снарядилъ удочку, только не узналъ еще вашего адресса. Удочку я взялъ и посылаю ее вамъ; думаю, что это вамъ будетъ пріятно. Отрыганьевъ человѣкъ добрый, хозяинъ и охотникъ; другое для него не существуетъ. Тутъ была дневка, но я утромъ дневки отправился прямо, не останавливаясь, въ Калугу; всего разстоянія было 30 верстъ: въ Калугѣ, кромѣ знакомыхъ, ожидало меня множество дѣла: отчетъ Калужской Провіантской Коммиссіи, полученіе отъ нея провіанта и денегъ на дальнѣйшій путь, изготовленіе хлѣба печенаго до 400 пудовъ (т. е. расчеты за хлѣбъ; съ хлѣбопеками и квартирьерами отправлены у насъ впередъ младшіе офицеры). Пріѣхавши въ Калугу, отправился я сейчасъ къ Булгакову въ загородный садъ, столько знакомый мнѣ и памятный по ссорѣ съ Ал. Осип. Смирновой. Было воскресенье: но Булгакова не засталъ я въ городѣ и потому отправился въ Колышево, деревню Унковскихъ, верстъ 12-ть отъ города. Я думалъ сдѣлать имъ сюрпризъ, но длинная подзорная труба, лѣтъ уже 25 стоящая на балконѣ, труба, направленная на вьющуюся вдали полосу дороги, спускающуюся разными изгибами къ перевозу черезъ рѣку Угру,—выдала меня. Не смотря на новый костюмъ, меня узнали и выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу. Впрочемъ, за исключеніемъ дочерей, не всѣ члены семьи были въ сборѣ. Старикъ Унковскій прослезился, увидавъ меня, потому что я напомнилъ ему то время, когда жена его еще была жива. Я его не видалъ восемь лѣтъ; онъ мало перемѣнился и весь живетъ въ области общественныхъ и политическихъ интересовъ. За нимъ самою заботливою нянькою ходитъ Авдотья Семеновна, отказавшаяся отъ замужества. Нельзя смотрѣть безъ улыбки, какъ Семенъ Яковлевичъ, въ пылу разговора о Кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ или о чемъ-нибудь подобномъ, не замѣчая, повинуется всѣмъ требованіямъ дочери: его одѣваютъ, ведутъ въ садъ, поворачиваютъ направо и налѣво,—онъ ни на что не обращаетъ вниманія, предоставивъ всю внѣшнюю сторону своего существованія дочери. Тутъ же и герой Аккерманскій, Сергѣй, прострѣленный пулей; онъ все тотъ же ребенокъ, какимъ былъ прежде: рана не придала ему ни важ-

ности, ни гордости. Что за удивительный миръ, что за тишина въ этой семьѣ, и какъ всѣ довольны и счастливы! Самыя несчастія являются чѣмъ-то столь естественнымъ и законнымъ, что не нарушаютъ общаго гармоническаго тона. Невольно спрашиваешь себя: Господи, чѣмъ довольны эти люди, съ чего они такъ счастливы!—Разумѣется—меня угощали, кормили и поили до нельзя и всѣ были рады меня видѣть. На другой день былъ я у Булгакова и у него обѣдалъ. Онъ немного постарѣлъ (я не видалъ его съ 1848 г.), но все тотъ же, также живъ и дѣятеленъ и смышленъ. Въ Калугѣ онъ держитъ себя скромнѣе, чѣмъ въ Тамбовѣ, но все же постоянно неприличенъ и въ высшей степени mauvais genre,—не въ пошломъ значеніи этого слова. Жена его за границей и домомъ управляетъ какая-то г-жа Купферъ, очень почтенная и пожилыхъ лѣтъ женщина. Въ этотъ день я у него обѣдалъ вмѣстѣ съ Арнольди, мужемъ и женою. Арнольди имѣлъ съ Булгаковымъ нѣсколько схватокъ, по поводу неприличныхъ выраженій въ присутствіи его жены, и потому П. Алекс. сдерживается при ней, но видимо скучаетъ въ такомъ обществѣ. На другой день вступила наша дружина. Въ три дня, проведенные мною въ Калугѣ, я обѣдалъ у Арнольди и провелъ у него два вечера. Живутъ они очень счастливо, очень любятъ другъ друга, живутъ очень скромно и мило; она же совершенно благоговѣетъ передъ мужемъ. Въ Калугѣ познакомился съ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, Начальникомъ Московскаго ополченія, старшимъ изъ сыновей Петра Александровича, лѣтъ 65-ти; чудакъ и оригиналъ, какъ и всѣ Толстые. Видѣлъ я и Уголовную Палату и домъ, въ которомъ жилъ, подлѣ дома Димитрія Самозванца, и пропасть старыхъ знакомыхъ, съ которыми очень пріятно было мнѣ встрѣтиться и весело было видѣть, съ какою радостью меня принимали. Черезъ 8 лѣтъ прохожу я черезъ эту самую Калугу ратникомъ, еще далеко не успокоившись духомъ и еще не возлюбивши покоя, тогда какъ всѣ тогдашніе мои сверстники и товарищи молодости давно уже пристроились и уже въ пристани! — Булгаковъ нѣжно васъ любитъ, милый Отесинька, и велѣлъ вамъ не кланяться, какъ онъ говоритъ, а изъявить его глубокое, искреннее уваженіе. Разумѣется—и въ служебномъ отноше-

нiи мнѣ было оказано всевозможное содѣйствiе.—28-го Iюля должны мы были придти въ Росву, 14 верстъ отъ Калуги и 2 версты отъ Унковскаго; поэтому я и предположилъ этотъ день провести у нихъ; Толстой, хоть и незнакомый съ ними, не желая оставаться въ Росвѣ (имѣнiе Н. Ив. Шепелева: онъ угощалъ нашихъ ратниковъ обѣдомъ и виномъ),—отправился вмѣстѣ со мною. Ему были очень рады; мы вмѣстѣ съ нимъ и Унковскими ѣздили къ М. Серг. Мухановой въ ея, или лучше ихъ (ихъ четыре сестры) имѣнiе Мелезцево, тамъ обѣдали; туда же прiѣхалъ Булгаковъ; потомъ воротились къ Унковскимъ и провели тамъ весь вечеръ. Семенъ Яковл. также угощалъ стоявшую въ его имѣнiи 4-ю роту обѣдомъ и виномъ и ратники за то пѣли ему пѣсни.—Этотъ переходъ черезъ Калугу былъ мнѣ очень прiятенъ; такъ прiятно встрѣтить на перепутьѣ людей, васъ искренно любящихъ!—До Мещовска походъ нашъ не представлялъ ничего особеннаго: замѣчу для себя на память, что Гришево очень плохая и бѣдная деревня, гдѣ мы стояли въ пустомъ господскомъ домикѣ помѣщика Губарева; въ Ломакинѣ мы стояли въ скверномъ и грязномъ постояломъ дворѣ и должны были простоять тамъ полторы сутки. Въ это время я былъ очень занятъ своими счетными книгами.—Въ Мещовскѣ (весьма скверномъ и бѣдномъ городишкѣ) я получилъ письмо отъ Оболенскаго. Онъ звалъ меня къ себѣ въ деревню, верстахъ въ 40 отъ Мещовска, взглянуть на его семейное счастiе. Такъ какъ дружина наша на другой день рано утромъ выступила въ Тросну, гдѣ должна была дневать, то я рѣшился вознаградить впослѣдствiи усиленнымъ трудомъ потерянное время и рано утромъ, проводивши дружину, отправился къ Оболенскому въ село Ольхи, принадлежащее теперь брату его Александру, колыбель всѣхъ Оболенскихъ Васильевичей. Тутъ въ саду есть огромная ольха, на толстыхъ сучьяхъ которой устроены были сидѣнья для княгини матери и для всѣхъ ея птенцевъ; тамъ любила она сиживать съ малыми своими дѣтьми, какъ насѣдка. Нечего и говорить—какъ рады были мнѣ Оболенскiе и какъ я радъ былъ видѣть ихъ домашнее счастiе; жена Оболенскаго здорова и сама кормитъ свою крошечную княжну. Нечего и говорить, какъ весь околотокъ отъ послѣдняго мужика до

самаго гордаго сосѣда любятъ Оболенскаго, — особенно крестьяне! Само имѣніе очень бѣдно мѣстоположеніемъ. Оболенскій, конечно, захотѣлъ меня проводить до Тросны, тѣмъ болѣе, что его собственное имѣніе *Гость* въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Послѣ обѣда отправились мы съ нимъ обратно въ Мещовскъ и рано утромъ, спустивъ его въ деревнѣ, откуда поворотъ въ его имѣніе и гдѣ у знакомаго ему мужика были готовыя лошади, пріѣхалъ я не въ Тросну, которая была занята Верейскими, а еще ближе, въ Калужку. Тамъ всего было четыре двора, и мы должны были дневать и ночевать въ сараѣ; въ сараѣ было очень хорошо, но опасно было курить и зажигать свѣчку; ночью же, когда раздѣвшись, мы улеглись на сѣнѣ, вдругъ пошелъ сильнѣйшій дождь, который, пробивъ крышу сарая, заставилъ насъ бѣгать босикомъ по колючему сѣну и искать убѣжища; койкакъ нашли уголокъ безопасный и полумокрые укрылись подъ нимъ въ сѣнѣ.—Оболенскій пріѣзжалъ къ намъ обѣдать; если бы не жена, такъ онъ навѣрное пошелъ бы въ нашу дружину. И очень мнѣ жаль, что нѣтъ никого у насъ, съ кѣмъ можно было бы быть въ дружескихъ, простыхъ отношеніяхъ.—Хлуднево: тутъ занимали мы домишко г-жи Квашнино-Писаревой; ея самой не было дома. Слободка—большое казенное село; тутъ стояли мы на постояломъ дворѣ. И въ Слободкѣ и въ Жиздрѣ были мнѣ отведены особыя квартиры; рядомъ съ Графомъ, но все же особыя, чему я очень радъ, потому что помѣщеніе наше было очень тѣсно и неудобно для насъ троихъ.—Вчера пришли мы въ Жиздру, городъ довольно населенный, но совершенно *степной:* тутъ почти ничего и достать нельзя. Цѣны на муку и овесъ—по случаю ожидаемаго нашествія трехъ ополченій (не одно наше, но и Ярославское и Костромское и другія тѣмъ же трактомъ) сильно поднялись, также и на другіе припасы. Мы еще первые и намъ все легче, но каково же будетъ послѣднимъ!—Вотъ я и довелъ свой разсказъ до 7-го Августа и до г. Жиздры. Теперь буду писать изъ Брянска. Я думалъ найти здѣсь письмо отъ васъ, но ошибся; часа черезъ два придетъ еще почта: не будетъ ли съ нею письма? Очень хочется знать, здоровы ли вы и что у васъ дѣлается? Въ будущемъ письмѣ я постараюсь передать вамъ

картину самаго похода и собрать въ одно отдѣльныя черты и замѣчанія относительно ополченія вообще.—Ужъ близокъ вечеръ; надо посылать за подводами, брать квитанцію отъ городничаго въ благополучной стоянкѣ, убрать всѣ бумаги, свести счеты за овесъ, за сѣно, за разныя покупки... Прощайте, будьте здоровы.

11-го Августа 1855 г. Брянскъ.

Вотъ и Брянскъ, гдѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ дневки и завтра, чѣмъ свѣтъ, мы идемъ дальше. Только что пришелъ на почту: нѣтъ писемъ. Неужели мое письмо съ маршрутомъ еще не дошло до васъ? Завтра опять должна придти почта, но мы ея не дождемся и я просилъ уже передовыхъ дружины, идущей вслѣдъ за нами, взять завтра съ почты письма и доставить ихъ мнѣ на станціи или на дневкѣ. Здоровы ли вы, милый мой Отесинька и милая моя Маменька? Холодныя ночи и довольно холодный вѣтеръ, можетъ быть, имѣли дурное вліяніе на ваше здоровье. Я послалъ вамъ изъ Жиздры большое письмо и удочку Отрыганьева. Строгановъ, пріѣхавшій въ тотъ вечеръ въ Жиздру, не сталъ насъ осматривать и оставался въ Жиздрѣ нѣсколько дней, чтобы встрѣтить другія дружины.—Нынче ночью ожидаютъ его въ Брянскъ. Можетъ быть, онъ уже и пріѣхалъ, потому что теперь скоро полночь.—Теперь мы дней двѣнадцать не встрѣтимъ на пути ни одного города, и потому придя въ Брянскъ довольно поздно (часу въ 1-мъ пополудни), поспѣшили сдѣлать разныя необходимыя закупки. Городъ же широко растянулся по высокимъ горамъ и глубокимъ оврагамъ праваго берега рѣки Десны. — Вся эта сторона, отъ Жиздры до Брянска — сторона глухая и лѣсная; въ здѣшнихъ Брянскихъ лѣсахъ водятся медвѣди, которые, по словамъ крестьянъ, приходятъ часто кушать овесъ, и даже лоси. Толстой ходилъ какъ-то на охоту, на дневкѣ, и убилъ нѣсколько тетеревовъ. Богатство лѣсовъ — причиною многочисленности заводовъ въ здѣшней сторонѣ. Въ Брянскомъ уѣздѣ много заводовъ Мальцева; у него самого мы не были, но на дорогѣ заходили въ чугунный заводъ, гдѣ льютъ картечи, гранаты, ядра. Видъ расплавленнаго твердаго металла, льющагося какъ вода, видъ этого жидкаго

огня — поразителенъ. У Мальцева два парохода ходятъ по Деснѣ въ Днѣпръ и Днѣпромъ до Кіева. — Но Брянскій лѣсъ еще не то, что Брынскій лѣсъ: не доходя Жиздры, кажется, оставили мы въ сторонѣ село Брынь, принадлежащее Рябининымъ. Вся эта сторона отъ Жиздры до Брянска называется полѣсьемъ. Мужики здѣсь съ виду похожи на чухонъ; они довольно вѣрно описаны у Тургенева; но называются ли они полехами — не знаю. Отъ Жиздры окрестность стала интереснѣе и не такъ однообразна. Каково же! Мы уже слишкомъ 320 верстъ прошли отъ Серпухова. Здѣсь я не успѣлъ и въ газеты заглянуть; городъ такъ растянутъ, квартиру же намъ отвели на концѣ города, ибо другой удобнѣйшей для помѣщенія Штаба нѣтъ, такъ что отсюда до квартиры версты четыре.—Пора однакожъ спать и готовиться къ раннему выступленію.— Прощайте; авось либо почта завтрашняя привезетъ отъ васъ письмо; мнѣ казалось, что вы бы могли успѣть написать даже въ Жиздру. Какъ странно переписываться на походѣ, занося ноги впередъ: точно будто поворачиваешь голову черезъ спину, говоришь на лету. До сихъ поръ у насъ все благополучно; умерло во время пути трое, отъ холеры, потому что мы шли весьма холерными мѣстами. Не знаю — есть ли холера у васъ въ околоткѣ? Прощайте.

1855 г. Августа 17-го. Бѣлоголовичи.

Отсюда въ 13 верстахъ городъ Трубчевскъ, гдѣ нынче почтовый день и черезъ который мы сами завтра пройдемъ, не останавливаясь. Пользуюсь этимъ случаемъ, милый Отесинька и милая Маменька, чтобы дать вамъ вѣсть о себѣ. Вмѣсто Полужья, которое было занято Верейской дружиной, мы остановились въ селѣ Кокинѣ, въ пустомъ барскомъ домѣ помѣщика Хрипкова (котораго я часто видѣлъ у Елагиныхъ) и котораго управляющій, по нашей просьбѣ, послалъ въ Брянскъ на почту, откуда мнѣ и привезли ваше письмо. Вы уже отговѣли и причастились, милый Отесинька; поздравляю васъ и крѣпко обнимаю и благодарю васъ всею душой за немногія строки вашего послѣдняго письма.— Дай Богъ, чтобы вы были всѣ здоровы.—Горячечныя лихорадки

или даже просто головныя какія-то особенныя боли (я думаю— тифознаго свойства) также здѣсь въ ходу, какъ и у васъ. Вы собственно пишете про лихорадки, но я увѣренъ и — судя по слухамъ—оно такъ; головныя боли эпидемическаго характера были и въ нашей сторонѣ. — Впрочемъ онѣ не опасны. Это все послѣдствія холеры. Мы идемъ вдоль Десны, вдоль которой шла здѣсь и холера въ сильной степени, но уже болѣе мѣсяца тому назадъ.—Погода нѣсколько перемѣняется и становится холоднѣе; уже походитъ на осень. — Какія непріятныя извѣстія изъ Крыма: я говорю про нашу неудачную попытку аттаковать лагерь на Черной рѣчкѣ! Не участвовало ли тутъ Курское ополченіе? Нынче мѣсяцъ, какъ мы въ походѣ! По полученнымъ бумагамъ видно, что въ Кіевѣ будетъ мнѣ довольно хлопотъ: Кіевской Коммиссіи должны мы отдать отчетъ въ деньгахъ, истраченныхъ во время похода; изъ Кіевскаго арсенала получать порохъ и заряды, въ Кіевѣ будутъ смотры и ревизія; поэтому случаю на всѣхъ станціяхъ и дневкахъ, когда другіе отдыхаютъ или идутъ гулять и осматривать мѣстности, я почти всегда сижу за работой, усиливающеюся отъ отсутствія писарей — или за пьянствомъ или за болѣзнью! — Нынче, по случаю дневки, собираются у насъ ротные командиры для денежныхъ расчетовъ, и я очень занятъ и пишу только, чтобы поблагодарить васъ за письмо и не упустить Трубчевской почты. Будьте здоровы. Буду писать вамъ подробно и пространно изъ Новгорода-Сѣверска, куда я думаю пріѣхать дня за два раньше дружины для расчетовъ съ тамошнимъ Провіантскимъ Управленіемъ.—Отсылаю письмо *сейчасъ же* съ хлѣбопекомъ въ городъ, гдѣ у насъ напечено хлѣба на нѣсколько дней.

1855 г. Августа 25. Новгородъ-Сѣверскъ.

Получилъ я здѣсь ваше письмо. Удивляюсь медленности почты: кажется, мы такъ тихо идемъ, что почта могла бы успѣть сдѣлать нѣсколько оборотовъ. Погода опять поправилась и, можетъ быть, благодѣтельно подѣйствовала на ваше здоровье, милый Отесинька.—Вы сообщаете мнѣ много интереснаго: серьезно надѣваетъ Самаринъ русское платье или такъ, чтобы иногда тѣшить себя дома? Видно—приспѣваетъ

время. Позволеніе Каткову издавать журналъ и газету, особенно газету—очень важно и подаетъ надежды на облегченіе цензуры. Я не зналъ, что сочиненія Гоголя уже вышли; въ газетахъ объявленія не видалъ, а въ провинціи, кажется, еще ни одна книга не попала. Я совершенно согласенъ съ вами въ томъ, что славянофильскій журналъ успѣха имѣть не будетъ, уже потому, что нѣтъ ни одного порядочнаго редактора и потому, что между славянофилами нѣтъ никакого согласія; наряду нѣтъ, вслѣдствіе чего и становится необходимою диктаторская или деспотическая власть. Но кромѣ того — есть другія, нравственныя причины, почему нельзя ожидать успѣха. Вотъ ваша книга, милый Отесинька, безъ сомнѣнія разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и вамъ надо печатать не менѣе двухъ заводовъ.—Здѣсь въ Новгородѣ-Сѣверскѣ смотрѣлъ нашу дружину графъ Строгановъ. Онъ и теперь здѣсь. Дружиной онъ остался очень доволенъ; я былъ у него, и онъ, между прочимъ, разсказалъ, что Голицынъ Леонидъ ведетъ свою дружину въ Кіевъ, какъ на богомолье къ святымъ мѣстамъ, такъ что она, какъ богомольцы, вездѣ служитъ молебны, и нѣтъ ни пьянства, ни буйства. Это очень умно. У насъ, наоборотъ, люди идутъ весело, съ пѣснями, — но за то пьянство усиливается въ высшей степени, а вмѣстѣ съ пьянствомъ—буйство, воровство, притѣсненіе обывателей. Впрочемъ, это не только у насъ, но и въ другихъ дружинахъ. Въ другихъ даже несравненно больше; можетъ быть даже, съ непривычки возмущаясь этимъ, я даже усиливаю въ разсказѣ то, что, говорятъ, водится во всѣхъ полкахъ. Но вотъ это-то и составляетъ предметъ моихъ настоятельныхъ споровъ съ офицерами. У насъ именно не должно быть, какъ въ полкахъ, и могло бы не быть; ратникъ не солдатъ и не усвоилъ себѣ ни солдатской безусловной покорности, ни казенности; я увѣренъ, что можно было бы создать войско новое, на новыхъ началахъ; матерьялъ есть, вполнѣ къ тому способный; или лучше сказать, всѣ эти начала въ немъ заключаются,— только надобно вооружиться терпѣніемъ, чтобы распутать страшный хаосъ понятій, произведенный въ головахъ полутораста годами. Но необходимо терпѣніе. Человѣкъ, привыкшій бояться палки, ждетъ непремѣнно палки для побужде-

нія, и съ трудомъ можетъ быть перевоспитанъ. Надобно не бояться этого труда. Вообще ополченіе представляетъ страшную пестроту въ нравственномъ смыслѣ. Главною виною всему офицеры. Не ратники — они не готовы, ихъ прежде всего надо перевоспитать. У насъ офицеры двухъ родовъ. Или старые, закаленные служаки, которые хотятъ, чтобы ратникъ смотрѣлъ совершенно солдатомъ, деревянно-глупо, не смѣлъ разсуждать, которые обращаются съ ними съ презрѣніемъ, называя ихъ пьянымъ мужичьемъ, привѣтствуя ихъ не иначе, какъ *канальи* и проч. Другіе помоложе, большею частью изъ кавалерійскихъ полковъ,—хотятъ, чтобы солдатъ былъ хватъ, лихачъ, головорѣзъ, sans foi ni loi, стараются развить въ нихъ то ухарство, которое лишено всякой нравственной основы. Вообще военная честь очень странная честь; севастопольскіе герои всѣ будущіе взяточники — городничіе большею частью. По военнымъ понятіямъ—не мараетъ мундира—класть казенную экономію въ карманъ, обижать жителей, дать мужику «въ зубы», когда онъ приходитъ съ справедливой жалобой, ругаться безчеловѣчно надъ жидомъ и т. д. и т. д. Тяжело очень мнѣ было слышать, какъ иногда бабы, на своемъ ломаномъ здѣшнемъ нарѣчіи, выражались: «вишь говорятъ хранцузы, хранцузы: къ намъ своя сила пришла!» Или—«что намъ пуще Турокъ—свои» и т. под. въ этомъ родѣ. Толстой очень хорошій человѣкъ, но довольно слабый и съ неутвердившимся взглядомъ на это дѣло. Люди, въ его родѣ, обыкновенно говорятъ: «иначе нельзя, что дѣлать и безъ этого невозможно».... Впрочемъ, повторяю, у насъ всего этого въ дружинѣ меньше, чѣмъ въ другихъ дружинахъ, кромѣ Дмитровской, если только правда, чтó разсказываетъ Строгановъ.—Можетъ быть, мой постоянный протестъ нѣсколько сдерживаетъ офицеровъ, но только нѣсколько; власти я не имѣю, а офицеры большею частью уже закалившіеся въ прежнихъ понятіяхъ. Правда и то, что у насъ ратники большею частью изъ серпуховскихъ мѣщанъ, отданныхъ за развратъ и преступленія. Сначала, первые три мѣсяца, все шло очень хорошо, но теперь порча идетъ crescendo. Можетъ быть—она и пройдетъ; но всему главной виною я признаю офицеровъ, и не ихъ самихъ лично, а понятія, въ которыхъ они выросли. Не думайте, впрочемъ, чтобы я былъ съ ними въ ссорѣ или въ

дурныхъ отношеніяхъ: такъ нельзя было бы и служить. Я могу прямо сказать, что пользуюсь общимъ уваженіемъ, а со стороны ратниковъ даже любовью: они инстинктомъ чуютъ человѣка; протестуя, я нападаю всегда на взглядъ, на понятія, а не на личность офицера; у насъ завязывается споръ, но отношенія не измѣняются. Впрочемъ—въ дружескихъ отношеніяхъ я не состою ни съ кѣмъ, да и нѣтъ возможности, нѣтъ ничего общаго.—О, если бы хоть часть была той коммиссіи, которую мы создали въ Ярославлѣ!—Вотъ вамъ нѣсколько характеристическихъ чертъ современности русской. Предписано духовенству встрѣчать и провожать насъ съ крестомъ и съ молебнами. Раза два или три это было; раза два или три было отказано, потому что люди очень устали съ перехода и потому что людей набожныхъ въ этомъ смыслѣ у насъ между начальствующими нѣтъ (я—не изъ набожности, а такъ, для ратниковъ, никогда бы отъ того не отказался), а въ Орловской губерніи священники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не являясь сами, присылали брать квитанціи въ томъ, что они насъ встрѣчали и благословляли!—Разумѣется, имъ надо себя *очистить* передъ духовнымъ начальствомъ, но вещь сама по себѣ очень забавна и характеризуетъ современную русскую жизнь!—Забавны и много говорятъ въ тоже время пѣсни, которыя поютъ ратники; крестьянскихъ пѣсенъ они не поютъ, говоря: мы не мужики, чтобы пѣть мужицкія пѣсни, и поютъ пѣсни солдатскія, перемѣняя слово *солдатъ* на *ратника*. Пѣсни препелѣпыя. Какъ вамъ нравится напримѣръ эта:

Слава Царю бѣлому,
Николаю Милосердному —
Ай, жги, жги, говори,
Николаю Милосердному!

Далѣе идетъ обыкновенная пѣсня: какъ на молодцѣ шелковъ кафтанъ, рукавички барановыя, ай жги, жги и проч. Поютъ также пѣсни про ополченіе 12-го года, чисто солдатскія. Какъ пріѣхалъ Графъ Толстой (отецъ Ивана Петровича), сказалъ: «здравствуйте, ребята, и прощайте, господа!»—Замѣчательно, что о войнѣ толковъ очень мало. Ратники веселы, но о призваніи своемъ, о будущемъ назначеніи, вовсе

не думаютъ, да и показываютъ очень мало участія къ войнѣ, къ положенію Крыма. Если бы было больше времени и, если бы я имѣлъ право дѣйствовать помимо ротныхъ командировъ, можно было бы чаще разговаривать съ ними, давать имъ читать извѣстія, объяснять имъ смыслъ войны, и я увѣренъ— это бы имѣло большое дѣйствіе.—Здѣсь въ Новгородѣ-Сѣверскѣ узнали мы, что 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи пошли къ Перекопу: мы принадлежимъ къ составу этихъ дивизій, однакожъ нашъ маршрутъ не измѣненъ, и мы продолжаемъ идти въ Кіевъ. Между прочимъ — кто-то здѣсь въ городѣ получилъ извѣстіе, будто мы изъ Кіева идемъ въ Бессарабію. И Бессарабіи и Перекопу я очень радъ, — не радъ былъ бы зимней стоянкѣ. Если бы намъ пришлось всю зиму провести безъ дѣла въ селеніяхъ Кіевской губерніи, я вышелъ бы изъ ополченія.

Хочется мнѣ очень до Кіева на станціяхъ и дневкахъ привести въ порядокъ всѣ свои казначейскія дѣла и книги, такъ чтобы, по приходѣ въ Кіевъ, можно было бы тотчасъ сдать эту должность. Здѣсь въ Новгородѣ встрѣтился я съ Сережей Загоскинымъ, пріѣхавшимъ впередъ. Онъ также казначей (Подольской дружины) и очень этимъ тяготится. Онъ очень мнѣ обрадовался и проситъ передать вамъ его искренній и низкій, низкій поклонъ.—Въ Утахъ у Гулевича (сослуживца Николая Тимоѳеевича) встрѣтилъ я Основскаго, издавшаго книжку вмѣстѣ съ Рулье, вашего страстнаго поклонника, милый Отесинька. Онъ гостилъ для охоты у Гулевича, вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ—какимъ-то богачемъ, очень добрымъ человѣкомъ и горячимъ охотникомъ. Кирѣевскому лѣтъ 60, и онъ ведетъ постоянно журналъ своей охоты. Основскій очень хорошій малый и совершенно русская натура; онъ, кажется, человѣкъ очень серьезный и охота для него дѣло совершенно серьезное; онъ посвященъ ей все лѣто и переохотился чуть ли не во всѣхъ болотахъ Россіи. — У Гулевича жена и дочери ходятъ лѣтомъ въ русскихъ сарафанахъ; еще не при всѣхъ и не всегда рѣшаются онѣ надѣвать сарафаны,—но для насъ надѣли, кромѣ самой г-жи Гулевичъ. Она сказала мнѣ, что сосѣди ихъ, Мальцовы (семейство извѣстнаго богача-заводчика генерала Мальцова) также ходятъ въ русскомъ платьѣ. Это не настоящіе сара-

фаны, а сарафанная юбка съ помочами безъ лифа вовсе. Все таки хорошо. У Гулевича читалъ я иностранныя газеты и прочелъ въ Современникѣ Толстаго: Севастополь въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Очень хорошая вещь, послѣ которой хочется въ Севастополь—и кажется, что не струсишь и храбриться не станешь. Какой тонкій и въ то же время теплый анализъ въ сочиненіяхъ этого Толстаго. —Въ Гремячѣ мы уже перешли границу Черниговской губерніи и встрѣтились съ дешевой водкой и съ жидами. То и другое совсѣмъ было вскружило головы нашимъ ратникамъ; теперь, кажется, нѣсколько они попривыкли. Дешевизна и высокое качество водки и право или обычай презрительнаго обхожденія съ жидами породили (у насъ тамъ была дневка) сильное пьянство и безпорядки, которые насилу укротились.— Прощайте; нынче взошла сюда и Подольская дружина, которая освящаетъ здѣсь знамя. Прислали звать на церемонію, и я долженъ отправиться.

2-го Сентября 1855 г., г. Борзна.

Вотъ уже и Сентябрь мѣсяцъ! Вотъ и годъ, какъ вступили французы на русскую землю; вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ существуетъ наше ополченіе и какъ тянется для меня безконечная канитель служебныхъ хлопотъ: весна и лѣто пронеслись почти незамѣтно. —Я получилъ послѣднее ваше письмо въ Кролевцѣ, милый Отесинька и милая Маменька; въ Кролевцѣ не успѣлъ отвѣчать вамъ, по случаю оффиціальнаго обѣда у городничаго и приближенія 1-го числа мѣсяца, значитъ, всякой срочной отчетности; здѣсь—хоть и нѣтъ дневки, но хочу воспользоваться почтой, отходящей завтра. Здѣсь я не нашелъ письма отъ васъ, вѣрно вы писали въ Нѣжинъ; впрочемъ нынче ночью ждутъ почты изъ Москвы; можетъ быть, она привезетъ отъ васъ письмецо и какое-нибудь достовѣрное извѣстіе о Севастополѣ: говорятъ, 26-го Августа былъ штурмъ. —Здѣсь въ Борзнѣ я тотчасъ же справился о той женщинѣ, которая славилась приготовленіемъ малороссійскихъ блюдъ. Оказалось, что квартира графу Толстому была отведена въ ея домѣ (мнѣ теперь отводятъ, гдѣ возможно, особо, впрочемъ близко), но ея уже

нѣтъ въ живыхъ; послѣ нея остались три дочери, которыя книгу растрепали, и книги также нѣтъ. Мужъ ея — старикъ вступаетъ снова въ какую-то службу для содержанія своего семейства. Печальное существованіе этихъ дѣвицъ, также какъ и тысячей, имъ подобныхъ, особенно теперь, когда столько перебито и будетъ перебито молодаго мужскаго племени. «Что же вы дѣлаете здѣсь цѣлые дни»? спросили мы ихъ.—Скучаемъ и хвораемъ, отвѣчали онѣ, настоящія малороссіянки.—Въ Малороссіи насъ встрѣчаютъ несравненно лучше, чѣмъ въ Россіи: почти вездѣ священники съ крестомъ, иконами и хоругвями выходятъ на встрѣчу съ толпою любопытствующаго народа; впрочемъ, и въ домахъ жители, особенно хозяйки съ женскою заботливостью заранѣе нагрѣваютъ комнаты, приготовятъ постели и настряпаютъ всякой всячины; въ ихъ глазахъ мы сначала являемся довольно интересными людьми, усталыми, бѣдными путниками, отправляющимися на такое страшное дѣло (Боже! Якъ страшно!), какъ на войну. Но скоро это чувство охладѣваетъ, и онѣ ждутъ—не дождутся, когда оставитъ ихъ рать бородатыхъ москалей. Давно уже Малороссія не видала бородатаго русскаго войска, и при новой встрѣчѣ съ нимъ должна испытать тоже чувство оскорбленія и негодованія, какое испытала тогда. Наши ратники остаются совершенно безчувственными къ этой внимательности, напротивъ того грубостью и цинизмомъ шутокъ оскорбляютъ малороссіянокъ, требуютъ *еще* отъ хозяйки, исхлопотавшейся надъ угощеніемъ, смѣются надъ хохлами, какъ жадные волки на овецъ,—бросаются на горѣлку, напиваются пьяны до безобразія, а къ утру хозяйка съ воплемъ увидитъ, что въ награду за ея гостепріимство—у ней богацько (много) гусей и курей поворовано и перерѣзано.— Такъ, что на другой день, когда случается дневка,—хозяйки или ничего не готовятъ или запираютъ всѣ вещи на замокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пришли въ Малороссію, нашъ народъ сталъ болѣе пьянствовать и воровать, чѣмъ прежде. Кромѣ дешевой горѣлки и другихъ причинъ, мнѣ кажется, что тутъ участвуетъ отчасти сознаніе своего превосходства въ нѣкоторомъ отношеніи; кромѣ того, онъ здѣсь какъ бы въ сторонѣ чужой, не въ Россіи и смотритъ на жителей, какъ на людей совершенно ему чуждыхъ.—Разумѣется—слова мои

не относятся ко всѣмъ ратникамъ, многіе ведутъ себя прекрасно, но вообще можно замѣтить, что въ тѣхъ, которые были отданы за скверное поведеніе, прежніе элементы, все это время спавшіе, опять пробуждаются и выплываютъ наружу, а тѣ, которые были хороши и въ прежнемъ быту, видимо портятся. Все это очень понятно. Онъ не крестьянинъ уже, не сдерживается честностью своего быта и въ тоже время не обузданъ строгостью военной дисциплины такъ, какъ солдатъ; въ замѣнъ же отнятаго у него нравственнаго начала общественнаго быта, не дается ему никакого другаго, развѣ только esprit de corps, присущаго и шайкѣ разбойниковъ и не имѣющаго въ себѣ ничего нравственнаго; у него нѣтъ даже знамени въ нравственномъ смыслѣ, ни одна струна въ немъ не затронута, смыслъ войны давно затерялся,—одушевленія нѣтъ никакого; но есть бодрость, свойственная всегда русскому, незабитому нуждой и палкой человѣку. Въ этомъ виновато правительство, разумѣется, и офицеры. Офицеры—не масса народная и не должны нуждаться въ томъ, чтобы правительство возбуждало ихъ къ честному выполненію своихъ обязанностей, которыя они могутъ понимать лучше самого правительства.—Если бы хоть половина офицеровъ думала такъ, если бы напр. офицеромъ былъ Самаринъ, Елагинъ и др., я увѣренъ—дѣло пошло бы иначе. Я же съ своей стороны, какъ ни надрываюсь, ничего не могу сдѣлать. И жаль мнѣ бываетъ, очень жаль смотрѣть, какъ какой-нибудь недоучившійся мальчишка, возросшій въ хаосѣ понятій, царствующемъ въ русскомъ обществѣ, сбиваетъ съ толку и портитъ—не солдатъ (его уже трудно испортить), но крестьянъ, на которыхъ свѣжи слѣды крестьянскаго быта; при видѣ этого нравственнаго разложенія иною порой овладѣваетъ страшная тоска! Скорѣе бы, скорѣе бы въ дѣло: это единственное средство осмыслить и одушевить какимъ-либо нравственнымъ началомъ эту массу, освѣжить ее свѣжимъ воздухомъ дѣльнаго труда и видимой пользы, которую она можетъ принести.—О назначеніи нашемъ слухи различны. Кто говоритъ, что мы только дня два останемся въ Кіевѣ и двинемся къ Севастополю, кто говоритъ, что мы направлены въ Бессарабію. Съ нетерпѣніемъ жду разрѣшенія этого вопроса.—Не думаю, чтобы я остался Казначеемъ.

Тоска беретъ при мысли, что трудишься такъ сильно только для кармановъ ротныхъ командировъ, потому что теперь, по устройствѣ дружинъ, остается только выдавать деньги въ роты, т. е. ротнымъ командирамъ, хозяевамъ своихъ ротъ. Каково же это быть постоянно въ такихъ душевныхъ тискахъ, что нельзя въ обществѣ офицеровъ — побранить взяточничество, похищеніе экономіи и т. п., неделикатно! Мы съ Толстымъ составляемъ страшный диссонансъ въ гармоніи военнаго быта, но отъ этого диссонанса деретъ только наши собственныя уши. — Какъ обрадовался я Малороссіи! Какой привѣтливый видъ этихъ хатъ, этихъ огромныхъ селъ съ безконечными переулками и закоулками! Я былъ просто счастливъ, когда увидалъ снова это широкое черноземное полотно дороги, съ лоснящимися полосами отъ колесъ, эти широкія ивы или вербы, эти плетни и гати, этихъ хлопотливыхъ и безъ умолку говорящихъ хозяекъ, этотъ пѣвучій и нѣжный говоръ. Въ Батуринѣ у меня была великолѣпная хата, чистоты баснословной: въ ней былъ уголъ, который я и занималъ, и въ которомъ на потолкѣ дочери хозяина прикололи до ста большихъ бумажныхъ бабочекъ изъ разноцвѣтной бумаги, очень искусно, такъ что вечеромъ, отъ колебанія зажженаго фителя свѣчи, всѣ эти бабочки двигаются. — Видна всюду потребность изящества, и угожденія вкусу, потребность внѣ матерьяльныхъ нуждъ и расчетовъ. Завтра наша дружина переходитъ въ Комаровку (см. маршрутъ) и тамъ днюетъ; я же пробуду въ Комаровкѣ только нѣсколько часовъ и ѣду прямо въ Нѣжинъ, куда уже проѣхалъ Строгановъ и гдѣ я долженъ отъ него получить жалованье офицерамъ съ начала похода до 1-го Сентября. Кромѣ этой суммы, по повелѣнію Государя, велѣно выдать намъ (т. е. начальнику дружины, казначею и адъютанту), не въ зачетъ, половину годоваго оклада *усиленнаго* жалованья, для покупки верховыхъ лошадей (мнѣ приходится 270 р. сер. слишкомъ), а прочимъ, имѣющимъ только вьючныхъ лошадей, треть простаго жалованья. Такъ дѣлается всегда и въ арміяхъ при открытіи кампаніи; сверхъ того мы должны получить еще раціоны (т. е. овесъ и сѣно) за своихъ лошадей (мнѣ полагается 4 лошади), — разумѣется, вмѣсто овса и сѣна деньгами. Если же сверхъ всего этого намъ

будутъ и жалованье выдавать *усиленное*, да еще дадутъ порціоны, то денегъ у меня будетъ совершенно достаточно.— Время становится все холоднѣе и пора думать о зимнемъ платьѣ, — но нельзя ничего теперь заготовлять по неизвѣстности — куда мы пойдемъ. Прощайте, милый Отесинька и милая Маменька, напишу вамъ еще нѣсколько строкъ изъ Нѣжина; уже 1-й часъ ночи, а меня поднимутъ часа въ четыре, до похода часа за два, для полученія и выдачи подводъ.

1885 г. Сентября 5-го. Нѣжинъ.

Здѣсь въ Нѣжинѣ получилъ я письмо ваше; слава Богу, что у васъ все идетъ довольно хорошо или по обыкновенному, и что здоровье Маменьки поправляется. Я пріѣхалъ въ Нѣжинъ нѣсколько раньше дружины для разныхъ счетовъ съ провіантскимъ вѣдомствомъ. Строгановъ проѣхалъ впередъ насъ и дожидался ополченія въ Нѣжинѣ. Здѣсь пронесся слухъ, есть даже положительное извѣстіе, что мы пробудемъ въ Кіевѣ только дня два и отправимся въ Каменецъ-Подольскъ; но есть также нѣкоторое основаніе думать, что планъ этотъ измѣненъ, и что мы войдемъ въ составъ не средней, а южной арміи. Впрочемъ Каменецъ всего въ 20-ти верстахъ отъ Бессарабіи и состоитъ, можетъ быть, въ раіонѣ южной арміи. Во всякомъ случаѣ это лучше. — Мнѣ кажется, что явное намѣреніе непріятеля вести упорную и продолжительную войну съ цѣлью окончательно потрясти и унизить могущество Россіи — производитъ нѣкоторое измѣненіе въ общемъ планѣ нашей обороны и что мы вынуждены будемъ прибѣгнуть къ разнымъ диверсіямъ. Жду съ нетерпѣніемъ почты: говорятъ, что 27-го Августа было дѣло и очень для насъ неудачное. — Такъ наконецъ вы видѣли ополченіе, милый Отесинька *). Понимаю, вполнѣ понимаю

---

*) Я переживаю третье ополченіе въ Россіи (писалъ Сергѣй Тимофеевичъ), но никогда ополченныхъ въ массѣ не видывалъ, и очень желалъ увидѣть. Наконецъ желаніе мое исполнилось: я ѣздилъ (вмѣстѣ со всѣми сестрами) съ Васьковнмъ къ Троицѣ, куда при насъ вступили двѣ дружины—Нерехта и Кинешма. Вступили церемоніально, съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ музыкой. Когда я увидѣлъ издали развѣвающіяся знамена, заслышалъ барабанный бой, и когда масса сѣрыхъ кафтановъ и штыковъ покрыла все протяженіе дороги—я почувствовалъ такое волненіе, что готовъ былъ заплакать; но когда дружины прошли мимо меня, построились на площади и опять прошли мимо насъ

ваши впечатлѣнія; они очень вѣрны, мнѣ кажется. Жалость, которую испытали вы, не разъ испытываю и я, смотря на нашихъ ратниковъ. Перестрѣляютъ ихъ французы всѣхъ, какъ куропатокъ. Всѣ они жертвы, но—жертвы необходимыя. Мы должны удобрить землю для будущей жатвы, и порядочные люди все таки не въ правѣ себя устранять отъ участія въ ополченіи, готовя себя для лучшихъ временъ. Безъ приносимой теперь жертвы—очевидно—не вразумится Россія. Воинскаго жара или просто одушевленія въ нихъ нѣтъ; солдатской покорности и солдатскаго навыка къ военному дѣлу также нѣтъ. Впрочемъ, судя по описанію вашему— нашъ народъ бодрѣе костромскаго. Онъ у насъ и бодръ и веселъ; кормятъ у насъ хорошо и людей не мучатъ. Можетъ быть, даже они у насъ избалованы и ихъ надо бы держать построже.—До сихъ поръ какъ-то они не довольно серьезно смотрятъ на свое призваніе и о войнѣ не помышляютъ. Поэтому я бы очень желалъ, чтобы мы стали поближе къ театру военныхъ дѣйствій, чтобы нѣсколько болѣе серьезный смыслъ получило ополченіе, чтобы значеніе дѣльное проникло дружину. — Какъ ни скучно стоять на квартирахъ, однакожъ прежде чѣмъ пускать ратниковъ въ дѣло, необходимо было бы поучить ихъ мѣсяца два и преимущественно разсыпному строю, который доведенъ до такого совершенства у французовъ и который очень труденъ, и стрѣльбѣ. — Здѣсь въ Нѣжинѣ досталъ себѣ иностранныя газеты:

церемоніальнымъ маршемъ—сердце мое сжалось отъ такой глубокой жалости, какой, мнѣ кажется, я никогда не испытывалъ. Это чувство меня до сихъ поръ не оставляетъ. Я не замѣтилъ ни малѣйшаго признака силы и бодрости въ этой народной силѣ. Я не замѣтилъ ни одной молодцоватой фигуры! Утомленіе, уныніе или апатія—вотъ все, что выражалось на лицахъ ратниковъ. Я вообразилъ ихъ себѣ въ сраженіи съ французами, и они показались мнѣ жертвами, которыхъ ведутъ на закланіе. Я не видѣлъ ни солдатъ, ни крестьянъ. Я видѣлъ и познакомился съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, съ двумя Начальниками дружинъ, съ Ратьковымъ и Пасынковымъ и съ командиромъ роты Балковскимъ. Это все пренорядочные люди, а Ратьковъ (который пріѣзжалъ къ намъ и обѣдалъ у насъ) во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ; онъ черноморецъ и служилъ 15 лѣтъ во флотѣ, былъ некогда любимцемъ Лазарева—Нахимова, все знаетъ коротко и многое объяснилъ намъ; сыновья Васькова добрые ребята и офицеры. Всѣ они жалуются на такія злоупотребленія дворянскаго Комитета, что у меня душа ноетъ до сихъ поръ. Боже мой, какая ужасная безнравственность! Все проникнуто ею до костей. Нѣтъ, мы не стоимъ торжества, мы должны пострадать позорно за свои грѣхи. Грустно, очень грустно....

поймалъ перваго студента и спросилъ его — получаетъ ихъ Лицей газеты? Оказалось, что получаетъ и что онѣ у Инспектора, Марачевскаго. Я къ Марачевскому и, какъ скоро себя назвалъ, былъ принятъ съ величайшимъ радушіемъ; открылось, что онъ и директоръ Лицея, бывши въ Кіевѣ, прочли у кого-то въ копіи мои Судебныя сцены и заказали себѣ копіи. Разумѣется, газеты я получилъ, и какъ ни поздно теперь, но—окончивши письмо—примусь за окончаніе чтенія газетъ.—Мое собственное хозяйство находится въ большомъ безпорядкѣ; деньщикъ мой Коммисаровъ отличный человѣкъ, но крестьянинъ и никакъ не можетъ принаровиться къ нашему быту: въ мундиръ онъ укладываетъ сыръ, колбасу въ шелковую рубашку и т. д.; но теперь и деньщикъ боленъ, такъ что я вчера, по совѣту здѣшняго доктора, поставилъ ему 18 піявокъ къ ушамъ (у него лихорадка горячечная и съ сильнѣйшею головною болью); это много помогло и оттянуло кровь отъ головы. Теперь на время прикомандировалъ къ себѣ изъ Штабной команды какого-то деньщика.—На дворѣ совершенная осень; листья облѣзаютъ, и пора подумать о тепломъ платьѣ, котораго у меня нѣтъ вовсе: заказалъ я себѣ еще въ Калугѣ полушубокъ и поручилъ это дѣло Сережѣ Унковскому, но онъ не выслалъ мнѣ его въ Новгородъ-Сѣверскъ, какъ обѣщалъ. Впрочемъ, все зависитъ отъ того — куда мы двинемся. Если къ Перекопу, что сомнительно, то, можетъ быть, велятъ бросить всѣ повозки и лишнюю кладь и довольствоваться однимъ вьюкомъ. Впрочемъ, я имѣю право держать двухъ вьючныхъ лошадей. — Нынче, когда входила наша дружина и Графъ Строгановъ смотрѣлъ ее, вдругъ подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ и называетъ меня по имени: лицо знакомое — а кто, сказать не могу. «Ваша кузина желаетъ васъ видѣть». Еще большее недоумѣніе! Оглянулся — вижу въ окнѣ почтовой станціи Маш. Петровскую, т. е. бывшую Воейкову. Я подошелъ къ окну, но успѣлъ только поздороваться и спросить нѣсколько словъ; надо было идти съ дружиной. Она ѣхала съ мужемъ изъ Кіева, гдѣ была на богомольѣ, и очень много разспрашивала о васъ.—Прощайте, буду писать вамъ изъ Козельца. Сережа Загоскинъ вамъ усердно кланяется.

9-го Сентября 1855 г. Козелецъ.

Здѣсь я не нашелъ письма отъ васъ *); вѣрно вы писали прямо въ Кіевъ. За то здѣсь нашли мы бумагу изъ Штаба средней арміи съ перемѣною маршрута. Вмѣсто средней арміи мы поступаемъ въ южную, въ распоряженіе Лидерса; зимнія квартиры намъ назначены въ Швейцарскихъ колоніяхъ Аккерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи, куда мы должны прибыть 22-го Октября,—въ Кіевѣ же только дневка. Не смотря на бездну хлопотъ, порождаемыхъ этою перемѣною,—относительно продовольствія, денежной отчетности и проч., я успѣлъ списать маршрутъ, который вамъ и посылаю. Я думаю—вы уже не успѣете написать мнѣ въ г. Умань: письмо отсюда до васъ пройдетъ вѣрно 8 дней, а изъ Троицкаго посада до Умани также не менѣе 8 дней, слѣдовательно попадетъ туда не раньше 30-го Сентября. Итакъ пишите уже прямо въ г. Балту, Подольской губерніи, а потомъ въ г. Тирасполь, Херсонской губерніи; затѣмъ пишите въ г. Бендеры,—я не знаю — какъ и куда адресовать, когда мы будемъ въ Колоніяхъ, но изъ Бендеръ уже перешлютъ.— Признаюсь, я очень обрадовался перемѣнѣ маршрута, потому что эта перемѣна произвела нѣкоторую тревогу въ нашей однообразно-разнообразной походной жизни и повѣяло чѣмъ-то серьезнымъ. Я не дальше—какъ вчера все досадовалъ на то, что мы будто всѣ играемъ кукольную комедію, что никто

---

*) Въ этомъ письмѣ, полученномъ Ив. Серг. въ послѣдствіи, Сергѣй Тимофеевичъ писалъ слѣдующее: „Сегодня поутру получили мы горестное извѣстіе о взятіи или объ отдачѣ Севастополя! Нельзя сказать, чтобъ я не ожидалъ этого, особенно послѣ несчастнаго нападенія на Ѳедюхины горы, гдѣ 12 т. французовъ отбили и разбили 40 т. русскихъ. Кромѣ всего другаго, паденіе Севастополя рѣшило для меня вопросъ великой важности. Я давно уже подозрѣвалъ, что русскія войска не могутъ равняться съ французскими: теперь я убѣдился въ этомъ окончательно. Если мы, въ числѣ 40 т., не могли взять укрѣпленія, защищаемаго 12-ю тысячами, если мы, при равныхъ, вѣроятно, силахъ, не могли удержать такихъ укрѣпленій, какихъ не видывало военное искусство, то дѣло для меня становится ясно. Я вѣрю, что частныхъ явленій храбрости было много, но общаго духа—не было, да и быть не могло. Куда возиться намъ съ народомъ, который весь, какъ одинъ человѣкъ можетъ прійти въ восторгъ отъ одного восклицанія: „да здравствуетъ Франція“! который весь проникнутъ чувствомъ военной чести и славы, который знаетъ, за что умираетъ. Вѣра русскаго человѣка тиха и спокойна; онъ можетъ за нее умирать, а не побѣждать. Это страшная разница.

не относится серьезно къ своему призванію, что все распускается и расклеивается, и считалъ нужнымъ, чтобы всѣхъ насъ обхватило серьезное, да, серьезное дѣло. Еще потому я радъ этой перемѣнѣ, что стоять на зимнихъ квартирахъ Подольской губерніи, около Каменца, было бы чрезвычайно скучно; здѣсь же у насъ на лѣвой рукѣ Одесса и Крымъ (Одесса всего 40 верстъ отъ Аккермана), а на правой Дунай. Пришлось таки попасть на Дунай! Мы будемъ стоять внѣ опасности, это правда, но близь опасности, близь театра войны. Къ тому же я очень радъ, что мы поступимъ подъ начальство Лидерса.—Съ другой стороны, надо сказать правду, хотѣлось бы намъ всѣмъ отдохнуть, нѣсколько пріостановиться; всѣ устали, не столько физически, сколько нравственно отъ этого безпрестаннаго движенія впередъ,— отъ этой ежедневной раскладки и укладки—всѣ вещи перепортились, многія пропали; мы не запаслись теплой одеждой, у многихъ и бѣлье порядкомъ не вымыто (такъ трудно мытье дорогой!); всѣ разсчитывали на Кіевъ. А тутъ въ Кіевѣ и обернуться не успѣешь: въ первый день вступятъ поздно, встрѣча, церковный парадъ, смотръ, можетъ быть, оффиціальный обѣдъ, сортировка людей (выбираютъ неспособныхъ, чтобы ихъ помѣстить въ арсеналъ); городъ большой, весь въ горахъ,—словомъ, никто ничего не успѣетъ сдѣлать.— Три мѣсяца слишкомъ похода—утомительно (съ 18-го Іюля по 22-е Октября). И какъ далеко буду я отъ васъ, и Богъ знаетъ—какъ еще будутъ приходить письма! Надѣюсь, что вы, не ожидая моего письма, будете писать все въ Кіевъ, а въ Кіевѣ мы распорядимся о пересылкѣ писемъ. Я впрочемъ въ Кіевъ поѣду раньше, именно завтра въ ночь, чтобы заранѣе принять деньги изъ разныхъ Коммиссій, и порохъ.— То, чему такъ долго не хотѣлось вѣрить, совершилось. Хоть и предупрежденъ я былъ слухами, но чтеніе депеши Горчакова о Севастополѣ перевернуло меня всего. Воображаю, что за отчаянная, баснословная была битва! Пронесся здѣсь слухъ, что Корниловскій бастіонъ мы вновь отбили. Или мало всѣхъ этихъ жертвъ, чтобы пронять и вразумить Россію!—Ужасно. Воображаю, какъ дрались! Приказъ арміямъ представляетъ дѣло гораздо въ худшемъ видѣ, нежели депеши Горчакова: въ немъ говорится о севастопольскихъ ге-

рояхъ, какъ о людяхъ, уже окончившихъ свое дѣло и поступающихъ вновь въ ряды арміи. Этотъ приказъ можно было бы такъ написать, что всѣ полѣзли бы отнимать Севастополь! Грустно. Говорятъ, будто Горчаковъ отозванъ. Какъ я былъ бы радъ этому: ни одного счастливаго дѣла во всю кампанію. Могу себѣ представить, какое дѣйствіе произвела на всѣхъ васъ эта новость!—Ахъ, какъ тамъ дрались, я думаю. Картина этой битвы безпрестанно мнѣ рисуется. Не ожидалъ я этого.—Прощайте *).

1855 г. Сентября 15. Кіевъ.

Здѣсь нашелъ я письмо ваше отъ 1-го Сентября; медленно поправляются ваши хворые! Таковъ странный характеръ выздоровленія всѣхъ теперешнихъ болѣзней; всѣ выздоравливающіе шатаются, какъ тѣни. Намъ не хотѣлось никого оставлять по пути, однакожъ, подъ конецъ, въ Нѣжинѣ и Козельцѣ оставили трехъ больныхъ, въ томъ числѣ и моего деньщика, что меня очень затруднило и затрудняетъ теперь; покуда прислуживаетъ мнѣ плотникъ изъ Штабной нестроевой команды, — но можетъ быть, здѣсь я найму человѣка. Въ Кіевъ я пріѣхалъ нѣсколько раньше дружины, какъ для того, чтобы узнать подробности церемоньяла вступленія, такъ и для своихъ провіантскихъ и коммиссаріатскихъ дѣлъ. Какъ хорошъ, какъ хорошъ Кіевъ, какъ я люблю этотъ городъ! Не смотря на осень (деревья, кромѣ тополей, почти всѣ по-

*) На душѣ такъ грустно и тяжело, пишетъ Сергѣй Тимофеевичъ, какъ никогда не бывало, особенно потому, что не только не видишь исхода изъ настоящаго положенія, но предчувствуюшь напротивъ, что это только начало общихъ бѣдствій. Впечатлѣніе, произведенное отдачею Севастополя, со всѣми пушками и безчисленнымъ множествомъ снарядовъ—не слабѣетъ, а напротивъ разростается часъ отъ часу болѣе. Съ Севастополемъ былъ связанъ великій вопросъ: его не сюрпризомъ взяли у насъ, а послѣ годовой осады мы сами сдали его, торжественно признавшись предъ цѣлой Европой, что вся Россія не могла противиться какой-нибудь стотысячной французской арміи. Остальныхъ я ни за что не считаю. Никакихъ положительныхъ извѣстій нѣтъ. Горчаковъ, за грѣхи Россіи, остается Главнокомандующимъ; вѣроятно онъ отступитъ до Перекопа, если не будетъ отрѣзанъ. Зимовать намъ негдѣ, а у непріятеля всѣ приготовлено для зимовки. Но это бы все ничего: мое отчаяніе происходитъ отъ другихъ причинъ, о которыхъ говорить здѣсь неумѣстно. Я покуда не умѣю владѣть съ собой и по временамъ предаюсь такому волненію, которое мнѣ вредно. Впрочемъ я работаю изъ всѣхъ силъ надъ собою.

желтѣли, а многія и совсѣмъ обнажились), на холодную и вѣтреную погоду, любуешься имъ безпрестанно: все еще не зима, слава Богу, скрывающая и формы и цвѣтъ природы.— Въ теченіе этого года въ Кіевѣ произошли большія перемѣны: крѣпость значительно подвинулась, мостъ со стороны Броваръ укрѣпленъ грозно, вездѣ пушки,—военныхъ и генералитету тьма тмущая! Послѣднее обстоятельство очень неудобно, потому что ко всѣмъ надо было являться, и потому что никакого дѣла сдѣлать просто нельзя: все формальности! Впрочемъ, ополченцевъ принимаютъ гораздо учтивѣе, чѣмъ настоящихъ военныхъ,—меня же принимали еще учтивѣе, потому что Юзефовичъ и другіе кіевскіе мои знакомые уже предупредили многихъ обо мнѣ, да и большую часть этихъ визитовъ и явокъ я совершилъ вмѣстѣ съ Юзефовичемъ, который принялъ меня съ распростертыми объятіями и просилъ переѣхать къ нему, на что впрочемъ я не согласился. Я просто обрадовался остановиться гдѣ-нибудь, не на квартирѣ, не стѣсняя хозяевъ, совершенно независимымъ.— Готовили торжественную встрѣчу Московскому ополченію (т. е. нашимъ двумъ передовымъ дружинамъ): и городское общество (купечество) съ хлѣбомъ и солью, и Митрополитъ съ хоругвями, образами и колокольнымъ звономъ, и угощеніе на площади и проч. и проч., и парадъ, и церемоніальный маршъ. Строгановъ пріѣхалъ наканунѣ вступленія и далъ мнѣ даже нарисованный планъ этой церемоніи для отсылки къ графу Толстому. Ратниковъ, между тѣмъ, чистили, аммуницію подкрашивали, словомъ, хлопотъ было бездна. Но всему помѣшала внезапная перемѣна погоды. Пошелъ дождь, дождь; часа три у города стояли ратники подъ дождемъ; наконецъ рѣшились отставить всѣ церемоніи: ихъ повели прямо, безъ всякихъ встрѣчъ, на площадь, гдѣ угостили ихъ водкой, дали по арбузу и по пирогу (послѣднему они очень обрадовались, говоря, что съ самаго Серпухова пироговъ не видали, что угощали много и часто, но никто не догадывался поднести пирога) и развели по квартирамъ.—Въ Кіевѣ у насъ была дневка, а вчера, когда вступили еще двѣ дружины,—былъ парадъ, съ котораго ратники прямо и отправились въ путь. Было болѣе четырехъ тысячъ ратниковъ.—«Москва въ Кіевѣ, Москва въ Кіевѣ»—слышалось всюду.—Русскіе, которые жи-

вутъ здѣсь, съ особеннымъ восторгомъ смотрѣли на нихъ, потому что въ Кіевѣ польскій элементъ еще очень силенъ.— Они проходили церемоньяльнымъ маршемъ мимо Панютина, сѣдаго старичка, съ очень добродушнымъ лицомъ.—Потомъ былъ обѣдъ въ Университетской залѣ для офицеровъ четырехъ дружинъ ополченія отъ дворянства. Обѣдъ — какъ всѣ обѣды подобнаго рода, но два тоста были очень одушевлены: за Россію и за воинство. Князь Васильчиковъ *) сказалъ рѣчь на тему—Москва въ Кіевѣ,—но сбился немного и вышло у него, что предки наши ополчались по примѣру нашему. Это наидобродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ.—Вечеромъ былъ вечеръ, soirée causante, у княгини Васильчиковой, на которомъ изъ нашихъ офицеровъ былъ я одинъ; прочіе уѣхали, а Толстой былъ не очень здоровъ. Вечеръ наискучнѣйшій, не то, что свѣтскій раутъ, а генералъ-губернаторскій,—вечеръ подчиненныхъ у начальника.—Я остаюсь здѣсь еще полтора дня, какъ для окончанія дѣлъ, такъ и для отдыха: хлопотъ у меня здѣсь была бездна, я принялъ между прочимъ 72 тысячи патроновъ съ новыми французскими пулями, полуконическими, со стержнемъ внутри. Я даже еще не успѣлъ побывать въ Лаврѣ. — Здѣсь прочелъ я приказъ Лидерса по южной арміи о нашемъ ополченіи: очень непріятный оборотъ принимаетъ дѣло. Дружины поступаютъ 3-мъ и 4-мъ батальономъ въ полкъ, въ совершенную зависимость отъ полковаго командира, какъ по строевой, такъ и по *хозяйственной* части. Полковой командиръ имѣетъ даже право смѣнить начальника дружины, если признаетъ его неспособнымъ къ командованію и если полкъ расположенъ далеко отъ Главной Квартиры. По прибытіи на мѣсто—будетъ ревизія казначейской и квартирмейстерской части, такъ что мнѣ надобно успѣть приготовиться на предстоящемъ походѣ къ этой ревизіи. Не понимаю, какъ начальники дружинъ—генералы (какъ нашъ Толстой) будутъ подчинены полковому командиру, нерѣдко въ чинѣ подполковника. Не знаю — каковъ попадется полковой командиръ, но знаю только, что дружины наши богаты, имѣютъ капиталы, и вся экономія сохраняется, тогда какъ полки большею частью содержатся плохо, и пол-

*) Тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ.

ковые командиры кладутъ экономію въ карманъ. Отъ всего этого могутъ произойти очень непріятныя столкновенія. Я противъ этого распоряженія и потому еще, что этимъ ослабится нравственная сила ополченія и произойдетъ странная пестрота: въ полку будетъ тысячи три безбородыхъ и тысяча съ бородой; три тысячи—одѣтыхъ по солдатски и управляемыхъ по солдатски и тысячи—одѣтыхъ по ратнически, выученныхъ хуже, чѣмъ солдаты, привыкшихъ къ другому управленію и управляемыхъ иначе. Къ Лидерсу поступаютъ 23 дружины смоленскаго и московскаго ополченія, значитъ 25 тысячъ. Изъ нихъ можно было бы составить цѣлую дивизію, въ которую помѣстить бы только побольше старыхъ солдатъ и офицеровъ для наученія. — Я думаю, что Толстаго прикомандируютъ къ Штабу Лидерса,—тогда и я перейду вмѣстѣ съ нимъ.—Кстати объ ополченіи: говорятъ, при послѣднихъ штурмахъ Севастополя курское ополченіе отличилось: ратники оставили ружья и приняли осаждающихъ въ топоры, причемъ потеряли 250 человѣкъ. — Съ нетерпѣніемъ жду подробностей объ этомъ дѣлѣ. Еще неизвѣстно—заняли-ли французы южную сторону. Да, если бы Нахимовъ былъ живъ,— эта великолѣпная поэма окончилась бы, можетъ быть, иначе. Впрочемъ и теперь войска наши оставили южную сторону, отбивши приступы и не преслѣдуемые. Однакожъ, когда отданъ былъ приказъ оставить Севастополь, никто не захотѣлъ идти и требовали, чтобы Горчаковъ лично, самъ объявилъ войскамъ этотъ приказъ, что онъ и исполнилъ. Если оставались въ живыхъ моряки, воображаю—каково имъ было!— Еще въ Кіевѣ все таки считаешь себя не далеко, но теперь чувство отдаленности охватитъ душу, тѣмъ болѣе, что полученіе писемъ будетъ очень затруднительно,—и я вѣрно долго, долго не получу писемъ. Надѣюсь, что вы получили мое письмо изъ Козельца съ приложеніемъ маршрута.— Прощайте, дай Богъ, чтобы вы были здоровы.

1855 г. Сентября 29-го, г. Умань.

Ужъ очень давно не писалъ я вамъ; на пути не было города; здѣсь не нашелъ я письма отъ васъ,—впрочемъ его и быть не могло, но за то дорогою дошло до меня ваше

письмо отъ 8-го сентября, адресованное въ Кіевъ: одинъ изъ нашихъ офицеровъ оставался по болѣзни въ Кіевѣ и передъ отъѣздомъ догадался зайти на почту, взялъ ваше письмо и привезъ его мнѣ 25 сентября. Поздравляю васъ со всѣми нашими сентябрьскими праздниками, также всѣхъ сестеръ и братьевъ. Вотъ уже второй годъ, какъ я провожу ихъ розно съ вами; въ прошломъ году я въ эти дни былъ въ Кролевцѣ и потомъ на дорогѣ изъ Кролевца въ Харьковъ и никакъ не думалъ, что черезъ годъ буду идти походомъ въ Бессарабію, офицеромъ ополченія. Какія-то еще штуки выкинетъ со мною судьба на будущій годъ! Я съ своей стороны никакихъ плановъ не строю, болѣе какъ на мѣсяцъ не разсчитываю и совершенно отдаюсь ей въ волю, смотря самъ на свою судьбу, будто какой посторонній зритель. Здѣшніе военные такого мнѣнія, что намъ еще разъ перемѣнятъ маршрутъ и что въ Тирасполѣ насъ, можетъ быть, повернутъ на Николаевъ, около котораго стягиваются войска. Я очень радъ идти въ Николаевъ, но—признаюсь—радъ былъ бы прекращенію похода хоть на десять дней; вы себѣ представить не можете, какъ надоѣла эта ежедневная раскладка и укладка бумагъ, это неизбѣжное запущеніе дѣлъ, эта порча и растрата вещей: все думаешь — вотъ придешь на мѣсто и осмотришься и приведешь все въ порядокъ. Мнѣ собственно хотѣлось бы поскорѣе раздѣлаться съ книгами, отдать отчетъ, сосчитаться и разсчитаться и сдать эту невыносимо скучную должность. Во всякомъ случаѣ—въ Бессарабіи или въ Николаевѣ будемъ мы стоять — это такіе пункты, гдѣ можно ожидать частыхъ тревогъ и передвиженій; поэтому мнѣ хочется еще больше сократить свой походный скарбъ и избавиться лишняго. Изъ Кіева съ Ефимомъ, камердинеромъ Графа Толстаго, я уже отослалъ въ Москву часть книгъ, платья и чемоданъ. Когда получится это письмо, вѣроятно и чемоданъ и моя посылка (кіевскія сухія варенья) будутъ уже у васъ. Если вы его видѣли сами, то вѣрно распрашивали и получили отъ него разныя свѣдѣнія о нашемъ кочеваньѣ.—Отъ Кіева до Умани—сторона очень интересная, но память ослабѣваетъ отъ постояннаго измѣненія картинъ мѣстности, людей, обстановки, впечатлѣній и ощущеній; все потомъ мѣшается и спутывается въ

головѣ и только рѣзкія явленія удерживаются въ памяти; записывать некогда; часто приходитъ въ голову мысль: вотъ объ этомъ непремѣнно разсказать въ письмѣ, это замѣчаніе необходимо сообщить,—но бумаги подъ рукою нѣтъ, старое смѣняется новымъ, и только съ трудомъ съ помощью маршрута и напряженной памяти могутъ выясняться и отдѣляться прожитыя впечатлѣнія. Дневника же я писать не могу никакъ; письма могу писать только прямо на бѣло, на почтовой непремѣнно бумагѣ, а не на простой, и даже въ этомъ отношеніи не могу себя поддѣть, чтобы завести дневникъ или записки. А нужно будетъ, потому что война только что начинается, ополченіе непремѣнно будетъ въ ней участвовать, и какъ вступимъ мы въ кругъ военныхъ дѣйствій, писаніе и полученіе писемъ будетъ сопряжено съ величайшими затрудненіями. Но кромѣ впечатлѣній походныхъ, сколько событій совершилось въ это время! — Сначала передамъ вамъ самыя свѣжія вѣсти, слышанныя мною здѣсь. Подъ Евпаторіей была стычка кавалерійская, небольшая, но для насъ неудачная: мы потеряли человѣкъ 200, благодаря безпечности, какъ говорятъ, дивизіоннаго начальника Корфа. Чуть ли нѣтъ намѣренія вывести совершенно войска наши изъ Крыма. При настоящемъ положеніи дѣлъ, т. е. при настоящихъ начальникахъ, можетъ быть такъ и слѣдуетъ. Въ противномъ случаѣ Горчакова какъ разъ отрѣжутъ отъ Перекопа и возьмутъ въ плѣнъ всю армію или уморятъ голодомъ. Корниловъ бастіонъ былъ взятъ послѣ полудня, когда, по прекращеніи бомбардировки (она обыкновенно къ 12-ти часамъ переставала), войска и офицера пошли отдыхать и обѣдать; самъ Горчаковъ только что сѣлъ за столъ, какъ вбѣжалъ адьютантъ съ извѣстіемъ, что курганъ занятъ.—Во французскихъ газетахъ, которыя мнѣ удалось прочесть у одного польскаго пана дорогой, удивляются оставленію Севастополя; Пелиссье никакъ этого не ожидалъ, напротивъ того предполагалъ, что со взятіемъ башни придется ему еще осаждать снова. Впрочемъ говорятъ, Горчаковъ опасался, чтобы непріятель не разрушилъ моста; къ тому же потери наши отъ этого бомбардированія были слишкомъ сильны. Говорятъ, что Крымъ стоитъ намъ уже 120-ти тысячъ войска! Все это такъ, но трудно мириться съ мыслью о нашемъ пораженіи, объ оставленіи за непріятелемъ цѣлой

области. Государь теперь въ Николаевѣ и, слышно, долго еще тамъ останется.—Странно, что резервы почти не трогаются съ мѣста, а ополченіе, которое въ настоящемъ его видѣ, не въ рукопашной схваткѣ, менѣе можетъ принести пользы, чѣмъ резервное войско, идетъ на театръ войны. Правда и то, что такое войско, какъ ополченіе, должно быть чѣмъ-нибудь занято, должно непремѣнно отвѣдать серьезнаго дѣла: безъ дѣла оно въ теченіе зимы просто расползется и произойдетъ разложеніе: иначе и быть не можетъ. Въ немъ нѣтъ ни дисциплины, ни одушевленія, двухъ двигателей массъ. 400 тысячныя ополченія будутъ растрачены даромъ, потому что правительство, прибѣгнувъ къ этой экстренной мѣрѣ, не хочетъ понимать того, къ чему подобная мѣра его обязываетъ и безъ чего ополченіе безсильно. Поступая въ составъ полковъ, какъ третій и четвертый батальоны, мы испещряемъ полки и лишаемся всякаго смысла, какъ ополченіе. Покуда насъ встрѣчаютъ съ крестомъ и хоругвями; 1-й и 2-й батальоны полка не удостоиваются этой чести, и военные съ презрѣніемъ смотрятъ и будутъ смотрѣть на эту «толпу мужиковъ», которыхъ кормятъ, поятъ и балуютъ въ тысячу разъ лучше, чѣмъ солдатъ. Лидерсъ въ приказѣ говоритъ, что мы должны составить благонадежный резервъ для войскъ; но резервомъ обыкновенно пополняются убылыя мѣста,—не будутъ ли ратниковъ брать въ солдаты, разумѣется, сбривая бороду и одѣвая въ мундиръ? Если такъ, то не лучше ли было бы просто сдѣлать рекрутскій наборъ: по крайней мѣрѣ этотъ народъ былъ бы хорошо обученъ. Въ составѣ полковъ ополченцы совершенно потеряются, будутъ затерты, не видны, будутъ изъ слабыхъ солдатъ; если можно еще придать ополченію какой-нибудь смыслъ, такъ это собравши его цѣлой массой.—Прочелъ я статью Погодина въ газетахъ о пребываніи Государя въ Москвѣ. Вѣрю его искренности и понимаю, что положеніе Государя дѣйствительно внушаетъ сильное участіе; что же касается до послѣднихъ строкъ статьи, то, хотя онѣ и новость въ наше время (послѣ Николая) и кажутся чѣмъ-то смѣлымъ, однакожъ не думаю, чтобы онѣ имѣли большой успѣхъ.

Я думаю, что въ Балтѣ найду письмо отъ васъ, уже прямо адресованное; вѣрно вы напишете мнѣ, что домъ въ

Москвѣ уже нанятъ и что вы скоро туда переѣдете. Очень радъ буду этому, особенно за сестеръ. Въ какой-то части города вы теперь помѣститесь? Если домъ пріисканъ, то вы вѣрно тотчасъ туда переселитесь, потому что сѣверная осень не привлекательна въ деревнѣ. А здѣсь что за осень, просто чудо. Листья и здѣсь большею частью опали, но тамъ, гдѣ деревья защищены отъ сѣвернаго вѣтра, они принимаются цвѣсти во второй разъ! 25-го Сентября, когда мы стояли въ Дóбрѣ, помѣщика Ружицкаго, гдѣ есть великолѣпный прудъ, наши ратники во множествѣ купались. По ночамъ ходишь въ одномъ платьѣ. Осень, конечно, слышна въ воздухѣ, но она какъ-то мягка, пріятна, ласкова. Здѣсь люди не боятся природы: теплыхъ сѣней нѣтъ; прямо изъ комнаты дверь на улицу; войлокомъ обитыхъ дверей не видно. Хороша южная природа, нечего сказать, и не смотря ни на что, доставляетъ мнѣ неизъяснимыя наслажденія. Ея гармоническая пѣснь слышится мною постоянно сквозь всю дисгармонію жизни, всѣ диссонансы быта, не смотря на жидовъ, поляковъ, чиновниковъ военныхъ, чиновниковъ гражданскихъ и всю чепуху административную, не смотря на событія политическія. Да, вамъ надобно же сказать что-нибудь объ этой сторонѣ. Три западныя губерніи—Кіевская, Подольская, Волынская, или Заднѣпровская Украйна, представляютъ очень грустное явленіе. Народъ православный и русскій (т.-е. малороссійскій) угнетенъ жидами и польскими панами; поляки угнетены правительственными лицами, и всѣ угнетены роковою чепухой современной всероссійской жизни. Эта сторона — чудная, богатая всѣми дарами природы, колыбель Руси, сторона ея первой, дѣвственной молодости, до татаръ и до царей, была также театромъ всѣхъ отчаянныхъ сѣчь казаковъ съ ляхами за вѣру и за свободу, всѣхъ страшныхъ козней и угнетеній, испытанныхъ казаками отъ поляковъ, во времена введенія Уніи. Все это было до Богдана Хмѣльницкаго; послѣ Хмѣльницкаго,—она была раздираема внутренними смутами, раззоряема и своими, и турками и татарами, и московскою ратью, и поляками. Россія не съумѣла удержать за собою заднѣпровской Украйны и уступила ее Польшѣ. Польша немедленно уничтожила въ этой сторонѣ казачество и раздала земли и населявшихъ земли въ по-

мѣстья своимъ магнатамъ. Почти вся Кіевская губернія принадлежала четыремъ изъ нихъ; и теперь еще они владѣютъ здѣсь огромными мѣстностями: у графовъ Браницкихъ здѣсь 100 тысячъ душъ, у графовъ Потоцкихъ столько же, если не больше. И такъ, поляки-гонители православія, уничтожившіе казачество, католики, овладѣли этимъ народонаселеніемъ православнымъ и вольнымъ, поселились тутъ помѣщиками, стали пановать, со всею дикостью причудъ и прихотей польскихъ взбалмошныхъ пановъ; сторона покрылась костелами, католическими монастырями и училищами. Конечно польское вліяніе было здѣсь сильно и прежде, но все же не въ такой степени, да оно было и сброшено при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Можете себѣ представить—каковы были отношенія этихъ крестьянъ къ этимъ помѣщикамъ, которые въ добавокъ раздавали свои помѣстья поссесорамъ, т. е. въ аренду или жидамъ или мелкимъ шляхтичамъ. Война продолжалась, только приняла другой характеръ. Казаковъ уже не было, но явились гайдамаки, бѣглые помѣщичьи крестьяне и буйная сволочь, нетерпимая даже въ Запорожской Сѣчи, надъ которою уже висѣла русская гроза. Гайдамаки точно поступали разбойнически, но цѣль ихъ нападеній—были польскіе паны и жиды. Знаменитѣйшіе изъ нихъ были Желѣзнякъ и Гонтъ, которые въ народныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ считаются героями и мучениками за вѣру и вольность. Они раззоряли польскія помѣстья; польскіе паны въ свою очередь набирали своихъ хлопцевъ и всю свою челядь и ходили на нихъ войною. Недавно одинъ полякъ разсказывалъ при мнѣ неистовства гайдамаковъ въ этой сторонѣ (уже во 2-й половинѣ 18-го столѣтія происходила здѣсь знаменитая Коліевщина или Уманьская рѣзня, побіеніе гайдамаковъ); я не выдержалъ и попросилъ его вспомнить, что дѣлали поляки съ гайдамаками; онъ долженъ былъ сознаться, что Гонтъ (или Желѣзнякъ—не помню) былъ графомъ Потоцкимъ изжаренъ на вертелѣ. Все это было не очень давно, лѣтъ 80, не больше. Съ присоединеніемъ этихъ губерній къ Россіи тиранство поляковъ было ограничено, но понятно—какимъ чувствомъ дышетъ здѣшнее народонаселеніе. Какъ бы тамъ ни разсуждали, а инвентари *здѣсь*, по моему мнѣнію, истинное благо.—Когда вышелъ указъ объ

ополченіи и его прочли въ церквахъ, то здѣшній народъ понялъ его иначе: «Государь призываетъ всѣхъ къ оборонѣ, и насъ также, хочетъ, чтобы мы были казаками и обороняли здѣшнюю сторону отъ ляховъ». Произошелъ бунтъ, т.-е. крестьяне возстали, давши себѣ слово не пить и заперевъ всѣ шинки, не стали рббить панщину, увѣренные, что они теперь казаки. Помѣщики и управляющіе - поляки, бѣжали; можетъ быть, крестьяне и принялись бы за нихъ,— но—странно (и никто еще мнѣ этого порядочно не объяснилъ) прежде всего принялись за своихъ православныхъ священниковъ, которыхъ стали подвергать разнымъ истязаніямъ. Они, кажется, были ими недовольны за то, что священники вздумали усмирять ихъ и, въ глазахъ крестьянъ, держали сторону поляковъ-пановъ. — Употребили военную силу, даже пушки, убили нѣсколько десятковъ людей, бунтъ кончился, и помѣщики и поссесоры возвратились. Но народонаселеніе сильно раздражено. Это просто чутьемъ въ воздухѣ слышишь, да и на лицахъ прочесть можно. Одинъ изъ крестьянъ прибилъ чуть не до смерти одного изъ нашихъ кадровыхъ (т.-е. настоящихъ) унтеръ-офицеровъ за то, что тотъ приставалъ къ знакомой крестьянину дѣвушкѣ. Прибить солдата — едвали кто рѣшится у насъ. Еще сильнѣе стало недоумѣніе въ народѣ, еще темнѣе темный лѣсъ администраціи, его давящій; къ раздраженію противъ поляковъ присоединяется раздраженіе противъ москалей.—О, панъ, какъ мы боялись, разсказывала мнѣ по польски одна полька, дочь управляющаго: это было въ ночь на Свѣтлое Воскресенье: стоятъ толпы народа, сходятся до роды, шепчутся между собой,—а мы ѣдемъ мимо, чуть живы... о борзо страшно!—Намъ приходилось стоять все въ помѣщичьихъ польскихъ имѣніяхъ, иногда у самихъ пановъ, иногда же у ихъ управляющихъ. Вездѣ встрѣчали насъ прекрасно, лучше чѣмъ гдѣ-либо, вездѣ подносили ратникамъ водку, дарили имъ мясо, хлѣба, крупъ. Поляки вообще люди довольно образованные, получаютъ и читаютъ иностранныя газеты, и въ этомъ отношеніи останавливаться у нихъ было довольно пріятно.—Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ было невыносимо тяжело.—У всѣхъ поляковъ отобраны ружья (за немногими исключеніями), и страстные

охотники въ этой сторонѣ, гдѣ такая привольная охота (водятся дикія козы, и во множествѣ), лишены возможности охотиться; между тѣмъ наши офицеры отправляются на охоту, и, не зная этого запрещенія, вы сами распрашиваете хозяина—охотится ли онъ и хорошія ли у него ружья и проч.—Васъ встрѣчаютъ съ привѣтствіями, которымъ вы не вѣрите; съ прискорбіемъ сообщаютъ вамъ вѣсть о нашемъ положеніи, и вы знаете, что втайнѣ хозяинъ радуется ему, вы чувствуете—съ какой злобой и презрѣніемъ смотритъ онъ на ополченіе, которое угощаетъ. Положеніе поляковъ, даже вѣрныхъ, даже преданныхъ Россіи, въ настоящее время въ высшей степени тягостно, и оно способно возбудить ваше сожалѣніе. А между тѣмъ въ этомъ домѣ, гдѣ васъ угощаетъ польскій панъ, одному его взгляду послушна русская прислуга, весьма, уже ополяченная, говорящая по польски, но тѣмъ не менѣе православная. Видѣть русскаго крѣпостнымъ у польскаго пана и отвыкшаго отъ русскаго языка, потому что панъ говоритъ съ нимъ только по польски—еще тягостнѣе.—Вотъ здѣсь, въ городѣ, мимо меня часто ѣздятъ экипажи разныхъ польскихъ помѣщиковъ, почти все графовъ (впрочемъ кто въ Польшѣ не графъ!): лошади въ краковскихъ хомутахъ (какіе-то высокіе хомуты, съ лентами, перьями и всякимъ цвѣтнымъ убранствомъ, довольно безвкуснымъ), въ шорахъ, переднія лошади бѣгутъ одни безъ форрейтора, кучеръ съ длиннымъ бичемъ, словомъ, упряжь такая, какъ и за границей. Если кучеръ полякъ, такъ оно такъ и идетъ одно къ другому, но иногда вы ясно видите, что кучеромъ сидитъ переряженный крѣпостной хохолъ—и дѣлается за него невыносимо больно.—Изъ четырехъ братьевъ Браницкихъ одинъ остался жить въ Парижѣ и 25-ть тысячъ душъ, ему принадлежащихъ, конфискованы казною, чему я очень радъ.—Досадны чрезвычайно притязанія на Украйну поляковъ, какъ на родной край, какъ на часть Польши; «родная Украйна», пишетъ одинъ польскій поэтъ, котораго я недавно читалъ, тогда какъ это край, ими завоеванный, ими угнетенный и ихъ ненавидящій.—Мущины довольно скрытны, но польки смѣлѣе высказываютъ свои чувства; вообще патріотизмъ польскій наиболѣе поддерживается ксендзами и женщинами. Тѣ польки, которыхъ мнѣ удалось ви-

дѣть отъ Кіева до Умани, не хотѣли иначе говорить съ нами, какъ по польски, хотя умѣютъ говорить и по русски и по французски; съ нѣкоторымъ трудомъ—это правда, однако же все понимаешь—и если бы это продолжалось дольше, я бы отлично выучился по польски. Благодаря знанію наизусть нѣкоторыхъ стихотвореній Мицкевича на польскомъ языкѣ, я встрѣчалъ у полекъ пріемъ весьма благосклонный, и даже одна изъ нихъ мнѣ подарила книжку стиховъ того поэта (Мальческій), о которомъ я говорилъ. Стихи очень и очень хороши и почти всѣ говорятъ объ Украйнѣ.—Какое множество здѣсь жидовъ! Просто ужасъ! И они сами и жилища ихъ насквозь пропитаны отвратительнымъ запахомъ чеснока. Бѣлая церковь—огромное мѣстечко, принадлежащее графу Александру Браницкому, наполнено ими. Самихъ польскихъ магнатовъ мы не видали; они живутъ въ Варшавѣ; теперь гнетъ и образованіе укротили нѣсколько взбалмошную спѣсь польскихъ богачей; остались только слѣды и преданія.—Умань до 1830-го года принадлежала одному изъ графовъ Потоцкихъ. Теперь онъ эмигрантъ, а имѣніе его досталось казнѣ. Около Умани кавалерійскія поселенія; Умань сдѣлана городомъ и городомъ военнымъ, въ родѣ Елисаветграда, красивымъ, опрятнымъ, чистымъ, а садъ, знаменитый, великолѣпный садъ (верстахъ въ трехъ отъ Умани находится садъ—Софіевка—названъ Царицынымъ садомъ),—чуть-ли не третій въ Европѣ по красотѣ. По мнѣ онъ несравненно лучше Петергофскаго; въ немъ есть то, чего нѣтъ нигдѣ: соединеніе дикости съ искусствомъ.—Преданіе говоритъ, что отецъ эмигранта Потоцкаго былъ женатъ на какой-то красавицѣ гречанкѣ, которая, гуляя вмѣстѣ съ нимъ, восхитилась каменистой балкой (оврагомъ) въ лѣсу, и графъ Потоцкій, чтобы исполнить желаніе гречанки, какъ истый полякъ, устроилъ здѣсь садъ, положивши на это до десяти мильоновъ, или что-то около этого. Въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить что-нибудь лучше. Садъ самый роскошный раскинутъ на дикихъ скалахъ и утесахъ; огромные пруды устроены въ балкѣ, вода проведена всюду и широкимъ, сильнымъ водопадомъ летитъ по каменьямъ величины необъятной, навороченныхъ сюда не человѣческою рукою, ибо не сдвинуть ихъ человѣку. Есть гроты обширные изъ трехъ каменьевъ

и утесовъ. Фонтаны великолѣпные и едва ли уступятъ тергофскимъ. Эти фонтаны нисколько не оскорбляютъ, тому что кругомъ фонтана дикія скалы во всей дикой кратѣ своей, не тронутыя искусствомъ. Объ оранжереяхъ, о ннелѣ подъ садомъ, гдѣ плаваютъ на лодкѣ изъ верхняго уда въ нижній посредствомъ особо устроенныхъ шлюзовъ, звѣринцѣ, о кіоскахъ и проч. я не говорю; это вездѣ быть жетъ; но здѣсь есть то, чего не достанешь ни за какія ньги. Какая роскошная растительность при этомъ, что за ревья!.. Вода, скалы, виноградъ—зрѣющій на солнцѣ, толи, уходящіе въ небо, перспектива отдаленныхъ видовъ, ковѣчныя деревья, вкусъ, красота, природа и искусство,— аровательно здѣсь!—Казна отпускаетъ ежегодно до 10-ти сячъ р. сер. на ремонтъ сада. Будь этотъ садъ за грацей, всѣмъ бы онъ былъ извѣстенъ; всѣ бы нарочно ѣзли его смотрѣть!—Въ Умани у насъ была дневка. Друина нынче ушла, а я догоню ее завтра: здѣсь я остался я счетовъ съ провіантскимъ вѣдомствомъ и для того, чтобы лучить съ почты денежныя письма ратникамъ: иногда придитъ писемъ до 70, съ рублемъ и двумя, иногда и болѣе, 10-ти рублей серебромъ. Я воспользовался этимъ днемъ, обы написать вамъ на досугѣ.—Такъ вотъ сторона, чрезторую мы теперь проходимъ. Не знаю, передалъ ли я мъ объ ней вѣрное понятіе. Надъ этимъ гнетомъ и безоазіемъ земнаго быта стоитъ шатромъ такое чудное южное бо, горятъ такъ ярко южныя звѣзды. Право, не припиите это чему-либо другому,—видъ южной природы, ощуэніе этого тепла, эта близость человѣка къ природѣ, ея сковость (повторяю часто этотъ эпитетъ: онъ очень вѣренъ, ѣ кажется) способны доставлять мнѣ наслажденіе вопреки рашному концерту фальшивыхъ нотъ, звучащихъ около ня на землѣ.—Завтра придетъ почта и привезетъ новыя зеты. Авось либо появится наконецъ подробное донесеніе дѣлѣ 27-го Августа.—И такъ прощайте. Будьте здоровы; й вамъ Богъ провести зиму въ Москвѣ совершенно пріят- и спокойно. Что дѣлаетъ Константинъ? Работаетъ ли дъ грамматикой?

6-го Октября 1855 г. Балта.

Я разсчиталъ вѣрно, и ваше письмо пришло именно къ самому дню вступленія нашего въ Балту.—Въ Балтѣ мы получили изъ Главной Квартиры полное собраніе приказовъ по южной арміи съ 1-го Января, разумѣется, печатныхъ. Хотѣлось бы очень знать администрацію арміи и хозяйственное устройство у французовъ: неужели такъ же многосложно, какъ у насъ, также изобильно всякими формальностями, письменностію, вѣдомостями и таблицами, таблицами таблицъ и вѣдомостями вѣдомостей! У насъ точка отправленія во всякомъ хозяйственномъ устройствѣ—та, что всѣ должны быть мошенники и воры; все состоитъ изъ предосторожностей противъ мошенничества и въ тоже время изъ признанія этого мошенничества, какъ неминуемаго зла. Это особенно видно при разсчетѣ и отпускѣ денегъ. Казна на многіе предметы отпускаетъ менѣе необходимаго, а на иные и вовсе ничего, въ полной увѣренности, что командиры нахватаютъ непремѣнно много денегъ, и что правительство въ правѣ требовать отъ нихъ, чтобы всѣ эти предметы содержались въ исправности. Разумѣется—на многихъ вещахъ накопляется значительная экономія, которую мошенникъ, или лучше сказать истинный русскій человѣкъ съ полнымъ иногда простосердечіемъ кладетъ въ карманъ, а человѣкъ съ болѣе строгими понятіями о честности употребляетъ на пользу службы. Но сохрани Богъ этого честнаго человѣка показать эту экономію оффиціально: ее отнимутъ и у него не будетъ денегъ, чтобы покрыть тѣ издержки, которыя правительствомъ не признаются: напр. лошадямъ полагается два гарнца въ сутки; но на этомъ продовольствіи нѣтъ возможности содержать лошадь подъемную и въ походѣ, и ей дается вдвое на счетъ экономіи. И потому честный человѣкъ долженъ лгать и лгать оффиціально. И тѣ, которые отпускаютъ деньги, знаютъ, что весь разсчетъ будетъ ложный, и тѣ, которые принимаютъ, и тѣ, которые ведутъ книги, и всѣ лгутъ, лгутъ для удовлетворенія требованій оффиціальной лжи, какого-то страшнаго чудовища, именуемаго въ Россіи порядкомъ и снѣдающаго Россію. Я въ этомъ отношеніи плохой казначей и еще не искусился настоящимъ образомъ лгать въ порядкѣ, т. е. вы-

водить въ книгахъ небывалые расходы, но безъ этого нельзя, пожалуй подвергнешься взысканію, и потому-то я стараюсь теперь всячески привести въ *порядокъ* свои книги, а по прибытіи на мѣсто найму какого-нибудь доку-писаря, который наведетъ на нихъ окончательный лоскъ. Напр. денегъ на лазаретъ не отпускается ни копѣйки, а мы наняли фельдшера за 50-ть р. сер. до мѣста, устроили фургоны, веземъ ихъ тройками, завели лазаретную кухню, покупаемъ лекарства: всѣ эти расходы я вывести не могу, съ меня взыщутъ пожалуй деньги за это, и потому надо сочинять какія-нибудь другія статьи расхода, выводить подъ ними росписки и проч. и проч. Странный порядокъ! Можно ли чего ожидать при такой системѣ; все изолгалось въ администраціи. Есть приказъ о томъ, что, по прибытіи на мѣсто, Строгановъ увольняется отъ должности Начальника ополченія, а начальники дружинъ должны сдать дружины на законномъ основаніи полковому командиру, оставаясь батальонными командирами. Если непріятель скоро прекратитъ кампанію въ нынѣшнемъ году, то вѣроятно зиму дружина проведетъ спокойно въ мѣстахъ своей стоянки. Впрочемъ чрезъ полмѣсяца все узнаемъ. Чѣмъ ближе къ мѣсту, тѣмъ затруднительнѣе становится походъ, тѣмъ серьезнѣе становится характеръ всего дѣла ополченія, и ратники, по крайней мѣрѣ многіе, начинаютъ задумываться или—пить съ горя. Ко мнѣ не разъ приходили съ вопросомъ: правда ли, говорятъ, «Господь дастъ намъ возвратиться?»... Я объясняю, что теперь, когда почти отнята у насъ цѣлая область, нельзя возвратиться, не сдѣлавъ никакого дѣла, послѣ чего ратники молча, но съ грустнымъ выраженіемъ покорности, уходятъ. Теперь все болѣе и болѣе чувствуется чужбина; сторона все менѣе и менѣе русская. Здѣсь все жиды и жиды и все въ рукахъ жидовъ. Отъ нихъ ни привѣта, ни ласки нѣтъ ратнику, все въ тридорога, на него глядятъ какъ на непріятеля. Хотя и крѣпко не любитъ русскій человѣкъ жида, однакожъ до сихъ поръ отношенія довольно мирны, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ: разъ одному пьяному ратнику вздумалось заставить жидовъ цѣловать крестъ на фуражкѣ, и я долженъ былъ освобождать жидовъ отъ этого насилія; въ другой разъ—оскорбленные ругательствами какого-то пьянаго жида, они избили трехъ

изъ нихъ до полусмерти. Впрочемъ, жиды эти выздоровѣли.— Изъ Умани я догналъ дружину въ Хощеватѣ, потому что она не заходя въ Юзефовку, прошла прямо въ Хощевату, выкинувъ лишнихъ верстъ 20-ть крюку, и вмѣсто одного дня дневки, имѣла два дня. Это жидовское мѣстечко, принадлежащее помѣщику, польскую фамилію котораго я теперь забылъ. Я стоялъ у еврея въ шинкѣ, т. е. рядомъ съ шинкомъ въ крошечной комнаткѣ. Въ субботу (шабашъ) евреи не разводятъ огня, не торгуютъ, и потому мы всѣ (кромѣ обоихъ начальниковъ дружинъ, квартировавшихъ у помѣщика и довольно отдаленно отъ мѣстечка) должны были довольствоваться холодною пищею, т. е. колбасой и сыромъ. На слѣдующій день—какъ ни противно было, а пришлось пробовать пищи еврейскаго приготовленія; впрочемъ я заранѣе условился, чтобы не было чесноку. Евреи живутъ очень грязно, очень тѣсно, спятъ почти одѣтые подъ засаленными перинами, вообще народъ довольно противный,—но очень, очень умный и даровитый. Женщины всѣ красавицы, но съ совершенно холоднымъ, безстрастнымъ взоромъ, въ которомъ выражается только одна корысть. Въ шабашъ запрещено брать деньги, и забавно было видѣть, какъ еврейка продавала вино ратникамъ, не принимая денегъ въ руки, а приказывая класть ихъ на столъ. Въ Хощеватѣ протекаетъ Бугъ, или лучше сказать, стремится, бѣжитъ Бугъ; каменные пороги останавливаютъ тутъ его теченіе, и онъ шумитъ, какъ мельница. Всѣ рѣки, вытекающіе изъ Карпатъ, чрезвычайно стремительны и быстры и Бугъ въ томъ числѣ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переправлялись, въ полуверстѣ отъ пороговъ, было до 5-ти саженъ глубины. До Балты мы все переходили горы страшной вышины: это отроги Карпатскихъ горъ. Мѣстоположеніе вообще живописное, а что за погода, что за осень—чудо. День весь ходишь въ одномъ платьѣ—да и то жарко; ночи также теплыя, такія, какъ майскія,—но деревья почти совсѣмъ облетѣли, кромѣ тополей. Въ Балтѣ мы еще имѣли дрова (для кухни), но теперь не увидимъ ничего, кромѣ камышу, соломы, козяка и бурьяна. Овесъ становится рѣдкостью, и лошадей мы начинаемъ кормить ячменемъ, который здѣсь дешевле овса; гречневая крупа страшно дорога. Отъ Умани до Балты ратники шли на сухаряхъ, потому что

въ Умани вмѣсто муки дали сухарей; здѣсь же наоборотъ— не дали сухарей и заставили взять муку изъ здѣшняго провіантскаго магазина; мука эта была заготовлена въ количествѣ 70-ти тысячъ четвертей по распоряженію Меньшикова и лежала подъ открытымъ небомъ мѣсяца четыре. Такъ какъ у насъ теперь нѣтъ офицера—хлѣбопека (за болѣзнью нѣкоторыхъ офицеровъ), то на этотъ разъ эту скучную обязанность принялъ я на себя, ходилъ со щупомъ по магазину и конечно могъ бы пріобрѣсть множество практическихъ хозяйственныхъ свѣдѣній, если бы было больше къ нимъ охоты.—Здѣсь въ Балтѣ нагналъ насъ Строгановъ; завтра онъ ѣдетъ въ Ольгополь, чрезъ который идутъ остальныя восемь дружинъ—и потомъ въ Одессу для сдачи ополченія. Онъ изыскиваетъ теперь всѣ способы, какъ бы оградить нѣкоторую самостоятельность ополченія и сохранить за нимъ денежные его капиталы.—Прочелъ я здѣсь и газеты и депешу о дѣлѣ Корфа. Интереснѣе и живѣе рапортовъ оффиціальныхъ—письма иностранныхъ корреспондентовъ о взятіи Севастополя. Воображаю себѣ картину отступленія войска, сопровождаемаго взрывами фортовъ, освѣщаемаго пламенемъ, войска мрачнаго, но грознаго, давшаго передъ этимъ отпоръ многочисленнѣйшей арміи! Положительно извѣстно, что непріятель бомбардируетъ Кинбурнъ и Очаковъ, двѣ крѣпостцы, заграждающія входъ въ устье Буга, къ Николаеву, высадилъ десантъ гдѣ-то, около Очакова, и что войска наши двинулись отъ Одессы къ Николаеву чуть не бѣглымъ шагомъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого и намъ перемѣнятъ маршрутъ и также двинутъ на Николаевъ. Поэтому я до сихъ поръ не могу вамъ назначить вѣрнаго другаго адреса, кромѣ Бендеръ. Вы спрашиваете—не нужны ли мнѣ деньги? Они мнѣ не нужны, если я получу 270 руб. сер., слѣдующіе мнѣ по Высочайшему повелѣнію, какъ и другимъ офицерамъ, предъ открытіемъ кампаніи, на покупку лошадей и проч. Эти деньги мы должны были бы получить въ Кіевѣ, но Кіевская коммиссаріатская коммиссія не дала ихъ, потому что не получала предписанія о томъ изъ Департамента, не смотря на Высочайшее повелѣніе,—и потому что мы изъ средней переведены въ южную армію. Теперь эти деньги должно будетъ получить изъ полеваго коммиссаріатства южнойарміи,агдѣ оно—

намъ неизвѣстно; но рано или поздно мы все таки эти деньги получимъ, а до того времени я обойдусь тѣмъ, что у меня есть. Къ тому же куда высылать деньги? Я покуда не могу назначить адреса, и потому прошу не высылать.—Прощайте.

1855 г. Октября 14-го дня. Тирасполь.

Здѣсь въ Тирасполѣ нашелъ я два вашихъ письма. Ваши письма живо передаютъ впечатлѣніе, произведенное на васъ взятіемъ Севастополя, да и вообще участіе душевное, принимаемое Москвою и вообще Великороссіей въ этой войнѣ, гораздо сильнѣе участія здѣшняго края, не смотря на близость театра войны.—Хотя и здѣсь ожидаютъ всегда петербургской почты, чтобы въ петербургскихъ газетахъ почерпнуть достовѣрныя извѣстія о томъ, что дѣлается въ 100 верстахъ отсюда, однако вотъ вамъ свѣдѣнія, довольно положительныя и точныя, слышанныя мною отъ пріѣзжихъ. Очаковъ нами взорванъ: укрѣпленіе тутъ было самое ничтожное (для чего же надъ нимъ потрачено столько работы въ это нужное время?); Кинбурнъ взятъ непріятелемъ вмѣстѣ съ гарнизономъ; двѣсти человѣкъ нашихъ пробились; остальные отрѣзанные совершенно,—захвачены въ плѣнъ. Владѣя воротами Бугскаго и Днѣпровскаго лимана, непріятель высадился верстахъ въ 20-ти отъ Херсона, откуда казенныя бумаги и архивы всѣ вывезены. Говорятъ, будто около Николаева стянуто до 80-ти тысячъ нашего войска,—но это не помѣшаетъ отступить и послужитъ только къ усиленію нашего безславія, къ лучшему доказательству нашей несостоятельности. — Корфъ смѣненъ, на мѣсто его назначенъ Радзивиллъ. — Какъ неумолимо правосудна судьба! Какъ жестока въ своей логикѣ! Признаюсь—я не очень негодую на Горчакова; Севастополь палъ не случайно, не по его милости; я жалѣю, что не было тутъ искуснѣйшаго Генерала, чтобы отнять всякій поводъ къ искаженію истины; онъ долженъ былъ пасть, чтобы явилось на немъ дѣло Божіе, т. е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа. Видно—еще мало жертвъ, мало позора, еще слабы уроки; нигдѣ сквозь окружающую насъ мглу не пробивается лучъ новой мысли, новаго начала! — Мы ожидали, что въ

Тирасполѣ намъ перемѣнятъ маршрутъ; однакожъ этого не случилось, и мы будемъ продолжать свой путь въ колоніи.—Здѣсь не только нѣтъ перемѣны маршрута, но даже нѣтъ оффиціальнаго свѣдѣнія о проходѣ дружинъ, такъ что въ размѣщеніи квартиръ, въ подводахъ и хлѣбопеченіи встрѣтились большія затрудненія. Даже нѣтъ городничаго; онъ удаленъ за какіе-то безпорядки; распоряжаются какіе-то Семенъ Ивановичъ и Яковъ Ивановичъ въ красныхъ полицейскихъ воротникахъ, да евреи. Трудно повѣрить, что непріятель, по прямой линіи, въ какихъ нибудь ста верстахъ отсюда или немного больше.—Впрочемъ, въ Тирасполѣ, т. е. подлѣ самаго города, устроена небольшая крѣпость надъ Днѣстромъ, а на другомъ берегу Днѣстра, верстахъ въ 8 отъ Тирасполя, стоитъ довольно грозная съ виду крѣпость Бендерская. Переправы нѣтъ, какъ прежде; устроенъ понтонный мостъ.—Я, чтобы не терять времени, ѣздилъ въ Бендеры на ночь, чтобы утромъ, обдѣлавъ свое дѣло, вернуться назадъ въ Тирасполь. Полная луна великолѣпно освѣщала Днѣстръ и недавно возведенныя укрѣпленія, башни, баттареи, откосы, ворота: все это на досугѣ обдѣлано такъ правильно, такъ красиво. Любуясь этимъ чуднымъ видомъ, я думалъ про себя: къ чему все это? Для того, чтобы при первомъ появленіи непріятеля быть срытымъ, взорваннымъ, оставленнымъ! По моему мнѣнію, эти обѣ крѣпости совершенно безполезны и не помѣшаютъ непріятелю переправиться черезъ Днѣстръ въ другомъ мѣстѣ. Днѣстръ хотя и быстръ, однако мѣстами такъ мелокъ, что въ бродъ переходятъ, да и не широкъ. Онѣ могутъ имѣть значеніе развѣ какъ укрѣпленные лагери и складочныя мѣста. — Странно, что объ насъ нѣтъ никакого распоряженія: мы не знаемъ даже, къ какому полку мы прикомандированы, откуда будемъ получать провіантъ на людей,—а между тѣмъ нынче 15-е, а 22-го мы приходимъ на мѣсто. Кажется, они тамъ потеряли совсѣмъ головы, и мнѣ кажется, что они даже не знаютъ, что дѣлать съ войскомъ: никакого опредѣленнаго плана не замѣтно. Впрочемъ, непріятель, переносясь на корабляхъ съ пункта на пунктъ, быстрѣе нашихъ дивизій, бѣгущихъ за нимъ по берегу, совершенно сбиваетъ съ толку нашихъ военачальниковъ и ломаетъ всѣ ихъ планы —Отъ

Балты мы шли Херсонской губерніей, плодородною, но печальною стороною, печальною, потому что она, особенно теперь осенью, когда хлѣбъ убранъ, вся гола: нигдѣ ни прута не видно. Степь волнистая: къ востоку она улеглась, но здѣсь эти перекаты или валы земляные поднимаются иногда очень высоко: деревни большею частью разбросаны въ долинахъ, балкахъ или на отлогостяхъ горъ; бѣленькія, маленькія хатки лѣпятся по нимъ, будто стадо барашковъ издали. Народонаселеніе смѣшанное: русскіе раскольники, хохлы, евреи и молдаване; далѣе къ югу и въ Бессарабіи пестрота еще сильнѣе. Я полагаю, что слабость нравственная здѣшняго народонаселенія имѣетъ значеніе для теперешней войны. Если бы эти стороны были населены цѣльнымъ, кореннымъ, туземнымъ племенемъ, — одушевленіе, нравственный отпоръ дѣйствовало бы и на войско и на вождей; среда, воздухъ былъ бы другой, болѣе укрѣпляющій. Здѣсь же русскіе будто на чужбинѣ: народонаселеніе составлено изъ бѣглыхъ, бродягъ и иностранныхъ пришельцевъ. Коренные русскіе здѣсь—раскольники, очень злые, имѣющіе сношеніе съ заграничными раскольниками, раздраженные послѣдними мѣрами, принятыми противъ раскола правительствомъ; крестьяне хохлы, все господскіе, раззоренные и раздраженные; молдаване — дряблый народъ; евреи — господствующее народонаселеніе, господствующее въ нравственномъ смыслѣ; на нихъ вовсе нельзя положиться; чиновники— сбродъ, большею частью изъ польскихъ шляхтичей; помѣщики—все какіе-то иностранцы. Наконецъ колонисты всѣхъ возможныхъ націй,—извлекающіе, вмѣстѣ съ Евреями, огромнѣйшія выгоды изъ настоящаго положенія: у нихъ капиталы, они подрядчики.—Воронцовъ, обогативши край, открывши источники сбыта, въ тоже время объиностранилъ, очужеземилъ его и обезсилилъ нравственно. Болгаре и греки, я думаю, самое лучшее народонаселеніе въ здѣшнемъ краѣ.— Да, вотъ еще что.—На одной станціи зашелъ я послѣ обѣда къ одному изъ своихъ товарищей; былъ уже вечеръ; хозяинъ, только что воротившійся съ панщины, сидѣлъ усталый на печи; подлѣ него двѣ женщины; сидѣли они молча. Хата—бѣдная, но чистоты необыкновенной, красивѣе и изящнѣе хатъ малороссійскихъ; кромѣ бѣлой глины и мѣлу,

здѣсь употребляютъ глину кофейнаго цвѣта, которою обводится нижняя часть стѣнъ и печей. Вездѣ кругомъ были признаки вкуса, вездѣ видна потребность изящнаго, не удовлетворяемая и не разработываемая, ограничиваемая бѣдностью. Тоска жила въ этой хатѣ, точно будто гнетъ ея становился съ каждой минутой тяжеле, тяжеле; всѣ молчали—и наконецъ молчаніе прервано было выдавленными изъ груди словами хозяина: «хоть бы англичанинъ скорѣе пришедъ!». Можете себѣ представить, какъ подѣйствовали на меня эти слова. Я пустился въ разговоръ, и хозяинъ объяснилъ мнѣ, что они разоряются панщиной: «три дня работаю на казну (подводы и другія повинности), окончишь работу—панъ требуетъ своихъ трехъ дней! какъ же тутъ поправиться! Вотъ согнали насъ работать въ крѣпости (должно быть, въ Бендерахъ): ну ничего, теперь война, царская работа, нельзя же безъ этого. Двѣ недѣли мы тамъ работали; возвращаемся домой; панъ посылаетъ на свою работу, казенное дѣло кладетъ на наши дни!... Такъ ужъ тутъ бы одинъ конецъ, что такъ томиться, что англичанинъ придетъ, разоритъ»!... Конечно, можетъ быть, не всѣ такъ думаютъ, и по одному нельзя судить о всѣхъ,—но есть основаніе вывести и общее заключеніе. Помѣщикамъ въ здѣшнемъ краѣ не мѣшало бы одуматься. Не скажу навѣрное, но полагаю, что иностранные эмиссары могутъ найти себѣ внимательныхъ слушателей въ здѣшнемъ крѣпостномъ народонаселеніи.—Изъ Осиновки я поѣхалъ впередъ въ г. Тирасполь, сначала на подводѣ обывательской; наконецъ добрался до почтовой станціи Малоешты, гдѣ взялъ почтовую тройку (между прочимъ я такъ обрадовался возможности скорой ѣзды, что эти 15 верстъ на лихой тройкѣ, въ легкой плетеной телѣжкѣ, по ровной степи, по дорогѣ гладкой, вылощенной, будто чугунной, при полномъ мѣсячномъ освѣщеніи, когда я несся, что только было силы, доставили мнѣ, не смотря на всѣ непріятныя извѣстія, истинное наслажденіе!). И такъ на станціи Малоешты спросилъ я старика, содержателя лошадей, что новаго? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «наши батьки—казаки съ Суворовымъ брали Очаковъ, а теперь Очаковъ сдаютъ... Видно, люди не тѣ стали, да и Суворова не ма»!—Здѣсь въ газетахъ прочелъ я 1) указъ о назначеніи старшаго брата Тол-

стаго, Алексѣя, начальника Калужскаго ополченія—командиромъ 2-го резервнаго пѣхотнаго корпуса. Можетъ быть, мы войдемъ въ составъ этого корпуса; 2) указъ объ ополченіи Оренбургской и Самарской губерніи. Совершенно согласенъ съ милою Вѣрой, что это выходитъ просто дворянскій наборъ, который не мѣшало бы подчинить общимъ правиламъ о наборѣ; думаю, впрочемъ, что на выборахъ примутъ въ уваженіе то, что я уже поступилъ въ ополченіе. Я потому еще болѣе не совѣтую ни Константину, ни Гришѣ вступать въ службу, что Оренбургское и Самарское ополченіе, по отдаленности отъ мѣста войны, вѣроятно будетъ нести гарнизонную службу въ самой Россіи; да и изъ кого оно будетъ состоять? Изъ Татаръ, Чувашъ, Мордвы, Черемисъ и т. п. А можетъ быть, оно отправится стеречь киргизскую границу или въ Сибирь. Гриша будетъ вѣрно на выборахъ; буду писать къ нему прямо въ Самару.

А Самаринъ избѣжитъ ли службы или нѣтъ? — Это письмо послѣднее пишу вамъ изъ города; слѣдующее затѣмъ письмо я и не знаю, гдѣ буду писать и откуда отправлю! Покуда все шло еще, какъ заведенные часы; извѣстность мѣстопребыванія нашего въ такой-то день тамъ-то какъ будто связывала меня, сближала съ вами,—а теперь будто вновь разстаюсь и прощаюсь. Вы можете быть спокойны въ томъ отношеніи, что маршрутъ не измѣненъ, и что въ швейцарскихъ колоніяхъ довольно спокойно и удобно. Теплой одеждой я запасся. Унковскіе прислали мнѣ полушубокъ, который я просилъ ихъ заказать для меня въ Калугѣ; полушубокъ вычерненный, точно замша, сшитъ на покрой мундирнаго кафтана, съ погонами и стоитъ всего 16 р. сер.; кромѣ того въ Кіевѣ я сдѣлалъ себѣ шинель теплую на ватѣ, съ воротникомъ изъ польскаго бобра, которая обошлась не дорого. Денежнаго пособія, о которомъ я вамъ писалъ, мы еще не получали, но получаемъ раціоны, т. е. деньги на содержаніе лошадей: мнѣ полагается на 2 подъемныхъ и 2 верховыхъ.—Благодарю за извѣстія объ Аѳанасіѣ: боюсь, чтобы онъ не свертѣлся и не сгинулъ совсѣмъ! Жаль мнѣ его. Не знаю—гдѣ его отыскать: я бы написалъ къ нему—и онъ вѣрно бы прискакалъ ко мнѣ.—Вотъ что: пишите теперь въ г. Аккерманъ, такъ какъ мы будемъ стоять въ Аккер-

манскомъ уѣздѣ и, можетъ быть, не далеко отъ города. И такъ прощайте. У васъ уже снѣгъ выпадалъ, а здѣсь днемъ невозможно надѣвать и холодную шинель, такъ жарко: погода стоитъ ясная, сухая и теплая. Удивительная осень! — Говорятъ—Херсонъ взятъ. — Сейчасъ получено извѣщеніе, что маршрутъ измѣненъ—идемъ въ Одессу, куда приходимъ 21-го Октября. Пишите въ *Одессу*.

Г. Одесса. 25-го Октября 1855 г.

Вотъ уже семь дней, какъ я въ Одессѣ! Семь дней—и *рѣшительно* не имѣлъ времени взяться за перо! Столько передряги было въ эти семь дней! И перемѣна маршрута, и вступленіе въ Одессу, и размѣщеніе дружины, и церемонія при вступленіи, и пріѣздъ Государя, и Царскій смотръ, и перемѣна начальниковъ, и отъѣздъ Строганова, и увольненіе Графа Толстаго. Хлопотливая суета продолжается и до сихъ поръ, но чадъ начинаетъ понемногу разсѣеваться, подобно тому, какъ туманъ, нѣсколько дней сряду заслонявшій море отъ глазъ, нынче сталъ рѣдѣть и открывать небо и море. А какъ хорошо море! Самое лучшее въ Одессѣ безспорно море, море и море! Я помѣстился въ домѣ надъ самымъ моремъ, на возвышенности,—но повѣрите-ли? до сихъ поръ не успѣлъ походить по берегу, осмотрѣть баттареи и пристани. Между тѣмъ и для васъ и для себя и историческаго порядка ради—хочу дать себѣ отчетъ въ этихъ дняхъ и разсказать ихъ вамъ послѣдовательно. — Я успѣлъ еще изъ Тирасполя извѣстить васъ о перемѣнѣ маршрута, распечатавъ уже запечатанное письмо. Всѣ обрадовались этой перемѣнѣ, кто потому, что въ Одессѣ веселѣе жить, чѣмъ въ колоніяхъ, кто потому, что Одесса обѣщаетъ больше бранной тревоги, чѣмъ Аккерманскій уѣздъ. Отъ Тирасполя до Одессы четыре дня марша; описывать ихъ нечего. Шли мы степью, которая теперь, осенью, когда нѣтъ цвѣтовъ, хлѣбъ снятъ и убранъ, имѣетъ видъ очень грустный. Верстахъ въ 40 отъ Одессы она вдругъ оживляется имѣніемъ Генерала Д.: великолѣпнѣйшій домъ о 40 комнатахъ, непохожій на господскія дома въ южныхъ губерніяхъ, сады, пруды, мосты. Тутъ была у насъ дневка. Д. былъ нѣкогда предсѣдателемъ

коммиссаріатской Коммиссіи, нажилъ огромное состояніе, увернулся отъ суда, выйдя въ отставку и, какъ водится въ Россіи, живетъ себѣ теперь добрымъ малымъ, хлѣбосоломъ и наслаждается семейною жизнію. Типъ извѣстный! — Съ этой дневки отправился я впередъ въ Одессу съ однимъ нашимъ больнымъ офицеромъ; пріѣхалъ ночью, остановился въ Европейской гостинницѣ, а съ утра началъ свои хлопоты. По случаю военнаго положенія, согласно съ привычкой, вкоренившейся въ русскую администрацію, всякое распоряженіе, вмѣсто того, чтобы упроститься, дѣлается многосложнѣе; письменность усиливается вдесятеро и самое пустое дѣло должно подвергнуться страшнымъ формальностямъ, поглощающимъ дѣятельность.

Въ Одессѣ теперь и генералъ-губернаторъ и военный губернаторъ собственно г. Одессы, независимо отъ херсонскаго гражданскаго губернатора, и военный Комендантъ и полиція, и штабъ южной арміи, и штабъ отряднаго начальника, командующаго войсками въ Одессѣ и между Днѣстромъ и Березинскимъ лиманомъ, генералъ-лейтенанта Гротенгельма и всѣ возможныя коммиссіи и коммиссіонерства. Можете себѣ представить, какъ трудно тутъ добиться какого нибудь толку! Напримѣръ: мука и крупа получаются отъ одного вѣдомства, сѣно отъ другаго, кукуруза (вмѣсто овса и ячменя для лошадей—овесъ здѣсь почти 5 р. с. четверть) отъ третьяго, солома и дрова отъ четвертаго! А какъ Одесса городъ огромный и всѣ эти вѣдомства живутъ въ разныхъ концахъ, верстахъ въ 5-ти другъ отъ друга, то можете себѣ представить, сколько тутъ суеты и потери времени! Одесса никогда не знавала постоя, а потому въ размѣщеніи войска встрѣчаются большія затрудненія. У меня цѣлыхъ два дня прошло въ разъѣздахъ съ членами квартирной коммиссіи, пока наконецъ удалось помѣстить дружину въ отдаленной части города и то не совсѣмъ удобно. Что же касается до офицерскихъ квартиръ, то всѣ онѣ очень скверны; впрочемъ, съ 1-го Ноября мы будемъ получать квартирныя деньги, по чину: я напримѣръ—по 16 р. въ мѣсяцъ, считая тутъ деньги на дрова и отопленіе. Я полагаю, что этихъ денегъ достаточно, потому что Одесса очень опустѣла. Послѣднее появленіе непріятельскаго флота предъ Одессой

произвело сильнѣйшую тревогу въ городѣ; многіе уѣхали, другіе перешли въ отдаленныя части города; иные наконецъ живутъ теперь, какъ на бивакахъ, спрятавши мебель и дорогія вещи въ безопасное мѣсто. Изъ квартирной коммиссіи дали мнѣ билетъ на помѣщеніе Штаба нашего (т. е. графа, меня, адьютанта, канцеляріи), но домъ оказался скверенъ и очень отдаленъ отъ города; я потребовалъ другой билетъ; дали на домъ перваго негоціанта въ городѣ, Ралле, грека. Оказалось, что домъ Ралле сына занятъ по найму американскимъ консуломъ, его отцомъ. Американскій консулъ мнѣ объявилъ (по французски), что домъ, имъ занимаемый, долженъ быть свободенъ отъ постоя, но что если его займутъ, то онъ тотчасъ донесетъ о томъ своему посольству. Дѣлать было нечего, и наконецъ добился я помѣщенія въ домѣ не совсѣмъ удобномъ и нѣсколько сыромъ,—за то окна на море, на Щеголевскую баттарею. Если подойдетъ непріятельскій флотъ, то весь будетъ виденъ.

Лидерса не было въ Одессѣ; главная квартира его переведена въ Николаевъ. Здѣсь же командуетъ войсками генералъ-лейтенантъ Гротенгельмъ, въ распоряженіе котораго мы и поступили. Кажется, здѣсь сами не знаютъ, что дѣлать съ ополченіемъ, которое, по ихъ мнѣнію, имъ болѣе въ тягость, чѣмъ въ дѣйствительную помощь, какъ потому, что насъ считаютъ болѣе или менѣе аристократами (начальники дружинъ — генералы, начальники ополченій — просто дивизіонные генералы—у насъ генералъ-адьютанты и проч.), такъ и потому, что къ намъ трудно приложить общую систему управленія. Армейскіе офицеры относятся къ намъ не совсѣмъ доброжелательно и на ратниковъ смотрятъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на мужиковъ. — Къ тому же Штабъ южной арміи составленъ, можетъ быть, изъ очень искусныхъ генераловъ, но почти все изъ нѣмцевъ, начиная съ командующаго: Гротенгельмъ, Гельфрейхъ, Торнау, Линденъ, Дельвигъ, Фишбахъ и проч., начальникъ штаба—Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій.—Начали съ того, что устранили, даже безъ вѣдома ихъ, начальниковъ ополченій—смоленскаго—Головина и московскаго—Строгонова. Оказывается теперь, что оба они серьезно думали, не смотря на свои чины и лѣта, командовать своими ополченіями въ бою или,

по крайней мѣрѣ, управлять ими до конца. Приказъ Лидерса, о которомъ я вамъ писалъ еще изъ Кіева, оскорбилъ все ополченіе. Офицеры смоленскихъ дружинъ, бывшіе въ Одессѣ, собирались къ Головину и просили его не разставаться съ ними, обѣщая выйти въ отставку. Въ прощальномъ приказѣ Головинъ объявилъ, что хотя онъ и предполагалъ исполнить дѣло, для котораго былъ выбранъ, однако—повинуясь волѣ Государя Императора, съ сожалѣніемъ оставляетъ своихъ сослуживцевъ и прощается съ ними. Желая какънибудь смягчить впечатлѣніе перваго приказа, Лидерсъ выдалъ второй, въ которомъ проситъ армейскихъ офицеровъ заняться ополченцами съ *терпѣніемъ*, смотрѣть на нихъ, какъ на соотечественниковъ (какъ будто въ этомъ есть сомнѣніе!) и вообще встрѣтить это юное войско безъ укоризнъ и *насмѣшекъ*! Этотъ приказъ еще болѣе оскорбилъ всѣхъ.— Я еще засталъ Головина въ Одессѣ—онъ сдавалъ ополченіе, но самого его не видалъ. У Строгонова былъ я въ первый же день; онъ усадилъ меня и заставилъ высказать откровенно все мнѣніе мое и офицеровъ на счетъ всего этого дѣла. Я нашелъ его глубоко оскорбленнымъ и проникнутымъ негодованіемъ. Тѣмъ не менѣе онъ не оставлялъ своего дѣла и старался обезпечить будущее положеніе наше. — Мы прикомандированы къ Якутскому резервному полку, еще не сформированному (т. е. резервный полкъ не сформированъ: каждый полкъ будетъ имѣть еще резервъ, въ такомъ же числѣ и съ тѣмъ же именемъ), верейская дружина къ Селенгинскому полку; слѣдовательно — покуда еще некому и сдавать мнѣ дѣлъ и бумагъ. Изъ 12-ти дружинъ—4 пошли въ Николаевъ (одна Московская, Коломенская, Волоколамская и Дмитровская), а 8—пришли въ Одессу, гдѣ сверхъ того находится четыре дружины Смоленскаго ополченія.— 21-го Октября вступила дружина наша и Верейская, очень парадно; на площадкѣ у Михайловской церкви Иннокентій служилъ молебенъ, потомъ сказалъ рѣчь, довольно слабую, которая, вѣроятно, будетъ напечатана; онъ сказалъ, между прочимъ, что хотя срѣтаетъ насъ вторыхъ по времени (Смоленскіе прежде пришли), но первыхъ по мѣсту, откуда идемъ и проч. Послѣ молебна, тутъ же на площади было довольно обильное угощеніе. Вся эта встрѣча сдѣлана была во 1-хъ,

ради Строгонова и его брата генералъ-губернатора, во 2-хъ, какъ заключеніе нашего похода, во время котораго насъ вездѣ встрѣчали съ молебнами и церемоніями. Видъ ратниковъ Московскаго ополченія произвелъ впечатлѣніе на публику, потому что Смоленскія дружины составлены изъ людей большею частью малорослыхъ; къ тому же они были хуже одѣты, обучены и содержаны.—Въ тотъ же день дано было знать, что на другой день къ вечеру будетъ Государь и послѣ завтра смотръ всѣмъ войскамъ и дружинамъ. Можете себѣ представить, какъ засуетилось все военное начальство. Приказы за приказами такъ и полетѣли и днемъ и ночью не давали покоя; въ Субботу (смотръ назначенъ былъ въ Воскресенье) дѣлали репетицію смотру, съ 8 часовъ до 2-хъ. Военное начальство скакало, кричало свой обычный отчаянный крикъ: затылокъ, затылокъ! офицеръ генеральнаго штаба разставлялъ войска на мѣстности, предварительно имъ для сего изученной. Всего этого я былъ только зрителемъ. На мѣстѣ англичанъ и французовъ я бы выбиралъ для нападенія именно тѣ самые дни, когда назначены подобные смотры или тотчасъ послѣ этихъ смотровъ. Когда вспомнишь, что мы потеряли почти цѣлую область и видишь эту суету по случаю смотра, этотъ нѣмецкій педантизмъ фронта,—становится очень грустно. Толстому, какъ старшему по чину, поручено было, къ великому его отчаянію, командованіе всѣми Московскими дружинами (ихъ было семь на смотру). Надобно знать, что Толстой, застѣнчивый по природѣ, въ добавокъ страшно боится всякой отвѣтственности и начальства, совершенно предъ нимъ теряется, забываетъ достоинство своего званія и является самымъ жалкимъ, самымъ несчастнымъ лицомъ, просто страдальцемъ; къ тому же онъ фронта и построеній почти вовсе не знаетъ, командовать команду, даже выученную, не умѣетъ, на лошади ѣздитъ съ робостью... Онъ просто исхудалъ за эти два дня отъ внутренняго мученія. Прежде Государя пріѣхалъ въ Одессу изъ Николаева самъ Лидерсъ, потомъ Государь. На другой день назначенъ былъ смотръ во 2-мъ часу, вслѣдствіе чего люди собраны были на мѣстѣ въ 8 часовъ.—Та же самая суета происходила до самаго пріѣзда Государя, который, пересѣвъ на верховую лошадь, вмѣстѣ со всей своей свитой, поска-

калъ вдоль фронта всѣхъ трехъ линій. Громкое ура, какъ волна, слѣдовало за нимъ. И дѣйствительно оно было громко и довольно искренно, потому что подобныя зрѣлища и минуты сильно дѣйствуютъ на нервы. Потомъ Государь со свитой остановился на выбранномъ для него мѣстѣ, и войска пошли мимо него церемоніальнымъ маршемъ, дивизіонно. Это построеніе самое неудобное (человѣкъ 60 идутъ рядомъ) и слабое, на войнѣ неупотребительное. Сначала прошли армейскіе пѣхотные батальоны, потомъ Смоленское, потомъ Московское ополченіе, которое рѣзко отличалось отъ Смоленскаго. Государь говорилъ всѣмъ: «хорошо, славно, очень порядочно»; очень милостиво говорилъ съ начальниками дружинъ, по мѣрѣ того, какъ они, проходя мимо него, заѣзжали къ нему на правый флангъ; одному онъ сказалъ: «я васъ долго здѣсь не оставлю»; графа Толстаго онъ спросилъ: «откуда ты и служилъ ли въ военной службѣ»? прибавивъ: «у тебя люди стройно идутъ»; подозвалъ нѣсколько разъ Строгонова, который былъ пѣшкомъ (онъ хромъ и не можетъ садиться на лошадь) и по этой причинѣ, а также и потому, что онъ уже уволенъ, стоялъ сзади Государя, въ толпѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, генералъ-губернаторомъ. Я стоялъ подлѣ Строгонова и въ шагахъ 10-ти отъ Государя. Государь говорилъ Строганову, что люди хорошо и стройно идутъ. Потомъ войска проходили густыми колоннами, потомъ весь обозъ проѣзжалъ мимо. Все это продолжалось часа три.—Я хорошо видѣлъ Государя и нашелъ, что онъ очень похудѣлъ. Потомъ всѣ разошлись по домамъ.—Я ожидалъ нѣсколько инаго привѣтствія ополченію, не одной только сравнительной похвалы по части фронта. Въ этомъ отношеніи ратникамъ никогда не достичь армейскаго совершенства. — Впрочемъ о томъ, что Государь остался доволенъ, вѣроятно, будетъ отдано въ приказахъ и вѣроятно назначатъ по 50 к. сер. на человѣка за смотръ. Въ тотъ же день утромъ представлялось Государю купечество, которое, въ лицѣ одного изъ почетныхъ гражданъ (русскаго) выразило Государю желаніе «имѣть мѣсяца черезъ три почетный миръ»! Хотя торговля въ Одессѣ и прекратилась почти совсѣмъ отъ блокады, однако не время теперь говорить о мирѣ! Государь отвѣчалъ, что онъ и отецъ его всегда желали ми-

ра, что надо надѣяться и проч. На другой день утромъ Государь уѣхалъ обратно въ Николаевъ (а теперь, говорятъ, онъ изъ Николаева поѣхалъ въ Севастополь). Въ тотъ же день Строгановъ представлялъ Лидерсу начальниковъ дружинъ, который ихъ принялъ довольно сухо, и чрезъ нѣсколько часовъ уѣхалъ въ Николаевъ. Ему подчинена теперь вся сторона до самаго Перекопа. Строгановъ получилъ благодарственный рескриптъ, и видя, что онъ лишній и въ тягость военному начальству, завтра уѣзжаетъ. Толстой получилъ бумагу о томъ, что по Высочайшему повелѣнію всѣ начальники дружинъ генеральскаго чина должны быть зачислены по ополченію, и имъ предоставляется или состоять при Лидерсѣ или же ѣхать домой, и что онъ долженъ сдать дружину Маіору Гордѣеву, ротному командиру Московской № 105 дружины, находящейся теперь въ Николаевѣ. Онъ еще не пріѣхалъ. Я его не знаю; говорятъ, онъ человѣкъ очень богатый.—Лидерсъ далъ почувствовать, что онъ не очень бы желалъ подобной къ себѣ прикомандировки,—и я не знаю, что будетъ дѣлать Толстой. Спрашивается, къ чему же были всѣ эти выборы? Выходитъ, что Строгановъ и начальники дружинъ не что иное, какъ партіонные офицеры, тѣ, которымъ поручается отводить партіи рекрутъ. Между тѣмъ въ Высочайшемъ положеніи объ ополченіи сказано, что изъ дружинъ составятся бригады и девизіи.— Многіе начальники дружинъ и офицеры хотятъ выходить въ отставку и возвратиться. — Строгановъ отдалъ приказъ, въ которомъ прощается съ нами, жалѣетъ, что, избранный изъ нашей среды, онъ не можетъ быть свидѣтелемъ нашего участія въ защитѣ отечества и проч. Приказъ начинается такъ: Гг. начальники дружинъ и *дворяне* Московской губерніи»! Приказъ довольно хорошъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ видно притязаніе на руссицизмъ. Въ обращеніи къ ратникамъ, онъ говоритъ, что ѣдетъ въ Москву, отвезетъ ей поклонъ отъ насъ и отслужитъ отъ насъ молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ. Это мѣсто очень понравилось ратникамъ. Начальники дружинъ засуетились, рѣшили было предложить ему обѣдъ и поднести адресъ, за сочиненіемъ котораго обратились ко мнѣ. Я и написалъ адресъ, весьма умѣренный и соображаясь съ лицами, которымъ надобно будетъ подпи-

сать; но половина начальниковъ струсила. Сипягинъ, Алмазовъ, Севастьяновъ, Толстой даже, всѣ соглашались подписать, но какъ ни горячился Сипягинъ, Дуровъ, Растопчинъ и Гурьевъ подписать не рѣшились. Шуму и спору было много. Строгановъ обѣда не принялъ; адресъ же я далъ прочесть адъютанту его Бибикову, который показалъ его Строганову; онъ взялъ его къ себѣ и былъ удивленъ трусостью этихъ господъ. Разумѣется, ему адресъ былъ очень пріятенъ, тѣмъ болѣе, что теперь отъ него совершенно независимы. Вотъ вамъ адресъ, напечатанный, впрочемъ, довольно тяжело, и въ отвѣтъ приказу Строганова.

Графъ!

Избранные сами и избирая Васъ, въ настоящее трудное для Россіи время, вмѣстѣ со всѣмъ Московскимъ дворянствомъ, начальникомъ Московскаго ополченія,—мы надѣялись видѣть Васъ вождемъ своимъ въ тѣ рѣшительныя мгновенія, когда пришлось бы намъ, *въ полномъ составѣ*, всѣмъ московскимъ ополченнымъ народомъ, стать предъ лицомъ непріятеля, за святое дѣло правды и вновь явить враждебному намъ міру вѣчно-народное значеніе Москвы.

Не совершена и половина добровольно предпринятаго подвига, а Московское ополченіе уже лишается избраннаго имъ вождя!...

Преклоняясь предъ высшими, недоступными намъ соображеніями, вынудившими столь прискорбную для насъ мѣру, мы спѣшимъ, Графъ, разставаясь съ Вами, принести Вамъ изъявленіе нашей горячей, искренней признательности за попеченіе Ваше о насъ и о всѣхъ ратникахъ, за Ваше въ высшей степени честное служеніе обще-русскому дѣлу; мы желаемъ, Графъ, скрѣпить нашъ душевный союзъ съ Вами, союзъ, который никакія внѣшнія обстоятельства подорвать не могутъ, хотя бы—призванный общимъ довѣріемъ вождь и находился далеко отъ собраннаго имъ, устроеннаго, столь тщательно сохраненнаго, нынѣ же раздѣленнаго и разрозненнаго московскаго ополченнаго воинства!—

Я не поѣхалъ къ Строганову прощаться отдѣльно, а являлся вмѣстѣ съ другими офицерами. Строгановъ, прощаясь,

говорилъ, что не знаетъ, когда и гдѣ теперь встрѣтится съ нами, «можетъ быть, подъ Лейпцигомъ»! На это я отвѣчалъ, что это дорога старая, битая, дорога къ Вѣнскому конгресу, и что мы ожидаемъ пути другаго. Строгановъ разсмѣялся, сталъ было возражать, но продолжать подобный разговоръ было неловко.—Кажется, ему собираются поднести кубокъ, т. е. отослать его къ нему въ Москву. — И такъ вотъ мы въ какомъ положеніи теперь, и сколько перемѣнъ уже произошло, да еще произойдетъ. Ждемъ Гордѣева, готовимъ бумаги и книги, — а между тѣмъ текущія дѣла одни способны отнять все время! Хлопотъ такъ много, что я еще не отдавался морю, еще не успѣлъ высидѣть надъ нимъ нѣсколько часовъ, высмотрѣть всѣ его оттѣнки... Что это за неистощимая, вѣчно свѣжая красота! Одесса городъ не русскій и вовсе не окрестившійся огнемъ, какъ говорили во время первой бомбардировки; городъ, созданный барышомъ,—городъ, во многихъ отношеніяхъ производящій тоже впечатлѣніе, какъ и Петербургъ. Но хорошо здѣсь море и хорошо также то, что каждую минуту можно ожидать появленія флота. Вы часто увидите—вдругъ набережная покрывается народомъ: это показался какой-нибудь парусъ: ужъ не англійскій-ли? Кстати мы имѣемъ особенное распоряженіе, куда нашей дружинѣ собираться въ случаѣ тревоги. Повѣрите ли, что здѣсь, въ Одессѣ, ждутъ Петербургской почты, чтобы узнать о томъ, что дѣлается въ Николаевѣ! Пріѣзжающіе оттуда или ничего не знаютъ или такъ секретничаютъ, что ничего не добьешься! Къ тому же у насъ нѣтъ покуда никого изъ знакомыхъ. У меня-то есть (профессора Лицея, изъ Ярославскаго, правитель канцеляріи генералъ-губернатора, двоюродный братъ Смирновой), да некогда было навѣстить ихъ. Вотъ и къ вамъ насилу, насилу удалось написать письмо. — Что будетъ со мною, рѣшительно ничего не знаю: совѣстно уходить, не видавши и не испытавши ничего; къ тому же, поступая, мы шли не на комфортъ, а на всякую тяготу. Я бы желалъ сдать должность казначея и сдѣлаться простымъ, рядовымъ офицеромъ. Въ штабъ Лидерса поступить трудно... *) Это письмо я адресую

*) Сергѣй Тимофеевичъ очень желалъ, чтобы Иванъ Сергѣевичъ перешелъ въ штабъ Лидерса, и писалъ сыну: оставаться тебѣ строевымъ офицеромъ никакъ

на имя Томашевскаго, ибо вашего адреса еще не знаю. Надѣюсь скоро получить письмо Ваше изъ Тирасполя. Прощайте же, будьте здоровы и бодры. Мнѣ пишите прямо въ Одессу, съ оставленіемъ на почтѣ. Какъ жаль, какъ жаль Грановскаго! Вотъ, я думаю, васъ поразило это извѣстіе и увѣренъ, глубоко огорчило Константина! Кто бы подумалъ!— Прощайте.

3-го Ноября 1855 года. Одесса.

Опять перемѣна маршрута! Не успѣли мы оглядѣться въ Одессѣ, не только отдохнуть, какъ вдругъ приказаніе: всему Московскому ополченію перейти на лѣвый берегъ Буга и тамъ расположиться на зимнихъ квартирахъ. Не думайте, чтобы это передвиженіе означало опасность со стороны непріятеля; нѣтъ, въ этомъ отношеніи, кажется успокоились, и главная квартира южной арміи на дняхъ переѣдетъ сюда изъ Николаева. Мы выступаемъ послѣ завтра, т. е. 5-го и 12-го приходимъ въ Богоявленское, верстъ 14 за Николаевымъ: тамъ, т. е. въ этомъ селѣ, расположится вся наша дружина на зимнихъ квартирахъ. Такъ покрайней мѣрѣ рѣшено до сихъ поръ. Хорошо, что мы близко отъ города, а прочія дружины стоятъ отъ него верстъ за 50 и больше. Зимняя стоянка въ селеніяхъ Херсонской губерніи, гдѣ ужъ подлинно *ни кола, ни двора* (въ Херсонской губ. нѣтъ дворовъ у хатъ вовсе, также ни кустика), въ краю разоренномъ, гдѣ все страшно дорого—очень неудобна, и въ этомъ отношеніи, благодаря близости города, мы помѣщены лучше другихъ. Право, не знаю въ точности, зачѣмъ насъ выводятъ изъ Одессы. Можетъ быть потому, что Московское ополченіе прикомандировываютъ теперь къ 11-й пѣхотной резервной дивизіи, которая еще не сформирована и будетъ сформировываться зимою. Но не одна эта перемѣна. Послѣ моего письма къ вамъ—наступило опять такое хлопотливое время, предъ которымъ предшествовавшее оказалось отдыхомъ. Во 1-хъ, назначенъ инспекторскій смотръ, порученный Лидерсомъ генералу Столпакову: смотръ скученъ тѣмъ, что

не слѣдуетъ, потому что тебѣ Богъ далъ способности, и ты получилъ образованіе, не для поприща штабсъ-капитана Серпуховской дружины. Впрочемъ, я повторяю, это мое мнѣніе, а не приказаніе.

требуетъ несмѣтнаго множества всякихъ таблицъ и вѣдомостей. Смотръ этотъ будетъ производиться завтра утромъ. Во 2-хъ, походъ, требующій множества распоряженій, отмѣны прежнихъ, сдѣланныхъ въ виду постоянной стоянки и проч. и проч. Сами можете сообразить. Къ походу надо уложиться, а для смотра все раскладывать! Въ 3-хъ — самое трудное — это сдача Толстымъ дружины. Я уже писалъ вамъ, что ему предписано было сдать дружину Гордѣеву, но Гордѣевъ этотъ оказался въ отпуску (да, говорятъ, онъ и не намѣренъ возвращаться) и потому—особенно же по случаю похода, ему велѣно сдать дружину одному изъ кандидатовъ въ дружинные начальники, указанныхъ Строгоновымъ, ротному командиру Подольской дружины штабсъ-капитану Сушкову (брату Растопчиной). Сама сдача продолжалась не долго: разумѣется—вышло, что денежныхъ суммъ въ экономіи у насъ вдвое и втрое больше, чѣмъ въ прочихъ дружинахъ, именно до 8000 р. сер. Отчего образовалась такая сумма — причина понятна безъ разъясненія. Кромѣ того, Толстой, который съ 1-го же Апрѣля сталъ служить, какъ будто готовится къ ежеминутной сдачѣ, боялся всякаго расхода, безпрестанно считалъ книги, постоянно пугался какихъ-либо начетовъ и пр. вопреки моимъ толкованіямъ (меня это постоянно сердило, потому что подобное отношеніе къ службѣ останавливаетъ теченіе дѣлъ, да и мѣшаетъ заботамъ собственно о благосостояніи ратниковъ),—и такъ Толстой очень доволенъ и счастливъ, что сдалъ денежную сумму такъ блистательно. По случаю сдачи и выступленія въ походъ—необходимо очистить всѣ статьи и бумаги скрѣпами Толстаго, и это-то занимаетъ много времени. Новый начальникъ, разумѣется, теперь какъ въ лѣсу, а походъ и смотръ требуютъ заблаговременныхъ разнородныхъ, многочисленныхъ распоряженій. Толстой остается здѣсь въ Одессѣ, какъ прикомандированный къ Лидерсу, и если Лидерсъ не дастъ ему особеннаго дѣла, то уѣдетъ на зиму въ Москву. — Можете себѣ представить, сколько хлопотъ! Комната съ утра до ночи набита писарями, ратниками, артельщиками, офицерами! Получивши послѣднее ваше письмо,—ваше, милая маменька и ваше, милый отесинька, гдѣ вы такъ безпокоитесь обо мнѣ, я хотѣлъ тотчасъ же писать вамъ, но—только теперь,

будто вырвался изъ осады,—и то уже 2-й часъ ночи, а завтра утромъ смотръ и приготовленія къ походу. Сушковъ, кажется, будетъ хорошимъ начальникомъ для дружины. Онъ служилъ на Кавказѣ и вообще знаетъ службу и понимаетъ дѣло; ратники его роты его очень любили. Со мною, разумѣется, онъ—какъ говорится—aux petits soins. Я признаюсь, радъ для дружины этой перемѣнѣ начальника. Онъ человѣкъ очень заботливый, дѣятельный, любитъ это дѣло и будетъ стараться, отчасти изъ участія къ людямъ, отчасти изъ самолюбія, чтобы въ его дружинѣ было лучше, чѣмъ въ другихъ,—изобрѣтать для ратниковъ всякія средства къ улучшенію ихъ быта. Графъ Толстой—очень хорошій человѣкъ; правдивый, прямой; нѣкоторыя черты въ немъ истиннаго великодушія,—но при всемъ томъ лѣнивъ, слабъ, упрямъ, нерѣшителенъ, мнителенъ, подозрителенъ, труслив предъ начальствомъ въ высшей степени, такъ что нельзя добиться было отъ него ни ходатайства, ни проэкта. Всѣ его братья такіе же. Онъ человѣкъ добрый по природѣ, но не съумѣлъ сдѣлать никому добра, не рисковалъ почти никогда ничѣмъ, даже ни копѣйкой впередъ жалованья бѣднымъ офицерамъ (этотъ рискъ я бралъ на себя и *отвѣтственность*, по требованію самого Толстаго); поэтому не былъ любимъ офицерами; кромѣ того — не входилъ вовсе въ существенное дѣло управленія, взваливая это все на другихъ, въ томъ числѣ и на меня (вообще initiative ему вовсе не достаетъ),—и главное берегъ деньги. При всемъ томъ, повторяю, онъ человѣкъ заслуживающій искренняго уваженія во многихъ отношеніяхъ,—только управлять не годится. При Сушковѣ мнѣ меньше дѣла будетъ; онъ отличный хозяинъ и будетъ самъ обо всемъ этомъ заботиться. Но дѣло пойдетъ во многихъ отношеніяхъ пошлѣе, казеннѣе, военнѣе, напр. мѣшать красть ротнымъ командирамъ онъ не будетъ, какъ Толстой, который вмѣстѣ съ тѣмъ боялся всякихъ законныхъ расходовъ (напр. построить длинные армяки ратникамъ, такъ какъ имъ по штату положены одни коротенькіе полушубки),—но онъ условится съ ними и опредѣлитъ имъ мѣру кражи, которая составляетъ, кажется, едва ли не необходимую принадлежность военнаго мундира! Что же касается до меня, то мое горячее желаніе — сдать поскорѣе

эту должность. Но сдать мнѣ некому покуда, и я надѣюсь, по прибытіи на мѣсто,—сдать полковому казначею,—и отдохнуть зиму въ званіи простаго субалтернъ-офицера, занявшись отчетомъ Географическаго Общества. — Нынѣшнюю зиму въ Москвѣ вы увидите много ополченцевъ, отчасти вышедшихъ въ отставку, отчасти зачисленныхъ по ополченію безъ должности, отчасти уволенныхъ въ отпускъ.—На дняхъ я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ непріятеля, т. е. не личнаго: на рейдѣ появился англійскій пароходъ-фрегатъ, верстахъ въ двухъ отъ города; онъ былъ видѣнъ простыми глазами. Не смотря на сильнѣйшій вѣтеръ и волненіе,—онъ стоялъ почти неподвижно. Такъ онъ простоялъ два дня, ничего не дѣлая, теперь, кажется, ушелъ. Подобное появленіе непріятельскихъ судовъ здѣсь довольно часто и даже не привлекаетъ любопытныхъ на набережную, — но когда появился было *весь* флотъ, тогда въ городѣ произошла страшная тревога, и всѣ стали перебираться.—Вотъ еще, что удалось мнѣ слышать здѣсь любопытнаго, что, можетъ быть, вамъ неизвѣстно и что вообще держится въ секретѣ. Когда Паскевичъ перешелъ черезъ Дунай, оставляю это до другаго раза. Я предполагалъ остаться на день здѣсь, по выходѣ дружины и докончить письмо; нынче день выхода дружины—почти всю ночь возились, очищали бумаги и проч.; уже одна рота выступила, квартирьеры отправлены еще наканунѣ, какъ вдругъ *сію минуту* получено повелѣніе—должно быть по телеграфу, оставаться въ Одессѣ на зимнихъ квартирахъ! Поэтому сейчасъ ѣду искать новыхъ помѣщеній дружинѣ, Штабу и себѣ. Толстой переѣзжаетъ въ гостинницу. Прощайте, буду писать дня черезъ три.

1855 г. Ноября 11-го. Одесса.

Послѣднее письмо мое было прервано извѣстіемъ объ отмѣнѣ похода. Принялись мы искать квартиры, нашли, стали устраиваться, какъ вдругъ вечеромъ предписаніе: на другой день выступить на зимнія квартиры въ окрестностяхъ Одессы, въ колоніи Большой Либенталь и Малый Либенталь. Это верстахъ въ 20-ти отъ Одессы. Дружина переселилась уже въ колоніи, но я покуда остаюсь здѣсь на нанятой мною,

съ уплатою за мѣсяцъ впередъ денегъ, квартирѣ, для окончанія разныхъ дѣлъ. Вотъ какое длинное письмо собирался я вамъ писать, какъ вдругъ пришло это извѣстіе о походѣ подъ Килію, которое я вамъ и послалъ вчера. Въ самомъ дѣлѣ—подлинно *подвижное* ополченіе! А я между тѣмъ уже думалъ о сдачѣ своей должности. Мое положеніе выходитъ теперь очень странное. Во всякомъ случаѣ, по присоединеніи къ полкамъ, я долженъ буду сдать должность казначея полковому казначею,—и тогда остаюсь просто за штатомъ. Мнѣ предлагали быть ротнымъ командиромъ, но я имъ быть рѣшительно не могу, по незнанію фронта, которымъ, со времени поступленія въ ополченіе, не имѣлъ времени заниматься. Если бы дѣло заключалось только въ томъ, чтобы одушевлять людей и вести ихъ впередъ, если бы ополченіе было войскомъ иррегулярнымъ, особеннымъ, если бы хотѣли удержать за нимъ характеръ самостоятельности и нѣсколько большее отличіе отъ арміи, чѣмъ отличіе платьемъ и бородой, такъ можно было бы кое-какъ командовать ротой; но теперь, когда велѣно учить и учить ополченцевъ, когда требуется отъ нихъ армейское совершенство фронта, когда велѣно имъ дѣлать частые смотры, я буду играть самую жалкую и несчастную роль, потому что не могу ни поправить ошибки фельдфебеля, ни принять къ сердцу горячо неровность линіи затылковъ и т. п. нарушеній фронтовыхъ правилъ. Какъ добросовѣстный человѣкъ—я долженъ отказаться отъ предложенія, видимо вынужденнаго деликатностью (впрочемъ домашняго, неоффиціальнаго), потому что буду сбивать людей на смотрахъ, лишать ихъ похвалъ и наградъ, подвергать начальника непріятности, а въ дѣлѣ — отъ неловкой команды могу даже погубить людей. Сверхъ того, въ приказѣ Лидерса сказано, что полковой командиръ, признавъ ополченнаго офицера неспособнымъ къ командованію, имѣетъ право отрѣшить его, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Слѣдовательно, быть ротнымъ командиромъ я не могу, и я предлагалъ съ своей стороны сдѣлаться субалтернъ-офицеромъ. Но и тутъ препятствіе: я старше чиномъ *всѣхъ* нашихъ офицеровъ, и хотя для меня это рѣшительно все равно и я готовъ подчиняться всякому дѣльному прапорщику, но господа военные никакъ этого переварить не могутъ: духъ

военной службы этого не терпитъ и прапорщика непремѣнно стѣсняло и связывало бы то, что у него подъ командой штабсъ-капитанъ.—Графа Толстаго сдѣлали между тѣмъ *временно* начальникомъ всего Московскаго ополченія по хозяйственной части и внутреннему управленію. Толстой всячески убѣждаетъ меня прикомандироваться къ нему въ помощники или адъютанты, но я долго не соглашался, потому что мѣсто его слишкомъ шаткое, во вторыхъ, потому, что Толстой по своему характеру лишаетъ его всякаго значенія, всякаго цвѣта,—что я ему и говорилъ. Но какъ не смотря на это— Толстому пріятнѣе имѣть при себѣ меня, чѣмъ кого либо другаго, потому что, не смотря на наши перебранки, мы другъ друга любимъ и уважаемъ и въ нѣкоторыхъ вопросахъ только двое и думаемъ одинаково — оригинально, *по статски*, то я и согласился было на его предложеніе; оба мы имѣли въ виду, что — живя въ Одессѣ, ознакомясь съ обществомъ, и онъ и я сдѣлаемся извѣстнѣе Лидерсу, не съ пошлой стороны, и перейдемъ въ Штабъ.—Третьяго дня вечеромъ Сушковъ пріѣхалъ изъ Либенталя, и я въ первый разъ заговорилъ съ нимъ о моемъ намѣреніи. Видно было, что онъ очень тому обрадовался и сыскивалъ легко способы къ устраненію всякихъ затрудненій. Утромъ мы снова стали толковать объ этомъ дѣлѣ, какъ вдругъ повелѣніе о походѣ подъ Килію. Разумѣется—тутъ пошли такія хлопоты, разъѣзды, что и мысль о сдачѣ была оставлена: гдѣ же тутъ сдавать, когда надо успѣть выпроводить черезъ нѣсколько часовъ дружину въ походъ и обезпечить ея продовольствіе, очистить всѣ бумаги и книги, получить изъ разныхъ вѣдомствъ деньги и пр.? Нынче (12-го) я цѣлый день былъ въ разъѣздахъ. Роты уже выступили. Я ѣду завтра утромъ и спѣшу для того, чтобы, пользуясь дневкой, успѣть съѣздить въ одинъ попутный магазинъ и получить оттуда сухари. Сушковъ выѣдетъ послѣ меня, къ вечеру. Тѣмъ не менѣе Сушковъ желаетъ, кажется, чтобы я въ теченіе похода же сдавалъ должность одному изъ нашихъ офицеровъ—прапорщику: главнымъ казначеемъ будетъ онъ самъ. Это я и буду дѣлать, — сдать должность казначея не такъ легко: необходимо привести въ порядокъ всѣ бумаги, дѣла, книги и пр. и необходимо нѣсколько понаучить будущаго казначея,

такъ какъ ему эта часть мало знакома.—Но вотъ что. Теперь только четыре дружины вышли въ Бессарабію; четыре дружины приходятъ на наши мѣста изъ Николаева; слѣдовательно здѣсь опять будетъ восемь дружинъ, но—кажется—и эти восемь уйдутъ скоро въ Бессарабію. Тогда значеніе и должность Толстаго уничтожаются сами собою.—Во всякомъ случаѣ я отправляюсь въ походъ, а Толстой остается здѣсь и увѣдомитъ меня, поразузнавши—есть ли для меня возможность прикомандироваться къ Штабу Лидерса приличнымъ образомъ. Такъ вотъ какія обстоятельства. Я, кажется, писалъ вамъ, чтобы вы писали въ Килію. Продолжайте на всякій случай писать въ Одессу: отсюда не далеко и ихъ скоро перешлютъ, если это будетъ нужно. Поздравляю васъ съ переѣздомъ въ Москву. Какъ-то покажется вамъ, милый Отесинька, пребываніе зимою въ Москвѣ: вы отвыкли уже отъ постоянныхъ гостей, шума и говора. Дай Богъ, чтобы это пребываніе было безвредно для вашего здоровья и пріятно для всѣхъ. Я не помню дома Пфеллера въ Денежномъ переулкѣ. Вы не пишете—на долго ли и за сколько вы его наняли. Новости, сообщаемыя вами объ облегченіи цензуры—очень пріятны, и какъ я радъ, что ваша книга выйдетъ въ свѣтъ неискаженная! Скоро ли она выйдетъ и сколько экземпляровъ вы печатаете?—Я съ своей стороны никакихъ особенныхъ новостей сообщить не могу. Говорятъ, будто французы вышли изъ южной части Севастополя и сѣли на суда, чтобы усилить Евпаторійскій отрядъ; говорятъ, что Турки ссорятся съ Австрійцами, и что Австрія тѣснѣе соединяется съ нами.—Но все это *говорятъ*.—Совѣстно читать ваши письма, въ которыхъ выражается такое безпокойство. Для васъ издали сближаются всѣ пункты войны, встаетъ общій образъ событій, а здѣсь, въ ежедневности, онъ совершенно изчезаетъ и забывается. Пріѣхала сюда Итальянская опера изъ Букареста и будетъ въ скоромъ времени давать представленіе; ложи уже всѣ абонированы. О войнѣ никто не думаетъ и не говоритъ. Да, я вспомнилъ, что въ послѣдній разъ прервалъ письмо свое на самомъ интересномъ мѣстѣ. Вотъ что. Еще въ Кіевѣ мнѣ показывали печатныя на болгарскомъ языкѣ прокламаціи Паскевича къ болгарамъ, которыя, кажется, пущены въ ходъ не были. А здѣсь я узналъ,

что въ то время пріѣзжалъ въ Одессу одинъ грекъ (о пребываніи какого-то грека въ Одессѣ съ дипломатическимъ порученіемъ—я помню—было тогда говорено), уполномоченный отъ грековъ объявитъ, что они готовы помогать Россіи, но съ тѣмъ, чтобы Россія не давала ходу славянскимъ племенамъ и не отдавала имъ областей, на которыя видно изъявляютъ притязанія византійскія грезы. Кромѣ того Сербы будто бы желаютъ присоединенія Болгаріи къ себѣ, а не самостоятельности ея. Эти обстоятельства парализовали во многомъ наши дѣйствія за Дунаемъ. Все это весьма похоже на правду. И грустно это слышать, не правда ли? А каковъ князь Черногорскій Данила? Не мечта ли вся эта надежда на помощь славянъ, на возстановленіе славянскаго міра и проч. и проч.? Какъ разграничить Грецію съ славянскимъ міромъ?—Жаль, что мнѣ до сихъ поръ было такъ мало времени, а здѣсь, говорятъ, находится или находился начальникъ легіона греческихъ волонтеровъ: я бы съ нимъ познакомился. До сихъ поръ у меня только одинъ домъ знакомый, домъ Скальковскаго, извѣстнаго историка Запорожской Сѣчи и статистики Новороссійскаго края. Жена его, очень милая женщина, сербка, племянница Вука Стефановича, но ни слова не разумѣетъ по сербски и воспитывалась въ Одессѣ; оба они очень хорошіе и радушные люди; Скальковскій знакомъ со всѣми въ городѣ, и посѣщать его было бы довольно пріятно, если бы времени доставало.—На письмо Ламанскаго буду непремѣнно отвѣчать: удивляюсь, что Милютинъ не передалъ ему статьи моей, давно уже къ нему посланной, о желѣзѣ. Жаль, что я не знаю Ламанскаго лично; легче было бы отвѣчать. Письмо его уже черезчуръ льстиво. Владиміръ Алексѣевичъ, о смерти котораго онъ пишетъ,—третій братъ Милютина.—Прощайте. Теперь долго не получу отъ васъ писемъ, во всякомъ случаѣ дней двѣнадцать и даже больше. Мы приходимъ въ Карамахметъ, селеніе въ 12 верстахъ отъ Киліи и 40 верстахъ отъ Измаила, 23-го Ноября и идемъ все селеніями, минуя города.—И самъ съ дороги писать къ вамъ не могу, но—по приходѣ на мѣсто, тотчасъ отправлю къ вамъ письмо изъ Киліи. Прощайте же, будьте здоровы, здоровы и нисколько не безпокойтесь на мой счетъ.

1855 г. Ноября 23-го. Бендеры.

Вотъ и опять Бендеры, откуда я писалъ вамъ въ Ноябрѣ же мѣсяцѣ, ровно семь лѣтъ тому назадъ. Отыскалъ я и заѣзжій дворъ Мордки Днѣстровскаго, гдѣ тогда останавливался: веселая, толстая хохотунья жидовка умерла мѣсяца четыре тому назадъ; старикъ мужъ ея Мордка впалъ въ дѣтство, а войлочный стаканъ, который я тогда подарилъ имъ, красуется до сихъ поръ на комодѣ, вмѣстѣ съ барашкомъ изъ фарфора и тому подобными вещами. Но не объ этомъ рѣчь. Дружина наша вступитъ сюда еще 27-го, но какъ отъ безпрерывныхъ передвиженій дружина чуть-чуть было не осталась безъ хлѣба, потому что не знаешь, гдѣ его припасти, то я отправился сюда впередъ, чтобы заставить здѣсь печь хлѣбы, выслать ихъ на станцію дружинѣ, заготовить квартиры, помѣщенія и проч. Здѣсь прочелъ я предписаніе изъ Штаба южной арміи къ коменданту о томъ, что запасная бригада имѣетъ выступить отсюда къ Одессѣ на укомплектованіе разныхъ полковъ, а вмѣсто ея гарнизонъ крѣпости будутъ составлять три дружины Московскаго ополченія (109, 110 и 111) и одна Смоленскаго,—до смѣны ихъ новыми войсками. Говорятъ, что мы простоимъ здѣсь до весны, содержа караулы и производя земляныя работы.—Нынче же, впрочемъ, прочелъ я и приказъ Лидерса печатный по арміи о распредѣленіи всѣхъ 52-хъ дружинъ, ему подчиненныхъ: 4 дружины Орловскаго и 4 дружины Рязанскаго остаются гарнизономъ въ Николаевѣ, Смоленское и Пензенское, распредѣляясь по полкамъ, стоятъ первое на правомъ, второе на лѣвомъ флангѣ арміи; дружины Московскаго ополченія распредѣлены, въ видѣ 4-хъ батальоновъ, по полкамъ 14 и 15 резервныхъ дивизій, въ томъ числѣ наша дружина причислена къ Подольскому егерскому полку. Гдѣ этотъ полкъ, сюда ли онъ придетъ, или мы къ нему пойдемъ, и когда это будетъ—рѣшительно неизвѣстно.—Между тѣмъ наступила зима, настоящая зима; 12-го выпалъ снѣжокъ, а вчера глубокій снѣгъ покрылъ землю, и я нынче ѣздилъ на саняхъ. Нынѣшней осенью въ этихъ сторонахъ грязи вовсе не было. Походы зимніе очень непріятны, особенно тамъ, гдѣ не встрѣчаешь жилья отъ станціи до станціи. — Да, я

вамъ пишу въ полной увѣренности, что вы получили мое письмо, посланное изъ Татаръ-Бунара, гдѣ я увѣдомляю васъ въ двухъ, трехъ строкахъ о перемѣнѣ маршрута. На половинѣ пути настигъ насъ казакъ, съ повелѣніемъ идти въ Бендеры безъ всякаго объясненія причинъ. Мы послали воротить передоваго офицера нашего, бывшаго уже въ Татаръ-Бунарѣ, мѣстечкѣ, чрезъ которое проходитъ почтовая дорога изъ Аккермана въ Измаилъ, и въ которомъ принимаются письма. Думаю, впрочемъ, что написанное мною письмецо вы получите позже теперешняго. Съ одной стороны очень хорошо, что мы станемъ наконецъ на постоянныя квартиры: въ этомъ нуждаются всѣ и матеріально и нравственно; съ другой стороны — Бендеры очень скучная стоянка и во многихъ отношеніяхъ неудобная. Въ крѣпости, конечно, есть два генерала и нѣкоторое число военныхъ, но въ городѣ, кромѣ жидовъ и чиновниковъ—взяточниковъ, полупольскаго, полумалороссійскаго, полумолдаванскаго происхожденія,—никого нѣтъ. Люди будутъ разставлены очень тѣсно по обывательскимъ квартирамъ, а офицерамъ велѣно нанимать квартиры на свой счетъ или же представить свидѣтельство о бѣдности: тогда выдадутъ квартирныя деньги. Это новѣйшее распоряженіе очень стѣснительно: рискуешь, приведя въ городъ дружину, остаться на улицѣ; гдѣ тутъ искать квартиры въ незнакомомъ городѣ? Къ тому же цѣны на квартиры могутъ очень сильно подняться. Впрочемъ до сихъ поръ этотъ законъ еще не въ дѣйствіи, и мнѣ покуда дали квартиру по отводу. — Квартира не дурна, т. е. по здѣшнему, гдѣ всѣ дома сложены изъ хвороста и навоза и выбѣлены мѣломъ; но вчера я такъ угорѣлъ, что едва-едва къ вечеру освободился отъ головной боли и потерялъ цѣлый день даромъ.— Сказать вамъ нѣсколько словъ про нашъ походъ. Изъ Одессы въ жидовской бричкѣ, истинно похожей на выдолбленную тыкву, пріѣхалъ я прямо въ Петерсталь, нѣмецкую колонію, гдѣ честные нѣмцы взяли за все въ три дорога. Говорятъ, что въ этой колоніи лѣтомъ найденъ былъ спрятанный порохъ, и что нѣсколько колонистовъ находятся подъ стражею. Очевидно, что въ этомъ пришломъ народонаселеніи нѣтъ никакой привязанности къ Россіи, да и не къ чему привязаться, потому что оно не въ Россіи, а въ Новороссіи, —

нѣтъ почвы туземной, въ которую можно было бы пустить корни. Я увѣренъ, что колонія Сарептская и вообще колоніи Саратовской губерніи, оставаясь вполнѣ нѣмецкими, чувствуютъ себя тѣснѣе связанными съ Россіей. Впрочемъ, я мало знаю Саратовскую губернію: она также населена сбродомъ, но сбродомъ преимущественно азіатскимъ, а не европейскимъ, слѣдовательно болѣе сроднымъ Россіи.—Изъ Петерсталя двинулись мы въ Ясску, на берегу Днѣстра; изъ Ясски на другой день въ Капланы, Бессарабской области. Теперь вездѣ чрезъ Днѣстръ устроены понтонные мосты и укрѣпленія. Едва ли, впрочемъ, эти укрѣпленія помѣшаютъ переправѣ.—Изъ Капланъ, сдѣлавши два перехода въ одинъ день, мы пришли въ Рапляику и тѣмъ выиграли лишній день дневки. Тутъ-то мы получили бумагу о перемѣнѣ маршрута. Намъ приходилось стоять то въ малороссійскихъ, то молдаванскихъ деревняхъ. Молдаванскія хаты еще чище и красивѣе малороссійскихъ; какъ бы ни былъ бѣденъ молдаванъ, хата его убрана коврами и разными домашняго искуснаго рукодѣлья тканями, которыхъ даже и не продаютъ. Впрочемъ, это все труды женскіе; женщина въ этихъ сторонахъ дѣятельна и трудолюбива и несравненно выше мущины. Омолдованившійся хохолъ въ десять разъ лѣнивѣе кореннаго хохла. Хозяинъ моей хаты, отбывъ подводную повинность, дня два съ видомъ невыразимой нѣги пролежалъ за печью, говоря только отъ времени до времени: «когда эти государи между собой замирятся!» Вообще вся Херсонская губернія и Бессарабія сильно истощены и раззорены войною и неурожаемъ. Хлѣба нѣтъ вовсе и другой пищи, кромѣ мамалыги (кукурузы) и то въ маломъ количествѣ,—нѣтъ. Мира желаютъ здѣсь всѣ, и жители и ратники; между ними пронесся и держится слухъ, что Австрія вступаетъ съ нами въ союзъ, отказывается пропустить союзниковъ чрезъ Молдавію и Валахію, и всѣ они этому рады и похваляютъ австрійцевъ. Такъ тяжела война, такъ тяжелы жертвы, приносимыя съ инстинктивною увѣренностью въ безплодности ихъ, безъ всякаго одушевленія, что—*какой бы* теперь миръ заключенъ *ни былъ*, онъ принятъ будетъ здѣсь и жителями, и едва ли не большею частью войска съ радостью. Я говорю здѣсь, — но въ Россіи иное. Но и въ

Россіи какъ-то свыклись съ неудачею. Когда французы высадились въ Крымъ, то мысль о томъ, что Севастополь можетъ имъ достаться, приводила въ ужасъ купцовъ на Кролевецкой ярмаркѣ, и я помню — какъ одинъ богачъ - старикъ Глазовъ говорилъ съ искреннимъ жаромъ, что если Севастополь возьмутъ, такъ вѣдь и я пойду и проч. Севастополь взятъ, онъ не пошелъ и не пойдетъ.—Но дальше.—Въ Волонтеровкѣ, селеніи, населенномъ казаками Дунайскаго войска, большею частью молдаванами, нашли мы только человѣкъ 50 мущинъ; 700 человѣкъ въ службѣ. — Здѣсь въ Бендерахъ главный начальникъ комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Ольшевскій, человѣкъ добрѣйшій, толстѣйшій, русскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ, т. е. представляющій въ себѣ соединеніе мужества, добродушія, радушія, простоты, смиренія съ тѣмъ, что составляетъ необходимую принадлежность всякаго русскаго человѣка, дѣйствующаго, не въ крестьянской общинѣ живущаго.—Ахъ, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело порою жить въ Россіи, въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ мерзавцевъ, хлѣбосоловъ - взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ,—отцовъ и благодѣтелей взяточниковъ! Не по поводу Ольшевскаго написалъ я эти строки, я его не знаю, — но въ моемъ воображеніи предсталъ весь образъ управленія всей махинаціи административной. Вы ко всему этому относитесь отвлеченно, издали, людей видите по своему выбору, только хорошихъ или одномыслящихъ, — поэтому вы и не можете понять тѣхъ истинныхъ мученій, которыя приходится испытывать отъ пребыванія въ этой средѣ, отъ столкновенія со всѣмъ этимъ продуктомъ русской почвы. Тамъ, что ни говорите въ защиту этой почвы, но несомнѣнно то, что на всей этой мерзости лежитъ собственно ей принадлежащій русскій характеръ! Не гожусь, не гожусь въ квартирмейстеры, въ казначеи, не гожусь, потому что не всегда выносишь эти душевные тиски,— а отъ этого можетъ произойти ущербъ выгодъ дружинныхъ. Не могу я совершенно m' encanailler, какъ говорится по-французски, а безъ этого дѣло не клеится. Надо быть за панибрата со всякимъ плутомъ, вести кумовство со всякимъ негодяемъ, какъ дѣлаютъ всѣ; въ противномъ случаѣ вашей

дружинѣ и квартиръ не дадутъ хорошихъ и печей удобныхъ для хлѣба не отведутъ, и бумаги задержатъ, и начеты начтутъ.... И негодяи эти, какъ русскіе люди, имѣютъ еще то свойство, что если вы будете имъ платить деньги свысока, такъ они меньше для васъ сдѣлаютъ, чѣмъ для другаго, который ихъ братъ, даетъ меньше, за то имъ кумъ и пріятель, одного съ ними закала.—До вступленія нашего въ составъ южной арміи, покуда ополченіе сохраняло свой самостоятельный, оригинальный характеръ, покуда личность начальниковъ и должностныхъ лицъ могла давать всему тонъ и направленіе, можно было еще служить въ этой должности, съ ободрительною мечтой—облагородить должность, внести новое нравственное начало и проч.; но теперь, когда ополченіе вошло въ составъ арміи, подчинено во всѣхъ требованіяхъ своихъ ея управленію, и какъ новое, неопытное, юное войско подчинено строже, чѣмъ другія войска, (*свои!*), мое присутствіе составляетъ такой странный диссонансъ въ этой общей гармоніи, въ этомъ могущественномъ хорѣ установившихся преданій, понятій, обычаевъ лжи и воровства, что отъ того выходитъ двойной вредъ, и мнѣ и дружинѣ. Не говорю уже о томъ вредѣ, что—не только не ослабляетъ порядка, но еще упрочиваетъ его. Въ комнату вашу, какъ въ комнату квартирмистра, лѣзетъ съ утра до ночи всякій народъ, привыкшій лѣзть такимъ образомъ на квартиру полковаго квартирмистра,—съ разными выгодными для квартирмистра предложеніями; между жидами мигомъ разносится въ городѣ, что пріѣхалъ квартирмистръ, и какъ всѣ поставки, всѣ подряды военные въ рукахъ жидовъ, и они въ тѣсномъ знакомствѣ со всѣмъ составомъ южной арміи, съ квартимистрами же полковыми въ сдѣлкѣ, то всякій изъ нихъ ломится въ дверь, какъ желанный гость.—Какъ нельзя же щеголять и красоваться какимъ бы то ни было достоинствомъ предъ людьми, которыхъ, можетъ быть, только обстоятельства, нужда, весь складъ общественной жизни, сдѣлали плутами, и какъ читать проповѣдь и заняться ихъ исправленіемъ некогда,—то обыкновенно выѣзжаешь на васъ, милый Отесинька, говоришь, что не имѣешь надобности, что у моего отца тысяча душъ и проч. и проч. Между тѣмъ—тѣ уступки, сдѣлки, сбавки, которыя подрядчикъ предлагаетъ вамъ, ста-

раешься обратить въ пользу дружины; разумѣется, онъ не вѣритъ, а думаетъ только, что я хитрѣе всякаго полковаго, который имѣетъ то преимущество, что беретъ откровенно, живетъ на распашку и пользуется отъ всѣхъ плутовъ, служащихъ и неслужащихъ, названіемъ «милаго человѣка». Ѣдете вы въ какое нибудь канцелярское заведеніе, отъ котораго зависитъ спокойствіе и довольство дружины: тамъ владычествуетъ старшій писарь, другъ и пріятель всѣхъ квартирмейстеровъ, которому вы платите деньги, а другіе жмутъ ручку; съѣзжаются туда офицеры разныхъ вѣдомствъ, всякій по своей надобности, и городничій и инженерный офицеръ и т. д. Всякій видя васъ, рекомендуется вамъ, какъ своему брату, участнику одного хора, и тутъ-то въ этомъ клубѣ ведется со всѣмъ цинизмомъ разговоръ, какъ кто по по своей части грабитъ, воруетъ, доходы получаетъ и проч. Все это обращается съ рѣчью, между прочимъ, и къ вамъ. Стараешься не оскорбить этихъ людей, обязанъ снискать ихъ благоволеніе, потому что отъ нихъ, повторяю, зависитъ удобства, необходимое для тысячи человѣкъ ратниковъ; не всегда это удается; выраженіе лица иногда измѣняетъ; какъ-нибудь покончишь дѣла, и измученный, будто избитый тысячью палками, глубоко униженный, спѣшишь домой отдыхать отъ нравственнаго угара. Въ военномъ вѣдомствѣ воровство въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ въ гражданскомъ; но весь этотъ бытъ потому разительнѣе еще на меня дѣйствуетъ, что теперь война, что эти разговоры перемѣшиваются съ извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ.... Чего можно ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго, законнаго! Когда нибудь въ другой разъ я вамъ разскажу разные образчики, какъ русскій человѣкъ понималъ и понимаетъ войну за вѣру и за братьевъ.—Пріѣхалъ Сушковъ и остановился на моей квартирѣ. Самъ по себѣ онъ человѣкъ честный, но признающій за подчиненными право самовольнаго вознагражденія. Дружина вступаетъ послѣ завтра. По случаю нашего передвиженія долго еще не получу я отъ васъ писемъ. А теперь и Но-

ябрь въ исходѣ. Некому сдать должности; офицеровъ мало, да и то изъ нихъ четверо заболѣли и ложатся въ госпиталь! — Отъ Толстаго извѣстій нѣтъ. Пишите въ Бендеры; жиды—господа здѣшняго края и распорядители нашихъ судебъ, обѣщаютъ, что дружина простоитъ здѣсь мѣсяца три. Прощайте, будьте здоровы. Надѣюсь, что никого не выбрали въ ополченіе. Какъ-то вы въ Москвѣ?

1855 г. Декабря 3-го дня. Бендеры.

Писемъ отъ васъ все-таки нѣтъ; такъ какъ никто изъ нашей дружины писемъ до сихъ поръ не получилъ, то очевидно, что тутъ виновата одесская почтовая контора, не пересылающая къ намъ писемъ изъ Одессы. У нихъ есть глупое обыкновеніе дожидаться, чтобы накопилось поболѣе писемъ съ однимъ адресомъ и потомъ отсылать ихъ всѣ вдругъ заразъ. А между тѣмъ дни за днями проходятъ и вотъ уже Декабрь,—скоро и праздники, скоро и новый годъ! Шутка сказать! Здѣсь стоитъ такая зима, которая бы удовлетворила и Константина, —и холодная и снѣжная, —но которая чрезвычайно всему мѣшаетъ: трудно найти для людей удобныя и теплыя помѣщенія, трудно учить ихъ, трудно готовить пищу, трудно и жаль разсылать ихъ; сообщенія всѣ прекращаются, и чуть-чуть смеркнется, останавливается всякая дѣятельность. Ходить пѣшкомъ неудобно, а извощиковъ нѣтъ; если же и сыщется иногда извощикъ—жидъ въ замасляномъ разорваномъ халатѣ, съ грязнымъ желтымъ платкомъ около шеи, такъ беретъ по 40 и по 50 коп. сер. въ часъ.—Дружина наша вступила и кое-какъ размѣстилась въ городѣ, на тѣсныхъ квартирахъ. Здѣсь она будетъ содержать караулы и производить земляныя работы; строятъ фортъ на Суворовской могилѣ: такъ называется въ народѣ до сихъ поръ гора, господствующая надъ всею окрестностью, съ которой Суворовъ разгромилъ крѣпость. Я еще до сихъ поръ не переѣхалъ на свою квартиру, потому что живущій въ ней офицеръ еще не очистилъ ее: свою же теперешнюю квартиру я уступаю начальнику дружины, какъ болѣе для него удобную. А какъ онъ помѣстился у меня, то тѣснота не позволяетъ ни разложиться съ бумагами, ни заняться

толкомъ, потому что комната цѣлый день набита биткомъ ротными командирами, артельщиками, подрядчиками, мастеровыми и проч. Такъ въ суетѣ и проходитъ время.—Вчера я досталъ газетъ — Петербургскія Вѣдомости (Московскихъ здѣсь не получаютъ)—и каково же было мое удивленіе, когда на заднемъ листкѣ увидалъ наши имена; догадавшись, что дѣло идетъ о журналѣ, я не читая всего объявленія, пробѣжалъ глазами списокъ сотрудниковъ и не могъ понять, почему не нахожу тутъ имени Хомякова и другихъ; но когда прочелъ подпись внизу, тогда мнѣ все разъяснилось.— Это было объявленіе Каткова объ изданіи Русскаго Вѣстника. Какъ я уже цѣлый мѣсяцъ не получаю писемъ, то все это было для меня совершенною новостью. Мѣсяца три тому назадъ вы сообщали мнѣ о намѣреніи Каткова и о полученномъ имъ дозволеніи, потомъ писали, что онъ позволенія не получилъ, что слухъ объ этомъ оказался ложнымъ, — потомъ ужъ объ этомъ журналѣ не было рѣчи; но можетъ быть въ письмахъ вашихъ, которыя я еще не получилъ и которыя дней черезъ пять—шесть надѣюсь получить въ числѣ пяти,—вы и пишете о журналѣ. Весьма важно дозволеніе политическаго журнала въ Москвѣ, хотя онъ и издается людьми, воззрѣнія которыхъ на политическія событія могутъ быть несогласны съ нашими. Изъ такъ называемой славянофильской стороны въ этомъ журналѣ видно участвуемъ только мы трое. Жаль, что нѣтъ тутъ Хомякова. Хотя моего согласія на участіе въ этомъ журналѣ и не спрашивали, однако я готовъ охотно въ немъ участвовать, если онъ не будетъ враждебнымъ нашей сторонѣ, Хомякову и другимъ нашимъ знакомымъ. Имена Каткова, Корша и Леонтьева порукою въ томъ, что журналъ будетъ серьезный, честный, добросовѣстный, не петербургская литературная сѣнная площадь, и я очень радъ этому явленію; но Константинъ строже меня въ этомъ отношеніи и его участіе, отдѣленное отъ участія Хомякова и другихъ, бросается въ глаза. Какого же рода статьи будетъ онъ давать, или лучше сказать—какого рода его статьи рѣшатся они помѣщать? Чисто ли ученыя или же критическія или, такъ сказать, общественно-политическаго содержанія?—Прощайте. Сейчасъ ѣду въ Кишиневъ за полученіемъ казенныхъ денегъ: это всего

60 верстъ. Я остаюсь тамъ не болѣе сутокъ или 2-хъ. Будьте здоровы.

1855 г. Декабря 8-го. Бендеры.

Декабря 6-го получилъ я наконецъ черезъ Одессу ваше письмо отъ 10-го Ноября; слѣдовательно письмо дошло до меня черезъ 26-ть дней! Въ письмецѣ еще нѣтъ извѣстій о вашемъ житьѣ-бытьѣ въ Москвѣ.—Какъ я предполагаю, что мы во всякомъ случаѣ простоимъ здѣсь мѣсяцъ, то могу теперь васъ попросить прислать мнѣ, если только это не затруднитъ васъ, рублей сто серебромъ. Я бы не просилъ васъ объ этомъ, если бы былъ увѣренъ, что 1-го Января точно получу слѣдующіе мнѣ отъ казны деньги, — но это сомнительно.—1-го Января мнѣ слѣдуетъ получить рублей 400 серебромъ (треть жалованья, подъемныя деньги, ассигнованныя всѣмъ офицерамъ арміи предъ открытіемъ кампаніи, раціоны за два мѣсяца); но денегъ въ казнѣ мало и врядъ ли все выдадутъ; къ тому же могутъ возвратить бумаги, за неисправностью какою-нибудь въ формѣ. — Я ѣздилъ въ Кишиневъ, гдѣ пробылъ одни сутки. Кишиневъ такъ обстроился въ эти семь лѣтъ, благодаря пребыванію въ немъ разныхъ штабовъ, что трудно и узнать его: трактиры, гостинницы, лавки галантерейныя и съѣстныя приняли огромные размѣры,—но прежній колоритъ восточнаго города значительно поблѣднѣлъ. Тамъ стоитъ 112 дружина (Рузская) и хвалится веселою стоянкою: балы, балы и вечера! Тамъ есть и театръ, и 6-го Декабря должны были пѣть на сценѣ Боже Царя храни ратники московскаго ополченія. Я думаю, въ первый разъ случается, что бороды поютъ этотъ національный гимнъ.—Въ Кишиневѣ многіе убѣждены, что съ весною кампанія откроется въ Бессарабіи; нѣтъ сомнѣнія, что войска стягиваются къ Дунаю, и что правый флангъ арміи усиливается. Но я, вопреки общему мнѣнію, убѣжденъ, что вторженія въ Бессарабію не будетъ. Для этого необходимо было бы союзникамъ, чтобы Австрія пропустила ихъ свободно чрезъ Молдавію и Валахію, чтобы они могли имѣть Дунай операціоннымъ базисомъ (судоходство по Дунаю можетъ снабжать ихъ продовольствіемъ); иначе — вторгаться въ Бессарабію узкимъ проулкомъ между Измаиломъ и Рени, стороною степною и однородною съ Добруджей, наполнен-

ною войсками, очень невыгодно. Со стороны Аккермана такъ же неудобно: Аккерманъ и весь Днѣстръ до Бендеръ довольно сильно укрѣплены. Теперь весь вопросъ въ томъ— пропустить ли ихъ Австрія. Но едва ли этотъ вопросъ не рѣшенъ окончательно—отрицательно. Меня увѣрялъ одинъ офицеръ, пріѣхавшій съ Дуная, что у нихъ отданъ по корпусу секретный приказъ: въ случаѣ вступленія въ Бессарабію войскъ австрійскихъ—отдавать имъ почести и очищать Бессарабію. Есть слухи о томъ, что австрійскія войска займутъ Бессарабію. Мнѣ сдается, что заключается снова союзъ съ Австріей, цѣною разныхъ уступокъ и обѣщаній. Иначе и быть не можетъ. Императорская Русь не можетъ не быть въ союзѣ съ императорскою Австріей; впрочемъ и царская влеклась къ ней всегда симпатіей. — Между тѣмъ въ простомъ здѣсь народѣ, между солдатами и ратниками, ходитъ слухъ о замиреніи, о союзѣ съ Австріей. «Молодецъ австріецъ, дай Богъ ему здоровья», говорятъ они; я самъ это слышалъ. Въ русскомъ народѣ нѣтъ гордости, и пораженіе отъ превосходной силы онъ во стыдъ себѣ не вмѣняетъ. «Ничего не сдѣлаешь», говорятъ они, «сила валитъ со всѣхъ сторонъ» и потому радуются союзу съ Австріей. Вчера опять пронесся слухъ о мирѣ, и о томъ, что дружина наша возвращается домой; еще распустили слухъ, что будто я привезъ это извѣстіе изъ Кишинева: надо было видѣть восторгъ ратниковъ. Впрочемъ, все это понятно. Странная, странная война!—Ратникъ, котораго я бралъ съ собою въ дорогу, ѣдучи въ Кишиневъ, мужикъ лѣтъ 50-ти, разсказывалъ мнѣ со слезами на глазахъ, что у него семь человѣкъ дѣтей, одинъ другаго меньше, что жена его умерла мѣсяца два тому назадъ, какъ извѣстило его письмо, полученное имъ въ Одессѣ, что дѣти его ходятъ по міру. Приходилъ также освѣдомляться, нѣтъ ли письма, ратникъ изъ плотниковъ, самъ топорной работы и, утирая кулакомъ слезы, говорилъ про дѣтей, имъ оставленныхъ. Для насъ существуютъ побужденія самолюбія, честолюбія, славы, отвлеченныя понятія объ отечествѣ, политическія мечты, сопряженныя съ извѣстною степенью познаній и образованія, наконецъ, нашему сознанію ясна картина всего цѣлаго. Ничего этого для него не существуетъ и существовать не можетъ, ничего разбирать

и понять онъ не въ состояніи въ этомъ туманѣ, облегающемъ его со всѣхъ сторонъ. Если вообразить себя на ихъ мѣстѣ, на послѣдней ступени общества, подъ давленіемъ тяжести всѣхъ сословій, одного надъ другимъ, подъ игомъ всего общественнаго устройства, всего могущества лжи, — въ этомъ мракѣ, не освящаемомъ лучемъ познаній, — такъ, кажется, повѣсился бы или спился бы. — Выборъ пункта для нападенія на Россію—очень удаченъ. Это самое слабое ея мѣсто. Я увѣренъ, что если бы высадка произведена была въ Архангельской губерніи, въ Финляндіи, даже въ Остзейскомъ краѣ и Петербургѣ, она могла бы произвести народную мѣстную войну со стороны русскихъ, финляндцевъ и латышей. Но чѣмъ болѣе наблюдаешь этотъ край, тѣмъ сильнѣе убѣждаешься въ его нравственномъ безсиліи.—Русскіе здѣсь—поколѣніе бѣглыхъ, враждебное Россіи. Недавно я говорилъ съ однимъ бородачемъ-извощикомъ и, увидавъ его бороду, обратился къ нему съ радостью, какъ къ земляку... Онъ на привѣтствіе отвѣчалъ очень сухо и объяснилъ, что «чортъ ли ему въ Россіи! Тамъ мы жили подъ панами, а здѣсь мы вольные; молдаване и евреи народъ добрый, съ ними жить можно». Когда онъ сталъ отзываться не совсѣмъ ласково про правительство и Царя, то на замѣчаніе бывшаго тутъ же одного нашего офицера сказалъ: «ну чтожъ, мы царю служимъ, уйдемъ для него Турцію населять». Подобныя же рѣчи слышалъ я и отъ многихъ русскихъ. Я спрашивалъ людей, самыхъ близкихъ къ молдаванскому народу, какъ поступитъ онъ въ случаѣ вторженія непріятеля въ Бессарабію. «Одно только вѣрно, отвѣчали мнѣ, что онъ не побѣжитъ въ Россію». Россія является для нихъ страшилищемъ, страною холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины,—и крѣпостное право, разстилающееся надъ Россіею свинцовою тучей, пугаетъ ихъ невыразимо.—Ну, что сказать вамъ еще новаго? Право, нѣтъ ничего. Хотинская крѣпость упраздняется и орудія перевозятся въ Бендеры; значитъ опасность со стороны Австріи уже не грозитъ. — Въ продовольствіи войска не нуждаются, благодаря запасамъ хлѣба, задержаннымъ у одесскихъ и измаильскихъ негоціантовъ; но въ фуражѣ сильный недостатокъ: овесъ рублей пять четверть; впрочемъ его нѣтъ въ продажѣ;

ячмень также дорогъ, и лошадей приходится кормить папушей или кукурузой.—Говядина одинъ рубль сер. пудъ. Бессарабское вино—прекрасно и мягко и стоитъ отъ 10 коп. до 30 коп. сер. око, т. е. одинъ штофъ. Прочее же все, начиная отъ топлива, очень дорого. Впрочемъ, сахаръ 40 к. сер. фунтъ, чай можно имѣть порядочный рубля за три сер. Общества въ городѣ нѣтъ никакого; книги въ обращеніи ни одной, новости узнаются только изъ запоздалыхъ петербургскихъ газетъ. День цѣлый проводишь дома, въ занятіяхъ, т. е. въ служебной суетѣ. Я еще не переѣхалъ, потому что квартира моя не очистилась и живу съ Сушковымъ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ. Своего общества, т. е. общества офицеровъ у насъ быть не можетъ, какъ по несчастному составу дружины нашей, такъ и потому, что насъ очень мало. Общаго ничего нѣтъ, разговора никакого: водка, карты, безденежье, циническое обращеніе съ казенною собственностью, вотъ всѣ предметы разговора и интересы защитниковъ вѣры и отечества; при всемъ томъ многіе изъ нихъ довольно добрые малые, но страшные невѣжи. Скука страшная, особенно потому, что писемъ и новостей ни откуда нѣтъ; книгъ нѣтъ. Хотя я и пользуюсь искреннимъ уваженіемъ и любовью даже своихъ товарищей, но постоянно нахожусь въ душевномъ одиночествѣ, или же въ сильныхъ нравственныхъ тискахъ. Заниматься чѣмъ-либо другимъ нѣтъ ни мѣста, ни времени; поэтому и сидишь цѣлый день за писаніемъ разныхъ требованій дровъ, свѣчей, провіанта, фуража, такъ что многіе воображаютъ, что я пристрастился къ этимъ занятіямъ, что я созданъ для нихъ, что я ничѣмъ другимъ и интересоваться неспособенъ.—Не знаю, право, что дѣлается съ одесской почтовой конторой; кажется, она была до сихъ поръ такая исправная. Я уже послалъ ей три офиціальныя напоминанія. Какъ же, не только я, но никто, ни одинъ ратникъ не получаетъ писемъ уже цѣлый мѣсяцъ,—единственнаго утѣшенія въ этой глуши!—Прощайте. Завтра опять ожидается почта изъ Одессы; авось-либо съ нею придутъ письма три, вашихъ. Какіе морозы здѣсь: вотъ уже нѣсколько дней сряду стужи, градусовъ по 20-ти; санный путь великолѣпнѣйшій всюду. Всѣ, разумѣется, говорятъ, что это москвичи принесли съ собою такую зиму. Прощайте, будьте здоровы; опишите мнѣ ваше Московское житье-бытье.

Съ 21-го на 22-е Декабря 1855 г. Бендеры.

Я не писалъ къ вамъ съ послѣдней почтой, потому что дожидался возвращенія нашего офицера изъ Одессы, за то и получилъ четыре письма вашихъ заразъ, и послѣднее ваше письмо, адресованное прямо въ Бендеры отъ 5-го Декабря. Какъ былъ радъ такому чтенію *). Буду теперь отвѣчать вамъ по порядку. Въ письмѣ вашемъ отъ 4-го Ноября вы пишете о предложеніи Каткова купить вашу рукопись и о предложеніи его участвовать въ журналѣ. Хорошо — что на первое вы не согласились. Пожалуйста, пришлите мнѣ хоть одинъ экземпляръ вашей книги, когда она будетъ отпечатана. Что касается до втораго предложенія, то я на это уже отвѣчалъ. Но смѣшно мнѣ говорить объ моемъ участіи. Писать статьи мнѣ некогда, а если бы я и могъ написать статьи, почерпая нужное для нихъ вдохновеніе изъ среды, меня окружающей, такъ онѣ неудобны для печати. Мои путевыя замѣтки, конечно, могутъ быть интересны, но сами вы можете судить по письмамъ, что все новое и оригинальное въ нихъ не можетъ пройти черезъ цензуру. Дней черезъ десять выйдетъ книжка Русскаго Вѣстника, но въ Бендерахъ, конечно никто его читать не будетъ и потому я его не увижу. Очень все это жаль. — Скоро, наконецъ, прибудетъ Подольскій егерьскій полкъ, къ которому мы при-

---

*) Въ одномъ изъ этихъ писемъ, отъ 1-го декабря, Константинъ Сергѣевичъ пишетъ такъ: „у насъ въ Москвѣ совершилось прекрасное событіе: 26 Ноября былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей Щепкина. Еще въ середу явились къ нему избранные, извѣстить его о томъ, что ему готовится юбилей....

„Константинъ началъ отъ яицъ Леды", прерываетъ Сергѣй Тимофеевичъ, „но это слишкомъ длинно и я разскажу тебѣ покороче: 26 Ноября данъ былъ Щепкину обѣдъ въ залѣ Училища живописи и ваянія. Посѣтителей было до 200, и въ томъ числѣ нѣсколько лицъ почетныхъ, то-есть: Перфильевъ, Назимовъ, Трубецкіе, Казначеевъ и проч. Передъ обѣдомъ Константинъ прочелъ мою статью, сидя за особымъ столомъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ, который плакалъ и смѣялся. Слушатели, разумѣется, разсыпались рукоплесканіями. Потомъ, присланный изъ Петербурга депутатъ, актеръ Бурдинъ, прочелъ прекрасное поздравленіе Щепкину отъ Петербургскихъ артистовъ. За обѣдомъ было много спичей. Барсовъ, изъявленіемъ своей благодарности, заставилъ всѣхъ плакать. Погодинъ провозгласилъ тостъ за мое здоровье, который былъ принятъ съ такимъ единодушнымъ восторгомъ, что Константинъ, съ бокаломъ, вошелъ въ средину стола и сказалъ слѣдующее: „Тостъ вашъ для меня дорогъ. Благодарю васъ отъ имени моего отца, благодарю всею душою за ваше сочувствіе. Выраженіе об-

мыкаемъ, и начнется сдача дружины «на законномъ основаніи», т. е. съ книгами, счетами, документами, дѣлами, вѣдомостями и всякаго рода бумагами.—Въ Одессѣ стоящія дружины частію уже присоединились, частію присоединяются къ полкамъ. Покуда дружинные начальники ладятъ; много зависитъ отъ личности полковаго командира. Шереметевъ, начальникъ Волоколамской дружины, обошелся сначала съ своимъ командиромъ заносчиво, не хотѣлъ къ нему являться и т. п., но его заставили смириться.—Толстой пишетъ мнѣ слѣдующее: «Письмо Казначеева я отдалъ начальнику Штаба, любезнѣйшій И. С., отдалъ потому, что Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій человѣкъ очень умный и, кажется, очень хорошій, который можетъ оцѣнить васъ. Положительнаго отвѣта онъ мнѣ не далъ, но если чего-нибудь особеннаго не случится, то я надѣюсь устроить это дѣло. Пока мой совѣтъ оставаться при дружинѣ и проч.»—Между тѣмъ разрѣшены отпуска, которые до сего времени были запрещены. Въ приказѣ сказано, что Государь, имѣя въ виду, что съ одной стороны нельзя ожидать военныхъ дѣйствій зимою, съ другой, что присутствіе многихъ офицеровъ дома можетъ быть имъ необходимо нужно по домашнимъ причинамъ, дозволяетъ отпускать, но не далѣе 1-го Марта. Разрѣшаетъ отпуски, разумѣется, самъ Лидерсъ.

щественнаго сочувстія, общественнаго мнѣнія драгоцѣнно, и отецъ мой ставитъ его выше всего. Я не могу лучше отвѣчать на вашъ тостъ, столь для меня драгоцѣнный, какъ предложивъ тостъ: въ честь общественнаго мнѣнія!" — Двѣ секунды продолжалось молчаніе и разразилось крикомъ и громомъ рукоплесканій. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, чокались, обнимались, незнакомые знакомились съ Константиномъ. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательны: правитель Канцеляріи Закревскаго, Корниловъ, богачъ Кокоревъ (диковинный человѣкъ), купцы Мамонтовъ и Прохоровъ. Ни музыкой, ни тостомъ въ честь искусства и театра, не могли унять хлопанья и крика. Константинъ поспѣшилъ уѣхалъ въ домъ къ Щепкину, гдѣ его встрѣтили: иллюминація, толпа акрисъ и знакомыхъ женщинъ и—малороссійскія пѣсни. Я забылъ сказать, что Щепкину былъ прочтенъ адресъ, прекрасно написанный, отъ *всѣхъ* петербургскихъ литераторовъ; разумѣется тутъ были Плетневъ и Кн. Вяземскій—и не было Греча и Булгарина. Щепкину поднесено много подарковъ: перстни, кубки, ковшъ, кружка въ видѣ большаго золотаго пѣтуха, наконецъ книги: Пушкинъ, Гоголь, Шекспиръ, Дантъ.—Для финала надобно прибавить, что тостъ Константина былъ запрещенъ для печати, по настоянію Гр. Закревскаго. Государь утѣшаетъ всѣхъ, на дняхъ получено повелѣніе принимать безграничное число студентовъ во всѣ университеты.—

Много ополченцевъ увидите вы зимою въ Москвѣ, и изъ нашей дружины просятся нѣкоторые въ отпускъ; но отпускаютъ съ разборчивостью и соображая остающееся число офицеровъ.—Мнѣ же не придется воспользоваться отпускомъ, я думаю, — какъ потому, что недѣли черезъ двѣ начнется сдача дружины и сдача казначейской должности: много будетъ мнѣ работы, особенно если полковой командиръ формалистъ,—такъ и потому, что истекаетъ годъ и должно готовить отчетность по провіантскому и коммиссаріатскому вѣдомствамъ и по разнымъ другимъ. Хорошо, если бы все это окончилось январемъ, но наврядъ ли. А хотѣлось бы мнѣ, очень бы хотѣлось въ Москву, тѣмъ болѣе, что весной и лѣтомъ нельзя уже будетъ проситься въ отпускъ. — Вы пишете про отставку... Въ отставку никого не выпускаютъ, развѣ по дѣйствительной болѣзни, послѣ строгаго освидѣтельствованія въ Штабѣ южной арміи цѣлымъ присутствіемъ докторовъ. Вы говорите, что теперь можно было бы занять мѣсто въ гражданской службѣ... Укажите—какое?—Очень пріятно слышать про всѣ дѣйствія и слова Государя: вполнѣ ему сочувствую, но онъ возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе; мнѣ онъ кажется жертвою порядка вещей; не совладать ему съ нимъ; слишкомъ глубокіе корни пустило зло, чтобы могло быть уничтожено безъ радикальнаго леченія, безъ полнаго обличенія. Дай Богъ, чтобы во все время своего царствованія онъ удержался на томъ пути, на которомъ находится теперь и чтобы не пугался послѣдствій, которыя произойдутъ отъ нѣкоторыхъ дарованныхъ льготъ. Ну да нечего объ этомъ распространяться. Теперь всѣ одушевлены, кажется, сердечнымъ расположеніемъ къ нему и готовы ему содѣйствовать. Я увѣренъ, что это настроеніе будетъ очень плодотворно въ литературномъ отношеніи и ожидаю большой дѣятельности отъ Константина. Мнѣ кажется, что пребываніе въ Москвѣ будетъ содержать его въ пріятно возбужденномъ состояніи. Очень этому радъ, давно онъ былъ лишенъ этого. Началось оно хорошо, юбилеемъ Щепкина. Пришлите мнѣ прочесть вашу статью; кажется, никто не получаетъ здѣсь въ Бендерахъ Московскихъ Вѣдомостей; впрочемъ, я еще не кончилъ розысковъ. Очень я радъ, что такъ удаченъ вышелъ этотъ юбилей, что такъ явно и торжественно выра-

вилось общее сочувствіе къ вамъ, милый Отесинька, и что могъ Константинъ провозгласить тостъ въ честь общественнаго мнѣнія!—Что касается до циркуляра Великаго Князя, то, разумѣется, я радуюсь всею душою этому явленію, но не то понимаютъ они подъ офиціальною ложью; это не значитъ ложь донесеній, а ложь формализма, ложь, истекающая изъ самаго начала административнаго, изъ понятія о казнѣ и проч. и проч. и проч.—Только съ этою почтой узналъ я, что Самаринъ поступилъ на службу въ ополченіе, не знаю только, по какой губерніи, Самарской или Симбирской. Разумѣется, онъ захотѣлъ поступить и могъ бы отдѣлаться, если бы хотѣлъ; впрочемъ, я никакихъ подробностей объ этомъ не знаю и это было для меня совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ. Конечно, въ ихъ ополченіи составъ дружинъ будетъ лучше нашего; такого несчастнаго и грязнаго, какой въ Серпуховской дружинѣ,—трудно гдѣ и найти. Если въ одной дружинѣ соберется человѣкъ шесть людей съ благороднымъ образомъ мыслей, умныхъ, образованныхъ и въ добавокъ богатыхъ, то, конечно, можно будетъ много сдѣлать добра,—но все это до присоединенія къ полкамъ. Посмотрю, что скажетъ Самаринъ мѣсяца черезъ три или четыре, когда эти мужики сдѣлаются уже ратниками. У насъ, штатскаго происхожденія офицеровъ, нѣтъ этой привычки командованія, деспотическаго отношенія къ людямъ; никакъ не станешь смотрѣть на людей, какъ на машины, и наше управленіе составляетъ разительный диссонансъ въ общемъ хорѣ, ослабляющій дѣйствіе цѣлаго. Конечно, можно бы повести людей иначе, но трудно согласить это съ требованіями военными (и нужно бы для этого знать эти требованія совершенно, быть въ нихъ хозяиномъ), — когда все идетъ по другимъ началамъ. — Очень мнѣ любопытно будетъ слѣдить Самарина на его новомъ поприщѣ, тѣмъ болѣе, что онъ поступилъ не въ Штабъ и имѣетъ довольно времени, чтобы обучиться самому военной службѣ.—Что касается до выписки изъ письма Кулеша, *) то ея достаточно, чтобы произнести рѣшительное

*) Выписка изъ письма Кулеша къ Сергѣю Тимофеевичу: „Считаю долгомъ сообщить вамъ, что общество здѣшнихъ достойныхъ людей, или *людей по преимуществу*, выражаетъ удивленіе къ поведенію Ивана Сергѣевича во время

мнѣніе о человѣкѣ. Богъ знаетъ, что это за голова. Въ ней есть какой-то свищъ или недостаетъ многихъ клавишей,—но умнымъ человѣкомъ его назвать нельзя, какъ хотите. «Не затмѣвала прекрасной личности нашего поэта». Ну и кончено, стоитъ только прочесть эту фразу. Развѣ умный человѣкъ ее напишетъ? Онъ не свободный жрецъ, а какой-то чиновникъ искусства и литературы, очень усердный, безкорыстный, преданный своей «*службѣ*», но относящійся къ ней съ такими же педантическими требованіями формализма, какъ регистраторъ къ настольному регистру. Удивительное мое поведеніе состояло въ томъ, что я не успѣлъ быть у Павлова, у Силина, у Бунге, у князя Довбиджи; даже, кажется, и былъ у двухъ изъ нихъ, но не засталъ дома; что въ Кіевѣ я принималъ 84 тысячи патроновъ и для этого каждое утро таскался въ жаръ, по страшнымъ пескамъ, верстъ пять за городъ, возился съ коммиссаріатской провіантской коммиссіей и такъ мало имѣлъ свободнаго времени, что не успѣлъ даже побывать въ пещерахъ и едва-едва удалось забѣжать въ соборъ; наконецъ, что на вечерѣ у Юзефовича я большую часть времени провелъ въ разговорѣ съ княземъ Голицынымъ, очень умнымъ и ученымъ военнымъ человѣкомъ, бывшимъ профессоромъ академіи военной, потомъ директоромъ Училища Правовѣденія, потомъ опять профессоромъ и наконецъ генералъ-квартирмейстеромъ средней арміи. Его разсужденія собственно объ образѣ войны были для меня очень интересны, и мы съ нимъ проговорили большую часть вечера. Вообще мнѣ любопытнѣе были генералы, чѣмъ люди, которыхъ я уже зналъ

похода его черезъ Кіевъ съ ополченіемъ. Онъ побывалъ у тѣхъ, которые тоже люди, и люди, можетъ быть, очень почтенные, но не заглянулъ къ тѣмъ, кого я и каждый, мнѣ подобный, можетъ назвать людьми по преимуществу. Мнѣ больно было слышать нѣкоторый ропотъ отъ одного изъ нихъ, и, приписывая загадочное поведеніе Ивана Сергѣевича какимъ нибудь необъяснимымъ обстоятельствамъ, я пишу къ вамъ объ этомъ для сообщенія ему. Прибавлю еще, что дѣло идетъ здѣсь о такихъ людяхъ, которые выразили ему свое вниманіе и сочувствіе, естественно требующее отвѣта. Отъ всей души желаю, чтобъ это тягостное для меня облако разсѣялось и не затмѣвало прекрасной личности нашего поэта“. Все это какое-то преувеличеніе—добавляетъ Сергѣй Тимофеевичъ.— Вообще Кулешъ въ Кіевѣ находится въ какомъ-то восторженномъ положеніи. Рукопись его здѣсь цензируется, и я ожидаю отъ него разрѣшенія, что съ нею дѣлать.

и которые въ настоящее время не въ числѣ дѣйствующихъ.— Благодарю васъ, милая Маменька, за ваши добрыя строки; только скажу, что—мнѣ кажется—я и на своемъ теперешнемъ мѣстѣ сдѣлалъ нѣкоторую пользу дружинѣ. Скажу вамъ даже, что при Толстомъ было бы даже недобросовѣстно съ моей стороны оставить мѣсто казначея: я былъ нуженъ; теперь же я не нуженъ, потому что Сушковъ самъ взялъ на себя все бремя правленія и даже больше, чѣмъ слѣдуетъ начальнику дружины, ввелъ разные новые порядки и я уже мѣшать ему не могу, — да и не могу оставаться казначеемъ потому, что эта должность уничтожается.—Если не перейду въ Штабъ, такъ приму роту. Ничего, Богъ милостивъ, кончится война, и я ворочусь въ Москву съ огромнымъ запасомъ опытности, наблюденій, воспоминаній, нѣсколько, можетъ быть, поугомонившись, во всякомъ случаѣ много пріобрѣтя, и тогда расквитаюсь съ Географическимъ Обществомъ. А этого времени упускать нельзя было. Подъ часъ, конечно, очень тяжко, но не могу не сознавать съ благодарностью къ Богу, что пріобрѣтаю; только старайся извлекать изъ всего пользу и во всемъ отыскивать благую для себя сторону.—Не могъ я не разсмѣяться, милая Маменька, безцеремонности вашего приговора на счетъ нашихъ передвиженій: «чья пустая голова этимъ распоряжается»—Носился слухъ, что Керчь взята обратно, но подтвержденія нѣтъ. Говорятъ о намѣреніи захватить Кинбурнъ по льду. Хлѣбъ скупается. Въ замѣнъ вашихъ утѣшительныхъ разныхъ извѣстій и въ отвѣтъ на письмо ваше, свидѣтельствующее о какомъ-то бодромъ, веселомъ состояніи, полномъ надеждъ и жизни, мнѣ нечего сообщить вамъ утѣшительнаго, рѣшительно нечего. Вотъ и праздники, съ которыми поздравляю васъ, и которые никакою жизнью не ознаменуются въ Бендерахъ. Мы всѣ сидимъ кротáми по своимъ угламъ, по своимъ тѣснымъ квартирамъ. Если бы у меня не было служебныхъ занятій, такъ скука была бы страшная, и офицеры, которымъ много празднаго времени, прибѣгаютъ къ водкѣ и къ водкѣ; къ картамъ не прибѣгаютъ, потому что денегъ ни у кого нѣтъ. — Нѣтъ ни книгъ, ни журналовъ, ни общества, и я, кромѣ утра и обѣда (обѣдать мы устроились съ Сушковымъ вмѣстѣ, такъ какъ по службѣ мы чаще

всѣхъ видимся), буквально цѣлый день и вечеръ дома. — Прощайте. Дай Богъ вамъ провести праздники и встрѣтить новый годъ бодро и весело. Будьте здоровы.—Я читалъ нѣкоторыя письма ратниковъ, полученныя ими изъ дома. Жены спрашиваютъ: обриты вы или нѣтъ?

Декабря 26-го 1855 г. Бендеры.

Поздравляю васъ, милый Отесинька и милая Маменька, съ праздникомъ и всѣхъ сестеръ и братьевъ. Я получилъ нынче ваше письмо отъ 15-го Декабря. Какія вы все утѣшительныя новости сообщаете *); жаль только, что здѣсь-то мнѣ не съ кѣмъ подѣлиться ими. Добрыхъ малыхъ довольно, но до цензуры, до университета, до академіи, до литературы имъ дѣла нѣтъ. — Московскихъ Вѣдомостей я не досталъ; думалъ, что описаніе юбилея будетъ перепечатано въ Петербургскихъ, но не нашелъ и тамъ. Проводя сочельникъ и встрѣчая праздники въ этомъ жидовскомъ городишкѣ, среди жидовской семьи, я вѣроятно также, какъ и всѣ ратники, переносился мыслію въ Москву, вспоминалъ всю хлопотливую суету приготовленій, тревожное чувство ожиданія праздника. И здѣсь я какъ-то чего-то ждалъ, не могъ заставить жидовку вымыть полъ въ моей конуркѣ, потому что была суббота, но въ воскресенье и полъ вымыли и бу-

---

*) Сергѣй Тимофеевичъ въ этомъ письмѣ пишетъ: „Всѣ обрадовались сдачи Карса и вообще какъ-то стали бодрѣе духомъ, да и какъ не ободриться? мы на каждомъ шагу видимъ, что Государь хочетъ правды, просвѣщенія, честности и свободнаго голоса. Университеты растворены настежъ; Константинъ Николаевичъ далъ циркуляръ по своему Министерству, разумѣется, съ соизволенія Царя, который начинается такъ:

Въ одной весьма замѣчательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи, при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго положенія, между прочимъ сказано: „Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь и пр. и пр.“—послѣ же большой выписки, изъ извѣстной тебѣ статьи, слѣдуютъ слова: „Прошу Ваше Превосх. сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ Морскаго Вѣдомства, и повторить имъ, что Я требую въ ихъ отчетахъ не похвалы, а истины, и въ особенности глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ“ и пр. и пр.

Я чувствую, какъ радостно забьется твое сердце! И едва вѣришь, что наступаетъ время, въ которое честному человѣку можно будетъ говорить правду безъ страха.

маги, лежавшія на полу и на кровати, за неимѣніемъ столовъ, припрятаны. — Въ крѣпостной соборъ я не поѣхалъ, предоставивъ начальнику дружины въ лицѣ своемъ представлять всю дружину, а отправился въ городской соборъ (единственную православную церковь); приходили пѣсенники нашей дружины поздравить съ праздникомъ и пѣть Христосъ рождается и пр.; приходили музыканты обѣихъ дружинъ (111 и 109) играть на горнахъ и барабанахъ свои поздравленія съ праздникомъ; приходили школяры Христа славить, съ бумажной звѣздой; приходило много ратниковъ. Такъ какъ здѣсь виноградное вино очень хорошо и дешево, то я велѣлъ своему деньщику подчивать каждаго, и какъ нахожу необыкновенное удовольствіе давать денегъ щедро, то — ради тоски на чужбинѣ не отказалъ себѣ въ этомъ удовольствіи, имѣя въ виду скорое полученіе значительной суммы (жалованья, подъемныхъ денегъ и раціоновъ). Вечеромъ явились ко мнѣ артиллерійскіе солдаты, съ предложеніемъ мушкарада. Я ихъ принялъ; мнѣ любопытно было видѣть солдатское представленіе. Явилось человѣкъ 15-ть, очень порядочно костюмированныхъ; эполеты и аксельбанты были превосходно сплетены изъ соломы. Представленіе заключалось въ томъ, что царь Максимиліанъ думаетъ думу съ сенаторомъ Думчевымъ, требуетъ отъ сына своего Адольфа поклоненія «коммерческимъ богамъ»; но сынъ Адольфъ отвѣчаетъ: «о, мой родитель и повелитель, я ваши коммерческіе боги топчу подъ ноги», остается христіаниномъ; его за это—въ тюрьму, куда онъ и удаляется, при пѣніи хора: «я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ»; наконецъ его казнятъ, и призываютъ для лѣченія доктора съ фельдшеромъ. Это единственныя живыя лица во всемъ представленіи. Актеры, очевидно, кого-то передразнивали. Между прочимъ докторъ спрашиваетъ: сколько больныхъ въ госпиталѣ? фельдшеръ отвѣчаетъ, что къ такому-то числу больныхъ состояло 155-ть, что на бѣлый свѣтъ выпущено 5-ть остальные, человѣкъ 150-тъ — отправлены для пополненія списковъ въ небесную канцелярію; лекарства оказываются всѣ поставленными по каталогу въ 1825 году и потому, разумѣется, существующими только на бумагѣ; рецептъ прописывается: солома съ уксусомъ и т. п. У фельдшера орденъ «первой степени пьянства». За-

мѣчательно, что во всѣхъ кукольныхъ комедіяхъ, итальянскихъ народныхъ представленіяхъ, выводятся на сцену доктора, конечно потому, что обманъ и шарлатанство докторовъ болѣе бросается въ глаза простому народу, чѣмъ другое злоупотребленіе; впрочемъ докторъ солдатскаго представленія не итальянскій, а современный, россійскій, чиновный. Въ видѣ эпизодовъ являлись и витязь Бармуилъ, и воинъ Аника, и какая-то *«богиня»*, сражающаяся съ Аникой въ чистомъ полѣ, и смерть съ косой. Путаница страшная и въ то же время среди напыщенной книжной рѣчи цѣлыя тирады изъ пѣсни, которыя говорили воины Бармуилъ и Аника, умирая: «Ты скажи моей молодой женѣ» и проч. Наконецъ все покончилось общимъ мушкарадомъ, т. е. пляской или галопомъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ. Все было очень пристойно и чинно, но я ожидалъ болѣе остроумія и сатиры не на одного доктора съ фельдшеромъ. Быть не можетъ, чтобы не было солдатской комедіи такой, въ которой бы высказалась вся иронія, вся критика на управленіе и устройство общественное. Поищу.—Кстати, чтобы не забыть. Видѣлъ я на праздникахъ почти всѣхъ людей М. Ѳед. Соллогубъ и кланялся имъ отъ нея. Скажите Марьѣ Ѳедоровнѣ, что всѣ они живы и здоровы, всѣ находятся въ строю, а не въ резервѣ, исключая одного, который кашеваромъ,—и никакихъ особенныхъ просьбъ не имѣютъ, кромѣ денегъ, денегъ и денегъ. И потому пусть М. Ѳед., если только хочетъ прислать имъ денегъ, пришлетъ ихъ на мое имя, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—покуда мы еще здѣсь.—Поговариваютъ о передвиженіяхъ; достовѣрно только то, что недѣли черезъ двѣ сюда вступитъ какой-то полкъ; тогда какой-нибудь дружинѣ придется выйти. Объ нашемъ полку—ни слуху, ни духу. Сушковъ ѣдетъ завтра дня на два въ Одессу и авось привезетъ достовѣрныхъ новостей.—Итакъ въ Сибири университетъ, слѣдовательно и типографія и печатаніе книгъ! Слава Богу! Будетъ ли онъ имѣть характеръ нравственной зависимости отъ столичныхъ университетовъ или совершенно самостоятельный? Помѣщиковъ нѣтъ въ той сторонѣ,—слѣдовательно все дѣти чиновниковъ и купцовъ. Это огромная эпоха для Сибири.—Насчетъ экзаменовъ для повышенія въ генералы и полковники мнѣ что-то не вѣрится; да оно и невозможно въ настоящее,

военное время. Генералъ Хрулевъ вѣрно не выдержитъ ни одного экзамена.—Съ нетерпѣніемъ жду газетъ, чтобы узнать—что дѣлаетъ и куда пошелъ Муравьевъ.—Видно Хомякова еще нѣтъ въ Москвѣ, что вы ничего о немъ не пишите.—Когда придетъ это письмо, то вѣрно ваша книга отпечатается совсѣмъ, милый Отесинька. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ будетъ огромный; любопытно будетъ наблюдать, какъ молва объ ней и объ васъ будетъ продираться сквозь здѣшнюю трущобу и завоевывать массу, т. е. не массу, а пріобрѣтать вамъ читателей или заочныхъ (въ смыслѣ не читавшихъ), почитателей*).—Я съ своей стороны о литературѣ, и о поэзіи и о себѣ въ этомъ отношеніи никогда не говорю и потому, что не съ кѣмъ и потому, что большинство здѣсь въ первый разъ въ жизни слышитъ фамилію Аксаковыхъ.—Сейчасъ былъ у меня еврей изъ компаніи евреевъ, овладѣвшихъ здѣсь всѣми подрядами и начальственными лицами, имѣющихъ постоянныя сношенія со штабомъ южной арміи и довольно вѣрныя свѣденія о передвиженіяхъ войскъ. Послѣ новаго года вскорѣ вступятъ сюда Модлинскій и Прагскій полки, а наши три дружины выступятъ,—куда—неизвѣстно, разумѣется, на соединеніе со своими полками, которые теперь стоятъ около Перекопа и Николаева; можетъ быть, ихъ подвинутъ ближе сюда. Такимъ образомъ мы рѣшительно оправдываемъ свое названіе *подвижнаго* ополченія. Стоянка, конечно, здѣсь очень скверная, но и походы надоѣли.—Я теперь въ большихъ хлопотахъ по случаю отчетности. Велѣно представить ее къ 5-му Января. Разумѣется, вмѣсто 5-го можно представить 15-го и позже, но дѣло въ томъ, что рѣшительно не кѣмъ взяться за составленіе этихъ многосложныхъ отчетовъ, за приготовленіе книгъ для ревизіи, за снабженіе ихъ всѣми документами, расчетами, экстрактами и приложеніями; все это дѣлается по особеннымъ формамъ, мнѣ неизвѣстнымъ,—да и вообще извѣстнымъ очень немногимъ. Ищу нанять такого доку, который бы вполнѣ зналъ

*) „Книга моя вышла и по мѣрѣ поступленія въ лавку, раскупается на расхватъ. Въ Пететербургъ могли послать только 70 экземпляровъ, ибо переплетчики переплетаютъ съ неимовѣрною медленностью. Похвалы и восторги къ сожалѣнію не доставляютъ мнѣ никакого удовольствія“, пишетъ Сергѣй Тимофеевичъ, подъ гнетомъ политическихъ событій.

всю эту премудрость—и взялся бы все это привести въ надлежащій видъ.—Сейчасъ получилъ съ оказіей изъ Одессы письмо Толстаго, слѣдующаго содержанія. «Вотъ что говорятъ, любезнѣйшій И. С., хотя не весьма утвердительно: 1) что фельдмаршалъ при смерти; 2) что на его мѣсто назначается князь Горчаковъ; 3) что на мѣсто Горчакова Лидерсъ, который уѣхалъ уже въ Крымъ, а на мѣсто Лидерса графъ Остенъ-Сакенъ. Отъ этихъ слуховъ и по случаю отъѣзда Лидерса въ Крымъ, здѣсь весь штабъ такъ взволнованъ и такъ занятъ, что я по сіе время не могъ узнать, какое будетъ имѣть послѣдствіе письмо Казначеева къ Ар. Ад. Непокойчицкому. И моя судьба теперь покрыта мракомъ неизвѣстности: ѣду ли я въ Крымъ, если штабъ ѣдетъ или остаюсь здѣсь. Однимъ словомъ, никто ничего не знаетъ, и пока все это не уладится и не установится, и мнѣ и вамъ дѣлать нечего, а надобно, сидя у моря, ждать погоды. Что будетъ—напишу и проч.». Вѣрно у васъ въ Москвѣ говорятъ о тѣхъ же перемѣнахъ, но я нарочно сдѣлалъ эту выписку изъ письма Толстаго, чтобы вы видѣли, какъ въ самомъ штабѣ мало знаютъ и кормятся неопредѣленными слухами. Лидерсъ точно уѣхалъ въ Крымъ; сдавъ на это время управленіе арміею начальнику Штаба.—Изъ Одессы привезли также извѣстіе, будто Австрія дѣлала чрезъ своего посланника Эстергази мирныя предложенія Россіи, вполнѣ и рѣзко отвергнутые Государемъ, и что весною будетъ непремѣнно война съ Австріей, театромъ которой будетъ Бессарабія. Нельзя предаваться этимъ надеждамъ. Мудрено, чтобы Австрія допустила эту войну.—Прощайте. Дай Богъ, чтобы вы продолжали сообщать все такія же утѣшительныя извѣстія и чтобы вы были совершенно бодры и здоровы.

11-го на 12-е Января 1856 г. Бендеры.

Странно, что не получилъ отъ васъ писемъ на этой недѣлѣ. Эта недѣля для меня пролетѣла какъ одинъ день. Я почти ни разу не выходилъ изъ комнаты и почти не разгибаясь сидѣлъ надъ счетами и отчетами. Впрочемъ надѣюсь, что эта египетская работа скоро придетъ къ концу. Боюсь, чтобы вдругъ не назначили похода, тогда все опять при-

детъ въ безпорядокъ. Теперь вы уже знаете о перемѣнахъ въ управленіи. Теперь попасть въ Главный Штабъ было бы для меня во сто разъ пріятнѣе, чѣмъ въ Одессу, но едва ли этому быть и Непокойчицкій не даетъ Толстому никакого отвѣта, а онъ, кажется, спросить не рѣшается, потому что боится всякаго начальства. Письмо Лидерсу я не посылалъ, находя весьма невыгоднымъ вступать въ Штабъ противъ желанія начальника Штаба, да и Лидерсу теперь не до меня. Не понимаю, отчего Сакену не дали никакого назначенія.—Здѣсь разнесся слухъ, что Наполеона убили, а въ Одессѣ такъ сильно говорятъ о мирѣ по случаю телеграфическихъ депешъ, полученныхъ купцами изъ Вѣны, что даже цѣны поднялись на пшеницу. Но я рѣшительно и положительно ничему этому не вѣрю и вижу въ этомъ только желаніе этого иностраннаго города, жаднаго къ барышамъ, искать скорѣе миръ для торговли. Въ этой Одессѣ и русскіе купцы совершенные иностранцы.—Что-то сдѣлаетъ Лидерсъ, посмотримъ. Я теперь меньше на него надѣюсь, чѣмъ прежде, когда былъ въ Москвѣ, но можетъ быть и дай Богъ,—я ошибаюсь; впрочемъ я въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ не былъ.—Толстой въ Одессѣ, жду отъ него письма. Больше писать вамъ мнѣ рѣшительно некогда, и такъ уже половина втораго. Ко всѣмъ служебнымъ хлопотамъ, много развелось у насъ всякаго дрязгу по милости С. Просто дрянь. Пишу къ вамъ теперь только для того, чтобы не оставить васъ безъ извѣстій. Надѣюсь, что завтрашняя почта привезетъ отъ васъ письмо. Впрочемъ теперь почты опаздываютъ. Здѣсь совершенно сошелъ снѣгъ, и недѣли черезъ двѣ, я думаю, уже повѣетъ весной: теперь всюду вода, грязь, страшная сырость, дожди. Прощайте, будьте здоровы.—У насъ изъ нашихъ офицеровъ еще одинъ выбываетъ, Окуловъ, въ адьютанты къ князю Меньшикову. Изъ состава офицеровъ, съ которыми дружина 111-я выступила въ походъ, выбыло уже шесть или даже семь. Это очень жаль. Прощайте-же, будьте здоровы.

1856 г. Января 18-го на 19-е. Бендеры.

Я все въ тѣхъ же хлопотахъ и также занятъ, какъ и прежде, также не выхожу изъ комнаты и все еще не кон-

чилъ казначейскаго отчета; это отъ того, что всякую бумагу я долженъ самъ писать и сочинять, а писаря только переписываютъ на бѣло, да и то надобно ихъ нѣсколько разъ повѣрить, а иногда за однимъ затерявшимся гарнцемъ бьешься цѣлые часы. Надѣюсь однако совсѣмъ окончить на этой недѣлѣ. Къ тому же текущія дѣла не останавливаются. Сушковъ снова уѣхалъ въ Одессу, и управленіе дружиною опять легло на меня, какъ на старшаго; все это мѣшаетъ мнѣ свалить съ плечъ несносную Казначейскую обузу.—На этой недѣлѣ я получилъ два вашихъ письма, одно съ деньгами отъ 30-го Декабря, другое отъ 5-го Января, съ приложеніемъ брошюрки о Щепкинѣ. Статья прекрасная и непристрастная; я замѣчу только, что она слишкомъ литературно написана, т. е. съ очевидными литературными пріемами, сочинительство слышно. Можетъ быть, я и ошибаюсь, и это очень легко, потому что цѣлый день въ попыхахъ и не имѣю времени совершенно удосужиться для чтенія. Благодарю васъ за присылку денегъ. Мнѣ присланъ также наконецъ полугодовой окладъ усиленнаго жалованья, слѣдующій мнѣ, какъ и всякому армейскому офицеру при началѣ кампаніи (простымъ офицерамъ третные, а штабнымъ, т. е. адьютанту и казначею полугодовые), и кромѣ того треть жалованья. Теперь денегъ у меня накопилось довольно.—Въ газетахъ видѣлъ я оглавленіе первой книжки «Русскаго Вѣстника»; не знаю, какой отрывокъ вы дали, а стиховъ Константина нѣтъ. По оглавленію онъ кажется безцвѣтнымъ. Здѣсь съ нѣкотораго времени такъ усилились слухи о мирѣ, что лица офиціальныя увѣряютъ даже, будто миръ подписанъ 11-го Января, но я не вѣрю и не вѣрю и предлагаю пари, какое угодно. Это моя увѣренность смущаетъ ихъ; источникъ всѣхъ этихъ слуховъ—Австрія и вѣнская биржа, а здѣшнее народонаселеніе очень радо миру, а Одесса пуще всѣхъ,—почему—очень понятно, и я уже нѣсколько разъ въ письмахъ своихъ излагалъ характеристику здѣшняго края. О полкѣ нашемъ ни слуху, ни духу, отъ Толстаго—ни строчки, ни вѣстей. Я писалъ къ нему снова. Лидерсъ и не возвращался въ Одессу, а Непокойчицкій сдаетъ должность Васильчикову. Я не посылалъ письма къ Лидерсу по причинѣ, которую уже объяснялъ вамъ,—а теперь если

пошлю его по почтѣ, такъ ему и некогда будетъ прочесть его и читать онъ не станетъ. Моя должность такая, что ее надо сдавать формальнымъ порядкомъ и потому вдругъ собраться и оставить дружину я не могу.—Какъ жаль, какъ жаль мнѣ Васькова,—безпрестанно видится мнѣ это лице умное и добродушное. Очень мнѣ жаль его.—Очевидно и несомнѣнно, что письма мои къ вамъ задерживаются на московской почтѣ; ваши письма я получаю несравненно скорѣе. Благодарю всѣхъ за поздравленія съ новымъ годомъ и съ праздниками. Ваши письма, милый Отесинька, довольно живо передаютъ всю суету и суматоху вашего дня. Да, у васъ долженъ собираться очень разнокалиберный народъ; еще нѣтъ въ Москвѣ, кажется, ни Елагиныхъ, ни Кирѣевскихъ. Вы всѣ подъ впечатлѣніемъ утѣшительныхъ извѣстій о Государѣ; на васъ дохнуло наконецъ свѣжимъ воздухомъ сквозь полурастворенную дверь прежней темницы, и мнѣ кажется издали, что еще не свыклись съ воздухомъ, что онъ чуть ли не охмѣляетъ. Впрочемъ такъ издали кажется, издали, изъ за счетныхъ книгъ и кипы самыхъ сухихъ и скучныхъ бумагъ. Но и то сказать: назначеніе Тургенева цензоромъ хоть кого можетъ ошибить, Тургенева, три года тому назадъ сидѣвшаго на съѣзжей за нарушеніе цензурнаго устава.— Не понимаю, отчего Сакенъ попалъ въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь онъ пользуется очень хорошей репутаціей. Книгу вашу я желалъ бы имѣть, вы ее адресуйте въ Бендеры, а «Русскій Вѣстникъ» не посылайте *). Гдѣ ему за мной гоняться, особенно весной, съ открытіемъ кампаніи. Мы будемъ въ постоянныхъ передвиженіяхъ. Я говорю мы, потому что, по всей вѣроятности, меня не переведутъ въ Главный Штабъ (видно Непокойчицкій не довѣряетъ рекомендаціи слишкомъ добраго Ал. Ив. Казначеева или вовсе не нуждается въ тѣхъ дарованіяхъ, о которыхъ онъ такъ черезчуръ сильно выразился), и потому я, по всѣмъ соображеніямъ, сдѣлаюсь ротнымъ командиромъ. Кстати о веснѣ. Она уже началась здѣсь; снѣгъ въ поляхъ и въ городѣ

---

*) Сергѣй Тимофеевичъ пишетъ: „Книга моя производитъ восторгъ и умиленіе общее, и конечно это доставило-бы мнѣ сердечное удовольствіе, еслибъ я не былъ приведенъ въ совершенную апатію общимъ нашимъ положеніемъ и — хворою старостью. Все понимаю умомъ, но ко всему равнодушенъ“.

давно сошелъ, но въ городѣ «невылазная» грязь, а поля уже сухи. Говорятъ, на масляницѣ будутъ пахать. Посмотрю, что такое бессарабская весна. Прощайте, уже поздно, будьте здоровы.

*25 Января 1855 г. Бендеры *).*

Кончилъ я наконецъ свои отчеты, т. е. отчеты военно-казенному вѣдомству; теперь остается еще привести въ порядокъ текущія дѣла и приготовить отчетность дворянскихъ суммъ; но это не такъ затруднительно.—Вы вѣроятно, какъ и вся Россія, взволнованы слухами и даже извѣстіями о мирѣ. Несмотря на увѣренія со всѣхъ сторонъ, я не вѣрилъ, спорилъ, бился объ закладъ. Почта, какъ нарочно, съиграла преподлую штуку, т. е. не пришла, не пришла вовсе, опоздала цѣлою недѣлью, по случаю скверныхъ дорогъ (т. е. кишиневская почта, которая ее привозитъ, не стала ее дожидаться), и это та почта, съ которою ѣхалъ № Сѣверной Пчелы съ статьей, перепечатанной изъ Journal de St. Petersb. о мирѣ.—Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, читая эту статью, въ которой Русское Правительство съ такимъ униженіемъ заискиваетъ у общественнаго мнѣнія Европы и выражаетъ такое явное пренебреженіе къ мнѣнію своей страны. Тѣмъ не менѣе я все же убѣжденъ, что мира не будетъ, что Россія опозорится новыми уступками, а мира ей не дадутъ; при подробнѣйшемъ истолкованіи подписанныхъ условій непремѣнно возникнутъ споры: напримѣръ, что значитъ «выправленіе границы?» Для полной нейтральности Дунайскихъ устьевъ и для обезпеченія цѣлости Турціи выправленіемъ нашей границы, надобно или отдать Из-

---

*) На это письмо Сергѣй Тимофеевичъ отвѣчаетъ: „Ты какъ-то особенно заваленъ работой, милый другъ Иванъ; не приготовляешься ли ты къ сдачи твоей должности? Въ настоящую минуту, когда уже миръ можно считать заключеннымъ, вѣроятно ты не захочешь оставаться въ военной службѣ. Само собою разумѣется, что для всякого, истинно-русскаго человѣка тяжелы и оскорбительны статьи, на которыхъ будетъ основанъ миръ. Безъ сомнѣнія Государю тяжеле всѣхъ и конечно есть важныя, неизвѣстныя намъ обстоятельства, которыя принудили его къ принятію Австрійскихъ предложеній. Нужно-ли говорить, что всѣ благонамѣренные люди, всякій по своимъ силамъ должны помогать нашему доброму Государю въ его благихъ намѣреніяхъ: устроить наше внутреннее положеніе и поправить по колику то будетъ возможно, наше правственное безобразіе“.

маилъ и Килію или же срыть крѣпости въ этихъ городахъ; для нейтральности Чернаго моря, для того, чтобы дать ему чисто коммерческое значеніе, необходимо уничтожить всѣ крѣпости по берегамъ моря или, такъ какъ онѣ на дѣлѣ уже уничтожены, обязаться не возобновлять ихъ. Этого быть не можетъ, на это согласиться нельзя, и потому позорный миръ не состоится; вновь начнется война, война вялая, томительная, изнурительная, бестолковая. Какими тяжкими испытаніями ведетъ Богъ Россію къ самосознанію, къ уразумѣнію источника бѣдъ и золъ, ее терзающихъ! — Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать этою зимою, удобною для военныхъ дѣйствій, парализуются силы и физическія и нравственныя. У всѣхъ опускаются руки.—Я знаю, что штабъ южной арміи дожидался почты и № Сѣверной Пчелы, чтобы узнать что-нибудь достовѣрное о мирѣ, о которомъ идетъ гулъ по всей Россіи.—Вмѣсто того, чтобы съ энергическою дѣятельностью приготовлять войска къ новымъ битвамъ, учить ихъ, поддерживать въ нихъ духъ и проч., военное начальство наше, въ виду мирныхъ переговоровъ, почти бездѣйствуетъ въ этомъ отношеніи и занимается только одною хозяйственною частью; результатъ этихъ занятій — трата несмѣтныхъ суммъ и обогащеніе командировъ. Дружины наши, зимующія въ Бендерахъ, вмѣсто того, чтобы учиться, почти каждый день или въ караулѣ или на работахъ (какъ-то — очищеніе снѣга съ крѣпостныхъ валовъ, копаніе мерзлой земли и проч.: работа не подвигается, снѣгъ выпадаетъ снова и т. д.); между тѣмъ крѣпость и городъ въ «осадномъ положеніи», когда ей ни откуда не грозитъ опасность, а черезъ это комендантъ получаетъ до 30 тысячъ дохода, какъ говорятъ, потому что на случай осады крѣпость будто бы снабжается всевозможными припасами, которые, разумѣется, черезъ годъ оказываются испорченными. — Но это другой предметъ. — Ратники, не зная въ чемъ дѣло, радовались извѣстію о мирѣ, но когда имъ объясняется, что онъ купленъ цѣною позорныхъ уступокъ, такъ они говорятъ, что имъ и воротиться-то будетъ стыдно, что ихъ въ Россіи на смѣхъ поднимутъ. Офицеры уже всѣ въ негодованіи; и въ Одессѣ, гдѣ ополченцы, пришедшіе изъ внутреннихъ губерній, составляютъ теперь бо́льшую часть общества, публично,

въ клубахъ, раздаются энергическія порицанія. Гдѣ же эта партія мира? Кто же за миръ? Въ статьѣ говорится о новой коалиціи. Кто же это? Австрія и Швеція? не стыдно ли правительству, печатая статью въ Петербургѣ, ссылаться на свою депешу, напечатанную въ иностранныхъ журналахъ, слѣдовательно Россіи неизвѣстную. Я ее не знаю, потому что здѣсь иностранныхъ газетъ не получается. — На этой недѣлѣ, противъ обыкновенія, я не получилъ отъ васъ писемъ; надѣюсь, что получу завтра. Очень мнѣ любопытно знать, какъ вы приняли это извѣстіе. Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ, что издали восторги Москвы, надежды и мечтанія кажутся нѣсколько чрезмѣрными, преувеличенными. Такъ ужъ, пошло на похвалу, и оглушенная собственнымъ гуломъ, Москва видѣла все въ розовомъ свѣтѣ.—29-го Января, сказываютъ, приходитъ нашъ полкъ въ Татаръ-Бунаръ, но о нашемъ передвиженіи ни духу, ни слуху. Обо мнѣ также ничего опредѣлительнаго сообщить не могу; посылаю вамъ въ подлинникѣ письмо Толстаго, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ говоритъ про васъ. — Я, оставляя дружину, непремѣнно напишу краткій отчетъ всему обществу офицеровъ о всѣхъ суммахъ, преимущественно о дворянскихъ, какъ не подлежащихъ почти никакой отчетности, объ издержанныхъ и о тѣхъ, какія остаются и должны оставаться на лицо, дамъ каждому офицеру по экземпляру отчета въ руки, чтобы не потерялись нѣкоторыя значительныя суммы въ безгласности. Вотъ уже и февраль! Какъ быстро летитъ время. Нѣкоторые вѣтреные наши офицеры уже совсѣмъ приготовляются къ обратному походу, не соображая, что даже въ случаѣ мира армія распустится не скоро. Я же не ожидаю мира, а напротивъ ожидаю скораго передвиженія нашей дружины или подъ Килію или въ Кишеневъ. Прощайте, будьте здоровы. — Это обстоятельство, т. е. миръ, должно сильно подѣйствовать, я думаю, на характеръ московскихъ журналовъ.

1856 г. Февраля 1-го. Бендеры *).

Вы разсказываете про новыя ваши интересныя знакомства, вообще про ваше московское житье, довольно безпо-

*) Сергѣй Тимофеевичъ отвѣчаетъ 23-го февраля: „Милый другъ Иванъ! только что я отправилъ къ тебѣ письмо на прошедшей почтѣ, какъ получилъ

койное для васъ, но тѣмъ не менѣе очень пріятное. У насъ же ко всѣмъ прежнимъ непріятностямъ бендерской жизни присоединяются еще новыя. Вслѣдствіе безпорядковъ, всякой разладицы и междоусобицы—того и гляди будетъ слѣдствіе, къ которому всѣхъ притянутъ, или по крайней мѣрѣ—совершенная перемѣна въ управленіи.—Все это очень скучно и представляетъ мнѣ въ перспективѣ множество хлопотъ. На дняхъ былъ я очень обрадованъ совершенно неожиданнымъ для меня пріѣздомъ сюда въ Бендеры нашего графа Толстаго, посланнаго сюда для обозрѣнія нѣкоторыхъ частей управленія; послѣ завтра онъ уѣзжаетъ обратно въ Одессу. Отъ него я узналъ, что Сухозанетъ и Князь Васильчиковъ смотрятъ на ополченіе другими глазами, чѣмъ прежнее начальство и относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ. Оба они сами собою освѣдомлялись обо мнѣ и готовятся дать мнѣ какое-то назначеніе или порученіе. Признаюсь, теперь, когда впереди миръ,—переходъ въ Штабъ не представляетъ для меня большаго интереса. По слухамъ, уже заключено

твое письмо отъ 1-го февраля: и такъ оно шло 16 дней! Вотъ какъ медленно движется наша переписка и отъ того теряетъ всю свою живость. Относительно нашего здоровья—у насъ все, слава Богу, по прежнему; но если описывать подробно всю эту недѣлю, то понадобилось бы много бумаги и времени, котораго у меня совсѣмъ нѣтъ. Ты называешъ такую суматошную жизнь пріятною, а мнѣ она съ каждымъ днемъ надоѣдаетъ болѣе. Начну съ печальнаго. Написавъ къ тебѣ письмо, я поѣхалъ взглянуть на Годеина, и хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ: тотъ же день вечеромъ онъ умеръ. Я потерялъ послѣднюю вѣру въ медицину и даже Овера. Ты можешь самъ судить, какое впечатлѣніе произвело на меня это обыкновенное происшествіе. Обращаюсь къ другому. У насъ теперь производятся встрѣчи и угощенія черноморскихъ матросовъ и офицеровъ. Зрѣлище въ высшей степени замѣчательное и поучительное. Бывшій откупщикъ Кокоревъ, обладатель 30-ти милліоновъ, затѣялъ представленіе народныхъ сценъ съ энтузіазмомъ. Онъ положилъ истратить на это 200 т. р. сер.; онъ привезъ изъ Петербура 80 человѣкъ адмираловъ, капитановъ всѣхъ ранговъ и всякихъ флотскихъ офицеровъ для встрѣчи своихъ товарищей; онъ встрѣтилъ морскіе экипажи за заставой, предводительствуя купцами и толпами народа, одѣтый въ русскую шубу и горлашную шапку, поднесъ матросамъ хлѣбъ и соль на огромнѣйшемъ серебрянномъ блюдѣ, повалился въ ноги, чему послѣдовали и другіе, и благодарилъ за славные подвиги; затѣмъ слѣдовало угощеніе и богатыя одѣленія деньгами; матросовъ разобрали по домамъ жители; офицеровъ, Кокоревъ съ неотлучною тѣнью своей, Погодинымъ, посадилъ на приготовленныя 30 троечныхъ саней и повезъ въ нанятые для нихъ лучшіе номера гостинницъ. Съ тѣхъ поръ продолжаются и будутъ продолжаться до понедѣльника—обѣды, балы и спектакли. Вчера Кокоревъ привозилъ человѣкъ 60 черноморцевъ на блины къ Погодину, (всѣ наши были тамъ); начались было танцы, но антрепренеръ потребовалъ свою труппу и

перемиріе и наши офицеры были уже приглашаемы французами въ театръ и на балъ. — Если вамъ будутъ говорить о негодованіи арміи по случаю позорнаго мира — не вѣрьте. За исключеніемъ очень и очень малаго числа, — всѣ остальные радехоньки. — Такъ какъ войску рѣшительно все равно и оно готово геройски умирать и въ бою за грековъ и въ бою противъ грековъ, то, конечно, желаетъ, если можно, не умирать ни въ какомъ бою. Полковые командиры порастратились и желаютъ свести счеты на постоянныхъ квартирахъ; раненые герои мечтаютъ о городническихъ и исправническихъ мѣстахъ, — наконецъ, если бы даже никто самъ не рѣшился подписать мирныя условія, всѣ очень довольны, что могутъ сами умыть руки и сложить нравственную отвѣтственность въ немъ на другаго, — благо есть на кого! При такого рода положеніи вещей и нельзя было ожидать успѣха и вообще разрѣшенія зашевелившихся вопросовъ. — Съ начала войны до сихъ поръ именныхъ (однихъ имен-

---

повезъ ее къ купцу Мамонтову (съ Дѣвичьяго Поля къ Серпуховской заставѣ), оттуда куда-то на балъ. Сегодня Кокоревъ даетъ обѣдъ черноморцамъ въ купеческомъ клубѣ, куда приглашенъ Константинъ и Хомяковъ и Мих. Оболенскій: мы сейчасъ достали послѣднему билетъ отъ Погодина. Роскошь угощенія великолѣпна: обѣдъ и ужинъ на желѣзной дорогѣ изъ Питера до Москвы стоилъ 10 т. р. сер. У Погодина захватило духъ: онъ говорилъ тосты и называетъ Кокорева Потемкинымъ. Дамы, подъ предводительствомъ двухъ графинь, дали нѣсколько благородныхъ спектаклей; нѣкоторыя піэсы чисто площадныя, и украшенныя танцами, полькой канканъ; этого мало, онѣ складываются по 50 р. сер. и даютъ обѣдъ морякамъ. Шевыревъ, разумѣется, написалъ два стихотворенія... Когда безнравственность проникнетъ всѣ слои общества, понятія смѣшаются и потускнѣетъ умъ, то всякое движеніе, повидимому доброе и похвальное, превращается въ отвратительную комедію, и чѣмъ выше содержаніе, тѣмъ отвратительнѣе комедія. Нѣкоторые офицеры однако чувствуютъ свое положеніе и говорили нашимъ, что ихъ возятъ и показываютъ, какъ звѣрей. Я не вытерпѣлъ и сказалъ однако Погодину, что Кокоревъ сдѣлалъ одну ошибку: не сшилъ всѣмъ адмираламъ и офицерамъ по новому мундиру. Онъ не отвѣчалъ мнѣ ничего и потомъ я слышалъ, будто Кокоревъ сверхъ всего дастъ по 400 р. с. каждому офицеру. Всего поразительнѣе, что и въ нашемъ обществѣ не всѣ понимаютъ мои слова.

Очень меня безпокоитъ, что ты безъ непріятностей не развяжешься съ твоей должностью. Кажется, пора выходить въ отставку. Все, что ты пишешь—очень горько, но иначе быть не можетъ. Къ Казначееву пріѣхалъ сынъ, чудно пощаженный смертію, и гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ можно было ожидать. У него точно такое же добрѣйшее, голубиное сердце, какъ у отца. Прощай, мой другъ! Да сохранитъ тебя Богъ! мы съ матерію тебя благословляемъ и обнимаемъ вмѣстѣ со всѣми.

ныхъ) вкладовъ въ кредитныя установленія изъ *арміи* было сдѣлано на 18-ть милліоновъ серебромъ,—по крайней мѣрѣ такъ говорятъ. Сухозанета видалъ у старика Унковскаго: онъ сосѣдъ ему и Мухановымъ. По словамъ графа — это предобрѣйшій старикъ, а про Васильчикова—каковъ онъ— и говорить нечего. Оба они все вниманіе теперь обращаютъ на продовольствіе и на болѣзни, изслѣдуя причины необыкновенной смертности. Что казна теперь отпускаетъ денегъ на содержаніе людей — просто ужасъ! Напр. на продовольствіе, т. е. на пищу одной нашей дружины (1000 человѣкъ) кромѣ хлѣба, отпускаемаго казною особо и части крупы) дается въ мѣсяцъ 2000 р. сер.! — Очень любопытны статистическія цифры о ратникахъ и о солдатахъ: больныхъ, умершихъ въ ополченіи, сравнительно съ арміей, при тѣхъ же условіяхъ несравненно меньше. Такъ и должно быть. Очень мнѣ жаль, что вы адресовали книгу вашу въ Одессу, а не въ Бендеры; разумѣется, Толстой мнѣ ее перешлетъ; но мнѣ бы хотѣлось дать ему ее прочесть. — Говорятъ, у васъ выбранъ Чертковъ предводителемъ? Быть не можетъ? Чтожъ это? Новый протестъ противъ заслуженнаго выговора? Какъ ни въ порядкѣ вещей это безобразіе, но трудно съ нимъ мириться!—Вотъ совершенно неожиданный успѣхъ! Вы и не подозрѣвали у себя такого читателя, Персидскаго Шаха! *) — Скажите опять графинѣ Соллогубъ, что люди ея, ратники, ожидаютъ отъ нея привѣтствія денежнаго. Они всѣ ее очень хвалятъ и очень любятъ.—Прощайте, будьте здоровы.

Февраля 8-го, 1856 г. Бендеры.

Почта опоздала и послѣ послѣдняго моего къ вамъ письма не привезла мнѣ отъ васъ извѣстій. По этому же случаю цѣлую недѣлю лишены мы газетъ, а хотѣлось бы узнать поскорѣе что-нибудь положительное. Если точно миръ, такъ

---

*) Сергѣй Тимофеевичъ писалъ: „Вообрази, что Шаху Персидскому переводили мои „записки ружейнаго охотника", который самъ охотникъ, и восхищался моей книгой. Эту вѣсть привезъ мнѣ Еремѣевъ, разумѣется страстный охотникъ, который 7 лѣтъ жилъ въ Персіи, былъ Генеральн. Консуломъ и Секретаремъ Посольства.

ужъ бы поскорѣе выпустили изъ здѣшняго нездороваго для сѣверныхъ жителей края, гдѣ солдаты и ратники гибнутъ, какъ мухи. Теперь на дворѣ бушуетъ страшная буря съ дождемъ и снѣгомъ; плохо нашимъ караульнымъ ратникамъ, особенно стоящимъ на отдѣльныхъ люнетахъ.—Почти черезъ день каждой дружинѣ приходится содержать караулы и производить земляныя работы; особенно тяжело это для Московской дружины № 110, набранной изъ московскихъ мѣщанъ; въ томъ числѣ много обанкротившихся купцовъ и даже актеровъ. Смертность въ ней сдѣлалась такъ сильна, что на дняхъ принуждены были ее вовсе освободить отъ работъ. Кромѣ климата, много къ тому способствуетъ недостатокъ кислой пищи (ржаной муки скоро вовсе не будетъ даже для печенія хлѣба) и скверное, тѣсное помѣщеніе въ здѣшнихъ мазанкахъ, устроенныхъ по лѣтнему положенію. Госпиталь здѣшній устроенъ на 150 кроватей, а въ немъ помѣщено болѣе 500; ни докторовъ, ни фельдшеровъ по этому числу людей нѣтъ. Впрочемъ такъ и во всѣхъ госпиталяхъ южной арміи. При всемъ томъ, въ ополченіи гораздо меньше больныхъ и умершихъ, чѣмъ въ армейскихъ полкахъ. — Графъ Толстой оставался здѣсь на прошедшей недѣлѣ до пятницы; на другой день уѣхалъ въ Одессу и Сушковъ; съ тѣхъ поръ его нѣтъ, да и вообще изъ Одессы нѣтъ никакихъ вѣстей, кромѣ одной, полученной не офиціально, что изъ нашихъ дружинъ, не присоединившихся еще къ армейскимъ полкамъ, образуется особый полкъ, чуть ли не подъ главнымъ начальствомъ графа Гурьева, начальника 109 дружины (Верейской). Съ пріѣздомъ Толстаго внѣшнія отношенія наши съ здѣшнимъ мѣстнымъ военнымъ начальствомъ перемѣнились: оно стало повѣжливѣе и повнимательнѣе.—Поэтому, т. е. по случаю ожидаемыхъ разныхъ перемѣнъ, царствуетъ страшное недоразумѣніе и остановка въ дѣлахъ; при такомъ положеніи управлять дружиною, какъ напримѣръ теперь мнѣ, очень скучно. Я бы желалъ имѣть положительное увѣреніе, что миръ точно будетъ заключенъ; тогда я подалъ бы рапортъ объ отставкѣ: сопровождать дружину въ обратный походъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ взвалили на меня сдачу аммуниціи въ казну и новую отчетность—я вовсе не желаю, такъ какъ всѣ эти жертвы приносились мною въ виду войны.—Тол-

стой говорилъ мнѣ, что экземпляръ Ружейнаго Охотника былъ посланъ *имъ* въ Персію, къ его пріятелю и товарищу, теперь посланнику нашему въ Персіи, Николаю Андріановичу Аничкову, страстному охотнику. Я думаю, этотъ Аничковъ вамъ знакомъ также и чуть ли не родственникъ; онъ уже 20-ть лѣтъ въ Персіи; съ тѣхъ поръ, какъ онъ посланникомъ, дѣла наши въ Персіи идутъ очень хорошо. Толстой радехонекъ, что книжку вашу ко мнѣ вы послали черезъ него; разумѣется, онъ ее задержитъ и прочтетъ, а потомъ перешлетъ ко мнѣ, если не заблагоразсудитъ, какъ говорится,— зажилить. Пріѣздъ Толстаго, разные смуты, все это отняло у меня очень много времени на прошедшей недѣлѣ, и хотя я кончилъ свою годовую отчетность, но заваленъ текущими дѣлами, особенно по случаю безпрерывнаго поступленія изъ казны матерьяловъ на новую обмундировку; т. е. ратникамъ шьется новое бѣлье, платье, сапоги и проч., и проч. Все это очень скучно и очень хлопотливо.—Впрочемъ, я большею частью сижу и распоряжаюсь дома, будучи, къ великому счастію, и должностью и чиномъ избавленъ отъ обязанности содержать караулы; поэтому и о здоровьѣ моемъ вамъ безпокоиться нечего. Впрочемъ, кажется, и у васъ въ Москвѣ зима нынѣшняго года довольно гнилая.—Теперь занимаетъ меня мысль о томъ, какъ правительство, въ случаѣ мира, поступитъ съ ополченіемъ, съ этой 400000-ной силой; искушеніе очень великое воспользоваться этой силой и распускать ополченіе даромъ, т. е. не воспользовавшись имъ. Боюсь, что оно поддастся этому искушенію; носятся разные слухи, между прочимъ—что ополченія будутъ употреблены на постройку желѣзныхъ дорогъ. Сохрани Богъ, если правительство нарушитъ свои торжественныя обѣщанія; только злѣйшій врагъ можетъ посовѣтовать ему это. Всего лучше скорѣе отпустить ратниковъ по добру, по здорову; они всѣ служатъ съ мыслью, что они не солдаты, что они во временной службѣ, взяты только войны ради, и въ случаѣ мира непремѣнно должны воротиться домой.—Миру они, разумѣется, очень рады; еслибы и всю Бессарабію отдали, Бессарабію, въ которой они теперь стоятъ, такъ это имъ все равно,—но если-бы вздумали, по объявленіи мира, не пускать ихъ домой, будутъ бунты и безпорядки.—Прощайте;

поздравляю васъ, Вѣру и всѣхъ братьевъ и сестеръ съ 7-мъ февраля; вѣрно Вѣра къ этому дню воротилась изъ Петербурга. Больше писать нечего; время проходитъ быстро, но совершенно однообразно и пусто, т. е. въ однихъ должностныхъ занятіяхъ.

1856 г. Февраля 15-го на 16-е.

И не замѣтишь, какъ промчится недѣля, а вотъ уже 15-е февраля и уже почти три мѣсяца живу я безвыѣздно въ Бендерахъ; скоро и великій постъ, а за нимъ, за нимъ весна! Надоѣла мнѣ ужъ зима. Хотя февраль считается въ здѣшней сторонѣ весеннимъ мѣсяцемъ,—однако и на этотъ разъ должно быть дыханіе сѣверныхъ людей спугнуло весну. Разумѣется—здѣсь не то, что теперь у васъ, снѣгу давно нѣтъ, т. е. иногда и порошитъ, но очень скоро сходитъ, рѣки свободны отъ льда, въ поляхъ даже зеленѣетъ чуть-чуть травка, но все же сыро, холодно, грязь — вотъ уже два мѣсяца, невыразимо ужасная, и въ добавокъ частехонько, какъ напримѣръ теперь, ее сколачиваетъ морозъ: ни ѣхать, ни пѣшкомъ ходить нѣтъ возможности. Почта опаздываетъ деней на шесть, лошади выбиваются изъ силъ, проѣхавъ только одну улицу. Единственный экипажъ, на которомъ можно ѣздить, это наши телѣги. Мнѣ какъ нарочно на этой недѣлѣ приходилось выѣзжать раза три; испытывая это мученіе, право думаешь, что живешь за тысячу лѣтъ; эдакъ не только при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, но еще при Гуннахъ, Аланахъ, Аварахъ ѣздили и можно было ѣздить, а со временъ Атиллы, Россія ни на шагъ не подвинулась въ этомъ отношеніи. Ну чего тутъ ждать, какого развитія, когда изъ 700 русскихъ городовъ по крайней мѣрѣ 600, мѣсяца три, лишены всякихъ путей внутренняго и внѣшняго сообщенія, тонутъ въ грязи, когда съ наступленіемъ сумерекъ никто и выйти изъ дому не смѣетъ!—Вы, вѣроятно, теперь уже знаете о ходѣ переговоровъ; а мы хотя и живемъ въ Бессарабіи, до которой это дѣло нѣсколько касается, не скоро получимъ о нихъ извѣстія. — Вы рѣшительно въ сильномъ ходу, милый Отесенька; нѣтъ № *Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ которомъ бы не было упомянуто ваше имя, или въ объявленіяхъ отъ книгопродавцевъ или въ фельетонѣ.

Во второй книжкѣ Отечественныхъ Записокъ (я читалъ въ газетахъ ея объявленіе) въ смѣси есть возвѣщеніе о вашей книгѣ. Критики, вѣроятно появятся въ мартѣ. Очень мнѣ досадно, что не скоро ихъ прочту. Благодарю васъ за сообщеніе строкъ Русскаго Вѣстника о вашей книгѣ; пріятно было мнѣ прочесть ихъ, но понимаю—какою строкою были вы задѣты за живое *). Книга ваша еще до меня не дошла; я даже не знаю, получилъ ли ее Толстой; если получилъ, такъ читаетъ и ждетъ оказіи для пересылки. Съ послѣдняго моего письма къ вамъ изъ Одессы (которая всего отсюда 105 верстъ) ни слуху, ни духу; Сушковъ не возвращался, и что съ нимъ творится — неизвѣстно. Эта неизвѣстность связываетъ меня по рукамъ и по ногамъ въ распоряженіяхъ по дружинѣ; я бы измѣнилъ и уничтожилъ многіе заведенные имъ порядки, если бы зналъ, что онъ оставляетъ дружину. Такъ же о томъ, что хотятъ дѣлать съ нами—та же неизвѣстность. Я во всякомъ случаѣ дожидаться распущенія ополченія и обратнаго похода не стану: или выйду въ отставку, если выпустятъ, или подамъ рапортъ о болѣзни,—но чтобы рѣшить все это, жду возвращенія Сушкова или какого-либо извѣщенія изъ Одессы. А Толстой по почтѣ ничего не пишетъ. — Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ поняли вы графа Л. Толстаго? Онъ меня очень интересуетъ и мнѣ бы хотѣлось съ нимъ познакомиться. — Приказанія вашего объ осторожности въ рѣчахъ и письмахъ—послушаюсь, хотя и очень мудрено положить границы между нео-

*) Сергѣй Тимофеевичъ въ письмѣ отъ 2 февраля, пишетъ: „Какъ бы ни были велики мои надежды на успѣхъ моей книги—дѣйствительность превзошла всякія самолюбивыя ожиданія. Я начинаю бояться, что самъ увлекусь этимъ потокомъ искреннихъ восторговъ. Выписываю тебѣ нѣсколько строкъ изъ статьи, напечатанной въ Рус. Вѣстн.: „Какъ ни пріучилъ насъ авторъ находить всегда чистое золото въ своихъ сочиненіяхъ, какъ ни привыкли мы ожидать живыхъ и поэтическихъ впечатлѣній отъ его слова, о чемъ бы оно ни шло, хотя бы о вальдшнепахъ или ершахъ: новое сочиненіе его, эта „Семейная Хроника“ поразило насъ и навѣрное весь читающій міръ своими первостепенными красотами. Нельзя оторваться отъ этихъ чудныхъ страницъ; съ увлеченіемъ читаешь и перечитываешь эти очаровательные разсказы. Вотъ она чистая и истинная художественность! Какая полнота, какая свѣжесть, какая зрѣлость и истина! Удивительное соединеніе юношескаго огня съ зрѣлостью старца! Только прекрасная, полная жизнь могла увѣнчаться такою силою и чистотою внутренняго зрѣнія“.—Вчера я не прочелъ этой статьи, а сегодня по утру прочелъ ее самъ и былъ задѣтъ за живое одной строкою; ты самъ догадаешься, какой“.

сторожнымъ и осторожнымъ. — Бендеры, конечно, мѣсто нездоровое, но Измаилъ, Килія и вообще вся сторона по устьямъ Дуная, весь этотъ уголъ, называемый Буджакъ, въ тысячу разъ хуже. Климатъ однакожъ оказываетъ вредное свое дѣйствіе только на прибылыхъ, преимущественно на пришедшихъ съ сѣвера. Лишенные кислой пищи, они не охотно употребляютъ пряности, которыя изобильно пожираетъ здѣшній житель (не смотря на все благоуханіе, весь югъ воняетъ чеснокомъ). Самое вредное время года здѣсь въ Бендерахъ—это время разлива Днѣпра, а онъ изволитъ разливаться два раза: въ мартѣ (хотя уже давно льда нѣтъ) и въ іюлѣ или августѣ. Разливаясь, онъ затопляетъ камыши, плавни; и испаренія, вызываемыя весеннимъ или лѣтнимъ солнцемъ, гибельны для чахоточныхъ; не хорошо и тогда, когда цвѣтетъ камышъ. Обо мнѣ не безпокойтесь. Я почти не выхожу и не подвергаюсь дѣйствію воздуха; вообще, слава Богу, совершенно здоровъ. — Прощайте, будьте, ради Бога, здоровы. — Авось либо въ слѣдующій разъ сообщу вамъ что нибудь положительное о себѣ. Странное положеніе нашей дружины не можетъ же долго продлиться.

1856 г. Февраля 22-го. Бендеры.

По полученіи этого письма пріостановитесь писать ко мнѣ, потому что письма ваши уже, можетъ быть, не застанутъ меня въ Бендерахъ. Все это покуда мое предположеніе и если оно не состоится, то, разумѣется, тотчасъ васъ увѣдомлю. Наши три дружины, стоящія въ Бендерахъ, какъ я уже писалъ вамъ, не присоединятся къ армейскимъ полкамъ, а составятъ особый полкъ, командиромъ котораго будетъ графъ Гурьевъ, начальникъ Верейской или 109 дружины. Графъ Гурьевъ еще въ Одессѣ, ждетъ формальнаго приказа, но на дняхъ будетъ непремѣнно. Какъ только онъ пріѣдетъ, я сейчасъ попрошу уволить меня отъ должности казначея по болѣзни, и онъ, какъ полковой командиръ, можетъ назначить казначея изъ офицеровъ другой дружины (у насъ некого); затѣмъ я прошу графа дать мнѣ командировку въ Москву, а въ Москвѣ уже можно будетъ и окончательно собою распорядиться. Надѣюсь, что Гурьевъ мнѣ

не откажетъ. Должность сдавать мнѣ не долго.—Вотъ и масляница! Покуда, она проходитъ въ Бендерахъ очень скромно. Наши офицеры большею частью больны, да и разныя междоусобія разстроили прежнее согласіе. — Впрочемъ у меня каждый день въ часъ блины; никто не званъ, но всякій оповѣщенъ; поэтому кто только можетъ—приходитъ. А знаете-ли, почемъ здѣсь гречневая мука, разумѣется—лучшая, называемая манная? Шесть рублей серебромъ пудъ! Въ Москвѣ переходъ отъ масляницы къ посту оченьярокъ и поразителенъ. Здѣсь же въ Бендерахъ всего одна церковь, которая, разумѣется, бываетъ биткомъ набита, потому что сходится народонаселеніе подгородныхъ слободъ.—Вчера получилъ я ваше письмо отъ 9-го февраля. Очень радъ, что подписка снята: этимъ, конечно, первый воспользуется Константинъ и за нимъ Хомяковъ; съ прочихъ—хоть бы и не снимать, даже покойнѣе за подпиской, есть извиненіе, предлогъ. Все же, я думаю, журналъ не успѣетъ выйти къ положенному сроку.—Я самъ не ожидаю большаго успѣха для Русской Бесѣды, но не по недостатку редактора, а по другимъ причинамъ. Условія, благопріятствовавшія успѣху послѣдняго «Московскаго Сборника», миновались: года полтора тому назадъ, кто бы ни былъ редакторъ, Бесѣда имѣла бы успѣхъ огромный. — Это журналъ слишкомъ исключительный, слишкомъ серьезный, доступный пониманію очень небольшой части публики и не представляющій, какъ прочіе журналы, большой выставки товаровъ по всякому вкусу.—Вообще для успѣха нужно, чтобы журналъ былъ крикливъ и задоренъ, съ перцемъ, или чтобы дѣйствительно похожъ былъ на цѣлый книжный магазинъ. Поэтому и «Русскій Вѣстникъ», хотя бы въ немъ и были дѣльныя статьи, никого не удовлетворяетъ (я, впрочемъ, не видалъ ни одной книжки). Впрочемъ, что называть успѣхомъ. Матеріальнаго успѣха не будетъ, но будетъ успѣхъ въ томъ смыслѣ, что пріобрѣтетъ и Бесѣда человѣкъ 10-ть, 20-ть новыхъ послѣдователей, воспитаетъ нѣкоторыхъ въ новомъ направленіи. Въ этомъ смыслѣ и Сборникъ Панова, котораго не разошлось и 300 экземпляровъ, ~~имѣлъ успѣхъ~~, подѣйствовалъ на нѣкоторыхъ. А, впрочемъ, заранѣе ничего вѣрнаго сказать нельзя. Ввернется какое-нибудь обстоятельство и обманетъ всѣ

предположенія.—Повторяю вамъ, что войско желаетъ мира.—Сюда пришелъ одинъ бтальонъ Житомірскаго полка, шесть мѣсяцевъ защищавшій пятый бастіонъ и шесть разъ отбившій натискъ въ послѣдній день осады. Нѣтъ *ни одного* офицера, у котораго бы не было пяти, шести ранъ,—сабли за храбрость и креста. Старшій изъ нихъ, теперь батальонный командиръ, получилъ восемъ ранъ, про которыя, на вопросъ мой, отозвался: «ничего, *позаживало!*» (онъ южнорусскаго происхожденія). Все это «герои Севастополя» и точно герои, но которымъ нѣтъ *никакого* дѣла до цѣли и значенія войны.—Да, меня самого безпокоитъ докладъ Плетнева. Вотъ, если бы вашу книгу велѣли купить во всѣ учебныя заведенія и уѣздныя училища, что бы и слѣдовало сдѣлать,—это было бы и справедливо и для книгопродавца хорошо.—Итакъ, можетъ быть, что на третьей недѣлѣ поста я выѣду изъ Одессы, куда непремѣнно долженъ съѣздить, раздѣлавшись съ Бендерами. Поѣду я не шибко, какъ по случаю сквернѣйшихъ дорогъ, такъ и потому, что остановлюсь дня на два въ Полтавѣ, въ Харьковѣ, заѣду къ Трутовскимъ, Елагинымъ, пробуду нѣсколько времени въ Серпуховѣ. Неизвѣстенъ мнѣ вашъ домъ, и потому не знаю, есть ли въ немъ какой-нибудь отдѣльный уголокъ для меня или, лучше сказать, для моихъ занятій, потому что, по пріѣздѣ, примусь за работу Географическаго Общества. Нѣтъ ли какой-нибудь комнатки во флигелѣ? Я, впрочемъ, буду писать вамъ до самаго отъѣзда.—Прощайте, желаю вамъ въ здоровьѣ и спокойствіи встрѣтить великій постъ.

1856 г. Февраля 29-го. Бендеры.

Завтра день вашего рожденія, милая Маменька. Цѣлую ручки ваши, поздравляю васъ, поздравляю милаго Отесиньку и всѣхъ васъ. Какъ нарочно третьяго дня получилъ я и приписку вашу, милая Маменька, при письмѣ Отесиньки отъ 16-го февраля.—Ваше желаніе, чтобы я оставилъ дружину, близко къ исполненію, милая Маменька, но времени еще все означить не могу. Только вчера вечеромъ раздѣлались съ Сушковымъ, т. е. онъ окончилъ сдачу дружины маіору Померанцеву (изъ дружины 109) и уѣхалъ. Маіоръ

человѣкъ новый, еще порядкомъ не принялся за дѣло, не устроился съ квартирой и т. д., такъ что поневолѣ, до времени, все долженъ взять на свои руки. На-дняхъ это все должно уладиться, и тогда стану я улаживать свой отъѣздъ. Подать просьбу объ отставкѣ и ожидать ея разрѣшенія, а между тѣмъ въ ожиданіи отставки (которая выйдетъ не скоро) продолжать заниматься и накапливать отчетность при сдачѣ должности, просто невозможно, а потому я хлопочу о командировкѣ въ Москву, такъ какъ съ 1-го Марта прекращается срокъ отпусковъ.—Но оставивъ ополченіе, я не располагаю покуда вступать вновь на службу: я очень усталъ и желалъ-бы попить eau de Vichy. Я не умѣю служить такъ, чтобы у меня отъ службы оставалось свободное время, чтобы служба не поглотила меня всего, а такъ какъ теперь самыя занятія служебныя противны моимъ наклонностямъ, то это нравственное насиліе сильно меня утомляетъ. Я просто изнашиваюсь на службѣ и силы мои не тѣ, какія были 15-ть лѣтъ тому назадъ.—Теперь я займусь отчетомъ Географическому Обществу. Окончивъ его и отдохнувъ нѣсколько, меня, можетъ быть, снова куда-нибудь дернетъ; но врядъ-ли я поступлю на службу въ морское министерство. Занятія, доступныя не морякамъ въ морскомъ вѣдомствѣ— это по коммисаріатской части. Въ такомъ случаѣ лучше служить казначеемъ и квартирмистромъ въ дружинѣ, гдѣ занятія тѣ-же, съ тою разницею, что тутъ я въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ людьми такъ называемаго низшаго званія, ихъ защитникъ, полезенъ имъ и вознаграждаюсь за это ихъ искреннею благодарностью и любовью.—Впрочемъ все это предоставляю времени.—Какъ ни тяжка была для меня служба, но я нисколько не раскаиваюсь въ томъ, что поступилъ въ ополченіе, познакомился съ этой стороной администраціи и много вынесъ для себя пользы. Одно уже то, что приходится цѣлый годъ жить въ обществѣ людей не только не симпатичныхъ, но скорѣе антипатичныхъ и дисгармонирующихъ со мной во всѣхъ отношеніяхъ, много воспитываетъ человѣка: поневолѣ отыскиваешь въ каждомъ изъ нихъ какую-нибудь человѣческую, добрую сторону, чтобы выйти изъ этого состоянія диссонанса.—Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ прочелъ я наконецъ краткій разборъ вашей книги;

16

не смотря на расточаемыя похвалы, разборъ отзывается досадою на восторженные и большею частью нелѣпые привѣты вашей книгѣ, напримѣръ—новые идеалы, новая школа и т. п. Изъ этого-же разбора видно, что Куролесовъ во многихъ мѣстахъ называется Куроѣдовъ, мать Багрова то Софьей Николаевной, то Марьей Николаевной, Прасковья Ивановна Надеждой Ивановной. Рецензентъ прямо говоритъ: *мать автора*, Марья Николаевна, и превозноситъ ее. Онъ прибавляетъ, что все вниманіе читающаго русскаго міра поглощено вашею книгой. Прочихъ отзывовъ я не читалъ *). Не знаю, говорилъ-ли кто изъ нихъ о высокомъ достоинствѣ правды, о *теплотѣ* безпристрастія вашихъ разсказовъ. Много можно было-бы сказать про вашу книгу, — и вы лучше всѣхъ судить ее можете. Право, вы-бы хорошо сдѣлали, если-бы въ видѣ письма къ кому-нибудь, хоть къ Тургеневу, написали свое собственное мнѣніе и о толкахъ, порожденныхъ вашею книгою, и о самой книгѣ, и тѣмъ положили-бы конецъ возгласамъ à la Григорьевъ. Все крикливое, шумливое, заносчивое, всякая выходка становится неумѣстною, неприличною, жалкою передъ высокой воздержностью тона вашей книги, предъ зрѣлостью суда, предъ спокойствіемъ изложенія.—А книги вашей въ печати я все же не видалъ. Толстаго услали съ порученіемъ въ Николаевъ, и отвѣта я отъ него до сихъ поръ не добился. Прощайте, дай Богъ вамъ здоровья и здоровья; вы, разумѣется, будете говѣть на первой недѣлѣ, милая Маменька, и въ субботу будете причащаться. Заранѣе васъ поздравляю.—Хлопотъ очень много, нынче же первое число, и я спѣшу кончить.

7-го Марта 1856 г. Бендеры.

Вчера Сухозанетъ дѣлалъ смотръ дружинамъ и нынче утромъ уѣхалъ и нынче я подалъ рапортъ о болѣзни и о томъ, чтобы назначили офицера, которому бы я могъ

---

*) Въ письмѣ отъ 1-го Марта Сергѣй Тимофеевичъ пишетъ: „Статья Гилярова о моей книгѣ не принята въ Русскій Вѣстникъ: ибо содержитъ въ себѣ рѣзкія славянофильскія убѣжденія... и такъ Катковъ выведенъ на свѣжую воду и наши имена должны быть исключены изъ числа участниковъ“.

сдать должность. Разумѣется, все это заранѣе было предусмотрѣно, преемника я самъ себѣ выбралъ и завтра же начну сдавать должность. Сдать ее мнѣ недолго теперь, когда отчеты всѣ окончены и отосланы и дѣла приведены, можно сказать, въ отличный порядокъ; но я обѣщалъ своему преемнику ввести его во всѣ подробности службы, пріучить его, наставить, направить, словомъ, передать ему всю опытность, пріобрѣтенную мною въ теченіе года. Все это меня не задержитъ, а затрудненіе только въ благовидномъ предлогѣ для командировки, такъ какъ отпусковъ теперь нѣтъ. Но и это уладится на-дняхъ. Думаю впрочемъ, что съ слѣдующей почтой я увѣдомлю васъ окончательно — ѣду ли и когда именно.—Что за комедію разыгрываютъ въ Москвѣ! Читать возмутительно. Впрочемъ, возмутительно только по первому впечатлѣнію; все это совершенно въ порядкѣ вещей. Бѣда отъ русскаго направленія, которымъ изволитъ проникаться свѣтское общество! Слова: народность, русскій духъ, православіе производятъ во мнѣ теперь такое же нервическое содроганіе, какъ русское спасибо, русскій баринъ и т. п ; охотно согласился бы прослыть въ обществѣ и западникомъ и протестантомъ. Я недоволенъ программой Русской Бесѣды, да и вообще не люблю программъ, не люблю этихъ вывѣсокъ направленія. Не слышится мнѣ во всемъ этомъ ни теплой любви къ истинѣ, ни горячаго стремленія къ ней и къ благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потѣхи; нѣтъ исканія истины, а самонадѣянная, заносчивая увѣренность въ томъ, что уже поймали и держатъ ее за хвостъ, гордая проповѣдь, односторонняя, гремучая, считающая всѣ вопросы порѣшенными, но нисколько не снявшая печати съ таинства русской жизни!... Впрочемъ—не хочется и распространяться объ этомъ предметѣ, тогда какъ я имѣю въ виду отъѣздъ и слѣдовательно въ непродолжительномъ времени изустные разговоры.—Слухи вновь неблагопріятны миру, и ратники наши, уже видѣвшіе на небѣ разныя знаменія «къ любви, къ миру» (бѣлые круги около мѣсяца и т. п.), опять повѣсили носы. Впрочемъ, можетъ быть, миръ заключится, но никто въ него вѣрить не будетъ; будетъ продолжительное перемиріе, но не миръ, который и невозможенъ въ мірѣ,

пока Наполеонидъ на престолѣ. Ни одна держава, по заключеніи теперь мира, не вложитъ въ ножны оружія, а будетъ держать его на готовѣ. Если бы точно знать, что будетъ война, если бы не было у меня въ виду отчета по Географическому Обществу, такъ я бы, можетъ быть, остался въ дружинѣ. Жду съ нетерпѣніемъ газетъ; что-то онѣ скажутъ.—Прощайте, еще не пишу: до свиданія. Будьте здоровы.

Возвратясь къ семьѣ въ Москву, Ивану Сергѣевичу не пришлось долго прожить дома, хотя онъ и занялся серіозно составленіемъ отчета о своемъ изслѣдованіи Украинскихъ ярмарокъ, для Географическаго Общества. на чемъ особенно настаивалъ Сергѣй Тимофеевичъ; но въ маѣ того-же года, Иванъ Сергѣевичъ былъ приглашенъ Княземъ Викторомъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ принять участіе въ слѣдственной коммиссіи, назначенной по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны, и разумѣется, всегда предпочитая живое дѣло и не пропуская ни одного случая по путешествовать, принялъ это предложеніе, для чего и отправился въ Крымъ.

Переписка съ родителями возобновляется съ 1 Іюня 1856 г.

Письма во время пребыванія въ коммиссіи Князя В. И. Васильчикова.

Къ родителямъ. Іюня 1-го 1856 года.

До сихъ поръ ѣхалъ совершенно благополучно, милые мои Отесинька и Маменька; коляска казалась мнѣ роскошью, такъ что останавливаться въ дорогѣ для ночлеговъ было бы вовсе не нужно. Но подъ самымъ Мценскомъ переломилась передняя ось и треснула подъ ней деревянная подушка. За починку просили сначала 13 рублей, наконецъ согласились за 8 р. сер. Каковъ грабежъ! Дѣлать нечего, приходится дать и ждать. — Изъ Москвы я ѣхалъ не останавливаясь вплоть до Серпухова, гдѣ пилъ чай, потомъ — не останавливаясь до Тулы, гдѣ также пилъ чай; потомъ думалъ ѣхать не останавливаясь до Орла. Я нигдѣ не обѣдалъ, пробавляясь провизіей, отпущенной изъ дома, стараясь поскорѣе отъ нея избавиться. Въ особенности полезны и хороши дорогою апельсины, за которые премного васъ благодарю, милая Маменька. Порошки принимать продолжаю, но лихорадки до сихъ поръ ни малѣйшихъ признаковъ не чувствую; напротивъ я совершенно свѣжъ и здоровъ. — Дорогою никакихъ происшествій и встрѣчъ не было; впрочемъ я почти и не вылѣзалъ изъ экипажа. Такъ недавно проѣхался я по всѣмъ этимъ мѣстамъ, что прежняго живаго интереса не возбуждаетъ во мнѣ дорога; ѣзда мнѣ уже нѣсколько надоѣла; впрочемъ, если-бы мѣста были новыя, то вѣрно-бы участіе возбудилось. Что-то дѣлается у васъ? Уѣхалъ-ли Отесинька въ деревню или еще въ Москвѣ? Хотя и жарко днемъ, но очень вѣтрено и вѣтеръ не теплый, кажется—сѣверозападный. У меня верхъ коляски защищаетъ вполнѣ и отъ солнца и отъ вѣтра, но въ деревнѣ эта погода непріятна.—Пожалуйста, милая Маменька, не грустите, не лишайте себя бодрости, которая такъ вамъ нужна для другихъ. Бодрость необходимое условіе для перенесенія всѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, которыми вы теперь окружены. На мой счетъ будьте покойны и увѣрены, что я не захочу какою-либо неосторожностью усиливать бремя вашихъ заботъ и огорченій,

и буду беречь свое здоровье, какъ только можно, рискуя даже прослыть эгоистомъ. Прощайте-же, будьте бодры, спокойны и по возможности здоровы.

1856 г. Вторникъ. Іюня 15-го. Оболонь.

Васъ очень удивитъ, что я пишу вамъ письма еще не изъ Николаева, а съ дороги, изъ имѣнія въ Хорольскомъ уѣздѣ М. П. Позена. Въ послѣдній разъ я писалъ вамъ изъ Полтавы; не доѣзжая первой станціи ось передняя опять сломалась; дѣло было къ вечеру и я долженъ былъ ждать до утра, пока ее починятъ, пріютившись самъ въ имѣніи Абазы, куда меня тотчасъ пригласилъ молодой хозяинъ, или лучше сказать, за отсутствіемъ хозяевъ, племянникъ ихъ, студентъ Медицинскаго факультета Харьковскаго университета, живущій тутъ съ двумя докторами поляками. Явленіе рѣдкое, чтобы человѣкъ богатый занялся добровольно медициной.—Наконецъ—кое-какъ въ пятницу къ свѣту добрался я къ Позену—ось опять оказалась сломанною! Тутъ впрочемъ есть въ имѣніи настоящіе мастера—каретники, которые доискались причины постоянной ломки (по ихъ мнѣнію это отъ того, что передній ходъ слишкомъ широкъ; они его теперь и укоротили). Такимъ образомъ одна починка этого экипажа стоитъ мнѣ болѣе 20 р. сер. У Позена, который принялъ меня наигостепріимнѣйшимъ образомъ,—нашелъ я бездну матерьяловъ для предстоящаго мнѣ дѣла. Князь Васильчиковъ провелъ у него сутки и кое-что записалъ, а я остался съ нынѣшнимъ днемъ почти пять дней,—пославши, впрочемъ, эстафету къ Князю Васильчикову, чтобы объяснить ему причину медленности моей ѣзды, болѣзнь моя и проч.—Позенъ, который послѣ турецкой кампаніи 1828 г. изслѣдовалъ злоупотребленія продовольствія, ревизовалъ въ жизнь свою не разъ провіантскія коммиссіи, написалъ уставъ продовольствованія, нынѣ дѣйствующій, не для арміи во время войны, а въ мирное время, сочинилъ теперь цѣлый проэктъ продовольствованія арміи во время войны, такой человѣкъ, конечно, очень полезенъ своею опытностью. Онъ далъ мнѣ прочесть всѣ свои записки и труды по этому

предмету, также и печатныя узаконенія (ибо я рѣшительно не знакомъ съ этой частью, да и вообще съ сводомъ военныхъ законовъ), сообщилъ цѣлый планъ дѣйствій, цѣлую систему слѣдствія, даже написалъ мнѣ программу вопросовъ, которые надо предложить Интендантству и свѣденій, которыя надо отъ него требовать. Я очень ему благодаренъ и теперь эта дикая чаща начинаетъ меня пугать менѣе; я теперь уже вооруженъ компасомъ и не боюсь заблудиться. Нынче вечеромъ я отъ него ѣду въ Кременчугъ и далѣе въ Николаевъ, гдѣ и буду сутокъ черезъ двое. Такъ думаю, но на всякій случай пишу къ вамъ отсюда.—Здѣсь встрѣтилъ я въ числѣ гостей нѣкоего Устимовича (сосѣда Позена по имѣнію); онъ просилъ меня убѣдительно напомнить вамъ, милый Отесинька, объ немъ; онъ когда-то жилъ вмѣстѣ съ Княжевичемъ и не разъ ѣзжалъ съ вами на охоту; онъ велѣлъ вамъ сказать, что стрѣлялъ дупелей и бекасовъ на берегахъ Аракса и у подошвы Арарата.—Ригельману, который живетъ отсюда въ 12 верстахъ, дали тотчасъ знать о моемъ пріѣздѣ и онъ пріѣхалъ сюда-же къ Позену.—Я совершенно здоровъ, даже чувствую себя. здоровѣе, чѣмъ въ Москвѣ до лихорадки. Лихорадка не возобновлялась ни разу, не смотря на то, что я ѣлъ рыбу, пилъ молоко и купался. —Ригельманъ послалъ въ Русскую бесѣду маленькую статью —о способѣ освобожденія на волю крестьянъ въ Австріи, т. е. выписка объ этомъ предметѣ изъ разныхъ нѣмецкихъ книгъ; Позенъ также собирается послать статью о желѣзныхъ дорогахъ. — Замѣчательнаго ума этотъ господинъ!— Онъ очень жалѣетъ, что въ Москвѣ не успѣлъ познакомиться съ вами; въ восхищеніи отъ вашей книги и отъ Луповицкаго.—Такіе-же ли у васъ жары, какъ здѣсь, перемежающіеся впрочемъ дождемъ, легкими грозами? Какая здѣсь растительность, какая сухость въ воздухѣ, не смотря на то, что вода въ десяти шагахъ!—Авось въ Николаевѣ я найду теперь ваши письма и узнаю, что дѣлается съ вами и гдѣ вы теперь. Дай Богъ, чтобы все это уладилось хорошо. Какъ больно, больно подумать, что вы можете не отдохнуть, не воспользоваться лѣтомъ! Прощайте. Теперь буду уже вамъ писать изъ Николаева.

Къ А. И. Кошелеву. Іюня 1856 г. Оболонь (Полтавской г., Хорольскаго уѣзда).

Вы никакъ не ожидаете моего письма отсюда, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Я у Позена, у котораго гощу теперь пятый день и отъ котораго уѣзжаю нынче въ Николаевъ. Чтобы объяснить вамъ это, нужно сказать, что мы и прежде условились съ Княземъ Васильчиковымъ заѣхать къ М. Павл.—Князь проѣхалъ раньше меня, потому что окончилъ дѣло въ имѣніи своемъ очень скоро,—но изъ Полтавы поѣхалъ на Хороль и былъ у Позена. Я уже его не засталъ здѣсь. У Позена я нашелъ такое обильное собраніе матерьяловъ для предстоящей намъ работы, что рѣшился остаться здѣсь подольше, чтобы прибыть на мѣсто вооруженнымъ. Позенъ знаетъ всю эту часть, какъ свои пять пальцевъ, писалъ и сочинялъ объ этомъ предметѣ разныя записки, проэкты и уставы, составилъ для насъ цѣлыя замѣтки, программы вопросовъ и даже первоначальный планъ дѣйствія. Для меня же все это было до сихъ поръ дикимъ лѣсомъ, да вы знаете къ тому же мою несклонность природную къ вопросамъ финансовымъ, коммерческимъ и вообще хозяйственнымъ. Русская бесѣда пользуется здѣсь большимъ успѣхомъ. Ригельманъ, который отсюда всего 12 верстъ, послалъ вамъ статейку объ освобожденіи крѣпостнаго сословія въ Австріи. Я увѣренъ, что она очень не дурно составлена и вы ее съ удовольствіемъ помѣстите, если только цензура пропуститъ. Позенъ также, по собственному побужденію, безъ моего приглашенія, хочетъ послать къ вамъ для Бесѣды свою статью о желѣзныхъ дорогахъ (онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за вашу статью, съ которою вполнѣ согласенъ) и записку (прекрасную вполнѣ) о внѣшней и внутренней торговлѣ. Онъ мнѣ читалъ много своихъ проэктовъ и записокъ, поданныхъ куда слѣдуетъ и много разсказывалъ любопытнаго о своихъ свиданіяхъ въ Петербургѣ. Какъ человѣкъ вполнѣ умный и современный, онъ удивительно какъ во многомъ сходится съ вами и съ Хомяковымъ (съ послѣднимъ въ проэктѣ объ укомплектованіи войскъ и о народномъ ополченіи). Очень мнѣ жаль, что по краткости

времени я не успѣлъ снять со всего этого копій, но онъ пришлетъ мнѣ ихъ въ Николаевъ. О проэктѣ вашемъ объ откупахъ онъ говорилъ въ Петербургѣ Орлову и Броку и тѣ отвѣчали, что не читали и не получали таковаго! Съ вашею финансовой статьей онъ согласенъ не вполнѣ: согласенъ съ историческою и критическою частью, но не съ самымъ проэктомъ. На эту статью вашу написалъ возраженіе въ Кіевѣ знаменитый статистикъ Журовскій; говорятъ—очень дѣльное. Юзефовичъ, Галаганъ, Тарновскій и Ригельманъ обѣщались съѣхаться нынѣшнимъ лѣтомъ у Позена для прочтенія своихъ проэктовъ освобожденія крестьянъ, не общаго, а собственнаго ихъ имѣнія. Но всѣ здѣшніе эмансипаторы устремляютъ взоры на московскихъ дѣятелей и преимущественно на васъ. Позенъ будетъ писать вамъ самъ, но просилъ меня предупредить васъ о его просьбѣ. Онъ не слишкомъ много надѣется на малороссійскихъ помѣщиковъ и желаетъ учинить съѣздъ общій москвичей—эмансипаторовъ, съ малороссійскими, у себя въ Оболони, послѣ коронаціи, осенью. Я убѣжденъ, что у такого человѣка, какъ Позенъ, совѣщанія пойдутъ *правильно*, какъ бы въ Комитетѣ; домъ же огромный и дамъ нѣтъ.—Цѣлью совѣщаній—эмансипація, проэктированіе разныхъ другихъ государственныхъ мѣръ, къ сему относящихся и уже окончательный выборъ депутаціи въ Петербургъ для формальнаго ходатайства. Онъ еще говоритъ, что его положеніе и званіе ограждаютъ отъ тѣхъ глупыхъ толковъ и подозрѣній, которыя могъ бы навлечь подобный съѣздъ у другаго лица. Впрочемъ онъ готовъ, если вы пожелаете, пріѣхать и къ вамъ въ Песочню, но не думаетъ, чтобы хохлы поѣхали. Пригласить слѣдуетъ Самарина, Хомякова, Черкасскаго, К. Алекс. Васильчикова. Кого бы еще? Объ этомъ обо всемъ уже вы съ нимъ снесетесь. Совѣтую вамъ вообще придерживаться этого господина. Записки его многія такъ смѣлы, что удовлетворятъ въ этомъ отношеніи кого угодно.—Такъ-то. Что Бесѣда? Василій Елагинъ, котораго я видѣлъ, также готовитъ вамъ статью.

Ѣду нынче въ Николаевъ, куда и прошу васъ адресовать ко мнѣ письма. Здоровье мое покуда очень хорошо. Лихорадка не возобновлялась, а я, хотя никогда на ночь не

останавливался въ дорогѣ, не чувствую никакого утомленія.— Прощайте, ѣду на трудную работу: дай Богъ, чтобы усилія увѣнчались успѣхомъ. Ѣду погрузиться въ дѣло, отдать душу свою въ дѣло, иначе дѣло у меня не идетъ.—Будьте здоровы; обнимаю васъ.

Къ родителямъ. Николаевъ 18-го Іюня 1856 г. Понедѣльникъ.

До сихъ поръ не имѣю о васъ никакихъ свѣденій, милые Отесинька и Маменька; не знаю, что у васъ сдѣлалось и дѣлается въ эти 19-ть дней. Здѣсь какъ-то очень странно и неправильно ходитъ почта, и большой безпорядокъ въ конторѣ: я заходилъ туда и видѣлъ, что письма принимаетъ молодой сынъ Почтмейстера, мальчикъ лѣтъ 11-ти, за отсутствіемъ отца.—Въ середу ожидаютъ почту и авось либо мнѣ перешлютъ изъ Полтавы ваши письма. Я пріѣхалъ въ Николаевъ 15-го Іюня (въ пятницу) рано утромъ. Только что выѣхалъ отъ Позена, гдѣ каретники, казалось, вычинили мой экипажъ на славу, какъ на первой же станціи переломилась ось совершенно въ новомъ мѣстѣ, отскочилъ конецъ съ гайкой и чекой. Какъ нарочно случилось это вечеромъ, порядочнаго кузнеца не было, и только къ полудню слѣдующаго дня малороссійскій коваль поправилъ дѣло. Такъ я и доѣхалъ до Николаева уже благополучно, кромѣ того, что отъ натуги на песчаной дорогѣ перелопались всѣ тяжи, и надо было ихъ чинить въ Кременчугѣ.—Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ и теперь нахожусь; поѣхалъ въ Ордонансъ-гаузъ, въ полицію, справляться о князѣ Васильчиковѣ. Никто ничего не знаетъ, говорятъ былъ да уѣхалъ. Наконецъ отъ коменданта узналъ я, что Васильчиковъ, воротившись изъ Одессы,—куда ѣздилъ на два дня, отправился съ генераломъ Козляиновымъ въ Севастополь на пароходѣ, такъ взглянуть на эти печальныя развалины, что помѣщеніе ему и чиновникамъ отведено во дворцѣ. Во дворцѣ (такъ называется одноэтажное длинное и узкое деревянное зданіе, очень бѣдно убранное и преглупо устроенное) нашелъ я Шеншина, только что пріѣхавшаго и Заруднаго. Помѣщены они и еще нѣкоторые чиновники прескверно: у всѣхъ по одной

комнаткѣ, безъ передней, точно какъ кельи въ монастырѣ. Мнѣ указали было на одну порожнюю клѣтку, рядомъ съ спальней Васильчикова, но я не рѣшился ее занять, тѣмъ болѣе, что въ ней не было ни стола, ни стула. Теперь оказывается, что для помѣщенія меня и еще четырехъ чиновниковъ—назначенъ еще домикъ, вблизи отъ дворца, куда я и перейду завтра. Но дѣло не въ томъ. Въ субботу вечеромъ князь Васильчиковъ воротился и слегъ въ постель, простудившись отъ частаго купанья въ морѣ, не опасно, но такъ, что никого рѣшительно не принималъ и не въ состояніи заняться дѣломъ. Болѣзнь еще продолжается, а безъ предсѣдателя члены коммиссіи не могутъ дѣйствовать и все въ застоѣ. Князь это чувствуетъ, бѣсится на свою болѣзнь и еще больше отъ того разстроивается. Очень жаль, во всѣхъ отношеніяхъ и собственно его жаль. Авось либо черезъ нѣсколько дней мы приступимъ къ правильнымъ занятіямъ. Теперь, за исключеніемъ двухъ, трехъ человѣкъ, вся коммиссія съѣхалась. Составъ ея прекрасный, и пріятно видѣть вмѣстѣ человѣкъ пятнадцать людей, честныхъ, благородныхъ, одушевленныхъ искреннимъ желаніемъ пользы, понимаемой не пошло и не мелко, собравшихся для одной цѣли. Генералъ Лихачевъ и Козляиновъ очень умные и замѣчательные люди, дѣятельно, особенно послѣдній, участвовавшіе въ войнѣ, а потому и разсказы ихъ чрезвычайно интересны. Я познакомился со всѣми и былъ принятъ, какъ давно ожидаемый, очень дружески; не говорю уже о Шеншинѣ. Къ Шеншину должна пріѣхать на дняхъ его жена и останется здѣсь до конца коммиссіи. Съ обществомъ здѣшнимъ теперь—впрочемъ—очень малочисленнымъ, почти никто не знакомъ, и вообще большаго содѣйствія и сочувствія къ нашему дѣлу въ немъ не видно.—До сихъ поръ мы вчитываемся въ матерьялы и изучаемъ узаконенія военной администраціи. Дни стоятъ знойные; небо яркоголубаго цвѣта; воды—хотя и много (устья Буга и Ингула), но купанье неудобное; въ городѣ вода отъ судовъ и шерстяныхъ моекъ не чиста, а ѣхать за городъ далеко и жарко. Ночи чудесныя; воздухъ сухъ и необыкновенно легокъ для дыханія.—Николаевъ—городокъ, построенный правильно и однообразно, но не красиво, на плоскомъ мѣстѣ; дома—какъ вообще на югѣ—одноэтаж-

ные; садовъ и тѣни мало; пыль и песокъ. Онъ показался мнѣ очень слабо населеннымъ, вѣроятно, по случаю несуществованія флота, и неоживленнымъ. Жидамъ тутъ жить запрещено; цѣны на всѣ припасы, да и вообще на все— страшно дороги. Удобствъ для жизни здѣсь никакихъ. Странный видъ представляетъ теперь этотъ городъ съ моряками— лишившись прежняго значенія и не пріобрѣтя новаго.— Вотъ вамъ два новыхъ извѣстія, если только вы о нихъ ничего не знаете. Изъ Екатеринославской и Херсонской губерніи множество помѣщичьихъ крестьянъ, вслѣдствіе слуховъ о вызовѣ будто бы людей для населенія Крыма, вмѣсто татаръ, цѣлыми селеніями потянулось «приписываться въ Козловъ (Евпаторію)». Они это дѣлали вовсе не въ безпорядкѣ, простившись, какъ слѣдуетъ, съ помѣщиками. Не знаю еще, какія мѣры приняты правительствомъ. Если поступать грубо, то большая часть уйдетъ въ Бессарабію, но не въ нашу.—При проведеніи пограничной черты въ Бессарабіи, французскій и австрійскій коммиссары предъявили споръ, оттягивая отъ насъ Болградъ, столицу болгарскихъ колоній, извѣстную во всей Болгаріи.—Видите ли: есть два Болграда, старый и новый, въ 4-хъ верстахъ другъ отъ друга; важенъ только новый, стоящій на узкомъ озерѣ, соединяющимся съ Дунаемъ—рукавомъ, способнымъ сдѣлаться судоходнымъ. Иностранцы говорятъ, что разумѣлся Болградъ старый въ тѣхъ словахъ, гдѣ говорится, что граница идетъ ниже или южнѣе Болграда, т. е. новый они хотятъ взять себѣ, оставляя намъ старый. На это русскіе возражали и уполномоченные en ont reféré aux cours.—Я рѣшился не писать вамъ ни о ходѣ дѣлъ коммиссіи, ни о лицахъ, ее составляющихъ и вообще писать какъ можно менѣе такого, что могло бы быть интересно другимъ, непрошеннымъ читателямъ.—Прощайте, будьте здоровы и совершенно спокойны на счетъ моего здоровья.

Воскресенье. Іюня 24-го. Одесса.

Пишу къ вамъ изъ Одессы, куда пріѣхалъ нѣсколько часовъ тому назадъ и гдѣ пробуду только нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы опять вернуться въ Николаевъ.—Изъ послѣд-

няго письма моего вы узнали, что князь Васильчиковъ заболѣлъ. Теперь ему гораздо лучше и онъ началъ заниматься дѣлами, хотя все еще не совсѣмъ оправился. Впрочемъ— настоящее дѣло еще не завязалось: требуются свѣденія изъ разныхъ мѣстъ, которыя еще не получены, дѣла также не не всѣ доставлены и вообще, по недостатку данныхъ и по самой новизнѣ своей, предметъ этотъ никѣмъ вполнѣ необнятъ. Однимъ словомъ, занятія порядкомъ еще не устроились, какъ это и должно быть сначала. Прежде чѣмъ повести осаду, надобно сдѣлать рекогносцировку мѣстности. Личность Князя Васильчикова выясняется для меня все больше и больше и въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. Я предполагалъ въ немъ нѣкоторую слабость характера, проистекающую отъ излишней доброты, даже нѣкоторую шаткость мнѣній,—и ошибся. Онъ председатель не по одному названію, обнимаетъ дѣло лучше всѣхъ членовъ, не подчиняется ничьему вліянію, не увлекается чужими воззрѣніями, и направленіе дѣлу исключительно дается имъ; всѣ прочіе исполняютъ по частямъ заданныя имъ работы.—Въ ожиданіи полученія разныхъ подлинныхъ дѣлъ и свѣденій, предположено собрать всѣ офиціальныя данныя о состояніи края, чтобы судить о степени раззоренія его и истощенія вслѣдствіе разныхъ обременительныхъ повинностей и проч. Для этого-то я и пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ сосредоточено главное управленіе краемъ,—и потомъ можно будетъ повѣрить ихъ посредствомъ частныхъ свѣденій и экскурсій. Не знаю, что покажутъ цыфры, но мнѣ сдается, что едва ли онѣ оправдаютъ слухи, волнующіеся отъ Одессы до Петербурга. Вездѣ, гдѣ я ни проѣзжалъ по Новороссійскому краю, поля засѣяны—не яровымъ, но и озимымъ хлѣбомъ (значитъ, еще въ прошломъ году), степи скошены и усѣяны стогами. Хотѣлось бы дознать, засѣяны ли собственно крестьянскія поля въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, но это едва ли возможно узнать съ достовѣрностью.—Вотъ посмотримъ.—Война всегда есть бѣдствіе для края, но я ношу убѣжденіе, что она вовсе не истощила жизненныхъ силъ Россіи; черезъ годъ и Новороссія, кромѣ Крыма—разумѣется—отряхнется какъ ни въ чемъ не бывало,—и встанетъ на ноги, какъ прежде. Но любопытно именно измѣрить мѣру тяготъ, которыя могъ вы-

держать край, безъ подрыва силъ для будущей жизни. Мнѣ въ Николаевѣ отвели квартиру, очень хорошенькую, не далеко отъ дома, занимаемаго княземъ Васильчиковымъ.—Вмѣстѣ со мной, т. е. въ одномъ домѣ, помѣстятся подполковникъ Левицкій и Оболенскій, когда пріѣдутъ. Къ Шеншину пріѣхала жена его, Евгенія Сергѣевна, прекрасная и премилая женщина, очень неглупая, серьезно и благочестиво настроенная.—Въ Николаевъ вчера явился какъ бы вы думали— кто? Кодрингтонъ, главнокомандующій англійскій. Былъ онъ въ Одессѣ, отправился въ Николаевъ, высмотрѣлъ, что ему нужно, поѣхалъ оттуда въ Очаковъ. Разумѣется, онъ явился не инкогнито, напротивъ его вездѣ встрѣчали мѣстныя власти и оказывали ему всѣ удобства, и разумѣется — онъ имѣлъ на это разрѣшеніе, но я нахожу, что и просить объ этомъ съ его стороны было страшнымъ нахальствомъ. Николаевъ—единственный залогъ надеждъ на будущность флота, игравшій немаловажную роль на конференціяхъ, недоступный врагамъ во время войны, впустилъ въ себя враговъ въ мирное время. Въ свитѣ Кодрингтона были и моряки. Подлостей, впрочемъ, особенныхъ при встрѣчѣ и пріемѣ (онъ здѣсь обѣдалъ)—не было; но англичане эти путешествуютъ будто дома и вообще не относятся къ намъ какъ гости. Черезъ недѣлю они очищаютъ Крымъ, а французы уже совершенно очистили. — Очень хороша Одесса лѣтомъ, т. е. хорошо море Черное лѣтомъ, съ парусными и дымящимися судами, чудно голубаго цвѣта. Въ городѣ жизнь, дѣятельность и удивительная пестрота костюмовъ, нарѣчій и людскихъ породъ, изъ которыхъ южная и восточная преобладаютъ. Бульваръ и лѣстница къ морю кишатъ подъ вечеръ гуляющими. Все это пріятно, какъ пріятно было бы видѣть это въ чужихъ краяхъ, въ качествѣ путешественника. Очень жалѣю, что жены Скальковскаго нѣтъ теперь въ Одессѣ; другихъ дамъ я не знаю, а самъ исполнить порученіе сестеръ не рѣшаюсь.—Вода въ морѣ, говорятъ, очень тепла. Вездѣ устроены купальни, и я намѣренъ завтра выкупаться. — Прощайте; какъ досадно и грустно оставаться въ такой неизвѣстности! Какова погода у васъ: здѣсь очаровательная. Никогда вы на сѣверѣ не дышали такимъ воздухомъ. Прощайте. Дай Богъ, чтобы у васъ было все благополучно.

2-го Іюля 1856 г. Николаевъ.

Наконецъ вчера получилъ я письмо ваше отъ 19-го Іюня, адресованное прямо въ Николаевъ; въ немъ есть вѣсти и объ васъ, милая Маменька. Это первое письмо, полученное мною отъ васъ со времени моего отъѣзда (31-го Мая), а потому я предполагаю, что въ теченіе 20-ти дней вѣрно было отправлено вами въ Полтаву одно или два письма, которыя до меня не дошли. И такъ Маменька съ Машенькой проводятъ это жаркое лѣто въ Москвѣ. Какъ это прискорбно! Не имѣя свѣденій, я продолжаю адресовать въ домъ Пфеллера: неужели въ этомъ душномъ домѣ приходится жить Маменькѣ. Бѣдная Олинька! — Надѣюсь, что теперь получать буду ваши письма уже въ порядкѣ,—едва ли есть другой городъ въ Россіи, гдѣ почтовое дѣло было бы въ такой степени неисправно, какъ въ Николаевѣ.—Я воротился изъ Одессы въ пятницу утромъ и нашелъ на моей квартирѣ Оболенскаго (Егора), пріѣхавшаго прямо изъ Калужской деревни. Въ Одессѣ купался я нѣсколько разъ въ морѣ. Вотъ наслажденіе-то. Купанье устроено со всѣми удобствами,— тутъ же у набережной; я не оставался долго и не чувствовалъ никакого дурного послѣдствія. Есть люди, которымъ купанье морское вредно. — Я очень радъ, что вы, милый отесинька, принялись за Наташу. Эта работа надолго займетъ васъ и особенно пригодится вамъ въ дурную лѣтнюю погоду. Объ уженьѣ своемъ и о грибахъ ничего не пишете.—Что дѣлаетъ Константинъ и готовитъ ли онъ какую работу?—Князь Васильчковъ совсѣмъ выздоровѣлъ и много очень занимается. Впрочемъ общая работа идетъ не совсѣмъ споро и дружно, отчасти отъ того, что насъ слишкомъ много. Изъ разсказовъ, которыя мнѣ приходится часто слышать, вижу я, какъ фальшивы репутаціи многихъ героевъ, созданныя въ Москвѣ и Петербургѣ, какъ преувеличено многое, и вообще какъ эхо и резонансъ даютъ ложное понятіе о первоначальной истинѣ. Замѣчательно также, что превознесеніе черноморцевъ похвалами паче мѣры чрезвычайно обидѣло и раздражило армію, гибнувшую тысячами на бастіонахъ. Вообще хорошъ и истинно высокъ только «нижній чинъ»; храбрость же большей части офицеровъ не имѣетъ

нравственнаго достоинства. — По разсказамъ, Севастополь былъ что-то въ родѣ Содома и Гоморры относительно нравственности; Малаховъ курганъ прозывался: «хребетъ беззаконія». Слѣдуетъ изо всего этого вывести, что развратъ въ русскомъ человѣкѣ не растлѣваетъ и не разслабляетъ его, а самъ есть результатъ силъ и энергіи, осужденныхъ на бездѣйствіе. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстія объ Ив. В. Кирѣевскомъ. Неужели онъ умеретъ? Еще однимъ дѣятелемъ меньше и все рѣдѣетъ кругъ. Но это еще не вѣрно и Богъ дастъ, не случится вовсе.

Жизнь въ Николаевѣ, въ этомъ скучномъ городкѣ, осадкѣ черноморскаго флота, протекаетъ для меня такъ однообразно, что, право, разсказывать нечего, — потому что о коммиссіи собственно я рѣшился не писать вовсе; да и коммиссія еще только вчитывается въ дѣла и собираетъ предварительныя свѣденія. — Содержаніе денежное наше состоитъ: въ жалованьѣ (270 р. сер. *въ годъ* по моему чину; это жалованье должно прекратиться съ Іюля) и въ 45 р. сер. суточныхъ въ мѣсяцъ. Со столомъ кой-какъ насъ, человѣкъ шесть, устроилось артелью. — Прощайте, будьте здоровы по возможности.

8-го Іюля 1856 г. Николаевъ.

Получилъ я нынче письмо ваше отъ 2-го Іюня. (Слава Богу, что Олинькѣ лучше и что вамъ, милая Маменька, открывается возможность отдохнуть нѣсколько въ Абрамцевѣ). — Вы радуетесь возвращенію лѣта: здѣсь оно не прекращалось, но вотъ уже недѣля, какъ всякій день небольшія грозы и дожди. Впрочемъ такъ тепло, что черезъ часъ и не видно слѣдовъ пролившагося дождя. — Въ прошедшемъ письмѣ вы сообщили мнѣ только извѣстіе объ отчаянной болѣзни, а теперь извѣстіе о внезапной смерти Ивана Васильевича. Что Авдотья Петровна, что Петръ Васильевичъ? Во второй книжкѣ Бесѣды должна появиться его статья; не знаю, успѣлъ ли онъ окончить ее и дописать вторую половину — результатъ трудовъ, тревогъ и исканій всей жизни, послѣднее свое слово. Чистая была эта жизнь, всегда полная искреннихъ, чистыхъ стремленій къ истинѣ. Большая часть людей нашего круга были ему товарищами съ самаго

дѣтства; воображаю, какъ глубоко и искренне они огорчены. Вѣрно кто-нибудь изъ друзей его скажетъ объ немъ въ Бесѣдѣ нѣсколько теплыхъ словъ. Бѣдный Петръ Васильевичъ! Онъ самъ очень плохъ здоровьемъ и такъ горячо любилъ брата. — Князь Васильчиковъ ѣдетъ завтра опять въ Крымъ на недѣлю, а потомъ отправлюсь и я собирать свѣденія о степени истощенія и разоренія края. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю времени своего путешествія, потому что никогда не видалъ Крыма; но до этого времени я еще успѣю написать къ вамъ. Князь Васильчиковъ поѣдетъ и въ Москву на коронацію, оставивъ коммиссію здѣсь, но потомъ воротится; кажется, онъ не предполагаетъ окончить занятія коммиссіи ранѣе будущаго года.—Я совершенно здоровъ и вовсе не чувствую въ себѣ присутствія своихъ недуговъ; причинъ къ раздраженію нѣтъ никакихъ, потому болѣе, что я слѣжу преимущественно общую систему распоряженій, а не частные случаи. Жизнь проходитъ очень мирно, спокойно и пожалуй беззаботно, потому что дѣло идетъ себѣ своимъ чередомъ и личная отвѣтственность или участіе каждаго, по раздробленіи работъ, незначительно,—но это мнѣ и не нравится. Я пріѣхалъ вовсе не для такого легкаго препровожденія времени и предпочитаю работать запоемъ, до упаду, чѣмъ каждый день понемножку. Впрочемъ, мы еще въ началѣ дѣла. — Вы браните меня за письмо, писанное отъ Позена. Письма хорошенько не помню, но—кажется—послѣдующія мои письма не заслуживаютъ этого упрека. Многое хотѣлось бы мнѣ сказать и написать, но воздерживаюсь, именно благоразумія ради. — Мы почти вовсе не читаемъ газетъ и не видимъ журналовъ, отчасти потому, что вовсе незнакомы съ николаевскимъ обществомъ; къ тому же здѣсь еще не получены іюньскія книжки журналовъ. Крымъ очищенъ, т. е. англичанъ и французовъ больше въ немъ нѣтъ.—На дняхъ мы устроимъ у себя (т. е. Оболенскій и я) Севастопольскіе вечера. Какой-то знакомый ему морякъ написалъ записки о Севастопольской осадѣ; онъ будетъ читать, а прочіе пополнять и поправлять. Очень много интересныхъ разсказовъ и многое представляется совершенно въ иномъ видѣ.—Шеншинъ, у котораго совершенно отдѣльная часть (госпитали), на дняхъ уѣзжаетъ съ женою въ Одессу—

недѣли на три. Онъ вамъ усердно кланяется. Какой славный человѣкъ! — Вы ничего не пишете, милый Отесинька, ни объ уженьѣ, ни о грибахъ. Послѣднее удовольствіе едва ли вамъ доступно, если ходьба вредна, да и уженьемъ, кажется, вы мало занимаетесь.—Что пишетъ Константинъ для Бесѣды?—Я радуюсь дѣятельному участію Самарина въ Бесѣдѣ, но жалѣю, что она ударится въ полемику: это невыгодно для журнала, выходящаго четыре раза въ годъ; нѣтъ возможности скораго отпора.—Прощайте.

Къ Е. И. Елагиной по поводу смерти Ив. В. Кирѣевскаго. 8-го Іюля 1856 г. Николаевъ.

Ради Бога, любезнѣйшая Катерина Ивановна, увѣдомьте меня поскорѣе о здоровьѣ Авдотьи Петровны и Петра Васильевича, разумѣется также о здоровьѣ Вашемъ и всей вашей семьи, но за Авдотью Петровну и Петра Васильевича я особенно опасаюсь. Я только сейчасъ получилъ извѣстіе объ ужасной потерѣ, всѣми нами понесенной: вы представить себѣ не можете, какой страшный безпорядокъ въ здѣшнемъ почтовомъ управленіи, какъ невыносимо долго и медленно ходятъ письма.—Знаете что? Несмотря на вашу слабость послѣ недавней болѣзни, на силу вашего личнаго горя, я почти увѣренъ, что *покуда* вы здоровѣе всѣхъ, потому что *вы нужны*, и въ то время, какъ всѣ были оглушены и разбиты разразившимся ударомъ, вы, любезнѣйшая Катерина Ивановна, вѣрно однѣ устояли на ногахъ, чтобы подавать помощь всѣмъ, утѣшать, облегчать, по возможности, горе вашихъ близкихъ. Дай вамъ Богъ всякихъ силъ для этого, дай Богъ, чтобы это напряженіе нервъ не отозвалось дурными послѣдствіями для вашего и безъ того плохаго здоровья. Если вы не слишкомъ разстроены и есть у васъ минута свободнаго времени, то отвѣчайте мнѣ, прошу васъ, хоть въ двухъ, трехъ строкахъ. Хотѣлось бы мнѣ также знать нѣкоторыя подробности. Послѣднія минуты жизни близкаго мнѣ человѣка всегда полны для меня глубокаго, теплаго интереса. Что семья Ивана Васильевича? — Я не пишу вамъ никакихъ пошлыхъ сожалѣній, соболѣзнованій или утѣшеній. Въ первыя минуты горя мое естественное

движеніе: *безъ словъ* обнять, крѣпко пожать руку горюющихъ, и я прошу васъ крѣпко за меня поцѣловать ручки Авдотьи Петровны и горячо обнять всѣхъ вашихъ.—Прощайте, будьте же бодры и здоровы; цѣлую ручки ваши и обнимаю вашего мужа.—Много вамъ заботъ и тревогъ, любезнѣйшая Катерина Ивановна, но все же пишу къ вамъ, а не къ Василію Алексѣевичу: увѣренъ, что вы, несмотря ни на что, отвѣтите мнѣ скорѣе, потому что, по благородному свойству женской природы, слабыя силы ея обрѣтаютъ крѣпость, дѣятельность и бодрость изумительную, какъ только обстоятельства вызываютъ ихъ на дѣло любви и дружбы.

Къ родителямъ. 16-го Іюля 1856 г. Николаевъ.

Что это значитъ, что на этой недѣлѣ не было отъ васъ писемъ, милый Отесинька и милая Маменька? Я думалъ, что теперь, когда вы адресуете прямо въ Николаевъ, заведется аккуратное еженедѣльное полученіе писемъ, но двѣ почты пришли на этой недѣлѣ—писемъ нѣтъ.—Недавно получилъ я письмо и отъ Ригельмана, очень большое. Ему хочется завязать постоянную переписку. Это обстоятельство, а также присылка статьи въ Русскую Бесѣду (что̀ такъ удивило Самарина) показываютъ, что въ Ригельманѣ проснулась дѣятельность. Письмо Ригельмана и умно и легко написано. Возмущается онъ сильно Русскимъ или нерусскимъ, какъ онъ выражается, Вѣстникомъ и удивляется, какъ никто до сихъ поръ не обличитъ его западнаго направленія. Я его утѣшаю извѣстіемъ, сообщеннымъ вами, что въ Русской Бесѣдѣ появится отвѣтъ Самарина.—Не знаю, какъ у васъ, а здѣсь духота страшная: хотя и перепадаютъ дождички и бываютъ легкія грозы, но мало освѣжаютъ воздухъ и почву. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы мы собственно страдали отъ жару: весь день сидишь въ комнатѣ, окошками на сѣверъ, а гулять выйдешь часовъ въ 8 вечера, когда уже нѣтъ зноя. Можете себѣ представить, что вчера я нарвалъ вѣтви бѣлой акаціи, вновь, *во второй разъ* разцвѣтшей, съ своимъ чуднымъ ароматомъ. Голубевъ увѣряетъ, что это къ войнѣ; существуетъ ли подобное повѣрье—я не знаю. Ну да Голубевъ въ карманъ за объясненіемъ не пойдетъ!

Былъ я также здѣсь въ Спасскомъ, загородномъ саду, на самомъ берегу Буга. Здѣсь сады рѣдкость, требуютъ поливки; этотъ садъ очень невеликъ, но очень хорошъ. Тутъ и грѣцкій орѣхъ и другія деревья, растущія только на югѣ; уксусныя деревья и бѣлая акація такихъ размѣровъ и объемовъ, какъ я еще нигдѣ не видалъ. Нечего говорить—разность въ климатѣ поразительная; особенно чувствуешь это на воздухѣ, т. е. воздухъ совсѣмъ другой, гораздо суше, легче. — Сейчасъ былъ у меня Васильчиковъ Петръ (сынъ Александра Ив.). Онъ принялъ свое имѣніе отъ Черкасскаго и самъ хозяйничаетъ. Я помню, какъ этого Петрушу бранили за безпутничество. Вообразите, что онъ теперь, перебѣсившись, сталъ не только дѣльнымъ, но очень серьезнымъ человѣкомъ и умнымъ и хорошимъ малымъ во всѣхъ отношеніяхъ, постоянно читаетъ, занимается. Его деревня въ 60-ти верстахъ отсюда; онъ заболѣлъ тикомъ (tic douloureux) и пріѣхалъ сюда лечиться; его посылаютъ въ Одессу купаться въ морѣ. Не могу вспомнить равнодушно о наслажденіи купаться въ морѣ! — Въ Николаевѣ, по прежнему, очень скучно. Общество не возбуждаетъ желанія съ нимъ знакомиться, да коммиссія и избѣгаетъ этого сближенія, чтобы держать свои дѣйствія въ секретѣ, по крайней мѣрѣ внѣ всякой огласки. Одушевленной работы нѣтъ, и я ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, не знаю, что будетъ дальше. Поѣздка моя въ Крымъ отложена по случаю поѣздки самаго Князя, хотя совсѣмъ съ другою цѣлью. Онъ еще не возвращался, но долженъ пріѣхать нынче. Не знаю, что будетъ дѣлать Коммиссія безъ него, когда онъ поѣдетъ въ Москву на коронацію. Если бы было не такъ далеко и не такъ дорого, то я самъ охотно бы отправился въ Москву на это время, разумѣется съ нимъ; съ нимъ поѣдетъ его адьютантъ. Впрочемъ, я проситься не сталъ бы, а онъ не предложитъ. Можетъ быть въ это время я съѣзжу въ Крымъ. Теперь Шеншина нѣтъ въ городѣ: онъ поѣхалъ въ Бессарабію, а оттуда воротится въ Одессу, гдѣ проживетъ нѣсколько недѣль; жена его на дняхъ къ нему ѣдетъ.—Взглянулъ вчера въ газеты. Кажется, новостей нѣтъ никакихъ; интересны будутъ только конференціи о греческомъ престолонаслѣдіи. Принцъ Адальбертъ не соглашается принять православіе, и я думаю, что

отмѣнять этотъ § конституціи, требующій, чтобы отнынѣ Короли были православные. Вопросъ о Болградѣ еще не рѣшенъ.—Штабъ Лидерса выступаетъ въ Харьковъ 1-го августа. Впрочемъ здѣсь пронесся слухъ, что вторая армія уничтожается, и что Лидерсъ на мѣсто Редигера.—Прощайте, дай Богъ, чтобы у васъ все было благополучно.

23-го іюля 1856 г. Николаевъ.

На этой недѣлѣ получилъ я ваше письмо. Теперь я долго не буду имѣть объ васъ извѣстій: завтра я отправляюсь въ Крымъ и едвали вернусь раньше 1-го сентября. Меня посылаютъ освидѣтельствовать нѣкоторые магазины, собрать кое-какія свѣденія, а главное опредѣлить, по возможности, степень раззоренія и истощенія края отъ войны, воинскихъ налоговъ и дурной администраціи. Само собою разумѣется, что я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы посѣтить всѣ интересныя мѣста, весь театръ войны, Севастополь, Балаклаву, Байдарскую и другія долины, южный берегъ, Керчь и проч. Это путешествіе очень затруднительно по разстройству путей сообщенія, недостатку лошадей, опустошенію деревень и проч. Я отыщу Шатилова, Княжевича и вообще тѣхъ, которыхъ мнѣ рекомендовалъ Алекс. Ив. Казначеевъ. Въ это время я еще буду давать вамъ о себѣ извѣстія, но рѣшился не требовать пересылки отсюда вашихъ писемъ; боюсь, что потеряются, при существующемъ въ здѣшнемъ краѣ вообще, а въ Крыму въ особенности, безпорядкѣ почтоваго управленія. Да и я не могу навѣрное опредѣлить, когда гдѣ именно буду. Такимъ образомъ я цѣлый мѣсяцъ останусь безъ извѣстій объ васъ; дай Богъ, чтобы на это время было у васъ все благополучно. Я доволенъ предстоящимъ мнѣ путешествіемъ. Августъ мѣсяцъ хорошее время въ Крыму, уже не такъ жарко, да и виноградъ поспѣваетъ. Жаль только, что эти поѣздки обходятся очень дорого, потому что цѣна на всѣ припасы и предметы жизненной потребности страшная.—Заглянулъ я въ разныя описанія Крыма, даже въ барона Гакстгаузена: всѣ они уже не годятся теперь. Для Крыма настаетъ новая эра. По разсказамъ, теперь это tabula rasa, на которой можно писать и сози-

дать совершенно вновь.—Пока я буду странствовать по горамъ, въ Москвѣ водворится хоть на мѣсяцъ времени такая шумная, суетная, громкая, блестящая жизнь, что при одномъ воображеніи чадъ входитъ въ голову! Гдѣ-то вы будете это время?—Нынче проѣхала черезъ Николаевъ, также на коронацію, владѣтельная Княгиня Мингреліи, Дадьянъ, съ огромною свитой. Хотя на многое было бы любопытно взглянуть, но я радъ, что буду внѣ этой суеты. Каково-то будетъ отношеніе всѣхъ нашихъ знакомыхъ къ этому блестящему и самодовольному оффиціальному міру. Я думаю, что будетъ не до нихъ.—Наконецъ на этой недѣлѣ удалось мнѣ устроить два вечера сряду—посвященные Севастополю. Одинъ морякъ князь Ухтомскій читалъ записки, веденныя имъ во время осады, другіе моряки (всего человѣка два) и Оболенскій должны были поправлять и пополнять эти записки. Но все это ни къ чему не привело. Журналъ Ухтомскаго довольно плохъ и посвященъ болѣе изложенію его впечатлѣній и мечтаній, полонъ литературныхъ претензій (какъ почти всѣ сочиненія русскихъ моряковъ, кромѣ Головнина; возьмите напримѣръ статьи Морскаго Сборника: точно школьныя упражненія); слушатели, предъявляя замѣчанія, начинаютъ спорить между собою или разсказывать случаи слишкомъ частные, потому что были мелкими орудіями, исполнителями. Къ тому же останавливать каждый разъ разсказщика съ тѣмъ, чтобы записывать его разсказъ, невозможно; и то насилу зазовешь на такое дѣло, когда музыка играетъ на бульварѣ. Изъ всѣхъ разговоровъ и распросовъ оказывается, что морское вѣдомство постоянно ссорилось съ сухопутнымъ и оба несправедливы въ сужденіяхъ другъ о другѣ; Главная Квартира ссорилась съ Гарнизономъ, мелкая вражда и личности много мѣшали дѣлу. Никогда себѣ не прощу, что я не былъ участникомъ и очевидцемъ этой обороны!—На одинъ изъ вечеровъ пришелъ князь Васильчиковъ и разсказалъ много интереснаго; разсказъ его отличался совершеннымъ знаніемъ дѣла, лицъ и всѣхъ пружинъ, но положеніе его и званіе заставляютъ его быть воздержаннымъ въ разсказахъ. На этой же недѣлѣ осматривалъ я Адмиралтейство, Депо и разныя морскія заведенія. Все это въ обширныхъ размѣрахъ, устроено прекрасно, всѣ средства для содержанія и постоян-

наго сооруженія флота имѣются, только флота нѣтъ, и человѣка нѣтъ, который бы такъ разумѣлъ и любилъ это дѣло, какъ Лазаревъ, Корниловъ, Нахимовъ. Грустно было видѣть модели (чудно сдѣланныя) погибшихъ кораблей, 12-ти апостоловъ и другихъ.—Модели, разумѣется, были сдѣланы заранѣе. Чего тутъ нѣтъ! и канатный, и литейный, и машинный заводы и гравировальныя, и типографія, и школы.—Въ Англіи не существуетъ казеннаго построенія судовъ, а суда заказываются отъ казны частнымъ подрядчикамъ или компаніямъ.—Видѣлъ я библіотеку Севастопольскую, т. е. книги: ихъ было до 40-ка тысячъ томовъ; почти все вывезено. Тамъ же хранится и кубокъ, поднесенный Московскимъ купечествомъ Черноморскимъ морякамъ. Кубокъ богатъ, но сдѣланъ безъ всякаго вкуса: къ чему этотъ вѣчный голый амуръ, да еще съ приподнятой ножкой, поддерживающій вазу? Моряки крѣпко держатся за свой Севастополь и, кажется, намѣрены его совершенно возобновить въ прежнемъ видѣ.—Новостей здѣсь никакихъ не слыхать, ни по внѣшней политикѣ, ни по внутреннему управленію. Вотъ когда Москва закишитъ новостями, это во время коронаціи!—Для меня одна только новость была бы утѣшительна, если бы сдѣланъ былъ хоть одинъ шагъ къ освобожденію крестьянъ, со стороны ли правительства или со стороны частныхъ лицъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что это единственное средство спасенія для Россіи и что если этого вскорѣ не совершится, то будемъ мы биты и опозорены не одинъ разъ. При всемъ томъ, зная русское общество, я полагаю, что дѣло не состоится, если правительство не дастъ толчка отъ себя.—Прощайте, дождусь завтра вашего письма, а тамъ и въ путь. Будьте же на это время здоровы и спокойны, по возможности. Что это за погода здѣсь и что за ночи! Такихъ ночей я нигдѣ не видывалъ, но имъ недостаетъ здѣсь обстановки лѣсной, хоть тѣнистыхъ деревьевъ, свѣжести травяной. Акаціи, особенно отцвѣтшія и тополи начинаютъ мнѣ надоѣдать, да и сильно пожгло ихъ солнце. Этотъ недостатокъ растительности въ Новороссійскомъ краѣ всему мѣшаетъ. Мнѣ почти не удалось травы помять нынѣшнимъ лѣтомъ. Въ Крыму, говорятъ, вездѣ тоже, кромѣ южнаго берега. Прощайте еще разъ.

2-го Августа 1856 г. Симферополь.

Вотъ и Крымъ, вотъ и Симферополь. Прежде всего спѣшу васъ успокоить: не вѣрьте никакимъ розсказнямъ, представляющимъ вамъ Крымъ въ видѣ какого-то зачумленнаго мѣста. Это не можетъ даже назваться преувеличеніемъ, какъ разсказы и донесенія объ истощеніи края,—а просто чистая ложь. Въ настоящее время, по выходѣ войскъ, здѣсь нѣтъ ни вредныхъ міазмовъ, ни болѣзней. Дома, служившіе госпиталями, очищены и вывѣтрены и по всей дорогѣ, или лучше сказать, по всей степи отъ Перекопа до Симферополя вы не замѣтите другихъ слѣдовъ войны, кромѣ разоренныхъ хатъ татарскихъ ауловъ, разоренныхъ войсками съ цѣлью добыть топливо. Еще до отъѣзда моего изъ Николаева, пріѣхалъ туда Чапскій, на возвратномъ пути изъ Крыма, гдѣ онъ прожилъ четыре мѣсяца. Ему, между прочимъ, было поручено отъ Графа Ал. Строганова (Новороссійскаго Генералъ-губернатора) очищеніе Севастополя и отпущена большая сумма на углубленіе могилъ. Издержавъ 1000 р. сер. и убѣдясь, что трупы зарыты на глубинѣ $3^1/_2$ аршинъ, онъ возвратилъ остальныя деньги. (Между прочимъ, Чапскій уже три года женатъ на Мейендорфъ, племянницѣ бывшаго посланника, счастливъ какъ нельзя болѣе, заставлялъ меня читать всѣ ея письма, дѣйствительно очень милыя, умныя и нѣжныя, разсказывалъ, какъ они вмѣстѣ наслаждались чтеніемъ Семейной Хроники и проч. и проч.). Итакъ вы можете быть совершенно спокойны на мой счетъ. Я ѣхалъ довольно долго изъ Николаева въ Симферополь, потому что останавливался сутки на полторы въ Херсонесѣ, ѣздилъ въ Алешки, останавливался на нѣсколько часовъ въ Бериславлѣ, ѣздилъ оттуда за 25-ть верстъ къ уѣздному предводителю Вертильяку, прожилъ сутки въ Перекопѣ, и по дорогѣ отъ Перекопа къ Симферополю останавливался въ волостяхъ, осматривалъ аулы и магазины провіантскіе, дѣлалъ акты, снималъ показанія, заѣзжалъ и въ сторону отъ дороги. Херсонъ очень бѣдный и жалкій на видъ городъ, сохраняющій только полуразрушенные слѣды великолѣпныхъ затѣй Потемкина и Екатерины, — между прочимъ золотую надпись на соборѣ въ крѣпости: «*Спасителю рода человѣческаго* Екатерина II-я по-

священъ!.. Хорошо? Изъ Херсона, чтобы попасть въ городъ Алешки, на другой сторонѣ Днѣпра, надо переплыть на лодкѣ внизъ по устью 17-ть верстъ, что я и исполнилъ, взадъ и впередъ. Объ Алешкахъ говорить не стоитъ. Подъѣзжая къ Перекопу, я увидалъ въ первый разъ Сивашъ; съ другой стороны перешейка моря не видно. Перекопъ, Армянскъ не заслуживаютъ названія не только городовъ, но и посадовъ русскихъ: удивляешься только, какъ могли тутъ помѣщаться и сталпливаться такія огромныя массы войскъ. За то какъ и помѣщались, какъ и гибли. Что терпѣли солдаты наши въ виду роскошно устроенныхъ непріятельскихъ лагерей,— въ своихъ норахъ и на открытомъ воздухѣ, скверно помѣщенные, еще сквернѣе продовольствуемые, — это ужасъ. Отъ Перекопа до Сарабуза (послѣдней станціи предъ Симферополемъ)—степь, да какая степь! Ровная, какъ полъ и зеленѣющая мѣстами травой, мѣстами бурьяномъ. (Кстати— я начинаю думать, что разсказы о травѣ по поясъ и въ ростъ человѣка въ степяхъ—выдумка. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не удавалось видѣть высокой травы въ степяхъ, да и степная трава дурнаго качества). — Татарскія избы всѣ сложены изъ камней; но во время усиленнаго прохожденія войскъ все, что могло горѣть, слѣдовательно служить топливомъ, было выломано, крыши, рамы, двери и проч. и проч. Но это не вездѣ. Подъ самымъ Симферополемъ менѣе было безпорядковъ — и татары разжились отъ продажи своихъ продуктовъ. Теперь у татаръ праздникъ; я останавливался у нихъ, ѣлъ баранину, пилъ кофе; но вообще зажиточность ихъ не можетъ сравниваться съ нашими заволжскими татарами, которые сверхъ того гораздо бодрѣе и трудолюбивѣе.—Впрочемъ—на здѣшнихъ татарахъ теперь тяготѣетъ недоумѣніе: сознавая, что они провинились передъ нами, они съ недовѣрчивостью смотрятъ на русскихъ и на ласки и милости правительства, ими вовсе не заслуженныя: такъ наприм. имъ теперь на счетъ казны куплено 10 тысячъ паръ воловъ, по 60-ти р. сер. и болѣе за пару! Извѣстно также, что трактатомъ выговорена для нихъ полная амнистія.—Степь начала уже сильно меня утомлять своимъ однообразіемъ: ни пригорка, ни балки, ни ручейка, ни кустика,—какъ вдругъ рано утромъ, уже въ Сарабузѣ, когда раз-

свѣло, представились глазамъ моимъ линіи горъ на горизонтѣ, и выше всѣхъ, громаднѣе всѣхъ Чатырдагъ (верстъ за 60). Такъ и высадили онѣ меня изъ колеи! Я въ первый разъ въ жизни вижу настоящія горы! Отъ Сарабуза до Симферополя мѣстность волнистая, усѣянная хуторами и садами, а самъ Симферополь въ зеленой долинѣ, чрезвычайно пріятной на видъ. —Симферополь довольно хорошенькій городокъ, имѣетъ много фруктовыхъ садовъ, но не носитъ никакой почти печати оригинальности, кромѣ одной части города, гдѣ въ узкихъ, въ сажени полторы переулкахъ, и кривыхъ закоулкахъ, живутъ татары, гдѣ безпрестанно попадаются вамъ татарки въ бѣлыхъ чадрахъ.—Такимъ образомъ я приблизился къ мѣстамъ крови, которыя увижу, полагаю, на будущей недѣлѣ. У меня есть письма къ нѣкоторымъ офицерамъ, которые покажутъ мнѣ все въ подробности.—Какъ нарочно, въ день моего отъѣзда изъ Николаева подулъ холодный сѣверный вѣтеръ и ночи, а также и утра, стали прохладныя! Это задерживаетъ спѣяніе винограда, да и вообще надобно сказать, что фруктовъ въ продажѣ почти вовсе не имѣется. Хотя войска и вышли изъ Крыма, но дороговизна здѣсь невѣроятная до сихъ поръ. Это объясняется тѣмъ, что въ теченіе войны въ этотъ маленькій край введено было страшное количество денегъ. Одно содержаніе арміи стоило конечно болѣе 200 мильоновъ сер. въ годъ. Всѣ эти деньги оставались здѣсь; отъ того такая дешевизна денегъ, что рубль серебромъ здѣсь считался въ родѣ гривенника. Между тѣмъ жалованье выдается по великорусскимъ размѣрамъ. Вчера одинъ торговецъ запросилъ съ меня за фунтъ синяго винограда (свѣжаго, кишмиша)—45 к. сер. не потому, чтобы этого сорта винограда было мало, но потому, что деньги здѣсь ни почемъ! А въ Москвѣ онъ стоитъ 10 к. сер.! Просто ужасъ!—Здѣшніе помѣщики большею частью получили огромные доходы; Шатиловъ (котораго, впрочемъ, я еще не видалъ) составилъ себѣ огромный капиталъ одною продажею сѣна. Коммиссіонеры, командиры—грабили и сорили деньгами. Если мнѣ придется остаться здѣсь дольше, то мои денежныя средства совершенно истощатся, и я прошу васъ прислать мнѣ рублей сто, адресуя въ Николаевъ, чтобы по возвращеніи было чѣмъ жить. Я долженъ былъ почти утро-

ить жалованье Голубеву, потому что за меньшую плату нигдѣ не кормятъ его.—Я доволенъ своей поѣздкой, какъ туристъ, но какъ участникъ коммиссіи постоянно недоволенъ. Мы осуществляемъ пословицу: спустя въ лѣто, да въ лѣсъ по малину! Я начинаю признавать себя гораздо больше практическимъ человѣкомъ, чѣмъ всѣ наши пріятели и то, что я говорилъ и писалъ, когда отказывался въ Москвѣ, совершенно оправдывается. Отдѣльно взятые—все люди умные, кажется, и хорошіе, но единства дѣйствій и направленія, живаго толчка дать некому. Я же поставленъ въ такое положеніе, что не имѣю ни малѣйшаго вліянія на общій ходъ дѣла, а исполняю нѣкоторыя отдѣльныя порученія, даже неимѣющія особенной важности,—устранивъ себя отъ всякаго непрошеннаго вмѣшательства. Я не членъ и права голоса не имѣю, а какъ для того, чтобы упрочить свое вліяніе, необходимо было-бы интриговать, возиться, няньчиться и ухаживать, что́ противно мнѣ въ высшей степени и къ чему въ отношеніяхъ къ своему начальству я не привыкъ, то я тотчасъ-же уступилъ поле другимъ, чему много способствовало и то, что въ Николаевѣ я живу не въ общемъ помѣщеніи Коммиссіи.—Долго не буду имѣть я отъ васъ извѣстій, но если пребываніе мое въ Крыму затянется, такъ я выпишу себѣ ваши письма съ оказіей.—Письмо это застанетъ васъ въ разгарѣ московскихъ празднествъ. Гдѣ то вы будете въ это время, милый Отесинька? Вы, милая Маменька и сестры, вѣрно будете въ Москвѣ. Дай Богъ, чтобы у васъ все было благополучно. Будьте здоровы.

1856 г. Августа 19-го. Воскресенье. Симферополь.

Хотя и распорядился о высылкѣ мнѣ сюда вашихъ писемъ, потому что видѣлъ необходимость продолжить здѣсь мое пребываніе,—но писемъ не получалъ еще и до сихъ поръ ничего о васъ не знаю. Получили-ли вы мое первое письмо отсюда? — Послѣ того погода перемѣнилась, ночи стали необыкновенно теплыми, фрукты явились въ изобиліи, но виноградъ еще не созрѣлъ.—Я еще не былъ ни въ Севастополѣ, ни на Южномъ берегу, но ѣздилъ на Качу, на Бельбекъ, проѣзжалъ чрезъ Бакчисарай, былъ въ Евпаторіи.

Крымъ, всегда интересный и своей природой и восточнымъ характеромъ жителей, еще интереснѣе сталъ свѣжими воспоминаніями войны и контрастомъ слѣдовъ пребыванія цивилизованныхъ народовъ съ полудикимъ, азіатскимъ бытомъ татаръ. Мнѣ хочется окончательно раздѣлаться съ служебными хлопотами и потомъ уже спокойно, на досугѣ предаться наслажденіямъ путешествія. Евпаторія — совершенно восточный городокъ, населенный преимущественно татарами, караимами и греками. Узенькія, кривыя улицы, набитыя народомъ, съ разобранными передними стѣнами домовъ, такъ что все совершается на виду, напоминаютъ вамъ знакомыя описанія разныхъ кварталовъ Константинополя и городовъ Малой Азіи. Женщинъ почти не встрѣчаешь, кромѣ русскихъ и гречанокъ, которыхъ немного,—за то мужчины, какъ я уже сказалъ, живутъ на улицахъ: тутъ и работаютъ и жарятъ и спятъ, загорѣвшіе, полунагіе. Фески, чалмы, бараньи шапки, мохнатыя груди и глаза какъ раскаленный уголь караимовъ, грековъ и армянъ, скрипъ немазанныхъ мажаръ, крики торговцевъ, особенно татарскихъ мальчишекъ, лежащихъ около кучъ арбузовъ и дынь, кофейни на открытомъ воздухѣ, гдѣ грязный армянинъ жаритъ на вертелѣ шашлыкъ или подаетъ кофе, все это оригинально въ высшей степени. Но какая грязь, нечистота, неопрятность и вонь!—Улицы, разумѣется, не нивелированы, такъ что и ходить трудно. А тутъ же на углахъ черной краской написано: rue St. Louis, Rue du Sultan и другія французскія надписи. Еще остались нѣкоторые французы для распродажи своихъ товаровъ большею частью съѣстныхъ. Я купилъ нѣсколько консервовъ дичи, которые мнѣ пригодятся для путешествія. Одинъ французъ, съ Леванта, содержитъ гостинницу. Всѣмъ этимъ французамъ прислуживаютъ русскія женщины, разумѣется, простаго званія, говорящія ломаннымъ французскимъ языкомъ. Всѣ онѣ, конечно, послѣдуютъ за ними во Францію, многія уже уѣхали.—Есть татары, выучившіеся говорить по французски. Городъ давно сданъ русскимъ, и опять по прежнему завелись здѣсь городничіе, исправники, присутственныя мѣста, снова водворилось россійское благоустройство со взятками, перепискою, медленностью, проволочкою, формальностью. Татаръ, переселившихся соб-

ственно изъ Евпаторійскаго уѣзда, считается до 10 тысячъ мужскаго пола, да почти столько же женщинъ. Но всего замѣчательнѣе—это укрѣпленія, воздвигнутыя непріятелемъ: кругомъ всего города, на пространствѣ, я думаю, 6 верстъ, насыпанъ огромный валъ и прорытъ въ каменной почвѣ глубокій ровъ. — Я обѣдалъ у Николая Ив. Казначеева, который вамъ очень кланяется, милый Отесинька. Онъ уже 27 лѣтъ служитъ въ Евпаторіи! Разсказы его очень интересны, какъ о союзникахъ, такъ еще болѣе о русскихъ войскахъ. Вы не можете себѣ представить, какую скверную память оставила по себѣ русская армія. Это былъ чистый разбой, грабежъ, насиліе, произведенные не солдатами, а офицерами и генералами. Военное гражданское начальство, племя служилое военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ—точно будто составило общій заговоръ для разграбленія края, казны, жителей и несчастныхъ солдатъ.—Французы и Англичане (кромѣ Керчи, гдѣ дѣйствовалъ англо-турецкій легіонъ) нигдѣ почти не произвели грабежей. Послѣ разбитія нашихъ войскъ подъ Альмой, они отступили въ безпорядкѣ, предаваясь грабежу самому неистовому. Я былъ, между прочимъ, на дачѣ Г. Бибикова на Бельбекѣ, видѣлъ всѣ эти печальные слѣды раззоренія. Тутъ проходили союзныя войска, когда шли на южную сторону Севастополя, но никакого вреда не сдѣлали. Одинъ Англичанинъ забылъ даже свои *книги*, кипсеки, на этой дачѣ. Что такое была Уланская резервная дивизія Корфа! Она даже въ пословицу вошла! Волосы дыбомъ становятся, когда вспомнишь, до какого цинизма доходила страсть къ пріобрѣтенію, къ набиванію кармана—въ то время, какъ люди гибли тысячами. Тамъ, на стѣнахъ Севастополя, геройствуютъ; на сѣверной сторонѣ, въ Бакчисараѣ, Симферополѣ—оргіи разврата на заграбленныя деньги! Понятно, что нельзя было и ожидать другаго результата войны, кромѣ позора; понятно, что не могли отстоять крѣпость, обложенную только съ трехъ сторонъ и постоянно сохранявшую связь и сношенія со *всею* Россіею, съ арміею, не запертою въ стѣнахъ какъ напримѣръ въ Карсѣ, а стоявшею внѣ города, во флангѣ непріятелю. Выходитъ, что *вся* Россія не могла отстоять Севастополя. Просто, совѣстно хвастаться обороной Севастополя.—Я раскрываю теперь операцію о топливѣ, сколько могу частнымъ

образомъ (потому что не имѣю права производить формальнаго слѣдствія). Отпускались огромныя суммы, цѣлые милліоны чиновниковъ гражданскаго вѣдомства для снабженія войскъ. Деньги эти чиновники дѣлили съ командирами и офицерами, предоставляя солдатамъ, по праву войны, добывать топливо, гдѣ хотятъ. Поэтому солдаты ломали дома, вынимали все способное горѣть, рубили драгоцѣннѣйшіе фруктовые сады, вѣковыя деревья (и все это не на самомъ театрѣ войны), чудные лѣса и рощи долинъ. Напрасно бѣдный владѣлецъ умолялъ, упрашивалъ пощадить хоть деревья, которыхъ нажить нельзя скоро; офицеры, генералы со смѣхомъ отталкивали его, топили его комнаты его мебелью, кладя деньги себѣ въ карманъ. Такъ было съ сѣномъ и съ другими запасами. Казна же съ своей стороны денегъ не щадила. Николай Ив. Казначеевъ, кормившій и поившій Корфа и всю дивизію въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, въ своей деревнѣ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, наконецъ переѣхалъ въ Перекопъ. Его крестьяне были выгнаны и весь домъ и хозяйство разграблено. Онъ жаловался, писалъ письма, но толку не вышло. По заключеніи мира онъ имѣлъ удовольствіе видѣть самъ, какъ офицеры перевозили черезъ Перекопъ, возвращаясь въ военныя поселенія, его же мебель и вещи. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ—дѣла съ заглавіями: «о грабежахъ, произведенныхъ казаками или уланами, о раззореніяхъ, причиненныхъ войсками (нашими)» и т. д. Но по всѣмъ этимъ дѣламъ результатовъ не было: войска ушли, офицеры разбрелись по Россіи; да и уличить ихъ по нашимъ законамъ невозможно; кто же свидѣтели? Сами обиженные—раззоренные.—Я видѣлъ много раненыхъ, живущихъ здѣсь при госпиталяхъ, въ ожиданіи выключенія и возвращенія. Они очень жалуются на *казенное* содержаніе. Сколько ты получилъ бѣлья въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ? спросилъ я одного. Да всего двѣ рубашки, одну во Франціи (онъ былъ взятъ въ плѣнъ), другую отъ *милосердныхъ* сестеръ. О казенномъ же бѣльѣ идетъ переписка съ полками! Вообще солдаты отзываются съ большими похвалами, уваженіемъ и благодарностью о милосердныхъ сестрахъ, т. е. о сестрахъ милосердія, особенно же о нѣкоторыхъ, говоря, что онѣ были просто какъ матери родныя. Я

не замѣтилъ даже, чтобы это нововведеніе поражало очень солдатъ или казалось имъ страннымъ. Солдаты относительно ихъ держали себя прекрасно, но офицеры позволяли себѣ разныя свинства. Гораздо больше хвалятъ сестеръ изъ образованнаго сословія, менѣе всего вдовъ Московскаго вдовьяго дома.—О, какъ всѣмъ сердцемъ призываешь образованность и просвѣщеніе въ Россію, тѣмъ особенно классамъ, которые уже не живутъ подъ закономъ простой, чистой природы! Въ самомъ дѣлѣ, судя по разсказамъ, какое бывало утѣшеніе для бѣднаго, раненаго солдата изъ грубыхъ рукъ фельдшера попасть въ женскія руки, на кроткія и терпѣливыя попеченія!—Всего лучше въ Евпаторіи море. Въ Одессѣ вы должны спускаться къ морю по длинной лѣстницѣ, а здѣсь вы живете на самомъ берегу, въ трехъ саженяхъ отъ моря. Берегъ отлогій и песчаный, крѣпко, крѣпко убитый волнами. Вообще вода въ Черномъ морѣ солонѣе, чѣмъ въ Сѣверныхъ моряхъ, а здѣсь солонѣе, чѣмъ въ Одессѣ. Кромѣ того въ Черномъ морѣ есть іодъ, что доказывается фосфорическимъ блескомъ волнъ въ темныя ночи. Вѣтеръ былъ теплый, съ моря, постоянно обдававшій солянымъ, сѣрнымъ воздухомъ. Я такъ обрадовался морю, что купался по четыре раза въ день, прямо съ берега. Этого наслажденія ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Васъ качаетъ, бьетъ вамъ въ грудь морская волна, васъ ласкаетъ могучая, свободная, безбрежная, полная чудесъ и тайнъ стихія! Частое купанье вредно, и я почувствовалъ сильное волненіе въ крови,—но впрочемъ я купался всего два дня, и дурныхъ послѣдствій оно не имѣло. Кажется, беззаботная жизнь на берегу моря и морское купанье вылечатъ отъ всякой болѣзни.—Жду писемъ и денегъ изъ Николаева и по полученіи тотчасъ отправлюсь въ Севастополь, на южный берегъ—Чатырдагъ и проч. и проч.; пропутешествую недѣли двѣ, потомъ вернусь въ Симферополь, напишу вамъ еще, отправлюсь въ Ѳеодосію, Судакъ, Керчь и потомъ въ Николаевъ. Прощайте, дай Богъ, чтобы все у васъ было благополучно. Не знаю, гдѣ вы теперь. Какъ я радъ, что не въ Москвѣ, а вдали отъ всей этой суеты.

1856 г. Сентября 1-го дня. Симферополь. Суббота.

Вчера вечеромъ воротился я изъ своего путешествія и вчера-же вечеромъ досталъ съ почты три письма вашихъ, которыя просилъ переслать мнѣ въ Симферополь. — Теперь въ Николаевѣ накопились еще письма, но я не приказалъ ихъ пересылать, потому что самъ думаю скоро ѣхать въ Николаевъ.—Вообразите—какая досада! Передъ отъѣздомъ своимъ дней за восемь, я съ окказіей написалъ большое письмо къ Князю Васильчикову съ подробнымъ отчетомъ въ порученіи и въ то же время съ откровеннымъ изложеніемъ моего взгляда на направленіе Коммиссіи, которое признаю ошибочнымъ, на дѣло, ему порученное,—словомъ, высказалъ все, что давно хотѣлось мнѣ ему сказать. Вчера же я получилъ извѣстіе отъ Заруднаго, что Князь, по полученіи моего письма, въ тотъ же день написалъ мнѣ въ отвѣтъ *огромное* письмо, заключавшее, вѣроятно, въ себѣ изложеніе его взгляда на вещи, его предположенія и возраженія, а можетъ быть, и разныя указанія, наставленія и приказанія для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Крыму. Не показавъ никому письма, даже Зарудному, правителю Канцеляріи, онъ отправилъ это письмо ко мнѣ съ эстафетой, вложивъ въ нее же кстати и секретное предписаніе Полковнику Глѣбову, производившему по его порученію здѣсь одно слѣдствіе: въ этомъ предписаніи заключались разныя секретныя свѣдѣнія и указанія на факты и лица. Вообразите, что эта эстафета пропала! Изъ переписки здѣшней почтовой конторы видно, что такого-то числа ямщикъ, явясь въ контору, объявилъ, что потерялъ эстафету здѣсь на базарѣ, по дорогѣ отъ станціи до дома губернской конторы. Какая, кому эстафета—было неизвѣстно и контора, сообщая только, что она изъ Николаева, сообщила туда, а та контора въ Коммиссію. Князь ужъ уѣхалъ, Глѣбову послали копію съ предписанія, а мнѣ ничего не могли прислать, потому что и самое письмо никому не было извѣстно. Есть поводъ думать, что эстафета пропала неспроста, потому что лица, упоминаемыя въ предписаніи къ Глѣбову, какъ нарочно, въ этотъ промежутокъ времени, всѣ разъѣхались; да и обнаруженіе этихъ документовъ можетъ повредить дѣлу Коммиссіи. А мнѣ и

любопытно было-бы знать содержаніе самаго письма.—Если-же тутъ нѣтъ умысла, то каковъ-же безпорядокъ, если казенныя бумаги, посылаемыя съ эстафетой для вѣрности и скорости, пропадаютъ. Все отъ того, что почтмейстеры эстафетныя деньги кладутъ въ карманъ, а пакетъ отправляютъ не съ нарочнымъ, а съ череднымъ ямщикомъ, отвозящимъ проѣзжихъ. Требую слѣдствія, а то здѣсь совсѣмъ успокоились, какъ будто это дѣло обыкновенное! — Можетъ быть, Васильчиковъ въ этомъ письмѣ возлагалъ на меня еще какія-нибудь порученія и въ полной увѣренности теперь, что они выполняются. Хотя ваши письма уже давнія, но я былъ имъ очень радъ, потому что давно не имѣлъ извѣстій. И такъ воды Виши принесли пользу,—но на долго-ли и прочную-ли, это я узнаю изъ писемъ въ Николаевѣ. Бесѣды 2-й № я еще не видалъ; онъ вѣрно также ждетъ меня въ Николаевѣ. Вчера, у подошвы Чатырдага, заѣхавъ въ имѣніе помѣщика Гротена, увидалъ я у него только что полученную имъ книжку Русскаго Вѣстника; заглянулъ въ оглавленіе—5-й отрывокъ Семейной Хроники. Я не зналъ, что вы рѣшились наконецъ отдать отрывокъ Каткову; вѣрно вы съ нимъ потомъ объяснились послѣ его письма. Впрочемъ онъ никакъ не могъ-бы попасть въ 3-ій № Бесѣды.—Только напрасно Катковъ напечаталъ такое подробное извлеченіе изъ 4-го отрывка. Сколько вы наработали, милый Отесинька! Пожалуйста займитесь Наташей и обдѣлайте ее; она возбудитъ болѣе живой интересъ, чѣмъ личныя воспоминанія ваши о Николаевѣ и Писаревѣ, какъ-бы хороши послѣднія ни были, потому что эти лица не важны, какъ дѣятели. — И такъ вы теперь всѣ въ Москвѣ на Бутыркахъ. Грустно видѣть изъ вашихъ писемъ, милая Маменька, рядъ безпрестанно возникающихъ хлопотъ и безпокойствъ. Хорошо по крайней мѣрѣ, что вы нѣкоторое время можете помѣститься въ домѣ Корра, а сестры—видѣть коронацію безъ особенныхъ издержекъ. Вѣрно Оболенскій доставилъ имъ удобныя мѣста.—Здѣсь носятся слухи о томъ, что теперь мы дѣлаемъ всякіе книксены Французамъ и вліяніе французское на общество сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь.—Я десять дней пропутешествовалъ и доволенъ своимъ путешествіемъ какъ нельзя болѣе; это время, кромѣ грустныхъ дней, по-

священныхъ осмотру театра войны, останется однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній. Самый способъ путешествія (верхомъ), море, утесы, скалы, рощи лавровъ и кипарисовъ, новость положенія—все это волшебною властью вырвало меня изъ пошлой ежедневности, обхватило сполна и всецѣло мою душу. Я съ упоеніемъ предался этому наслажденію, зная впрочемъ заранѣе, что это на короткій срокъ. Десяти дней было довольно, и я даже не желалъ продолженія, зная также, что этотъ цвѣтъ наслажденія скоро завянетъ. Много этому способствовала ѣзда верхомъ. Я проѣхалъ слишкомъ 230 верстъ верхомъ, шагомъ, рысью и вскачъ. Случалось дѣлать до 60 верстъ въ день! Я въ первый разъ въ своей жизни сѣлъ на лошадь (ѣзжалъ какъ-то въ Богородскомъ 11-ти лѣтъ) и почувствовалъ себя счастливымъ, что могу вольно двигаться во всѣ стороны, безъ посредства экипажей и кучеровъ. Сначала я уставалъ и болѣли ноги, а потомъ такъ привыкъ, что 40 верстъ ѣзды не производили ни малѣйшаго утомленія. Оказывается, что я довольно порядочно ѣзжу. Особенно хороши горныя лошади крымскія; ѣзда на нихъ безопасна по горамъ. Страшно взглянуть внизъ, когда приходится спускаться со скалы почти отвѣсной надъ самымъ моремъ по узенькой тропинкѣ, съ которой при каждомъ шагѣ катятся внизъ каменья, и которую мѣстами замѣняетъ русло горнаго ручья; татарская лошадь дрожитъ, но цѣпко и крѣпко, осторожно, вѣрно спускается. Просто чудо! Будь у меня теперь лишняя сотня рублей сер., я-бы купилъ себѣ для Москвы крымскаго иноходца съ татарскимъ сѣдломъ; онъ такъ покоенъ, что лучше всякихъ рессоръ; есть родъ походки, называемый *аянъ*, съ которою онъ шагомъ проходитъ до девяти верстъ въ часъ. Впрочемъ, здѣсь въ Крыму верховая ѣзда въ большомъ употребленіи между мущинами и женщинами всѣхъ сословій; есть мѣста (напр. Кучукъ-Узень Княжевичей), куда нельзя иначе попасть, какъ верхомъ; ни одинъ экипажъ не проѣдетъ, кромѣ развѣ арбы татарской. Какъ-бы я желалъ показать сестрамъ горный Крымъ. Я ходилъ по рощамъ лавровъ и кипарисовъ, я видѣлъ въ первый разъ утесы и скалы. Я во время путешествія каждый вечеръ à la Погодинъ отмѣчалъ, что видѣлъ и теперь приведу это въ порядокъ и

пришлю къ вамъ. — Покуда прощайте, дай Богъ, чтобы у васъ все шло благополучно. Благодарю Константина за письмо, буду ему отвѣчать съ слѣдующей почтой.

1856 г. Сентября 14-го. Симферополь.

Только полторы сутки, какъ воротился, милый мой Отесенька и Маменька, и нашелъ пять вашихъ писемъ, въ томъ числѣ и привезенныя Шеншинымъ съ деньгами. Благодарю васъ за нихъ. Разсказы о коронаціи, вѣсти московскія, мои собственные разсказы, все это заняло такъ много времени, что остался всего часъ свободный до отправленія на почту. Теперь буду ждать отъ васъ извѣстія, по возвращеніи вашемъ въ Абрамцево. Дай Богъ, чтобъ эта скакотня не имѣла дурныхъ послѣдствій для вашего здоровья. Изъ Москвы вѣсти довольно добрыя. Второй томъ Русской Бесѣды превосходный, судя по оглавленію. Все это меня очень бодритъ и радуетъ. Очень бы хотѣлось, чтобъ Чижовъ не отказался отъ предлагаемаго ему мѣста, и буду ему писать объ этомъ, потому что мы съ нимъ изрѣдка перекликаемся, по случаю предполагаемаго изданія журнала. Вы не пугайтесь, я осторожно напишу. Получены также письма отъ моего преемника, казначея дружины, съ деньгами мнѣ (75 руб. сер.) и Голубеву (8 р. сер.). Голубевъ плакалъ отъ умиленія и пристаетъ ко мнѣ, чтобъ ему поскорѣй дали медаль,—о чемъ, вѣроятно, также хлопочатъ и всѣ ратники. Тщеславіе, любовь къ почету, къ отличію, уваженіе къ людскому суду и толку—одна изъ вредныхъ сторонъ общиннаго начала. Но вотъ что меня безпокоитъ: представленія къ отставкѣ и къ наградамъ крестами Станислава и Анны взялъ на себя, пишутъ мнѣ, самъ Гр. Строгановъ. Вотъ боюсь, что представитъ къ Станиславу! Онъ способенъ это сдѣлать и не съ проста. — Съ К... Вас. мы опять сблизились. Поѣздка въ Москву очень его освѣжила, къ тому же ложь разныхъ мнѣній и выводовъ, несогласныхъ съ моими, обнаружилась явственнѣе. Онъ предполагаетъ зимою переѣхать въ Москву, чтобы тамъ писать отчетъ,—что впрочемъ, я для себя нахожу не совсѣмъ удобнымъ. Что касается до редакторства,

то я не рѣшаюсь еще принять его и дать положительное обѣщаніе. У меня теперь двѣ заботы: отчетъ Геог. обществу и коммиссіи. По окончаніи этихъ трудовъ, прежде чѣмъ опуститься въ Москву на постоянное житье и основать тамъ прочную осѣдлость, впрягши себя въ ярмо редакторства, я бы хотѣлъ совсѣмъ раздѣлаться съ своей охотой къ путешествіямъ. Я много ѣздилъ по Россіи, но не былъ еще ни въ земляхъ В. Донскаго, ни на Кавказѣ, ни въ Польшѣ, ни въ Финляндіи, не былъ и въ чужихъ краяхъ. Разъ принявшись за редакторство, за постоянную службу, трудно будетъ оторваться отъ дѣла и наполнить остающійся пробѣлъ. Покрайней мѣрѣ въ чужіе края хочется мнѣ предварительно съѣздить, хоть мѣсяцевъ на шесть, такъ какъ эту поѣздку легче, и удобнѣе, и дешевле предпринять, чѣмъ какую либо новую поѣздку по Россіи. Но я не поѣду, разумѣется, не раздѣлавшись съ Геогр. обществомъ. Редакторство можетъ подождать годъ, а мнѣ ужъ откладывать некогда. Мнѣ очень хочется посмотрѣть народъ, самый простой народъ въ чужихъ краяхъ, чтобъ посудить отношеніе образованнаго сословія къ необразованному, чтобы вникнуть—не присущи ли всякому народу, на извѣстной степени развитія, тѣ свойства, которыя мы считаемъ почти исключительною принадлежностью Русскаго народа, и проч. и проч.—Я вамъ послалъ послѣднее свое письмо изъ Симферополя. Дожди, и вообще дурная погода помѣшали мнѣ совершить свое путешествіе точно такъ, какъ я предполагалъ. Изъ Симферополя проѣхалъ я въ Карасубазаръ, но оттуда отправился прямо въ Ѳеодосію, не заѣзжая ни въ Суданъ, ни въ старый Крымъ; посмотрѣвъ Ѳеодосію, проѣхалъ я въ Керчь, гдѣ прожилъ сутки: ѣздилъ на Павловскую баттарею и въ Еникаль. Керчь быстро возстановляется, потому что имѣетъ всѣ условія для жизни. Просто непонятно, какимъ образомъ былъ отданъ этотъ городъ, который такъ легко было бы защитить, съ небольшимъ отрядомъ!—Въ Керчи видѣлъ я нашего священника, который все время оставался тамъ и совершалъ службу; онъ пріобрѣлъ такое всеобщее къ себѣ уваженіе, что Французы и Англичане оградили церковь карауломъ отъ безчинства Турокъ, давали ему по 500 руб. сер. въ мѣсяцъ для раздачи бѣднымъ жителямъ, вообще слу-

шались его требованій. Когда онъ заболѣлъ тифомъ, то жена англійскаго пастора ухаживала за нимъ. Неистовства, совершенныя тамъ, большей частью дѣло Турокъ, Татаръ, отчасти и пьяныхъ англійскихъ солдатъ. Изъ Керчи великолѣпною степною дорогой — поѣхалъ я на Сивашъ или Гнилое море къ Шатилову, въ его имѣніе Тамакъ, гдѣ очень пріятно прожилъ полторы сутки. Видѣлъ я и Арабатскую стрѣлку и Азовское море и Сивашъ. Хотя отъ послѣдняго и несетъ запахомъ гнилыхъ яицъ, но это происходитъ отъ іода и сѣры, которыхъ много въ водѣ Гнилаго моря. Рыба не живетъ въ немъ, потому что вода въ немъ въ десять разъ солонѣе самой соленой морской.

Ѣздилъ я съ нимъ по его полямъ, видѣлъ страшныя стаи красныхъ утокъ (огарей). Разъ десять стрѣлялъ Шатиловъ, но всѣ разы промахнулся. Отъ Шатилова проѣхалъ я черезъ Чонгарскій мостъ на Мелитопольскій трактъ, въ Бериславль и оттуда въ Николаевъ. Славный человѣкъ Шатиловъ и не пошло проводитъ время, очень много читаетъ и занимается, преимущественно естественной исторіей.—Мнѣ самому очень жаль, что не участвую во второй книжкѣ Бесѣды,—но что же дѣлать, если оба мои стихотворенія не пропущены цензурою! Я далъ «Посланіе къ друзьямъ», состоящимъ на службѣ, передѣлавъ даже его съ мыслію о цензурѣ, и—Тоску, т. е. Опять тоска, опять раздоръ. Прочелъ я новые стихи Хомякова. Они для меня замѣчательны тѣмъ, что это первые стихи его въ новое царствованіе. Я еще при нынѣшнемъ Государѣ не писалъ стиховъ.

Къ Е. И. Елагиной. 1856 г. Сентября 16-го. Николаевъ.

Возвратившись 12-го вечеромъ изъ поѣздки своей въ Крымъ, нашелъ я два письма вашихъ, любезнѣйшая Катерина Ивановна, съ припискою Василія Алексѣевича. Благодарю васъ всею душой за дружбу вашу, за вашъ скорый, дружественный откликъ, за сообщеніе извѣстій. Я очень радъ, что ожиданіе Батенкова оживило и заняло Авдотью Петровну. Не долженъ живой, торопясь къ умершимъ, покидать живыхъ, еще трудящихся на землѣ, еще нуждающихся въ его

жизни. Можно покориться смерти и безмятежно носить въ душѣ память смертную, но грѣшно желать смерти, покаместь еще дѣло на землѣ; грѣшно также не имѣть дѣла на землѣ, когда такъ много дѣла!—У насъ на Руси смерть кого-либо возвѣщаютъ словами: что онъ приказалъ долго жить.—Да, жить и дѣлать—вотъ завѣтъ каждаго умершаго, завѣтъ Ивана Вас. Петру Васильевичу. Я знаю, что Петра Васильевича существованіе полезно,—но онъ въ долгу передъ Богомъ и Россіей,—и очень бы желалъ, чтобы ударъ, разразившійся надъ нимъ, не только не разбилъ его, но напомнивъ человѣку о смыслѣ и обязанностяхъ жизни, заставилъ его жить, т. е. дѣлать дѣло жизни. Иванъ Вас. много сдѣлалъ (какъ прекрасно свидѣтельствуетъ о томъ Хомяковъ въ Русской Бесѣдѣ); и мнѣ сдается, что Петръ Вас., оправившись нѣсколько отъ перваго натиска горя, послужитъ памяти брата и своей грусти—живымъ, дѣятельнымъ трудомъ. Такъ ли, любезнѣйшая Катерина Ивановна? Кошелевъ очень огорченъ смертью Ив. Вас., потому что любилъ его искренно, горячо, больше—чѣмъ кого-либо изъ своихъ друзей.—Въ Москву на коронацію ѣздилъ только Князь Васильчиковъ съ Шеншинымъ, да молодой Кошелевъ, а я въ это время былъ въ Крыму, который теперь знаю отлично. Мнѣ давали порученіе въ Крымъ, и я довольно долго жилъ въ Симферополѣ, потомъ съѣздилъ въ Евпаторію и, наконецъ, покончивъ дѣла, отправился путешествовать. Вотъ вамъ маршрутъ моего путешествія; сообщаю его вамъ, потому что вы сами ѣздили по Крыму. Бакчисарай, съ Чуфутъ Кале и Успенскимъ монастыремъ; потомъ Бурлюкъ или поле Альминской битвы, Качинская долина, Бельбекская долина, Севастополь, Балаклава, Кадикой, Камышъ, Георгіевскій монастырь, Англійскій, Французскій и Сардинскій лагерь (они еще не всѣ разобраны, но Караимы, скупившіе доски, дѣятельно ихъ разбираютъ),—дер. Шули, Манчукъ-Кале (гора), Фотцсалá,—оттуда—по всей Байдарской долинѣ, внизъ къ Байдарамъ,—Байдарскія ворота, южный берегъ, вплоть до Алушты. Затѣмъ возвратился я въ Симферополь, откуда черезъ нѣсколько дней отправился въ Ѳеодосію, въ Керчь,—на Сивашъ и черезъ Чонгарскій мостъ выѣхалъ на почтовый трактъ отъ Мелитополя къ Бериславлю и такимъ об-

разомъ вернулся въ Николаевъ.—Я не ожидалъ, чтобы я еще былъ способенъ такъ живо принимать впечатлѣнія природы и самаго путешествія. Эти десять или двѣнадцать дней я просто былъ счастливъ; поѣздка меня чрезвычайно оживила и освѣжила. Я болѣе 250 верстъ проѣхалъ *верхомъ* на татарскихъ лошадяхъ, безъ всякаго вреда для своего здоровья; напротивъ нашелъ, что этотъ способъ ѣзды гораздо покойнѣе перекладной телѣги. Много, много будетъ вамъ разсказывать по возвращеніи, Катерина Ивановна; не говорю о природѣ (море, горы, скалы, лавры, кипарисы—все это еще для меня ново, все это еще способно высадить мой духъ изъ обычной его колеи и привести его въ восторженное состояніе),—сколько историческихъ слоевъ лежитъ на этой странѣ—и каждый оставилъ краснорѣчивый слѣдъ,—а тутъ еще послѣднія событія войны! Но послѣднія событія еще не ушли въ даль историческихъ воспоминаній, раны еще свѣжи, источаютъ кровь; слишкомъ недавни, живы, болѣзненны слѣды этихъ событій. Черезъ какія разнообразныя ощущенія проходитъ душа! Въ Ханскомъ дворцѣ, близь фонтана, у мраморнаго бассейна вы невольно очарованы всѣми призраками минувшаго; воображеніе ваше, если только оно не совсѣмъ сонное, быстро населяетъ всѣ эти мѣста прежними обитателями и обитательницами; идете дальше, въ павильонъ, близь бассейна... «Здѣсь была операціонная комната», говорятъ вамъ, недавно только очищенная, какъ и самый дворецъ, который въ эту послѣднюю войну былъ обращенъ въ госпиталь. Но если бы все разсказывать, такъ я бы и не кончилъ.—Когда окончится наша Коммиссія—еще неизвѣстно, можетъ быть, къ новому году. Не воображайте себѣ, чтобы участіе мое было въ ней очень значительно и требовало усиленныхъ трудовъ. Все это впереди, при составленіи окончательнаго отчета. Къ тому же трудъ очень раздѣленъ: у насъ есть и члены и правитель канцеляріи и человѣкъ двадцать чиновниковъ. Всѣхъ больше трудится самъ Князь Васильчиковъ.—Прощайте, любезнѣйшая Катерина Ивановна, будьте бодры и здоровы. Хотѣлъ бы очень продолжать письмо, и чувствую расположеніе разговориться, но—къ возвращенію моему столько накопилось, въ отсутствіе мое, и писемъ и разныхъ хлопотъ, что имен-

но эти дни мнѣ совершенно некогда. А между тѣмъ хотѣлось мнѣ тотчасъ же отвѣтить на ваши милыя письма. Вы, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ, также не будьте на меня въ претензіи за то, что не пишу вамъ особо; право, теперь очень занятъ; благодарю васъ отъ души за сообщеніе всѣхъ мелочныхъ подробностей; именно онѣ-то и были для меня интересны. Покорили ли вы своихъ Венгровъ? Когда будемъ мы васъ привѣтствовать—какъ побѣдителя? Прощайте; обнимаю васъ и вашего Альку, у Катерины Ивановны цѣлую ручки.—Удивительное дѣло: я здѣсь въ тысячу разъ здоровѣе, чѣмъ въ Москвѣ.

Къ К. С. Аксакову. 17 Сентября 1856 г. Николаевъ.

Нынче 17-ое и я опять поздравляю тебя, Отесиньку, Маменьку и всѣхъ сестеръ, милый другъ и братъ Константинъ. Вѣроятно вы теперь опять собрались всѣ въ Абрамцевѣ, за исключеніемъ Олиньки и остающейся при ней сестры. Получилъ я Русскую Бесѣду. Русская Бесѣда и разныя вѣсти, привезенныя изъ Москвы, производятъ отрадное впечатлѣніе, какъ то умиряютъ и умѣряютъ духъ. Я очень радъ, что, разъяснивъ наконецъ окончательно вопросъ о правѣ на самобытное воззрѣніе, ты объявляешь въ своей статьѣ о прекращеніи этого спора. Пора заявить право положительными трудами и я увѣренъ, что въ слѣдующей книжкѣ ты помѣстишь какую-нибудь серьезную историческую или филологическую статью. — Вѣдь штука собственно въ томъ, что ты думаешь, что русское воззрѣніе есть единственно истинное полное и цѣльное, и не потому только, что таковымъ является каждому народу его народное воззрѣніе, а что оно дѣйствительно таково и отрѣшено отъ всякой односторонности, неминуемо сопровождающей *всякое* народное воззрѣніе, *кромѣ* русскаго. Только это еще не высказано, хотя и торчитъ изъ-за угловъ, а потому-то и противниковъ нашихъ беретъ такая злоба, что они впадаютъ въ нелѣпость, отрицаютъ самое право и слѣдовательно сами себѣ произносятъ приговоръ.—Ты не можешь себѣ представить—до какой степени этотъ легкій способъ угощать людей готовыми произ-

веденіями чужой кухни—имѣетъ успѣхъ въ провинціяхъ, и до какой степени люди жадно бросаются на эту готовую пищу, не смотря на то, что она производитъ несвареніе въ желудкѣ и поносы. Нѣтъ ни одного *учителя* гимназіи, ни одного уѣзднаго учителя, который-бы не былъ подъ авторитетомъ русскаго запада, который-бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю, и подъ ихъ руководствомъ воспитываются новыя поколѣнія. Очень жалѣю, что каѳедры университетскія недоступны никому изъ нашихъ. Кромѣ небольшаго кружка людей, такъ отдѣльно стоящаго,—защитники народности или пустые крикуны, или подлецы и льстецы, или плуты, или понимаютъ ее ложно, или вредятъ дѣлу балаганными представленіями и глупыми похвалами тому, что не заслуживаетъ похвалы, какъ напр. Лебедевъ въ Русскомъ Инвалидѣ. Будьте, ради Бога, осторожны со словомъ: «народность и православіе». Оно начинаетъ производить на меня тоже болѣзненное впечатлѣніе, какъ и «русскій баринъ, русскій мужичекъ» и т. д.—Будьте умѣренны и безпристрастны (въ особенности *мы*) и не навязывайте насильственныхъ неестественныхъ сочувствій къ тому, чему нельзя сочувствовать, къ до-Петровской Руси, къ обрядовому православію, къ монахамъ (какъ покойный Ив. Вас.). До-Петровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началамъ, невыработаннымъ или ложно направленнымъ, проявленнымъ русскимъ народомъ; но ни одного сквернаго часа настоящаго я не отдамъ за прошедшее! Что касается до православія, т. е. не до догматовъ вѣры, а до бытоваго историческаго православія,—то—какъ ни вертись, а не станешь ты къ нему въ тѣ-же отношенія, какъ и народъ или какъ до-Петровская Русь; ты постишься, но не можешь ты на постъ глядѣть глазами народа. Тутъ себя обманывать нечего и зажить одною цѣльною жизнью съ народомъ, обратиться опять въ народъ ты не можешь, хотя-бы и соблюдалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ всѣ его обычаи, обряды и подчинялся его вѣрованіямъ. *Я вообще того убѣжденія, что не воскреснетъ ни русскій, ни славянскій міръ, не обрѣтетъ цѣльности и свободы, пока не совершится внутренней реформы въ самой церкви, пока церковь будетъ пребывать въ такой мертвенности, кото-*

рая не есть дѣло случая, а законный плодъ какого-нибудь органическаго недостатка... По плоду узнается дерево; право мы стоимъ того, чтобы Богъ открылъ истину православія Западу, а Восточный міръ, недавшій плода, бросилъ въ огонь! —Ну да объ этомъ надо или много или ничего не писать. Я хочу только сказать, что поклоненіе до-Петровской Руси и слово «православіе» возбуждаютъ недоразумѣніе, мѣшающее распространенію истины.—Разумѣется, цензура всему мѣшаетъ. Невольно припомнишь слова Митрополита Платона: «ври, раскольникъ, и молчи, православный!». Я думаю, ты ихъ помнишь. — Прощай, милый другъ и братъ. Крѣпко тебя обнимаю. Не пойми моихъ словъ односторонне. Вспомни, что было время, когда ты противился введенію желѣзныхъ дорогъ, а теперь вѣрно и самъ объ нихъ хлопочешь.—Я уже писалъ въ послѣднемъ письмѣ, что отношенія мои къ Князю Васильчикову, котораго поѣздка очень освѣжила, поправились. Я, еще по возвращеніи изъ Одессы, объявилъ, что самая симпатическая личность во всей арміи—онъ, и возилъ къ нему Самарина знакомиться. Я и не измѣнялъ мнѣнія объ его личныхъ свойствахъ и характерѣ, но былъ недоволенъ его дѣйствіями и своимъ бездѣйствіемъ (не въ смыслѣ, что нѣтъ дѣла, а въ смыслѣ, что лишенъ возможности направлять общій ходъ дѣла). Мнѣ теперь посылать въ Бесѣду рѣшительно нечего, да и некогда. Прощай, обнимаю тебя.

Къ А. И. Кошелеву.
23-го Сентября 1856 г. Николаевъ.

Всѣ ваши письма получилъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, и по почтѣ и съ Шеншинымъ и съ Иваномъ Алекс. Получилъ также и Русскую Бесѣду. Превосходная книга; какая полнота, разнообразіе и единство содержанія, какая дѣльность! Конечно никогда ни одинъ журналъ въ Россіи не далъ публикѣ ничего подобнаго. Судя по перечню статей 3-й книжки, она далеко будетъ не такъ хороша. Это жаль: надо бы дѣло расположить crescendo. Очень мнѣ грустно, что нѣтъ моего имени въ этой книжкѣ и я замѣчаю въ г. Фонъ-Крузе пристрастіе къ Русскому Вѣстнику. Примѣръ Русскаго

Вѣстника, въ которомъ напечатаны статьи; «о русскомъ крѣпостномъ человѣкѣ» и «Губернскіе Очерки» долженъ побудить васъ къ помѣщенію статей не менѣе откровенныхъ. Зачѣмъ же это цензоръ, пропуская Вѣстнику Губернскіе очерки, воспрещаетъ печатаніе моей «Уголовной Палаты» и моихъ стиховъ? Нельзя ли вамъ настоять, чтобы позволили напечатать Уголовную Палату; пусть Фонъ-Крузе представитъ ее въ Петербургъ, гдѣ вы похлопочете. Впрочемъ еще весной онъ говорилъ, что готовъ бы былъ послать ее въ Петербургъ съ мнѣніемъ о пользѣ печатанія сочиненій подобнаго рода, но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились. Мнѣ немножко обидно то, что сочиненіе мое, распространяясь въ спискахъ, служитъ источникомъ разныхъ plagiats и черезъ это, поздно напечатанное, можетъ не имѣть достоинства свѣжести и оригинальности.—Ваша статья въ Русской Бесѣдѣ чрезвычайно хороша и осязательно вразумительна. Скажу вамъ, что ваше имя начинаетъ пріобрѣтать большой авторитетъ даже между тѣми, которые не раздѣляютъ направленія Русской Бесѣды и всѣхъ насъ обыкновенно называютъ поэтами, мечтателями, утопистами, непрактическими людьми и т. д. — Между прочимъ Князь Васильчиковъ предпочитаетъ васъ всѣмъ намъ и уважаетъ васъ и ваши статьи и очень искренно и серьезно. Я этому очень радъ и совѣтую вамъ помѣщать для большинства публики побольше такихъ статей, гдѣ бы современные вопросы захватывались живьемъ, со стороны дѣйствительной и всѣмъ доступной. Что касается до Иностраннаго Вѣстника или какъ вы его тамъ называете— напрасно вы его затѣяли. Онъ васъ свяжетъ. Это дѣло очень трудное, если хотите, чтобы оно приносило пользу. Не только нуженъ редакторъ (хорошо знакомый съ Англійскимъ языкомъ, между прочимъ), но многочисленные помощники, слѣдящіе за иностранной литературой, прилежно читающіе и быстро переводящіе.—Странно немножко, что Русская Бесѣда будетъ угощать иностранною словесностью ежемѣсячно, а русскою только четыре раза въ годъ! Помѣщеніе иностранныхъ произведеній полезно только съ предисловіемъ и послѣсловіемъ, какъ въ «жизни Меткальфа». Вы пишете, что редакторомъ будетъ Чижовъ. Развѣ слухъ о предложенномъ ему мѣстѣ ложенъ, или онъ не согласился принять

его?—Стихи на коронацію превосходны, какъ стихи, но не довольно выразительны — по смыслу. — Слова: «сохраняй души красоту» — ничего не говорятъ въ настоящемъ случаѣ, и суть тѣ же самыя, которыя я повторялъ въ стихахъ ко всѣмъ дѣвушкамъ и женщинамъ, кому только писалъ стихи! — Я едва ли бы помѣстилъ ихъ, но это ужъ мои личные скрупулы. — Изъ писемъ, получаемыхъ мною изъ Москвы, вижу, какъ легко подкупается и увлекается Москва! Впрочемъ, до васъ это не относится. На счетъ моихъ отношеній къ извѣстному лицу, скажу вамъ, что съ возвращеніемъ его изъ Москвы личныя отношенія наши значительно улучшились. Я не менѣе васъ всѣхъ уважаю его и цѣню, я настаивалъ на знакомствѣ вашемъ и Самарина съ нимъ,—но совсѣмъ иное быть знакомымъ и изъ знакомаго стать подчиненнымъ!... Именно деликатность заставляетъ меня умалчивать мои замѣчанія, воздерживаться отъ совѣтовъ и указаній, потому что ихъ пришлось бы расточать ежеминутно.—Меня назначаютъ для составленія отчета (это еще впереди) изъ дѣла, которое ведется по плану, мною порицаемому, въ духѣ, мною неодобриваемомъ. Да и отчета не дадутъ мнѣ написать, какъ бы я хотѣлъ, а предложатъ провести мысли, въ которыхъ я пользы не вижу. Но, повторяю вамъ, я покуда объ этомъ ни слова, и наши отношенія наилучшія. Все это не мѣшаетъ мнѣ лично не только уважать, но даже любить человѣка.—Пользуясь свободнымъ временемъ, я принялся теперь за отчетъ Географическому Обществу.—Онъ давно сидитъ у меня на шеѣ. Вы спрашиваете—что̀ я намѣренъ дѣлать въ будущемъ и пишете, что пора мнѣ окончательно избрать родъ жизни. Прежде всего—нужно раздѣлаться съ Коммиссіей, а потомъ съ Географическимъ Обществомъ. Что же будетъ дальше—не знаю. Служить рѣшительно не намѣренъ и неспособенъ больше, по отсутствію *всякой* вѣры въ администрацію. Ѣздить также надоѣло, но прежде чѣмъ опущусь въ Москву на постоянное житье и сдѣлаюсь осѣдлымъ, съѣзжу въ чужіе края, хоть на шесть мѣсяцевъ. Вы всѣ уже наѣздились, даже братья мои были за границей (и Конст. Серг.), а я не былъ. По избраніи постояннаго рода жизни (хоть бы изданія журнала), мнѣ будетъ трудно совершить эту поѣзд-

ку. Редакторство можетъ еще подождать меня съ годъ, но мнѣ уже поздно откладывать. И такъ съѣзжу напередъ въ чужіе края (но не прежде, какъ раздѣлавшись съ Географическимъ Обществомъ) и потомъ уже—сдѣлаюсь.—«Московскій житель—и женатъ!» Женатъ въ томъ смыслѣ, que j'épouserai la cause de la nationalité, du peuple и т. д.— Я думаю, что тогда я въ состояніи буду посвятить себя литературнымъ занятіямъ, чему до сихъ поръ мѣшала тревога и молодость съ ея неопредѣленными, судорожными стремленіями, съ ея своенравными порывами.—Каждый человѣкъ проживаетъ исторію своего внутренняго развитія. Я многоизмѣнился въ эти послѣдніе годы, многое отжилъ, многое нажилъ и стремлюсь свою тревогу безсильную (и столько много въ стихахъ превознесенную) смѣнить миромъ плодотворнымъ и полнотой нравственнаго воззрѣнія, устраняющей все одностороннее, рѣзкое, отводящей всякому явленію законное мѣсто... Но дайте мнѣ додѣлаться нравственно, что впрочемъ не значитъ остановиться, но установиться для спокойнаго, постояннаго развитія. Но объ этомъ лучше было бы не писать.—Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Вѣроятно не раньше декабря мы увидимся. Будьте здоровы, обнимаю васъ крѣпко. Не бросайте Бесѣды: безъ васъ она такъ не пойдетъ. Прощайте.

Къ родителямъ. 27-го Сентября 1856 г. Николаевъ.

Наконецъ вчера получилъ я ваше письмо отъ 17-го сентября, милый Отесинька и милая Маменька, изъ Абрамцева и изъ Москвы. Теперь вы вѣроятно опять всѣ вмѣстѣ и терпите отъ холода. Еще третьяго дня стояла здѣсь чудная погода, три дня тому назадъ, вечеромъ, было 19-ть градусовъ тепла, по захожденіи солнца, но вчера подулъ холодный вѣтеръ, погода перемѣнилась и смотритъ совершенной осенью. Впрочемъ всѣ увѣряютъ, что въ октябрѣ будетъ опять тепло.—Князь Васильчиковъ уѣхалъ въ Крымъ, а меня командируютъ въ Екатеринославль недѣли на двѣ; на дняхъ отправляюсь. Порученіе нетрудное. Только чтобы дожди не испортили дороги! Въ этой губерніи я еще не бывалъ, но въ ней мало интереснаго, и я охотнѣе бы

отправился въ Бессарабію — край чужой и своеобычный, еще охотнѣе остался бы здѣсь для окончанія своего отчета, — но нечего дѣлать, надо ѣхать, потому что всѣ чиновники въ разгонѣ. Вчера въ Инвалидѣ появился первый приказъ по государственному ополченію объ увольненіи офицеровъ Смоленской, Владимірской, Псковской дружинъ. Съ нетерпѣніемъ жду приказа о Московской. Докончилъ я наконецъ второй томъ Русской Бесѣды. Разумѣется, ни одинъ журналъ не представлялъ публикѣ ничего подобнаго по полнотѣ, цѣльности, достоинству статей, — но публика еще мало его цѣнитъ и подписка идетъ плохо. Я нахожу въ цензорѣ нѣкоторое пристрастіе къ Русскому Вѣстнику. Если въ Вѣстникѣ напечатана статья Безобразова о русскомъ крестьянинѣ и Губернскіе Очерки, то не было никакого основанія не пропускать моихъ стиховъ и Судебныхъ Сценъ. — Я никакъ не воображалъ, чтобы мы могли до такой степени озадачить иностранцевъ роскошью и великолѣпіемъ. Судя по отзывамъ корреспондента de l'Indépendance Belge, они и не предполагали, чтобы послѣ тягостной войны въ Россіи нашлось столько силъ и средствъ денежныхъ. Впрочемъ едва-ли кто изъ дипломатовъ и серьезныхъ людей вдался въ обманъ и сталъ во внѣшности искать причины силъ или слабости Россіи. Странная земля эта Россія! Не смотря ни на что она совершаетъ заколдованный кругъ своего развитія подъ вліяніемъ и давленіемъ Европы. И мы сами, поборники народности, не знаемъ другихъ орудій для исцѣленія зла, кромѣ указываемыхъ европейской цивилизаціей: желѣзныя дороги, измѣненіе крѣпостнаго права, журналы, газеты, гласность. Теперь уничтоженіе всякихъ препятствій къ поѣздкѣ за границу (такъ что дешевле и удобнѣе получить заграничный паспортъ, чѣмъ подорожную изъ Москвы въ Крымъ), разумѣется, при помощи желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ компаній, телеграфовъ и вслѣдствіе сближенія, произведеннаго войною, породитъ совершенное смѣшеніе Россіи съ Европой, объевропеитъ Россію сильнѣе прежняго. Я, разумѣется, нисколько не противъ этихъ мѣръ, готовъ даже признать это вліяніе болѣе внѣшнимъ, но все это не можетъ остаться безъ результата. Мнѣ-бы очень хотѣлось съѣздить въ чужіе края, именно теперь, покуда это такъ легко: мѣсяца

два въ Италіи, мѣсяца два въ Англіи, мѣсяцъ на Францію, мѣсяцъ на Германію, двѣ недѣли на Швейцарію... Если-бы я успѣлъ окончить свой отчетъ Географическому Обществу къ Январю мѣсяцу, то можно было-бы въ концѣ Февраля отправиться, чтобы къ осени возвратиться въ Россію и такимъ образомъ не терять опять цѣлаго зимняго сезона, самаго нужнаго и важнаго у насъ въ Россіи.—Обыкновенно у насъ надобно считать время отъ зимы до зимы и если что не устроилось зимою, то откладывается до слѣдующей зимы.—Очень понимаю, какъ должно было понравиться вамъ Абрамцево послѣ московской трескотни и суетни, милый Отесинька, особенно вамъ, потому что вы и всегда любили это мѣсто, да и вообще любите не пышную, скромную русскую природу. Какъ я радъ, что вы опять чувствуете потребность писать и желаю, чтобы вамъ ничто не помѣшало. Даете-ли вы что въ Русскую Бесѣду? Кажется, туда Ѳеклушу прочатъ. Охъ ужъ эта Ѳеклуша! — Вовсе ей тутъ не мѣсто и будь я редакторомъ, такъ не занялъ-бы листовъ шести книжки журнала такою повѣстью. А вотъ записки объ южной Руси очень интересны и я жду съ нетерпѣніемъ появленія самой книги. Да готовитъ-ли Константинъ какую-нибудь серьезную статью для Русской Бесѣды?—Знаете что, милый Отесинька, я думаю, право, пора подумать вамъ серьезно о нашихъ крестьянахъ, пора сдѣлать всѣ пріуготовительные расчеты, чтобы событіе не застигло въ расплохъ. Право подумайте и спишитесь о томъ съ Гришей. Время!—Необходимость этого, конечно, не такъ живо чувствуется въ Россіи, какъ здѣсь.—Шеншины также теперь въ Крыму. Шеншинъ чудесной души человѣкъ, чистой, богобоязненной, дѣтской, но мнѣ иногда за него страшно становится. Умъ у него не довольно ясенъ и крѣпокъ, чтобы разрѣшать ему безпрестанно имъ самимъ задаваемые себѣ вопросы. Онъ безпрестанно читаетъ, голова у него въ постоянномъ напряженіи и эта умственная безплодная работа его изнуряетъ, такъ что у него часто появляются сильныя боли въ передней части головы. Онъ вѣчно задумчивъ или разсѣянъ. Бѣдная его жена это понимаетъ, всѣми силами противится тому, чтобы онъ оставилъ службу и старается возбудить въ немъ дѣятельность внѣшнюю. А

какой славный человѣкъ этотъ Николай Васил. Шеншинъ и какъ замѣчательна въ немъ эта самостоятельность и вѣрность душевнаго инстинкта, приведшая его, воспитанника Пажескаго Корпуса и Гусарскаго офицера, къ убѣжденіямъ Славянофильскимъ. — Вы спрашиваете, милая Маменька, про Голубева. Ничего, онъ здоровъ; за два дня до полученія вашего письма онъ пришелъ мнѣ сказать, что видѣлъ во снѣ, будто онъ принесъ мнѣ съ почты письмо, въ которомъ вы ему кланяетесь. Такъ и случилось.—Онъ точно старая няня, годная только на разсказыванье сказокъ. Я еще не видалъ мущины съ такой не женской, а бабьей натурой, и полезенъ онъ мнѣ въ томъ особенно, что упражняетъ мое терпѣніе. Разумѣется, въ Николаевѣ, какъ и въ Симферополѣ и Бендерахъ, онъ знакомъ со всей улицей и извѣстенъ всей Коммиссіи. Онъ страшно гордится своимъ крестомъ на фуражкѣ и никакъ не можетъ понять, отчего я не хлопочу ни о медали, ни о крестѣ. Подъ часъ онъ забавенъ, а подъ часъ очень скученъ, но ведетъ себя хорошо и усерденъ.— Прощайте покуда, дай Богъ, чтобы у васъ все было благополучно. Я совершенно здоровъ, только и у меня зрѣніе начинаетъ портиться: точки черныя, волосы (змѣйки), линіи блестящія (днемъ особенно)—мѣшаютъ чтенію. Надобно, я думаю, вовсе не пить вина и не ѣсть говядины, хотя я и безъ того ѣмъ немного, разъ въ сутки, даже чай пью безъ хлѣба; также сильно лѣзутъ и сѣкутся волосы. Надобно-бы движенія побольше, а то какъ-то тяжелѣешь, хотя и не толстѣешь. Я бы съ удовольствіемъ попилъ Виши: въ этой водѣ есть что-то бодрое. Впрочемъ я каждый день весь обтираюсь холодной водой. Прощайте, будьте здоровы.

Къ Е. И. Елагиной. 1-го Октября 1856 г. Николаевъ.

Я писалъ вамъ, любезнѣйшая Катерина Ивановна, по возвращеніи изъ Крыма, но еще не имѣю отвѣта. Между тѣмъ дошли до меня слухи о болѣзни и очень серьезной Петра Васильевича. Ваше молчаніе, совпадая съ этими слухами, убѣждаетъ меня, что они основательны. Тяжелый годъ для Васъ. Еще не оправились Вы отъ недавняго удара, какъ уже новыя заботы, новое горе стерегутъ Васъ. Дай Богъ,

чтобы достало Васъ на выполненіе всѣхъ святыхъ, принимаемыхъ Вами—обязанностей! И увѣренъ я, что Васъ достанетъ, потому что любви въ сердцѣ достанетъ, но желаю, чтобы эта дѣятельность душевныхъ силъ не привела къ разслабленію нервъ, вообще вашего здоровья и безъ того дряннаго.—Предполагая, что—въ случаѣ несчастія—извѣстіе неминуемо дошло бы ужъ до меня, я утѣшаюсь надеждой, что болѣзнь Петра Васильевича приняла оборотъ менѣе опасный, и что Вамъ удалось спасти его. Дай-то Богъ. Но хотѣлъ-бы все-же имѣть положительныя свѣдѣнія. Если Вамъ некогда, уговорите Василія Алексѣевича черкнуть нѣсколько строкъ.—Я отправляюсь завтра недѣли на двѣ въ Екатеринославскую губернію, по службѣ. Надѣюсь, что по возвращеніи найду письмецо отъ васъ или отъ вашего мужа.—Коммиссія наша предполагаетъ въ концѣ Ноября быть въ Москвѣ и тамъ уже составлять свой отчетъ. — Очень-бы о многомъ хотѣлось мнѣ переговорить съ Вами и есть о чемъ говорить,—да вотъ эта неизвѣстность,—что у васъ дѣлается и въ какомъ положеніи Петръ Вас., невольно останавливаетъ меня.—Не забудьте увѣдомить, какъ и. гдѣ Вы и ваши думаютъ провести зиму.—Прощайте, дорогая Катерина Ивановна. Да благословитъ Богъ ваши заботы и да обратитъ въ силу вашу слабость. Будьте-же бодры и здоровы. Жму крѣпко вашу руку и обнимаю Василія Алексѣевича и вашего сына.

Я, вопреки всѣмъ вашимъ расчетамъ, пользуюсь самымъ дюжимъ здоровьемъ самаго дюжиннаго изъ смертныхъ!—Какъ здоровье Авдотьи Петровны?

Екатеринославъ къ родителямъ 9 Октября 1856 г.

Мой отъѣздъ изъ Николаева, милый Отесинька и милая Маменька, по разнымъ причинамъ оттянулся до 30 октября. Разумѣется, все, что вы ни напишете, будетъ интересно, но мнѣ казалось-бы, что кратковременная и совершенно ничтожная литературная дѣятельность Писарева (сколько помню—самое замѣчательное его произведеніе—прологъ къ комедіи Христофоръ Колумбъ) мало можетъ возбудить участія въ публикѣ, не знавшей его лично. Что-же касается

до Полеваго, то вполнѣ понимаю негодованіе, возбужденное его наглостью, шарлатанствомъ, поверхностностью познаній, но, чтобы быть справедливымъ, надо вспомнить, что и противники его были не правы: они придерживались преданій псевдоклассической французской школы, они говорили: онъ Грибоѣдова хвалилъ и разругалъ Капниста. Впрочемъ я не знаю, въ какой степени и всѣ-ли противники Полеваго раздѣляли мнѣніе, высказанное, кажется, Дмитріевымъ. Замѣчательно, что изо всѣхъ противниковъ Полеваго только очень немногіе пошли впередъ; оцѣнили Гоголя чуть-ли не вы одни, да Погодинъ. А Дмитріевъ, ожесточенный врагъ Полеваго, человѣкъ отсталый. Знаете, кто только защищаетъ Полеваго? П. В. Кирѣевскій, да кажется и весь теперешній нашъ кружокъ знакомыхъ не принадлежитъ къ числу его противниковъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы напишите статью съ полнымъ безпристрастіемъ. Во всякомъ случаѣ это будетъ важный матерьялъ для исторіи образованія, развитія, движенія мысли въ русскомъ обществѣ. И Полевой и Бѣлинскій имѣли огромное вліяніе на общество, вредное, дурное, но все-же громадное вліяніе. Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые-бы не знали наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. «Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ», говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отварачиваетесь

отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эманципаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Они часто несутъ всякую чепуху и сами не видятъ, что путь ихъ логически оканчивается подлостью петербургскаго практицизма, но порицаніе и отрицаніе ихъ понятны. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ-бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго. О славянофильствѣ здѣсь въ провинціи и слыхомъ не слыхать, а если и слыхать, такъ отъ людей враждебныхъ направленію. Да оно и не можетъ возбуждать сочувствія молодежи, лѣзущей впередъ, оно требуетъ большой справедливости, безпристрастнаго разумѣнія, основательности и проч. Требованія эманципаціи, желѣзныхъ путей и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ, а я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились и желѣзнымъ дорогамъ и эманципаціи, послѣдней потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей. Да и что дѣлать бѣдной провинціи, если она ищетъ свѣта и обращается за нимъ къ литературной дѣятельности столицы. Вотъ въ Екатеринославской губерніи во всей нѣтъ ни одного экземпляра Русской Бесѣды, а получается Русскій Вѣстникъ и другіе журналы. Въ нихъ слышится направленіе новое, требованіе просвѣщенія, жизни, простора; ему сочувствуютъ съ жаромъ и, невольно подчиняясь авторитету журнала, вмѣстѣ съ хорошимъ принимаютъ и дурное, съ добрымъ вредное. Гдѣже требовать такого самостоятельнаго крѣпкаго сужденія, которое-бы безъ всякой посторонней помощи, умѣло-бы удержать въ предѣлахъ свое сочувствіе, отличить истину отъ лжи, добро отъ зла. Вотъ теперь здѣсь выборы и съѣздъ дворянъ. Неугодно-ли посмотрѣть этихъ господъ? Я на-дняхъ видѣлъ одну очень хорошую, добрую и очень не глупую женщину, которая тряслась какъ въ лихорадкѣ отъ негодованія, разсказывая про окружающій ее помѣщичій бытъ, ихъ сужденія, толки, цинизмъ барскій, обращеніе съ людь-

ми и проч. Не находя ни въ комъ сочувствія, она съ жадностью хватается за какія-нибудь статьи, гдѣ находитъ нѣкоторое подтвержденіе своимъ стремленіямъ и не получая ничего, кромѣ Петербургскихъ Вѣдомостей, съ восторгомъ указывала мнѣ на какую-то фельетонную статью, гдѣ осмѣивается губернское воспитаніе, тогда какъ для меня, не смотря на всю случайную правду иныхъ статей, нѣтъ ничего вонючѣе, отвратительнѣе и гаже фельетона Петербургскихъ Вѣдомостей. А очень хорошая женщина. Впрочемъ, я занесся Богъ знаетъ куда. Садясь писать безъ опредѣленной цѣли, не знаешь, куда придешь къ концу письма. Здѣсь есть откупщикъ акцизный, Г. Ив. Щербаковъ, который объявилъ мнѣ, что обязанъ Вамъ, милый Отесинька, своимъ поступленіемъ въ университетъ въ 1832 году. Онъ теперь страшный богачъ. Третьяго дня, на огромномъ обѣдѣ, гдѣ я былъ, онъ предложилъ мнѣ выпить за ваше здоровье. Семейная хроника проникла сюда въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Я думаю, что черезъ недѣлю окончу здѣсь свое дѣло и ворочусь въ Екатеринославъ.

Октября 17-го 1856 г. Екатеринославъ.

Все еще Екатеринославъ, милый Отесинька и милая Маменька. Каждый день собираюсь ѣхать и все долженъ откладывать по милости мѣшкотности дворянъ!—Мнѣ надо было имѣть свѣденія о состояніи хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбной торговли, о *настоящихъ* цѣнахъ, существовавшихъ въ продажѣ, за извѣстный періодъ времени. Путемъ оффиціальной статистики этихъ свѣденій получить нельзя; купцы—все жиды и соучастники Интендантства—правды не скажутъ; имѣя въ виду, что главный продовольственный фондъ края заключается въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что дворяне — землевладѣльцы, хозяева и первые производители хлѣбнаго товара, что они наконецъ теперь находятся въ сборѣ, въ полномъ своемъ сословномъ составѣ, я обратился черезъ губернскаго предводителя Шабельскаго ко всѣмъ уѣздамъ, прося ихъ составить мнѣ, по каждому уѣзду особо, протоколы въ отвѣтъ на мои вопросы. Конечно этотъ способъ совершенно новый, но онъ имѣетъ полное юридическое

и нравственное значеніе, ибо это не показанія отдѣльныхъ лицъ, а свидѣтельство цѣлаго сословія, дѣйствующаго какъ юридическое лице (да еще присягнувшаго въ добавокъ). Дѣло очень просто, но его приходится растолковывать и разжевывать дворянину разъ по 50-ти на день. Удивительное созданіе — дворянинъ, рѣшительно неспособенъ дѣйствовать полнымъ составомъ, en corps, in corpore. Всѣ кричатъ о злоупотребленіяхъ, всѣ толкуютъ о содѣйствіи, каждый съ своей стороны сообщаетъ на словахъ все нужное, но вѣдь обо всемъ этомъ надо потолковать сообща, изложить письменно... Тутъ и затрудненіе! Во 1-хъ, ихъ не соберешь, всѣ бродятъ (на выборахъ) изъ комнаты въ комнату, завтракаютъ, разсуждаютъ о пустякахъ; во 2-хъ, грамота не всѣмъ имъ далась, а хотя и есть въ каждомъ уѣздѣ свои грамотѣи, но они слишкомъ мудрятъ. Вотъ каждый день вожусь съ ними въ дворянскомъ собраніи. Мнѣ-бы и не слѣдовало лично вмѣшиваться въ это дѣло, но иначе ничего не добьешься. Нѣтъ ужъ впередъ съ дворянами, какъ съ сословіемъ, дѣла имѣть не буду. До трехъ часовъ—они въ собраніи, бродятъ, шумятъ, толкуютъ, баллотируютъ, что все происходитъ очень безпорядочно, въ три часа отправляются на какой-нибудь сытный обѣдъ къ избранному предводителю, потомъ спятъ,—потомъ на балъ. Я запасся было терпѣніемъ въ большомъ размѣрѣ, но чувствую, что оно истощается. Видъ дворянскаго сословія производитъ на меня дѣйствіе раздражающее: ограниченность и узкость взглядовъ, невѣжество, привязанность къ незаконному своему праву, отсутствіе другихъ двигателей, кромѣ интереса, барство и дармоѣдство, отсталость понятій. Я пробовалъ поднимать вопросъ объ эманципаціи. Куда! Такъ на дыбы и становятся.—Не смотря однакоже на всѣ затрудненія, я почти достигъ цѣли и завтра послѣ обѣда ѣду. По дорогѣ заверну въ г. Александровскъ, еще къ одному помѣщику, отъ котораго надо отобрать показаніе, и потомъ въ Николаевъ.— Здѣсь въ числѣ помѣщиковъ оказался Александръ Алекс. Пановъ, родной братъ Вас. Алекс.. человѣкъ лѣтъ 50-ти; его дочь Варвара Алекс., очень хорошая собой, замужемъ, за здѣшнимъ помѣщикомъ Павловымъ. Скажите Сашѣ Аксакову, что я далъ за него слово его кузинѣ, что онъ при-

шлетъ ей гомеопатическую аптечку съ лечебниками. И въ самомъ дѣлѣ, пусть онъ пришлетъ; это будетъ для нея развлеченіемъ и занятіемъ въ деревенской скукѣ, ибо дѣтей у нея нѣтъ, книгъ выписывается мало, а къ стрижкѣ барановъ и овецъ и къ наблюденію за мотками особеннаго расположенія она не показываетъ. Рѣшительно не понимаю, какъ можно жить въ такой удушливой атмосферѣ безъ всякой дѣятельности,—или-же съ дѣятельностью, направленною только на личный интересъ, на обогащеніе. Другихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ о продажѣ, куплѣ, объ овцахъ (здѣсь вѣдь главная статья дохода—овцеводство)—не слышно. Пановъ—очень хорошій и благородный человѣкъ, кажется, и добрый,—но тяжелый на руку: это семейное свойство; т. е. говоря по просту—дерется сильно.—Вотъ вамъ еще образчикъ дворянскихъ воззрѣній. Здѣсь винокуреніе свободное, т. е. каждый помѣщикъ куритъ вина сколько угодно и продаетъ по какой хочетъ цѣнѣ; онъ платитъ только акцизному откупщику по 75 к. сер. съ ведра выкуриваемаго вина. Вслѣдствіе неурожая прежнихъ годовъ и вслѣдствіе страшнаго требованія за границу, цѣны на хлѣбъ поднялись ужасно; здѣсь мука по 1 р. 50 к. сер. за пудъ! Само собою разумѣется, что вино, это насущная потребность жителей здѣшняго края, стало также чрезмѣрно дорого, да и выгоднѣе сбывать хлѣбъ въ продажу, чѣмъ курить. Вслѣдствіе этого—правительство разрѣшило свободный ввозъ вина изъ великороссійскихъ губерній, — и вино тотчасъ стало вмѣсто 3-хъ рублей по 1 р. 50 к. за ведро. Разумѣется—это акцизному откупу очень выгодно, ибо онъ получаетъ акцизъ и съ каждаго ввозимаго ведра, но главное здѣсь надо имѣть въ виду цѣну вина въ продажѣ и выгоды простаго класса народа.—Государь въ послѣдней своей грамотѣ дозволилъ между прочимъ дворянству Екатеринославской губерніи представить ему записку о своихъ нуждахъ и проч. Какъ же воспользовалось этимъ дворянство? Проситъ о воспрещеніи ввозить вино изъ великорусскихъ губерній, чтобы 150-ть заводчиковъ этой губерніи могли продавать вино по дорогой цѣнѣ,—тогда какъ главные ихъ доходы—сбытъ хлѣба за границу и продажа шерсти.—Никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ запретительныхъ, благородное

Россійское дворянство не понимаетъ.—Вотъ они—представители образованности, передовые люди и вожди народа!—Очень жаль, что теперь уже осень, а то бы я съѣздилъ посмотрѣть могилы Скиѳскихъ царей. Вашъ пріятель Савельевъ произвелъ нынѣшнимъ лѣтомъ розыски, увѣнчавшіеся, говорятъ, полнымъ успѣхомъ.—Кстати объ осени: въ одно прекрасное утро, проснувшись, увидалъ я, что все бѣло, покрыто снѣгомъ. Разумѣется—снѣгъ исчезъ въ тотъ же день; нѣсколько времени свирѣпствовалъ холодный вѣтеръ, потомъ—черезъ нѣсколько дней пошелъ теплый дождикъ и теперь на дворѣ градусовъ до 14-ти тепла. Чтожъ это не печатаютъ приказовъ по ополченію. Я уже очень пообносился,—но ополченскаго новаго платья шить не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что если я въ будущемъ году поѣду за границу,—оно будетъ мнѣ совершенно не нужно. Въ фельетонѣ Инвалида, въ заглавіи, между прочимъ, сказано: «новая книга С. Т. Аксакова».—Далѣе изъ текста видно, что это вовсе не новая ваша книга, а книга, выданная Бартеневымъ или Безсоновымъ: Уставъ сокольничьяго пути—съ вашею замѣткою. Въ рѣчи Бабста, произнесенной въ Казанскомъ Университетѣ, упоминаются «Багровы», какъ имена нарицательныя, какъ типъ прошлаго быта, для возбужденія къ прогрессу!—Прощайте. Дай Богъ мнѣ, по возвращеніи въ Николаевъ, найти ваши письма и въ нихъ извѣстія, что вы, слава Богу, здоровы и что у васъ все благополучно.

Къ Е. И. Елагиной. 1856 г. Октября 28-го. Николаевъ.

По возвращеніи изъ Екатеринослава, нѣсколько дней тому назадъ, нашелъ я два письма вашихъ, любезнѣйшая Катерина Ивановна, отъ 5 и 11-го Октября. Такъ вотъ какъ тяжело боленъ Петръ Васильевичъ! Но знаете - ли — мнѣ сдается, что онъ останется живъ, Богъ милостивъ. Если болѣзнь пошла въ оттяжку и ему не хуже, то—при той неутомимой, буквально неусыпной заботливости, которою онъ окруженъ, можно считать его внѣ опасности.—Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ новыхъ писемъ. Я всегда уважалъ глубокимъ, искреннимъ, сердечнымъ уваженіемъ характеръ и душу Петра Васильевича, а теперь, читая письма ваши, просто смиряюсь предъ его кротостью, терпѣніемъ и

миромъ его души, предъ этими высокими свойствами, въ которыхъ однихъ познается истинная сила духа и которыхъ именно мнѣ недостаетъ! — Предполагается, что мы недѣли черезъ двѣ будемъ въ Харьковѣ, куда переѣдетъ вся Коммиссія и гдѣ проживетъ, говорятъ, мѣсяцъ или полтора, а потомъ переберемся въ Москву писать отчетъ. Такъ говорятъ, но точно-ли такъ исполнится—не утверждаю навѣрное. Разумѣется, передъ отъѣздомъ отсюда я васъ увѣдомлю.—Мнѣ теперь предстоитъ впереди много работы: я непремѣнно долженъ окончить этою зимой, кромѣ занятій по Коммиссіи, отчетъ свой Географическому Обществу, который я до сихъ поръ еще не представилъ и который особенно труденъ для меня по недостатку во мнѣ симпатіи къ этой работѣ.—Вообще впереди много усиленнаго, напряженнаго труда, по окончаніи котораго—я хочу съѣздить на полгода въ чужіе края, гдѣ я еще не былъ ни разу, и этой поѣздкой, предпринятой не по службѣ, не ради казенной надобности (дѣло мнѣ почти незнакомое!), беззаботной и вольной, хочу замкнуть этотъ кругъ почти непрерывнаго 15-ти лѣтняго кочеванья, бродяжества, 15-ти лѣтней судорожной дѣятельности, тревоги и спѣха. Усталъ я, Катерина Ивановна. Вы меня конечно мало знаете, или лучше сказать, знаете меня только со стороны моей внѣшней бодрости, мною всегда проповѣдуемой, отъ себя и отъ другихъ требуемой,—но не подумайте, чтобы я собирался лѣниться, бездѣйствовать... Нисколько. Но мнѣ самому такъ надоѣли во мнѣ и эти судороги души и вѣчная внутренняя тревога, и вся эта неправда крайностей, рѣзкости, заносчивости, величавой неумолимости, доблестной жестокости суда и приговоровъ, благороднаго гнѣва, вся эта суета, пустота, безплодность, неразуміе, близорукость порывовъ, негодованій и тому подобныхъ движеній, съ подкладкой гордости и нравственнаго кокетства,—что хотѣлось бы мира и мира, спокойствія въ душу, съ его разумнымъ, яснымъ, теплымъ воззрѣніемъ, силы прочной и неистощающейся, правды и правды, т. е. справедливости, такого воззрѣнія, которое всему отводитъ законное мѣсто, такъ чтобы шумъ и трескотня жизни не заглушали звуковъ міровой гармоніи. Но странно объ этомъ звонить напередъ, странно какъ-то писать объ этомъ. Те-

перь вы не удивитесь, почему я такъ давно не пишу стиховъ: прежніе аккорды уже невозможны, новые еще не состроились.—А между тѣмъ отъ меня привыкли требовать и ожидать звуковъ или просто стиховъ въ прежнемъ тонѣ; такъ и ждутъ, что я при такой-то вѣрной оккaзіи долженъ ругнуться, учинить благородную выходку и проч. и проч.— Все это отчасти можетъ служить и вамъ нѣкоторымъ отвѣтомъ на ваше письмо, изъ котораго, мнѣ кажется, что вы и ваши знаете меня болѣе по внѣшнимъ проявленіямъ, по которымъ и создали себѣ какой-то опредѣленный образъ.— Боюсь, чтобы напряженная ваша теперь душевная и тѣлесная дѣятельность не отозвалась плохими послѣдствіями для вашего здоровья. Дай Богъ, чтобы Петръ Васильевичъ поскорѣй оправился и чтобы всѣ отдохнули душой. Прощайте, любезнѣйшая Катерина Ивановна, будьте же бодры и здоровы, обнимаю вашего мужа и кланяюсь всѣмъ вашимъ.— Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій. Какъ медленно ходитъ почта!

Къ родителямъ. 1856 г. Ноября 1 дня. Николаевъ.

Вчера получилъ я ваше письмо отъ 16 Октября, еще изъ Сергіевскаго посада; теперь вѣроятно получу отъ васъ письмо уже изъ Москвы.—На счетъ моего пріѣзда ничего не могу сказать опредѣлительнаго: никто ничего не знаетъ, начиная съ самаго Князя Васильчикова. Сначала предполагалось къ 10-му Ноября переѣхать въ Харьковъ,—а теперь опять время отъѣзда неизвѣстно. На этой недѣлѣ все должно рѣшиться. Я съ большимъ неудовольствіемъ ѣду въ Харьковъ, какъ потому, что не люблю этого города, такъ и потому, что у меня тамъ довольно знакомыхъ, которые будутъ мѣшать занятіямъ; къ тому же тамъ и Лужинъ съ женой, которые, если не насъ, то князя будутъ очень отвлекать отъ дѣлъ. Впрочемъ, еще право не знаю, какъ все устроится, и покуда продолжаю работать надъ дѣломъ о сѣнокошеніи въ Крыму.—Я получилъ нынче письмо отъ Луженовскаго (моего преемника въ дружинѣ) съ увѣдомленіемъ, что 29-го Сентября состоялся Высочайшій Приказъ объ увольненіи меня отъ службы съ переименованіемъ въ прежній чинъ Надворнаго Совѣтника. И такъ я теперь *от-*

ставной, въ отставкѣ, опять человѣкъ свободный. Странно немного, что уволили меня такъ просто, безъ всякихъ справокъ, потому что я назначенъ въ Коммиссію по Высочайшему же повелѣнію; еще страннѣе то, что мнѣ не отдали должнаго: я вышелъ въ отставку, не дослуживъ двухъ недѣль до срока, когда мнѣ слѣдовало получить чинъ Коллежскаго Совѣтника за выслугу лѣтъ. Въ Манифестѣ о роспускѣ Ополченія сказано, что служба въ Ополченіи зачитается,— а потому не въ видѣ награды, а просто за выслугу лѣтъ мнѣ бы слѣдовало получить чинъ не Надворнаго, а Коллежскаго Совѣтника со старшинствомъ 16-ти мѣсяцевъ. Разумѣется—это все равно и право мое не пропадаетъ при новомъ поступленіи на службу, но все же со стороны Графа Строганова это несправедливость или, по крайней мѣрѣ, невниманіе. Я немедленно споролъ погоны и снялъ всѣ знаки моего оффиціальнаго значенія,—и запускаю бороду, но нахожусь въ большомъ затрудненіи относительно платья. Я такъ обносился, что во всякомъ случаѣ какое-нибудь платье да сшить надо. Какое же? Переодѣваться въ штатское здѣсь или въ Харьковѣ—очень затруднительно: вѣдь нужно будетъ почти совсѣмъ экипироваться, а какое есть старое платье, то въ Москвѣ. Да здѣсь экипироваться—у меня денегъ нѣтъ, и дорого и скверно; ѣхать для этого въ Одессу—поѣздка и пребываніе тамъ стоятъ ужасно дорого, да и шьютъ тамъ дурно. Я бы обо всемъ этомъ и не думалъ, если бы ѣхалъ прямо въ Москву,—но смущаетъ меня Харьковъ. Впрочемъ, можетъ быть, какъ нибудь перебьюсь.—Я бы, можетъ быть, остался въ русскомъ платьѣ, если бы не имѣлъ въ виду поѣздки за границу, да наконецъ и необходимости при русскомъ платьѣ имѣть еще фракъ въ случаяхъ оффиціальныхъ. Теперь жалованья я уже получать не буду, но выдача мнѣ суточныхъ денегъ будетъ производиться по прежнему, какъ и другимъ отставнымъ, временно занимающимся при Коммиссіи.—Я въ полномъ правѣ оставить Коммиссію, но самъ не хочу ее оставлять и признаюсь, очень доволенъ такимъ независимымъ положеніемъ, которое, разумѣется, не даю чувствовать и которое нисколько не ослабляетъ моей работы.—Голубевъ еще получилъ изъ дружины три р. сер.; такимъ образомъ каждый ратникъ въ нашей дружинѣ получилъ по 11 р. се-

ребромъ. Это очень много. Вообще, кажется, вышло, что наша дружина первая и по количеству экономіи и по другимъ отношеніямъ. Такимъ образомъ кончилось мое истинно трудовое поприще службы въ Ополченіи; все это теперь является какимъ-то сномъ, но многою опытностью оно меня обогатило и оставило въ душѣ сознаніе честно исполненнаго долга, непосредственнаго участія въ общихъ тяготахъ, доставшихся на долю Россіи и отрадное воспоминаніе о моихъ отношеніяхъ къ ратникамъ, объ ихъ искренней, свободной любви. Встрѣча съ каждымъ изъ нихъ будетъ мнѣ очень пріятной.—Погода здѣсь снова сдѣлалась теплою; снѣгъ превратился въ грязь, но и та просыхаетъ; я думаю и у васъ тепло, хотя, конечно, не такъ, какъ здѣсь, гдѣ можно гулять почти въ одномъ платьѣ. Теперь вы, милый Отесинька, привыкли къ воздуху,—такъ не надо бы вамъ закупориваться и въ Москвѣ. Современника, того нумера, о которомъ вы пишете, я еще не видалъ. Я самъ ожидаю отъ этихъ господъ, что они скоро будутъ отзываться объ васъ холоднѣе, но думалъ, что это начнется съ Отечественныхъ Записокъ.—Прощайте, будьте здоровы.

1856 г. Ноября 8-го. Николаевъ.

Вчера получилъ ваше письмо отъ 23 Октября еще изъ Сергіевскаго посада (итого 15 дней оно шло!); теперь вы всѣ вмѣстѣ въ Москвѣ и я адресую это письмо въ домъ Дребуша.—Вы ждете меня въ Москву, а я еще не двигался изъ Николаева, да и когда двинусь,—неизвѣстно. Случается то, чтó всегда случается въ Коммиссіяхъ подобнаго рода; дѣла затягиваются, не смотря на всѣ усилія свести концы, и сроки одинъ за другимъ отодвигаются. Сводить же концы очень трудно, особенно при отсутствіи правильной системы въ предшествовавшихъ занятіяхъ и при неясности основной мысли. Неясность же основной мысли происходитъ не отъ лицъ, а отъ всего существующаго административнаго порядка.—Когда мы тронемся отсюда, право не знаю; но вы адресуйте въ Харьковъ. Очень мнѣ досадно, что не могу добиться приказа, которымъ я уволенъ въ отставку. Приказы по ополченію печатаются особо и нигдѣ здѣсь не по-

лучаются, а въ газетахъ перепечатываются очень поздно, черезъ мѣсяцъ или два. — Рѣшившись не экипироваться штатскимъ платьемъ до Москвы, я сшилъ себѣ новый русскій кафтанъ, такой же, какъ и ополченскій, только съ малымъ измѣненіемъ въ покроѣ, безъ погоновъ и кушака.— Очень жалѣю, что Оличка*) уѣхала и что я ее опять долго не увижу. Вѣроятно, ея пребываніе навело васъ снова на мысль написать книжку для дѣтей, милый Отесинька. Очень трудная задача, и едва ли не вы одни можете ее разрѣшить. Самое трудное—тонъ,—и мнѣ очень интересно будетъ прочесть то, что вами напишется.—Погода стоитъ здѣсь измѣнчивая. Вчера была страшная грязь, потомъ выпалъ снѣгъ и нынче морозъ, довольно сильный, заковалъ эту грязь такъ, что дороги почти непроѣздны. Лучше ужъ грязь, а по этой дорогѣ всѣ наши экипажи переломаются.— Вчера же получилъ я письмо отъ Елагиныхъ о смерти Петра Васильевича послѣ довольно продолжительной болѣзни, собравшей около него всю семью. Такъ ужъ нѣтъ больше Кирѣевскихъ! Въ какіе-нибудь четыре мѣсяца выхватило обоихъ братьевъ съ нашей дороги, двухъ спутниковъ нашихъ. Петръ Вас. былъ чудной души человѣкъ, кроткаго, честнаго и какъ кристаллъ чистаго сердца, распространявшаго около себя какое-то нравственное благоуханіе. Присутствіе такихъ людей на землѣ очищаетъ атмосферу; дѣятельность ихъ не измѣряется внѣшними дѣлами; она невидимо разливается въ воздухѣ какъ ароматъ. Особенную привлекательность его характера составляло отсутствіе всякой грубости, жесткости, рѣзкой, оскорбительной самонадѣянности. — Я видѣлся съ Иваномъ Вас. передъ отъѣздомъ, въ Петербургѣ, а на пути въ Николаевъ заѣзжалъ къ Петру Васильевичу. — Странно: 2-й томъ Русской Бесѣды извѣстилъ о первомъ, 3-й вѣроятно извѣститъ о другомъ.—Авдотья Петровна еще держится; она покуда здорова и теперь живетъ у Катерины Ивановны. Умеръ Воронцовъ. Правительство только что обзавелось фельдмаршаломъ и уже потеряло его. Кого-то теперь выберутъ.— Появленіе Воронцова въ Одессѣ нѣсколько взволновало край:

---

*) Единственная внучка Сергѣя Тимофеевича, дочь сына его Григорія, которой посвящены „Дѣтскіе годы Багрова внука“.

распространился слухъ, что онъ опять будетъ приписывать и водворять бродягъ и бѣглыхъ, и вслѣдствіе этого болѣе 2000 человѣкъ явилось въ Одессу. Они приходили цѣлыми партіями, съ семьями, съ повозками и съ имуществомъ, всѣ свѣжаго *побѣга*, называя себя, разумѣется, или непомнящими родства или крестьянами небывалыхъ помѣщиковъ, какъ это всегда водится. Разумѣется также, что это все крѣпостные.—Нельзя думать, чтобы всѣ они бѣжали отъ жестокаго обращенія; нѣтъ, но — послѣ недавняго сотрясенія, произведеннаго во всей Россіи и особенно здѣсь, войною, почва здѣшняго края сдѣлалась вулканическою въ отношеніи къ крѣпостному состоянію. Нынѣшней весной было уже здѣсь переселеніе народа въ Козловъ, едва-едва прекращенное. — Какъ бы то ни было, но эти бѣглые поставили начальство здѣшнее въ большое затрудненіе. Пока, согласно закону, будутъ собираться справки о каждомъ изъ этихъ 2000 человѣкъ, ихъ надо было принять, размѣстить, кормить. Чѣмъ все это кончится — не знаю. — Но удивительный народъ здѣшніе помѣщики, цвѣтъ которыхъ я еще недавно видѣлъ въ Екатеринославѣ: они не хотятъ ничего ни видѣть, ни слышать, ни понимать! — Графъ Сакенъ въ письмѣ къ одному изъ членовъ нашей Коммиссіи (Генералу Козлянинову) посылаетъ мнѣ поклонъ, «хоть и не знаетъ меня лично, какъ за Россію, еще за что-то не помню, такъ и по уваженію его, Сакена, къ родителямъ моимъ и брату». Передаю это вамъ.—Прощайте. Писать больше нечего—все сѣно въ головѣ! Т. е. не то, что вы думаете, а сѣно, заготовленіе сѣна, дѣло на трехъ тысячахъ листахъ, изъ котораго я составляю записку. Будьте здоровы.

16-го Ноября 1856 г. Николаевъ.

Очень пріятно мнѣ увѣдомить васъ, что завтра я выѣзжаю отсюда въ Харьковъ. Шеншинъ уѣхалъ третьяго дня, Князь Васильчиковъ вчера и такимъ образомъ черезъ нѣсколько дней вся Коммиссія оставитъ Николаевъ. Много времени пропадетъ въ переѣздѣ: шибко ѣхать нельзя, потому что колоть, замерзшая грязь, просто колесоломъ, надо будетъ двигаться почти шагомъ; въ пять часовъ—темно, ни

зги не видать; ѣхать, да по такой дорогѣ, становится невозможнымъ даже для фельдъегеря. Болѣе ста верстъ въ сутки дѣлать нельзя. Я все надѣялся на оттепель, но—благодаря постоянству сѣвернаго вѣтра, кажется, зарядили морозы. Говорятъ впрочемъ, что за Бобринцомъ начинается ужъ санный путь. — Съ большимъ удовольствіемъ оставляю Николаевъ. Въ Харьковѣ пробудемъ до праздниковъ; по крайней мѣрѣ я дольше не останусь. Еще не кончены три слѣдствія: одно въ Бессарабіи, другое въ Ростовѣ на Дону, третье въ Крыму; послѣднее только что началось и срокъ представленія слѣдственнаго дѣла въ Харьковъ назначенъ 15-го Декабря. При такихъ дорогахъ (не могу равнодушно говорить о дорогахъ: какъ можно было просуществовать съ такими путями сообщенія 1000 лѣтъ!) одинъ переѣздъ изъ Симферополя въ Харьковъ можетъ продлиться дней десять.— Какъ нарочно это послѣднее дѣло, т. е. веденіе дѣла, заправленіе дѣломъ поручено мнѣ, слѣдовательно мнѣ раньше этого срока нельзя было бы уѣхать. Къ тому жъ я теперь въ странномъ положеніи: о моей отставкѣ знаю изъ частнаго письма,—но Высочайшіе приказы объ ополченіи здѣсь не получаются, Инвалидъ печатаетъ еще приказы Сентября 12-го, такъ что оффиціальнаго свѣденія нѣтъ никакого,—я между тѣмъ поспѣшилъ спороть съ себя погоны,—а подорожная, прогоны выданы мнѣ какъ Штабсъ-капитану. — Получилъ третьяго дня ваше письмо, милый Отесинька, отъ 30-го Октября еще изъ Сергіева посада; но теперь вы навѣрное въ Москвѣ. Не знаю, скоро ли получу отъ васъ извѣстіе; можетъ быть, еще одно ваше письмо будетъ адресовано въ Николаевъ и придетъ послѣ меня; мнѣ его перешлютъ, но времени пройдетъ много.—Вы *пишете*, милый Отесинька: это меня очень радуетъ и просто интересуетъ, какъ рѣшеніе задачи. Хорошо-ли вамъ будетъ въ домѣ Дребуша? Вы вѣрно заняли верхній этажъ, слѣдовательно тутъ лѣстница, что не очень покойно для васъ, для маменьки и для Вѣры. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстія о вашемъ переѣздѣ, о томъ, когда вы соберетесь всѣ вмѣстѣ.—Прощайте, надобно укладываться и разбирать бумаги. Будьте здоровы.—Очень пріятно ѣхать въ обратный путь—это ужъ начало конца.

1856 г. Ноября 24-го. Харьковъ.

Наконецъ нынче дотащился я до Харькова! Цѣлая недѣля ѣзды сюда отъ Николаева! Сколько времени пропадаетъ даромъ! Еще пройдетъ нѣсколько дней, пока устроимся. Нѣтъ словъ, чтобы описать вамъ безобразіе неистовое дорогъ! Это не риторическая фигура, а истинная рѣчь. Какъ можно было просуществовать съ такими дорогами 1000 лѣтъ! Досталось нашимъ экипажамъ порядкомъ! Я ежесекундно опасался за коляску, но, къ величайшему моему удивленію, доѣхалъ благополучно: оси уцѣлѣли, но сломалась сзади рессора. Пріѣхавши къ Днѣпру, узнали мы, что переправа прекратилась, потому что Днѣпръ покрылся льдомъ, однакожъ столь тонкимъ, что переходить можно только пѣшкомъ. Я и нѣкоторые чины нашей Коммиссіи, оставивши экипажи на этомъ берегу, въ Крюковскомъ посадѣ, сами перебрались на салазкахъ по льду въ Кременчугъ, гдѣ также въ это время находился и Шиншинъ. Надо было выжидать или мороза или оттепели. На другой день къ вечеру подулъ порывистый южный вѣтеръ, пошелъ дождь и въ ночь сломало ледъ въ серединѣ Днѣпра, но верстъ за восемь отъ обыкновенной переправы. У береговъ ледъ еще держался; надо было *полынить*, какъ здѣсь выражаются: на большую лодку становится человѣкъ 50-тъ народу, которые, стоя на бортахъ, раскачивали ее что есть силы, тогда какъ за корму лодки привязанъ былъ канатъ и стоящіе на берегу тащили лодку за канатъ прямо въ ледъ. Такимъ первобытнымъ способомъ, употреблявшимся вѣроятно еще при Святославѣ, успѣли кое-какъ къ половинѣ слѣдующаго дня очистить мѣсто для переправы. Надо было затѣмъ перевозить экипажи къ мѣсту переправы и для этого нанимать лошадей, за что одно взяли съ меня пять р. сер. Наконецъ провозившись такимъ образомъ болѣе двухъ сутокъ, поѣхали мы дальше или лучше сказать двинулись; необходимость заставила запрягать пять лошадей, что все составляетъ большой счетъ. Васильчиковъ остался на нѣсколько времени въ Елисаветградѣ, но завтра долженъ быть уже здѣсь. Я уже справлялся на почтѣ: писемъ отъ васъ, сюда адресованныхъ, еще нѣтъ.—Въ Кременчугѣ нашелъ я наконецъ Приказы по ополченію и слѣдо-

вательно оффиціальное удостовѣреніе въ моей отставкѣ; жду Васильчикова, чтобы показать ему этотъ приказъ; у насъ еще не было объ этомъ серьезнаго разговора. Въ Полтавѣ видѣлъ я 3-ій томъ Русской Бесѣды, который, вѣроятно, адресованъ былъ ко мнѣ въ Николаевъ, но разъѣхался со мной. Кажется—въ немъ много дѣльныхъ статей.—Прочелъ стихи Полонскаго ко мнѣ. Это было для меня совершеннымъ сюрпризомъ, я ничего не зналъ объ этомъ, да и съ Полонскимъ вовсе незнакомъ. Стихи—какъ стихи превосходные, особенно первый стихъ, но послѣднія четыре строфы довольно темны; я въ свою очередь не понимаю, что именно онъ хочетъ сказать. Если бы не подлая цензура, кажется, исключительно *насъ* преслѣдующая, я бы выдалъ цѣлую книжку своихъ стиховъ, во 1-хъ для того, чтобы полнѣе уразумѣли тѣ, которыхъ это интересовать можетъ, мою авторскую физіономію, во 2-хъ потому, что первый мой періодъ стихотворствованія миновался и—выражаясь фигурально, хотя оно немножко и смѣшно, я перестроиваю лиру; я уже давно не пишу стиховъ, но еще буду писать—я это знаю,—только аккорды, Богъ дастъ, будутъ не тѣ, а стройнѣе, полнѣе, спокойнѣе. Только пусть потерпятъ немного и *не мѣшаютъ* мнѣ вырабатываться, идти свободно и спокойно законнымъ ходомъ своего развитія, пусть только не насилуютъ мою душу, не стѣсняютъ моей воли насиліемъ чужой воли!—Для нѣкоторыхъ можетъ быть это и нужно, но относительно меня всякое насилованіе моей души и свободы есть страшный вредъ и зло. — Стихи Полонскаго вызываютъ меня къ отвѣту, но я не буду отвѣчать ему собственно.—Прощайте. Пишу вамъ еще изъ гостинницы, не устроившись, только для того, чтобы увѣдомить васъ о пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ.—Не смотря на всѣ свои экономіи (я сдѣлался просто скупъ)—денегъ вышло очень много и потому, если это васъ не очень стѣснитъ, пришлите мнѣ сколько-нибудь денегъ. Жизнь очень дорога здѣсь, а я и жалованья казеннаго не получаю.

1856 г. Ноября 28-го. Харьковъ.

Чиновники нашей Коммиссіи, пріѣхавшіе изъ Николаева, привезли мнѣ ваше письмо отъ 8-го Ноября: почти три не-

дѣли прошло! И очень мнѣ странно, что здѣсь въ Харьковѣ не только не нашелъ я вашихъ писемъ, но не получилъ и съ двумя почтами, пришедшими на этой недѣлѣ. Здоровы ли вы, милый Отесинька и милая Маменька? Послѣднее ваше письмо, милый Отесинька, очень грустно: Оленька страдаетъ, маменька было занемогла, всѣ хворають, всѣ болѣютъ. Поэтому меня очень безпокоитъ неполученіе вашихъ писемъ; остается предположить, что вы опять адресовали въ Николаевъ,—и тогда я опять долженъ буду получить письмо двумя недѣлями позднѣе. Теперь я на половину дороги ближе отъ васъ.—Богъ милостивъ, можетъ быть дождусь отъ васъ болѣе утѣшительныхъ вѣстей.—Я уже вамъ писалъ на этой недѣлѣ; съ тѣхъ поръ не произошло у насъ ничего новаго. Князь пріѣхалъ, но квартира, ему отведенная, оказалась неудобною; онъ нынче переѣзжаетъ съ канцеляріей въ новую и такимъ образомъ правильныя занятія Коммиссіи еще не установились.—Отчего нѣтъ статьи Константина въ 3-мъ томѣ Русской Бесѣды? Катковъ довольно ловко объявилъ о прекращеніи нашего участія въ Русскомъ Вѣстникѣ, но его выходка противъ Тургенева очень нехороша. Это просто слѣдственный процессъ, въ которомъ онъ приглашаетъ публику быть судьей. Какъ-то поступитъ Тургеневъ?—Сочувствіе къ Русскому Вѣстнику въ провинціяхъ растетъ все сильнѣе и сильнѣе и ослабляетъ вліяніе Петербургскихъ журналовъ. Это дѣлаетъ честь публикѣ. Надо сознаться, что журналъ улучшался съ каждой книжкой и привлекъ къ себѣ публику не дрянными повѣстями и разсказами, не задоромъ критики, а больше всего тѣмъ, что отозвался на всѣ живые современные вопросы, именно статьями: объ Англіи, о Пруссіи, о крѣпостномъ состояніи, о судопроизводствѣ, Губернскими очерками Щедрина. Всѣ эти статьи имѣютъ большой успѣхъ, которому, говоря по совѣсти, нельзя не радоваться, хотя бы и хотѣлось, чтобы онъ принадлежалъ намъ, а не имъ. Бѣдная Бесѣда имѣетъ въ Харьковѣ только четыре подписчика, да и то — Университетъ, Архіерей, Квитка (по знакомству со мной, — теперь же онъ и за границу уѣхалъ) и еще кто-то. Русскій-же Вѣстникъ—чуть-ли не во всѣхъ домахъ, а съ будущаго года замѣнитъ петербургскіе, на которые перестаютъ

подписываться.—Я еще не имѣю свѣденій о числѣ подписчиковъ на Русскую Бесѣду на будущій годъ; въ нынѣшнемъ году она издавалась въ чистѣйшій убытокъ, и, не смотря на дѣльность книжекъ, я увѣренъ, что число подписчиковъ убавится. Это очень понятно. Это не журналъ, а четыре сборника, очень слабо удовлетворяющіе современнымъ требованіямъ, и именно теперь, когда послѣ потрясенія войны, при новой правительственной эпохѣ, все въ Россіи въ броженіи, все жаждетъ разрѣшенія поднятыхъ вопросовъ, не отвлеченныхъ, но жизненныхъ, животрепещущихъ. Это требованіе Общества не удовлетворяется Ѳеклушой, которая можетъ занять мѣсто въ одной изъ 24-хъ книжекъ журнала, но не въ одной изъ четырехъ! Или статьями Максимовича, отвлеченными статьями Гилярова. Только и читаютъ статьи Черкасскаго, да о желѣзныхъ дорогахъ. Мы въ такомъ положеніи, что высказывать вполнѣ своихъ мнѣній не можемъ, а, не высказывая ихъ вполнѣ, подаемъ поводъ къ недоразумѣнію, чему способствуетъ и недобросовѣстность прочихъ журналовъ, являемся такимъ-то тормазомъ, консерваторской партіей, когда все стремится впередъ.—Пусть издается Русская Бесѣда, изданіе другаго, ежемѣсячнаго журнала рѣшительно для насъ невозможно, даже ужъ потому, что нѣтъ молодыхъ горячихъ послѣдователей годныхъ въ работники и въ чернорабочіе. Къ тому жъ, нѣтъ сомнѣнія, и г. цензоръ Фонъ-Крузе гораздо снисходительнѣе къ Русскому Вѣстнику, чѣмъ къ Русской Бесѣдѣ. — Прощайте. Еще не могу сказать вамъ, когда васъ увижу. Дай Богъ, чтобы вы были крѣпки и бодры и здоровы. Съ какимъ нетерпѣніемъ жду вашихъ писемъ.

Декабря 6-го 1856 г. Харьковъ.

Вскорѣ по отправленіи послѣдняго моего письма къ вамъ, получилъ я ваше письмо отъ 23-го Ноября. Ну, слава Богу, оно меня много успокоило на счетъ здоровья Олиньки и всѣхъ васъ. Почта опаздываетъ, а слѣдовало бы мнѣ получить уже новое письмо отъ васъ. Дай Богъ, чтобы извѣстія были все такъ же утѣшительны.—Вотъ мы дотянулись и до Декабря! Здѣсь до сихъ поръ нѣтъ снѣгу, и погода очень

пріятная; за то дороги убійственны. — Теперь собственно я сильно занятъ по Коммиссіи, не отчетомъ, нѣтъ (объ немъ пока нѣтъ и помину!), а слѣдствіемъ, еще прежде мнѣ порученнымъ, именно допросомъ разныхъ господъ, выписанныхъ сюда изъ Одессы. Надѣюсь однако, что вся эта исторія (о сѣнѣ) кончится недѣли черезъ двѣ. Такъ какъ за тѣмъ у меня не имѣется въ виду порученія неоконченнаго, и нѣтъ опредѣленныхъ занятій,—къ отчету же еще не приступали, да и не приступятъ здѣсь (Князь Васильчиковъ предполагаетъ вообще писать его въ Москвѣ), то я думаю, что къ праздникамъ пріѣду въ Москву.—Вы спрашиваете — не нужны ли мнѣ деньги? Я уже писалъ, кажется, вамъ въ послѣднемъ письмѣ объ этомъ. Они нужны уже потому, что я занялъ здѣсь деньги у Демонса. — Въ Николаевѣ у насъ былъ, по крайней мѣрѣ, столъ общей складчиной, а здѣсь и этого нѣтъ, приходится обѣдать въ гостинницахъ. Вообще, послѣ войны все страшно вздорожало и на всѣ товары поднялись цѣны.—Прочелъ я кое-какія статьи въ Русской Бесѣдѣ. Надобно отдать справедливость, что и третій томъ очень дѣльный. — Письма Максимовича, независимо отъ достоинства ихъ филологическаго, о которомъ я не сужу, а пусть судитъ Константинъ, такъ живы, что ихъ можетъ прочесть съ интересомъ и не филологъ. Статья Аполлона Григорьева, хотя и написана увѣсистымъ языкомъ, однако очень занимательна по вопросу, которому она посвящена, вопросу вполнѣ современному и близкому каждому изъ насъ. Онъ его слабо рѣшаетъ, вообще не обнимаетъ вопроса во всей его полнотѣ, но чрезвычайно важно, что вносится такой нравственный критеріумъ въ эстетику. — Вы пишете, что Константинъ заваленъ работами по тремъ типографіямъ: да чтожъ онъ печатаетъ: ваше ли только, или свое? Его статьи нѣтъ въ Русской Бесѣдѣ. — Какъ я радъ, что вы пишете дѣдушкины разсказы и сказку Пелагеи. Я увѣренъ, что это будетъ превосходная вещь, которой сужденъ огромный успѣхъ.—Я думаю, что когда Тургеневъ и Некрасовъ воротятся изъ-за границы, то они выдерутъ Панаева за уши и поставятъ Современникъ въ прежнія отношенія къ Бесѣдѣ, да и къ вамъ. Здѣсь разнесся слухъ, что контрактъ съ Прейрой и Комп. объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ не состоялся. Какъ ни желаю

я желѣзныхъ дорогъ, но условія контракта, сколько мнѣ извѣстно, были не выгодны для Россіи: самый главный путь,— на югъ, который намъ нужнѣе теперь насущнаго хлѣба, долженъ былъ устроиться не ближе, какъ лѣтъ черезъ семь, тогда какъ къ Варшавской дорогѣ должны были приступить немедленно! Замѣчательно, что нѣтъ ни одного англичанина въ этой компаніи, а для насъ участіе англійскихъ капиталовъ потому уже было бы выгодно, что нѣтъ у насъ другаго средства сдерживать ее въ приличныхъ отношеніяхъ къ Россіи, хоть въ первые года.—Прощайте, будьте здоровы.

Къ Е. И. Елагиной по поводу смерти П. В. Кирѣевскаго.

Декабря 13-го 1856 г. Харьковъ.

Получилъ ваше письмо съ приложеніемъ писемъ О. Ѳед.— Хотя я съ послѣдней почтой и написалъ вамъ нѣсколько строкъ, чтобы увѣдомить о скоромъ отъѣздѣ изъ Харькова, не могу удержаться, чтобы не отвѣтить на ваше письмо письмомъ же, въ ожиданіи личнаго разговора. Полноте, дорогая Катерина Ивановна. Характеръ вашего горя таковъ, что оскорбляетъ память Петра Васильевича. Вы помрачаете его свѣтлый образъ. Благомъ долженъ онъ вѣять вамъ въ душу, а не вредомъ, ободрить на дальнѣйшій путь жизни. а не лишать силъ. Полноте, ободритесь, укрѣпитесь, соберитесь съ силами, оглянитесь кругомъ—у васъ дѣло есть. Благословите память человѣка, благодѣйствующаго вамъ и по смерти: пусть не изсякаетъ его добро, пусть не прекращается надъ вами его благая дѣятельность. Живите съ нимъ въ постоянномъ общеніи любви, той любви, для которой нѣтъ ни условій, ни пространства, ни времени, ни сожительства, ни разлуки, ни юности, ни старости, ни жизни, ни смерти. Пусть, какъ и прежде, образъ его будетъ для васъ зеркаломъ совѣсти. Любезная Катерина Ивановна, я вполнѣ понимаю ваше горе, я не предлагаю вамъ пошлыхъ утѣшеній, не стану увѣрять васъ, что въ замѣнъ Петра Вас. у васъ остались друзья: знаю, что ничто вамъ его не замѣнитъ, что цѣлая струна порвалась въ вашемъ сердцѣ; но да будетъ

изъята ваша горесть отъ страсти, ибо *страстность* горя, какъ и всякая страсть,—принадлежитъ къ области тьмы, плѣна, земли, плоти. Въ ней нѣтъ ни свѣта, ни свободы, нѣтъ *правды*, нѣтъ *вѣчности*, ибо страсть не вѣчна, какъ ни была бы сильна, подлежитъ условіямъ времени, обстоятельствъ, привычки (преподлая вещь—привычка!), тогда какъ всѣхъ этихъ условій не существуетъ для правды истиннаго чувства. Впрочемъ вы, женщины, находитесь часто въ зависимости отъ физическаго состоянія нервной системы, и вамъ непремѣнно надобно будетъ полечиться прозаически, сверхъ усилій, нравственныхъ, которыя вы, безъ сомнѣнія, приложите къ водворенію мира въ свою душу. Что касается до Василія Алексѣевича, то какъ ни тяжело ему (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему какъ русскому, какъ гражданину русской земли, какъ дѣятелю—тяжеле, чѣмъ даже вамъ), я все же увѣренъ, что онъ не поработится горю своему и не ослабитъ своей, возбужденной теперь, дѣятельности. И такъ — будьте же спокойнѣе, свѣтлѣе духомъ, любезнѣйшая Катерина Ивановна; да озаритъ вашу душу лучами мирнаго свѣта память Петра Васильевича.—Будьте бодры и благодушны. Прощайте, жму крѣпко вашу ручку и до свиданія. Обнимаю Василія Алексѣевича.

Пришлите въ гостинницу почтовую въ Орлѣ (хозяину гостинницы) записку о маршрутѣ въ настоящее Бунино, чтобы опять мнѣ не заблудиться, но лошадей нѣтъ надобности присылать, ибо я навѣрное не могу опредѣлить дня. До свиданія.

Къ Е. И. Елагиной.

6 Февраля. Четв. 1857 г. Москва.

Давно я не писалъ вамъ, любезная Катерина Ивановна, и не отвѣчалъ на ваши письма. Не знаю—увѣдомлялъ-ли я васъ о томъ, что засѣвъ, погрузился по уши въ отчетъ свой Географ. Общ. Дѣло это такъ мнѣ не сродно, что требовало полнаго устремленія всѣхъ способностей, самыхъ энергическихъ мѣръ съ моей стороны надъ моей особой! Я такъ и

поступилъ, выхожу къ своимъ изъ комнаты только къ утреннему чаю, къ обѣду, да на часъ времени, въ половинѣ 12-го, т. е. ночью; никуда не выѣзжаю, никого не вижу. Вслѣдствіе такихъ распоряженій дѣло мое много подвинулось, и Богъ дастъ, недѣли черезъ 2 съ половиною будетъ окончено, впрочемъ еще навѣрное не знаю. Были нѣкоторыя помѣхи, грозившія остановить надолго мой трудъ, но теперь, слава Богу, миновались. Знаете-ли вы о болѣзни Хомякова? Какъ мы перепугались! Онъ спасенъ, конечно милостію Божіей, но при ней и уходомъ друзей и гомеопатіей. Впрочемъ самая болѣзнь еще не такъ была страшна, сколько страшно было его убѣжденіе: съ перваго дня болѣзни (у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ или что-то въ этомъ родѣ съ тифознымъ характеромъ) онъ объявилъ, что умретъ въ Срѣтеніе и приказалъ собрать постель, на которой умерла Кат. Мих. и хотѣлъ лечь на нее, но кашель не далъ. Заболѣлъ онъ въ день ея смерти; послѣдній разговоръ его въ обществѣ былъ о томъ же, о чемъ и послѣдній разговоръ съ К. Мих. Словомъ, всѣ совпавшія вмѣстѣ обстоятельства сильно на него подѣйствовали. Страннымъ казалось бы это суевѣріе въ Хом., если-бъ не объяснялось тѣмъ, что онъ видѣлъ въ немъ милостивое предвареніе Божіе о томъ, чтобъ онъ приготовился къ смерти. И онъ говорилъ мужественно, серьезно, совершенно убѣжденный въ близкомъ концѣ. Онъ соборовался въ четвергъ и исповѣдывался, а въ пятницу причастился, воображая притомъ, что Срѣтеніе въ пятницу: разумѣется никто не захотѣлъ выводить его изъ заблужденія. Но пятница же была и 7 днемъ. Онъ призвалъ сына, объявилъ ему, что умретъ въ тотъ же или на другой день, велѣлъ даже платье приготовить, ждалъ смерти. Она не пришла. Къ вечеру ему сдѣлалось лучше, наступила суббота, срокъ прошелъ, и онъ убѣдился, что Богъ позволяетъ ему еще жить. Съ тѣхъ поръ ему все лучше и лучше, веселость возвратилась, но онъ еще очень слабъ и въ постели. Я увѣренъ, что это событіе будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на его жизнь. Разумѣется, во время этихъ дней было мнѣ не до работы, но теперь я опять закупорился. Впрочемъ вамъ вѣрно объ этомъ уже писали. Могу вамъ объявить новость: сестра моя Машенька выходитъ замужъ

за Егора Антоновича Томашевскаго, свадьба будетъ въ апрѣлѣ послѣ Святой—но я дожидаться свадьбы не стану.

Нынче послалъ я въ газеты публикацію: «Въ Германію, Италію и Францію Надвор. Совѣт. Аксаковъ жительство имѣетъ.» Признаюсь это очень весело! Я разсчитываю такъ: съ 1-й недѣли поста начать переписку, для чего я нанялъ 10 челов. писцовъ, чтобы разомъ все поднять. Думаю 3 марта ѣхать съ готовымъ переписаннымъ и переплетеннымъ отчетомъ (онъ составитъ 2 толстыхъ тома in folio) въ Петерб., тамъ сдать его Географ. Общ. и въ концѣ 3 недѣли ѣхать уже прямо изъ Петерб. на Варшаву. Я бы охотно уѣхалъ на годъ, но мнѣ предстоитъ, *можетъ быть*, изданіе Бесѣды, для чего я долженъ буду воротиться къ октябрю. Да наконецъ и средствъ нѣтъ достаточныхъ. Я дѣлаю заемъ для своей поѣздки. Впрочемъ это все еще предположенія, еще не оконченъ самый отчетъ.... Но мнѣ необходимо отдохнуть послѣ такой трудовой жизни, особенно въ теченіи послѣднихъ 3-хъ лѣтъ. Я очень усталъ. Когда напечатается мой отчетъ, вы ахнете и навѣрное подивитесь моему терпѣнію: это просто каторжная работа! Пишу о щетинѣ, о салѣ, о воскѣ....

Ваша Вѣра Васильевна Павлова бываетъ у насъ довольно часто, но я ее не вижу, равно какъ и никого изъ гостей. Она, кажется, подружилась съ сестрами, особенно какая-то съ ней очень хорошенькая Пистолькорстъ. Мужъ ея полюбился моему отцу и часто ѣздитъ къ нему играть въ карты. Нынче вдругъ, внезапно явился Стаховичъ и прочелъ мнѣ протоколъ о пѣсняхъ Петр. В. Необходимо его помѣстить въ 1 томѣ бесѣды какъ «литературное извѣстіе или объявленіе». Можетъ быть, не мѣшало бы помѣстить его въ Московъ. Вѣдом., но тамъ мы не распоряжаемся, это уже непріятельскій аванпостъ. Я очень рада, что Ян. такъ горячо принялся за дѣло. Нечего ему благодарить меня за брата, напротивъ, я виноватъ противъ него въ томъ отношеніи, что будучи очень занятъ, я съ нимъ видался не болѣе какъ на полчаса. Я далъ ему письмо къ Бѣляеву, который и промыслилъ ему билетъ на слушаніе лекцій и далъ ему письмо къ Безсонову, который остался Якушкинымъ очень доволенъ и даже открылъ въ немъ авторскій талантъ. Онъ читалъ Безсонову какіе-то свои очерки, чрезвычайно интересные, говоритъ Безсоновъ.

Но я теперь поступаю совершенно эгоистически со всѣми и отстраняю отъ себя всѣ интересы, чуждые моему труду, а потому я увѣренъ, любезнѣйшая Катер. Ивановна, что и вы простите мнѣ и долгое мое молчаніе, и безсвязность этого моего письма. Говорятъ, Батюшковъ здѣсь. Мы, да и никто изъ нашихъ его еще не видали; онъ пріѣхалъ въ то время, когда намъ грозило совершенное духовное сиротство, въ случаѣ смерти Алек. Степ. Эти минуты показали, что значитъ для всѣхъ Хомяковъ. Вторниковъ у Кошелева не было, а то вѣрно Бат. былъ бы тамъ. Впрочемъ Конст. къ нему отправится), но я, сердитесь на меня, ни пяди изъ дому, развѣ только на полчаса. Прощайте, любезнѣйшая Кат. Ив. Будьте бодры и здоровы. Я еще буду писать къ вамъ, какъ только освобожусь нѣсколько. Обнимаю крѣпко Вас. Алек. Будите его къ дѣятельности. Благодарю васъ за присылку письма О. Теперь уже онъ адресуетъ прямо въ Москву. Весь вашъ

Ив. Аксаковъ.

На этотъ разъ Иванъ Сергѣевичъ не праздно провелъ въ Москвѣ три мѣсяца: онъ успѣлъ наконецъ расквитаться съ Географическимъ Обществомъ и дописалъ свой отчетъ объ изслѣдованіи Украинскихъ ярмарокъ, и самъ повезъ его въ Петербургъ. Географическое Общество было вполнѣ вознаграждено за долгое ожиданіе и оцѣнило трудъ автора по его заслугамъ, наградивъ его Константиновскою медалью. Въ послѣдствіи, отчетъ этотъ былъ изданъ тѣмъ же Обществомъ и составилъ объемистую книгу (383 стр. in 1°) и замѣчателенъ не только по тщательности изслѣдованія, вѣрности взгляда, но и по умѣнью автора придать живость и изящество изложенія сухому статистическому матеріалу. Иванъ Сергѣевичъ получилъ за него Демидовскую премію Академіи Наукъ. Пробывъ въ Петербургѣ около мѣсяца, онъ выѣхалъ за границу, въ осуществленіе давно предначертанной имъ себѣ программы заключить свое «бродяжничество», какъ онъ иногда выражался, путешествіемъ по чужимъ краямъ, послѣ котораго намѣревался уже серьезно приняться за какое-нибудь постоянное дѣло. Къ сожалѣнію, отъ этой

первой поѣздки за границу уцѣлѣло весьма немного писемъ, не дающихъ полной картины его перваго впечатлѣнія. Вотъ онѣ.

ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ.

Первая поѣздка.

Среда 13 Марта 1857 г. Петербургъ.

Ну, милый Отесинька и милая Маменька, благословите: ѣду и ѣду нынче, въ почтовой каретѣ, *внутри* кареты. Кажется, всѣ препятствія побѣждены. Мѣста дѣйствительно всѣ заняты до 28 Мая, никто не присылалъ отказываться, и я уже пустилъ было въ ходъ хлопоты о назначеніи новой кареты, чтó, вѣроятно бы, мнѣ не удалось, какъ наконецъ узналъ я, что оба мѣста въ каретѣ, отправляющейся нынче вечеромъ, взяты *однимъ* полковникомъ конногвардейскимъ, Чичеринымъ. Я къ нему — встрѣтилъ его уже на улицѣ, вышедшимъ со двора,—предложилъ ему вопросъ, ѣдетъ ли онъ и съ кѣмъ? Онъ отвѣчалъ, что ѣдетъ одинъ и два мѣста взялъ для того, чтобы ему было покойнѣе. Не трудно было убѣдить его, что этотъ расчетъ мѣшаетъ другимъ пользоваться учрежденіемъ почтовыхъ каретъ; словомъ—онъ очень скоро согласился уступить мнѣ одно мѣсто, особенно, когда я назвалъ свою фамилію и объяснилъ, что я сынъ автора Семейной хроники. Такимъ образомъ и уладилось все дѣло.— *Хорошаго* ничего сообщить изъ Петербурга нечего. Онъ отвратительнѣе, чѣмъ когда либо; безбоязненно и смѣло гнусенъ, а прежде хоть страхомъ сдерживался. Дѣло эманципаціи плохо.—Отчетъ свой я сдалъ благополучно Литке: былъ съ нимъ у Милютина, у Безобразова, у Небольсина. Всѣ приняли меня съ величайшимъ уваженіемъ, ласкою, комплиментами и, кажется, будетъ назначена премія. Прощайте, будьте же здоровы и добры, благословите меня *).

---

*) На это письмо Сергѣй Тимофеевичъ отвѣчаетъ: „Письмо твое изъ Петербурга, писанное въ день отъѣзда, очень насъ порадовало. Ты очень счастли-

Парижъ. Апрѣля 19—1 Мая, 1857 г. Ѳомина недѣля.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я въ Парижѣ. Я пріѣхалъ во время: Парижъ не только въ сборѣ, но еще оживленнѣе теперь, чѣмъ зимою, и по случаю теплой погоды и по случаю пріѣзда Великаго Князя Константина Николаевича. Парижанамъ, какъ Римлянамъ, нужны зрѣлища. Вчера густая толпа покрывала сплошь всѣ бульвары, по которымъ долженъ былъ проѣхать Великій Князь, всѣ дома были украшены коврами и флагами, русскими и французскими; развивалось и итальянское знамя, — но не видно было ни турецкаго, ни англійскаго. Англійскій посланникъ уѣхалъ изъ Парижа, чтобы не участвовать въ празднествахъ; ненависть французовъ къ англичанамъ усиливается съ каждымъ днемъ до такой степени, что даже переступаетъ предѣлы внѣшняго и политическаго приличія. Это обстоятельство усиливаетъ во французахъ расположеніе къ русскимъ; Великій Князь имъ очень понравился.—Русскихъ здѣсь—про-

---

во нашелъ себѣ мѣсто внутри почтовой кареты. И такъ ты теперь гуляешь по Европѣ! Хотя я никогда, ни на одну минуту не пожелалъ путешествовать, но понимаю это чувство въ другихъ. Дай только Богъ, чтобы ты былъ здоровъ, а польза отъ твоего путешествія необходимо будетъ. Ты увидишь своими глазами, до какихъ жалкихъ результатовъ довела народы, такъ называемая, цивилизація. Ты снисходительнѣе взглянешь на всѣ наши недостатки и неустройства и на испорченность общества. У насъ по крайней мѣрѣ есть будущее, а въ Европѣ его ужъ нѣтъ.—Можетъ быть, ты очень не скоро получишь это письмо, но за неимѣніемъ свѣжихъ, вотъ тебѣ старыя новости изъ Россіи. Хомякову лучше, и никто не опасается за его здоровье. Сегодня въ ночь получена депеша, что *Молва* дозволена. Конста рѣшается издавать съ Апрѣля. Я ни въ чемъ его не насилую, хотя печальный конецъ этой газеты вижу очень ясно. Я пишу и довольно успѣшно. Третьяго дня было у насъ великолѣпное чтеніе. Было 45 человѣкъ, въ томъ числѣ 23 дамы. Я въ первый разъ любовался на эту пеструю, внимательно слушающую толпу. Я сейчасъ получилъ письмо отъ всѣхъ студентовъ Петербургскаго Университета за подписью 12-ти редакторовъ изъ всѣхъ факультетовъ. Они просятъ моего совѣта и одобренья ихъ литературныхъ ученыхъ трудовъ, которые будутъ издаваться въ видѣ Сборниковъ. Письмо оканчивается такъ: Прежде всего пришло намъ всѣмъ на мысль обратиться къ автору Семейной Хроники и Воспоминаній; и мы увѣрены, что наши чувства не обманули насъ. Вы въ теченіи всей своей жизни съ любовью поддерживали и ободряли русскую мысль и всѣми силами способствовали ея могучему проявленію.—500 студентовъ твердо вѣруютъ, что Вы откликнитесь на ихъ голосъ, поднятый во имя истины и добра."—Это братъ меня расшевелило!! Прощай, мой милый другъ и сынъ! благословляю тебя и молю Бога, да благословитъ онъ твое путешествіе и благополучный къ намъ возвратъ.

сто гибель; я отыскалъ только своихъ старыхъ знакомыхъ, а прочихъ избѣгаю; здѣсь Князь Львовъ съ женой, Арнольди съ женой, Князь Урусовъ (Оберъ-Секретарь) и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, который обрадовался мнѣ чрезвычайно и взялся быть моимъ чичероне по Парижу.—Вотъ вамъ перечень моего путешествія со времени послѣдняго письма. Изъ Мюнхена я отправился въ Нюрембергъ. Это такая прелесть, весь Нюрембергъ, торгующій игрушками, самъ—такая чудная средневѣковая игрушка, что я съ удовольствіемъ пожилъ бы въ немъ недѣлю и, вѣроятно, заѣду какъ-нибудь опять. Какъ-то хорошо и тепло среди этихъ воспоминаній въ Нюрембергѣ, даже контрастъ прошлаго съ новымъ не очень оскорбляетъ; вѣяніе вѣковъ отжитой жизни дѣйствуетъ, я увѣренъ, благотворно, спасительно на жителей и ихъ нравственность. Замѣчательно, что Нюрембергъ первый освѣтился газомъ, первый завелъ желѣзную дорогу во всей Баваріи. Бродя поздно вечеромъ по Нюрембергу, я вспоминалъ и понималъ Гоффмана. Изъ Нюремберга въ Бамбергъ, также старинный, съ древними памятниками городъ, хорошо знакомый и Константину; оттуда въ Вюрцбургъ. Отъ Нюремберга до Вюрцбурга—мѣстность великолѣпная, примыкающая къ такъ называемой Франконской Швейцаріи. Потомъ во Франкфуртъ, гдѣ еще засталъ ярмарку. Изъ Франкфурта черезъ Майнцъ въ Страсбургъ. Много уже видѣлъ я чудныхъ памятниковъ готической архитектуры, но Страсбургскій соборъ таковъ, что на него нельзя довольно наглядѣться. Была въ то время служба, гремѣлъ органъ. Какъ ни ненавистно мнѣ католичество, но холодомъ обдавало, когда воображалъ себѣ этотъ храмъ доставшимся протестантамъ, или протестантское богослуженіе въ этомъ храмѣ. Со временъ Лютера изчезаютъ почти памятники архитектуры и живописи для Германіи, какъ изчезли всѣ идеалы, всѣ неясныя, неопредѣленныя стремленія. Съ этого времени начинаютъ вамъ показывать дома, гдѣ жили великіе мыслители и поэты германскіе. А теперь уже ничего нѣтъ въ современности, кромѣ пошлаго, до нельзя измельчавшаго быта и отвлеченно-ученаго отношенія ко всѣмъ явленіямъ прошлаго. Альзасъ смѣшонъ нѣсколько своими офранцуженными нѣмцами. Это офранцуженіе, впрочемъ, совершилось само со-

бою, безъ всякаго насилованія. Изъ Страсбурга, по дорогѣ въ Парижъ, я остановился въ Нанси, гдѣ провелъ почти сутки: мнѣ хотѣлось осмотрѣть провинціальный городъ. Переѣзжая изъ Германіи во Францію, вы чувствуете, что въѣзжаете въ цѣлое государство, съ цѣльностью поземельною и народною. Германія раздроблена на кусочки и каждый кусочекъ постоянно наряженъ, ради путешественниковъ; Франція живетъ сама для себя и является такою, какъ она есть у себя дома. Въ обработкѣ полей, въ устройствѣ дорогъ, въ содержаніи городовъ—рѣзкая разница съ Германіей; все это стоитъ во Франціи на степени несравненно низшей. Постройки въ городахъ не красивы вообще, архитектура частныхъ домовъ безобразна. Если и встрѣчаете вы памятники старины, такъ чувствуете, что между ними и современной Фраціей нѣтъ никакой связи, что преданій долѣе революціи уже не существуетъ для Франціи. Да и памятники эти какъ-то мало говорятъ, по крайней мѣрѣ я самъ оставался холоденъ, глядя на нихъ. Гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе производили на меня слѣды полустертыхъ надписей на стѣнахъ: liberté, fraternité, egalité.— Наконецъ пріѣхалъ я въ Парижъ. Это было вечеромъ. Я былъ ошеломленъ, озадаченъ шумомъ, гуломъ, движеніемъ, блескомъ. Онъ показался мнѣ волшебнымъ городомъ. Это впечатлѣніе черезъ сутки прошло, но первый натискъ этого шумящаго, кипящаго водоворота жизни на нервы человѣка, привыкшаго къ русскимъ городскимъ пустынямъ,— очень силенъ. Четыре тысячи парижскихъ кофейныхъ — съ зеркальными стеклами и съ зеркалами, отражающими газовыя люстры и народъ, толпящійся въ кофейныхъ, придаютъ Парижу вечеромъ видъ фантастическаго праздничнаго пира.— Я остановился въ Hôtel de Bade, Boulevard des Italiens, на пятомъ этажѣ. Первые два дня я только бѣгалъ пѣшкомъ по Парижу, по бульварамъ, по набережнымъ, по мостамъ, заходилъ вечеромъ въ театръ; но — странно признаться — когда первое впечатлѣніе прошло,—мнѣ перестало быть весело. Французы отвратительны своею мелкотой, своею ограниченностью, своимъ глубокимъ развратомъ, не въ обыкновенномъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а тѣмъ развратомъ, который проявляется въ понятіяхъ, стремленіяхъ, побужде-

ніяхъ, въ двигателяхъ внутреннихъ. Здѣсь человѣкъ оподленъ до comme il faut, трехлѣтнюю дѣвочку учатъ кокетничать, всякое слово, фраза, всякое—самое рѣзкое движеніе—поза. Но всего возмутительнѣе—это могущество, это власть этой ограниченности надъ міромъ, это раболѣпство умныхъ народовъ, у которыхъ есть жизнь духовная, предъ внѣшнимъ блескомъ чисто внѣшней жизни.—Я пробуду здѣсь еще дней десять, осмотрю Луврь, Версаль, разныя заведенія, сады, послушаю французскихъ профессоровъ и уѣду. Мнѣ кажется, человѣкъ здѣсь долженъ страшно поглупѣть во Франціи. Мнѣ какъ-то совѣстно быть въ Парижѣ и нерѣдко въ оглушительномъ шумѣ парижской толпы на бульварахъ,—рисуется мнѣ море голубое, горы,—словомъ, хочется трезвыхъ, чистыхъ, серьезныхъ впечатлѣній.—Тургеневъ хандритъ, совсѣмъ размякъ, тоскуетъ въ Парижѣ, собирается недѣли на двѣ въ Лондонъ, потомъ въ Германію на воды и развѣ къ зимѣ будетъ въ Россію. Онъ былъ очень боленъ, но теперь въ обыкновенномъ своемъ положеніи; съ величайшею подробностью спрашивалъ онъ о васъ, милый Отесинька и о Константинѣ. Толстой въ Женевѣ. То, что мнѣ разсказали про него, очень характеризуетъ его, и съ хорошей стороны. Можно ли было себѣ воображать, что Парижъ его возмутилъ и оскорбилъ до глубины души; онъ не могъ въ немъ оставаться. Кто-то посовѣтовалъ ему посмотрѣть казнь. Я, и не съ его нервами, не рѣшался никогда смотрѣть казнь, а на него видъ, какъ публично зарѣзываютъ человѣка, произвелъ такое впечатлѣніе, что гильотина снилась ему во снѣ. Ему казалось, что его самаго казнятъ; проснувшись, онъ высмотрѣлъ какую-то царапину на своей шеѣ, страшно испугался, объяснилъ себѣ, что это его чортъ оцарапалъ, тутъ же какъ-то пришлось 28-е число и онъ вдругъ исчезъ — и уже написалъ съ береговъ Женевскаго озера, гдѣ живетъ и наслаждается видомъ чудной природы, проклиная Парижъ съ его удовольствіями. Вотъ вамъ адресъ Тургенева: Rue Arcade, № 11.—Что-то у васъ подѣлывается? Хочу думать, что все благополучно,—но желалъ бы знать навѣрное. Писемъ отъ васъ я еще не имѣю, кромѣ перваго, полученнаго въ Мюнхенѣ. Завтра опять пойду на почту. Прощайте, я пишу вамъ мало, или лучше сказать довольно рѣдко, но это

потому, что рѣшительно времени нѣтъ и страшно устаешь. Прощайте, спѣшу въ Palais de Justice, въ публичный судъ *).

1857 г. Апрѣля 24—6 Мая. Парижъ.

Вотъ уже второе письмо пишу я вамъ изъ Парижа, а отъ васъ писемъ все нѣтъ; опять написалъ я въ Мюнхенъ, чтобы переслали ваши письма сюда, авось либо на этой недѣлѣ получу. Во Вторникъ или Среду я предполагаю выѣхать изъ Парижа въ Орлеанъ, потомъ въ Ліонъ, Марсель и оттуда въ Римъ или прямо моремъ, или же чёрезъ Ниццу въ Туринъ, изъ Турина во Флоренцію и т. д. По полученіи этого письма, прошу васъ адресовать письма въ *Римъ*. — Впрочемъ я имѣю о васъ извѣстіе черезъ Арнольди, которому родные его жены пишутъ очень часто: ему пишутъ, что отъ меня получено письмо изъ Дрездена, что на дняхъ дол-

---

*) Изъ сохранившихся отвѣтовъ Сергѣя Тимофеевича видно, что до этого письма изъ Парижа было получено еще четыре письма отъ Ив. Серг.: изъ Варшавы, изъ Дрездена отъ 23 марта, про которое Серг. Тим. выражается такъ: „Дрезденское письмо твое исполнено такой молодой радости, что мнѣ и весело, и даже досадно было, что ты слишкомъ радуешься; но всѣ читавшіе твое письмо приходили отъ него въ восхищеніе. Совершенно вѣря твоей искренности, я не перестаю удивляться, какъ могла произвести на тебя такое глубокое впечатлѣніе Дрезденская Мадонна; если-бъ ты былъ живописецъ, художникъ въ этомъ дѣлѣ — такъ. Но мы съ тобой вѣдь профаны. Неужели и со мной могло быть что-нибудь подобное? Въ одномъ ты совершенно правъ, что мы „и дома не дома, и дома все какъ-будто играемъ комедію“; — изъ Штутгарда отъ 2-го апрѣля и изъ Мюнхена отъ 6-го апрѣля, въ отвѣтъ на которое Сергѣй Тимофеевичъ, между прочимъ пишетъ: „Письмомъ твоимъ я очень доволенъ. Много сказано въ немъ глубокаго, и, сколько я могу судить, вѣрнаго или по крайней мѣрѣ очень умнаго. Я получилъ вторичное письмо отъ имени петерб. студентовъ, въ отвѣтъ на мое. Вотъ тебѣ изъ него выписка: „Первое имя, названное студентами, было ваше. Навсегда памятною останется эта прекрасная минута; со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, чтобы писать къ вамъ.... Вы отозвались съ такимъ сочувствіемъ, что ваши юные почитатели рѣшительно не находятъ словъ для выраженія своей душевной признательности. Отнынѣ ваше мнѣніе сдѣлалось для университ. юношества—общественнымъ мнѣніемъ. Вмѣсто того, чтобы спросить, какъ будетъ встрѣчено какое-либо предпріятіе ихъ общественнымъ мнѣніемъ, студенты говорятъ: „а что скажетъ объ этомъ Аксаковъ“? Примите же душевно чтимый Серг. Тим. выраженіе нашей общей глубокой и правдивой благодарности, считайте студентовъ Петерб. университета людьми близкими къ вамъ по духу, горячо любящими васъ и убѣжденными, что вамъ принадлежитъ неотъемлемое право благословить ихъ на благое дѣло, что вы со всею справедливостью носите святое имя гражданина-писателя“. Я былъ тронутъ. Надобно признаться, что я, какъ писатель, очень счастливъ горячностью сочувствія къ моей личности.

женъ былъ выйти (и вѣрно вышелъ уже) первый номеръ Молвы, что Хомяковъ еще не совсѣмъ оправился. И такъ я знаю, что у васъ все болѣе или менѣе благополучно, и это даетъ мнѣ возможность терпѣливо ожидать вашихъ писемъ.—Послѣднее мое письмо могло показаться вамъ очень страннымъ и неестественнымъ, потому что неестественно, по пріѣздѣ въ Парижъ, стать къ нему сейчасъ въ отношеніе резонерствующее, вмѣсто того, чтобы свободно отдаться впечатлѣнію, производимому шумомъ, блескомъ, движеніемъ, словомъ, всею возней и ходомъ жизни полутора милліона людей. Правда, я принадлежу къ тѣмъ людямъ нашего времени, которые уже утратили или, лучше сказать, изказили свободу и правду первоначальныхъ впечатлѣній—постоянной повѣркой, взвѣшиваніемъ, анализомъ впечатлѣній, и внутренній контролеръ съ какими-то канцелярскими привычками отчетности постоянно мѣшаетъ и досаждаетъ во мнѣ путешественнику. — Когда я пріѣхалъ въ Парижъ, я былъ озадаченъ, оглушенъ, подавленъ, такъ сказать, взятъ приступомъ и потому первымъ, невольнымъ движеніемъ было оріентироваться, отыскать точку зрѣнія. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль, съ ранняго утра до поздней ночи бродя по Парижу и осматривая его, я старался взглянуть на Парижъ и на Францію безпристрастно, чтобы отыскать и понять тѣ добрыя стороны, которыя даются же Богомъ каждому народу. Можно бы написать цѣлую длинную статью объ этомъ, но писать мнѣ рѣшительно некогда и я ограничиваюсь только краткими, впрочемъ довольно подробными отмѣтками на память, что исполняю аккуратно каждый день, ложась спать.—Я бы желалъ перенести васъ хоть на одни сутки въ Парижъ и посадить на троттуаръ бульвара, хоть Boulevard des Italiens. Можно просидѣть цѣлые сутки не соскучась. Шумныя толпы народа ежесекундно проносятся передъ вами, тысячи омнибусовъ, каретъ, скачутъ и гремятъ, зеркальныя стекла магазиновъ такъ затѣйливо убраны товарами, что глаза разбѣгаются; черезъ каждые двадцать шаговъ лавочки со всѣми возможными газетами этого дня; столбы, оклеенные афишами, возвѣщающими спектакли въ 27 театрахъ, концерты, балы, увеселенія—въ 50-ти пунктахъ разомъ, объявленія о разныхъ торговыхъ предпріятіяхъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ

свѣта, о новѣйшихъ открытіяхъ. А вечеромъ это такое освѣщеніе, котораго мы въ Россіи и представить себѣ не можемъ. Улица—вечеромъ точно бальная зала. Прибавьте къ этому чудную погоду, растворенныя всюду окна и двери, тысячи стульевъ и маленькихъ столиковъ на троттуарахъ, широкихъ какъ у насъ улицы, столиковъ, за которыми сидятъ тысячи мущинъ и женщинъ, читая газеты, живо и шумно разговаривая на всѣхъ языкахъ міра. Это не праздникъ, не гулянье, а будничная жизнь. Здѣсь такая привычка общественной жизни, что никто не смущенъ, всякій будто дома на улицѣ, никому другъ до друга нѣтъ дѣла, всѣ сословія смѣшиваются вмѣстѣ. Это внѣшняя сторона жизни Парижа, едва ли не самая обаятельная. Въ Парижѣ надо сдѣлаться на нѣсколько времени просто фланеромъ, бродить, да смотрѣть на стороны. Невольно испытываешь что-то похожее на чувство провинціала, пріѣхавшаго въ столицу, на восхищеніе капитана Копейкина. Вообще Парижъ великолѣпный городъ, великолѣпный не дворцами, не правильностью улицъ, не симметріею зданій, а громадными размѣрами, свободою и разнообразіемъ зданій, площадями, садами, мостами, гористою мѣстностью.—Сена не шире Москвы рѣки, но какъ она хороша вечеромъ при газовомъ освѣщеніи ея 20-ти мостовъ! Не могу ни на минуту забыть про наши города, гдѣ нельзя выстроить дома о пяти окнахъ не по Высочайше учрежденному фасаду, про Москву, гдѣ ломаютъ каменный мостъ, какъ лишній. Любопытно мнѣ взглянуть на Лондонъ и сравнить его съ Парижемъ.—Вотъ внѣшнее очарованіе Парижа, но оно изчезаетъ, если вы вглядитесь въ эту жизнь поближе, если послушаете, о чемъ говорятъ, если взойдете въ театры и посмотрите, чѣмъ восхищаются французы, если вступите въ бесѣду съ французомъ. Чувствуешь напротивъ, что пустѣешь и мельчаешь въ этой средѣ, ни одна мысль глубокая не сойдетъ на васъ, не посѣтитъ васъ здѣсь вдохновеніе, не шевельнется ни одна задушевная струна. Среди этого простора внѣшняго вамъ скоро сдѣлается тѣсно и душно, потому что нравственная, духовная среда узка, мелка, ограниченна, отовсюду видны края и дно, стремленій высшихъ нѣтъ, а одна самодовольная и веселая ограниченность. Если вдругъ придетъ вамъ

на память стихъ Гете, Шиллера, Шекспира, русскаго поэта или мотивъ Бетховенскій, если вдругъ какъ-то свѣжо взглянется вамъ на безоблачное голубое небо, на зелень, на мѣсяцъ,—вамъ сдѣлается стыдно и совѣстно, будто обиженъ вами и загнанъ суетой внѣшней жизни внутренній человѣкъ. Можно сказать, что это испытываешь на каждомъ свѣтскомъ раутѣ. Пожалуй,—но здѣсь вы постоянно на раутѣ, здѣсь царство, здѣсь могучее владычество этой суеты, этой внѣшности, этой лжи. — Наслажденій не даетъ Парижъ, у него только забавы,—а я, да и всѣ сколько-нибудь мыслящіе или дѣловые люди неспособны къ безпечной забавѣ; мы не можемъ какъ французъ—дѣлать изъ забавы дѣло и цѣль жизни. Мы не умѣемъ забавляться; къ этому способны у насъ только кавалерійскіе, гусарскіе офицеры. — Былъ я въ театрахъ десяти, но почти ни въ одномъ не могъ высидѣть до конца. Можно посмѣяться часъ какой-нибудь глупой фарсѣ, но смѣяться шесть часовъ сряду, да каждый день, какъ дѣлаютъ французы—для насъ невозможно. Вы взглянете весело и на водевиль и на cancan, но жить въ мірѣ водевилемъ и cancans — не согласитесь ни за что на свѣтѣ. Забавы Парижа меня не забавляютъ нисколько; но обаятельно дѣйствуетъ на меня присутствіе 1.200,000 людей, шумъ, стукъ, блескъ жизни; не могу сказать—свобода жизни, потому что тяготѣніе гнуснаго французскаго императора чувствуется всюду. Здѣсь, пожалуй, можно устроить очень пріятную жизнь, исполненную всякихъ дешевыхъ благъ. Напримѣръ: поутру вставши пить чай или кофе, читая новую газету, возвѣщающую вамъ ежедневныя событія почти всей вселенной; потомъ отправиться въ какой-нибудь судъ и послушать знаменитаго адвоката, оттуда зайти въ Collège de France или Sorbonne на театральное представленіе, т. е. на лекцію какого-нибудь французскаго профессора, лишенную серьезнаго достоинства, но забавную шарлатанствомъ, фразами, милою ограниченностью мысли преподающаго и восторженнымъ сочувствіемъ публики,—при каждомъ возвышеніи голоса, при каждой фразѣ профессора. Оттуда — зайдите на биржу, гдѣ оглушительный крикъ не умолкаетъ въ теченіе какихъ-нибудь восьми часовъ, гдѣ такъ и обдаетъ васъ горячечный жаръ корысти. Просто адъ! Доставивши себѣ,

вмѣсто пряности, и это ощущеніе, зайдите въ Café de France, гдѣ 2000 народа толпятся, читая журналы или играя на 24-хъ билліардахъ: это кондитерская! Потомъ ступайте пофланировать на бульварахъ, гдѣ съ трехъ до пяти часовъ тѣснятся уже не дѣловыя, а прогуливающіяся толпы, или въ Тюильерійскій садъ, гдѣ цѣлыя полчища красивыхъ, щегольски разодѣтыхъ дѣтей бѣгаютъ, кричатъ, рѣзвятся, или въ Champs Elysées — прекрасный паркъ, гдѣ такія же толпы гуляющихъ, и раздается музыка въ балаганахъ, какъ у насъ на масляницѣ, или, наконецъ, въ Bois de Boulogne, гдѣ опять толпы гуляющихъ. Потомъ обѣдать къ знаменитому ресторану, оттуда въ Café какой-нибудь—покурить, выпить кофе на троттуарѣ,—потомъ или въ театръ, или въ концертъ, или на балъ — подъ открытымъ небомъ, среди деревьевъ, освѣщенныхъ, какъ въ Bal Mabille, пятью тысячами газовыхъ рожковъ! Но такъ можно прожить только нѣсколько дней. Если прожить здѣсь долго и пріобщиться вполнѣ къ парижской жизни, такъ страшно понизится человѣкъ въ человѣкѣ. Душа не выноситъ этой легкости жизни и требуетъ дѣятельности или дѣятельнаго труда или дѣятельныхъ ощущеній. Я такъ и рвусь вонъ изъ Парижа, особенно потому, что такъ грѣетъ солнце и зелень такъ хороша. Но меня задерживаютъ здѣсь мои заказы бѣлья и платья, а главное—систематическое мое посѣщеніе судовъ. Здѣсь живетъ Князь Урусовъ, М. Оберъ—секретарь, прекрасный человѣкъ (Константинъ его знаетъ). Онъ превосходно изучилъ французское судопроизводство и былъ моимъ руководителемъ. Судопроизводство во Франціи едва ли не самый лучшій серьезный плодъ ея развитія. Когда я въ первый разъ провелъ утро въ Cour d' Assises, видѣлъ Jury, составленное изъ портныхъ, сапожниковъ и вообще людей частныхъ, не служащихъ, присутствовалъ при допросахъ и дебатахъ, слышалъ наконецъ, какъ Jury, нѣмые свидѣтели и слушатели всего происходившаго передъ ними, выйдя на нѣкоторое время изъ залы для совѣщаній, воротились въ нее—произнесли свое мнѣніе, я невольно вспомнилъ свои утра въ Уголовной Палатѣ и Сенатѣ, свои слѣдствія. Вспомнить страшно! Я пришелъ просто въ восторгъ: этотъ публичный, общественный судъ, этотъ нравственный элементъ, вносимый присяжными во внѣшнее, фор-

мальное правосудіе закона, эти допросы, не таящіеся отъ свѣта, это уваженіе къ суду и судьямъ общества, эта честность гражданская, все это сильное произвело на меня впечатлѣніе. Я ожидалъ, что по обычаю французовъ судъ будетъ имѣть характеръ театральный. Нисколько. Театральны только адвокаты — и я бы постарался придумать средство обойтись безъ нихъ. Замѣчательно, что только въ судебномъ сословіи и живетъ преданіе во Франціи. Адвокаты, судьи— большею частью происходятъ изъ семействъ, которыхъ члены нѣсколько вѣковъ сряду преемственно занимали судебныя должности. Почти у всякаго есть юридическая коллекція и книгъ и документовъ, доставшаяся отъ прадѣдовъ. Судьи и адвокаты всѣ въ судѣ сидятъ въ черныхъ—robes, съ шапочками средневѣковыми на головахъ.—Я перебывалъ такимъ образомъ во всѣхъ судахъ всѣхъ инстанцій, слышалъ очень знаменитыхъ адвокатовъ, присутствовалъ даже, благодаря протекціи Урусова, въ засѣданіяхъ huis-clos, т. е. когда для избѣжанія соблазна—засѣданіе не публично (въ дѣлахъ—гдѣ оскорбляется нравственная щекотливость общества, непристойныхъ черезчуръ). Какая серьезность искренняя!—Званіе адвоката такъ почтенно, что многіе изъ адвокатовъ, бывшіе министрами или президентами собраній— опять воротились въ это званіе, напр. Crémieux Leunard. Еще, что замѣчательно во Франціи, но въ другомъ отношеніи—это *войско*, чудное войско, здоровое, сытое, бодрое, подвижное, *сестры* милосердія, пользующіяся такимъ высокимъ уваженіемъ въ обществѣ, вполнѣ его заслуживающія и трудящіяся во всѣхъ тюрьмахъ и больницахъ (хочется разъяснить, какимъ образомъ возникъ этотъ плодъ на гниломъ деревѣ католицизма); наконецъ—равенство сословій: вы чувствуете, что оно вошло въ кровь француза. Самый знатный господинъ говоритъ самому простому мужику не иначе—какъ Monsieur, и знатность происхожденія, даже богатсво не нарушаютъ этого равенства. Вы этого не чувствуете въ Германіи. А долженъ я сознаться, что я очень обрадовался нѣмцу путешественнику, встрѣтившись съ нимъ гдѣ-то въ магазинѣ: можно было по крайней мѣрѣ съ нимъ побесѣдовать: есть мысль и знаніе. Съ французомъ невозможно сблизиться—такъ онъ узокъ. Я видѣлъ почти все

замѣчательное въ Парижѣ и въ другой разъ нарочно въ него заѣзжать не буду. Теперь нѣсколько словъ о русскихъ. Я познакомился здѣсь съ Княземъ Орловымъ, сыномъ. Какой хорошій человѣкъ! Онъ выписываетъ Русскую Бесѣду; раны его заживаютъ, кромѣ глаза, который вытекъ, разумѣется. У Тургенева есть очень серьезная хроническая болѣзнь, но на видъ онъ здоровъ. Я видаюсь съ нимъ довольно часто и видѣлъ у него нѣкоего Delavary, который написалъ, но еще не напечаталъ статью о вашей книгѣ, милый Отесинька. Тургеневъ ѣдетъ на дняхъ въ Англію и начинаетъ чувствовать симпатію къ англичанамъ: это шагъ впередъ въ его развитіи. Какъ ему достается отъ пріятелей за всѣ его послѣднія сочиненія, начиная съ Рудина: что онъ измѣняетъ прежнимъ мнѣніямъ, взглядамъ, принципамъ и проч. Жаль—нѣтъ у него, какъ выразилась фрейлина Тютчева, l'epine dorsale morale, просто тряпка характеромъ, а есть въ немъ требованіе высшей правды и свободы. Познакомился я на дняхъ съ Некрасовымъ. Онъ чрезвычайно робокъ и застѣнчивъ; въ немъ тоже что-то шевелится. И это что-то возбуждаетъ симпатію больше, чѣмъ самоудовлетворенность Русскаго Вѣстника Каткова и др.—Здѣсь же пребываетъ Николай Мельгуновъ, Nicolas de Melgounoff, сумасбродствующій на старости лѣтъ, въ долгу, какъ въ шелку, и пишетъ повѣсти. Я получилъ изъ Лондона предложеніе напечатать Утро въ Уголовной Палатѣ отдѣльнымъ изданіемъ, съ именемъ или безъ имени; въ Лондонѣ—Богъ знаетъ какъ — два экземпляра моей Уголовной Палаты. Но я не далъ согласія. Надѣюсь, что пропустятъ мнѣ ее и въ Россіи. Впрочемъ, такъ какъ тамъ есть экземпляры, то пожалуй могутъ и не уважить мой отказъ. — Здѣсь живетъ Н. Иван. Трубецкой, который, узнавъ, что здѣсь «братъ его друга» (его собственное выраженіе), т. е. Константина Сергѣевича, забомбардировалъ меня приглашеніями. Сначала я отказался, вообразивъ, что этотъ Н. Ив. братъ Петра Ив., потомъ отказался — потому что надо было ѣхать во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, потомъ подъ разными предлогами; впрочемъ, былъ у него съ визитомъ, не заставъ его дома. Дѣйствительно ѣхать обѣдать къ нему въ 7 часовъ вечера—потерять для него весь вечеръ, слушая его глупую

болтовню—показалось мнѣ невыносимо скучнымъ, тѣмъ болѣе, что къ 7 часамъ вечера я былъ обыкновенно безъ ногъ отъ ходьбы и отдыхалъ въ какомъ-нибудь театрѣ. У него тоже на столѣ Русская Бесѣда, и онъ ей *сочувствуетъ*. Это послѣднее обстоятельство меня особенно испугало. — Русскихъ здѣсь до 800 человѣкъ. На окнахъ нѣкоторыхъ магазиновъ написано по русски: здѣсь по русски говорятъ. Французы очень любезны съ русскими, но такъ, какъ благовоспитанный свѣтскій баринъ съ приглашенной имъ къ себѣ на балъ деревенщиной. Dumas восхищается русскими и говорилъ вчера Тургеневу, что въ Россіи его оцѣнили лучше, чѣмъ сама Франція, что онъ считаетъ себя русскимъ писателемъ, потому что лѣтъ через сто перестанутъ и мужики говорить по русски. On parlera français, tout le monde parlera français, ce sera complètement inutile de parler russe, nos écrivains seront vos écrivains и проч. Какая наивность (это было сказано совершенно искренно, онъ думалъ даже этимъ угодить), какая глупость, какая дерзость и какой срамъ для насъ! — Я съ очень немногими русскими видѣлся, да и тѣ, которыхъ я посѣщалъ,—не принадлежатъ къ обществу здѣшнему. Но тѣ, которые принадлежатъ.... лучше, чтобы они и оставались во Франціи. Въ празднествахъ, которыя давались и даются по случаю Великаго Князя—я не участвовалъ, потому что это требовало бы «представленія» и «мундира». Кажется, показавшаяся мнѣ сначала симпатія французовъ къ Русскому Князю, остыла, хотя толпы народа всегда тѣснятся, чтобы посмотрѣть его. День смотра войскъ былъ для французовъ истиннымъ торжествомъ. Я видѣлъ, какъ возвращались бульварами со смотра эти з у а в ы, съ орденами за взятіе Севастополя, со знаменами, разорванными русскими ядрами. *Они* заставили Русскаго Князя пожаловать въ Парижъ и сносить съ покорностью les grands airs Людовика Наполеона. Тутъ и новый строящійся бульваръ de Sébastopol, и duc de Malakoff и проч. и проч. Трудно и неловко положеніе Великаго Князя и—надо отдать ему справедливость — кажется —онъ это чувствуетъ.—Въ газетахъ напечатано, что онъ ѣдетъ въ Англію. Это нѣсколько удивляетъ, когда знаешь, какъ теперь ругаютъ и поносятъ Россію англичане. Безсовѣстность, съ ко-

торою они посредствомъ журналовъ препятствуютъ успѣху акцій русскихъ желѣзныхъ дорогъ, проповѣдуя, что защитники цивилизаціи должны противиться введенію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи,—эта безсовѣстность вывела изъ терпѣнія даже Journal des Débats, который въ длинной статьѣ доказываетъ, что напротивъ желѣзныя дороги приведутъ къ эманципаціи крестьянъ и подвинутъ просвѣщеніе. Не смотря на это, не смотря на то, что много французскихъ капиталовъ заинтересовано въ этомъ предпріятіи, мнѣ говорили нынче, что акціи сдѣлали совершенный fiasco, не бывалый на биржѣ: никто брать ихъ не хочетъ. Всѣ спрашиваютъ здѣсь, точно такъ, какъ спрашивали и меня въ Франкфуртѣ— отчего не участвуетъ ни одинъ русскій въ этомъ дѣлѣ? Это отсутствіе русскаго участія подрываетъ кредитъ къ правительству за границей: «даже *свои* не вѣрятъ», говорятъ негоціанты. Что отвѣчать на этотъ вопросъ? Сказать ли, что *ни къ одному* русскому и не обращались, что ни одинъ купецъ не былъ спрошенъ, что русскіе вовсе устранены отъ этого дѣла, что наше правительство плюетъ на общественное мнѣніе въ Россіи... Но духу недостаетъ говорить это иностранцу.—Еще въ Петербургѣ Поповъ убѣдилъ меня не бояться лѣта въ Италіи, и именно быть въ ней въ Маѣ или Іюнѣ, чтобы видѣть ее цвѣтущею. Вы знаете, я не боюсь зноя, напротивъ, люблю его; ѣхать прямо въ Италію изъ Россіи мнѣ просто не хотѣлось; меня въ большей степени, чѣмъ Италія, интересовала жизнь и бытъ дѣйствующихъ народовъ, Германія и Франція. А теперь я съ большимъ наслажденіемъ туда отправлюсь; но какъ мнѣ хочется еще заглянуть во внутрь Франціи, то я отсюда поѣду въ Орлеанъ, оттуда въ Ліонъ, Марсель и проч. Я не стѣсняю себя планомъ и, если захочется гдѣ-нибудь остановиться, пожить— остановлюсь. Мнѣ и хотѣлось бы пожить гдѣ-нибудь въ деревнѣ хоть нѣсколько дней, чтобы отдохнуть отъ смотрѣнья, собрать впечатлѣнія. Франкфуртъ такой пунктъ, что въ немъ придется быть и еще, можетъ, не одинъ разъ: я даже оставилъ во Франкфуртѣ часть своихъ вещей и платьевъ, чтобы не таскать ихъ съ собою. — И такъ первый нумеръ Молвы вышелъ; я увѣренъ, что нумеръ прекрасный, но какъ будетъ Константинъ издавать лѣтомъ? Здѣсь, въ Па-

рижѣ, многіе хотѣли бы выписать Молву, я говорилъ съ книгопродавцами; все затрудненіе въ русскомъ почтамтѣ: надо, чтобы дано было дозволеніе пересылать книги — не какъ тяжелую посылку, а подъ бандеролемъ, какъ и въ Россіи пересылаются журналы.—Что же, дано ли дозволеніе на мое совмѣстное редакторство? Не разъ задумывался я надъ предстоящимъ мнѣ изданіемъ. Гдѣ сотрудники?—О письмѣ Литке вы прежде мнѣ не писали. Я думаю—теперь они уже разсмотрѣли мою книгу. — Тургеневу я передалъ вашъ поклонъ. Онъ съ своей стороны очень вамъ горячо кланяется. Познакомился онъ здѣсь съ знаменитой Bicher-stuw, авторомъ de l'oncle Tom. и былъ пораженъ ея простотой (въ высокомъ смыслѣ этого слова).—Вотъ какое длинное письмо я вамъ написалъ; но здѣсь я живу на мѣстѣ и могу это сдѣлать; въ дорогѣ же, останавливаясь для осмотра на сутки, иногда и меньше, нѣтъ возможности писать подробныхъ писемъ и дѣйствительно—находишься въ попыхахъ. Лучше буду писать рѣже, но больше; впрочемъ, какъ случится. Прощайте. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы и отдохнули послѣ хлопотъ.

16—4-го Іюня 1857 г. Римъ. Via di Condotte, Hotel d'Allemagna, 20.

Вчера, воротившись изъ Капитолія, нашелъ я два вашихъ письма—со всевозможными клеймами. Эти письма были въ Парижѣ, изъ Парижа отосланы въ Виши, изъ Виши въ Римъ. Очень имъ обрадовался. Не смотря на все мое желаніе, чтобы вы участвовали въ Бесѣдѣ, я, можетъ быть, не посовѣтовалъ бы вамъ давать въ нее отрывокъ изъ новаго вашего сочиненія, потому что—чтобы вполнѣ оцѣнить его, надобно стать на точку дѣтскаго воззрѣнія. До сихъ поръ все читали воспоминанія и разсказы взрослаго, и вдругъ, неприготовленная публика ухватится съ жадностью за чтеніе воспоминаній того же автора о тѣхъ же лицахъ, но разсказанныхъ, переданныхъ подъ другимъ угломъ зрѣнія. Цѣлое сочиненіе, разомъ вышедшее, другое дѣло. Тутъ читатель подготовляется съ самой первой страницы. Впрочемъ—я этого отрывка не знаю. — Даже подъ небомъ Италіи, въ странѣ лимоновъ и

апельсиновъ, лавровъ, миртовъ и кипарисовъ, даже и тутъ, какъ кошемаръ—давитъ меня подъ часъ мысль о предстоящемъ изданіи. Сотрудниковъ нѣтъ. То-есть издавать можно, статей, пожалуй, наберется для 12-ти книжекъ, но журналъ будетъ не тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлъ его сдѣлать.—Очень меня смущаетъ мысль о предстоящемъ изданіи. Пугаетъ даже не столько недостатокъ сотрудниковъ, сколько неудобство возни съ многими наличными сотрудниками: всѣ будутъ обижаться. Программа Русской Бесѣды мнѣ съ самаго начала не нравилась и не нравится. Она написана такъ, что—возбуждая недоумѣніе—отвращаетъ отъ насъ сочувствіе молодаго поколѣнія и пріобрѣтаетъ сочувствіе, котораго я не желаю, сочувствіе архіереевъ, монаховъ, Святѣйшаго Синода. Между тѣмъ, какъ они всѣ не могутъ, не должны намъ сочувствовать; но такое несчастное положеніе наше, что даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, да и сотрудники таковы: братья Бѣляевы, съ неистовымъ поклоненіемъ древней Руси, Ф... Б... Какъ хотите, а въ этой компаніи душно.—Смирнова, которая теперь въ Баденъ-Баденѣ, проситъ, чтобы я къ ней заѣхалъ. Заѣхать-то къ ней я заѣду, но боюсь, чтобы горячее сочувствіе ея Русской Бесѣдѣ не подало повода къ спорамъ. Она сочувствуетъ всего болѣе сторонѣ православной, которую понимаетъ она самымъ узкимъ образомъ, въ смыслѣ казеннаго девиза или герба Графа Уварова. Вотъ отъ этого то сочувствія я бы желалъ отдѣлаться. Но въ этомъ отношеніи несогласны со мной многіе, и самъ Ал. Ив. Кошелевъ. Издавать же журналъ—съ насиліемъ своему вкусу и убѣжденію — очень непріятно. — Обо всемъ этомъ надобно серьезно подумать, что я и намѣренъ сдѣлать, осмотрѣвъ Италію и Швейцарію,—по возвращеніи въ Германію.— Я увѣренъ, что подписчиковъ у Молвы будетъ много, —но устроилъ ли Константинъ такъ, чтобы провинціи было удобно ее выписывать? Рѣшительно не понимаю, какъ будетъ Константинъ издавать Молву изъ Абрамцева.—Вотъ уже вторая недѣля, какъ я живу въ *Римѣ*, куда пріѣхалъ изъ Флоренціи въ дилижансѣ. Римъ, когда вы въ него въѣзжаете, взволнованные ожиданіемъ, производитъ самое странное впечатлѣніе. Вы видите городъ современной постройки, грязный, вонючій, съ высокими домами, безобразной архитектуры, даже

безъ всякой архитектуры: одинъ домъ приложенъ къ другому, но не симметрично, а разной высоты; улицы будто задній дворъ: подъ окнами вездѣ висятъ веревки, а на веревкахъ грязное бѣлье. Вездѣ снуютъ монахи и аббаты въ чулочкахъ; образа, статуи святыхъ въ нишахъ на улицахъ, въ домахъ — все говоритъ о католицизмѣ. Папскіе чиновники, папскіе солдаты поражаютъ васъ непріятнѣе, чѣмъ гдѣ либо: во Франціи наприм. васъ интересуетъ администрація, вы съ любопытствомъ глядите на чиновниковъ, на войско, но въ Римѣ вамъ бы и не хотѣлось вспоминать объ этомъ порядкѣ. Васъ задерживаютъ въ полиціи, васъ мучаютъ въ таможнѣ. Правда, подъѣзжая къ Риму, вы видите издали куполъ Св. Петра, мелькнетъ онъ вамъ и при проѣздѣ черезъ городъ,—но—такъ ужъ извѣстенъ вамъ фасадъ Петра и по картинкамъ, а главное по подражаніямъ, что издали по крайней мѣрѣ на меня онъ не произвелъ никакого дѣйствія; его колоссальность видна только вблизи.—Но вотъ вдругъ, при какомъ-нибудь поворотѣ, увидите вы полуразвалившуюся арку громадныхъ размѣровъ и на ней сохранившуюся надпись: Senatus populusque Romanus, и все въ васъ вздрогнетъ невольно, будто весь древній міръ всталъ на ноги, лицомъ къ лицу, заговорилъ съ вами. Если же вы отправитесь въ Колизей, то будете совершенно счастливы. Какой тутъ храмъ Св. Петра! Въ Римъ надо ѣхать прежде всего для Колизея, для Пантеона, для его развалинъ. Краснорѣчивѣе языка я не знаю! Древній міръ отдаленъ отъ васъ, вы не вносите въ него современныхъ вопросовъ, вы не оскорблены, какъ въ храмѣ Петра или въ картинныхъ галлереяхъ—безобразіемъ идолопоклонства въ области христіанской или видомъ человѣчества, угнетеннаго плѣномъ духовнымъ и простертаго ницъ предъ изображеніями «свадьбы (le mariage) св. Катерины съ младенцомъ І. Христомъ», предъ амурами, превращенными въ Ангеловъ, предъ дикимъ Страшнымъ Судомъ Микель-Анжело... Нѣтъ, вы свободно принимаете въ себя впечатлѣнія древняго міра; его мощный языкъ вѣщаетъ вамъ про могучую жизнь, вполнѣ нашедшую себѣ выраженіе, прочно пожившую. Какъ послѣ древнихъ статуй вамъ противно заглянуть въ мастерскую современнаго скульптора, наполненную Нимфами, Венерами и Вакханками и такъ жа-

локъ сдѣлается вамъ современный скульпторъ, твердящій зады искусства — жившаго законно 20-ть вѣковъ тому назадъ,— такъ и послѣ Колизея и Ватиканскаго музея антиковъ — вамъ кажется жалкимъ и Св. Петръ и Моисей Микель-Анжело—и всѣ Венеры и Авроры Гвидо-Рени и цѣлаго сонма художниковъ. — Экой народецъ былъ! Какъ тѣшился этотъ народъ владыка! Въ Колизеѣ помѣщалось до 180-ти тысячъ зрителей! Громада и красота пропорцій изумительны. Да одинъ ли Колизей! Вся крѣпость Св. Ангела есть только нижній этажъ Мавзолея императора Тита или Адріана. А forum Romanum, съ его развалинами, на которомъ теперь продаютъ коровъ, forum, который теперь носитъ названіе Campo Vaccino—коровьяго поля. — И сильно займетъ васъ Римъ, займетъ васъ и противорѣчіе древней жизни съ современной, и тайна грядущаго, которая носится надъ древними и будущими развалинами, и гармонія древняго міра, и страшный диссонансъ, внесенный (и благодареніе Богу) христіанствомъ, и попытки новой гармоніи въ области искусства, и тщета попытокъ, и безобразіе современности съ утратою всякихъ вѣрованій, и вся страшная дисгармонія, всѣ раздирающіе душу аккорды современной жизни бѣднаго человѣчества, и надъ всѣмъ этимъ гармонія природы, роскошная синь неба, синь моря, синь горъ, изумрудная зелень деревьевъ, и все богатство красокъ, чарующее васъ въ цвѣтахъ, устилающихъ поля, растущихъ на волѣ, *вѣнчающихъ* (буквально) каменныя развалины! — Какой воздухъ, какой свѣтъ и блескъ въ итальянскомъ воздухѣ, вы себѣ и представить не можете.—Я осматриваю и почти даже осмотрѣлъ Римъ какъ-то очень удачно, толково, лучше, чѣмъ какой-либо городъ. Видѣлъ почти всѣ сколько нибудь замѣчательныя развалины и древности; былъ даже цѣлый день за городомъ, во Froscati, Albano, былъ въ виллахъ и palazzo, переглядѣлъ тысячи картинъ и фресковъ, и если не изучилъ Рима, не изучилъ искусства, то все же, кажется, вынесъ не смутное представленіе обо всемъ мною видѣнномъ. — Въ Римѣ четыре Рима: Римъ древній, Римъ католическій, Римъ художественный, Римъ—народный, живущій средневѣковою жизнью, современный, итальянскій.—Вы скоро свыкаетесь съ внѣшнею жизнью Рима, и даже безцеремон-

ность уличной жизни итальянцевъ, это внѣшнее не благоустройство нравится вамъ послѣ аккуратной чистоты нѣмецкихъ городовъ, послѣ холоднаго административнаго порядка французовъ. Мнѣ нравится эта безцеремонность обращенія итальянцевъ съ древностями. Арка, которую Баварскій Король поставилъ бы подъ стекломъ, на образецъ которой онъ выстроилъ бы арки во всѣхъ концахъ Мюнхена, и самъ съ глупымъ благоговѣніемъ, надѣвъ хламиду и прикинувшись древнимъ антикомъ, прогуливался бы подъ ней,—эта арка у итальянца какъ-то дружится съ его безпечной артистической жизнью; если бы изъ арки строили казарму—другое дѣло, но къ ней привязываетъ корову, подлѣ нея — раскинувшись—спитъ онъ въ живописномъ костюмѣ или вѣшаетъ даже бѣлье для просушки. Тутъ есть наивность обращенія, по крайней мѣрѣ менѣе оскорбляющая васъ, нежели благоговѣніе—новѣйшаго нѣмецкаго аѳинянина.—Какъ разнообразны впечатлѣнія Рима! Изъ Колизея наприм. выходя, вы встрѣчаете процессію, по случаю праздника Corpus Domini, съ кардиналами, папскою гвардіею въ средневѣковыхъ нарядахъ, монахами всѣхъ орденовъ, съ бритыми, стрижеными и подбритыми гуменцами и проч. и пр.; на этой процессіи толпится простой народъ, привлекающій также сильно ваше вниманіе, костюмы крестьянокъ Froscati, Albano, Rocca di papa, живописныя фигуры итальянцевъ—съ строгими, важными лицами, съ раскрытою грудью, въ лохмотьяхъ; вмѣстѣ съ процессіей вы входите въ церковь, расписанную al fresco какою-нибудь знаменитостью XVI вѣка; тутъ и картины Доминикино, Рафаеля, чудеса живописи. Въ церкви встрѣчаете вы художниковъ современныхъ, и поднимается передъ вами цѣлый рядъ вопросовъ о современномъ значеніи искусства; тутъ же цѣлая тысяча путешествующихъ англичанъ, напоминающихъ вамъ о другомъ строѣ жизни.—Но вообразите—галлереи картинъ Ватиканской (не ложи и stanza Рафаеля) я не видалъ; имѣлъ объ ней полное понятіе по копіямъ, но оригиналовъ не видалъ. Это потому, что папа Пій совершенно помѣшался на новомъ догматѣ о Богородицѣ, и всѣ эти картины переноситъ въ другой этажъ, для того, чтобы этотъ росписать фресками въ честь иммакулаты. Въ ея же честь строитъ онъ громадную

колонну и прибилъ во всѣхъ церквахъ мраморныя доски о новомъ догматѣ. Но этотъ новый догматъ не спасетъ папства. Его кардиналъ Антонелли грабитъ и тѣснитъ народъ такъ, что, если бы не было здѣсь французскаго гарнизона, въ Римѣ вспыхнула бы революція. И вспыхнетъ. Италія въ скоромъ времени зальется кровью. — Какъ Колизей вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ древняго владычества Рима, такъ и храмъ Св. Петра вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ папскаго былаго могущества, католическаго всемірнаго владычества. Христіанскаго въ этомъ храмѣ нѣтъ ни тѣни. Я не понимаю, какъ Гоголь могъ здѣсь молиться (впрочемъ какъ и гдѣ не можетъ устроить и пристроить человѣка отвлеченность духа!); тутъ развѣ только Н. Павловичъ могъ молиться. Въ верху купола или вѣрнѣе въ стѣнахъ шишки, на которой стоитъ крестъ, тамъ, гдѣ стоять даже нельзя прямо, читалъ я чувствительную надпись: «былъ здѣсь Николай и молился о благоденствіи *матушки*—Россіи!» Св. Петръ храмъ языческій, созданный даже по образцамъ языческимъ, но въ память папства, во славу папства. Можете себѣ представить, что зимній Петербургскій дворецъ — даже не достигнетъ карниза внизу, въ началѣ купола; Иванъ Великій также весь укладывается внутри. Это такая колоссальность размѣровъ, какую и представить себѣ нельзя, а между тѣмъ пропорція такъ соблюдена, что громадность не давитъ васъ, что только узнавши мѣру, вы повѣрите этой высотѣ и громадности. Знаете, что въ высшей степени меня интересовало въ Римѣ,—это памятники искусства первыхъ христіанъ, вырытые изъ катакомбъ, которыя я также осматривалъ.—Нечего и говорить, что во 2-мъ, въ 3-мъ, въ 4-мъ вѣкѣ искусство, если и клонилось къ упадку относительно чистоты вкуса, за то стояло выше, чѣмъ когда либо въ техническомъ отношеніи. Я разумѣю скульптуру, рельефы и даже фрески. Такъ овладѣть кампемъ, какъ овладѣли древніе—недосягаемо для современнаго человѣка.—И что же? Въ томъ же самомъ Римѣ, въ тоже самое время, когда всякій римлянинъ язычникъ воздвигалъ гробницы и мавзолеи — верхъ совершенства,—римлянинъ христіанинъ лѣпилъ безобразнѣйшія фигуры; рисунокъ у него сталъ деревяненъ, неправиленъ. Вдохновеніе древняго міра отъ него отлетѣло, искусство,

будто оскорбленное новымъ вѣрованіемъ, закрыло ему свои тайны; новый свѣтъ, стремленія духа смутили прежняго художника, рѣзецъ задрожалъ въ привычной рукѣ и, желая найти форму, соотвѣтствующую новому духовному содержанію (мечта несбыточная!), онъ рисовалъ не человѣческія, уродливыя фигуры.—Отъ этой мечты вообще надо отказаться: чѣмъ чище вѣрованіе, тѣмъ труднѣе оно для внѣшняго выраженія; Богъ, Христосъ, Ангелы, да и Богородица не дадутся въ картины, неизобразимы кистью. Хорошіе образа восточной церкви не образа, а подпорка молитвѣ: все равно, что на голой доскѣ надписать словами: Св. Петръ, Христосъ, Божія Матерь. Если католицизмъ, взойдя въ сдѣлку съ языческимъ искусствомъ, дошелъ до языческой красоты формъ и непристойной тѣлесности въ изображеніи Мадоннъ и Магдалинъ, то восточная церковь также логически дошла до Суздальской живописи, до уродства, до безобразія, до *Христа—яров око*.—Серединки тутъ не найдешь.—Какъ надоѣла мнѣ «Madonna con Bambino». Въ иную залу войдешь: сотня Мадоннъ! Понятно, что за нее преимущественно ухватилось искусство; оно въ ней гармонировало съ католическимъ вѣрованіемъ. Католика при его взглядѣ на Мадонну, при его вѣрованіяхъ, не оскорбляетъ то, что оскорбляетъ православнаго—при большей духовности его вѣры, или протестанта, способнаго понять это противорѣчіе силою отвлеченнаго разума. Наконецъ языческій элементъ совершенно ворвался въ живопись. Вы видите въ художникахъ XVI и XVII вѣка горячую, искреннюю и возможную тогда любовь къ красотѣ, переносящую, усвояющую живописи то, что выражено древней скульптурой. Все это невозможно для современнаго человѣка. Нарисовать Галатею, какъ Рафаель, уже невозможно; онъ думалъ, что дѣло дѣлаетъ. А хорошъ Рафаель. Онъ удивительно гармониченъ, музыкаленъ; я, кажется, узнаю его безъ подписи.—Но когда вы осматриваете галлереи,—вы не можете (я, по крайней мѣрѣ) отрѣшиться отъ современныхъ требованій и вопросовъ; васъ болѣзненно давитъ ограниченность концепціи, нелѣпость былой искренности, которая еще не отдѣлена отъ васъ, не поросла быльемъ, какъ памятники Рима; еще изъявляетъ права на существованіе; я просто весь измучивался душою въ галлереяхъ: гляжу на

древній византійскій образъ (ихъ—или по крайней мѣрѣ въ древнемъ стилѣ довольно много здѣсь), возмущаюсь уродствомъ, потому что исторически равнодушно глядѣть на него еще нельзя, гляжу на картины—возмущаюсь матерьялизмомъ, язычествомъ въ сферѣ духа. Измученный успокоиваешься только на пейзажахъ, на портретахъ, да на Фламандской школѣ, несмотря на всю ея грубость. — Но довольно. Объ Римѣ и по поводу Рима можно было бы писать не четыре листа, а четыреста, и все не кончилъ бы. — Теперь Римъ довольно пустъ. Русскіе всѣ разъѣхались, многіе уѣхали въ Неаполь, куда и я скоро поѣду; меня сильно тянетъ взглянуть на Помпею, Везувій и проч. — Жары еще не наступали. Самое невыносимое время, говорятъ, Іюль и Августъ. Mallaria меня не касалась; Широкко—не производитъ пока никакого дѣйствія. Послѣ Швейцаріи — гдѣ-нибудь поживу такъ, недѣльку, спокойно, не осматривая. А то—очень ужъ сталъ уставать.—Женскій типъ Римской области замѣчателенъ здѣсь своей античной красотой; здѣсь же онѣ сохраняютъ свои національные костюмы. Какая прелесть, особенно головной уборъ! Познакомился я здѣсь съ нѣкоторыми русскими художниками. Хорошіе малые, но толку отъ ихъ дѣятельности не будетъ. Какая досада! Ивановъ окончилъ картину и выставлялъ ее, но я его не засталъ, потому что онъ уѣхалъ лѣчить глаза въ Германію, а безъ него ее нельзя видѣть. Сужденія объ ней различны. Овербекъ упрекаетъ его въ недостаткѣ религіозности; русскіе художники въ мистицизмѣ.—Какъ ни хорошъ Римъ, но жить въ немъ я несогласенъ: здѣсь нѣтъ никакой общественной жизни и всѣ живутъ внѣ общихъ современныхъ интересовъ. А я не могу, и спросилъ себѣ вчера газеты, которыхъ Римъ почти не читаетъ. — Прощайте, дай Богъ вамъ отдохнуть лѣтомъ отъ хлопотъ зимы. Будьте здоровы. — Буду въ слѣдующій разъ писать вамъ изъ Неаполя, гдѣ пробуду дней восемь, а потомъ моремъ до Ливурно, изъ Ливурно по желѣзной дорогѣ во Флоренцію, а изъ Флоренціи сухимъ путемъ черезъ Болонью, Феррару и Падую—въ Венецію. Вы же пишите мнѣ покуда въ Бернъ. Прощайте. Хлопотъ еще много, едва успѣваю отмѣчать свой дневникъ.—Итальянцы—по милости Широкко, ходятъ, какъ разваренныя мухи. Впрочемъ онъ дуетъ

всего второй день. Въ теченіе восьми дней, что я здѣсь— шелъ три раза дождикъ, да два дня дулъ прохладный сѣверный вѣтеръ, слѣдовательно, еще сносно. — Я засталъ еще здѣсь землянику, клубнику и вишни; теперь мы начинаемъ ѣсть персики.—Въ Неаполь поѣду въ дилижансѣ, сухопутно, 26-ть часовъ ѣзды. Тамъ можно купаться въ морѣ. — Кланяюсь Хомякову, Самарину и другимъ *).

Пароходъ Philippe Auguste, на рейдѣ передъ Ливорно, 29—17 Іюня. 1857 г.

Пишу вамъ, возвращаясь изъ Неаполя, гдѣ пробылъ почти 9 дней.—Неаполь такъ хорошъ, такъ оригиналенъ, что заставилъ меня забыть на все время Римъ. Описывать его почти невозможно, надо видѣть. Какъ описать вамъ этотъ цвѣтъ залива, эту прозрачность воздуха, такую, что на дальнемъ разстояніи вы различаете самые мелкіе предметы, эти берега съ руинами, гротами, скалами, утесами, съ садами, съ виллами, съ городами, стоящими амфитеатромъ, отражающимися въ водѣ! Все это обхватываете вы разомъ, видите Неаполь, вдали Портичи, Кастелламара, Вико, Соренто, видите ясно, не напрягая зрѣнія, а сзади этихъ городовъ идутъ лиловокоричневыя линіи горъ, среди которыхъ— Везувій! Везувій,—вѣчно дымящійся,—а теперь по ночамъ, по случаю изверженія, съ огненнымъ языкомъ. Одинъ Везувій—такое чудо природы, что на него нельзя смотрѣть равнодушно.—Къ счастію своему, я нашелъ въ Неаполѣ знакомыхъ, Квитокъ, Харьковскаго помѣщика съ семействомъ. Они проводятъ здѣсь лѣто и нанимаютъ здѣсь виллу на морѣ, подлѣ знаменитаго грота Позилиппо, созданнаго еще римлянами. Я обѣдалъ и проводилъ у нихъ вечера довольно часто. Вы думаете, что это великолѣпный домъ? Ничуть

---

*) Здѣсь опять не хватаетъ четырехъ писемъ: изъ Виши—отъ 9 Мая, изъ Марселя—отъ 19 Мая, изъ Парижа—отъ 24 Мая и изъ Флоренціи отъ 26 Мая; про нихъ Сергѣй Тимофѣевичъ выражался такъ: „Благодарю за письма: они пространны и въ высшей степени интересны, не только для твоего семейства, но и для всякаго образованнаго человѣка. Я уже выслушалъ ихъ три раза потому, что у насъ было много гостей, и всѣмъ хотѣлось прочесть твои письма". Этимъ и можно объяснить ихъ исчезновеніе: вѣроятно они были даны нѣкоторымъ гостямъ и не возвращены обратно.

не бывало, но этой прелести никакимъ золотомъ не купишь. Это скала надъ моремъ съ гроттами, выдолбленными моремъ,— скала, обдѣланная въ довольно удобное и вполнѣ изящное жилище: внутри скалы пустое пространство усажено апельсинами, обвѣшано виноградомъ — это дворъ; естественный сводъ, нѣсколько обсѣченный, служитъ дверью; углубленія въ скалѣ, задѣланныя четвертою стѣною, превратились въ комнаты съ окнами и балконами. Обѣдаете вы въ гроттѣ или на этомъ дворѣ подъ виноградомъ и апельсинами,— передъ вами море — неописанно нѣжнаго голубаго цвѣта, море, по которому проносятся отъ времени до времени лодки съ латинскими парусами (треугольниками); противъ васъ, на той сторонѣ залива—Везувій.... Мнѣ случалось нѣсколько разъ возвращаться ночью, т. е. часу въ первомъ въ лодкѣ по морю изъ виллы въ городъ. Можете себѣ представить— какое очарованіе, особенно, когда рыбачьи лодки снуютъ съ огнями по морю или заходятъ въ гротты, въ руины, спустившіяся въ море и освѣтятъ ихъ. Или же какая-нибудь живописная тратторія (трактиръ), устроенная въ щели утеса или въ развалинахъ храма, откуда несется шумъ, хохотъ, веселые голоса, иногда пѣсни и звуки гитары. Моя гостинница была на набережной Santa Lucia: какая жизнь по вечерамъ и ночью! Простой народъ почти не спитъ ночью въ Неаполѣ, за то днемъ, не смотря на солнце, напротивъ—на солнцѣ лежитъ и спитъ неаполитанскій рыбакъ, или лаззарони, нерѣдко поперегъ троттуара. Что это за живописные костюмы, движенія, группы! Шумъ, крикъ на неапольскихъ улицахъ сначала оглушаютъ васъ и спать не даютъ ночью, но потомъ привыкаешь. Я ѣздилъ осматривать окрестности Неаполя—ближайшія къ нему, развалины городовъ Байи, Кюма, гдѣ римскіе вельможи отдыхали — «среди порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ».... Тутъ подъ сводами, полуразвалившимися, храма Венеры танцовали мнѣ тарантеллу (немногимъ отличается отъ малороссійскаго трепака. (Хороша не тарантелла, а костюмы танцующихъ, да небо голубое, видное сквозь колонны храма, да цвѣты и деревья, растущіе около храма. Такъ и хочешь населить эти окрестности миѳологическими божествами и самому надѣть тогу; такъ нейдетъ здѣсь фракъ или панталоны, кото-

рыя бы въ ужасъ привели древнихъ. Я ѣздилъ въ Амальфи (видѣлъ домъ Мазаніелло), былъ на Салернскомъ заливѣ, былъ въ Сорренто, въ Портичи. Сорренто, напр. какъ вамъ ее описать, это разнообразіе утесовъ, но не голыхъ только, а покрытыхъ миртами, виноградомъ, виллами, деревнями итальянскими. Въ Сорренто—вы ѣдете одной улицей версты три мимо непрерывнаго ряда густыхъ садовъ апельсинныхъ и лимонныхъ; деревья вышиной саженей въ шесть, семь и больше, усѣянныя плодами созрѣвшими. Апельсины, разумѣется, здѣсь ни почемъ; впрочемъ и всѣ фрукты, вишни, персики, груши, миндали, фиги. Нынѣшній годъ необыкновенный—на все урожай: пышныя оливы гнутся подъ тяжестью плодовъ. Кстати, по поводу урожая. Какъ хороши здѣшнія нивы! Для того, чтобы дать ей нѣсколько тѣни, на нивѣ тамъ и сямъ разсажены деревья—каштаны, шелковичныя и другія. Эти деревья по большей части переплетены виноградомъ: здѣсь виноградъ не подпирается палочками, какъ въ прочей Европѣ, а заплетается довольно высоко надъ землей за деревья, за скалы, за зданія. Вообразите же вы себѣ ниву, покрытую золотою чудною пшеницею, надъ нею прозрачный зеленый коверъ вѣтвей и листьевъ, съ сквозными узорами: между золотомъ пшеницы и зеленью вѣтвей—голубое небо, море вдали, паруса, Везувій. Теперь уже давно здѣсь началась жатва, а потому въ дополненіе картины представьте себѣ жнецовъ, съ красивыми загорѣлыми лицами, въ соломенныхъ шляпахъ, съ платкомъ яркаго цвѣта на шеѣ, въ цвѣтной курткѣ безъ рукавовъ. Женскій костюмъ—почти нельзя различить отъ нашего, только не московскаго сарафана, даже головы повязываютъ по нашему и ходятъ босоногія (нигдѣ въ Европѣ не встрѣчаешь босоногихъ женщинъ, кромѣ Неаполя и Россіи, даже моютъ въ чулкахъ и башмакахъ). Разумѣется, неаполитанка стройнѣе и красивѣе, и поступь прямая и твердая, и голосъ грудной, громкій, чистый, говоритъ и смѣется во всю глотку.—Въ Сорренто видѣлъ я Княгиню Оболенскую, жену Юши; она на дняхъ возвращается въ Россію. Что дѣлаютъ съ ней доктора—ужасъ: пускаютъ ей кровь ланцетомъ или піявками черезъ каждыя двѣ недѣли, оттягивая ее отъ печени.—Былъ я въ Помпеѣ и Геркуланумѣ. Для этого одного можно перейти моря и горы. Не-

возможно передать вамъ того ощущенія, которое испытываешь, бродя по этимъ городамъ, особенно по улицамъ Помпеи и разсматривая всѣ найденныя въ ней вещи. Жизнь, которою жили 19-ть вѣковъ тому назадъ въ этомъ мѣстѣ не угасла постепенно, но вдругъ остановилась, застыла среди своего потока. 19-ть вѣковъ она сохранялась въ такомъ видѣ подъ землею, и *теперь* черезъ 19-ть вѣковъ вы стоите лицомъ къ лицу съ послѣднимъ днемъ Помпеи. Колоссальныя развалины Рима говорятъ вамъ о торжественныхъ явленіяхъ жизни древнихъ, а здѣсь вы видите ежедневный, домашній бытъ. Вотъ улица, на которой еще видны слѣды колесъ, въ послѣднее проѣхавшихъ; на стѣнахъ надписи улицъ, именъ хозяевъ, которымъ принадлежали дома, иногда надписи съ ошибками и кривыя, начертанныя прохожими, шутокъ ради; одинъ написалъ (безъ имени) и прошелъ, другой написалъ ему въ отвѣтъ насмѣшку, словомъ какъ на постояломъ дворѣ въ Пушкинѣ.

Вотъ кухня съ очагомъ, гдѣ лава приплюснула къ стѣнѣ большое глиняное блюдо: оно, видно, было разбито (вѣковъ 19-ть тому назадъ) и тогда же починено проволочкою хозяевами, располагавшими пользоваться имъ еще долгое время,—и такъ въ этомъ починенномъ видѣ оно было застигнуто изверженіемъ Везувія. Вотъ кастрюля съ мясомъ, окаменѣвшимъ, вотъ посуды изъ овощной лавки съ разными овощами.—Говорятъ, что нашли луковицу, посадили и она дала ростокъ. Я нашелъ нашъ русскій самоваръ, т. е. сосудъ мѣдный, какъ двѣ капли воды схожій съ нашимъ; вы видите вѣсы и мебель, вещицы.... Все это чрезвычайно изящно. Стѣны были во всѣхъ виллахъ раскрашены фресками, полъ—мозаичный. Эти постройки принадлежатъ къ эпохѣ сибаритства римскаго, дышатъ нѣгой, прохладой; роскошь украшеній, избытокъ мрамора изумительны. Вотъ форумъ, окруженный зданіями Сената, храмовъ Юпитера, Изиды, Меркурія и другихъ; вотъ театры; одинъ изъ нихъ въ особенности хорошо сохранился. Всего пересказать нельзя,— но вы уже можете сами себѣ составить приблизительное понятіе о томъ, что́ это должно быть такое, сколько притягательной прелести въ этомъ осмотрѣ, въ этомъ пытаніи древней жизни, въ этомъ разговорѣ съ нею, въ этихъ нѣ-

мыхъ, каменныхъ ея отвѣтахъ.—Былъ я на Везувіѣ, да; всходилъ на самый Везувій, видѣлъ кратеръ, изверженіе, текущую лаву. Для одного Везувія можно пріѣхать нарочно изъ Россіи. Теперь изверженіе, и потому входятъ очень многіе, даже дамы: послѣднихъ большею частью взносятъ на носилкахъ. Все восхожденіе продолжается $2^1/_2$ часа. Сначала верхомъ до подошвы самаго конуса (это такъ: гора лавы,—на горѣ конусъ); а на конусъ надо было взбираться пѣшкомъ. Ноги уходятъ въ лаву, превратившуюся въ песокъ, конусъ почти перпендикуляренъ, и мучительнѣе восхожденія я вообразить не умѣю, даромъ что меня подтаскивали на веревкѣ (за одинъ конецъ которой я держался) два провожатые.—Но когда я влѣзъ на гору — мигомъ забылъ всякую усталость. Великолѣпнѣе, ужаснѣе, торжественнѣе зрѣлища создать нельзя. Съ страшнымъ шумомъ и ревомъ, возвѣщающимъ невидимую таинственную работу стихій въ преисподней земли, вырываются изъ двухъ жерлъ (стараго и новаго, открывшагося въ 1855 г.), дымясь и бѣснуясь—два огненные языка; въ подлинномъ смыслѣ слова кратеры будто *изрыгаютъ*, вмѣстѣ съ огнемъ, камни, сѣру и куски раскаленной, какъ уголь, лавы.—Мы подходили (т. е. я, одинъ итальянецъ изъ Венеціи и человѣкъ пять провожатыхъ) очень близко, только разумѣется на самое горло взлѣзть уже нельзя по случаю изверженія, однакоже оно отъ васъ вышиною не болѣе двухъ саженей. Вы стоите на корѣ лавы, т. е. на лавѣ, отвердѣвшей и застывшей волнами, толщиной въ полъ-аршина,—но подъ этимъ слоемъ вездѣ лежитъ лава раскаленная, какъ уголь, что вы видите сквозь трещины; изо всѣхъ щелей этого черепа горы поднимается дымъ; словомъ, на полъ-аршина надъ вами—море огня, лава хруститъ.—Но до сихъ поръ еще не случилось ни разу *ни одного* несчастія: провожатые держатъ васъ подъ руки и хорошо знаютъ, гдѣ можно ступить.—Мы закурили сигары на огнѣ Везувія, т. е. на выброшенномъ имъ при насъ кускѣ лавы. Приходишь въ какое-то особенное восторженное состояніе духа, становится весело, уйти не хочется; что-то упоительное въ этомъ ревѣ, въ этой вознѣ стихій, въ этомъ чудѣ, въ этой тайнѣ природы. При насъ заходило солнце, и красный шаръ его закатывался медленно между двумя мечу-

22*

щимися во всѣ стороны огненными языками.—Внизу течетъ или, вѣрнѣе сказать, медленно движется огненный ручей лавы, пробившійся изъ подъ верхней горы. Впрочемъ нынѣшній годъ нѣтъ никакой опасности для жителей сосѣднихъ деревень. Часовъ въ одиннадцать вечера воротился я въ Помпею, или вѣрнѣе—въ гостинницу подлѣ Помпеи, откуда поднялся я на Везувій, и поѣхалъ въ экипажѣ назадъ въ Неаполь, черезъ Портичи и другія деревни, садами и берегомъ моря, при лунномъ свѣтѣ. Слишкомъ очаровательна здѣсь природа, утомляетъ тѣмъ, что содержитъ человѣка въ постоянномъ восхищеніи. Такъ хороша, что я забылъ здѣсь про гнусность Неаполитанскаго короля, и самый католицизмъ представился мнѣ здѣсь только съ одной своей поэтической стороны.—Вотъ куда надобно ѣхать Трутовскому; здѣсь есть живописецъ Palazzi, котораго рисунки или картины напоминаютъ Трутовскаго. Здѣсь увидитъ онъ бытъ живописный, также, еще лучше, чѣмъ въ Малороссіи, тогда какъ въ остальной Европѣ въ быту ничего прошлаго не осталось. Странный народъ итальянскій; не могу до сихъ поръ разобрать его порядкомъ: онъ вовсе не смотритъ старикомъ, какъ прочіе народы; напротивъ, его безпечность, веселость, живость (посмотрите на народъ простой въ церковныхъ процессіяхъ, на которыя бѣдные раззоряются, въ театрахъ, въ забавахъ — онъ весь душой тутъ участвуетъ, будто важное дѣло) кажутся вамъ иногда залогами внутренней свободы, независимой отъ политическаго гнета. Но иногда кажется вамъ этотъ народъ будто неразвившимся, еще на степени дѣтства или нѣкоторой полудикости; приходитъ въ голову, что ему вѣчно суждено такимъ остаться по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться въ духовномъ плѣну католицизма *. Итальянцы ужасно любятъ

* Сергѣй Тимофеевичъ отвѣчалъ 11-го Іюля: „Благодарю за славныя твои письма. — Разумѣется мы ихъ сбережемъ и въ послѣдствіи, тебѣ самому они будутъ интересны и пополнятъ твой дневникъ. Мать и сестры приходятъ въ восхищеніе отъ мѣстностей и природы тебя окружающей; но мы съ Константиномъ испорченные нашей русской природой не увлекаемся восторгами и признаюсь тебѣ ни разу не мелькнула у меня мысль или желаніе—взглянуть на всѣ эти чудеса.—Я не могу себѣ вообразить безъ ужаса, тебя, стоящаго на лавѣ, подъ которой кипитъ море огня. Конечно я ни за что на свѣтѣ не пошелъ бы туда. Ты ошибаешься, другъ мой, думая, что туда надо бы ѣхать Трутовскому.

Мадонну: она замѣнила имъ языческихъ богинь. Посмотрѣли бы вы, какъ по праздникамъ поставятъ они (простой народъ) образъ Мадонны (народные образа и древніе итальянскіе—точь въ точь наши Казанская, Тихвинская, Иверская) въ какой-то экипажъ *curriculo*, запрягутъ его тройками (но безъ оглоблей), съ бубенчиками, перьями, лентами, знаменами, сами уцѣпятся и облѣпятъ экипажъ, человѣкъ по двадцати въ каждомъ, и такимъ образомъ прокатываютъ Мадонну во весь опоръ по улицамъ, да съ какимъ удовольствіемъ! И знаете ли, что это катанье въ народѣ же носитъ непонятное для него, нѣсколько исковерканное названіе *Вакханалій*.—Въ то же время нравы этого народа въ извѣстномъ отношеніи, не смотря на эту природу, на эту нѣгу, требующую, кажется, нимфъ, богинь и т. п.,—нравы здѣсь гораздо чище и строже, чѣмъ въ Россіи или Германіи, во всякомъ случаѣ не хуже; въ то же время — здѣсь множество фанатиковъ монаховъ, постниковъ, умерщвляющихъ тѣло. Выгнать отсюда миѳологію и водрузить знамя презрѣнія къ матерьяльнымъ благамъ жизни — это побѣда, которою можетъ гордиться католицизмъ по праву, но за то онъ держитъ народъ въ плѣну, на низкой степени умственнаго развитія; вообще католицизмъ, лишая человѣка самобытной воли, дѣлаетъ изъ него тѣсто, изъ котораго лѣпитъ, *сочиняетъ* людей, иногда очень удачно (наприм. сестры милосердія, изъ которыхъ, можетъ быть, ни одна не дерзнетъ читать Евангеліе), — но они выходятъ или женщины или младенцы умомъ. — Однакожъ довольно Не слушайте вы тѣхъ, которые будутъ вамъ говорить, что Италія такъ себѣ (напр. Юша Оболенскій), ничего особеннаго. Италія—красавица, Италія—страна чудесъ, но я въ ней ни за что бы не остался, ибо она сѣвернаго жителя дѣлаетъ неспособ-

---

Его душа жаждетъ мирныхъ впечатлѣній, кроткой красоты природы. Мнѣ кажется онъ пришелъ бы въ ужасъ отъ Везувія. Что такое народъ итальянскій, теперь—это самая любопытная загадка. Дѣтство это или старость? Гоголь предвѣщаетъ ему великую будущность, но я этому не вѣрю. „Дѣтскіе Годы" кончилъ, работалъ ровно 8 мѣсяцевъ. Теперь трудъ мой требуетъ цѣльнаго обзора, а я запутался въ немъ, потому что въ продолженіи работы цѣль моя измѣнилась. Но я самъ знаю, что много въ немъ есть такого, что выше всего написаннаго мною. Вообрази, что я грустилъ, какъ дитя, кончивъ свою работу. Я много положилъ въ нее души, не знаю почувствуютъ-ли это читатели?

нымъ къ дѣятельности отвлеченной, духовной или умственной. Теперь плыву въ Генную, чтобы оттуда — въ *Венецію*. Вотъ еще чудо совершенно въ другомъ родѣ. Венеція, Римъ, Неаполь, Помпея, Везувій, природа (какъ мескиненъ кажется здѣсь Гете съ своимъ: Kennst du das Land, wo die Citronen blühen!), произведенія искусствъ древнихъ, средневѣковыхъ скульптуры, архитектуры, живописи, музыки. Развѣ этого мало, чтобы заставить полюбить Италію?—Погода до сихъ поръ мнѣ благопріятствовала. Жаровъ удушливыхъ еще не было, были даже дожди, что приписываютъ кометѣ, гдѣ-то гуляющей въ небѣ. Но какъ выѣхалъ изъ Неаполя, такъ съ перемѣной луны—наступили безоблачные дни, которые, кажется, приведутъ страшные жары.—Прощайте; очень мнѣ больно, очень досадно не имѣть о васъ такъ долго свѣжихъ извѣстій. Авось Богъ милостивъ, у васъ все благополучно. — Пугаетъ меня издали изданіе журнала.

Венеція $\frac{7\ \text{Іюля}}{22\ \text{Іюня}}$ *1857 г.*

Каковъ дворецъ дожей! Но никакая картина не передастъ той красоты, той величавости, того нѣмаго краснорѣчія, которымъ исполненъ этотъ дворецъ; да не онъ одинъ, а вся площадь св. Марка и Piazetta: этого сочинить нельзя, это созданіе, результатъ цѣлой исторической жизни, это воплощенная или, лучше сказать, облекшаяся въ каменный образъ исторія Венеціи!—Вамъ, можетъ быть, кажется страннымъ мое постоянное восхищеніе, милый Отесинька и милая Маменька; но если бы вы сами все это видѣли, вашему восхищенію не было бы мѣры. Понятно, что сюда пріѣзжаютъ изо всѣхъ странъ проводить зиму. Да и вообще мудрено упрекать русскихъ за то, что они всѣ стремятся въ чужіе края. Если англичане, гордые своею національностью, ищутъ на твердой землѣ разнообразныхъ впечатлѣній природы лучшей и роскошнѣйшей; англичане, у которыхъ есть жизнь и дѣятельность дома въ исполинскихъ размѣрахъ,—то какъ же русскимъ, у которыхъ дома ни жизни, ни дѣятельности нѣтъ, у которыхъ дома все такъ гладко, плоско, блѣдно, вяло, холодно и душно, не стремиться видѣть явленія дѣятельности жизненной, чудеса природы и искусствъ. Намъ

русскимъ приходится жить только *вѣрою* въ будущность русскаго народа, не политическую,—Богъ съ ней, а въ будущую нравственную и самостоятельную жизнь русскаго народа. Не всякій къ этому подвигу вѣры способенъ, не у всякаго эта вѣра поддержана изученіемъ старины и т. п. Мысль о возможности дѣятельности въ Россіи меня не покидаетъ, но если бы я былъ богатъ, то послѣ семи, восьми мѣсяцевъ упорнаго труда и подснѣжной жизни, я бы уѣзжалъ каждый годъ мѣсяца на четыре или пять за границу.—Римъ хорошъ своими древностями, Неаполь своимъ моремъ, природой, — Венеція очаровательна какъ городъ, сама собой. Такъ и возстаетъ передъ вами всюду—эта красавица, эта гордая царица морей. Дворецъ дожей (гдѣ залы Совѣта Десяти, Сената и проч.) расписанъ картинами блистательнѣйшихъ событій Венеціанской Исторіи: Венеція вездѣ рисуется чудной красавицей, съ короной на головѣ, съ грознымъ львомъ св. Марка у ногъ: на колѣнахъ передъ ней стоятъ дожи. Даже въ церквахъ на образахъ рисуется она аллегорически: наприм. благодарящею Божію Матерь за избавленіе отъ чумы и т. п. бѣдъ. Видно, что Венеціане были просто влюблены въ свою Венецію: чувство гордости ея могуществомъ и красотой, самоуслажденіе этимъ чувствомъ дышатъ повсюду. — Каждый вечеръ, бродя по площади св. Марка и по примыкающей къ ней Piazetta, при полной лунѣ, освѣщающей море (не собственно море и не каналъ, а лагуну) и церковь св. Марка и дворецъ дожей, при звукахъ музыки, раздающихся на площади, я не могъ повѣрить, что это дѣйствительность; все кажется—это сонъ, волшебная сказка или театральная декорація. — Церковь св. Марка отличается не столько изяществомъ, сколько оригинальностью: это смѣсь византійскаго стиля съ готическимъ,—внутри же это совершенно православный храмъ: всѣ образа—иконы, сдѣланныя византійскими мастерами или по образцамъ византійскимъ. —Что даетъ особенную прелесть Венеціи—это преобладаніе византійскаго и готическаго элемента въ архитектурѣ церквей и дворцовъ, это отсутствіе или малое присутствіе вкуса эпохи Возрожденія. Изо всѣхъ мною видѣнныхъ храмовъ — хуже всего храмъ св. Петра, потому что онъ не имѣетъ никакой оригинальной физіономіи и выстроенъ по образцамъ языческимъ:

онъ замѣчателенъ громадностью, пропорціями и больше въ техническомъ архитектурномъ отношеніи.—Вообще—воображая себѣ Венецію, не воображайте себѣ что-нибудь изнѣженное, мягкое, круглое. Нѣтъ: ея красота облечена въ какой-то строгій и суровый нарядъ; вообразите себѣ красавицу въ широкомъ черномъ бархатномъ капюшонѣ, бѣлую руку, скользящую въ черномъ широкомъ бархатномъ рукавѣ.—Но какая гордость всюду! Въ церквахъ вездѣ громадные памятники дожей и патриціевъ, съ ихъ бюстами или статуями, даже конными. Одинъ соперничаетъ съ другимъ богатствомъ и громадностью памятника. Нигдѣ не видалъ я такого разнообразія и богатства мраморовъ, гранитовъ, порфировъ и проч. и проч.—Площадь св. Марка, окруженная съ 3-хъ сторонъ дворцами оригинальной и изящной архитектуры, — имѣя съ 4-хъ сторонъ передъ собой церковь св. Марка,—вымощенная плитами, похожа на великолѣпную залу подъ открытымъ небомъ. Съ 4-хъ сторонъ въ нижнихъ этажахъ портики — съ лавками и кофейными, сіяющими огнями по вечерамъ. Такъ какъ экипажей и лошадей здѣсь нѣтъ, то всѣ сидятъ, ходятъ, гуляютъ по площади, какъ дома: раза три въ недѣлю играетъ здѣсь оркестръ военный, но когда его нѣтъ, по вечерамъ и едва ли не всю ночь раздаются во всѣхъ углахъ площади музыка и пѣніе: это—какъ бы вамъ сказать, въ родѣ нашихъ шарманщиковъ, только безъ шарманки, а съ гитарами и скрипками и съ чудными голосами. Къ площади у церкви св. Марка примыкаетъ Piazetta съ дворцомъ дожей и съ моремъ или лагуной, омывающей ея ступени: передъ вами вдали острова, суда, вообще видъ чудный. Гондола прелесть что такое, но гондольеры не носятъ національной одежды, а одѣты всѣ по европейски, что чрезвычайно некрасиво; въ городѣ, впрочемъ, можно вездѣ пробраться пѣшкомъ: 400 мостиковъ, 400 арокъ возносятся надъ каналами; но есть нѣкоторыя мѣстности, куда попасть можно только въ гондолѣ. Гондолы здѣсь—какъ извощики въ прочихъ городахъ: ихъ больше тысячи теперь даже. — Кататься въ гондолѣ (всѣ гондолы, по предписанію республики лѣтъ еще 400 тому назадъ, черныя и однообразныя, чтобы удобнѣе было скрывать дѣйствія и распоряженія таинственнаго судилища совѣта Десяти),—кататься въ гондолѣ по каналамъ, мимо дворцовъ, опоясанныхъ водою—оча-

рователько: великолѣпія нѣтъ, вы видите только, что дворцы эти были великолѣпны, любуетесь архитектурой, но сами дворцы почернѣли, штукатурка обвалилась: это-то отсутствіе современнаго холоднаго великолѣпія и хорошо. Разумѣется— непріятно и скучно кататься съ guide, но что дѣлать, онъ нуженъ, чтобы указать зданія и проч. Guide, Австрійскіе мундиры, знамена Австрійскія на столбахъ, гдѣ развѣвались знамена Кандіи, Кипра, Мореи—трехъ странъ, принадлежавшихъ Венеціи, европейскій костюмъ (здѣсь не встрѣчается національной итальянской одежды) — все это сильно способно охладить иного путешественника, но не меня. Пустивъ въ ходъ всѣ пружины воображенія, я весь погружаюсь въ былое, такъ что современность мало мнѣ мѣшаетъ: отъ того-то, можетъ быть, я такъ сильно и восхищаюсь.—До сихъ поръ погода мнѣ благопріятствовала, т. е. не было очень жарко; даже въ Венеціи въ первые два дня были грозы и дожди, сильно охладившіе температуру, но теперь, кажется, начнутся жары іюльскіе: нынче стало уже очень жарко. Больше дѣлать въ Венеціи нечего. Зиму, разумѣется, не одинъ, провелъ бы я здѣсь, можетъ быть, и охотно, но теперь безъ знакомствъ, безъ человѣка, съ которымъ хоть бы восхищаться-то можно было вмѣстѣ,—дѣлать нечего. Я осмотрѣлъ все замѣчательное и выношу довольно полное понятіе о Венеціи,—будто видѣніе волшебное. Теперь ѣду въ Миланъ, гдѣ осмотрю Соборъ и потомъ черезъ Lago Magiore, черезъ Симплонъ въ Женеву; не доѣзжая Женевы—спущусь въ Шамуни. — Прощайте, очень мнѣ мѣшаетъ недостатокъ извѣстій о васъ; надѣюсь на милость Божію, что все у васъ благополучно. Будьте здоровы.

Здѣсь прерывается переписка Ивана Сергѣевича; изъ отвѣтовъ Сергѣя Тимофеевича видно, что были еще письма изъ Берна отъ 4-го Іюля, изъ Цюриха отъ 11-го Іюля, изъ Остенде отъ 3-го Августа и изъ Ганновера отъ 28-го Августа, но къ сожалѣнію они не отысканы. Вернувшись изъ за границы Иванъ Сергѣевичъ поселился въ Москвѣ въ своемъ семействѣ и не разставался съ нимъ болѣе двухъ лѣтъ, а потому за это время и нѣтъ семейной переписки. 1858 и 1859-ый годы прошли для него въ усиленной дѣятельности: онъ взялъ на себя, за отсутствіемъ изъ Москвы А. И. Кошелева, изданіе *Русской Бесѣды* и участилъ выходы книжекъ: вмѣсто прежнихъ 4-хъ книгъ, *Бесѣда* стала выходить въ 6-ти книгахъ. Кромѣ того онъ принялъ на себя завѣдываніе конторою этого журнала и еще другаго „*Сельское Благоустройство*“—ежемѣсячный сборникъ статей по крестьянскому вопросу, предпринятый А. И. Кошелевымъ; наконецъ приступилъ къ изданію собственной газеты *Парусъ*. Выхлопотать себѣ это разрѣшеніе стоило ему не мало хлопотъ: еще со времени изданія *Московскаго Сборника* на немъ тяготѣло запрещеніе. Главное Управленіе Цензуры затруднялось возвратить ему литературныя права. Тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія, Норовъ, предъявилъ Главному Управленію трудъ Ивана Сергѣевича „*Изслѣдованіе объ Украинскихъ ярмаркахъ*“, — и было рѣшено: «дозволить изданіе, предоставивъ министру ходатайствовать передъ Государемъ особымъ докладомъ о снятіи запрещенія». Издательскія права были ему возвращены по Высочайшему повелѣнію, съ чѣмъ вмѣстѣ получено разрѣшеніе издавать и газету. Въ Августѣ 1858 г. появилось и печатное объявленіе объ изданіи новой еженедѣльной газеты: *Парусъ*. Хворость Сергѣя Тимоѳеевича между тѣмъ увеличивалась. Въ одномъ изъ писемъ Ивана Сергѣевича объ этомъ говорится такъ: «Болѣзнь отца получила хроническій характеръ, плохо уступающій лѣкарствамъ; тѣмъ не менѣе онъ диктуетъ и написалъ уже двѣ большія статьи». За болѣзнію Сергѣя Тимофеевича семья лѣтомъ не ѣздила въ Абрамцево, а нанимали дачу въ Петровскомъ Паркѣ. Осенью, на зиму 1858—59 г. переѣхали на Кисловку въ домъ Пуколовой, гдѣ весною Сергѣй Тимоѳеевичъ и скончался: а Иванъ Сергѣевичъ поселился не-

подалеку, на Никитской, въ д. Кн. Голицыной (нынѣ П. Н. Батюшкова). На этомъ домѣ вывѣска „*Редакція Газеты Парусъ*" подала поводъ къ инциденту, о которомъ много было толковъ не только въ нашихъ, но и въ иностранныхъ газетахъ. Прежде чѣмъ приступить къ изданію газеты, Ивану Сергѣевичу предстояло еще осилить многія затрудненія въ цензурномъ отношеніи. Такъ напр. Главное Управленіе не разрѣшало ему никакихъ извѣстій и вообще никакихъ статей о Славянахъ, указывая на то, что въ программѣ не упоминалось о томъ и т. п.

Наконецъ 1-й нумеръ «Паруса» былъ изданъ, и съ самаго-же выхода, на 2-мъ нумерѣ, газета была запрещена. Предполагалось удовлетворить подписчиковъ другою газетою «Пароходъ». Ѳ. В. Чижовъ обязательно предложилъ Ивану Сергѣевичу свое, на этотъ случай, «отвѣтственное» редакторство; но дѣло не состоялось. Къ веснѣ 1859-го года для Ивана Сергѣевича окончательно выяснилось, что ему лично не дано будетъ разрѣшеніе на новую газету; самое изданіе „*Русской Бесѣды*" становилось сомнительнымъ. А. И. Кошелевъ, при тогдашней своей дѣятельности по крестьянскому вопросу и отсутствію изъ Москвы—затруднялся продолжать изданіе; а Ивану Сергѣевичу затруднительно было принять изданіе лично на себя. Весною скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ; все лѣто семья провела въ Москвѣ; уже къ осени наняли подмосковную дачу, Троекурово. *Маменька и братъ придавлены горемъ, тяжело смотрѣть на нихъ*—такъ постоянно писалъ о Константинѣ Сергѣевичѣ, въ письмахъ своихъ за это время Иванъ Сергѣевичъ.

Послѣ неудавшейся попытки, въ глубокую осень, вновь выхлопотать себѣ разрѣшеніе на изданіе газеты, и послѣ окончательно составившагося рѣшенія прекратить изданіе «*Бесѣды*» — Иванъ Сергѣевичъ склонился къ мысли—поѣхать за границу: новый 1860-ый годъ и засталъ его въ этомъ рѣшеніи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ по этому поводу, самъ онъ такъ опредѣляетъ свое рѣшеніе: «Въ 1860-мъ году не разрѣшатъ мнѣ никакого изданія, несмотря на преобразованіе съ цензурою. Слѣдовательно, опредѣленной внѣшней дѣятельности нѣтъ... Имѣя въ виду воротиться современемъ непремѣнно къ редакторской-же дѣятельности, я хочу вос-

пользоваться досугомъ, даруемымъ мнѣ судьбою, чтобъ подготовить себя лучше къ этой дѣятельности, чтобъ немножко позаняться собственной своей особой, подмести и поприбрать свой кабинетъ, многое-многое прочесть и т. п. Для этой цѣли я командирую себя на годъ въ чужіе края» *.

И письма Ивана Сергѣевича все также подробны и интересны, какъ были при жизни Сергѣя Тимофеевича.

* Иванъ Сергѣевичъ выѣхалъ изъ Москвы 4-го Января 1860 г.—это была вторая его поѣздка заграницу.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

(Изъ путешествія по Славянскимъ землямъ).

Лейпцигъ.

Суббота, $^{16}/_{28}$ *Янв. 1860 г. Hôtel de Baviere, Peterssstrasse (Петровка).*

Нынче получилъ я ваши письма отъ 8-го января. Слава Богу! Благодарю васъ, милая моя Маменька, за ваше большое и подробное письмо, и васъ всѣхъ, милыя сестры! Очень мнѣ было все время безпокойно за васъ, и я только теперь повеселѣлъ. Что-то скажутъ будущія ваши письма. Третьяго дня утромъ я послалъ вамъ телеграфическую депешу. Любопытно знать, скоро-ли дошла она? Изъ Варшавы также послалъ вамъ письмецо.—Да, я очень былъ утомленъ и взволнованъ передъ отъѣздомъ, или лучше сказать, нервически возбужденъ. Дорога меня на этотъ разъ не только не успокоила, но еще болѣе физически волновала. Я точно будто устарѣлъ, и путешествіе, которое я всегда такъ любилъ, не производило на меня ни малѣйшаго живаго впечатлѣнія. Я жалѣлъ, что у меня не было товарища. Къ тому же трудно себѣ представить что-нибудь печальнѣе этого тракта, гдѣ встрѣчаешь жилье только на станціяхъ. Все одинъ и тотъ же зимній ландшафтъ, все попадались лошаденки маленькія, избенки бѣдныя, занесенныя снѣгомъ, ель, да ель, и только разъ середи дороги явился мнѣ царемъ зимы бодрый, высокій русскій мужикъ.—За Рославлемъ пересѣлъ я изъ спокойнаго возка въ безпокойную, тѣсную карету.—Изъ Варшавы теперь поѣзда отправляются прямо въ Бреславль и дальше, въ 6 часовъ утра; я такъ и сдѣлалъ, но рѣшился переню-

чевать въ Бреславлѣ, куда вечеромъ, во вторникъ, часу въ 10-мъ и прибылъ. Ни въ паспортѣ, ни въ русской таможнѣ задержки не было. Но на прусской таможнѣ придрались къ книгамъ Гильфердинговымъ и заставили заплатить пошлины, также и за чай, о которомъ, впрочемъ, я самъ объявилъ; пошлина не велика,—за все коп. 75 серебромъ. Кстати: припасы, данные вами, мнѣ очень пригодились въ дорогѣ до Варшавы, но даже и вдвоемъ не было возможности одолѣть всего: рябчикъ, паштеты, яйца—пошли вмѣсто водки ямщикамъ. Икру, кіевскія конфекты и montpensier везу съ собой.—Переѣздъ черезъ границу не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Чужіе края уже не имѣютъ для меня интереса новизны; къ тому же, я все какъ-то былъ не по себѣ, боялся простудить ноги; разговоры въ вагонѣ были самые скучные. Я еще не познакомился ни съ однимъ нѣмцемъ ученымъ или вообще мыслителемъ. Не знаю, каковы они,—но нѣмцы низшаго разбора, торговцы, прикащики, съ которыми приходилось сидѣть, или нѣмецкіе кутилы, до отвратительности пошлы, ограниченны и топорной работы. Удивительно, какъ не изященъ этотъ народъ, способный къ такому глубокому эстетическому пониманію!—За Варшавой снѣгу почти нѣтъ; въ Силезіи попадался снѣгъ только на низменныхъ мѣстахъ; а въ Саксоніи о немъ нѣтъ и помину. Въ городахъ вся внѣшняя разница зимняя только въ томъ, что улицы сыры и грязноваты; всѣ бѣгаютъ въ пальто, или даже въ однихъ платьяхъ. Они гораздо больше насъ привыкли къ холоду. Въ Бреславлѣ комната была нетопленная, и страшно холодно; здѣсь въ Лейпцигѣ топятъ у меня каждый день, и иногда два раза (и берутъ за это деньги), но эти дурацкія печи, безъ заслонокъ, не держатъ тепла послѣ топки. Но какая разница въ климатѣ! Во вторникъ было очень тепло, а въ середу, какъ я ѣхалъ въ Лейпцигъ (я изъ Бреславля отправился на другой же день, т. е. въ середу, утромъ въ 7 часовъ, не останавливаясь въ Дрезденѣ, чрезъ который мы проѣзжали)—было градусовъ 9-ть тепла, при ясномъ солнцѣ, такъ что въ норковой шубѣ было жарко. (Енотовую я отдалъ на сохраненіе въ Варшавѣ). И такъ я пріѣхалъ въ Лейпцигъ часовъ въ 6-ть вечера и остановился въ Hotel de Bavière. Оказывается, что Лейпцигъ

дороже для жизни другихъ германскихъ городовъ: городокъ небольшой, но очень населенный (62 тысячи жителей), торговый, оживленный торговлею.—Въ четвергъ я отправилъ утромъ къ вамъ депешу, разобрался съ чемоданами, исполнилъ порученіе Гильфердинга, т. е. разсортировалъ и разослалъ книги. Въ эти три дня (пишу вамъ вечеромъ) я отдохнулъ. Отыскалъ книгопродавца Вагнера, коммиссіонера Русской Бесѣды, у котораго я было устроилъ отдѣленіе Славянской конторы. Онъ принялъ меня, какъ старый знакомый и рекомендовался мнѣ, какъ Russophil. Онъ говоритъ, что Луповицкій очень хорошо продается здѣсь, за границей, что онъ продалъ больше 350 экземпляровъ; по счету его— онъ долженъ уплатить Кошелеву или Константину (не знаю ихъ условій), за вычетомъ всѣхъ издержекъ на напечатаніе,— 49 талеровъ, которые я съ него и получу. Да за Бесѣду, которая, впрочемъ, шла очень плохо, не смотря на то, что онъ ее послалъ и въ Аѳины и въ Константинополь,—талеровъ 40; объ этомъ обо всемъ я пишу Кошелеву.—Вагнеръ согласился быть издателемъ сочиненій Отесинькиныхъ въ переводѣ, а также и Сборника Славянофильскихъ статей (Russische Ideen, какъ предложилъ назвать Константинъ), на выгодныхъ для меня условіяхъ: т. е. онъ печатаетъ на свой счетъ; въ случаѣ прибыли, я беру четвертую часть барыша; въ случаѣ убытка (который повѣряется наличнымъ числомъ книгъ)—я плачу ему не свыше 50-ти талеровъ. Переводы вообще въ здѣшней книжной торговлѣ идутъ плохо. И такъ теперь должно пріискать переводчика. Для этого я завтра ѣду въ Дрезденъ, къ Каролинѣ Павловой (отсюда часа три ѣзды). Здѣсь въ Лейпцигѣ нѣтъ ни одного русскаго; наборщики въ русскихъ типографіяхъ нѣмцы, и даже корреспондентовъ нѣтъ, хотя это можетъ быть и выгодно: предлагаютъ, на наши деньги, 75 к. сер. за корректуру листа, что, по здѣшнимъ цѣнамъ, высоко.—Очень бы хотѣлось перевести скорѣе на нѣмецкій языкъ Русскія идеи, но жаль, что большая часть идей не изложена на бумагѣ. Я пришлю потомъ оглавленіе статей, мною выбранныхъ. Жаль, что нѣтъ кусочка изъ Семирамиды, чтобы показать нѣмцамъ, какъ русскіе трактуютъ die Weltgeschichte.—Купилъ я себѣ всего Риля, но читать еще не успѣлъ. Развернулъ книгу die Fa-

milie, и попалось слѣдующее мѣсто, которое выписываю для Константина: ein organisches Haus hat einen Namen; ein symmetrisches hat ein №. Это совершенно справедливо; въ Западной Европѣ—уже одни только нумера, и теперь въ Петербургѣ тоже, имена владѣльцевъ стираютъ, о чемъ въ Петербургѣ прогрессисты мнѣ говорили съ восторгомъ. Совѣтую Константину поторопиться письменнымъ изложеніемъ всѣхъ своихъ мыслей о русской народности: мнѣ очень хочется поставить его въ непосредственныя отношенія къ Рилю. Здѣсь въ Лейпцигѣ живетъ Roscher, авторъ извѣстной книги: Народная политическая экономія, но я съ нимъ не знакомлюсь, потому что не прочелъ его книги, а ея два огромныхъ тома. Знаю, что Бабстъ былъ отъ него въ восторгѣ, и что онъ много направилъ его къ народности вообще.— Въ Лондонѣ Трюбнеръ публикуетъ о предпринятомъ имъ изданіи *полнаго* перевода *Библіи!* Эта публикація во многихъ отношеніяхъ глупа и обнаруживаетъ довольно смѣлыя претензіи. Я вамъ ее пошлю въ другомъ конвертѣ, на всякій случай. Признаюсь—это срамно и стыдно, что вотъ мы чего дождались!—Прощайте. Будьте бодры и здоровы, и не безпокойтесь обо мнѣ. Думаю, что правительство въ изданіи мною русскихъ процензурованныхъ статей въ нѣмецкомъ переводѣ не найдетъ ничего предосудительнаго. — Библіотеку и Современникъ, послѣдніе нумера 1859 г. никакому книгопродавцу отдавать нечего.

Суббота, 23 Янв./4 Февр. 1860 г. Лейпцигъ.

Нынче покончилъ здѣсь свои дѣла и нынче уѣзжаю изъ Лейпцига въ Гейдельбергъ (часовъ 12—13 отсюда). Нынче же получилъ ваше письмо, милая Маменька и милыя сестры, второе. Какъ скоро пришла депеша! скорѣе, чѣмъ изъ Петербурга въ Москву. И такъ Константинъ уже выѣзжаетъ, слава Богу. Я теперь совершенно здоровъ и совершенно отдохнулъ и собрался съ силами. Хорошо, что Наденька, которую очень, очень благодарю за ея подробныя письма, упомянула объ Унковскомъ (предводителѣ), потому что въ Кельнской газетѣ напечатано, что онъ убитъ на дуэли какимъ-то

господиномъ Dolgoloff. Ну, былъ я въ Дрезденѣ, провелъ тамъ три дня и былъ зачитанъ Каролиной Карл. Павловой. Она, разумѣется, обрадовалась мнѣ чрезвычайно, но черезъ десять минутъ, даже меньше, уже читала мнѣ свои стихи, слегка распросивъ о томъ, о семъ, о васъ, о сынѣ и, упомянувъ, что вчера былъ день его рожденья она поставила букетъ къ его фотографіи. Она совершенно бодра, весела, счастлива, довольна собою въ высшей степени и занята только собою. Это такой любопытный психологическій субъектъ, который заслуживаетъ изученія. Казалось бы, катастрофа, ее постигшая, несчастіе, истинное несчастіе, испытанное ею,—разлука съ сыномъ, потеря положенія, имени, состоянія, бѣдность, необходимость жить трудами, все это, казалось бы, должно сильно встрясти человѣка, оставить на немъ глубокіе слѣды... Ничуть не бывало, она совершенно такая же, какъ была, не измѣнилась ни въ чемъ, только постарѣла, а все случившееся съ ней послужило только поводомъ и матеріаломъ для стиховъ и наконецъ cela la pose въ ея собственномъ воображеніи. Такъ, она вамъ скажетъ, что она не вѣритъ больше въ дружбу людскую,—и все вздоръ, и черезъ пять минутъ, въ стихахъ же и въ превосходныхъ стихахъ, хвалится, что сохранила вѣру и въ дружбу и въ людей. Это удивительно! Въ этой, преисполненной талантовъ женщинѣ, все вздоръ, нѣтъ ничего серьезнаго, задушевнаго, глубокаго, истиннаго и искренняго,—тамъ на днѣ какое-то страшное безсердечіе, какая-то тупость, неразвитость душевная, искренность у нея только въ художественномъ представленіи, вся она ушла въ поэзію, въ стихи, вмѣсто чувства—какая-то внѣшняя экзальтація. Вы чувствуете, чего она и сама, разумѣется, не сознаетъ, что она никого не любитъ, что для нея ничего нѣтъ завѣтнаго, дорогаго, святаго. Нельзя сказать, чтобы это была отвлеченная женщина, чтобы чувство у нея сидѣло только въ головѣ, нѣтъ; а между тѣмъ ея духовная дѣятельность не носитъ на себѣ слѣдовъ плоти и крови внутренняго человѣка. Богъ знаетъ, откуда это берется, только не изъ глуби. Въ ней развито—не отвлеченное, чисто умственное,—но одно только чисто художественное пониманіе; вотъ ужъ про нее можно сказать, что она вся отравилась художествомъ, и что поэтому въ ней не осталось ни од-

ного живаго здороваго мѣстечка, ни одного свободнаго человѣческаго движенія; напротивъ, внѣ художественной сферы—всѣ движенія безобразны. А между тѣмъ, вѣдь она, если разсуждать отвлеченно, заслуживаетъ полнаго уваженія. Развѣ нѣтъ тутъ нравственной заслуги въ томъ, что ее не убило несчастіе, что она не упала духомъ, держитъ голову поверхъ воды, бодро переноситъ бѣдность, работаетъ дѣятельно, легко отказалась отъ всѣхъ привычекъ роскоши и комфорта,—и ничего ей не надо, писались бы только стихи! Конечно, это подвигъ, и я, можетъ быть, несправедливо сужу ее, но приходится постоянно себѣ объ этомъ напоминать, чтобы побѣдить чувство, ею внушаемое. Живетъ она своими трудами, сдѣлавъ себѣ строгій бюджетъ и вырабатываетъ въ годъ 1000 талеровъ. Разумѣется, это положеніе очень непрочное: сдѣлайся она больна, откажи ей журналисты, и она погибла. Въ запасѣ у нея ни гроша. По ея желанію, я ввелъ ее въ сношеніе съ Русскимъ Словомъ, т.-е. написалъ въ редакцію письмо объ ней: она можетъ поставлять превосходныя Обозрѣнія литературной дѣятельности и искусствъ въ Германіи, потому что она совершенно вошла въ жизнь нѣмецкую, въ цехъ литературный, свой братъ нѣмцамъ. Она пишетъ стихи и статьи нѣмецкія, участвуетъ въ разныхъ здѣшнихъ изданіяхъ, написала комедійку въ двухъ дѣйствіяхъ, которую играли съ успѣхомъ на многихъ театрахъ Германіи. Вотъ доходъ: нѣмцы платятъ автору за право представленія по десяти талеровъ (10 р. сер.) съ акта, и не то, что каждый разъ, а единожды навсегда. Но за то въ Германіи 50-тъ театровъ, и если бы всѣ театры взяли ея піэсу, то за нее одну она получитъ 1000 талеровъ; да сверхъ того—за ней остается право печатать. Но, разумѣется, не всякая піэса принимается на всѣ театры.—Въ Каролинѣ Карловнѣ никогда не было ни одной черты русской,—она совершенная нѣмка (даже нѣмецкая кухарка) и теперь точно воротилась къ себѣ домой, до такой степени она пришлась по Германіи и Германія по ней. Ни тоски по родинѣ, ни даже интереса знать объ ней, что и какъ дѣлается въ Россіи, ни даже воспоминаній, кромѣ какъ развѣ въ стихахъ. Она обрадовалась мнѣ, какъ слушателю, способному оцѣнить ея русскіе стихи, и я вполнѣ доставилъ

ей это удовольствіе, но я былъ пораженъ тѣмъ, что она такъ мало меня распрашиваетъ объ Россіи. Нѣмцами и жизнью нѣмецкой она довольна вполнѣ, не чувствуя ни мелкоты, ни узости, ни ограниченности ихъ, не испытывая даже того, что испытываютъ нѣкоторые изъ нихъ, напр. Вольфзонъ, который мнѣ жаловался на эстетическое пресыщеніе въ Германіи.—Разумѣется, только въ Дрезденѣ можно жить порядочной женщинѣ на тысячу талеровъ, т. е. хорошо одѣваться, держать тепло въ комнатѣ (у Каролины три комнаты), доставлять себѣ удовольствіе театра, концертовъ, лекцій,—но не имѣть ни шубы, ни экипажа, а бѣгать пѣшкомъ, какъ здѣсь всѣ и дѣлаютъ. Вся обстановка жизни нашего средняго дворянства здѣсь обстановка de la plus haute aristocratie, напр. имѣть пару лошадей, лакея. Разумѣется, много обусловливается климатомъ и размѣромъ. Дрезденъ и Лейпцигъ и большая часть городовъ Германіи, напоминаютъ мнѣ повѣсть о городкѣ въ табатеркѣ. Улицы точно корридоры, такъ онѣ чисты, гладки, такъ высоки стѣны домовъ, такъ наполнены дѣтьми, которыя на улицѣ всѣ, какъ дома, и почти всѣ въ однихъ платьяхъ или пальто. Я надѣваю шубу здѣсь только въ дорогѣ.—Въ Дрезденѣ я видѣлся съ Вольфзономъ, тѣмъ самымъ, который когда-то жилъ въ Москвѣ и знакомъ съ Константиномъ; онъ съ большимъ уваженіемъ и участіемъ относится къ Константину и просилъ передать, что хоть онъ и выставилъ его въ своей комедіи: Nur eine seele, но выставилъ такъ, что ты, Константинъ, можешь быть доволенъ, какъ самаго либеральнаго, честнаго и чистаго человѣка, славянофила, штудировавшаго въ Германіи и женящагося на крестьянкѣ. Вольфзонъ говоритъ очень хорошо по-русски (онъ родился въ Одессѣ), здѣсь занимаетъ довольно видное мѣсто, и издаетъ отъ времени до времени переводы разныхъ русскихъ оригинальныхъ произведеній, которыя можно добыть въ Германіи. Такъ какъ онъ незнакомъ почти съ сочиненіями Отесиньки, то я далъ ему ихъ прочесть, съ тѣмъ, чтобы онъ познакомилъ съ ними настоящимъ образомъ нѣмецкую публику. Онъ, кажется, въ эстетическомъ отношеніи довольно развитъ и оцѣнить способенъ, хотя отчасти. Мысли издать: Russische Ideen онъ вполнѣ сочувствуетъ и готовъ заняться переводомъ, только

не раньше Апрѣля мѣсяца. Вообще здѣсь онъ извѣстенъ подъ именемъ руссофила, и самъ меня увѣрялъ, что будущность принадлежитъ только русскому крестьянину, разумѣется—женатому на Deutsche Cultur und Bildung. Тѣмъ не менѣе—онъ жидъ, и некрещеный. Это удивительно однакоже, какую роль въ настоящемъ германскомъ обществѣ играютъ жиды. Главнѣйшіе представители искуства въ Германіи и литературы—жиды: поэты, музыканты, актеры, живописцы. Явленіе, заслуживающее нѣкотораго вниманія. Чувствуется, что ни Гёте, ни Шиллеръ не жиды и не могли быть жидами; отчего же теперь только жиды на сценѣ, что вносятъ они новаго въ нѣмецкую жизнь, какая будущность этого жидовства, сопряженнаго съ Deutsche Cultur? Какъ это жиды, отметающіе христіанство, являются представителями цивилизаціи, возникшей на христіанской почвѣ? Объ этомъ слѣдуетъ подумать.—О чемъ меня очень просилъ Вольфзонъ, это о филологическихъ твоихъ трудахъ. Самъ этотъ господинъ занимается русскою филологіею, пишетъ лексиконъ русскій и цѣлый трактатъ о предлогѣ *на*. Я ему пошлю брошюру о русскихъ глаголахъ, а оттисковъ статьи о Буслаевѣ у меня не оказалось. Прошу прислать съ оказіей. Впрочемъ, онъ же мнѣ разсказывалъ о равнодушіи и о презрѣніи нѣмецкаго ученаго міра къ русской духовной дѣятельности, и вообще о не любви къ русскимъ—европейцевъ.—По его указанію я нашелъ еще переводчика, или лучше переводчицу здѣсь въ Лейпцигѣ,—это г-жа Ценкеръ, жена здѣшняго профессора оріенталиста, — урожденная Рёбиндеръ, воспитавшаяся въ домѣ Борятинскихъ. Я отыскалъ ее, по возвращеніи въ Лейпцигъ, и познакомился. Она очень хорошая женщина и хотя уже 15-ть лѣтъ замужемъ за нѣмцемъ, но считаетъ себя русскою и не забыла русскаго языка. Русское свойство выразилось въ ней въ томъ, что она уговорила мужа купить отдѣльный домикъ, почти за городомъ, для того, чтобы жить однимъ въ домѣ, не на квартирѣ, и домъ ихъ напомнилъ мнѣ Россію: заборъ, калитка, дворъ и садикъ, собака на цѣпи. Она въ восторгѣ отъ Луповицкаго, котораго корректуру держала, и благодаря ей — здѣшніе книгопродавцы знаютъ главное содержаніе этой піэсы, что меня сначала очень удивило. Я также дамъ ей переводить (она перевела

и издала здѣсь романъ Григоровича), но дамъ ей въ видѣ пробы. Не думаю, чтобы она съумѣла перевести серьезныя вещи.—Въ Дрезденѣ я не видался съ русскими, кромѣ тѣхъ, которые живутъ въ одномъ отелѣ съ Павловой: тутъ три, четыре семейства, все дамы съ молоденькими дочерьми, которыя учатся и берутъ уроки (въ Дрезденѣ—полталера и талеръ высшая плата за урокъ): Булучанскія, Козлянинова (жена Казанскаго Губернатора), Ѳедоровичи, и проч. Дочери всѣ переписываютъ Павловой ея сочиненія. Въ Лейпцигѣ учатся Чичеринъ младшій и Давыдовъ, оба кандидаты Московскаго Университета, но я съ ними не видѣлся.—Я очень радъ, что отправляюсь въ Гейдельбергъ, въ тишину, въ безвѣстность, на мѣсто. Будетъ ли толкъ и прокъ отъ всего этого—не знаю, ничего не обѣщаю и прошу не пугать меня излишними требованіями.—Чужіе края мнѣ рѣшительно представляются ссылкой.

Много бы хотѣлось написать о нѣмцахъ вообще, но не пишу, во первыхъ—чтобы отвадить себя отъ привычки обобщать тотчасъ частныя замѣчанія, во вторыхъ—я хочу вообще писать поменьше писемъ, не растрачиваться въ письмахъ. Главное, что нужно вамъ знать, что я живъ, здоровъ, работаю. Но мнѣ объ Россіи знать необходимо, и потому, кромѣ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ васъ, и о вашей жизни, и о занятіяхъ Константина, я прошу по возможности продолжать отмѣчать мнѣ замѣчательнѣйшія явленія нашей общественной жизни. Что же Сборники?—Прощайте, не безпокойтесь обо мнѣ, пожалуйста, я истинно совершенно здоровъ, а въ Гейдельбергѣ къ тому жъ живутъ знаменитые Хеліусы. Будьте только вы здоровы и берегите себя.

P. S. Очень радъ, что Англійскій журналъ хорошъ. Я выписалъ его на удачу, какъ самый дешевый и не знаю, когда и какъ онъ выходитъ.—Нѣмцы по всей Германіи празднуютъ *104*-ый день рожденія Моцарта, и какъ серьезно, съ какой искренней Pietät! Впрочемъ, вѣдь это у нихъ все *свое* и формы искусства *родныя*, *доморощенныя*, столько же близкія имъ, какъ намъ наша пѣсня и сказка. Вотъ это-то отношеніе завидно, что они *дома*, что они не выходятъ изъ предѣловъ *своей* національности, становясь міровыми дѣятелями.

Гейдельбергъ, 29 Января / 10 Февраля 1860 г.
Пятница, вечеръ.

Наконецъ я присталъ къ берегу и обрѣлъ себѣ отишье, милая моя Маменька, Константинъ и сестры. Вотъ уже 5-й день, что я здѣсь; пріѣхавши, сейчасъ же сыскалъ себѣ квартиру и устроился очень хорошо. Не знаю, будетъ ли отъ того толкъ, но здѣсь можно заниматься плодотворно, кто къ тому способенъ. Человѣкъ здѣсь настраивается какъ-то мирно; полная свобода и независимость, времени въ волю, благообразіе внѣшнее чистенькаго города, всевозможныя пособія, отсутствіе всякаго начальства и слѣдовательно всего раздражающаго и давящаго, какая-то общая атмосфера честности и безопасности, такъ что вы забываете, что есть на свѣтѣ воровство, пьянство и безчинства на улицахъ,—все это, взятое вмѣстѣ, дѣйствуетъ какъ-то хорошо на душу. Положеніе иностранца выгоднѣе уже потому, что онъ не спускается въ глубь мѣстной жизни, не проникаетъ въ ея закулисныя тайны и не болѣетъ ея болѣзнями. Жизнь здѣсь удивительно дешева. Такъ какъ я поторопился пріискать себѣ квартиру, и притомъ хотѣлъ себѣ нѣкоторыхъ удобствъ, т.-е. тепла—печей и солнечной стороны, не слишкомъ высокаго помѣщенія и проч., то я заплатилъ за свою квартиру еще довольно дорого, но потомъ я узналъ, что можно было бы нанять и вдвое дешевле нѣсколько къ краю города. Я плачу около 12 р. сер. въ мѣсяцъ за двѣ прекрасныхъ комнаты, меблированныхъ и удобныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ постелью и постельнымъ бѣльемъ, въ первомъ этажѣ. За прислугу плачу одинъ гульденъ въ мѣсяцъ, т.-е. 60 коп. сер., даже меньше (крейцеръ меньше копѣйки). Обѣдаю въ гостинницѣ, Badischer Hof, куда хожу къ table d'hote, который бываетъ въ часъ, и плачу за обѣдъ съ полбутылкой столоваго вина также одинъ гульденъ.—Отопленіе также стоитъ рубля три—четыре въ мѣсяцъ. Здѣшніе печи, конечно, не годились бы у насъ, но здѣсь большая часть молодыхъ людей не нуждается зимой и въ тепломъ пальто, а употребляетъ шаль, обматываясь ею самымъ фантастическимъ образомъ,—по здѣшнему климату онѣ годятся,

и можно въ комнатѣ держать порядочное тепло. Вчера шелъ дождикъ, довольно сильный, а нынче ясный день морозъ градусовъ до 3-хъ. Конечно, случаются, говорятъ и здѣсь морозы, но это продолжается очень не долго; массы снѣговъ и льдовъ въ окрестностяхъ нѣтъ, рѣка (Неккаръ) катитъ и зимой свои зеленыя волны,—такъ что въ общей суммѣ преобладаетъ тепло.—Вотъ почти всѣ главныя издержки. Развлеченій почти никакихъ не существуетъ, экипажей почти не знаютъ, да и не зачѣмъ.—Но что здѣсь баснословно дешево, такъ это частные уроки. Я даже взялъ себѣ учителей Англійскаго языка (одного Англичанина), и Греческаго, и уже учусь и возьму на дняхъ учителя Польскаго языка. Цѣна уроку—30-ть крейцеровъ, меньше *30-ти коп. сер.!* И какъ старательно учатъ! Надѣюсь, что въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю положительныя пріобрѣтенія. Для слушанія лекцій я пріѣхалъ нѣсколько поздно. Оказывается, что семестръ зимній начинается съ 15 Октября и кончается 15-го Марта, новаго стиля; потомъ бываетъ еще лѣтній семестръ, съ перерывомъ вакацій. Въ Университетѣ я еще не былъ, но на будущей недѣлѣ послушаю нѣкоторыхъ профессоровъ. Досадно, что многіе изъ нихъ читаютъ въ разныхъ аудиторіяхъ въ одни и тѣ же часы; но изъ штудирующихъ никто однимъ семестромъ не довольствуется; въ этотъ семестръ онъ слушаетъ того, въ другой семестръ—этого профессора. Здѣшнія знаменитости: Миттермайеръ, по уголовному праву, онъ читаетъ между прочимъ, отдѣльно отъ своего главнаго предмета, теорію и практику Англійскаго уголовнаго судопроизводства; жаль, что я застаю уже конецъ; потомъ: проф. Моль, Рау—все по части Staatswissenschaften; наконецъ Häusser—по части Исторіи. Впрочемъ объ университетѣ и о студентахъ я напишу вамъ подробно въ другой разъ, когда все ближе узнаю. Не смотря на зимнее время, мѣстоположеніемъ и теперь можно любоваться. Гейдельбергъ лежитъ въ узкой, очень узкой лощинѣ, на самомъ берегу рѣки Неккара, между двухъ высокихъ горъ, изъ которыхъ на одной, надъ самымъ городомъ, виситъ зáмокъ, или лучше сказать великолѣпныя развалины одного изъ великолѣпнѣйшихъ и огромнѣйшихъ замковъ Германіи.—Климатъ, мѣстоположеніе и дешевизна жизни и уроковъ при-

влекаютъ сюда множество иностранцевъ на житье, на зиму; особенно Англичанъ здѣсь много. Это присутствіе иностранцевъ внесло здѣсь нѣкоторыя понятія о комфортѣ и удобствахъ, напр. въ гостинницахъ и квартирахъ, но, кажется, нисколько не нарушило строя здѣшней жизни, не такъ, какъ въ Швейцаріи: здѣсь онъ охраняется силою городскаго нѣмецкаго быта, плотно сидящаго на средневѣковыхъ основаніяхъ, и студентствомъ, съ ревнивымъ педантизмомъ соблюдающимъ всѣ свои средневѣковые обычаи.—По отсутствію общественныхъ увеселеній и сборищъ (кромѣ цеховыхъ—студентскихъ, куда попасть чрезвычайно трудно), — иностранцы какъ-то мало знакомятся и видаются, и вообще приноравливаются къ здѣшней жизни. Русскихъ здѣсь также чрезвычайно много, преимущественно учащихся, но есть и семейства русскія. Въ домѣ, гдѣ я живу — нанимаетъ также нѣкто Бородинъ, молодой человѣкъ изъ Петербургскаго университета, химикъ; въ Badischer Hof, гдѣ я обѣдаю, обѣдаютъ вмѣстѣ со мной еще человѣка четыре русскихъ, да нѣсколько поляковъ,—также все занимающихся химіей и хорошо работающихъ. Они, впрочемъ, ограничиваются одной лабораторіей, потому что здѣсь препараты дешевле, и всѣ удобства есть, но не потому, чтобы химія особенно здѣсь процвѣтала. Отъ нихъ же я узналъ, что здѣсь Марковичъ съ женой (Марко Вовчокъ), Пассекъ (г-жа) съ сыновьями, и еще кто-то, не помню. Марковича я нынче видѣлъ и принялъ мѣры противъ его частыхъ набѣговъ, а прочихъ еще и не встрѣчалъ. Здѣсь же Сухотинъ больной. Русскіе вообще не принадлежатъ къ корпораціямъ нѣмецкихъ студентовъ и не участвуютъ въ ихъ образѣ жизни, кромѣ, кажется, одного, Харичкова, сына богатаго купца изъ Москвы, который, говорятъ, ничего не дѣлаетъ, только пьетъ и дерется на рапирахъ.—Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ нѣкоторыми профессорами лично, но еще не рѣшаюсь побѣдить свою природную робость; къ тому же они очень заняты.—Вчера вечеромъ происходилъ здѣсь Fakelzug, въ честь одного профессора теологическаго факультета (протестантскаго) Hundhagen'a (онъ же и Stadtpfarrer), избраннаго Университетомъ и утвержденнаго Великимъ Герцогомъ Баденскимъ—въ должности проректора. Это было великолѣпное зрѣлище, надобно признаться. Процессія

шла такимъ образомъ: впереди карета съ депутатами (отъ студентовъ), за ними разныя корпораціи студентовъ въ разнообразнѣйшихъ одеждахъ, съ факелами (длинными смоляными шестами). Факеловъ было, я думаю, до 500, если не больше; отъ нихъ зарево стояло на небѣ. Среди студентовъ съ факелами шли музыканты (и прекрасная музыка), потомъ seniores каждой корпораціи, съ своими помощниками (тоже изъ студентовъ). Эти должностныя лица были всѣ въ ботфортахъ и въ бѣлыхъ лосинахъ, сверху родъ какого-то короткаго казакина, съ разными шарфами и лентами черезъ плечо, въ своихъ шапочкахъ, въ огромныхъ бѣлыхъ перчаткахъ съ раструбами. Нѣкоторые несли знамена, другіе съ обнаженными шпагами, которыя преважно держали передъ собой. За ними толпы народа. Съ музыкой пришли они къ дому профессора. Депутація отправилась къ нему, и онъ вскорѣ сошелъ къ нимъ на улицу, въ шлафрокѣ и въ шапочкѣ. Тутъ одинъ изъ seniores провозгласилъ проректорство des Herrn Kirchenrath's или Ober Consistorialrath'a, не помню, Hundhagen. Ему дружно проревѣли *Hoch!* Тогда профессоръ сталъ говорить рѣчь, благодарилъ, объявилъ, что мѣсто это слѣдовало двумъ его коллегамъ, dem Herrn Hofrath такому-то и dem Herrn Geheim-rath такому-то, но они по разнымъ обстоятельствамъ принять не могли, и онъ проситъ студентовъ, вмѣстѣ съ нимъ, прокричать Hoch и этимъ двумъ, каждому по рознь. И прокричали еще два гоха. Затѣмъ процессія обошла городъ и воротилась къ Университетской площади, гдѣ стали всѣ квадратомъ, поставивъ по середи музыку и, подъ акомпаниментъ музыки, пропѣли gaudeamus igitur; потомъ всѣ взбросили зажженные факелы вверхъ, высоко, и когда они упали на землю, собрали, сдѣлали изъ нихъ костеръ и зажгли. Потомъ, какъ все сгорѣло, разошлись. Все это производилось необыкновенно серіозно, важно, mit pietät, систематически, безъ разгула и молодечества, и это всѣмъ русскимъ, какъ я наблюдалъ, казалось очень забавнымъ, а нѣмцы очень смѣшными. Дѣйствительно, тутъ много комическаго въ этой важности и въ этой систематичности, но надо признаться, что у насъ, у русскихъ, у образованнаго класса, рѣшительное отсутствіе всякой pietät, всякаго благочестія къ старинѣ, преданію и обычаю.

Разумѣется, это понятно, потому что у этой части русскаго общества нѣтъ памяти прошедшаго, нѣтъ ноши тысячи годовъ, дѣятельно прожитыхъ, нѣтъ сѣдыхъ волосъ въ бородѣ. А нѣмцы хвастаются тѣмъ, что такъ точнехонько производилось и 200 и 300 лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о средневѣковыхъ чертахъ нѣмецкаго общества, объ отношеніи теперешнихъ нѣмцевъ къ старинѣ, о степени сочности и плодотворности этой почвы, о разницѣ между нѣмцами и англичанами,—я скажу только, что меня особенно пріятно поразило—это отсутствіе какой-бы то ни было полиціи или офиціальной власти. И пожаровъ не боятся, и безчинствъ не боятся, и ни того, ни другаго не бываетъ. Городъ весь существуетъ для науки и студенты —граждане и хозяева. Народъ, нѣсколько сотъ лѣтъ имѣющій предъ глазами такія зрѣлища, такое воздаяніе чести наукѣ и ученымъ, не можетъ не проникнуться уваженіемъ къ наукѣ.—Можно ли было бы себѣ представить въ Россіи городъ, гдѣ бы, при тысячѣ студентовъ, людей молодыхъ, наполняющихъ всѣ улицы, не наносилось ни малѣйшаго оскорбленія женщинѣ на улицахъ, и всякая порядочная женщина можетъ смѣло гулять по улицамъ ночью, ничего не опасаясь. А между тѣмъ эти студенты систематически занимаются чуть не цѣлый день питьемъ пива, дракою на рапирахъ, дуэлями и пѣньемъ пѣсенъ хоромъ. Не могу понять еще, откуда берутся ученые въ Германіи, потому что студенты, какъ меня увѣряютъ, почти вовсе не посѣщаютъ лекцій. Впрочемъ, какъ я уже говорилъ, надо вглядѣться подробнѣе. Есть о чемъ подумать.—Я уже получилъ здѣсь одно письмецо отъ васъ, милая Маменька, съ записочкой Константина,—письмо, посланное во вторникъ, 19 Января. Что это за нелѣпое распоряженіе объ изслѣдованіяхъ народной жизни и собираніи свѣдѣній. Мало ли было имъ толковано о невозможности знать истину путемъ офиціальнымъ и при офиціальномъ покровительствѣ даже! Какъ это все грустно и грустно. Какъ-то издали смотря на Россію, еще сильнѣе болѣешь о ней сердцемъ. Сколько хламу ложится на нее каждый день! Трудно изъ подъ него выбиться.—Не хочетъ ли Константинъ напечатать свои замѣчанія на труды Редакціонной Коммиссіи, хотя здѣсь? Право, это было бы

полезно для самой Редакціонной Коммисіи и вообще для правительства.—Константину буду писать, какъ устроюсь и осяду здѣсь окончательно. Я много и прилежно читаю,— занятъ цѣлый день, но работа спорится мало, потому что голову осаждаютъ постоянно общіе выводы и мысли о Россіи, вопросы о народности, будущности ея, вопросы, постоянно возбуждаемые сравненіемъ.—Прощайте, милая Маменька, будьте здоровы. Вы вѣрно нынче или завтра въ Симоновѣ. Берегите себя; да кажется, Константинъ плохо бережется.

19/7 *Февраля 1860 г. Воскресенье. Гейдельбергъ.*

Это письмо придетъ къ вамъ на первой недѣлѣ поста. Вы вѣрно будете говѣть, пожалуйста, не истомляйтесь очень. Говорятъ, такіе ухабы въ Москвѣ, что лошади останавливаются. Дай вамъ Богъ провести постъ въ возможномъ спокойствіи... Но вотъ уже и постъ! Какъ шибко идетъ время! Вы пишете, милая Маменька, что про Братчину мало говорятъ. Это ничего не значитъ. Такія явленія въ исторіи обществъ обыкновенны: прильетъ, отхлынетъ, опять прильетъ. Отесинька это очень хорошо зналъ, когда говорилъ въ эпоху самыхъ горячихъ похвалъ: «когда же наконецъ начнутъ бранить?» Вообще не надо никакой цѣны давать ни похваламъ, ни бранямъ людскимъ, особенно въ нашемъ русскомъ, наипошлѣйшемъ обществѣ, наименѣе серьезномъ.— А вотъ здѣсь на дняхъ мнѣ было очень пріятно: когда въ одной нѣмецкой книжной лавкѣ, поручая себѣ выписать одну книгу, я далъ книгопродавцу мой адресъ, то онъ, прочтя мою фамилію, сказалъ: о, это знаменитое имя, это имя автора Familien chronik. Въ библіотекѣ здѣшняго музея (я вамъ уже писалъ, что такое этотъ музей: внизу пьютъ пиво, вверху читаютъ газеты) также есть Семейная Хроника по-нѣмецки. На этой недѣлѣ я получилъ ваше письмо, съ приложеніемъ Любинькинаго «Сплетни и слухи», за которые очень, очень ее благодарю. То, что можно знать изъ Вѣдомостей Московскихъ, того мнѣ не нужно, потому что я ихъ здѣсь имѣю. Самыя важныя и неутѣшительныя извѣстія: отставка цензора Безсомыкина, отказъ нашему Обществу, за-

прещеніе частныхъ этнографическихъ розысканій и главное—положеніе крестьянскаго вопроса. Хотя вообще надо сказать—политикой занимаются очень мало въ Германіи, а студенты рѣшительно газетъ не читаютъ, и вообще направленія консервативнаго, и политикой тревожатся купцы и, какъ называетъ ихъ Риль, четвертое сословіе, пролетарій въ *большихъ* городахъ.—Но и здѣсь уже раздается говоръ о предстоящей войнѣ Австріи съ Франціей. Если это будетъ, то вѣроятно Австрія будетъ не одна, а съ Баваріей.—Конечно, если бы я въ Россіи зналъ, что такъ много русскихъ въ Гейдельбергѣ, я бы, можетъ быть, избралъ другой пунктъ. О присутствіи русскихъ въ Гейдельбергѣ я узналъ здѣсь, уже нанявши себѣ на цѣлый мѣсяцъ квартиру и устроившись. Но, впрочемъ, я не раскаиваюсь. Оказывается, что русскихъ вездѣ множество. Въ Висбаденѣ больше ста семействъ; во Фрейбургѣ (Баденскаго герцогства)—гдѣ даже городъ не освѣщенъ газомъ, множество русскихъ. Но это множество сдѣлало наконецъ то, что соотечественникъ, и русскій звукъ уже не производитъ того впечатлѣнія на чужбинѣ, какъ бывало прежде, и русскіе другъ друга не ищутъ. Оказывается, что и здѣсь не 15 человѣкъ, а 50, говорятъ, человѣкъ русскихъ, почти вовсе между собою незнакомыхъ. Къ тому же многіе, напр., Марковичи, Пассеки, отсюда скоро, дней черезъ десять, уѣдутъ въ Италію. Видѣлъ Сухотина въ музеѣ. Онъ уѣдетъ отсюда на лѣтній семестръ въ Тюбингенъ. Занимается философіей. Видъ его больной; его безножіе производитъ очень тяжелое впечатлѣніе. Я теперь слушаю лекціи трехъ профессоровъ: Моля, Миттермайера и Häusser'а: все знаменитости, Моль читаетъ отвратительно скучно (Staatswissenschaft), но Миттермайеръ и Гейссеръ—прекрасно: первый—уголовный процессъ, второй исторію. Я, какъ вамъ и писалъ, засталъ только кончикъ семестра. Видъ здѣшнихъ аудиторій, старыхъ, грязныхъ скамей, каѳедръ, изъ досокъ сколоченныхъ, привелъ бы въ ужасъ нашихъ генераловъ. Здѣсь университеты устроены совершенно иначе. Ни вступительныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ не существуетъ; экзамены только для полученія ученой степени. За право слушанія лекцій должно платить каждому профессору, котораго избираешь, гульденовъ 40 или 60. Поэтому здѣсь слуша-

ютъ уже спеціалисты, которые и выбираютъ себѣ трехъ, четырехъ профессоровъ, по своей части. Профессора эти читаютъ каждый день, нѣкоторые, по величинѣ своего предмета, читаютъ часа по три въ день. Вообще нѣмецкіе профессора отличные педагоги и чрезвычайно добросовѣстно занимаются со своими слушателями, объясняютъ, повторяютъ. Но такъ какъ нельзя въ одинъ семестръ выслушать полнаго курса нѣкоторыхъ наукъ, то недослушанное въ одинъ семестръ выслушивается въ другой. У иного профессора человѣкъ 15, 20 слушателей, у другаго 100. Если очень довольны какой-нибудь фразой профессора, хлопаютъ, но шикать никому въ голову не приходитъ: слушанье не обязательно, можешь уйти. Очень много такихъ студентовъ, которые цѣлый семестръ не выслушиваютъ ни одной лекціи, а пьютъ пиво, дерутся на рапирахъ и отправляютъ разные средневѣковые студентскіе обычаи. Прокутятъ семестръ или два, а на третій примутся за работу или и вовсе не примутся.—Если кто изъ слушающихъ придетъ на лекцію, когда она уже началась, то обыкновенно начинаютъ ему шаркать ногами и производятъ шумъ ужасный: профессоръ пріостановится, подождетъ чтобы кончился шумъ и потомъ продолжаетъ. Всѣ эти порядки видно не мѣшаютъ процвѣтать наукамъ. Для того, чтобы ученому дали мѣсто профессора или доцента, при такой конкурренціи ученыхъ въ Германіи, для того, чтобы у него были слушатели, необходимо, чтобы онъ сдѣлался извѣстенъ какимъ-нибудь ученымъ трудомъ, постоянно давалъ себя знать своими трудами: отъ того такое изобиліе ученыхъ сочиненій; оттого здѣсь профессора, получивъ мѣсто, не бросаютъ науку, но постоянно работаютъ, чтобы удерживать за собой мѣсто.—Я очень прилежно занимаюсь Англійскимъ языкомъ, но Carlisle такъ труденъ, что я долженъ былъ его оставить покуда.—Со вчерашняго дня у нѣмцевъ началась масляница; хотя, впрочемъ протестанты не должны бы имѣть карнавала, такъ какъ у нихъ нѣтъ поста, но обычаи изъ временъ католическихъ въ народѣ большею частью удержались. На улицахъ сдѣлалось немножко поживѣе; но что это за нѣмцы! Какая тяжеловѣсная веселость! Устроиваютъ Narrenzug и пройдутся по городу весьма серьезно и важно. Прилагаю программу: пусть сестры увидятъ, какъ

нѣмцы празднуютъ масляницу: за недѣлю объявлено, что пойдутъ къ такимъ-то воротамъ встрѣчать его Величество Карнавалъ въ городѣ. Но, къ сожалѣнію, узнаютъ, что опоздали, и что карнавалъ въ городѣ. И вчера вечеромъ мимо моихъ оконъ дѣйствительно промаршировали туда и назадъ, сопровождаемые огромною толпою. Но ни пѣсенъ, ни видимаго пьянства. Вѣроятно у итальянцевъ нѣтъ программы для карнавала на римскихъ Corso.—Хотя верба уже распустилась (плющъ всю зиму зеленѣетъ здѣсь, и многіе дома имъ совсѣмъ обвиты), даже, разсказываютъ, на розанахъ надуваются почки, но на этой недѣлѣ было два дня мороза по восьми градусовъ, потомъ выпало снѣгу на вершокъ, и нѣмцы обрадовались, стали кататься въ саняхъ, какъ ни плохо было кататься. Сани здѣсь преуродливые, въ формѣ лодокъ и лебедей, высокіе и впереди, вмѣсто кучерскаго сидѣнья, или голова лебедя, или грязный деревянный купидонъ. Не знаю, исправно ли доходятъ мои письма.—Что сталось съ посланіемъ къ Сербамъ? Здѣсь человѣкъ пять Сербовъ штудируютъ, и хорошо занимаются. Я познакомился съ двумя изъ нихъ, и думаю, что это будетъ для нихъ не безъ пользы. Посажу ихъ за Бесѣду.—Ну что же, есть ли толки о выходѣ Сборниковъ? Вы не пишете также, чѣмъ собственно теперь занимается Константинъ, что онъ пишетъ? печатаетъ ли грамматику? Познакомился я здѣсь съ Марко Вовчкомъ. Въ ней очень много простоты, въ хорошемъ смыслѣ; я думалъ, что Петербургъ ее сбилъ или собьетъ съ толку, но этого не видать. Мужъ ея, впрочемъ, говорилъ мнѣ, что вліяніе было поверхностное, и плодомъ этого умственнаго смущенія была повѣсть «Игрушечка», или не знаю—какая (она была напечатана), гдѣ, по выраженію, видно, что виски сдавлены и теперь онъ очень радъ, что въ новой ея повѣсти опять она вышла на свѣжій воздухъ, и повѣсть противорѣчитъ всѣмъ внушеніямъ, ученіямъ, эстетическимъ теоріямъ и совѣтамъ, которые разомъ обрушились на ея бѣдную голову. Повѣсть эту (Червонный король) она мнѣ прочла. Дѣйствительно, очень хороша, лучше ея другихъ повѣстей. Хотя Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ человѣкъ очень скучный, но очень не глупый, а главное, при строгихъ своихъ нравственныхъ понятіяхъ, очень тонко чувствующій. Кули-

шомъ они оба очень недовольны и очень обрадовались его примиренію съ женой. Марья Алекс. жаловалась мнѣ на его деспотизмъ, съ которымъ онъ считаетъ себя въ правѣ относиться ко всѣмъ малороссійскимъ писателямъ или дѣятелямъ. Впрочемъ о Марковичахъ какъ-нибудь въ другой разъ. Я совершенно здоровъ и довольно много работаю. Не скажу, чтобы былъ очень доволенъ работой своей и вообще собою, но все же работаю и почти цѣлый день сижу дома. Прощайте покуда. Будьте всѣ здоровы.

Суббота, 25/13 Февраля 1860 г.

Не знаю, какъ и благодарить васъ: на этой недѣлѣ получилъ я отъ васъ два письма. Письмо Гриши * съ описаніемъ освященія церкви меня очень взволновало: такъ живо передалъ онъ все значеніе этого событія своимъ простымъ разсказомъ. Воображаю, что онъ перечувствовалъ въ этотъ день: сколько грусти, сколько грустной радости, и надъ всѣмъ этимъ—сколько умиленія сердечнаго! И потомъ, независимо отъ всего, какое великое наслажденіе почувствовать себя хоть на одну минуту за одно съ народомъ, въ полномъ единеніи духа, въ совершенномъ братствѣ и равенствѣ. Стран-

---

* Въ память Сергѣя Тимофеевича была выстроена женой его Ольгой Семеновной въ Самарской деревнѣ ихъ Вишенкахъ церковь, вотъ что писалъ присутствовавшій на освященіи, сынъ ихъ Григорій Сергѣевичъ:....

Суббота 16 Янв. 1860 г. Вишенки.

Весь день народъ и *я* въ тревожномъ ожиданіи освященія, торопимся, уставляемъ, приготовляемъ. Отовсюду слышишь: Царствіе небесное Сергѣю Тимофеевичу! Упокой, Господи, душу его. Благослови Господи матушку Ольгу Семеновну! Что она для насъ сдѣлала-то! Христіанами станемъ. Увидали, чего никогда не видали и т. п. Говорятъ: всякой чувствуетъ да не у всякаго языкъ, и не умѣютъ, что молвить. Какъ жалѣю *я*, что ни Вы ни Конста не могли быть свидѣтелями общаго умиленія и благоговѣнія. Вещи всѣ очень хороши. Сколько думы и мыслей надъ ними уготовившихъ ихъ, сколько молитвъ! *Послѣ всенощной.* Со слезами на глазахъ вышелъ *я* сейчасъ изъ церкви; служили прекрасно 3 священника и діаконъ. Народъ такъ молился усердно, такъ сочувствовалъ возглашеніямъ діакона, что громко повторялъ многое или возглашалъ Господи помилуй, что *я* былъ бы тронутъ какъ никогда, даже если бы и не было причины быть въ такомъ настроеніи. Церковь была биткомъ набита. Возлѣ меня на лѣвомъ клиросѣ стоялъ старикъ Ефимъ Никифоровъ, Абрамъ съ женой и дочерью тоже здѣсь. Только побывавши среди народа можешь представить себѣ какъ велико для него значеніе церкви, какое лишеніе было для нихъ не имѣть ее, какое благодѣяніе въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи приноситъ она

но, что ни одинъ художникъ въ художественномъ представленіи народа не отнесся съ этой, вѣчно положительной стороны къ народной жизни.—Какъ должно это васъ радовать, милая моя Маменька. — По крайней мѣрѣ — мы разстаемся съ крестьянами въ Вишенкахъ дружно, и они помянутъ насъ добромъ. Надо бы что-нибудь сдѣлать для Надежинскихъ крестьянъ. Мнѣ жаль, что нѣтъ со мной XIV т. Свода Законовъ, чтобы посмотрѣть, когда и въ какихъ случаяхъ имѣетъ право помѣщикъ возвратить—сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе. Кажется, сосланныхъ по распоряженію помѣщика возвратить можно, а сосланныхъ по суду нельзя; но можетъ быть есть исключенія или измѣненія въ этой статьѣ закона. Признаюсь, они мнѣ часто приходятъ въ голову. Я помню также, что Отесинька былъ очень огорченъ, узнавши о приговорѣ Сената, и вовсе не ожидалъ и не желалъ такого рѣшенія, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ,—даже просилъ предварительно Мартынова, но тотъ—забылъ, а мы, т. е. я или Гриша, забыли напомнить. Если есть возможность возвратить, то ею бы надо воспользоваться. Спросите объ этомъ Гришу.—Что это за тягучая масса безобразія у насъ въ Россіи! Какое нравственное окисленіе производится на днѣ души отъ постояннаго созерцанія этого безобразія, отъ постояннаго слушанья всякихъ диссонансовъ, отъ этого смрада и угара и наконецъ отъ умственнаго сум-

---

имъ.—Иной пропуститъ мимо ушей, говорятъ они, а многіе не имѣвшіе доселѣ случая, узнаютъ и поймутъ заповѣдь Божію. *Послѣ освященія.* Я такъ полонъ чувствъ, что не въ силахъ описать Вамъ всего, что происходило въ душѣ моей Въ $8^1/_2$ час. началась служба. Народу было такъ много, что не смотря на сильный морозъ и отворенную дверь, свѣчи отъ жару стали тухнуть. Я велѣлъ разбить еще стекло и все таки было жарко. Когда стояли вещи покрытыя пеленой посреди церкви, я воображалъ невольно какъ лежалъ Отесинька въ гробу и Васъ всѣхъ около него. Когда началось освященіе каждой вещи сработанной Вами или сестрами, я такъ сильно переносился къ вамъ, что какъ будто видѣлъ Васъ. Какая чудная служба, какъ сильно она потрясаетъ душу! Народъ въ умиленіи, съ молитвой и благодарностью, выражавшейся часто вслухъ, слѣдилъ за всѣмъ, участвовалъ въ службѣ своимъ вниманіемъ и многіе запомнили даже пѣніе. Началась заупокойная обѣдня. Пропѣли—со святыми упокой и отслужили панихиду. Да, если молитвы здѣсь на землѣ могутъ быть полезны усопшимъ, то, конечно, принесенныя сегодня съ простотой души и теплотой сердца, дошли до Господа. Священникъ сказалъ очень порядочное слово, приведшее ихъ въ чувствія, какъ они говорятъ. Слава Богу, освященіе совершилось и Вы можете считать себя счастливой, милая Маменька, что Господь привелъ Васъ въ Вашей жизни вдругъ сдѣлать столькихъ счастливыми.

бура нашего общества. Народъ далеко, живаго, не абстрактнаго сближенія съ нимъ быть не можетъ, и мудрено надъ всѣмъ этимъ возноситься на крылушкахъ надежды или вѣры въ будущность Россіи. Но что меня особенно огорчило теперь—это извѣстіе о Самаринѣ. Что же онъ—пріѣхалъ въ Москву? Тутъ ему отдыхъ плохой: отъ споровъ мудрено удержаться. Но едва ли это ударъ, однакоже. Послѣ третьяго удара если и живетъ человѣкъ, такъ разбитый.—Право, не знаешь, чего и желать. Боюсь, чтобы съ паденіемъ Редакціонныхъ Коммиссій не взяла верхъ партія аристократическая.—Воображаю себѣ живо ваши ухабы и мятели. И здѣсь на прошлой недѣлѣ шелъ сильный снѣгъ и даже не стаялъ и теперь лежитъ на крышахъ, а на улицахъ образовалась ледяная корка; но здѣсь и погода anständig. Впрочемъ, отъ того ли, что русскихъ очень много или отъ чего другаго, только нѣмцы не могутъ надивиться, что такъ холодно и такъ запаздываетъ весна. Нынче, напримѣръ, утромъ, часу въ 8-мъ, было семь градусовъ холода, и вообще стоятъ морозные, ясные дни. Разумѣется, къ полудню на солнцѣ становится очень тепло, даже вѣтки новыя показываются на деревьяхъ. Тѣмъ не менѣе я радъ, что не оставилъ своей норки въ Лейпцигѣ и взялъ ее съ собою.—Мысли издать въ Германіи Сборникъ на нѣмецкомъ языкѣ я продолжаю держаться. Во первыхъ, мнѣ самому будетъ очень пріятно и очень полезно заняться такимъ сводомъ, такимъ систематизированіемъ славянофильскихъ идей, во вторыхъ потому, что въ Германіи найдутся серьезныя головы, способныя задуматься надъ ними и пустить ихъ въ обращеніе, внести въ общечеловѣческій капиталъ мысли и знанія. Но недостатокъ переводчиковъ меня затрудняетъ. Хотя Frau Lenker, geboren Baronin von Rehbinder и предложила мнѣ свои услуги, но пересмотрѣвши статьи, я убѣдился, что ей невозможно этимъ заняться, т.-е. она не съумѣетъ. Впрочемъ пошлю ей что-нибудь. Поправлять плохой переводъ ужасно трудно. Гиляровъ пишетъ мнѣ про какого-то Фукса въ Дрезденѣ; но Дрезденъ, по милости Каролины Карловны, для меня почти погибъ. Некрещеный Вольфзонъ (онъ себя жидомъ не называетъ, а говоритъ только: ich bin nicht getauft) охотно берется за дѣло, но не раньше Апрѣля мѣсяца и, кажется,

ему хочется сдѣлать изъ этого свое самостоятельное изданіе, съ своимъ предисловіемъ. Если бы желать какого-нибудь предисловія, такъ отъ Риля, который, какъ человѣкъ положительно вѣрующій, способнѣе оцѣнить самое направленіе. Я непремѣнно предложу Рилю прочесть брошюры Хомякова.— У меня есть въ виду переводчикъ въ Мюнхенѣ, Боденштедтъ, прекрасно знающій русскій языкъ и прекрасно переведшій нѣмецкими стихами стихотворенія Лермонтова.—По части филологіи я хочу отдать перевесть брошюру Константина о глаголахъ.—Я на дняхъ переѣзжаю въ Мюнхенъ. Это васъ удивитъ. Хотя я вамъ и писалъ въ послѣднемъ письмѣ объ удобствахъ здѣшняго пребыванія, но я только крѣпился и не хотѣлось мнѣ самому сознаться въ ошибкѣ, которую я сдѣлалъ, избравъ Гейдельбергъ мѣстомъ пребыванія. Отъ русскихъ житья нѣтъ. Гейдельбергъ все равно, что уѣздный городокъ въ Россіи: всѣ васъ знаютъ, всѣ вами интересуются. *Затѣваются литературные вечера*. Отъ нихъ-то я и бѣгу. Ждутъ на дняхъ Ешевскаго съ женой, и онъ останется здѣсь жить! Здѣсь живетъ бывшій московскій профессоръ Гофманъ, женатый: Константинъ его знаетъ, да и я его видалъ прежде. Онъ здѣсь доцентомъ сравнительной филологіи, только слушателей у него нѣтъ. У него открытый домъ для всѣхъ русскихъ. Я еще у него не былъ, чѣмъ, разумѣется, онъ очень огорчается.—Есть еще какая-то ученая дѣвушка Старинкевичъ, читающая философовъ германскихъ. Кромѣ литературной извѣстности, связанной не лично съ моимъ именемъ, но съ моей фамиліей, эта фамилія извѣстна какъ славянофильская, и я являюсь здѣсь представителемъ партіи, что возбуждаетъ любопытство всѣхъ русскихъ. Ну, словомъ, бѣда. Холодная погода, поздняя весна и ожидаемая въ Италіи война удерживаетъ отъ поѣздки въ Италію тѣхъ, которые хотѣли туда ѣхать. Впрочемъ Марко Вовчокъ съ мужемъ, заслышавъ о литературныхъ вечерахъ, также бѣжатъ отсюда въ Швейцарію. Они хотятъ пожить мѣсяца два въ Нешателѣ, какъ въ мѣстѣ, никогда почти не посѣщаемомъ путешественниками. Она предполагаетъ тамъ работать. Въ Гейдельбергѣ всего двѣ улицы и потому постоянно на виду и со всѣми встрѣчаешься. Я, конечно, меньше всѣхъ имѣю здѣсь знакомыхъ, но постоянно уклоняться и отказываться отъ знакомствъ невозмож-

но. Если объявлять причиной отказа желаніе работать, тогда съ этой работой и затворничествомъ еще больше торчишь на виду. Собственно Гейдельбергъ для меня не нуженъ. Профессоръ Моль кончилъ свои лекціи, прочіе профессора заканчиваютъ. Переводчиковъ, не смотря на множество русскихъ, здѣсь нѣтъ. Мнѣ жаль только разстаться съ своимъ англійскимъ учителемъ, которымъ я очень доволенъ. Греческимъ, напротивъ того, я очень недоволенъ: выходитъ, что собственно я его учу русскому языку: онъ филологъ и очень имъ интересуется. Я убѣждаюсь, что лучше всего жить въ большомъ городѣ, гдѣ можно легче изолироваться, изчезнуть въ массѣ, гдѣ другъ другу ни до кого нѣтъ дѣла. Я избираю Мюнхенъ потому, что мнѣ чрезъ него лежитъ дорога въ Вѣну при будущемъ путешествіи по Славянскимъ землямъ, потому что тамъ живетъ Риль, съ которымъ меня тянетъ познакомиться и Боденштедтъ—переводчикъ, и потому, что тамъ у меня нѣтъ знакомыхъ русскихъ. Городъ я знаю, осматривать мнѣ его нечего; впечатлѣніе производятъ эти нѣмецкіе Афины пренепріятное, но это нужды нѣтъ. Если тамъ и живутъ русскіе, то какія-нибудь богатыя аристократическія (soi-disant) семейства, вращающіяся въ высшемъ кругу. Однимъ словомъ, я надѣюсь тамъ прожить совершенно незамѣтно, а здѣсь и нѣмцы знаютъ, что Dichter ходитъ по улицамъ. Я бы, можетъ быть, и раньше привелъ эту мысль въ исполненіе, но меня удерживало то, что я заплатилъ за мѣсяцъ впередъ за квартиру.—Что это за народъ—заграничные русскіе! На здѣшнемъ солидномъ, жизненномъ, историческомъ фонѣ они оттѣняются еще сильнѣе. Дѣйствительно, никакимъ грузомъ неотягчаемые, никакими тормазами несдерживаемые, они впереди всего, что есть въ Европѣ передоваго, въ смыслѣ не консервативномъ, но впереди, какъ форрейторы, по сравненію П. В. Кирѣевскаго, порвавшіе постромки, оставившіе карету на полдорогѣ и скачущіе вкось, вкривь, цѣликомъ, безъ указаній кучера и совершенно *на легкѣ*. Досадно слышать ихъ нападки не впопадъ на Германію, ихъ насмѣшки надъ средневѣковыми обычаями. А я такъ съ наслажденіемъ слышалъ нынче звонъ колокола церковнаго, который, по обычаю среднихъ вѣковъ, по субботамъ возвѣщаетъ «Friede», миръ, прекра-

щеніе судебныхъ преслѣдованій. Теперь это не имѣетъ значенія, но обычай сохраняется. Когда на прошлой недѣлѣ въ Maskenzug проходили по улицамъ наряженные рыцари и крестоносцы, то невольно вспоминалось, что по этимъ улицамъ самымъ проходили точно и рыцари и крестоносцы!— Послѣ завтра первая недѣля поста. Дай Богъ вамъ провести его благополучно, какъ ни тяжелы всѣ наступающіе сроки *). Прощайте, милая Маменька. Будьте, пожалуйста, здоровы и не изнуряйте себя постомъ. Пишите мнѣ въ Мюнхенъ (München, in Baiern). Онъ не дальше отъ Россіи, чѣмъ Гейдельбергъ.

Мюнхенъ. 1860 г. 3 Марта / 20 Февр. Суббота.

Вотъ уже я четыре дня, какъ въ Мюнхенѣ, милая моя Маменька и милыя сестры, нанялъ себѣ квартиру. Theatinerstrasse, 48, 2 stock, устроился въ ней, разложился, и занятія пошли по старому, какъ бы не прерывались. Взялъ англійскаго учителя. Ни души знакомой. Это мнѣ очень пріятно; такъ пріятно, что я даже не тороплюсь знакомиться ни съ Боденштедтомъ, ни съ Рилемъ, хотя и имѣю ихъ адресы. Вчера получилъ я ваше письмо, № 7, отъ 8-го февраля: оно адресовано въ Лейпцигъ, переслано въ Гейдельбергъ, а оттуда въ Мюнхенъ; но здѣсь есть прямое сообщеніе съ Лейпцигомъ, такъ что вообще письма въ Мюнхенъ будутъ приходить не позже, чѣмъ въ Гейдельбергъ. Получилъ я письмо отъ Өедора Вас. Чижова, которому, разумѣется, буду отвѣчать. Я очень благодаренъ ему за дружбу, которой это письмо служитъ новымъ доказательствомъ.— О смерти Ростовцева я уже около недѣли тому назадъ прочелъ въ Кельнской газетѣ. Тамъ же опровергали слухъ о назначеніи Панина на его мѣсто и утверждали, что идутъ переговоры съ Графомъ С. Г. Строгановымъ. Это что-то похоже на правду и было бы не дурно: т.-е. лучшаго назначить некого. Должно быть, было въ Ростовцевѣ, гдѣ-нибудь тамъ что-то хорошее, что онъ нажилъ себѣ такой почетный и славный конецъ: палъ, какъ воинъ въ бою, за-

*) Относится ко днямъ страданій и кончины Серг. Тимоф.

служилъ ненависть знати, прощенъ Декабристами; о потерѣ его приходится жалѣть всѣмъ, кому дорого крестьянское дѣло; на его похороны Самаринъ спѣшитъ изъ Москвы. Можно ли было бы предположить послѣднее года два тому назадъ? Если его больной сынъ его пережилъ, такъ это должно его утѣшать. Даже «Колоколъ» пересталъ надъ нимъ издѣваться.—Здѣсь въ «Одеонѣ» есть Litterarischer Verein, гдѣ можно быть членомъ, заплативши гульденъ съ чѣмъ-то въ мѣсяцъ, безъ всякихъ рекомендацій,—что я и сдѣлалъ. Это просто двѣ—три комнаты, гдѣ лежатъ всевозможные журналы, гдѣ читаютъ молча, не пьютъ, не ѣдятъ и не курятъ. Тамъ получаются и русскія газеты: Сѣверная Пчела (она теперь совершенно преобразилась), Русскій Инвалидъ и Journal de St. Petersbourg. Прочелъ я и рескриптъ Блудову: я думаю, онъ огорчилъ старика. Вѣроятно, вамъ уже извѣстно, какъ встревожила Европу ложная вѣсть о союзѣ, заключенномъ между Россіею и Австріею. Le Nord опровергаетъ эту вѣсть почти официально. Но меня бы не удивило, если бы и оправдалось извѣстіе. Не знаю, перепечатали ли въ газетахъ, которыя вы получаете, официальную переписку англійскаго посла въ Петербургѣ съ Росселемъ. Тамъ сказано, что русскій посланникъ Брунновъ объявилъ, что русскій дворъ не можетъ допустить, чтобы итальянскіе народы имѣли право избирать въ Государи celui qui leur plait.—Должно быть, мы хотимъ, чтобы они избирали qui ne leur plait pas! Такой образъ мыслей естественно ведетъ къ союзу съ Австріей.—Противно читать, какъ тянутъ душу у бѣдной Италіи такимъ медленіемъ. Авось либо Наполеонъ подвинетъ дѣло къ рѣшенію.—Хомяковъ остался предсѣдателемъ *). Я радъ этому во всякомъ случаѣ и радъ еще больше за Константина. Пусть же они теперь вдвоемъ дадутъ Обществу какое-нибудь практическое значеніе: до сихъ поръ оно ничего не сдѣлало и никакого raison d'être не заявило. Я, какъ извѣстно, не придаю Обществу никакого серьезнаго значенія, но Константинъ другаго мнѣнія, и пусть же онъ докажетъ это на дѣлѣ.—Что за воплощенная претензія—этотъ Мюнхенъ! Подумаешь, что баварцы прямые наслѣдники Эллады, служи-

*) Общества Любителей Россійской Словесности.

тели музъ и въ тоже время беллоны! И все вздоръ,—и существенное только одно—во всемъ свѣтѣ знаменитое баварское пиво. Улицы названы именами поэтовъ, дворцы расписаны фресками, почта смотритъ Этрусской вазой и въ тоже время ежедневно разводъ или парадъ, и гремитъ военная музыка. Есть и Siegesthor (ворота побѣды) и колоссальная, чуть ли не съ Ивана Великаго статуя Баваріи и Ruhmhalle, съ бюстами какихъ-то двухъ неизвѣстныхъ баварскихъ генераловъ, и проч. и проч. Баваріи до смерти хочется быть могущественною державою, и она всей силой баварской души ненавидитъ Пруссію. Народъ—строго католическій,—и вообще здѣсь Австрія встрѣчаетъ большую симпатію. Въ случаѣ войны надѣются, что баварцы примутъ участіе. Что за надменныя фигуры у баварскихъ офицеровъ: такъ, кажется, одинъ разобьетъ всю французскую армію.—Видѣли ли вы новые журналы: Свѣточъ и другіе? Читали ли повѣсть Тургенева «Наканунѣ?» Имѣла ли она успѣхъ? Вообще двинулся ли онъ впередъ въ разрѣшеніи своей задачи?—Какъ развернулъ вчера Сѣверную Пчелу, такъ меня и обдало всей этой шумихой, блестящимъ потѣшнымъ огнемъ, трескотней, суетой и трезвономъ, тономъ мальчишекъ, корчащихъ взрослыхъ, важничаньемъ, свѣтскою развязностью,—словомъ, преотвратительное и преболѣзненное впечатлѣніе. Хоть бы словечко искреннее, искреннее, которому бы «нужда належала» въ свѣтъ выйти.—Климатъ здѣсь несравненно суровѣе, чѣмъ въ Гейдельбергѣ и вообще въ западной и югозападной Германіи. Мюнхенъ самый высокій городъ въ Европѣ, что-то 1500 футовъ надъ уровнемъ моря. Снѣгу теперь на улицахъ нѣтъ, однако въ переулкахъ толстыя ледяныя коры, которыя взламываютъ ломомъ. Воображаю, что будетъ въ Москвѣ, какъ пойдетъ все таять! У меня въ комнатѣ очень тепло. Цѣны здѣсь такія же, какъ и въ Гейдельбергѣ. Обѣдаю—напротивъ, въ гостиницѣ Golder Hirsch; за обѣдъ платится меньше гульдена, коп. до 50 сер.—Я радъ, что у меня большая комната (при ней маленькая темная комнатка—спальня), такъ что можно по комнатѣ ходить. Прощайте, милая Маменька и милыя сестры. Будьте здоровы. Нынче вы, можетъ быть, пріобщались, милая Маменька: поздравляю васъ мысленно.

Пятница вечеромъ. $\frac{\textit{9 Марта}}{\textit{26 Февр.}}$ *1860 г.*

Мюнхенъ.

На этотъ разъ я васъ очень удивлю, милая Маменька,— впрочемъ, я и самъ удивленъ не меньше вашего. Посылаю вамъ только что оконченное мною длинное стихотвореніе *): грустно мнѣ очень было самому—когда, окончивъ, сталъ я перечитывать свои стихи, и еще грустнѣе посылать ихъ въ Москву, когда нѣтъ того, который больше всѣхъ утѣшился бы ими, вѣрнѣе всѣхъ посудилъ бы ихъ, и который вообще любилъ мои стихи!—Какая странная, отъ самого человѣка независимая, сама по себѣ и своею жизнью живущая— сила, эта поэзія въ человѣкѣ. Въ теченіе послѣднихъ *пяти* лѣтъ я написалъ всего *два* стихотворенія, да и то послѣднему—уже больше *трехъ* лѣтъ прошло! Я думалъ, что уже совсѣмъ больше писать не буду, тѣмъ больше, что много лежитъ у меня въ портфелѣ стихотвореній начатыхъ, но не написавшихся, не смотря ни на какія усилія. Много темъ задано мнѣ себѣ самому, но тема посылаемаго стихотворенія совершенно новая. Какимъ образомъ пришла мнѣ въ голову эта тема, и вообще—какъ написались эти стихи, я право сказать не могу; у меня есть свойство—немедленно забывать весь процессъ рожденія и писанія стиховъ, какъ скоро они написаны. Знаю только, что писалось это стихотвореніе довольно трудно, съ сильнымъ нервнымъ напряженіемъ, нѣсколько вечеровъ сряду. Я чувствую, что просто отвыкъ владѣть механизмомъ стиха. Какъ вамъ ни грустно будетъ, милая Маменька, прочтите однако мое стихотвореніе. Хороши ли они или дурны, но мои стихи во всякомъ случаѣ существенная часть меня самого, кость отъ костей моихъ. Зарождаются и пишутся они мучительно и трудно, но всегда серьезно и искренно, и пишутся потому, что выпираетъ ихъ на свѣтъ какая-то сила, которой я самъ повинуюсь. Нерѣдко приходилось самому себя спрашивать—да что же заставляетъ такъ мучиться, кто неволитъ? Что-то неволитъ. Я не виртуозъ въ поэзіи, и скорѣе вовсе писать не буду (чему я и представ-

*) „Пророкъ" смотр. Приложеніе.

лялъ достаточныя доказательства), чѣмъ писать на любую тему, безъ внутренней надобности. Но конечно все это ручательство въ искренности, а нисколько не въ достоинствѣ художественномъ моихъ стиховъ. Прошу въ особенности Константина посудить стихотвореніе строго, даже поправить слабыя мѣста, и вообще сказать, что оно хорошо или дурно, ясно ли или темно, сильно или слабо, свободно или натянуто. Самъ авторъ, въ первое время по написаніи, плохой судья. Когда я писалъ, то мнѣ нравилось, и я сильно волновался, такъ что мой сосѣдъ—какой-то скромный учитель пѣнія—долженъ былъ принять меня за сумасшедшаго, слыша, какъ я расхаживаю по комнатѣ одинъ, читаю и говорю вслухъ съ самимъ собою; если же онъ глядѣлъ въ замочную скважину и видѣлъ, какъ я размахиваю руками,—то и подавно. Но какъ написалъ, то вмѣстѣ съ ослабленіемъ силъ и усталостью и стихотвореніе стало меньше нравиться. Прошу Константина также прочесть его (съ приличнымъ драматизмомъ и одушевленіемъ) Хомякову и Чижову. Мысль стихотворенія (которому названія я не придумалъ) мнѣ кажется ясна и не требуетъ комментарій. Въ немъ нѣтъ намековъ и сближеній. Мысль та, что мы всѣ нерѣдко ждемъ историческаго событія справа, а оно входитъ слѣва, ждемъ его въ такомъ-то костюмѣ, а оно явилось въ другомъ, такъ что мы его и не узнаемъ, ждемъ нынче, а оно уже тутъ, да мы и сами — порожденіе этого событія, его выражаемъ; между тѣмъ во всѣхъ насъ лежитъ замашка мѣрить день историческій на мѣрку нашего солнечнаго дня,—желаніе — поймать исторію за хвостъ, осязать, воплотить ее и проч. Кажется, ясно. Если этимъ стихотвореніемъ откупорится ключъ моего стихотворчества, то я буду очень радъ, разумѣется, и лично для себя найду уже въ одномъ этомъ оправданіе своей поѣздки за границу; но такъ какъ я никакими правами художника не пользуюсь и отъ меня требуется положительнаго дѣла, а стихи отнимаютъ много, много времени, то и совѣстно, признаюсь, продолжать заниматься стихотворствомъ, хотя меня и потягиваетъ писать. Какъ я вообще умно сдѣлалъ, что уѣхалъ изъ Гейдельберга. Туда пріѣхалъ еще Станкевичъ съ женой, — и тамъ мнѣ нельзя было бы съ нимъ не встрѣтиться. Пишетъ мнѣ о томъ Аѳа-

насій Марковичъ: его задержала съ женою также, въ Гейдельбергѣ, — невысылка денегъ. Здѣсь я по прежнему еще ни съ кѣмъ не знакомъ, да и русскихъ звуковъ не слыхалъ нигдѣ,—и есть ли здѣсь русскіе, кромѣ посольства, не знаю. Мое одиночество или уединеніе здѣсь совершенно особаго рода. Я живу въ одной изъ самыхъ проѣздныхъ и оживленныхъ улицъ; безпрестанно проходятъ войска, трубятъ трубы (здѣсь каждый день у Баварцевъ парадъ!), шумъ и трескотня. Но такъ какъ нѣмцы меня интересуютъ мало, то это мнѣ и не мѣшаетъ. Я даже не собрался еще сходить въ Пинакотеку и Глиптотеку (галлерею картинъ и галлерею статуй), которыя впрочемъ я уже видѣлъ однажды, года три тому назадъ. Погода стоитъ прегнусная. Снѣгъ идетъ каждый день, но на улицахъ не удерживается и превращается въ грязь; вообще очень холодно. Но у меня въ комнатѣ чрезвычайно тепло. Фаянсовая печка съ длинной трубой, дѣлающею нѣсколько поворотовъ, очень хорошо грѣетъ, хотя никогда не закрывается (вьюшекъ здѣсь не знаютъ). Впрочемъ, она почти цѣлый день топится.—Я получилъ на этой недѣлѣ письмо ваше отъ 15 Февраля. Поздравляю васъ, милая Маменька и всѣхъ сестеръ, говѣвшихъ — съ пріобщеніемъ. Какіе морозы у васъ стоятъ! Неужели дѣйствительно Панинъ будетъ назначенъ на мѣсто Ростовцева? Какъ грустны всѣ сообщаемыя извѣстія вами и Любочкой, которую очень благодарю за ея письмо. Что это за бездонное безобразіе! Въ здѣшнихъ газетахъ справедливо разсуждаютъ, что хоть и нѣтъ трактата между Россіею и Австріею, хотя онѣ другъ на друга и дуются, но между тѣмъ тянутъ другъ другу, а Швабскій Меркурій смѣется надъ Le Nord, толкующимъ о ненависти Россіи къ Австріи, говоритъ, что теперешній Императоръ русскій уже умѣлъ спасти разъ Австрію и разсказываетъ при этомъ всю исторію посылки Олсуфьева, точь въ точь, какъ мы ее слышали, прибавляя, что Наполеонъ этого никогда не проститъ. Рѣчь Наполеона, собственно то мѣсто, гдѣ онъ объявляетъ о своихъ притязаніяхъ на Савойю, возбудило страхъ, ужасъ и злобу неописанную въ нѣмецкихъ газетахъ: въ Кельнской газетѣ сказано, что Наполеону также мало слѣдуетъ вѣрить, какъ кошкѣ, лизнувшей кровь, и что для спокойствія Европы слѣдуетъ опять

заточить Бонапартовъ на островъ.—Но что намъ до Наполеона. Удастся ли Каткову выиграть свою ценсурную тяжбу *), не забудьте увѣдомить. Что это, какимъ все выдоромъ въ Россіи кончается: ну что же Тверское дворянство, чѣмъ кончилась исторія съ выборами? Ничѣмъ. Здѣсь меня нѣмцы (мои сосѣди за обѣдомъ) спрашиваютъ: до нихъ дошли преувеличенные слухи объ оппозиціи и проч.—Такъ наконецъ начался печатаньемъ Сборникъ Русской Бесѣды! Я не зналъ, что получена статья отъ Кохановской... Кто ее читалъ? Хороша ли? Ее слѣдовало бы *непремѣнно прочесть* предварительно Константину. Дѣло идетъ о пѣсняхъ, а тутъ она можетъ сдѣлать грубый промахъ въ опредѣленіи народности самой пѣсни. Если Константинъ не читалъ, то пусть прочтетъ — непремѣнно. Я ей писалъ, чтобы она эту статью выслала бы прямо къ Константину. Написаны ли ужъ его критическія статьи по поводу Соловьева или только предположены. Сборникъ выйдетъ отличный. Не знаю—будутъ ли тамъ помѣщены стихотворенія? Пошлю прямо къ Кошелеву свои стихи съ тѣмъ, что если допущены въ Сборникъ стихи (и по моему, непремѣнно слѣдуетъ), и если мое стихотвореніе будетъ всѣми вами признано заслуживающимъ печати (говорю это безъ шутокъ и безъ ложной скромности), то чтобы непремѣнно напечаталъ. Мнѣ хотѣлось бы участвовать въ Сборникѣ Бесѣды.

Вы огорчаетесь, милая Маменька, что мало толкуютъ о Братчинѣ, что всѣ только *обѣщаютъ* написать, но не пишутъ и проч. Это совершенно въ порядкѣ вещей, милая Маменька, и чѣмъ серьезнѣе достоинство, тѣмъ меньше оно будетъ оцѣнено, но зато дѣйствіе его прочнѣе и долговѣчнѣе. Вспомните, что всѣ истинныя знаменитости терпѣли ту же участь. Вотъ теперь о Братчинѣ не говорятъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ спохватится кто-нибудь, напомнитъ о ней публикѣ, и всѣ точно Америку открыли! Таковъ свѣтъ. Милая Маменька, по моему мнѣнію, неприлично, ради самаго достоинства сочиненій Отесиньки, просить намъ то того, то другаго: написать, упомянуть, сказать что-нибудь о немъ. Вы пишете: «обѣщали». Значитъ — они были прошены, а

*) М. Н. Катковъ подавалъ протестъ за запрещеніе одной статьи.

просить и не получать просимаго въ такомъ дѣлѣ обидно для достоинства самаго сочиненія. Вѣрьте, время придетъ, и воздастся должное. Велите только Свѣшникову (на вашъ счетъ) публиковать отъ времени до времени о всѣхъ сочиненіяхъ. Прощайте, милая Маменька, милый братъ Константинъ и милыя сестры. Будьте здоровы.

Пятница. $^4/_{16}$ Марта 1860 г. Мюнхенъ.

На этой недѣлѣ былъ день вашего рожденья, милая Маменька. Знаю, что этотъ день былъ грустный для васъ день и пересталъ быть праздничнымъ, но для насъ все таки этотъ день дорогъ, а теперь и еще дороже. Мы за васъ держимся, милая Маменька, берегите себя и свое здоровье: не поздравляю васъ, но только вспоминаю и цѣлую васъ и ваши ручки, милая Маменька, крѣпко и крѣпко.—Что это за исторія у васъ и въ Твери и въ Москвѣ, и аресты и дуэли!—Любопытно знать, уладится ли у Черкасскаго и Самарина дѣло съ Панинымъ.—Я долженъ сказать, что здѣсь, внѣ Россіи, еще болѣзненнѣе отдаются во мнѣ всѣ эти гнетущія безсмыслицы. Издали Россія представляется такою сплошною массою безобразія, что здороваго ядра подъ этою толстою корою и не видно. Страшно мудрено вылѣзть изъ отрицательности и стать въ положительныя отношенія къ жизни вообще и къ Россіи въ особенности. Это мнѣ, впрочемъ, должно сказаться самому въ моихъ стихахъ. Кстати, вы можетъ быть ждали отъ меня новыхъ стиховъ. Стихи будутъ, я думаю, только теперь еще не готовы; впрочемъ, я хочу послать ихъ уже разомъ нѣсколько. Вотъ чтобы не мѣшало мнѣ прислать съ оказіей—книгу моихъ стиховъ, если она есть у кого. Я ее съ собою не взялъ, между тѣмъ имѣю намѣреніе—пересмотрѣвши ихъ, напечатать отдѣльной книжкой: Стихотворенія прежняго періода и Новыя. Это мнѣ дастъ все таки, я надѣюсь, сотни три-четыре рублей. Я поручу это изданіе Луженовскому, который къ осени возвратится въ Москву.—Любинька можетъ утѣшиться; кажется—политика принимаетъ лучшій оборотъ; въ нѣмецкихъ газетахъ пишутъ, что всѣ попытки къ сближенію съ Россіей, Австріей прерваны, потому что Россія, не соглашаясь въ

принципѣ, готова однакоже признать фактъ. Очень забавно, что русское правительство объявляетъ, что оно никогда не поставитъ принципа народной воли надъ законностью династической, когда Русскій Императоръ только народному избранію обязанъ вѣнцомъ. Какъ бы тамъ ни было, но довольно эффектное зрѣлище представляетъ теперь подача голосовъ въ Италіи, и Франція, даже Императорская Франція, вѣрная своему историческому призванію, даетъ торжество этому началу. Не только австрійскія но и прусскія газеты не могутъ еще вмѣстить и приходятъ въ ужасъ, что Сардинскій король справляется у подданныхъ своихъ, хотятъ ли они его или нѣтъ! На мѣстѣ русскаго правительства я бы запретилъ всѣ газеты—не за разсужденія, а за сообщеніе совершающихся историческихъ фактовъ. Право, думаю, не отъ этого ли заболѣлъ здѣшній Король и уѣхалъ лечиться на Женевское озеро, тѣмъ болѣе, что всѣ нѣмецкіе монархи не пользуются популярностью.—Мнѣ съ своей стороны нечего сообщить вамъ изъ своей однообразной Мюнхенской жизни. На этой недѣлѣ въ началѣ было очень холодно и доходило до 14 градусовъ мороза, часовъ въ 6-ть утра. Теперь морозовъ нѣтъ, но сыро и грязно. Да, познакомился я наконецъ съ Боденштедтомъ. Онъ былъ нѣкогда учителемъ у Голицыныхъ, жилъ въ Москвѣ и потомъ довольно долго на Кавказѣ, знаетъ по русски хорошо и знакомъ съ литературой, но по русски почти не говоритъ. Теперь онъ здѣсь профессоромъ въ Университетѣ,—и одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Человѣкъ онъ умный, хотя и высокаго о себѣ мнѣнія и не безъ претензій. Какъ и Вольфзонъ, любитъ Россію, т. е. собственно народъ, и понимаетъ его. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ трудно заставить понять нѣмецкихъ ученыхъ—свободу и отсутствіе опредѣленности общины и вообще явленій народной руской жизни. Я далъ ему читать Бесѣду и отмѣтилъ всѣ статьи, высказывающія ученіе московское. Переводить онъ, разумѣется, не будетъ, онъ для этого слишкомъ большой господинъ и самъ авторъ и поэтъ, но онъ хотѣлъ сдѣлать выборъ изъ всего, и написать книгу. Онъ сдѣлалъ для меня маленькій вечеръ и пригласилъ здѣшняго знаменитаго ученаго правовѣда Bluntschly, издателя Staatslexicon. Былъ и еще какой-то Швейцарецъ, очень не-

глупый. Der Rechtsgelehrte Bluntschly, когда я, вооружившись Бесѣдой и рукописями Константина, сталъ ему излагать понятіе о государствѣ и земствѣ и проч.,—назвалъ все это Ketzerei, т. е. *ересью;* но подъ конецъ, кажется, понялъ и сознался, что тутъ лежатъ новыя основы человѣческаго общества; онъ понялъ, согласился, что тутъ нѣтъ ничего общаго съ нѣмецкой Gemeinde, призналъ, что это цѣлый принципъ, и самъ объявилъ невозможнымъ доводъ Чичерина, который мѣсяца два тому назадъ былъ здѣсь у Блунтшли и разсказалъ ему объ общинѣ съ своей извѣстной точки зрѣнія. Почтенный народъ эти нѣмцы. Съ величайшимъ уваженіемъ смотрю я, какъ на крѣпость отвлеченной мысли у ученыхъ, такъ и на крѣпость *быта* (Sitte) въ германскомъ обществѣ, въ Bürgerschaft и Bauernschaft. Мы вообще судимъ о Германіи по средней Германіи, и судимъ ошибочно. Въ южной Германіи и сѣверной—есть народъ. Здѣсь, напр. въ Баваріи, особенно въ Altbayern, народъ почти не тронутъ, таковъ, какъ и два вѣка тому назадъ. Здѣсь на крестьянскихъ домахъ—вы можете найти надпись: Ich (das Haus) bin gebaut anno и пр. Но, по моему мнѣнію, замѣчательнѣй всѣхъ теперешнихъ ученыхъ нѣмцевъ—это *Риль*, который не только Славянофилъ нѣмецкій (хотя онъ Славянъ и не очень любитъ), но нѣмецкій Константинъ Сергѣевичъ. А что очень замѣчательно, такъ это то, что Риль стоитъ къ ученому нѣмецкому міру въ тѣхъ же почти отношеніяхъ, какъ и Славянофилъ къ русскимъ цеховымъ ученымъ. Боденштедтъ и Блунтшли говорятъ о немъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, называя его диллетантомъ, хотя онъ такой же профессоръ, какъ они,—но это потому, что сочиненія Риля не носятъ на себѣ пыли педантической, и что въ его логическое пониманіе входитъ еще пониманіе художественное: онъ музыкантъ вдобавокъ, и для него народъ, кромѣ предмета изслѣдованія, есть Cunstobject. Я еще не познакомился съ нимъ лично, хочу докончить его книги, ихъ всего пять томовъ разныхъ сочиненій. Будь я въ Москвѣ—поѣхалъ бы, купилъ и подарилъ бы Риля Константину. Его книги недовольно прочесть, но надо проштудировать.—Вотъ покуда всѣ мои знакомые. Наискосокъ отъ меня стоитъ домъ русскаго посольства; посланникомъ какой-то Северинъ, но о моемъ присут-

ствія оно не знаетъ, ибо паспортъ свой я отдалъ въ Полицію и живу по Aufenthalskarte.—Прощайте, милая моя Маменька, милыя сестры и братъ Константинъ. Будьте здоровы.—Что-то скажете вы мнѣ про моего «Чаемаго или ожидаемаго пророка». Въ случаѣ печатанія, стихъ: Ужъ цѣлый вѣкъ заря пылала, можно замѣнить: Заря вѣковъ давно пылала, если Константинъ сочтетъ этотъ стихъ лучшимъ. Кланяюсь всѣмъ, особенно Хомякову, Чижову и Елагинымъ.

11 Марта 1860 года. Суббота.

Что это значитъ, что я до сихъ поръ не получаю письма отъ васъ, милая моя Маменька; вотъ уже больше 10-ти дней. А я именно этого-то письма и ожидалъ съ нетерпѣніемъ, потому что въ немъ должно было заключаться извѣстіе о пріѣздѣ Машеньки Карташ. Это очень странно и даже трудно объяснить тѣмъ, что письма въ Мюнхенъ ходятъ дольше, чѣмъ въ Гейдельбергъ: разница самая незначительная. Что бы такое значило?—Вотъ уже и 5-я недѣля поста. Я нахожу, что время ужасно шибко бѣжитъ, и при однообразномъ образѣ жизни, кажется, еще скорѣе. Уже и весна, но она наступаетъ такъ медленно, что ее почти и не замѣчаешь. Такъ нынче утромъ было солнце и довольно тепло, а послѣ обѣда шелъ *снѣгъ*, сильный, но разумѣется—мокрый. Какой разливъ рѣкъ долженъ быть у насъ въ Россіи!—Какъ трудно вамъ теперь ѣздить въ Симоновъ *)! А теперь-то именно хотѣлось бы съѣздить въ Симоновъ, теперь наступило время самыхъ тяжкихъ, ужасныхъ прошлогоднихъ страданій. Часто переношусь я мыслью къ могилѣ.

Я познакомился здѣсь съ однимъ извѣстнымъ писателемъ и поэтомъ нѣмецкимъ, Павломъ Гейзе, который въ своемъ журналѣ, теперь ужъ не издающемся, помѣстилъ маленькій разборъ Семейной Хроники, по нѣмецкому переводу. Этотъ разборъ былъ отчасти переведенъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, —это тотъ самый, гдѣ удивляются въ особенности мѣрѣ художественной. Разумѣется, нѣмецъ не могъ вполнѣ оцѣнить достоинство произведенія, но на сколько оно было до-

---

*) Симоновъ монастырь, гдѣ похороненъ Сергѣй Тимоѳеевичъ.

ступно ему и доступно въ переводѣ довольно слабомъ, онъ оцѣнилъ. Самъ онъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, какихъ я только встрѣчалъ, и необыкновенно пріятной наружности. Вообще Семейная Хроника извѣстна всѣмъ образованнымъ нѣмцамъ и въ почетѣ у нихъ и возбудила сильный интересъ къ Россіи. Узнавъ о пріѣздѣ сына автора Сем. Хроники, отъ Боденштедта, онъ захотѣлъ со мной познакомиться; я предупредилъ его и былъ у него,—и онъ съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ слушалъ мои неуклюже—нѣмецкія рѣчи. (Не могу еще никакъ выучиться порядочно говорить по нѣмецки. Кажется, и знаешь языкъ, и читаешь только нѣмецкія книги, а придется говорить долго и бѣгло, такъ и выходитъ нескладно. Впрочемъ, я и по русски говорю плохо).—Не смотря на великолѣпныя эстетическія теоріи,—общій уровень искусства, художественности въ литературѣ, у насъ несравненно выше. Всякая Нарская и т. п. стоитъ въ художественномомъ отношеніи выше здѣшней писательницы Ida Pfeiffer, или Bergh-Pfeiffer. Требованіе правды у насъ несравненно строже и переходитъ иногда въ грубый реализмъ, но тѣмъ не менѣе мы съ Гоголемъ перепрыгнули всѣ литературы въ этомъ смыслѣ, кромѣ англійской. Очень многое, что здѣсь въ чести, не было бы мною удостоено чести помѣщенія въ Бесѣдѣ. Я чувствую, что мнѣ надобно быть здѣсь снисходительнымъ въ критикѣ современныхъ произведеній нѣмецкой литературы, и что я не въ правѣ относиться къ Гейзѣ, напр., съ тою строгостью, какъ къ русскому. Нѣмцамъ, напр., до сихъ поръ ужасно нравится Павловъ, котораго повѣсти также переведены, тогда какъ у насъ онѣ давно abgeschmakt.—Потомъ—литература наша вообще имѣетъ характеръ общественный, соціальный, и взятая вмѣстѣ представляетъ видъ какого-то служенія, работы, войны, разгадки общественныхъ задачъ и вопросовъ; этого рѣшительно нѣтъ въ Германіи, сколько я знаю.—Боденштедтъ и Гейзе одни изъ представителей современной Германской литературы. Теперешній Баварскій король Максъ, взойдя на престолъ, по отреченіи отца его, Лудовига,—человѣкъ очень хорошій и образованный, захотѣлъ также покровительствовать наукамъ, какъ отецъ его покровительствовалъ искусствамъ, и сдѣлать Мюнхенъ, который считается у нѣм-

цевъ «метрополіей искусствъ»—метрополіей наукъ. Призвалъ онъ нѣкоторыхъ ученыхъ и задалъ имъ вопросъ: отчего въ южной Германіи науки не процвѣтаютъ, какъ въ сѣверной? Ему отвѣчали, что тамъ онѣ ростутъ на почвѣ протестантской, болѣе свободной, не контролируются церковью, ученые въ почетѣ, участвуютъ въ управленіи, съ ними совѣтуются. Ну хорошо, сказалъ Максъ, отъ притязаній духовенства я ихъ защищу—я и самъ женатъ на протестанткѣ—составьте мнѣ списокъ всѣхъ знаменитостей Германіи—ученыхъ и литературныхъ, а главное либеральныхъ. Составили ему списокъ человѣкъ во 100, и онъ разослалъ ко всѣмъ приглашенія переѣхать въ Мюнхенъ, обѣщая покровительство и деньги. И поѣхали со всѣхъ сторонъ ученые и литераторы; но многіе профессора были удержаны своими Университетами, и Пруссія, и Саксонія, и Баденъ должны были прибавить имъ жалованья. Нѣкоторые пріѣхали не потому, чтобы нуждались въ деньгахъ, но польщенные королевскимъ вниманіемъ и уступая настоятельнымъ приглашеніямъ. Такъ напр. знаменитый Бунтшли—Швейцарецъ, богатый человѣкъ, былъ даже президентомъ союза; Гейзе также человѣкъ съ состояніемъ. Боденштедтъ также изъ призванныхъ. Король дѣйствительно оказывалъ имъ большое вниманіе; дѣлалъ у себя каждую недѣлю вечера, на которыя приглашались всѣ эти пріѣзжіе, гдѣ всѣмъ позволялось курить и говорить свободно, къ великому скандалу многихъ приверженцевъ этикета. Говорятъ, что эти вечера были дѣйствительно очень оживлены и пріятны. Разумѣется—дамъ тутъ не было. Это принесло хоть тотъ плодъ, что въ Баварію, строго-католическую землю, не введенъ конкордатъ. Такъ продолжалось года четыре или больше; туземные ученые вообще не очень благосклонно глядѣли на такое вниманіе пріѣзжимъ, которыхъ и теперь въ насмѣшку называютъ Nordlichte,—и король устроилъ теперь такимъ образомъ, что приглашаетъ на вечера по очереди всѣхъ, и туземцевъ и пріѣзжихъ. Хотя онъ самъ и либераленъ, но политическія требованія, сила католицизма, вліяніе Австріи, съ политикой которой связана политика Баваріи, заставили его нѣсколько укротить свой пылъ. Теперь, дѣйствительно, въ Мюнхенѣ собрано ученыхъ знаменитостей больше, чѣмъ гдѣ-либо; здѣсь и Зибель (ка-

жется, такъ), извѣстный историкъ; кажется, и Ранке здѣсь. Король устроилъ еще какую-то историческую коммиссію, составленную изъ всѣхъ знаменитыхъ историковъ въ Германіи, которая разъ въ годъ собирается изъ всѣхъ концовъ Германіи въ Мюнхенъ недѣли на двѣ, здѣсь работаетъ, задаетъ работы и проч. Все это—путешествіе, пребываніе и содержаніе въ Мюнхенѣ, на счетъ Короля. Въ послѣдній разъ онъ задалъ всѣмъ этимъ историкамъ великолѣпнѣйшій пиръ въ одной изъ великолѣпнѣйшихъ залъ дворца, и самъ говорилъ спичъ о пользѣ наукъ вообще и исторіи въ особенности! Тѣмъ не менѣе такими искуственными мѣрами едва-ли насадятся науки: умри Максъ, и все это рушится. Это не то, что Гейдельбергъ, который ни въ какомъ покровительствѣ не нуждается, и въ которомъ существуютъ пятисотлѣтнія традиціи учености!—Теперь король задалъ задачу, съ великой ироніей: сыскать, выдумать новый стиль архитектуры, оригинальный,—а то теперь, какъ ни бьются, все выходитъ подражаніе или готической или греческой или римской!.. Ну, еще не отыскали! Мы, русскіе не можемъ всего этого видѣть безъ нѣкотораго смѣха,—но, конечно, самому Максу все это дѣлаетъ великую честь. Былъ я также у Риля, но не совсѣмъ удачно: у него были гости и я пробылъ съ четверть часа, не больше; наружность гораздо незначительнѣе, чѣмъ я ожидалъ; надѣюсь съ нимъ повидаться еще.—Боденштедтъ собирается писать статью о Бесѣдѣ и о Славянофильствѣ.—Былъ я въ здѣшней греческой церкви. (Это старая церковь католическая, церковь Св. Сальватора, отданная Грекамъ). Что это за бѣдность! Голо и пусто. Священникъ служитъ безъ діакона, и есть нѣкоторыя отступленія въ службѣ: какъ напр., послѣ Иже-херувимы не выносятъ неосвященныхъ даровъ. На хорахъ поютъ три нѣмца и нѣмка въ чепчикѣ; греческій текстъ написанъ имъ нѣмецкими буквами. Посѣтителей очень мало, а русскихъ, кромѣ посланника, его семейства и его штата, никого. Я впрочемъ, съ ними не познакомился; авось примутъ за Грека.—*Воскресенье, утромъ.*—Думалъ, авось либо принесутъ утромъ рано письмо, но письма нѣтъ. Дай Богъ, чтобы причиной такого замедленія было какое-нибудь неважное обстоятельство, а не нездоровье. Прощайте, моя милая Маменька,

цѣлую ваши ручки, цѣлую всѣхъ милыхъ сестеръ и обнимаю Константина. Дай Богъ, чтобы вы были всѣ здоровы.

1860 г. Марта 18. Пятница вечеромъ. Мюнхенъ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я перепуталъ числа: меня ввелъ въ ошибку календарь. Стоитъ «*недѣля пятая поста*». Я и поставилъ числа, выставленныя въ календарѣ, не сообразивъ, или вѣрнѣе сказать, забывъ, что въ календарѣ *недѣля* значитъ воскресенье, и что «недѣля пятая поста» означаетъ не пятую, а шестую недѣлю (semaine) поста. Вслѣдъ за отправленіемъ моего письма на почту получилъ я ваше письмо, милая моя Маменька и милыя сестры. Вы увѣдомляете, что послали письмо *съ оказіей*. Я его еще не получалъ; если эта оказія ѣдетъ черезъ Гейдельбергъ, такъ хорошо, если бы она догадалась справиться на почтѣ о моемъ адресѣ. Это совершенно справедливо, что я пустилъ слухъ, что уѣзжаю въ Славянскія земли. Сдѣлалъ я это именно потому, что Пассеки собирались тоже въ Мюнхенъ, и непремѣнно стали бы меня отыскивать тамъ; но теперь они перемѣнили намѣреніе. О моемъ настоящемъ адресѣ знали только почта и Марковичи, которые и переслали ко мнѣ одно письмо изъ Праги, присланное съ оказіей; но теперь и они уѣхали изъ Гейдельберга и живутъ въ Лозаннѣ. Все, что вы сообщаете, ужасно грустно. Бѣдный Европеусъ! Недавно вѣдь только воротился изъ ссылки. Я думаю — это тотъ самый, я знакомъ съ нимъ лично. Странно, что объ этомъ еще ничего нѣтъ въ нѣмецкихъ газетахъ. Я никакъ не хочу вѣрить, чтобы бюрократизмъ Милютина ослѣплялъ его до такой степени: у него добрая душа; къ такимъ мѣрамъ онъ не способенъ. По настоящему слѣдовало бы всѣмъ членамъ Редакціонной Коммиссіи выдти въ отставку, потому что позоръ всѣхъ этихъ мѣръ ложится на нихъ, — и протестовать иначе нельзя, но, конечно, мысль о томъ, что дѣло можетъ погибнуть или перейти въ руки Шувалова съ братіей, хотящихъ освобожденія безъ земли, ихъ удерживаетъ. Дай Богъ, чтобы всѣ приносимыя ими жертвы и чинимыя ими самими надъ собою насилія, были не безполезны! Признаюсь—всѣ натяжки моей мудрости лопаются при

полученіи извѣстій изъ Россіи.—Нѣтъ сомнѣнія, что Австрія расточаетъ всевозможную лесть, а соблазнъ опять играть роль въ Европѣ великъ. Нынче я читалъ рѣчь Дж. Росселя, гдѣ явный намекъ на попытки коалиціи противъ Франціи, съ содѣйствіемъ Россіи, — ибо безъ ея содѣйствія никакая коалиція противъ Франціи невозможна. — Нѣмцы ужасно горячатся, такъ что смѣшно смотрѣть на нихъ. Весною что-нибудь выйдетъ, по крайней мѣрѣ въ Италіи.—Что это за упоеніе было во Флоренціи, во время собиранія голосовъ. Такія лирическія минуты въ исторіи рѣдки, а какъ онѣ хороши, тѣ минуты, когда весь народъ ощущаетъ себя единою личностью, когда сердца милльоновъ людей бьются однимъ пульсомъ! Да еще вообразить при этомъ всю обстановку итальянскую, волшебство теплой весенней ночи, эти нѣмыя статуи (работы величайшихъ художниковъ) тутъ же на площади, ночью, среди оживленнаго народа... Просто съ ума можно сойти. Не суждена намъ такая поэтическая красота ощущеній! Но это бы еще ничего. Но ужаснѣе, убійственнѣе всего *пошлость*: это хуже всякаго зла и безобразія, и въ этомъ-то мы осуждены купаться ежедневно! — Послѣ завтра у нѣмцевъ Вербное-Воскресенье (т. е. Palm-Sontag), значитъ, черезъ недѣлю Пасха, а у насъ черезъ двѣ. Здѣсь, какъ въ католической землѣ, и не во французской, самый постъ и приближеніе праздниковъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ протестантскихъ. Общественныя увеселенія всѣ прекращены; городъ чистится и моется. Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ выставлены книги благочестиваго содержанія, а въ эстампныхъ — картины, изображающія святыхъ и ихъ чудеса. Понятно, что люди такъ упорно держатся здѣсь за католицизмъ; онъ, какъ и православіе у насъ, связался со всею жизнью народной, на немъ зиждется весь строй быта народнаго. Народъ и здѣсь считаетъ время церковными праздниками. «На Михайловъ или на Юрьевъ день»—здѣсь сроки найма рабочихъ и квартиръ. Праздниковъ у народа премножество; на Св. Іосифа даже всѣ лавки были закрыты.— Кажется, весна рѣшилась наконецъ начаться. Вчера зашелъ ко мнѣ Риль и предложилъ пойти завтра прогуляться съ нимъ за городъ, посмотрѣть простой народъ. Я такимъ образомъ и Риля поближе узнаю. Ожидаю на дняхъ отъ г-жи

Ценкеръ переводъ статей Константина о Земскихъ Соборахъ, которую я отдалъ ей переводить для пробы. Если переведетъ удачно, такъ задамъ ей и другіе переводы.—Удивительно, въ какомъ ходу была въ Германіи Семейная Хроника. Нѣтъ ни одного образованнаго настоящимъ образомъ нѣмца, который бы ее не читалъ. Даже дамы. Впрочемъ изъ дамъ—нѣмокъ я знаю только одну, жену Боденштедта, которая читала и увѣряетъ, что и другія дамы читали.— Конечно, на нихъ много дѣйствовалъ и интересъ самаго содержанія; поэтому, я думаю, что Дѣтскіе Годы будутъ въ переводѣ оцѣнены менѣе. Замѣчательно, впрочемъ, что прозаическія сочиненія Пушкина и Лермонтова болѣе обратили на себя вниманія здѣшней публики, чѣмъ стихотворныя. Красота стиха, конечно, не передается переводомъ, и они остались недовольны слабостью и блѣдностью концепціи въ поэмахъ Пушкина и Лермонтова.—Я надѣюсь, что слѣдующее ваше письмо уже принесетъ мнѣ извѣстіе о полученіи вами моей стихотворной піэсы. Интересно мнѣ знать, что вы о ней скажете. Не вездѣ удачная по стиху, мнѣ кажется, она по содержанію крупнѣе всѣхъ моихъ стихотвореній. Мнѣ бы хотѣлось начать большую литературную работу въ стихахъ или прозѣ, но еще не приспѣлъ часъ, — впрочемъ не отчаяваюсь.—Удивляюсь, что не имѣю ни слуху, ни духу о посланіи къ Сербамъ. Развѣ отложено это намѣреніе? Вы мнѣ также не пишете ничего про Наше Время: что оно имѣетъ успѣхъ, много подписчиковъ? Что Чижовъ и Елагины?—Прощайте, милая моя Маменька; больше сообщить мнѣ о себѣ собственно нечего. Я совершенно здоровъ, желалъ бы, чтобы всѣ вы были также здоровы. Цѣлую ручки ваши, милая Маменька, берегите себя на страстной недѣлѣ, тяжелой и по исполненію обязанностей церковныхъ, и по воспоминаніямъ живымъ прошлогодничной недѣли. Цѣлую всѣхъ милыхъ сестеръ, обнимаю Константина и Егора Антоновича. Кланяюсь всѣмъ знакомымъ. — Да напишите мнѣ о работахъ Константина.

Пятница. 25 Марта 1860 г. Мюнхенъ.

Вообразите, милая моя Маменька и милыя сестры, что на нынѣшней недѣлѣ я получилъ три письма отъ васъ, одно

по почтѣ, другое съ Гезеномъ, третье прислано мнѣ изъ Милана. Благодарю васъ очень за письма; сестры меня просто балуютъ аккуратностью сообщенія извѣстій изъ Москвы, присылкою переписанныхъ ими бумагъ и проч. Получилъ я также два большихъ письма отъ Константина, которому отвѣчаю особо. Очень счастливо вышло, что я захватилъ здѣсь Гезена. Онъ не зналъ, что я здѣсь; изъ Варшавы онъ проѣхалъ въ Дрезденъ, Прагу, Вѣну и направлялся черезъ Мюнхенъ въ Гейдельбергъ,—но остановился въ Мюнхенѣ дня на два, чтобы повидаться съ Либихомъ и нѣкоторыми своими старыми знакомыми. Мнѣ показалось сначала, что я встрѣтилъ его на улицѣ (оно такъ и было), но онъ ѣхалъ, а я шелъ пѣшкомъ и потому не успѣлъ его остановить. Однакожъ я тотчасъ пересмотрѣлъ Tages-Anzeiger, ежедневный листокъ, объявляющій между прочимъ о вновь пріѣхавшихъ, остановившихся въ гостинницахъ. Тамъ дѣйствительно я нашелъ его имя, и тотчасъ отправился къ нему. Онъ думаетъ въ концѣ Ѳоминой быть назадъ въ Москву. Я ничего съ нимъ не посылаю. Какой онъ добрый и скромный человѣкъ, при большихъ своихъ знаніяхъ. Онъ издаетъ теперь въ Москвѣ, если только цензура духовная позволитъ, Четь-Минею XI вѣка съ своими примѣчаніями.—Письмо изъ Милана, вѣроятно, послано было съ Луженовскимъ, который видно проѣхалъ въ Миланъ, нигдѣ не останавливаясь. Спѣшу прежде всего васъ успокоить на счетъ писемъ: черезъ Австрію они не проходятъ. Желѣзной дороги, которая бы шла вплоть отъ Мюнхена въ Вѣну, нѣтъ: есть перерывъ, который замѣняется обыкновенной дорогой. Письма идутъ черезъ Лейпцигъ, Нюренбергъ, прямо въ Мюнхенъ, и я получаю ихъ на 9-ый день, иногда на 10-й.—Если какая «оказія» не можетъ останавливаться въ Лейпцигѣ и сдать письма и посылки Вагнеру (Postgass, 6), то пусть отправляетъ по почтѣ въ Мюнхенъ (по славянски—Мниховъ).—Теперь буду отвѣчать на ваши письма.—Я очень радъ, что стихи мои вамъ понравились. Я написалъ еще одно небольшое стихотвореніе, которое однакоже не посылаю, потому что оно имѣетъ смыслъ (для меня) только въ связи съ другимъ стихотвореніемъ, еще не написаннымъ. Впрочемъ, я уже нѣсколько остылъ, и едва ли напишу скоро опять. Одинъ нѣ-

мецъ (Гейзе), которому я прочелъ «Пророка» (т. е. перевелъ ему по нѣмецки) и которому оно очень понравилось, замѣтилъ однакоже мнѣ, и по моему основательно, что самый смыслъ, призваніе пророка слишкомъ неопредѣленно; не знаешь, чего пророкъ, какія это надежды, общія ли христіанскія или историческія...· Это справедливо, но для насъ русскихъ поясненія, кажется, не нужны. Впрочемъ, у меня, по моему способу писанія, сочиненіе стиховъ отнимаетъ очень много времени, но я бы не посмотрѣлъ на это, еслибы могъ всегда признавать это серьезнымъ дѣломъ. А какъ скоро такой вопросъ, такое сомнѣніе является, то и поэзія не дается. Я совершенно согласенъ съ Наденькой, что стихи не мое настоящее дѣло, но впрочемъ я не знаю и съ грустью сознаюсь въ этомъ, какое же мое настоящее дѣло; я его еще отыскиваю, je suis à la recherche, какъ Jérome Paturot à la recherche d'une république sociale. Я въ жизнь свою былъ и судьей, и администраторомъ, и поэтомъ, и публицистомъ, и журналистомъ, и статистикомъ, и воиномъ, и казначеемъ, и путешественникомъ, и ужъ не знаю чѣмъ! Постараюсь съузиться и уйти въ одну дорожку. Но довольно объ этомъ. Вѣсти изъ Россіи всѣ такъ неутѣшительны, что тоска опять вступаетъ въ свои права, садится въ знакомое гнѣздо. И концу этому не предвидится! Каждый мыслящій русскій нашего времени имѣетъ право на мученическій вѣнецъ. Что можетъ быть мучительнѣе этого постояннаго нравственнаго мозженья и нытья:—Какъ мнѣ жалъ Самарина! Увязъ онъ въ Коммиссіи этой и героически приноситъ въ жертву дѣлу освобожденія не только свое здоровье, свои убѣжденія и склонности! — Передо мной лежатъ два большихъ письма Любеньки, на которыя, разумѣется, отвѣчать нечего, но за которыя очень, очень ей благодаренъ. Они чрезвычайно живо написаны и очень живо передаютъ всю внѣшнюю атмосферу вашей московской жизни.—Въ Кельнской газетѣ напечатано извѣстіе о заговорѣ, открытомъ будто бы въ Харьковѣ. Но, разумѣется, это вздоръ: какая-нибудь, нисколько неопасная, студентская шалость или болтовня, которой 3-е Отдѣленіе поспѣшило придать важность. Я увѣренъ, что Государь поступитъ милостиво, если только онъ послушается самого себя, а не своихъ совѣтчиковъ.—Вы ничего мнѣ не

пишете о Троицкой желѣзной дорогѣ. Состоялась ли Компанія и есть ли надежда на продажу лѣса? — Если Гильфердингъ на Св. Недѣлѣ пріѣдетъ въ Москву, не забудьте ему сказать мой адресъ.—Это письмо придетъ къ вамъ на Св. Недѣлѣ, грустной для васъ, не смотря на радостное значеніе ея торжества! Вообще Апрѣль будетъ всегда самымъ тяжелымъ и грустнымъ.—Вѣрно вы опять будете всѣ, большею частью, говѣть на Страстной.— Я встрѣчу Святую въ здѣшней греческой церкви; боюсь, что придется познакомиться съ посланникомъ (Северинымъ, къ нему относится, говорятъ, Пушкинская эпиграмма). Думалъ сначала ѣхать въ Штутгардтъ (отсюда 5 часовъ),—тамъ русская церковь, но присутствіе Ольги Николаевны и Титова меня смущаетъ. Здѣсь, какъ въ католической, сильно католической землѣ, приближеніе праздника очень замѣтно (у нихъ Святая недѣлью раньше нашей). Въ Вербное Воскресенье народъ также возвращался изъ церкви съ освященными вербами, а теперь во всѣхъ лавкахъ продаютъ красныя яица. Кажется, во Франціи нѣтъ этого обычая, но здѣсь также освящаютъ въ церкви хлѣбъ сдобный, барашка, ветчину (какъ въ Малороссіи) и проч. и разгавливаются утромъ, прежде всякой другой пищи. Конечно—это не у всѣхъ сословій, но у средняго класса и у народа. Всю недѣлю эту происходило такое мытье и чищенье въ домахъ, что пройти не было возможности, и я самъ долженъ былъ нѣсколько разъ уходить изъ комнаты, чтобы дать своей хозяйкѣ въ волю скоблить, тереть, мыть и чистить. Ничего этого нѣтъ въ земляхъ протестантскихъ, а если есть, такъ существуетъ вопреки протестантству, по внутренней непослѣдовательности народной. Въ этомъ отношеніи католицизмъ имѣетъ огромное преимущество надъ протестантствомъ. Не смотря на всѣ усилія Пруссіи создать церковь протестантскую, ей это не удастся, потому что въ свойствѣ протестантизма лежитъ разъединеніе, обособленіе, распаденіе церкви на отдѣльныя личности, между тѣмъ какъ не смотря на все упорство католицизма, чувствуешь, что тутъ есть цѣльность, крѣпкая связь, соединяющая весь народъ въ бытѣ и въ преданіи. Зайдя вчера въ одну изъ церквей, я слышалъ проповѣдника (это было вечеромъ — здѣсь послѣдніе дни Страстной цѣлый день служба), который говорилъ слуша-

телямъ своимъ, состоявшимъ большею частью изъ простаго народа,—что въ эту самую минуту тотъ же самый обрядъ совершается и въ Африкѣ миссіонерами и въ Америкѣ, и что нѣтъ католика во всемъ свѣтѣ,—а ихъ 200 (или 100, хорошенько не знаю) милліоновъ, который не соединялся бы съ братьями въ общемъ единеніи молитвы и проч. Разумѣется — такія, не безъ дипломатическаго умысла, говоримыя рѣчи сильно дѣйствуютъ на народъ. Церкви цѣлый день—открыты и полны народа, который входитъ, выходитъ и посѣщаетъ одну церковь за другой, но все это происходитъ благочестиво, шума и толкотни въ церквахъ нѣтъ, всѣ большею частью становятся на колѣни, складываютъ ладони или мѣрно бьютъ себя въ грудь! Церкви преогромныя: собора три Успенскихъ въ каждую можно вмѣстить, по объему. Конечно, вся театральность католической службы ничтожна въ сравненіи съ истинно художественной красотой нашей службы (только не архіерейской). Кромѣ того — на католикахъ въ церкви лежитъ печать такого духовнаго рабства и плѣна, такой трусости съ одной стороны и такого страстнаго обожанія, что смотрѣть больно и жалко, — хотя я, разумѣется, допускаю и полную искренность и полное значеніе и дѣйствіе молитвы и святость душевнаго возношенія къ Богу въ отдѣльныхъ личностяхъ сквозь всю ложь католицизма. Но что это за театральность! Начиная съ того, что въ здѣшнемъ городовомъ листкѣ Tages-Anzeiger каждый день печатается: сначала объявленіе о церковныхъ службахъ и праздникахъ: въ такой-то церкви въ такомъ-то часу такая-то церемонія, въ другой церкви такая-то церемонія съ пѣвчими, которые пѣть будутъ то-то и проч. Затѣмъ идетъ объявленіе о театрахъ (когда они бываютъ), о пріѣзжихъ, о товарахъ. Вчера вечеромъ, часу въ 7-мъ пошелъ я взглянуть въ церковь Св. Михаила: тамъ огромнѣйшій крестъ, сажени въ двѣ вышиною, обитый мѣдью, висѣлъ, какъ-бы на воздухѣ (на веревкахъ) въ высотѣ, усѣянный сотнями зажженныхъ лампадъ, просто весь горящій огнями; все это въ громадной темной церкви (другихъ огней не было), наполненной молчаливымъ колѣнопреклоненнымъ народомъ. Оттуда прошелъ я въ придворную церковь во дворцѣ (она необыкновенно красива, и всѣмъ доступна, потому что Ко-

роль и семья его помѣщаются на хорахъ): тамъ пѣли Miserere—пѣли великолѣпно. Нынче—то, что у насъ выносъ плащаницы. Здѣсь одна церковь старается превзойти другую изобрѣтательностью и убранствомъ — пещеры или вертепа, куда положено было тѣло Спасителя. Ставятъ декорацію — въ зелени и цвѣтахъ, нерѣдко страшно—дорогихъ, жертвуемыхъ по усердію, и туда кладутъ изваянное изображеніе Спасителя, гасятъ всѣ свѣчки въ церкви и освѣщаютъ только пещеру разноцвѣтными огнями: эффектъ дѣйствительно необыкновенный. Но посты держатъ не строго. Я только сегодня прочелъ приклеенное къ стѣнѣ церкви печатное объявленіе здѣшняго Архіерея, сдѣланное еще передъ постомъ. Онъ, „снисходя къ немощи человѣческой, движимый милосердіемъ, разрѣшаетъ своей паствѣ кушать мясо въ продолженіи поста, исключая такихъ-то дней, но требуетъ, чтобы взамѣнъ этого каждый бы ежедневно читалъ, между прочимъ, *семь* разъ „Богородица—Дѣво радуйся (ave Maria)., *ради печальныхъ современныхъ обстоятельствъ церкви»*. Все это однакожъ не помѣшало папской буллѣ отлученія сдѣлать совершенное fiasco въ Италіи!—Прилагаю присланное мнѣ отъ Вагнера напечатанное имъ объявленіе или циркулярное извѣщеніе книгопродавцевъ о русскихъ книгахъ, у него продающихся. Будьте увѣрены, что я не принималъ въ этомъ никакого участія. Какъ онъ ошибается, увѣряя книгопродавцевъ, что стоитъ только предложить русскому Бесѣду, онъ тотчасъ же ее купитъ!—Я выписалъ себѣ изъ Лейпцига Семейную Хронику въ переводѣ Рачинскаго, чтобы подарить Рилю, который одинъ изъ очень немногихъ ее не читавшихъ. Здѣсь я достать не могъ въ лавкахъ, да едва ли она не вся раскуплена. Она имѣется здѣсь у Короля, въ его частной библіотекѣ (privat bibliothek). Король ее, разумѣется, прочелъ. Право, нельзя не уважать здѣшняго Короля. Въ прошломъ году лѣтомъ онъ употребилъ 6 недѣль на путешествіе по Баваріи, сколько могъ успѣть: путешествовалъ онъ медленно, большею частью верхомъ, взявъ въ свою свиту разныхъ ученыхъ статистиковъ и этнографовъ, между прочимъ Риля,—подъ условіемъ, чтобы ни у кого не было ни фрака, ни высокой черной шляпы, ни мундира, а просто пальто, да войлочная шляпа. Это не похоже на *наши*

путешествія... Прощайте, милая моя Маменька и милыя сестры, я не хочу писать вамъ Христосъ воскресе, прежде чѣмъ настанетъ самый праздникъ, хотя письмо это вы получите уже на Святой. Прощайте, будьте здоровы. Константину сажусь писать особо. Я очень ему благодаренъ и за письма и за все присланное, и удивляюсь его дѣятельности. Хочу сначала прочесть все, что онъ прислалъ.

Къ Константину Сергѣевичу.

27 Марта 1860 г. Мюнхенъ.

Я на одной недѣлѣ получилъ отъ тебя три письма, милый братъ Константинъ. Благодарю тебя очень искренно, тѣмъ болѣе, что ты вообще не большой охотникъ писать письма, тугъ на переписку. Какъ ты много работаешь. Я радъ и за тебя и за дѣло, радуюсь и отчасти завидую, потому что моя дѣятельность совершенно непроизводительна. Можетъ быть со временемъ она и окажетъ свои результаты, но во-первыхъ это со временемъ, а во-вторыхъ я говорю о результатахъ внѣшнихъ, ощутительныхъ для общаго дѣла. Ты хорошо сдѣлалъ, что принялъ дѣятельное участіе въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, котораго возрожденія ты отчасти и виновникъ. Я убѣжденъ, что ты *только одинъ* и можешь оживить его: ты его любишь и вѣришь въ его призваніе больше, чѣмъ кто либо изъ членовъ, — ты требователенъ и настойчивъ, не потому, чтобы настойчивость, какъ настойчивость, сидѣла въ твоемъ характерѣ, а потому, что у тебя это является дѣломъ убѣжденія: «нужда бо ми належитъ»... Къ тому же мы, русскіе, наше сословіе, ничего не умѣемъ дѣлать обществами, вслѣдствіе слабости вѣры, слабости воли, умственной и сердечной лѣни, и вообще отрицательнаго отношенія къ жизни (каковой отрицательный элементъ оправдывается впрочемъ обстоятельствами историческими), и сознанія, а иногда просто и безсознательнаго чувства своей безпочвенности, безсочности. Намъ не только нужна энергическая личность, но мы рады ей и готовы ей охотно подчиниться, если только она не идетъ въ разладъ съ нашею совѣстью. Вотъ почему я и

думаю, что пока ты будешь нянчиться и возиться съ обществомъ, оно что-нибудь сдѣлаетъ; отстранишься ты — и общество будетъ бездѣйствовать, будетъ вяло и сонно. А между тѣмъ—дѣйствуя оно, безъ сомнѣнія, можетъ оказать огромную пользу, особенно если будетъ спеціализировано, если обратится по преимуществу въ филологическое. Твое участіе въ обществѣ, *при предсѣдательствѣ Хомякова* нѣсколько умѣряющемъ и смягчающемъ жесткость твоего напора, рѣшительно необходимо для существованія общества. Вотъ и Общество Сельскаго Хозяйства избрало себѣ кнутъ, палку или—красивѣе сказать—повелителя въ лицѣ Кошелева, и покуда онъ будетъ гнать ихъ на барщину, общество принесетъ огромную пользу, — если только онъ не будетъ уже черезъ-чуръ давить своимъ деспотизмомъ. — Обращаюсь къ твоей дѣятельности въ обществѣ. Словарь флексій превосходная мысль. Не знаю—есть ли что подобное у Нѣмцевъ, спрошу при первомъ случаѣ. (Кстати—я нашелъ, что тебѣ нужно, лексиконъ стариннаго французскаго языка, и доставлю тебѣ при первой оказіи). — Но какъ собрать матеріалы?. Одно средство: священники. Ты долженъ заготовить и циркулярное письмо и вопросы, и пустить дѣло въ ходъ, а то общество, выразивъ сочувствіе, оставитъ твое предложеніе въ портфелѣ.—Что же касается до протокола о предложеніи Селиванова, то не зная выраженій сочувствія, противъ которыхъ ты возставалъ, не могу сказать, какъ бы я поступилъ, если бы былъ въ обществѣ. Думаю однакоже, что у меня, сознаюсь въ этомъ, не хватило бы мужества или терпѣнія спорить противъ этихъ возраженій, потому что они, вѣроятно, простыя формы учтивости, тотъ языкъ общежитія, qui ne tire pas à conséquence, но который тѣмъ не менѣе вполнѣ законенъ и необходимъ, потому что не оскорбляетъ, не унижаетъ чужаго достоинства. Тутъ вопросъ совѣсти, который очень хорошо разрѣшается апостоломъ Павломъ. Если твоя совѣсть претитъ, если ты видишь въ этихъ выраженіяхъ ослабленіе принципа, — ты неправъ, если подпишешь; если твоя совѣсть оскорбляется выраженіями: «съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью» и т. п. употребительными въ письмахъ къ людямъ, которыхъ нисколько не почитаешь,— ты не долженъ ихъ употреблять; но если кто употребляетъ

ихъ, не видя въ этомъ никакой важности, не считая это дѣломъ совѣсти, — онъ не подлежитъ осужденію. Впрочемъ, надо знать самыя выраженія, а также и причины, почему общество вообще отвергло предложеніе Селиванова. Петербургское общество, конечно, очень глупое и смѣшное общество; мнѣ приносили бумагу, когда я былъ въ Москвѣ, и я подписать не согласился,—но наше общество могло бы, между прочимъ, имѣть въ виду и эту цѣль, т. е. оказывать пособіе семействамъ умершихъ бѣдныхъ литераторовъ. Впрочемъ, это вовсе не важно и не существенно. Благотворителей найдется всегда въ Россіи, — а гораздо существеннѣе будетъ изданіе такихъ капитальныхъ вещей, какъ Словарь Даля, пѣсни Кирѣевскаго. Это послѣднее меня очень радуетъ, особенно назначеніе Коммиссіи. Такія изданія требуютъ непремѣнно ученой провѣрки многихъ. — Какъ это ты убѣдилъ Василія Алексѣевича! — Что касается до Селиванова, то я просто бы предложилъ исключить его изъ членовъ, и ты здѣсь поступилъ прекрасно. Я бы конечно былъ на твоей сторонѣ. — Ты пишешь сказку, ты пишешь историческую статью, ты пишешь разборъ докладовъ Редакціонной Коммиссіи, участвуешь въ Коммиссіи для печатанія пѣсенъ, печатаешь свою грамматику. Вотъ это дѣятельность! И такъ какъ тебѣ что дѣлать на землѣ, ты долженъ разумѣется дѣлать этого какъ можно больше, а для того беречь свои силы и здоровье, физическое и нравственное. Я знаю, что на днѣ, внутри всего этого у тебя постоянная горечь; пусть она и остается, разумѣется; но ты будешь неправъ, если она будетъ мѣшать твоей дѣятельности. Въ службѣ Вѣчному, въ службѣ пользы общественной никакое личное горе въ разсчетъ не берется. Я очень радъ, что мои стихи тебѣ понравились. Твое замѣчаніе о послѣднихъ четырехъ строкахъ справедливо, я самъ чувствовалъ, что повтореніе того же образа не производитъ того дѣйствія, котораго я хотѣлъ, и для того думалъ выкинуть середку и перенести ее въ конецъ. Но оставилъ такъ. Дѣло въ томъ, что задача стихотворенія не самый пророкъ, а *отношеніе къ нему*. Въ письмѣ къ нашимъ я сообщилъ замѣчаніе одного нѣмца. Оно справедливо, и я думаю, что это стихотвореніе и въ Россіи покажется большинству темнымъ и загадочнымъ. Впро-

чемъ стихи не могутъ сдѣлаться моею постоянною, послѣдовательною дѣятельностью, уже потому даже, что я пишу очень туго, и стихъ мнѣ не легко повинуется. Но это только одна изъ причинъ. Впрочемъ объ этомъ толковать много не стоитъ. Сначала, какъ я написалъ стихи, я принялъ ихъ горячо къ сердцу, но теперь совершенно остылъ. — Я прочелъ всѣ четыре листа твоей грамматики. Истинно превосходная вещь! Очень жалѣю, что не читалъ ее въ рукописи или корректурѣ—многія мѣста надобно бы сдѣлать яснѣе. Но вообще необыкновенно стройно и даже величественно—стройно развивающаяся мысль. Я убѣжденъ, что въ Россіи еще долго, очень долго не оцѣнятъ и потому уже подговорилъ одного господина Шмидта, Баварскаго офицера, который, между прочимъ, такъ, изъ чисто-нѣмецкой любви къ искуству, выучился по русски и перевелъ всѣ три части Милютина Исторіи Суворовскаго похода. Покуда переговоры идутъ у меня заочно, на дняхъ обѣщали меня съ нимъ свести. Переводъ будетъ производиться подъ надзоромъ Боденштедта. Рокль, на котораго ты ссылаешься во второмъ листѣ грамматики, живетъ въ Штутгардтѣ. Боденштедтъ совѣтовалъ мнѣ ему написать, но написать трудно, надо перевести, а я самъ перевести не берусь. Увѣдомь — хочешь ли ты, чтобы переведена была брошюра о глаголахъ, и пожалуйста, присылай слѣдующіе листы грамматики по мѣрѣ отпечатанія, въ двухъ или трехъ экземплярахъ. (Но какъ скверно напечатано! Ни одной строчки прямой, всѣ буквы танцуютъ. Побрани хорошенько Степановскую типографію. Просто совѣстно показывать нѣмцамъ;—напомнишь имъ чуть ли не Гуттенберговы времена). Хотя мои замѣчанія и не важны, но все же сообщаю ихъ тебѣ:

Слово: *индѣ* (XI стр.)—совсѣмъ мнѣ не нравится. Печать обличаетъ его гражданскую несостоятельность въ современной рѣчи,—т. е. наружный видъ. Въ разговорѣ туда-сюда, а какъ напишешь и посмотришь на очертанія, такъ и видишь, что не годится. — На стр. 6-й. «Въ царствѣ растеній, уже органическомъ, но гдѣ организмъ является слабо, такъ что, напр., лишенное *иныхъ* вѣтвей своихъ, дерево не обезображивается». Это опредѣленіе, по моему мнѣнію, такъ слабо, неточно, несерьозно, что лучше вовсе не опредѣлять

органическаго характера растительнаго царства, тѣмъ болѣе, что оно, т. е. опредѣленіе здѣсь вовсе не нужно, и всякому извѣстно. Что такое—*иныхъ* вѣтвей? Вѣдь и человѣкъ, лишенный волосъ, остриженный, «не обезображивается, не теряетъ своей красоты». — Я вообще нахожу, что искать особаго оттѣнка звука растительной природы совершенно лишнее. Никакимъ опредѣленіемъ ты не опредѣлишь *разницы* между шумомъ воды, волнъ и шумомъ дерева. Попробуй опредѣлить: рѣшительно выходитъ одно и тоже. Тутъ нѣтъ никакого перехода «къ органическому міру съ преобладаніемъ неорганической природы». Къ какой категоріи ты отнесешь *вѣтеръ*, его шумъ?

Надобно признаться, что появленіе буквы г представляется очень темно, нужно прочесть два-три раза и крѣпко вдуматься, чтобы вполнѣ уяснить себѣ мысль, что наконецъ и удается. Трудно сказать, въ чемъ и гдѣ неясность. Я пробовалъ изложить иначе—выходитъ еще неяснѣе, и буква г еще мистичнѣе. Можетъ быть слѣдовало звукъ неорганическій, прежде чѣмъ приступать къ человѣку, опредѣлить еще общѣе. Послѣднее твое опредѣленіе, данное ему тобою, *оставаясь въ памяти*, нѣсколько смущаетъ и сбиваетъ, когда дѣло доходитъ до отрицанія: ты назвалъ его стукомъ и пояснилъ даже въ человѣкѣ примѣромъ: хлопанья въ ладоши. Надо бы сказать, что вотъ, такимъ образомъ, мы имѣемъ два *элемента* или матеріала звуковъ. А то поражаешься сначала этимъ отрицаніемъ «*стука*», рисующагося предъ нами въ образѣ «хлопанья въ ладоши», или т. п. Отвергаются въ буквѣ г оба звука, какъ *звуки*, какъ начала, какъ силы, какъ явленія безсознательной природы, а не тотъ или другой видъ стука. Но это замѣчаніе мое чисто внѣшнее и частное, т. е. я разсказываю тебѣ, какъ *мнѣ* сначала показалось темно, но очень можетъ быть, что другіе, болѣе смѣтливые или навыкшіе къ отвлеченію, не встрѣтятъ ни малѣйшаго затрудненія въ пониманіи. Впрочемъ такого рода вещи должны, имѣть полное нравственное право требовать напряженнаго вниманія и усилія мысли. Мнѣ кажется, что я понялъ вполнѣ. Любопытно знать, какимъ образомъ ты напалъ на эту мысль: внезапно, спонтанейно (извини за это дико смотрящее въ русскихъ очертаніяхъ слово), и уже изъ нея

пошелъ расчищать боръ направо и налѣво, — или добрелъ логическимъ сцѣпленіемъ выводовъ, крѣпко держась за нить клубка въ этомъ лабиринтѣ. Другихъ замѣчаній покуда я тебѣ не пишу, потому что третій и четвертый листы хочу перечесть снова. — Теперь о замѣчаніяхъ твоихъ на шестый докладъ. Я совершенно съ ними согласенъ, до послѣдняго слова, и очень радъ, что ты наконецъ выяснилъ себѣ и всѣмъ намъ точку зрѣнія на тѣлесныя наказанія. Все, что ты тутъ говоришь, очень удачно и мѣтко выражено; но считаю совершенно неумѣстнымъ и ослабляющимъ общее впечатлѣніе, вовсе не идущее къ дѣлу разсужденіе твое о клятвопреступленіяхъ въ древней Руси. Тутъ такое очевидное намѣреніе оправдать древнюю Русь, такая натяжка, такое кривотолкованіе (извини), что это производитъ непріятное впечатлѣніе и подрываетъ авторитетъ вообще твоего собственнаго слова. Что бы ты ни говорилъ о значеніи крестнаго цѣлованія въ древней Руси,—противъ тебя свидѣтельствуетъ само общественное мнѣніе древней Руси и мнѣніе Церкви, всегда осуждавшей нарушенія такихъ обѣщаній и называвшей ихъ клятвопреступленіями. Я не помню хорошенько, но кажется мнѣ, гдѣ-то и у лѣтописца стоитъ, что вотъ такія-то бѣдствія насланы на Русь, между прочимъ, за клятвопреступленія княжескія. Очень нужно заставлять цѣловать крестъ на томъ, что въ эту минуту ты такъ думаешь, а завтра, если перемѣнишь мнѣніе, можешь и дѣйствовать въ противность нынѣшнему обѣщанію! Какъ ты думаешь, московскіе цари, приводя подданныхъ къ присягѣ, согласно ли съ тобой признавали это право нарушенія присяги? Пожалуйста, выкинь это мѣсто; что за надобность оправдывать, во что бы то ни стало, всякую черту древней Руси, и добро бы народа, а то князей.—Да и вообще пора это оставить, такое систематическое оправдываніе всякой древлерусской особенности: разумѣется, и клятвопреступленія и правежъ и нещадное битье батога и заливаніе глотки свинцомъ и пытки — все мерзость, мерзость, за которую, слава Богу, приходится винить не народъ, не землю, а государство, непомѣрно и чудовищно разросшееся и засушившее наконецъ всякую свободную дѣятельность и жизнь въ земствѣ, еще гораздо раньше Петра. Землю можно винить только за то, что она все это

допустила, терпѣла, и что изъ 400 человѣкъ, подписавшихъ Уложеніе, никто не протестовалъ противъ такихъ вещей, которыя были даже, большею частью, совершеннымъ нововведеніемъ (казни всякія). Тѣмъ не менѣе самое Уложеніе вовсе не есть выраженіе народнаго взгляда и духа: какъ теперь Сводъ законовъ не существуетъ для народа, и онъ живетъ внѣ закона, такъ и Уложеніе относилось къ народу: какъ теперь, такъ и тогда всѣ гражданскіе законы, напр. о наслѣдствѣ относились къ одному служилому или по нынѣшнему дворянскому сословію, а народъ жилъ по обычаямъ. — Все, что намъ теперь дорого въ народѣ, принадлежало искони народу, большею частью вопреки, въ противоположность государственному развитію. Все, въ чемъ заключаются наши надежды на будущее, всѣ залоги наши лежатъ въ народѣ, намъ современномъ, а не въ древней *государственной* Руси, которая логически разрѣшилась Петромъ: онъ есть ея послѣднее слово и достойно ее вѣнчаетъ. Настоящій крестьянскій вопросъ, по отношенію къ дворянству, есть продолженіе внутренняго процесса образованія русскаго государства. Возникаетъ новый, небывалый классъ, мы перестаемъ быть служилымъ сословіемъ, не становясь народомъ, т. е. живя не подъ закономъ народнаго быта. По смыслу древней Руси, мы становимся сословіемъ земскимъ,— но мы однакожъ не то земство, которое разумѣлось опредѣленно древнею Русью. — Впрочемъ, я объ этомъ напишу хоть самъ для себя особую статью. Дѣло историческое выходитъ удивительно мудро. — Недостаетъ у меня свѣдѣній, но мнѣ бы очень хотѣлось написать, обрисовать очеркъ развитія собственно государственнаго элемента въ древней Руси. Именно потому, что оно было поставлено особнякомъ, именно потому, что—какъ ты говоришь, государство и земля рѣзко отдѣлялись, имѣя разныя призванія, именно потому государственный элементъ развился на просторѣ въ строгой логической послѣдовательности, образно воплотился въ чудовищной опричнинѣ, довелъ бюрократизмъ, формализмъ и письменность до-Петровской Руси до такой степени, предъ которой блѣднѣетъ современная казенная письменность, писалъ законы самъ для себя, т. е. для какой-нибудь сотни тысячъ человѣкъ служилаго сословія, своихъ слугъ, потом-

ковъ дружины (всегда гордившихся иностраннымъ происхожденіемъ), игралъ участью народа (мѣстническіе споры) и наконецъ землю народа и самую личность его поработилъ своему служилому сословію. Взамѣнъ этого — онъ не создалъ ничего, что бы годилось въ прокъ на будущее время, ни школъ, ни войска, ни фабрикъ, ни заводовъ, ни судовъ, ни законовъ: ничѣмъ этимъ мы изъ древней Руси попользоваться для нашего будущаго не можемъ, и наше единственное спасеніе и упованіе—народъ. Вотъ тебѣ моя ересь; не суди, впрочемъ, поспѣшно объ ней; нельзя ее изложить въ немногихъ словахъ. — О Писемскомъ, что ты написалъ, прекрасно, — я пожалѣлъ очень, что не издаю газеты, въ которой бы помѣстилъ это съ величайшимъ для себя удовольствіемъ. Прощай, милый другъ Константинъ. Я не кончилъ еще письма и отлагаю продолженіе впредь. Слишкомъ увлекся вопросомъ историческимъ, предметомъ нашихъ всегдашнихъ споровъ. Прощай, будь здоровъ, крѣпко тебя обнимаю. — Я не поздравляю тебя съ 29 Марта, но этимъ хочу только дать тебѣ знать, что день помню. Прощай. Цѣлую ручки Маменьки и сестеръ. Кланяюсь всѣмъ, въ особенности Алексѣю Степановичу.

3-го Апрѣля 1860 г. Мюнхенъ.

Христосъ Воскресе! милый другъ Константинъ. Посылаю тебѣ перечень статей, назначенныхъ мною къ переводу. Такъ какъ это изданіе тогда только можетъ ожидать успѣхъ въ Германіи, когда будетъ издано нѣмцемъ и отъ нѣмца; такъ какъ я самъ могу только относительно судить о достоинствѣ нѣмецкаго перевода, и такъ какъ это дѣло продолжительное,— то мы съ Боденштедтомъ уговорились такъ: онъ беретъ на себя весь трудъ, т. е. будетъ завѣдывать переводами, и думаетъ издавать ливрезонами, предпославъ напередъ Einleitung. Конечно, онъ тутъ неминуемо приврётъ, но это нужды нѣтъ; его имя имѣетъ авторитетъ, а онъ, если и не во всемъ согласенъ съ нами, за то преисполнился величайшаго уваженія къ Бесѣдѣ и Славянофильству. Изъ прилагаемаго листка ты увидишь, что я раздѣлилъ все на шесть отдѣловъ. Каждый ливрезонъ сверхъ того будетъ имѣть вступительную

статью Боденштедта, объясняющую значеніе помѣщаемыхъ статей. Но исполненіе этого дѣла зависитъ еще отъ многихъ условій, о которыхъ, по собраніи подробныхъ свѣдѣній, я буду писать Кошелеву: нужны деньги. Я думаю, что перевести придется до 50-ти листовъ; если за переводъ каждаго листа заплатить 10 талеровъ, то вотъ уже 500 руб. сер.; потомъ издержки печатанія; наконецъ—Боденштедту—не за статьи его, а за время, за трудъ, положенный на это дѣло: при чемъ, само собою разумѣется, ему оставляется полная свобода мнѣнія и суда. Я считаю это дѣло очень полезнымъ и важнымъ и для нѣмцевъ и для насъ и для науки вообще и для науки въ Россіи въ особенности. Нѣтъ сомнѣнія, что если нѣмцы добросовѣстно отнесутся къ русской мысли, то какъ истинные жрецы науки, воспользуются ею, освѣжатъ свою науку. Никому такъ не хочется сообщить плоды русской мысли, какъ этимъ служителямъ мысли, столько сдѣлавшимъ, при небольшихъ своихъ талантахъ (въ сравненіи съ Славянскими народами, несравненно талантливѣйшими). Слѣдовательно, очень важно пустить въ оборотъ общечеловѣческій русскую мысль. Съ другой стороны—признаніе Германіею заслугъ русской мысли освободитъ русское общество отъ рабства предъ авторитетомъ Запада, дастъ смѣлость: имѣть свое сужденіе, быть самимъ собой. Я выписалъ сюда Бесѣду изъ Лейпцига и, созерцая только эти 18 томовъ, Нѣмцы преисполнились великаго уваженія. Надо вообще сказать, что нѣмцы сейчасъ поняли всю законность, серьезность, а также интересъ и важность для себя—славянофильства. Я на нихъ произвелъ доброе впечатлѣніе: они говорятъ, что въ первый разъ видятъ русскаго, что для нихъ открывается новый, оригинальный міръ. Что же бы это было, если бы ты или Хомяковъ или Самаринъ пожили такимъ образомъ съ ними. Мнѣ жаль, что я такой неблистательный представитель, но тѣмъ не менѣе они съ большимъ уваженіемъ и интересомъ относятся къ моей личности, потому что я отношусь къ нимъ совершенно независимо, и потому что мнѣ удалось сдѣлать нѣкоторымъ литераторамъ и поэтамъ, дававшимъ мнѣ читать свои сочиненія — довольно вѣрныя и удачныя замѣчанія. — Изъ прилагаемаго перечня статей ты увидишь, что всего больше твоихъ статей. Не ду-

май, чтобы я это дѣлалъ нарочно; напротивъ, иначе сдѣлать нельзя было. — Бѣда въ томъ, что почти всѣ статьи въ Бесѣдѣ имѣютъ характеръ полемическій; это, разумѣется, очень понятно и свидѣтельствуетъ о борьбѣ, о жизненности разработываемыхъ Бесѣдою вопросовъ; но для нѣмцевъ это неудобно. По настоящему слѣдовало бы сдѣлать выборку, извлеченіе положительныхъ выводовъ изъ всѣхъ 18-ти томовъ Бесѣды; и этотъ трудъ былъ бы полезенъ не только для нѣмцевъ, но и для русскихъ,—но это трудъ самостоятельный, для котораго можетъ быть не настало время, и который во всякомъ случаѣ долженъ подлежать строгой провѣркѣ всѣхъ васъ. Поэтому приходится удержать полемическій характеръ статей, но ослабивъ его по возможности и выкинувъ изъ статей все неинтересное, случайное, подробности частныя и т. д. Я такъ и сдѣлалъ, т. е. отмѣтилъ въ статьяхъ все подлежащее измѣненію, сокращенію и т. п.—Впрочемъ, самый этотъ полемическій характеръ интересуетъ нѣмцевъ, ибо дѣлаетъ ихъ свидѣтелями и участниками внутренняго развитія Россіи. Такъ напр. нѣмцы приходятъ въ изумленіе, что столько статей о русскомъ воззрѣніи, что возможенъ продолжительный споръ о такомъ безспорномъ, по ихъ мнѣнію, вопросѣ,—между русскими! Что могутъ быть люди, возстающіе противъ стремленія къ умственной Sibsttändigkeit! (Я, разумѣется, говорю про добросовѣстныхъ ученыхъ нѣмцевъ). Такъ и споръ съ Чичеринымъ объ общинѣ кажется имъ почти непонятнымъ; я уже писалъ, что Бунтшли, который зналъ мнѣніе Чичерина отъ него самого, какъ скоро смекнулъ смыслъ и сущность общины русской, сказалъ, что онъ и знать не хочетъ доказательствъ Чичерина, потому что мнѣніе его a priori нелѣпо, что такое явленіе какъ община не можетъ быть государственнымъ, отъ государства созданнымъ институтомъ, что это цѣлый принципъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, убѣдятся ли или нѣтъ нѣмцы въ истинѣ славянофильскихъ доводовъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что они оцѣнятъ вполнѣ труды и усилія этого направленія; разумѣется, они будутъ также гордиться и утѣшаться тѣмъ, что во всѣхъ этихъ трудахъ видно отчасти нѣмецкое вліяніе, т. е. подготовленіе нѣмецкое, мысль, вышколенную строгою германскою философіей и т. д. Оно и справедливо, и при-

знаніе пользы, сдѣланной нѣмецкими мыслителями и поэтами нисколько не роняетъ нашей независимости. Если ты переберешь всѣ 18 томовъ Бесѣды, то едва ли ты найдешь что либо прибавить къ моему перечню. Отдѣлъ философіи, по моему мнѣнію, должно пустить послѣднимъ, во-первыхъ для того, чтобы исподволь втянуть нѣмцевъ въ область для нихъ совершенно новую, начавъ чѣмъ - нибудь болѣе живымъ; во-вторыхъ потому, что философія въ настоящую минуту вообще не на первомъ планѣ; въ - третьихъ (главная причина), что я не довѣряю умѣнью переводчиковъ: для этого они сами должны быть mächtig der philosoph. sprache, и полагаю, что переводы философскихъ статей должны быть просмотрѣны въ Москвѣ. Ты покажи этотъ перечень Хомякову и Ал. Ив. Кошелеву, если онъ воротился изъ Петербурга, и отвѣчай мнѣ тотчасъ. Прощай, милый другъ Константинъ, крѣпко тебя обнимаю, а также Алексѣя Степановича. Кланяйся всѣмъ!—Разумѣется, отъ васъ зависитъ измѣнить перечень, планъ изданія, или хоть вовсе отмѣнить. У меня нѣтъ теперь подъ рукой Московскаго Сборника. Можетъ быть, тамъ еще найдутся статьи.

1860 г. Апр. 10. Мюнхенъ.

На дняхъ получилъ я черезъ Вагнера пакетъ, отправленный Вами съ Бахметевымъ: Ваше письмо, милая Маменька, отъ 18 Марта, письмо Любиньки, съ припискою милой Вѣры, листы Константиновой грамматики, томъ Бесѣды и 2-й № Правосл. Обозрѣнія. Я думаю, П. Влад. останется за границей не долго.—Самое грустное для меня извѣстіе—это то, что депутаты подали адресъ объ освобожденіи безъ земли. Неужели и Яша Карташевскій подписалъ этотъ адресъ? Этотъ поступокъ компрометируетъ дворянство въ высшей степени, дѣлаетъ весь его либерализмъ, выраженный въ адресахъ, подозрительнымъ, оправдываетъ правительство и доставляетъ торжество Редакціонной Коммиссіи. — Кошелевъ пишетъ мнѣ, что въ Петербургѣ онъ нашелъ теперь совершенную апатію; крестьянскій вопросъ, да и всякій другой — надоѣли, всѣ утомились отъ долгаго напряженія и готовы махнуть рукой—т. е. общество. Такъ

у насъ всегда! У насъ нѣтъ ни настойчивости, ни этого нѣмецкаго Ausdauer, составляющаго великую силу. Въ народѣ нашемъ—оно имѣетъ чисто пассивный характеръ, хотя существуетъ. Я это знаю и самъ по себѣ. Мы охотнѣе пойдемъ въ мученики, въ угнетенные и гонимые, чѣмъ станемъ бороться скучною, продолжительною, мелкою борьбою. Мы предпочтемъ любое страданіе ежедневной работѣ, всему, что требуетъ внутренней дисциплины, постоянства и выдержки!—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣмцы ограниченнѣе насъ, славянъ; мы несравненно талантливѣе и шире—но за то нѣмецъ ушелъ въ глубь, а мы расплываемся въ нашей широтѣ, но за то нѣмецъ на свой талантъ пріобрѣлъ 500 процентовъ, а мы на свои сто талантовъ не пріобрѣли ни одного, а зарываемъ ихъ въ землю. Въ сознаніи своего превосходства, мы оправдываемъ себя обыкновенно широкостью своей натуры. Но это не совсѣмъ справедливо, и положительныя достоинства нѣмцевъ нельзя выводить только изъ ихъ ограниченности духовной. Нельзя не признать той великой пользы, которую даетъ серьезность нѣмецкаго воспитанія и выработанность мышленія, сдѣлавшаяся общимъ германскимъ достояніемъ.—На нынѣшней недѣлѣ я имѣлъ нѣсколько случаевъ наблюдать ближе нѣмецкую жизнь. Многое, разумѣется, должно казаться намъ мелкимъ, смѣшнымъ, мескиннымъ, и—должно признаться — слишкомъ прѣснымъ нашему нѣсколько испорченному вкусу. — Я былъ введенъ въ общество ученыхъ литераторовъ, называющее себя: Die Zwanglosen (Sans—gêne). Оно имѣетъ свой уставъ, принимаетъ въ себя членовъ по баллотировкѣ и собирается разъ въ недѣлю. Я былъ на одномъ засѣданіи. Мѣсто собранія— небольшая, грязная комната, разумѣется, освѣщенная газомъ, но это здѣсь самое дешевое освѣщеніе: она же и передняя: всякій, входя вѣшаетъ свое пальто и шляпу тутъ же. Члены сидѣли всѣ за двумя столами, простыми, деревянными, ничѣмъ непокрытыми, на простыхъ деревянныхъ табуретахъ. Передъ каждымъ стояла кружка пива, которое служанка то и дѣло приносила изъ сосѣдней Bierbrauerei (пивоварни). Дымъ скверныхъ сигаръ, запахъ и просто видъ пива, вообще весь этотъ невзрачный local произвели на меня сначала непріятное впечатлѣніе. Непремѣнное условіе

этого общества—чтобы въ каждое изъ засѣданій одинъ изъ членовъ общества, по очереди, прочелъ какую-нибудь лекцію, Vortrag. Мало того, что они въ Университетѣ читаютъ лекціи, нѣтъ они другъ другу еще читаютъ лекціи. Между тѣмъ—все собраніе состояло изъ такихъ ученыхъ, которые имѣютъ европейскую извѣстность и авторитетъ, которые подвинули науку впередъ, которые всѣ трудятся непрестанно, богаты заслугами предъ всѣмъ человѣчествомъ, имѣютъ право на полное уваженіе. Тутъ былъ и Либихъ и Зибель и Бунтшли и знаменитый ботаникъ, котораго имя я забылъ и проч. Когда я взошелъ, профессоръ Каррьеръ, тоже какая-то бездна учености, отъ одного вида которой дѣлается тошно славянину, читалъ лекцію. На этотъ разъ, впрочемъ, эта лекція относилась къ современнымъ обстоятельствамъ и свидѣтельствуетъ о возбужденномъ состояніи Германіи, — именно предметомъ ея было: сужденіе Фихте о Наполеонѣ 1-мъ, и такъ сказать отношеніе ученаго нѣмца къ событіямъ той эпохи.—Послѣ лекціи—стали всѣ говорить и спорить, но совершенно Zwanglos, то есть, вставши съ мѣстъ, какъ бы въ клубѣ какомъ. Меня ввелъ Боденштедтъ, представилъ предсѣдателю, который принялъ меня очень любезно (Боденштедтъ шепнулъ ему, кто я,—а то слово Русскій непріятно звучитъ здѣсь; я записалъ свое имя, заплатилъ свои четыре крейцера за кружку пива, нашелъ тутъ человѣка четыре знакомыхъ, около которыхъ скромнымъ образомъ и пріютился. Разговоры были такъ шумны, что мудрено было что-нибудь разслушать, особенно чужеземному уху. Нѣмцы при этомъ глотали пиво, кружка за кружкой. Я собирался сидѣть долго, глядь — часовъ въ 10-ть почти всѣ разошлись! Этого сидѣнья, этихъ бесѣдъ за полночь нѣтъ у нихъ; они этой прелести не знаютъ, но надо быть справедливымъ и вспомнить, что это не говоруны, что имъ точно недосугъ, что у каждаго есть *неотложное* дѣло (по *нѣмецкимъ* понятіямъ; въ русскихъ понятіяхъ—нѣтъ занятія неотложнаго, развѣ ужъ доведешь до послѣдней минуты. Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ, говоримъ мы); что онъ долженъ встать рано утромъ, готовиться къ лекціи, или иначе работать надъ своимъ «Stuck Wissenschaft!» Эта дисциплина нѣмецкая, обращенная на

самого себя, для меня завидная и недостижимая вещь. Я и здѣсь никакъ не могу работать по часамъ, не засыпаю раньше втораго часа или двухъ, и чуть ли не больше пропадаетъ времени въ думахъ или даже въ праздныхъ мечтахъ, чѣмъ въ работѣ. На другой день я былъ введенъ въ подобное же общество, но исключительно состоящее изъ стихотворцевъ и именующееся: «Крокодиллы!» Названіе происходитъ отъ юмористическаго стихотворенія какого-то господина Линка о старомъ Крокодилѣ, плачущемъ, когда морозитъ, и смѣющемся, когда свѣтитъ солнце. Помѣщеніе еще хуже и тѣснѣе, въ одной изъ комнатъ какого-то Caffechaus. Членовъ 16.— Шестнадцать поэтовъ—вѣдь это ужасъ!—Двое изъ членовъ прочитали написанныя ими недавно стихотворенія, которыя прочіе члены тутъ же критиковали, и надо признаться— очень строго. Въ этомъ отношеніи—это очень полезно. Но это общество и всѣ эти Крокодилы—болѣе смѣшны, чѣмъ серьезны, и я не безъ злобной радости—чувствовалъ въ этомъ отношеніи превосходство нашего русскаго воззрѣнія на поэзію, нашихъ требованій отъ искусства. Разумѣется, не будучи крокодиломъ, я не имѣлъ права говорить, но будучи съ нѣкоторыми отдѣльными членами, я имъ высказывалъ и прежде и послѣ вполнѣ откровенно свое мнѣніе о современной нѣмецкой художественной литературѣ: нѣкоторые раздражались, другіе съ грустью согласились.—«Надъ чѣмъ вы теперь работаете», спрашиваетъ меня обыкновенно нѣмецъ, узнавъ, что и я пишу стихи. «Ни надъ чѣмъ» — бываетъ обыкновенно мой отвѣтъ, озадачивающій нѣмца. А вы!— «Ich arbeite an eine Drama!» — Или: я перекладываю въ стихи—Магабарату, или что-нибудь въ этомъ родѣ, или Исландскую сагу, или Бретонскія сказанія. Такъ недавно одинъ нѣмецъ Герцъ издалъ поэму: Lancelot und Ginevra, для которой ѣздилъ въ Корнваллисъ, въ Бретанію и проч. Впрочемъ объ этомъ предметѣ я распространяться не стану, я написалъ объ этомъ разныя замѣтки. Я не могъ оставаться до конца въ засѣданіи Крокодиловъ, а поспѣшилъ къ Рилю, который меня позвалъ на вечеръ. Вечеръ былъ, впрочемъ, дамскій; изъ мущинъ, кромѣ Риля, былъ какой-то, весьма незначительный господинъ. Дамы были все жены и дочери профессоровъ. Усѣлись всѣ за большой круглый столъ. На

другомъ стояла theemachine, около которой хлопотала хозяйка, съ маленькой дочкой. Поставили намъ всѣмъ по чашкѣ чаю (служанки тутъ не дѣйствуютъ, а все сама хозяйка), потомъ по другой; потомъ одна изъ присутствовавшихъ особъ сѣла за фортепьяно: ее спросили, что она будетъ играть? «Беттовена соната — Cdur или 6—mol» (не помню. Oh, wie schön, wie schön заговорили нѣмки и принялись слушать, а хозяйка—вязать чулокъ. Впрочемъ, сыграно было очень хорошо и слушано было съ знаніемъ дѣла. Потомъ — къ ужасу моему — всѣмъ поставили стаканы и принесли въ огромномъ стеклянномъ сосудѣ пиво, которое хозяйка тутъ же всѣмъ налила и которому чрезвычайно обрадовались нѣмки. Das ist schön, пролепетали онѣ. Изъ приличія глотнулъ и я немного пива, но побоялся, что стошнитъ. Надо имѣть нѣмецкій желудокъ, чтобы запивать чай пивомъ! Пили пиво, а хозяйка между тѣмъ пропѣла цѣлую *ораторію Генделя.* Потомъ всѣмъ поставили по маленькой тарелочкѣ съ ножичкомъ, безъ вилки, и появилось блюдцо съ нарѣзанною колбасою разныхъ сортовъ; вслѣдъ за этимъ, не дожидаясь, чтобы съѣли первое, другое блюдцо съ кусочками колбасъ другихъ сортовъ, а также ветчины; потомъ — и все это складывалось на одну тарелку— селедка; потомъ, все туда же, салатъ съ яицами. Все принялось очень усердно кушать—нѣмцы ѣдятъ гораздо больше насъ, и хоть я и не гастрономъ, но признаюсь, такимъ безвкусіемъ, такимъ безобразіемъ нѣмецкой кухни поражался не разъ. Потомъ, какъ всѣ поѣли, хозяйка сама обобрала не только всѣ тарелки, но всѣ кусочки недоѣденные хлѣба; я наблюдалъ за нею и видѣлъ, какъ она аккуратно всѣ эти кусочки сложила на особенное блюдо и отнесла въ другую комнату. Потомъ опять поставила по тарелочкѣ, подала тортъ очень хорошій, шоколадный и ананасный вмѣстѣ и подлила пиво. И нѣмцы ѣли тортъ и запивали пивомъ!—Потомъ всѣ стали расходиться. И я видѣлъ, какъ эти нѣмки, которыя были всѣ хорошенькія и молоденькія и элегантно одѣтыя, пошли по домамъ однѣ пѣшкомъ, не смотря на то, что погода была гнуснѣйшая, шелъ мокрый снѣгъ и было грязно. Здѣсь онѣ просто не боятся и не знаютъ простуды, а экипажи—излишняя роскошь.—Надъ всею этою мескинностью,

какъ она ни смѣшна для насъ, перестаешь смѣяться, когда вспомнишь, что всѣ эти люди живутъ не праздно, своими трудами, и что каждая изъ этихъ нѣмокъ честно дѣлаетъ свое жизненное дѣло. Каждая изъ нихъ несравненно образованнѣе всякой русской барыни и барышни. Сначала разговоръ между дамами шелъ все о мужьяхъ ихъ, о которыхъ они отзывались съ очень серьезнымъ дружествомъ,—видно было, что для каждой домъ и семья цѣлое дѣло, и каждая нѣсколько гордилась этимъ бременемъ. Никогда нигдѣ не встрѣчалъ я такъ часто счастливыхъ, мирныхъ супружествъ и семейнаго счастіи, какъ въ Германіи, въ среднемъ сословіи,—не въ одномъ Мюнхенѣ, но вездѣ въ Германіи. Если съ одной стороны это происходитъ отъ ограниченности желаній, въ свою очередь проистекающей отъ ограниченности душевной, то съ другой стороны справедливость требуетъ признать также и другую причину: здоровье душевное, серьезность воспитанія и привычку къ труду. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Германіи, я *ни разу не слышалъ про нервы*, и здѣсь у всѣхъ нервы прездоровые, даже у поэтовъ. Если слышалъ про нервы, такъ это отъ русскихъ дамъ въ Гейдельбергѣ: у насъ до того дошло, что даже мущинѣ стыдно сознаться, что у него крѣпкіе нервы, и дама русская никогда не будетъ имѣть духу на такое сознаніе. — Впрочемъ, какъ эти всѣ нѣмки и физически здоровы! Нельзя сказать, чтобы онѣ были кухарки: нѣтъ, — какая-нибудь Риль поетъ ораторію Генделя въ тоже время и чулокъ вяжетъ и куски хлѣба обираетъ. Жена Боденштедта не только музыкантша, но истинный художникъ и сама сочиняетъ (въ музыкѣ), половины ея таланта было бы достаточно, чтобы счесть себя существомъ привилегированнымъ, но она такъ себѣ кроитъ и шьетъ панталончики четыремъ своимъ дѣтямъ и нянчится около нихъ и своего мужа, что невольно смотришь на нее съ уваженіемъ и съ удивленіемъ. Тѣмъ не менѣе русскія дамы вообще несравненно граціознѣе и очаровательнѣе, и когда являются сюда, то по сознанію всѣхъ нѣмцевъ совершенно затмѣваютъ не только нѣмокъ средняго сословія, но и нѣмокъ аристократическаго круга, принцессъ и королевъ,—хотя разумѣется только по внѣшности. И все-таки, какъ я ни убѣждаюсь умомъ въ истинномъ нравственномъ достоинствѣ нѣм-

цевъ, — все-таки мнѣ тѣсно и душно съ ними; нѣмцу непонятны эти наши: была не была, жизнь-копѣйка, трынь-трава, «хоть трава ни рости, куда ни шло, какъ нибудь» и т. д., все это, что выражаетъ чувство какой-то силы (можетъ быть и мнимой), широты и свободы. Но со всѣмъ этимъ — трудно подвигаться впередъ и вообще нести бремя и дѣлать дѣло жизни. Съ этимъ не напишешь, какъ недавно здѣсь одинъ молодой нѣмецъ, 24 лѣтъ, написалъ цѣлое сочиненіе «Объ Эѳіопскомъ языкѣ и о родственныхъ съ нимъ нарѣчіяхъ». Почтенно и въ то же время какъ-то противно: придетъ же въ голову заниматься Эѳіопскимъ нарѣчіемъ! А между тѣмъ его дѣло—заслуга предъ всѣмъ человѣчествомъ!— Мое спокойствіе снова нарушено. Я долженъ былъ познакомиться съ посланникомъ, даже для того, что придется же визировать у него паспортъ. Оказалось, что посольство давно знаетъ о моемъ пребываніи и даже знаетъ меня въ лицо. Одинъ изъ чиновниковъ (Бибиковъ) видалъ меня въ обществѣ въ Харьковѣ, другой — видѣлъ портретъ и т. д. Какъ нарочно мы встрѣчались каждый день на улицѣ (да и въ церкви они меня видѣли). Северинъ — совершенно стараго покроя и понятій, лѣтъ уже 28 въ Баваріи! Женатъ на знатной нѣмкѣ. Онъ просилъ меня познакомиться съ его женой. Это такъ скучно, и такъ у меня мало желанія попасть въ свѣтское нѣмецкое общество (такъ оно ничтожно въ Германіи, которой весь смыслъ, значеніе, силу, славу, заслугу—колоритъ составляетъ Mittlerstand), что я начинаю подумывать, какъ бы убраться отсюда. Но погода еще такъ гнусна, что путешествовать еще неудобно; къ тому же я жду писемъ отъ Гильфердинга. Поэтому я и не рѣшаюсь еще вамъ сказать—пишите въ Вѣну.

Прощайте, милая моя Маменька и милыя сестры, будьте здоровы. Вчера былъ день рожденія Сонички, обнимаю ее. Пожалуйста поберегайте себя теперь весною. Цѣлую ручки ваши, милая маменька, обнимаю сестеръ, Константина (которому, если успѣю, то напишу особо), Гришу съ Софьей и Машеньку съ Егоромъ Антонычемъ.—Константина первые три листа грамматики уже переводятся Лейтенантомъ Шмидтомъ.

1860 г. 13 Апрѣля. Мюнхенъ.

«Воистину Воскресе», милый другъ и братъ Константинъ, говорю я въ отвѣтъ на твое письмецо, полученное мною вчера вмѣстѣ съ письмами отъ Маменьки и сестеръ. Прежде всего спѣшу протестовать противъ публичнаго чтенія «Маріи Египетской» (мнѣ пишетъ Наденька, что Ал. Ник. отыскала у себя эту рукопись и что ее хотятъ читать). Она никуда не годна, ни какъ сочиненіе, ни какъ стихи. Есть удачныя строфы, но за то есть и варварскія, и я такъ мало цѣню это произведеніе, что кромѣ Ал. Ник., ни у кого, ни у меня даже нѣтъ этой рукописи. Если же она прочитана, такъ я по крайней мѣрѣ противлюсь ея напечатанію.— Само собою разумѣется, что Хомякову я предоставляю полное право измѣнить конецъ въ «Пророкѣ», или какъ тамъ его назвали иначе; пусть такъ и напечатаютъ, какъ онъ измѣнилъ, но мнѣ было бы интересно знать это измѣненіе. Попроси сестеръ прислать мнѣ этотъ варіантъ. Первые три листа твоей грамматики переводятся, подъ хорошимъ названіемъ: Die Philosophie des Alphabets! Я выжидаю здѣсь этотъ переводъ, чтобы самому его просмотрѣть. За этотъ переводъ плачу я гульденовъ 40 (около 24 р. сер.). Переводъ же статей, которыхъ списокъ я тебѣ послалъ, начнется только тогда, когда Кошелевъ дастъ деньги, чтобы познакомить нѣмцевъ съ *своимъ же* изданіемъ — Русскою Бесѣдою. Для этого понадобится, по крайней мѣрѣ, тысячу талеровъ.—Какъ скоро Шмидтъ переведетъ твои три листа грамматики, то, по исправленіи перевода, онъ пошлется въ копіи Раппу, при письмѣ Боденштедта. Я потому не хочу послать отъ себя, что мнѣ онъ отвѣчалъ бы только фразами учтивости, а Боденштедтъ будетъ отъ него требовать откровенной критики; отвѣтъ Раппа будетъ доставленъ мнѣ Боденштедтомъ, а я перешлю тебѣ. — Я получилъ также отъ Frau Zenker, geboren Baronin von Rehbinder — переводъ твоей рукописи о Земскихъ Соборахъ. Переводъ никуда не годится. Я это и ожидалъ, но послалъ ей на пробу, по ея настоятельной просьбѣ. Я отмѣтилъ всѣ невѣрности перевода и передалъ рукопись Боденштедту. Одну фразу у тебя я совершенно вычеркнулъ: именно—ты говоришь: «Соборъ

назвался *Земскимъ — существенное названіе человѣческаго дѣла*. Эти послѣднія четыре слова я вычеркнулъ, потому что по нѣмецки они не имѣютъ смысла и по русски они не точно выражаютъ мысль. Для этого надо длинное объясненіе слова *земскій*. Вообще слово земскій заключаетъ у тебя такой Begriff, который не переводится на нѣмецкій языкъ однимъ словомъ, а можетъ быть только описанъ Land Sandschaft не исчерпываютъ смысла земли: ее приходится переводить иногда чрезъ — Gemeinwesen. Какъ перевести: *Земское* начало? Нѣмцы не имѣютъ даже слова общественный въ нашемъ смыслѣ, и приходится его переводить чрезъ слово social, Cocial. Впрочемъ, я распоряжусь, чтобы эта рукопись, если состоится предпріятіе, была прислана тебѣ въ переводѣ. Какъ жаль, что нѣтъ продолженія! Для нѣмцевъ это была бы самая интересная статья. Любопытно знать, что скажутъ нѣмецкіе филологи про твою грамматику. Боюсь, что такъ какъ философія теперь не въ большемъ почетѣ, они найдутъ твою философію азбуки нѣсколько темною и мистическою.—Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта твоего на письмо съ оглавленіемъ статей и отвѣта Кошелева—согласенъ онъ на изданіе. Оцѣнятъ ли ихъ нѣмцы—неизвѣстно. Я съ своей стороны принялъ только мѣры, чтобы эти статьи были прочтены.

Личность Риля гораздо менѣе интересна его книгъ. Онъ какъ будто самъ не понимаетъ, да оно такъ и есть, тотъ глубокій смыслъ, который мы въ Россіи извлекаемъ или способны извлечь изъ его сочиненій. Это часто случается въ нашихъ отношеніяхъ къ нѣмцамъ. У большей части изъ нихъ истина, великолѣпная мысль, не есть плодъ концепцій цѣлаго духа, а mühsam добытый логическій результатъ, своего рода внѣшность. Онъ самъ (нѣмецъ) не понимаетъ всей широты объема своего логическаго вывода, всей полноты его жизни. Это меня поражаетъ въ моихъ личныхъ знакомствахъ съ нѣмцами. Они всѣ ниже и ограниченнѣе своихъ книгъ.—Впрочемъ книга Риля: die bürgerliche Gesellschaft свидѣтельствуетъ объ узкости взгляда, не собственно его, но взгляда собственно германскаго, выработаннаго исторіей и жизнью. Покуда онъ говоритъ о Land und Leute и о Famalie—поражаешься свободою и широтою взгляда, но какъ скоро онъ

выступаетъ изъ области непосредственной жизни, то является съ регламентомъ и региментомъ, и народъ получаетъ для него значеніе, какъ die Macht des Beharrens, наравнѣ съ аристократіей. — Весь оборотъ мыслей Риля вертится около слѣдующаго: современная жизнь ложна и искусственна, общество нуждается въ пересозданіи, въ освѣженіи. Соціальныя теоріи новѣйшаго времени всѣ вздоръ, потому что отрицаютъ историческую Thatsache, народную почву, органическое начало жизни вообще. Обращаясь къ прошедшему въ жизни общественной къ настоящему въ жизни народной,—Риль находитъ въ немъ живое органическое начало, отъ котораго современная соціальная жизнь уклонилась въ своемъ развитіи, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе, между прочимъ, усиленія государственнаго элемента, отвлеченной бюрократіи и т. п. Риль бросается изучать это органическое начало — въ германскомъ народѣ.—Но ты чувствуешь, что это органическое начало для него важно, какъ *таковое*, а не по внутреннему своему содержанію. Само собою разумѣется, что каждый народъ заключаетъ въ себѣ начало органическое, имѣетъ живое непосредственное бытіе, и чухонецъ и гренландецъ,—слѣдовательно важно именно—что за начало, чѣмъ богата непосредственная природа.—Но Риль становится къ народу въ положеніи Naturforscher'а, подсматриваетъ законы органическаго начала, его проявленія. Его книги носятъ названіе: Naturgeschichte des Volks, als Grundlage der deutschen Socialpolitik. Разумѣется, въ естественной исторіи народа важенъ непосредственный бытъ народа, проявляющійся въ семьѣ, въ Gemeinleben, приходящій къ сознанію самого себя въ Gemeinde, въ Haus. (Дѣйствительно—замѣчательно, какъ сильно въ германскомъ народѣ начало семейное и идея «дома»). Можешь себѣ представить, какъ Риль, въ своихъ поискахъ за началомъ органическимъ, съ жаромъ хватается за все, гдѣ еще сохранилась непосредственность быта, гдѣ есть остатки жизни, или другими словами (*чего онъ самъ не сознаетъ*), *гдѣ начало органическое не успѣло еще совершить логическій процессъ своего развитія*. Такъ напр. онъ чуть-чуть не гордится тѣмъ, что въ Германіи еще есть мѣста, гдѣ живутъ въ курныхъ избахъ! Радость его законна и понятна. Эти курныя избы

имѣютъ, конечно, будущность, т. е. запасъ жизни, запасъ лѣтъ впереди. Но Риль не понимаетъ, что эти избы совершаютъ тотъ же логическій процессъ развитія, какъ и прежнія избы, логическимъ путемъ дошедшія до казармы, до современныхъ зданій. Риль не понимаетъ, что идеи *семьи* и *дома*, внѣ быта непосредственнаго, требуютъ высшей, сознательной, нравственной основы, почвы религіозной, которой не можетъ создать ни католицизмъ, ни протестантизмъ, и которая, если и существуетъ еще въ германскомъ обществѣ, то только какъ явленіе непосредственное, какъ непослѣдовательность благородной человѣческой природы. — И такъ Риль, поймавши органическое начало, изучаетъ его явленія и законы, возвѣщаетъ ихъ германскому міру и требуетъ, чтобы общество освѣжилось ими, возвратилось къ нимъ и укрѣпилось въ нихъ процессомъ сознанія. Силы, охраняющія это органическое начало, котораго выраженіемъ является вообще die Sitte,—это простой народъ и аристократія.— Онъ идетъ такъ далеко, Риль, что серьезно мечтаетъ въ своихъ книгахъ о томъ времени, когда опять улицы всѣ будутъ кривыя, а дома стоять бокомъ, а не фасадомъ къ улицѣ, по древнему германскому обыкновенію!—Все это построеніе очень замѣчательно и, безъ всякаго сомнѣнія могло бы современную германскую жизнь и Social-politick освѣжить притокомъ коренныхъ народныхъ началъ, придать ей силы и здоровья на многое число лѣтъ. Но отъ вниманія Риля и нѣмцевъ вообще ускользаетъ именно то, что современное общество есть логическій результатъ прежняго, что современная жизнь есть именно то самое органическое начало, только дошедшее до своего крайняго развитія; что то же зерно принесетъ тѣ же плоды; что наконецъ—крѣпость первоначальныхъ отпрысковъ этого зерна въ исторіи обусловливается цѣльностью религіозной жизни, и въ этомъ отношеніи католицизмъ былъ безконечно могущественнѣе протестантизма, разъединяющаго общину, выдвинувшаго начало личности и убившаго живое начало соціальной жизни, доведшаго Германію до той абстрактности, которая въ настоящее время составляетъ ея славу и болѣзнь. — Возвращаюсь къ Рилю. Какъ нѣмецъ вообще—онъ совершенно удовлетворился своимъ построеніемъ, и что именно какъ-то непріятно въ

немъ—это совершенное удовлетвореніе, успокоеніе и самодовольство. Сначала, когда я читалъ первыя его двѣ книги, я воображалъ, что ему нужно и интересно знать начало славянской общины. Нисколько. Онъ вполнѣ удовлетворяется тѣмъ германскимъ началомъ, котораго живую непосредственность онъ еще нашелъ въ современномъ германскомъ народѣ. Нашелъ луковицу и воображаетъ, что это что - нибудь особенное, отличное отъ того дерева, котораго тѣнь оказывается такою убійственною! Можешь вообще вообразить, какъ онъ дорожитъ всѣмъ непосредственнымъ въ народѣ и готовъ былъ бы обратить его въ conserve!—Само собою разумѣется, я не старался разрушать его вѣрованія и вообще не пытаюсь лишать нѣмцевъ надежды на спасеніе; только задаю имъ вопросы; но заслыша въ моихъ вопросахъ присутствіе arrière—pensée, они приходятъ въ тревожное, смущенное, а иногда и въ раздраженное состояніе. — Во всякомъ случаѣ Риль, —съ своимъ исканіемъ и удовлетвореніемъ—очень интересное явленіе для исторіи германскаго общества и вполнѣ оцѣнено и понято можетъ быть только нами. Я думаю, я вѣрно передалъ квинт. - эссенцію Риля, вѣрнѣе, чѣмъ онъ самъ бы.—Вообще внутреннее состояніе Германіи очень интересно для наблюденія и не только интересно, но поучительно; вдумываться и вглядываться въ него также, или еще болѣе плодотворно, чѣмъ чтеніе иного философа. Жаль, что я не могу ничего сообщить Алексѣю Степановичу о современныхъ усиліяхъ протестантизма создать церковь «народную». Здѣсь въ католической странѣ мало объ этомъ знаютъ, да и вообще здѣсь въ Германіи все Fachmänner: юристъ считаетъ себя въ правѣ ничего не вѣдать по части другихъ вопросовъ и наукъ, эстетикъ не знаетъ вопросовъ права и т. д.

Новыхъ стиховъ я не написалъ, и, вѣроятно, не напишу. Не пишется. Этому причиной отчасти попытка подчинить себя часовой дисциплинѣ, т. е. работать по часамъ то тѣмъ, то другимъ. Это до такой степени не въ моей природѣ, что этимъ способомъ—я убѣдился—всякое занятіе для меня безплодно.—Какъ бы то ни было, но не желая терять много времени, я назначилъ было себѣ извѣстный часъ для стихотворствованія и—разумѣется—въ назначенный часъ ничего

не могъ писать. Да и не одни стихи безъ одушевленія, безъ погруженія *всего себя* въ какой-либо трудъ, я рѣшительно ничего не могу производить. Какъ ни ломалъ себя въ другую сторону—толку не вышло. Передо мной все же, какъ привидѣніе, возстаетъ порою вопросъ: что же я буду дѣлать, по возвращеніи въ Россію, и чѣмъ я буду зарабатывать себѣ деньги. Грустно, что доживя до этихъ лѣтъ, я еще долженъ себѣ дѣлать такіе вопросы, и еще грустнѣе, что и отвѣта имъ не находится. — Прощай, обнимаю тебя. Къ нашимъ писать буду въ обычный чередъ. Кланяюсь Алексѣю Ст., Елагинымъ, Гилярову, Чижову, Бартеневу, Безсонову и проч.—Очень смѣшно разсуждаетъ Плещеевъ, бѣлокрупитчатый, о моихъ стихахъ. — А мнѣ очень жаль Арнольди. Онъ былъ мой сверстникъ, много у меня связано съ нимъ воспоминаній.—Все, что ты пишешь о праздникѣ Свѣтлаго Воскресенья, я очень хорошо понимаю и писалъ почти то же.—Получилъ письмо отъ Гильфердинга. Онъ пишетъ, между прочимъ, что не могъ допроситься вѣстей изъ Москвы, «потому что Вашъ братъ хранитъ упорнѣйшее молчаніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ». На это письмо отвѣчай уже въ Вѣну: я здѣсь дождусь только письма твоего и Кошелева о нѣмецкой Русской Бесѣдѣ, чтобы уже толкомъ устроить это дѣло.

14 Апрѣля 1860 г. Воскресенье. Мюнхенъ.

Получилъ я на нынѣшней недѣлѣ ваше письмо, милая Маменька, отъ 11 Апрѣля, съ приложеніемъ и Константинова письма, — но это письмо еще не отвѣтъ, котораго я жду, чтобы уѣхать отсюда. Ваши письма доходятъ ко мнѣ скорѣе, чѣмъ мои къ вамъ: вѣрно они лежатъ въ Варшавѣ и дожидаются почтоваго дня. Вы пишете, что Вѣра доѣздилась до простуды. Я надѣюсь, что это скоро пройдетъ, но вообще безпокоюсь о томъ, какъ то минуетъ у васъ предстоящая недѣля, съ поѣздками въ Симоновъ при дурной дорогѣ и холодной погодѣ. Въ памяти живѣе возобновляются всѣ событія прошлаго года со всѣми мельчайшими, неизгладимо врѣзавшимися подробностями. Я получилъ на дняхъ письмо отъ Гриши отъ 10-го Марта изъ Самары:

оно шло полтора мѣсяца. Можетъ быть, теперь онъ съ вами — если только пути земные и водяные позволили ему пріѣхать. — 15 Мая срокъ вашей квартирѣ. Я думаю, что вамъ не слѣдуетъ отклонять предложенія Погодина (если онъ точно уѣзжаетъ), т. е. на время лѣтнее только. — На зиму же оставаться тамъ нечего разсчитывать—онъ навѣрное зимою воротится. Я не вижу возможности *жить* вамъ въ Абрамцевѣ. Можно туда съѣздить, но жить тамъ—будетъ убійственно для здоровья сестеръ и парализуетъ всякую дѣятельность Константина, которая для него *обязательна*. Мнѣ предлагали напечатать первые три листа его грамматики въ одномъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ журналовъ. Разумѣется, это было бы очень хорошо и свидѣтельствовало бы, къ великому смущенію нашихъ русскихъ противниковъ, что нѣмцы признаютъ трудъ самостоятельнымъ и важнымъ для науки— если даютъ ему мѣсто въ обществѣ Зибеля, Ранке и проч. и проч. Но я не рѣшусь отдать прежде, чѣмъ Константинъ самъ провѣритъ переводъ, потому что переводчики плохи и не филологи.—Какъ меня огорчаетъ отставка Драшусова! Пожалуй, таже участь грозитъ и Гилярову. Что онъ тогда будетъ дѣлать! —Я рѣшительно не вижу впереди никакихъ оказій—до осени. Весну и лѣто я буду въ разъѣздахъ въ такихъ мѣстахъ, куда русскіе путешественники рѣдко заглядываютъ: въ Далмаціи, Сербіи, Кроаціи, Венгріи. На дняхъ здѣсь былъ пожаръ. Ночью, во 2-мъ часу, я только что раздѣлся и легъ въ постель, какъ услышалъ протяжный звукъ трубы или рога, въ родѣ того—какъ у насъ пастухи сзываютъ стадо. Я долго не могъ понять, чтобы это значило. Наконецъ стали звонить въ колокола, но не набатомъ, какъ у насъ, а какъ-то однозвучно—уныло. Я вскочилъ, увидалъ зарево, и хотя было довольно далеко отъ меня, но я пошелъ посмотрѣть, что такое нѣмецкій пожаръ, какъ горитъ нѣмецкій огонь. Ничего, очень смирный и разсудительный огонь. Пожарной команды въ настоящемъ смыслѣ здѣсь нѣтъ. При національной гвардіи есть разные снаряды, но пока добудятся бюргеровъ, служащихъ въ національной гвардіи, пока они одѣнутся въ свои мундиры, проходитъ не мало времени. Горѣло извощичье заведеніе—сарай, набитый сѣномъ, который весь и сгорѣлъ, но сосѣдніе дома, даромъ что ихъ

осыпало искрами, стояли совершенно благополучно и живущіе въ нихъ даже не суетились. Впрочемъ, дома всѣ каменные и крыши черепичныя. Народу (простаго) высыпало много, но помощи дѣятельной никто не оказывалъ. — Прочелъ въ Лондонской газетѣ всю исторію Головачевскаго процесса: возмутительно. А въ Петербургской газетѣ (Сѣв. Пчелѣ) прочелъ гнусную выходку противъ Хомякова, какъ предсѣдателя Общества. Еще возмутительнѣе, — одно объясняетъ другое. Чего же ожидать отъ такого гнуснаго общества!—Разумѣется, я вѣрю въ здоровье корня и почвы и готовъ признать необходимость: дать всѣмъ этимъ верхнимъ слоямъ время выгнить, но какова же будетъ (и есть) атмосфера во время этого процесса гніенія, каковы міазмы и испаренія! Многимъ они вредны, удушливы, убійственны! — Видѣли ли вы новыя деньги и какъ они приняты — имѣютъ ли ходъ? Изъ указа я ничего толкомъ не понялъ. Чижовъ вѣрно вамъ все объяснилъ.—Прощайте, милая моя Маменька, пожалуйста берегите себя, о томъ же прошу Константина, Вѣру, Олиньку и всѣхъ сестеръ. Да подкрѣпитъ васъ Богъ въ эти тяжелые дни.

1860 г. Апрѣля 18. Мюнхенъ.

Я получилъ письмо Ваше, милая моя Маменька, и приписки всѣхъ милыхъ сестеръ и отвѣчаю на Ваше привѣтствіе.—Во истину воскресе! (Константину я уже отвѣчалъ). Всѣ вами испытанныя ощущенія при встрѣчѣ праздника я зналъ заранѣе или угадалъ вполнѣ вѣрно. Очень досадно, что безобразіе Московскихъ путей сообщенія мѣшаетъ вамъ съѣздить въ Симоновъ. Вѣрно Апрѣль у васъ также холоденъ, какъ и здѣсь, т. е. — относительно. Здѣсь луга и деревья уже покрываются зеленью, но какъ-то незамѣтно, потому что настоящаго дыханья весны не было слышно; не было ни одного теплаго, въ полномъ смыслѣ, дня. Мнѣ очень жаль Арнольди, я не думалъ, чтобы такъ скоро болѣзнь его разрѣшилась смертью, я думалъ, что это протянется еще. Онъ былъ очень милый и добрый человѣкъ, у насъ много было общихъ воспоминаній по Калугѣ, мы писали другъ другу часто шуточныя посланія. Кажется, отецъ его еще

живъ и сенаторствуетъ въ Петербургѣ, не смотря на то, что ему уже лѣтъ 30 какъ отрѣзали ногу выше колѣна. Конечно, ни Константинъ, ни я не подписались бы за сѣченіе, и вовсе не изъ трусости *). Какихъ бы ни вымышлялъ умъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится предъ внутреннимъ простымъ чувствомъ, осуждается простотою сердца. Достаточно взглянуть или написать слова: *за сѣченіе*, чтобы противорѣчіе всего внутренняго вашего существа обличило хитрость діалектическихъ доказательствъ. Становится—просто невозможнымъ — подать голосъ *за* розгу. Я очень радъ, что Константинъ съ своей стороны письменно и въ области отвлеченно — логической протестовалъ противъ сѣченія. Слѣпцы, слѣпцы! Какой ложный разсчетъ: чтó они выиграли? Предупрежденіе нѣсколькихъ частныхъ случаевъ неповиновенія, но эта выгода уничтожается тѣмъ нравственнымъ вредомъ, который наносится обществу, тѣмъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства, которое истекаетъ отъ возведенія въ почетное званіе, отъ разумнаго признанія и узаконенія побоевъ. Наконецъ, утрата вѣры общественной въ человѣка, развѣ—не страшный вредъ обществу?—О «Маріи Египетской» я уже писалъ Константину. Прошу ее въ ходъ не пускать; я думалъ, что ея ни у кого нѣтъ. На этой недѣлѣ, да еще и теперь я очень былъ занятъ поправкой перевода Константиновой грамматики. По нѣмецки вышло 17-ть мелко исписанныхъ большихъ листовъ; разумѣется переводчикъ вполовину не понялъ (и изъ природныхъ-то русскихъ нѣмцевъ немногіе, т. е. настоящимъ образомъ: для перевода же требуется совершенное пониманіе всего внутренняго, не одного внѣшняго смысла). Сверхъ того—переводчику незнакома терминологія нѣмецкая—философская и филологическая. Поправивъ или отмѣтивъ съ своей стороны всѣ неточности перевода, я отношу это къ Боденштедту, который вновь перечитываетъ и сличаетъ переводъ вмѣстѣ со мной. Но и ему недостаетъ вполнѣ нужныхъ свѣдѣній. Такъ какъ есть основаніе предполагать, что Константинъ во многихъ мѣстахъ думалъ по нѣмецки или переводилъ мысленно себѣ на нѣмецкій языкъ и тѣмъ успо-

---

*) Относится къ мнѣнію Редакціонной Коммиссіи.

коивалъ свою философскую совѣсть (ибо въ русскомъ языкѣ слово слишкомъ живо, т. е. жизненно, сочно, пахуче, свѣжо, и философское опредѣленіе по-русски будто и не глядитъ настоящимъ опредѣленіемъ, такимъ, какимъ оно является въ тощемъ, худомъ, механически — логическомъ нѣмецкомъ языкѣ), —вслѣдствіе всего этого, этотъ переводъ, по исправленія, пришлется Константину: пусть онъ свѣритъ его *аккуратно*, т. е. попроситъ сестру читать ему русскій подлинникъ, а самъ глядитъ въ нѣмецкую тетрадь.—Я признаюсь, думалъ сначала, что философская часть его грамматики (разумѣется, кромѣ примѣненія къ русскому языку и русской грамматикѣ) есть если не повтореніе, то отзвукъ уже извѣстныхъ нѣмцамъ теорій и можетъ быть не представитъ нѣмцамъ много новаго, тѣмъ больше, что самъ Константинъ не слѣдитъ за ходомъ нѣмецкой филологической литературы. Я хотѣлъ знать современную точку зрѣнія нѣмцевъ—и мнѣ указали на книгу, которой заглавіе выписываю для Константина: Grammatik, Logik und Psychologie, Ihre principien und ihre Verhältniss zu einander von Dr H. Steinthal, Berlin, Verlag von Ferd Sämmler, 1855. Я и самъ прочелъ положительную (не критическую) часть книги. Если по этой книгѣ я долженъ судить о современномъ состояніи нѣмецкой философской мысли въ области филологіи—то съ радостною гордостью признаю, что мы, русскіе, переросли нѣмцевъ цѣлою головою, и что Константинова грамматика, весь ходъ и строй его философско-филологической мысли, несравненно глубже, стройнѣе, строже и новѣе. Не знаю, хватитъ ли у нѣмцевъ добросовѣстности сознаться въ этомъ. Они будутъ говорить, можетъ быть, что элементъ поэтическій, тутъ присущій, неприличенъ наукѣ и не захотятъ признать истины не облеченной въ педантически-школярную форму.—Интересно современное состояніе мысли философской въ Германіи. Теперь вообще у нѣмцевъ въ модѣ нападать на Гегеля, глумиться надъ нимъ, да и вообще надъ метафизикой. Что философія въ Германіи пришла къ противорѣчію и ничего не доказала—это они сознаютъ всѣ, и съ сердцовъ опрокинулись на нее съ озлобленіемъ, но вмѣсто того, чтобы изъ этой несостоятельности философіи вывести извѣстный результатъ,—они бросились въ матеріализмъ, и хотя не всѣ рѣ-

шаются признать себя матеріалистами и даже видятъ его логическую же несостоятельность, тѣмъ не менѣе ужасно много толкуютъ о Naturwissenschaft и Naturforschen, и вносятъ эту точку воззрѣнія и пріемы въ области наукъ отвлеченныхъ, между прочимъ и въ филологію. Отъ этого происходитъ невообразимая путаница. Я, мало читавшій чисто философскихъ книгъ, былъ пораженъ этою путаницею, этою чисто внѣшнею, механическою логикой. Это все отражается въ господинѣ Штейнталѣ, который выступивъ очень громко подъ знаменемъ Naturwissenschaft, нападая дерзко на прежнихъ философовъ и на филолога Беккера, самъ постоянно обрывается и соскакиваетъ съ своего основанія. Почитатель какого-то знаменитаго Гербарта, онъ однако не отваживается вполнѣ съ нимъ согласиться, и на страницахъ 50-ти оспариваетъ, но не рѣшительно, его мнѣніе о томъ, что душа животнаго и человѣка тождественна; разница въ устройствѣ тѣла, и будь у животныхъ руки и наше горло, то они бы себѣ заговорили, какъ и люди, которые себѣ языкъ сочинили! — Какъ филологъ, Штейнталь не можетъ этого допустить *вполнѣ* (!), но, стараясь придерживаться чисто физическаго толкованія, тѣмъ не менѣе опредѣляетъ языкъ, какъ «переходъ души въ духъ и das Bewusstsein des bewussten, т. е. des Empfindens, des Gefühles (?!) и всѣхъ физическихъ ощущеній, передаваемыхъ механически—внѣшнимъ созерцаніемъ. Вышла путаница и колобродство около Константинова опредѣленія». Извините, милая маменька и сестры, что я васъ подчую такими неинтересными вещами, но пришлось къ слову,—и это назначается собственно для Константина. А на нѣкоторыя вещи онъ напалъ вѣрно и согласно съ Константиномъ, отчасти о буквѣ *i*. — Пишите мнѣ теперь въ Вѣну, poste restante. Я здѣсь жду только отвѣта Константина и Кошелева объ изданіи нѣмецкой русской Бесѣды, чтобы уже толкомъ покончить дѣло. Потомъ, отправлю большую часть вещей и книгъ на сохраненіе къ Рихтеру въ Лейпцигъ и поѣду въ Вѣну, откуда уже предприму тяжелое и трудное путешествіе. Оно тяжело и трудно во-первыхъ какъ странствованіе изъ мѣста въ мѣсто въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, во-вторыхъ потому, что аккуратность полученія извѣстій объ васъ нарушится и я подолгу ничего

не буду знать о васъ и о Россіи, въ-третьихъ потому, что требуетъ усиленныхъ занятій Славянскими нарѣчіями и исторіей—лѣтомъ.—Въ Le Nord я прочелъ объ уничтоженіи Окружныхъ Правленій.—Меня теперь заботитъ мысль, гдѣ-то вы будете лѣтомъ. Я бы съ своей стороны желалъ, въ видахъ здоровья васъ всѣхъ, — чтобы вы жили въ сухомъ мѣстѣ, около Москвы. Прощайте, будьте здоровы и берегите себя. Кланяюсь всѣмъ друзьямъ и знакомымъ.

Съ 29-го на 30-е Апрѣля, ночь—1860 г. Мюнхенъ. Годовой день кончины Сергѣя Тимоѳеевича.

Я тоже не сплю здѣсь въ эту ночь, милая моя Маменька, и переношусь всею душею къ вамъ и со всѣми вами во всѣ событія, во всѣ малѣйшія подробности, прошлогодней ночи. Какъ они живы, какъ близки всѣ! и въ то же время какъ странно и страшно и грустно подумать, что цѣлый годъ отдѣляетъ и отдаляетъ насъ отъ этого событія. Еще ужаснѣе кажется теперь все при отчетливомъ воспоминаніи, чѣмъ тогда, въ самую минуту оглушительнаго удара. Но если Богъ далъ вамъ, Константину и милымъ сестрамъ, далъ силы все это перенести, значитъ—велѣлъ перенести и пережить,—и къ моей теперь молитвѣ объ упокоеніи милаго Отесиньки, нераздѣльно связана молитва о Вашемъ здоровьѣ и вашихъ силахъ. Вы стали намъ еще нужнѣе, еще дороже, милая Маменька. У меня здѣсь оба портрета Отесинькины, но въ памяти моей живетъ постоянно одинъ живой образъ, съ такимъ мирнымъ и ярко—свѣтлымъ внутреннимъ выраженіемъ, сіяющимъ такимъ свѣтомъ, изнутри исходящимъ (какъ это есть отчасти и на первой фотографіи — съ живаго), что многое мигомъ мнѣ становится ясно, мирно разрѣшается, и самъ я согрѣваюсь душевно и становлюсь въ теплое отношеніе къ жизни. Я знаю, что Константинъ относится иначе и стоитъ въ отрицательномъ, разрушительномъ отношеніи къ жизни, я не думаю ни спорить съ нимъ, ни упрекать его, но мнѣ кажется, что онъ мало вникаетъ въ духовность земнаго поприща Отесиньки на землѣ; но не даромъ же душа была именно такая и дѣлала дѣло души на землѣ, которое осталось, оставило слѣдъ и такъ сказать все

свое благоуханіе — и конечно не даромъ, а для живущихъ на землѣ, и ея дѣйствіе на насъ есть продолженіе ея дѣла. — Но прощайте, я всегда очень воздержанно говорю и пишу вамъ объ этомъ обо всемъ, но теперь въ эту минуту мнѣ хотѣлось сблизиться съ вами еще ближе письмомъ, мнѣ хочется только обнять васъ и поцѣловать ваши ручки, милая Маменька, и попросить васъ въ *эту самую минуту* беречь себя и свое здоровье и объ этомъ же попросить Константина и всѣхъ моихъ милыхъ добрыхъ сестеръ, которымъ, Богъ знаетъ, какъ хотѣлось бы мнѣ быть полезнымъ, но и не придумаю какъ. Завтра въ греческой церкви отслужу на греческомъ языкѣ панихиду. — На дняхъ же напишу вамъ письмо обычнымъ порядкомъ. Господь съ вами.

1860 г. 4-го Мая. Мюнхенъ.

Въ послѣдній разъ пишу Вамъ изъ Мюнхена, милая Маменька и милыя сестры! послѣ завтра отсюда уѣзжаю. Я бы уже давно уѣхалъ; весна почти совсѣмъ проходитъ, но хотѣлось устроить толкомъ начатое предпріятіе, и я дожидался письма отъ Алекс. Ив. Кошелева (на счетъ нѣмецкой Русской Бесѣды). Но письма, къ удивленію моему, нѣтъ, и если и завтра не придетъ, то дольше дожидаться не стану. Къ сожалѣнію и изъ Константинова отвѣта, который я получилъ вмѣстѣ съ вашимъ отъ 18 Апрѣля, не видно—показывалъ ли онъ, какъ я его просилъ, мое письмо (съ перечнемъ статей) Кошелеву. Очень мнѣ хотѣлось знать поскорѣе — на что вы рѣшились, приняли ли предложеніе Погодина. Константину, конечно, было бы очень хорошо съѣздить къ Славянамъ, но самъ онъ ничего объ этомъ не пишетъ, и потому я считаю, что это только такъ, одно предположеніе, по крайней мѣрѣ теперь. Точно также несбыточнымъ кажется мнѣ и желаніе сестеръ провести зиму въ Гейдельбергѣ, хотя по правдѣ сказать, во многихъ отношеніяхъ это было бы благоразумно. Жить не дорого въ Германіи, но доѣхать большой семьѣ очень дорого. Впрочемъ, все вмѣстѣ, конечно, не превысило бы московскихъ расходовъ. Если бы, впрочемъ, такое намѣреніе состоялось, то я бы явился къ вамъ на границу, чтобы проводить васъ

и устроить.—Очень радъ, что Погодинъ женился на Софьѣ Ивановнѣ; этому слѣдовало быть давно, оно и случилось.— Досадно будетъ, если и отъ васъ не придетъ письмо ни нынче, ни завтра; пока перешлютъ его въ Вѣну, пройдетъ нѣсколько времени. Не устроитъ ли дѣла какъ-нибудь Чижовъ? Я очень бы не желалъ, чтобы вы уѣхали въ Абрамцево. Самое лучшее было бы нанять нѣчто въ родѣ Троекурова, хотя бы поменьше.—Я потому пишу вамъ нынче позже обыкновеннаго, что ѣздилъ за городъ смотрѣть крестьянское житье, вмѣстѣ съ Боденштедтомъ, и очень доволенъ своей поѣздкой. Черезъ часъ ѣзды отъ Мюнхена начинаются горы, Баварскія Альпы или Баварскій Тироль. По желѣзной дорогѣ доѣхали мы до Holzkirchen, деревни; оттуда въ Stellwagen доѣхали до города Miessbach, оттуда съ почтовымъ шарабаномъ до Schliersee, озера, лежащаго въ горахъ, — и при немъ деревня того же имени. Я вынесъ очень пріятное впечатлѣніе и очень доброе мнѣніе о самомъ народѣ. Я нашелъ, что простой народъ гораздо умнѣе и живѣе нѣмцевъ образованныхъ, имѣетъ много такъ называемаго Mutterwitz (кореннаго остроумія), бодръ, веселъ, добръ и очень религіозенъ. Мы остановились въ Schliersee у одного богатаго крестьянина, провели у него вечеръ, тамъ ночевали. Я вездѣ рекомендовался имъ, какъ русскій, и вездѣ встрѣтилъ самое радушное гостепріимство. Вообще въ Германіи, а здѣсь въ особенности народъ въ высшей степени учтивъ и привѣтливъ. Въ сельскихъ дорогахъ то и дѣло приходится снимать шляпу и отвѣчать на поклонъ проходящихъ, на ихъ привѣтствіе: Grüss Gott! Все равно, къ кому бы ни относилось оно, къ барину или къ крестьянину, тутъ нѣтъ различія. Впрочемъ и въ Мюнхенѣ обычай раскланиваться со всѣми во всякомъ общественномъ мѣстѣ, даже въ кофейной, уходя и приходя. Въ этомъ отношеніи совершенный контрастъ съ Англіей, гдѣ никому нѣтъ до другаго дѣла. Я очень люблю вообще сельскіе трактиры здѣсь; хозяинъ и работники и служанки составляютъ, если не одну семью, такъ одинъ домъ; они мигомъ чувствуютъ, имѣютъ ли дѣло съ городскимъ насмѣшникомъ или добрымъ человѣкомъ; и хозяинъ и хозяйка и Knecht и Magd. (тутъ же при хозяинѣ) протягиваютъ вамъ руку, жмутъ ею вашу, говоря Grüss

Gott, и дѣвчонка, моющая посуду гдѣ-нибудь въ углу двора, тоже кричитъ вамъ Grüss Gott, когда вы выходите. — Домъ крестьянина, гдѣ мы были, можетъ служить типомъ домовъ богатыхъ крестьянъ-собственниковъ. Въ верхнемъ этажѣ чистыя, нежилыя комнаты, съ парадными постелями, придаными шкапами и сундуками, образницами, образами и проч. (Подобное у богатыхъ мужиковъ торговыхъ въ Ярославской губ.); семья живетъ обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, гдѣ главную роль играетъ Wohnstube: тутъ ѣдятъ и сидятъ и гостей принимаютъ, но не спятъ. Въ Wohnstube самое почетное мѣсто занимаетъ die Mutter дома, съ прялкой. Также лавки по стѣнамъ, также образа и распятіе въ углу и у этого угла столъ, за которымъ ѣдятъ; ѣдятъ и хозяева и работники и служанки вмѣстѣ изъ одной чаши или миски, оловянными ложками, (разумѣется, салфетокъ и тарелокъ нѣтъ). Это все, какъ у насъ, только чище. Увидавъ, что они садятся за ужинъ, я сѣлъ вмѣстѣ съ ними. Передъ каждой ѣдой (а ѣдятъ они разъ до 5 въ день) младшая работница читаетъ (по нѣмецки) молитвы; вставъ изъ-за стола — тоже и довольно длинно (и Отче нашъ и Богородицу). Ужинъ состоялъ изъ жидкой каши съ поджареннымъ лукомъ, а потомъ изъ кипяченаго молока съ хлѣбомъ: очень вкусно. Они не только меня не дичились, но очень весело пустили въ свою среду, и я за ужиномъ разсказывалъ имъ про нашихъ крестьянъ, про наши сходки, общинное владѣніе, разверстку податей, единогласіе и т. д. Они поняли это все гораздо быстрѣе, чѣмъ ученые нѣмцы. Особенно же Кнехтамъ понравилось поземельное общинное владѣніе и способъ уплаты податей, а хозяину-собственнику не понравилось! (Вообще, гдѣ нѣтъ поземельной общины, собственникъ консерваторъ, а кнехтъ революціонеръ, пока не сдѣлается самъ собственникомъ. Впрочемъ, въ Германіи, особенно въ Баваріи, гдѣ еще просторно и просто, и сильна религіозность—это слабѣе). Хотя у горныхъ Баварцевъ (мы были въ горной части) нарѣчіе особенное, но они всѣ хорошо понимаютъ городской нѣмецкій языкъ и принаровливались къ нему въ своихъ отвѣтахъ.—Надо впрочемъ вспомнить, что всѣ умѣютъ читать и писать. Сейчасъ получилъ еще письмо отъ васъ, отъ 25 Апрѣля и не могу придти

въ себя отъ удивленія. Милая Маменька пишетъ, что Константинъ уже публиковался въ газетахъ,—событіе довольно важное, и никто изъ сестеръ, приписывающихъ (Наденька и Любинька)—ни слова объ этомъ. Константинъ также ничего не пишетъ! А мнѣ вѣдь все это очень *нужно* знать: куда онъ ѣдетъ, какъ ѣдетъ, гдѣ мы съ нимъ встрѣтимся? Я бы, можетъ быть, оставилъ бы въ сторонѣ иныя земли, предоставивъ ему ихъ посѣтить, а самъ налегъ бы на другія, на Венгрію напр. А то можетъ случиться, что мы можемъ быть въ одно время въ городѣ, не зная другъ о другѣ или посѣщать мѣста одинъ за другимъ, не зная этого, къ великому смущенію и удивленію Славянъ. Думаю, что такъ поѣдетъ (если уѣзжаетъ, не очень надолго): изъ Варшавы—въ Бауценъ, черезъ Дрезденъ въ Прагу, оттуда въ Вѣну, изъ Вѣны по Дунаю внизъ въ Бѣлградъ, изъ Бѣлграда по Дунаю въ Болгарію, въ Турцію (не забыть, что въ Варнѣ Рачинскій, который можетъ быть ему очень полезенъ). До Варны можно ѣхать моремъ; моремъ же въ Константинополь, оттуда пожалуй на Аѳонъ, въ Македонію, а оттуда моремъ въ Аѳины, изъ Аѳинъ моремъ въ Одессу. Въ первомъ германскомъ городѣ онъ долженъ купить Hendschel's Telegraph (36 крейцеровъ), гдѣ обозначены отходъ и приходъ и цѣны каждаго поѣзда (желѣзной дороги, пароходовъ и дилижансовъ) во всѣхъ городахъ всей Европы безъ исключенія. Для экономіи можно иногда путешествовать и въ 3-мъ классѣ (на желѣзной дорогѣ), какъ и я намѣренъ дѣлать. Лѣтомъ тамъ очень пріятно. — Но на пароходѣ надо въ 1-мъ классѣ. Свой же маршрутъ, составленный еще мною съ Гильфердингомъ въ Москвѣ, я прилагаю особо. Впрочемъ, можетъ быть въ Вѣнѣ его придется измѣнить.—Значитъ, я не пошлю ему теперь (долженъ былъ послать Боденштедтъ безъ меня) переводъ его грамматики?... А можетъ онъ бы еще засталъ его. Какъ это, право, ничего не пишутъ подробно сестры. Прошу милую Надичку описать мнѣ все подробно. Ну теперь Гришинъ пріѣздъ будетъ кстати. Все же у васъ будетъ мущина въ домѣ. Въ какихъ вы суетахъ и хлопотахъ, милая моя Маменька. Гдѣ-то вы будете жить? Если бы не было такъ для васъ во всѣхъ отношеніяхъ безпокойно, неудобно и тяжело путешествіе, я бы

звалъ за границу и васъ, милая Маменька, но по совѣсти не могу этого сдѣлать. — Очень мнѣ жаль, что было прочтено мое вступленіе къ «Маріи Египетской».—Понятно, что не хлопали. Конечно, мое письмо еще не было получено, но мое мнѣніе объ немъ было извѣстно, и можно было догадаться самому Константину и Ал. Степ., что читать не слѣдуетъ. Я бросилъ писать эту поэму, между прочимъ, потому, что призналъ весь родъ подобной поэзіи ложнымъ, а теперь заставили публику думать, что я имѣю намѣреніе написать поэму въ этомъ ложномъ родѣ, въ родѣ Іоанна Дамаскина, Толстаго. Тогда какъ эта попытка моя была сдѣлана 14 лѣтъ тому назадъ!—Такихъ непоэтическихъ выраженій, какъ *отрывать отъ случайности земной*, такихъ нескладныхъ стиховъ, какъ цѣлыя двѣ или три послѣднія строфы, я себѣ въ настоящее время не позволилъ бы, да и прежде въ печать не выпустилъ бы.—Положительно прошу не печатать «Маріи Египетской».—Прощайте.

1860 г., Мая 10. Вѣна.

И въ Вѣнѣ не нашелъ я отъ васъ писемъ, милая Маменька, и изъ Мюнхена не шлютъ, и о поѣздкѣ Константина ничего не знаю, и не могу добиться отъ А. И. Кошелева отвѣта—согласенъ ли онъ на изданіе, мною затѣянное и дастъ ли на это деньги. Это очень досадно, потому что мнѣ хотѣлось пустить дѣло въ ходъ при себѣ въ Мюнхенѣ, подольше оставаться я не могъ. Здѣсь я не хотѣлъ бы ни въ какомъ случаѣ оставаться дольше недѣли,—но не хотѣлось бы мнѣ также пускаться и въ дальній путь, не получивши отъ васъ свѣдѣній. Изъ Мюнхена я выѣхалъ ранехонько утромъ по желѣзной дорогѣ до Траунштейна, оттуда съ возвращавшимся извощикомъ доѣхалъ до Рейхенгалля, и изъ Рейхенгалля въ тотъ же день въ Бергтесгаденъ, гдѣ и ночевалъ, и только на другой день вечеромъ отправился на извощикѣ же въ Зальцбургъ, гдѣ оставался не долѣе часу и продолжалъ всю ночь путь до станціи желѣзной дороги Frankenmarkt, откуда часовъ въ 7 утра поѣхалъ уже въ вагонѣ и вечеромъ въ воскресенье былъ въ Вѣнѣ. Черезъ мѣсяцъ надѣются окончить всю желѣзную дорогу отъ Вѣны

до Мюнхена. Здѣсь съ 1-го Мая (новаго стиля) стоитъ невыносимо жаркая погода; и какъ Мартъ и Апрѣль были холодны и весна запоздала, то зелень еще молода и свѣжа, и деревья, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, еще въ цвѣту. Словомъ природа на пути моемъ явилась мнѣ во всей своей красотѣ, и хоть я по прежнему люблю природу, но,—признакъ, что я старѣю, мнѣ теперь не довольно одному наслаждаться этими красотами, и дорого бы я далъ, чтобы показать это все сестрамъ: я съ своей стороны такъ много всего видѣлъ! Бергтесгаденъ, крошечный Баварскій пограничный городишка, лежитъ въ очаровательномъ положеніи, бѣлый, утонувшій въ зелени, окруженный горами, изъ которыхъ одна, Watzmann, имѣетъ 9000 футовъ надъ поверхностью моря и вѣчно покрыта снѣгами. Климатъ тутъ прездоровый. Я встрѣтилъ въ гостинницѣ одного господина, 80-ти лѣтъ, который живетъ здѣсь 10-ть лѣтъ, лазитъ на горы, и который очень простодушно говоритъ мнѣ, что «онъ теперь давно былъ бы умершимъ, если бы еще оставался въ Берлинѣ, откуда пріѣхалъ сюда».—Я ѣздилъ смотрѣть Königsee (часъ ѣзды отъ города). Это довольно узкое озеро между горами, съ разными заворотами. Я проплавалъ его вдоль и поперекъ, въ маленькой лодочкѣ съ двумя мальчиками—гребцами. Долженъ сознаться, что хотя лодка была крѣпкая и гребцы привычные, тѣмъ не менѣе я былъ радъ, когда окончилъ это плаваніе. Самое страшное плаваніе въ тихую погоду, когда вода какъ зеркало. Отраженіе девяти тысячефутовыхъ горъ съ снѣгами и водопадами въ водѣ, по лѣвую и по правую сторону узенькой лодочки, производило тоже дѣйствіе, какъ еслибы съ высоты смотрѣть внизъ: т. е. нервическое ощущеніе въ ногахъ и головокруженіе. Я однакожъ себя пересилилъ, но когда мы попадали на взволнованную струю воды, ничего подобнаго не испытывалъ. Я видалъ швейцарскія озера, но тѣ слишкомъ велики и широки, а это все, спертое горами, имѣетъ особенный характеръ ужасающей красоты: такъ оно глухо, дико, уединенно, особенно въ эту пору года. Очень странно видѣть отраженіе водопада въ водѣ, и это обратное движеніе изъ глуби на поверхность. Я сходилъ на берегъ смотрѣть одинъ водопадъ и долженъ былъ довольно высско взбираться,

чтобы подойти къ ущелью. Впечатлѣніе этихъ громадныхъ скалъ, этой пустынности, этого вѣчнаго рева вѣчно бѣшенаго потока—подавляющее, такъ что надо насильственнымъ образомъ себѣ напоминать, что человѣкъ могущественнѣе всѣхъ этихъ могучихъ силъ, что онъ скорѣе долженъ испытывать чувство гордости: захочетъ—и горы взорветъ и потокъ остановитъ и озеро засыплетъ (Голландцы у себя цѣлое море заперли, да вычерпали машинами!). Осматривалъ я также соляныя мины въ Бергтесгаденѣ и спускался туда въ глубь.— Зальцбургъ прекрасивый городъ, и я жалѣю, что не могъ оставаться тамъ дольше. Что эта за мука ѣхать въ знойный день по желѣзной дорогѣ, въ атмосферѣ каменноугольнаго дыма! Мюнхенъ кажется мнѣ теперь пустынею, въ сравненіи съ Вѣною, этимъ нѣмецкимъ Парижемъ. Безъ сомнѣнія, это самый оживленный городъ въ Германіи. Чрезвычайно противна эта нѣмецкая фривольность, служащая подножіемъ самому деспотическому и лукавому правительству. Если-бы видѣли, что это за кринолины. Опасно встрѣтиться съ дамой, потому что она такъ и сметаетъ васъ съ тротуара подъ ноги лошадямъ: здѣсь же ѣзда страшная, и улицы довольно узкія. Гостинницы набиты биткомъ по случаю открытія памятника Эрцгерцогу Карлу. Я же совсѣмъ про это забылъ, но пошелъ нынче смотрѣть это открытіе. Былъ огромный парадъ, войска въ великолѣпныхъ мундирахъ, зеленыя перья генераловъ издали представлялись клумбами,—императоръ, императрица, всякіе принцы и свита, публики стеченіе огромное. Но въ публикѣ я до сихъ поръ не замѣтилъ никакого политическаго безпокойства или думы. Видѣлъ двухъ Венгерскихъ магнатовъ въ ихъ красивыхъ и оригинальныхъ костюмахъ, совершенно черныхъ (Венгрія наложила на себя трауръ по случаю Сѣченаго), гордо и одиноко расхаживавшихъ по площади, не присоединяясь къ свитѣ. 4 милліона Венгровъ задаютъ Австрійскому правительству больше страха, чѣмъ 17 милліоновъ Славянъ! Къ сожалѣнію, возобновляется опять старая исторія, старая вражда между Маджарами и Славянами, и правительство, вѣроятно, этимъ воспользуется.—Съ деньгами здѣсь очень много потери, и жизнь здѣсь очень дорога; какъ и у насъ, серебра нѣтъ вовсе, однѣ бумажки, да мѣдныя деньги.—Но относительно паспортовъ и таможенъ

Австрія совершенно преобразилась. На пограничной таможнѣ передъ Зальцбургомъ меня вовсе не осматривали, и я самъ, тронутый такимъ галантерейнымъ обращеніемъ, на вопросъ офицера: «у васъ ничего нѣтъ?» отвѣчалъ: есть сигары и заплатилъ за нихъ пошлину. Тамъ же записали мой паспортъ и съ тѣхъ поръ у меня его не спрашивали. Не знаю, что будетъ дальше. Трудно теперь путешествовать по Славянамъ австрійскимъ; надо быть очень осторожнымъ: если не себя, такъ ихъ компрометируешь. Вы не повѣрите, какое комическое впечатлѣніе страха произвело на Европу поднятіе Россіею вопроса о положеніи христіанъ въ Турціи. Чего не пишутъ въ газетахъ! Видятъ въ этомъ связь съ экспедиціей Гарибальди! Наполеонъ будто бы устроилъ экспедицію Гарибальди, чтобы отвлечь вниманіе Австріи и Англіи, Россію надоумивъ принять сторону Славянъ въ Турціи, чтобы и ее занять и купить ея согласіе, а самъ займется Пруссіей и проч. и проч. Словомъ въ газетахъ только и рѣчи, что объ этомъ!— А между тѣмъ, я убѣжденъ, дѣло очень просто и почти случайно. Государь просто, по добротѣ сердца, тронулся положеніемъ Босніи, приказалъ Горчакову поступить извѣстнымъ образомъ и, вѣроятно, со всею добросовѣстностью хочетъ слѣдовать дипломатической программѣ. Я думаю, онъ совершенно далекъ отъ всякой мысли о войнѣ или о вооруженномъ вмѣшательствѣ. Но топоромъ не выбьешь изъ головы нѣмецкихъ политиковъ представленія о необычайномъ искусствѣ нашей дипломатіи. Они и теперь все охаютъ отъ удивленія, какъ Россія умѣла выбрать благопріятную минуту, чтобы возбудить восточный вопросъ. Поэтому теперь всякій частный путешественникъ русскій въ Славянскихъ земляхъ даетъ поводъ газетамъ видѣть въ немъ секретнаго дипломатическаго агента!—Здѣсь, въ канцеляріи посольства нашелъ я только письмо отъ Гильфердинга съ переводомъ извѣстной статьи Хомякова, и самую статью. Какія теперь интриги партій въ Бѣлградѣ,—просто, горько слышать!—Я началъ понемногу учиться по сербски.—Вы, конечно, удивитесь, что я пишу вамъ на голубой бумажкѣ, но я убѣдился, что писать поздно вечеромъ, какъ я обыкновенно дѣлаю на бѣлой глянцовитой бумагѣ—очень вредно для глазъ: совѣтую и вамъ всѣмъ принять это въ соображеніе.—Здѣсь, разумѣется, я тотчасъ по-

видался съ Раевскимъ, познакомился съ Кузмани (Словакъ, одинъ изъ сотрудниковъ Бесѣды); завтра долженъ познакомиться съ Балабинымъ, котораго всѣ русскіе очень хвалятъ.— Какъ мнѣ хочется знать поскорѣе, чѣмъ вы рѣшили и гдѣ проводите лѣто? Пожалуйста, пишите мнѣ, хоть такъ только, чтобы я могъ догадаться, съ *какой* оказіей, т. е. съ кѣмъ вы ко мнѣ что послали: тогда я приму свои мѣры, чтобы посылка до меня доходила исправно. Очень можетъ быть, что нѣкоторые и не останавливаются въ Лейпцигѣ.—Прощайте, милая моя Маменька и милыя сестры и милый братъ Константинъ. Авось либо завтра получу отъ васъ письмо. Будьте всѣ здоровы.

1860 г. Мая 15-го. Вѣна. Воскресенье вечеромъ.

Наконецъ получилъ я нынче отъ васъ письмо, адрессованное прямо въ Вѣну отъ 6-го Мая, милая моя Маменька. Я уже начиналъ безпокоиться,—хотя, кажется—между этимъ письмомъ, и письмомъ, полученнымъ мною въ Мюнхенѣ, нельзя предполагать еще письма, до меня недошедшаго. Впрочемъ, я не безъ основанія безпокоился. Вы были больны, милая Маменька, вы и теперь не совсѣмъ здоровы. Дай Богъ, чтобы лихорадка васъ поскорѣе оставила. Теперь, получивши отъ васъ письмо и не дождавшись отвѣта Кошелева на счетъ изданія нѣмецкой Бесѣды, я послѣ завтра или въ середу уѣзжаю изъ Вѣны. Здѣсь очень много Славянъ всѣхъ племенъ, и это очень интересно. Нынче былъ я у обѣдни и въ воскресенье былъ также, въ русской церкви. Она всегда набита биткомъ. Поразило меня множество бѣлыхъ австрійскихъ мундировъ—это Сербы изъ австрійской Сербіи. Посланникъ нашъ Балабинъ всегда бываетъ. Я познакомился съ нимъ, обѣдалъ у него,—онъ мнѣ очень нравится; человѣкъ живой и воспріимчивый, но, разумѣется, связанный по рукамъ и по ногамъ нашею политикой. Положеніе его здѣсь очень трудное. Нынче особенно эффектно было то, что во время служенія вошелъ въ церковь православный Епископъ изъ Буковины, и по обычаю, существующему у Славянъ и у Грековъ, не допустилъ пѣвчихъ пѣть «Вѣрую и Отче нашъ», а самъ громогласно про-

челъ ихъ по Славянски. Онъ единственный изъ австрійскихъ православныхъ Епископовъ, рѣшающійся посѣщать русскую церковь въ Вѣнѣ. У посланника встрѣтился я съ барономъ Торнау, знакомымъ Константина, который здѣсь живетъ въ качествѣ «военнаго агента», т. е. обязаннаго сообщать обо всѣхъ улучшеніяхъ и новыхъ военныхъ изобрѣтеніяхъ. Также еще встрѣтился съ однимъ знакомымъ мнѣ русскимъ, который прямо изъ Петербурга, гдѣ наканунѣ обѣдалъ у Тютчева и видѣлъ у него только что вышедшую Бесѣду. Говоритъ, что Тютчевъ чрезвычайно доволенъ моими стихами и читалъ ихъ самъ вслухъ всѣмъ послѣ обѣда. Мнѣ это очень пріятно. И такъ Константинъ положительно ѣдетъ, но вы опять мнѣ не пишете, когда именно, куда и на сколько времени. Тѣмъ не менѣе я уже возвѣстилъ здѣсь его будущій пріѣздъ. (Вотъ ему необходимыя наставленія: 1) Въ Вѣнѣ сейчасъ посѣтить Мих. Ѳед. Раевскаго, нашего священника: его *адресъ* (пусть онъ себѣ его запишетъ): *Wallfischgasse, 1020 3 Stock.* 2). Въ Вѣнѣ познакомиться съ Миклошичемъ (не очень ему довѣрять) и съ Кузмани (Словакъ, превосходнѣйшій человѣкъ). Съ остальными познакомитъ Раевскій. Милошъ безнадежно боленъ и, вѣроятно, скоро умретъ; но Сербія теперь отъ того не потеряетъ, всѣ очень довольны Михаиломъ, его сыномъ. — Старикъ Шафарикъ на дняхъ покусился на самоубійство, бросился съ моста въ рѣку, въ Прагѣ, но его вытащили. Это такъ огорчило Чеховъ, что они объ этомъ избѣгаютъ говорить. Дѣло въ томъ, что онъ уже давно боленъ и разстроенъ нервами; вообще все видѣлъ съ печальной стороны въ политическомъ отношеніи, а послѣднія разныя дѣйствія и выходки правительства австрійскаго его еще больше, окончательно привели въ отчаяніе, т. е. произвели въ немъ припадокъ холодной, бѣлой горячки. А что дѣлаетъ Австрія съ Галиціей! Правительство сочинило для русскихъ Галичанъ новую азбуку, предписало ее и *изгнало указомъ* букву *ъ*, *ы* и проч. Запрещено писать иначе, но Галичане лучше вовсе не хотятъ писать и печатать, чѣмъ принять казенную азбуку. Этотъ манёвръ Австріи долженъ предшествовать введенію латинской азбуки вмѣсто Кириллицы, о чемъ хлопочутъ Поляки и министръ Голуховскій! — Буря,

возбужденная въ здѣшнихъ газетахъ русскимъ предложеніемъ войти въ положеніе христіанъ въ Турціи, еще продолжается: каждый день появляются статьи самыя ругательныя, язвительныя и оскорбительныя. Я боюсь, чтобы русское правительство не испугалось этого шума и не стало бы вилять, идти на попятный дворъ, а объ этомъ уже возвѣщаютъ здѣшнія газеты. А мы не смѣй ругать Австрію!—Я прошу васъ, милая Маменька не переѣзжать въ Абрамцево. Съѣздить туда, конечно, надо будетъ для устройства разныхъ дѣлъ, но и только.—Письмо священника Вишенскаго очень хорошо: очень искренно и наивно и сквозь всю цвѣтистость семинарскаго слога передаетъ очень живо состояніе душевное крестьянъ. Это истинно утѣшительно. — Очень жаль, что Константинъ не исполнилъ аккуратно тогда моей просьбы показать письмо (съ перечнемъ статей) А. И. Кошелеву; а мое письмо къ нему или пропало или не застало его уже въ Москвѣ. Такъ то вся моя затѣя теперь остановилась. Этотъ переводъ дѣлается для общей пользы и знакомитъ Европу съ изданіемъ, дѣломъ самого Кошелева и даже съ его статьями; поэтому весьма естественно ему и Хомякову заплатить за него. Если же не хотятъ, то этого и не будетъ.— Если Константинъ привезетъ какія-нибудь книги для меня, то пусть сложитъ ихъ въ Вѣнѣ у Раевскаго. Я буду еще разъ въ Вѣнѣ проѣздомъ въ Моравію и Прагу.—Вотъ вамъ мой маршрутъ, который выпишите себѣ на особую бумажку. 18-го Мая выѣзжаю по желѣзной дорогѣ въ Лайбахъ (*Любляну*). Тамъ, и съ поѣздкою въ Клагенфуртъ (*Цѣловецъ*)— три дня. 22 Мая въ Тріэстъ—тамъ 23 и 24 го, 25-го Мая на пароходѣ въ Рагузу (*Дубровникъ*). Тамъ останусь дня три и проѣду въ *Каттаро* (дня два). Оттуда въ Черногорію. Полагаю на эту экскурсію *недѣлю*. Оттуда назадъ въ Каттаро и Рагузу и на пароходѣ въ Фіуме (заѣхавъ въ Полу)—дня четыре. Оттуда въ Загребъ (Аграмъ—Кроація)— дней *семь*. Оттуда въ *Бѣлградъ*. Такимъ образомъ, къ 20 іюня я буду въ Бѣлградѣ, гдѣ проживу недѣли три или мѣсяцъ. Прощайте, пожалуйста будьте здоровы и берегите себя.

26-го Мая. Тріестъ. Пятница, вечеръ.

Какъ мнѣ досадно и больно, милая Маменька, что я все не имѣю объ васъ положительныхъ извѣстій, ни о вашемъ здоровьѣ, ни о вашихъ рѣшеніяхъ на счетъ лѣта. Да и всѣ послѣднія письма были неудовлетворительны. Я надѣялся найти здѣсь письмо въ Тріестѣ, но не нашелъ, а переслали мнѣ сюда изъ Мюнхена письмо отъ Крузе, пущенное имъ на удачу; письмо очень дружеское. Онъ переѣзжаетъ въ Лондонъ. Я и не зналъ, что онъ былъ въ Москвѣ. Вотъ началось уже мое путешествіе по Словянамъ. Одну часть, т. е. Словенцовъ или Краину (Карніолію) я осмотрѣлъ. Вотъ вамъ перечень моего путешествія. Изъ Вѣны я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ на Тріестъ, но остановился въ Марбургѣ (въ Штиріи или Штейрмаркѣ) по совѣту Клуна (сотрудника Русской Бесѣды). Штирія, Каринтія, были первоначально населены Славянами большею частью, но теперь народонаселеніе почти все онѣмечилось. Въ Марбургѣ живетъ и по возможности работаетъ для народности довольно много ученыхъ Славянъ, большею частью изъ католическаго духовенства. Какой тутъ путанный и сложный вопросъ, какое странное положеніе. Здѣсь поддерживаютъ народность Славянскую католическіе аббаты, которые всѣ Славяне, говорятъ проповѣди по Славянски, издаютъ книги на Славянскомъ мѣстномъ нарѣчіи, но эти друзья народности, очень искренніе впрочемъ, въ тоже время въ слѣпотѣ своей ея злѣйшіе враги, потому что подрываютъ существенныя, внутреннія начала Славянства. Къ счастію въ Марбургѣ они плохіе католики (т. е. тѣ, съ которыми я познакомился). Я былъ встрѣченъ ими необыкновенно радушно, и такъ какъ дилижансъ въ Клагенфуртъ отходилъ только на другой день вечеромъ, то долженъ провести въ Марбургѣ цѣлыя сутки. Они просто встрепенулись при извѣстіи, что пріѣхалъ *урядникъ* «Паруса!» Это слово *урядникъ* значитъ у нихъ редакторъ. Я могъ и здѣсь и потомъ убѣдиться лично въ томъ огромномъ значеніи, какое долженъ былъ имѣть для нихъ Парусъ (котораго они ни одного нумера не получили, а знаютъ только одну программу). Вотъ и вчера здѣсь въ Тріестѣ я былъ въ здѣшней православной

церкви (Сербской), познакомился со священникомъ, и тотъ, не зная даже кто я, сталъ меня спрашивать— не знаю ли я причины, отчего прекратился Парусъ! Какъ нужна такая газета для нихъ,— живое слово изъ Россіи! Приходится отвѣчать, что и у насъ своихъ нѣмцевъ много. Марбургъ маленькій, уѣздный городочекъ, въ восхитительномъ мѣстоположеніи, среди Штирійскихъ Альпъ, и здѣсь люди нѣсколько свободнѣе.—Изъ Марбурга на другой день вечеромъ отправился я въ дилижансѣ въ Клагенфуртъ (по славянски Целовацъ), столицу Каринтіи. Природа здѣсь въ горахъ такъ постоянно очаровательна, что доходитъ даже до однообразія, можетъ даже утомить. Дороги (шоссе) вьются по горамъ и скаламъ. И горы всѣ съ Славянскими названіями! Но здѣсь все еще господствуетъ элементъ нѣмецкій. Въ Клагенфуртѣ издается Гласникъ Словенскій, и мнѣ надо было видѣть редактора и между прочимъ одного господина, который писалъ мнѣ еще въ «Славянскую контору» и просилъ прислать русскія прописи. Я ихъ купилъ въ Россіи и привезъ съ собою, но къ сожалѣнію его самого не засталъ въ городѣ. Но ему ихъ перешлютъ. Клагенфуртъ, или лучше сказать—тамошніе Славянскіе дѣятели произвели на меня совсѣмъ иное, грустное впечатлѣніе. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей—фанатикъ католикъ и австріецъ, съ которымъ мы и поспорили. Епископъ Сломшекъ, покровитель народнаго стремленія, на Словенскомъ нарѣчіи сочинилъ народныя молитвы объ обращеніи насъ въ католицизмъ. О причинахъ и послѣдствіяхъ такого отношенія католиковъ къ Славянской народности можно написать много, но я здѣсь распространяться не буду. Переночевавъ въ Клагенфуртѣ, на другой день рано утромъ въ дилижансѣ отправился я въ Лайбахъ (по слав. Любляна), столицу Краины, куда и пріѣхалъ вечеромъ въ 10-мъ часу. Это путешествіе было очень интересно. Въ каретѣ сидѣли купцы Чехи, которые были очень рады русскому и, зная хорошо страну, старались мнѣ все показывать. На границѣ между Каринтіей и Краиной дорога поднимается часовъ пять въ гору выше области снѣговъ и доходитъ до самой маковки. Я почти все время шелъ пѣшкомъ. Есть мѣста, гдѣ видны всѣ извороты шоссе, такъ что оно вьется въ 8 этажей, одинъ надъ другимъ! Вообще эти дороги, проложенныя Австріею,

просто чудо искусства и лучшее ея дѣло. Краина вся Славянская, сплошь, такъ что народъ почти вовсе и не понимаетъ нѣмецкаго языка, сохранилъ свою одежду и обычаи (большею частью праздничные и обрядные). Мужская одежда совершенно разнится, но женская совершенно напоминаетъ наши сарафаны, когда на плечи накинутъ платокъ. Народъ живѣе, бодрѣе, умнѣе и веселѣе нѣмецкаго. Постройка избъ напоминаетъ Польшу. Было воскресенье и мы встрѣчали множество народа. Я говорилъ съ ними и мы понимали другъ друга. Но здѣсь онъ не чувствуетъ себя угнетеннымъ, по крайней мѣрѣ не смотритъ такимъ и находится подъ вліяніемъ католическаго духовенства. Православныхъ тутъ нѣтъ никого. Нѣмецъ повторяетъ здѣсь Славянскія названія мѣстностей, не понимая ихъ смысла. Странно звучатъ въ ушахъ произносимыя безсознательно нѣмецкими устами названія, напр., горъ: Снѣжникъ, Триглавъ, Великій Верхъ, Острый Верхъ,—или напр. хоть предмѣстія города Лайбаха: «Шишка!» Лайбахъ уже сильно напоминаетъ вамъ близость Италіи и вообще югъ. Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ вообще все становится грязнѣе, небрежнѣе, безпорядочнѣе, лѣнивѣе въ образѣ жизни, и все краше и краше природа. Я составляю себѣ маленькій альбомъ Славянскихъ мѣстностей и народныхъ одеждъ и могу по возвращеніи васъ познакомить съ ними ближе. Меня обдало запахомъ бѣлыхъ акацій въ цвѣту. Такихъ густыхъ каштановыхъ аллей я нигдѣ не видалъ, какъ въ Лайбахѣ.—Тамъ я тотчасъ же отыскалъ редактора Словенской газеты Novice, и весь слѣдующій день мы ходили по городу и окрестностямъ, даже пѣсни Словенскія слышалъ я въ полѣ. Музыка очень хороша, но мало имѣетъ Словенской оригинальности. Желая щегольнуть цивилизаціей, одинъ изъ крестьянъ захотѣлъ меня непремѣнно поподчивать пѣснею въ честь Франца — Жозефа! Совершенно въ родѣ нашихъ солдатскихъ. И мнѣ на Волгѣ пѣли пѣсню про Паскевича! — Въ Лайбахѣ былъ принятъ я очень дружественно и многое узналъ о положеніи Славянства въ этомъ краю и о взаимномъ отношеніи партій. Какъ и вездѣ и всегда у Славянъ раздоръ и несогласіе, которымъ пользуется врагъ. — Не знаю, поѣдетъ ли Константинъ въ Лайбахъ. Въ филологическомъ отношеніи *Верхне*-Краинское

нарѣчіе въ высшей степени замѣчательно своею близостью къ великорусскому, такъ что Краинецъ легче понимаетъ русскаго, чѣмъ Чеха; даже ближе Сербскаго. У нихъ существуетъ полное *ы*, *л*; удареніе какъ и у насъ свободно перемѣняется и нерѣдко приходится на *послѣднемъ* слогѣ; фамиліи на *овъ* и проч. и проч. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и проч. Поразительна эта близость, сохранившаяся сквозь 8 вѣковъ нѣмецкаго владычества, при отсутствіи всякаго сношенія съ Россіей. Поэтому можно заключать, что это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ. На другой день утромъ, проведя въ Лайбахѣ слишкомъ сутки, пріѣхалъ я въ Тріестъ ввечеру. Станціи за двѣ блеснуло намъ Адріатическое море. Здѣсь у меня знакомый богатый сербскій купецъ, Опуичь. Въ самомъ Тріестѣ собственно дѣлать нечего, но я воспользовался этими днями досуга, чтобы записать обстоятельно въ дневникъ все, что я видѣлъ, привесть въ порядокъ свои замѣтки, а также прочитать кое-что о Далмаціи. Ибо я очень мало знакомъ съ топографіей и исторіей Славянскихъ земель, а я, безъ этихъ предварительныхъ знаній, хотя бы поверхностныхъ, рѣшительно не могу путешествовать. Пароходъ въ Далмацію отходитъ всего два раза въ недѣлю, и я завтра, въ полдень, отправляюсь. Въ первой книгѣ Бесѣды 1858 г. есть путешествіе въ Далмацію Ковалевскаго. Возьмите ее хоть у Чижова и просмотрите. До Рагузы пароходъ идетъ $2^1/_2$ дня. Въ Рагузѣ у меня добрый пріютъ у нашего консула Петковича, съ которымъ мы были въ перепискѣ дружеской и который самъ Болгаринъ происхожденіемъ. Буду вамъ писать тотчасъ по пріѣздѣ въ Рагузу. До Тріеста я большею частью съ Славянскими учеными и литераторами разговаривалъ, ради скорости, по нѣмецки (многимъ изъ нихъ нѣмецкій языкъ привычнѣе роднаго); въ Тріестѣ же нѣмецкій языкъ есть только языкъ офиціальный, господствующій же итальянскій. Съ Сербами говоря медленно и поддѣлываясь другъ подъ друга, объясняемся кое-какъ. Я еще не могъ научиться говорить по сербски. Въ Далмаціи въ городахъ всѣ также говорятъ по итальянски, но народъ по славянски. Здѣсь въ Истріи (Тріестъ главный городъ полуострова Истріи) народонаселеніе также сплошное Славянское и сплошное католическое,

за исключеніемъ деревушки *Парой*, въ которую православную церковь прислалъ, стараніями Чижова, Голубковъ, такое богатое украшеніе. Вчера былъ здѣсь fête Dieu и по этому случаю молебствіе на площади и огромная процессія. Народъ, особенно *бабы* (такъ и здѣсь говорятъ) во множествѣ пришли изъ окрестностей, съ цвѣтами въ рукахъ, многія и съ восковыми свѣчами, которыя и несли зажженными. Странно было мнѣ слышать, какъ многія изъ нихъ хоромъ пѣли однообразнымъ напѣвомъ: Просимъ, просимъ,

Моли Бога за насъ!

Это въ католической процессіи!—Новостей о Гарибальди и здѣсь никакихъ вѣрныхъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя вѣрно дошли и до васъ. Всѣ газеты пишутъ, что русское правительство сильно негодуетъ и протестуетъ. — Если вы, къ моему великому смущенію, переѣзжаете въ Абрамцево, то распорядилась ли Любинька на счетъ пересылки газетъ. Она имѣетъ право требовать пересылки не прибавляя ничего.—Такъ, право, досадно и тяжело пускаться завтра въ море, гдѣ уже возможность непрерывнаго сообщенія исчезаетъ, не зная объ васъ ничего положительнаго. Я надѣюсь, что лихорадка ваша давно прошла, милая Маменька,—но какъ то вы устроились. Что же Константинъ, ѣдетъ ли? Уѣхала ли Машенька и Егоръ Антоновичъ? Что Гриша? Я думаю, что мое посѣщеніе Славянъ будетъ не безъ пользы для нихъ, сколько я могу заключать по впечатлѣніямъ, произведеннымъ на нихъ мною, доселѣ. Они рѣдко видаютъ живыхъ людей.—Въ Марбургѣ, со временъ Панова, котораго всѣ помнятъ, никто изъ русскихъ не былъ. Для меня собственно это личное знакомство, личное изслѣдованіе вопросовъ общественно-народныхъ очень важно и необходимо для будущей моей дѣятельности. Но прощайте, милая моя Маменька. Свѣча догорѣла, а мнѣ не поставили другой, и теперь уже поздно. Не пишу вамъ вообще подробнѣе потому, что тогда нѣтъ ни времени, ни охоты писать замѣтки въ дневникъ, а они для статей важнѣе писемъ. Къ тому же я очень занятъ чтеніемъ. Берегите себя, ради Бога, будьте здоровы. Прощайте, Господь съ вами, будьте же здоровы.

Черногорье, Цетинье. 1-го Іюня 1860 г. Четвергъ.— Воскресенье.

Вотъ откуда я пишу вамъ, милая моя Маменька и милыя сестры! Я хотѣлъ вамъ писать изъ Рагузы, но случилось такъ, что я въ Рагузѣ не остался и двухъ часовъ, а тотчасъ же съ нашимъ консуломъ отправился въ Черногорію, откуда и пишу вамъ теперь, окруженный Черногорскими скалами и слыша подъ окномъ разговоръ сидящихъ на камнѣ, съ трубками въ рукахъ—Черногорцевъ: наслѣдника—племянника Князя, воеводъ, капитановъ и простыхъ (т. е. не въ должности) Черногорцевъ.—Какъ вы уже знаете, въ субботу, въ часъ пополудни отправился я на пароходѣ Австрійской Компаніи Лойда, Oriente, и приплылъ въ Рагузу утромъ рано во вторникъ. Прихожу къ консулу, а онъ собирается въ Черногорье. На этомъ же пароходѣ отправились мы дальше въ заливъ Бокко ди Каттаро, куда часу въ 5-мъ послѣ обѣда и прибыли, тамъ ночевали и утромъ, въ середу, часовъ въ 6-ть, отправились верхомъ на лошадяхъ, въ сопровожденіи двухъ пѣшихъ Черногорцевъ и двухъ Черногорокъ, несшихъ на спинахъ наши чемоданы. Здѣсь переноскою тяжестей по горамъ занимаются женщины (разумѣется—за деньги и за хорошія)! Мущина воинъ, и это дѣло ему не прилично! Такъ какъ ни одинъ экипажъ въ мірѣ не можетъ подняться вверхъ по этимъ камнямъ, то все, что только потребно для Черногоріи (а въ ней нѣтъ ни ремеслъ, ни кузницъ), все переносится сюда на рукахъ. И надо видѣть, какъ проворно и легко карабкались по горамъ Черногорки, привязавши чемоданы къ спинамъ, какъ солдаты привязываютъ ранцы. Путь въ Черногорію ужасно труденъ и утомителенъ, хотя совершается только въ 6-ть часовъ времени: голыя скалы и камни, никакой «долины, никакого прохода между горами, а надо взбираться на самую верхушку. Цетинье, столица Черногоріи, не только городомъ, но и деревней назваться не можетъ. Здѣсь собственно два дома, заслуживающихъ это названіе: домъ или «дворецъ» Князя и домъ архіерея. Разумѣется, мы были прекрасно приняты Княземъ, у него и обѣдаемъ и ужинаемъ. Описывать вамъ теперь подробно Черногорію невозможно, на это бы понадобилось слишкомъ много

времени, а времени у меня очень мало; едва успѣваю pêle-mêle отмѣчать въ дневникъ для памяти. Черногорія въ высшей степени интересна, не для того, чтобы въ ней жить, но чтобы видѣть. Вы переноситесь разомъ въ самыя первобытныя времена, отдѣленныя только скалою отъ міра образованнаго, устарѣвшаго, тѣ времена, о которыхъ исторія едва помнитъ. Видя каждый день, какъ Князь творитъ, «судъ и правду» гдѣ-нибудь на дворѣ, подъ деревомъ или подъ навѣсомъ въ тѣни, сидя на камнѣ или на пнѣ или просто стоя,—судъ, разумѣется, словесный, безъ всякихъ формальностей, я воображалъ себѣ дворъ Ярославовъ. Стоитъ тутъ толпа Черногорцевъ, и богатый и бѣдный и старый и даже мальчишка, всѣ съ чубуками, всѣ, рѣшительно всѣ, вооруженные. Князь посреди, и такъ рѣшаются всѣ важнѣйшія дѣла. Вліяніе Князя послѣ Граховской побѣды и послѣ проведенія границъ между Черногоріею и Турціею, слѣдовательно послѣ признанія ея политическаго существованія, очень сильно и простирается даже на окрестныя страны. Такъ къ нему приходятъ судиться изъ Босніи, Герцеговины, даже изъ Австріи—православные Славяне. — При мнѣ привезли плугъ, выписанный Княземъ изъ Италіи, *первый* плугъ: доселѣ въ Черногоріи пашутъ деревянными сохами, безъ желѣзнаго острія. Однимъ словомъ передъ вами воочію совершается то, что уже давно прожито другими странами. Вы присутствуете при самой первой порѣ политическаго рожденія государства. «Законникъ», сочиненный Княземъ и помѣщающійся весь на пяти страницахъ, напоминаетъ первые законы, данные Ярославомъ, т. е. «Русскую Правду». Что за народъ Черногорцы! Породы красивѣе я не видалъ. Почти каждый изъ нихъ чуть не въ три аршина ростомъ, всѣ одѣты (и Князь также) въ свой Черногорскій красивый костюмъ, всѣ носятъ за поясомъ два—три пистолета и ятаганъ,—вооруженіе всегда богатое, потому что отнято у Турокъ. Сознаніе своей силы, своего значенія, своей независимости, своего равенства, чувствуется въ каждомъ. Боже сохрани, еслибы Князь вздумалъ побрезгать какимъ-нибудь бѣднякомъ! Можетъ посадить въ тюрьму, но не презирать. Грамотные всѣ на перечетѣ. Весь народъ живетъ тѣмъ непосредственнымъ бытомъ, котораго мы не встрѣчаемъ и у себя: такъ пѣсня безпрес-

танно рождается, всякое событіе тотчасъ же воспѣвается, около васъ такъ и вѣетъ героическимъ эпосомъ. *Всякій* Черногорецъ скажетъ вамъ, какъ будто про вчерашній день, про нападеніе Турокъ въ XVI или въ XVII вѣкѣ со всѣми подробностями: въ масштабѣ жизни народной, какъ въ исторіи, сто, двѣсти лѣтъ, какъ одинъ день! Самъ Князь—Черногорецъ и по внѣшности и по духу, по вкусамъ, стремленіямъ и привычкамъ. Кромѣ того онъ довольно уменъ и страшно честолюбивъ, вовсе не скрывая этого,—и честолюбіе это заражаетъ и Черногорцевъ. Они мечтаютъ о Герцеговинѣ, о Босніи и еслибы не боялись тѣхъ державъ, которымъ они обязаны своею предъ всѣмъ свѣтомъ признанною политическою независимостью, то давно бы бросились на помощь къ своимъ братьямъ. Впрочемъ, кто не видалъ Черногоріи 10-ть лѣтъ, тотъ найдетъ много перемѣнъ: прежніе раздоры и даже битвы между отдѣльными племенами или нахіями—совершенно прекратились; смертоубійствъ и разбоевъ внутреннихъ нѣтъ; также и грабежей и внезапныхъ нападеній на сосѣдей въ Турціи и Австріи. Земля больше обработана, торговля, промышленность все это начинаетъ принимать большіе (т. е. сравнительно) размѣры. До сихъ поръ я вамъ говорилъ о Черногорскомъ, Славянскомъ характерѣ страны. Надо сказать что-нибудь объ *Европеизмѣ*. Князь женатъ на Сербкѣ, дочери Тріестинскаго купца, которая очень хорошо говоритъ по французски, итальянски, англійски, довольно образована и любезна, но «Европейка», грезящая только о Парижѣ, большомъ свѣтѣ, утонченныхъ манерахъ и обществахъ. Князь не поддается вполнѣ, понимая, что только какъ Черногорецъ онъ можетъ что-нибудь значить; но тѣмъ не менѣе вліяніе ея и моды французской довольно сильно. У нихъ французъ *метръ* д'отель, французъ докторъ, Князь охотно говоритъ по французски, хотя плоховато, и при мнѣ за столомъ разговоръ шелъ всегда по французски. Столъ, убранство комнатъ, все это скопировано съ послѣдней (когда-то) моды. Смотря на элегантную мебель въ гостинной, я не могъ вытѣснить изъ памяти неотвязной мысли, что все это принесено на спинахъ Черногорокъ! Княгиня не дурна собой, большая щеголиха, мѣняетъ платья нѣсколько разъ въ день, завела нѣкоторый этикетъ. (Впрочемъ въ торжественные дни

одѣвается по черногорски; по Сербски она говоритъ очень пріятно). У ней есть demoiselle de compagnie, Англичанка. Простыя Черногорки къ ней и не пойдутъ! Ея невѣстки, жены братьевъ Князя, Сенаторши (здѣсь есть Сенатъ, заведенный покойнымъ Владыкой: они просто судьи и совѣтъ Князя: большая часть не умѣетъ грамотѣ, да и не нужно: бумагъ нѣтъ, все словесно. Во всей Черногоріи одинъ письмоводитель или секретарь—у Князя),—и такъ, всѣ родственницы ближайшія Княгини, жены Сенаторовъ и воеводъ—всѣ неграмотны. Безъ сомнѣнія, жить въ Черногоріи постоянно человѣку образованному было бы невыносимо, не съ кѣмъ слова молвить, да и не о чемъ, развѣ о прежнихъ подвигахъ, о томъ, сколько каждый убилъ Турокъ на своемъ вѣку (убить Турка—меньше значитъ, чѣмъ раздавить муху). Трудно осуждать Княгиню, но она могла бы заняться распространеніемъ хоть грамоты между женщинами. Впрочемъ, и это трудно, въ краю, гдѣ женщина работаетъ больше, чѣмъ мущина и цѣлуетъ у мущинъ руку. Княгиня завела такой порядокъ, что завтракаютъ въ 12 часовъ, а обѣдаютъ въ 8 часовъ вечера. Послѣ обѣда она съ Англичанкой и съ гостями обыкновенно уходитъ въ гостинную, гдѣ и сидятъ до 11 или 12-ти часовъ, а Князь остается въ залѣ, и къ нему сходятся Черногорцы, Сенаторы, воеводы, капитаны и другіе простые; курятъ трубки, толкуютъ, судятъ и рядятъ, играютъ въ шашки и даже въ карты. Княгиня съ Англичанкой занимаются музыкой и даже поютъ, между прочимъ, и Сербскія и Русскія пѣсни, хотя, впрочемъ, порусски она не знаетъ. Маленькая княжна Ольгица (Ольга), крестница русскаго Императора (крестилъ консулъ во имя Государя), очень мила.—Въ *народѣ* Черногорскомъ сочувствіе къ Россіи сильнѣйшее; при дворѣ—слабое. «Ахъ, Францiя, нѣтъ въ мірѣ лучше края»,—вотъ что чувствуется при дворѣ. «Вѣдь и у васъ въ Россіи весь дворъ, все общество говоритъ и живетъ по французски»—замѣчаютъ вамъ.... На это конечно и отвѣчать нечего. Я вообще убѣдился, что только одно есть дѣйствительное средство поднять Славянскій духъ въ прочихъ угнетенныхъ племенахъ—это—чтобы сама Россія стала Русью: этотъ одинъ фактъ, безъ всякаго вмѣшательства политическаго, безъ всякой войны, оживитъ и напра-

витъ на путь, духъ прочихъ онѣмеченныхъ, объитальяненныхъ, офранцуженныхъ, отуреченныхъ племенъ Славянскихъ. Племянникъ Князя, назначаемый ему въ преемники, мѣсяца два какъ воротился изъ Парижа, гдѣ провелъ три года, разумѣется, ничему путному не выучась. Но если онъ останется такимъ, какъ онъ есть, не очерногорится, не одичаетъ съ одной стороны и не проникнется духомъ Славянскимъ съ другой, то не бывать ему Княземъ. Впрочемъ ему только 12-ть лѣтъ. Еще два — три Черногорца воспитываются въ Парижѣ: эти уже 6 лѣтъ тамъ! Что это за роковая участь Славянъ! Если не чуждый насильственный гнетъ, такъ добровольно холопятся въ пользу чужой народности. Въ Цетиньѣ живетъ теперь также одинъ нашъ русскій, Быковъ. Онъ изъ топографовъ, вѣроятно, изъ кантонистовъ, былъ присланъ въ Коммиссію, опредѣлявшую границы Черногоріи, къ русскому консулу; по окончаніи разграниченія, Князь просилъ его остаться, чтобы сдѣлать съемку топографической Черногоріи. Онъ очень хорошій малый, произведенъ теперь въ офицеры, выучился отлично по Сербски, знаетъ ихъ всѣхъ и очень любимъ всѣми, отъ Князя и Княгини до послѣдняго Черногорца: низенькій, бѣлокурый, совершенно простой русскій человѣкъ; здѣсь ему очень хорошо, онъ постоянно съ Княземъ и Княгиней, величающей его M-r Bycoff. Какъ бы онъ могъ быть полезенъ, если бы былъ образованнѣе, умѣлъ бы писать, если бы самъ имѣлъ какіе-нибудь интересы высшіе противъ интересовъ ежедневности. Но его только любятъ, а француза-доктора, очень умнаго и образованнаго человѣка, слушаются. — И такъ, я пріѣхалъ въ Цетинье въ середу въ 1-мъ часу. Въ пятницу рано утромъ поѣхалъ я верхомъ съ Быковымъ въ Рѣку, маленькій Черногорскій городокъ, или лучше деревушку торговую, гдѣ бываютъ базары и гдѣ есть рѣка, впадающая дальше въ Скутарское озеро въ Албаніи. Тамъ природа гораздо лучше, климатъ теплѣе, и много растетъ гранатовъ. Но что это за пути! На каждомъ шагу вы рискуете сломить себѣ шею. Природа рѣшительно не назначала эти горы для жилища человѣческаго! Даже дикія козы не живутъ тутъ. Почти вездѣ голый камень: кой-гдѣ между скалъ, пространство не болѣе вашей гостинной, попадается земля, ко-

торая и обработывается. Около Цетинья и Рѣки — можетъ быть—есть десятинъ пять—шесть плоскаго мѣста, не больше. Дороги такія, что и теперь голова кружится, вспоминая. При мнѣ привезли одного нѣмца изъ Каттаро, выписаннаго Княгинею, чтобы настроить фортепьяно съ раскроеннымъ черепомъ. «Вотъ тутъ вчера слетѣлъ туда внизъ конь и убился», говоритъ мнѣ шедшій подлѣ меня Черногорецъ.... Ѣзда по Швейцарскимъ горамъ—пустяки, въ сравненіи съ Черногорскими. Тамъ вездѣ есть земляная дорожка, а здѣсь вы ѣдете или идете (еще взбираться на гору можно на лошади, но не спускаться) по голому камню, вострому, зазубренному, неровному, часто обсыпающемуся. Въ Рѣкѣ мы выкупались въ рѣкѣ,—но Черногорцы такой скромный, стыдливый и цѣломудренный народъ, что не позволили намъ купаться совершенно раздѣвшись, а принесли намъ свое нижнее платье, даромъ что тутъ ни одной женщины не было! — Вечеромъ мы воротились въ Цетинье, а на другой день, ранехонько утромъ (въ Субботу), не отдохнувши, отправились съ Петковичемъ въ обратный путь, въ сопровожденіи стараго проводника Шуто или Жуто, и Черногорокъ съ чемоданами. Дорогою захватила насъ гроза, промочившая меня насквозь, но это не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій. Дорогой же встрѣтили мы двухъ Герцеговинцевъ верхомъ и вооруженныхъ. Надо вамъ сказать, что Герцеговина (это мы узнали въ Цетиньѣ) *возстала*, рѣшилась искать независимости! Разумѣется, газеты скажутъ, что это Россія или князь Даніилъ ихъ подвинули на это, но это несправедливо. Дай Богъ, чтобы это возстаніе не было возстаніемъ частнымъ и не окончилось несчастно, какъ всѣ прежнія. Встрѣченные нами Герцеговинцы были изъ возставшихъ и ѣхали къ Князю или Господарю, какъ они говорятъ, спросить его совѣта и мнѣнія. Они остановились, чтобы поговорить съ нашимъ консуломъ. Тотъ, разумѣется, совѣтовалъ имъ не дѣлать возстанія, доказывалъ имъ, что у нихъ нѣтъ ни оружія, ни вождя, что еще не пришло время и проч. Но мнѣ кажется, что они крѣпко рѣшились, давно задумали и приготовились. Я читалъ на лицахъ ихъ одушевленность рѣшенія. «Терпѣнія нѣтъ у насъ больше», отвѣчалъ одинъ: «мы четыреста слишкомъ лѣтъ терпимъ». «Да,

да четыреста лѣтъ», подтвердили другіе. «Богъ поможетъ скромахѣ раію». Признаюсь вамъ, я почувствовалъ въ себѣ Гарибальдіевское вожделѣніе, и знай я мѣстность, языкъ, военное дѣло,—право, кажется, пошелъ бы къ нимъ. Помоги имъ Богъ!—Мы продолжали путь и скоро съ вершины горы увидали заливъ Бокко ди Каттаро, а вдали море. Въ Каттаро мы переночевали, отдохнули и нынче (воскресенье) отправились на пароходѣ въ Рагузу, куда только что прибыли, послѣ довольно непріятнаго, по случаю качки, плаванія. Я тотчасъ же пошелъ въ гостинницу Albergo alla Corona, гдѣ оставилъ свои вещи и сѣлъ писать вамъ письмо, чтобы отправить, если можно, съ этимъ же пароходомъ.— Я вамъ все говорилъ о Черногоріи и ни слова не сказалъ о Далмаціи. Дѣло въ томъ, что я видѣлъ ее только съ парохода и останавливаясь часа на три въ главныхъ портахъ. Прошу милыхъ сестеръ достать себѣ карту береговъ Далмаціи и слѣдить мое путешествіе. Первый городъ былъ Зара, столица Далмаціи, потомъ Себенико, потомъ Сполатро, потомъ Рагуза. Впрочемъ—возьмите путешествіе Ковалевскаго, напечатанное въ Бесѣдѣ 1858 г. № 1. Онъ дастъ вамъ понятіе о странѣ. Красота береговъ неописанная! Но красота залива Бокко ди Каттаро съ нависшими надъ нимъ горами Черногоріи, превосходитъ все въ мірѣ. Плавая, я невольно думалъ о несправедливости судьбы. Я уже столько, столько видѣлъ! Зачѣмъ не дано этого видѣть вамъ, сестрамъ, такъ мало видѣвшимъ! Я купаюсь здѣсь въ морѣ сколько хочу, и безъ того здоровый; а тѣ, которымъ это было бы въ пользу, не могутъ купаться.—Въ Далмаціи дѣло Славянское обстоитъ плохо, кромѣ Каттаро, гдѣ православныхъ больше и гдѣ Австрія, боясь Черногоріи, даетъ жителямъ больше свободы. Въ городахъ, во всемъ приморьѣ, вплоть до Рагузы, жители даже между собою говорятъ по итальянски: въ разное время всѣ эти города попали подъ владычество Венеціанской республики, и Венеція была для нихъ то, что теперь для всѣхъ Парижъ. Край былъ весь православный, а теперь изъ 400 тысячъ жителей только 80 тысячъ православныхъ, загнанныхъ, обиженныхъ, робкихъ, трусливыхъ! На пароходѣ всѣ рѣшительно были Далматинцы, и ни одного звука Славянскаго! Но я заставилъ ихъ съ собою го-

ворить по славянски, потому что я по итальянски не знаю. За то здѣсь къ нѣмцамъ, австрійцамъ ненависть сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Все сочувствуетъ Италіи, и я думаю, приморье радо бы сдѣлаться итальянскимъ или французскимъ. Французы вообще, еще со временъ Наполеона 1-го, оставили здѣсь добрую память, даже у православныхъ, которымъ они дали церкви. Къ Россіи сочувствіе только или преимущественно у православныхъ, которыхъ тѣснятъ ихъ же братья Славяне — католики! — Если бы вы знали, какой здѣсь климатъ! Здѣсь въ Рагузѣ растутъ пальмы на открытомъ воздухѣ! Надо еще вамъ знать, что маленькая республика Рагузская, устроенная совершенно на манеръ Венеціанскій, умѣла въ продолженіи 10 или 12-ти вѣковъ сохранить свою независимость и окончила свое существованіе только въ 1808 г. декретомъ Наполеона.—Продается въ заливѣ Бокко ди Каттаро островъ или полуостровъ съ домомъ, садомъ, виноградниками, тутъ же и православная церковь, — за *двѣ тысячи* р. сер.! Соблазнительно! И уже давно продается! Купить некому, край бѣденъ, торговля въ упадкѣ. Не купить ли?—Я не описываю вамъ красотъ природы. Не знаю, буду ли въ состояніи описать ихъ и потомъ, въ болѣе подробномъ изложеніи. Скажу только, что тутъ природа полными пригоршнями разсыпала свои чудеса и дары. Удивляюсь, что эти мѣста *не въ модѣ*. Можетъ быть потому, что тутъ вмѣстѣ много дикости, и что вообще элементъ славянскій противенъ иностранцу.—Но довольно. Что-то у васъ? Мысль эта меня преслѣдуетъ. Впрочемъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Рагузу, я нашелъ у Цетковича письмо отъ Чижова отъ 13-го Мая, гдѣ онъ ничего не пишетъ худыхъ вѣстей. — Сейчасъ прислали мнѣ съ почты, куда я посылалъ, письмо отъ васъ, милая Маменька, отъ 16-го Мая. Оно уже здѣсь пять дней меня дожидается. Тутъ же и довольно подробное письмо отъ Наденьки, за которое очень—очень ей благодаренъ. Но вѣсти худыя: боленъ Константинъ! Если, впрочемъ, это, какъ пишетъ Наденька, тяжелая лихорадка, хотя бы вродѣ Молдаванской, то нечего откладывать отъѣздъ: путешествіе будетъ полезно и вылечитъ, если только можно ѣхать. Если онъ выѣхалъ 30-го Мая, то значитъ теперь онъ уже за границей. Если онъ

ѣдетъ въ Бѣлградъ, то вѣроятно мы тамъ съ нимъ сойдемся. Я рѣшился непремѣнно воротиться къ вамъ зимою, милая Маменька, и больше ужъ не уѣзжать, развѣ только повезу сестеръ куда-либо въ Крымъ или за границу. По окончаніи своего путешествія—по Славянамъ, я думаю написать къ Ковалевскому (не министру): я убѣдился въ необходимости газеты. Здѣсь въ Каттаро объявленіе Паруса заставило, какъ ни смѣшно и пошло это выраженіе, биться сердца всѣхъ утѣсненныхъ Славянъ! Живое слово имъ необходимо. Мнѣ по Славянамъ путешествовать удобнѣе, чѣмъ Константину, потому что мнѣ еще заочно были знакомы личности въ каждой мѣстности и съ большею частью я былъ въ перепискѣ. И такъ я хочу просить опять о дозволеніи газеты. На Бесѣду я не разсчитываю, хотя и недоумѣваю, какъ она можетъ идти. Что говорятъ журналы про первый томъ? — Константинъ, я думаю, простудился отъ того, что не хочетъ хорошо и тепло одѣваться; можетъ быть, впрочемъ, и первая его болѣзнь была только прервана, но невылечена. Долго ли онъ будетъ ѣздить? Я хочу думать, что его болѣзнь прошла, и что онъ уѣхалъ, но можетъ быть, Боже сохрани, онъ все еще боленъ, и тогда ваши планы перемѣнятся. Если же онъ уѣхалъ, какъ вамъ-то тяжело, милая Маменька. И лѣто въ Абрамцевѣ! — А что же Коммиссія? Но пора, пора отсылать письмо на почту. Прощайте же милая Маменька и милыя сестры. Дай Богъ, чтобы все у васъ было благополучно. Я остаюсь здѣсь до вторника вечера: отсюда отправлюсь въ Зару, гдѣ останусь дня три, и потомъ въ *Фіуме* (посмотрите на карту), откуда и буду писать къ вамъ. Прощайте еще разъ.

1860 г. 13-го Іюня. Рагуза. На пароходѣ Dalmata, въ 5 часахъ отъ Зары.

Я не думалъ, милая моя Маменька и сестры, что останусь цѣлую недѣлю въ Рагузѣ, когда отправлялъ къ вамъ послѣднее письмо. Но выходило такъ, вслѣдствіе неудобныхъ распоряженій Австрійскаго Лойда, что мнѣ приходилось, если бы я захотѣлъ изъ Рагузы поѣхать въ Зару и остаться тамъ больше 4-хъ часовъ, выжидать тамъ другаго парохода цѣлую

недѣлю. Поэтому я и предпочелъ остаться въ Рагузѣ, гдѣ находился подъ защитою нашего консула и гдѣ славянскій элементъ сильнѣе, чѣмъ въ остальной Далмаціи. Секретарь консульства Лаговскій перевезъ меня къ себѣ на квартиру, консулъ предложилъ свой столъ, такъ что мнѣ было тамъ очень удобно, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы записать въ свой дневникъ свое путешествіе отъ Тріеста до Цетинья, въ Черногоріи и проч. Никакъ не умѣю пріучить себя записывать каждый день. Обыкновенно къ вечеру такъ устаешь и такая жара, что не въ состояніи ничего писать. Не помню, послалъ ли я вамъ письмо изъ Рагузы, уже получивши ваше второе, прямо въ Рагузу адресованное. Такимъ образомъ я получилъ оба ваши письма, адресованныя въ Рагузу: кажется только два и должны быть. Ваше послѣднее письмо отъ 20 Мая; оно шло дней 13, не долѣе. Изъ него видно, что Константину лучше, что отосланный билетъ взяли назадъ, потому что докторъ ему разрѣшилъ выѣхать 30-го Мая. Слѣдовательно, если все совершилось благополучно, онъ теперь долженъ быть за границей; можетъ быть въ Прагѣ. Не знаю, гдѣ найдетъ меня его письмо. Маршрутъ мой не измѣнился, но числа измѣнились. Очень благодаренъ милой Вѣрѣ за ея письмецо и милой Соничкѣ за ея добрыя, теплыя строки. Вы-то гдѣ теперь? Здѣсь природа и климатъ такъ хороши (въ Рагузѣ жарче, чѣмъ въ Неаполѣ, ростутъ *пальмы*), ночи такъ баснословно очаровательны, что право не знаешь куда дѣваться съ этимъ добромъ, когда его и дѣлить-то не съ кѣмъ. Да къ тому же все это такъ сплошь, что даже утомляетъ: устанешь все восхищаться. Теперь же начались снова лунныя ночи. Смотря вчера ночью на этотъ мѣсяцъ, я невольно переносился къ вамъ: что освѣщаетъ теперь вамъ этотъ мѣсяцъ? Грустное ли Абрамцево, вытягивая изъ земли сырыя испаренія, или одѣваетъ бѣлымъ свѣтомъ, какъ полотномъ, каменную узкую мостовую Гнѣзденскаго переулка? Нежданная, негаданная появилась комета и, кажется, будетъ довольно большая: вчера я ее не видалъ, а третьяго дня вечеромъ въ Рагузѣ видѣлъ. Она, разумѣется, породитъ много толковъ и ожиданій во всѣхъ южныхъ Славянахъ. Новостей о Герцеговинѣ къ сожалѣнію не могу вамъ сообщить никакихъ. Говорятъ, Турки

отправили противъ нихъ Низамъ, т. е. регулярное войско.— Въ Рагузѣ я остался цѣлую недѣлю, отъ воскресенья до воскресенья. Я очень хорошо познакомился съ Казначичемъ и Графомъ Поцца, или по славянски: Князь Медо Пучичь, Графъ Загорскій и проч. Онъ бывалъ въ Москвѣ, и у Елагиныхъ познакомился съ Константиномъ, который подарилъ ему свою брошюру. Я этого совсѣмъ не зналъ и никогда отъ Константина не слыхалъ. Онъ принадлежитъ къ nobili прежней Рагузской республики, которую отецъ его очень хорошо помнитъ (всего 52 года, какъ она перестала существовать). Эти nobili такъ ненавидятъ Австрійское правительство, что большею частью не женятся, чтобы потомство ихъ не сдѣлалось бы, по необходимости, Австрійскимъ!—Австрія можетъ хвастаться впрочемъ, что управляетъ страной не нѣмцами: начиная отъ генералъ-губернатора Далмаціи до ректора (градоначальника) Рагузы—чиновники не только Далматинцы, но даже *православные!* Но лучше, если бы они были Турки или Нѣмцы!—Какая страшная, втягивающая сила отвлеченной идеи государства!—Рагуза представляетъ довольно интересное явленіе: республика, по образцу Венеціанскому, на аристократическомъ началѣ, она въ тоже время постоянно носила сознаніе своего славянскаго происхожденія: въ ней были замѣчательнѣйшіе славянскіе поэты еще въ XV, XVI столѣтіи; въ подлинныхъ актахъ, собранныхъ теперь Поццой и изданныхъ имъ, въ сношеніяхъ своихъ съ Босніей, Герцеговиной и прочими Славянскими землями, на славянскомъ языкѣ, республика называла свой Сенатъ, свой Совѣтъ— «Великое или Малое *Вѣче*». Такъ и теперь почти, всѣ знаютъ по итальянски, но говорятъ преимущественно по славянски, вездѣ на гуляньяхъ слышите вы славянскіе звуки, но дамы большею частью только говорятъ, но не умѣютъ ни читать, ни писать по славянски, потому что воспитываются въ женскихъ католическихъ монастыряхъ. Католицизмъ здѣсь очень силенъ. Даже въ католикахъ, преданныхъ славянской народности, не фанатикахъ, есть презрѣніе къ православнымъ, которые, впрочемъ, надо признаться, здѣсь въ Далмаціи являются не совсѣмъ съ выгодной стороны: всѣ они большею частью выходцы (они или ихъ отцы и дѣды) изъ Босніи и Герцеговины, всѣ почти совершенно необразованы, тру-

сливы, ахають и охають, жалуются, называють себя сиромахами, когда большая часть торговцевъ изъ нихъ. Вы не можете себѣ представить, напр., что это за православная церковь въ Рагузѣ! Между тѣмъ теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—правительство имъ позволило выстроить церковь и въ самомъ городѣ, а не за городомъ; наши консула сколько разъ предлагали имъ свое посредничество! Боятся принять посредничество, отъ того, что австрійское правительство косо посмотритъ! Больше ничего, какъ только косо посмотритъ! Это удивительное свойство у большей части Славянъ—предпочитать страданіе и терпѣніе всякой положительной борьбѣ. Не надо обманывать себя и видѣть тутъ христіанскую добродѣтель. Терпѣніе это заключается въ томъ, что человѣкъ съ одной стороны вздыхаетъ, а съ другой наживаетъ крупныя деньги торговлей. Это какъ секта раскольническая странниковъ: ихъ никто не гонитъ, а имъ хочется вообразить себя гонимыми и тѣшиться этимъ любимымъ образомъ! Къ тому же это потворствуетъ лѣни душевной: сваливать вину на внѣшнія обстоятельства легче, чѣмъ положительная дѣятельность. Разумѣется, Черногорцы и Сербы княжества Сербскаго составляютъ исключеніе, пока не опарщились. Здѣсь въ Далмаціи—шпіоны даже изъ православныхъ. Католики же, особенно подстрекаемые теперь примѣромъ Италіи, поступаютъ здѣсь гораздо смѣлѣе, сравнительно съ православными.—Здѣсь впрочемъ и православные поминаютъ французское правительство при Наполеонѣ 1, уравнявшее въ правахъ католиковъ и православныхъ, учредившее православную епископію въ Зарѣ (что и теперь существуетъ) и предлагавшее православнымъ во всѣхъ городахъ выбрать любую католическую церковь, чтобы обратить ее въ православную. Въ Рагузѣ не рѣшились взять, боясь, что владычество Франціи скоро прекратится, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взяли; такъ и остается до сихъ поръ! Какъ много ожидали всѣ Славяне отъ Императора Александра 1-го даже не признавшаго ихъ національности на Вѣнскомъ конгрессѣ, и отнявшаго у Черногорцевъ г. Каттаро и отдавшаго его Австрійцамъ!—Очень интересно читать, какое впечатлѣніе произвело на весь Славянскій міръ—появленіе Россіи на Европейской политической аренѣ при Петрѣ. У меня есть, мнѣ подарили,

очень любопытный документъ: стихи, писанные въ 1710 г. въ Рагузѣ по славянски, католикомъ—монахомъ, даже изъ ордена Іезуитовъ: эти стихи обращены къ Петру 1-му, и авторъ зоветъ Царя Московскаго основать царство Славянское, освободить Славянъ и проч. и проч.! Онъ *первый*, надобно отдать ему справедливость, первый вошелъ въ сношенія съ Славянами, съ Черногорцами и Сербами, какъ съ единоплеменными и единовѣрными народами. Съ тѣхъ поръ Славяне собственно узнали про Россію.—Я осматривалъ всѣ окрестности Рагузы: онѣ очень красивы, хотя и не пространны. Здѣсь вообще *приморье*, плоское мѣсто около береговъ очень узко, сейчасъ начинаются голыя, скалистыя горы, да вѣдь какой вышины! Въ Рагузѣ только одна плоская улица: прочія не улицы, а каменныя лѣстницы по горамъ между лѣпящимися по горамъ домами, какъ гнѣздами. Вершина же этихъ горъ и за— горье не принадлежитъ большею частью Далмаціи, а Турціи и отчасти Черногоріи. На одной изъ вершинъ горы торчитъ турецкая крѣпость; она особенно видна, когда изъ Рагузы ѣдешь въ деревню Канозу. Чрезвычайно непріятное впечатлѣніе производитъ видъ этой крѣпости. Въ Канозѣ я видѣлъ два платана, подъ тѣнью которыхъ можетъ стать нѣсколько тысячъ человѣкъ. Я мѣрилъ одинъ изъ нихъ веревкой: 15 аршинъ въ окружности! Имъ болѣе 100 лѣтъ и они совершенно свѣжи. Вездѣ, гдѣ только не голый камень, не гора, климатъ и растительность природы являются во всемъ блескѣ; я только вамъ сообщаю главныя составныя части картины; можете ее воспроизвести сами: легкое, голубое, южное небо, густо-голубое море, обрамленное дикими, сѣрыми, лиловыми каменными голыми горами, въ самыхъ прихотливыхъ извивахъ. Вечеромъ рѣзкость линій смягчается, и онѣ постепенно принимаютъ то розовый, то синеватый цвѣтъ; на первыхъ приступахъ этихъ горъ,—въ зелени бѣлѣются и лѣпятся каменныя избы и домики, съ террасами и балкончиками, обвитыми виноградными лозами: прибавьте къ этому на волѣ растущіе кактусы (да какіе исполинскіе), алоэ, олеандры, магноліи, платаны, персиковыя, померанцовыя деревья, пальмы, гранаты (въ цвѣту), миндали, кипарисы, лавры,— живописные костюмы жителей. Я купилъ: Dalmazzia descritta, изданіе одного итальянца, въ которомъ 24 картинки

костюмовъ. Если бы не было суровыхъ этихъ горъ, пейзажъ вышелъ бы слишкомъ мягокъ и нѣженъ.—Еще прибавьте къ этому: развалины и развалины, особенно въ Рагузѣ. Со времени австрійскаго владычества, я думаю, не выстроено здѣсь и двухъ новыхъ домовъ и около сотни, можетъ быть, рушилось. Вездѣ страшное обѣднѣніе и апатія; почти всѣ прекрасныя виллы, принадлежавшія нѣкогда Рагузскимъ nobili, стоятъ безъ крышъ, пустыя, глухія.—Но я кончаю здѣсь мое письмо: началась качка, хотя неопасная въ извѣстномъ отношеніи, но неудобная для письма. Къ тому же и перо и и чернила скверныя. Итакъ я въ воскресенье, думаю 11-го Іюня, по нашему стилю (по новому 24-го) вечеромъ въ 10 часовъ, выѣхалъ на пароходѣ,—въ понедѣльникъ, останавливались въ Сполато, и я ѣздилъ въ Салону, полчаса ѣзды, осматривать развалины дворца Діоклетіана. Нынче (вторникъ 13-го Іюня) стояли часа три въ Себенико, гдѣ я былъ въ православной церкви и видѣлся съ нѣкоторыми, и сейчасъ пріѣдемъ въ Зару (въ 6 часовъ), гдѣ останемся до 5-ти часовъ утра. Въ Зарѣ мнѣ надо сдѣлать визита четыре. Завтра же, часовъ въ 11 до обѣда придемъ къ острову Люссино (Lussino). Пароходъ высадитъ меня на берегъ и самъ отправится въ Тріестъ, а я черезъ полчаса же, на другомъ берегу острова, сяду на другой маленькій пароходъ и вѣроятно вечеромъ же буду въ Фіуме.—Прощайте, милая моя Маменька и милыя сестры. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы. Когда-то узнаю, что у васъ дѣлается! Буду писать вамъ при первой возможности. Я купался въ Рагузѣ ежедневно въ морѣ и жалѣю, что не могу продолжать купаться, ибо въ Фіуме прощусь съ моремъ. Купанье на меня такъ сильно дѣйствовало, что почти все тѣло сыпью покрылось.—Какъ душно и и жарко! Прощайте, Господь съ вами.

Середа, на пароходѣ.

Вообразите, приходимъ въ Луссино: нѣтъ парохода! Сломалась машина, и другаго надо ждать недѣлю! Приходится плыть до Тріеста, куда приходимъ въ ночь и завтра же изъ Тріеста въ дилижансѣ ѣхать въ Фіуме: всего 10-ть часовъ ѣзды. Какая невыносимая жара и какое безоблачье. Комета все растетъ. Видите ли вы ее?

Аграмъ или Загребъ. Воскресенье, утромъ. 26-го Іюня 1860 г.

Только-что пріѣхалъ въ дилижансѣ, послалъ на почту за вашими письмами, а покуда сѣлъ писать къ вамъ, милая моя Маменька и милыя сестры. Нынѣшній день никуда не выйду, нужно отдохнуть и собраться съ мыслями и силами. Я утомленъ, оглушенъ, затормошенъ, залюбленъ, зацѣлованъ, запоенъ,— однимъ словомъ, точно брежу; съ одной стороны восхищенъ дó нельзя, съ другой—глубоко огорченъ и смущенъ. Но вамъ это все не понятно. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ никто изъ нашихъ путешественниковъ не передалъ намъ настоящаго понятія о Хорватахъ и Хорваціи или Кроаціи, какъ привыкли у насъ писать въ Россіи; это отъ того, что они большею частью относятся къ Славянству со стороны чисто научной. Впрочемъ, никогда въ Хорваціи не было такого нравственнаго одушевленія, какъ теперь. Привыкнувъ къ не только скромному, но даже рабскому проявленію симпатій Славянскихъ въ Краинѣ и Далмаціи, я былъ озадаченъ съ перваго моего шага, какъ вступилъ только на Хорватскую землю въ Фіуме или Рѣкѣ. Прихожу къ одному профессору, скромно стучусь и отдаю карточку: громкій безстрашный взрывъ радости оглушилъ меня, и съ тѣхъ поръ до сихъ поръ я постоянно среди гула. Здѣсь народъ не клонитъ головы, никто не боится и не труситъ и заставляетъ правительство бояться. Меня тотчасъ повели къ другому — литератору, тотъ тотчасъ потащилъ меня въ Славянскую читальницу, гдѣ разомъ я познакомился съ человѣками 20, которыхъ и именъ не помню,—кто-то изъ нихъ повелъ насъ къ себѣ ужинать, на дорогѣ приставали другіе Хорваты. Горячая южная кровь не знала предѣловъ своей радости.... Я могъ бы по всей Хорваціи путешествовать безопасно и безпечно съ N «Паруса» въ рукахъ. Я самъ никогда не воображалъ, чтобы *такое* значеніе имѣлъ Парусъ для Славянъ! — Обрадованный, я былъ глубоко смущенъ: что отвѣчать имъ на вопросы—зачѣмъ запрещенъ Парусъ, развѣ въ Россіи не желаютъ освобожденія Славянъ отъ нѣмецкаго ига? Слушая выраженія ихъ симпатіи къ Россіи, ихъ прекрасныхъ вѣрованій и надеждъ и мечтаній, что они ждутъ и ждутъ — вотъ, вотъ начнется война Россіи съ Австріей

или съ Турціей, появится флагъ русскій, и соединятся всѣ Славяне и проч., слушая все это, я вспоминалъ пустоту и дрянность нашего общества. «Что Царь Александръ? Любитъ ли онъ насъ, Славянъ? Знаютъ ли въ Россіи, какъ мы ей преданы, великой Славянской державѣ? Скоро ли вы къ намъ?» и проч. Подобные вопросы сыпались мнѣ со всѣхъ сторонъ, при первомъ знакомствѣ на улицѣ! — Что замѣчательно здѣсь, такъ это отношеніе католицизма къ православію. Здѣсь въ Хорваціи до 300 тысячъ православныхъ, а католиковъ слишкомъ милліонъ, но нигдѣ православныя церкви не благолѣпны, какъ здѣсь. Хорваты, даже католики, послѣ долгой борьбы, удержали у себя въ одной эпархіи славянскую литургію; не только нѣтъ фанатизма религіознаго, но полнѣйшее общее расположеніе къ православію въ народѣ. Въ нѣкоторые праздники православныя церкви наполняются постоянно простымъ народомъ католическаго исповѣданія, который считаетъ греческое (православное) «благочестіе» выше своего католическаго, и молитвы православныхъ священниковъ дѣйствительнѣе! Все молодое католическое священство готово хоть сейчасъ перейти въ православіе. Не только меня увѣряли въ томъ наши православные священники, но я и самъ-то, отъ многихъ изъ католическихъ священниковъ слышалъ. Я познакомился по крайней мѣрѣ съ двумя дюжинами католическихъ священниковъ: всѣ они горячіе Славяне, постоянно посѣщаютъ читальницу, всѣ хорошіе, радушные, гостепріимные и веселые люди и всѣ желаютъ своей духовной эмансипаціи, но, разумѣется общественной и всенародной. Поэтому здѣсь въ обществѣ и православные и католики работаютъ за Славянство вмѣстѣ, и православные здѣсь не прячутся, какъ въ Далмаціи, и Іезуитамъ не удалось здѣсь взять въ свои руки воспитаніе.—Но то, что я видѣлъ въ Фіумѣ, показалось мнѣ впослѣдствіи блѣднымъ. Я думалъ прежде ѣхать прямо въ дилижансѣ въ Аграмъ, но меня убѣдили побывать въ г. Карловцѣ (Carlstadt) и сочинили мнѣ маршрутъ. На таможнѣ, къ счастію, тоже оказался Славянинъ и не сталъ смотрѣть моихъ вещей, слѣдовало бы ему всѣ мои книги препроводить въ полицію; на почтѣ также уладили мнѣ дѣло съ моими багажами наидешевѣйшимъ способомъ. Изъ Фіуме

доѣхалъ я въ дилижансѣ до одной станціи, принадлежащей нѣкоему Хорватскому помѣщику, горячему Хорвату. Тотъ принялъ меня, разумѣется, по славянски. Переночевавъ у него ночь, повезли меня на телѣжкѣ въ одно село къ католическому приходскому священнику и писателю. Тамъ тоже! Онъ присоединился къ намъ, и мы поѣхали всѣ въ Лешче, заведеніе минеральныхъ водъ (очень скромное), гдѣ докторъ мнѣ знакомый, бывшій у меня въ Москвѣ, года два тому назадъ, Хорватъ. Мнѣ пришлось ему отплатить визитъ! Тутъ на водахъ собралось вмигъ около меня огромное общество, посадили меня обѣдать съ собою,—и просидѣли за столомъ часовъ шесть, начавъ пѣть Хорватскія патріотическія или политическія пѣсни, со втораго же блюда, не взирая на присутствіе въ залѣ и мѣстнаго начальства! Но Австрія боится Кроаціи, боится лишиться Кроатскаго войска, и теперь въ угодность имъ, смѣнила даже бана Коронина (итальянца). Знаете ли, какія самыя любимыя пѣсни? Пѣсни, между прочимъ, за Русскаго царя, за Москву! Напримѣръ:

«За нашега Сѣвернаго стрійца
«Пусть напунѣ свакая чашица!
«Зачто бы мы не были стрійчику на здравье,
«Зачто бы мы не были руне винце пили!»

Это значитъ: за нашего Сѣвернаго *дядю* («стрый» и у Нестора значитъ дядя), пусть наполнится всякая чаша (впрочемъ второй стихъ я по славянски не совсѣмъ вѣрно написалъ)! За что бы стрійчику на здоровье, за что бы мы не пили красное вино! (Сербъ говоритъ: я бы *былъ* пилъ, по нашему: я бы пилъ). Это хорватское вино. Далѣе поютъ: «За нашъ нȁродъ и за сви (всѣ) Славяне!» и проч. Или напримѣръ про Москву. Пѣсня начинается такъ:

Мóсква, свя́та Мóсква,
Руси ты царица
Коей новъ градъ Пе́тровъ
Не поте́мни (не затемнилъ) ли́ца.

А оканчивается такъ:

Славянство те че́ка, (Славянство тебя ждетъ, зоветъ)
Да ты всѣмъ намъ будешь
Медина и Мекка!

Безъ этихъ пѣсенъ не обходится никакой Хорватскій пиръ. И эти пѣсни пѣли тутъ, между прочимъ, громче всѣхъ, со слезами на глазахъ, католическіе священники. Всѣ бросались ко мнѣ, чокались, кричали: «живе»! Но я, въ сравненіи съ ними, являлся чуть не флегматикомъ! Меня давило сознаніе *лжи*, дѣлавшей возможнымъ такое одушевленіе. Если бы они бѣдные знали все равнодушіе къ нимъ русскаго общества, правительства, всю мѣру «Нѣмчины и Швабчины», которою заражена Россія! «Отчего вы не ходите въ русскомъ платьѣ? Правда ли, что ваши дамы говорятъ и пишутъ по французски?» и проч. Я всякимъ искуснымъ образомъ старался дать имъ удовлетворительные отвѣты, пытаясь обратить ихъ сочувствіе на Русь, на народъ. Но положеніе русскаго между Славянами трудно!... На другой день изъ Лешче поѣхали всѣ большимъ обществомъ, по дорогѣ къ Карловцу, на обѣдъ къ одному католическому попу, который нарочно уѣхалъ раньше, чтобы все приготовить,—потомъ на ночь поѣхали въ другое имѣніе упомянутаго помѣщика. Тутъ—какой странный случай! На перепутьѣ гдѣ-то встрѣтился намъ одинъ помѣщикъ, гулявшій по проселочной дорогѣ пѣшкомъ, сѣдой, но бодрый и здоровый, въ сажень ростомъ. Всѣ остановились и дружно его привѣтствовали, познакомили со мной; онъ черезъ часъ явился потомъ въ то мѣсто, куда мы ѣхали ночевать и принесъ мнѣ показать свой кисетъ, на которомъ золотыми блестками по красному фону вышито было: *Парусъ!* Я сначала не хотѣлъ этому вѣрить, принялъ было это за шутку, но всѣ другіе мнѣ подтвердили, что когда получили мой циркуляръ о Парусѣ, то и этотъ господинъ (въ добавокъ еще православный) не зналъ иначе выразить свое сочувствіе, какъ заказавши вышить имя Паруса на кисетѣ, потому что онъ цѣлый день не выпускаетъ изо рта трубки! Они приняли мой голосъ за голосъ Руси. Къ счастію, у меня тутъ же случился лишній № Паруса, и мы обмѣнялись: я ему Парусъ, а онъ мнѣ кисетъ! Вотъ вы его увидите! Онъ мнѣ дорогъ. На другой день, послѣ разныхъ разъѣздовъ,—въ Карловацъ, гдѣ обѣдали всѣ публично въ одной гостинницѣ, куда собралось множество, и большая часть молодежи явилась въ своихъ народныхъ одеждахъ *(сурка)*. Тутъ демонстраціи приняли еще большій размѣръ! Мнѣ было до-

садно на себя, что я не могъ въ равной мѣрѣ отвѣчать ихъ одушевленію. Во-первыхъ меня серьезно безпокоила неизвѣстность о васъ и о Константинѣ, во вторыхъ для меня они составляли предметъ не только сочувствія, но и наблюденія, и мнѣ совѣстно и грустно было постоянно за нашу Русь. Тѣмъ не менѣе я себя попринудилъ, и импровизировалъ какіе-то довольно плохіе восемь стиховъ, которые тутъ же были переведены и, разумѣется, приняты съ восторгомъ. Начинаются они такъ:

Широко гремитъ молва
Про народъ у насъ Хорватской,
И далекая Москва
Вамъ привѣтъ прислала братской и проч.

Чего она никогда и не думала.—Все это общество пировало и пѣло до поздней, глубокой ночи и, провожая меня по улицамъ города, кричало: живе Русь, живе Москва, прочь Швабовъ, союзъ съ Мадьярами и проч.! Полиція благоразумно бездѣйствовала, патрули молча проходили мимо. На другой день происходило почти тоже самое, но умѣреннѣе, потому что у всѣхъ гостей осипли горла или страшно болѣли головы. Я долженъ былъ ѣхать въ часъ ночи въ дилижансѣ въ Аграмъ, и утомленный до нельзя, уговорилъ одного за другимъ проститься со мной ранѣе отхода дилижанса. Разставались очень нѣжно. Нѣкоторые все-таки дождались срока и проводили меня до дилижанса, гдѣ и простились. Лошади еще не были запряжены, и я доволенъ былъ, что могу одинъ походить по площади; но тутъ же былъ маленькій трактиръ, изъ котораго неслись пѣсни. Я заглянулъ туда, тамъ меня тотчасъ узнали, хотя я не зналъ никого, — то были все молодые люди, очень молодые: они мигомъ затянули пѣсню про сѣвернаго стрійца и про Москву, съ шумомъ проводили и посадили меня въ карету, и когда я сѣлъ, поднесли мнѣ прощальную чашу, стали кругомъ и затянули на улицѣ во все горло опять пѣсню про стрійца!—Мнѣ было нѣсколько совѣстно передъ дамой, сидѣвшей возлѣ меня въ каретѣ, но эта дама оказалась горячей Хорваткой: ея один сынъ служитъ капитаномъ въ русскомъ обществѣ пароходства, а другой учится еще въ Прагѣ

и уже составилъ себѣ имя въ литературѣ. Ея дочь, по ея словамъ, сама собою учится по русски!—Можете себѣ представить, какъ я утомленъ, почти пять ночей сряду не спавши порядкомъ, и потому, хотя здѣсь вѣрно разнеслась молва о моемъ прибытіи, я рѣшился первый день никуда не выходить, а записать все, что я видѣлъ, въ свой дневникъ и написать вамъ письма,—а то, если выйду хоть къ одному, то не дадутъ ни минуты свободнаго времени. Я начинаю говорить по хорватски или по сербски; по крайней мѣрѣ могъ со всѣми довольно свободно объясняться. Ни за что не хотѣли со мной говорить по нѣмецки. — Принесли ваши письма! Вѣдь они почти мѣсяцъ тутъ лежатъ! Что прикажете: никакъ нельзя заранѣе устроить свой маршрутъ. Особенно тутъ: желѣзныхъ дорогъ нѣтъ, а дилижансы или пароходы отходятъ не всякій день. Эти два ваши письма — одно отъ 23-го, другое отъ 30-го Мая, а нынче у насъ 26-е Іюня! Сколько писемъ должно меня дожидаться въ Бѣлградѣ! Отъ Вагнера получилъ извѣстіе, что до него дошелъ пакетъ съ книгами и рукописями на мое имя, и онъ отправилъ его въ Бѣлградъ. А я не могу попасть въ Бѣлградъ иначе, какъ черезъ недѣлю. Пароходъ по Савѣ до Бѣлграда идетъ только въ субботу, изъ Сиссека (часовъ 9 ѣзды отсюда въ дилижансѣ). Всего досаднѣе и грустнѣе, что я ничего не знаю о Константинѣ, не знаю даже, *выѣхалъ ли онъ!* Впрочемъ, недѣлю тому назадъ я писалъ письмо ему на всякій случай въ *Прагу*, что ѣду въ Аграмъ. Развѣ на всякій случай пустить телеграфическую депешу въ Бауценъ, на имя Смоляра. — Боже мой, сколько вамъ хлопотъ и хлопотъ, милая Маменька. — Неужели и не предвидится для меня дѣятельности? Газету ради Славянъ издавать необходимо, грѣшно не издавать. И я къ тому всѣми обстоятельствами призванъ теперь: Я далъ имъ честное слово, что буду всѣми силами хлопотать о газетѣ. Но меня занимаетъ мысль не только о самомъ содержаніи дѣятельности, но о выгодности денежной того или другаго предпріятія. — Я совершенно раздѣляю мнѣніе о пользѣ Карлсбадскихъ водъ для Константина. Ихъ довольно пить три недѣли или четыре. Если же Константинъ не уѣхалъ ради нездоровья (чего не дай Богъ), то скажите ему, что не поздно и те-

перь еще ѣхать въ Карлсбадъ. Іюль онъ будетъ пить, Августъ употребитъ на посѣщеніе Праги и Вѣны, и можетъ въ Сентябрѣ домой ѣхать, когда хочетъ. Скажите ему, что при всѣхъ Хорватскихъ пированьяхъ пили тосты и за его здоровье. Прощайте, дорогая Маменька. Будьте здоровы. Господь съ вами.

Понедѣльникъ. 4-го Іюля 1860 г. Аграмъ.

Пишу только нѣсколько словъ, чтобы сказать вамъ, милая моя Маменька и сестры, что я сейчасъ уѣзжаю изъ Загреба съ дилижансомъ въ Сиссекъ, куда пріѣду нынче же ночью, и въ 5 часовъ утра на пароходѣ по Савѣ отправлюсь въ Бѣлградъ. Тамъ буду въ середу, часа въ три по полудни. Тамъ меня дожидаются ваши письма и посылка. Меня *очень* безпокоитъ, что не знаю ничего о Константинѣ. Я послалъ отсюда телеграфическую депешу въ Бауценъ, на имя Смоляра, но не получилъ отвѣта; должно быть Смоляра не случилось въ это время въ Бауценѣ. (Прежде еще писалъ я письмо на имя Константина въ Прагу, poste restante). Третьяго дня спрашивалъ телеграфической депешей Раевскаго въ Вѣнѣ, не знаетъ ли, гдѣ находится Константинъ; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. И такъ положительно можно заключить, что Константина нѣтъ за границей; а изъ этого—что его нездоровье усилилось или затянулось, и что вы слѣдовательно въ Москвѣ. Но я не рѣшился посылать вамъ телеграфическую депешу, потому что не знаю вѣрнаго вашего адреса.—Вырваться отсюда раньше я никакъ не могъ, не оскорбивъ *«гостелюбности»* хорватской. Къ тому же задача моя упрочить дружественныя связи со Славянами и узнать поближе ихъ дѣло и обстоятельства. Здѣсь въ настоящую минуту много жизни и движенія: все готово вспыхнуть. Австрія страшно трусить, дѣлаетъ каждый день новыя уступки, подличаетъ, но Хорваты не даются въ обманъ. Такъ какъ ко мнѣ имѣютъ полную довѣренность, то я участвовалъ во всѣхъ собраніяхъ, совѣщаніяхъ, впрочемъ довольно гласныхъ, *демонстраціяхъ* и проч. и проч. Все это опишу вамъ впослѣдствіи подробно. Между тѣмъ я страшно утомленъ гостепріимствомъ. Всякой день даютъ мнѣ обѣдъ,

тотъ или другой изъ здѣшнихъ Хорватовъ, и вчера дали мнѣ обѣдъ всѣ сообща. По ихъ собственнымъ словамъ никогда ни одного русскаго такъ они не привѣтствовали и не праздновали. И все это за одно живое слово, къ нимъ обращенное, за попытку Паруса! Впрочемъ я постоянно обобщаю все ко мнѣ лично обращенное, потому что гораздо важнѣе, чтобы они не считали моего дѣйствія личнымъ моимъ дѣйствіемъ, а дѣйствіемъ всей Московской Славянофильской стороны,—чтó и истина. Не всѣ знаютъ положеніе дѣлъ въ Россіи, но тѣ, которые знаютъ, съ какимъ содроганіемъ, съ какимъ глубокимъ чувствомъ оскорбленія, говорятъ они о Петербургскихъ журналахъ, о русскихъ западникахъ. У насъ еще многимъ вопросъ Славянофильскій можетъ казаться празднымъ, но здѣсь это вопросъ жизненный, который не нынче—завтра разрѣшится кровопролитіемъ!—Но, разумѣется, мнѣ дороги также и личныя ко мнѣ симпатіи. Всему этому причиной, я думаю не безъ гордаго удовольствія,—то драгоцѣнное наслѣдіе, полученное нами отъ милаго Отесиньки и отъ васъ, милая Маменька: это вноситъ живой элементъ во всякое дѣло, попадающее къ намъ въ руки, что доказывается всею жизнью и дѣятельностью Константина и моею. Прощайте покуда, дай Богъ, чтобы все у васъ было благополучно.

Пятница. Іюля 8-го 1860 г. Бѣлградъ.

Вотъ наконецъ я и въ Бѣлградѣ, милая моя Маменька, Константинъ и сестры. Здѣсь нашелъ я наконецъ письма отъ васъ,—письма неутѣшительныя, правда, но по крайней мѣрѣ я знаю, что у васъ дѣлается. Я очень безпокоился, не зная рѣшительно ничего про Константина; теперь вижу, что болѣзнь его затянулась. Леченіемъ Варвинскаго я рѣшительно недоволенъ, и право думаю, что всего бы лучше было бы прислать Константина въ Вѣну (на мое попеченіе), гдѣ доктора отличные, и гдѣ бы рѣшили, куда ему ѣхать и какія пить воды. Въ *запущенное* воспаленіе легкихъ мнѣ рѣшительно не вѣрится. Впрочемъ извѣстія, которыя я отъ васъ имѣю, уже старыя извѣстія, и я приказалъ еще поискать на почтѣ писемъ отъ васъ. Почти нѣтъ сомнѣнія, что Австрія ихъ задерживаетъ и читаетъ. Первое письмо ваше отъ

6-го *Іюня*; второе (Наденькино) отъ 13-го *Іюня*. Письма доходятъ въ 10 дней; слѣдовательно, должно бы быть еще два или три письма отъ васъ. Сколько я помню, я просилъ васъ писать въ Бѣлградъ постоянно, до полученія отъ меня новаго адреса. Право, не могу вамъ теперь сказать ничего положительнаго о своемъ будущемъ путешествіи изъ Бѣлграда: это зависитъ отъ вашихъ писемъ и отъ другихъ обстоятельствъ, именно отъ денегъ. Банкиръ Френкель въ Варшавѣ, желая обдѣлать денежное дѣло выгоднѣе для меня, далъ мнѣ векселя и кредитивы, между прочимъ, на Берлинъ и Лондонъ, такъ какъ я предполагалъ быть въ этихъ городахъ. Размѣнять эти кредитивы здѣсь, въ Славянскихъ земляхъ, невозможно, да и вообще затруднительно въ Австріи, по исключительному ея финансовому положенію: ея денегъ бумажныхъ нигдѣ, кромѣ Австріи, не принимаютъ, а ея серебряныя и золотыя деньги принимаются съ великою потерею. Такъ здѣсь въ Сербіи (и въ Черногоріи) нѣтъ своей монеты и ходятъ преимущественно австрійскія, но тотъ дукатъ, который вы покупаете въ Вѣнѣ за шесть флориновъ, ходитъ здѣсь съ небольшимъ четыре флорина. Самое лучшее было бы имѣть французское золото: оно вездѣ ходитъ хорошо. Такимъ образомъ, имѣя даже деньги въ карманѣ, я рискую остаться безъ денегъ, и потому вѣрно долженъ буду сократить свое путешествіе, чтобы было съ чѣмъ доѣхать до Вѣны и тамъ размѣнявъ векселя, продолжать путешествіе, разумѣется, по нѣсколько измѣненному плану. Впрочемъ, все это я соображу, не успѣлъ еще. Здѣсь же на почтѣ нашелъ я (присланныя отъ Вагнера) два письма: одно отъ Любиньки, другое отъ Ник. Елагина изъ Дрездена. Очень благодарю милую Любиньку: въ письмѣ много интереснаго и мнѣ до сихъ поръ неизвѣстнаго; письмо Елагина писано уже три недѣли тому назадъ. Онъ спрашиваетъ: гдѣ бы съѣхаться. Проситъ написать ему въ Прагу, но думаю, мой отвѣтъ уже не застанетъ его тамъ.—Итакъ вы въ Сокольникахъ, на дачѣ Кокорева. Спокойно ли вамъ тамъ? Вѣдь въ Сокольникахъ трескотня, музыка и пѣсни цѣлый день. Впрочемъ, сколько я помню, эта дача нѣсколько въ сторонѣ. Но сколько, сколько хлопотъ. Необходимо положить этому конецъ покупкою дома. Не продать ли Вишенки

въ удѣлъ?—Если еще нѣсколько дней не будетъ отъ васъ писемъ, то я пошлю къ вамъ телеграфическую депешу. Меня не столько безпокоитъ болѣзнь Константина, сколько леченье, и я увѣренъ, дорога была бы ему полезна; но если бы онъ рѣшился ѣхать за границу, то не совѣтовалъ бы ему ѣхать на Варшаву: шесть дней и шесть ночей въ тѣсной каретѣ ужасно утомительны. Николай Елагинъ ужасно жалуется на эту ѣзду и называетъ ее факирствомъ, индійскимъ мученичествомъ. Всего лучше, было бы ѣхать на Петербургъ, оттуда до Динабурга, и тутъ верстъ сто или полтораста до Прусской границы: Нашелъ также письмо отъ Боденштедта здѣсь; онъ пишетъ: «ich bin ganz entzückt über die Comedie ihres Bruder (князь Луповицкій, я послалъ ему изъ Вѣны) — und werde Auszuge davon in meinem Skizzenbuche «Aus Ost und West» mittheilen. «Раппъ нашелъ посланную ему «философію азбуки» чрезвычайно интересною, и писалъ Боденштедту, что: «er wird ihm (Константину) in den Ferien (ваканція) ausführlich darüber schreiben». — Если бы не сильное и вполнѣ основательное безпокойство объ васъ, то само путешествіе было бы очень пріятно мнѣ. Бѣлграда я еще не видалъ. Вмѣсто середы попалъ я сюда только въ четвергъ, часа въ три послѣ обѣда. Во-первыхъ пароходъ нашъ, по темнотѣ ночи, не могъ идти ночью и долженъ былъ остановиться; отъ того мы прибыли въ Землинъ уже въ 8-мъ часу вечера, когда пароходъ, перевозящій пассажировъ съ одного берега на другой (Землинъ почти напротивъ Бѣлграда, на австрійскомъ берегу Дуная), уже отошелъ, а Австрія въ 8 часовъ вечера уже не пропускаетъ никого черезъ свою границу. Этого мало. По глупѣйшему австрійскому распоряженію, необходимо свидѣтельствовать паспортъ всякому, отправляющемуся въ Бѣлградъ, два раза: одинъ разъ въ Магистратѣ г. Землина, другой разъ — въ Platz commando. Я, пріѣхавши, тотчасъ отправился въ Platz commando, надѣясь въ тотъ же вечеръ успѣть хоть на лодкѣ переплыть Дунай; но тамъ, послѣ долгой ихъ возни съ паспортомъ, объявили мнѣ, что не могутъ меня пустить въ Сербію, что на моемъ паспортѣ не сказано ничего про Турцію. Тщетно старался имъ объяснить, что это не ихъ дѣло, что это уже дѣло Турціи или Сербіи

рѣшить, годится ли для нихъ мой паспортъ, а Австріи разсуждать о томъ нечего; что я прошу только одного — выпустить меня изъ Австріи. Тутъ одинъ офицеръ проговорился, что это все такъ, но wenn gewisse Persönlichkeiten (certaines personnes) reisen, то они должны строго исполнять правила и проч. Окончательно рѣшили, чтобы я приходилъ завтра, видѣться съ Oberst lietenant. Дѣлать нечего, я воротился ночевать на пароходъ (и такимъ образомъ три ночи спалъ на пароходѣ, не раздѣваясь, потому что нѣтъ отдѣльныхъ каютъ). На другой день, въ четвергъ, т. е. вчера отправляюсь опять въ Землинъ, въ Platz commando. Оберстъ отказываетъ мнѣ, увѣряя, что у нихъ такія правила, но что они gegen meine werthe Person ничего не имѣютъ. Я тотчасъ телеграфировалъ обо всемъ этомъ нашему консулу въ Бѣлградъ (полковнику Милашевичу, родомъ Сербу, очень хорошему человѣку). Часа черезъ три пріѣхалъ самъ консулъ, сдѣлавъ выговоръ Platz commando, и высвободилъ меня. Мы отправились съ нимъ назадъ въ Бѣлградъ; это было уже въ 3-мъ часу. Бѣлградъ чрезвычайно красивъ, особенно когда подходишь къ нему со стороны Савы или Дуная. Физіономію онъ имѣетъ Европейскую. Гостинница въ которой я остановился, очень порядочная и называется «*Старое зданіе*». Но къ моему величайшему горю, нѣтъ теперь въ Бѣлградѣ ни Милоша, ни сына его Михаила, ни Митрополита Михаила, съ которымъ я былъ въ перепискѣ по Парусу, и который воспитывался у насъ въ Россіи; ни многихъ другихъ профессоровъ Лицея, которыхъ я хотѣлъ видѣть: теперь ваканціи.—Бѣлградъ—гнѣздо интригъ политическихъ, какъ со стороны покровительствующихъ державъ, такъ, и еще болѣе, со стороны самихъ Сербовъ, раздѣленныхъ на множество партій. Интересъ политическій здѣсь поглотилъ всѣ другіе, *даже* коммерческіе. Не только современное положеніе тому причиной, но это лежитъ въ крови у Сербовъ.—Ссоры, вражды, наговоры, клеветы—здѣсь ежедневное явленіе. Нѣсколько человѣкъ Сербовъ, которые уже были у меня, всѣ разныхъ направленій и говорятъ одинъ противъ другаго! — Получилъ я съ почты (черезъ Вагнера) пакетъ съ книгами. Тамъ нашелъ я письмо А. И. Кошелева, въ которомъ онъ не изъявляетъ желанія платить за

переводъ Русской Бесѣды на нѣмецкій языкъ, и пишетъ о намѣреніи прекратить Русскую Бесѣду. — Тамъ же нашелъ я и письмо Константина, въ которомъ онъ пишетъ, что посылаются мнѣ три экземпляра грамматики, Молва, Православное Обозрѣніе и проч. Ничего этого я не получилъ, а получилъ только четыре экз. (вмѣсто пяти, какъ пишетъ Кошелевъ) новой Русской Бесѣды, и нѣсколько рукописей отъ Кошелева. Въ Бесѣдѣ я успѣлъ только прочесть статью Гильфердинга. Вамъ нѣтъ возможности оцѣнить всю ея современную важность для здѣшняго Славянскаго міра, и ея великое достоинство. Однако же отъ васъ писемъ нѣтъ и нѣтъ. Придется телеграфировать. Дай Богъ, чтобы неполученіе писемъ не означало ничего худаго. Прощайте покуда.

Бѣлградъ, 20-го Іюля 1860 г.

Хорошо, что я послалъ къ Вамъ телеграфическую депешу, милая моя Маменька, Константинъ и сестры. Изъ вашего отвѣта видно, что вы писали шесть писемъ въ Бѣлградъ, а теперь вѣрно уже выходитъ семь или восемь. Изъ вашей депеши видно, что Константину *лучше*, но только; значитъ— еще не совсѣмъ здоровъ и значитъ—болѣзнь его затянулась. Какая досада, что нѣтъ писемъ, изъ которыхъ бы я узналъ подробности. Боясь, что и мои письма къ вамъ не доходятъ, я посылаю вамъ это письмо страховымъ. Думаю, что и лѣтомъ вы не совсѣмъ довольны. По крайней мѣрѣ здѣсь весь Іюль мѣсяцъ предурной, черезъ день дождикъ. Сначала это очень благопріятствовало урожаю, но если дожди не перестанутъ, то они помѣшаютъ уборкѣ.—Слава Богу, что другіе всѣ здоровы.—Я писалъ вамъ изъ Бѣлграда по пріѣздѣ, еще до полученія депеши, которая шла (если нѣтъ ошибки въ числахъ) двое сутокъ. — Что сказать вамъ о Бѣлградѣ. Многое и самое интересное я не рѣшаюсь писать, писать, именно ради австрійскаго почтамта, потому что письма отдаются здѣсь въ австрійскую почтовую контору, находящуюся при австрійскомъ консульствѣ. Скажу вамъ только, что я пріѣхалъ въ самое неблагопріятное время: Князя нѣтъ, Митрополита нѣтъ, лекцій въ лицеѣ и присутствія въ Судахъ Сербскихъ нѣтъ, и многіе отсутствуютъ.—Кромѣ того инте-

ресъ политическій совершенно заглушаетъ здѣсь всякіе другіе интересы. Это впрочемъ совершенно понятно и законно. Мудрено равнодушно видѣть турецкую крѣпость (Бѣлградская крѣпость въ какихъ-нибудь двухъ стахъ шагахъ занята турецкимъ гарнизономъ), слышать турецкую музыку, видѣть турецкія войска въ самомъ городѣ: есть часть города, гдѣ Турки не имѣютъ права жить, и есть часть города, гдѣ живутъ и Турки и тамъ вездѣ турецкіе часовые. Сербы бы давно освободились отъ этой опеки, если бы не покровительство иностранныхъ державъ! Безпрестанно бываютъ стычки. Такъ на дняхъ сербскіе мальчишки исколотили одного турецкаго мальчика, вздумавшаго утверждать, что это земля турецкая. Вступилась турецкая полиція, и ее также поколотили.—Сербы съ трудомъ выносятъ зависимость свою отъ Порты, что Австрія особенно постоянно старается дать имъ чувствовать. Никакіе отвлеченные вопросы не идутъ въ голову, когда безпрестанно перебѣгаютъ выходцы изъ Босніи и Герцеговины съ разсказами о звѣрствѣ Турокъ, и когда Россія ограничивается только однимъ сочувствіемъ; когда католическая пропаганда въ Босніи каждый день дѣлаетъ успѣхи, и Австрія подъ этимъ условіемъ спасаетъ тамъ жителей отъ смерти и женщинъ отъ поруганія; когда теперь, въ Старой, еще несвободной Сербіи, Турція стягиваетъ войска и собирается обезоружить народонаселеніе, когда *семь* державъ, черезъ своихъ представителей постоянно связываютъ Сербовъ по рукамъ и ногамъ, интригуютъ между собою, вмѣшиваются въ правленіе, клевещутъ и проч. и проч., когда, наконецъ, каждый день приходится испытывать разныя мелкія оскорбленія отъ Австріи. Напр. нельзя выписать въ Сербію ни одной книги или газеты ни изъ Франціи, ни изъ Бельгіи и Англіи, ни изъ Россіи, если эта книга или газета запрещена—въ Австріи! Потому что нѣтъ другаго почтоваго пути, покуда, какъ черезъ Австрію! Такъ на дняхъ одному Черногорскому священнику, отправлявшемуся назадъ въ Черногорію, выдали изъ нашего консульства двѣ церковныя книги, надписавъ даже для какой церкви онѣ назначаются. Такъ какъ путь въ Черногорію изъ Босніи не только затруднителенъ, но теперь, по случаю борьбы Турокъ съ Герцеговинцами, совершенно невозможенъ, то нѣтъ другаго пути,

какъ чрезъ Австрію до Тріеста и потомъ на пароходѣ до Каттаро. Австрія не пропустила *книгъ*. Не австрійскій подданный везетъ книгу, не въ Австрію, а къ себѣ — и Австрія, какъ разбойникъ на большой дорогѣ, грабитъ! Если это можетъ дѣлать Австрія съ русскимъ консульствомъ, къ которому она не пропускаетъ даже изъ Бельгіи по почтѣ газету Le Nord, не смотря на адресъ, — то сами можете вообразить, какъ мало церемонится она относительно Сербовъ.—Сверхъ того, съ часу на часъ ожидается на всемъ Востокѣ событіе: война, распаденіе и дѣлежъ Турціи. Извѣстно также, что Австрія домогается себѣ Босніи и Сербіи, въ вознагражденіе за потерю Италіи. Это можетъ быть и случится, если угодно будетъ Наполеону. Конечно Сербы не поддадутся, но Боснія не въ силахъ противиться, а мы только похлопаемъ глазами. Мы умѣемъ энергически протестовать только въ пользу Неаполитанскаго Бурбона. Это понятно: тутъ есть истинное сочувствіе и тождество принциповъ! — Въ великую заслугу, въ великій духовный подвигъ должно быть зачтено Славянскимъ племенамъ ихъ вѣрованіе въ Россію, ихъ любовь и сочувствіе, потому что политика наша всегда поступала относительно ихъ предательски, какъ прежде или съ совершеннымъ невѣжествомъ или наконецъ съ позорною слабостью, какъ теперь. — Но не въ томъ дѣло. Я хотѣлъ только вамъ сказать, что мудрено еще толковать въ Сербіи о нормальномъ развитіи. Я въ большомъ затрудненіи относительно извѣстной вамъ рукописи, писанной Хомяковымъ*). Съ одной стороны нѣтъ того человѣка, которому это дѣло должно было быть препоручено; съ другой стороны — настоящая минута такова, что слово наше канетъ въ воду, не будучи замѣченнымъ. Мы воображали себѣ, что послѣ послѣдней скупщины Сербія вступила на путь самостоятельнаго развитія, а потому и нуждается въ совѣтѣ. Увы, вышло не такъ. *Мирный*, свободный скупщинскій элементъ, по невѣжественности русской дипломатіи или ея агентовъ, признанъ за элементъ революціонный и потому подвергся гоненію и стѣсненію, а этимъ самымъ дано мѣсто интригамъ и тайнымъ ковамъ! Люди скупщины, люди на-

*) Посланіе къ Сербамъ.

родной партіи, люди, европейски образованные, но въ тоже время горячо сочувствующіе Россіи, Москвѣ, Русской Бесѣдѣ и проч., удалены отъ правленія, и дано мѣсто «Швабамъ». Скупщина изъявила одно рѣшительное желаніе: свободу слова.... А теперь установлена цензура. Разумѣется, всякое стѣсненіе народнаго Славянскаго элемента, стѣсненіе свободы слова и проч. входитъ въ виды австрійской и французской политики; но наша политика есть единственная, которая не въ противорѣчіи съ свободою народности сербской, съ народными требованіями и стремленіями. — Князь Милошъ уже очень старъ и многое ему прощается теперь изъ чувства высокой деликатности въ народѣ, недавно его призвавшемъ. Въ настоящую минуту онъ опасно боленъ и призвалъ къ себѣ Митрополита и сына, Князя Михаила. Если онъ умретъ, то произойдетъ перемѣна къ лучшему, — всѣ надѣются. Князь Михаилъ пріѣзжалъ въ Бѣлградъ на нѣсколько дней, и я былъ у него, но сидѣлъ не болѣе четверти часа, потому что пріѣхалъ какой-то консулъ. Князь человѣкъ совершенно образованный. — Но Милошъ — этотъ послѣдній юнакъ Сербіи, принадлежащій еще къ эпохѣ сербскаго героическаго эпоса,—что это за исполинская натура! У него такая болѣзнь, которая бы всякаго другаго уже лѣтъ 10-ть свалила; а ему въ одинъ годъ пускають девять разъ кровь, да пять разъ піявки — и онъ ничего, оправляется! Ему гораздо болѣе 80-ти лѣтъ. Какимъ сномъ должна ему иногда казаться жизнь. Свинопасъ, *до сихъ поръ незнающій грамоты*, онъ создалъ цѣлую державу, теперь Князь: вокругъ него обстроился цѣлый красивый большой городъ, возникли академіи, лицеи, 400 школъ въ Сербіи и 14-ть тысячъ учащихся! Войско, артиллерія, законныя и сбыточныя мечты о расширеніи Сербіи и проч. и проч. Когда гуляешь по Бѣлграду, особенно тамъ, гдѣ по праздникамъ играетъ сербская музыка и гдѣ такой прекрасный видъ на Саву съ одной стороны и на Дунай, съ другой, видишь толпы гуляющихъ, много красивыхъ дамъ въ сербскихъ костюмахъ, слышишь славянскіе звуки,—то понимаешь чувство гордости въ Сербѣ. 30 лѣтъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ христіане торчали на кольяхъ, и Сербія была тоже, что теперь Боснія. Особенное чувство возбуждается при видѣ

другой Славянской державы, потому что, кромѣ Россіи и Сербіи, вездѣ славянскій языкъ — языкъ гонимыхъ и бѣдныхъ.—При всемъ томъ здѣсь, въ *настоящую* минуту, нѣтъ никакой общественной жизни, никакихъ мѣстъ сборища: даже другъ у друга не собираются. И къ сожалѣнію—другъ друга опасаются и боятся, потому что много интригъ и козней и шпіонствъ, поддерживаемыхъ иностранными консульствами, Турціей и австрійскими Сербами. Это не то, что въ Хорваціи, гдѣ въ настоящее время почти не боятся Австріи и гдѣ вы разомъ знакомитесь съ десятками людей. Здѣсь надо каждаго отыскивать, и такъ какъ городъ довольно большой, а экипажей нѣтъ, то много теряется времени.—Жизнь здѣсь довольно дорога, т. е. для человѣка съ не простыми сербскими потребностями. А. И. Кошелевъ пишетъ, что онъ рѣшительно прекращаетъ Бесѣду. Я уже ему отвѣчалъ, что прекратить Бесѣду просто нравственная невозможность, невозможнѣе всякихъ физическихъ невозможностей, но такъ какъ съ другой стороны настаивать на новыя денежныя жертвы съ его стороны было бы просто нечестно, то я прошу только о томъ, чтобы онъ не объявлялъ печатно о прекращеніи Бесѣды, потому что я сыщу средства. — Я хочу написать Кокореву письмо и просить его собрать между купцами капиталъ, подъ названіемъ «Славянскаго капитала», тысячъ въ 20, на который издавать Бесѣду, газету, если разрѣшатъ, и чинить еще разныя другія вещи на пользу Славянъ. Тогда все дѣло заключалось бы только въ имени редактора, и если бы мнѣ не позволили, то найдется другое имя. Но прежде прошу Васъ меня увѣдомить тотчасъ же, согласны ли вы всѣ на эту мѣру. Если не хотятъ, чтобы я просилъ у купцовъ денегъ для Бесѣды, то я все-таки буду просить ихъ о составленіи Славянскаго капитала для другихъ моихъ разныхъ плановъ.—Получилъ я здѣсь Бесѣду, прочелъ статью Константина. Она очень, очень хороша, только слишкомъ рѣзокъ переходъ отъ прежняго тона относительно Соловьева къ новому. Еще одно я замѣчу, что все это явленіе Лжедимитрія, междуцарствія и проч. выходитъ какъ-то исторической случайностью, обусловленною только случаемъ прекращенія рода Рюрикова, подозрѣніемъ, павшимъ на Бориса,—а не видно, не выставлено той внутренней истори-

ческой необходимости событія, которое только прицѣпилось къ внѣшней случайности. Кромѣ того — какъ-то непріятно вообразить себѣ, что Борисъ пострадалъ отъ недоразумѣнія, что недоразумѣніе, *ложъ* подозрѣнія и ложь мщенія (со стороны Димитрія) являются главными и единственными двигателями этого періода; это подрываетъ вѣру въ разумъ народный. Больше правды всему этому дѣлу, и слѣдовательно больше примиренія сообщаетъ убѣжденіе, что Борисъ точно убійца, какъ я признаюсь и думаю. Есть что-то законное тогда въ этой Немезидѣ, въ этой мстительной тѣни. А если Борисъ невиненъ, такъ исторія сыграла преотвратительную комедію, и народъ является какимъ-то слѣпцомъ. — Опять, если Борисъ и точно убійца, то и это все случайность, внѣшность, и не она произвела эту передрягу во всей Россіи. Все это только *внѣшніе поводы* событія, извнѣ его опредѣлившіе. Причины лежали глубже. Благодарю Константина за письмо, присланное съ Бесѣдой. Я очень радъ, что письма мои о нѣмцахъ признаны вами всѣми интересными.— Статья Гильфердинга объ историческомъ правѣ Хорватскаго народа такъ явилась *кстати* и такъ хороша, что по моей просьбѣ мнѣ уже перевели ее на сербскій языкъ, и я напечаталъ ее въ 1000 экз., преимущественно для Хорватовъ. Это послужитъ политической программой; я найду способы ее распустить, гдѣ мнѣ нужно. — Прощайте, милая моя Маменька. Дай Богъ, чтобы Константинъ скорѣе укрѣпился и обрѣлъ бодрость тѣла и духа. Крѣпко его обнимаю. Я уже писалъ, кажется, что въ посылкѣ ничего не оказалось, кромѣ четырехъ экз. Бесѣды и одной брошюры о глаголахъ, но ни Грамматики, ни Православнаго Обозрѣнія. Я думаю, впрочемъ, что Славяне едва ли поймутъ и оцѣнятъ его грамматику. Нѣмцы скорѣе ее оцѣнятъ; здѣсь бы, напр., Сербы обвинили бы ее въ нѣмецкой неясности; они вообще не большіе охотники до нѣмецкой отвлеченности, до нѣмецкой философіи. Прощайте.

Бѣлградъ, 29-го Іюля 1860 г.

Вчера вечеромъ вернулся я изъ своего путешествія по Сербіи, а нынче утромъ принесли мнѣ изъ консульства ваше

письмо, милая моя Маменька и милыя сестры. Слава Богу, что ваше-то здоровье хорошо, милая Маменька; но вашъ безотвязный кашель меня безпокоитъ. Вы бы поговорили съ Варвинскимъ. Вамъ бы, я думаю, не мѣшало бы поставить фонтанели на руки. Хотя я по телеграфу имѣю отъ васъ извѣстіе позднѣе, но вижу изъ всего, что выздоровленіе Константина происходитъ медленно. Какое тутъ заниматься, когда еще мушки ему ставятъ. Я самъ убѣжденъ въ необходимости для него если не винограднаго леченія,—объ этомъ я судить не могу,—то перемѣны воздуха, движенія—хотя бы пассивнаго, однимъ словомъ—поѣздки въ чужіе краи. Но къ этому я еще возвращусь, а теперь разсчитаю письма: я, по пріѣздѣ, нашелъ здѣсь отъ васъ два письма, дошедшія чрезъ Вѣну: одно отъ 6-го, другое отъ 13-го іюня. Нынче, 29-го Іюля получилъ письмо отъ 1-го Іюля. Это послѣднее письмо прислано сюда, въ русское консульство, изъ нашего консульства въ Букарестѣ! Что это за безпорядокъ! Точно будто почтамтъ не знаетъ, что прямого сообщенія съ Сербіей чрезъ Букарестъ не имѣется. Онъ не можетъ этого не знать, потому что въ Букарестѣ у насъ почтовая контора. На письмѣ, т. е. на конвертѣ—никакого штемпеля. Такимъ образомъ—нефранкированныя письма дошли исправно, а изъ франкированныхъ только одно. Значитъ—не достаетъ по крайней мѣрѣ *четырехъ*. Это отвратительно. Я послалъ вамъ депешу, чтобы вы адресовали письма въ Пештъ. Хочется и мнѣ поскорѣе выбраться въ городъ европейскій, куда бы письма и извѣстія могли доходить вѣрно, а не осажденный, какъ несчастный Бѣлградъ, со всѣхъ сторонъ двумя разбойническими державами — Австріей и Турціей, насмѣхающимися надъ безсильной досадой русскаго правительства. Доходятъ ли до васъ мои письма. Я думаю—я въ сентябрѣ мѣсяцѣ буду въ Прагѣ. Для винограднаго же леченія Константину надобно ѣхать или на Рейнъ и Неккаръ или въ Швейцарію въ Веве. Можно виноградъ найти и въ другихъ мѣстахъ, но тамъ нѣтъ докторовъ, нѣтъ этого заведенія лечиться виноградомъ, слѣдовательно нѣтъ отборнаго винограда.

Въ отсутствіе мое случилось здѣсь происшествіе, о кото-

ромъ, впрочемъ, я услыхалъ еще въ дорогѣ: крестьяне, погоняя своихъ воловъ и встрѣчая насъ, кричали намъ: «Есте ли чули, у Београду потукали су Турака?» (т. е. слышали ли, чуяли ли вы, въ Бѣлградѣ поколотили Турокъ). Я, кажется, писалъ уже вамъ, какъ возмутительно видѣть турецкую крѣпость здѣсь въ Бѣлградѣ. Мнѣ возмутительно, что же Сербамъ? Народъ, призывая опять Обреновичей, воображалъ, что Милошъ тотчасъ выгонитъ окончательно Турокъ какъ изъ Бѣлграда, такъ и изъ Старой Сербіи и Босніи. Но Милошъ старъ, да и иностранные консулы тяготѣютъ надъ Сербіей своимъ попечительствомъ.—Одинъ изъ Турокъ принялъ христіанскую вѣру (онъ, кажется, былъ изъ отуреченныхъ Босняковъ). Турки, встрѣтивъ его, стали надъ нимъ издѣваться и бить; избили почти до смерти. Пришла полиція, разняла ихъ. Поздно вечеромъ того же дня, въ той же части города, гдѣ Турки имѣютъ право селиться, одинъ Турокъ взошелъ въ кофейную, и на замѣчаніе слуги въ кофейной, Серба, что уже поздно, выхватилъ ножъ и ранилъ его. Тотъ закричалъ: «Турки рѣжутъ». Этотъ крикъ поднялъ на ноги всѣхъ Сербовъ въ той части города. Турки также сбѣжались, и пошла схватка. 15 Турокъ тяжело ранены, а 6 убито и брошено въ воду. У Сербовъ также нѣсколько человѣкъ ранено: они и ловчѣе, да и лучше вооружены. Сербы такъ разъярились, что если бы не пришла полиція, войско сербское и начальники, то они бы бросились на крѣпость и изрубили бы всѣхъ Турокъ въ городѣ. Насилу могли ихъ успокоить. Но на другой день—въ городѣ былъ точно праздникъ. На всѣхъ лицахъ сербскихъ сіяла радость. Такъ давно не приходилось имъ бить Турокъ! Къ тому же всѣ они—смотрятъ на это, какъ на начало будущей борьбы. Князя не было въ городѣ. Ему послали телеграфическую депешу, но у него былъ припадокъ его болѣзни, а когда припадокъ прошелъ, то долетѣла другая депеша о томъ, что все кончилось. Но народъ разсказываетъ, что будто бы Милошъ отвѣчалъ: «бить скотину».—Разумѣется, Паша и иностранные консулы, кромѣ нашего, старались, да и стараются еще обвинить Сербовъ и сербское правительство, а нашъ разумѣется, беретъ сторону Сербовъ. На другой день Паша собралъ у себя всѣхъ

консуловъ; конференція продолжалась четыре часа. Къ счастію прусскій консулъ принялъ сторону русскаго. Но французскій, англійскій и австрійскій (сардинскій дѣлаетъ то, что прикажетъ французскій) дѣйствуютъ постоянно враждебно Сербіи, и съ какою-то ожесточенною враждебностью. Однакожъ имъ не удалось; назначили только для производства слѣдствія смѣшанную коммиссію отъ Турецкаго и Сербскаго правительства. Разумѣется, обѣ стороны будутъ всячески другъ друга обманывать при слѣдствіи. Иначе и нельзя: такъ неестественно это отношеніе Сербовъ къ Туркамъ.— Англійскій консулъ недавно избилъ до полусмерти одного сербскаго крестьянина, у котораго подрядилъ сѣно, а потомъ отъ сѣна отказался. Когда Сербское правительство вступилось за избитаго, то англійскій консулъ отвѣчалъ, что онъ не признаетъ ни сербскихъ законовъ, ни сербскаго правительства, что онъ живетъ въ Турціи, а турецкіе законы ему бить не запрещаютъ. Каково! А Франція и Австрія стараются внушить Сербіи, что такое невыгодное ея положеніе происходитъ отъ сочувствія Сербіи къ Россіи, отъ преобладанія русскаго вліянія и отъ постоянно выражаемаго Россіею намѣренія вмѣшаться въ дѣла Турціи.— Между тѣмъ происшествія въ Сиріи, т. е. избіеніе христіанъ, соблазнительно дѣйствуютъ на умы Магометанъ и въ самой Турціи, и даже здѣсь въ Бѣлградѣ. Ихъ невѣжество и слѣпой фанатизмъ мѣшаютъ имъ видѣть, что они тѣмъ ускоряютъ гибель Турціи. Я долженъ сознаться, что Турки внушаютъ мнѣ страшное омерзеніе,—Турки нѣсколько цивилизованные еще больше, чѣмъ простые Турки. Отвратительно видѣть, какъ отдаютъ императорскія почести здѣшнему Пашѣ (какъ представителю Султана), тучной свиньѣ, знающей сотню словъ французскихъ, носящей лакированные сапоги и вливающей въ себя ежедневно ведро кофею!—Разумѣется, это неестественное положеніе долго продолжаться не можетъ, и можно со дня на день ожидать новой вспышки, новаго побоища, не смотря на искреннія усилія сербскаго правительства предотвратить ихъ, потому что оно не увѣрено въ энергической, дѣятельной поддержкѣ Россіи.—Новый щелчокъ, данный намъ на парижской конференціи по случаю сирійскихъ дѣлъ, уступка Россіи, признавшей сирійское

вмѣшательство не нарушающимъ парижскій трактатъ, произвели здѣсь очень тяжелое впечатлѣніе. Если же Россія сблизится съ Австріей, какъ о томъ пишутъ въ газетахъ и чему никто еще не вѣритъ, то мы утратимъ окончательно свое значеніе на Востокѣ и симпатію всѣхъ Славянъ, какъ австрійскихъ, такъ и турецкихъ, и сами толкнемъ ихъ въ объятія Наполеона. Если бы Франція имѣла хоть милліонную долю той симпатіи, которою пользуется у Славянскихъ народовъ Россія, то она бы надѣлала здѣсь чудеса.—Князь Милошъ теперь въ Бѣлградѣ, но онъ такъ боленъ, что никого не видитъ.—Все въ ожиданіи здѣсь. Если онъ умретъ, то произойдетъ нѣкоторая перемѣна во внутреннемъ управленіи. Но что это за интересное лицо—Князь Милошъ! Какая желѣзная натура! Ему, говорятъ, 90 лѣтъ; 70-ти лѣтъ слишкомъ онъ выдержалъ одну изъ страшнѣйшихъ и опаснѣйшихъ операцій. Теперь, уже сколько времени, у него такая болѣзнь, что всякій другой сто разъ умеръ бы. Я вамъ писалъ, кажется, что ему 15 разъ пускали кровь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Наконецъ крови не стало, пошла вода. Думали, что онъ въ ночь умретъ, а утромъ припадокъ прошелъ (хлопанье сердца), и онъ кричитъ, чтобы подали ему «Гибаницы!». Это тяжелое кушанье сербское, въ родѣ блиновъ. Желудокъ у него превосходный. Народъ его очень любитъ, разсказываетъ про него тысячу анекдотовъ, сложилъ тысячу пѣсней; казни его призналъ справедливыми и восхваляетъ его доброту и грозное правосудіе. Въ прошломъ году была скупщина (другая, не та, которая воротила Милоша), и народъ,—(Славянскій народъ!) вручилъ Милошу власть неограниченную или «полное повѣреніе», какъ здѣсь выражаются.—Я проѣздилъ по Сербіи цѣлую недѣлю, въ телѣгѣ, на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ, съ кормежками и ночевками. Былъ въ городахъ Смедеревѣ, Ягодинѣ, Крагуевцѣ, Свиляницѣ и другихъ и въ монастырѣ Манассіи. Очень доволенъ своей поѣздкой. Я былъ не одинъ, а съ однимъ Сербомъ. Впечатлѣніе, произведенное на меня Сербіею—впечатлѣніе молодости, свѣжести, весны. Все еще только начинаетъ жить и *радуется* первымъ признакамъ своей жизни. Нѣтъ никакого заматерѣлаго зла. Сербія до сихъ поръ празднуетъ свое освобожденіе.—Сколько разъ

встрѣчалъ я группы стариковъ, распивающихъ свое домашнее сербское вино—безъ ссоръ и безъ драки, а цѣлуясь и обнимаясь, какъ настоящіе Славяне,—и весело вспоминающихъ свои битвы съ Турками при Карагеоргіѣ и при Милошѣ; весело поглядывающихъ кругомъ себя! И дѣйствительно—есть чему порадоваться. Мирно и безопасно, съ пѣснями пашутся поля, строятся города, прокладываются пути и чинится всякій урядъ. Понятно, что самый простой Сербъ радуется всему, что можетъ скорѣе обезпечить его родину, радуется и терпѣливо сноситъ всякія жертвы и налоги, чтобы образовалась сербская держава. Для насъ поразительно это отношеніе ихъ къ власти, къ начальству. Тутъ нѣтъ вражды, нѣтъ ни рабства, а свободное признаніе власти и отданіе ей почета. Я видѣлъ вездѣ начальниковъ округа—подполковниковъ, носящихъ даже русскіе (они же сербскіе) мундиры—въ самыхъ братскихъ отношеніяхъ со всѣми простыми Сербами. Не то, чтобы онъ снисходилъ къ нимъ, и не то, чтобы они грубили ему, а просто ни тому, ни другому не входитъ въ голову мысль о неравенствѣ. А между тѣмъ слушаются этихъ начальниковъ превосходно. Здѣсь, разумѣется, нѣтъ и тѣни идеи западнаго равенства, а духъ братства, допускающій полную свободу неравенства состояній, занятій, чести. Впрочемъ и то сказать—въ Сербіи нѣтъ сословій, какъ у насъ. Есть народъ, одинъ народъ, изъ котораго одни пашутъ, другіе торгуютъ, третьи занимаются науками, четвертые служатъ. Но поэтому самому Сербіи грозятъ великія опасности. Ей нужно стать державой,—и кругомъ, даже въ самой Россіи, которой она во многомъ подражаетъ, формы готовыя. Я знаю одно изъ лицъ, которое не хочу назвать, но которому суждено играть роль въ Сербіи,—которое возмущалось тѣмъ, что предсѣдатель княжескаго Совѣта, второе лицо послѣ Князя, встрѣтясь на улицѣ съ родственниками своими мущинами, сталъ съ ними публично цѣловаться. Этотъ предсѣдатель чистый Сербъ, хотя и образованный и поступилъ такъ потому, что онъ и понять не можетъ, какъ поступить иначе. Впрочемъ Милошъ, при всей неограниченности своей власти, поступаетъ точно также, и во всѣхъ своихъ указахъ, прокламаціяхъ и объявленіяхъ пишетъ къ народу: «братья!»—Зайдя въ избу

крестьянскую въ одномъ селѣ, я посмотрѣлъ чулки, которые вяжетъ старая хозяйка, разумѣется, для домашняго употребленія: чулки всегда узорчатые. Вообразите же мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что она вышиваетъ на чулкахъ сербскій гербъ, разумѣется, называя его иначе, сербскимъ борякомъ (знаменемъ), сербской круной. Это можетъ показаться страннымъ, но вспомните, что для Сербовъ этотъ гербъ, который теперь гордо развѣвается на флагѣ княжескаго дворца, есть символъ освобожденія и возрожденія Сербіи, ея независимаго существованія, цѣну котораго они каждый день ощущаютъ. Однимъ словомъ—все это въ высшей степени интересно, и я постараюсь все это описать особо.—Я выѣзжаю отсюда въ пятницу. Нынче (понед.) пріѣзжаетъ Митрополитъ, и я съ нимъ увижусь. Пожалуйста, попросите Гилярова увѣдомить меня подробно—что они затѣваютъ относительно журнала. Мнѣ это необходимо знать, а то мы можемъ встрѣтиться. Прощайте, милая моя Маменька, милый братъ Константинъ и милыя сестры. Благодарю васъ за письма.

7-го Августа 1860 г.

Пишу вамъ, милая Маменька, милый Константинъ и сестры, еще изъ Бѣлграда, но уже наканунѣ своего отъѣзда, который откладывалъ по разнымъ обстоятельствамъ. Завтра самъ отвезу это письмо въ Землинъ, гдѣ потомъ сяду на пароходъ и поплыву вверхъ по Дунаю до г. Карловцы (часовъ 5 плаванья): тамъ резиденція патріарха сербскаго (т. е. австрійской Сербіи и всѣхъ австрійскихъ православныхъ Славянъ). Впрочемъ въ настоящее время патріарха тамъ нѣтъ. Около Карловцевъ начинается «Фрушка Гора», тоже для здѣшнихъ Славянъ, что гора Аѳонская на югѣ,—т. е. усѣянная монастырями (кажется — 12, на значительномъ пространствѣ), въ прекрасномъ мѣстоположеніи. Я посѣщу монастыря два или три, небольше, и поспѣшу въ Новый Садъ (Neusatz), а оттуда дня черезъ два поплыву въ *Пестъ*,—такъ что въ Пестѣ буду дней черезъ шесть. Тамъ надѣюсь найти объ васъ свѣжія вѣсти. Я думаю, что виноградное леченіе, прописанное Константину, должно начаться не позже сентября новаго стиля, поэтому въ скоромъ вре-

мени можно ожидать, но я въ послѣднемъ письмѣ невѣрно разсчелъ, что буду въ это время въ Прагѣ: я буду въ Пестѣ.—На дняхъ получилъ я наконецъ два старыхъ вашихъ письма, одно отъ 19-го, другое отъ 23-го іюня, писанное Любинькой. Вообразите, московскій почтамтъ отправилъ ихъ чрезъ Букарестъ; оттуда они возвращены въ Москву, съ надписью на конвертѣ, что сообщенія почтоваго не имѣется, а изъ Москвы опять отправлены въ Бѣлградъ, чрезъ Вѣну! Такимъ образомъ я получилъ отъ васъ здѣсь пять писемъ: два прямо черезъ Вѣну, два—возвращенныя изъ Букареста и одно, послѣднее, присланное консуломъ изъ Букареста. Сколько же вы писали?—Доходятъ ли до васъ мои письма? Получилъ я еще письмецо отъ Графини Блудовой, въ которомъ она говоритъ о томъ, что видѣла васъ всѣхъ и Константина, котораго нашла исхудалымъ и больнымъ, но лучше на видъ, чѣмъ въ прошломъ году. Пишетъ, что его посылаютъ на виноградъ въ Швейцарію. Просьбу Михайлова исполню, хотя теперь думаю—уже поздно.—Да, странны поступки Чижова. Я отъ него получилъ письмо мѣсяца два тому назадъ престранное: оба мои стихотворенія разругалъ, меня разбранилъ и себя разбранилъ, меня за то, зачѣмъ для упражненія воли не занялся древними языками, себя за то, что все и всѣ ему противны. Я не отвѣчалъ ему,—его письмо было отвѣтомъ на мое, но хотѣлъ написать ему, что я не вижу особеннаго толку отъ его твердости воли, которою онъ такъ хвастается. Механическое упражненіе воли не только не даетъ мудрости, но и не даетъ внутренней силы человѣку: Петръ Васил. Кирѣевскій, который, казалось, пяти секундъ не могъ быть безъ трубки,—для того, чтобы показать силу воли, бросилъ на три года трубку, а между тѣмъ не могъ себя заставить присѣсть за работу.—Вотъ и князя Данилу убили! Убилъ его не народъ и даже не партія Георгія Петровича, изгнанная Данилой изъ Черногорья, а просто черногорецъ изъ личной мести, внѣ предѣловъ Черногоріи. Всѣ мои разсказы теперь о Данилѣ и о Цетиньскомъ дворѣ опоздали. Никита, его племянникъ, поставленный Княземъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 19-ти, три года воспитывавшійся въ Парижѣ и вернувшійся оттуда всего мѣсяца четыре. Онъ очень ограниченъ и вовсе не юнакъ и будетъ

покорнѣйшее орудіе политики французской, если удержится. Первый совѣтъ его Князю Данилѣ, по пріѣздѣ изъ Парижа, былъ уничтожить преподаваніе Закона Божія въ немногихъ народныхъ школахъ въ Черногорьѣ: «Не всѣ вѣдь попы будутъ»! Разумѣется, Данила, лучше его знавшій свой народъ, отвергъ этотъ совѣтъ. Не знаю, какъ поступитъ теперь русское правительство. Въ настоящую минуту смерть Данилы очень не кстати: онъ поддерживалъ возстаніе въ Герцеговинѣ и готовился къ войнѣ съ Турціей.—Хотя Данила былъ и неблагодаренъ относительно Россіи и подпалъ подъ совершенное вліяніе Наполеона, но жаль его: у него была цѣль, къ которой онъ стремился, идея, за которую онъ постоянно подвергалъ свою жизнь опасности, были честолюбивыя мечты и планы за Черногорію! Ему не было и 30-ти лѣтъ, а онъ бы непремѣнно присоединилъ къ себѣ Герцеговину и создалъ бы изъ Черногоріи цѣлую державу.—Вотъ и въ Сербіи ждутъ перемѣнъ, именно смерти Милоша, который, кажется, на этотъ разъ не выздоровѣетъ.—Я думаю, что и въ Сербіи мое пребываніе было не безполезно; я принялъ, разумѣется, самое горячее участіе во всѣхъ ея внутреннихъ дѣлахъ и интересахъ; объ этомъ нѣтъ никакой возможности писать по почтѣ. Что же касается до нашего посланія къ Сербамъ, приведшаго въ восторгъ всѣхъ, кому я читалъ его, то̀, по совѣту Митрополита и всѣхъ пріятелей, я его напечатаю въ Лейпцигѣ на русскомъ и сербскомъ языкахъ, а здѣсь въ Бѣлградѣ печатать его нельзя: и цензура не пропуститъ, и обоимъ Князьямъ будетъ оно во многомъ непріятно; а печатать такую вещь, безъ вѣдома, типографія не рѣшится.—И такъ, черезъ нѣсколько дней буду въ Пестѣ. Это письмо я доканчиваю вамъ 9-го августа въ Нейзатцѣ (Новомъ Садѣ), куда проплылъ на пароходѣ прямо, не останавливаясь въ Карловцѣ, а отсюда поѣду въ монастыри. Какіе жары страшные! По 27-ми градусовъ въ тѣни. И за то какія ночи! Именно вчера сѣлъ я на пароходъ часовъ въ 8 вечера, а въ 2 часа онъ тронулся. Широкій Дунай и теплая южная ночь заставили меня вспомнить стихи Тютчева. Хотя и августъ, но погода стоитъ такая, что Константинъ могъ бы, если бы было нужно, еще попить Карлсбадскія воды. Прощайте, моя милая Маменька и милыя сестры и Констан-

тинъ, если только онъ еще не уѣхалъ. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы и по возможности бодры. Напишите мнѣ о журналѣ Гилярова, что это такое. Мнѣ вѣдь очень нужно знать.

24 Августа 1860 г. Берлинъ. Среда.

Давно не писалъ я вамъ, милая моя Маменька и сестры, какъ потому, что въ это время сносился съ вами по телеграфу, такъ и потому, что былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ. Пріѣхавъ въ Пестъ, я нашелъ тамъ ваше письмо отъ 25-го Іюля, вслѣдствіе котораго отправилъ къ вамъ депешу. Получивъ отвѣтъ, что Константинъ выѣзжаетъ 20-го, я на другой день поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ пробылъ по дѣламъ три дня (тамъ у Раевскаго я нашелъ еще депешу отъ васъ телеграфическую: со времени выѣзда моего изъ Бѣлграда, онъ не зналъ моего адреса), и въ прошедшее воскресенье утромъ покатилъ со шнелльцугомъ въ Берлинъ, куда и прибылъ черезъ 22 часа, а изъ Берлина, (зайдя къ банкиру для размѣна австрійскихъ денегъ), въ тотъ же день поѣхалъ въ Штеттинъ (всего 3½ часа ѣзды). Тамъ сталъ дожидаться Константина и дождался. Онъ страшно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, похудѣлъ радикально, такъ, что и вообразить нельзя, чтобы онъ былъ когда нибудь человѣкъ полный; очень слабъ вообще,—но я думаю, что поѣздка въ чужіе краи принесетъ ему большую пользу. Въ нравственномъ отношеніи я нашелъ его гораздо лучше, свѣжѣе, воспріимчивѣе къ впечатлѣніямъ, чѣмъ я предполагалъ, и очень, очень этому радуюсь. Его интересуютъ и чужіе краи и вопросы политическіе и общественные, и нѣтъ этой idée fixe, какая имъ владѣла въ Москвѣ. Разумѣется, ему надо беречься и не только простуды, но и всякихъ усилій. Очень кстати, что я пріѣхалъ. Я провожу его до мѣста леченія, устрою его тамъ и, поживя съ нимъ нѣсколько, посмотрю — можно ли будетъ мнѣ его оставить недѣли на три: у меня есть начатыя дѣла, которыя мнѣ необходимо окончить.—Можете себѣ представить, какъ я обрадовался Константину, какъ много намъ обоимъ надо пересказать другъ другу; но мы еще далеко не все переговорили, какъ потому что я боюсь его утомлять, такъ и потому, что у

насъ въ разговорахъ каждый частный случай даетъ поводъ къ пространнымъ разсужденіямъ и общимъ выводамъ. Мнѣ хотѣлось тотчасъ же вамъ дать знать изъ Штеттина о пріѣздѣ Константина, но онъ меня удержалъ. Онъ старается экономничать на каждомъ шагу и, разумѣется—неумѣстно; но попался въ мои руки, такъ я его отъ этого вылечу! Теперь другой меня вопросъ очень занимаетъ — это *ваша* поѣздка въ чужіе краи. Разсказъ Константина о томъ, что вы, милая Маменька, перенесли желѣзную дорогу хорошо, подаетъ надежду, что вы можете и здѣсь перенести это путешествіе, тѣмъ болѣе, что здѣсь дороги покойны, и концы коротенькіе, и можно имѣть потому вездѣ ночлеги. Вообще за границей путешествовать вамъ будетъ не трудно, но какъ добраться сюда? Лучше всего чрезъ Петербургъ и Динабургъ по желѣзной дорогѣ; тамъ заранѣе заказать почтовую карету (или частную) и доѣхать до Сталюпена, гдѣ я васъ встрѣчу. Во всякомъ случаѣ необходимо будетъ вамъ нанять курьера, уже путешествовавшаго по чужимъ краямъ, который вамъ заранѣе долженъ заказывать нумера въ гостинницахъ и встрѣчать съ экипажами при выходѣ изъ вагоновъ. Такъ какъ васъ много, то это необходимо, потому что иначе не найдется нумеровъ въ гостинницахъ, что очень часто бываетъ. Такъ и теперь въ Берлинѣ: по одному, по два нумера есть въ гостинницѣ, а на 6 или на 7 человѣкъ разомъ, да рядомъ—нѣтъ. Доѣхать до мѣста вамъ будетъ стоить тоже, что прожить на мѣстѣ шесть мѣсяцевъ, т. е. рублей 600; всего же на цѣлый годъ, съ поѣздкою, вамъ надо будетъ 3000 р. сер. Ѣхать *вамъ* надо будетъ въ первомъ классѣ, но мы съ Константиномъ ѣздимъ во второмъ.—Какая досада, что перемѣнилась погода! Въ субботу въ Вѣнѣ въ тѣни было 28 градусовъ жару; въ воскресенье также, но вечеромъ перемѣнился вѣтеръ и наступила погода довольно холодная и сырая. Разумѣется, чрезъ нѣсколько дней наступитъ опять теплая. Я требую (и это непремѣнно будетъ), чтобы Константинъ въ Дрезденѣ посовѣтовался съ знаменитымъ Вальтеромъ, именно на счетъ винограда, чтобы знать, куда ѣхать, какой именно виноградъ ему нуженъ. Мое мнѣніе—ѣхать ему на Рейнъ, потому что въ Веве онъ соскучится: тамъ нѣтъ другаго общества, кромѣ общества туристовъ,—

а на Рейнѣ онъ будетъ съ любезными ему нѣмцами.—Прощайте покуда, милая Маменька и милыя сестры, не безпокойтесь за насъ, будьте добры и здоровы.

29-го Августа 1860 г. Понедѣльникъ вечеромъ. Гейдельбергъ.

Вотъ откуда пишемъ мы вамъ, милая Маменька и милыя сестры. Вы довольно часто получаете отъ насъ письма и можете постоянно слѣдить наше путешествіе. Съ Траубе въ Берлинѣ мы не могли посовѣтоваться, а въ Дрезденѣ Константинъ не захотѣлъ. Я уговаривалъ его ѣхать прямо на мѣсто, но въ Лейпцигѣ на него нашло раздумье, зачѣмъ онъ не поѣхалъ въ Прагу, и мы чуть-чуть было не отправились туда, назадъ черезъ Дрезденъ; но такъ какъ это сопряжено было съ большими неудобствами (поѣздъ отходилъ въ часъ ночи, надо было дожидаться цѣлый день и проч.), то онъ согласился оставить это намѣреніе. Я этому радъ: самое лучшее для него было бы посидѣть гдѣ-нибудь на мѣстѣ, въ теплѣ и покоѣ. Большіе переѣзды и особенно суета, нераздѣльная съ ѣздою по желѣзнымъ дорогамъ, очень его утомляютъ. Разумѣется — и въ этомъ отношеніи можете вполнѣ на меня положиться — всѣ хлопоты я взялъ на себя, не допускаю его ни до какихъ заботъ, не подалъ ему до сихъ поръ ни одного повода къ раздраженію и проч. и проч., но вы знаете характеръ Константина: онъ, то боится опоздать и спѣшитъ на станцію раньше, чѣмъ нужно или же начнетъ не у мѣста экономничать — относительно нумеровъ гостинницы или же деликатничать съ здоровыми пассажирами въ вагонѣ, которымъ хочется сквознаго вѣтра. Если бы онъ поѣхалъ въ Прагу, то непремѣнно поддался бы на всякое приглашеніе, сдѣланное радушно, — посѣтить того или другаго, посмотрѣть Прагу, Музей и проч. А для всего этого надо лазить на третій или на четвертый этажи, ходить по улицамъ и подвергаться вѣтру. Погода стоитъ скверная, и нѣмцы въ отчаяніи, но еще надѣются имѣть хорошую, мягкую и теплую осень, по обыкновенію. Я положительно убѣдился, что когда Константинъ высидитъ сутки и отдохнетъ двѣ ночи не торопясь ѣхать, то онъ становится бодрѣе, крѣпче, веселѣе. Но вотъ бѣда. Виноградъ еще не зрѣлъ и

вездѣ, гдѣ производится Traubencur здѣсь на Рейнѣ, объявлено, что она начнется не раньше 30-го Сентября новаго стиля, т. е. почти черезъ три недѣли. Хеліуса нѣтъ. Мы призвали Поссельта, пожилаго и опытнаго врача, хотя и не пользующагося большою славой. Онъ внимательно разсматривалъ и изслѣдовалъ Константина, согласился во всемъ съ Варвинскимъ и хотя выразилъ мнѣніе, что пораженіе или возбужденіе сердца, расширивъ его, придавило легкія или что-то въ этомъ родѣ, но я думаю, что онъ это сказалъ уже вслѣдствіе моихъ словъ, что была и есть нравственная причина болѣзни. Онъ находитъ, что Константину слѣдуетъ сначала попить Соденскія воды (тамъ ихъ много сортовъ) и приготовить себя къ виноградному леченію. Пульсъ онъ нашелъ 95, но причиною этого учащенія пульса я полагаю отчасти утомленіе отъ дороги, отчасти — щупанье, стуканье и вороченье съ боку на бокъ, произведенное Поссельтомъ, а главное—собственное Константина нервное возбужденіе при разсказѣ доктору, при заготовленіи и врученіи ему денегъ и проч. Никакъ еще не можетъ онъ отнестись къ своему путешествію и къ окружающей его внѣшности безъ суеты и спѣха, спокойно, и не деликатничая неумѣстно. Нынче мы сами считали пульсъ: выходило 85. (Я пишу это письмо уже во вторникъ, въ 4 часа послѣ обѣда). Нынче утромъ въ 7 часовъ послали мы депешу въ Веве къ Curchod, котораго и книгу я здѣсь купилъ. До сихъ поръ нѣтъ отвѣта. А такъ какъ въ гостинницѣ Adler, гдѣ мы остановились и ночевали, нумеръ былъ сырой и темный (я и не хотѣлъ въ немъ оставаться, но Константинъ настоялъ), и Константинъ, теперь очень чувствительный, самъ почувствовалъ, что ему въ этой комнатѣ непріятно, то я уговорилъ его, отложивъ въ сторону церемоніи съ хозяиномъ, перебраться въ другую гостинницу, Prinz Carl, гдѣ теперь сидимъ и пишемъ, заплативъ 30 коп. сер. за нумеръ дороже, — и онъ самъ радъ, что перешелъ. Здѣсь встрѣтились мы съ Ѳед. Ив. Тютчевымъ; онъ очень обрадовался и принялъ въ Константинѣ живое участіе. Нынче онъ уѣзжаетъ въ Баденъ, а оттуда ѣдетъ также въ Веве и также ѣсть виноградъ. Онъ, кажется, съ семействомъ. Это-то хорошо, что Тютчевъ тамъ будетъ, если ужъ и Константину придется туда ѣхать, хотя вообще

говоря — довольно противно жить въ обществѣ туристовъ. Если же виноградъ и тамъ не поспѣлъ, то не знаю, какъ и быть. Я думаю, придется ѣхать въ Вѣну (отсюда есть другой путь: черезъ Штутгардтъ, Мюнхенъ и Зальцбургъ: недавно открыта была желѣзная дорога—вы чай читали про съѣздъ и рѣчи Баварскаго короля и Австрійскаго Императора); въ Вѣнѣ посовѣтоваться съ Апольцелемъ и Шкодою и ѣсть виноградъ или въ Венгріи или въ Австрійской Сербіи или въ Лейбахѣ. Чѣмъ восточнѣе, тѣмъ лучше была погода, и сколько мнѣ извѣстно—виноградъ тамъ зрѣлѣе. Вся бѣда въ томъ, что какъ нашимъ, такъ и здѣшнимъ нѣмецкимъ докторамъ эти мѣста мало извѣстны, а потому и не модны, хотя они право лучше тѣхъ, въ которыя обыкновенно посылаютъ. Да, узнали мы, что виноградное леченіе продолжается здѣсь даже и въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, пока не снятъ весь виноградъ.—Вотъ и отвѣтъ отъ Curchod. Что тутъ дѣлать? Оставаться двѣ или три недѣли въ Гейдельбергѣ—нѣтъ смысла: теперь *феріи*, т. е. праздники, ваканціи, лекцій нѣтъ и профессора разъѣхались. Ѣхать въ Швейцарію заранѣе и выжидать тамъ времени леченія было бы хорошо, если бы погода была благопріятна, а сидѣть запершись безъ дѣла— въ какой-нибудь деревушкѣ около Веве—Константину будетъ тоска. Ему очень нужно или занятіе или посѣщеніе, разговоръ; онъ такъ и рвется въ Прагу, чтобы потолковать, поговорить съ Славянами. Мы рѣшаемся воспользоваться этимъ временемъ, чтобы съѣздить въ Вѣну; кстати, и я тамъ обдѣлаю свои дѣла и буду свободнѣе, чтобы ѣхать съ нимъ потомъ въ Швейцарію. Тамъ въ Вѣнѣ тьма тьмущая Славянъ всѣхъ націй, которые встрѣтятъ его самымъ отраднымъ для него образомъ. Завтра мы выѣдемъ въ первомъ часу по полудни ($12^1/_2$) и будемъ въ Мюнхенѣ въ $9^3/_4$ вечера. Тамъ остановимся на сутки или на двѣ ночи: тамъ кстати надо мнѣ и Константину взглянуть на переводы его статей изъ Русской Бесѣды. А въ Пятницу въ семь часовъ утра поѣдемъ и въ восемь часовъ вечера будемъ въ Вѣнѣ. Если точно рѣшимся на этотъ планъ, то вамъ пошлемъ телеграфическую депешу. Прощайте, милая моя Маменька и милыя сестры. Какъ, я думаю, вы безпокоитесь. Если леченіе виноградомъ продолжится шесть недѣль, до поло-

вины Ноября, то Константину придется возвращаться очень поздно. Разумѣется, все зависитъ отъ состоянія здоровья. Прощайте.

Вѣна. 4-го Сентября. Воскресенье.

Наконецъ мы получили отъ васъ письмо, милая моя Маменька и милыя сестры. Раньше оно придти не могло, но Константинъ очень безпокоился. Какъ я радъ, что сестрамъ удалось осмотрѣть Петербургъ, видѣть картину Иванова и даже познакомиться съ пароходомъ. Теперь, какъ опытныя путешественницы, онѣ могутъ подумывать и о большомъ путешествіи! Но повторяю вамъ, въ случаѣ путешествія—необходимо вамъ нанять курьера (о чемъ можно объявить въ газетахъ), который бы довезъ васъ до мѣста и который, отправляясь за нѣсколько часовъ впередъ, встрѣчалъ бы васъ вездѣ съ экипажами и заказывалъ бы впередъ нумера. Иначе большому семейству нѣтъ возможности путешествовать. Вотъ и намъ не разъ приходилось, пріѣхавъ въ городъ почти ночью, странствовать отъ одной гостинницы къ другой, потому что вездѣ занято или есть нумеръ только въ четвертомъ этажѣ или одинъ нумеръ (съ одною постелью) въ первомъ, а другой въ четвертомъ и т. д. Все это я сообщаю вамъ на всякій случай, если бы вы захотѣли ѣхать за границу, о чемъ впрочемъ вы конечно дадите намъ знать по телеграфу.—Я замѣтилъ, что теплая погода имѣетъ на Константина *положительное* доброе вліяніе. Погода, слава Богу, стала лучше, мягче, и Константинъ себя какъ-то легче чувствуетъ, бодрѣе. Все не могу его уговорить посовѣтоваться съ докторами: онъ объявилъ заранѣе, что никакому ихъ наставленію не послѣдуетъ, а потому и совѣтоваться нечего.—Извѣстіе о сближеніи Россіи съ Австріей встревожило и смутило Славянъ до такой степени, что теперь совѣстно и къ нимъ на глаза показаться. Варшавское свиданіе толкаетъ Славянъ въ объятія Наполеона и подрываетъ наше значеніе на Востокѣ, выдержавшее даже испытаніе войны 1855 года. Оно же рушило многіе мои планы.—Получилъ я здѣсь изъ Бѣлграда одно ваше письмо (послѣднее, писанное въ Бѣлградъ).—Теперь всѣ мои личныя соображенія на счетъ меня самого и моей будущей дѣятельности пришли въ не-

опредѣленность. А между тѣмъ Бесѣда прекращается!— Прощайте, милая моя Маменька и милыя сестры. Будьте здоровы и не безпокойтесь на нашъ счетъ. Продолжайте писать въ Вѣну. — Какъ-то вы рѣшитесь? Приходится вамъ вѣдь искать домъ въ Москвѣ.

Сентября 14-го 1860 г.

Пишу вамъ нѣсколько строкъ, милая моя Маменька и милыя сестры, чтобы дать отчетъ о посѣщеніи Шкоды. Онъ знаменитый докторъ, котораго спеціальность—грудныя болѣзни. Я давно хотѣлъ его спросить, но Константинъ все не соглашался, а въ нынѣшній разъ согласился только потому, что хотѣлъ его рѣшенія: ѣхать ли на Рейнъ или въ Веве. Между тѣмъ всѣ меня предваряли, что Шкода человѣкъ безцеремонный и рѣзко говоритъ правду, не скрывая отъ больнаго опасности, и нѣкоторые даже боялись, чтобы его откровенность не смутила насъ. Но я потому-то и хотѣлъ его спросить: мы не дѣти. Шкода былъ нынче, отнесся объ Варвинскомъ съ большимъ уваженіемъ, внимательно прочелъ его письмо, аускультировалъ Константина обстоятельно и сказалъ ему, «что онъ выздоравливаетъ и можетъ *совершенно* выздоровѣть, даже возвратить вполнѣ прежнія силы, но необходимыя для этого условія: спокойствіе, отсутствіе всякаго напряженія физическаго и нравственнаго: выздоровленіе имѣетъ совершиться *очень* медленно и тихо. Виноградное леченье самое лучшее и единственное, которое можно назначить (тутъ онъ объяснилъ дѣйствіе винограда); но нельзя себѣ воображать, чтобы черезъ два мѣсяца вы уже будете совершенно здоровы: воздухъ и спокойствіе сдѣлаютъ остальное». Константинъ сталъ что-то ему говорить довольно живо: «*Такъ* горячо (eifrig) вы не должны смѣть говорить», перервалъ онъ и заставилъ Константина тотчасъ опять надѣть нагрудникъ. Мы сказали ему, что хотимъ ѣхать въ Веве. Онъ одобрилъ и сказалъ, что конечно и въ Веве климатъ зимой хорошъ, но въ Ниццѣ лучше климатъ, и онъ совѣтовалъ бы жить лучше зимой въ Ниццѣ. На это мы спросили его—нужно ли жить зиму за границей. Конечно

лучше, сказалъ онъ, потому что одно теперешнее виноградное леченье васъ не вылечитъ. «Но есть ли это неизбѣжное условіе леченія жить зиму за границей», спросилъ я. «Неизбѣжное—я не могу сказать, отвѣчалъ онъ, можетъ быть вы и въ Москвѣ выздоровѣете, но лучше зиму быть тамъ, гдѣ можно дышать свѣжимъ воздухомъ, нежели тамъ, гдѣ надо сидѣть, запершись въ комнатѣ, близь печи.—На Рейнъ онъ положительно объявилъ, чтобы мы не ѣхали, ибо тамъ виноградъ совершенно не удался. «Всего *лучше* было бы ѣхать вамъ въ *Меранъ*, въ южномъ Тиролѣ: тутъ положительная разница въ самомъ виноградѣ, это лучшій виноградъ въ Европѣ; между Вевейскимъ же и другими виноградами, кромѣ Мерана, большой разницы нѣтъ. Меранскій климатъ выше, теплѣе несравненно Вевейскаго, ибо Веве на озерѣ. Но я думаю, что въ Меранъ ѣхать поздно, ибо тамъ виноградъ раньше зрѣетъ». Константинъ сказалъ, что хочетъ непремѣнно ѣхать на зиму въ Москву. «Въ такомъ случаѣ вамъ конечно лучше не ѣхать понапрасну въ Швейцарію, а ѣсть виноградъ въ окрестностяхъ Вѣны, въ Баденѣ (австрійскомъ), часъ ѣзды отсюда, лежащемъ въ виноградной сторонѣ,—потому что большой разницы въ виноградѣ съ Веве нѣтъ, и сладкаго винограда вы найдете довольно и въ Баденѣ. Въ Меранъ—это было бы другое». Я сказалъ, что стелеграфирую въ Меранъ, и онъ далъ мнѣ адрессъ доктора, къ которому я и послалъ депешу съ вопросомъ: «ist es nicht spät sechs wöchentliche süsse Traubencur in Meran anzufangen». Какъ кстати, что туда ходитъ телеграфъ!—Провожая Шкоду одинъ, я вновь переспросилъ *его*. Онъ отвѣтилъ мнѣ: «я отъ васъ ничего не скрылъ и считаю выздоровленіе *вполнѣ* возможнымъ, хотя медленнымъ, и требующимъ береженья, спокойствія, отсутствія всякаго напряженія (Anstrengung) физическаго и нравственнаго». Въ Баденъ мы во всякомъ случаѣ не поѣдемъ. Это дорогое элегантное Badort, гдѣ собственно лечатся водами и куда съѣзжается вся Вѣнская аристократія. Швейцаріи же конечно надобно предпочесть Тироль, если только тамъ не поздно, по многимъ причинамъ: жизнь тамъ несравненно спокойнѣе, скромнѣе, *дешевле*,—очень дешевле; Веве же слишкомъ мод-

ное и шумное мѣсто, набитое англичанами и русскими знатными фамиліями. Я уже собралъ свѣдѣнія о Меранѣ отъ человѣка, тамъ жившаго. Тамъ много лечатся (ибо это мѣсто въ Европѣ знаменито виноградомъ), но тамъ нѣтъ еще той общественной жизни, какая есть на водахъ и въ другихъ мѣстахъ, нѣтъ ни казино, ни клуба, ни танцевъ и проч. Спросите сами немедленно Варвинскаго о Меранѣ. Дорога туда идетъ теперь (съ тѣхъ поръ, какъ открыта желѣзная дорога изъ Вѣны въ Мюнхенъ)—изъ Вѣны по желѣзной дорогѣ до Мюнхена и изъ Мюнхена въ Инспрукъ; изъ Инспрукка съ дилижансомъ (14 часовъ) до Ботцена (прямо на югъ) и изъ Ботцена два часа ѣзды въ каретѣ до Мерана. Есть другой путь: до Тріеста по желѣзной дорогѣ, оттуда на пароходѣ до Венеціи (6 часовъ), изъ Венеціи по желѣзной дорогѣ до *Ботцена*, изъ Ботцена въ Меранъ. Но этотъ путь дальше; да и нельзя было бы не остановиться въ Тріестѣ, въ Венеціи... Отыщите на картѣ Меранъ.— Такъ было рѣшено или, по крайней мѣрѣ такъ предполагалось, но потомъ все измѣнилось, и я доканчиваю это письмо вмѣсто Мерана въ Женевѣ, 19-го сентября.—Отвѣтъ отъ доктора изъ Мерана, въ тотъ же день полученный, не удовлетворилъ Константина. Онъ писалъ (16-го числа), что въ продолженіе четырехъ недѣль можно ѣсть виноградъ свѣжій, а потомъ недѣли двѣ сбереженный. По разсчетамъ оказывалось, что мы попадемъ въ Меранъ только черезъ недѣлю, потому что 20-го сентября Константинъ хотѣлъ служить обѣдню, а тамъ нигдѣ русской церкви нѣтъ; стало быть мы 20-го должны были бы провести въ Вѣнѣ или Штутгардѣ, и только 23-го попасть въ Меранъ. Между тѣмъ въ Женевѣ есть русская церковь, и мы въ тотъ же день можемъ устроиться на мѣстѣ. Къ тому еще Константинъ хочетъ буквально исполнить предписаніе Варвинскаго, чтобы быть правымъ передъ нимъ и предъ всѣми вами. Вслѣдствіе этого мы на другой же день рано утромъ (17-го) выѣхали изъ Вѣны и нынче (19-го Сентября) во второмъ часу пополудни пріѣхали въ Женеву, переплывъ на пароходѣ два озера: Констанцкое или Біенское и Бильское (Biel). Ночевали мы первую ночь въ Мюнхенѣ, вторую въ Билѣ. Этотъ переѣздъ очень утомителенъ, особенно въ Швей-

царіи, гдѣ въ теченіе дня приходилось разъ пять пересаживаться изъ вагона въ вагонъ, и гдѣ эта часть находится въ жалкомъ видѣ. Нынѣ Константинъ отдохнетъ, но завтра, разумѣется, разстроится по случаю обѣдни, такъ что потомъ нужно будетъ дней пять совершеннаго отдыха. Отъ священника здѣшняго мы узнали всѣ подробности, какія намъ нужны. Между Женевой и Веве разница въ пяти градусахъ: Женева вся открыта къ сѣверу, а Веве закрыта горами: въ Монтрё (часъ ходьбы отъ Веве, на томъ же островѣ) еще теплѣе, чѣмъ въ Веве градусами двумя или тремя, а въ деревнѣ Вато, которую рекомендовалъ кто-то Константину въ Москвѣ, подлѣ самаго Монтрё, еще двумя градусами теплѣе; здѣсь все зависитъ отъ расположенія горъ. Говорятъ, тамъ нѣтъ тумановъ, и когда здѣсь въ Женевѣ сѣро и сыро, тамъ солнце. А здѣсь погода опять прескверная: т. е. воздухъ тепелъ и мягокъ, но дожди постоянные и потому сыро. Винограду нынѣшній годъ уродилось страшно много, но, по недостатку сухой ясной погоды, онъ не дозрѣлъ; впрочемъ (увѣряютъ) для леченья хорошъ. Намъ рекомендовали разные пансіоны: меньше шести франковъ съ персоны въ сутки (за квартиру и за пищу) нельзя.—Погода такъ не хороша, что трудно было бы вамъ пускаться теперь за границу. Теперь Константинъ, опираясь на слова Шкоды, непремѣнно хочетъ возвратиться въ Россію на зиму.—Нельзя не замѣтить, и Константинъ самъ это находитъ, что ему лучше; онъ меньше задыхается и особенно доволенъ тѣмъ, что его правая нога дѣйствуетъ опять по прежнему; хотя я съ своей стороны не вижу тутъ особенной связи съ болѣзнію. Что ему необходимо—это отдыхъ, отдыхъ и развлеченіе. Боюсь, что въ этомъ будетъ недостатокъ въ Швейцаріи. Въ Вѣнѣ, съ Славянами онъ проводилъ время въ пріятной бесѣдѣ. Здѣсь же, въ одиночествѣ,—я себя не считаю—онъ можетъ впасть въ тяжелое расположеніе духа, которое ему вредно. Если я найду тамъ сносныхъ русскихъ (а русскихъ бездна), то непремѣнно съ нимъ познакомлю.—Это нужды нѣтъ, что онъ Вамъ такъ много пишетъ; это его очень занимаетъ; и онъ пишетъ исподволь. Надѣюсь, что Кюршо, котораго очень хвалятъ, назначитъ ему болѣе разумную пищу. А то странно: онъ такъ пристрастился къ здѣшнему кофею, что онъ

составляетъ его главное питанье: утромъ чашки двѣ, а иногда и три кофею со сливками и хлѣбомъ и масломъ, вечеромъ, за часъ до сна, тоже самое, а днемъ—одна яичница. Мяса онъ ѣлъ всего раза три или четыре, съ тѣхъ поръ какъ за границею. Я подозрѣваю, что у него тутъ и разсчеты экономіи играютъ нѣкоторую роль, но не рѣшаюсь настаивать, потому что раза два послѣ моихъ настояній съѣсть побольше, онъ жаловался на обремененіе желудка.—И такъ не безпокойтесь, милая Маменька и милыя сестры; Константина здоровье лучше и, Богъ дастъ, поправится совсѣмъ. Берегите Вы свое здоровье. Я, вѣроятно, останусь здѣсь все время, потому что разъѣзды отсюда неудобны, да и теперь уже поздно продолжать свое путешествіе по Славянамъ: оно требуетъ много времени.—Я и самъ радъ, что добрался до мѣста; эта скакотня мнѣ ужасно надоѣла. Жаль только, что мы въ Швейцаріи, потому что Швейцарія, надо признаться,—кромѣ своей природы—отвратительная страна, гдѣ все и всякій эксплоатируетъ путешественника и этимъ только живетъ и на каждаго иностранца смотритъ какъ на свою добычу, которую не грѣхъ надуть и ограбить. Это страна туристовъ. Здѣсь не путешествуютъ по дѣламъ. Жизнь здѣсь дорога, въ сравненіи съ Германіей. Но прощайте, цѣлую Ваши ручки, милая моя Маменька, и обнимаю всѣхъ сестеръ.

25 Сентября 1860 г. Веве.

Только что возвратились изъ Женевы, милая моя Маменька и сестры, и нашли дома Ваше письмо отъ 13-го сентября. Слава Богу, погода и здѣсь установилась прекрасная, ясная и мягкая. Константинъ принялся за виноградъ и ѣстъ его очень охотно, такъ что его постоянно тянетъ къ винограду; онъ чувствуетъ, что виноградъ ему очень полезенъ и нѣсколько примиряется, кажется, съ Швейцаріей. Разумѣется, службы 20 и 25 сентября въ церкви сильно его разстроивали и производили именно то нравственное напряженіе, Anstrengung, которое ему запрещено Шкодой; но это было неизбѣжно, и я тутъ не могъ его останавливать. Надѣюсь, впрочемъ, что это не будетъ имѣть послѣдствій вредныхъ.—Какъ Константинъ ни отбивается отъ впечатлѣній природы,

но красота ея, что бы ни говорилъ онъ, все таки дѣйствуетъ на него. Вѣдь это такая красота, о которой никакія картины не могутъ дать понятія!—Прежде, чѣмъ отвѣчать на ваше письмо и приступать къ разсужденію о вашей поѣздкѣ за границу, я вкратцѣ разскажу вамъ, что было со времени отправленія послѣдняго письма. И такъ 19-го мы пріѣхали въ Женеву, а 20-го служили обѣдню. Церковь была домашняя церковь Анны Ѳедоровны, и осталась здѣсь послѣ ея смерти. Священникъ молодой, простой.—20-го же въ два часа послѣ обѣда мы отправились на пароходѣ въ Веве, которое находится на противоположномъ концѣ озера, сжатомъ высокими горами, защищающими его отъ сѣвернаго вѣтра. Въ этотъ день, какъ мы пріѣхали, лилъ сильный дождикъ. Отъ Женевы до Веве четыре часа плаванья. Мы остановились въ ближайшемъ отелѣ, поужинали, переночевали, дали знать доктору Curchod, который на другой день утромъ и явился. Это очень живой Швейцарскій Французъ (вообще мы находимся теперь во французской-Швейцаріи, т. е. въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ языкъ народа французскій). Прочтя прежде всего письмо Латинское Варвинскаго, онъ выразилъ мнѣніе, что Константинъ вѣрно поправился дорогою, qu' il a repris, потому что его внѣшній видъ теперь не вполнѣ соотвѣтствуетъ описанію и исторіи болѣзни. Разумѣется, онъ не знаетъ, каковъ Константинъ былъ прежде. Потомъ онъ сталъ его щупать и слушать. Его мнѣніе схоже съ мнѣніемъ Поссельта; онъ находитъ, что воды Соденскія были бы очень полезны, но что теперь пить ихъ поздно, и рѣшилъ, что Константину необходимо поставить не мушки и не фонтанели, а котеры (cothères — впрочемъ не знаю, какъ это пишется по французски). Вообще онъ взялъ Константина, такъ сказать, на свое попеченіе и объявилъ, что не пуститъ его на зиму въ Россію. «Au reste dans deux mois nous en parlerons!» сказалъ онъ. Онъ далъ намъ адресы разныхъ пансіоновъ, мы наняли колясченку и отправились вдоль берега озера отъ Веве до самаго Montreux, черезъ деревни Latour, Vernex, мимо отдѣльныхъ виллъ, дачъ. Ни въ одномъ порядочномъ пансіонѣ не нашли мы мѣста: все занято русскими и англичанами. Нашли мѣста, т. е. крошечныя свободныя комнатки въ тѣхъ пансіонахъ,

которые не имѣютъ ни сада, ни вида на озеро, а помѣщены въ тѣсныхъ улицахъ городка Монтрё. На это мы не согласились. Обѣщали было намъ очистить комнаты въ одномъ пансіонѣ, называемомъ Haute Rive, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, со всѣхъ сторонъ открытомъ солнцу и воздуху. Мнѣ въ особенности хотѣлось помѣстить Константина тамъ, потому что домъ весь занятъ только русскими. Общество, посѣщенія—были бы ему очень полезны, я это видѣлъ въ Вѣнѣ. Жить съ англичанами же вмѣстѣ было бы несносно, у нихъ несносный этикетъ. А въ пансіонахъ надо жить въ обществѣ, вмѣстѣ завтракаешь, обѣдаешь, въ одномъ Salon сидишь, въ одномъ саду гуляешь. Но однакоже помѣститься тамъ намъ не удалось. Мы рѣшились просто нанять квартиру, а обѣдъ устроить какъ-нибудь особо, и это вышло очень удачно. Подлѣ самаго Веве, саженяхъ въ 50-ти, начинается деревня Latour (только называется деревня, а въ сущности нѣтъ никакой разницы съ городомъ, только что меньше), и тамъ мы наняли у Г. и г-жи Langlois двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ очень чистенькія и миленькія; при домикѣ садикъ съ видомъ на озеро и горы (гдѣ и *теперь* цвѣтутъ себѣ на волѣ розы). Да и кромѣ сада, есть гдѣ гулять: вышелъ изъ дома и пошелъ направо вдоль озера, по большой дорогѣ, между виноградниковъ. Платимъ мы въ мѣсяцъ 40 франковъ, да за постели съ постельнымъ бѣльемъ (всегда, разумѣется, чистымъ) по пяти франковъ, и того 50 франковъ.—Сверхъ того хозяйка же намъ даетъ по утрамъ кофей и шоколадъ съ хлѣбомъ, масломъ, медомъ, сыромъ, а вечеромъ чай тоже съ тѣмъ же и съ ветчиной или холодной телятиной,—словомъ отъ насъ зависитъ,—но мы этого всего потребляемъ мало. За это по франку, и того четыре франка въ день. За service, прекрасно исполняемый ея femme de chambre, пять франковъ въ мѣсяцъ. Свѣчи на нашъ счетъ, но, разумѣется, подсвѣчники и вся мебель ея. За обѣдъ въ сосѣднемъ пансіонѣ мы платимъ по 1 франку 50 сантимовъ и того 3 франка. Однимъ словомъ, въ мѣсяцъ намъ обойдется франковъ 50 дешевле, чѣмъ житье въ пансіонѣ. Хозяева наши прекраснѣйшіе люди, благочестивые кальвинисты. Ему 80 лѣтъ, онъ немножко тронутъ параличемъ, но живъ, бодръ и веселъ. Хозяйка принимаетъ въ

Константинѣ самое живое участіе и находитъ, что мы очень не требовательны, мало даемъ повода себѣ услуживать. Вообще этотъ обычай хорошъ въ Германіи и Швейцаріи, что постоялецъ въ домѣ—есть гость, домочадецъ, и хозяева нравственно обязаны обычаемъ—пещись о немъ. Она даетъ вамъ постели съ бѣльемъ, прислугу, мебель, такъ что вамъ не о чемъ заботиться. А постели здѣсь важное дѣло: это цѣлая мебель— широкія, съ двойными матрасами, тройными одѣялами и проч. Оно можетъ казаться дорого, но въ сущности не дорого. Я именно вчера это объяснилъ и доказалъ Константину. Положимъ, что Вы бы пріѣхали сюда жить, и всѣхъ было бы шестеро и помѣстились бы въ пансіонѣ, занимая цѣлыхъ шесть комнатъ. Я уже не говорю о томъ, что съ тѣхъ, которые условливаются жить цѣлую зиму и цѣлыми семействами, берутъ гораздо дешевле; но положимъ, что вы платите ту цѣну, которая существуетъ здѣсь лѣтнимъ и осеннимъ сезономъ, т. е. 5 франковъ въ день съ человѣка, или 150 франковъ въ мѣсяцъ, tout y compris, т. е. постели, бѣлье, обѣдъ, ужинъ и завтракъ (т. е. вечерній чай и утренній чай или кофей со всѣми возможными принадлежностями), мебель, полотенца, посуду, воду и проч., кромѣ свѣчей, service (обыкновенно пять франковъ въ мѣсяцъ) и дровъ; если вздумаете попасть — за шесть человѣкъ — 900 франковъ въ мѣсяцъ, что составляетъ 225 р. серебромъ. За десять мѣсяцевъ это выйдетъ 2250 р. сер. Спрашивается, гдѣ въ Россіи можно прожить за эту сумму! Прибавьте 750 р. сер. за service, свѣчи, дрова, иногда экипажъ, когда вздумается, мытье бѣлья,—выходитъ 3000 р. сер. за десять мѣсяцевъ. Не правда ли Вы были бы счастливы, если бы могли ограничиваться этой суммой! И я взялъ еще широкіе размѣры, безъ сомнѣнія, можно условиться по три франка въ день, и того за 540 франковъ въ мѣсяцъ или за 135 р. сер. за шесть человѣкъ. Само собою разумѣется, здѣсь самъ незамѣтно привыкаешь къ нѣкоторому стѣсненію, т. е. довольствуешься одною прислугою, вмѣсто десяти, не держишь лошадей, потому что никто не держитъ, живешь въ шести комнатахъ, вмѣсто двѣнадцати.

И такъ мы устроились. Константинъ принялся ѣсть виноградъ, и очень доволенъ. Очевидно — организмъ его давно

дожидался этой пищи. Онъ почти цѣлый день на воздухѣ и дѣлаетъ много движенія, но безъ усилій. Погода стоитъ прекрасная. Почти видишь глазами, какъ благодатно для его легкихъ дыханье этимъ воздухомъ. Если бы не постоянно сочащаяся рана сердца, для которой нѣтъ заживленія, да и не хочетъ онъ заживленія, то — безъ малѣйшаго сомнѣнія, онъ, какъ говоритъ Шкода, могъ бы *вполнѣ* выздоровѣть и возвратить себѣ прежнее здоровье. Но, разумѣется, когда онъ упрекаетъ себя въ каждомъ ощущеніи бодрости, нерѣдко вселяемомъ въ грудь этимъ воздухомъ и этой чудесной красой природы, то дѣло выздоровленія труднѣе. Тутъ помочь рѣшительно нечѣмъ; надо стараться, чтобы было поменьше досуга. Мы еще ни съ кѣмъ не знакомы. Надо признаться, что жизнь вообще здѣсь очень скромна, и — разсѣянные на большомъ пространствѣ — иностранцы почти не встрѣчаютъ другъ друга. Русскихъ знакомыхъ намъ нѣтъ. Не худо, если бы Вѣра написала Константину о томъ, что не надо къ предписаніямъ доктора относиться только внѣшнимъ образомъ, т. е. думать—коли исполнилъ приказаніе, то и правъ: надо *хотѣть* выздоровѣть, надо нравственно содѣйствовать внѣшнему леченію. — Если Вы вздумаете ѣхать, милая Маменька, то вотъ Вамъ мой совѣтъ. Лучше всего ѣхать на Варшаву. Если прямо изъ Москвы, то можете нанять не maille poste, а просто карету четверомѣстную въ Почтамтѣ съ почтальономъ. Я самъ видѣлъ на дорогѣ цѣлое семейство, ѣхавшее такимъ образомъ. Если же поѣдете по желѣзной дорогѣ, то устройте въ Петербургѣ такъ, чтобы въ Динабургѣ Вамъ почтамтъ велѣлъ дать особую карету до Варшавы съ почтальономъ. Въ Варшавѣ остановиться въ *Европейской гостинницѣ*, одной изъ лучшихъ во всей Европѣ. Изъ Варшавы поѣзжайте непремѣнно прямо въ *Вѣну*. Это самое удобное. Черезъ *18 часовъ Вы въ Вѣнѣ*, и Вамъ не придется перескакивать изъ вагона въ вагонъ. Тутъ Вамъ не надо даже курьера, только, чтобы въ Варшавѣ Вамъ кто-нибудь устроилъ билеты и паспорты, которые надо визировать или тамъ или въ Петербургѣ у Прусскаго и Австрійскаго консула.—Дайте мнѣ знать по телеграфу, я Васъ встрѣчу на границѣ, приготовивъ квартиры въ Вѣнѣ. Изъ Вѣны можете направиться куда угодно. Но куда? Гдѣ проводить Вамъ зиму.

Для всѣхъ Васъ важно имѣть вблизи Русскую церковь. Она имѣется въ Веймарѣ, въ Висбаденѣ (про Берлинъ и Вѣну не говорю, но тамъ на зиму нечего оставаться): жизнь тамъ дешева, климатъ умѣреннѣе нашего, но все же сѣверно. Есть церковь Русская въ Штутгардѣ. Тамъ хорошо, дешево жить, есть всѣ рессурсы, не далеко, мѣстоположеніе прекрасное, югъ, но подробно про климатъ не знаю: можетъ быть окружающія горы дѣлаютъ воздухъ суровымъ. Можно будетъ узнать. Но онъ имѣетъ преимущество—нѣмецкаго народа, снабженнаго всевозможными учеными пособіями. Можно жить здѣсь въ Швейцаріи, есть церковь въ Женевѣ. Но не смотря на южность, такъ сказать, Женевы, тамъ климатъ не хорошъ: она вся открыта къ сѣверу и сосѣднія горы насылаютъ туманы. Но Швейцарія сама, какъ Веве и *прочія* мѣста, лишена рессурсовъ для жизни; *въ ней скучно* и какъ-то далеко; особенно для Константина нѣтъ ученаго и просто умнаго общества. Разумѣется, все можно имѣть въ Женевѣ. Но едва ли Константинъ захочетъ здѣсь оставаться зиму: да она здѣсь, по милости горъ, все таки сурова.—Наконецъ, если искать собственно теплаго климата для Константина, то можно жить въ Ниццѣ (гдѣ уже есть русская церковь) и во Флоренціи, гдѣ въ часахъ двухъ отъ Флоренціи, въ имѣніи Демидова San-Donato, русская церковь съ прекраснымъ священникомъ, намъ обоимъ знакомымъ, зятемъ Раевскаго. Ницца какъ городъ не имѣетъ никакой жизни. Это колонія иностранцевъ, большею частью de la plus haute volée и потому несносная. Но Флоренція большой городъ, съ памятниками искусствъ, съ библіотеками, со всѣми рессурсами. Подробности о жизни мы можемъ получить отъ священника. Если бы не грозила война, хорошо было бы жить въ Венеціи: русская церковь есть въ Тріестѣ, часовъ шесть плаванья на пароходѣ. Наконецъ наши православныя церкви имѣются въ Аграмѣ, въ Фіуме; климатъ тамъ итальянскій, но не знаю хорошенько на счетъ зимняго климата. Тамъ есть интересъ Славянства.—Можно пожалуй поселиться и на томъ полуостровѣ въ Адріатическомъ морѣ, близъ Bocco di Cattaro, который продается (помните, я Вамъ писалъ); это ничего не стоитъ почти: на пароходѣ три дня плаванія отъ Тріеста; но вѣдь тамъ страшнѣйшая скука и одиноче-

ство. Да и вообще въ Далмаціи *вовсе* печей не имѣется въ домахъ, что невыносимо. Когда мы говоримъ объ умѣренномъ зимнемъ климатѣ—это значитъ, положимъ, пять, семь, ну десять градусовъ тепла, вмѣсто нашихъ 10—20 градусовъ холода. Здѣсь привыкли и зимой одѣваются почти, какъ лѣтомъ. Но десять градусовъ тепла въ комнатѣ для насъ невыносимо холодно. Но все это можно устроить и завести безъ большихъ хлопотъ.—И такъ будемъ ждать Вашего рѣшенія. Конечно, особенно зимою, Олинькѣ невозможно пускаться въ путь. Но жаль, если вы не всѣ пріѣдете.—Пожалуйста, увѣдомьте поскорѣе. Впрочемъ, я Васъ не зову. Константину ужасно не хочется проводить зиму за границей; я это вполнѣ понимаю и самъ не имѣю этого желанія. Curchod, Поссельтъ этого требуютъ. Шкода находитъ это полезнымъ, именно потому, что считаетъ выздоровленіе медленнымъ и признаетъ, что Константину лучше жить на воздухѣ, чѣмъ запереться въ комнатѣ, но впрочемъ объявилъ, что можно, пожалуй, и безъ этого обойтись, коли человѣкъ почему либо не можетъ оставаться за границей. Жаль, очень жаль покидать Москву и Московскихъ нашихъ знакомыхъ и прерывать дѣятельность. Право не знаю, какъ рѣшить. Меня не столько, признаюсь, пугаетъ жизнь въ Москвѣ, гдѣ Константина можно и не выпускать изъ комнаты, сколько пугаетъ возвращеніе зимою, т. е. въ концѣ Ноября или въ началѣ Декабря. Если же Вы не ѣдете за границу, то Константинъ рѣшился здѣсь оставаться только мѣсяцъ и остальныя двѣ недѣли доѣдать виноградъ въ окрестностяхъ Вѣны. Но едвали это будетъ такъ. Я буду его уговаривать оставаться здѣсь дольше. Какая разница въ климатѣ здѣшнемъ даже съ Женевой. Вчера мы были въ Женевѣ, до перваго часа небо было все сѣро, воздухъ туманенъ, и солнце пробилось только въ часъ. Здѣсь же было ясное, жаркое солнце съ шести часовъ утра!—Не думайте, чтобы легко было управляться съ Константиномъ. Право, не знаешь иногда, какъ и быть. Иногда споришь, споришь и уступишь, чтобы не слишкомъ его мять,—а онъ потомъ говоритъ, я бы сдѣлалъ по твоему, да ты, мнѣ показалось, недовольно настаивалъ! Онъ очень склоненъ къ тому, чтобы за нимъ ухаживали какъ за ребенкомъ, и готовъ даже подчиняться

во многомъ, какъ ребенокъ, но я считаю это опять вреднымъ, и потому, что опять меня же не на все хватаетъ, и потому, что это разслабляетъ нравственно самого человѣка: обезпеченный во всемъ внѣшнемъ, онъ и пойдетъ себѣ раздумываться и грустить на досугѣ. Да и такъ можетъ къ этому привыкнуть, что уже малѣйшее попеченіе будетъ предоставлять другому. А между тѣмъ есть нѣкоторыя вещи, которыя никому не даетъ дѣлать, и всегда самъ: это укладка и стягиваніе чемодана, на полу, на колѣняхъ и *много* тому подобнаго. Купилъ я ему шляпу, купилъ кошелекъ, вмѣсто того магазина, который Вы ему дали, который онъ и *теперь* продолжаетъ носить на груди и который, чтобы вынуть, когда приходится расплачиваться или билетъ вытащить, надо было въ торопяхъ совсѣмъ растегиваться на холодѣ. Онъ еще не принимался за занятія.—Прощайте, милая моя Маменька и милыя сестры. Вотъ ты какой молодецъ, милая Надичка. Я только отъ Константина узналъ, что ты цѣлую книгу печатаешь, да и на англійскій переводишь! Съѣздимъ, пожалуй, и въ Лондонъ. Если поѣдете, то привезите экземпляра два полныхъ сочиненій Отесиньки. Я свои раздарилъ Вольфзону въ Дрезденѣ, который просто въ безумномъ восторгѣ и хочетъ все переводить на нѣмецкій.—Прощайте, будьте здоровы и не безпокойтесь объ насъ.

Пятница. 1860 г. 30-го Сентября. Vevey.

Пишу вамъ, милая моя Маменька и милыя сестры, наканунѣ нашего отъѣзда изъ Веве. Заранѣе знаемъ, что наша депеша удивитъ Васъ и заставитъ даже назвать безумными или дураками. Но это будетъ неосновательно. По случаю вашего послѣдняго письма (адресованнаго уже прямо въ Vevey), письма, въ которомъ выражается ваше безпокойство и смущеніе, Константинъ пришелъ къ цѣлой теоріи о вредѣ телеграфовъ и рѣшился было ѣхать отсюда, не увѣдомляя Васъ по телеграфу; но—такъ какъ вы стали бы по прежнему адресовать письма въ Швейцарію, то онъ призналъ необходимымъ послать Вамъ депешу, по пріѣздѣ въ Вѣну, и въ этой депешѣ даже «побожиться» и подписать свое имя, чтобы Вы, такъ сказать, слышали и признали *его* голосъ.

Прежде, чѣмъ объяснять Вамъ причину нашего отъѣзда, я долженъ Васъ также увѣрить въ томъ, что ѣзда Константину дѣлаетъ положительную пользу. Конечно—продолжительный переѣздъ, особенно, когда нѣсколько разъ приходится пересаживаться изъ вагона въ вагонъ, его утомляетъ, но день отдыха опять совершенно возстановляетъ. Начиная съ Гейдельберга, мы иначе не ѣздили, какъ въ первомъ классѣ, и преимущество этого способа ѣзды таково, что Константинъ даже нисколько не противится этому расходу. Преимущество заключается въ томъ, что сидѣнья въ первомъ классѣ несравненно глубже и шире (въ вагонѣ второго класса восемь мѣстъ въ отдѣленіи, а въ первомъ классѣ только шесть), что мы сидимъ почти всегда вдвоемъ только и можемъ удобно разложиться, что при перемѣнѣ вагоновъ намъ не нужно суетиться и хлопотать, чтобы добыть себѣ удобное мѣсто. Однимъ словомъ онъ часто отъ усталости отдыхаетъ въ вагонѣ. Можетъ быть и дѣйствительно это пассивное движеніе ему полезно. Первые дни нашего пребыванія въ Веве погода была теплая, и Константинъ началъ ѣсть виноградъ, хотя не вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ, но не дурной. Тѣмъ не менѣе онъ и въ ясные дни находилъ воздухъ острымъ. Это очень вѣроятно: воздухъ горный. Потомъ погода перемѣнилась такъ, что мы принуждены были топить комнаты и докторъ не совѣтовалъ Константину выходить, а приказывалъ ѣсть виноградъ дома. Ѣсть холодный виноградъ, когда на дворѣ воетъ вѣтеръ, льетъ дождь, бушуетъ озеро и всего 3—4 градуса, очень непріятно, конечно; да и движенія дѣлать нельзя. Это положеніе очень огорчало Константина, заставляло его сердиться и тосковать. За настоящее занятіе онъ не принимался, знакомыхъ никого, — онъ сталъ грустить, какъ до сихъ поръ за границей еще не грустилъ и сталъ изыскивать поводовъ къ отъѣзду—въ Вѣну, оставившую въ немъ очень пріятное впечатлѣніе. (Разумѣется — не сама Вѣна, но участіе, ему высказанное, и потомъ живой интересъ, не только вызывающій, но, такъ сказать, повелѣвающій сочувствіе, — интересъ Славянскій. Прежде въ Москвѣ онъ относился къ Славянамъ довольно равнодушно, но лицомъ къ лицу съ ними, онъ почувствовалъ всю нравственную повинность,

лежащую на насъ Русскихъ относительно Славянъ, и живо поддался этому чувству; сверхъ того, при настоящихъ политическихъ событіяхъ, Вѣна интересна очень, какъ центръ и узелъ важныхъ политическихъ вопросовъ. Къ тому же большой, оживленный городъ, лучшій во всей Германіи. Конечно, Константинъ со мной не согласился, — да я ему объ этомъ и не толкую, — но безъ всякаго сомнѣнія ему нужно *развлеченіе* внѣшнее, разумѣется—не пошлое; нужно общество. Тамъ есть, напр., князь Гагаринъ, молодой очень человѣкъ, премилый и предобрый, разумѣется, не очень далекій, относившійся къ Константину съ самымъ нѣжнымъ участіемъ. Константинъ его очень полюбилъ, такъ что изъ малаго числа экземпляровъ своей грамматики подарилъ ему одинъ, въ обиду прочимъ филологамъ, и однажды, когда меня не было, часа четыре сряду толковалъ ему теорію о землѣ и государствѣ. Я, разумѣется, смѣюсь, говорю, что онъ нарушилъ спокойствіе Гагарина, вбилъ въ него клинъ: человѣкъ прежде просто ненавидѣлъ деспотизмъ, а теперь и ругнуть не смѣетъ и проч., но въ сущности очень всѣмъ этимъ доволенъ. Я и искалъ здѣсь ему знакомыхъ, но не нашелъ: здѣсь нѣтъ мѣста сборнаго, всякій гуляетъ около себя или держится своего пансіонскаго общества). Погода стала становиться все хуже и хуже; надежда на то, что виноградъ еще больше созрѣетъ, изчезла, и дѣйствительно выходило очень глупо пріѣхать въ Швейцарію за тѣмъ, чтобы въ деревнѣ Latour сидѣть, запершись въ комнатѣ, топить ее и видѣть въ окошко грязную улицу деревни. Письмо Ваше, изъ котораго видно, что Вы отсовѣтовывали намъ ѣхать въ Веве (депеши Вашей мы еще не получили, потому что Раевскій не зналъ еще нашего адресса), еще болѣе укрѣпило его въ мысли отсюда ѣхать. Было также большое затрудненіе съ обѣдомъ: дома у насъ не готовятъ, а ходить обѣдать по такой погодѣ было неудобно; въ пансіонѣ, куда онъ сначала ходилъ, рѣдко подавались viandes blanches; обѣдъ былъ ему не по вкусу и присутствіе разной путешественной знати дѣлало обѣдъ очень чиннымъ и скучнымъ. Наконецъ погода дошла до того, что всѣ горы покрылись снѣгомъ почти до подошвы, и близость этого снѣга дѣлала воздухъ страшно суровымъ. Нѣсколько разъ шелъ снѣгъ!

Стужа, вѣтеръ. Всѣ жители въ отчаяніи: виноградъ не годится и придется дѣлать изъ него не вино, а уксусъ. Надежды, чтобы перемѣнилась погода, нѣтъ, какъ потому, что весь годъ былъ такой, и хорошихъ дней было очень мало, такъ и потому, что во всей южной Европѣ не лучше: въ Мадридѣ, пишутъ, всего три градуса! Между тѣмъ я самъ слышалъ отъ одного господина, что весь Сентябрь мѣсяцъ (по новому стилю) въ Познани, гдѣ онъ жилъ, былъ сухой, и онъ каждый день ѣлъ прекраснѣйшій виноградъ. Чѣмъ восточнѣе, тѣмъ лучше. — Виноградъ при такихъ условіяхъ ѣсть не только не полезно, но вредно. Толковали, толковали мы и рѣшились ѣхать. Я долго доказывалъ, что нелѣпо ѣхать на сѣверъ, что лучше ѣхать въ Ниццу, во Флоренцію, но Константинъ и слышать не хочетъ, да признаться, я и самъ не знаю, лучше ли тамъ будетъ теперь. Во всякомъ случаѣ, даже для того, чтобы поѣхать на югъ, напр., въ Аграмъ, въ Далмацію, въ Лайбахъ, даже въ Италію, надо ѣхать въ Вѣну: тутъ есть сообщеніе по желѣзной дорогѣ, тогда какъ изъ Швейцаріи даже въ Италію нельзя проѣхать по желѣзной дорогѣ, а въ дилижансѣ по горамъ. А изъ Вѣны можно до самой Генуи теперь доѣхать (открыта недавно дорога). Хозяева наши, когда мы призвали ихъ на совѣтъ, сказали намъ; что они только удивлялись намъ, зачѣмъ мы здѣсь остаемся, что они по опыту знаютъ, что этотъ виноградъ не полезенъ. Curchod очень сконфуженъ климатомъ и также признался, что la cure de raisins est manquée, но говорилъ, что лучше уже сидѣть на мѣстѣ, въ теплѣ, чѣмъ ѣздить, а если ѣхать, такъ на югъ. Онъ очень огорчился нашимъ отъѣздомъ и показалъ много дружбы. У него были на нашъ счетъ планы: устроить зимой вечера, гдѣ бы мы разсказывали о Россіи и проч. Константинъ радъ-радехонекъ, что ѣдетъ. Признаюсь, считая всегда нравственныя лѣкарства самыми дѣйствительными, я радъ также: онъ просто здѣсь скучалъ и тосковалъ въ одиночествѣ и при чувствѣ отдаленности. Если бы погода была хороша, такъ цѣлый день проходилъ бы въ ѣдѣ винограда и въ прогулкѣ, а проводить цѣлый день въ небольшой комнаткѣ, никого не видя, ни съ кѣмъ (изъ постороннихъ) не говоря, въ мѣстѣ уединенномъ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Васъ,

не достигая той цѣли, ради которой подвергся такому положенію, — да это хоть на кого нагонитъ тоску. Кстати: онъ очень огорчается Вашимъ безпокойствомъ, постояннымъ порицаніемъ нашихъ дѣйствій и упреками въ томъ, что много пишетъ: собственно на письма, на содержаніе никакого отвѣта; онъ пишетъ такъ подробно и никакого отзыва. Напротивъ—письма ему развлеченіе. Онъ пишетъ и думаетъ и часто мнѣ говоритъ: вотъ сестры то-то скажутъ, вотъ это маменьку должно утѣшить. Пища его во время винограда была: двѣ чашки шоколада на водѣ съ хлѣбомъ; за обѣдомъ супъ и телячья котлетка или же цыпленокъ; вечеромъ яичница, двѣ чашки чаю съ хлѣбомъ, котораго онъ вообще съѣдаетъ очень много. Когда же не ѣстъ винограда, то двѣ, три чашки кофею съ молокомъ, масломъ и хлѣбомъ и тоже вечеромъ. Кюршо впрочемъ требуетъ, чтобы онъ непремѣнно ѣлъ мясо, viande blanche.

Прощайте, милая Маменька и милыя сестры. Пожалуйста, поменьше безпокойтесь. Денегъ еще хватитъ, у меня еще не всѣ вышли. Мѣста *слѣдователя* я не хочу: это очень непріятная должность, чисто полицейская. Я закаялся быть слѣдователемъ, знаю, что это такое по опыту. Другой дѣятельности покуда нѣтъ, какъ издательство.—Я думаю, вамъ надо искать домъ на зиму. Солнечное ли затменіе или комета тому причиной, не знаю, но нынѣшній годъ въ западной Европѣ плохое житье за границей. Вотъ въ Греціи— такъ жарко.

Октября 5-го 1860 г. Вѣна. Середа.

Вчера, въ 10-мъ часу вечера пріѣхали мы въ Вѣну, милая моя Маменька и милыя мои сестры. Нынче утромъ, оставивъ Константина въ гостинницѣ (пріѣхали мы очень благополучно, комната теплая, и Константинъ очень доволенъ), пошелъ я къ Раевскому и узналъ отъ него содержаніе депеши, присланной Вами и имъ отосланной на мое имя, въ письмѣ, въ Веве. Мы, къ счастію, разъѣхались. Говорю: къ счастію. Я бы не могъ тамъ скрыть отъ него полученія этого письма. Какого труда мнѣ стоило и стоитъ теперь скрывать отъ него это страшное, ужасное извѣстіе. Не знаю, какъ и быть. Я не имѣю духа ему это объявить,—

а онъ, какъ нарочно, здѣсь въ Вѣнѣ въ хорошемъ и довольно свѣтломъ расположеніи духа. Объявить ему смерть, кончину, кончину Хомякова—это значитъ нанести страшный ударъ его подорванному здоровью, это значитъ—вновь взбунтовать и взмутить все его нравственное существованіе, которое кое-какъ съ трудомъ въ эти полтора года наладилось на столько, что онъ по крайней мѣрѣ въ состояніи работать и принимать участіе хоть въ общественныхъ вопросахъ. Теперь спасти, оживить его можетъ только одно: говорю это серьезно, мнѣ не до шутокъ,—одно: это такое выступленіе на сцену русскаго народа, въ которомъ бы Константинъ могъ принять участіе. Ахъ Боже мой, Боже мой! Я самъ просто разбитъ, уничтоженъ. Цѣлое свѣтило погасло, и мы вдругъ очутились въ потемкахъ,—наше свѣтило, наша совѣсть, наша сила, гордость и наконецъ просто отрада жизни. Я не могу себѣ вообразить насъ безъ него, мы всѣ буквально осиротѣли, осиротѣли духовно. Личное чувство, къ нему привязывавшее, играетъ тутъ самую слабую роль; съ личнымъ чувствомъ совладѣть можно. Но утрата Хомякова, изчезновеніе изъ нашей среды этого высокаго, свѣтлаго духа, насъ поднимавшаго, очищавшаго, живившаго,—лишаетъ нашу жизнь ея жизненнаго начала. Такъ связаны мы всѣ съ нимъ были. Все съ нимъ кончилось! Въ дружинѣ—падетъ одинъ, другой, ряды сомкнулись тѣснѣе и продолжаютъ идти своимъ путемъ, но когда тотъ палъ, кѣмъ жила и двигалась дружина, такъ изчезаетъ и дружина самая и всѣ разбредутся розно. Теперь для насъ настаетъ пора доживанья, воспоминаній, исторіи; самая жизнь кончилась.—Ничего не знаю, когда, какъ, гдѣ онъ умеръ. Какъ вы-то, я думаю, задавлены горемъ, и какъ безпокоитесь за Константина!—Я думаю вотъ что: ничего ему ни говорить недѣли двѣ—три: онъ можетъ не узнать; немногихъ знакомыхъ нашихъ я предупрежу, Le Nord не получается здѣсь, а Австрійскія газеты о Хомяковѣ возвѣщать не станутъ. Между тѣмъ Константинъ эти двѣ—три недѣли будетъ ѣсть виноградъ и, пользуясь порядочной погодой, гулять, дѣлать движеніе, заниматься, писать. Потомъ когда узнаетъ, конечно, страшно разсердится, зачѣмъ отъ него скрывали, но извѣстіе о событіи, случившемся мѣсяцъ тому назадъ, не такъ

поразительно и живо, какъ извѣстіе о недавнемъ событіи: разумѣется, все это только сравнительно. Объяви я ему это теперь — онъ броситъ всякое леченіе, утонетъ въ горести и полетитъ въ Москву. И тогда будетъ то же самое, т. е. и черезъ мѣсяцъ, если я объявлю, но онъ по крайней мѣрѣ сколько-нибудь наберется физическихъ силъ. Подъ разными предлогами уйдя отъ Константина нынче, отправился я на телеграфическую станцію и отправилъ Вамъ депешу. Въ ней я, между прочимъ, пишу, что если Вы ѣдете, такъ предупредите насъ; это для того, чтобы мы сами не уѣхали и не разъѣхались съ Вами. Самъ я депеши Вашей не читалъ, но Раевскій сказалъ мнѣ, что Вы пишите, будто сами будете. Не знаю, приняли ли вы это рѣшеніе вслѣдствіе этого событія, этой бѣды, или еще прежде, вслѣдствіе писемъ нашихъ о свиданіи со Шкодой. Не знаю также, будете ли вы писать въ Вашихъ письмахъ о смерти Хомякова (какъ страшно, какъ неестественно писать эти слова). Я не догадался нынче, а потомъ придумалъ и завтра пошлю къ Вамъ еще депешу о томъ, что если Вы еще не писали, такъ и не пишите, а напишите просто, что Хомяковъ занемогъ, потомъ другое письмо, что болѣзнь усилилась и т. д.—Климатъ Вѣны, по сухости своей, считается вреднымъ для груди, лѣтомъ, но осенью эта сухость не только не вредна, но очень кстати. Дѣйствительно, мы нашли здѣсь большую разницу съ Швейцаріей, которая обратилась вся въ ледникъ. Туманы не могутъ тамъ вылѣзти изъ горъ. Да и по винограду можно судить. Тамъ виноградъ померзъ и изъ него дѣлаютъ вино; здѣсь виноградъ, который Константинъ уже пробовалъ въ Отелѣ, гдѣ мы стоимъ, спѣлъ и сладокъ и еще не снятъ. Но Константинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я съѣздилъ въ Baaden, узнать и о виноградѣ и о томъ, какъ тамъ можно устроиться. Это часъ ѣзды отсюда. Нынче вышло оно кстати, потому что я такимъ образомъ часовъ на девять долженъ былъ оставить Константина и могъ сколько-нибудь собраться съ духомъ. Уже вечеромъ я воротился; Константинъ, по обыкновенію своему, безъ всякой нужды безпокоился, что я не ѣду, хотя и зналъ, что поѣздъ желѣзной дороги не приходитъ раньше; спросили кофею, онъ напился и теперь спитъ на диванѣ, что почти каждый вечеръ,

начиная съ 8 часовъ, онъ дѣлаетъ, и что теперь, я думаю, ему очень полезно. Баденъ—опустѣвшій Curort; сезонъ тамъ кончился и онъ представляетъ видъ довольно печальный и пустынный. Виноградъ можно еще имѣть, но за цѣну одинаковую съ Вѣнскимъ, а квартиры еще дороже, чѣмъ въ Вѣнѣ, потому что зимнихъ квартиръ очень мало: всѣ устроены только на лѣто, безъ печей. Къ тому же всѣ эти квартиры такого рода, что приходится обзаводиться разнымъ хозяйствомъ. Лѣтомъ—все устроено съ комфортомъ, есть и прислуга, и все обзаведеніе, какъ въ гостинницѣ, отъ хозяевъ, а теперь—все повыѣхало вонъ. Есть и другія причины, болѣе важныя для меня. Во-первыхъ, самому Константину хочется больше остаться въ Вѣнѣ. Во-вторыхъ, тамъ очень грустно, пустынно, ни книжной лавки, ни газетъ, никакого движенія. Въ-третьихъ, въ случаѣ, если онъ узнаетъ о событіи, то здѣсь есть добрые знакомые, которые его окружатъ вниманіемъ, есть, наконецъ, доктора, которымъ можно ввѣряться; есть церковь. Въ-четвертыхъ, если Вы пріѣдете, такъ не зачѣмъ намъ забиваться въ Баденъ. Признаюсь—въ виду готовящагося ему страшнаго удара, мнѣ не хочется оставаться съ нимъ вдвоемъ, въ пустомъ, глухомъ мѣстѣ. Покуда же онъ не будетъ этого знать, онъ будетъ здѣсь по неволѣ развлекаться. Здѣсь у него есть какая-то кондитерская, которую онъ ежедневно посѣщаетъ, когда бываетъ въ Вѣнѣ и съѣдаетъ тамъ какой-то шоколадный пирожокъ. Разумѣется, это пустяки, но я радъ былъ въ немъ проявленію и этихъ пустяковъ, этой способности къ привычкѣ. Тамъ нынче одна больная дама, которая сама лечится виноградомъ, объяснила ему, что виноградъ въ Вѣнѣ очень хорошъ, достается тамъ-то, и что дѣлать различіе въ виноградѣ, нынче сорванномъ съ вѣтки или въ переночевавшемъ, т. е. сорванномъ наканунѣ, нѣтъ никакой надобности. Это его убѣдило, конечно, больше, чѣмъ мои слова; да это и справедливо.—Балабинъ уѣхалъ нынче въ Варшаву и съ нимъ Гагаринъ. Но Гагаринъ, слава Богу, воротится дней черезъ десять. Я этому очень радъ. Константинъ его полюбилъ просто какъ сына, а онъ его какъ отца. И такъ, я думаю, что мы останемся въ Вѣнѣ, хотя Константинъ, засыпая, задалъ мнѣ на обсужденіе вопросъ: не ѣхать ли

намъ въ Пештъ. Но какой тутъ Пештъ. Надо уже пользоваться тѣмъ, что подъ рукою, а для меня важнѣе винограда то, что тутъ и Раевскій и Гагаринъ и Крайницкій.— Константинъ нынче написалъ письмо Самарину! Надѣюсь, что Самаринъ ничего ему писать не станетъ. Да и въ состояніи ли онъ? Перенесъ ли онъ это извѣстіе?

Не знаю, зачѣмъ Вы собственно ѣдете,—и если пріѣдете, и когда все Константину откроется, то согласится ли онъ лечить себя и жить зиму заграницей. Мнѣ кажется, онъ еще сильнѣе будетъ рваться въ Москву. Во всякомъ случаѣ вотъ, что мнѣ извѣстно про климаты: въ Генуѣ и вообще въ Италіи хорошо, а въ Монтелье еще дней пять тому назадъ было 20 градусовъ и больше тепла, и цѣлый мѣсяцъ было не меньше и не было дождя. Это разсказывалъ намъ дорогою одинъ русскій, Лаврентьевъ, очень полюбившійся Константину, у котораго братъ тамъ постоянно живетъ. Я предложилъ Константину ѣхать туда, но онъ, конечно, не согласился. И точно — изъ такого климата возвращаться зимою въ Россію нейдетъ.

Константинъ нынче написалъ Вамъ письмо и отправилъ.— Что-то у Васъ дѣлается? Здоровы ли Вы? Какъ, я думаю— Вы изорвались душою. Прощайте, милая моя Маменька и сестры. Дайте совѣтъ. Когда хотите мнѣ писать особо, такъ адресуйте на имя Раевскаго. (Monsieur Monsieur Raevsky, Vienne, Wallfischgasse, 1020). — Что семья Хомякова? Кто былъ при немъ? Какъ Вы узнали? Что всѣ наши? Какое время? Что Митя?—Неужели это правда? Нѣтъ ли ошибки въ депешѣ? Точно ли онъ? Хомякова нѣтъ? Можетъ ли это быть?

1860 г. Октября 9-го. Вѣна.

Нынче рано утромъ получилъ я Вашу телеграфическую депешу, милая моя Маменька, отъ Раевскаго, въ отвѣтъ на мою. А часа черезъ три получили Ваше письмо отъ 26-го Сентября, адресованное еще въ Веве. Константинъ ничего не знаетъ еще, и странным случаемъ, письмо Раевскаго съ депешей, посланное въ Веве, до сихъ поръ не возвращено оттуда, хотя Ваши письма возвращаютъ аккуратно. Я самъ бѣгаю на почту получать письма, но за Константиномъ

не углядишь. Третьяго дня пошелъ онъ въ кондитерскую тутъ, напротивъ, съѣсть пирожокъ, да погода была такъ тепла, что ему захотѣлось погулять. Онъ и пройди на почту. Къ счастію писемъ не было. Я въ страшномъ недоумѣніи. Не знаю, благоразумно ли я дѣлаю, что скрываю отъ Константина. Онъ будетъ потомъ за это сердиться, но это еще ничего. Главное въ томъ, что *узнавши*,—я въ этомъ почти убѣжденъ — онъ захочетъ тотчасъ же ѣхать въ Москву и будетъ себя упрекать, зачѣмъ ѣхалъ въ чужіе края, будетъ въ этомъ видѣть себѣ наказаніе. Если же ѣхать въ Москву, то можетъ быть лучше это сдѣлать теперь, въ хорошую погоду, когда не такъ холодно? Лучше также не оставлять Васъ такъ долго безъ особенной пользы, въ неизвѣстности, въ невозможности рѣшиться на счетъ зимняго дома? Въ этомъ смыслѣ послалъ я еще депешу къ Вамъ нынче. Можетъ быть причиною всѣхъ этихъ моихъ дѣйствій то, что у меня просто недостаетъ духа объявить ему ужасную вѣсть. Можетъ быть, я и ошибаюсь; можетъ быть, послѣ уже потрясшаго его удара, ничьи смерти не могутъ его слишкомъ сильно потрясти. Но не думаю. Съ смертью Хомякова трудно примириться. Можетъ быть также теперь онъ скорѣе бы согласился не возвращаться въ Москву и прожить съ Вами гдѣ-нибудь за границей? Досадно, что время-то позднее, что всякіе десять дней въ эту пору года дѣлаютъ переѣзды и поѣздки болѣе и болѣе затруднительными.—Мы еще и въ Вѣнѣ не устроились. Два дня сряду искали мы съ Раевскимъ квартиры, обошли весь городъ. Нѣтъ квартиръ рѣшительно, такихъ, которыя бы отдавались понедѣльно или помѣсячно, а на всю зиму. Перешли въ другую гостинницу, которая подешевле, и гдѣ мы могли занять нумеръ въ первомъ этажѣ. Но и этотъ нумеръ во-первыхъ дорогъ, а во-вторыхъ не хорошъ, теменъ, сыръ, непривѣтенъ. Въ этомъ отношеніи Константинъ сдѣлался чрезвычайно чувствителенъ; по крайней мѣрѣ является состояніе нервное, un malaise, что онъ всегда приписываетъ комнатѣ. Впрочемъ, мы завтра перейдемъ въ другой нумеръ. Этотъ мы сняли временно, пока принцъ Гессенскій тутъ былъ, а нынче онъ уѣхалъ въ Варшаву. Разумѣется, при такихъ условіяхъ трудно разложиться въ комнатѣ и, что называется, устроиться. Живешь

какъ на бивакахъ, и Константинъ ничѣмъ не занимается. Въ Веве онъ отъ этого тосковалъ. Здѣсь же время проходитъ такъ, не очень замѣтно по случаю визитовъ и посѣщеній. За то, когда ихъ нѣтъ, какъ теперь, онъ съ семи, съ восьми часовъ вечера начинаетъ спать, лежа на диванѣ. Разумѣется, такая жизнь à la longue въ тягость. Что касается до винограда, то онъ превосходный, сладкій и, кажется, ничто бы не препятствовало его ѣсть и вообще совершать это леченіе, какъ слѣдуетъ. Но я въ этомъ отношеніи недоволенъ Константиномъ. Онъ неохотно подвергается нѣкоторымъ лишеніямъ пищи (напр. кофею съ молокомъ), за обѣдомъ, пожалуй, прочаго ѣстъ мало, но хлѣба съѣдаетъ большое количество, гораздо больше, чѣмъ я; потомъ жалуется на обремененіе желудка. Свойство и такъ сказать обязанность винограда — чистить. Онъ еще не производитъ этого дѣйствія, но при малѣйшемъ *покушеніи*, Константинъ начинаетъ излагать цѣлыя теоріи, что это ему не годится, что всякое чистительное его ослабляетъ и даетъ лихорадочное ощущеніе, и вотъ онъ оставляетъ на этотъ день виноградъ. Мудрено ему тутъ говорить — ѣшь, не смотря ни на что. Иногда мнѣ кажется, онъ уже слишкомъ много вниманія обращаетъ на свои симптомы и прислушивается къ нимъ и разсуждаетъ объ нихъ и существенныхъ условій леченія не выполняетъ. Но людямъ такого нервнаго сложенія, людямъ, больнымъ душевно и у которыхъ и физическая болѣзненность имѣетъ собственно нравственныя причины, очень мудрено что-либо предписывать. Я считаю для него лучшимъ лекарствомъ отсутствіе досуга и развлеченія, т. е. возбужденіе интереса. Поэтому я и не рѣшаюсь оставлять его одного.— Нигдѣ мы не были такъ хорошо устроены, какъ въ Веве; нигдѣ не имѣли такой квартиры, но тутъ чувство уединенія, не смотря и на мое присутствіе, было слишкомъ сильно. Онъ пожалуй и рѣшился было читать комедіи Плавта, для чего и книги всѣ куплены, но не прочелъ и двухъ страницъ.—Нельзя не взять въ расчетъ, что Константинъ слишкомъ давно привыкъ жить въ семьѣ, въ большомъ обществѣ, работать на глазахъ у всѣхъ, такъ что лишеніе этой привычки для него тягостно. Я думаю, что жить зиму за границей безъ Васъ онъ бы не могъ. — Но теперь могу ли я

серьезно думать и хлопотать объ устройствѣ его житья, въ виду, такъ сказать, удара ему грозящаго? Перенести это горе, вдали отъ семьи, ему труднѣе, чѣмъ въ средѣ семейной.—Я убѣжденъ, что Константину было бы полезно провести зиму за границей, въ *тепломъ* климатѣ, напр. во Флоренціи или даже въ Греціи, въ хорошемъ, удобномъ, свѣтломъ помѣщеніи, въ кругу семьи, пріятелей. Если бы возможно было повторить лѣто, такъ, я ручаюсь — онъ бы совсѣмъ выздоровѣлъ! Но судьба распоряжается иначе. Смерть Хомякова такъ глубоко нравственно потрясаетъ человѣка, что самое леченіе не пойдетъ въ прокъ. Долго надо будетъ налаживаться!

Я не знаю — отчего Вы ждете нашего рѣшенія на счетъ зимы. Мое рѣшеніе тутъ ничего не рѣшаетъ, а Константина рѣшеніе извѣстно, даже если бы и не случилось этого событія. Неужели онъ рѣшится Вамъ сказать: «пріѣзжайте сюда, *ради* меня, приносите жертвы, подвергайтесь всѣмъ трудностямъ и опасностямъ пути, всѣмъ неудобствамъ непривычной жизни». Никогда онъ этого не скажетъ, и хотя нѣтъ сомнѣнія жить въ тепломъ климатѣ ему полезнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, но онъ самъ собою никогда на это не рѣшится. Вамъ не надо было бы и дожидаться его рѣшенія; но дѣло въ томъ, что и у Васъ и у меня нѣтъ достаточнаго убѣжденія, чтобы климатъ, при нравственномъ тоскливомъ состояніи, принесъ большую пользу, особенно *теперь!*

А покуда я все не рѣшаюсь ему объявить. Нынче онъ обѣдалъ у Раевскаго и тамъ послѣ обѣда слушалъ съ великимъ удовольствіемъ Словацкія пѣсни. Я даже удивился этому: онъ себѣ строго воспрещаетъ слушать музыку. Возвращаясь, въ сопровожденіи Раевскаго и еще одного Славянина, смотрѣлъ иллюминацію, потомъ, придя домой, напился своего любимаго кофею и теперь спитъ на диванѣ крѣпко, хорошо. Проснулся на минуту, сказалъ, что чувствуетъ себя прекрасно и опять заснулъ. Это еще такъ, по его словамъ это дреманье, хотя оно продолжается часа два, а вотъ сейчасъ я закончу письмо, разбужу его, и мы ляжемъ въ постель. Однимъ словомъ онъ испытываетъ теперь перѣдко чувство физическаго «bien-être», самъ это сознаетъ и «*дозволяетъ*» себѣ это, по его взглядамъ незаконное, пріят-

ное чувство, дозволяетъ себѣ какъ больному и думая, что Вы бы этому радовались. Недостаетъ у меня духу вырвать его изъ этого благосостоянія и нарушить его надолго, если не навсегда!—Прощайте однако, моя милая, милая Маменька. Не знаю, догадаетесь ли Вы написать мнѣ чрезъ Раевскаго. Пора Константина укладывать въ постель.

Воскресенье, Октября 16-го 1860 г. Вѣна.

Съ нетерпѣніемъ жду Вашихъ писемъ, милая Маменька и милыя сестры. Неполученіе ихъ очень безпокоитъ и смущаетъ Константина, потому что онъ не знаетъ причину этого замедленія. Я ему еще ничего не открывалъ, и какъ условился съ Вами по телеграфу, такъ и буду поступать, т. е. Ваши письма съ извѣстіемъ о болѣзни Хомякова приготовятъ его, и потомъ я ему постепенно все открою. Признаюсь, я не имѣлъ и не имѣю духа поразить его этимъ извѣстіемъ безъ приготовленія, а приготовить иначе не знаю способа. Я вамъ послалъ депешу, гдѣ прошу Васъ рѣшить, какъ мнѣ дѣйствовать, но не получилъ отвѣта. Константинъ бросилъ виноградъ, котораго употребленіе, при теперешней холодной погодѣ въ Вѣнѣ, оказывается неудобнымъ. Константинъ, какъ нарочно, эти дни нѣсколько поразстроился, чувствовалъ лихорадочное состояніе и раздраженіе желчи, но все это разрѣшилось пóтомъ, и онъ теперь опять поправился. По совѣсти долженъ сказать, что *тепло* ему необходимо. Чуть холодно, онъ весь сжимается, какъ растеніе; чуть тепло, онъ, такъ сказать, разцвѣтаетъ. Къ простудѣ онъ очень воспріимчивъ. Всѣ его здѣсь пріятели и друзья настоятельно отъ него требуютъ, чтобы онъ не возвращался въ Россію, и серьезно меня упрекаютъ за то, что я не деспотически съ нимъ поступаю: всѣ очень за нимъ ухаживаютъ и берегутъ его. Нынче былъ Шевыревъ (который только здѣсь узналъ грустное событіе) у Константина и такъ ему горячо доказывалъ необходимость теплаго климата зимою, что колебалъ Константина. Но эти дни, бросивъ ѣсть виноградъ, Константинъ былъ невыносимъ: хочу ѣхать тотчасъ же въ Москву, да и полно. Онъ держится такого взгляда: «если ему лучше, онъ готовъ остаться и дольше; если почувствуетъ

себя хуже, то возвращается тотчасъ въ Москву». Разумѣется, если не ѣсть винограда, то нѣтъ смысла оставаться въ Вѣнѣ, гдѣ климатъ неполезенъ—груднымъ болѣзнямъ,—такъ говорятъ. Но возвратиться тотчасъ въ Москву нельзя уже потому, что есть у меня начатыя дѣла—печатанье, денежные разсчеты, не окончивъ которые—ѣхать въ Россію было бы просто нечестно, а для окончанія ихъ нужно дней двѣнадцать небольше. Впрочемъ, это меня не обязываетъ оставаться собственно въ Вѣнѣ.—Не знаю рѣшительно, какое будетъ намѣреніе Константина *по узнаніи*. Дѣло въ томъ, что на дняхъ былъ у насъ молодой человѣкъ Іонинъ, бывшій Секретарь Гильфердинга (когда Гильфердингъ былъ консуломъ въ Босніи). Этотъ Іонинъ былъ въ такой злой чахоткѣ, что думали навѣрное, что онъ не проживетъ и двухъ мѣсяцевъ. А теперь онъ совсѣмъ выздоровѣлъ, благодаря тому, что прожилъ два года въ Алжирѣ, Египтѣ, Испаніи и Корфу, о которомъ мы совсѣмъ и забыли. Корфу главный изъ Іоническихъ острововъ, на югѣ Адріатическаго моря,—южнѣе гораздо Неаполя и полагаю—въ одномъ градусѣ широты съ Мессиной. Климатъ тамъ очаровательный, потому что городъ защищенъ совершенно отъ сѣвернаго вѣтра. Константина сильно колебали его разсказы, и онъ очень склоняется провести тамъ зиму, если бы его кто-нибудь, кромѣ насъ, на это рѣшилъ. Сообщеніе очень удобное: отсюда, однимъ поѣздомъ, или такъ сказать въ одинъ пріемъ до Тріеста, по желѣзной дорогѣ (часовъ 20 или меньше); изъ Тріеста на пароходѣ по Адріатикѣ, въ *двое* сутокъ въ Корфу. Корфу, какъ и всѣ Іоническіе острова, принадлежатъ Англичанамъ, и въ настоящую минуту это представляетъ ту выгоду, что кромѣ интереса Греческой стихіи, кромѣ возможности выучиться погречески, быть въ Греціи и пр. (Корфу около береговъ Эпира),—жизнь имѣетъ весь англійскій комфортъ. Тамъ превосходные отели, помѣщенія и проч. Англичане даже по дну моря провели телеграфъ, отъ самаго острова—телеграфъ, соединенный и съ Россіею. Тамъ есть русскій консулъ, и Іонинъ, который ѣдетъ консуломъ въ Эпиръ (въ г. Янину), вызывается все устроить.—Константинъ, хоть и говоритъ о поѣздкѣ въ Москву, но часто толкуетъ и о Корфу, и разсуждаетъ о

возможности Вамъ туда пріѣхать: изъ Варшавы въ 4 сутокъ можно быть въ Корфу. Жизнь тамъ, по разсказамъ всѣхъ тамъ бывшихъ, непомѣрно дешевая, не смотря на соединеніе всѣхъ удобствъ Европейской жизни съ юговосточною простотою.

Какъ рѣшить? Съ одной стороны жизнь въ Москвѣ, безъ Хомякова, жизнь и дѣятельность общественная—такъ грустна, такъ тяжела, что я не могу безъ ужаса и подумать объ ней для Константина. Возможность дѣлиться съ нимъ всѣми мыслями—составляла едва ли не главную приманку для Константина въ Москвѣ (потому что семья готова была жить съ нимъ и за границей). Можетъ быть, узнавъ это событіе, онъ и самъ сознается, что жить въ Москвѣ было бы для него слишкомъ тяжело. Съ другой стороны—кто знаетъ—узнавъ объ этомъ несчастіи, онъ именно захочетъ возвратиться, что бы не терять времени за границей и остатокъ силъ посвятить общественному дѣлу; захочетъ просто узнать всѣ подробности на мѣстѣ.... Все это очень естественно,—и будь я свободенъ, я бы прискакалъ — самъ не зная зачѣмъ!—Грустно провести зиму внѣ Москвы, должно сознаться.

Если же Вы хотите знать мое мнѣніе, по совѣсти, то я по совѣсти долженъ сказать, что, зная теперь ближе физическое и нравственное состояніе Константина, я считаю для него пребываніе зимою въ тепломъ (очень тепломъ) климатѣ, *вмѣстѣ* съ семьей, больше, чѣмъ полезнымъ,—почти необходимымъ. Необходимость эта усилилась вслѣдствіе неудачи леченія за границей.—Но я могу и ошибаться. Что же касается до моего влеченія,—то хочется мнѣ возвратиться въ Москву.—Въ этомъ смыслѣ пошлю вамъ телеграфическую депешу.—Если же Вы вздумаете ѣхать, то не ѣздите по шоссе на Варшаву изъ Москвы. Оно гнусно. Шевыревъ ужасы про него разсказываетъ,—а ступайте черезъ Петербургъ на Динабургъ.

Это послѣднее письмо Ивана Сергѣевича къ матери; вскорѣ онъ получилъ депешу о томъ, что Ольга Семеновна, будучи не въ состояніи переносить долѣе разлуку

съ больнымъ сыномъ, 27-го Октября выѣхала за границу съ двумя старшими дочерьми Вѣрою и Любовью. —8-го Ноября Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ ихъ въ Бреславлѣ вмѣстѣ съ Константиномъ Сергѣевичемъ, и всѣ вмѣстѣ поѣхали на островъ Занте, гдѣ больной долженъ былъ провести зиму: но ровно черезъ мѣсяцъ его уже не было въ живыхъ, и они совершали обратное скорбное путешествіе за гробомъ его въ Москву, гдѣ бѣдная мать схоронила своего первенца рядомъ съ могилой Сергѣя Тимофеевича въ Симоновомъ монастырѣ. Тогда, Иванъ Сергѣевичъ, до того времени, мало жившій съ матерью и сестрами, сталъ заботиться о томъ, чтобы устроить свою жизнь совмѣстно и неразлучно съ своей осиротѣлой семьей, потрясенной двумя этими смертями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, его собственная дѣятельность, какъ литератора и публициста, не прерывалась. Кромѣ сейчасъ же принятой имъ на себя работы по собранію и изданію сочиненій покойнаго брата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочиненій А. С. Хомякова, Иванъ Сергѣевичъ, уже замышлялъ изданіе газеты, и въ раннюю весну, этого же 1861 года повелъ офиціальные переговоры, о разрѣшеніи ему изданія, и 26-го Мая, пишетъ о томъ къ одному изъ наиболѣе ему близкихъ собесѣдниковъ: «Не знаю, какъ и благодарить Васъ, за Ваши интересныя письма: Все это историческіе документы. Надѣюсь, впрочемъ, что письма Ваши, если не вполнѣ, то хотя отчасти, получатъ вскорѣ характеръ правильныхъ, публичныхъ бесѣдъ и сообщеній. Сейчасъ объясню Вамъ загадку. Мнѣ разрѣшили издавать газету, и я начну издавать ее съ 15 Сентября, или 1-го Октября. Разумѣется, Вы мой сотрудникъ; но независимо отъ статей разнаго содержанія, будьте, пока Вы живете въ деревнѣ, также моимъ корреспондентомъ; дѣло въ томъ, что мнѣ хочется особенно налечь на корреспонденцію изъ провинціи и поднять эту часть, сильно опошленную и пренебреженную въ нашихъ газетахъ. Я хочу, чтобъ корреспонденція изъ какой-нибудь Тулы или Калуги, была бы интереснѣе для русскаго всякой корреспонденціи изъ Англіи или

даже изъ Славянскихъ земель; я хочу такой корреспонденціи, отъ которой бы несло мѣстнымъ черноземнымъ духомъ, или тамъ какимъ-либо другимъ. Теперь въ провинціяхъ жить интереснѣе, чѣмъ въ столицахъ, теперь пробудилась жизнь повсемѣстно, вездѣ движеніе, хотя бы оно и было движеніемъ разложенія. Теперь жизнь—въ дезорганизаціи, въ разложеніи, разрушеніи стараго порядка. Я не думаю, чтобъ положеніе имѣло въ себѣ силу организующую, но я вѣрю въ присутствіе этихъ силъ въ самомъ народѣ, хотя и знаю въ тоже время, что еще долго дѣйствіе ихъ будетъ чисто-пассивное или отрицательное. Всей той лжи, всей той мерзости, которая многими слоями легла на русскій народъ, всей той пыли и ветоши, которая образовалась на поверхности, вслѣдствіе 150-ти лѣтняго коснѣнія и отчужденія отъ общей государственной жизни, — всему этому надо будетъ заявить себя, пожить и умереть. Другими словами, вслѣдствіи усиленнаго кровообращенія, болѣзнь гнѣздящаяся въ организмѣ, должна высыпать наружу, потомъ подсохнетъ, какъ *сыпь*—и свалится. Лакейство, солдатство, трактирная цивилизація, просвѣщеніе Ножевой Линіи, все это надъ чѣмъ можно было до сихъ поръ смѣяться, заявитъ себя теперь дѣйствительно, — и страшное безобразіе имѣетъ представить Русская земля. Но среди развалинъ существующаго порядка, среди хлама и пыли, созрѣваетъ въ тишинѣ почти незамѣтно другая, новая зиждущая сила, къ которой славянофильство непосредственно примыкаетъ. Скажите мнѣ сами, въ чемъ и какъ можетъ быть ваше дѣятельное сотрудничество? Гдѣ думаете провести зиму? Въ началѣ Іюня я пущу публикаціи. Обуза, которую я на себя принимаю, такъ тяжела, что хоть бы отказаться,—но я не откажусь, конечно, только заявляю Вамъ этими словами всю трудность дѣла. Подробно напишу другой разъ, а Васъ прошу продолжать во 1-хъ ваши письма, во 2-хъ отвѣчать мнѣ на это, сказать ваше мнѣніе и подать вашъ совѣтъ *газетѣ* и газетчику.

11-го Іюня 1861 г. Москва (тому же лицу).

Вы мнѣ даете такіе совѣты! «*Владѣть обстоятельствами*».... Но у насъ это значитъ владѣть Безсомыкинымъ и Прибилемъ *), а не бороться; (куда! борьба была бы счастіемъ!) а просто идти по топкому болоту, увязая на каждомъ шагу въ глупости людской. А глупость и тупость — самый злѣйшій врагъ, посильнѣе 100-тысячной арміи.

Газета моя называется *День*. Это названіе особеннаго смысла не имѣетъ. Было другое. Но дѣло не въ названіи. Москва пустехонька, но мы остаемся въ Москвѣ все лѣто, у насъ при домѣ садъ и терраса, не хуже Сокольниковъ или Парка, а въ деревню маменька не хочетъ ѣхать.

Спѣшу лѣтомъ окончить изданіе двухъ томовъ сочиненій брата и одного тома сочиненій Хомякова,— къ тому же завелъ огромную корреспонденцію. Прошу Васъ продолжать Ваши въ высшей степени интересныя письма.

Съ воскресенья на понед. 3/4 Сент. 1861 г. Москва.

Я не отвѣчалъ Вамъ до сихъ поръ, потому что мнѣ было рѣшительно некогда: возился съ программой и съ домами. Программу мою, пространную и серьозную, содержащую въ себѣ полное profession de foi, программу, признанную умѣренною всѣми благоразумными людьми и даже цензорами, не пропустили цензора ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни самъ министръ, говоря: будь это не ваше, а другаго, такъ можно бы. Это тупоумное отношеніе цензуры ко мнѣ мало обѣщаетъ утѣшительнаго въ будущемъ. Кончилось тѣмъ, что я долженъ былъ ограничиться простымъ извѣщеніемъ о выходѣ въ свѣтъ новой газеты, предпославъ только нѣсколько строкъ, объясняющихъ такую краткость. Это извѣщеніе напечатано въ Моск. Вѣдомостяхъ, которые вы вѣрно получаете, и появится во всѣхъ Петербургскихъ газетахъ. Скромнѣе и тише

*) Безсомыкинъ, Прибиль—тогдашніе цензоры.

нельзя было явиться въ свѣтъ. Но мнѣ другое было нужно. Мнѣ нужно было кликнуть кличь по Россіи, создать себѣ съ самаго начала сочувственную среду, выкинуть знамя, чтобы потомъ собрались подъ него всѣ разсѣянные по Россіи, сочувствующіе мнѣ и моему направленію. «Есть ли въ полѣ кто живъ человѣкъ— отзовися!» Этого не удалось.

Вотъ Вамъ нашъ и мой новый адресъ, тутъ же помѣщается моя контора: на Спиридоновкѣ, въ домѣ Вечеслава.

Благодарю Васъ за Ваше первое провинціальное письмо. Прекрасно и пойдетъ въ дѣло, если цензура пропуститъ.

12 Окт. 1861 г.

Пишу Вамъ только два слова, чтобы поблагодарить асъ за присылку второго письма.

в Въ субботу выходитъ 1 № и въ тотъ же день утромъ будетъ сданъ на почту. Не смотря на строгость цензуры (хотя каждая статья просмотрѣна Цензурнымъ Комитетомъ)—сказано многое. № мнѣ кажется хорошій, т. е. *дѣльный* №; ну, а это не предсказываетъ у насъ успѣха, а напротивъ. Прошу Васъ, по полученіи, присѣсть за него, и по прочтеніи тотчасъ придвинуться къ столу и написать Ваше искреннее мнѣніе, какъ бы оно строго или неблагопріятно ни было. Здѣсь и въ Петербургѣ чортъ знаетъ, что творится! Бунтъ несовершеннолѣтнихъ! Я разумѣю студентское движеніе. Такъ и слѣдуетъ быть у насъ, при нашемъ прогрессѣ.

Весь вашъ душой Ив. Аксаковъ.

Мы нарочно привели эти мѣста изъ писемъ Ивана Сергѣевича, указывающія на его стремленія и надежды, при началѣ своей новой дѣятельности.

До сихъ поръ, все его разнообразное служебное прохожденіе, и путешествія были не *цѣлью*, а только *средствомъ* къ самовоспитанію, и пріуготовленію себя къ редакторской дѣятельности. Только достигнувъ ее

прекратились сомнѣнія Ивана Сергѣевича ***чѣмъ ему быть***—призваніе его сказалось несомнѣнно; и какъ ни скромно и ни тихо было поднято имъ знамя, но онъ болѣе не выпускалъ его изъ рукъ, пока не сложилъ на свою могилу, добровольно никогда не прекращая своей публицистической дѣятельности, хотя часто мѣняя ея формы.

Газета «День» въ самомъ непродолжительномъ времени заняла видное мѣсто въ тогдашней публицистикѣ, и личность Ивана Сергѣевича дѣлается общественнымъ достояніемъ.

До самой своей женитьбы, онъ продолжалъ жить съ своей семьей, изъ которой смерть постепенно уносила всѣхъ членовъ ея,—пока наконецъ пережившая почти всѣхъ дочерей своихъ, Ольга Семеновна, не переселилась въ Кіевъ.

Этимъ томомъ исчерпывается вся семейная переписка Ивана Сергѣевича Аксакова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЯ.

*) Статья эта предназначалась для Смѣси во II-мъ томѣ Московскаго Сборника.
**) Были напечатаны въ нѣсколькихъ экземплярахъ 1-го Дек. 1854 года въ Лондонѣ.

Нѣсколько словъ объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ.

Насмѣшки нашихъ писателей надъ внѣшними особенностями провинціаловъ, надъ ихъ нарядами, привычками и разными уклоненіями отъ столичнаго свѣтскаго comme il faut—въ настоящее время почти совершенный анахронизмъ, по крайней мѣрѣ въ нашихъ губернскихъ и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ уѣздныхъ городахъ. Уязвленное самолюбіе провинцій повело ихъ быстрымъ путемъ къ усовершенствованію. Поѣзжайте теперь на любой балъ въ Калугѣ, въ Ярославлѣ, въ Тулѣ—не найдете вы больше ни уродливыхъ фраковъ, ни фантастическихъ чепцовъ, ни плисовыхъ сапоговъ.... Въ послѣдніе 10 лѣтъ провинція шла исполинскими шагами по пути «Сивилизаціи» и изгнала все смѣшное съ своихъ провинціальныхъ паркетовъ. Вы поразитесь теперь и свѣжестью дамскихъ нарядовъ, сдѣланныхъ по послѣдней парижской картинкѣ, еще не получившей даже полнаго законодательнаго смысла и для московскихъ дамъ, и свѣтскою изящностью кавалеровъ и роскошью мебели, и убранствомъ комнатъ въ новѣйшемъ вкусѣ.... словомъ, все благоприлично, все въ высшей степени comme il faut; фраки безукоризненны, жилеты безпорочны, на парадныхъ балахъ галстухи непремѣнно бѣлые, русскаго языка и не услышишь, развѣ только за преферансомъ солидныхъ чиновниковъ, вездѣ раздаются звуки щегольской французской рѣчи, свѣтскія привѣтствія и фразы, les jolis petits riens, какъ говорятъ французы, такъ и сыплятся. Есть и благотворительныя дамскія общества, и общества лошадиныхъ охотниковъ, и благородные спектакли, и лотереи въ пользу бѣдныхъ, и маскарады съ высокою нравственною цѣлью.... Чего же больше? Неправда ли, утѣшительное зрѣлище! Да, не разъ видали мы, съ какимъ безкорыстнымъ, искреннимъ умиленіемъ радовались этимъ успѣхамъ фешьонебельные ревнители отечественнаго просвѣщенія, залетѣвшіе въ провинцію изъ столицы по службѣ, или для личнаго сбора своихъ деревенскихъ доходовъ; съ какимъ благодушнымъ снисхожденіемъ расточали они дѣятелямъ этого провинціальнаго прогресса свои похвалы и поощренія! Въ самомъ дѣлѣ, есть чему порадоваться! Скажите: уступятъ ли въ чемъ губернскіе гастрономы столичнымъ? Не вездѣ ли заведены дворянскіе клубы? Сохраняется ли гдѣ, въ большой мѣрѣ, эта благородная сословная гордость?...

Мы съ своей стороны не только не станемъ отрицать всѣ эти достойныя качества провинціи, но готовы подкрѣпить сказанное нами доказательствами положительными и неопровержимыми. Мало того, мы даже можемъ дополнить описаніе новыми чертами, потому что намъ приводи-

лось живать подолгу въ разныхъ губернскихъ городахъ русской Имперіи и довольно близко знакомиться съ составомъ губернскихъ обществъ и вообще со всею провинціальною общественною жизнью. Такъ напримѣръ, присутствуя на великолѣпномъ балѣ у NN *«столичный гость»* оставался въ невѣдѣніи, а мы хорошо знали, что оркестръ, подъ громкіе звуки котораго прыгала въ полькахъ, кружилась въ вальсахъ, неслась въ галопахъ блестящая губернская молодежь, — состоялъ изъ — крѣпостныхъ людей хозяина, нерѣдко, по милости ихъ, угощавшаго провинціальный beau monde и музыкальными вечерами; что въ тотъ же день утромъ альта и флейта были высѣчены за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена, до котораго хозяинъ, какъ слѣдуетъ просвѣщенному человѣку, былъ большой охотникъ, — а гобой собственноручно приколоченъ. Любуясь на этихъ благовидныхъ помѣщиковъ солидныхъ лѣтъ (обыкновенно «бель-омы» съ здоровыми, румяными, нѣсколько отвисшими щеками, въ усахъ, съ бѣлыми отвороченными воротничками на полной шеѣ, въ черныхъ бархатныхъ жилетахъ, ловко облегающихъ красивыя округлости ихъ статной груди и не малаго желудка, съ массивными золотыми цѣпочками, изящно рисующимися на жилетахъ), любуясь на этихъ благовидныхъ помѣщиковъ мы въ тоже время имѣли вѣрныя свѣдѣнія, что эти красивые господа только вчера воротились изъ своихъ деревень, гдѣ собирали порядочныя суммы съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупившихся отъ замужства. *)

Что же касается до благородной сословной гордости, то мы можемъ разсказать случай, бывшій съ нами въ вокзалѣ на минеральныхъ водахъ одной изъ великороссійскихъ губерній. Въ самомъ разгарѣ бала, въ ту самую минуту, какъ одинъ петербургскій пріѣзжій, предполагавшій встрѣтить въ провинціалахъ чуть не медвѣдей,—передавалъ намъ свое восхищеніе при видѣ такого блистательнаго провинціальнаго общества и въ такой отдаленности отъ столицы,—послышался шумъ въ углу залы: оказалось, что помѣщикъ У.... и помѣщикъ Ю.... (принесшіе нѣсколько сотенъ крестьянскихъ душъ въ жертву благородной страсти къ игрѣ) выгоняли вонъ изъ залы одного знакомаго намъ молодаго купца, очень образованнаго и даже одѣтаго въ приличное нѣмецкое платье. На вопросъ нашъ оба помѣщика отвѣчали, что молодой человѣкъ, хотя и заплатилъ деньги за билетъ, но какъ «неблагородный» не имѣетъ права находиться въ благородномъ собраніи, что изгнанія его требуетъ такая-то дама «съ высшимъ образованіемъ», не желающая танцовать въ одной кадрили съ купцомъ, что наконецъ «всѣ присутствующіе дворяне этимъ оскорбляются!» Когда же мы по своей неопытности, рѣшились было замѣтить, что званіе купца едва ли мѣшаетъ этому молодому человѣку быть благороднѣе многихъ гг. помѣщиковъ, то выставившіеся на насъ отъ удивленія глаза всего благороднаго сословія—убѣдили насъ въ совершенной неумѣстности

*) Этотъ обычай существуетъ въ Ярославской губерніи: крестьяне откупаютъ своихъ дочерей еще въ малолѣтствѣ ихъ, т. е. вносятъ за нихъ по 100 и по 150 рублей серебромъ за каждую, съ тѣмъ, чтобъ помѣщикъ не принуждалъ ихъ выходить замужъ, но чтобъ онѣ въ правѣ были или выдти за кого пожелаютъ, или вовсе не выходить.

подобныхъ толкованій.... Крѣпостной оркестръ заигралъ снова, и вмѣсто отвѣта, помѣщикъ У.... и помѣщикъ Ю...., подхвативъ дамъ «съ высшимъ образованіемъ», продолжали прерванные танцы, заставляя ихъ весело смѣяться разсказу (разумѣется на французскомъ языкѣ) о странномъ мнѣніи, высказанномъ однимъ изъ посѣтителей.—Читатели конечно отдадутъ должную справедливость этой чертѣ провинціальнаго благородства!.. А губернскіе балы? Что передъ ними балы въ какомъ нибудь вокзалѣ на минеральныхъ водахъ! «Хоть бы въ Петербургѣ!» скажетъ вамъ съ понятною гордостью хозяинъ дома глядя на ловко танцующую губернскую молодежь. Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на этихъ ловкихъ молодыхъ кавалеровъ. Вы хотите знать, какое стремленіе живетъ у нихъ въ сердцѣ, подъ этими бѣлыми жилетами, ни въ чемъ не уступающими жилетамъ петербургской работы? И мы отвѣтимъ вамъ, что бьется у всѣхъ въ груди одно и тоже горячее стремленіе: вполнѣ походить на столичныхъ свѣтскихъ джентльменовъ; мы порадуемъ васъ увѣреніемъ, что ни денегъ, ни времени не щадятъ они для достиженія такой возвышенной цѣли. Да, знайте, что исполненные этой благородной заботы, они уже нѣсколько лѣтъ сряду не берутъ ни одной книги въ руки, развѣ только изрѣдка прочтутъ Польдекока; что—озабоченные свѣтскими обязанностями, трудясь добросовѣстно и усиленно надъ всею внѣшнею отдѣлкою, они не имѣютъ досуга даже подумать о чемъ либо менѣе важномъ, а о какомъ-либо иномъ призваніи въ жизни; что всѣ эти молодыя души....

«Да ужъ не иронія ли это?» замѣтитъ, можетъ быть, вдругъ одинъ изъ нашихъ провинціальныхъ читателей, обратившихъ особенное вниманіе на нашу статью по чьему нибудь постороннему указанію: «это иронія, да еще самая неосновательная! Развѣ не тоже встрѣтите вы и въ столицѣ, на столичныхъ балахъ, если только захотите разсуждать безпристрастно?» Удивляемся догадливости нашего читателя, но въ самомъ дѣлѣ не полезнѣе ли заговорить яснѣе? Не всѣ же такъ смѣтливы! Конечно, много похожаго увидите вы и въ столицѣ, но зато въ столицѣ, и въ особенности въ Москвѣ, найдете вы всегда многочисленный кругъ людей, преданныхъ живымъ, современнымъ интересамъ, съ серьезными взглядами на жизнь, съ строгими нравственными требованіями, людей, вырабатывающихъ намъ наше самосознаніе, неутомимо дѣйствующихъ на поприщѣ мысли и слова, неослабно трудящихся для общей цѣли. Движеніе мысли въ столицѣ не только не замираетъ, но даже невольно сообщается и свѣтскому кругу, обыкновенно чуждому серьезныхъ занятій. Отъ того въ столицахъ есть какая-то постоянная современность умственнаго и нравственнаго образованія, распространенная повсюду, есть какое-то общее, повсемѣстное знакомство съ настоящимъ положеніемъ всѣхъ задачъ и вопросовъ человѣчества.... Но въ провинціи губернское свѣтское общество заключаетъ въ себѣ большею частью все, что есть образованнаго въ губерніи; на каждомъ провинціальномъ балѣ вы увидите почти все, что только выработала провинція въ продолженіе стольких лѣтъ: этотъ блестящій лоскъ, эта внѣшность, это comme il faut — вотъ результатъ ея нравственныхъ и умственныхъ усилій, вотъ единственная цѣль ея стремленій. Вглядитесь ближе и вамъ сдѣлается страшно отъ этого отсутствія всякой умственной дѣя-

тельности, и вы убѣдитесь, что въ дѣлѣ мысли и просвѣщенія, въ понятіяхъ и вопросахъ обще-человѣческихъ провинція отстала отъ столицы, въ особенности отъ Москвы, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 50! Грустно намъ сознаться въ этомъ, но кто же виноватъ? Развѣ не сама провинція? Скажите, читатель, случалось ли вамъ слышать другіе отзывы о какой-либо провинціи, кромѣ слѣдующихъ: «Калуга веселится больше, чѣмъ Тула, Тула веселится больше, чѣмъ Рязань, въ Ярославлѣ жить очень весело!» и т. д. Мы до такой степени привыкли къ этимъ опредѣленіямъ дѣятельности нашихъ губерній, что они даже и не поражаютъ нашего слуха, но нельзя не призадуматься надъ ними. Неужели общественное веселье составляетъ цѣль всѣхъ провинціальныхъ стремленій. Именно такъ, въ томъ смыслѣ, что никакихъ иныхъ стремленій и не существуетъ, а вся духовная и нравственная дѣятельность проявляется въ такъ называемыхъ веселостяхъ провинціальнаго большого свѣта, въ его усердномъ подражаніи великосвѣтской столичной жизни. Другой задачи и не задаетъ себѣ провинція. Выписывая наряды, вина, обои и мебель изъ Петербурга, а иногда изъ Москвы (необходимо замѣтить, что большая часть провинцій смотрятъ на Москву съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, считая ее такой же провинціей), устроивая веселость за веселостью, провинція почти вовсе не выписываетъ книгъ. Если и попадаются кой-гдѣ частныя библіотеки, такъ ими никто и не пользуется. Гораздо больше читается книгъ въ тѣхъ семьяхъ, которыя никогда не живутъ въ губернскихъ городахъ, а проводятъ зиму въ деревнѣ, или, какъ скоро позволяютъ средства, въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ губернскихъ же городахъ почти ни въ одномъ домѣ вы не найдете книги не только новой, да большею частью и никакой. Иногда только случайно заведется экземпляръ, одинъ единственный во всемъ городѣ, и прочтутъ его выпрашивая другъ у друга, — потому что издержать рубля три серебромъ на книгу считается мотовствомъ: въ самомъ дѣлѣ на эти деньги можно купить пары двѣ настоящихъ французскихъ перчатокъ!

Можетъ щекотливое самолюбіе нѣкоторыхъ гг. провинціаловъ и раздражится нашими словами, но повторяемъ, эти господа сами во всемъ виноваты. Они выбрали ложное направленіе и увлеклись подражаніемъ внѣшней сторонѣ общественной столичной жизни и всему тому, чему подражать не трудно, что не требуетъ самостоятельнаго труда мысли,— упустили вовсе изъ виду другую сторону жизни столичныхъ образованныхъ сословій, дѣятельность умственную. Между тѣмъ подражаніе всегда ставитъ подражающаго въ рабскія отношенія къ своему образцу, и провинція, не смотря на всѣ усилія придать явленіямъ своей общественной жизни какой-то самостоятельный характеръ естественной, необходимой потребности людей просвѣщенныхъ, невольно всегда отзовется провинціею. Оно даже обличитъ себя самою, ретивостью въ усвоеніи себѣ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ формъ цивилизаціи, которыя составляютъ, по ея мнѣнію, принадлежность истиннаго просвѣщенія. Попросту сказать, провинція всегда пересолитъ. Блистательная губернская львица, старающаяся выказать передъ новопріѣзжимъ столичнымъ гостемъ совершенство своей французской рѣчи и опасающаяся проронить въ разговорѣ хоть одно русское слово,

не подозрѣваетъ, что эта ея заботливость обнаруживаетъ въ ней истинную провинціалку; что не только въ Москвѣ, но даже и въ Петербургѣ дамы начинаютъ стыдиться своего невѣжества въ русскомъ языкѣ и довольно много говорятъ по-русски, что наконецъ вести русскимъ, въ наше время, между собою, въ Россіи, непремѣнно и упорно, безо всякой нужды, разговоръ по-французски — почитается или принадлежностью людей стараго времени или чистѣйшимъ провинціализмомъ. Едва заслышала провинція объ эманципаціи женщинъ, какъ тотчасъ же съ горячностью приняла это ученіе; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ завелись дамскіе клубы, (чего даже нѣтъ и въ Москвѣ), и почти во всѣхъ, барышни и дамы стали втрое эмансипированнѣе и развязнѣе столичныхъ. Эта эмансипація впрочемъ нисколько не мѣшаетъ имъ обнаруживать притомъ такія помѣщичьи наклонности, вкусы и привычки, которыя можно встрѣтить только въ провинціи. Двѣ три дамы въ Петербургѣ закурили папиросы, и дымъ повалилъ столбомъ отъ множества папиросъ, которыя закурили въ губернскихъ городахъ дамы и дѣвицы, почти всѣ безъ исключенія, что продолжается и понынѣ. Пронесся слухъ о дѣтскомъ балѣ въ Петербургѣ, и нововведеніе это, вызвавъ сильную оппозицію въ Москвѣ и даже не разъ печатное возраженіе, сдѣлалось въ провинціи какимъ-то необходимымъ явленіемъ общественной жизни: всѣ семейства ретиво соперничаютъ другъ съ другомъ, — въ этомъ душегубствѣ дѣтей, придумывая даже разныя усовершенствованія, напримѣръ дѣтскіе маскарады, folles journées и т. п. Въ извѣстномъ мнѣ губернскомъ городѣ было дано въ одну зиму дѣтскихъ баловъ болѣе, чѣмъ въ ту же зиму въ Москвѣ и въ Петербургѣ вмѣстѣ. А благотворительные балы, лотереи, спектакли, базары и концерты? Какое благородное соревнованіе между всѣми губерніями въ этомъ отношеніи! Правда, эти празднества требуютъ большихъ расходовъ, новыхъ пышныхъ нарядовъ... Но вѣдь деревня подъ рукою, наложить лишнюю повинность на крестьянъ, или прибавить оброка ничего не значитъ! Нерѣдко для подобныхъ благотворительныхъ и другихъ подвиговъ провинціальныя благотворительницы, а также Жоржъ-Зандистки и esprits forts пріѣзжаютъ въ губернскій городъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ *на своихъ*, т. е. на лошадяхъ своихъ крестьянъ, обязанныхъ, вѣроятно, также участвовать въ дѣлахъ общественнаго благотворенія. Такимъ образомъ настаетъ цѣлый рядъ веселостей, предпринятыхъ съ благотворительною цѣлью, хотя, вѣроятно, никто изъ участвующихъ и пяти минутъ не подумалъ о бѣдныхъ, въ пользу которыхъ онъ такъ трудился! Все это дѣлается преимущественно для того, чтобы похвастать предъ Москвою и Петербургомъ, чтобъ губернскій фельетонистъ затрубилъ объ этихъ празднествахъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, откуда—перепечатаются его слова въ вѣдомостяхъ столичныхъ, наконецъ все это дѣлается большею частью изъ угожденія волѣ Ея Превосходительства. На самомъ же дѣлѣ бѣдные люди прокармливаются и содержатся иждивеніемъ купцовъ и мѣщанъ, къ которымъ все до сихъ поръ нами сказанное нисколько не относится.

Существуетъ мнѣніе, будто жители губернскихъ городовъ живутъ жизнью мирною и семейною. Мнѣніе совершенно ошибочное. Семейной

замкнутой жизни вы почти не встрѣтите въ губернскомъ городѣ: всѣ живутъ свѣтскою публичною жизнью, да и учрежденіе дамскихъ клубовъ въ нѣкоторыхъ городахъ не свидѣтельствуетъ о большомъ уваженіи къ жизни семейной. Двѣ черты губернскихъ обществъ въ особенности поражаютъ всякаго, вновь пріѣзжаго изъ столицы. Это какой-то полупатріархальный, домашній, семейный характеръ отношеній общественныхъ, служебныхъ и офиціальныхъ, и наоборотъ—какой-то отблескъ служебныхъ и офиціальныхъ отношеній—на отношеніяхъ общественныхъ и даже частныхъ. Постараемся пояснить наше замѣчаніе нѣкоторыми подробностями губернскаго быта. Пріѣзжая въ губернскій городъ, вы, въ силу обычая, дѣлаете заразъ визиты всѣмъ служащимъ и не служащимъ и такимъ образомъ пріобрѣтаете себѣ вдругъ до 40 или 50 домовъ знакомыхъ, которые всѣ, въ скоромъ времени, становятся вашими короткими знакомыми. Всѣ семейныя тайны извѣстны въ губернскомъ городѣ каждому, всѣ другъ друга знаютъ, видаютъ другъ друга каждый день, собираются въ публичныхъ мѣстахъ, на балахъ и раутахъ почти всѣмъ комплектомъ, вѣдаютъ другъ про друга почти все и не перестаютъ заниматься другъ другомъ. Поэтому и всякое дѣло, даже въ присутственныхъ мѣстахъ, обдѣлывается очень запросто: стоитъ только попросить Петра Иваныча, или Ивана Петровича, и все уладится какъ нельзя лучше; васъ знаютъ и канцелярскіе чиновники, и полицейскіе служители, и станціонные смотрители, и извощики и лавочники... Проѣхалъ ли кто мимо вашего окна, вы сами знаете, кто проѣхалъ, куда, зачѣмъ и къ кому; именинница-ли Марья Ивановна? Присутствіе почти во всѣхъ мѣстахъ закрывается часомъ раньше и экипажи всѣхъ предсѣдателей, часу во 2-мъ, уже стоятъ на дворѣ Марьи Ивановны, къ которой въ этотъ день собирается весь городъ служащій и не служащій, имѣющій завтра собраться точно такимъ же образомъ у Александры Андреевны, по случаю дня ея рожденія, а послѣ завтра у Татьяны Карповны по случаю имянинъ ея старшей дочери... Куда ни оглянешься—все знакомыя лица, *все свои!* Дѣвицы, танцующія нѣсколько лѣтъ сряду, на однихъ и тѣхъ же паркетахъ, въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ, почти съ одними и тѣми же кавалерами, до такой степени осваиваются и съ кавалерами и съ этой публичной жизнью, что свобода обращенія въ губернскихъ городахъ далеко оставляетъ за собою столичную. Прибавьте къ этому, что всѣ скандалезныя исторіи, которыхъ можно и не знать въ Москвѣ или Петербургѣ, въ провинціяхъ совершаются почти явно на глазахъ у всѣхъ и потому извѣстны всѣмъ—отъ стариковъ до малолѣтныхъ барышенъ. Эта ежедневность свиданія, это знакомство всѣхъ со всѣми, заключаемое не во имя сочувствія или одинаковости убѣжденій, порождаетъ въ жителяхъ губернскихъ городовъ необыкновенную терпимость къ взаимнымъ прегрѣшеніямъ. Да и въ самомъ дѣлѣ Иванъ Петровичъ и Петръ Ивановичъ, слывущіе въ городѣ прекрасными и премилыми людьми, очень хорошо знаютъ, что каждому въ городѣ во всей подробности извѣстны источники ихъ нечистыхъ доходовъ, а потому они уже не находятъ надобности скрываться или вообще сколько нибудь церемониться въ этомъ отношеніи; самые строгіе честные люди, поживя нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ го-

родѣ, до такой степени свыкаются съ этими Иванами Петровичами и Петрами Ивановичами, что нравственное въ нихъ чувство поневолѣ тупѣетъ, и порокъ, не раздражаемый никакимъ протестомъ, никакимъ обличеніемъ, принимаетъ характеръ какой-то наивной простосердечной откровенности, какого-то добродушно-безобразнаго цинизма. Не думайте, чтобы сплетни очень много значили. Сплетни—просто невинное препровожденіе времени,—сплетни—единственный признакъ умственной дѣятельности въ провинціи. Вамъ, какъ пріѣзжему, тотчасъ разскажутъ такія черныя дѣла какого-нибудь Карпа Сидорыча, что волосы станутъ у васъ дыбомъ, и вы никакъ не рѣшитесь ѣхать на вечеръ къ Карпу Сидорычу, отъ котораго уже успѣли получить приглашеніе... Будьте же увѣрены, что весь городъ, вполнѣ знакомый со всѣми страшными подробностями жизни Карпа Сидорыча, провеселится у него до поздней ночи; всѣ съ Карпомъ Сидорычемъ пріятели, потому что Карпъ Сидорычъ даетъ обѣды, вечера, поитъ шампанскимъ, вслѣдствіе чего и на выборахъ станетъ играть не послѣднюю роль. Завтра такимъ же образомъ пропируетъ все общество у N. N., извѣстнаго хлѣбосола—взяточника, а послѣ завтра у другаго гостепріимнаго негодяя! Скажите по-совѣсти, знакомые мнѣ жители губернскихъ городовъ, развѣ все это не чистая правда?

Для молодаго человѣка провинція вообще очень опасна. Пріѣзжая въ губернскій городъ, онъ бываетъ сначала непріятно пораженъ тою холодностью, съ какой встрѣчаютъ на службѣ его честный пылъ, его благородное негодованіе, потомъ непримѣтно для себя, увлекается легкостью и дешевизною успѣховъ, пріобрѣтаемыхъ имъ въ губернскомъ свѣтскомъ обществѣ, если онъ хоть нѣсколько comme il faut, если пріемы его, складъ рѣчи и познанія хоть нѣсколько свѣжѣе, чѣмъ у туземцевъ. Губернскія дамы и дѣвицы, отъ нечего-дѣлать, за недостаткомъ кавалеровъ и потому, что такъ уже повелось, часто влюбляются въ него по нѣскольку вдругъ, даже безъ особенныхъ хлопотъ съ его стороны; совершенно незаслуженно и къ великому своему удивленію, получаетъ онъ отъ провинціальныхъ красавицъ эпитеты и ученаго, и поэта, и краснорѣчиваго оратора, и даже опаснаго для сердецъ человѣка, чуть—чуть не Ловеласа! Въ первое время еще стыдится онъ такихъ незаслуженныхъ успѣховъ и борется съ обольщеніями своего самолюбія, но потомъ постепенно имъ поддается и наконецъ совершенно привязывается къ пустотѣ свѣтской провинціальной жизни, въ которой онъ не приходитъ въ соприкосновеніе, какъ иногда въ столицѣ, съ современными духовными интересами, въ которой добываетъ онъ такъ легко значеніе и видное мѣсто героя, пуская въ ходъ однѣ старыя свѣдѣнія, безъ пріобрѣтенія новыхъ, безъ труда мысли, безо всякаго умственнаго напряженія! Такимъ образомъ день за день утрачиваетъ онъ всѣ свои прежнія чистыя нравственныя стремленія... Въ самомъ дѣлѣ, пожимая съ утра до ночи, по закону свѣтскаго приличія, руки такимъ людямъ, при одной мысли о которыхъ краска негодованія нѣкогда бросалась ему въ лицо,—посѣщая ихъ вечера, обѣды и балы вмѣстѣ со всѣмъ свѣтскимъ beau monde, онъ мало по малу дѣлается снисходительнѣе и отступаетъ отъ своихъ прежнихъ строгихъ требованій. Дешевизна свѣтскихъ успѣховъ помогаетъ ему свык-

нуться съ пошлымъ однообразіемъ губернской ежедневности, съ ограниченностью провинціальной умственной среды, съ мелочностью губернскихъ общественныхъ заботъ... Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и вотъ: уже и служитъ онъ не такъ, какъ понималъ службу въ старые молодые годы, уже проникается терпимостью къ разнымъ служебнымъ грѣшкамъ своихъ сотоварищей, время свое проводитъ въ праздности, въ пустомъ любезничаньѣ съ губернскими львицами и дѣвицами, со вниманіемъ прислушивается къ сплетнямъ, а потомъ и самъ пускается сплетничать, лѣнится умомъ и душою, принимаетъ съ важностью къ сердцу всѣ ничтожные интересы провинціальной общественной жизни, и бури въ стаканѣ воды признаетъ чуть ли не за истинныя бури! Много, много пошлости, оскорблявшей нѣкогда его чуткое молодое сердце, вкрадывается ему въ душу, и уже трудно становится ему жить въ столицѣ и разстаться съ тѣмъ значеніемъ, котораго не придется ему имѣть ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Хорошо, если осужденный на долгую жизнь въ провинціи, будетъ онъ зорко блюсти свою душу и ограничитъ свое знакомство тѣми не многими домами, гдѣ еще можно подышать чистымъ воздухомъ; еще лучше, когда онъ вовсе откажется отъ провинціальнаго свѣта и посвятитъ свое время, если онъ служитъ, на открытую борьбу съ злоупотребленіями, уже давно переставшими колоть глаза губернскому обществу, на изученіе края, всегда любопытное и полезное, на сближеніе съ другими классами общества.

Скучными покажутся эти строки столичному жителю, но не его имѣемъ мы въ виду: мы надѣемся, что слова наши, основанныя на жизненномъ опытѣ и на долговременномъ знакомствѣ съ провинціей, вызванныя искреннею скорбью и участіемъ, будутъ не безполезны для молодыхъ людей, только что вступающихъ на поприще губернской жизни. Если наши замѣчанія заставятъ призадуматься хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ, то цѣль наша будетъ уже достигнута.

Мы сказали, что офиціальная жизнь въ губернскомъ городѣ носитъ на себѣ характеръ полупатріархальный; точно такъ и общественная, даже частная жизнь заимствуютъ какой-то особенный оттѣнокъ отъ служебныхъ и офиціальныхъ отношеній. Его Превосходительство и Ея Превосходительство постоянно первыя лица въ городѣ, такъ сказать — постоянно въ должности: какъ на службѣ, у себя дома, такъ и въ гостяхъ, у васъ въ кабинетѣ, на балѣ, на раутѣ. Рѣдкій балъ начнется до прибытія Его или Ея Превосходительства; я самъ видѣлъ, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ. въ театрѣ, въ антрактахъ — ни одна изъ дамъ въ ложахъ не смѣла сидѣть, пока Ея Превосходительство стояла. Самая служба въ губернскомъ городѣ налагаетъ на васъ какую-то обязанность принимать участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ; это также служба своего рода. Вы уже непремѣнно, по долгу званія своего, членъ клуба, горъ и тому подобныхъ учрежденій. Въ самыхъ весельяхъ соблюдается нѣкоторое чинопочитаніе, и вообще лица называются большею частью не по фамиліи, а по мѣсту своего служенія. Даже дамы, повѣряя другъ другу свои сердечныя тайны, выражаются не иначе, говоря напримѣръ, что имъ вскружилъ голову совѣтникъ питейнаго отдѣленія, что онѣ влюблены въ

прокурора, что командирша гарнизоннаго батальона препротивная, потому что кокетничаетъ съ инспекторомъ врачебной управы и т. д. Кто этотъ молодой человѣкъ, полькирующій вотъ съ этой полною дамой? спросите вы напримѣръ на какомъ-нибудь балѣ. «Это? это статистическій комитетъ, онъ же и оспенный, онъ же и коммиссія продовольствія (т. е. письмоводитель всѣхъ этихъ мѣстъ), а дама его—почтмейстерша», отвѣтятъ вамъ, или назовутъ иначе, смотря потому, кто гдѣ служитъ.—«Не правда ли, какъ милы эти казенныя *палаточки*», сказалъ мнѣ однажды на раутѣ одинъ изъ губернскихъ денди, указывая на дочерей предсѣдателя казенной палаты и еще не рѣшившій, въ которую изъ нихъ влюбиться. Всѣ—дѣвицы въ губернскомъ городѣ очень хорошо знаютъ мѣста служенія и чины своихъ кавалеровъ, да и вообще вся чиновная іерархія, весь міръ служебныхъ отношеній имъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ иному ученому кандидату Университета. И не мудрено: если и случается имъ слышать серьезные разговоры, такъ они всегда касаются службы. Къ тому же самыя увеселенія ихъ болѣе или менѣе связаны съ какими нибудь офиціальными событіями, съ отъѣздомъ въ отпускъ и возвращеніемъ изъ отпуска губернатора, съ пріѣздомъ ревизора, новыхъ чиновниковъ и т. п. «У насъ нынѣшнюю зиму будетъ очень весело», сказала намъ однажды губернская дама; «Назначенъ рекрутскій наборъ!» Но служба только одною внѣшнею своею стороною вошла въ жизнь губернскихъ обществъ, т. е. мундиромъ, чиномъ, орденомъ, мѣстомъ, жалованьемъ, большею или меньшею продолжительностью занятій, грозою ревизоровъ, назначеніемъ новыхъ чиновниковъ, т. е. новыхъ членовъ общества, встрѣчею главныхъ начальниковъ и трогательнымъ прощаніемъ съ ними. Эти послѣднія событія обыкновенно сопровождаются обѣдами по подпискѣ и заочнымъ ругательствомъ. Нерѣдко впрочемъ на этихъ обѣдахъ пылкое и упоенное виномъ губернское усердіе, не зная себѣ предѣловъ, бьетъ тарелки, качаетъ на рукахъ, въ ту минуту всѣми любимаго начальника и даже пускается въ присядку. Такъ по крайней мѣрѣ было недавно при встрѣчѣ губернатора въ *N*... губерніи. «Дѣлать нечего», говорилъ мнѣ, вздыхая, одинъ уѣздный предводитель: «надобно отправиться въ уѣздъ и приготовить и тамъ ему такую же встрѣчу; не дешево станетъ! А безъ этого обижаться будетъ!» Вообще нельзя не поразиться тою нравственною зависимостью, тою духовною подчиненностью, въ которой находится общество большей части губернскихъ русскихъ городовъ относительно главныхъ начальниковъ края. Образъ жизни послѣднихъ оказываетъ сильное дѣйствіе на образъ жизни даже не служащихъ членовъ общества. Если напримѣръ губернаторъ расточителенъ, любитъ роскошь, увеселенія, не совсѣмъ приличную свободу обращенія съ дамами и т. п., губернское общество мигомъ отразитъ на себѣ всѣ вкусы и привычки Его Превосходительства. Его Превосходительство, хотя бы и въ высшей степени не пользовался искреннимъ расположеніемъ жителей, тѣмъ не менѣе служитъ для нихъ нравственнымъ авторитетомъ и даетъ тонъ всему окружающему. Замѣтимъ кстати: до какой степени въ провинціи каждому общественному веселью придаютъ значеніе важнаго, чуть не офиціальнаго дѣла можетъ служить указаніемъ возраженіе, напечатанное

въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1852-й годъ кѣмъ-то изъ господъ провинціаловъ фельетонисту одной петербургской газеты: первый обвиняетъ послѣдняго очень серьезно въ томъ, что онъ невѣрно передалъ происшествія послѣдней губернской масляницы, сказавши, что во вторникъ былъ благородный спектакль, тогда какъ спектакль былъ въ среду, а во вторникъ были радушные и веселые блины у Ея Превосходительства....

Вообще въ губерніи, при трудности, почти невозможности, бороться съ высшею мѣстною властью, чинопочитаніе больше, чѣмъ гдѣ-либо, доходитъ до забвенія всѣхъ завѣтныхъ, личныхъ, нравственныхъ убѣжденій; чиновное самолюбіе и тщеславіе волнуютъ дамскія сердца едва ли не сильнѣе, чѣмъ мужскія. Зато злоупотребленія служебныя не возбуждаютъ негодованія, мечты объ общемъ благѣ, желанія полезной дѣятельности—не тревожатъ душу...

Сердце сжимается при мысли о томъ, сколько молодыхъ душъ погибаетъ въ этой удушливой атмосферѣ! Какъ ни тяжело намъ писать эти строки, тѣмъ не менѣе повторимъ вкратцѣ все изложенное нами, предупреждая впрочемъ читателей, что слова наши не относятся ни къ губерніямъ, въ которыхъ заведены университеты, ни къ гг. провинціаламъ, живущимъ по своимъ деревнямъ. Впрочемъ само собою разумѣется, что и въ губернскомъ городѣ встрѣтите вы иногда людей достойныхъ и умныхъ, но они составляютъ исключеніе, сами постоянно чувствуютъ свое одиночество и вовсе не протестуютъ противъ современнаго направленія провинціальныхъ обществъ. Мы говоримъ собственно о преобладающемъ характерѣ общественной жизни въ большей части русскихъ губернскихъ городовъ. И такъ, что же представляетъ намъ эта общественная жизнь? Съ одной стороны блестящую внѣшность, почти ни въ чемъ не уступающую столичной, съ роскошью, съ публичною благотворительностью, мужскими и дамскими клубами, французскимъ языкомъ и свѣтскимъ воспитаніемъ; внѣшность, заставляющую провинціаловъ гордиться собою и воображать, что они стоятъ чуть ли не на самой верхушкѣ просвѣщенія... Съ другой: не застѣнчивость помѣщичьяго быта, откровенность барскихъ вкусовъ и привычекъ даже у дамъ и дѣвицъ, полнѣйшее отсутствіе всякой духовной дѣятельности, ограниченность мыслительнаго горизонта, недостатокъ всякаго инаго стремленія, кромѣ стремленія къ подражанію столичной великосвѣтской суетѣ; мелочность ежедневныхъ интересовъ, яркое невѣжество всѣхъ тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые вырабатываетъ движеніе мысли въ столицахъ; сплетни, переливаніе изъ пустаго въ порожнее, вялое и праздное препровожденіе времени, не освѣжаемое никакимъ чистымъ и честнымъ влеченіемъ! Да, эта пошлость одуряющая, растлѣвающая, убійственная пошлость, эта мертвенность душевныхъ движеній, это безмолвіе всѣхъ нравственныхъ требованій, эта снисходительность къ неправдѣ, это смотрѣніе сквозь пальцы на всякія злоупотребленія, это радушное панибратство съ развратомъ и взятничествомъ, это хлѣбосольство со всякимъ порокомъ въ богатой оправѣ... вотъ, что, къ сожалѣнію, являетъ по большей части общественная жизнь русскаго губернскаго города! Немногіе выдерживаютъ борьбу съ такою жизнью, тѣмъ болѣе, что въ провинціи эта борьба труднѣе, чѣмъ въ

Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ вамъ легче уединиться, гдѣ всегда отыщете вы людей одномыслящихъ, тогда какъ въ провинціи вамъ приходится бороться почти одному, безъ опоры и союзниковъ. Большая часть молодыхъ людей оканчиваетъ совершеннымъ примиреніемъ.

А вѣдь могло бы быть иначе! Еслибъ провинція, вмѣсто того, чтобъ быть рабской копіей съ копіи и подражать тѣмъ, которые въ свою очередь подражаютъ образцу чужеземному, — постаралась сильнѣе скрѣпить свою связь съ народнымъ бытомъ, къ которому она ближе, чѣмъ столицы, — она могла бы получить важное значеніе въ дѣлѣ истинно русскаго просвѣщенія. Если бы губернскіе жители, вмѣсто того, чтобы увлекаться блестящей пустотой столичной свѣтской жизни, пріобщились къ общему движенію человѣческой мысли, въ особенности къ той, которая въ послѣднее время въ Москвѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разработывается, которая стремится сдѣлать насъ людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей, — еслибъ, повторимъ, губернскіе жители были не чужды этого направленія, они нашли бы около себя много полезнаго и благого дѣла. Провинціализмъ могъ бы занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго русскаго духа. Но и безъ этого требованія, не всѣмъ доступнаго, — провинціальныя общества имѣютъ гораздо болѣе средствъ и удобствъ для всякой истинно доброй и прекрасной, хотя и скромной дѣятельности, чѣмъ общества столичныя, живущія какъто разрозненно. Самая эта полупатріархальность общественныхъ и офиціальныхъ отношеній, весьма естественная въ городѣ немноголюдномъ, это знакомство всѣхъ между собою, это легко пріобрѣтаемое значеніе даютъ возможность каждому изъ губернскихъ жителей сдѣлать добра на службѣ больше инаго немаловажнаго столичнаго чиновника, облегчаютъ изученіе края, распространеніе полезныхъ идей и знаній, возбужденіе общества отъ сна и апатіи. Пусть только молодой человѣкъ, осужденный служить въ губернскомъ городѣ, не побоится борьбы, — и примѣръ его подѣйствуетъ спасительно на многихъ; можетъ быть, какой нибудь мелкій отдаленный честный чиновникъ, до котораго провинціальная молва шумно донесетъ вѣсть о вновь появившемся честномъ человѣкѣ, ободрится и освѣжится дошедшими до него слухами и, уже утомленный, найдетъ въ нихъ новыя силы и для своей безвѣстной, святой борьбы! Такимъ образомъ соберутся около него немногіе честные люди и станутъ крѣпкимъ союзомъ на дѣло добра и правды! Въ томъ-то и состоитъ выгода провинціальной дѣятельности, что она не остается не замѣченною обществомъ, что въ провинціи легко пріобрѣтается вліяніе, легко распознать людей и отличить окончательно уснувшихъ отъ способныхъ еще къ пробужденію. Пусть только не лѣнится молодой человѣкъ и не кладетъ оружія преждевременно, испугавшись тяжелой и долгой борьбы... Вездѣ и всюду можно найти много серьезнаго дѣла, и въ службѣ, и въ хозяйствѣ, даже въ свѣтѣ, во всѣхъ положеніяхъ и званіяхъ, а серьезный трудъ всегда благотворно дѣйствуетъ на душу человѣка. Пусть же вѣдаетъ каждый, какъ опасна среда, въ которой онъ живетъ, пусть сторожитъ свою душу, пусть найдетъ себѣ опору въ трудѣ, въ просвѣщеніи, въ чтеніи, въ союзѣ чест-

ныхъ людей, чтобы не увязнуть постепенно въ тинѣ общественной пошлости. Нѣтъ ничего опаснѣе пошлости. Она вреднѣе душѣ самаго преступленія, въ которое ввергаетъ иногда человѣка внезапная буря страсти, но которое способно вызвать въ человѣкѣ могучее, плодотворное покаяніе... А пошлость, какъ ядъ, проникаетъ всю душу, все въ душѣ мельчаетъ, — блекнетъ, грязнится, тупѣетъ, разслабляется... Душа, утрачивая способность ныть и болѣть по правдѣ, замиряется съ средой, ее окружающей, и становится почти недоступною покаянію!..

Отъ всего сердца желаемъ, чтобъ слова наши, внушенныя горячимъ участіемъ, не пропали даромъ для жителей провинціи и въ особенности для молодыхъ людей, поступающихъ на службу въ русскіе губернскіе города.

1852-го года.
Москва.

Программа Московскаго Сборника.

Изданіе Московскаго Сборника должно состоять изъ 4-хъ частей, которыя предположено выдать въ теченіе года, со времени выхода въ свѣтъ перваго тома.

Предварительной подписки никакой не производится, а каждый томъ имѣетъ продаваться отдѣльно и выходитъ не въ опредѣленный мѣсяцъ, а по усмотрѣнію редактора.

Составъ 3-го и 4-го томовъ еще не вполнѣ оконченъ. Впрочемъ редакція имѣетъ для нихъ въ виду: 1) двѣ статьи г. Кошелева о поѣздкѣ русскаго земледѣльца въ Англію и объ опытахъ, произведенныхъ въ его имѣніи надъ машинами, вывезенными имъ изъ Англіи; 2) статью о народной медицинѣ въ Россіи—доктора медицины Смирнова; 3) продолженіе ученаго труда г. Попова: русское посольство въ Польшѣ или сношенія Россіи съ Польшею въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михаиловича и въ началѣ царствованія Өедора Алексѣевича; 4) воспоминанія объ Ал. Сем. Шишковѣ С. Т. Аксакова, автора «Записокъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи»; 5) историческій очеркъ купеческаго сословія въ древней Россіи — г. Бѣляева; 6) о православіи въ Польшѣ В. Елагина; 7) о Паткулѣ по новѣйшимъ документамъ—профессора Грановскаго: 8) объясненіе русскихъ свадебныхъ обычаевъ — Константина Аксакова; 9) статьи о русской миөологіи барона Шеппинга; 10) ученое изслѣдованіе о поземельной собственности въ древней Руси князя Влад. Черкасскаго; 11) разныя старинныя русскія народныя пѣсни; 12) разныя стихотворенія Г. Г. Хомякова, Конст. Аксакова и самого редактора ..... кромѣ этихъ статей, редакція готова дать мѣсто у себя, въ 3-мъ и 4-мъ томахъ Сборника и другимъ статьямъ, если только онѣ будутъ соотвѣтствовать цѣли изданія.

Цѣль же, которую поставилъ себѣ Московскій Сборникъ, заключается въ томъ, чтобы:

Во 1-хъ сообщать читателямъ самыя добросовѣстныя разысканія по части Отечественной Исторіи, Географіи, Этнографіи и вообще древняго и современнаго русскаго быта.

Во 2-хъ содѣйствовать къ распространенію истиннаго русскаго просвѣщенія, основаннаго на началахъ истинной христіанской вѣры и на тщательномъ изученіи русской исторіи и быта.

Въ 3-хъ представлять вниманію читателей тѣ изобрѣтенія, открытія и усовершенствованія на Западѣ, которыя могутъ быть съ пользою примѣнены и къ русскому быту, напримѣръ: статьи г. Кошелева объ англійскихъ и американскихъ земледѣльческихъ машинахъ и т. п.

Таково, въ общихъ чертахъ, направленіе Московскаго Сборника, направленіе—чисто ученое и литературное, какъ видно и изъ заглавія статей, изготовленныхъ для 3-го и 4-го томовъ.

Впрочемъ, при помѣщеніи статей, какъ ученыхъ, такъ и литературныхъ, редакція Московскаго Сборника предполагаетъ держаться самаго строгаго выбора, печатая только тѣ произведенія, которыя во 1-хъ вполнѣ и непремѣнно согласны съ требованіями строгой нравственности и христіанской вѣры; во 2-хъ полезны—или по результатамъ своимъ для русскаго знанія, или по тому благотворному впечатлѣнію, которое онѣ способны пробудить въ душѣ читателя.

Редакторъ и издатель *Иванъ Аксаковъ*.

Москва.
1-го августа 1851 г.

Письмо къ Графу Орлову.

Ваше Сіятельство,
Милостивый государь,
Графъ Алексѣй Θедоровичъ!

Прежде всего я долженъ принесть Вашему Сіятельству извиненіе въ томъ, что рѣшаюсь утруждать Васъ своею просьбою, но въ моемъ затруднительномъ положеніи я не могъ поступить иначе, да и думаю, что прямой путь, прямое обращеніе къ такому лицу, какъ Вы, Графъ, предпочтительнѣе всякихъ дорогъ косвенныхъ и окольныхъ.

Въ концѣ этого мѣсяца снимется съ якоря и отправится въ дальнее плаваніе, т.-е. къ нашему Камчатскому порту 64-хъ-пушечный военный фрегатъ Діана. Рѣдко представляется возможность совершить такое отдаленное, любопытное, разнообразное путешествіе, и я почелъ бы себя истинно счастливымъ, если-бъ мнѣ удалось какъ-нибудь воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Не говоря о любознательности, о склонности моей къ географическимъ занятіямъ и къ путешествіямъ, склонности, которую, по ограниченности моихъ денежныхъ средствъ, я удовлетворить никогда не былъ въ состояніи,—я глубоко убѣжденъ, что это плаваніе доставитъ мнѣ возможность приложить съ пользою къ дѣлу тѣ немногія дарованія, которыя имѣю. Я всею душою желаю служить Россіи, но чувствую, что призванъ служить ей скорѣе на поприщѣ литературномъ, чѣмъ на какомъ-либо другомъ; а Ваше Сіятельство вѣрно согласитесь, что добросовѣстный, благонамѣренный, ученый или литературный трудъ

можетъ быть не менѣе важенъ и полезенъ для Государства, какъ и всякой другой честный трудъ. Между тѣмъ у насъ нѣтъ ни одного новѣйшаго литературнаго описанія морскихъ путешествій и странъ отдаленныхъ; въ этомъ отношеніи мы руководствуемся обыкновенно сочиненіями англійскими и французскими, слѣдовательно и смотримъ на описываемыя ими страны съ точки зрѣнія англійской и французской, а не съ точки зрѣнія русскаго человѣка, взглядъ котораго можетъ быть свѣжѣе и самобытнѣе. Я вовсе не имѣю притязанія думать, что мои сочиненія будутъ отвѣчать всѣмъ строгимъ требованіямъ современнаго просвѣщенія, но въ одномъ ручаюсь безбоязненно, что принесу въ дѣло всѣ способности, какими только надѣлилъ меня Богъ, горячую добросовѣстность труда и искреннее стремленіе къ пользѣ.—О желаніи моемъ было доведено до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества Генерала Адмирала и Его Высочество изволилъ отозваться, что мѣсто для меня на фрегатѣ найдется, какъ скоро я буду облеченъ какимъ-нибудь офиціальнымъ значеніемъ отъ посторонняго вѣдомства. Но въ пріисканіи этого офиціальнаго порученія я и опасаюсь встрѣтить главнѣйшее затрудненіе, тѣмъ болѣе, что есть обстоятельства, которыя Ваше Сіятельство хорошо знаете, но которыя, будучи извѣстны другимъ только по слуху, могутъ быть сочтены препятствіемъ къ командировкѣ меня въ дальнее плаваніе.

Вашему Сіятельству довольно извѣстны и мой образъ мыслей и мой характеръ. Если я и поступалъ неблагоразумно, то все-таки поступалъ честно и всегда дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ, прямо и открыто. Подвергая себя теперь добровольной разлукѣ съ семьей, друзьями и родиной, я руководствуюсь самыми чистыми, самыми честными намѣреніями. Это сознаніе даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вашему Сіятельству прямо, безъ обиняковъ, съ моею покорнѣйшею и горячею просьбою: исходатайствовать мнѣ у Государя Императора дозволеніе отправиться на фрегатѣ Діана на мой собственный счетъ или на счетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Географическаго Общества, если послѣднія будутъ согласны дать мнѣ какое-нибудь порученіе. Съ своей же стороны я готовъ исполнить и всякое другое порученіе, которое, во время плаванія, угодно будетъ возложить на меня Начальству фрегата. Ваше Сіятельство обяжете меня самою искреннѣйшею благодарностью, а я употреблю всѣ усилія, чтобъ путешествіе мое было дѣйствительно не безполезно для русской науки и литературы.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностью
имѣю честь быть Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою

Ив. Аксаковъ.

1-го сентября 1853 года.
С.-Петербургъ,
2 Московск. части, домъ
Т. С. Карташевской.

——— ———

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КНИГИ:

САМЫЯ ДОСТОВѢРНЫЯ ЗАПИСКИ ЧИНОВНИКА ОЧЕВИДЦА.

Присутственный день Уголовной Палаты.

СУДЕБНЫЯ СЦЕНЫ.

Изложенныя отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ, бывшимъ секретаремъ Правительствующаго Сената, бывшимъ товарищемъ Предсѣдателя Уголовной Палаты, бывшимъ оберъ-секретаремъ Правительствующаго Сената, бывшимъ чиновникомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Предувѣдомленіе.

Считаю нужнымъ объяснить читателямъ, съ какой точки зрѣнія смотрю я, самъ, на свое произведеніе. Не изъявляя притязаній на художественное достоинство, эти сцены, какъ вѣрная докладная записка, имѣютъ все грустное достоинство истины, все печальное значеніе дѣйствительнаго факта. Пусть это сознаніе, лишающее меня художественной заслуги вымысла, сообщитъ предлагаемымъ сценамъ строгую занимательность правды и смыслъ обличительнаго современнаго документа.

Многіе, по прочтеніи этого отрывка, скажутъ, что я взялъ только смѣшную и пошлую, еще не самую трагическую сторону судебнаго быта, что я вовсе не коснулся и не разоблачилъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій и страшныхъ злодѣйствъ, которыми богата память каждаго, «послужившаго на своемъ вѣку» человѣка. Но предлагаемый отрывокъ еще далеко не исчерпываетъ всей моей собственной задачи; вопіющія же злоупотребленія и потрясающія душу злодѣйства носятъ на себѣ характеръ исключительности, особенности, который яркостью своею рѣзко отдѣляется отъ общаго быта, къ тому же онѣ не всегда избѣгаютъ и наказанія по закону. Гораздо опаснѣе для общества тѣ грѣхи, которые чествуются «грѣшками»; тѣ пороки, которые извиняются легко, уживаются съ снисходительною совѣстью, живутъ рядомъ съ хорошими свойствами души, принимаютъ даже какую-то вполнѣ искреннюю, добродушную физіономію, убаюкиваютъ самое сознаніе какою-то особенною простосердечною логикою. Эта сѣть малыхъ грѣшковъ и пороковъ опутываетъ въ сильной степени наше общество и каждый изъ насъ болѣе или менѣе страдаетъ тѣмъ же недугомъ. Но особенно опасною сказывается эта болѣзнь въ быту судебномъ, гдѣ она въ союзѣ съ властью, гдѣ каждое ея проявленіе передается непосредственно тяжкими гибельными ударами дѣйствительной жизни....

Съ этою цѣлію выставлены мною даже не взяточники, а люди «честные» и даже добрые. Моя служебная дѣятельность доставляла мнѣ возможность узнавать такихъ чиновниковъ близко, и если не всему, то весьма и весьма многому, изложенному въ судебныхъ сценахъ, былъ я самъ очевидцемъ.

Самое трагическое здѣсь, по моему мнѣнію, это неправда, совершаемая добродушно и большею частію безсознательно.

Многимъ покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучаютъ. Пусть знакомятся они съ изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляютъ законы, пусть знаютъ, какимъ порядкомъ по большей части совершается современный судъ въ Россіи. Въ вѣрности моего изложенія — я убѣжденъ — поручится всякій, кому извѣстенъ судебный бытъ не только столичный, но и провинціальный, не по однимъ книгамъ и законамъ, но на самомъ дѣлѣ и по опыту.

1853 г.

Дѣйствующіе:

Предсѣдатель, Александръ Матвѣевичъ, лѣтъ 45, мужчина довольно полный, средняго роста, волосы бѣлокурые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, бакенбарды того же цвѣта, направленные къ губамъ, говоритъ протяжно и довольно мягкимъ басомъ, одѣтъ прилично.

Засѣдатель отъ дворянства, Семенъ Ивановичъ Посошковъ, лѣтъ 57, роста высокаго, худощавый, ходитъ нѣсколько сгорбившись, вообще человѣкъ стараго покроя.

Засѣдатель отъ дворянства, Алексѣй Александровичъ Жабинъ, отставной капитанъ, воспитывавшійся въ кадетскомъ корпусѣ, лѣтъ 30, сильный брюнетъ, съ черными большими усачи и бакенбардами, роста средняго, талія военная, одѣтъ по послѣдней модѣ.

Засѣдатель отъ купечества, Иванъ Ѳомичъ Вахрамѣевъ, тоже средняго роста и толщины, лѣтъ 55, борода окладистая съ просѣдью.

Секретарь, Петръ Ильичъ Соколовъ, изъ дѣйствительныхъ студентовъ XX университета, лѣтъ 30, довольно благообразной наружности, блондинъ, одѣтъ прилично, но бѣдно.

Писецъ Галкинъ.

Писецъ Ивашкинъ.

Писецъ Швейкинъ.

Вахмистръ, главный сторожъ Палаты, отставной унтеръ-офицеръ, неизвѣстно почему называемый Вахмистромъ, лѣтъ 60; когда ходитъ, сильно стучитъ сапогами.

Канцелярія, т. е. канцеляристы.

Конвойные солдаты.

Три арестанта.

Помѣщикъ, Илья Андреевичъ Жомовъ, отставной полковникъ,

лѣтъ 45, высокій, полный, здоровый мужчина, что называется bel homme; одѣтый очень хорошо, даже богато, говоритъ сильнымъ басомъ, смѣется громко, на всю комнату.

Дѣйствіе происходитъ въ присутственной комнатѣ Палаты Уголовнаго Суда. Съ одной стороны стеклянныя двери въ канцелярію. Канцеляристы то и дѣло заглядываютъ въ Присутствіе, слегка приподнимая небольшія занавѣски, прикрывающія нижнія стекла. На противоположной сторонѣ также дверь съ надписью *Архивъ*. Она ведетъ въ архивную комнату, гдѣ висятъ вице-мундиры членовъ, надѣваемые ими для присутствія въ Палатѣ. По стѣнамъ стоятъ шкафы, висятъ: зеркала, портретъ Государя, часы. Противъ дверей канцеляріи, ближе къ архивной комнатѣ, стоитъ большой присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ зерцаломъ, на столѣ чернильницы, звонки, бумаги, дѣла, Московскія Вѣдомости, словомъ все какъ слѣдуетъ. На одномъ концѣ стола предсѣдательское кресло съ золочеными ручками, по сторонамъ кресла краснаго дерева. Подлѣ дверей канцеляріи небольшой столикъ, покрытый краснымъ сукномъ; это столикъ секретаря.

Примѣчаніе: Разговоры не мѣшаютъ занятіямъ членовъ, т.-е. они разговаривая—подписываютъ бумаги, или переписывая, какъ Семенъ Ивановичъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда разговоръ особенно оживляется, это занятіе прекращается. Секретарь же во все время присутствія очень занятъ, часто уходитъ въ канцелярію съ бумагами и, возвращается оттуда съ новыми, роется въ Св. Законовъ, перелистываетъ дѣла и проч.

Товарищъ Предсѣдателя и другой купеческій Засѣдатель въ отпуску.

ЯВЛЕНІЕ I.

Секретарь *(одинъ, сидитъ за своимъ столомъ и пишетъ)*; входитъ Вахмистръ.

Вахмистръ.

Ваше благородіе! арестантовъ привели.

Секретарь.

Сколько ихъ?

Вахмистръ.

Три человѣка, да двѣ женщины, одна съ ребенкомъ.

Секретарь.

Ну, пусть ждутъ, дѣлать нечего, еще никого нѣтъ.

(Вахмистръ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Семенъ Ивановичъ *(входитъ медленными, большими шагами, Секретарь встаетъ и кланяется).*

Семенъ Ивановичъ *(проходя въ архивную комнату).* — Здравствуйте, батюшка Петръ Ильичъ, здравствуйте, какъ поживаете? *(уходитъ въ архивную комнату, откуда тотчасъ-же возвращается въ старомъ поношенномъ мундирѣ и смотритъ на стѣнные часы.)* Эге! да ужъ 11 часовъ! Да что станешь дѣлать *(садясь на свое мѣсто и перебирая бумаги)* нынче вѣдь Варвары и у меня большая дочь, невѣста-то, имянинница... то, да се, къ обѣднѣ сходили, такъ время промежъ пальцевъ-то и ушло...

Секретарь *(привставъ)*

Честь имѣю поздравить.

Семенъ Ивановичъ.

Да что честь имѣю! Вы бы, Петръ Ильичъ, зашли нынче ко мнѣ поотобѣдать; дѣло-то бы и ладно было.

Секретарь.

Покорно благодарю, Семенъ Ивановичъ, не могу, право не могу-съ... дѣла-то сколько! Еще вотъ не знаю, какъ и управлюсь... право...

Семенъ Ивановичъ.

Ну ужъ пошелъ! Хе, хе, хе! Полно вамъ, полно Петръ Ильичъ! Не все же дѣломъ-то заниматься, надо человѣку и поразсѣяться немножко, а то сидитъ себѣ сиднемъ!...

Секретарь.

Да право, нельзя, Семенъ Ивановичъ, ужъ вы меня, сдѣлайте милость, увольте... у васъ чай...

Семенъ Ивановичъ.

Что у меня чай? Много будетъ, пустяки!... Никого не будетъ, своя семья; развѣ только Григорій Тихонычъ зайдетъ, да и то наврядъ ли... Экой смиренникъ, право ни чѣмъ изъ дому-то не вытащишь, а еще молодой человѣкъ! ну полно же, Петръ Ильичъ, приходи! будешь?

Секретарь.

Постараюсь...

Семенъ Ивановичъ.

То-то постараюсь! Приходи. Да что, Петръ Ильичъ, все это къ подписанію?

Секретарь.

Къ подписанію... тутъ, кромѣ приговоровъ и журналовъ, есть еще указы; ихъ надо бы нынче же отослать на почту.

Семенъ Ивановичъ.

Указы? подпишемъ, подпишемъ! За нами дѣло не станетъ! *(подписываетъ одинъ указъ)*. Экое помело, Господи! *(звонитъ, входитъ Вахмистръ)*.

Семенъ Ивановичъ *(обращаясь къ Вахмистру)*.

Отдай перо Ивашкину. Что онъ, дуракъ, не знаетъ что-ли, что надо перья присутствующимъ чинить? Не первый день служитъ.

(Вахмистръ беретъ перо и уходитъ).

Секретарь.

Вотъ это перо хорошо, не угодно-ли? *(подаетъ)*.

Семенъ Ивановичъ *(беретъ перо и подписываетъ)*.

Дайте-ка... хорошо!.. хорошо! *(считаетъ)*. Разъ, два, три, четыре, пять... Всѣ-ли тутъ Петръ Ильичъ?

Секретарь.

Всѣ *(беретъ указы со стола, относитъ къ себѣ и садится)*.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, журналы-то я вамъ еще вчера подписалъ. Теперь приговоры... *(во все время слѣдующаго разговора подписываетъ одну бумагу за другой)*. А что Александръ Матвѣевичъ, будетъ что-ли нынче, или нѣтъ?

Секретарь *(также продолжая писать)*.

Будетъ-съ, я по крайней мѣрѣ вчера имъ докладывалъ, что нынче и приговоры арестантамъ надо объявлять и другія кой-какія дѣла есть... чай у него нынче имянинницъ по городу много...

Семенъ Ивановичъ.

Да, важныхъ-то только одна, Варвара Петровна! Я думаю, онъ къ ней прямо изъ присутствія и проѣдетъ; тамъ чай нынче губернаторъ будетъ и вицегубернаторъ; всѣ они! Да чай и нашъ Алексѣй Александровичъ туда же продеретъ, хе, хе, хе! а я ужъ, такъ слуга покорный, отъ всѣхъ этихъ парадовъ отсталъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

(Входитъ писецъ Ивашкинъ и подаетъ перо).

Семенъ Ивановичъ *(Ивашкину).*

То-то, братецъ, должности вы своей не знаете! Васъ учишь, учишь, а все проку нѣтъ! Экой народъ, Господи! Да совсѣмъ забылъ! Гдѣ ты это третьяго дня пропадалъ?

Ивашкинъ.

Виноватъ, Семенъ Ивановичъ.

Семенъ Ивановичъ.

Что голубчикъ, виноватъ теперь, а? Что, всѣ денежки пропилъ? Или еще осталось, а? Вотъ плати вамъ жалованье! Вотъ, какъ я тебѣ жалованья поубавлю, такъ денежки-то и будутъ цѣлы!

Ивашкинъ.

Виноватъ, Семенъ Ивановичъ.

Семенъ Ивановичъ.

То-то виноватъ! Ты смотри! Ну да ужъ для нынѣшняго праздника, такъ и быть, сердить себя не хочу... Только смотри!.. да, Галкина ко мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же безъ Ивашкина.

Семенъ Ивановичъ.

Ну вотъ, кажется, и послѣдній приговоръ подписалъ; *(беретъ его въ руки)* экой толстый! Ну ужъ губернаторъ читать его не станетъ, хе, хе, хе! *(отодвигаетъ отъ себя подписанныя бумаги)*... приняться развѣ теперь за свое дѣло? *(потягиваясь и зѣвая)* шутка-ли! докладнаго-то реэстра пятидесятую тетрадь переписываю! Слышите, Петръ Ильичъ! пятидесятую, а Вахрамѣевъ-то никакъ только десятую.

Секретарь.

Да ужъ нечего сказать, Семенъ Ивановичъ, за вами дѣло не стоитъ. Ахъ, Боже мой, виноватъ, вѣдь совсѣмъ забылъ доложить. Предложеніе прислалъ прокуроръ. Требовалъ онъ къ себѣ наши настольныя книги, росписи и докладные регистры.

Семенъ Ивановичъ *(принимаясь за переписку съ докладнаю регистра въ журналъ).* Ну, такъ чтожъ?

Секретарь.

Да пишетъ онъ въ предложеніи, что докладной регистръ значитъ регистръ дѣлъ, назначаемыхъ къ докладу и что, потомъ ужъ, говоритъ, послѣ каждаго доклада и должна быть сдѣлана рукою члена краткая отмѣтка изъ резолюціи, по дѣлу-то состоявшаяся. У васъ же, говоритъ, наоборотъ, докладной регистръ составляется послѣ рѣшенія дѣла, пишутъ не отмѣтку, а цѣлую копію со всего журнальнаго рѣшенія, начиная съ «приказали»; позвольте, я отыщу предложеніе, не знаю только, куда я его засунулъ...

Семенъ Ивановичъ *(продолжая писать).*

Э, да Богъ съ нимъ совсѣмъ! Слышали мы это не разъ! Не онъ первый, не онъ послѣдній. Мало ли ихъ при мнѣ перебывало, прокуроровъ то! Вотъ такъ всякій и лѣзетъ съ предложеніемъ, то не по формѣ, другое не по формѣ!... Да въ другихъ то палатахъ, про докладные регистры и помину нѣтъ, а у насъ къ концу года все-таки законъ соблюденъ.

Секретарь.

Соблюденъ-то, соблюденъ...

Семенъ Ивановичъ.

Да и чтожъ не по формѣ-то? Только что полнѣй. Пробовалъ я, батюшка, пробовалъ... вотъ еще при губернаторѣ... какъ его. Петръ Петровичъ Жвакинъ... давай, думаю себѣ, стану и я отмѣчать эти, по вашему то краткія резолюціи... Ну и не спорилось дѣло! Тутъ еще соображай, придумывай, того гляди, что нибудь и опустишь, да и время то потеряешь. А какъ пошелъ писать цѣликомъ съ журнала, либо съ приговора, такъ оно и идетъ какъ по маслу: и не думая перепишешь! Да ужъ оно и все тутъ; ужъ извѣстное дѣло, по канцелярской-то пословицѣ: изъ большаго не вывалится, *(засыпая страницу пескомъ, звонитъ; Вахмистръ входитъ).* Твое, братецъ, дѣло за этимъ смотрѣть. Ну что за порядокъ, у присутствующихъ и песку нѣтъ. Э, эхъ, братецъ! *(Вахмистръ беретъ песочницу и въ продолженіи слѣдующаго разговора приноситъ песокъ и уходитъ)*... О чемъ бишь я говорилъ? да, такъ чтожъ вы съ предложеніемъ то сдѣлали?

Секретарь.

Ничего, записалъ къ свѣдѣнію и руководству.

Семенъ Ивановичъ.

Ну да, конечно; такъ и слѣдуетъ. Вѣдь онъ, прокуроръ-то, больше такъ, для очистки! «я, дескать, свое дѣло сдѣлалъ... оно и въ порядкѣ.»

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-жъ и писецъ Галкинъ *(растрепанный и не застегнутый).*

Семенъ Ивановичъ.

А, ну-ка, господинъ Галкинъ, поди-ка сюда! Экая братецъ, рожа-то у тебя! Вишь какой растрепанный!.. Да хоть брюки то зашей. Ну, что такъ лѣзешь въ присутствіе! Застегнись. *(Галкинъ застегивается)*... Приходила, братъ, ко мнѣ жена твоя; плачется и жалуется, что ты деньги мотаешь, пьешь, гуляешь. Это бы все еще ничего... да ты и драться вздумалъ, избилъ ее совсѣмъ, да еще какъ дерешься-то, зря, во что ни попало.

Галкинъ.

Ваше высокоблагородіе!

Семенъ Ивановичъ.

Да чего тутъ Ваше высокобла..... я, братъ, самъ видѣлъ, она мнѣ всѣ синяки показала... *(раздвигая руки)* ужъ я, братъ, не знаю, что съ тобою дѣлать!..

Галкинъ.

Ваше Высокоблагородіе! Не вѣрьте ей; она сама-то какъ дерется; просто совсѣмъ изъ дома выжила. Вѣдь такая распутная, что и не приведи Богъ! Я точно, не хочу лгать передъ Вашимъ Высокоблагородіемъ, побилъ ее немножко...

Семенъ Ивановичъ.

Коли-бы немножко, такъ ничего, отчего не побить. А вѣдь ты...

Галкинъ.

Да, Ваше Высокоблагородіе, вѣдь какъ гуляетъ-то, вѣдь добро-бы съ однимъ... Ну, вотъ хотя сначала съ Андроновымъ, изволите знать, въ Гражданской Палатѣ служитъ?.. Ну, ужъ куда ни шло! А то вѣдь она теперь со всей прокурорской камерой загуляла...

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Хороши вы оба!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Входитъ Алексѣй Александровичъ, раскланивается съ секретаремъ и подходитъ къ Семену Ивановичу.

Семенъ Ивановичъ.

А, Алексѣй Александровичъ, здравствуйте, куда это вы запропастились? *(жметъ ему руку).*

Алексѣй Александровичъ.

Заѣзжалъ къ вамъ. Хотѣлъ поздравить васъ и Варвару Семеновну, думалъ, что вы для праздника дома.

Семенъ Ивановичъ.

И хотѣлъ было, да ужъ такъ, по привычкѣ, знаете. (*Алексѣй Александровичъ проходитъ въ архивную комнату*).

Семенъ Ивановичъ (*Галкину*).

Ты, братъ, у меня знай! Я въ ваши дрязги входить не буду, это дѣло не наше, а мы съ тобою распорядимся по своему.

Алексѣй Александровичъ (*возвращается въ мундирѣ и садится на свое мѣсто*).

Что это у васъ расправа, судъ?

Семенъ Ивановичъ.

Да вотъ какъ видите... жена на мужа, мужъ на жену, поди разбирай ихъ!

Галкинъ.

Да Ваше Высокоблагородіе, хоть кого извольте спросить, хоть всю канцелярію извольте спросить...

Семенъ Ивановичъ.

Хорошо, братецъ, хорошо! Только слушай: коли она еще съ жалобою придетъ, такъ мы и ее и тебя при бумагѣ и препроводимъ къ Полиціймейстеру! Пусть онъ миритъ васъ по своему... хе, хе! Понимаешь? Ступай. (*Галкинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же безъ Галкина.

Алексѣй Александровичъ.

Каковъ Семенъ Ивановичъ! Ха, ха, ха! Какъ разсудилъ' Ѳемида просто, ей Богу.

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Да что прикажешь дѣлать. Вѣдь нельзя не припугнуть! Вѣдь народецъ-то какой, хоть на отборъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да надо признаться, грязненько-таки у насъ въ канцеляріи. Что за воздухъ!.. Фа!

Семенъ Ивановичъ.

Да, что съ ними дѣлать! Все вѣдь голь, нищета! Жалованья иному и двухъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ не выйдетъ; взять-то не откуда... вотъ въ гражданской палатѣ почище. Тамъ и писцы въ шубахъ ходятъ.

Алексѣй Александровичъ.

Зато у насъ на честь все дѣлается! ха, ха, ха! «Изъ чести лишь одной я въ домѣ семъ служу!»...

Семенъ Ивановичъ.

Э, батюшка за неволю будешь честенъ, какъ взять-то не съ кого!.. Подпишите-ка, батюшка, вотъ вамъ тутъ журналы и приговоры.

Алексѣй Александровичъ, (*принимаясь за подписаніе*).

Нѣтъ будь я предсѣдатель, у меня-бы дѣло шло иначе. Я-бы ихъ всѣхъ, знаете, эдакъ по военному.

Семенъ Ивановичъ (*махнувъ рукою*).

Ничего-бы не сдѣлали, Алексѣй Александровичъ. Ужъ вы повѣрьте мнѣ, старику. Вы вотъ всего годъ въ штатской-то службѣ, а я засѣдателемъ 17-й годъ служу! Мало-ли здѣсь другіе-то горячились, да что взяли! Вотъ коли жалованья бы втрое, да вчетверо прибавили, ну можетъ быть оно и точно...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, ужъ что ни говорите, а презусъ-то нашъ плохъ, вотъ въ чемъ дѣло (*подписываетъ*)... Семенъ Ивановичъ, а Семенъ Ивановичъ! Вы никакого уваженія къ ороографіи не имѣете, позвольте замѣтить.

Семенъ Ивановичъ.

А что такое?

Алексѣй Александровичъ.

Да что-жъ вы все пишите «Засѣдатель» «есть», надо «ять»!

Семенъ Ивановичъ.

Ну, такъ что-жъ, что ять? Знаю, что ять, да такъ, не хочу! Ловчѣе какъ-то... вѣдь убытка отъ того никакого!

Алексѣй Александровичъ.

Ха, ха, ха, ха! Философъ, ей Богу философъ! Что бы Гречъ-то сказалъ! (*Нѣсколько времени всѣ молчатъ, слышенъ только скрипъ перьевъ*).

Семенъ Ивановичъ.

Да что это Александръ Матвѣевичъ не ѣдетъ, право... ужъ будетъ-ли?

Алексѣй Александровичъ.

Александръ Матвѣевичъ, Александръ Матвѣевичъ! Онъ теперь такого форсу взялъ, Алаксандръ-то Матвѣевичъ! Вы знаете, онъ теперь въ ладахъ большихъ съ губернаторомъ. Тотъ, изволите видѣть, препоручилъ ему устройство разныхъ общественныхъ увеселеній, да чуть-ли и не смотрѣніе за театромъ.

Семенъ Ивановичъ.

Ой-ли? Ну ужъ напрасно Александръ Матвѣевичъ взялся за это! Ужъ этотъ губернаторъ, такой затѣйникъ, право, чего не выдумаетъ!

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, это-бы ничего... но гордиться-то не изъ чего, вотъ что. Носа-то ему не изъ чего подымать... И что онъ смыслитъ въ драматическомъ искусствѣ? Ничего не смыслитъ!.. Ну, онъ хорошъ съ губернаторомъ? прекрасно! Такъ онъ и членовъ всѣхъ поставь въ хорошія отношенія къ губернатору... Признаться вамъ, Семенъ Ивановичъ, если-бы я зналъ, что у васъ въ губерніи засѣдатели такъ мало уважаются, такъ я-бы и въ службу не пошелъ!..

Семенъ Ивановичъ.

Охъ, какіе вы, Алексѣй Александровичъ, да чѣмъ же мало уважаются? Вѣдь это, батюшка, все по чину, да по мѣсту.

Алексѣй Александровичъ.

Какъ чѣмъ? Да что мы съ вами хуже что-ли Семенова и Птицына? Ну вотъ ихъ послѣ завтра на офиціальный обѣдъ къ губернатору пригласили, а насъ съ вами нѣтъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да что завтра такое?

Алексѣй Александровичъ.

Какъ что? Царскій день.

Семенъ Ивановичъ.

Да, да, да... я и забылъ... Ну да это статья другая, они вѣдь, знаете, и вице-губернатору приходятся съ родни и ребята-то ловкіе. И то сказать: вѣдь нельзя же губернатору и пригласить всѣхъ.

Алексѣй Александровичъ.

Всѣхъ не всѣхъ, а разбирать и цѣнить людей надо... На то онъ и губернаторъ. Да, вообще говоря, наша военная служба, ей Богу и поблагороднѣй и попочетнѣй. Тамъ по крайней мѣрѣ хотя мундиръ есть, а здѣсь мундиръ-то никакимъ уваженіемъ не пользуется!.. Да и что за служба! Очень весело, право! подадутъ къ подписи бумаги, вотъ и начнешь смотрѣть.

Ну просто гадко дѣлается! Тамъ мужикъ обокралъ другого, тамъ мужичка какая-то ребенка подкинула, тамъ пьяныя бабы подрались! Того плетьми, того розгами, того въ Сибирь...

Семенъ Ивановичъ.

Да вы не читайте, такъ подписывайте, просто дѣлайте, какъ я, батюшка Алексѣй Александровичъ, оно и для совѣсти-то спокойнѣе, ей Богу. Вѣдь по правдѣ сказать, что толку, что вы прочтете приговоръ, или нѣтъ? дѣла же вы все таки читать не станете.

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, почему же иногда и не прочесть!.. конечно я согласенъ, почерки скверные, зрѣніе же у меня плохое... ну да и безграмотность, безграмотность, просто ужасъ!..

Семенъ Ивановичъ.

Э, батюшка! Вотъ по всему видно, что вы еще новичекъ! А я уже давно на все это рукой махнулъ... и ничего! Все слава тебѣ Господи, до сихъ поръ сходило съ рукъ преблагополучно.

Алексѣй Александровичъ.

Вы говорите—рукой махнулъ! Да вѣдь отъ этого можетъ пострадать правосудіе, Семенъ Ивановичъ, а вы думаете, это шутка?.. Нѣтъ, я признаюсь, я о правосудіи другого мнѣнія. Я вамъ скажу, я даже такъ полагаю, что безъ правосудія обществу и существовать нельзя; не можетъ, никакъ не можетъ!..

Семенъ Ивановичъ.

Да то само по себѣ, а Уголовная Палата сама по себѣ. Вѣдь коли бы я судилъ вотъ такъ, по просту, вотъ какъ я у себя въ деревнѣ сужу... Ну это статья другая, тамъ уже нельзя дѣла-то и не разобрать.

Алексѣй Александровичъ.

По просту! Это для деревни хорошо, а для государства не годится. Это уже слишкомъ первобытно, патріархально!.. Эдакъ въ образованномъ обществѣ не дѣлается... Это вы хоть кого спросите, это вамъ любой писатель скажетъ. Да и позвольте васъ спросить, Семенъ Ивановичъ, въ деревнѣ вы судите кого? Мужиковъ только. Нѣтъ, какъ хотите, а въ Палатѣ надо распоряжаться иначе... Тутъ уже нечего по-просту.

Семенъ Ивановичъ.

Э, батюшка, Алексѣй Александровичъ, я и самъ знаю, что Палата это совсѣмъ не то, что вотъ въ деревнѣ разсудишь мужиковъ, выпоришь обоихъ, да и баста, да не о томъ рѣчь...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Семенъ Ивановичъ, я того убѣжденія, что на Палату нашу надо все таки глядѣть съ высшей точки... Знаете, вотъ я недавно писалъ къ одному своему пріятелю, — бывшему сослуживцу, тотъ подтруниваетъ надо мной: «ты говоритъ теперь что? Просто штафирка!» Ну хоть мнѣ, знаете, и жаль военнаго мундира, очень жаль, однакожъ я ему таки написалъ: ты, говорю, братъ, этого не понимаешь, ты думаешь, Палата все равно, что полковая канцелярія... какъ бы не такъ! Нѣтъ, братецъ, я ему пишу—Палата не полковая канцелярія, не просто какое нибудь мѣсто, а цѣлое, говорю, звено въ цѣпи государственныхъ и губернскихъ учрежденій... Поймите это: звено!..

Семенъ Ивановичъ.

Такъ что-жъ, что звено, а все таки безъ секретаря не обойдетесь. Да вы совсѣмъ отъ матеріи-то отбились...

Алексѣй Александровичъ.

Чѣмъ же отбились? Мы обсуждали вопросъ, читать или не читать подлинныя дѣла и бумаги... ну-съ?

Семенъ Ивановичъ.

Да вотъ что. Я вамъ всю мудрость открою (*кладетъ перо и перестаетъ писать*)... Первое дѣло, это чтобъ секретарь былъ хорошій и добрый, ну и не очень корыстный. Коли секретарь человѣкъ знающій, дѣло то и ладно, ужъ онъ присутствующихъ ни подъ выговоръ, ни подъ штрафъ не подведетъ... Я вѣдь вотъ какъ разсуждаю: вѣдь на что-нибудь секретарь да заведенъ, вѣдь коли бы мы и дѣла стали читать и законы пріискивать и резолюціи всѣ сочинять, такъ тогда зачѣмъ и секретарь? Не нужно секретаря, прочь его. Вѣдь законы то не дураками писаны, Алексѣй Александровичъ. Такъ оно то и значитъ, что все это дѣло секретарское, а не наше. Такъ-ли?

Алексѣй Александровичъ.

Конечно такъ, однакожъ для чего нибудь мы здѣсь да сидимъ?

Семенъ Ивановичъ.

Да такъ, для порядку.

Алексѣй Александровичъ.

Для порядку... то есть, конечно пожалуй, я не спорю, но... но... ну а когда секретарь плохъ?

Семенъ Ивановичъ.

Плохого держать не надо. Хорошій секретарь первое дѣло. Вѣдь это я вамъ про Уголовную Палату говорю; наше дѣло покойнѣе, чѣмъ въ Гражданской. Работы у насъ меньше, да и дѣла то у насъ по большей

части не корыстныя; рѣдко, рѣдко перепадетъ дѣльцо о дворянинѣ, или о купцѣ богатомъ. Такъ оно если иной разъ и выдерутъ мужика, такъ, ни за что, бѣда то еще и не велика. . Ну — съ, а гдѣ дѣло то поважнѣе, тамъ и секретарь смотритъ въ оба! Вѣдь коли насъ станутъ судить, такъ и онъ не отвертится... Такъ то батюшка, Алексѣй Александровичъ!.. Да и то вы въ расчетъ возьмите, вѣдь ваши рѣшенія просматриваетъ Прокуроръ и Губернаторъ; за неправое рѣшеніе кто отвѣчаетъ? Не мы одни, и они также... У насъ оттого и заведеніе такое, коли Прокурору что въ рѣшеніи не нравится, или Губернатору, такъ мы домашнимъ образомъ и переправляемъ дѣло. Что его въ Сенатъ то таскать? За то ужъ если всѣ промахнемся, или дѣло рѣшимъ криво, такъ уже всѣ молчокъ, другъ друга не выдадимъ, все шито, да крыто, дѣло то вѣдь общее, батюшка Алексѣй Александровичъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да, а коли Губернаторъ согласенъ, а Прокуроръ свое поетъ?

Семенъ Ивановичъ.

Ну кто изъ нихъ посильнѣе, съ тѣмъ и надо ладить. Коли, напримѣръ, у Прокурора одинъ или два протеста министромъ или Сенатомъ не уважены, такъ съ нимъ очень то и церемониться не слѣдуетъ. Да и о томъ подумайте Алексѣй Александровичъ, вѣдь дѣла то къ намъ почти всѣ изъ нижнихъ инстанцій приходятъ, вѣдь тамъ не дураки же сидятъ, дѣло то они все таки какъ нибудь да порѣшили.

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ вы говорите губернаторъ, да прокуроръ, а намедни Александръ Матвѣичъ сказывалъ, что губернаторъ ему говоритъ: я, говоритъ, за Уголовной Палатой живу, какъ у Христа за пазухой, мнѣ и дѣлъ разсматривать нечего.

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь у него канцелярія есть, батюшка Алексѣй Александровичъ, не онъ, такъ она инымъ дѣломъ то и поинтересуется. Ну онъ за нами, а мы за нимъ, а все (*вздыхая*) Богомъ держится. Я вамъ доложу, я вотъ уже 17 лѣтъ здѣсь сижу: не такія дѣла дѣлались, разсказать вамъ такъ и не повѣрите, ужъ про такія дѣла нынче и не услышите, а все, слава Богу, сходитъ съ рукъ; ни жалобы, ни штрафу. . Надо жить ладно со всѣми, по пріятельски... Ну и захочетъ кто жаловаться, такъ не много возьметъ и губернаторъ пріятель и жандармскій пріятель! Нѣтъ, что ни говорите, Алексѣй Александровичъ, а служить у насъ можно. Намъ за нижними инстанціями, да за губернаторомъ, да за прокуроромъ, да за секретаремъ знающимъ, хорошо жить, ей Богу хорошо.

Алексѣй Александровичъ (*встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ въ раздумьѣ*). За секретаремъ... Гмъ! Конечно секретарь у насъ человѣкъ знающій... Молодой, это правда, но

образованный и въ университетѣ воспитывался... съ нимъ обо всемъ, даже о литературѣ говорить можно, ... это такъ. Но все же его надо въ рукахъ держать; все жъ онъ подчиненный.

Семенъ Ивановичъ.

У насъ секретарь знатный. Дѣло свое знаетъ, а ужъ смиренный какой! Ужъ онъ, повѣрьте, противъ присутствующихъ не пойдетъ. Вѣдь онъ сирота, одна только мать старушка, связей никакихъ нѣтъ. И человѣкъ не корыстный. Оно, правда, почти и брать то не съ кого, его то и подсудимые не очень уважаютъ, все больше къ намъ относятся. Ну да ему что прикажешь, то и сдѣлаетъ.

Алексѣй Александровичъ.

Ну все же я думаю не безъ того... жалованье у него небольшое.

Семенъ Ивановичъ.

Жалованье небольшое, это правда, да вѣдь ему и предсѣдатель помогаетъ и купцы помогаютъ.... Ну и конечно притѣснять-то онъ никого не станетъ, а коли кто изъ милости и за труды дастъ, такъ чтожъ, въ этомъ его и Богъ не осудитъ.

Алексѣй Александровичъ.

Не осудитъ, конечно. Это что! Я про это и не говорю. Это и у насъ въ военной службѣ водится... это, это, я вамъ скажу по моему мнѣнію мундиръ не мараетъ...

Семенъ Ивановичъ.

Не мараетъ, не мараетъ.

Алексѣй Александровичъ.

Все это такъ, Семенъ Ивановичъ, все что вы говорите, это все или почти все, справедливо, и основано на долговременной опытности вашей, на практикѣ. Но по теоріи оно не совсѣмъ такъ. По теоріи присутствующій, т. е. членъ долженъ имѣть нѣкоторое значеніе поважнѣе, я такъ разумѣю.

Семенъ Ивановичъ.

Да какого вамъ еще значенія нужно? Вѣдь я вамъ и не говорю, чтобы ужъ вовсе въ дѣла ни заглядывать... Извѣстное дѣло: коли попроситъ кто о чемъ, или ужъ такой уголовный казусъ, что вся губернія такъ на насъ глаза и выпучитъ... ну тутъ нельзя съ дѣломъ не познакомиться, надо хоть секретаря то поразспросить... а во всякихъ другихъ случаяхъ, повѣрьте, батюшка Алексѣй Александровичъ, лучше и не вмѣшиваться, ей Богу лучше, еще пуще дѣло запутаешь... Только развѣ и наказывать секретарю, чтобъ приговоры то, знаете, были помягче.

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же помягче, коли преступникъ, тутъ нечего миловать. Вѣдь ужъ тамъ, какъ ни говорите, а мы все таки судьи! Вѣдь оно, конечно, фигурально, а все таки для чего нибудь Палата храмомъ правосудія да называется, какъ хотите! Нѣтъ по моему мнѣнію мы должны имѣть въ виду одну только строгость законовъ, не больше. Тутъ ужъ увлекаться сердцемъ не прилично, тутъ ужъ я лицепріятія не допускаю, какъ хотите, не допускаю. Разумѣется, если кто изъ знакомыхъ попроситъ, такъ отчегожь иногда и не пощадить... но вообще преступленію поблажать не слѣдуетъ, никакъ не слѣдуетъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да такъ оно пожалуй, а все же лучше, знаете, эдакъ, по человѣчеству.

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, знаете, у меня другой методъ, другой взглядъ на вещи. и на наше званіе, взглядъ, можетъ быть нѣсколько военный, но тѣмъ не менѣе другой. Вы очень справедливо замѣтили, что мнѣ, т. е. намъ, нечего входить въ подробный разборъ дѣлъ, что тогда не нужно было бы и секретаря... это очень, очень вѣрно, и я скажу вамъ даже, что это, можетъ быть, унизило бы и званіе присутствующихъ, но тѣмъ не менѣе правосудіе законовъ.

Семенъ Ивановичъ.

Вотъ вы говорите законы, законы! да вѣдь законовъ то что? Просто гибель. Да еще каждый годъ все прибавленія да добавленія; выдумали какое то новое уголовное уложеніе, чтобъ изъ степени въ степень переводить... ну я васъ спрашиваю, батюшка Алексѣй Александровичъ, досугъ ли намъ этимъ заниматься! Вѣдь наше дѣло дворянское: у васъ есть крестьяне, ну и меня Богъ ими не обидѣлъ. Стало уже забота есть... Вотъ на этотъ то предметъ и заведены подъячіе. Ужъ они на этомъ и стоятъ, на законахъ то. Ну, а всякое дѣло мастера боится. Еслибъ и вздумалъ кто изъ насъ законамъ то поучиться, все ужъ противъ канцеляріи не будемъ, да и не дворянское оно дѣло, я вамъ докладываю.

Алексѣй Александровичъ.

Конечно, конечно, отчасти... но позвольте, позвольте, я еще не развилъ вамъ мою мысль... Дѣйствительно нашему брату, присутствующему, во всѣ мелочи входить не слѣдуетъ, мало того не слѣдуетъ и во всякое дѣло входить. Но что нибудь да мы должны дѣлать? Не такъ ли? Мы и должны дѣлать — но знаете, эдакъ, вообще, свыше... Такъ напримѣръ, развѣ я даромъ здѣсь сижу? нѣтъ-съ, оттого что я здѣсь сижу, ну и вы, разумѣется, отъ того, можетъ быть и дѣла у насъ идутъ какъ слѣдуетъ. Секретарь-то и держитъ ухо востро. Вѣдь мы можемъ его иногда и повѣрить? Вотъ онъ это и знаетъ и боится. Я вообще нахожу, что надо,

чтобы канцелярія нѣсколько боялась присутствующихъ. И вообще по моему мнѣнію полезенъ, очень полезенъ, и такой маневръ: иногда, знаете, просмотрѣть дѣло, иногда задать секретарю неожиданный вопросъ...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и писецъ Швейкинъ (*въ сюртукѣ, застегнутъ на всѣ пуговицы, волосы напомажены и гладко причесаны*).

Швейкинъ (*робко останавливается у дверей.*)

Семенъ Ивановичъ.

Ты что, братецъ?

Швейкинъ (*робко подходя*).

Ваше Высокоблагородіе, Семенъ Ивановичъ, сдѣлайте такую божескую милость...

Семенъ Ивановичъ.

Что, что такое?

Швейкинъ.

Прикажите, Ваше Высокоблагородіе, мнѣ вмѣсто Галкина приговоры читать...

Семенъ Ивановичъ.

Какіе приговоры?

Швейкинъ.

Да арестантскіе-съ. Нынче арестантамъ приговоры объявлять будутъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да, да... я видѣлъ ихъ, тамъ ихъ что-то много.

Швейкинъ.

Человѣкъ пять-съ.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, такъ чтожъ?

Швейкинъ.

Я, Ваше Высокоблагородіе, приговоры-то и приготовился читать, а Галкинъ говоритъ, что не пуститъ. Это, говоритъ, мое дѣло, мнѣ, говоритъ, присутствующіе приказали.

Алексѣй Александровичъ (*садясь на свое мѣсто*).

Да чтожъ вамъ, мой милый, развѣ не все равно.

Швейкинъ.

Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе. Когда же все равно? Оно все-таки передъ публикой, при открытыхъ дверяхъ, да и у присутствующихъ на виду. И между товарищами-то почетно—все же не просто писецъ... Какъ можно, Алексѣй Александровичъ, оно лестно-съ, очень лестно-съ, Ваше Высокоблагородіе, Семенъ Ивановичъ, ужъ вы позвольте, сдѣлайте милость,—позвольте; я нынче и пріодѣлся почище, а Галкина, сами изволите знать, и въ присутствіе-то пустить стыдно. У меня и голосъ-то получше. Ужъ вы поощрите, Семенъ Ивановичъ, сдѣлайте милость поощрите. Я бойко прочту.

Алексѣй Александровичъ (*сердито*).

Чтожъ это вы, мой милый, только къ Семену Ивановичу обращаетесь; здѣсь не одинъ онъ...

Швейкинъ.

Виноватъ, Ваше Высокоблагородіе, я и Ваше Высокоблагородіе прошу.

Семенъ Ивановичъ (*къ Алексѣю Александровичу*).

Да это они такъ, по привычкѣ, вашъ предмѣстникъ, не очень-то ими занимался... Какъ-же вы полагаете, Алексѣй Александровичъ, дозволить?

Алексѣй Александровичъ.

По моему дозволить (*въ это время входитъ секретарь и садится на свое мѣсто*).

Семенъ Ивановичъ.

Такъ, да не охотникъ-то я старые порядки мѣнять. Галкинъ-то попривыкъ, ну да и обидно ему будетъ... Развѣ ужъ такъ для нынѣшняго дня?.. Не хочу ужъ для имянинницы никого разогорчать. Да вотъ и вы дозволяете... Ну ужъ такъ и быть. Только чтобъ половину приговоровъ прочелъ Галкинъ, а другую ты...

Швейкинъ (*радостно*).

Покорнѣйше благодарю Ваше Высокоблагородіе, покорнѣйше благодарю, (*кланяется обоимъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же безъ Швейкина.

Алексѣй Александровичъ.

Каковъ франтъ! ха, ха! Замѣтили вы? а? штрипки къ брюкамъ пришилъ! Мы штрипки сняли, а они только что надѣваютъ! Ха, ха.

Семенъ Ивановичъ *(къ секретарю).*

Я думаю, Петръ Ильичъ, дозволить можно?

Секретарь.

Можно-съ можно. Пусть читаетъ, коли охота есть.

Семенъ Ивановичъ.

Вѣдь, кажется, онъ малый хорошій?

Секретарь.

Хорошій малый, смирный и усердный.

Алексѣй Александровичъ.

А знаете, мнѣ это нравится. Амбиція видна. Есть по крайней мѣрѣ амбиція у человѣка!

Семенъ Ивановичъ.

Алексѣй Александровичъ! приговоры-то, батюшка, подпишите; Александръ Матвѣевичъ пріѣдетъ, такъ надо ихъ отдать, для подписи-то.

Алексѣй Александровичъ.

Правда, правда! *(беретъ приговоръ въ одну руку, въ другую перо. Семенъ Ивановичъ пишетъ. Секретарь пишетъ. Молчаніе).*

Алексѣй Александровичъ.

Гмъ! Этотъ приговоръ о чемъ? *(перелистывая)* какой толстый... *(читая заголовокъ)* «О поджогѣ крестьянскимъ мальчикомъ Лукинымъ деревни Кавригиной»... Надо прочесть *(читая про себя)*.... мм.... мм.... мм... Э! да онъ въ Сенатъ отправляется! Ну Богъ съ нимъ! Пусть тамъ и разсудятъ *(подписываетъ и беретъ другой приговоръ)*... Этотъ о чемъ? «О подкинутіи будто бы изъ бѣдности — крестьянскою женкою Власьевой законнорожденную трехъ-мѣсячную дочь»... Слышите, Семенъ Ивановичъ изъ бѣдности, а?.. законнорожденную?..

Семенъ Ивановичъ.

Вретъ, бестія! А впрочемъ, Богъ вѣдаетъ, можетъ и не вретъ... Всякое бываетъ! А чтожъ ее сѣкутъ?

Алексѣй Александровичъ.

Да вотъ посмотрю *(смотритъ въ послѣдній листъ)*, сѣкутъ, сѣкутъ, да еще какъ больно сѣкутъ! 80-ю ударами розогъ. Впрочемъ кажется, тутъ все вѣрно. *(Къ секретарю)* Доказательства есть?

Секретарь.

Какъ же-съ, есть.

Алексѣй Александровичъ.

А, ну такъ хорошо. Главное чтобъ были доказательства!.. (*подписываетъ и беретъ еще приговоръ*). Сколько ихъ приговоровъ-то. Это о чемъ? «О воровствѣ изъ амбара муки» (*свиститъ*). Ну этотъ не интересенъ... Ахъ, Боже мой, кстати вспомнилъ! (*звонитъ, входитъ Вахмистръ*).... Спроси у Крикунова записку по дѣлу Кондратьевой. (*Вахмистръ уходитъ*) Просила меня кузина моя.

Семенъ Ивановичъ (*продолжая писать*).

Дарья Савишна?

Алексѣй Александровичъ.

Дарья Савишна. Дѣло у ней есть въ Палатѣ, человѣкъ ея въ кражѣ попался. Такъ вотъ она и проситъ: нельзя-ли его не наказывать, а оставить въ подозрѣніи, знаете, чтобы человѣкъ-то не пропадалъ даромъ, чтобы она могла его съ зачетомъ въ солдаты отдать.

Семенъ Ивановичъ.

И дѣло.

Алексѣй Александровичъ.

Конечно, дѣло, но я ее сначала таки постращалъ, хе, хе, хе! Нѣтъ, говорю, кузина, не надѣйтесь, у насъ Ѳемида слѣпая, безпощадная, у насъ только и слышно, что розги, плети, Сибирь, каторга! А она (*передразнивая ее*): ахъ какіе ужасы, ахъ какой ты, говоритъ, cousin infernal!.. (*входитъ Вахмистръ, подаетъ бумагу. Алексѣй Александровичъ, взглянувъ на бумагу*). Вотъ тебѣ и infernal! Прошу покорно; совсѣмъ не то сдѣлалъ, что я приказалъ. Я велѣлъ ему сдѣлать записку изъ дѣла, да подвести законы такъ, чтобы выходило подозрѣніе, хотѣлъ кузинѣ показать, а онъ, чортъ знаетъ, что нагородилъ: не то, совсѣмъ не то! (*вскакиваетъ*).

Секретарь (*вставъ съ мѣста*).

Вы бы изволили это мнѣ поручить; гдѣ же ему съ этимъ сладить.

Алексѣй Александровичъ.

Я думалъ, что и онъ съумѣетъ, у васъ и безъ того дѣла много... Впрочемъ, вы таки этимъ займитесь... Но я распеку его, распеку-съ, порядкомъ распеку... Это нарушеніе дисциплины, этого такъ оставить нельзя (*уходитъ въ канцелярію, гдѣ вслѣдъ за этимъ слышится его голосъ*).

Семенъ Ивановичъ.

Вишь какъ расшумѣлся, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ (*возвращаясь на свое мѣсто*).

А все вы, Семенъ Ивановичъ, балуете ихъ не въ мѣру... Такъ вы, Петръ Ильичъ, этимъ займитесь?

Секретарь.

Очень хорошо-съ! (*уходитъ въ канцелярію, Семенъ Ивановичъ пишетъ, Алексѣй Александровичъ подписываетъ. Молчаніе, скрипъ перьевъ*).

Семенъ Ивановичъ (*продолжая писать*).

Встрѣтилъ я вчера Андрея Семеновича, вотъ что къ намъ въ предсѣдатели балотировался, хе, хе, хе! Сердитъ больно на Александра Матвѣевича! Ну вѣдь и то сказать, предсѣдателемъ ему-бы надо быть, а не Александру Матвѣевичу.

Алексѣй Александровичъ.

Что и говорить! Я вѣдь ему на выборахъ и шаръ бѣлый положилъ.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, да что прикажете дѣлать! Дворяне не захотѣли, конечно Александръ Матвѣевичъ хлѣбосолъ и съ губернаторомъ пріятель, и всякіе обѣды устроить мастеръ и по клубу-то полезенъ, ну и денегъ-то у него побольше... а Андрей Семеныч, хоть дока, да скупенекъ немножко.

Алексѣй Александровичъ.

Зато человѣкъ просвѣщенный. Вѣдь между нами сказать (*оглядывается*), что такое Александръ Матвѣичъ? Только что богатъ, а вѣдь безъ всякаго образованія, нигдѣ не воспитывался, даже въ Петербургѣ не былъ, послужилъ гдѣ-то годика два, въ какомъ-то пѣхотномъ полку, да и вышелъ въ отставку.

Семенъ Ивановичъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ такъ; онъ служилъ и уѣзднымъ судьей три года.

Алексѣй Александровичъ.

Эка важность! судьею! Нѣтъ тутъ всему виною его богатая женитьба. Вѣдь бываетъ же нѣкоторымъ такое счастье! Будь у меня деньги, такъ я-бы былъ предсѣдателемъ получше его, право! Повѣрите, Семенъ Ивановичъ, иной разъ просто совѣстно за него дѣлается. Намедни я былъ какъ-то вмѣстѣ съ нимъ на вечерѣ... я повелъ рѣчь о литературѣ, заговорилъ съ нимъ о Державинѣ... онъ на меня глаза такъ и выпучилъ, заговорилъ о Ломоносовѣ, онъ и рѣчь заминаетъ.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, батюшка, Алексѣй Александровичъ, это еще не бѣда, ей Богу не бѣда. Этого въ нашей должности не требуется... А человѣкъ онъ все-таки добрый, право!

Алексѣй Александровичъ.

Какъ не бѣда! Вы напримѣръ, вы хоть сами литературой не занимаетесь, вы засѣдатель и изъ засѣдателей выше не мѣтите... а вѣдь онъ, какъ хотите, вѣдь онъ все-таки предсѣдатель.

Семенъ Ивановичъ.

А умѣетъ таки пыль пустить въ глаза, нечего сказать мастеръ; вотъ посмотрите, послѣ завтра царскій день,—какъ онъ разрядится, мундиръ всегда новый, золото такъ и горитъ, штаны бѣлые съ лампасами.

Алексѣй Александровичъ.

Что-жъ, что золото горитъ?... Наружный блескъ одинъ, только это и есть! (*съ негодованьемъ махнувъ рукой*). Э! да что говорить: Калигула!

«Калигула, твой конь въ сенатѣ,
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ,
Сіяютъ»...

ЯВЛЕНІЕ X.

Входитъ секретарь и подноситъ листъ бумаги Семену Ивановичу.

Секретарь.

Потрудитесь подписать, Семенъ Ивановичъ, одинъ указъ; забылъ подать вамъ прежде. (*Семенъ Ивановичъ беретъ указъ и подписываетъ*).

Алексѣй Александровичъ.

И мнѣ подписать?

Секретарь.

Нѣтъ, достаточно одной подписи.

Алексѣй Александровичъ.

Это о чемъ?

Секретарь.

О Домнѣ Макаровой... Изволите помнить эту молоденькую, смуглую дѣвушку, которой приговоръ на прошлой недѣлѣ объявленъ.

Алексѣй Александровичъ.

Да, да... это та хорошенькая мѣщаночка, о которой вы разсказывали, что она съ своимъ возлюбленнымъ въ бродяжничество отправилась... Еще съ черными глазками-то? Помню, помню. Ну, чтожъ мы ее къ чему приговорили?

Секретарь.

Высѣчь.

Алексѣй Александровичъ.

Какъ tout bonnement высѣчь?

Секретарь.

Да, высѣчь розгами, съ лишеніемъ, разумѣется, всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ; ну да это не въ счетъ... (*беретъ указъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же безъ секретаря. Семенъ Ивановичъ пишетъ, Алексѣй Алекс. (*подписываетъ*).

Семенъ Ивановичъ (*послѣ нѣкоторагю молчанія*).

А что, новую губернаторшу видѣли?

Алексѣй Александровичъ.

Видѣть-то видѣлъ, но лично еще не знакомъ. Кажется, дама умная, свѣтская и съ образованіемъ... видно, что хороша была собой и въ хорошемъ обществѣ была. Немножко черезъ чуръ важничаетъ, говорятъ, горда немного... А надо съ ней познакомиться, надо; не знаю только, какъ это сдѣлать?

Семенъ Ивановичъ.

Да чего же лучше? Вы вѣдь у Варвары Петровны будете? Ну, а тамъ и Губернаторша будетъ, навѣрное. Вѣдь ужъ Варвара Петровна это всякой Губернаторшѣ другъ...

Алексѣй Александровичъ.

Да, да! превосходно сказалъ Карповъ про нее въ своей—«Панорамѣ» нашего губернскаго города, что она чиновница особыхъ порученій при Губернаторшахъ. Ха, ха, ха! Вѣдь презло! Вы не читали панорамы?

Семенъ Ивановичъ.

Это гдѣ онъ нашъ городъ раскритиковалъ? Слышалъ, слышалъ, только не читалъ...

Алексѣй Александровичъ.

Прочтите! У меня она есть. Очень, очень недурно; для губернскаго города хоть куда. Ну, конечно, не первостатейный поэтъ, а много много соли! Хотите, я вамъ дамъ?

Семенъ Ивановичъ.

Дайте, дайте, посмотримъ.

Алексѣй Александровичъ.

Посмотрите... Гмъ! говорятъ Губернаторша вечера будетъ давать.

Семенъ Ивановичъ.

Говорила мнѣ исправничиха, не знаю.

Алексѣй Александровичъ (*кладя перо, дружескимъ тономъ*).

Послушайте, Семенъ Ивановичъ, знаете что? Вѣдь такое проклятое званіе это, засѣдательское! Никакъ эдакъ и въ beau monde не попадешь. То есть, что я говорю, не попадешь? Я знакомъ здѣсь со всѣмъ высшимъ обществомъ; мои отношенія къ Прасковьѣ Алексѣевнѣ вы знаете? Она сама Губернаторшѣ ни бонтонностью и ничѣмъ не уступитъ, такая comme il faut и bon genre, что чудо! Да и не одна она... ну Вѣра Николаевна тоже... дама, ужъ извѣстно, съ высшимъ образованіемъ... Но все же, знаете, я бы хотѣлъ и съ Губернаторшей сойтись поближе... Послушайте, — Губернаторша будетъ у Варвары Петровны... Конечно, могла бы и сама Варвара Петровна меня съ ней познакомить... Но вѣдь Варвара Петровна тоже немножко чопорна. Хотя она и очень, очень меня любитъ, но все какъ то, знаете, просить ее неловко, а самой-то ей, можетъ быть, на умъ не придетъ... Знаете что? Скажите-ка такъ, между прочимъ Александру Матвѣевичу, чтобъ онъ, какъ будетъ нынче со мной у Варвары Петровны, меня эдакъ при случаѣ, Губернаторшѣ и представилъ: ну сказалъ бы, что я его сослуживецъ, что полькирую и ловокъ въ танцахъ и тому подобное.

Семенъ Ивановичъ.

Да чтожъ вы сами-то его не попросите?

Алексѣй Александровичъ.

Да нѣтъ! Онъ подумаетъ еще, что я навязываюсь... нѣтъ, нѣтъ! Я навязываться съ знакомствомъ ни къ кому не хочу, сохрани Богъ! А просить-то ужъ и подавно: особенно Александра Матвѣевича! Я гордъ, Семенъ Ивановичъ, очень гордъ! А Вы скажите это такъ, отъ себя.

Семенъ Ивановичъ.

Очень радъ, очень радъ, штука не хитрая, отчего не сказать (*зѣваетъ и потягивается въ креслахъ*). Эхъ, усталъ! походить немножко (*встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ*). Да что, Алексѣй Александровичъ, говорятъ, вы того... хе, хе, хе! у Вѣры Николаевны хороша дочка, что-ли?

Алексѣй Александровичъ.

Понимаю, понимаю, ха, ха, ха! хороша, хороша, очень хороша, а у Лукерьи Ѳоминичны еще лучше, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ (*дружески грозя пальцемъ*).

Эй, не погубите дѣвки даромъ! Вы бы ужъ за одной, а то за двумя разомъ, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Ха, ха, ха! За треми, Семенъ Ивановичъ, за треми, Лизавету Андреевну забыли' да за то ужъ...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Входятъ Секретарь и писецъ Ивашкинъ изъ Канцеляріи. Секретарь садится на свое мѣсто, Ивашкинъ становится подлѣ него; у обоихъ въ рукахъ бумаги.

Секретарь (*привставъ*).

Не обезпокою ли я васъ, если стану считывать бумаги?

Семенъ Ивановичъ и Алексѣй Александровичъ (*вмѣстѣ*).

Ничего, ничего.

Секретарь (*начинаетъ читать въ полголоса; писецъ слѣдуетъ по своей бумагѣ; Секретарь отъ времени до времени поправляетъ перомъ въ своихъ бумагахъ ошибки; слышно только одно бормотанье мм... мм... мм... Алексѣй Александровичъ и Семенъ Ивановичъ понижаютъ голосъ въ своемъ разговорѣ на полтона*).

Алексѣй Александровичъ.

Да... такъ за то ужъ какъ сердятся на меня наши львицы, Прокурорша да Жандармская! у, просто бѣда!... Лизавета Андреевна живетъ, знаете, на Дворянской улицѣ, въ переулкѣ; такъ Анна Карповна, Прокурорша то, нѣтъ, нѣтъ, да и задѣнетъ меня: «Гдѣ пропадаете, милый поэтъ? Нашъ поэтъ охотникъ, видно, до переулочныхъ красавицъ»... А Любовь Карповна, жандармская то, и стихи сочинила...

Monsieur Жабинъ въ переулкѣ
Потерялъ свое сердечко...

Ха, ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Ай да Любовь Карповна! Лихая бабенка, нечего сказать! Люблю за это! «Въ переулкѣ потерялъ сердечко»... хе, хе! (*мотаетъ головой отъ удовольствія*).

Алексѣй Александровичъ.

Прелесть дамочка!... Не то, чтобы красавица, а прежантильная. (*Молчаніе. Семенъ Ивановичъ ходитъ, Алексѣй Александровичъ принимается за подписываніе. Средь этого молчанія чтеніе секретаря становится слышнымъ*).

Секретарь (*читая*).

«А потому его, крестьянина помѣщицы Маркизы Форкадедебіевръ *), лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, наказать чрезъ полицейскихъ!...

Алексѣй Александровичъ.

Ну да я вѣдь, Семенъ Ивановичъ, въ долгу не остался, я ей такой акростихъ написалъ!...

Семенъ Ивановичъ.

Что такое?

Алексѣй Александровичъ.

Акростихъ... вы не знаете, что такое акростихъ? Какъ вы не знаете, что такое акростихъ?

Семенъ Ивановичъ.

Не знаю, не знаю, отчего жъ мнѣ знать! Въ наше время, мы, батюшка, акростихами-то не занимались.

Алексѣй Александровичъ.

О, такъ я же вамъ растолкую. Посмотрите какая вещь! Я вамъ хоть сейчасъ новый сочиню. Ну назначьте мнѣ имя, выберите чье-нибудь имя...

Семенъ Ивановичъ.

Имя? ну Яковъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да что Яковъ!... лучше женское. Напримѣръ Лиза!

Семенъ Ивановичъ.

Ну Лиза, такъ Лиза!

Алексѣй Александровичъ.

Очень хорошо. Положимъ, вы пишете акростихъ на Лизу. Ну Лиза изъ чего состоитъ? Изъ буквъ л, и, з, а, такъ ли?

Семенъ Ивановичъ.

Такъ.

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ постойте, я возьму листъ бумаги, такъ будетъ виднѣй. Надо, чтобы первый стихъ начинался съ буквы Л... (*Семенъ Ивановичъ подходитъ къ столу и, наклонясь, смотритъ въ листъ бумаги, на которомъ Алексѣй Александровичъ собирается писать*). Напримѣръ...

*) Такой фамиліи помѣщики существуютъ въ Калужской губерніи.

постойте, сейчасъ (*морщитъ брови и думаетъ; въ это время чтеніе Секретаря становится слышнѣе*).

Секретарь (*читая*).

«И по 1120 статьѣ».

Писецъ.

«И 157».

Секретарь (*поправляя въ своей бумагѣ*).

«И 157-ой» ..

Алексѣй Александровичъ.

Позвольте, я сообразилъ... любовь (*пишетъ*) Любовь... моей душѣ... Гмъ!... усталой. Ну-съ, теперь и... (*думаетъ*).

Секретарь (*читая*).

«и какъ бродягу въ арестантскія роты на 10 лѣтъ».

Алексѣй Александровичъ.

Изнуренной... истерзанной... изнеможенной... да, да! Изнеможенной и больной. Теперь (*кусаетъ перо и думаетъ*).

Секретарь (*читая*).

«Упорствуя въ расколѣ», запятая (*поправляетъ*)... «въ расколѣ, подписки не дала». .

Алексѣй Александровичъ.

З,... з... з... з... вотъ! звучитъ (*пишетъ*)... звучитъ отрадою... бывалой!... Прекрасно... Теперь а,—А... я... а ты... а—я (*пишетъ и зачеркиваетъ*) а демонъ... ну такъ и быть, (*пишетъ*), «а ты одна всему, всему виной!» Вѣдь это такъ для шутки! Ну прочтите.

Семенъ Ивановичъ (*читая*).

«Любовь»... это что?

Алексѣй Александровичъ.

Это: моей душѣ; лучше—душѣ моей.

Семенъ Ивановичъ.

Ну душѣ моей (*читая*) «усталой, изнеможенной и больной, звучитъ отрадой...

Алексѣй Александровичъ.

Отрадою... дою!

Семенъ Ивановичъ (*читая*).

«Отрадою бывалой, а ты, а я»...

Алексѣй Александровичъ.

«А я»—не нужно.

Семенъ Ивановичъ.

Не нужно? Хорошо, (*читая*) «а ты одна всему виной». Ну такъ чтожъ?

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ видите. Вотъ какъ вы эдакъ рукою то закроете (*закрывая рукою стихи*) да оставите на виду однѣ буквы, то и выйдетъ, читайте, слагайте литеры...

Семенъ Ивановичъ.

Позвольте, позвольте (*читая съ разстановкою*) Л—и—з—а... Та—та—та! Понимаю! Вотъ оно какъ!... Ну это штука мудреная... хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Да таки не совсѣмъ легкая... я впрочемъ на это мастеръ. Вѣдь это еще такъ, для потѣхи.

Семенъ Ивановичъ (*садясь на свое мѣсто*).

Хитрая, хитрая!... Подпишите-ка приговоры, Алексѣй Александровичъ, вамъ еще журналъ надо подписывать.

Алексѣй Александровичъ.

Подпишу, подпишу... (*подписывая*) А хорошъ акростихъ, а? Да это еще что!... Подписать однако въ самомъ дѣлѣ поскорѣй! (*подписываетъ одну бумагу за другой, затѣмъ произноситъ свою фамилію, выдавая каждую букву*) Алексѣй Жж... абинъ, Алексѣй Жа... бинъ. Засѣдатель Алексѣй Жабинъ. Э, какъ расчеркнулся то ловко! Жа... бинъ! Жабинъ! Жабинъ! Жабинъ... Жабинъ... Жабинъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и купецъ Вахрамѣевъ, писецъ Ивашкинъ, окончивъ считку, уходитъ.

Вахрамѣевъ (*крестясь на икону, раскланивается низко со всѣми*).

Вашему Высокоблагородію Семену Ивановичу наше почтеніе... Вашему Высокоблагородію Алексѣю Александровичу...

Семенъ Ивановичъ.

Ну, что это вы, Иванъ Ѳомичъ, такъ поздно приходите? Видите, ужъ 12 часовъ!

Вахрамѣевъ.

Да вѣдь что же-съ! и Александра Матвѣича еще нѣтъ...

Семенъ Ивановичъ.

Да что вы съ Александромъ Матвѣевичемъ равняетесь; Александръ Матвѣичъ Предсѣдатель, а вы членъ, да еще купеческій)...

Вахрамѣевъ (*садясь на свое мѣсто*).

Хе, хе, Семенъ Ивановичъ то все бранится; не извольте безпокоиться, все подпишемъ-съ (*медленно вынимаетъ изъ кармана очки и надѣваетъ*). Икону, извольте видѣть, у насъ нонче въ лавкахъ подымали; оттого и опоздалъ маненько. Чего подписать то?

Семенъ Ивановичъ.

Ну вотъ видите, какая кипа бумагъ (*беретъ ихъ и кладетъ передъ Вахрамѣевымъ*), да вы вотъ все нарочно приходите поздно, только и успѣваете бумаги подписывать, а докладнаго регистра всего только 10-ую тетрадь пишете... Ну нынче икона, а вчера то что?

Вахрамѣевъ.

Какъ же быть то-съ? Дѣло то наше коммерческое! Господи благослови! (*Крестится и подписываетъ одну бумагу, потомъ крестится и подписываетъ другую, и вообще передъ каждой своей подписью крестится, держа между пальцами перо. Алексѣй Александровичъ, окончивъ подписываніе приговоровъ, принимается за чтеніе Московскихъ Вѣдомостей*).

Вахрамѣевъ (*къ Семену Ивановичу*).

Муку вчера купили по 93 коп. пудъ, а намеднись, Фалѣевъ это продалъ по рублю.

Семенъ Ивановичъ.

Что такъ, подвезли, что ли много?

Вахрамѣевъ.

Да и подвезли, да и заводчикамъ то винокурнымъ хлѣбъ-отъ не требуется, по той причинѣ, что отъ поставки они отказались (*подписываетъ*).

Семенъ Ивановичъ (*взглянувъ на подпись Вахрамѣева*).

Да гдѣ жъ это вы подписываете? Ну куда это вы заѣхали? Совсѣмъ подъ Предсѣдателя! Вотъ ваше мѣсто.

Вахрамѣевъ (*почесывая затылокъ*).

Виноватъ-съ!... Эхма! Не доглядѣлъ. Ну да эта бумажка махонькая, ее и переписать можно.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Шумъ; бѣжитъ Вахмистръ и растворяетъ обѣ половины дверей въ Канцелярію настежъ. Канцелярія съ шумомъ подымается съ мѣстъ. Входитъ Предсѣдатель. Всѣ въ присутствіи встаютъ и кланяются.

Предсѣдатель (*съ важностію наклоняя голову*).

Здравствуйте, здравствуйте, господа, здравствуйте. (*Всѣ садятся, Предсѣдатель проходитъ прямо въ архивную комнату, за нимъ Вахмистръ*).

Предсѣдатель (*выходя изъ архива въ мундирѣ, останавливается по срединѣ комнаты и оглядывается кругомъ*).

Надо бы вотъ еще драпри подѣлать къ окошкамъ. Оно, правда, хорошо и такъ, чисто и опрятно... а все бы не мѣшало тутъ вотъ бы одну половину красную, а другую бѣлую.

Алексѣй Александровичъ.

Зеленую лучше, Александръ Матвѣичъ.

Предсѣдатель (*садясь на свое мѣсто*).

Нѣтъ, красную лучше. И въ Губернскомъ Правленіи красная. Да вотъ Иванъ Ѳомичъ мнѣ кисеи пожертвуетъ, хе, хе, хе! а я палки золотыя ужъ на себя возьму.

Вахрамѣевъ.

Да ужъ и такъ испрожертвовался совсѣмъ, Александръ Матвѣичъ. Вѣдь вотъ мы и скамьи вамъ въ Канцелярію понадѣлали.

Предсѣдатель.

Эка важность, скамейки! Вѣдь это все къ чести твоей отнесется, я и губернатору скажу.

Секретарь (*подходя къ Предсѣдателю съ бумагами*).

Вотъ бумаги, полученныя съ почты, отмѣтить не угодно-ли?

Предсѣдатель.

А! хорошо, хорошо. Какое нынче число?

Секретарь.

4-ое (*кладетъ бумаги на столъ и возвращается на свое мѣсто*).

Предсѣдатель (*отмѣчая бумагу*).

4-ое?—хорошо. (*отмѣчая*) 4 Декабря 184... 4 Декабря 184... 4 Декабря... Слышали, господа, говорили вчера въ клубѣ, что Государь поѣхалъ изъ Петербурга въ Кіевскую губернію?

Алексѣй Александровичъ (*подписывая журналъ*).

Въ Кіевскую? Гм! Зачѣмъ бы это?

Семенъ Ивановичъ (*переписывая докладной регистръ*).

Такъ, вѣдь онъ часто ѣздитъ!

Предсѣдатель.

Не въ томъ дѣло, а вотъ что. Губернаторъ и сказалъ: хотя мы и въ сторонѣ, ну да неравно Царь вздумаетъ поѣхать и чрезъ нашу губернію... вѣдь ему дорога вездѣ вольная... хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Вольная, вольная!

Предсѣдатель.

Ну поѣдетъ, господа, Царь чрезъ нашъ городъ, станетъ все осматривать... Ну коли онъ вздумаетъ завернуть и къ намъ въ Палату?

Семенъ Ивановичъ.

Помилуйте, Александръ Матвѣичъ, зачѣмъ ему въ нашу Палату? Такое ли это мѣсто, чтобъ Царю его осматривать!... Сюда ни одинъ царь никогда и не захаживалъ!...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Отчего же ему и не зайти? Вѣдь Палата все таки... послѣ Сената первая инстанція!

Предсѣдатель.

Ну не ровенъ часъ: вздумаетъ, да и полно. Можетъ строеніе захочетъ посмотрѣть...

Семенъ Ивановичъ.

На врядъ ли! Богъ милостивъ! Ну да коли пожалуетъ, что жъ, милости просимъ (*осматривая*); у насъ кажется все въ порядкѣ.

Предсѣдатель.

Въ порядкѣ? Не все то вы видите, господа, а я нынче ночью вспомнилъ; да и утро все продумалъ.

Алексѣй Александровичъ.

Что жъ такое, что?

Предсѣдатель.

Да вотъ что. Гм! Есть у насъ портретъ государя, или нѣтъ?

Семенъ Ивановичъ.

Какъ же, есть! вѣдь вотъ онъ, сзади васъ.

Председатель.

То-то есть! По вашему есть, а по моему нѣтъ, т. е. все равно что нѣтъ.

Алексѣй Александровичъ.

Отчего же нѣтъ?

Председатель.

Вотъ вамъ и загадка... хе, хе, хе! *(оборачивается къ портрету)*. Оно точно, не вдругъ догадаешься, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Что жъ бы такое?

Алексѣй Александровичъ.

Чѣмъ же это не портретъ? Конечно, государь здѣсь нарисованъ молодымъ, очень молодымъ, худощавымъ *).

Председатель.

Та-та-та! Въ томъ то и штука *(шопотомъ)*. Вѣдь онъ безъ усовъ!

Алексѣй Александровичъ.

Вообразите жъ! Смотрѣлъ, смотрѣлъ и въ голову не пришло!

Председатель.

То-то же! Ну, а вѣдь вы знаете, Царь усы любитъ.

Семенъ Ивановичъ и Алексѣй Александровичъ *(вмѣстѣ)*.

Любитъ, любитъ!

Председатель.

Вотъ и въ Губернскомъ Правленіи съ усами и въ Казенной Палатѣ съ усами... а у насъ безъ усовъ!... Вѣдь эдакъ господа согласитесь, рисковать не должно.

Алексѣй Александровичъ.

Ни какъ не должно! я помню на одномъ смотру Государь изволилъ обратить особенное вниманіе на офицерскіе усы.

Семенъ Ивановичъ.

Такъ что же, Александръ Матвѣичъ? Вѣдь новый то дорого стоитъ, да и не скоро его добудешь?

Председатель.

Хе, хе, хе! Я ужъ это все сообразилъ, уладилъ. Я думаю, господа, вотъ, что: пригласить лучшаго здѣшняго живописца, да и подмалевать Государю усы! а! Какъ вы думаете? **)

---

*) Такъ рисовались портреты императора Николая въ первые годы его царствованія.

**) Истинный фактъ.

Семенъ Ивановичъ (*смотря на портретъ*).

Чтожъ! Мѣсто будетъ; только знаете надо поосторожнѣй...

Алексѣй Александровичъ.

Лучше бы новый, Александръ Матвѣичъ, а то какъ то нехорошо: портретъ старый, а усы свѣжіе.

Предсѣдатель.

Такъ чтожъ, что свѣжіе... были бы только усы...

Алексѣй Александровичъ.

Конечно, все таки больше сходства.

Предсѣдатель.

Вотъ мы этимъ на дняхъ и займемся... (*отмѣчая бумаги*) Э, да тутъ сенатскій указъ... о чемъ онъ Петръ Ильичъ?

Секретарь (*привставъ*).

Указъ не важный. Домейкинъ жаловался на то, что мы не допустили его къ апелляціи; Сенатъ съ приложеніемъ прошенія и требуетъ по оному объясненія... Жалоба не основательная.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, коли не основательная, чтожъ еще Сенатъ спрашиваетъ? Самъ бы разобралъ дѣло, а тутъ поди отписывайся! Ей Богу—точно не знаютъ, что у насъ работы не меньше ихняго будетъ.

Предсѣдатель.

А писцовъ то мало.

Семенъ Ивановичъ.

Писцовъ то мало... Вотъ былъ у насъ покойникъ Предсѣдатель Утятниковъ... это еще при губернаторѣ Карпѣ Өедоровичѣ Емельянковѣ... ну тотъ выкидывалъ такія штуки, что только одному Богу извѣстно, какъ это онъ цѣлъ остался. У него для этихъ указовъ сенатскихъ былъ особый писецъ: съ виду бестія, писалъ такъ красиво, что заглядѣнье! а разобрать ничего не разберешь! Просто глаза всѣ даромъ потеряешь, и только. Вотъ какъ бывало потребуютъ изъ Сената объясненія по жалобѣ, а жалоба то, знаете, опасная, основательная, такъ онъ и закатитъ бывало въ Сенатъ объяснительный рапортъ, эдакъ листовъ въ 20, да все такого письма. Ну, понимается, въ Сенатѣ повертятъ его въ рукахъ, повертятъ, читать то никому и не хочется; такъ и отвѣтятъ, бывало,— поступить дескать по законамъ, хе, хе, хе! Проказникъ былъ покойникъ! (*всѣ смѣются*).

Предсѣдатель.

Вѣдь бы и намъ завести такого не худо, право! хе, хе, хе! Ну-съ, а этотъ указъ о чемъ?

Секретарь (*привстав*).

Это Сенатъ даетъ знать къ свѣдѣнію объ отказѣ своемъ по прошенію мѣщанки Пирожниковой. Изволите помнить, было у насъ дѣло Пирожникова, что еще въ каторгу присужденъ. Мать жаловалась въ Сенатъ, такъ Сенатъ ей и объясняетъ, что во первыхъ мать за сына просить не можетъ, каждый отвѣчаетъ самъ за себя; а во вторыхъ, что по 1338 ст. XV т. въ Уголовныхъ дѣлахъ, на рѣшеніе Палаты допускается апелляція только въ случаѣ присужденія къ тяжкимъ наказаніямъ, значитъ можно жаловаться только по исполненіи приговора, послѣ ужъ наказанія.

Предсѣдатель.

Такъ чтожъ, намъ по этому указу исполнять нечего?

Секретарь.

Нечего, это къ свѣдѣнію.

Предсѣдатель.

И прекрасно! Ну-съ, Петръ Ильичъ, возьмите бумаги,—я помѣтилъ; дайте-ка приговоры поскорѣе подписать... (*Секретарь идетъ къ столу, беретъ отмѣченныя бумаги, отбираетъ у Вахрамѣева подписанные имъ приговоры и кладетъ передъ Предсѣдателемъ*).

Предсѣдатель (*считая приговоры*).

Э, сколько ихъ!... вѣдь это, ей Богу, душа радуется, какъ у насъ дѣла то скоро идутъ. Цѣлыхъ 15.

Секретарь (*съ своего мѣста*).

И не пустые всѣ Александръ Матвѣевичъ, а довольно важные. Тутъ есть штукъ 5 и на каторгу!...

Предсѣдатель.

Славно, славно! (*подписывая*) А что, Жомовъ не былъ?

Секретарь.

Нѣтъ-съ, никого не было.

Алексѣй Александровичъ.

Жомовъ? Какой это Жомовъ?

Предсѣдатель.

А вотъ вы увидите. Онъ хотѣлъ и самъ нынче заѣхать въ Присутствіе... Отставной полковникъ, здѣшней губерніи помѣщикъ... славное имѣнье у него (*подписывая*). Вчера мы съ нимъ въ клубѣ встрѣтились.

Семенъ Ивановичъ (*переписывая*).

А что, Александръ Матвѣевичъ, какъ ваши карточныя дѣла?

Предсѣдатель.

Плохи были... да вотъ вчера немножко поправились. Сѣли мы втроемъ, я, Жомовъ этотъ, да прокуроръ... Копѣйки по 3 поень... Ну-съ, проигрался онъ на порядкахъ, и мнѣ и Борису Львовичу.

Семенъ Ивановичъ.

Я его что то не помню.

Предсѣдатель.

Да и я его почти не зналъ... Онъ вѣдь все въ военной службѣ служилъ, а съ отставки то все живетъ въ своей деревнѣ. Ну ужъ малый— разбитной, веселый, нечего сказать! Мы такъ съ Борисомъ Львовичемъ и катались со смѣху... Бѣдовый просто! хе, хе, хе! Говоритъ, что у него дѣло есть въ Палатѣ. Петръ Ильичъ, о Жомовѣ есть дѣло у насъ?

Секретарь (*привставъ*).

Какъ же, и очень важное. Онъ обвиняется въ разныхъ преступленіяхъ, (*кричитъ, отворивъ немного дверь въ канцелярію*)—Швейкинъ! подайте дѣло о Жомовѣ.—Тутъ три дѣла соединенныхъ въ одно *). Онъ обвиняется, во 1-хъ, въ томъ, что высѣкъ своими людьми гувернантку, приставленную имъ же къ его дѣтямъ, да еще вымазалъ ее купороснымъ масломъ, во 2-хъ, въ томъ, что засѣкъ чуть не до смерти крестьянина своего... имени не помню... въ 3-хъ, въ продажѣ фальшивыхъ рекрутскихъ квитанцій.

Алексѣй Александровичъ.

Ого! какой гусь! Молодецъ! ха, ха, ха!

Предсѣдатель.

Да такъ ли это? Мнѣ что то не вѣрится... Какъ же это? Мало ли вѣдь какія обвиненія бываютъ, нѣтъ, это что то — того... (*трясетъ головой*).

Секретарь.

Видно по всему, что крестьянамъ его плохо. Да вотъ и дѣло. (*Швейкинъ приноситъ дѣло, и отдавъ его секретарю, уходитъ. Секретарь садится на свое мѣсто и просматриваетъ дѣло*).

Семенъ Ивановичъ.

По моему мнѣнію, эдакія дворянскія дѣла и до Палаты то доводить не слѣдуетъ. Это бы надо, знаете, порядкомъ домашнимъ, семейнымъ, черезъ предводителя.

---

*) Истинный фактъ. Преступленіе совершено было въ Саратовской губерніи, а дѣло восходило на ревизію 1 Отдѣленія 6 Департамента Правительствующаго Сената въ Москвѣ. Оно кончилось ничѣмъ.

Предсѣдатель.

То то и есть!... Ну какъ же его осудить, вѣдь ей Богу совѣстно какъ то... Вѣдь все же онъ, какъ хотите, нашъ братъ дворянинъ. Вѣдь для чего нибудь насъ дворяне то выбрали.

Алексѣй Александровичъ.

Гм! По моему мнѣнію, тутъ должны войти другія соображенія.

Предсѣдатель.

Что же по вашему, какія?

Алексѣй Александровичъ.

Административныя. Да, да, административныя. Изволите видѣть, если бросить сначала общій взглядъ на дѣло, такъ выйдетъ, что оно болѣе или менѣе касается помѣщичьей власти.

Предсѣдатель.

Касается. Касается, Петръ Ильичъ?

Секретарь.

Касается.

Алексѣй Александровичъ.

Касается? хорошо. Теперь-съ, извѣстно намъ, что въ видахъ правительства поддерживать власть помѣщика и званіе дворянина? Въ видахъ ли?

Предсѣдатель.

Еще бы нѣтъ! разумѣется!

Алексѣй Александровичъ.

Ну да; отъ этого зависитъ безопасность государства; очень хорошо. Мы съ вами что такое? Развѣ мы не правительство?

Семенъ Ивановичъ.

Какое мы правительство! мы просто судебное мѣсто, да и все тутъ.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, нѣтъ, Семенъ Ивановичъ, Алексѣй Александровичъ правъ. Мы какъ то намедни считались съ управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ, какъ же! Выходитъ, что я чуть ли не четвертое лицо въ губерніи: 1 Губернаторъ, 2 Вице-губернаторъ, 3-е...

Алексѣй Александровичъ.

Совершенно такъ; слѣдовательно, я понимаю, мы должны въ этомъ дѣлѣ руководствоваться болѣе или менѣе правительственными соображеніями, высшими, административными, понимаете?

Семенъ Ивановичъ.

Ну, а на счетъ гувернантки то?

Алексѣй Александровичъ.

На счетъ гувернантки?... Объ этомъ надо подумать... Я подумаю, а можетъ быть и особое мнѣніе подамъ.

Семенъ Ивановичъ.

А мнѣ сдается, что въ дѣлѣ о гувернанткѣ-то замѣшалось что-нибудь такое, любовное...

Секретарь (привставъ).

Оно такъ и есть, онъ мстилъ ей за то, что она не уступила его требованіямъ... Да это же было, кажется, причиною наказанія крѣпостнаго человѣка, заступившагося за свою жену.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, такъ и есть; мудреное дѣло, господа; ужъ гдѣ эдакое замѣшалось, тутъ и разбирать трудно... По моему мнѣнію, ну коли воръ, знаете, эдакой, явный, разбойникъ, убійца, коли тамъ какой... ну такого суди!... А это, что около казны кто поживился, да тамъ эдакъ съ бабой повздорилъ... тутъ ей Богу и судить нечего! Я бы всѣ такія дѣла домашнимъ порядкомъ кончалъ, по отечески, ей Богу!

Предсѣдатель.

Да человѣкъ-то онъ, кажется, хорошій! Ну какъ я его обвиню? Совѣстно какъ-то!... Ну, конечно, можетъ нравъ у него горячій. Онъ же вдовъ, такъ по женской части, можетъ того... хе, хе, хе! И слабенекъ немножко.

Семенъ Ивановичъ.

Ну да что и говорить! Онъ, можетъ быть тамъ, и плутъ, конечно, да кто же не безъ слабостей!... Всѣ мы люди. Вѣдь коли по душѣ, по человѣчеству-то разсуждать...

Алексѣй Александровичъ.

Вы все свое, Семенъ Ивановичъ, я ужъ вамъ говорилъ, что по душѣ само по себѣ, а по закону само по себѣ.

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь эдакъ и всѣхъ насъ можно подъ судъ отдать, батюшка, Алексѣй Александровичъ. Вспомню я свою молодость... Былъ я засѣдателемъ земскаго суда... то то весело жили! У насъ такъ всѣ волости и были подѣлены: у исправника свои, у засѣдателя свои... Что въ каждой волости, примѣрно, женскаго полу, то одного засѣдателя, что въ другой— то мое. Пріѣдешь, бывало, на слѣдствіе въ волость, такъ какъ сыръ въ маслѣ и катаешься. Сотскіе ужъ такъ дѣло свое и знаютъ... Ну, конечно, съ иной—лаской, а иную и припугнешь.

Предсѣдатель.

Ха, ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ погулялъ то, такъ погулялъ, Семенъ Ивановичъ. Эдакъ и нашему брату офицеру не всегда удастся, ха, ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Да ужъ было дѣло, я вамъ скажу, хе, хе, хе! (*махнувъ рукой, трясетъ головой*)... хе, хе, хе!

Предсѣдатель.

Такъ какъ же, господа? Петръ Ильичъ, что вы тамъ высмотрѣли?

Секретарь (*привставъ*).

Да нехорошо дѣло, Александръ Матвѣичъ; хотя онъ и не сознается, но я съ своей стороны не только убѣжденъ, но даже нахожу полное основаніе къ положительному обвиненію.

Предсѣдатель.

А доказательства есть?

Секретарь.

Да прямыхъ, отдѣльныхъ доказательствъ нѣтъ, но есть цѣлая совокупность уликъ и несовершенныхъ доказательствъ.

Предсѣдатель.

Э! совокупность уликъ!... Это все равно, что ничего; нѣтъ, вы мнѣ подайте собственное сознаніе, или двухъ свидѣтелей, или... что тамъ еще? Ну того, что называется прямымъ доказательствомъ... А безъ этого и обвинить нельзя.

Алексѣй Александровичъ.

Отчего же нельзя? Трудно, но можно. Прокуроръ какъ-то мнѣ говорилъ, что съ помощію логики всегда можно.

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь логика то, батюшка, у каждаго своя. Вотъ былъ у насъ старикъ Предсѣдатель Кубышевъ; тотъ, бывало, объ этой совокупности и слышать не хотѣлъ. Какъ, говоритъ, вѣдь совокупность — это значитъ, по собственному своему разуму судить... Тутъ ошибись только — и грѣхъ. Онъ, бывало, всѣхъ въ подозрѣніи оставлялъ.

Секретарь.

Осмѣлюсь доложить, Александръ Матвѣичъ, вы сейчасъ изволили подписать одинъ приговоръ на основаніи этой же совокупности.

Предсѣдатель.

Какъ? какой? гдѣ?

Секретарь.

Да о Филиппѣ Степановѣ, что корову укралъ...

Предсѣдатель.

Ну вотъ что еще вздумали, я было испугался!... корову!

Алексѣй Александровичъ.

Совсѣмъ неумѣстное сравненіе!

Семенъ Ивановичъ.

Да, батюшка Петръ Ильичъ, это вы не то говорите, сами посудите: во 1-хъ—дѣло идетъ о коровѣ.

Алексѣй Александровичъ.

А во 2-хъ — это все же мужикъ. Помилуйте, тутъ совсѣмъ другое соображеніе.

Предсѣдатель.

Да, да, не то, совсѣмъ не то. Ну скажите, Петръ Ильичъ, по дѣлу о гувернанткѣ-то, какія доказательства?

Секретарь.

Во 1-хъ—показаніе собственныхъ людей.

Предсѣдатель.

Ну вотъ видите, господа! Собственныхъ людей! Какъ же это мы, такъ и станемъ про барина холопу вѣрить?

Алексѣй Александровичъ (*хмуря брови*).

Гм! Казусъ, казусъ!

Семенъ Ивановичъ.

Не знаю какъ теперь, а прежде такъ законъ, помнится мнѣ, строго запрещалъ принимать ихъ въ свидѣтели.

Секретарь.

Да и теперь онъ допускаетъ ихъ только въ случаяхъ, когда нѣтъ другихъ свидѣтелей. Одна бѣда: показанія-то разнорѣчивы. Сначала они показали всѣ въ одинъ голосъ противъ него, потомъ, видно ихъ Жомовъ застращалъ или подкупилъ, стали они отъ своихъ словъ отказываться, но потомъ опять утвердили прежнее показаніе, а въ уѣздномъ судѣ опять будто бы объявили, что ихъ обвиненіе ложно. Но это ничего не значитъ и не ослабляетъ силы перваго показанія, тѣмъ болѣе...

Предсѣдатель.

Что вы, что вы, не торопитесь, какъ ничего не значитъ?... Дѣло идетъ о дворянинѣ! какъ можно!

Алексѣй Александровичъ.

Безпристрастно говорю, Петръ Ильичъ, это натяжка.

Секретарь.

Какая же натяжка? Въ первомъ своемъ показаніи они не разнорѣчатъ другъ съ другомъ и говорятъ согласно съ прочими обстоятельствами дѣла; отрекаясь же отъ этого показанія, они впадаютъ въ разнорѣчія, нисколько притомъ необъясняющія другихъ обстоятельствъ дѣла.

Предсѣдатель.

Не по дворянски разсуждаете: стану я крѣпостныхъ людей слушать!

Секретарь.

Но кромѣ этого есть его письмо къ гувернанткѣ. Прутья найдены у него въ кабинетѣ...

Предсѣдатель.

Чтожъ онъ сказалъ про прутья?

Секретарь.

Говоритъ, что прутья у него заготовлены были, чтобы сѣчь дѣтей и крестьянъ.

Предсѣдатель.

Чтожъ? Очень вѣроятно! Развѣ онъ не отецъ? Развѣ онъ крестьянина высѣчь не можетъ?

Алексѣй Александровичъ.

Можетъ. Не только можетъ, долженъ иногда, ей Богу, иначе нашего крестьянина и не вразумить. Вѣдь это народъ необразованный. У насъ въ военной службѣ каждый командиръ сѣчетъ сколько душѣ угодно! Нѣтъ тутъ я юридическаго ничего не вижу. А что онъ сказалъ про записку?

Секретарь.

Отрекся.

Предсѣдатель.

Ну, вотъ видите, отрекся! Помилуйте!...

Секретарь.

Но сходство несомнѣнное...

Семенъ Ивановичъ (*продолжая подписывать*).

А почерки сличали?

Секретарь.

Секретари уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ сличали... но просто невѣроятно, сходства не нашли!...

Алексѣй Александровичъ (*морща лобъ*).

Гмъ!

Секретарь.

Можно будетъ сдѣлать новое сличеніе.

Предсѣдатель.

Что вы, что вы? Стану я дѣлать новое сличеніе. Вѣдь эдакъ я разобижу и Уѣздный Судъ!

Секретарь.

Какъ угодно-съ. Есть еще показаніе фельдшера, показаніе крестьянина, слышавшаго угрозы Жомова гувернанткѣ.

Предсѣдатель.

Да это что! Вы сами сказали, что положительныхъ доказательствъ нѣтъ. Съ его стороны кто свидѣтели?

Секретарь.

Есть одинъ, отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Жигулинъ.

Алексѣй Александровичъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ? Гм! Это тоже, что Генералъ.

Семенъ Ивановичъ.

Жигулинъ?... зналъ я одного Жигулина. Вотъ гуляка то былъ, лихой, нечего сказать!

Предсѣдатель.

Одинъ свидѣтель, да хорошъ. Генералъ! Генералъ врать не станетъ, и коли совретъ, значитъ, ужъ должно было такъ соврать, не даромъ!... Чтожъ мы и генералу не станемъ вѣрить?... Вѣдь генералъ двухъ свидѣтелей стоитъ!

Секретарь.

Такого закона нѣтъ.

Предсѣдатель.

Быть не можетъ. У меня тесть былъ генералъ, онъ мнѣ всегда это говорилъ.

Секретарь.

Есть статья 1197 въ XV Т., которая говоритъ, что при двухъ противорѣчащихъ свидѣтельствахъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе знатному передъ незнатнымъ... Но...

Предсѣдатель.

Ну вотъ видите! Сами говорите, чего же больше?

Алексѣй Александровичъ.

Да это ясно... это дисциплина!

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь, чай, дворянъ то спрашивали, Петръ Ильичъ, на повальномъ то обыскѣ?

Предсѣдатель.

Да, да, вы скажите-ка, что дворяне?

Секретарь.

Да что дворяне, Александръ Матвѣичъ, дворяне человѣка два отозвались незнаніемъ, а другіе... (*пріискиваетъ въ дѣлѣ и потомъ читаетъ*). Показали... «что Жомовъ ведетъ себя, какъ прилично благородному россійскому дворянину».

Предсѣдатель.

Ну и кончено! Я больше и разсуждать не стану. Какъ же это? Дворяне говорятъ одно, а мы станемъ говорить другое?

Семенъ Ивановичъ.

Да, ужъ это не ловко!

Секретарь.

Повальный обыскъ—не доказательство.

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, Петръ Ильичъ, не говорите, эта статья важная. Мнѣ вѣдь все равно, Жомовъ или кто другой... Но это, это я вамъ скажу... это...

Семенъ Ивановичъ (*перебивая*).

А чтожъ Уѣздный Судъ?

Секретарь.

Уѣздный Судъ его оправдалъ.

Предсѣдатель и Семенъ Ивановичъ (*вмѣстѣ*).

Оправдалъ?

Предсѣдатель.

Чтожъ вы мнѣ это съ самаго начала не сказали? Я-бы и толковать не сталъ!

Секретарь.

Какъ угодно-съ.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, послушайте, батюшка Петръ Ильичъ, изъ чего вы хлопочете? Я ей Богу не понимаю! Вамъ-то что за дѣло? Уѣздный Судъ оправдалъ, дворяне одобрили, доказательствъ эдакихъ, знаете, безъ логики то, прямыхъ нѣтъ... Мы то изъ чего будемъ горячиться?...

Предсѣдатель.

Помилуйте! свой братъ дворянинъ, а я его губить стану!

Семенъ Ивановичъ.

Ну, конечно, что за охота! Вотъ еще коли можетъ достаться.

Предсѣдатель.

И достаться не можетъ... Я вѣдь видѣлъ, съ нимъ и Губернаторъ и Прокуроръ вчера разговаривали. Ничего! Губернаторъ то еще и шутилъ съ нимъ не мало. Они тамъ на счётъ петербургской мадамы какой-то говорили. Смѣялись много. Вы вѣдь знаете, Губернаторъ у насъ самъ того, не промахъ! хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Достаться не можетъ, Уѣздный Судъ оправдалъ... Чего ужъ тутъ! Онъ можетъ и виноватъ, да чортъ съ нимъ, намъ то что?

Алексѣй Александровичъ (*къ секретарю*).

А велико дѣло?

Секретарь.

Листовъ 500.

Алексѣй Александровичъ.

У!.... (*свиститъ*).

Вахрамѣевъ (*кончивъ писать*).

А что баринъ то этотъ, видно кулакъ? хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Да что вы вмѣшиваетесь, Иванъ Ѳомичъ, не ваше дѣло, о дворянахъ рѣчь... Вы вотъ регистръ то пишите.

Вахрамѣевъ.

Извѣстно не мое... я такъ только, къ слову... (*встаетъ, складываетъ очки, подходитъ къ стѣннымъ часамъ, переходитъ къ шкафу, потомъ къ окошку*).

Предсѣдатель.

Вы, Семенъ Ивановичъ, говорите: чортъ съ нимъ! Я и этого не скажу. Вѣдь приговорить къ тяжкому наказанію, да еще дворянина... это... это просто рука не подымается... А онъ еще и знакомый человѣкъ, и полковникъ, и такой пріятный.

Секретарь.

Мнѣ, разумѣется, идти противъ него, не изъ чего; мнѣ же лучше, не пойдетъ дѣло въ Сенатъ, такъ и хлопотъ меньше... я такъ только, для справедливости.

Алексѣй Александровичъ.

Для справедливости? Чтожъ вы думаете, вы одни только понимаете справедливость, а мы несправедливы?... Нѣтъ, господа (*встаетъ*) видите ли что? Я не то, чтобы вполнѣ былъ согласенъ съ вами, Александръ Матвѣевичъ или съ вами, Семенъ Ивановичъ, однакожъ не могу не взять во вниманіе, во первыхъ то, что на это дѣло слѣдуетъ смотрѣть съ высшей точки. Тутъ, по моему мнѣнію, главную роль играютъ соображенія административныя... Ну, и второе, мнѣніе дворянъ, конечно. Все таки наше сословіе, высшее сословіе!... Нельзя не уважать... можетъ быть онъ и виноватъ, но вѣдь мы судимъ по законамъ? Коли положительныхъ доказательствъ не имѣется, коли юридическихъ, замѣтьте, господа, юридическихъ доказательствъ нѣтъ, такъ еслибы мы и хотѣли обвинить его, такъ не можемъ. Такъ ли? не можемъ? Хорошо. Вы скажете—совокупность. Конечно, совокупность, я согласенъ, можетъ быть по совокупности и можно... но вѣдь совокупность совокупности рознь.... Да и позвольте, господа, какая же тутъ совокупность, коли въ его пользу показываетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, лице почетное, лице, какъ ни говорите, все таки облеченное правительствомъ въ санъ Генерала? Слѣдовательно мое мнѣніе то, чтобъ руководствоваться точнымъ смысломъ закона, а не то, что говоритъ Семенъ Ивановичъ, что надо судить по человѣчеству, или вы, Александръ Матвѣевичъ, что рука не подымается... Не то! Гдѣ нужно карать, тамъ ужъ рука судьи должна подыматься! Непремѣнно должна. Но здѣсь есть другія основанія... Не такъ ли, господа? Я конечно, могъ бы подать особое мнѣніе, я, можетъ быть, его и подамъ, это для меня не затруднительно, но я не хотѣлъ бы отдѣляться отъ своихъ сочленовъ... Я держусь только такого мнѣнія, чтобы ужъ если оправдать Жомова, такъ сдѣлать это, знаете, юридически, чтобъ все было прописано въ рѣшеніи, и законы, и общій взглядъ, и административныя соображенія, и... и... ну и все...

Предсѣдатель.

Дѣльно!... Вѣдь дѣльно, Семенъ Ивановичъ?

Семенъ Ивановичъ.

Да ужъ это тамъ пусть Секретарь напишетъ, ему и книги въ руки...

Вахрамѣевъ (*смотря въ окно*).

Вотъ кажется, Его Превосходительство ѣдетъ (*всѣ бросаются къ окну*).

Предсѣдатель.

Губернаторъ?... Онъ, онъ, точно онъ... Куда бы это?

Семенъ Ивановичъ.

Не одинъ, дама съ нимъ какая-то.

Вахрамѣевъ.

Это, должно быть, они супругу свою катаютъ...

Алексѣй Александровичъ.

Да, да, это губернаторша... какой салопъ богатый!

Предсѣдатель.

Это, должно быть, они въ пріютъ ѣдутъ. Вѣдь это знаете, по дамской части. А каковы рысаки то (*всѣ возвращаются на свои мѣста*)... и кучеръ какой знатный!... Вѣдь это я его губернатору то рекомендовалъ. Возьмите, говорю, Ваше Превосходительство, кучера Илью, подъ стать, говорю, будетъ вашимъ конямъ!... Ахъ, Боже ты мой милостивый, приговоры то еще у меня не подписаны! (*принимается подписывать. Вахрамѣевъ кланяется кому то въ окошко, дѣлаетъ знаки и незамѣтно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же безъ Вахрамѣева.

Алексѣй Александровичъ (*подписывая журналъ*).

Что губернаторъ будетъ нынче у Варвары Петровны?

Предсѣдатель.

Непремѣнно будетъ. И губернаторша будетъ... А ужъ завтракъ какой Варвара Петровна приготовила. Я вамъ скажу!

Алексѣй Александровичъ.

Значитъ, grand déjeuner?

Предсѣдатель.

Да ужъ такой, что послѣ него хоть и не обѣдай!... Это все я устроивалъ,.. я къ ней и клубнаго повара Степана отправилъ; самъ горшки съ цвѣтами расстанавливалъ. Хлопотъ таки было не мало. Вотъ нынче какъ ѣхалъ сюда въ Палату, такъ заѣзжалъ и на кухню къ ней, взглянуть, свѣжую ли стерлядь купили! Нельзя! Проситъ! Дѣло ея дамское. Это что у васъ, Петръ Ильичъ, на поляхъ то карандашемъ выставлено? 10 или 20 ударовъ?

Секретарь (*привставъ*).

О комъ, позвольте узнать?

Предсѣдатель (*читая*).

Да... о Егоровѣ. Такъ мнѣ что писать?

Секретарь.

20, 20...

Председатель.

Ужъ вы пожалуйста, мнѣ это все карандашемъ пояснѣе выставляйте... никакъ не разберешь *) (*подписываетъ, Алексѣй Александровичъ толкаетъ ногой Семена Ивановича*).

Семенъ Ивановичъ (*продолжая писать*).

А что, Александръ Матвѣевичъ, не нужно ли Ея Превосходительству Палату представить? Прежде у насъ такъ водилось.

Председатель.

Я ужъ думалъ, да губернаторъ говоритъ, что теперь, молъ, это не принято. Ну, а я все таки себѣ на умѣ, познакомился таки съ ней по своему, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Позвольте спросить, это интересно.

Председатель.

Да вотъ какъ... какъ на дняхъ было молебствіе въ Соборѣ, по случаю приращенія-то къ царской фамиліи,—такъ я изъ Собора то и заѣхалъ къ губернатору какъ былъ, въ мундирѣ, и штаны бѣлые, суконные, надѣлъ, съ лампасами то... Такъ знаете, заѣхалъ, будто бы для того, чтобъ о театрѣ доложить...

Семенъ Ивановичъ.

Да чтожъ о театрѣ то?

Председатель.

Какъ что? Губернатору то хочется театръ здѣсь получше устроить; откупщикъ, по его приказанію, и капиталъ ему на это пожертвовалъ... Губернаторъ еще тогда и присталъ ко мнѣ въ клубѣ: возьмитесь, говоритъ, завѣдывать хозяйственною частію... я было отнѣкивался, куда! присталъ, тормошитъ, возьмите, говоритъ, да и полно! Ну нечего дѣлать, взялъ. А хлопотъ не мало! Я вотъ нынче все утро румяны для актрисъ экономическимъ способомъ закупалъ... оттого и опоздалъ... Тутъ, Петръ Ильичъ, что по дѣлу мѣщанки Наливкиной? что поставить, плети или розги?

Секретарь.

Плетьми 30-ю ударами.

Председатель.

Ну плетьми, такъ плетьми! (*подписываетъ*).

*) Необходимо знать, что число ударовъ, лѣтъ содержанія и пр. выставляется въ приговорахъ рукою Председателя, для котораго Секретарь и пишетъ это на поляхъ карандашемъ.

Семенъ Ивановичъ.

Это значитъ почти втрое. Мнѣ намеднись экзекуторъ въ губернскомъ правленіи новыя плети показывалъ... трехвостныя!

Предсѣдатель.

Такъ оно выходитъ 30 на серебро, ха, ха, ха! (*всѣ смѣются*).

Алексѣй Александровичъ.

Жаль, немножко не выходитъ, меньше немножко, а то почти такъ!...

Предсѣдатель (*подписывая*).

Да, такъ вотъ, сижу я у губернатора и говорю: что, Ея Превосходительство, чай очень съ дороги устать изволили?... А онъ: нѣтъ, говоритъ, ничего, пойдемте, я васъ ей представлю. А я то, понимаете, такъ это нарочно и подвелъ, и штаны то бѣлые съ умысломъ надѣлъ, хе, хе, хе! Вѣдь думаю, скажутъ ей—Предсѣдатель Уголовной Палаты, она и не пойметъ сразу, подумаетъ—все равно, что Уѣздный Судъ... А какъ бѣлые то, бѣлые увидитъ, такъ и сообразитъ, что мѣсто то генеральское!

Алексѣй Александровичъ.

Да она, можетъ быть и не замѣтила...

Предсѣдатель (*машетъ рукой*).

Замѣтила, замѣтила!... глаза у нея такіе быстрые, такъ разомъ человѣка съ ногъ до головы и оглядитъ. У меня ноги не спички какія нибудь. не Семенъ Ивановичевымъ чета, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

На высокихъ-то ногахъ штаны виднѣе, Алексѣй Матвѣевичъ, у меня даромъ что худы, за то длинны, хе, хе! (*вытягиваетъ ногу, Александръ Матвѣевичъ вытягиваетъ свою, Алексѣй Александровичъ также окидываетъ глазами свои ноги*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ-же и Вахмистръ.

Вахмистръ.

Ваше Высокородіе! Конвойные солдаты спрашиваютъ: арестантамъ дожидаться прикажете, или отпустить изволите?

Предсѣдатель.

Дожидаться, разумѣется, дожидаться.

(*Вахмистръ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

(Тѣ-же безъ Вахмистра).

Алексѣй Александровичъ.

Ну, что губернаторша любезна была съ вами?

Предсѣдатель.

Очень, очень любезна! Я говорю: какъ вамъ, Ваше Превосходительство нашъ городъ нравится? Очень, говоритъ, нравится.

Алексѣй Александровичъ.

Столичная учтивость, не больше! Можетъ быть про себя то она другое говоритъ. Впрочемъ, я ее вовсе не знаю. Гм! Гм!

Семенъ Ивановичъ.

Ну вотъ нынче познакомитесь, у Варвары Петровны... Александръ Матвѣевичъ, вы бы молодого то человѣка губернаторшѣ представили... онъ ей и для баловъ то пригодится...

Предсѣдатель.

И прекрасно! Непремѣнно представлю...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, зачѣмъ! Она, можетъ быть, совсѣмъ этого и не хочетъ. Зачѣмъ навязываться! Я и безъ нея обойдусь ..

Предсѣдатель.

Вотъ еще какой гордый! Вѣдь она все-таки губернаторша! не ей васъ отыскивать...

Алексѣй Александровичъ.

Да можетъ быть ей это будетъ непріятно?.. Впрочемъ пожалуй!... (*послѣ нѣкотораго молчанія*)... Такъ мы вмѣстѣ къ Варварѣ Петровнѣ и поѣдемъ.

Предсѣдатель.

И прекрасно; я и лошадей то домой не отпускалъ.

Алексѣй Александровичъ (*смотря на часы*).

Если ужъ такъ, вѣдь скоро надо будетъ и собираться.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, еще рано!.. Ну, Петръ Ильичъ, возьмите ваши приговоры, я ихъ всѣ подписалъ. (*Секретарь подходитъ къ столу и собираетъ подписанныя бумаги. Алексѣй Александровичъ встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, напѣвая про себя въ полголоса: тпра, тпра, тпра, тпру!*).

Предсѣдатель.

Да, совсѣмъ изъ головы вонъ! Просила меня Аделаида Никифоровна о какой то бабѣ ея, судимой...

Секретарь.

За покушеніе на самоубійство.

Председатель.

Да, проситъ помиловать.

Семенъ Ивановичъ (*кладя перо и зѣвая*).

Помиловать всегда можно!

Председатель.

А въ чемъ дѣло то я не знаю. Обѣщалъ справиться. Вотъ вы мнѣ разскажите, Петръ Ильичъ, а то коли я съ ней нынче у Варвары Петровны встрѣчусь, и дѣла знать не буду, такъ она мнѣ прохода не дастъ.

Секретарь.

Да дѣло то очень просто. Это молодая бабенка была въ связи съ однимъ сосѣднимъ дворовымъ человѣкомъ... мужъ и засталъ ее на мѣстѣ преступленія.

Алексѣй Александровичъ.

Это интересно (*останавливается и слушаетъ*).

Секретарь.

Баба, разумѣется, совсѣмъ повинилась, но со стыда и съ горя, особенно, какъ она показываетъ, потому что мужъ не только ее не побилъ, но даже и не ругнулъ ни разу, а обошелся съ нею кротко и ласково, и утопилась было.

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ странно! Отъ чего же тутъ было ей покушаться на жизнь?

Секретарь.

Она говоритъ, что ей отъ этого ласковаго обращенія сдѣлалось еще совѣстнѣе, а мужъ объяснилъ, что видѣлъ, какъ она и безъ того мучится, а потому ужъ и не ругалъ.

Алексѣй Александровичъ.

Странно! Ну-съ;

Секретарь.

Она и бросилась въ рѣку, но ее увидали и хотя съ трудомъ однакожъ вытащили; ее надо освободить. (*Писецъ изъ канцеляріи говоритъ полурастворивъ дверь: «Петръ Ильичъ! пожалуйте, отъ губернатора пришли»*).

Секретарь.

Сейчасъ.

Алексѣй Александровичъ.

Васъ зовутъ? Ступайте, мы сами рѣшимъ, вы намъ укажите только законы.

Секретарь.

Позвольте... Вотъ тутъ уложеніе 1943 ст. и XV Томъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ-же безъ секретаря.

Предсѣдатель.

Да что тутъ рѣшать, коли говоритъ, надо освободить. Мнѣ хотѣлось только знать.

Алексѣй Александровичъ.

Еще лучше, Александръ Матвѣевичъ, разсудить дѣло: во 1-хъ—это романъ; во 2-хъ—можетъ быть придется толковать о немъ у Варвары Петровны. Вотъ посмотрите (*читаетъ въ уложеніи*) мм... мм... мм... «если кто покусился на жизнь изъ великодушнаго патріотизма»— это нейдетъ. «Изъ болѣзни»... Гм! нейдетъ. Я помню, что мнѣ секретарь какъ то вычитывалъ обстоятельства, смягчающія вину.

Предсѣдатель.

Да вы посмотрите въ оглавленіи.

Алексѣй Александровичъ.

Въ оглавленіи? (*читая*) мм... мм...

Семенъ Ивановичъ.

Тутъ бы кажется и судить нечего. Богъ простилъ, не утонула!..

Алексѣй Александровичъ.

Вы опять, Семенъ Ивановичъ, свое! говорилъ я вамъ: Богъ самъ по себѣ, а уголовные законы сами по себѣ! Мы юристы, поймите это, мы юристы. (*Смотритъ въ книгу*). Нашелъ, нашелъ (*читаетъ*): «по глупости и крайнему невѣжеству»... какъ разъ подходитъ.

Семенъ Ивановичъ.

А, знаю! Это всегда вотъ какъ пишется: «по глупости, простотѣ и невѣжеству, свойственнымъ крестьянскому быту».

Предсѣдатель.

А бабѣ въ особенности.

Алексѣй Александровичъ.

А бабѣ въ особенности! Совершенно справедливо.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и секретарь *(съ бумагою въ рукѣ).*

Алексѣй Александровичъ.

Петръ Ильичъ, мы рѣшили. Освободить ее вотъ по этой статьѣ (*указывая ему статью*).

Секретарь.

Слушаю... да ее и безъ этой статьи освободить можно, ей слѣдуетъ только церковное покаяніе.

Алексѣй Александровичъ.

Какъ церковное покаяніе? Тамъ сказано въ случаѣ болѣзни.

Секретарь.

Тамъ можетъ быть немножко неясно сказано, но въ случаѣ покушенія отъ болѣзни, нѣтъ даже и покаянія церковнаго.

Алексѣй Александровичъ.

Такъ, такъ, точно... Помню, тамъ немножко неясно...

Секретарь.

Вотъ, Александръ Матвѣевичъ, Его Превосходительство, губернаторъ прислалъ приговоръ по дѣлу купца Панкрашова. Онъ его не утверждаетъ, а проситъ его перемѣнить *).

Предсѣдатель.

Да, да, онъ мнѣ вчера объ этомъ въ клубѣ говорилъ. Прокуроръ согласенъ... Вы, говорятъ, его слишкомъ слабо присудили, Петръ Ильичъ.

Секретарь.

Къ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ; чего же больше, Александръ Матвѣевичъ?.. Онъ и безъ того уже два года сидитъ въ тюрьмѣ. Его посадили при самомъ началѣ слѣдствія.

Предсѣдатель.

Губернатору хочется, чтобъ по крайней мѣрѣ на годъ; дѣла-то въ сенатъ, по несогласію съ нами, переносить онъ не желаетъ, такъ и проситъ меня передѣлать рѣшеніе такъ, между нами, домашнимъ порядкомъ.

Секретарь.

Трудно, Александръ Матвѣевичъ.

---

*) Приговоры Уголовныхъ Палатъ поступаютъ всѣ на утвержденіе къ губернатору, который, если не согласенъ съ приговорами, представляетъ дѣло съ рѣшеніемъ Палаты и съ своимъ мнѣніемъ въ Сенатъ. Рѣшеніе Палаты по подписанію приговора (*протокола*) измѣнено членами быть не можетъ.

Предсѣдатель.

Ну ужъ постарайтесь!.. Нельзя же не сдѣлать угодное Его Превосходительству; дайте-ка сюда приговоръ... (*беретъ приговоръ, вырываетъ изъ него лоскутокъ бумаги и рветъ его на части, потомъ передаетъ его Семену Ивановичу и Алексѣю Александровичу, которые дѣлаютъ тоже*)... господа, не угодно ли уничтожить свои подписи? Семенъ Ивановичъ, Алексѣй Александровичъ.

Алексѣй Александровичъ.

Пожалуй, пожалуй! Нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ еще не бѣда... Конечно, вѣдь я могъ бы не согласиться, ну да не стоитъ! Лучше ужъ, по моему мнѣнію, при какомъ нибудь, знаете, важномъ случаѣ поупорствовать, а тутъ...

Семенъ Ивановичъ.

И спорить не стоитъ!

Секретарь (*пожимая плечами*).

Для насъ-то оно лучше... Не пойдетъ дѣло въ Сенатъ, меньше хлопотъ, а теперь то и безъ того много работы, время ужъ позднее...

Предсѣдатель.

Въ самомъ дѣлѣ позднее! Вѣдь годъ то на исходѣ!.. Надо объ отчетахъ подумать, господа! Вѣдь вотъ третьяго и прошлаго года у насъ итоги были чисты. Ни одного дѣла нерѣшеннаго за Палатою не осталось. Мило было глядѣть!.. Да ужъ и губернаторъ то меня какъ благодарилъ!

Алексѣй Александровичъ.

А сколько въ прошломъ году было у насъ дѣлъ?

Секретарь.

597.

Предсѣдатель.

Слышите, 597 съ однимъ секретаремъ, тогда какъ почти вездѣ по два. За то вѣдь (*улыбаясь и потирая руки*), говорятъ, мы у министра на отличномъ счету...

Алексѣй Александровичъ.

Иначе и быть не должно! Вы то сообразите, вѣдь въ самомъ дѣлѣ, почти никогда не манкируемъ, сидишь по нѣскольку часовъ, воротишься домой просто измученный!

Предсѣдатель.

Охъ! хорошо бы, знаете, коли въ нынѣшнемъ то году набралось бы дѣлъ еще побольше, и всѣ были бы рѣшены! а? то то бы славно!

Секретарь.

Нынче у насъ будетъ, я думаю, до 650.

Предсѣдатель.

Э! право!... А много ли нерѣшенныхъ то?

Секретарь.

Еще дѣлъ съ сотню осталось.

Предсѣдатель.

Что вы говорите, Петръ Ильичъ, съ цѣлую сотню? Да когда же это вы успѣете?

Секретарь.

Какъ нибудь да очистимъ! Я и самъ знаю, что безъ этого нельзя. Министерство закидаетъ запросами, такъ что и не отдѣлаешься! Вотъ извольте посмотрѣть, я составилъ роспись нерѣшеннымъ дѣламъ (*беретъ съ своего стола бумагу и подаетъ ее Предсѣдателю*). Вотъ если вамъ угодно будетъ меня разрѣшить... Извольте видѣть... вотъ эти 20 дѣлъ объ утопившихся, удавившихся, повѣсившихся, о нечаянныхъ пожарахъ и другихъ происшествіяхъ, въ которыхъ виновныхъ не открыто. Прикажете предать ихъ, по обыкновенію, суду и волѣ Божіей?

Предсѣдатель.

Предать, предать, непремѣнно предать.

Секретарь.

Слушаю-съ. Они не составятъ затрудненія, по нимъ резолюціи и столоначальники напишутъ. Вотъ еще 15 дѣлъ о бродягахъ и непомнящихъ родства. Тутъ резолюція извѣстная, 1178 статья.

Алексѣй Александровичъ.

Чтожъ такое?

Секретарь.

Да ихъ слѣдуетъ наказать розгами отъ 30 до 40 ударовъ и отдать въ арестантскія роты на срокъ отъ 10 до 12 лѣтъ, а женщинъ въ рабочіе домы отъ 15 до 18 лѣтъ. Такъ прикажете по 1178 статьѣ?

Предсѣдатель.

По 1178... Валяйте, съ Богомъ!

Секретарь.

Вотъ еще дѣлъ съ 16 или 18 очень крупныхъ... Лежали они у насъ, лежали, да никакъ не успѣлъ ими заняться.

Семенъ Ивановичъ.

Да что съ ними церемониться? Къ дослѣдованію ихъ!

Председатель.

Разумеется къ дослѣдованію! Къ справкамъ.

Алексѣй Александровичъ.

Коли можно дослѣдовать, такъ дослѣдовать.

Секретарь.

Дослѣдовать то можно... по крайней мѣрѣ за нами числиться не будетъ... Вотъ еще два дѣла: первое объ убійствѣ мѣщанина Семенова, а другое по жалобѣ крестьянина князя Куталина на Управляющаго, въ 1000 листовъ. Ужъ я не знаю, какъ съ ними и быть. Первое то дѣло тянется уже пять лѣтъ, тутъ есть арестанты и арестантки... давно сидятъ, нечего сказать! Ну а по другому арестованныхъ нѣтъ. Мы ужъ эти дѣла два раза обращали къ дослѣдованію, что ужъ дѣлать? Какъ нарочно поступятъ въ концѣ года...

Председатель.

Нельзя ли опять къ дослѣдованію?

Секретарь.

Нѣтъ ужъ теперь нельзя! Хотѣлъ было цѣликомъ пустить въ рѣшеніе мнѣніе Уѣзднаго Суда, да невозможно, такъ плохо, что ничего не поймешь! Вотъ, если позволите, можно будетъ придраться къ тому, что въ одномъ дѣлѣ нѣтъ всѣхъ скрѣпъ по листамъ, а въ другомъ, какъ я успѣлъ замѣтить, не всѣ бумаги подписаны депутатомъ коннозаводскаго вѣдомства...

Председатель.

Чего же лучше? Придирайтесь къ чему хотите, только чтобъ дѣло за нами не считалось!

Семенъ Ивановичъ.

Да вы смотрите, отошлите ихъ въ Уѣздный Судъ для исправленія попозже, а то вѣдь онъ, бестія, пожалуй исправитъ и воротитъ ихъ до окончанія года.

Секретарь.

Слушаю-съ; ну вотъ это дѣло объ оберъ-офицерскомъ сынѣ Маркотинѣ, слава Богу теперь меня уже не безпокоитъ... А преогромное дѣло! да, къ счастію нашему, умеръ... есть донесеніе.

Председатель.

И прекрасно.

Алексѣй Александровичъ.

И лучше выдумать не могъ, какъ говоритъ Пушкинъ.

Секретарь.

Вотъ эти дѣла пойдутъ на заключеніе Палаты Государственныхъ Имуществъ.—Эти дѣла... сколько ихъ? разъ, два, три... всего семь, я кончу на дняхъ. Ну, а съ остальными какъ нибудь справлюсь.

Предсѣдатель.

То то же, Петръ Ильичъ, пожалуйста! Ну сколько на нынѣшній день вы запишете рѣшенныхъ нами дѣлъ?

Секретарь.

Дѣлъ съ 12. Да вотъ что, Александръ Матвѣевичъ, вамъ извѣстно, что и нижнія инстанціи теперь изъ кожи лѣзутъ, чтобы очистить и спихнуть къ намъ на ревизію свои дѣла... Такъ развѣ по примѣру прошлаго года?

Предсѣдатель.

По примѣру прошлаго года, непремѣнно! Скажите Регистратору, чтобъ съ 15 числа поступленія въ палату дѣлъ въ книгу не записывалъ, а складывалъ бы ихъ тамъ, въ особомъ шкапу.

Семенъ Ивановичъ.

Ужъ лучше бы съ 10 Декабря, Александръ Матвѣевичъ; у насъ бывало предсѣдатель Жолобовъ всегда съ 10 Декабря прекращалъ записку.

Предсѣдатель.

Раненько, Семенъ Ивановичъ, не хорошо. Мнѣ и прокуроръ говорилъ... Нѣтъ ужъ съ 15-го.

Секретарь.

Слушаю-съ.

Алексѣй Александровичъ.

Да вѣдь какъ же это? Вѣдь ихъ тамъ изъ Уѣзднаго Суда выключаютъ, а у насъ не запишутъ, гдѣ жъ они числиться то будутъ.

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе!... Да такъ, между небомъ и землей. Вы еще этого порядка не знаете. Такъ, батюшка мой, вездѣ водится, и въ Сенатѣ даже!

Алексѣй Александровичъ.

Да какъ бы за это не отвѣчать?

Семенъ Ивановичъ.

Эхъ, вы, неопытность! Ну кому до этого дѣло? Эдакъ то лучше, и начальству пріятно и убытка никому нѣтъ. Мѣсяцомъ раньше, мѣсяцомъ позже, не бѣда! За то ужъ всякой нумеръ очищенъ.

Алексѣй Александровичъ.

Ну да, конечно, для репутаціи Палаты, я согласенъ.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, это все хорошо, Петръ Ильичъ. Старайтесь, молодой человѣкъ, старайтесь! Начальство увидитъ ваше усердіе и...

ЯВЛЕНІЕ XX.

Входитъ Вахрамѣевъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да гдѣ это, Иванъ Ѳомичъ, пропадали?... Вотъ поди съ нимъ? Ему бы докладной переписывать, а онъ себѣ вѣрно чаекъ въ трактирѣ распиваетъ.

Вахрамѣевъ.

Хе, хе, хе! Нѣтъ-съ, я такъ; человѣчка одного, нужнаго, въ окошко увидѣлъ, такъ поговорить это надо было... Вѣдь нельзя же, Семенъ Ивановичъ, дѣло то наше торговое (*садится на свое мѣсто*).

Предсѣдатель.

Говорили вчера въ клубѣ, что намъ новые штаты вышли.

Семенъ Ивановичъ.

Да ужъ объ этомъ лѣтъ 40 говорятъ.

Алексѣй Александровичъ.

А пора, давно пора! Я просто не понимаю, какъ это у насъ юстицію, статью таки довольно важную, совсѣмъ въ черномъ тѣлѣ держатъ. Ну что это за жалованье? Ну хоть бы мое! Просто смѣхъ! Да и ваше, Александръ Матвѣевичъ, тоже?

Предсѣдатель.

Да вѣдь какъ обидно то! Посмотрите-ка, что это за штаты у Казенной Палаты, да у Государственной! Одинъ предсѣдатель сколько получаетъ!... я ужъ о косвенныхъ доходахъ и не говорю... Нѣтъ, жалованьемъ то, жалованьемъ!... Ну, что станемъ дѣлать! Чѣмъ же наша палата, спрашивается, хуже другихъ?

Семенъ Ивановичъ.

Не хуже! Ничѣмъ не хуже!

Алексѣй Александровичъ.

Какое хуже! Помилуйте важнѣе, во сто разъ важнѣе! Вѣдь тутъ какія все дѣла: о жизни, да о чести. Вѣдь тутъ все таки на душу берешь! И за это все таки жалованье, что просто иной разъ совѣстно и сказать!

Председатель (*вздыхая*).

Хоть бы Господь Богъ помогъ по представленіямъ то что-нибудь получить! О себѣ я и не говорю... обо мнѣ, я знаю, губернаторъ таки похлопочетъ... а о васъ, господа, я уже готовлю представленіе. (*Всѣ, кромѣ Вахрамѣева, кланяются*).

Председатель.

Васъ, я думаю, Семенъ Ивановичъ, лучше къ чину?

Семенъ Ивановичъ.

Къ чину, такъ къ чину! Дадутъ—хорошо. Нѣтъ—я и такъ проживу! Что мнѣ? я ужъ старикъ; мужики то меня и безъ чину слушать будутъ... хе, хе, хе!

Председатель.

А вамъ, Алексѣй Александровичъ, вы человѣкъ молодой,—вамъ, я думаю, орденокъ лестнѣе будетъ?... я васъ къ ордену представлю...

Алексѣй Александровичъ (*съ чувствомъ*).

Не дадутъ, Александръ Матвѣевичъ; чувствую, что не дадутъ! Мнѣ ужъ такое несчастье на роду написано! Сколько разъ, бывало представляли, то формуляръ не по формѣ, то представленіе опоздаетъ.

Председатель.

Ну можетъ на этотъ разъ и удастся.

Алексѣй Александровичъ.

Дай Богъ! премного вамъ благодаренъ, Александръ Матвѣевичъ. (*Къ секретарю*) Вы ужъ сдѣлайте милость, Петръ Ильичъ, наблюдите, чтобы все было въ исправности.

Секретарь.

Будьте покойны-съ.

Вахрамѣевъ.

Вотъ вы, Александръ Матвѣевичъ, изволите говорить, что жалованье вамъ недостаточно... Да ужъ васъ за это, за труды то ваши Государь, по крайности жалуетъ, когда чиномъ, когда и крестомъ. А нашему то брату, хоть весь вѣкъ служи,—отличій никакихъ нѣту!

Алексѣй Александровичъ.

Вы за то изъ чести и служите, ха, ха, ха!

Вахрамѣевъ.

Да что въ ней, въ чести то, только одинъ убытокъ. Мнѣ бы вотъ теперь въ лавкѣ сидѣть, анъ нѣтъ, ступай въ Палату! Хоть бы медальку то по крайности повѣсили.

Семенъ Ивановичъ.

Да за что вамъ давать то? у васъ докладной регистръ словно ракъ ползетъ. Хоть бы примѣрно пожертвовали что-нибудь...

Председатель.

Да, да! Вотъ ты сперва пожертвуй, Иванъ Ѳомичъ!

Вахрамѣевъ.

Да, мы и то жертвуемъ! Вотъ, не угодно-ли взглянуть, Александръ Матвѣевичъ, (*вынимая изъ-за пазухи бумаги*)... Это у меня счетецъ, такъ, примѣрный сдѣланъ, что съ насъ на разныя пожертвованія-то сошло!

Председатель.

Да и глядѣть нечего, все по-мелочи.

Вахрамѣевъ.

Не все по-мелочи, Александръ Матвѣевичъ; вотъ мы на церковную ограду къ Николѣ и на священство разомъ 1000 рублевъ отдали. Преосвященный, это, ужъ какъ благодарилъ! и въ Синодъ представилъ... А Синодъ-то,—что съ нимъ станешь дѣлать! Одно благословенье прислалъ. Оно, конечно, и благословенье хорошо, да вѣдь его на шею не повѣсишь, благословенье-то!.. А противъ людей-то обидно, Александръ Матвѣевичъ, право обидно! Вотъ Фалѣеву-то другая медаль вышла.

Председатель.

Я тебѣ, Иванъ Ѳомичъ, хоть-бы три медали повѣсилъ, да самъ знаешь, не за что! Ты пожертвуй эдакъ покрупнѣе, да повиднѣе... ну, да 3,000 рублей примѣрно, хоть на устройство присутственныхъ мѣстъ... Будетъ тебѣ медаль!

Вахрамѣевъ.

Больно дорого станетъ, Александръ Матвѣевичъ! Оно бы еще можно пожертвовать, коли бы ужъ это навѣрное знать то.

Председатель.

Ну, какъ хочешь!

Алексѣй Александровичъ (*подойдя между тѣмъ къ окошку*).

Кто то подъѣхалъ? Фу, какой конь богатый.

Вахрамѣевъ.

Да, вы мнѣ ужъ позвольте, Александръ Матвѣевичъ, къ вамъ въ воскресенье то зайти. Можетъ вы, что и уступите.

Председатель.

Заходи, пожалуй!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и Вахмистръ.

Полковникъ Жомовъ.

Предсѣдатель.

Проси, проси!

(Всѣ усаживаются. Вахрамѣевъ беретъ газеты и въ продолженіе слѣдующей сцены за чтеніемъ ихъ засыпаетъ. Вахмистръ уходитъ и черезъ минуту бѣжитъ назадъ и растворяетъ дверь).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Жомовъ.

Жомовъ (*быстро подходя къ предсѣдателю и пожимая ему руку, громко*)

Александръ Матвѣевичъ, Александръ Матвѣевичъ! имѣю честь кланяться!

Предсѣдатель.

Здравствуйте, Илья Андреевичъ, здравствуйте, мы ужъ съ вами люди знакомые, садитесь, прошу покорно...

Жомовъ (*обращаясь къ Семену Ивановичу*).

Семену Ивановичу, мое почтеніе. Имѣю честь рекомендоваться: по милости царской, сынъ барской, ха, ха, ха! Илья Андреевъ Жомовъ, отставной полковникъ, здѣшней губерніи помѣщикъ...

Семенъ Ивановичъ (*раскланиваясь*).

Слышалъ, слышалъ-съ!

Жомовъ (*обращаясь къ Алексѣю Александровичу*).

Monsieur Жабинъ, j'ai l'honneur...

Алексѣй Александровичъ (*торопливо, пожимая ему руку*).

Charmé!.. (*Семену Ивановичу тихо*) Эге, да, онъ и по-французски!.. молодецъ!

Предсѣдатель.

Прошу покорно, безъ церемоній, садитесь, вотъ тутъ на кресло (*сажаетъ подлѣ себя, на углу стола*).

Жомовъ (*садясь и осматриваясь кругомъ*).

Да, вы это господа, въ Палатѣ, что ли сидите, хе, хе, хе!

Предсѣдатель.

А, что?

Жомовъ.

Да, здѣсь просто барская гостинная, а не Палата!.. Какая тутъ Палата. Вы меня извините: я человѣкъ военный, у меня, что въ мысляхъ, то и на языкѣ, ха, ха! Я вамъ по-правдѣ признаюсь, господа, я вѣдь полагалъ, что здѣсь такой же, съ позволенія сказать, хе, хе, хе! такой же коровій хлѣвъ, какъ и въ нашемъ Уѣздномъ Судѣ, хе, хе! ей Богу.

Семенъ Ивановичъ.

Это у насъ все стараньемъ Александра Матвѣевича.

Предсѣдатель (*скромно*).

Нѣтъ, отчего же... я, такъ только, признаться, нечистоты не люблю.

Жомовъ.

Да, вы не скромничайте, Александръ Матвѣевичъ, дѣло то вѣдь на виду... А вамъ за то и спасибо, премного спасибо! Оно у васъ и подъ судомъ то веселѣе быть, ей Богу! Вотъ и зеркало то есть (*заглядываетъ въ зеркало*)... Есть гдѣ подсудимому и въ зеркальцо посмотрѣться... ха, ха, ха! (*всѣ громко смѣются*).

Жомовъ.

Да-съ, вотъ оно какъ, Александръ Матвѣевичъ, какъ подсудимый являюсь я къ вамъ, какъ подсудимый-съ!.. и полковникъ я, и помѣщикъ я, а подсудимый! хе, хе, хе! Даже смѣшно, ей Богу!

Предсѣдатель.

Да, мы вотъ сейчасъ объ вашемъ дѣлѣ имѣли разсужденія...

Жомовъ.

Да, вѣдь мнѣ только и утѣшенія, что на благородныхъ людей напалъ! Ну, думаю, пошло дѣло въ Палату, слава Тебѣ Господи, не много ужъ тамъ возьмутъ мои злодѣи то!.. Тутъ вѣдь, думаю, столбовые дворяне сидятъ, не на вашъ подлый аршинъ мѣряютъ. Вѣдь, вотъ господа, вы теперь и сами видите: дѣло то вѣдь выѣденнаго яйца не стоитъ, а вонъ въ какую гору раздули!.. Да, ужъ коли отдали нашего брата помѣщика къ этимъ становымъ приставамъ подъ начало, такъ ужъ тутъ чего ждать? Всѣхъ помѣщиковъ переведутъ, право.

Семенъ Ивановичъ.

Да, ужъ это народъ бѣдовый!

Жомовъ.

Вѣдь, коли по-правдѣ вамъ сказать, господа, такъ, по откровенности то, вѣдь, это все отъ пристава и дѣло то началось. Разозлился бе-

стія, что я ему мало плачу,—изволите видѣть, да еще съ бабами моими шашни завелъ, каналья! Ну, знаете, какъ дѣло то началось, я ему эдакъ, понимаете, по-просту, по-свойски то и говорю: что ты тамъ мутишь, чернильная ты душа, я тебя не боюсь, я передъ Богомъ и государемъ ни въ чемъ не согрѣшилъ... Вотъ тебѣ, и не боюсь! Вотъ онъ и настряпалъ дѣло! дай-те, говоритъ, 500 рублей, я дѣло улажу...

Предсѣдатель.

Ахъ, онъ бестія!

Жомовъ.

Меня, знаете, это и взорвало. Не дамъ, говорю, тебѣ, каналья, не дамъ ни полушки! Мнѣ не 500 руб. жаль; 1000, 2000, 10,000 раздамъ, коли нужно, да не тебѣ червяку, а тѣмъ, кто почище, да повыше!.. Да, ужъ видно (*вздыхая*), надо было ему заплатить, нечего дѣлать.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ... будто ужъ и управы нѣтъ. Вотъ мы и нынче говорили... вотъ, не знаю только, какъ это обстоятельство насчетъ гувернантки то?

Жомовъ.

Что на счетъ гувернантки? Да я тутъ хоть передъ царя на судъ пойду! Да я и вамъ, господа, откроюсь, таить не стану. Сами изволите видѣть, человѣкъ я военный, правду—матку люблю. Взялъ, точно взялъ я къ себѣ гувернантку, къ дѣтямъ. Сироты, знаете, матери нѣтъ, человѣкъ-то я вдовый. Ну-съ, гувернантка то изъ воспитательнаго дома, русская... дѣвка, я вамъ скажу, такая крупная, бойкая...

Всѣ (*кромѣ Вахрамѣева*).

Хе, хе, хе!

Жомовъ (*продолжая*).

Юлитъ, бестія, такъ около меня, тутъ прошмыгнетъ, тамъ прошмыгнетъ... Ну я, нечего грѣха таить, хе, хе!..—по нашему, по кавалерійскому-то и того... хе, хе, хе!... Что-жъ виноватъ, что-ли я? Судить меня развѣ за это, что-ли?

Предсѣдатель.

За это какъ можно? Это дѣло не такое!..

Жомовъ.

Нѣтъ, вы мнѣ скажите, судить меня развѣ за это, что-ли? А вотъ вы, Алексѣй Александровичъ, сами недавно изъ военной-то службы вышли... Ну-ка, батюшка, признавайтесь, что вы, много что-ли бабамъ-то спуску давали? а? Чай ни одна не отвертѣлась, по лицу вижу... ха, ха!

Всѣ.

Ха, ха, ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

Ха, ха! Ну, конечно, не безъ того. Ужъ точно, бывало, не попадайся; ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Да, Алексѣй Александровичъ у насъ ходокъ.

Жомовъ.

А вы, Семенъ Ивановичъ, не ходокъ, что-ли? Знаемъ мы васъ! Мнѣ Жигулинъ-то все разсказывалъ, какъ вы съ нимъ погуливали. Хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Да съ вами бѣда, ей Богу! А что Жигулинъ, здравствуетъ себѣ? ничего?

Жомовъ.

Ничего, слава Богу, пріятель мнѣ сердечный! Да ужъ и человѣкъ то какой! Повѣрите-ль, онъ до сихъ поръ супругу вашу поминаетъ. Что, говоритъ, за барыня такая была!...

Алексѣй Александровичъ.

Какъ же, я самъ помню Марью Осиповну, правда, я былъ малъ тогда, но все таки помню. Grande dame просто!

Семенъ Ивановичъ (*помолчавъ*).

Да, господа, могу похвастаться... (*съ чувствомъ*) я такой женщины и не видывалъ... да и не находятся ужъ, кажется, такія.

Предсѣдатель.

Не имѣлъ чести знать.

Семенъ Ивановичъ (*съ возрастающимъ жаромъ*).

Я вамъ вотъ что скажу, Александръ Матвѣевичъ, я такъ ее любилъ, что вотъ теперь 18 лѣтъ прошло, какъ она умерла то, безъ слезъ и вспомнить не могу (*задумывается*). И какого нрава-то была, ангелъ! Ни дать, ни взять ангелъ! Надо вамъ сказать, господа, что я таки довольно долго ея добивался... былъ тамъ у нея другой на примѣтѣ... да тотъ какъ-то ее тамъ эдакъ и обманулъ... Она и пошла за меня... Ну отецъ то ея меня какъ роднаго сына любилъ... Да недолго только прожила, со мною, голубушка, всего четыре годочка... (*утираетъ слезы и дрожащимъ голосомъ*) я и теперь всѣ ея вещи свято берегу... все, что только завѣщала покойница, все выполнилъ, ничего не забылъ... я просто... я ужъ и не знаю, какъ я ее любилъ!.. Повѣрите, Александръ Матвѣевичъ, ужъ коли эдакъ по душѣ-то раскрываться то, повѣрите, какъ пришлось мнѣ знаете, взять къ себѣ—того... понимаете... по немощи то человѣческой,—я крестницу ея выбралъ, дѣвушку мѣщанку!.. По крайней мѣрѣ всякій разъ вспомнишь ее, мою голубушку (*плачетъ*).

Жомовъ (*утирая глаза кулакомъ*).

Разжалобили вы меня совсѣмъ, Семенъ Ивановичъ, я и самъ вдовецъ! *(жметъ ему руку)*.

Семенъ Ивановичъ.

Такъ, батюшка, такъ, одно горе терпимъ!
(Нѣсколько минутъ молчаніе).

Председатель.

Такъ какъ же, Илья Андреевичъ, вы начали говорить!..

Жомовъ.

Да-съ, на счетъ гувернантки-то, хе, хе, хе! Вотъ я съ нею и того... мѣсяцъ, другой, третій... ну и будетъ! Надоѣла бестія, безстыжа больно! Я, знаете, эдакъ по простодушеству своему думалъ, тѣмъ дѣло и кончилось... Куда! она, изволите видѣть, вообразила, что баринъ дескать на мнѣ женится! ха, ха, ха! Какъ не такъ! Не на того напала! Я же знаете, тутъ немножко эдакъ сосѣдкой своей занялся, хе, хе, хе!.. Вотъ она и разозлилась, да и свела интригу съ канальей становымъ, ну и придумали вмѣстѣ, какъ-бы, знаете, деньжонокъ, изъ меня повытянуть!.. Растравила, мерзкая, себѣ спину, да и пустила слухъ по околодку, будто я ее высѣкъ, изволите видѣть.

Председатель.

Скажите какъ!

Алексѣй Александровичъ.

Это ужъ просто адскій умыселъ.

Жомовъ.

Подлинно адскій, справедливо изволили замѣтить.

Семенъ Ивановичъ.

Да что-жъ лекарь то на тѣлѣ знаки свидѣтельствовалъ?

Жомовъ.

Свидѣтельствовалъ; такъ себѣ, ничего, пустяки, дрянь!.. Это, она говоритъ, — отъ того, что ужъ зажило; я, говоритъ, послѣ сѣченья три недѣли въ постели лежала!.. Нѣтъ ужъ, коли я бы вздумалъ ее высѣчь, такъ у меня бы, я вамъ доложу, и въ 6 мѣсяцевъ бы не зажило! ха, ха, ха!.. И людей моихъ было совсѣмъ съ толку сбила: они отъ страха сначала въ угоду становому и показали, да потомъ опомнились, грѣха побоялись.

Председатель.

Ну вотъ, скажите, какіе случаи то бываютъ!..

Жомовъ.

Мало того, Александръ Матвѣевичъ, это что! Они вздумали, что я и купоросным масломъ ее обмазалъ! Сама какъ то облилась, тварь эдакая, распутная, да ужъ за одно и всклепала на меня!.. Записки тамъ какія то мои любовныя нашли... Точно, я писалъ, лгать не стану; ну а на допросѣ отрекся! И Жигулинъ говоритъ: отрекись, пуще запутается... *(понижая голосъ)*. Это я такъ, только вамъ открываюсь, господа!... Я и въ связяхъ то съ нею не признался... чего добраго, думаю, пожалуй еще публичному покаянію предадутъ—право! Это, господа, я такъ, между нами, по душѣ говорю, entre nous!.. Сами видите, каковъ я! *(раздвигая ладони)* весь тутъ! Хотите меня за это простосердечіе то мое казнить, такъ казните; въ вашей волѣ!..

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте; мы очень цѣнимъ вашу откровенность, вашъ характеръ...

Предсѣдатель.

Цѣнимъ, цѣнимъ, будьте увѣрены.

Жомовъ.

То-то господа! а я себѣ своимъ характеромъ сколько враговъ то нажилъ! Ну да не могу! Что прикажете дѣлать: ужъ видно такимъ и останусь!.. Вотъ выдумали еще, что я Антошку своего запоролъ, за то дескать, что онъ меня къ женѣ своей не подпустилъ... ха, ха, ха! Очень мнѣ нужно, жену то его! Бабенка-то такая скверная, смотрѣть не на что!.. Будто ужъ мнѣ и взять то не откуда! У меня, слава Богу, и получше ея есть... Антошку я выпоролъ точно за то, что на барщину не пришелъ. Выпоролъ да и пожаловалъ: я теперь его изъ крестьянъ къ себѣ на конюшню приставилъ... *(съ жаромъ)*. Что же, и за это судить меня? Мнѣ мужика и выпороть нельзя, что ли? Мнѣ своего холопа и побить нельзя?

Предсѣдатель.

Какъ можно! это вы право всегда имѣете...

Жомовъ *(не слушая, съ жаромъ)*.

Нѣтъ, вы мнѣ скажите, властенъ я, что ли надъ своимъ мужикомъ, или нѣтъ? а?... Баринъ я, или нѣтъ? а? Помилуйте, что это такое? Какъ, я 20 лѣтъ служилъ царю и отечеству вѣрой и правдой, а тутъ ужъ и холопа тронуть не смѣй! Да это, это я и не знаю что! Это свѣта преставленіе просто! Вы меня извините, господа, а ужъ я этого и стерпѣть не въ силахъ! умирать стану, а говорить буду! Можетъ быть нынче ужъ такъ межъ дворянами повелось; можетъ и вы такъ разсуждаете?

Алексѣй Александровичъ.

Что вы, что вы, Илья Андреевичъ, вотъ мы еще нынче говорили о помѣщичьей власти.

Председатель.

Нѣтъ, нѣтъ, мы сами дворяне, какъ дворянства не уважать!

Жомовъ.

Конечно, помилуйте! Опора престола!.. Какъ же тутъ становому въ помѣщичьи дѣла рыло свое совать? Вѣдь это бунтъ! Вѣдь это значитъ священнѣйшія обязанности колебать!.. я вѣдь за васъ господа, ратую!.. Мнѣ что... меня, можетъ, за мою правду то вы въ Сибирь сошлете... хе, хе, хе! можетъ еще и въ каторгу...

Председатель.

Что вы, что вы, въ каторгу! ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

На рудники, Илья Андреевичъ, непремѣнно на рудники... ха, ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Ха, ха, ха!

Жомовъ.

Ха, ха, ха!... (*утираетъ глаза отъ смѣха*). Вотъ то то, господа, оно смѣшно, а на дѣлѣ то, какъ тамъ ни говорите, я все таки подъ судомъ! Вѣдь оно благородному человѣку тяжело, какъ хотите тяжело!

Алексѣй Александровичъ.

Очень, очень это понимаю!

Семенъ Ивановичъ.

А квитанціи то съ чего жъ они на васъ наклепали?..

Жомовъ.

Ну это дѣло пустое! Тутъ и доказательствъ никакихъ нѣтъ. Поймали мужика моего, изволите видѣть, съ фальшивою квитанціею... Онъ продавалъ ее. Чортъ его знаетъ, гдѣ досталъ. Ну и велѣли ему сказать, что это молъ баринъ мнѣ далъ для продажи!... Какъ же, и съ обыскомъ у меня были, да ничего не нашли! Ну, знаете, мужика то увѣрили, что онъ и свободу получитъ и ужъ чортъ знаетъ что... А мужики то наши, сами изволите знать, какой народецъ то! Имъ бы только на печи лежать и помѣщичьей работы не дѣлать, а ужъ барина оклеветать ни почемъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да, бестіи, и мнѣ оброка не платятъ! надо будетъ приняться за нихъ построже!

Жомовъ.

Что вы, что вы, Алексѣй Александровичъ, построже, Богъ съ вами! Какъ разъ подъ судъ угодите, ха, ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

Пожалуй, чего добраго! ха, ха, ха!

Жомовъ *(послѣ нѣкотораго молчанія)*

Что вы нынче будете въ клубѣ, Александръ Матвѣевичъ?

Предсѣдатель.

Хотѣлось бы!.. Развѣ эдакъ попозднѣе?.. А какова игра то вчера была!

Жомовъ.

Удивительная! Отпотчивали вы меня порядкомъ! Вѣдь эдакъ везло, эдакъ везло!... Да ужъ я нынче реваншъ возьму, какъ хотите возьму!

Предсѣдатель.

Хе, хе!... Ну какъ опять проиграете?

Жомовъ.

А можетъ и не проиграю!.. Не всегда же вамъ такое счастье!.. Пріѣзжайте, Александръ Матвѣевичъ, право пріѣзжайте! Что вамъ надъ бумагами то корпѣть? Полюбились что ли они вамъ больно? хе, хе, хе! Нечего сказать, лакомый кусъ!.. Да мнѣ, кажется, хоть золотыя горы сули, а въ эту службу не заманишь, ей Богу... Вѣдь вотъ, какъ я кругомъ то посмотрю, бумагъ то что, Господи, бумагъ то! И вы такъ здѣсь каждый день?

Предсѣдатель.

Каждый!.. Да еще какъ, Илья Андреевичъ, иной разъ часовъ по 6 сидишь, да натощакъ; и ѣсть то хочется, и курить хочется, а нечего дѣлать, служба!

Жомовъ *(пожимая плечами)*.

Ну ужъ, признаюсь! Вѣдь вотъ сказалъ бы, да боюсь: лестью назовете! А что это богоугодно, такъ богоугодно воля ваша!

Предсѣдатель *(вздыхая)*.

Не всѣ такъ разсуждаютъ, какъ вы Илья Андреевичъ.

Жомовъ *(смотря на часы)*

Ой, ой, какъ я у васъ засидѣлся. А мнѣ къ Рыбакову пора! Вишь его, злодѣя, куда чортъ занесъ. Экая даль!..

Предсѣдатель.

Рыбаковъ то? Совсѣмъ за городомъ. Ну да у васъ конь лихой, мигомъ довезетъ.

Алексѣй Александровичъ.

Да! славная лошадь... своя?

Жомовъ.

Своя, своя, я за нее 500 руб. далъ.

Алексѣй Александровичъ.

И своего завода?

Жомовъ.

Нѣтъ зятя моего... и то вѣдь такъ по знакомству; никому не продаетъ... А вы до лошадей охотникъ?

Алексѣй Александровичъ.

Какъ же! Страсть моя... да здѣсь порядочныхъ лошадей достать трудно... воейковскія и орловскія слишкомъ дороги.

Жомовъ.

Да позвольте мнѣ вамъ услужить? У моего зятя не хуже воейковскаго заводъ, онъ мнѣ уступитъ охотно. Сколько вамъ, одну или пару?

Алексѣй Александровичъ.

Одну... но какъ же это?.. Нѣтъ, нѣтъ помилуйте!.. Что же вамъ безпокоиться, я и самъ...

Жомовъ.

Что вы самъ? Ничего вы сами не сдѣлаете... ха, ха, ха! Алексѣй то Александровичъ думаетъ, что я ему взятку хочу дать... ха, ха, ха! *(всѣ смѣются)* экой безсребренникъ, право хе, хе, хе! Нѣтъ, батюшка, будьте покойны, не будетъ вамъ взятки, не будетъ! Денежки то мнѣ за лошадь все-таки подайте! хе, хе, хе! Нѣтъ, безъ шутокъ, Алексѣй Александровичъ, я вамъ къ Рождеству лошадь то пришлю, ну а деньги, какъ случится, хоть послѣ... хоть вексель дайте, коли не вѣрите... ха, ха! *(встаетъ, за нимъ всѣ встаютъ)* Ну съ, Александръ Матвѣевичъ, позвольте мнѣ васъ поблагодарить за ваше истинно отеческое расположеніе... И васъ, господа, также... Просто на душѣ веселѣе стало... Вы меня извините... я вѣдь что думаю, то и говорю! Мое почтеніе-съ.

Предсѣдатель *(пожимая ему руку)*.

Прощайте, прощайте, Илья Андреевичъ, до свиданья!

Жомовъ *(Семену Ивановичу)*.

Прощайте батюшка, Семенъ Ивановичъ, надѣюсь еще имѣть удовольствіе видѣться... *(къ Алексѣю Александровичу)* Au revoir Monsieur Жабинъ!

Семенъ Ивановичъ.

Прощайте, Илья Андреевичъ.

Алексѣй Александровичъ.

Bonjour monsieur Жомовъ.

(Всѣ раскланиваются, жмутъ ему руку, Жомовъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же, безъ Жомова.

Алексѣй Александровичъ.

Славный человѣкъ! Славный. Оправдать его, непремѣнно оправдать!

Предсѣдатель.

Ну, вотъ я такъ и говорилъ... ну какъ его обвинять? Никакъ нельзя!

Семенъ Ивановичъ.

Хорошій человѣкъ. Онъ можетъ быть, по дѣлу то и не очень чистъ, ну да ходокъ, знаете... Что дѣлать!... А человѣкъ — ничего, хорошій. Опорочить нельзя!...

Алексѣй Александровичъ.

Да это сейчасъ и по всему, и по физіономіи, и по манерамъ видно!... Нѣтъ, я думаю, дѣло-то и вправду пустое. Да и гувернантка то должна быть въ самомъ дѣлѣ распутная!... Однакожъ не пора ли намъ, Александръ Матвѣевичъ? у Варвары Петровны чай рано собираются?

Предсѣдатель.

Пора то, пора! да вотъ съ арестантами покончимъ.

Алексѣй Александровичъ.

Ахъ да!... еще эти арестанты!

Секретарь *(высунувъ голову въ канцелярію, кричитъ).*

Арестантовъ!

Предсѣдатель.

Ужъ вы, Петръ Ильичъ, на счетъ Жомова то напишите... вотъ какъ мы говорили, понимаете?...

Секретарь *(слегка пожимая плечами).*

Слушаю-съ.

Семенъ Ивановичъ.

Смотрите-ка, Иванъ Ѳомичъ заснулъ совсѣмъ! ха, ха, ха! Я думалъ, что онъ газеты читаетъ. Проснитесь.

Вахрамѣевъ *(пробуждаясь и протирая глаза).*

Виноватъ. Вздремнулъ маленько... Баринъ то этотъ больно долго сидѣлъ! *(Къ Семену Ивановичу)* я же дома то и закусилъ легонько... хе, хе, хе!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Вахмистръ растворяетъ объ половины дверей въ Канцелярію настежъ. Раздаются тяжелые шаги и шумъ цѣпей; входятъ въ сопровожденіи солдатъ съ ружьями, два арестанта въ ножныхъ кандалахъ, одна пожилая арестантка и одна молодая съ груднымъ ребенкомъ. Послѣдняя тихонько плачетъ, по временамъ утираясь концомъ головнаго платка. Арестанты, предварительно помолясь на икону, становятся въ дверяхъ. Писецъ Галкинъ выходитъ впередъ съ бумагою въ рукахъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ него становится Швейкинъ, также съ приговоромъ въ рукѣ и во все время чтенія Галкина перемигивается и пересмѣивается потихоньку съ канцеляристами, густо столпившимися сзади арестантовъ.

Предсѣдатель.

Читайте!

Галкинъ.

Гм! Гм!... *(читаетъ нѣсколько сиплымъ голосомъ)*. «Приказали: изъ дѣла видно: Морозовской волости, деревни Подушкиной, крестьяне Анисимъ Прохоровъ и Доримедонтъ Кондратьевъ обвиняются въ томъ, что, желая изловить крестьянина казенной деревни Аксюшиной Дементья Прокофьева, который, по общему слуху, уже два года упражняется въ воровствѣ-кражѣ и въ воровствѣ-мошенничествѣ въ окрестныхъ деревняхъ, и который, по ихъ мнѣнію и по общей народной молвѣ, — увелъ будто бы не задолго передъ тѣмъ у вышереченныхъ крестьянъ трехъ лошадей, подстерегли въ ночь, съ 3 на 4 мая, того Дементья Прокофьева, въ то время, какъ онъ, по словамъ ихъ, пробирался ночью въ амбаръ односеленца ихъ крестьянина Терентьева, поймали и нанесли ему побои и тяжкія раны посредствомъ ударовъ топорами въ голову, отчего Дементій Прокофьевъ тутъ же на мѣстѣ и умеръ. Послѣ того означенные крестьяне, съ помощью крестьянской жены Ирины Семеновой, отвезли трупъ убитаго въ лѣсъ, гдѣ и зарыли его; однакожъ мѣсяца черезъ два, по распространившимся о томъ слухамъ, оподозрѣнные Становымъ Приставомъ, крестьяне Прохоровъ и Кондратьевъ были имъ взяты и съ перваго же запроса учинили во всемъ добровольно признаніе. Хотя крестьяне Прохоровъ и Кондратьевъ и приводятъ въ свое оправданіе, во 1-хъ—что они выведены были изъ терпѣнія бездѣйствіемъ будто бы Земской Полиціи и грозящимъ имъ раззореніемъ, если воровства будутъ продолжаться; во 2-хъ—что они не имѣли никакого намѣренія убить Прокофьева, но смерть ему произошла въ дракѣ, при сопротивленіи его и при покушеніи къ побѣгу,—однакожъ сіи оправданія во вниманіе приняты быть не могутъ, ибо о томъ, что Прокофьевъ точно занимался воровствомъ, положительныхъ доказательствъ нѣтъ, да жалобъ на Прокофьева со стороны обворованныхъ будто бы имъ 20 человѣкъ крестьянъ никакихъ въ дѣлахъ становаго пристава не оказалось. Употребленіе же при поимкѣ, такого оружія какъ топоры, противорѣчитъ второму оправданію крестьянъ... А потому преступленіе ихъ, по мнѣнію Палаты, совершенно подходитъ подъ 1926 ст. Уложенія, по ко-

торой учинившій убійство, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе умысла въ запальчивости или раздраженіи, но однакожъ не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь другаго, приговаривается къ наказанію по 4-й степени 21 ст. Уложенія. По одобренному ихъ поведенію и по другимъ обстоятельствамъ, смягчающимъ вину, (пунктъ 1 и 5—140-й ст.) наказаніе должно быть имъ назначено въ низшей мѣрѣ той степени. Крестьянка же Ирина Семенова (22 лѣтъ) обвиняется въ томъ, что содѣйствовала къ сокрытію слѣдовъ преступленія,—укрывъ у себя въ сараѣ первоначально тѣло убитаго и потомъ отдавъ свои сани для перевозки онаго. Хотя же Семенова и показываетъ, что за отсутствіемъ ея мужа, означенные крестьяне сами, безъ ея спросу, принесли къ ней трупъ Прокофьева на дворъ, какъ ближайшій къ мѣсту преступленія и сами распорядились санями, чему и крестьяне не противорѣчатъ,—однакожъ эти ея слова не могутъ служить ей оправданіемъ, во 1-хъ—потому что она самовольному будто бы распоряженію означенныхъ крестьянъ не противодѣйствовала и не обратилась за помощію къ сосѣдямъ; во 2-хъ—потому, что она, во всякомъ случаѣ знавъ о преступленіи, не донесла объ ономъ, а напротивъ того на всѣхъ допросахъ упорно отъ всего отпиралась, и только на послѣдней очной ставкѣ съ убійцами, учинила сознаніе, извиняя свое прежнее запирательство страхомъ. А потому и слѣдуетъ по 15 ст. Уложенія признавать Семенову укрывательницею преступленія. Укрыватели, по 130 ст. наказываются одною степенью ниже противъ пособниковъ, коихъ участіе не было необходимо для совершенія преступленія; пособники же этого рода по 125 ст. наказываются одною степенью ниже противъ участниковъ, а участники, по 123 ст., присуждаются къ наказанію одною или двумя степенями ниже противъ главныхъ виновныхъ. Принимая въ соображеніе, что Семенова до самаго преступленія, вовсе не знала о предпріятіи Прохорова и Кондратьева, Палата полагаетъ возможнымъ назначить ей наказаніе 4-мя степенями ниже противъ наказанія означенныхъ крестьянъ. А такъ какъ сіи послѣдніе приговорены по 4 степени 21 ст., которая имѣетъ всего 7 степеней, то необходимо перейти затѣмъ къ 1-ой степени слѣдующаго рода наказанія, опредѣленнаго 22 ст. Хотя по 4 и 5 пунктамъ 140 ст. съ одной стороны представляются два обстоятельства смягчающія вину, именно: ея легкомысліе и поводъ къ укрывательству, но съ другой стороны, по 10 п. 135 ст., ея запирательство, увеличивающее вину, а потому и наказаніе не можетъ быть ей назначено въ низшей мѣрѣ 1 степени 22 ст. Что же касается до крестьяки деревни Аксюшиной Прасковьи Парамоновой (50 лѣтъ), обвиняемой по народному слуху и вышереченными крестьянами въ соучастіи воровства съ убитымъ Прокофьевымъ, то Парамонова въ семъ не созналась и хотя по сдѣланному у нея обыску и найдены у нея шубка и портище, опознанные крестьянкою села Морозова Власьевою за свои; однакожъ по 10 п. 1205 ст. 15 Т., наличное само по себѣ не составляетъ полнаго доказательства, а только часть онаго, тѣмъ болѣе, что владѣлица шубки и портища, въ свое время, о покражѣ оныхъ, нигдѣ оффиціально не заявила, а Парамонова отозвалась, что купила оные на базарѣ отъ неизвѣстнаго ей человѣка!

Впрочемъ поведеніе ея на повальномъ обыскѣ большинствомъ 2-хъ третей голосовъ, спрошенныхъ окрестныхъ жителей, значительно опорочено; но по 15-му тому повальный обыскъ вовсе не составляетъ доказательства, а служитъ только подкрѣпленіемъ прочихъ доказательствъ, если таковыя имѣются. На основаніи всѣхъ сихъ соображеній и вышеприведенныхъ статей, Уголовная Палата опредѣляетъ: крестьянъ деревни Подушкиной Анисима Прохорова и Дормидонта Кондратьева 30 лѣтъ, *(при сихъ словахъ между арестантами нѣкоторое движеніе: они вслушиваются внимательно)* лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать черезъ палачей плетьми 60-ю ударами съ наложеніемъ клеймъ и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; крестьянскую женку той же деревни Ирину Семенову (22 лѣтъ) лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми черезъ палачей 22 ударами и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, отсрочивъ, впрочемъ, исполненіе надъ нею приговора до окончанія срока, назначеннаго 1396 ст. XV Т. для выкормленія ея ребенка грудью; ребенка же, по отсылкѣ матери, оставить въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія.

Семенова *(всхлипывая)*.

Можетъ умру до того!

Галкинъ *(продолжая)*.

«Крестьянку же деревни Аксюшиной Прасковью Парамонову (50 лѣтъ), по занятію воровствомъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи и возвратить въ мѣсто жительства, съ отдачею на поруки одобрѣвшимъ ея поведеніе людямъ».

Секретарь.

Ступайте!

(Семенова всхлипывая уходитъ; ребенокъ ея начинаетъ кричать; арестанты, одинъ за другимъ, молча, крестятся на иконы, потомъ кланяются низко во всѣ три стороны и уходятъ съ конвойными солдатами. Вахрамѣевъ встаетъ и незамѣтно уходитъ вслѣдъ за ними).

Парамонова *(обращаясь къ секретарю)*.

А мнѣ батюшка, куда прикажете?

Секретарь.

Покуда ступай съ ними, а потомъ тебя отпустятъ домой; съ тебя надо взять подписку, довольна ли ты рѣшеніемъ?

Алексѣй Александровичъ.

Ну да, тебя оставляютъ только въ сильномъ подозрѣніи... что-жъ ты, довольна?

Парамонова *(кланяясь въ ноги)*.

Довольна, родной мой, довольна, вѣкъ не забуду вашей милости... *(Всѣ хохочутъ)*.

Секретарь.

Ну, ступай, подписку мы за безграмотностью твоей сами сдѣлаемъ.

Алексѣй Александровичъ.

Ну проваливай, милая, проваливай! *(Прасковья уходитъ).* Вотъ баба то безъ амбиціи, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Да что ей въ подозрѣніи то! Она и съ нимъ проживетъ... А вотъ другую-то бабенку жаль!

Алексѣй Александровичъ.

Жаль-то, жаль, да что-жъ дѣлать, законъ!

Семенъ Ивановичъ.

Знаю, батюшка, что законъ! Не она первая, не она послѣдняя... я такъ это, по человѣчеству говорю...

Предсѣдатель.

А вѣдь Иванъ-то Ѳомичъ не даромъ улизнулъ!.. хе, хе, хе! Вѣрно пошелъ имъ калачи закупать, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Да ужъ эти купцы всегда такъ! Нашъ братъ солдатъ, на караулѣ зябнетъ, голодаетъ,—имъ ничего. А мошенниковъ-то, арестантовъ кормить—наше дѣло! Прямая купеческая добродѣтель! Запретилъ бы! Жертвуй на полезное!.. Однако-жъ не пора ли намъ, Александръ Матвѣевичъ?

Предсѣдатель *(кричитъ).*

Ну, что жъ арестантовъ!.. Давай ихъ сюда.

Алексѣй Александровичъ.

Ведутъ, ведутъ!

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Шумъ шаговъ и цѣпей. Солдаты вводятъ арестанта, лѣтъ 28, высокаго роста, съ цѣпями на ногахъ. Швейкинъ выступаетъ впередъ и читаетъ приговоръ бойкимъ, звонкимъ голосомъ, скоро, не останавливаясь нигдѣ на знакахъ препинанія.

Швейкинъ *(читаетъ).*

«Приказали: изъ дѣла видно: крестьянинъ села Шишкина Андрей Пахомовъ обвиняется: во 1-хъ—въ томъ, что онъ былъ главнымъ зачинщикомъ неповиновенія, оказаннаго крестьянами того села, помѣщику ихъ Коллежскому Совѣтнику Фонъ-Диквальдгаузену, подъ предлогомъ, что право

его на наслѣдство незаконно, и что они должны получить увольненіе изъ крѣпостнаго состоянія, такъ что правительство вынуждено было прибѣгнуть къ необыкновеннымъ мѣрамъ усмиренія, посредствомъ экзекуціи. За это 286 ст. Уложенія полагается наказаніе по 7 степени 21 ст. Уложенія; во 2-хъ — въ неоднократной подачѣ незаконныхъ просьбъ Государю Императору, за что 1165-ю ст. опредѣлено наказаніе по 5 степени 35 ст.; въ 3-хъ—въ произнесеніи ругательныхъ словъ Исправнику и членамъ Земской Полиціи, что засвидѣтельствовано протоколомъ временнаго отдѣленія и что подвергаетъ виновнаго, согласно 309 ст., наказанію, изъясненному въ 22 статьѣ по степени 2.

Во всемъ этомъ Пахомовъ положительно обвиняется, какъ собственнымъ сознаніемъ, документами, такъ и всѣми обстоятельствами дѣла. Имѣя въ виду, что дѣло о прочихъ крестьянахъ уже обсуждено, а дѣло о Пахомовѣ было отдѣлено, для соединенія съ прочими возникшими о немъ дѣлами, что на основаніи 156 ст. о совокупности преступленій, онъ долженъ подлежать тягчайшему изъ изчисленныхъ наказаній и въ высшей онаго мѣрѣ; Уголовная Палата опредѣляетъ: крестьянина помѣщика Фонъ-Диквальдгаузена Андрея Пахомова, 28 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми черезъ палачей 40 ударами, съ наложеніемъ клеймъ и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 6 лѣтъ».

Арестантъ *(громко, во весь голосъ, выступая впередъ).*

Я не доволенъ!..

(Всѣ вскакиваютъ; шумъ, общее смятеніе; солдаты окружаютъ арестанта).

Предсѣдатель.

Что... о... о?

Семенъ Ивановичъ.

Каковъ!

Алексѣй Александровичъ.

Каково?

Секретарь.

Ступай, ступай, ступай!

Арестантъ *(изъ-за солдатъ).*

Да какъ же это, Господи... я жаловаться хочу!..

Предсѣдатель *(топая ногой).*

Вонъ его! Вонъ!

Одинъ солдатъ *(арестанту).*

Ну, не разговаривай, пошелъ!

Арестантъ *(уходя).*

Господи! Господи! *(уходитъ съ солдатами; Швейкинъ за ними; двери канцеляріи затворяются).*

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

Тѣ-же безъ арестанта, солдатъ и Швейкина.

Предсѣдатель *(обращаясь къ членамъ и ударяя себя по швамъ).* Каковъ-съ?

Алексѣй Александровичъ.

Да, не робокъ, нечего сказать. Недоволенъ, прошу покорно! У насъ, въ военной службѣ, за это его бы, знаете, фухтелями-то!... Однако-жъ.... *(смотритъ на свои часы и уходитъ въ архивную комнату).*

Семенъ Ивановичъ.

Да эдакого помѣщику и сослать не жаль, хе, хе, хе!

Секретарь.

Да-съ, онъ видно не зналъ, что ему можно жаловаться только послѣ наказанія, ужъ изъ каторги.

Алексѣй Александровичъ *(вбѣгая во фракѣ и съ шляпой въ рукѣ).*

Ну-съ, Александръ Матвѣевичъ, я готовъ; пора, пора, пора!

Семенъ Ивановичъ.

Пойти ужъ и мнѣ *(уходитъ въ архивъ).*

Предсѣдатель.

Пора и то! Эй, Вахмистръ! (*Вахмистръ бѣжитъ изъ канцеляріи черезъ всю комнату Присутствія, прямо въ архивную, куда уходитъ предсѣдатель, и откуда выходитъ Семенъ Ивановичъ въ старомъ пальто.*

Алексѣй Александровичъ (*все это время оправлявшійся передъ зеркаломъ, напѣвая*)

Тпра, тпра, тпра, трра, трра!.. *(отходя отъ зеркала).* Какъ бы Варвара Петровна не была на насъ въ претензіи за то, что мы такъ медлимъ.

Семенъ Ивановичъ (*ходя по комнатѣ*).

Да что вы, еще рано!

Предсѣдатель (*выходя изъ архива также во фракѣ, останавливается, покуда Вахмистръ чиститъ его щеткою сзади*).

Такъ недоволенъ! Ха, ха, ха! (*подходитъ къ зеркалу и приглаживаетъ волосы*). Эй, шляпу! (*Вахмистръ подаетъ шляпу*).

Алексѣй Александровичъ (*между тѣмъ тормошитъ Семена Ивановича*).

Такъ-то, Семенъ Ивановичъ!.. такъ-то!.. Что вы къ Варварѣ Петровнѣ не ѣдете? а? Отчего не ѣдете? а?

Семенъ Ивановичъ (*шутливо отбиваясь*).

Да полно вамъ, полно! Замучили совсѣмъ; ха, ха! Вишь какъ разрядился.

Алексѣй Александровичъ.

А сколько тамъ будетъ хорошенькихъ!.. У!..

Предсѣдатель.

Петръ Ильичъ! Коли тамъ просители есть, или еще придутъ съ просьбами, такъ вы скажите, чтобъ въ другое время приходили. Нынче недосугъ.

Секретарь.

Слушаю-съ.

Предсѣдатель.

Ну что-жъ, Алексѣй Александровичъ, ѣдемъ?

Алексѣй Александровичъ (*на распѣвъ*).

Ѣдемъ-съ, ѣдемъ-съ, ѣдемъ, ѣдемъ!

Семенъ Ивановичъ.

Желаю вамъ веселиться, Александръ Матвѣевичъ, васъ тамъ, чай, много будетъ?

Предсѣдатель.

Да съ вами человѣкъ 50, 60 наберется. Варвара-то Петровна охотница угощать! (*идетъ впереди всѣхъ къ дверямъ канцеляріи, которыя Вахмистръ растворяетъ настежъ. За нимъ Алексѣй Александровичъ и Семенъ Ивановичъ вмѣстѣ*).

Алексѣй Александровичъ.

Молодецъ Варвара Петровна!.. (*на распѣвъ, идя за предсѣдателемъ*). Да здравствуетъ Варвара Петровна и ножка и ручка ея!..*)

Предсѣдатель и Семенъ Ивановичъ (*вмѣстѣ*).

Хе, хе, хе, хе, хе, хе! Ѣдемъ!

Всѣ трое уходятъ. Секретарь провожаетъ ихъ. Канцелярія съ шумомъ поднимается съ мѣстъ.

---

*) Передѣлка извѣстныхъ стиховъ Языкова.

Отрывокъ изъ дневника.

... 1854 года февраля 7-го, часу въ 3-мъ пополудни выѣхалъ я изъ Харькова. Противъ ожиданія, дорога, особенно сначала, оказалась отличною. Я ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ. Воздухъ былъ мягокъ. Было хорошо—и дорога производила на меня обычное свое дѣйствіе. Радовался я и тому, что не притупилась во мнѣ впечатлительность. Во мнѣ живетъ опасеніе утратить съ годами способность многое чувствовать, на многое отзываться душею, опасеніе одеревенѣть, очерствѣть... Не дай Богъ лишиться чувства любви къ природѣ и пониманія природы. Первая станція Двуручная — 16 верстъ. Ничего особеннаго. На дорогѣ отъ нея до Каменной находится знаменитая слобода Люботинъ (казенная), богатая и торговая.—Встрѣтилъ много пьяныхъ, весело поющихъ пѣсни: свадьба! — Въ весельѣ народа — трудомъ зарабатывающаго себѣ насущный хлѣбъ—есть что-то законное. NB. Объ этомъ можно поговорить пространнѣе: это цѣлая тема. Нѣтъ ли въ этой законности—законности животной, инстинктивной? Кромѣ того—народъ безъ зазрѣнія совѣсти, безъ упрека исполняетъ иной—безнравственный обычай, съ чувствомъ законности. Но довольно. Книга эта не должна содержать въ себѣ подробнаго и обстоятельнаго изложенія моихъ мыслей и впечатлѣній, а только намеки, по которымъ бы я впослѣдствіи могъ припомнить свои мысли и впечатлѣнія.

Изъ Каменной до г. Валки—всего 16 верстъ. Мѣстность волнистая. Валки повѣяли на меня опять знакомымъ мнѣ впечатлѣніемъ городковъ малороссійскихъ: миръ, тишина, какое-то благораствореніе всѣхъ добрыхъ и нѣжныхъ сторонъ души. Въ русскихъ уѣздныхъ городкахъ повсюду торчитъ безобразный купеческій бытъ.—Впрочемъ, трудно отдѣлить свободное первоначальное свое впечатлѣніе отъ впечатлѣнія, подготовленнаго. Подготовлено же оно воспоминаніемъ о малороссійскихъ пѣсняхъ, серенадахъ, мелодіяхъ. Такъ будто слышится у каждыхъ воротъ шопотъ любовный дивчины съ парубкомъ... Встрѣтили сани, влекомыя волами: на нихъ, т.-е. на саняхъ сидѣло съ 10 или болѣе женщинъ, распѣвавшихъ пѣсни. Одна держала въ рукахъ какой-то вѣнокъ съ сухими или искусственными цвѣтами: свадьба. Это медленное катанье на волахъ очень смѣшило моего человѣка.

Къ утру, т.-е. часамъ къ 7, пріѣхалъ я въ Полтаву безъ особенныхъ приключеній. Остановился по рекомендаціи Скалена въ Петербургской гостинницѣ Михеева. Невзрачная съ виду, на дворѣ, одноэтажная, но довольно уютная, теплая и сравнительно дешевая.—Въ 10 часу отправился къ губернатору—Волкову. Онъ здѣсь всего мѣсяца два. Человѣкъ, по общему отзыву, пустой и таковымъ и смотритъ. Похожъ очень на Смирнова. Принялъ хорошо, звалъ обѣдать. Былъ у Бодянскаго (двоюроднаго брата Ос. Макс.)—не засталъ; у Попова (правовѣда)—не засталъ; у вице-губернатора—не засталъ. Познакомился съ правителемъ канцеляріи—Семеномъ Семеновичемъ Волковицкимъ. Кажется, человѣкъ

умный. Обѣщалъ нынче же прислать разныя бумаги. Познакомился съ Ворожейкинымъ, купцомъ, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ Богомолова. Онъ русскій, но живетъ въ Полтавѣ уже лѣтъ 40. Особеннаго ничего онъ мнѣ не представилъ (ничѣмъ не отличается отъ Харьковскихъ) и ничего особеннаго не сказалъ.—Завезъ письмо m-me Поленъ и попалъ на самый сговоръ или обрученіе. Комната полна народа, разодѣтаго и торжественно настроеннаго, красивыхъ женщинъ. Всѣ сконфузились отъ моего прiѣзда. Я остался минуты двѣ и уѣхалъ. Заѣзжалъ въ кондитерскую: весьма дрянны.

Воротившись—заснулъ, потому что не спалъ всю ночь. Проснувшись—принялъ 3/4 третьяго за 3/4 четвертаго и поскакалъ къ губернатору на обѣдъ. Его не было дома. Я пошелъ бродить по городу и былъ введенъ въ ошибку часами на фронтонѣ присутственныхъ мѣстъ. На нихъ было 1/4 четвертаго. Потомъ оказалось, что они стояли. Зашелъ опять къ губернатору. Онъ обѣдалъ и хотя дежурный вѣстовой объявилъ мнѣ, что онъ велѣлъ меня звать—когда бы я ни пришелъ, но какъ подавали уже второе кушанье, то я рѣшился не задерживать обѣда. Отправился обѣдать къ какому-то Кейзеру. Оказалось, что у этого Кейзера собирается два раза въ недѣлю англійскій клубъ, а по Воскресеньямъ клубъ съ танцами; что онъ имѣетъ пансіонъ, т.-е. обѣдъ домашній, на который за извѣстную плату являются гости. Плата очень дешева (10 р. сер. съ ужиномъ). Жена Кейзера довольно бойкая и развязная нѣмка. Былъ тутъ какой-то господинъ Потоцкій. Я познакомился только съ Кейзеромъ и съ какимъ-то французомъ, довольно плохо говорящимъ по-французски и отлично по-нѣмецки: должно быть альзасецъ. Фамилія его кажется: Дегюнетъ (?). Онъ натуралистъ, былъ учителемъ въ Кадетскомъ корпусѣ, но оставилъ это званіе, ограничась одними домашними уроками. Онъ завелъ меня къ себѣ на квартиру, гдѣ на постели у него сидѣлъ огромный живой сычъ, его другъ и собесѣдникъ. Человѣкъ очень оригинальный. Напившись у него кофе (я ожидалъ, но не дождался возвращенія хозяина дома, въ которомъ отдавались внаймы нѣкоторыя квартиры), пошелъ я бродить по городу и бродилъ часа два. Встрѣтилъ много красивыхъ евреекъ. Воротившись, узналъ, что до обѣда заѣзжалъ Поповъ и хотѣлъ быть вечеромъ.

Харьковъ въ сравненіи съ Полтавой—столица. Остальной вечеръ провелъ дома.

Во вторникъ утромъ заѣхалъ ко мнѣ Поповъ, добрый малый, правовѣдъ, женатый на какой-то кіевлянкѣ, человѣкъ общительный, въ хорошихъ отношеніяхъ съ обществомъ и всѣми любимый. Онъ много разсказывалъ мнѣ интереснаго про Полтаву. Общество здѣсь очень дружно. живетъ скромно и безъ претензій; никто не обращаетъ вниманія на внѣшность; даже богатые люди не роскошничаютъ. А богатыхъ здѣсь довольно много: Кочубей, владѣтель Диканьки, Левъ Викторовичъ, губ. предводитель,—Позенъ, бывшій статсъ-секретарь и многіе другіе, которыхъ имена я забылъ. Ни у одного полтавскаго помѣщика не заложено имѣніе въ Коммерческомъ Харьковскомъ банкѣ. Ни одна дама, ни дѣвица не куритъ и не пьетъ шампанскаго. Претензій никакихъ, по его словамъ. Правда,

умственной жизни нѣтъ, но за то бытъ простъ и «патріархаленъ». Завзятыхъ хохловъ очень много и хотя они всѣ говорятъ по-русски, даже у себя дома, но любятъ иногда выразиться по-хохлацки. Чиновники очень дѣльны и во мнѣ раскусятъ Начальника. Энтузіазмъ, возбужденный войною, сильнѣе и искреннѣе, чѣмъ у Харьковцевъ. Пожертвовавъ 300 или 500 паръ воловъ,—дворяне не приняли денегъ отъ Правительства за нанятыхъ быковъ съ погонцами: это цѣлая армія. Мало того, къ Губернатору подаются просьбы отъ мелкихъ дворянъ—что ихъ обидѣли, обошли пожертвованіемъ, что и они хотятъ жертвовать... Быковъ поставили самыхъ лучшихъ.—Любители играютъ здѣсь, въ пользу пріюта, 10 разъ въ году—5 разъ зимою и 5 разъ лѣтомъ. Но все это гораздо скромнѣе, чѣмъ въ Харьковѣ. Любимѣйшая піэса Наталка-Полтавка Котляревскаго; ее розыгрываютъ такъ, какъ нигдѣ не розыгрываютъ. Изъ Роменъ выписанъ для этой піэсы Тимоѳеевъ, тамошній архитекторъ. Отецъ его родомъ изъ Великаго Новгорода, но самъ онъ родился въ Малороссіи и сдѣлался хохломъ. Послѣ визита Попова, отправился къ Бодянскому, котораго наконецъ засталъ. Толстякъ, напоминающій лицомъ и всѣмъ своимъ складомъ Осипа Максимовича. Имя наше ему хорошо извѣстно, но Московскаго Сборника онъ еще не читалъ. Издаетъ онъ Губернскія вѣдомости съ 1842 г. и говорятъ—онѣ едва ли не лучшія. Но онъ лѣнивъ какъ и всѣ хохлы и даже не имѣетъ у себя полнаго собранія вѣдомостей.—Мы съ нимъ сошлись довольно хорошо.—Полтавская губернія преимущественно хлѣбопашественная. Промышленность мало развита.—Пріѣхалъ какой-то г. Миклашевскій (видѣвшій Константина на диспутѣ его) и помѣшалъ нашему разговору.—Бодянскій разсказывалъ, между прочимъ, что Алексѣевъ, Московскій купецъ, предложилъ Государю 10 милліон. р. сер., а купечество Московское вызвалось пожертвовать 30 мил. р. сер.; Шереметевъ же предложилъ снарядить на свой счетъ и поставить цѣлую дивизію.

Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда заѣхалъ ко мнѣ Поповъ, съ предложеніемъ прокатиться по городу. Мы объѣхали весь городъ. Самая красивая улица, Полтавскій Невскій проспектъ,—Александровская: она обсажена тополями пирамидальными, не широка,—фонари повѣшены на цѣпяхъ (или просто на канатахъ) по серединѣ. Самая красивая площадь—та, гдѣ посрединѣ круглый большой садъ, а кругомъ его казенныя зданія: присутственныя мѣста, домъ Губернатора, домъ собранія, домъ Генералъ-Губернатора, Кадетскій корпусъ и проч. Тутъ же и памятникъ Петру. Есть еще другой памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ отдыхалъ отъ Полтавской битвы. Памятникъ не дуренъ. Подлѣ него церковь, въ которой служилъ Петръ благодарственный молебенъ: она деревянная. Наслѣдникъ сдѣлалъ на нее каменный чехолъ. Поповъ разсказывалъ мнѣ, что архіерей Полтавскій очень любезный и свѣтскій человѣкъ; онъ былъ нѣкогда священникомъ и имѣетъ дѣтей; овдовѣвъ, пошелъ въ монахи. Сынъ его служитъ въ Петербургѣ, чуть ли не въ гвардіи!—Евреи держатъ себя, по словамъ Попова, очень хорошо. Двое изъ нихъ имѣютъ чрезвычайно образованныхъ дѣтей. Португаловъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ даетъ иногда роскошные балы.—Проѣзжали черезъ Нѣмецкую колонію. Эта ко-

лонія была выписана для введенія въ Россіи суконделія. Нѣмцамъ даны казенныя земли и дома въ самомъ городѣ, но, говорятъ, толку отъ нихъ не вышло; они—большею частью бѣдны. О строеніяхъ въ Полтавѣ надо замѣтить вообще, что дома большею частью одноэтажные, низенькіе, выбѣленные, съ зелеными ставнями. Каменныхъ домовъ очень мало (съ 1849 г. было ихъ 62, съ казенными!) Самые большіе дома — не выше двухъ этажей, но выстроены съ большимъ вкусомъ. Садовъ множество. Теперь впрочемъ строится нѣсколько домовъ—въ надеждѣ на барыши отъ Ильинской ярмарки. Замѣчательны ярмарочные ряды, построенные въ $2^1/_2$ мѣсяца, по распоряженію Кокошкина! Они очень красивы, удобны, хозяйственны.—Вечеръ провелъ дома.

Среда. Утромъ прислалъ мнѣ Поповъ Москвитянинъ за Январь мѣсяцъ. Особеннаго въ немъ мало, кромѣ статьи объ ястребахъ, загнанной въ Смѣсь.—Все утро занимался дѣломъ. Прислали мнѣ разныя бумаги изъ Канцеляріи. Ѣздилъ съ визитами къ городскому головѣ Тенгильеву, къ полицеймейстеру (обоихъ не засталъ дома), къ купцу Вакуленко, бывшему городскому головѣ. Вакуленко показался мнѣ очень дѣльнымъ и умнымъ человѣкомъ. Онъ человѣкъ пожилой,—торгуетъ красными товарами въ розницу, на Маслянскую ярмарку не ѣздитъ,—хохолъ. Языкъ его языкъ человѣка образованнаго,—гораздо образованнѣе Московскихъ купцовъ. Москвы, какъ видно по всему, не любитъ. Надобно признаться, что Москва является здѣсь какъ-то вовсе не съ выгодной стороны. Издали нельзя отличить дѣйствій правительства отъ проявленій народнаго духа, а потому и въ судѣ о Москвѣ ихъ не раздѣляютъ. Москва, да Москва—и только. Оптовой торговли въ Полтавѣ нѣтъ, но можетъ быть будетъ создана ярмаркою, какъ она создалась въ Харьковѣ лѣтъ 15 тому назадъ.—Полтавцы полны благодарности Кокошкину за переводъ ярмарки изъ Роменъ въ Полтаву и желаютъ, чтобы и Маслянская и Вознесенская были переведены оттуда въ Полтаву же. Домъ у Вакуленко убранъ очень хорошо, какъ и въ Харьковѣ, но съ большимъ вкусомъ, чѣмъ у Московскихъ купцовъ. Самъ онъ, разумѣется, бритый,—одѣвается по нѣмецки. Словоохотливъ. Бородъ здѣсь нѣтъ; только еще Евреи съ бородами. Евреи ходятъ большею частью такъ, какъ у насъ купцы и мѣщане и стали гораздо благообразнѣе.

Передъ обѣдомъ Поповъ прислалъ за мной лошадь и я отправился на репетицію спектакля въ Дворянское Собраніе, потому что онъ былъ тамъ. Видѣлъ на сценѣ его жену. Она мнѣ не понравилась. Играла тутъ одна M-lle Лаптева, дочь жандармскаго полковника: хорошенькая собою. Особенно замѣчательнаго ничего не было. За обѣдомъ у Попова были Тимоѳеевъ, Іонинъ, товарищъ предсѣдателя Уголовной Палаты—изъ Харьковскаго Университета, какой-то военный, и еще двое. Всѣ—актеры, т. е. участвуютъ въ спектакляхъ, всѣ довольно просты въ обращеніи и смотрятъ порядочными людьми. Послѣ обѣда (въ 4 часа) — всѣ эти господа отправились на репетицію, а меня пошелъ провожать домой Тимоѳеевъ, разсказавшій мнѣ, между прочимъ, что онъ пишетъ разныя комедіи, а теперь занимается исторіей архитектуры. Обѣщался прочесть. Можетъ быть и хорошо: кажется, онъ человѣкъ не глупый.—Но домой

я не зашелъ, а отправился гулять по городу, не смотря на жестокій и холодный вѣтеръ.—Черезъ часъ ходьбы воротился домой, просмотрѣлъ Москвитянинъ и сталъ записывать въ эту книжку. Некуда дѣваться. Приняться развѣ за работу. —Полтава ли тому причина или другія есть причины, но я какъ-то иначе настроенъ, чѣмъ былъ — въ Харьковѣ, какъ-то снисходительнѣе, менѣе требователенъ.

Четвергъ, пятница, суббота. Теперь 12-й часъ ночи. Ни разу не удалось присѣсть за эту книжку, а между тѣмъ есть что записать. Въ четвергъ обѣдалъ я у Бодянскаго, угостившаго меня варениками (кстати— они здѣсь дѣлаются иначе, чѣмъ у насъ въ Москвѣ) и сливянкой. Виноватъ—въ четвергъ заѣзжалъ ко мнѣ Губернаторъ, который говорилъ, между прочимъ, что чрезвычайно доволенъ губерніей, что составъ чиновниковъ превосходный, что ему ни разу не пришлось распекать, ругать или кричать, что подъячихъ здѣсь нѣтъ, что чиновники большею частью здѣшніе дворяне, довольно образованные, что про взяточничество здѣсь и не слыхать.—Это самое подтвердилъ мнѣ и Поповъ и Бодянскій. Малоросовъ чиновниковъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ русскихъ, почти все малороссы. Русскіе занимаютъ большею частью самыя высшія должности. У насъ въ Россіи рѣдкій дворянинъ, богатый и получившій образованіе— соглашается служить у себя на родинѣ, въ глуши. Не манитъ къ себѣ родина. Когда я говорю служить, то разумѣю дѣйствительную службу, службу не по выборамъ.—Малороссія вѣчно привлекательна для Малоросса: она имѣетъ до сихъ поръ въ себѣ что-то самостоятельное, своеобычное; удалиться въ Малороссію не то, что уѣхать въ глушь Саратовскую, а удалиться въ другой край, въ другой міръ, какъ бы въ другое государство. Не говорю уже о ея природѣ, о ея климатѣ... Кстати—при всей не любви хохловъ къ Москалямъ, они себя нисколько не отдѣляютъ отъ Россіи, сознаютъ постоянно себя частью великаго цѣлаго и живо принимаютъ участіе въ войнѣ и во всѣхъ вопросахъ общественныхъ. Мнѣ кажется, что отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи невозможно и мечта эта существуетъ только въ головахъ ученыхъ.—Въ четвергъ же обѣдалъ я у Бодянскаго. Жена его была больна и не выходила, и мы обѣдали втроемъ: Бодянскій, братъ его жены, учитель Кадетскаго корпуса Крыжановскій и я. Бодянскій происходитъ изъ духовнаго званія, слѣдовательно нисколько не аристократъ, не свѣтскій человѣкъ, mauvais genre, но хорошій, очень умный и образованный человѣкъ, вездѣ принятъ въ здѣшнемъ обществѣ и пользуется общимъ уваженіемъ, даже у дамъ. Это также говоритъ въ пользу Полтавскаго Общества. Въ Харьковѣ его бы держали въ черномъ тѣлѣ, какъ и профессоровъ Харьковскаго Университета.—Бодянскій прочелъ мнѣ и далъ списать статью, помѣщенную нѣкогда въ Губернскихъ вѣдомостяхъ о числѣ помѣщиковъ и крестьянъ въ Полтавской губерніи. Я никакъ не предполагалъ такого множества мелкопомѣстныхъ дворянъ. Статья эта списана мною въ этой же книгѣ. Между тѣмъ случаевъ жестокаго обращенія съ крестьянами здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи: извѣстно, что нѣтъ хуже помѣщиковъ, какъ мелкопомѣстныхъ. Какимъ образомъ раздробились здѣсь такимъ образомъ имѣнія,—я не знаю. Крѣпостное право существовало здѣсь de facto на

древнемъ русскомъ положеніи: кажется, крестьяне имѣли право перехода до указа Екатерины. Сколько мнѣ извѣстно, ревизія, произведенная Петромъ, не касалась Малороссіи, и чуть ли первая въ Малороссіи ревизія не была въ царствованіе Екатерины. Какъ бы любопытно было изучить здѣсь исторію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ до Екатерины: эти отношенія могли бы бросить свѣтъ на древнія русскія учрежденія. Интересно было бы прослѣдить исторію дворянства въ Малороссіи, т. е. шляхетства, происхожденіе котораго отлично отъ польскаго и русскаго. Мы дали Малороссіи крѣпостное право, дворянское учрежденіе и всю нашу порчу привили къ ней! Переворотъ Петра не касался Малороссіи; но весь вредъ, происшедшій отъ переворота для Россіи, былъ переданъ ей отъ насъ. Зло прививается легко и Малороссійскіе помѣщики теперь также дорожатъ своими правами, какъ и русскіе. — Впрочемъ Магдебургское право, дѣйствовавшее въ городахъ, говорятъ, никогда не было связано жизнью народною, не пустило корней, а потому такъ легко и исчезло. Оно, сколько мнѣ извѣстно, собственно въ Малороссіи, не было оффиціально уничтожено, а уничтожилось въ 1786 г. при «дарованіи Екатериною городамъ новыхъ правъ и преимуществъ». Я смотрѣлъ одно дѣло въ здѣшней городовой Думѣ 1787 г. Дѣло начинается указами Екатеринославскаго Намѣстничества черезъ Городовой Магистратъ (уже учрежденный) городскому головѣ Татаринову. Видно, что головы тогда уже существовали, но Дума еще не была открыта. При составленіи обывательской книги возникли разные вопросы о преимуществахъ мѣщанъ и дворянъ — городовыхъ обывателей по Магдебургскому праву, но всѣ они разрѣшались на основаніи общаго учрежденія городовъ! Говорятъ также, что Литовскій статутъ также постепенно исчезалъ самъ собою, а съ изданіемъ 1832 и потомъ 1842 г. Свода законовъ исчезъ совершенно. Впрочемъ я еще объ этомъ расспрошу. Теперь возникаетъ вопросъ: какія начала жизненныя, историческія хранитъ въ себѣ Малороссія для будущаго развитія; какія надежды имѣетъ она? — Прежнія основанія ея жизни, условленныя ея историческимъ положеніемъ, — при прекращеніи этого положенія, уже болѣе не дѣйствительны; никакихъ ростковъ сама она пустить не умѣла, какъ привилась къ ней великороссійская мерзость. Мнѣ кажется — ей остается одно: тѣснѣе соединиться съ Россіей, съ русскимъ народомъ, зажить общею жизнью, сохраняя свой національный оттѣнокъ, — пріобщиться къ его надеждамъ!...

Послѣ обѣда у Бодянскаго, ходилъ я по городу: онъ стоитъ на высокомъ берегу и нѣкоторыя улицы спускаются внизъ къ рѣкѣ: видъ очаровательный: какъ хорошо здѣсь должно быть лѣтомъ! Кстати, въ Полтавѣ ростетъ и зрѣетъ на открытомъ воздухѣ виноградъ и грецкій орѣхъ. Винограда только одинъ извѣстный сортъ. У Милорадовича въ Константиноградскомъ уѣздѣ (120 в. южнѣе Полтавы) долгое время росли на открытомъ воздухѣ, въ землѣ, персики, впрочемъ, не вполнѣ дозрѣвали. — Вечеромъ писалъ письма.

Пятница. Былъ у меня съ визитомъ Яковлевъ, Управляющій Палатою Государственныхъ имуществъ, кажется, человѣкъ хорошій и не глупый. Палата пользуется здѣсь очень хорошей репутаціей. Много разска-

залъ онъ мнѣ любопытнаго. По его словамъ, Харьковскіе крестьяне гораздо бѣднѣе Полтавскихъ, хотя между Полтавскими нѣтъ такихъ богачей, какіе попадаются между Харьковскими. Полтавская губернія малоземельна и каждый годъ крестьяне отсюда выселяются, или ихъ выселяютъ. Русскихъ крестьянъ здѣсь нѣтъ. Казаки—подчинены управленію Палаты, тѣ же крестьяне, но сохраняютъ свое названіе и пользуются нѣкоторыми преимуществами, а именно они поселены на собственныхъ земляхъ. У казаковъ нѣтъ общиннаго владѣнія землею, а каждый имѣетъ отдѣльную собственность, свои полосы земли, рѣдко соединенныя особнякомъ; впрочемъ, они какъ-то умѣютъ улаживаться между собою, особенно для пастбища скота. Самое замѣчательное здѣсь—это 9 тысячъ бездомныхъ крестьянъ. Происхожденіе ихъ слѣдующее: у казаковъ и вообще у крестьянъ въ прежнія времена былъ обычай держать подсусѣдовъ. Хозяинъ, строя хату для себя, выстроивалъ на своемъ дворѣ хаты одну или двѣ, въ которыя пускалъ жить вольныхъ людей, обязывавшихся ему за это платить работою въ лѣтніе дни. Это то же, что наши захребетники. Они сохраняли право перехода и недовольные однимъ хозяиномъ, переходили на житье къ другому, ведя такимъ образомъ жизнь довольно беззаботную. Несмотря на всѣ усилія Правительства, этотъ бездомовный классъ не могъ уничтожиться по недостаточности земли.—Впрочемъ, нужно будетъ обо всемъ этомъ распросить подробнѣе. Въ казакахъ наиболѣе сохранилась историческая память. Вообще же народъ—мягче, уступчивѣе и образованнѣе русскихъ. Здѣсь кстати вспомнить, что мнѣ говорилъ Харьковскій Архіерей про Малороссовъ. Суевѣрій у нихъ гораздо меньше, чѣмъ у русскихъ и вообще уваженія къ обрядности, къ внѣшности. За бороду, за двуперстное сложеніе онъ не сталъ бы разрывать союза съ церковью. Но они склонны къ сектамъ умозрительнымъ, къ молоканству, къ духоборчеству, къ протестантизму вообще. Впрочемъ, какъ же все это согласить съ тѣмъ изуродованіемъ смысла молитвъ, повторяемыхъ Малороссами? Я записалъ нѣсколько подобныхъ молитвъ, напр. они говорятъ: «*введи* насъ въ искушеніе, но избави отъ лукаваго святаго твоего!» Въ этотъ день обѣдалъ я у Попова. Добрый онъ малый, но пустой, по крайней мѣрѣ, кажется, не имѣетъ привычки мыслить, да и ничего не читаетъ. Послѣ обѣда ходилъ опять по городу. Поповъ объявилъ мнѣ, что Позенъ и М-me Милорадовичъ очень желаютъ со мной познакомиться, что имъ извѣстны сочиненія Константиновы и мои.—Кстати запишу здѣсь нѣсколько мыслей и замѣчаній. Странное дѣло. Обыкновенно приписываютъ извѣстную лѣнь, медленность, мѣшкотность и вялость Малороссіянъ ихъ климату, ихъ благодатной почвѣ.—Но у южныхъ Славянъ климатъ не менѣе благодатенъ, почва также щедра, если еще не вдвое богаче дарами. Однакожъ нѣтъ въ нихъ ни вялости, ни лѣни!—Да и сами Малороссы—не изъ нихъ ли образовалось Запорожье и Казачество, вовсе о лѣни не свидѣтельствующее! Не изъ нихъ ли образуются отличные солдаты, не они ли наполняютъ наши кавалерійскіе полки! Какъ все это согласить? Согласить можно. Но объ этомъ послѣ: это еще требуетъ обсужденія.

Женщина въ Малороссіи изящнѣе, чѣмъ въ Россіи, и имѣетъ гораздо болѣе значенія. Въ нихъ вовсе нѣтъ вялости и лѣни и онѣ госпожи въ домѣ. Я говорю про народный бытъ. Онѣ, кажется мнѣ, довольно капризны, крикливы и хохолъ отдѣлывается отъ жинки упорнымъ молчаніемъ. — Понятно, что Запорожцы непремѣннымъ условіемъ своего товарищества считали отсутствіе женщинъ изъ Сѣчи. — Есть пѣсня, приводимая Скальковскимъ: Мы жинокъ мужимо любиты и пр. Этой предосторожности не надо было бы брать русскому человѣку. Жена надъ нимъ не мудруетъ и не заставитъ его забыть свои обязанности. За то едва ли хохолъ заложилъ бы свою жену, какъ это дѣлали русскіе.

Суббота. Занимался дома; заходилъ къ Губернатору, думалъ у него отобѣдать: оказалось, что онъ и жена его уѣхали обѣдать къ Позену. Я обѣдалъ въ какой-то Швейцарской гостиницѣ, гдѣ было много нѣмцевъ. Вечеромъ былъ въ спектаклѣ; играли: «Овернскіе горцы», «Хлопчатую бумагу» и «Дезертера». Первыя двѣ піэсы шли не очень хорошо. Послѣдняя шла лучше. М-lle Сидоренко удивительно хороша собою и мила, голосъ у нея прекрасный, поетъ безподобно. Давно уже я не слыхалъ пѣнія, въ особенности Швейцарскихъ мотивовъ и оно произвело на меня сильное впечатлѣніе. Пріятенъ очень выговоръ Малороссійскій въ устахъ женскихъ: рѣчь какъ-то гибче, волнистѣе, пѣвучѣе! Да и Малороссіянки, надо отдать имъ справедливость, очень граціозны. Сидоренко — типъ Украинки. Вообще въ театрѣ хорошенькихъ было очень много. Въ обществѣ болѣе простоты, менѣе чопорности и претензій, чѣмъ въ Харьковѣ. — Всюду слышится Малороссійскій выговоръ. У меня пропадаетъ всякое желаніе читать здѣсь мою статью о провинціяхъ: такъ какъ-то смиренно и беззащитно здѣшнее общество; нѣтъ въ немъ той гордости, которая возбуждаетъ охоту хлестнуть статьею! Всѣ какъ-то добродушно веселятся, незлобивы. Въ воскресенье заѣзжалъ за мною Поповъ и мы отправились къ Позену и М-me Милорадовичъ, — объявившіе ему, что желаютъ со мной познакомиться. — Позенъ, бывшій статсъ-секретарь, человѣкъ очень умный и дѣловой, много ѣздилъ по Россіи, хорошо знаетъ ее, человѣкъ практическій, отличный хозяинъ, — нисколько не отсталый, но слѣдящій за современнымъ движеніемъ мысли. Онъ читалъ Гакстгаузена; у него есть и Московскій Сборникъ. Разумѣется, проявляются въ немъ и слабыя стороны, — особенно когда онъ начинаетъ разсказывать о своей бывшей служебной дѣятельности, о причинахъ, по которымъ онъ вышелъ въ отставку.

На Дунай!

На Дунай! туда, гдѣ новой славы,
Славы чистой свѣтитъ намъ звѣзда,
Гдѣ на пиръ мы позваны кровавый,
Гдѣ, на споръ взирая величавый,
Цѣлый міръ ждетъ Божьяго Суда!

Чудный мигъ! мигъ строгій и суровый!
Тамъ, въ бою сшибаясь роковомъ,
Стонутъ царемъ могучія основы,
Старый міръ объ міръ крушится новый,
Ходятъ тѣни вѣщія кругомъ.

И вѣка надъ ратными полками
Грозными видѣньями встаютъ,
Мрачными глядятъ на нихъ очами,
Держатъ свитки длинные руками,—
Къ страшному отвѣту ихъ зовутъ.

Тамъ, сквозь пылъ и стоны, и рыданье,
Гулъ и громъ тревоги боевой,
Чьихъ то крылій слышно трепетанье,
Чье то дышетъ мѣрное дыханье,
Чья то длань простерлась надъ землей!

На Дунай! что медлишь ты напрасно?
Слыша силъ властительный призывъ,
Подвиговъ у Бога ежечасно
Ты просилъ... Мгновеніе прекрасно;
Подвигъ святъ и праведенъ порывъ!

О, туда! Отрадно на просторѣ
Тамъ вздохнуть средь жизни міровой,
Въ горѣ всѣхъ — свое растратить горе,
Въ счастьѣ всѣхъ—исчезнуть будто въ морѣ,
Хода дней не слышать надъ собой...

Въ общей жизни—жизнью потеряться,
Въ общемъ дѣлѣ—свято послужить:
Днямъ такимъ ужъ вновь не возвращаться,
На Дунай! Что медлить? чѣмъ смущаться?
Разъ одинъ дается въ мірѣ жить.

Такъ проси-жъ у Бога силъ небесныхъ,
Все для дня великаго забудь,
Весь зажгись огнемъ восторговъ честныхъ,
Межъ рабочихъ темныхъ и безвѣстныхъ
Ты вездѣ рабочимъ добрымъ будь!

1854 г. Апрѣль.
Елисаветградъ.

Пророкъ.

На встрѣчу вѣщаго пророка
И съ нимъ грядущаго суда,—
Еще въ ночи,—еще востока
Дрожала яркая звѣзда,—
Онъ вышелъ, градъ покинувъ сонный,
Не взявъ ни пищи, ни одеждъ,
Въ тоскѣ святой, неугомонной,
Свершенья чающей надеждъ!
Кругомъ лишь темь, да влага ночи,
Не скоро свѣтлый день взойдетъ...
Но онъ, во біракъ вонзая очи,
Стоитъ и ждетъ; стоитъ и ждетъ.

И мыслитъ: «Чаемый, молимый
День наступаетъ. Близокъ срокъ.
Узрю тебя, досель гонимый,
Но нынѣ судящій пророкъ!
Не призракъ ты: съ костьми и кровью,
Какъ мы, въ плоти идешь ты къ намъ...
Съ какимъ стенаньемъ и любовью
Я припаду къ твоимъ ногамъ!
И все, что въ эти дни и годы
Терзаній, мукъ извѣдалъ я,
Все въ этотъ мигъ, пророкъ свободы,
Благословитъ душа моя!
Какое утро міру встанетъ!
Какая вѣра вспыхнетъ въ немъ!
Съ какимъ позоромъ зло отпрянетъ,
Передъ святымъ твоимъ челомъ!
Свершишь ты жертвы очищенья,—
И въ жизнь одѣнутся слова:
Освобожденья, обновленья,
Любви и правды торжества!...

Оттуда путь ему, съ востока...
Придетъ, смиренѣнъ и могучъ,
Подъ пыльнымъ рубищемъ пророка
Скрывая слова острый лучъ!
О, эту пыль одежды бѣдной
Какъ я слезами орошу!
Какою праздничной, побѣдной
Я пѣснью воздухъ оглашу!
Но близко, Боже!... Нынѣ, нынѣ!...
Вся кровь отхлынула въ груди;
Ужасенъ Ты въ своей святынѣ,
Великій Богъ!...

Гряди, гряди,
О, жизни новое начало,
О царство новаго разсвѣта!...

Заря пылаетъ. Солнце встало,
Проснулся долъ. Пророка нѣтъ.
— «Нѣтъ! но придетъ онъ въ срокѣ скоромъ,
Я вѣрю, знаю—онъ придетъ!»

И смотримъ, даль пытая взоромъ...
Смѣнился день. Пророкъ нейдетъ.
Но, сердцемъ скорбь принявъ покорнымъ,
Онъ все зоветъ, онъ все глядитъ;
Все тѣмъ-же гордымъ и упорнымъ
Въ немъ вѣра пламенемъ горитъ.
И дни бѣгутъ,—за днями годы
Неудержимой чередой;
Надъ нимъ бушуютъ непогоды,
Его сжигаетъ солнца зной;
Онъ мигъ за мигомъ время мѣритъ,
Мольбу призывную твердя,
И съ каждымъ мигомъ ждетъ и вѣритъ,
Очей съ востока не сводя.

И лѣтъ несчетныхъ рядъ промчался...
Онъ старцемъ сталъ. Отъ мужа силъ
Одинъ лишь остовъ воздвигался.
Какъ тѣнь, какъ выходецъ могилъ,
Снѣдаемъ тайною тоскою—
Видали странники—порой
Дрожащей, старческой рукою
Онъ тусклый взоръ прикроетъ свой.
Но вѣры пламенной гордыни
Душа не свергнула его:
Стоитъ до днесь онъ средь пустыни
И ждетъ пророка своего!

Безумецъ! страстными мольбами
Вотще зовешь пророка ты!
Давно онъ ходитъ между вами,
Но скрыты вамъ его черты.
Какъ знать—съ полудня ль, иль съ востока,
Въ началѣ ль дня, или въ концѣ,—
Но онъ не въ рубищѣ пророка,
Пришелъ не въ царственномъ вѣнцѣ!
И рѣчь его не идетъ мимо,
И правитъ царство онъ свое,
И міра нашего незримо
Преображаетъ бытіе!...

Когда ты къ встрѣчѣ насъ готовилъ,
Онъ близь тебя, съ тобою былъ;
Когда ты пѣлъ и славословилъ,
Не онъ ли пѣснь тебѣ внушилъ?
Когда ты ждалъ зари начала,
Чтобъ новой жизни встрѣтить день—
Ужъ цѣлый вѣкъ заря пылала,
Ночи вѣковъ сгоняя тѣнь!

Взгляни назадъ. Смотри: въ то время,
Рока ты взоръ стремилъ впередъ,
Взошло посѣянное сѣмя,—
Не тѣ ужъ люди, міръ не тотъ!
Безумецъ! тайный ходъ творенья
Какъ подстеречь и уловить,
Въ предѣлы зыбкіе мгновенья
Жизнь міра вѣчную втѣснить?
А ты хотѣлъ чертой отмѣтить
Начало новыхъ, лучшихъ дней
И пѣснь пропѣть, и громко встрѣтить,
Упиться радостью своей!...
Нѣтъ! вѣрь кто Божье слово сѣетъ,
Что, какъ древесное зерно,
Оно не слышно, тихо зрѣетъ
И всходитъ медленно оно,
И туго стебель подымаетъ,
Пока корней живой объемъ
Охватитъ міръ... Но міръ не знаетъ,
Какъ сила зрѣетъ въ немъ.

Мюнхенъ, 1857 г.

На новый 1858 годъ.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно, прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,

Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все простилъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,—
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

31 декабря 1857 г.

Отвѣтъ *

Я знаю—въ часъ тоски тревожной
Мой жесткій стихъ тебя смутилъ,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбилъ.

---

*) Я. П. Полонскому на его стихи къ Ив. Сер. Ак-ву.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собрать, пойму-ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведетъ тебя инымъ путемъ—
Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.

Но если ты блуждалъ, съ тобой мы врозь блуждали:
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда и—оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я—любилъ.

Ты міръ души не видишь тайный,
Ты за вседневный принялъ строй
Восторга мигъ необычайный,
Порывъ поэзіи живой.
Нѣтъ! пусть дары ея высоки,
Но даже лучшіе жрецы
Во храмѣ — вѣщіе пророки,
Внѣ храма — жалкіе слѣпцы!
Пускай поэтъ — небесъ избранникъ,
Но, къ долу снидя съ высоты,
Онъ снова узникъ, рабъ и данникъ
Страстей и мелкой суеты!

Такъ, въ громкихъ звукахъ пѣснопѣнья
Сокрыты всѣмъ мои борьбы,
Мои нечистыя влеченья
И сердца тайныя судьбы...
Все то̀, что жарко ненавидѣлъ,
Всю власть общественнаго зла
Въ себѣ самомъ я съ дѣтства видѣлъ,
Во мнѣ самомъ она жила! —
И вотъ, тоской объятъ душевной,
Изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ,
Я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной,
Вступилъ въ воинственный союзъ!

Сурово пѣснь ея звучала,
Ничто не грѣло сердца въ ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзіи своей.
Не прелесть празднаго мечтанья,
Не нѣга сладостныхъ молитвъ,
Но злой порывъ негодованья,

Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножемъ какъ врачъ: —
Я выжалъ сокъ его, — пилъ душу отравляя,
И заглушая сердца плачъ.

Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О, братъ! пойму-ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой.

Быть можетъ, знать добра — не значитъ зла не видѣть,
Любить не значитъ тосковать....
Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сіять.

Вотъ почему, когда звенитъ, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Жестокій судъ, призывы битвъ,
Отвага дерзко молодая
Въ ней вдохновляли пѣсенъ строй,—
И каждый разъ, къ другимъ взывая,
Она глумилась надо мной;
Ко мнѣ, за каждый проблескъ нѣжный,
Былъ обращенъ ея укоръ,
Меня въ стихахъ ея мятежный
Казнилъ такъ часто приговоръ!..
Но никогда на гибель брата,
Неправдѣ въ честь, во славу зла,
Она наперсницей разврата
Въ моемъ паденьи не была;
Порока темное жилище
Не огласилъ веселый стихъ...
Ее хвали: умнѣй и чище
Она и дѣлъ и чувствъ моихъ!
Но муза строгая нѣмѣетъ,
Тоской смущенная моей.
Мой черствый стихъ души не грѣетъ:
Другого слова нужно ей!
Въ моихъ строфахъ насмѣшку злую
Читаю я; я слышу въ нихъ
Души разладъ и боль нѣмую
Сердечныхъ судорогъ моихъ.
Но, какъ плащемъ, рядясь борьбою,
Пустой, не давшею плода,
Стою предъ жизнію живою
Безъ животворнаго труда.
Порывъ, упрекъ, негодованья,
Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причётъ!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодовъ живыхъ не принесетъ!..

Отвергну ль путь?.. Рѣшить не смѣю;
Въ стремленьѣ новомъ есть ли толкъ?
Но съ музой гнѣвною моею
Теперь надолго я умолкъ.

1857 г.

Послѣднее стихотвореніе изъ прежнихъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора бы склониться давно.
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою!..
Но могу-ли? удастся-ль оно?

Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю ль скорбные сны—
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины!

Все какъ будто обманъ и забвенье
Притаились подъ мудрости сѣнь:
Мыслимъ—въ душу сошло примиренье,
А въ душѣ лишь усталость да лѣнь!

Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ—
Обреченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ.

Насъ роднятъ лишь печали да горе,
Только тамъ я не чуждый имъ братъ,
Только въ скорбномъ сливаяся хорѣ,
Наши пѣсни согласно звучатъ!

* * *

И сдается—надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ,—

Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...

Съ той поры и понынѣ, ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра, тоска!

Мюнхенъ 1860 г.

31-го мая (нов. ст.) *Марбургъ.*

Переѣздъ отъ Вѣны до Марбурга—чудеса природы и чудеса искусства, проведшаго дорогу по верхамъ горъ, черезъ пропасти, на вышинѣ 27 тысячъ футовъ. Я хотѣлъ выѣхать сначала вечеромъ, но пришлось бы проѣхать всѣ эти очаровательныя мѣста ночью, и я рѣшилъ ѣхать утромъ въ 8 ч. 40 м. Дорогой ничего особеннаго. Австрійскій офицеръ, любезничающій съ дамами, большими патріотками. Австрійскій патріотизмъ. Я разумѣю—искренній. Это интересный психологическій этюдъ. На какой искусственной почвѣ онъ выросъ, изъ какихъ нравственно-химическихъ ингредіентовъ составленъ?

Въ 7 ч. 45 мин. въ Марбургѣ. Оставя вещи на бангофѣ, пошелъ я съ Handgepäck'ами въ Stadt-Wien. Уѣздный городокъ, почти немощеный, неправильный, невыровненный, окруженный горами, богатый зеленью, тополями, садами, пустырями. *Родной* безпорядокъ. Печать тишины и досуга (Musse). Притомъ *Май*. Теплота, луна и проч. Я тотчасъ же сталъ спрашивать, гдѣ живетъ профессоръ гимназіи, докторъ Терстенякъ, къ которому Клунъ далъ мнѣ рекомендательную карточку. Никто не знаетъ. Наконецъ кто-то изъ обѣдавшихъ гостей посовѣтовалъ мнѣ идти въ гостинницу Traube: туда дескать онъ ходитъ обѣдать. Пошелъ въ Traube. Очевидно, я былъ лицомъ новымъ, потому что обращалъ особенное на себя вниманіе. Въ Traube объяснили, что онъ живетъ на pfarrhof, на монастырѣ, какъ говорятъ у насъ въ Москвѣ. Пошелъ я туда: со всѣхъ сторонъ заперто. Спросилъ мальчишку. Тотъ объяснилъ мнѣ, какъ пройти, объявляя, что теперь *они* (т. е. die geistlichen профессора) ужинаютъ. Подошелъ взрослый, принялъ участіе въ разговорѣ и подтвердилъ слова мальчика. Наконецъ, длинными переходами и корридорами монастырскаго зданія привели меня къ двери залы, гдѣ «ужинаютъ». Я постучалъ, вошелъ. Было темно. За столомъ сидѣло человѣкъ 5. (Одежда духовныхъ: черный сюртукъ, долгополый, изъ какой-то матеріи, полуботфорты, т. е. сапоги сверхъ штановъ и особеннаго рода галстухъ). Я извинился, спросилъ профессора Терстеняка; мнѣ указали его; я подалъ ему карточку Клуна; онъ подошелъ къ окну, прочиталъ ее. «А!» сказалъ онъ и молча, крѣпко, краснорѣчиво пожалъ руку. Ужинъ былъ уже конченъ. Прочитали молитву, перекрестились, поклонились, и онъ повелъ меня въ свою келью (двѣ комнатки). Тамъ обнялъ онъ меня по Славянски. «Драгій мой господину, милъ мой государи». Человѣкъ высокаго роста, благородной физіономіи, печать грусти. Пожали другъ другу руки, обнялись и поняли другъ друга! Славяне всѣ люди сердца.— Онъ знавалъ Бодянскаго, Прейса, Срезневскаго, Панова. Съ тѣхъ поръ никого не видалъ. «Бесѣду» имѣетъ за одинъ годъ отъ книгопродавца. Я обѣщалъ прислать «Бесѣду» за остальные года. Работаетъ Терстенякъ надъ Славянской миѳологіей. Въ Штиріи и въ Крайнѣ откопали пропасть надгробныхъ памятниковъ, временъ Рима, съ латинскими надписями и съ разными изображеніями. Но изображенія эти очень оригинальны и представляютъ не Римскую и не Кельтскую миѳологію. Есть полное основаніе думать, что эта Славянская миѳологія *ороманившаяся* (romanisirt). Терстенякъ выводитъ, что Словенцы были исконные обитатели этой области еще во времена Римлянъ; отсюда пошли Чехи въ Чехію. Потомъ уже пришли племена Хорватскія, Сербскія и проч. Богъ зимы, зимняго солнца, лѣтняго солнца или весны. Символы: быкъ, соколъ, рыба, драконъ. Я началъ ему говорить свое, что излагать здѣсь лишнее—о необходимости вынести вопросъ археологическаго интереса, о *началахъ* Славянской народности. Эти слова сдѣлали его грустнымъ. «Ни общинъ, ничего подобнаго, того славянскаго демократическаго устройства, о которомъ говоритъ Прокопій, у нихъ не сохранилось, къ несчастію, *драгій мой*; подумай, вѣдь мы уже болѣе 800 лѣтъ подъ нѣмецкимъ управленіемъ и какъ утѣснены, раздроблены въ послѣднее время! Чудо, не-

объяснимое чудо, что въ народѣ сохранился языкъ, сохранились обычаи (праздники, свадьбы), что въ народѣ есть сознаніе народности: онъ знаетъ, что онъ Словенецъ, знаетъ, что есть у него единоплеменники, ненавидитъ Нѣмцевъ. Онъ говоритъ: мы должны быть и будемъ всѣ *Русскіе*. Но въ послѣднее время стали склоняться въ пользу французовъ. Если бы наши двинулись въ Тріэстъ, все бы возстало противъ Австріи. Тѣмъ не менѣе самыя начала народности духовно исчезаютъ. Терстенякъ живо изобразилъ мнѣ свое и товарищей грустное и опасное положеніе, ихъ зависимость отъ нужды, ихъ разрозненную дѣятельность. И высоко почтенною явилась мнѣ дѣятельность ученая этихъ людей, несмотря на преслѣдованія, почти безъ надежды на будущее, въ глуши, въ бѣдности. Сколько сердца положено въ трудѣ, сколько любви!—Въ теперешнемъ Reichsrath (комическій призракъ либеральнаго устройства) нѣтъ представителей отъ Словенцевъ. Есть Нѣмецъ графъ Auersperg. Тироль имѣетъ представителей своей національности.—Терстенякъ уговорилъ меня остаться. Я хотѣлъ ѣхать на другой день утромъ, но отложилъ свой отъѣздъ до вечера (1-го іюня).—На другой день (2-го іюня нов. ст.) утромъ, часовъ въ 9 отправился я къ Терстеняку (онъ католическій священникъ, т. е. каноникъ, не имѣющій Pfarre). Его не было дома, но вскорѣ я заслышалъ шаги, и явился онъ въ сопровожденіи другаго каноника высокаго роста. (Костюмъ католическихъ аббатовъ въ Австріи: длинный, долгополый черный сюртукъ, гладкіе полуботфорты и что-то бѣлое подъ самымъ горломъ, надѣваемое на галстухъ). Это былъ Раичъ, написавшій Русскую Грамоту для Словенцевъ. Мы встрѣтились чрезвычайно радушно, будто старые знакомые. Раичъ разсказывалъ мнѣ послѣ, что рано утромъ стучится къ нему въ дверь Терстенякъ и говоритъ: «Новость, добрая новость!»—Что такое?—Знаешь, кто здѣсь?—Кто?—*Урядникъ* Паруса и Русской Бесѣды.—Какъ! Я вскочилъ съ постели и проч. До 11-ти часовъ мы бесѣдовали, потомъ пошли съ Терстенякомъ къ ихъ «знаменитому» ученому *Цафу*. Это толстый, жирный каноникъ, чиномъ выше Терстеняка, имѣетъ страстную любовь къ Славянской филологіи и занимается теперь составленіемъ общаго, сравнительнаго этимологическаго словаря. Средства у него небольшія; изъ русскихъ книгъ онъ пользуется лексикономъ Шмидта, изданнымъ въ Лейпцигѣ (дрянной лексиконъ), Областнымъ словаремъ и *одною* тетрадью Извѣстій, издаваемыхъ 2-мъ Отдѣленіемъ Академіи. Тѣмъ не менѣе живаго знанія языковъ у него нѣтъ, и мнѣ онъ не кажется человѣкомъ съ большимъ талантомъ. Онъ больше смахиваетъ на нѣмецкаго гелертера съ тою только разницей, что и въ самое занятіе вноситъ болѣе сердца, чѣмъ Нѣмецъ. Очень часто входили другіе каноники, и тогда разговоръ прерывался; я замѣчалъ нѣкоторое смущеніе на лицахъ, даромъ, что входящіе всѣ были Словенцы. У Цафа нѣтъ средствъ издать совсѣмъ готовый его трудъ—Словенскій словарь этимологическій. Недостаетъ книгъ русскихъ... Часовъ въ 12 мы ушли, условившись съ Терстенякомъ встрѣтиться въ Traube черезъ часъ за обѣдомъ. Онъ поводилъ меня немножко за городомъ, указалъ горы Хорутаніи (Horotan)... Что-то грустное выражалось въ немъ постоянно. Нужда заставила его надѣть католическій ошейникъ: лишусь здѣсь мѣ-

ста, придется взять Pfarre, говорилъ онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ отвращенія. Я узналъ послѣ, въ Лайбахѣ, что онъ пишетъ даже романы подъ чужимъ именемъ.—Въ часъ пошелъ я въ Traube. Еще никого не было, но скоро пришли les habitués, большею частью католическіе духовные, и сѣли за особый столъ: большею частію Словенцы и разговаривали частію по Словенски, частію по нѣмецки. Былъ постный день и постничали они добросовѣстно. Вскорѣ пришелъ Ранчъ, и мы сѣли особо. Покуда обѣдали прочіе, разговаривали мы мало и осторожно. Къ концу обѣда присоединился къ намъ, по приглашенію Ранча, одинъ молодой человѣкъ, не духовный, учитель въ здѣшнемъ училищѣ, Майцигеръ. Скоро остались мы одни и началась славянская попойка здѣшнимъ добрымъ, недорогимъ виномъ. Выпили бутылки четыре. Пришелъ и Терстенякъ и также принялъ участіе въ нашемъ скромномъ бражничествѣ. Впрочемъ, часа въ три онъ долженъ былъ идти на лекціи, и мы съ нимъ простились. Такимъ образомъ я открыто пировалъ съ католическими духовными. Что это не въ порядкѣ вещей, я слышалъ это потомъ отъ Блейвейса. Разскажу послѣ содержаніе и сущность разговора: языкъ развязался и много задушевнаго было высказано. «Мы не Австрійцы, не Нѣмцы... Появись здѣсь русскій флагъ—мы русскіе. Если же не появится, то мы не прочь сдѣлаться и французскими подданными». Потомъ отправились мы гулять за городомъ чудными каштановыми аллеями, въ виду синѣющихъ горъ съ словенскими именами. Дорогой присоединился къ намъ одинъ пожилой господинъ; чиновникъ, правда, но хорошій человѣкъ и Словенецъ. Онъ очень хорошо помнилъ Лайбахскій конгрессъ и разсказывалъ разные анекдоты объ Александрѣ. Онъ былъ здѣсь очень популяренъ, былъ самый доступный, обходительный и человѣчный изо всѣхъ Монарховъ. Хотя я и небольшой почитатель Александра I-го, но все же онъ былъ здѣсь представителемъ Россіи, и это меня очень порадовало. Всѣ офицеры русскіе, вся его свита недѣли черезъ двѣ свободно понимали Кроатцевъ, а они русскихъ. Мы пошли вмѣстѣ до какого-то Тиволи, гдѣ выпили еще двѣ бутылки вина. Меня уговорили ѣхать въ Клагенфуртъ прямо изъ Марбурга вмѣсто того, чтобы ѣхать туда назадъ изъ Лайбаха и сдѣлать два раза одинъ и тотъ же путь. Я согласился; они мигомъ распорядились: отправили мои вещи по желѣзной дорогѣ прямо въ Лайбахъ и взяли мѣсто въ дилижансѣ, который отходилъ часовъ въ 9 вечера. Пошли мы домой ко мнѣ въ Hotel, гдѣ я занялся укладкой въ присутствіи старика Керта, а Ранчъ и Майцигеръ поѣхали домой, чтобы подарить мнѣ кое-что на память. Я просилъ ихъ произведеній, но они снабдили меня другими Словенскими книжками, именно: Pesmi Zlozil Matija Kracmanov Valjavee; Glosi domorodni, *Foman* 1849; Poezije Francela Presérna, 1847. Кажется, Мейцигеръ далъ мнѣ книжечку и своихъ стиховъ, но, должно быть, я ее потерялъ дорогой. Надо купить. Простились мы по славянски, съ искренними привѣтами, несмотря на присутствіе постороннихъ. «Будьте *живи, живи*. Съ Богомъ!» Я обѣщалъ имъ прислать книгъ и сдержу обѣщаніе.—Вообще Марбургъ, даромъ что въ Штейермаркѣ, гдѣ сохранилась небольшая часть Славян-

скаго народонаселенія, а все остальное онѣмечилось, оставилъ во мнѣ отрадное впечатлѣніе. Въ этомъ маленькомъ городкѣ люди дышатъ свободнѣе и смѣлѣе, чѣмъ въ большихъ городахъ. Мое посѣщеніе оживило ихъ. Я много, много говорилъ имъ. Сколько вѣры и терпѣнія нужно Славянину. Сколько страданій при видѣ утраты народности и постепеннаго онѣмеченія, при сознаніи своего безсилія! Почтена дѣятельность этихъ людей, упорно вѣрующихъ въ будущность Славянства!—Я сидѣлъ въ кабріолетѣ, а подлѣ меня какой-то Швейцарецъ изъ Невшателя, фабрикантъ, имѣющій фабрику въ Рейхенбергѣ, въ Богеміи, и уже 17 лѣтъ живущій тутъ. Онъ былъ очень любезенъ и учтивъ, говоритъ хорошо и по Французски и по Нѣмецки, но характеромъ былъ совершенный Французъ: съ дерзкою рѣчью, съ безстыдною вѣтренностью, съ самодовольнымъ невѣжествомъ, съ привольностью мысли. Ночь и дорога были великолѣпныя, но я скоро заснулъ и проснулся уже утромъ. Описаніе путешествія см. Рейхардта. Искусно проложенное шоссе. Горы, долины, маленькіе города. Деревни. Деревенскія гостинницы. Всѣ говорятъ по Нѣмецки, по Славяне. Еще лежитъ славянскій отпечатокъ. Мы постоянно ѣхали вдоль Дравы. Подробности путешествія и дороги память моя не сохранила. Красоты горной мѣстности имѣютъ свое однообразіе: одно мѣстоположеніе лучше другого.—Наконецъ увидѣли мы Клагенфуртъ и пріѣхали туда часа въ три. Я остановился въ гостинницѣ: zum Kaiser von Oesterreich, недалеко отъ почты. Умылся, переодѣлся, сошелъ въ Speisesaal. Въ городѣ царствуетъ во всемъ южный характеръ, характеръ южнаго безпорядка и небрежности,—но городъ красивый. Въ Speisesaal обѣдала Итальянская опера: пѣвцы и пѣвицы, всѣ черномазые, кровные, хорошо питомые, здорово ѣдящіе, пьющіе и поющіе. Особенно одна изъ пѣвицъ поразила меня своею дебелостью и мужскими ухватками.—Пошелъ я отыскивать Янежича и Майера, который писалъ какъ-то въ редакцію Паруса и просилъ высылки *прописей* русскихъ. Я привезъ ихъ самъ. Долго искалъ я. Обратился въ книжную лавку. Тамъ указали мнѣ неопредѣленно. Наконецъ по примѣтамъ пришелъ я въ домъ. Спрашиваю дворника: онъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ.—Да кто живетъ во 2-мъ этажѣ?—Мѣсяца два или три переѣхалъ сюда одинъ господинъ.—Кто онъ?—Я почемъ знаю. Здѣшнюю Нѣмецкую рѣчь очень трудно понимать. Jo вмѣсто ja. Вообще *o* преобладаетъ. Народъ довольно грубъ. Наконецъ одна женщина взялась проводить меня. Янежича не было дома, ни его, ни жены. Дѣвка, мывшая полъ, была Словенка и хотя понимала меня, но плохо. Я назначилъ часъ, когда приду, и оставилъ книги (отъ Гильфердинга и Парусъ).—Пошелъ отыскивать Майера. Мнѣ указали его адресъ. Выходитъ католическій аббатъ. Я обращаюсь къ нему съ славянскимъ привѣтствіемъ. Онъ выпучилъ глаза... Оказалось, что это былъ не тотъ Майеръ, а другой, а Майеръ, котораго я ищу, гдѣ-то въ верхней Каринтіи священникомъ. Мнѣ совѣтовалъ нѣмецкій Майеръ обратиться къ Эйншпилеру (Einspieler), другу славянскаго Майера. Объ Эйншпилерѣ говорили мнѣ и въ Марбургѣ. Я отыскалъ его и просидѣлъ съ нимъ часа полтора. Человѣкъ онъ пылкій, горячій, прямой и откровенный, и разговоръ его много повѣдалъ. Я узналъ тѣ размолвки, которыя существуютъ между

Словенцами, ихъ внутреннія распри и противуположныя тенденціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бесѣда съ Эйнспилеромъ глубоко меня огорчила. Онъ любитъ народность, много для нея работаетъ, издаетъ *Словенскій Пріятель* и предсѣдатель «Дружбы святаго Магора»,—но понимаетъ народность узко, жаркій, слѣпой католикъ и Австріецъ по политическимъ убѣжденіямъ. Онъ нападалъ сильно на Лайбаха и Лайбахцевъ,—зачѣмъ они хотятъ дѣйствовать отдѣльно отъ Дружбы св. Магора. Мы съ нимъ тотчасъ же вступили въ споръ и разстались, кажется, не совсѣмъ довольные другъ другомъ. Дальше я изложу, въ чемъ дѣло.—Янежичъ— издатель *Славянскаго Гласника*, молодой человѣкъ, недавно женатый, учитель, скромный, тихій. Мнѣ показался онъ не крупнаго десятка, какъ личность. Онъ дорожитъ мѣстомъ. Принялъ меня довольно *церемонно*. Я подарилъ ему Парусъ, а онъ мнѣ изданіе Гласника за нынѣшній годъ. Хочетъ еще собирать пѣсни. Сказалъ, что раздѣляетъ мнѣніе Эйнспилера относительно Матицы. Впрочемъ, полезный дѣятель. Такимъ образомъ Клагенфуртъ не оставилъ во мнѣ особеннаго впечатлѣнія. Я готовъ былъ разочароваться. Клагенфуртъ — столица Каринтіи. Красивый городъ, но нѣмецкій, окруженный нѣмецкимъ населеніемъ, словно островъ. Я не имѣлъ времени осмотрѣть въ окрестностяхъ его нѣкоторые памятники старины, именно Herzogsstuhe, гдѣ найдена надпись о присягѣ, данной Словéнцами Герцогу (?)—по славянски, написанная глаголическими буквами.—Переночевавши (пѣніе на улицахъ продолжалось долго), часовъ въ 9 утра на другой день въ дилижансѣ отправился я въ Лайбахъ. Со мной сидѣлъ одинъ Нѣмецъ, очень добрый и не врагъ славянской народности, а въ другой каретѣ два Чеха—оба фабриканты. У одного изъ нихъ мой Нѣмецъ служилъ въ торговомъ домѣ. Узнавъ, что я русскій, Чехи очень скоро со мной подружились, довольно свободно говорили о правительствѣ. Хотя они купцы и до того необразованны, что не знаютъ именъ ни Ганки, ни Шафарика, не слыхали о Краледворской рукописи, но «патріоты», т. е. между собой говорятъ по Чешски, вспоминаютъ о 1849 годѣ съ великимъ сочувствіемъ и мечтаютъ о независимости. Ихъ очень веселило сходство нашихъ языковъ и они вообще въ дорогѣ были очень любезны и старались мнѣ все показывать.—Дорога—великолѣпнѣйшая въ мірѣ. Есть мѣста, гдѣ шоссе въ 8 этажей вверхъ, одинъ этажъ надъ другимъ. Одна станція такая, что часа четыре поднимаются на гору (grosser Loevel?), достигаютъ снѣговъ, доходятъ до самой вершины горы (гдѣ поставленъ памятникъ въ память устроенія дороги), а потомъ быстро спускаются. Я взошелъ на гору пѣшкомъ (шелъ часа два или три) и утомился страшно. Эта же гора составляетъ границу Каринтіи съ Крайной. Народонаселеніе славянское и говоритъ только по славянски довольно понятно. Было воскресенье, и мы постоянно встрѣчали разряженныхъ. Вообще гораздо больше жизни, живости, простоты, вкуса—за то небрежности и нечистоты. Говорятъ, и нравы легче. Всѣ шинки и гостинницы дорожныя полны народомъ, весело пьющимъ вино. Но пѣсенъ я не слыхалъ. Постройка домовъ напоминаетъ Польшу и Прусскую Силезію. Костюмъ мужской отличается рѣзко отъ нашего. Мужчины не носятъ даже усовъ и тщательно брѣются, носятъ узкія панталоны и

узкіе сапоги, длинную куртку. У меня есть рисунки. Но за то женскій костюмъ замѣчательно похожъ на русскій и очень красивъ, а издали рѣшительно наши дѣвки и бабы: тѣ же бѣлые широкіе рукава рубашки, такая же почти всегда синяя юбка. Лифъ не нашъ, но безъ рукавовъ, и когда плечи покрыты платкомъ, такъ что лифа не видно, можно подумать, что это сарафанъ. Голова покрыта всегда платкомъ, точно такъ же, какъ подъ Москвою у насъ. Платокъ почти всегда бѣлый. Но въ праздники, въ нарядномъ костюмѣ, сверхъ этого платка накалывается еще платокъ, всегда бѣлый, котораго два конца узломъ связаны напереди, какъ въ Курской губерніи, а остальные концы висятъ красиво сзади, довольно длинно, точно фата. Эти концы бываютъ обшиты кружевами, и такіе платки цѣною доходятъ до 80 гульденовъ, но, разумѣется, передаются изъ рода въ родъ. Народъ чуднаго сорта, женщины въ особенности: статны, высоки, черноглазы, съ правильными чертами, носъ безъ горба, узколицы, бодры, здоровы, веселы. Ходятъ большею частью босикомъ. Когда я шелъ пѣшкомъ, то повстрѣчался съ одной дѣвушкой крестьянкой, шедшей съ своимъ маленькимъ братомъ, и мы объяснились, поняли другъ друга. Я спросилъ ее, откуда она, куда идетъ, кого ждетъ, гдѣ ея домъ (кутя, кула).—Въ Крайнѣ народонаселеніе сплошное словенское, безъ примѣси. Языкъ и обычаи еще крѣпко славянскіе. Народъ религіозенъ, но, по увѣренію Блейвейса, безъ католическаго фанатизма и разсуждаетъ очень здраво о беземельности Папы. Впечатлѣніе, производимое Крайною, очень отрадное. Какими судьбами и съ какою цѣлью сохранилась эта народность до нашего времени, сквозь 800 лѣтъ нѣмецкаго владычества, сквозь всѣ притѣсненія, гоненія, католицизмъ? Хорваты имѣютъ преданія о политической самостоятельности, эти—никакихъ. Сохранилась эта народность и дождалась эпохи самосознанія. Если теперь она умретъ, такъ она будетъ виновата. Но что еще замѣчательнѣе—это сходство крайнскаго вообще и верхне-крайнскаго нарѣчія въ особенности съ великорусскимъ: 1) у нихъ наше *л*—напр. хва*ла*; 2) наше *ы*. Горинецъ говоритъ: бык, а не бикъ. Но подлая Латинская азбука своимъ *у* искажаетъ самое произношеніе; 3) фамиліи кончаются на *овъ*; 4) удареніе перемѣняется, какъ и у насъ, напр. мы говоримъ: сча́стливъ и счастли́въ; 5) удареніе бываетъ и на послѣднемъ слогѣ, отчего стихи гораздо гармоничнѣе, какъ и у насъ. Есть мужскіе и женскіе стихи; 6) они говорятъ: *все*, *всѣ*, какъ и мы. (Смотри также о сходствѣ у Клуна). Не есть ли это доказательство, что словенское нарѣчіе, именно Верхне-Крайнское, одно изъ древнѣйшихъ славянскихъ, именно потому, что исторія не можетъ опредѣлить времени, когда пришли сюда Славяне, тогда какъ большею частью можно указать время, когда поселились Славяне въ другихъ земляхъ (посмотрѣть у Шафарика). Откуда это сходство съ великорусскимъ? Физіологическія условія страны совершенно иныя. Наше великорусское нарѣчіе одно изъ чистѣйшихъ и древнѣйшихъ. Мнѣ разсказывали, что во время Лайбахскаго конгресса всѣ Крайнцы поражены были тѣмъ, что понимали Русскихъ гораздо легче, чѣмъ Чеховъ и Поляковъ.

(Посмотрѣть еще въ грамматикѣ Метелко.) Вечеромъ, часу въ 10-мъ,

пріѣхали мы въ Люблину. Мѣстоположеніе очаровательное. Душистыя аллеи каштановъ и бѣлыхъ акацій. Предмѣстіе: *Шишка!* Остановился, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, въ гостинницѣ Goldene Schnalle. Всѣ Stubenmädchen и Köllnerin—Словянки и хотя говорятъ по-нѣмецки, но хорошо меня понимали. Вообще въ Лайбахѣ славянскій характеръ господствуетъ. Названія улицъ славянскія. Пошли мы въ тотъ же вечеръ въ новый Caffechaus—великолѣпная *Kaverna* (?). Тамъ мой спутникъ нѣмецъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми его пріятелями, молодыми людьми, Словенцами,—и славянское чувство, чувство славянскаго братства въ нихъ очень живо.

На другой день утромъ отправился я къ Блейвейсу. Это человѣкъ пожилой, т. е. за 40 лѣтъ, бѣлокурый, по виду флегматиченъ, но основательный, упорный Словякъ, очень хорошій и широко понимающій. Мы послѣ двухъ—трехъ минутъ разговора сошлись какъ нельзя лучше. Онъ человѣкъ довольно зажиточный, докторъ, издатель Novice, имѣетъ братьевъ—купцовъ, пишущихся Pleiweis (ему же Blei, вмѣсто Plei, дано было въ школѣ). Не смотря на нѣмецкую фамилію, онъ очень ревностный и природный Славянинъ. Домъ, въ которомъ онъ живетъ, прислоняется къ горѣ, и онъ на горѣ устроилъ себѣ каморку, бесѣдку, въ которой работаетъ, такъ что всегда можетъ по этой горѣ взобраться до Schlossberg, *градъ*. Мы взошли вмѣстѣ съ нимъ туда (тамъ сажаютъ политическихъ преступниковъ). Видъ оттуда очаровательный. Названія горъ всѣ славянскія: *Триглавъ*, *Снѣжникъ*, *Великій*, *Верхъ* и проч. и проч. (Выписать названія изъ панорамы, мною купленной). Мы протолковали съ нимъ до 1-го часа, а потомъ условились свидѣться часу въ 3-мъ. Онъ зашелъ за мною и мы дошли до дома Родецкаго (откуда и снята панорама), а оттуда чудеснымъ паркомъ и потомъ просто лѣсомъ взобрались на гору и сошли къ *Шишкѣ*. Онъ всходилъ со мною въ крестьянскій домъ. *Печь* играетъ важную роль въ славянской избѣ, не смотря на южный климатъ. (У нихъ также слово *изба*). Есть мѣсто и для лежанья на печи и за *печкою:* зимою обыкновенно старые люди тутъ спятъ. Скамейка, почетный уголъ съ образами, столъ въ углу,—прочее очень схоже съ нашимъ. Но очагъ въ сѣняхъ. Потомъ пришли мы въ загородный домъ его брата, гдѣ обработывали поле; тамъ мы уговорили двухъ дѣвушекъ намъ спѣть. Онѣ спѣли: слова понятныя. *Дѣвица*, говорятъ они. Лѣпа дѣвица, мила дѣвица! Музыка, хотя напоминаетъ что-то славянское, но нѣсколько компонирована. Я думаю, что это не настоящія народныя пѣсни. Разумѣется, передъ «господами» имъ хотѣлось явиться поцивилизованнѣе! Блейвейсъ всѣмъ имъ разсказывалъ про меня, что я братъ Русскій, пріѣхалъ изъ Москвы. Работникъ очень хорошо меня понималъ и говорилъ: ахъ, вотъ такъ именно говорятъ Горинцы. Въ музыкѣ впрочемъ есть что-то *горное*. Работникъ думалъ намъ угодить и уговорилъ бабъ пропѣть пѣсню про Франца-Жозефа! Въ родѣ нашихъ солдатскихъ.—Вспомнимъ, что это горожане.

Въ какой-то кофейнѣ, подъ бѣлой, пахучей акаціей, напились мы прекраснаго кофе. Мнѣ понадобились спички, чтобы закурить, и я пошелъ въ домъ, гдѣ старой бабѣ сказалъ: дай ми огня. И она выдала мнѣ

спички, даже не подозрѣвая, что я не Словенецъ. Въ стѣнѣ этого трактира вдѣлана черная доска съ надписью:

Ту родил се свѣнцана (?)
Валентинъ Водникъ,
Первый Словенскій пѣсникъ.

Когда ставили этотъ памятникъ, былъ праздникъ, на который стеклось много славянскаго народу. Пригласили и австрійскаго Штатгальтера. Дѣлать нечего, онъ долженъ былъ faire bonne mine à mauvais jeu. Оттуда чудесными аллеями воротились мы домой. Я усталъ ужасно и не въ состояніи былъ записывать въ свой дневникъ.

На другой день, во вторникъ, отправился я опять къ Блейвейсу, который подарилъ мнѣ календари, имъ издаваемые и расходящіеся въ великомъ множествѣ экземпляровъ. Это полезное дѣло. (Описать календари). Также подарилъ онъ мнѣ «Словенска Азбука, Кирилица и Латиница, една на прама другой, написао Е. Чакра». Издано по сербски, у Новомъ Саду, 1859 г. Пошли мы вмѣстѣ съ нимъ къ старику Метелко. Онъ въ 1826 г. издалъ грамматику. Теперь старъ и боленъ, но принялъ меня радушно и вынесъ мнѣ двѣ бумажечки. На одной написано Прейсомъ — впередъ, чада Кирилла и Меѳодія, и проч. На другой—Срезневскимъ:

Счастливъ, кто могъ соединить,
Любовь къ народности съ любовію къ народу.

Дальше не помню.—Я, по его желанію, также оставилъ ему по себѣ память:

«Только сознаніе началъ народности можетъ спасти народность».

Потомъ мы простились съ Блейвейсомъ дружески, по-славянски, поцѣловались въ «три щеки» на улицѣ и разошлись. Я забылъ сказать, что наканунѣ были мы у Блажника, книгопродавца и содержателя славянской типографіи. Тамъ купилъ я пѣсни Словенцовъ, положенныя на ноты (къ сожалѣнію, не народныя), нѣсколько картинокъ, изображающихъ народную одежду и карту желѣзной дороги отъ Лайбаха до Тріэста.

Теперь скажу вкратцѣ свое мнѣніе о Краинѣ и о положеніи дѣлъ народности у Словенцовъ.

Народность, въ тѣсномъ значеніи слова, поддерживается духовенствомъ. Оно само происхожденія Словенскаго, и потому надо допустить въ немъ естественное чувство любви къ народности. Но одна изъ главныхъ пружинъ—это желаніе сохранить свое вліяніе на народъ и служить этимъ дѣлу Католицизма. Къ тому же духовенство самостоятельнѣе, независимѣе и богаче чиновничества. Но дальше вести народъ оно не хочетъ. Между тѣмъ прочіе Словенцы желали бы вести народъ дальше, къ высшему народному самосознанію и опасаются вліянія des Pfaffenthum's на народъ, которое вездѣ у образованныхъ людей возбуждаетъ отвращеніе; они хорошо понимаютъ, что Католицизмъ врагъ народности и вноситъ въ народъ начало Латинское. Я особенно старался развивать эту мысль. Не только Блейвейсъ, но и Перстенякъ и Раичъ со мной согласились вполнѣ. Я говорилъ имъ: вы въ такой мѣрѣ можете быть истинными патріотами

(здѣсь это слово не опошлилось, какъ у насъ), во сколько вы плохіе католики. Если вы настоящіе католики, вѣрные католическому принципу, то для васъ одно отечество Римъ. Вы должны быть врагами богослуженія на отечественномъ языкѣ, врагами свободы Италіи и вообще всякой независимости. Но признавая своимъ духовнымъ центромъ Римъ, вы должны подчинить ему духовно и славянское развитіе. Между тѣмъ, между началами Славянской народности и Западомъ разница, бездна огромная. Начало Римское, вмѣстѣ съ Римскимъ правомъ и Латинской цивилизаціей, противорѣчитъ Славянству, его демократическому духу равенства и свободы. Исторія доказываетъ, что Славянская народность сохранена всего больше православными племенами. Насъ церковь не давитъ. Болгарская церковь стала недавно независима и проч. Они всѣ со мной вполнѣ согласились, жалѣя объ утраченномъ. Такъ здѣсь въ быту крестьянскомъ, кромѣ праздниковъ и нѣкоторыхъ славянскихъ обычаевъ, die Gemeinde совершенно нѣмецкая: существуетъ цензъ. Они всѣ признаютъ это начало анти-славянскимъ. Я утѣшалъ ихъ, что все это можетъ воскреснуть, если бы дано было народу устроиться самому, на полной свободѣ; но Эйншпилеръ и большая часть католическаго, ревнующаго народности духовенства, думаютъ иначе. Они искренніе католики. Эйншпилеръ сказалъ мнѣ прямо, что онъ вѣруетъ, что самъ Богъ назначилъ Римъ центромъ церкви и проч.,—что онъ австріецъ и раздѣляетъ вполнѣ мнѣніе Палацкаго. Разумѣется, я съ нимъ спорилъ. Дичь—мнѣніе Палацкаго! *Дружба* или *Дружство* Св. Магора имѣетъ 1100 членовъ. Онъ его предсѣдатель; оно издаетъ книги духовныя и нравоучительныя для народа и для дѣтей,—все, проникнутое католическимъ духомъ. Это полезно въ томъ отношеніи, что есть, что читать народу по-словенски. До 1849 года словенскій языкъ вовсе не преподавался въ народныхъ школахъ. Теперь онъ преподается вездѣ въ школахъ народныхъ и въ городскихъ также, хотя здѣсь не составляетъ главнаго и основнаго предмета. Старые люди читать умѣли только по-нѣмецки. Теперь же всѣ читаютъ по-словенски. Вездѣ въ Краинѣ проповѣдь по-словенски; также въ словенскихъ селеніяхъ Штиріи и Каринтіи. Въ Люблянѣ только въ двухъ церквахъ проповѣдь по-нѣмецки. Все это хорошо. Но дальше, что же? Къ чему это ведетъ. Стоитъ ли поддерживать языкъ народа, чтобы сдѣлать его совершеннымъ Латиняномъ по духу. Развѣ въ этомъ народность? Я къ римской народности равнодушенъ, но признаю пользу сохраненія народности и въ этой мѣрѣ. Народъ будетъ больше и больше сознавать свое отчужденіе отъ нѣмцевъ,—и такимъ образомъ духовенство приводитъ къ цѣли, противной католичеству.—Между тѣмъ высшая дѣятельность, ученая, словенцевъ не имѣетъ ни органа, ни центра, ни средствъ.—Такъ ни Терстенякъ, ни Цафъ не могутъ издать своихъ сочиненій. Я говорилъ имъ въ Марбургѣ объ устройствѣ словенской Матицы, на подобіе чешской. Они всѣ обрадовались этой мысли. Нѣчто подобное возникло въ 1849 году, но потомъ упало. Ибо правительство, признавая самостоятельность Хорватовъ и проч., не признаетъ Словенцевъ за особый народъ. Правда, что они и раздѣлены между тремя провинціями.—Тогда и театръ устроился было словенскій.

«Поговорите объ этомъ въ Клагенфуртѣ, въ Лайбахѣ, съ Блейвейсомъ», сказалъ мнѣ Терстенякъ. Раичъ хотѣлъ написать статью. У нихъ нѣтъ средствъ. Я обѣщалъ, не ручаясь за успѣхъ, что буду собирать средства въ Москвѣ, и обѣщалъ прислать книгъ. Нѣтъ возможности снабжать намъ книгами каждаго въ отдѣльности. Другое дѣло, если у нихъ будетъ центральная библіотека. Но въ Эйнштилерѣ я нашелъ сильнаго противника мысли о Матицѣ. Онъ чувствуетъ, что высшее словенское развитіе ускользаетъ изъ рукъ духовенства. Не нужно намъ Матицы, довольно *дружства*; сюда должны стекаться всѣ капиталы и усилія.—Но вѣдь, изданіями подобнаго рода вы не подвигаете высшую умственную дѣятельность. Народность сохраняется высшимъ сознаніемъ самой сущности народа. Важно не внѣшнее народности, но самое содержаніе этого слова.— Но Эйнштилеръ католикъ и врагъ этой мысли. Для него въ католицизмѣ все. Пусть присоединяются къ Хорватской Матицѣ», сказалъ онъ. «Мы сами по себѣ слишкомъ слабы, у насъ не изъ кого и составить Матицы». «Отчего же не присоединяются»? спросилъ я. Хорваты не хотятъ.—Этого онъ не объяснилъ мнѣ ясно, почему не хотятъ. Я думаю, тутъ причина та, что Словене не хотятъ жертвовать *своею* народностью, своимъ *языкомъ*, Хорватскому. Точно такъ, какъ Словаки не хотятъ быть Чехами. Потомъ, говорилъ мнѣ Блейвейсъ, если мы будемъ писать по-хорватски, то Краинцы не будутъ насъ понимать. Во всякомъ случаѣ дѣло сліянія не удастся, не смотря на то, что напр. Майеръ хотѣлъ бы полнаго Verschmelzung. Впрочемъ, объ этомъ еще лучше узнать въ Аграмѣ отъ Кукулевича. Блейвейсъ вполнѣ за самостоятельное развитіе Словенства и не хочетъ сліянія съ Хорватами. Онъ радъ былъ бы Матицѣ. Представитель Краины въ Рейхсратѣ Гр. Ауерспергъ, либералъ, переводчикъ словенскихъ пѣсенъ и любитъ словенскіе народности. Время удобное. Но едва ли дѣло состоится. Епископы и старые всѣ почти словенцы этого не захотятъ. Въ Клагенфуртѣ епископъ самъ былъ прежде писателемъ словенскимъ, но теперь оказенился. Кстати. На иждивеніе епископа, Вольфъ издалъ *Цигале* Лексиконъ словено-нѣмецкій. Очень хвалятъ. Надо купить.—Такимъ образомъ, друзья народности католики—самые опасные враги. Что сказать про народъ? Какъ относится онъ къ австрійскому правительству? Онъ, *я думаю*, собственно къ правительству довольно равнодушенъ. Напр. моя Stubenmädchen въ Тріэстѣ (изъ Каринтіи) увѣрена, что Kaiser'а обманываютъ, что онъ слишкомъ довѣряетъ своимъ Министрамъ и слушается ихъ. Народъ не любитъ *чиновничества*, не довѣряетъ вообще уже *не своимъ*, т. е. носящимъ иную одежду (есть даже слово для означенія длиннокафтанниковъ). Вообще правительствомъ не довольны, но не Цесаремъ. Будь хорошее и либеральное управленіе, народъ былъ бы доволенъ. Онъ уже 800 лѣтъ подъ игомъ! Кромѣ природы и языка, существовавшіе обычаи утратили. Но въ этомъ случаѣ не въ народѣ дѣло. Есть люди, носящіе въ себѣ народное самосознаніе, люди съ высшими требованіями. Народу ничего, если бы вовсе запретили читать и писать. Но тѣмъ не менѣе такого рода лишеніе духовной свободы, которое, не сознательно для самого народа, привело бы его къ гибели,—заслуживаетъ цѣлой революціи (раз-

вить эту тему). Разработка народнаго самосознанія, непремѣнно подѣйствуетъ и на самый народъ.—Любопытно сличить простой народъ въ *Чехіи* съ Краинскимъ, ихъ отношенія къ Нѣмцамъ и къ правительству. Въ Краинѣ они дружны. Тѣмъ не менѣе, лѣтъ черезъ 10—15, если ничего особенно ускоряющаго не случится (въ родѣ 1849 года),—народъ возчувствуетъ непремѣнно свое отдѣленіе, отчужденіе отъ нѣмцевъ. Сперва языкъ положитъ *новую* преграду (какъ это замѣчательно, что языкъ воскресаетъ такимъ образомъ). Потомъ съ языкомъ распространится чтеніе и другихъ словенскихъ книгъ. Такъ что можно надѣяться, что со временемъ потребность народной словенской автономіи возникнетъ съ неудержимой силою.—У Словенцевъ нѣтъ вовсе дворянъ Словенцевъ! Всѣ онѣмечились. Были двое (см. у Клуна)—одинъ въ 17, другой въ 18 столѣтіи, и съ тѣхъ поръ—ни одного! стыдъ и срамъ! (А Русскіе въ западныхъ губерніяхъ, ополячившіеся? Тышкевичи и проч.?). Но кромѣ простого народа и духовенства,—ученые, купцы, врачи, адвокаты, всѣ Словенцы!

И Терстенякъ и Блейвейсъ говорятъ о Zukunft Славянства! Но какая же будущность, если изъ Славянскаго удержится только языкъ!—Но все ждетъ.—Не даромъ однако Провидѣніе сохранило доселѣ словенскую народность. Жаль, что Русскіе мало здѣсь бываютъ. Необходимо завести мнѣ вновь славянскую контору. Поддерживать сношенія съ Россіей, очень здѣсь слабыя. Чаще посѣщать. Посылать книги. Послать Терстеняку, Раичу и Блейвейсу Русскую Бесѣду. Что-нибудь Мейцигеру, стихотворенія. Книги Цафу. Заставить ихъ участвовать въ Русской Бесѣдѣ. Мнѣ, разумѣется, пришлось объяснять и имъ *наше* положеніе въ Россіи, но не отнимая у нихъ утѣшенія и надежды.—Я убѣжденъ: будь Россія Русскою, воротись мы къ своей національности, — этотъ фактъ одинъ подниметъ духъ Славянства во всѣхъ племенахъ, безъ всякаго вооруженія или дипломатическаго вмѣшательства. Одно движеніе очищенной атмосферы произведетъ и у нихъ очищеніе воздуха.—О значеніи Остзейскихъ нѣмцевъ для Россіи. — Разговоръ. Кто запретилъ Парусъ?—Нѣмцы.—А развѣ они и у васъ мутятъ? Что же царь?

Середа, 6 іюня, Тріестъ.

Въ Тріестѣ я пробылъ до субботы. Дорога отъ Лайбаха до Тріеста очаровательна. У меня есть карта: віадуки, туннели—лучшее, что сдѣлала Австрія. Природа становится все болѣе и болѣе похожею на Итальянскую. Горы склонялись постепенно, и вдругъ на поворотѣ море и Тріестъ амфитеатромъ. Гостинница Hôtel de la ville на берегу моря. На набережной предъ Hôtel'емъ выставлены столы, стулья, много народу пестраго пьетъ кофе, ѣстъ мороженое. Музыка, движеніе, говоръ. Преобладающіе звуки—Итальянскіе. Гостинница великолѣпная; отобѣдавъ à la carte и не получивъ prosecco (о которомъ говорится у Бедекера), ибо уже 3 года болѣзнь на винноградѣ, я пошелъ ходить по городу и попалъ въ публичный садъ, очень плохой, гдѣ была музыка и толпа гуляющихъ. Долго

не могъ найти дороги домой, ибо не говорю по-итальянски. Улица Corsa stadion великолѣпна. Мостовая, какъ и вообще въ Италіи, превосходна. Городъ грязенъ. Меня поразило отсутствіе женщинъ извѣстнаго рода на улицахъ приморскаго города.—На другой день рано утромъ выкупался я въ купальнѣ въ морѣ. Потомъ смотрѣлъ процессію Fête-Dieu. Женщины сбѣжались со всѣхъ деревень: Истрія вся католическая, кромѣ одной деревни. Бабы въ прекрасныхъ словенскихъ одеждахъ, съ бѣлыми платками на головѣ, съ бѣлыми вышитыми рукавами рубашекъ, съ шитьемъ на рубашкѣ на лифѣ спереди, шли одна за другой рядомъ и составляли по обѣимъ сторонамъ движущіяся шпалеры. Въ рукахъ цвѣты и большею частью большія, толстыя зажженныя восковыя свѣчи. Онѣ пѣли, сколько я могъ разобрать; просимо, просимо, моли Бога за насъ. У нихъ въ рукахъ были молитвенники. Вообще много искренней набожности. Черты лица довольно пріятныя: носъ прямой и правильный, лица продолговатыя. Славянскія пѣсни въ католической процессіи. Потомъ шли мальчики подъ ростъ, потомъ взрослые семинаристы. Все было очень чинно и походило, разумѣется, на театральное представленіе. — Потомъ отправился я къ Опуичу, сербскому купцу, чрезвычайно богатому, усердному православному и сильно сочувствующему Россіи. Онъ былъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ въ Москвѣ на коронаціи (Кошелевъ подарилъ ему своихъ два мѣста, чтобы видѣть процессію); товарищъ его тамъ женился на дочери священника. Потомъ Опуичъ посылалъ въ Москву своего сына, чтобы онъ тамъ женился на одной Русской, которая отцу очень нравилась; но сыну она не понравилась, и онъ не женился. Не засталъ Опуича дома.— Въ одной гостинницѣ со мной стоялъ одинъ помѣщикъ харьк., котораго я видѣлъ въ Вѣнѣ; очень богатый человѣкъ, добрый, но не далекій и плохо образованный. Тратитъ денегъ кучу. Ему мало что нравится. Ѣдетъ въ Венецію, а потомъ въ Парижъ, а потомъ, говоритъ, хочу въ Испанію и тамъ чрезъ Гибралтарскій проливъ въ Африку; потомъ въ Америку, для чего хочетъ *нанять* спутника Англичанина. Все говоритъ: «съ моими средствами»; охотникъ до лошадей и женщинъ. Вечеръ у Опуича. Сербъ, высокаго роста. Очень богатъ, имѣетъ 10 судовъ; вилла его прекрасна. Вездѣ камень, каменные узорчатые полы. Садикъ, видъ на море. Мы условились съ нимъ свидѣться на другой день. Онъ проводилъ меня до Hotel'я и дорогой повелъ въ православную церковь, гдѣ служили вечерню. Церковь великолѣпно изукрашена, но по обычной новизнѣ церквей православныхъ въ католическихъ земляхъ не крестомъ, а залой. Образа въ серебряныхъ окладахъ работы Сазикова: книги изъ Россіи. Здѣсь часто вѣнчаютъ русскихъ, пріѣзжающихъ для этого изъ Венеціи. Священникъ порядочно говоритъ по-русски; не зная еще моей фамиліи, онъ спросилъ меня о *Парусѣ*. Трудно было мнѣ отвѣчать ему. Вечеромъ былъ въ театрѣ Малганео. Давали Роберта. И театръ не красивъ, и труппа была прескверная.—На другой день въ пятницу, іюня 8-го, *кажется*, записалъ въ книжку путешествіе свое по Словенамъ. Я читалъ газету Allgemeine Zeitung. Ее надо достать мнѣ непремѣнно. Въ ней говорится и приводятся слова «государственнаго Министра (вѣроятно Бруна)—о германизированіи Славянъ». Утѣсненіе славянской народности

признается старымъ и негоднымъ средствомъ; германизированіе состоитъ не во внѣшности, а въ преобразованіи духа: пусть духъ, стремленія, идеи будутъ нѣмецкія, а языкъ пускай остается; онъ напротивъ служитъ орудіемъ и проч.—Эйншпилеръ и Сломасичъ уже дѣйствуютъ въ этомъ духѣ.—Въ 3 часа къ Опуичу, и съ нимъ въ его красивомъ парижскомъ экипажѣ, (онъ самъ правитъ, сзади лакей, лошади англійскія),—отправились мы на такъ называемый Jäger,—довольно далеко отъ города. Шоссе, извиваясь, ведетъ на высокую гору, откуда великолѣпный видъ на море, на Истрію, на Далмацію, на Тріестъ. Тамъ гостинница. Опуичъ подчивалъ меня шампанскимъ. Изъ разговоровъ его я узналъ слѣдующее. Сербская община въ Тріестѣ не велика, 200 человѣкъ; но за то богатые всѣ. Но стремленія ихъ очень не живы. Старики померли, а молодые увлечены вполнѣ блескомъ Западной цивилизаціи. На сына его, Опуича, самъ онъ говоритъ, плоха надежда. Онъ предлагалъ завести здѣсь училище и высшую школу, что довольно удобно, ибо Сербская община, здѣсь поселившаяся, имѣетъ право жаловаться императору Іосифу; они здѣсь довольно свободны. Но никто не согласился, предпочитая посылать дѣтей въ Парижъ и Вѣну. Самъ Опуичъ изъ Герцеговины, гдѣ вообще и православіе и чувство народности и сочувствіе къ Россіи довольно живы. Вообще—кромѣ вѣрности православію, можно полагать, что духъ торговый и выгоды сдѣлаютъ изъ нихъ настоящихъ Тріестинцевъ. Даже между собою публично они говорятъ по итальянски. Опуичъ вздыхаетъ. Князя Даніила не любитъ, но не сказалъ, почему. Разсказывалъ, что къ нему, недѣли двѣ тому назадъ, пріѣзжалъ французскій консулъ съ коммиссаромъ какимъ то французскимъ, разспрашивали его о Босніи и Герцеговинѣ и спрашивали,—хорошо ли будетъ отдать эти земли Австріи. Онъ отвѣчалъ, что ни за что въ мірѣ на это не согласятся Босняки и Герцеговинцы, а скорѣе пожелаютъ остаться подъ Турками.—На другой день въ 11 часовъ отправился я на пароходъ Oriente, у самаго мыса, куда проводилъ меня Опуичъ, рекомендовавъ капитану—Далматинцу. Въ часъ мы тронулись. На пароходѣ офицеры и матросы всѣ были Далматинцы, также и пассажиры, и ни одного звука славянскаго! Капитанъ говорилъ со мной по-сербски, но не охотно. Особенно замѣчательныхъ пассажировъ не было. Первый день мнѣ было довольно трудно, не говоря по-итальянски. Кстати человѣкъ на пароходѣ служилъ два мѣсяца въ нашей компаніи пароходства, и я могъ съ нимъ нѣсколько объясняться.

Далмація. Берега ея—каменистые. Всѣ порты тутъ. Утромъ *Зара.* Я сходилъ на берегъ, зашелъ въ православную церковь, очень бѣдную. Города приморскіе: берегъ узенькій, лѣпятся около скалъ и по скаламъ, такъ что большая часть переулковъ—просто лѣстницы, ведущія на гору. Грязь, нечистота, бѣдность, безпорядокъ, ни одного новаго красиваго зданія, свѣжаго, а только остатки прежняго великолѣпія. Левъ Венеціанскій. Въ городѣ все по-Итальянски. Садъ пахучій, деревья великолѣпныя, море. Костюмъ народа: узенькіе штаны, куртка вышитая, красная феска и кушакъ. Впрочемъ смотри картины. Былъ базаръ. Впрочемъ народъ еще говоритъ и по-славянски.—Надписи всѣ итальянскія.—О Далмаціи смотри Фр. *Петтера.* Онъ также говоритъ, что если предоста-

вить Далматинцамъ нѣкоторую свободу, то они сдѣлаются, какъ Кроаты, Каріатидами Австрійской имперіи. Ея географическая исторія. Мои отмѣтки.—Что за красота Адріатическое море, берега Далматинской горы, отдѣляющія ее отъ Босніи и Герцеговины, костюмы жителей! Какъ всему этому противорѣчитъ Гедено, нѣмецъ, какъ ему должно быть это все чуждо и противно: эта нечистота, это dolce farniente, лѣнь, безпечность. Австрія ничего не сдѣлала для Далмаціи. Городъ въ упадкѣ. А если бы Боснія и Герцеговина были въ лучшемъ положеніи, то цѣлой половинѣ Турціи какіе порты чудные, представили бы для торговли Далмаціи. Костюмъ мущинъ въ простомъ народѣ напоминаетъ очень Итальянско-неаполитанскій костюмъ, и такъ странно слышать изъ устъ такого точно итальянскаго бандита слова: я ти дамъ!—Постепенно на пароходѣ пассажиры знакомились со мной, говоря кто по-французски, хотя и съ трудомъ, кто по-сербски. Нѣкоторые изъ нихъ «патріоты». Вообще въ Далматинцахъ ненависть къ нѣмцамъ, но *сознаніе* Славянской народности слабо. «Il nous faut un prince étranger», говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, только не австр., въ соединеніи съ Герцеговиной и Босніей. Но подъ владычествомъ быть Черногоріи не согласились бы. Православные здѣсь большею частью трусливы, и если кто дѣйствуетъ смѣлѣе, такъ это тѣ, кои вышли изъ Герцеговины, изъ Мостаро. Такъ я познакомился съ семействомъ Ковалевича (?)—двумя сыновьями и матерью: отецъ въ Себенико, сынъ старшій учитель въ Сполатро. Также въ Каттаро православные крѣпче, во 1-хъ потому, что ихъ $^2/_3$, а во 2-хъ потому, что опираются на Черногорцевъ.—*Высшихъ* школъ Славянскихъ и православныхъ нѣтъ, высшія науки преподаются на языкахъ чуждыхъ. Женщины, дамы всѣ говорятъ по-славянски, но писать не умѣютъ. Въ Рагузѣ французы предлагали православнымъ большую католическую церковь, но они не отважились принять: *Гравâіа*. Пошелъ пѣшкомъ, не было экипажа, вещи покатили на тачкѣ. Дорогой гранаты, пальмы. Зной южнаго солнца, синь моря. У городскихъ воротъ налѣво домъ, гдѣ въ среднемъ этажѣ казнач., а въ верхнемъ консульство (временно), напротивъ—до набережной, земляная площадь, отѣненная зеленью Paulonia и другихъ чудныхъ деревьевъ. Между деревьями столы, — кофейня. Надъ моремъ гостинница, лучшая въ Рагузѣ, но мѣста тамъ не было, и я отправился дальше, въ городъ и остановился въ первой гостинницѣ, Albergo alla Corona, грязная, скверная: вездѣ камень, все настежъ. Хозяйка старуха болтливая и хлопотунья. Наскоро одѣвшись, пошелъ я къ Конст. Дим. Петковичу, у котораго нашелъ Лаговскаго, Алексѣя Якимыча его секретаря, бывшаго три года при миссіи въ Персіи, добраго и любезнаго молодаго человѣка, который понравился мнѣ больше самого консула. Петковичъ объявилъ мнѣ, что сейчасъ отправляется въ Черногорію; я, разумѣется, очень обрадовался ѣхать съ нимъ, побѣжалъ домой изготовить себѣ легенькій чемоданъ, оставивъ всѣ вещи у хозяйки, — а въ 11 часовъ мы были уже на пароходѣ, который тотчасъ же отправился въ Каттаро. Около города Превасто мы останавливались на полчаса и въ это время благополучно спущены въ лодку и доставлены въ православную церковь церковныя книги, присланныя изъ Россіи. У Петковича за-

шелъ разговоръ съ капитаномъ о Турціи, говорили согласно о невыносимомъ положеніи христіанъ. Вдругъ вмѣшался одинъ Тріестинскій купецъ и сталъ утверждать, что это ложь, хвалить турецкое управленіе. Привожу этотъ случай, какъ доказательство купеческихъ политическихъ убѣжденій! — Мѣстоположеніе залива *бойко*, до Каттаро такъ хорошо, что описать трудно! Черногорія совсѣмъ нависла. Какъ завидно ей смотрѣть на городъ, нѣкогда ей принадлежавшій, какъ хотятъ они «соленой водицы», какъ нуженъ имъ портъ! (См. объ этомъ у Ковалевскаго). Но Россія жестоко надула ихъ, Императоръ Александръ заставилъ ихъ отдать Австрійцамъ! Этотъ сентиментальный Монархъ ничего не сдѣлалъ для Славянъ! Лопнули всѣ ихъ ожиданія. Изъ исторіи Черногоріи видно, что Россія ни разу не упомянула объ нихъ въ трактатахъ (см. книгу Вацлика). Да, и теперь! Разграниченіе Черногоріи отъ Турціи названо: разграниченіе Черногоріи отъ Босніи, Герцеговины и Албаніи! Князь ужасно обижался. Точно будто турецкая провинція. — Петковичъ участвовалъ въ Кампаніи. Они обошли всю границу, трудъ былъ страшный. Первенствуетъ французскій консулъ. Россія и Франція de facto признаютъ независимость Черногоріи, но Англія нѣтъ, и англійскій консулъ вмѣстѣ съ турецкимъ всячески портили дѣло при разграниченіи. Ночью, когда пароходъ стоитъ въ заливѣ, почти запертомъ горами, на небольшой площадкѣ гуляютъ, поютъ, есть маленькій бульваръ, однимъ словомъ зелень, дома, какъ гнѣзда, лѣпятся по горамъ, а покровъ ночи одѣлъ горы, и онѣ не такъ рѣзко рисуются, какъ днемъ,—восхитительно. Горы—голый камень, дикія, темныя, безлѣсныя и эта дикая природа, эти дикія черты, эта дикая рамка заключаетъ въ себѣ нѣжную синь моря, голубое звѣздное небо, итальянскую природу. Безъ этихъ горъ ландшафтъ былъ бы слишкомъ нѣженъ, тоны были бы слишкомъ мягки и сладострастны. И тамъ, за этими горами, цѣлый народъ живетъ оригинальнымъ бытомъ! Черногорцамъ не позволено входить въ городъ съ оружіемъ.—Въ Каттаро мы остановились у Бѣлодиновича, православнаго сербскаго купца, который насъ и встрѣтилъ. Онъ настоялъ, чтобы ночевали у него. Его любезность и услужливость, его внимательность и предупредительность таковы, что становится отъ нихъ тяжело, непріятно; такъ онѣ приторны. Говорятъ, что онъ австрійскій шпіонъ. Я не думаю, чтобъ онъ былъ настоящій шпіонъ, но можетъ быть разыгрываетъ для Австріи роль шпіона; иначе не могъ бы онъ и держаться въ городѣ и такъ открыто принимать къ себѣ Русскихъ и быть коммиссіонеромъ князя. Жена его стройная, высокая Сербка, съ грустнымъ выраженіемъ лица; родомъ изъ Будвы. Старшій сынъ, лѣтъ 10, Урошъ.—Осматривалъ православную церковь, возвращенную, кажется (?), французами. Очень хорошо убрана и довольно богата, по здѣшнимъ средствамъ. Есть другая старинная церковь, также православная—св. Луки. Всего 5 церквей православныхъ, у католиковъ 7, но православнаго населенія здѣсь больше. Здѣсь есть, на площади Славянска Читаоница, гдѣ получаютъ разныя газеты—французскія, нѣмецкія, сербскія. Русскихъ ни одной. Я обѣщалъ прислать сюда *Бесѣду*. Есть русскія книги нѣкоторыя. Также рядомъ *Славянска кафана*. Надписи красуются написанныя Ки-

риллицею. Есть школа православная. Были у архимандрита, онъ же и викарій. Его имя (?). Онъ встрѣтилъ насъ очень радушно, читаетъ и понимаетъ по-русски, только не говоритъ, выписывая себѣ книги духовнаго содержанія изъ Россіи. Петковичъ привезъ сюда по экземпляру трехъ или четырехъ духовныхъ журналовъ.—Зашли въ магазинъ купить перчатки *бѣлыя*, чтобы можно было представиться ко двору черногорскаго князя! (Я взялъ фракъ и все бальное платье и круглую черную шляпу!) Торговецъ былъ православный Сербъ изъ Герцеговины и встрѣтилъ насъ съ большимъ сочувствіемъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что австрійское правительство тѣснитъ православныхъ Славянъ и вообще Славянство, даже и католиковъ, но надо сознаться, что Славяне *могутъ* гораздо больше, чѣмъ дѣлаютъ. Не удалось разъ—возобнови. Всѣ трусятъ и охаютъ, жалуются, прикидываются сиромахами. У архимандрита есть племянникъ, литераторъ. На возвратномъ пути онъ передалъ мнѣ стихи, написанные по случаю разнесшагося слуха о прибытіи сюда съ фрегатомъ Вел. Князя Константина Николаевича. NB. Здѣсь былъ русскій фрегатъ послѣ Граховской битвы, вмѣстѣ съ французскимъ въ 1858 г.—Онъ въ ужасномъ смущеніи. Кто написалъ въ Сербскомъ Днѣвникѣ, издаваемомъ въ Новомъ Садѣ, статью о князѣ черногорскомъ ругательную и подписанную: «изъ Каттаро». Такъ какъ никто кромѣ его не можетъ назваться литераторомъ въ Каттаро, то подозрѣніе пало на него. Между тѣмъ эта статья написана (увѣряютъ) Медаковичемъ, секретаремъ князя и его врагомъ.— Наконецъ мы легли спать. Хотѣлось бы передать все оригинальное устройство домовъ здѣсь, да и вообще въ Италіи. Каменные полы, никакого комфорта, безпорядокъ. Кушанье приправлено въ обиліи масломъ прованскимъ.—Еще вечеромъ познакомился съ нашимъ проводникомъ: Шуто или Жуто, старикъ лѣтъ 65, высокаго роста, почти каждый день путешествующій изъ Цетинье въ Каттаро (у князя устроенъ родъ телеграфа: кричатъ съ горы на гору. У Австрійцевъ по всему берегу телеграфъ и даже въ Скутари).—Этотъ Шуто—*перенникъ*, родъ унтеръ-офицера, подъ капитаномъ.—У него медаль за Граховское дѣло. Онъ очень хорошо знаетъ Ковалевскаго, который обѣщалъ ему прислать серебряную табакерку, но не сдержалъ обѣщанія, о чемъ Шуто безпрестанно вспоминаетъ. По горамъ черногорскимъ собственно можно ходить. Ѣздить верхомъ можно съ трудомъ по выбитымъ или высѣченнымъ дорогамъ, но даже телѣжка (какъ на Кавказѣ) не можетъ идти по этимъ дорогамъ. У нихъ, у простого народа въ употребленіи ослы и мулы. Лошадей мало. Почти вовсе не было до князя. У него 9, и онъ пригласилъ своихъ знатнѣйшихъ вельможъ имѣть лошадей. Кто же наши чемоданы понесетъ?—«Дѣвочки». Паспорты, заявленные у австрійскаго начальства, оставили мы въ Каттаро (въ Черногоріи не существуетъ паспортовъ), и рано утромъ часовъ въ 6 отправились. Для Петковича была прислана лошадь отъ князя съ проводникомъ, а я нанялъ за 5 флориновъ. Ѣхали мы, разумѣется, шагомъ. Сначала идетъ такъ называемое австрійское шоссе до границы австрійской на полугорѣ. Это не шоссе, а немного разчищенная, обтесанная дорога, по которой также не ѣздятъ экипажи, вьющаяся безконечно утомительными зигзагами. Я ду-

маю, зигзагъ съ 50 одинъ надъ другимъ. На половинѣ высоты этого шоссе есть укрѣпленіе австрійское. По мѣрѣ того, какъ поднимаешься, заливъ все болѣе и болѣе раскрывается, видны его повороты (онъ запирается почти, раза три, горами), наконецъ, блеснуло безкрайное море. Размѣщены деревушки по берегамъ.—Кстати: продается полуостровъ съ домомъ, садомъ, виноградниками и православной церковью за 5 тысячъ флориновъ (?). Петковичъ доставилъ описаніе Гильфердингу. И шоссе опасно. Вотъ, вчера тутъ съ краю убилась лошадь, упавши внизъ, сказалъ мнѣ (на обратномъ пути) Черногорецъ. Очень весело. Покуда лошади наши карабкались, двѣ Черногорки, еще молодыя, привязавъ себѣ каждая по чемодану на спину, какъ солдатскіе ранцы, взбирались твердымъ и легкимъ шагомъ по горамъ, сокращая дорогу, т. е. взлѣзая по цѣлику!—Костюмъ Черногорцевъ: пушка (ружья, пистолеты), ятаганъ, трубка,—опанки: веревчатыя сандаліи или лапти. Съ ними удобнѣе ходить по горамъ. Наконецъ шоссе кончилось и началась черногорская дорога, говорятъ—лучшая. Кромѣ того, что высѣчены ступени въ камняхъ (гладкихъ, скользкихъ), множество мелкихъ камней лежитъ на дорогѣ, такъ что вамъ твердо и ступить нельзя. По мѣрѣ того, какъ мы поднимались, становилось холоднѣе, природа суровѣе. Море исчезло изъ виду, и мы очутились въ мірѣ камней. Кажется, природа не назначала этихъ камней для жилища человѣческаго. Даже козъ здѣсь нѣтъ. Вообще, фауна и флора очень скудны. Горы большею частью известнякъ, не заключающій въ себѣ минералловъ. Кромѣ Шуто, бѣжалъ впереди еще Герцеговинецъ, давно перешедшій въ Черногорію, кажется, Юрко. Мы раза два останавливались, чтобы отдохнуть. По дорогѣ попадались намъ Черногорцы и Черногорки съ ослами, нагруженными. Многіе изъ нихъ, хотя сами съ тяжестью на плечахъ, подходили къ Шуто и цѣловали у него руку. Остановились мы у одного колодезя. Тутъ пригоняли стадо черногорскихъ овецъ и козъ, худыхъ, тощихъ. Тутъ же была одна женщина, которой мужъ былъ убитъ подъ Граховымъ. На вопросъ Петковича, жаль ли тебѣ мужа, она отвѣчала: жалѣю, но вѣдь кто убитъ на войнѣ за правое дѣло, тотъ не умираетъ, а вновь рождается. Спускаясь, мы слѣзли съ лошадей. Подъѣзжая къ Нѣгушу (большое поселеніе, гдѣ около 9 церквей) намъ стали попадаться обработанные клочки земли. Иногда, въ ущельѣ скалъ, иногда, на днѣ каменнаго бывшаго и теперь высохшаго водоема, есть слой земли и его спѣшатъ обработать. Тутъ попадаются и деревни. Я описываю ту сторону, которую видѣлъ, а тамъ говорятъ есть и плодоносныя земли и лѣса. Тамъ есть нахія Бѣлопавличей, гдѣ земля отличная, ровная, большая рѣка судоходная. Но это уже подъ горами и на той же самой равнинѣ стоитъ крѣпость турецкая. Небольшіе домики изъ мѣстнаго камня безъ трубъ (дымъ выходитъ въ окно) составляли селеніе. Безпрестанно встрѣчались Черногорцы одинъ другого выше, красивѣе; всѣ очень статны, стройны, важны, серьезны. Наконецъ, на вершинѣ одной горы увидѣли мы Скутарское озеро. А это, что за крестъ тамъ на скалѣ? Это Ловченъ. Тутъ церковь, тутъ похороненъ покойный владыка Петръ II Петровичъ Нѣгушъ. Довольно большое поле, все обрамленное горами. Деревьевъ мало, разсѣяны. Рядъ домиковъ боль-

ше, чѣмъ въ Нѣгушѣ, порядочнѣе. На горѣ полуразрушившійся монастырь и окруженный стѣнами съ маленькими полубашнями, на одной изъ которыхъ развивался черногорскій флагъ, стоялъ дворецъ князя. Некрасивое двухъэтажное зданіе, нѣкогда составлявшее часть монастыря. Петковичу отвели комнату во дворцѣ и онъ отправился туда, а я пошелъ отыскивать Быкова и нашелъ его сидящаго на каменномъ прилавкѣ у гостинницы съ разными Черногорцами, курившими трубку и одѣтыми въ красивые костюмы. Я объяснилъ ему въ чемъ дѣло и онъ повелъ меня въ свою комнату, находящуюся въ монастырѣ, рядомъ со школой: удивлялись, что можно найти комнату въ Цетиньѣ. Прислуживалъ ему молодой Черногорецъ (очень способный ученикъ доктора и знающій по-итальянски, ибо Черногорцы безпрестанно ходятъ въ Каттаро). Переодѣвшись у него во фракъ, въ бѣлыя перчатки и круглую шляпу, отправился я во дворецъ къ Петковичу. Тамъ завтракаютъ въ 12 часовъ, обѣдаютъ въ 8 и даже позже. Мы опоздали къ завтраку, и намъ французъ, лакей, поваръ и majordome подалъ завтракъ въ комнатѣ Петковича. Князь спалъ. Часа черезъ два намъ сказали, что онъ проснулся. Мы пошли къ нему. Петковича встрѣтилъ князь очень привѣтливо, тотъ представилъ меня. Мы стали говорить по-французски, на которомъ князь говоритъ свободно, хотя неправильно, но безъ претензій и безъ церемоній спрашиваетъ у другихъ, какъ сказать то и то по-французски.— Дворецъ состоитъ: изъ залы, гостиной, еще одной маленькой гостиной и еще маленькой комнаты, гдѣ стоитъ рояль. Вотъ амфилада парадныхъ комнатъ, доступныхъ гостямъ. Комнаты убраны по-европейски, оклеены бумажками, полы устланы коврами, элегантная мягкая мебель, видно изъ Парижа. Въ гостиной на столѣ книжки éditions illustrées (Paris illustré, guide!). Тяжелая мраморная ваза. На стѣнѣ огромные портреты, почти во весь ростъ, въ великолѣпныхъ золотыхъ рамкахъ, Наполеона и Евгенія, на почетномъ мѣстѣ. Я невольно сталъ искать портретовъ нашего Государя и Государыни, и дѣйствительно нашелъ на задней стѣнѣ, поясные плохіе масляные портреты (NB. Петковичъ сказалъ мнѣ, что онъ просилъ министерство о высылкѣ портретовъ, но отказали, и онъ далъ свои собственные).—Еще полный воспоминанія о дорогѣ, о горахъ, о дикой природѣ, я былъ пораженъ встрѣтить среди такой обстановки европейскій образъ жизни и комфортъ, цивилизацію. Меня преслѣдовала мысль, что всѣ эти вещи щегольства, прихоти и моды перенесены на женскихъ плечахъ и спинахъ, какъ на вьючныхъ животныхъ. Одинъ этотъ фактъ характеристиченъ и рисуетъ вамъ *современное* состояніе Черногоріи. Европеизмъ, цивилизація, перенесенная на спинахъ Черногорокъ!

Князь ходитъ въ черногорскомъ костюмѣ, но такъ какъ жарко, то безъ верхняго платья, котораго не надѣваетъ и за обѣдомъ: т. е. въ рубашкѣ, въ какомъ то кожаномъ жилетѣ красномъ, съ поясомъ (кромѣ широкаго пояса, который обвертывается разъ пять и захватываетъ часть груди, носится спереди на поясѣ какая то кожаная, тяжеловѣсная штука, въ которую вкладываютъ двѣ—три *пушки* *), кинжалъ, ятаганъ,

*) По-черногорски—*ружье*.

заряды и проч. Впрочемъ у Черногорцевъ они всегда заряжены. «Не стоитъ и носить, если не заряжены», говорятъ они.—Княгиня заставляетъ иногда князя надѣвать французскія перчатки, но впрочемъ большею частью онъ сохраняетъ не только костюмъ, но и черногорскіе вкусы и привычки. Такъ, за обѣдомъ ему нерѣдко подаютъ особыя блюда: черногорскія. Росту онъ очень невысокаго, плотный, носъ не прямой, а круглый, вообще собою не хорошъ, но глаза живые, проницательные и хитрые. Въ обращеніи очень простъ и довольно откровененъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ душею Черногорецъ, но страшно честолюбивъ и волнуемъ честолюбивыми мечтами. Такъ онъ нерѣдко говоритъ о томъ, что если бы присоединили къ нему Боснію и Герцеговину и т. д. Эти мечты, кажется, раздѣляютъ и Черногорцы.—Вообще, можно сказать, что въ настоящую эпоху совершается внутренній переворотъ въ Черногоріи. Владыка Петръ II конечно много способствовалъ смягченію нравовъ, но при немъ Черногорцы продолжали жить подъ закономъ прежняго быта. Они все еще отбивались отъ Турокъ. Казалось, въ этомъ заключалась ихъ историческая миссія. Горы были убѣжищемъ. (Посмотри еще разъ исторію Черногоріи. Какъ Черногорія она существуетъ только со времени наводненія Сербіи и прочихъ странъ Турками). Теперь начинается для Черногорцевъ эпоха политическаго существованія. До сихъ поръ они были не зависимы de facto, но никто не удостоивалъ ихъ признать какъ политическое тѣло. Россія, Австрія въ свою очередь, при войнѣ съ Турками, прибѣгали къ ихъ содѣйствію, дѣлали имъ разныя обѣщанія и всякій разъ обманывала. (Екатерина, Александръ. См. Вацлика. Непремѣнно это все разсказать. Россія, кромѣ денежнаго пособія, почти ничего не сдѣлала для Черногорцевъ, какъ народа. Ни въ одномъ трактатѣ о нихъ не упомянула. Александръ велѣлъ имъ отдать Каттаро, кровью ихъ пріобрѣтенный, Австрійцамъ!) Въ 1852 г. Даніилъ былъ признанъ императоромъ Николаемъ, какъ княземъ. Разсказъ самого князя объ этомъ. Николай больше всѣхъ для нихъ сдѣлалъ. Онъ сдѣлалъ Черногорію княжествомъ. Но не додѣлалъ дѣла. Надо было заставить и другихъ признать это. Честолюбивый князь однако же не показалъ большой благодарности. (По-русски онъ говоритъ хуже, чѣмъ по-французски). Онъ захотѣлъ сейчасъ играть роль самостоятельнаго князя, и какъ таковой вступать въ непосредственныя сношенія съ прочими державами, съ Франціей и Австріей. Такъ въ 1853 г. посольство графа Лейнингена въ пользу Черногорцевъ! Отчего не приняли участія въ войнѣ противъ Россіи Черногорцы? Этого бы не было при владыкѣ. Въ Сербіи былъ Александръ Карагеоргіевичъ, намъ нерасположенный. Но Черногоріи не страшенъ никто. Хотѣли милостиваго расположенія Франціи и Австріи и получить что-нибудь за такое воздержаніе. Такъ и вышло. Послѣ войны, Турки снова объявили свои притязанія на Черногорію, совершенно незаконныя, ибо Черногорцы никогда не покорялись имъ, никогда не платили дани. Послѣдовала знаменитая Граховская битва, для которой Австрійцы пропустили Турокъ чрезъ свои владѣнія. Битва славная! Три (?) тысячи Черногорцевъ побили 8 тысячъ Турокъ, взяли нѣсколько тысячъ ружей, всѣ пушки, знамена, музыку, палатки, обозы, словомъ все. Это

все сложено, какъ дрова, въ арсеналѣ Цетиньскомъ. (Да и вообще все оружіе на Черногорцахъ турецкое, отнятое у непріятеля). Зеленыя турецкія палатки до сихъ поръ красуются тамъ и сямъ, служа мирному употребленію.—Князь обратился съ дипломатическою нотою къ разнымъ державамъ, къ Россіи и въ особенности къ Франціи. Назначили пограничную коммиссію, въ которой участвовалъ Петковичъ съ топографомъ Быковымъ, французскій консулъ въ Скутари, англійскій, турецкій и отъ Черногоріи Петръ Стефановъ Вукотичъ. (Красавецъ, начальникъ *гвардіи*, въ высшей степени comme il faut, герой, но въ то же время скромный. Я любовался имъ какъ картиной). Россія дѣйствовала за-одно съ Франціей. Съ одной стороны убавили имъ, съ другой прибавили; прибавили гораздо больше противъ требованій Турокъ, но не оправдали ожиданій Черногорцевъ, довольно умѣренныхъ. *Соленой* водицы имъ не дали! Во всякомъ случаѣ признаніе *границъ*—этотъ фактъ самъ по себѣ возводилъ Черногорцевъ на степень независимой политической державы. (Англія не признала и Австрія также, да и прочія державы не высказались явно. См. выше, какъ названо было это разграниченіе). Отнынѣ князь черногорскій состоитъ въ мирѣ или войнѣ, словомъ вошелъ (de facto) въ кругъ европейскаго народнаго права.—Я нахожу, что это для него не совсѣмъ выгодно.

Поправить. Причина вмѣшательства Австріи въ 1853 г. На возвратномъ пути изъ Петербурга ласкали князя и носили на рукахъ. Во время войны князь предлагалъ составить легіонъ; ему отказали и велѣли сидѣть смирно. Послѣ войны, еще до заключенія мира, Франція стала его ласкать и обворожила его, такъ что онъ совсѣмъ имъ поддался, и Стремоух. нашъ консулъ долженъ былъ прекратить всѣ сношенія съ нимъ. Года два почти не было сношеній. Французы обѣщали ему денежныя субсидіи, но дали только одинъ разъ. Тогда онъ обратился опять къ Россіи и написалъ Государю письмо. Сношенія возобновились и съ тѣхъ поръ деньги посылались аккуратно. Родилась дочь. Государь былъ ея крестнымъ отцемъ. Петковичъ крестилъ именемъ Императора съ большимъ торжествомъ. Государь прислалъ княгинѣ великолѣпный брилліантовый браслетъ, но ребенку ничего. Княжна Ольгица.

Теперь каждый захватъ земли можетъ быть ему воспрещенъ, поставленъ въ вину. Теперь ему труднѣе пріобрѣсти себѣ Боснію и Герцеговину. Онъ не можетъ и помогать явно теперешнему возстанію, ибо находится въ мирѣ съ Турками.—Вообще же, мнѣ кажется, что политическое существованіе Черногоріи, какъ Черногоріи, все же обусловлено временными историческими условіями. Убѣжищемъ эти горы быть могутъ, но не жилищемъ. Развиваться политической державѣ въ нихъ нельзя. Присоединить Боснію и Герцеговину—Черногорія уничтожается. Не будь Турковъ въ Европѣ—Черногорія исчезнетъ. Историческая миссія этихъ горъ должна исчезнуть, и онѣ должны быть прорыты и изрѣзаться дорогами и каналами.

Обратимся къ князю. Вліяніе Франціи очень сильно, какъ политическое, такъ и нравственное, вліяніе *моды*.—Отношеніе извѣстное. Холопство и рабство. Жена щеголиха, модница, дочь тріестскаго купца, говорящая по-французски и по-англійски очень хорошо, розыгрывающая роль свѣтской дамы. Она нѣсколько разъ въ день мѣняетъ платье, новаго французскаго покроя. Является за завтракъ въ бѣлыхъ или палевыхъ

перчаткахъ, какъ на балъ, за столомъ скидаетъ, а послѣ обѣда или завтрака тотчасъ же надѣваетъ ихъ и остается такъ часовъ пять, шесть. У нея компаньонка, Англичанка, (разумѣется, агентша Англіи), хорошо говорящая по-французски.—Княгиня всегда съ ней и гуляетъ. У нихъ живетъ французъ докторъ, Todeski, человѣкъ очень умный,. родомъ Корсиканецъ. Все это поддерживаетъ французское вліяніе. Онъ пишетъ князю дипломатическія ноты и всѣ дипломатическія бумаги. По-сербски онъ пишетъ только къ русскимъ консуламъ, которые отвѣчаютъ ему по-русски. (Хотѣлъ къ нашимъ писать по-французски, но тѣ не позволили). Братъ князя, воевода Мирко, президентъ Сената, женатъ на простой Черногоркѣ, не умѣетъ ни читать, ни писать. Вообще всѣ родственницы князя простыя, неграмотныя Черногорки, живущія общимъ образомъ жизни со всѣми Черногорцами, занимающіяся хозяйствомъ, кухней, шитьемъ и проводящія жизнь въ дымной кухнѣ. Самолюбіе женское ихъ должно страдать при столкновеніи съ княгиней. Впрочемъ и она иногда въ торжественные дни надѣваетъ черногорскіе костюмы. Она говоритъ по-сербски, довольно мило, съ нѣкоторой аффектаціей.—До князя почти не было лошадей въ Черногоріи. Нахіи сражались одна съ другою. Это все прекращено. Онъ старался снять съ Черногорцевъ обвиненіе въ разбойничествѣ и строго преслѣдовалъ всякія нападенія на *Турокъ*. Успѣлъ въ этомъ. Нѣкоторое время народъ былъ недоволенъ его нововведеніями, но теперь помирился. Онъ изгналъ семейство, родственное Вукотичей.—У него заведена *гвардія*, перенники съ мѣдными бляхами (двуглавый орелъ), изъ 1000 человѣкъ. Дежурные капитаны, перенники, — часовые. Нахіи управляются капитанами и воеводами. Сначала это было на основаніи родоваго начала. Воевода былъ изъ того же рода (нахію составляло одно родственное племя, вродѣ Клановъ. Напр. нахія *Нѣгушей*, Вукотичей и проч. Всѣ такъ и зовутся). Теперь князь сдѣлалъ изъ этого достоинство отвлеченное, есть воеводы безъ воеводствъ и воеводы, управляющіе нахіями по назначенію князя.—Сенатъ учрежденъ еще покойнымъ владыкой, князь опредѣлилъ его занятія и увеличилъ число сенаторовъ. Большею частью Сенатъ не знаетъ грамоты. Письменныхъ дѣлъ нѣтъ. У князя есть адьютантъ и родъ секретаря, одинъ письмоводитель на всю Черногорію. Министръ иностранныхъ дѣлъ (попечитель, членъ министерства) Иво Раковъ не умѣетъ писать!—Съ одной стороны есть задатки для бюрократіи. Полицейское благоустройство Европы соблазняетъ ихъ. Хочется быть Европейцами. Но съ другой стороны все носитъ характеръ первоначальности Вы присутствуете при первыхъ временахъ, при зачатіи политическомъ. Исторія только вскользь упоминаетъ намъ объ этихъ временахъ, покрытыхъ большею частью дымкою миөа. А тутъ вы воочію присутствуете, участвуете въ эпохѣ героическаго эпоса. Впечатлѣніе удивительное!—Сенатъ собирается большею частью подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь въ тѣни, подъ навѣсомъ, подъ деревомъ. Письменнаго производства нѣтъ. Судъ происходитъ такимъ образомъ. Сначала судятъ въ нахіи капитанъ или воевода. Но Черногорцы обыкновенно не довольны этимъ судомъ и идутъ въ Сенатъ. Но и Сенатскимъ судомъ большею частью они не довольны и требуютъ суда Князя (его обязанность, его значеніе, его

призванie. У Славянъ двѣ инстанцiи: мiръ, мiрская сходка и Князь—посредникъ). Боже сохрани, если бы князь не вышелъ къ Черногорцу, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ! Судомъ же Князя обѣ стороны всегда довольны, т. е. безпрекословно ему покоряются, оба цѣлуютъ у него руку и уходятъ. NB. Это замѣчательное указанiе. Коллективный судъ не принимается народомъ. Князь очень занятъ этимъ судомъ, часовъ 5 въ день судитъ, иногда изъ окна, иногда, какъ я самъ видѣлъ, выйдетъ въ рубашкѣ (безъ верхняго платья), станетъ подъ деревомъ, около него толпа Черногорцевъ, вооруженные, курящiе, тутъ и мальчишки, дѣти. Формальностей никакихъ! Бумаги никакой. Тутъ же рѣшается дѣло! Я вспоминалъ Ярославовъ дворъ! Прибавьте къ этому окрестность: дикiя горы, каменья, живописные костюмы, вездѣ оружiе. Иногда же Князь сидитъ и бесѣдуетъ вмѣстѣ съ Черногорцами, которые также сидятъ и бесѣдуютъ и курятъ.— Иногда въ дождь собираются всѣ на кухню къ Мирко, гдѣ около дымнаго очага всѣ, и Князь, сидятъ, вмѣстѣ курятъ, судятъ, рядятъ, и толкуютъ font de la politique. Иногда же призовутъ слѣпца-гусляра и заставляютъ его пѣть пѣсни. Гусли инструментъ первобытный: родъ балалайки съ *одной струной*, на которой играютъ смычкомъ, т. е. это родъ маленькаго лука, играютъ тетивой. Можно себѣ вообразить, какое однообразiе ноты! Даже дырочекъ нѣтъ никакихъ. Пѣсни все очень монотонны. Пѣсни всѣ героическiя, историческiя. Есть *одна* только пѣсня любовная: зелено ябуко (яблоко).

Литературы никакой нѣтъ. Владыка Петръ II писалъ и печаталъ свои сочиненiя, но они не имѣютъ народнаго характера, не сдѣлались народными. Исторiя живетъ въ пѣсняхъ. Каждое событiе можетъ сдѣлаться предметомъ пѣсни. О Граховской битвѣ есть нѣсколько пѣсенъ. Удивительно. Каждое современное событiе вы чувствуете, народъ способенъ отвлечь отъ современной непоэтической дѣйствительности и перенести въ областъ пѣсенныхъ сказанiй, облечь красками поэтическими, такъ что и не узнаешь въ нихъ современности. (Граховская пѣсня. Французы и Нѣмцы въ этой пѣснѣ!). Каждая современная жалкая фигурка способна у этого народа даже теперь выражаться въ колоссальныхъ образахъ, изъ опредѣленности и случайности перенестись въ область неопредѣленности, туманности исторической. Народъ и не народъ очень любятъ эти пѣсни, знаютъ ихъ. Когда я былъ въ Рѣкѣ Чернаевичевой (Rjeka), то Черногорцы говорили мнѣ, что вотъ это мѣсто было взято Турками тогда-то, лѣтъ столько-то тому назадъ, оттуда-то пришло турецкое войско, точно будто бы это было вчера, съ такимъ же живымъ интересомъ. Для народа, живущаго такъ непосредственно, какъ Черногорцы, 300, 300 лѣтъ, какъ и въ исторiи, нипочемъ, словно одинъ день. Личность постоянно поглощается общею личностью народа, которому размѣры времени не по нашему! Я видѣлъ автора многихъ пѣсенъ. Молодой малый, 19 лѣтъ, учитель или помощникъ учителя *школы*. Разумѣется, авторъ долженъ былъ быть всегда и вездѣ, но чувствовалъ, что сочиненная имъ пѣснь тотчасъ же переставала быть его личнымъ достоянiемъ. Есть пѣсня (его же) про завѣщанiе покойнаго владыки. Кажется, она также перене-

сена въ народное достояніе.—Разумѣется теперь, когда завелся *дворъ*, можетъ возникнуть и лесть. Сочинена пѣсня про крещеніе княжны Ольгицы, но, кажется, эта пѣснь—чистая лесть, казенщина. Княгиня упомянула объ ней, но Князь сдѣлалъ жестъ презрѣнія.—У Черногорцевъ нѣтъ дворянства. Есть отличные роды. Всѣ свободны и равны. Всякій сознаетъ себя воиномъ, дѣятельнымъ членомъ своего общества, всякій знаетъ, что существованіемъ Черногорія была и есть обязана въ равной степени всѣмъ и каждому. Есть что-то гордое въ ихъ поступи, что-то бодрое въ нихъ. Теперь нѣтъ дворянства, но есть должности, въ которыя могутъ быть назначаемы всѣ, безъ разбору.—Власть Князя сильна. Есть тюрьма, въ которую онъ приказываетъ иногда сажать и сенаторовъ. (Вѣроятно, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ сенаторами же). Въ тюрьмѣ сидятъ и по году. *Законникъ Князя*. Разобрать его. Убить Турка для Черногорца тоже, что раздавить муху. Мальчишки носятъ пушки и *кушашъ*.—Я видѣлъ поповъ, одѣтыхъ по-черногорски, безъ бороды,—узнать нельзя, что попъ. Но когда служитъ, то надѣваетъ эпитрахиль, иногда и ризъ не надѣваетъ. Нынѣшній владыка однако надѣваетъ ризы и подрясникъ, но одѣвается какъ далматинскій архіерей, а не какъ русскій. «Эхъ, братъ, опопили тебя», говорятъ Черногорцы, какъ мы скажемъ: обабили тебя.

Къ князю приходятъ судиться и изъ Герцеговины и Босніи и даже изъ Далмаціи Австрійской! *Господарь* его зовутъ. Онъ имѣетъ и вліяніе и тайныя сношенія.

О Быковѣ. Русскій топографъ. Пріѣхалъ унтеръ-офицеромъ, теперь офицеромъ. Уже два года въ этихъ странахъ, т. е. въ Константинополѣ и Рагузѣ. Отлично знаетъ свое дѣло. Знаетъ теперь Черногорію вдоль и поперекъ и говоритъ, что всѣ карты сравнилъ. Бѣлокурый, немножко флегматиченъ, шутливый, добрый парень, совершенно русскій человѣкъ среди этихъ черномазыхъ Черногорцевъ. Какъ русскій человѣкъ, полонъ юмора спокойнаго. Его ужасно любятъ Черногорцы отъ Князя до послѣдняго пастуха. Княгиня также: M-r Bicoff, господинъ Биковъ! Онъ всегда за столомъ у Князя. Предо мной не скрывается. Онъ могъ бы быть очень важнымъ агентомъ и имѣть вліяніе, если бы былъ образованнѣе и былъ другого характера. Ему не пересилить значенія доктора. Но онъ много разсказывалъ любопытнаго. Французоманія сильна. Обожаніе Парижа точь въ точь какъ у Московскихъ барышень временъ Грибоѣдова. Такъ и чувствуется: Ахъ, Франція, нѣтъ въ мірѣ лучше края!

Обращаюсь къ перечню дней. Пріѣхали мы въ середу. Въ ожиданіи позднего обѣда пошли мы, переодѣлись, стали гулять. Познакомился я тутъ съ Петромъ Цуцой, капитаномъ (?), нѣкогда воспитывавшимся въ пажескомъ корпусѣ и ученикомъ Савельева Ростиславича, который внушилъ ему страстное Славянофильство. Онъ говорилъ по-русски, имѣетъ довольно много свѣдѣній, цитуетъ Пушкина и другихъ русскихъ литераторовъ, но одичалъ. Трудно узнать въ немъ пажа и гвардейскаго офицера. Со времени возвращенія въ Черногорію, которую онъ называетъ Славянскою Спартою, онъ не брался ни за одну книгу. Онъ родствен-

никъ Князя и почти всегда съ нимъ споритъ, горячо преданъ *Россіи.*— Французоманія его раздражаетъ. Онъ написалъ мнѣ *стихи.* Говоритъ шибко и много, довольно умно, но подъ конецъ завретея. Приходилъ къ Петковичу Петръ Вукотичъ, о которомъ смотри *выше.*

Я впрочемъ не замѣтилъ особеннаго вниманія къ русскому консулу. На встрѣчу никто къ намъ не вышелъ. Князь принялъ его безъ верхняго платья, словомъ ни радости, ни empressement'а не замѣтилъ. Мирко, кажется, и не былъ. Я узналъ потомъ, что и проѣзжая черезъ Рагузу, онъ не заѣзжаетъ къ консулу. А Ива Раковъ, говорятъ, подъ пьяную руку проговорился, на что намъ Русскіе, мы пожалуй и католиками сдѣлаемся. Но трезвый онъ хитеръ и скрытенъ. Я нахожу, что Петковичъ слишкомъ дипломатничаетъ. Съ Черногорцами надо быть или хоть прикидываться—на распашку. У него слишкомъ чиновническій видъ. Вообще и въ Рагузѣ его не любятъ и гораздо больше любятъ его секретаря, Лаговскаго.

Осмотрѣли монастырь, гдѣ нѣтъ монаховъ, гдѣ лѣстница почти разрушена водою, вытекающею изъ горы зимою. Тутъ есть школа. Учитъ учитель какой-то Сербъ, разумѣется, самыя первоначальныя знанія. Учениковъ нѣтъ 25, родители за нихъ платятъ. Устроить училище не мѣшало бы лучше.

Изъ Черногоріи только *двое* воспитываются въ Россіи, въ семинаріи. Были еще двое, но они умерли. *Былъ какой-то учитель* Итальянецъ, хотѣлъ учить французскому и итальянскому языку и Князь этого желалъ, но дѣло не пошло и черезъ два мѣсяца онъ уѣхалъ.

Во Франціи воспитываются *три* Черногорца. Одинъ изъ нихъ племянникъ Князя (l'héritier présomptif) Никита по общему прозванію или Михаилъ, воротился тому назадъ два мѣсяца, проживши года три въ Парижѣ. Онъ ничего оттуда не вынесъ (ему 19 лѣтъ), кромѣ разнѣженности, а между тѣмъ дѣтина дюжій! Онъ помѣщенъ въ самомъ дворцѣ, слѣдовательно на европейскомъ комфортѣ. Онъ тяготился сначала носить кожаный поясъ съ вооруженіемъ, но Князь его заставилъ. Иногда въ своей комнатѣ онъ тѣшится, надѣваетъ свои парижскія платья. Первый его совѣтъ Князю, разумѣется, отвергнутый, былъ уничтожить преподаваніе Закона Божія въ училищѣ: «не всѣ попы будутъ»! Хорошъ будущій Князь! Но въ немъ такъ мало юнака, что едва-ли онъ будетъ Княземъ. Замѣчательно, что ни братъ, ни племянникъ, никто не называется Княземъ. Мирко зовутъ *господинъ* Мирко. Странно. Племянникъ парижанинъ живетъ во дворцѣ, а отецъ его и сестра живутъ по черногорски, сестра и грамотѣ не знаетъ! Никита не имѣетъ ни малѣйшаго расположенія къ Россіи, все грезитъ Франціей. Тетка его балуетъ, нѣжничаетъ съ нимъ. *Ma tante*, *ma tante*.

Князя титулуютъ monseigneur, Altesse. Россіи угрожаетъ революція, объявилъ Никита Князю, а Князь Быкову (воротился изъ Парижа, гдѣ онъ прочелъ конечно, т. е. слышалъ о книгѣ Долгорукова). Трудно проповѣдывать противъ парижанства. У васъ въ Россіи дворъ не говоритъ иначе, какъ по-французски, одѣваетесь вы по-французски и проч. Совершенно спра-

ведливо. Гулять въ Цетиньѣ негдѣ. Есть гостинница, содержимая какимъ-то Итальянцемъ изъ Каттаро, женатымъ на славянкѣ католичкѣ. Всего двѣ комнаты въ гостинницѣ. Одна предназначена для пріѣзжающихъ въ Цетинье капитановъ и воеводъ. На полу постланы шкуры или мѣха овечьи. Другую комнату съ постелью занялъ я.—Кожаный поясъ для оружія называется у Черногорцевъ *силіяхъ*.

Въ гостинницѣ дѣлаютъ кофе, шербетъ (мороженое).—Наконецъ наступило время обѣда. Опять фракъ, бѣлыя перчатки и круглая шляпа. Отправился. Вышла Княгиня. Меня ей представили. Петковичъ велъ ее подъ руку. Меня посадили подлѣ Князя. За столомъ обѣдалъ племянникъ, адьютантъ Князя, Быковъ, докторъ, Англичанка, я, Князь и Княгиня. Столъ не хорошъ. Кушаній много. Красное вино черногорское очень хорошо. Много претензій. Хересъ. Разговоръ шелъ по-французски о томъ и о другомъ. По случаю беременности русской Императрицы, Князь выражалъ сожалѣніе, что у Наполеона не 5 сыновей. Говорили о Бѣлопавличахъ. Князь тамъ устраиваетъ нѣчто въ родѣ фермы. Выписалъ итальянца, который уже посадилъ 4 тысячи разныхъ растеній или деревьевъ.—Говорили о притѣсненіяхъ христіанъ. Князь безъ церемоніи высказывалъ мысль: если бы Герцеговину отдали Босніи... Говорилъ о томъ, что есть предположеніе отдать Боснію и Герцеговину Австріи.—Послѣ обѣда, (за которымъ адьютантъ молчалъ, а въ углахъ стояли два высокихъ Черногорца, въ родѣ чубукчи у Турокъ—тяжело было ихъ видѣть и совѣстно говорить при нихъ по-французски) дамы, и мы за ними пошли въ гостинную, а двери въ залѣ закрылись, тамъ остался Князь, вѣроятно, курить. Послѣ обѣда сейчасъ сходятся къ нему сенаторы, капитаны, которые на лицо, играютъ съ нимъ въ шашки, карты, курятъ, толкуютъ. Весь вечеръ остается онъ съ ними, нерѣдко до 1-го часу ночи. Княгиня съ гостями сидитъ до 11-ти часовъ.

Докторъ показывалъ свою фотографію. Онъ выписалъ себѣ инструменты и занимается самъ фотографіей. Снялъ виды Цетинье, портреты. Не дурно. Онъ пріобрѣлъ огромное довѣріе у Черногорцевъ благодаря двумъ-тремъ операціямъ; самъ лекарства приготовляетъ. Онъ прилагаетъ къ Черногорцамъ, требующимъ скораго леченія, многія новѣйшія открытія науки. Напр. лечитъ посредствомъ электрическихъ машинъ, вводитъ стрихнинъ. У него ученики. Къ нему приходятъ лечиться даже турки. Онъ, разумѣется, агентъ французскаго правительства и совѣтникъ Князя. Умный человѣкъ.—Говорили о томъ, о семъ, я разсказывалъ много про Германію. Часа черезъ два мы раскланялись и, не прощаясь съ Княземъ, ушли.—Княгиня мила, но чопорна и пуста. Имѣетъ однако вліяніе на Князя.

На другой день утромъ я писалъ письмо (четвергъ), потомъ пришелъ ко мнѣ Цуца и еще черногорецъ. Потомъ походилъ немного, посидѣлъ съ разными черногорцами на скамьѣ подлѣ гостинницы. Пора одѣваться и идти завтракать. Завтракъ. Князь уже узналъ, что я литераторъ и поэтому мнѣ стали оказывать гораздо больше вниманія. За завтракомъ и съ тѣхъ поръ уже постоянно сажали меня подлѣ Княгини. Тутъ являлась княжна Ольгица для развлеченія. Милый ребенокъ.

Князь сообщилъ извѣстіе о возстаніи Герцеговины. Я изъявилъ желаніе, чтобы они скорѣе нашли себѣ Гарибальди. Князь дразнилъ при мнѣ племянника, что будь иной, онъ пошелъ бы воевать какъ Гарибальди, а онъ Князь былъ бы, comme le roi de Piemont. «Пошлите меня», отвѣчалъ тотъ. «Что тебя посылать, у тебя то то, то другое болитъ»... Тетка замяла разговоръ.—Потомъ разойдясь, я долго разспрашивалъ Быкова о Черногоріи, о томъ, о семъ.—У Ива Ракова два сына въ Парижѣ, и одинъ чуть ли не мальчикъ 6 лѣтъ. Хорошъ выйдетъ черногорецъ и православный! Зачѣмъ не въ Россію? А между тѣмъ Русь православная даетъ даромъ земли всѣмъ черногорцамъ, переселяющимся по случаю голода. Князь не препятствуетъ, многіе уѣхали. Но какова претензія! Нѣкоторые воображаютъ, что могутъ, получивши, продать и уѣхать назадъ въ Черногорію!—О Ковалевскомъ память очень жива. Владыки не было въ Цетиньѣ. Онъ объѣзжалъ Черногорію. Быковъ увѣряетъ, что онъ терпѣть не можетъ Россіи, потому что Филаретъ заставилъ его поститься (?).—Воротившись домой, я продолжалъ писать письмо. Потомъ опять переодѣлся, зашелъ къ доктору. Онъ мнѣ разсказывалъ между прочимъ, что когда по случаю Граховской битвы Князь раздавалъ медали въ день крещенія своей дочери, то всѣ эти Граховскіе герои, въ числѣ 2000 (?) были собраны. Князь вышелъ къ нимъ и держалъ рѣчь о значеніи медали. Un discours bien senti, говорилъ Тадески. По окончаніи рѣчи, одинъ изъ собранныхъ, старый, но величавый старикъ просилъ позволить сказать слово. Ему позволили. «Къ чему намъ эти игрушки, годныя только для забавы бабъ и дѣтей, говорилъ онъ, онѣ не прибавятъ и не убавятъ черногорской славы; здѣсь мы получаемъ знаки чести, а тамъ насъ позорятъ ударами, Австрійцы ругаются надъ нами! (Дѣло въ томъ, что Австрійскіе солдаты за ничто арестовали и прибили или выслали одного черногорца!) Что же значитъ наша честь, когда она въ поруганіи!» Его рѣчь произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ. Всѣ взволновались. «Мы требуемъ удовлетворенія, Князь, и если ты не хочешь, то мы сами безъ тебя добудемъ себѣ удовлетвореніе. Князь пробовалъ говорить, голосъ его былъ заглушенъ. C'était comme u. souffle de guerre. Il fallait toute l'énergie du prince pour réprimer ce mouvement. Петковичъ разсказывалъ иначе. Онъ сошелъ къ Князю и объявилъ ему, что будетъ писать и просить посланника оказать удовлетвореніе. Князь объявилъ объ этомъ народу, прибавивъ, что самъ будетъ писать объ этомъ Австрійскому правительству, что и исполнено съ успѣхомъ.

У Князя протекаютъ потолки. Онъ хотѣлъ купить олова въ Тріестѣ. Австрійцы не пропускаютъ, говоря, что это военный матерьялъ!—Еще разсказывалъ Князь про то, что нѣсколько семей черногорцевъ, продавши все свое имущество, пошли въ Сербію; но были остановлены турками, вмѣстѣ съ другими христіанами. Турки требовали оружіе. Черногорцы не согласились. Скорѣе голову, чѣмъ оружіе. Bravo montagnards, сказала при этомъ случаѣ Княгиня. Помучивши ихъ и обобравъ деньги, ихъ возвратили въ Черногорію. Здѣсь приходятъ много бѣглыхъ изъ Австрійскихъ войскъ и даже нѣмцевъ. Опять обѣдъ, опять вечеръ у Княгини.

Я ушелъ раньше, потому что собирался на другой день, рано утромъ, ѣхать въ Рѣку. На другой день, въ пятницу, рано утромъ сѣли мы верхомъ и поѣхали съ проводниками. Дорога ужасная! Но по мѣрѣ того, какъ мы спускались къ Рѣкѣ, природа становилась ласковѣе, почва плодотворнѣе. Много гранатовъ въ цвѣту, деревьевъ, лѣсовъ. Всего два часа пути. Тутъ увидали мы издали Скутарское озеро, котораго только самая малая часть принадлежитъ черногорцамъ. Отъ Скутари (гдѣ консулъ у насъ Сученковъ) до Рѣки всего двѣнадцать часовъ. Тамъ и другіе консулы. Въ Рагузѣ ихъ нѣтъ. Есть только турецкій и папско-греческій (!) Рѣка не судоходна, однакожъ лодки съ товарами кое-какъ проходятъ. Рѣка по крайней мѣрѣ похожа если не на городъ, то на торговую деревню. Есть нѣкоторое движеніе, жизнь, болѣе aisance. Чуть ли не гармонійка имѣется. Есть лавки, разумѣется, скверныя, но не хуже турецкихъ и татарскихъ въ Евпаторіи. Есть портные. Всѣ эти мастеровые сидятъ въ маленькихъ сарийчикахъ о трехъ стѣнахъ на полу. На ночь или они выбираются отсюда, или же забираются досками. Сюда отдаютъ шить черногорскія одежды.—Сукно и позументы (бѣлое сукно) выписываютъ изъ Вѣны. Позументы же московскаго издѣлья. Чрезъ сколько рукъ проходятъ!

Мы остановились въ домѣ брата или родственника одного маіора, служащаго въ русской службѣ на Кавказѣ. Въ этомъ домѣ и Князь останавливается. Единственно чистый. Есть стулья деревянные. Мы напились кофею, потомъ пошли ходить. Къ намъ пришло много черногорцевъ, очень радушно и привѣтливо меня встрѣчавшихъ. Все молодцы. Женщины, кромѣ старухъ-матерей, не смотрятъ хозяйками, а работницами. Въ сопровожденіи цѣлаго множества (дѣлать-то имъ, по правдѣ сказать, нечего) отправились мы смотрѣть церковь, бывшій монастырь. Тутъ нѣкогда была типографія, которая 7-ю годами раньше московской устроена. Книги, въ ней напечатанныя, чрезвычайно рѣдки.—Церковь очень стара и *бѣдна*, какъ и всѣ церкви въ Черногоріи. Книги русскія, временъ Елизаветы. Кстати: теперь поминаютъ на эктеніяхъ только Князя и Княгиню и владыку, а прежде, при прежнемъ владыкѣ, читали какъ въ книгахъ написано, всю нашу царскую фамилію. Видъ съ горы на Рѣку очень хорошій. Князь устроилъ мостъ, первый черногорскій, черногорцами и сдѣлалъ родъ набережной.—Сѣли мы тамъ на камнѣ и вокругъ насъ, у подошвы развалинъ этого монастыря, расположились живописно черногорцы, должностные и простые старики и мальчишки, а кругомъ горы и вдали озеро. И довольны! Или если не довольны, то мудро терпѣливы. Въ нашемъ нетерпѣніи много личнаго эгоизма; хотѣлось бы, чтобы случилось при мнѣ, чтобы *я* могъ принять участіе и видѣть. Потомъ мы рѣшились купаться. Черногорцы отсовѣтывали, говоря, что вредно, что недавно шелъ дождь, да и вообще они не купаются раньше 24 іюня. Но мы не посмотрѣли на это, и примѣръ нашъ увлекъ черногорцевъ. Но они никакъ не позволили намъ купаться *совсѣмъ* голыми и послали принести намъ черногорскіе *подштанники*—широчайшіе! (Вообще о цѣломудріи и воздержаности черногорца). Самое нецѣломудренное племя изо всѣхъ сла-

вянъ—это русскіе. Вода страшно холодна: горная и ключевая. Послѣ купанья пошли мы обѣдать, что можно было достать: плавъ, баранина,— все недурно. Послѣ обѣда на берегъ. Смотрѣли, какъ плыли, садились на мель и стаскивались съ мели шесть лодокъ, нагруженныхъ солью, купленной однимъ черногорскимъ *купцомъ* (тамъ всѣ и юнаки и земледѣльцы и купцы!). Были тутъ и Албанцы и герцеговинцы и герцеговинки.—Потомъ отправились мы въ путь обратный. Тутъ помню я встрѣчу съ однимъ черногорскимъ пастухомъ (это впрочемъ случайно, пастухами взрослые не бываютъ). Онъ говорилъ о томъ, что покойный владыка часто напоминалъ имъ о русскихъ. Не знаю почему, но мнѣ послышался въ этихъ словахъ точно упрекъ настоящему времени. (Кажется, я уже говорилъ о завѣщаніи покойнаго владыки на счетъ Россіи, т. е. о пѣсни. Она противорѣчитъ словамъ Вацлака. Мнѣ обѣщалъ Петковичъ прислать ее).—Воротились часу въ 8-мъ—переодѣлись и къ Князю. Обѣдъ. Послѣ обѣда музыка. Княгиня немножко пѣла, у нея есть ноты Стаховича и русскія и малороссійскія ноты (пѣсни). Быковъ имъ поетъ пѣсни. Потомъ англичанка пѣла. Пѣли даже Marseillaise! Потомъ мы простились съ Княземъ, который извинялся передо мною, что не могъ дать мнѣ помѣщенія во дворцѣ и проч.

На другой нень, въ 7-мъ часу утра мы отправились съ Петковичемъ въ обратный путь, опять съ тѣми же черногорцами-проводниками и тѣми же черногорками. Погода перемѣнилась. Небо было сѣро. Еще сѣрѣе казались горы. Опять блеснуло море, и тутъ мы уже не покидали его изъ виду. Какъ оно должно дразнить черногорцевъ. Увидѣли мы Каттаро, за два или три часа до прибытія. Нѣтъ ничего несноснѣе этого спуска. Пошелъ дождь. Я одѣлся было въ *капотъ*, который мнѣ дали въ хатѣ, гдѣ мы на полчаса останавливались, но въ немъ было слишкомъ жарко и тяжело. Дождь пересталъ, я его скинулъ, но дождь пошелъ опять и промочилъ меня до костей.—Но это было какъ-то кстати. Самая же дорога показалась мнѣ еще ужаснѣе. На дорогѣ встрѣтили мы одного черногорца совсѣмъ безъ рубашки, но въ штанахъ и съ медалью Граховскою на груди.—Потомъ встрѣтили двухъ герцеговинцевъ верхомъ, вооруженныхъ и съ краснымъ тюрбаномъ на головѣ. Они остановились поговорить съ Петковичемъ. Они ѣхали къ господарю (Князю черногорскому и Брускому) посовѣтоваться на счетъ возстанія. Петковичъ объяснялъ имъ, что они зачинаютъ глупость, что терпѣли, еще бы потерпѣли и проч. и проч. Извѣстное дѣло. Но они отвѣчали, что терпѣли довольно: уже 500 лѣтъ терпимъ? Не въ могоду стало. Какъ Богъ дастъ и проч. На лицахъ ихъ была написана рѣшимость. Видно, что они говорили съ Петковичемъ изъ одной учтивости. Они, говорятъ, осаждаютъ какую-то турецкую крѣпость. У нихъ пороха нѣтъ. На меня они произвели сильное впечатлѣніе. Дай Богъ имъ успѣха. NB. Объ орденѣ, установленномъ Княземъ за «независимость Черногоріи». Красивый, желѣзный. Онъ далъ его Балабину и ему позволили его принять. Это важно.

О торговлѣ. Бумажки австрійскія тамъ не ходятъ, только дукаты и цванцигеры. Крейцеры называются карантамами. Князь всячески ста-

рается распространить промышленность. (Мы присутствовали при появленіи перваго плуга въ Черногоріи, выписаннаго изъ Италіи. Сцена на дворѣ у Князя). Черногорцы торгуютъ коконами, которыхъ покупаютъ теперь много по случаю болѣзни на виноградѣ. Есть еще родъ рыбы копченой. Для Каттаро очень важна торговля съ ними, тѣмъ болѣе, что у нихъ все звонкая монета. Она *все* должна покупать. Но Черногорія могла бы производить еще больше. У нея хорошія вина, можно было бы разводить фрукты разные. Земля, гдѣ она есть, могла бы давать вдесятеро больше, но скверно обработывается деревянными (съ гвоздями) сохами.—Струка черногорская.

Утомленные, вымоченные пріѣхали мы въ субботу въ Каттаро. Остановились у Бѣлодиновича. Пообѣдали. Потомъ пошли ходить. Вечерѣло, и рейдъ Каттарскій явился во всей своей красѣ. Тутъ стоялъ пароходъ. Вечеромъ онъ былъ освѣщенъ, и на немъ раздавались сербскія пѣсни и русскія «Ты душа ль моя» и проч. Пѣла дочь капитана и ея гувернантка. Русскіе звуки, чудная ночь, нависшія скалы Черногоріи...

Les bouches de Cattaro,—подземныя рѣки, втекающія въ заливъ. Долго мы гуляли. Потомъ пошли въ Славянскую кофейню, гдѣ пришелъ къ намъ племянникъ Архимандрита и далъ мнѣ стихи (см. выше).

На другой день, въ воскресенье, въ 8 часовъ утра, сѣли мы на пароходъ Albania. Веселый и пьяный капитанъ. Странная его семья. Вѣтеръ, качка; но рвоты не было. Опять знакомая красота береговъ, — Гравоіа, Рагуза. — Я пошелъ во свою гостинницу Alla Corona; послалъ за письмами и мнѣ принесли три письма: одно отъ Боденштетъ, другое отъ моихъ; третье отъ — забылъ.

(Я, кажется, забылъ сказать, что, ѣхавъ въ первый разъ отъ Рагузы въ Бокко де Каттаро, я читалъ на пароходѣ письмо Чижова о моихъ стихахъ. Все кругомъ противорѣчило).— Въ тотъ же вечеръ Лаговскій, Секретарь консульства перетащилъ меня къ себѣ. — Скоро раздалась музыка подъ деревьями и собралось Рагузское общество. Тутъ познакомился я съ графомъ Orso Pozza de Lagorie. Но его славянскій титулъ смотри на книгѣ, которую онъ подарилъ мнѣ. Онъ былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1851 г., знакомъ съ Елагинымъ и Константиномъ. Піемонтскій подданный онъ, но древняя и Рагузинская фамилія. У него есть до сихъ поръ сродичи въ Турціи, мусульмане.

Ночь была восхитительна. Я думалъ сначала ѣхать во вторникъ на пароходѣ, но выходило такъ, что мнѣ пришлось бы почти недѣлю выжидать парохода въ Зарѣ, и я предпочелъ остаться въ Рагузѣ, тѣмъ болѣе, что Петковичъ, желавшій показать мнѣ окрестности, только къ средѣ могъ быть свободенъ.

Съ Поццой мы говорили по-французски. Но онъ знаетъ довольно хорошо и по-русски. — Онъ католикъ, но не фанатикъ, какъ его братъ (котораго впрочемъ теперь въ Рагузѣ нѣтъ). Онъ очень милъ, любезенъ, образованъ, оригиналенъ, блондинъ, смотритъ флегматикомъ, а горячій славянинъ. Австрію ненавидитъ. Вообще грустно смотритъ на будущее. Я говорилъ ему про нашу русскую общину и тѣ начала, которыя важны

какъ залогъ славянскаго самоуправленія, ихъ будущаго политическаго существованія и проч. Это его очень интересовало. У нихъ вниманія мало было обращено на этотъ вопросъ.

На другой день, въ понедѣльникъ, писалъ письма. Вообще рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, чтобы записать все незаписанное съ самаго Тріеста. Былъ у Казначича (онъ докторъ, небогатый человѣкъ; горячій Славянофилъ, католикъ, впрочемъ). Не засталъ его дома. Видѣлъ его жену: красивая очень женщина, съ великолѣпными волосами. Удивительно хороша. Мнѣ такъ странно было видѣть славянскую даму и слышать въ ея устахъ языкъ народный. — Здѣсь дамы всѣ знаютъ по-славянски, но не хотятъ большею частью ни читать, ни писать по-славянски, потому что нѣтъ учителей, и въ монастыряхъ, гдѣ онѣ воспитываются, не учатъ. Впрочемъ православные знаютъ Кириллицу. Вообще въ Рагузѣ гораздо больше слышишь славянскій языкъ, чѣмъ въ другихъ городахъ Далмаціи. Многіе (женщины) вовсе не знаютъ и не говорятъ по итальянски.

Рагуза. Городъ имѣетъ физіономію чисто итальянскую. Вымощенъ каменными плитами, католическія церкви; замѣчательной архитектуры дворецъ и еще какое-то зданіе, уцѣлѣвшее отъ землетрясенія, бывшаго въ XVII в. Эти зданія совершенное подражаніе Венеціанскому palazzo Ducale. Только вмѣсто Льва, св. Власій, держащій въ рукахъ своихъ городъ. — Одна только улица Stradion существуетъ. Всѣ прочіе переулки темные, узкіе, или лѣстницы каменныя налѣво и направо. Прибрежье по всей Далмаціи очень узко, напираютъ горы. Половина Рагузы взобралась на гору, на нижнюю ея плодоносную часть, обсадилась маслинами и садами и утонула въ нихъ.— Зданій новыхъ никакихъ не видно, никакихъ памятниковъ архитектуры. Вездѣ только развалины и развалины! Старые дворцы съ разрушившимися крышами, съ развалившимися портиками и террасами. Это производитъ тяжелое впечатлѣніе.—Здѣсь растутъ пальмы! Море, небо, климатъ очаровательный. Эти горы, эти скалы еще болѣе скрашиваютъ картину, служа рамками морю и небу, еще больше оттѣняющими красоту ихъ нѣжной сини. Безъ нихъ былъ бы ландшафтъ слишкомъ мягокъ. И въ этой зелени видишь однѣ развалины! Бѣлѣются Австрійскіе мундиры. Рагуза отжила прошлое. Ей, именно, не воротиться къ былому, республикой самостоятельной не бывать; она, какъ и весь Далматинскій берегъ, могутъ начать жить снова, но для этого надо возродиться снова, при новыхъ условіяхъ жизни. Австрійское владычество не таково. Оно парализуетъ и нравственно душитъ. Нигдѣ оно такъ не чувствительно, какъ въ Рагузѣ, гдѣ есть *Nobili*, слѣдовательно люди наиболѣе способные чувствовать гнетъ правительства. Измѣнниковъ, т. е. онѣмеченныхъ Рагузанъ очень мало, какъ и вообще Далматинцевъ. Шпіоны—увы!—всѣ православные—увы! Генералъ - губернаторъ Далмаціи, Мамула, Ректоръ, главный начальникъ Рагузы - всѣ они православные, славяне и всѣ австрійцы!

Теперь представитель Далмаціи въ Reichsrath въ Вѣнѣ, нѣкто Борелли, Далматинецъ Рагузанинъ. Строссмайеръ предлагалъ Далмаціи соединиться

въ своемъ славянскомъ движеніи съ Кроаціей и составить одно управленіе, одну провинцію (вѣроятно, подъ названіемъ Иллиріи), но тотъ отказался, говоря, что хочетъ автономіи для Далмаціи. Но автономія эта едва ли возможна. Далмація вся, т. е. приморье мало имѣетъ условій для самостоятельной жизни, для самостоятельнаго развитія. Собственный въ ней элементъ славянскій не чистъ. Ей необходимо опереться на какую-нибудь сильнѣйшую славянскую страну. Будущее существованіе для Далмаціи только какъ для славянской земли, а не иначе, а не какъ самостоятельной Далмаціи или итальянской провинціи. Вообще Далмаціи слѣдуетъ принять баню славянскаго духа, баню пакибытія и искупить грѣхи латинства. Но почему же Далмаціи не соединиться съ Босніей и Герцеговиной? Они ближе къ ней и составляютъ необходимое условіе ея торговаго существованія? На это можно возразить, что для этого надобно уничтоженіе Турціи, что присоединеніе этихъ провинцій подъ одно австрійское владычество еще болѣе парализуетъ славянское движеніе. Но тутъ есть и другая причина, заставляющая Рагузанъ, какъ Поццо и Казначичъ, искать сближенія съ Кроаціей. Во 1-хъ, *единство* вѣры и орфографіи (латинскія буквы). *Иллирійское* общее движеніе; во 2-хъ, разныя степени образованности. Черногорія, Герцеговина и Боснія совершенно не похожи на Далматинское приморье. Конечно простой самый народъ, живущій гдѣ нибудь въ Книнѣ, вообще не на самомъ берегу, близокъ къ тѣмъ и другимъ, но тамъ, кромѣ народа, никого нѣтъ. Здѣсь своя Исторія, свои воспоминанія, своя жизнь. Далмація, Европейская страна, хотя и не лишенная восточнаго характера! Впрочемъ въ Далмаціи надо различать Далмацію собственно и Рагузу съ Бокко де Каттаро. Боккезцы отличаются своимъ характеромъ отъ прочихъ Далматинцевъ. Рагуза стоитъ совершенно особнякомъ сама по себѣ. Изъ исторіи мы видимъ, что по изгнаніи Аваровъ въ VII-мъ вѣкѣ Хорваты поселились здѣсь и заняли все приморье, кромѣ Рагузы и нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ, въ которыхъ сохранялся всегда элементъ римскій, и славянскій внѣдрился уже мало по малу. Бокко де Каттаро никогда и не было занято Хорватами, а оставалось во власти Сербовъ (Посм. у Фр. Петтера). И такъ первоначальный элементъ латинскій въ Приморьѣ, потомъ славянскій, хорватскій, а въ Каттаро сербскій.

Чтобы не забыть, запишу здѣсь, что слышалъ отъ Поццы о крестьянахъ въ Рагузскихъ округахъ.

Они называются *кметы* и половники. Распоряженіями Сената постановлено было, что ни одинъ крестьянинъ не имѣетъ права владѣть землею. Замѣчательно слово *половники*,—оно есть и у насъ. Кметъ живетъ на условіяхъ: за свой домъ и садъ или виноградникъ онъ платитъ хозяину что-то ничтожное, потомъ платитъ за земли, за поле, платитъ и деньгами и произведеніями: курицами, цыплятами и т. д. Личнаго рабства нѣтъ.—Въ каждой семьѣ есть *домашина*, *избираемый*. Эти домашины составляютъ между собою *Брате*. Брате имѣетъ свое знамя. Сколько домовъ составляло братство, этого мнѣ не умѣли сказать. «Брате, седемъ на вѣче». Избирали прежде «казнача», который теперь назначается отъ

правительства, какъ бургомистръ. Вообще подробно не знаютъ ни Поцца, ни Казначичъ, но обѣщали узнать. Я радъ, что заинтересовалъ ихъ въ этомъ отношеніи.—Увѣряютъ, что въ самой Рагузѣ есть *артель*, т. е. какая-то ассоціація, непохожая на нѣмецкія корпораціи.

Посты (см. у Фр. Петтера) здѣсь строже у католиковъ, чѣмъ у католиковъ другихъ странъ—такіе же, какъ у православныхъ.

И такъ въ понедѣльникъ видѣлъ я г-жу Казначичъ. Вообще о дамахъ. Сплетни здѣсь страшныя. Только двѣ пользуются хорошей вполнѣ репутаціей. Дѣлать нечего, ничего не читаютъ и, кажется, всѣ занимаются любовными интригами.—Одѣваются, когда выходятъ, пышно, а дома чуть ли не сидятъ въ грязныхъ рубашкахъ. Вообще очень грязны, никогда не моются. Наперекоръ общему явленію, здѣсь дамы первыя измѣняютъ народности, выходятъ замужъ за австрійскихъ офицеровъ, говорятъ по нѣмецки.

Обѣдалъ я всѣ дни у Петковича, въ 8-мъ часу. Въ понедѣльникъ приходила хозяйка Albergo Alla Corona и приносила таблицу, чтобы я отмѣтилъ графы о своемъ званіи и проч. Хотя я даже не ночевалъ въ Отелѣ, но исполнилъ это, чтобы не подвергать ее штрафу. Здѣсь обычай по вечерамъ сходиться у воротъ города подъ деревьями, гдѣ кофейня. По праздникамъ тутъ бываетъ музыка полковая.—Послѣ всѣ отправляются бродить по большой улицѣ. Ночи великолѣпныя. Во вторникъ я осматривалъ разныя церкви. Замѣчательнаго мало. — (Потомъ въ воскресенье я осматривалъ ризницу Собора. Мощи, мощи и мощи! Іезуиты произвели было новаго святаго Далматинскаго или Рагузинскаго и сдѣлали его восковую статую, великолѣпную и соблазнительную, но дѣло не пошло на ладъ. Самое замѣчательное, это блюдо, сдѣланное для какого-то Венгерскаго короля. На немъ изваяны травы морскія такъ хорошо, что можно обмануться, когда нальешь воды. Есть также замѣчательный образъ, который посланники Рагузскіе брали съ собою, когда ѣздили въ Константинополь. Есть много крестовъ православныхъ). Дворецъ республики похожъ на Венеціанскій.—Рагуза замѣчательна тѣмъ, что идея всеславянства въ ней искони жива. Поэтъ Гундуличъ воспѣвалъ побѣды Поляковъ, какъ Славянъ. Казначичъ далъ мнѣ стихи Іезуита Рагузанина къ Петру въ 1710 г. Надо отдать справедливость Петру, понявшему значеніе Славянъ въ политическомъ отношеніи для Россіи. Чуть Россія зашевелилась, такъ и загудѣло эхо по горамъ и дебрямъ славянскимъ! — Православные въ Рагузѣ и вообще въ Далмаціи всѣ изъ Герцеговины и Босніи (кромѣ Каттаро). Въ ихъ рукахъ главная торговля. Но въ Рагузѣ и вездѣ въ Далмаціи они не пользуются уваженіемъ, дѣлаютъ гораздо меньше, чѣмъ бы могли, трусы, прикидываются сиромахами и гонимыми, когда ихъ не гонятъ. Католики гораздо смѣлѣе, а у этихъ всѣ ужимки рабства восточнаго.

Хорвація.

Въ четвергъ вечеромъ изъ Тріеста отправился я въ дилижансѣ въ Фіуме или въ Рѣку. Дорогой ничего особеннаго не было. Сидѣвшіе со-

мною въ каретѣ всѣ были Славяне, въ томъ числѣ одинъ капитанъ (Казначичъ?), но всѣ говорили по-итальянски и только со мной по-славянски. Останавливались ужинать въ простой сельской гостинницѣ, гдѣ прислуга говорила по-славянски и наконецъ утромъ часовъ въ 7 пріѣхали въ Фіуме, гдѣ я остановился въ гостинницѣ Al re d' Ungheria. Эта гостинница довольно замѣчательна тѣмъ, что содержитъ ее дама, Signora, толстая, мужественная, неприличная во всѣхъ отношеніяхъ, болтунья (на итальянскомъ языкѣ), плевавшая на право и налѣво. Никакой женской прислуги она не держитъ (для гостинницы). — Изъ оконъ моихъ видно было море, купальни. Я сходилъ выкупался. Портъ, нѣкогда оживленный, теперь совсѣмъ пустъ. Городокъ маленькій, но миленькій; улица Corso такая, что ей могли бы позавидовать любые города Германіи.

Я пошелъ къ русскому консулу. Онъ какой-то объитальянившійся Грекъ, не знающій ни слова ни по-русски, ни по-сербски; уже очень давно здѣсь. Глупъ, пользуется дурной репутаціей. Я думалъ, что его нѣтъ больше въ Фіуме, что на его мѣсто уже присланъ Кожевниковъ, какъ о томъ говорилъ мнѣ Петковичъ. Я говорилъ съ нимъ по-французски. Узнавъ изъ моего разговора, что я былъ въ Вѣнѣ у Балабина, и что *буду* имѣть много знакомыхъ въ Рѣкѣ, онъ видимо струсилъ и сталъ оказывать мнѣ большія любезности. — Отдохнувши послѣ обѣда, пошелъ я къ профессору *Тердинъ*, къ которому имѣлъ визитную карточку отъ Клуна. Онъ Словенецъ. Стучусь очень скромно, ибо опытомъ узналъ, какъ боязливо и робко Славянство въ Краинѣ и въ Далмаціи. Громкій, радостный привѣтъ былъ мнѣ отвѣтомъ. Тердина бодрый, искренній, прямой человѣкъ. Часа два я поговорилъ съ нимъ, и уже разговоръ его оживилъ и меня совсѣмъ. И въ тонѣ самомъ слышно было сознаніе славянской силы. Онъ объяснилъ мнѣ, что тутъ въ Хорватіи не то, что здѣсь народъ смѣлъ и по врожденному духу и по историческимъ преданіямъ, что фанатизма нѣтъ ни малѣйшаго, — что въ Хорватіи сильное движеніе національное, что если-бы появился русскій *борьакъ* (знамя), то всѣ бы Хорваты присоединились къ нему и проч. и проч. Однимъ словомъ, я былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ пошелъ со мною къ Пацелу (Винко), къ которому я имѣлъ билетъ отъ графа Поццо. Разумѣется, Тердина читалъ и Бесѣду и хорошо знакомъ съ современнымъ состояніемъ русской литературы.

Пацелъ принялъ меня съ самою живою радостью. Самъ онъ человѣкъ живой, смѣлый, занимается библіографіей юго-славянской литературы, печатаетъ брошюру о филологіи. Представилъ меня своей молодой женѣ француженкѣ изъ Вѣны, но очень хорошо и мило говорящей по-хорватски. Вообще сербскій или хорватскій языкъ («по нашки») очень пріятенъ въ дамскихъ устахъ. Сейчасъ спросилъ «водицу» и потекла бесѣда. Тердина скоро ушелъ.

Ненависть къ Австріи сильнѣе, чѣмъ когда-либо. «Не можемъ терпѣть долѣе, приходите поскорѣе освободить насъ. Вся наша надежда на Русь, на великую славянскую державу. Зачѣмъ Россія не возьметъ всѣхъ Славянъ подъ свое покровительство; какъ Наполеонъ или Викторъ Эммануилъ Италію? Зачѣмъ Россія не считаетъ своею прямою обязанностію проте-

стовать противъ утѣсненій Славянъ въ Австріи?» А Мадьяры?—«Имѣемъ и партію мадьярскую очень сильную, но не довѣряемъ вполнѣ Мадьярамъ. Аристократія наша вся ненавидитъ Австрію, но держится за Мадьяръ, за прежнюю свою конституцію, надѣясь, что можетъ снова поднять значеніе и власть аристократіи. Съ Пацеломъ пошелъ я въ ихъ «Народна читаоница»—по-латыни надпись. Тамъ я разомъ познакомился со многими и въ томъ числѣ съ нѣкоторыми каноннинами, или католическими попами молодыми. Всѣ меня привѣтствовали горячо, не только какъ русскаго, но и какъ издателя Паруса. Я вручилъ имъ одинъ № Паруса, что произвело великую радость. Многіе подходили ко мнѣ и говорили мнѣ на ухо: «мы русскіе, мы хотимъ единства славянскаго,—хотимъ ввести Кириллицу, готовы всѣ сдѣлаться православными. Знаетъ ли царь Александръ, какъ мы преданы Россіи, думаетъ ли онъ про насъ? Скажите, за что запрещенъ Парусъ?»

Я былъ пораженъ и изумленъ такимъ единодушнымъ, смѣлымъ выраженіемъ мыслей. И кто же это говорилъ?—люди, которымъ нужна служба и жалованье, люди небогатые. До сихъ поръ я не слыхалъ подобныхъ рѣчей. Тутъ были и католики и православные. Они сказали мнѣ, что у нихъ есть пѣснь про сѣвернаго стрійца, про русскаго царя. Потомъ всѣ отправились гулять и пошли на ужинъ къ одному господину, котораго я почему-то хорошо не знаю. Всѣ жалѣли, что нѣтъ нѣкоего Жупы, наконецъ и онъ явился съ растегнутой рубашкой, съ открытой грудью, дюжій, высокій Очевидно онъ имѣетъ здѣсь огромное значеніе и способенъ быть предводителемъ возстанія.

Мы просидѣли до 1-го часу ночи. Такъ какъ никто не хотѣлъ говорить по-нѣмецки или по-швабски, то мнѣ пришлось говорить по-хорватски. И чудо! я заговорилъ. Разумѣется, еще плохо. На другой день, т. е. въ субботу, былъ у меня Пацелъ и сынъ консула (два раза). Сынъ консула на французскомъ языкѣ увѣрялъ меня въ любви къ Славянству. Онъ водилъ меня въ Casino, не славянское: дѣйствительно изящное, лучшее изъ всѣхъ, которыя я до сихъ поръ видѣлъ. Кстати: читаоница есть маленькій клубъ, съ буфетомъ и билліардомъ. Въ Фіуме читаоница имѣетъ Русскую Бесѣду.

Въ Фіуме двѣ партіи. Одна славянская, не такъ велика, но довольно дружна (тутъ и православные и католики) и другая—итальянская, она же и маджарская—сама не знаетъ что. Послѣдняя партія многочисленнѣе славянской, но какъ и у насъ страшна только славянская, ибо Intelligenz на ея сторонѣ. Въ Фіумѣ есть великолѣпное зданіе Кадетскаго корпуса. «Пригодится на другое употребленіе», говорили мнѣ Славяне.—Такимъ образомъ въ субботу я опять ходилъ гулять по городу, былъ опять въ читаоницѣ, гдѣ объяснялъ Хорватамъ положеніе Россіи въ той мѣрѣ, чтобъ они не смущались ея теперешнимъ поведеніемъ. Здѣсь кстати заразъ объяснилъ это все.—Русское правительство постоянно компрометируетъ себя въ общественномъ мнѣніи Европы и особенно во мнѣніи Славянъ. Чувство славянское постоянно возмущается разсказами о нѣмецкой стихіи въ Россіи, бездѣйствіемъ нашего правительства, рав-

модушіемъ къ славянамъ или робостью покровительства: Между тѣмъ нѣмецкія газеты и Колоколъ, который также читается иными Славянами, безпрестанно разсказываютъ о внутреннемъ неустройствѣ Россіи, о беззаконныхъ дѣйствіяхъ Царя (напр. ссылка безъ суда Унковскаго). Что мнѣ было отвѣчать на вопросы о запрещеніи Паруса? я говорилъ: «имамо и мы нѣмцевъ доста!» Я объяснялъ, что самъ Царь расположенъ къ Славянамъ, но старая Николаевско-нѣмецкая партія еще сильна. Говорилъ имъ слова Берга: nous sommes les Mameloucques de l'Empire. Меня спрашивали: отчего мы не носимъ въ Россіи русскаго платья? Я долженъ былъ городить всякую чепуху: между тѣмъ уже при Александрѣ запрещеніе носить русское платье было повторено. Нѣкоторые радовались (какъ Поцца) появленію такихъ статей, какъ статья о Якушкинѣ. А я зналъ про себя, что Якушкина Бутурлинъ выслалъ изъ Ярославской губ., и что запрещено частнымъ людямъ производить этнографическія розысканія по Россіи. Славяне думаютъ, что Россія, наученная горькимъ опытомъ, только и думаетъ о войнѣ съ Австріей,—а не знаютъ они, что у насъ запрещено ругать Австрію. Книга Долгорукова многимъ открыла глаза. Распространена мысль, что нечего ожидать отъ Россіи.

Слава Наполеона, его побѣды распространены по всѣмъ славянскимъ землямъ. Съ Наполеономъ новая эпоха, новыя событія, новое время, то новое, чего сотни лѣтъ чаютъ Славяне. Отъ Русской узкой политики нечего ждать новаго. Въ газетахъ было извѣстіе, что Боснія и Герцеговина послали депутацію къ французскому Императору. Можетъ быть это и неправда, но это возможно. Во-первыхъ, французы никогда не были ненавистны Славянамъ какъ нѣмцы,—во-вторыхъ, отъ Наполеоновъ ждутъ рѣшительныхъ мѣръ и дѣлъ; въ-третьихъ, отъ Наполеоновъ не стыдно принять помощь, они изъ ряду вонъ! въ-четвертыхъ, Наполеонъ имѣетъ славу освободителя народовъ, выдвинулъ принципъ національностей.— Зачѣмъ Александръ не возьметъ такимъ же образомъ Славянъ подъ свое покровительство, какъ Наполеонъ Италію?

Я объяснялъ Славянамъ, что Бесѣда и Парусъ журналы оппозиціонные; что они должны сочувствовать Россіи, русскому народу, а не правительству, не политической силѣ Россіи, что въ послѣднемъ случаѣ они могутъ быть обмануты легко въ своихъ надеждахъ, что они должны съ сочувствіемъ глядѣть на нашу борьбу; что спасеніе Славянъ заключается въ Россіи, въ ея эмансипаціи отъ нѣмцевъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова).—Наконецъ я говорилъ имъ; наша е куча велика, треба ее урядити.

Въ газетахъ я прочелъ, что русское правительство требуетъ вмѣшательства всѣхъ морскихъ державъ для защиты Неаполя. Франція отказываетъ, и Наполеонъ Александру отвѣчаетъ брошюрами о Польшѣ. Т.-е. онъ говоритъ ей: ты не хочешь пріобщиться къ новому движенію, такъ знай—это движеніе обратится противъ тебя.

Биржевое извѣстіе о вмѣшательствѣ Франціи въ дѣла Друзовъ и Маронитовъ подъ предлогомъ стараго покровительства Друзамъ—католикамъ (?) обрадовало всѣхъ Славянъ, какъ начало восточнаго вопроса. Они себя

утѣшаютъ мыслью, что это Франція дѣлаетъ съ согласія Россіи. Бѣдные!

Далѣе. Въ воскресенье я пошелъ къ обѣднѣ въ нашу церковь въ Фіуме. Послѣ всѣхъ церквей, видѣнныхъ мною въ Далмаціи, эта церковь показалась мнѣ великолѣпною. Мнѣ по обычаю поднесли блюдо съ изображеніемъ Св. Николая (церковь во имя его), я долженъ былъ поцѣловать и положить на блюдо деньги. Послѣ обѣдни я подошелъ къ священнику, (Кстати: описать внѣшній видъ здѣшнихъ церквей: стойла по бокамъ, отдѣленія для женщинъ) который попросилъ меня къ себѣ. Я пошелъ къ нему, онъ уговорилъ меня остаться обѣдать, что я и учинилъ. Я много отъ него узналъ; обѣдъ, разумѣется, былъ самый простой и невкусный.

Онъ очень доволенъ отношеніемъ своимъ къ католикамъ. Нѣтъ въ Хорваціи ни вражды, ни фанатизма, какъ напр. въ Крайнѣ или въ Далмаціи (правда и то, что въ Далмаціи мало православныхъ образованныхъ, а все больше простые люди или торговцы, довольно корыстные). Въ народѣ жива память о православіи до такой степени, что въ нѣкоторые праздники церковь полна бываетъ католиками изъ простаго народа. По ихъ мнѣнію греческое благочестіе выше католическаго и святые наши могущественнѣе католическихъ, молитвы нашихъ поповъ сильнѣе! Будь Хорвація свободна, то, при первомъ религіозномъ движеніи на Западѣ, всѣ будутъ православные. Всѣ смѣются надъ папою; всѣ готовы быть православными для того, чтобы соединиться Славянамъ всѣмъ вмѣстѣ. Всѣ сознаютъ зло, нанесенное Славянскимъ раздѣленіемъ церквей и католицизмомъ; всѣ говорятъ, что православіе сохраняетъ крѣпче Славянскую народность. Католическіе священники (напр. Каткичъ) говорили и мнѣ, что готовы быть православными. Въ Сеньской эпархіи (см. на картѣ Zeng), къ которой принадлежитъ и Фіуме, въ церквахъ католическихъ употребляется языкъ Хорватскій народный (и въ Сплитѣ есть церкви, гдѣ до сихъ поръ служатъ по старому славянскому языку, употребляя письмена глаголитскія). Епископъ католическій въ Сплитѣ ревностный защитникъ народности. Все это дѣлаетъ великую честь Хорватамъ. Это свидѣтельствуетъ, что въ нихъ живъ духъ славянскій, коли католицизмъ слабъ. *Каткичъ* спрашивалъ меня о томъ, можетъ ли онъ, пріѣхавши въ Русь и принявъ православіе, не быть попомъ? Я не умѣлъ ему на это отвѣтить. Я самъ слышалъ службу въ католической церкви на Хорватскомъ языкѣ. Православнаго священника зовутъ Владиміръ Васильевичъ. У меня есть его визитная карта. (Когда католики приходятъ къ нему въ церковь, то цѣлуютъ его руку, мажутся миромъ, берутъ *молитву* (родильницы).—По календарю $184^6/_7$ г. въ двухъ епархіяхъ православной Хорваціи и Славоніи имѣется 331,090 душъ православныхъ. А всѣхъ 1.500,000. Это безъ *граничаръ*, которые большею частью православные. Теперь православный Епископъ Карлштадской епархіи есть Петръ Іоанновичъ, прогнанный Милошемъ изъ Сербіи. Живетъ онъ въ Плашко — миль пять-шесть отъ Карловца. Другая епархія Пакрацкая (Пакрачка),—сюда относится и Загребъ. Епископъ Степанъ Крагуевичъ.— Къ сожалѣнію надо признаться, что наши священники несравненно ниже

католическихъ по образованію и общежительности. Ихъ мало посѣщаютъ, они мало посѣщаютъ другихъ. Отчего православный священникъ не ходитъ въ читаоницу? Вообще просвѣщеніе больше на сторонѣ католиковъ. За то торговля въ рукахъ православныхъ, которые большею частью именуютъ себя Сербами!

Вечеромъ была музыка и гулянье. Мы много гуляли съ Пацеломъ и Каткичемъ. Много прекрасныхъ лицъ женскихъ и много славянскихъ звуковъ.—На другой день въ понедѣльникъ я былъ въ 6 часовъ утра на мосту, гдѣ условились свидѣться съ Каткичемъ. Онъ повелъ меня на верхъ, на *Терсатъ*, который виситъ надъ Фіуме, и откуда великолѣпный видъ на море. Тамъ есть, старый, старый замокъ, принадлежащій нѣмецкому графу Нюжану, и основаніе котораго приписываютъ самымъ отдаленнымъ временамъ (??). Тамъ есть нѣсколько замѣчательныхъ старыхъ картинъ, образовъ, фамильныхъ портретовъ и музей римскихъ древностей и вывезенныхъ изъ Помпеи. Тутъ есть очень замѣчательныя вещи.—На горѣ имѣется монастырь францисканскій, при немъ село. Видъ удивительно хорошъ: предъ вами островъ Херсо, влѣво островъ ?, направо видна Аббатіа (?), гдѣ теперь живетъ старая австрійская императрица.—Крестьяне въ Хорваціи носятъ просто рубашки изъ бѣлаго полотна, которое сами ткутъ и потомъ еще бѣлую кофту большею частью съ рукавами. Формы груди, разумѣется, выдаются сильно. Большею частью босы. NB. Общій славянскій характеръ. Мало нѣмецкой стыдливости, какъ и въ Малороссіи, моютъ бѣлье заголясь безъ церемоній. Нравы, вѣроятно, также не очень строги, какъ и у насъ—замѣчательныя женщины!

Въ Рѣкѣ полиція прислала мнѣ сказать чрезъ слугу при Отелѣ, чтобы я явился къ Директору. Я отвѣчалъ, что не пойду по такому зову. На другой день получилъ я приглашеніе на итальянскомъ языкѣ, впрочемъ, на печатномъ бланкѣ. Я отвѣчалъ на словахъ, что мнѣ должно знать, зачѣмъ меня требуетъ полиція, и что если что нужно, такъ пусть полиція пишетъ къ консулу. А консулу я сказалъ, что если онъ мнѣ не окажетъ покровительства, то я телеграфирую Балабину. Консулъ самъ отправился въ полицію, гдѣ извинились, сказали, что это обычная форма и проч. Мнѣ предсказывали, что я буду имѣть большія непріятности съ таможней за книги (Фіуме portofranco). Я долженъ былъ заранѣе отдать свои вещи на таможню, гдѣ надсмотрщикъ таможенный Славянинъ, даже пальцемъ не прикоснулся, сказавъ о книгахъ, что, вѣроятно, это путевыя книги. На почтѣ также *свой*, милый человѣкъ, который всѣ дѣла славянской партіи обдѣлываетъ. Все мнѣ устроили прекрасно. Меня уговорили ѣхать въ дилижансѣ до *Северина*, принадлежащаго Враницани, а вещи свои отправить съ кондукторомъ до Загреба, заплативъ только до Северина, а за остальной путь два флорина кондуктору. Однимъ словомъ, меня уговорили поѣздить по Хорватіи и хоть я очень торопился въ Загребъ, но согласился. - Послѣдній вечеръ провели мы въ читаоницѣ очень пріятно. *Пацелъ* далъ мнѣ съ цѣлую дюжину рекомендательныхъ картъ. (Мы читали съ нимъ Гундулича Османиду, Утѣшеповича и друг. поэтовъ. Желательно познакомить съ ними русскую публику. Есть свѣжее, народ-

ное въ нихъ, вѣетъ что-то отличное отъ поэзіи прочихъ народовъ. Западные и южные славянскіе поэты ближе къ источникамъ своей народности, чѣмъ мы Когда они пишутъ по славянски, то поневолѣ обращаются къ народной рѣчи, тогда какъ мы въ области нашего языка отдѣляемся отъ народа нашимъ ненормальнымъ развитіемъ. Примѣръ Малороссія. На западѣ зло надѣвало нѣмецкій кафтанъ, а у насъ оно явилось *своимъ*. Тамъ легче указать врага, нежели у насъ

Рано утромъ во вторникъ сѣлъ я въ дилижансъ. Товарищемъ моимъ былъ офицеръ маіоръ, родомъ изъ Далмаціи, служившій чуть ли не во всѣхъ углахъ Австрійской имперіи и теперь опредѣлившійся въ граничары.—Добрый малый, но ограниченный, онѣмеченный вполнѣ, безъ малѣйшей похоти національности Любопытно было на немъ изучать типъ, который такъ искусно умѣла создать Австрія.

Окрестности Фіуме очень живописны. Потомъ дорога идетъ довольно каменистая мѣстами, но горы по крайней мѣрѣ по рыты землею и зеленью. Появились лѣса —Избы хорватскихъ крестьянъ похожи на наши въ Бѣлой Руси и въ Польшѣ. Море блестѣло намъ долго при поворотахъ. Наконецъ въ 7 часу вечера пріѣхали мы въ село *Северинъ*, принадлежащее помѣщику и торговцу Враницани Жузепу. Домъ похожъ на старый замокъ или монастырь съ башнями,—довольно некрасивой и грязной физіономіи. Вообще я почувствовалъ себя точно дома: безпорядокъ внѣшній, грязь, солома, курицы бѣгаютъ.—Враницани еще молодой человѣкъ. Онъ принялъ меня очень любезно и радушно, но не такъ запросто. Какъ человѣкъ богатый и женатый, онъ знакомъ съ свѣтскими условіями. Мнѣ отвели тотчасъ комнату, гдѣ я переодѣлся, и онъ повелъ меня смотрѣть его хозяйство. Мѣстоположеніе удивительное. Краина граничитъ въ сто шагахъ. Съ 1848 г. нѣтъ крѣпостнаго состоянія; все выкуплено, и каждый крестьянинъ имѣетъ землю, но живетъ порознь. Большаго Hauscommunionen нѣтъ. Это все на границѣ. Но Враницани много дѣлаетъ для Славянъ Онъ издавалъ на свой счетъ Neven, прекратившійся по нерадѣнію Пацела; на его счетъ живетъ Курелацъ и печатаетъ свою брошюру. Вообще онъ пользуется большимъ уваженіемъ. По словамъ Враницани, матеріально ни помѣщики, ни крестьяне ничего не выиграли отъ эманципатіи и ничего не потеряли; напротивъ, селяне должны платить теперь больше податей, чѣмъ прежде.—Враницани долженъ былъ на другой день рано утромъ ѣхать съ женой и двумя дѣтьми въ Рѣку, очень жалѣлъ о томъ и поручилъ меня своему брату Мануилу, молодому человѣку, учившемуся въ Прагѣ, лѣтъ 19-ти.

Трудно все передать. Не слѣдуетъ воображать себѣ нашего богатаго помѣщика. Elégance здѣсь не существуетъ вовсе. Пошли мы ужинать. Молодая его жена не говорила почти ни слова. За столомъ, кромѣ насъ, сидѣли—управляющіе, приказчики: все это въ самыхъ грязныхъ костюмахъ. Это хорошо. Уже 6 мѣсяцевъ сидѣлъ Враницани въ Северино, и потому поѣздка въ Рѣку составляла событіе. Укладываніе сундуковъ напоминало мнѣ Россію. Враницани выражалъ мысль, что едва ли Славянство и Хорваты созрѣли для самостоятельной политической жизни или для возстанія. На другой день я видѣлъ ихъ отъѣздъ. Сборы, сборы и сбо-

ры. Сѣно сзади коляски; веревки, дѣти. Все это какъ у насъ. NB. Мѣсяца за два былъ нѣкто полякъ Яблоновскій, который также объѣзжалъ славянскія земли. Полякъ заклятый, увѣрявшій, что Кіевъ, Волынь и Подолъ только и грезятъ о Польшѣ! Онъ не остался въ Прагѣ потому, что другой полякъ, тамъ поселившійся, сказалъ ему, что Чеховъ собственно нѣтъ, а есть Руссы. Мнѣ было однако пріятно видѣть, что онъ, какъ *Полякъ* мало оставилъ сочувствія, и что Хорваты съ нимъ спорили. Вообще у Славянъ ни малѣйшаго сочувствія къ Полякамъ. Лавровскій былъ въ Рѣкѣ и Загребѣ. Сухомлиновъ также и не останавливался въ Карловцѣ.

Итакъ въ середу утромъ поѣхали мы съ Мануиломъ Враницани—на телѣгѣ, похожей на нетычанку, только безъ рессоръ. Наложили сѣна, войлоковъ, подвязали сидѣнье—какъ и у насъ, и мы отправились разными пріятными проселками. Дорогой пѣлъ мнѣ Враницани пѣсню про сѣвернаго стріица. Вотъ она:

Za naš narod i za sve Slavéne
Da jim slava nikad nepovene.
Za što bi nebi mi Slavjanom nazdravili
Za što bi nebi mi rujno vinie pili.
Za našega Severnoga strica
Nec ne puni Sačija čašica.
Za što bi nebi mi stričeky nazdravili
Za što bi nebi mi rujno vinie pili.
Есть еще три строфы, но онѣ не такъ важны.

Такимъ образомъ часа черезъ два доѣхали мы до Basilero. Тамъ Жупникъ Драгутинъ Herceg. Жупникомъ называется до сихъ поръ главный приходскій священникъ, обыкновенно имѣющій помощника, домъ, землю хозяйство. Жупникъ встрѣтилъ меня съ великою любовью. Онъ литераторъ, читаетъ по-русски. Вообще *есь*, вся молодежь, всѣ священники католическіе хорошо знаютъ *Кириллицу* и даже пишутъ. Сочувствіе къ русскимъ такое, какого я и не ожидалъ; Герцегъ сейчасъ поподчивалъ насъ ракіей и изготовился въ путь—ѣхать съ нами въ *Лешъ*, на теплыя воды, къ доктору Дражичу.—Герцегъ мнѣ очень понравился.

Этого рода тоски мы не находимъ у Нѣмцевъ. Развѣ не отъ чего тосковать? Какъ не отъ чего! Германія въ безобразномъ положеніи! Объ этомъ надо будетъ написать особо. Германія разъединена, Германія средняя полна пролетаріата, государи ея и правительственные люди большею частью люди съ отсталыми понятіями; ей грозитъ опасность. Нѣмцы, правда, собираются въ Kneipen (по вечерамъ, днемъ, поработавши надъ какимъ-нибудь эѳіопскимъ нарѣчіемъ), толкуютъ и горячатся о политикѣ, но толку отъ этого никакого не выходитъ. Не только толку, самый жаръ, кажется испаряется вмѣстѣ съ пивными парами. Тоска отъ этого не ложится ему въ душу. Онъ отъ того не становится боленъ! Посмотрите на литературу. Я знаю очень горячаго патріота, поэта Лемке: что онъ пишетъ? Про красоту моря, про любовь, правда хорошими стихами, но на темы избитыя, которыхъ коснуться въ наше время едва ли рѣшится

русскій поэтъ. Другой поэтъ—Герцъ—написалъ недавно поэму:
und Ginevra, т. е. обработалъ британское сказаніе. Heyse
( )—пишетъ новеллы, гдѣ разныя psichologische Studien на сценѣ. Словомъ я еще не знаю въ современной нѣмецкой литературѣ ни одного произведенія, въ которомъ бы отражалось современное состояніе Германіи *и тоска*.

Что же это значитъ? Можетъ быть, тутъ въ основаніи лежитъ мудрость, да и вообще умъ германскій, не легкомысленный, а вышколенный нѣмецкой философіей, отвлеченіемъ мысли и проч? Нельзя не принять въ соображеніе, что мудрость одна можетъ мирить человѣка съ бѣдствіями земли Можетъ быть Нѣмецъ, зная безплодность и пустоту тoскованья, предпочитаетъ, какъ подобаетъ мужу, трудиться и работать для пользы человѣчества вообще, а слѣдовательно и Германіи, производить реформы медленно, признавать законность постепенности, терпѣть настоящее. Я бы готовъ былъ согласиться съ этимъ, если бы не приходила въ голову другая мысль. Въ Нѣмцѣ есть просто абстрактность; она лежитъ въ его природѣ; это его миссія высокая на землѣ. Это еще не та мудрость, которая умѣетъ «слышать пѣнье ангеловъ сквозь стоны страждущей земли»; не та мудрость, которая, не предаваясь тоскѣ, не изнемогая отъ боли, но вполнѣ сочувствуя и сострадая человѣчеству, сама умѣряетъ порывы своихъ благихъ желаній и трудится надъ изысканіемъ возможно совершеннаго врачеванія современныхъ недуговъ.

Сюда же отнести надо замѣчаніе объ отсутствіи въ Германской литературѣ вообще отрицательнаго направленія, сатиры—общественной. У насъ напр. аристократъ, въ родѣ нѣмецкаго, давно бы сдѣлался предметомъ сатиры.—Можно ли сказать, что въ Германской литературѣ преобладаетъ направленіе положительное, т. е. положительное отношеніе къ жизни? Нѣтъ, этого сказать нельзя. Вѣрнѣе было бы сказать, что нѣтъ *никакого отношенія* къ жизни прямаго. Сюда же можно отнести вопросъ объ отсутствіи вообще реализма и пластичной художественности въ нѣмецкой литературѣ. Явленія, подобнаго натуралистической школѣ, здѣсь не было. Этого требованія правды художественной, какъ у насъ,—у нѣмцевъ нѣтъ. Впрочемъ это разсужденіе особое. Вообще въ художественномъ отношеніи я считаю уровень нашей литературы несравненно выше. Сочиненія въ родѣ трагедіи Julius Grosse, у насъ не мыслимы. У нѣмцевъ нѣтъ комедіи.

Причины такой отвлеченности нѣмецкой лежатъ, между прочимъ, въ томъ, что у нѣмцевъ нѣтъ отечества, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно существуетъ для Русскаго, для Англичанина, для Француза, что Германія не составляетъ единаго политическаго тѣла. Для нѣмца единство Германіи обрѣтается—даже не въ единствѣ вѣры,—а только лишь въ области отвлеченнаго знанія, мысли науки. Чтобы ни говорили, но очень важно—сознавать себя членомъ огромной единой семьи участникомъ великаго политическаго могущества (и не только политическаго), сыномъ великой, просторной земли.—Этого чувства нѣмецъ не знаетъ. Ну что можетъ въ подробномъ родѣ ощущать подданный княжества Вальдекъ. Подданный Вальдека, вышедшій изъ толпы своею ученостью или дарова-

ніями, переѣзжаетъ въ другое государство нѣмецкое, откуда можетъ быть перезванъ еще въ третье. Нѣмецкіе профессоры странствуютъ. Нельзя въ одно и тоже время дышать одинаковымъ рвеніемъ къ интересамъ Баваріи и Пруссіи! И не только нѣмецкіе ученые, даже поэты странствуютъ такимъ образомъ: примѣръ Боденштъ, Гейзе, Лемке и др. Слѣдовательно и ученый и поэтъ, quand ils veulent faire du patriotisme, должны отвлекаться отъ живаго факта къ отвлеченной идеѣ общей Германіи. почва неблагодарная! Въ жизни, въ народѣ ея нѣтъ. Католикъ и протестантъ, южная и сѣверная Германія положительно враждебны другъ другу и это очень понятно и законно. Нѣмцы сами еще не понимаютъ значеніе религіознаго раздора.—Гегель – вотъ нѣмецкое отечество.— Риль говоритъ, что Германскій народъ не политическій, а соціальный. Константинъ Сергѣевичъ говоритъ тоже самое про Русскій, прибавляя, что Русскій народъ ищетъ царства Божія и проч. Но Русскій же народъ сложилъ Русское государство —Впрочемъ вопросъ о единствѣ Германіи вопросъ особый. Теперь нѣмцы толкуютъ о Deutsches Parlament. Въ Кладерадагѣ есть стихи: Das Parlament – was macht es?

Тутъ возникаетъ вопросъ о будущности Германіи, если Пруссіи удастся присоединить къ себѣ большую часть Германіи. Но эта статья особая.

Вотъ причины Германской отвлеченности. А Германская отвлеченность причиною отсутствія въ литературѣ отношенія отрицательнаго,—и тоски, носящей на себѣ характеръ соціальный.

Нельзя ли нѣмцевъ опредѣлить такъ: что они всемірно-историческая абстрактность. Это ихъ миссія на землѣ. Имъ—чистая наука, имъ мысль во всей ея отвлеченности.

Еще образчикъ нѣмецкой отвлеченности: недавно одинъ молодой человѣкъ, 24 лѣтъ, написалъ диссертацію объ Эѳіопскомъ нарѣчіи и о родственныхъ съ нимъ нарѣчіяхъ! А между тѣмъ – Русскому языку не учатся!— Еще замѣчу кстати: Каульбахъ, безпорно лучшій и замѣчательнѣйшій Германскій живописецъ, самъ сознавался при мнѣ, что терпѣть не можетъ краску.—Вообще нѣмцы плохіе колористы.

Впрочемъ есть одинъ Германскій поэтъ, поэзія котораго имѣетъ характеръ общественно-политическій. Это Морицъ Арндтъ, умершій въ 1860 г. на 91 г. жизни. Но въ его стихахъ мало поэзіи. Онъ авторъ знаменитой пѣсни:

Sie solen ihn nicht haben
Den alten deutschen Rhein.

Такимъ образомъ мы пришли къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Въ произведеніяхъ Германской литературы нѣтъ ни тоски, носящей характеръ соціальный, какъ въ Россіи и отчасти въ Англіи, ни отрицательнаго отношенія къ жизни.

2. Вслѣдствіе этого—у нихъ нѣтъ сатириковъ и юмористовъ, въ родѣ Диккенса, Текерея и Гоголя.

3. Вслѣдствіе этого у нихъ нѣтъ комедіи.

4. Причины этого заключаются не въ мудромъ воззрѣніи на жизнь,

не въ философскомъ воспитаніи народа, не въ здоровьѣ духовномъ,—а въ нѣмецкой абстрактности.

5. Образцы и доказательства этой абстрактности въ литературѣ и искусствѣ вообще: современная поэзія. Живопись. Каульбахъ. Отсутствіе пластичности, реализма, правды художественной. Возможность трагедій въ родѣ Labenerinne. Въ литературѣ нѣтъ никакого отношенія къ жизни ни положительнаго, ни отрицательнаго.

6. Причины этой абстрактности лежатъ, между прочимъ, въ отсутствіи политическаго единства Германіи, въ неимѣніи отечества. Отечество для нѣмца—Гегель, Гете, Шиллеръ—но это не Fleisch und Blut. Подданный княжества Вальдекъ долженъ создавать себѣ отвлеченное отечество, ибо единства Германіи живаго быть не можетъ. Переѣздъ нѣмецкихъ профессоровъ и поэтовъ съ мѣста на мѣсто. Раздоръ религіозный.

7. Нѣмцы всемірно-историческая абстрактность. Это ихъ высокая миссія на землѣ.

Теперь обращаюсь къ другой сторонѣ тоски и отрицанія, проистекающей можетъ быть изъ тѣхъ же причинъ, но не связанной съ ними очевидностію и сдѣлавшейся повидимому самостоятельнымъ явленіемъ. Это тоска Байроновская, протестъ человѣка противъ судьбы, недовольство собою и жизнью, словомъ—вещь извѣстная. Нѣмцы называютъ ее Weltschmerz. Но сколько мнѣ извѣстно, она не находила у нихъ полнаго выраженія. Въ этомъ отношеніи можетъ быть нѣмцы являются дѣйствительно здоровыми, потому что такого рода отрицаніе, питаемое праздностью, недостаткомъ яснаго созерцанія, туманностью мысли.—едва ли доступно духу, воспитанному въ строгой школѣ философіи,—жизни, вѣчно занятой.

На другой день, послѣ того какъ я это написалъ, видѣлся я съ Гейзе и спросилъ его—чья исторія современной нѣмецкой литературы лучше,—высказалъ ему кое-какія свои замѣчанія. Онъ принялъ ихъ горячо къ сердцу и сталъ съ жаромъ меня опровергать, хотя, разумѣется, и не могъ отрицать такого факта (краснорѣчиваго, по моему мнѣнію) что у нихъ нѣтъ комедіи. По его словамъ—нѣмцы имѣютъ высшее понятіе объ искусствѣ, которое должно быть само себѣ цѣлью; не хотятъ приковывать искусство къ цѣлямъ временнымъ и случайнымъ, — и прожили уже періодъ раздвоенія болѣзненной рефлексіи и отрицанія. «На чемъ же вы помирились, спросилъ я. Если вы избавились отъ этого состоянія тѣмъ, что пришли къ высшему примиренію—вы самые мудрѣйшіе люди въ мірѣ, честь вамъ и слава. Но могу ли я считать это симптомомъ примиренія, если нѣмецкій поэтъ поетъ о соловьяхъ и лунномъ свѣтѣ. Не махнули ли вы просто рукой? Я самъ признаю это отрицательное отношеніе къ жизни явленіемъ болѣзненнымъ, но оно вызываетъ на излеченіе болѣе серьезное, неудовлетворяющееся часто непосредственнымъ положительнымъ отношеніемъ къ жизни». Гейзе старался доказать, что—процессъ выздоровленія еще продолжается, что поэзія отыскиваетъ себѣ новыя германскія формы, что искусство нѣмецкое принимаетъ въ себя стихію реализма, но никогда не сдѣлается его рабомъ и не унизитъ искусство до фотографической вѣрности; что оно видитъ пользу не въ томъ, чтобы дѣлать

искусство средствомъ, подчиненнымъ случайнымъ цѣлямъ, но въ благотворномъ дѣйствіи на духъ человѣческій и въ этомъ отношеніи—правы всѣ поющіе о красотѣ луны и т. п., если только поютъ истинно поэтически и проч. Я, конечно, не противъ этихъ положеній вообще, но не знаю, въ какой степени они могутъ примѣняться къ Германіи. Все же я никакъ не могъ растолковать Гейзе, что есть дѣйство любви, заставляющее поэта откликаться на страданія земли и забывать про луну и дѣвъ; что высшее примиряющее начало можетъ вноситься въ самую жизнь, не подчиняясь ей; и что въ пѣсняхъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ слышно болѣе абстрактности, чѣмъ высшаго свободнаго пониманія жизни.—Гейзе работаетъ надъ драмою—Лудвигъ Баварскій.

Говорилъ *отчасти* объ этомъ съ Лемке, молодымъ нѣмецкимъ поэтомъ (26 лѣтъ—онъ докторъ). Онъ человѣкъ съ талантомъ, но все пишетъ о лунномъ свѣтѣ, о любви и проч. Онъ со мной согласился и объявилъ, что съ своей стороны онъ работаетъ надъ драмою *Альфредъ* (изъ исторіи Англіи) гдѣ отразится отчасти современность, что онъ смотритъ на свои мелкія лирическія стихотворенія, какъ на убѣжище отъ волнующихъ и терзающихъ его думъ политическаго и соціальнаго свойства.

Гейзе указываетъ на романъ Immerman'a Münchhausen. Надо прочесть. Объ исторіи современной литературы онъ говоритъ, что самая лучшая Шмидта; что есть и другія, Прутца напр., но онѣ писаны людьми, которымъ не повезло въ литературѣ.

(Боденштедтъ напротивъ того хвалитъ Прутца).

Замѣчательно, что въ Германіи нѣтъ ни одного порядочнаго критическаго журнала. Менцель ультрамонтанистъ, а прочіе критики—неудавшіеся поэты. Впрочемъ трудно вѣрить: и Гейзе и всѣ прочіе писатели и поэты говорятъ такъ потому, какъ отнесся лично къ нимъ журналъ.

Въ тотъ же день вечеромъ повелъ меня Боденштедтъ въ общество Zwanglosen. Оно состоитъ изъ ученыхъ и художниковъ, по выбору, т. е. по баллотировкѣ принимаемыхъ. Довольно просторная грязная комната, освѣщенная, разумѣется, газомъ; она же и передняя. По уставу общества всякій долженъ прочесть, по очереди, лекцію.

Когда я вошелъ, профессоръ Карріеръ читалъ «о сужденіи Фихте о Наполеонѣ». Тутъ были мнѣ знакомые: Гейзе, содержатель школы, котораго я имя забылъ. Меня представили президенту, а я долженъ былъ записать свое имя. Было человѣкъ 16 или 20. Передъ каждымъ стояла кружка пива, которое имъ eine Magd приносила изъ сосѣдней Bierbrauerei.

Не смотря на эти грязныя формы, невольно съ уваженіемъ глядѣлъ я на это собраніе. Все это люди истиннаго труда, предъ которыми каждый изъ насъ является тунеядцемъ!—У насъ бы захотѣли сейчасъ великолѣпный local!—Скромно довольствуясь пивомъ, эти люди своими трудами становятся авторитетами для всего образованнаго міра. Это ихъ клубъ Каждый день собираться они не могутъ (сбираются по Середамъ) и засиживаться за полночь не могутъ, но тутъ обмѣниваются плодами трудовъ каждой недѣли. Всѣ они довольно дружны.

Я познакомился тутъ съ живописцемъ Тиршомъ, вызываемымъ въ

Петербургъ для росписанія церквей въ новыхъ дворцахъ Великихъ Князей. Этотъ нѣмецъ очень образованный и умный человѣкъ: онъ уже росписывалъ Русскія церкви въ Аѳинахъ и въ Вѣнѣ. Учился сначала въ Римѣ, потомъ жилъ три года въ Греціи и посвятилъ себя изученію древняго Византійскаго искусства и церковной живописи. Однимъ словомъ—онъ ее понялъ и пишетъ вполнѣ удовлетворительно для самыхъ взыскательныхъ Грековъ и Славянъ. Я объяснилъ ему оппозицію, которую онъ встрѣтитъ въ Петербургѣ: «ничего, я готовъ къ борьбѣ, это весело». Онъ женатъ, имѣетъ 4 человѣкъ дѣтей. Я объяснилъ ему отнощеніе къ церковной живописи Славянофиловъ.

Дождались мы, что нѣмецъ пристыдитъ насъ знаніемъ Византійской живописи и будетъ писать намъ образа! Онъ говоритъ, что между современными Греками мало талантливыхъ живописцевъ, но скульпторы есть!—Конечно, имѣемъ мы Иванова, но онъ не докончилъ своего дѣла.

На другой день вечеромъ повелъ меня Боденштедтъ въ общеетво *поэтовъ*, именующееся Крокодилы. Это смѣшное названіе происходитъ отъ стихотворенія Роберта Линча (?)—секретаря общества.—О старомъ Крокодилѣ, который плачетъ, когда ему холодно и und wenn din sonne schleint so lacht's. Тутъ только поэты. Ихъ человѣкъ 16! Тоже по баллотировкѣ. Собираются по четвергамъ, въ какомъ-то Kaffeehaus, гдѣ имъ отводится особая маленькая комнатка, всего одна,—грязненькая. Пиво и тутъ. Меня приняли очень любезно. На столѣ стоитъ деревянный крокодилъ, очень искусно сдѣланный. На подножіи—изображенія всѣхъ Египетскихъ принадлежностей съ ученою вѣрностью. На стѣнѣ также изображеніе крокодила. Предсѣдатель обращался ко всѣмъ съ предложеніемъ прочитать новыя свои произведенія. Принесли только двое: Лемке и Боденштедтъ. Я не рѣшился сказать, чтобы не обидѣть ихъ, но былъ въ недоумѣніи: что же это—смѣется или плачетъ крокодилъ, — солнце ли свѣтитъ или морозитъ?... Лемке читалъ про луну и поцѣлуи, а Боденштедтъ стихотвореніе политическаго содержанія, очень сильное, котораго каждый куплетъ оканчивается такъ:

Warum, warum trotz alle dem
Verochtet man den Bonoparte.

По прочтеніи присутствующіе дѣлали замѣчанія, особенно одинъ. И надо сознаться, критика была чрезвычайно строга, но болѣе относилась къ формѣ.—Я долженъ былъ уйти рано, чтобы въ половинѣ 8-го быть у Риля, къ которому былъ званъ.—О поэтахъ нѣмецкихъ. Изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ замѣчателенъ—Геббель.

Гоффманъ, котораго мы такъ любимъ въ Россіи, весьма мало уважается современными Нѣмцами.—Вечеръ у Риля. Риль вообще менѣе интересенъ, чѣмъ его книги. Въ немъ есть какая-то удовлетворенность, которая на русскаго какъ-то непріятно дѣйствуетъ.—Хорошенькая жена, брюнетка, отличная пѣвица и музыкантша. Тутъ были: актеръ трагическій Донъ (по моему предурной) и его жена - прекрасная актриса. Это можетъ показаться страннымъ, что актеры такъ приняты въ обществѣ,

но про жену Дона ни одинъ злой языкъ не могъ сказать ничего. Къ тому же они оба могутъ удовлетворить требованіямъ самаго строгаго comme il faut, она держала себя свободно и скромно, говорила о театрѣ очень умно и рѣчью образованною.—Потомъ пришла Frau Heyse, тоже очень хорошенькая, потомъ Freilein Buntschly, также. Всѣ усѣлись около большаго круглаго стола; на другомъ маленькомъ столикѣ стояла Themachine, около которой хлопотала хозяйка и ея маленькая 8-ми-лѣтняя дочка. Подали всѣмъ чай, т. е. хозяйка каждому ставила чашку (даже служанки не было). Всѣ выпили по двѣ. Потомъ одна изъ присутствовавшихъ дамъ сѣла за фортепьяно: ее спросили, что она будетъ играть? «Бетховена C-dur или тамъ иначе. Oh, wie schön, заговорили дамы. Слушали внимательно, чувствовалось, что слушаютъ со знаніемъ дѣла. Сыграно было прекрасно. Потомъ хозяйка спѣла изъ ораторіи Генделя и Риля самаго двѣ новыя вещи (одна Der schloss, Шамило слова) прекрасно. Потомъ всѣмъ поставили кругленькія тарелки съ ножичкомъ, стаканы—и появилось пиво, которому всѣ дамы очень обрадовались. Дико было мнѣ пить горькое пиво послѣ чаю Потомъ появилось блюдце, которое другъ другу передавали, потомъ другое: колбаса, нарѣзанныя, разныхъ сортовъ, даже съ чеснокомъ, потомъ кусочки нарѣзанной ветчины, наконецъ салатъ съ яйцами и селедка. Все это накладывалось на одну тарелку и ѣлось безъ помощи вилки и безъ салфетки,—и запивалось пивомъ! Кушали чрезвычайно усердно. Только что скушали, хозяйка взяла всѣ тарелки, убрала ихъ, собрала всѣ куски хлѣба, я видѣлъ, какъ она все это сложила и вынесла въ другую комнату Потомъ она поставила на столъ два торта, нарѣзала ихъ, перемѣнила тарелки и подала, о ужасъ, пивные стаканы. Впрочемъ, надо признаться, что все это дѣлалось безъ суеты, во время разговора и не производило ни малѣйшаго непріятнаго впечатлѣнія. Вотъ общій очеркъ. Разговоръ шелъ очень развязно и живо. Сначала жены говорили про своихъ мужьевъ.

Нигдѣ не видалъ я такой искренней дружбы женъ къ мужьямъ и обратно, какъ въ Германіи. Жены нисколько не совѣстятся толковать о своихъ мужьяхъ и высказывать свою къ нимъ привязанность. Чувствуется, что каждая гордится своимъ званіемъ жены и смотритъ на это, какъ на дѣло. Отъ времени до времени слышались умныя рѣчи о литературѣ и музыкальныхъ произведеніяхъ. Потомъ толковали о дѣтяхъ и о дѣтскомъ воспитаніи. Отъ 7 лѣтъ дѣти бѣгаютъ въ школы,—а дѣти всѣхъ состояній, даже аристократы здѣсь въ Мюнхенѣ.—Часовъ въ 11 стали прощаться. На дворѣ было скверно. Шелъ снѣгъ мокрый. И что же! Дамы, элегантно одѣтыя, отправились по грязи пѣшкомъ, даже безъ сопровожденія слуги или служанки (?). Я подумалъ, что у насъ никогда бы ни одна дама на это не рѣшилась. Во-1-хъ улицы скверно освѣщены: во-2-хъ не безопасно отъ любезниковъ, и въ-3-хъ боялись бы ножки промочить.

О дамахъ надобно замѣтить, что онѣ здѣсь гораздо крѣпче здоровьемъ и тѣлосложеніемъ, гораздо здоровѣе физически. Калошъ не носятъ (какъ это онѣ не пачкаютъ ногъ!), безъ церемоній приподнимаютъ юбки, экипажей не знаютъ, ходятъ пѣшкомъ, не знаютъ двойныхъ рамъ, отво-

няютъ окна зимою и гораздо лучше выносятъ скверную непогоду, чѣмъ мы.

Но онѣ здоровѣе и душевно. Я не слыхалъ о нервахъ въ Германіи, тогда какъ у насъ ни одна дама не рѣшится сказать, что она здорова нервами! Сентиментальности и мечтательности особенной я также не замѣтилъ.—Многимъ онѣ обязаны *серьезному* воспитанію: всѣ онѣ много и хорошо учились. А у насъ и мужчины не получаютъ серьезнаго воспитанія. Всѣ онѣ дисциплинированы. Серьезное ученіе избавляетъ отъ непомѣрныхъ требованій и болѣзненныхъ причудъ. Потомъ семейная жизнь, идея дома очень важны для нѣмки. Потомъ—большею частью мужья и отцы живутъ трудами и трудятся—примѣръ добрый *).

*) Этимъ кончается дневникъ, который, несмотря на нѣкоторыя повторенія, мы рѣшились напечатать ради тѣхъ мѣстъ, которыя не вошли въ письма.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ѣстъ и предметовъ въ „Письмахъ И. С. Акса-", томъ 1, 2 и 3. Москва. 1888 и 1892 г.

ереженія мѣста, въ ряду чи-
ла опускаются сотни, послѣ
ѣ обозначены разъ, жирны-

Дополненія, примѣчанія и поправки къ письмамъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Стр. 101, строка 2 сверху: *„повѣсть Живую и Мертвую Воду“*. Что-то совершенно невѣроятное. Думаемъ, что это мѣсто дурно прочитано въ рукописи; тутъ что-то другое. Можетъ быть, Ив. С. написалъ слова эти сокращенно, а на самомъ-то дѣлѣ онъ читалъ въ то время повѣсть *„Живой Мертвецъ“ Одоевскаго*, которая помѣщена въ той самой книжкѣ „Отечеств. Записокъ“, о которой говорится въ письмѣ.

—

Стр. 116, строк. 13 сверху: *„даже терлику“*. Это родъ долгаго кафтана, съ перехватомъ и короткими рукавами.

— строка 5 снизу. Письмо Гоголя, о которомъ здѣсь упоминается, напечатано въ Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя, изданіе Кулиша, 1857, т. VI, с. 42.

—

Стр. 178, строка 3 снизу: *„разносили халву*, **бешметъ**, *рахатъ-лукумъ“*. Какимъ образомъ *бешметъ* попалъ въ число лакомствъ? Безъ всякаго сомнѣнія это обмолвка Ивана С. Здѣсь долженъ быть *„шербетъ“*.

—

Стр. 265, строка 2 и 3 св. *„Сравненіе между Петербургомъ и Москвой“*—это заглавіе извѣстной статьи Герцена, напечатанной въ передѣлкѣ и сокращеніи въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ 1847, № 59, подъ заглавіемъ „Станція Едрово“.

—

Стр. 269, строка 4 св. *„Онъ (архіерей) здѣсь лѣтъ уже тридцать“*. Это ошибка. Архіереемъ въ Калугѣ тогда былъ Николай Соколовъ, изъ викаріевъ дмитровскихъ, назначенъ въ Калугу только въ 1834 г., стало быть при Ив. С. онъ былъ въ ней всего 11 лѣтъ.

—

Стр. 283, строка 9 св. Романъ К. К. Павловой называется *„Двойная Жизнь“*; онъ вышелъ въ свѣтъ 1848 г. О немъ Современ. т. 8.

—

Стр. 284, строка 3 сн. *„Н. Н. Ш.“* Это—Надежда Николаевна Шереметева, урожденная Тютчева.

—

Стр. 291, строка 17 сн. *„Пушкина стихи: среди толпы холодной“*: это ошибка памяти Ив. С.; они начинаются такъ: *„Въ тревогъ пестрой и безплодной“*.

—

— 12—13 сверху: *„Даля „Ночь на распутьѣ“* помѣщена въ 4-мъ томѣ его Повѣстей, Сказокъ и Разсказовъ, изд. 1846 г.; это—старая бывальщина въ лицахъ.

—

Стр. 312, строк. 11 и 12 сн.: Аполлона Григорьева не комедія, а драма *„Дилетантизма“*; о ней у Бѣлинскаго, т. X, стр. 286—87.

—

Стр. 391, строка 17 снизу: *Тимирязева*: это описка; здѣсь должно стоять: *Смирнова*. Тимирязевъ былъ губернаторомъ въ Астрахани, а не въ Калугѣ.

—

Стр. 425, строка 10 сн.: *„Переписка двухъ барышенъ“*, замѣченная И. С. Аксаковымъ, помѣщена во 2-й книжкѣ Современника, смѣсь, стр. 153; перепечатана въ Сборникѣ „Для легкаго чтенія“, т. 1, 1856, гдѣ и авторъ обозначенъ: А. Станкевичъ.

—

Стр. 467. Въ оглавленіи пропущено заглавіе стихотворенія „Астраханскій Beau Monde“, стр. 20.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ 1 ТОМУ.

Стр. 6, строка 7 сн. *Скажи, правда ли*: тутъ стиха нѣтъ; надо: Скажите, правда ли.

Стр. 7, св. 12: *оно́мнясь* – опечатка грубая: слѣдуетъ *ономнясь*.

Стр. 18, св. 11: приказанье
— — сн. 3: терпѣнье
Стр. 32 св. 8 судьбою. Здѣсь для стиха надо: приказаніе, терпѣніе судьбой.
Стр. 33, св. 9. Думою волнуясь, надо: Думой волнуясь.
Стр. 49, св. 22: строка „*Въ беззвучной тишинѣ*“ не составляетъ собою хорея, которымъ написана вся пьеса; надо: И въ беззвучной тишинѣ.
Стр. 96, св. *Съ тоскою*... для стиха надо: съ тоской.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стр. 6, сн. 3. Книга Надеждина *о скопцахъ*, она была издана не для публики, а только для высшей администраціи, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

—

Стр. 9, св. 12: *заглядывалъ въ Терещенко*: въ его книгу „Бытъ русскаго народа“, 7 томовъ, Спб. 1848 О ней въ Сочин. Кавелина, т. IV, с. 1—200.

—

Стр. 38, снизу 15: У Пушкина „*И славой русскою*“.

—

Стр. 52, сн. 5. Статья Надеждина о Потемкинѣ помѣщена въ Одесскомъ Альманахѣ 1839 г.

—

Стр. 132, сн. 14. „Пѣсни Владимірской губерніи“ собраны и изданы А. Смирновымъ. М. 1847; о нихъ см. Отеч. Зап. т. 53, отд. 6, стр. 118.

—

Стр. 134, сн. 13. Статья Погодина о прибытіи Царской фамиліи въ Москву помѣщена въ Москвитянинѣ 1849, т. 2, с. 102.

—

Стр. 249, сн. 1 и 2 „*отсутствіе пѣсни въ быту боярскомъ*“. Аксаковъ впослѣдствіи призналъ ея *присутствіе*, прочитавъ въ Русской бесѣдѣ (1860, т. 2) статью Кохановской: „*Остатки боярскихъ пѣсенъ*.

—

Стр. 280, св. 2. Не въ Отеч. Зап., а въ Библіотекѣ для Чтенія 1849, т. 98, стр. 1—55, 116 138.

—

Стр. 355, св. 6; „*45 мытарствъ*“; это шуточная гипербола; ихъ насчитываютъ только 20.

—

Стр. 361, св. 8 „*дычь*“—это шведское слово, неправильно написанное русскими буквами, надо: *дыъ*, съ нѣмецкаго dich—тебя.

—

Стр. 375, сн. 14: „*Новая повѣсть*“ Авдѣева называется „Ивановъ“, напечатана въ Современ. 1851, т. 29.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КО 2 ТОМУ.

Стр. 11, св 5. „*Какой травы, подумалъ онъ, не жалѣютъ*“! Здѣсь слово *онъ* лишнее; иначе—стиха не будетъ; или же, вмѣсто *подумалъ* надо поставить: онъ думалъ.

—

Стр. 24. св. 3. *Набьемъ мошну и выждемъ погодки*: опять стиха нѣтъ; пропущено слово: и выждемъ *лишь* погодки.

—

Стр. 29, сн. 5: „Слова, глаголъ, который груди... Здѣсь двѣ ошибки, нарушающія смыслъ; надо исправить такъ: Слова, глаголъ которыхъ груди...

—

Стр. 30, св. 2. *Сей вечеръ схоронятъ*—неполный стихъ, трехстопный; должно быть: *Тотъ вечеръ въ памяти хранятъ*.

—

Стр. 30, св. 12. *Да не стоитъ за тобой*, а слѣдуетъ: Да не стоитъ *и* за тобой.
Стр. 42, св. 10. „*Мокшанъ*“, опущено примѣчаніе: рѣчное судно на Мокшѣ.
Стр. 46, св. 6 пропущено: *царской*, св. 11 пропущено: *безъ суда*; на стр. 47 сн. 16 пропущено: *не по закону*.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Стр. XII, св. 11 и 12 приведенный текстъ находится въ 1 Посланіи ап. Петра, глава III, ст. 19.

—

Стр. 5, св. 17 и 18. *Если Максимовичъ ...заѣду къ нему*. Иванъ Сергѣевичъ точно заѣзжалъ къ нему и писалъ объ этомъ отцу, который извѣщалъ потомъ Максимовича: „*Очень радъ, что Ивану удалось побывать у васъ... Спасибо ему, онъ описалъ мнѣ подробно ваше житье-бытье*“ (Кіев. Старина 1883, № 4, с. 835); но письмо объ этомъ Ивана С. не сохранилось.

—

Стр. 42, св. 8. „Отношенія крестьянъ къ помѣщику въ Малороссіи *хуже*, чѣмъ въ Россіи у самаго лучшаго помѣщика“. Здѣсь видимая описка: и смыслъ рѣчи и самая жизнь показываютъ, что эти отношенія *лучше*....

—

Стр. 92, сн. 19, 18. Книга, о которой упоминается тамъ „Les steppes de la mer Caspienne“, написана французомъ Hommaire de Hell, издана въ 1844-45 г., въ 3-хъ томахъ, съ атласомъ, въ листъ, съ 31 гравюр. и 5 карт. Во французскомъ каталогѣ Вольфа, 1862, она отмѣчена: *Rare. 60 roubl.* (№ 5915).

—

Стр. 273, сн. 13. Вмѣсто *Николаевъ* должно стоять *Николевъ*; это одинъ изъ старыхъ литераторовъ (1758—1815), о которомъ весьма подробно разсказываетъ С. Т. Аксаковъ въ своей книгѣ „Разныя Сочиненія“, М. 1858, стр. 11—24, 274—275.

—

Стр. 287, св. 16, „*Ѳеклуша*“—это повѣсть Кулиша, появившаяся въ Р. Бесѣдѣ 1856, т. III.

—

Стр. 351, сн. 3. „*Семирамиды*“. Такъ шутливо называли въ московскомъ пріятельскомъ кружкѣ Записки Хомякова по Всеобщей Исторіи; въ томъ же 1860 году отрывокъ изъ нихъ былъ напечатанъ во 2-й книгѣ Р. Бесѣды.

—

Стр. 363, св. 17. „Братчина“. Такъ назывался Сборникъ, изданный въ 1860 году студентами Казанскаго университета, со статьею С. Т. Аксакова „*о бабочкахъ*“.

—

Стр. 366, сн. 5. Повѣсть Марка Вовчка, которую хвалитъ Иванъ Сергѣевичъ, напечатана въ Русск. Вѣстникѣ 1860, мартъ, кн. 1; она посвящена Т. II. Пассекъ.

—

Стр. 388, св. 6. „*Егора Антоновича*“ Томашевскаго, мужа Маріи Сергѣевны Аксаковой.

—

Стр. 391, св. 11. Пушкинская эпиграмма называется „*Жалоба*“; она помѣщена въ Сочиненіяхъ его, изд. Литературнаго Фонда, 1887, т. 1, ст. 282.

—

Стр. 396, св. 16. „*Василія Алексѣевича*“—Елагина, который уступилъ Обществу Любит. Р. Словесности изданіе пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ; онѣ вышли въ 6 выпускахъ М. 1860—1864 г.

—

Стр. 399, св. 6. *Замѣчанія на шестой докладъ*—докладъ Редакціонной Коммиссіи объ улучшеніи быта крестьянъ.

Стр. 464, св. 8. „*Статью Гильфердинга*“ — „Историческое право Хорватскаго народа“; помѣщена въ Р. Бесѣдѣ 1860, т. 1.

—

Стр. 486, сн. 14: *20 сентября*; это день рожденія Сергѣя Тимоѳеевича, а 25—его именины.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ 3 ТОМУ.

Стр. 96, сн. 14. *Крыжановскій*: это ошибка памяти Ив. С—ча: здѣсь разумѣется *Корженевскій Леонардъ Осиповичъ*, бывшій потомъ инспекторомъ Полтавскаго Института, человѣкъ весьма даровитый, переводчикъ трагедіи Шекспира „*Антоній и Клеопатра*, напечатанной въ изданіи Гербеля „Шекспиръ“, 1866 и 1876. (Въ третьемъ изданіи Шекспира, 1880 помѣщенъ уже новый переводъ—А. Л. Соколовскаго)

—

Стр. 100, св. 9. Стонутъ царемъ могучія основы: тутъ ни стиха, ни здраваго смысла. Должно быть: Стонутъ *царствъ* могучія основы.

—

Стр. 102, св. 3. Должно читать: „О, царства новаго разсвѣтъ!

—

Стр. 103, сн. 15. Слѣдуетъ быть: Какая сила...

—

Стр. 122, св. 5: *бойко*, до Каттаро. Грубѣйшая опечатка! Здѣсь разумѣется заливъ Адріатическаго моря—Бокко ди Каттаро.

—

Стр. 133, св. 13, 14 и 15. О владыкѣ Черногорскомъ Никанорѣ см. письма Моск митр. Филарета къ Антонію, ч. IV, 132, 146.

Стр. 146, отъ 13 строки снизу и далѣе страницы 148 и 149 составляютъ какъ бы комментарій къ стихотворенію, напечатанному на стр. 106—107, въ приложеніи къ настоящему тому.

— —

Указатель и дополненія составлены Ст. Ив. Пономаревымъ.

Болѣе значительныя опечатки.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Стр.			*Напечатано:*	*Должно быть.*
31,	св.	16:	16 лѣтъ	въ 16 лѣтъ
38,	сн.	13	чувствуя	чувствую
75,	св.	3	они все	они все таки
97,	сн.	5	о впечатлѣніи этихъ	.... отъ этихъ
117,	сн.	1	Христѣ	Христу
166,	сн.	2	См. прим. 1-е	См. *стр.* 42
295,	сн.	12	*Въ* это	*Все* это
878,	сн.	9	*Мы* получили	*Мы* получили
885	с.,	5	спасенья	забвенья
[illegible]	[illegible]	8	диспута	диспута

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

[illegible]	[illegible]	1	С. Мухановой	*М.* С. Мухановой.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

[illegible]	св.	5	Шаликова	Шаликова
[illegible]	сн.	7	Элабуевѣ	Хлобуевѣ
[illegible]	св.	10	Какъ не считали	Какъ *бы ни* считали
11[illegible],				
216,	сн.	18	При сей	При *всей*
250,	сн.	7	мною	мною

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

200,				
300,	сн.	13	Глядятъ	Глядятъ:
[illegible]*1*,	сн.	18	болѣе	болѣ
[illegible]0,	сн.	12	закона	закона,
[illegible],	сн.	7	М-ой	Миллеръ

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Стр.			*Напечатано:*	*Должно быть.*
[illegible]1,	сн.	2	пріостановило	пріостановила
[illegible]X,	св.	8	напечатать	написать.
[illegible]	сн.	12	приберите	приберегите.
[illegible]8,	св.	19	Силинъ	Селинъ
[illegible]9,	св.	20	Журовскимъ	Журавскимъ
[illegible]1,	сн.	10	Добижа	Дабижа
21,	сн.	7	Макрицкаго	Мокрицкаго.
34,	св.	1	Секиренцы	Сокиренцы
40,	сн.	20	Секиренцы	Сокиренцы
47,	сн.	7	*такъ* нибудь	какъ нибудь.
53,	сн.	10	Породонька	Порадонька
66,	св.	20	Гадачъ	Гадячъ
67,	сн.	18	Вормсѣ и Пелу	Ворсклѣ и Пелу
79,	св.	16	Вормежъ	Воронежъ
90,	сн.	12	Raglau	Raglan
97,	св.	1	*О*парина	*А*парина
98,	св.	8	*О*парина	*А*парина
„	сн.	8	*О*парина	*А*парина
115,	св.	4	Ѳ. *Е.*	Ѳ. *И.*
141,	сн.	20	хомстые	холостые.
146,	сн.	18	Квашино	Квашниной
153,	сн.	8	посвященъ	посвящаетъ
158,	св.	9	1885	1855
163,	сн.	5	весь	все
163,	сн.	4	предчувствуюшь	предчувствуешь
172,	сн	10	борзо	бардзо
172,	сн.	11	роды	рады
215,	сн.	11	уѣхалъ	уѣхать
218,	св.	12	Силина	Селина
„	„	„	Довбиджи	Дабижа
228,	св.	5	1855	1856
231,	сн.	9	горлашную	горлатную
249,	св.	8	Журовскій	Журавскій
285,	св.	4	сдѣлаюсь.	сдѣлаюсь
„	„	14	много	мною
307,	сн.	2	Прейрой	Перейрой
311,	сн.	9	Як.	Як(ушкинъ)
„	„	9	рада	радъ
353,	св.	1	Dolgoloff	Dolgopoloff
357,	св.	7	Булучьянскія	Балугьянскія
369,	сн.	10	*L*enker	*Z*enker
381,	св.	7	*S*emeinde	*G*emeinde
396,	сн.	11	пользы	пользъ
„	„	17	тебѣ что	тебѣ *есть* что
403,	сн.	17	Sibst....	Selbst....
403,	сн.	14	Бунтшли	Блунтшли
406,	св.	10	Бунтшли	Блунтшли

Стр.			Напечатано:	Должно быть.
412,	св.	7	*S*and	*L*and
„	„	21	согласенъ онъ	согласенъ *ли* онъ
412,	сн.	2	Fam*ä*lie	Fam*i*lie
415,	сн.	12	Fachmä*u*ner	Fachmä*n*ner
438,	св.	9	Просимъ, просимъ,	Просимо, просимо,
445,	св.	2	скромахѣ	сиромахѣ

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ

Стр.			Напечатано:	Должно быть.
5,	св.	21	а о какомъ	а тѣмъ болѣе о какомъ
6,	сн.	6	Он*о*	Он*а*
92,	сн.	9	Скал*е*на	Скал*о*на
93,	св.	5	По*л*енъ	Позенъ
98,	сн.	21,22	онъ не сталъ	он*и* не стал*и*
99,	сн.	8	объявивші*е*	объявившимъ
102,	св.	8	смотримъ	смотримо
103,	св.	10	*Р*ока	*П*ока
105,	сн.	8	добр*а*	добро
107,	сн.	10	31 мая	31 мая, *1860* г.
114,	св.	7	*Kaverna*	Kawiarnia (кофейная).
147,	св.	2	und ginevra	Lancelot und ginevra.
—	сн.	2	подробномъ	подобномъ
148,	св.	5	Боденштъ	Боденштедтъ
—	св.	17	Кладеродатѣ	Кладерадачѣ
—	сн.	10	so*l*en	so*ll*en
151,	св.	18	di*n* sonne sch*l*eint	di*e* S*o*nne *sche*int
152,	св.	14	Шамило	Шамисо
—	св.	5	Buntschly	Bluntschly

5.